

ISSN 2713-2021
Научный журнал

*Материалы по археологии и истории
античного и средневекового Причерноморья*

*Proceedings in Archaeology and History
of Ancient and Medieval Black Sea Region*

2019

№ 11

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья

№ 11

Москва Тюмень Нижний Новгород
2019

МГУ им. М. В. Ломоносова
Тюменский государственный университет
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Редактор-составитель М.М. Чореф

Редакция

- С.Ю. Сапрыкин — доктор исторических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор античного раздела
- А.Г. Еманов — доктор исторических наук, профессор, ТюмГУ, главный редактор средневекового раздела
- М.М. Казанский — Dr.habil., Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), зам. гл. редактора
- В.М. Лурье — доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН, зам. гл. редактора
- Д. Браунд — Dr.habil., Professor, University of Exeter
- Е.А. Молев — доктор исторических наук, профессор, ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Т. Сарновский — Dr.habil., Professor, Institute of Archaeology, University of Warsaw
- М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
- Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
- К.В. Мызгин — PhD in humanities, Institute of Archaeology, University of Warsaw
- А.А. Тюрк — PhD in History, Institute of Archaeology of Hungarian Academy of Sciences
- М.М. Чореф — кандидат исторических наук, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ответственный секретарь

Редакционный совет

- А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, председатель постоянного редакционного совета
- М.Д. Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории древнего Востока Института всеобщей истории РАН, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
- А.И. Романчук — доктор исторических наук, профессор, УрФУ им. Б.Н. Ельцина
- М.Г. Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
- Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, директор Археологического музея (г. Силистра, Болгария)
- А.Ж. Арутюнян — доктор исторических наук, Ереванский государственный университет
- Я.А. Бодзек — Dr.habil., Institute of Archaeology, Jagiellonian University
- Н.Н. Болгов — доктор исторических наук, профессор, НИУ «БелГУ»
- Н.А. Гаврилюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии НАН Украины
- И.В. Зайцев — доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН
- Л. Йованович — Dr.habil., Professor, American Public University System
- Ф. де Каллатай — Dr.habil., Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d’études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
- А.К. Кушкумбаев — доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
- Ю.М. Могаричев — доктор исторических наук, профессор, Институт археологии Крыма РАН
- И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», президент Ассоциации болгарских музеев
- Н.Д. Руссев — Dr.habil., Professor, Университет «Высшая антропологическая школа»
- С.А. Скорый — доктор исторических наук, профессор, Институт археологии НАН Украины
- С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
- В.Ф. Столба — Dr.habil., Aarhus University, Fellow of the Royal Danish Academy of Sciences and Letters
- О.В. Шаров — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
- С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГТУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
- Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
- С.С. Филипова — доктор истории, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
- К. Ерк — PhD in Philology, Jamia Millia Islamia University
- А.Л. Ермолин — PhD in History, Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
- М.А. Заразир — PhD in Archaeology (Islamic Numismatics), Sohag University
- Э. Минева — PhD in Philology, National & Kapodistrian University of Athens

Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187, г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия 628602
Тел./факс: +7 (964) 170-96-41, E-mail: choref@yandex.ru, Site: maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Издательство «Киммерия»

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

No. 11

**Moscow Tyumen Nizhni Novgorod
2019**

**Lomonosov Moscow State University
Tyumen State University
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod**

Editor-in-Charge M.M. Choref

Editorials Board

S.Ju. Saprykin	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Editor in Chief of the Ancient Section
A.G. Emanov	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Tyumen State University, Editor in Chief of the Medieval Section
Michel Kazanski	—	Dr.habil., Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 "The East and the Mediterranean Sea"), Deputy Chief Editor
Basil Lourié	—	Doctor of Philological Science, Professor, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund	—	Dr.habil., Professor, University of Exeter
E.A. Molev	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Tadeusz Sarnowski	—	Dr.habil., Professor, Institute of Archaeology, University of Warsaw
M.Ju. Treister	—	Dr. phil. habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
L.G. Khrushkova	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University
Kyrylo Myzgin	—	PhD in humanities, Institute of Archaeology, University of Warsaw
Attila Antal Türk	—	PhD in History, Institute of Archaeology of Hungarian Academy of Sciences
M.M. Choref	—	Candidate of Historical Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Executive secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
M.D. Bukharin	—	Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for the History of the Ancient East of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l'Oriente
A.I. Romanchuk	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Yeltsin Ural Federal University
M.G. Abramzon	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Philology and Foreign Languages of Novosibirsk State Technical University
G.G. Atanasov	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Museum of Archaeology (Silistra, Bulgaria)
H.Zh. Harutyunyan	—	Doctor of Historical Sciences, Yerevan State University
Jaroslav Artur Bodzek	—	Dr.habil., Institute of Archaeology, Jagiellonian University
N.N. Bolgov	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Belgorod National Research University
N.A. Gavriluk	—	Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Ancient Archaeology of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
Ljubica Jovanovic	—	Dr.habil., Professor, American Public University System
I.V. Zaytsev	—	Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Comparative Studies of Civilizations of the Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
François de Callatay	—	Dr.habil., Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
Ju.M. Mogarichev	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences
I.S. Prokopov	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, South-West University, President of the Bulgarian Museum Association
N.D. Russev	—	Dr.habil., Professor, High Anthropological School University
S.A. Skoryi	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
S.B. Sorochan	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Kharazin Kharkiv National University
V.F. Stolba	—	Dr.habil., Aarhus University, Fellow of the Royal Danish Academy of Sciences and Letters
O.V. Sharov	—	Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
S.A. Yatsenko	—	Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova	—	Doctor of History, Regional Historical Museum "Academician Yordan Ivanov", Kyustendil
R.A. Rabinovich	—	Doctor of History, High Anthropological School University
Kutluay Erk	—	PhD in Philology, Jamia Millia Islamia University
Alexander Iermolin	—	PhD in History, Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
Mahmoud Ahmad Zarazir	—	PhD in Archaeology (Islamic Numismatics), Sohag University
Evelina Mineva	—	PhD in Philology, National & Kapodistrian University of Athens

Address: 38 Omskaya Street, of. 187, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Russia 628602

Tel./fax: +7 (964) 170-96-41, **E-mail:** choref@yandex.ru, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Cimmeria Publishing

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Ж.Н. Матвишина (Киев, Украина), С.Д. Лысенко (Киев, Украина), А.Г. Пархоменко (Чернигов, Украина). Палеопедологические исследования многослойного поселения Кошечевка-8	11
С.А. Яценко (Москва, Россия). Пекторали иранских и иранизированных народов древности	33
В.Ю. Зуев (Санкт-Петербург, Россия). Третья серия зеркал борисфенитского типа (к вопросу о классификации массового археологического материала эпохи архаики)	73
М.Н. Дараган (Киев, Украина). О колчаных наборах скифов первой половины — середины V в. до н.э. (башневидный горизонт)	146
С.Н. Разумов (Тирасполь, Молдова), С.А. Фидельский (Тирасполь, Молдова), И.А. Четвериков (Тирасполь, Молдова), С.О. Симоненко (Тирасполь, Молдова). Бендерская крепость в XVI в. по данным археологических исследований	245

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

О.В. Вус (Львов, Украина). Юлиан Апостат. Персидский поход и загадка битвы у Туммара 26 июня 363 г.	271
--	-----

ХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Л.Г. Хрушкова (Москва, Россия). Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического	303
--	-----

ИСТОРИЯ

Е.А. Молев (Нижний Новгород, Россия). Митридат и Рим: «кто» был «кем» накануне Первой Митридатовой войны?	473
Natia Phiphia (Tbilisi, Georgia). King Pacorus/Bakur of Lazi	484
Е.А. Мехмадиев (Санкт-Петербург, Россия). Этнические перемещения в западных провинциях поздней Римской империи в IV в.: к вопросу об истории некоторых войсковых подразделений	491
А.Ж. Арутюнян (Ереван, Армения). Тридцать третья страна Всеобщей Азии по «Древнеармянской географии»: Арик (Ариана—Ария) или Парфия?	505
Н.Н. Болгов (Белгород, Россия), И.В. Зайцева (Белгород, Россия). Тиберий Юлий Дуптун — последний царь Боспора и политика императора Анастасия	517
А.Г. Еманов (Тюмень, Россия). Знаки идентичности моряков: по материалам портовых городов Генуэзской Газарии XIV—XV в.	527
А.В. Богатырев (Тольятти, Россия). Троянская война ассирийцев: редкое обозначение турецко-татарских войск в похвале Яну III Собескому	554

Д.А. Прохоров (<i>Симферополь, Крым</i>). Институализация юридического оформления сословной принадлежности караимов к купечеству и мещанству в конце XVIII — первой половине XIX в.	562
М.Д. Бухарин (<i>Москва, Россия</i>). Российская академия наук и судьба культурно-исторического наследия Крыма в 1917—1918 гг. (коллекции А.Л. Бертье-Делагарда)	572

НУМИЗМАТИКА

М.М. Чореф (<i>Нижний Новгород, Россия</i>). Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации	583
В. Borislavov (<i>Sofia, Bulgaria</i>), Е. Georgieva (<i>Sofia, Bulgaria</i>), I. Prokopov (<i>Sofia, Bulgaria</i>), М. Doychinova (<i>Sofia, Bulgaria</i>). Coin hoard from the rescue archaeological excavations at site 11Б — Chukovezer village Dragoman municipality. Comparative analysis with coin hoards from the region of the Southwestern Bulgaria	592

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Штефан Альбрехт (<i>Майнц, Германия</i>). «Καθρέπτης γυναικῶν» Константина Дапonte — путешествие в Крым в политических стихах (1746)	609
--	-----

ЭПИГРАФИКА

Д.В. Бондаренко (<i>Парутино, Украина</i>), М.В. Иващенко (<i>Саратов, Россия</i>). Амфорные клейма из зольника № 2 святилища Викторовка I в Нижнем Побужье	635
---	-----

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ

Н.Н. Болгов (<i>Белгород, Россия</i>). Рецензия на кн.: Арутюнян А.Ж. 2019. Столица Великой Армении Тигранакерт в контексте армяно-римско-ближневосточных межгосударственных отношений (296—301 гг.). Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ	649
Список сокращений	655
Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»	659

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

J.N. Matviyishyna (Kyiv, Ukraine), S.D. Lysenko (Kyiv, Ukraine), A.G. Parhomenko (Chernihiv, Ukraine). Paleopedological Studies of Multilayered Settlement Koshcheevka-8	11
S.A. Yatsenko (Moscow, Russia). Pectorals of the Iranian-speaking and Iranized Peoples in Antiquity	33
V.Yu. Zuev (Saint Petersburg, Russia). The Third Series of Borysthenes Type Mirrors (on the Classification of Mass Archaeological Material from the Archaic Era)	73
M.N. Daragan (Kyiv, Ukraine). On the Formation of Scythian Quiver Sets in the first half — middle of the 5th century BCE (tower-form horizon)	146
S.N. Razumov (Tiraspol, Moldova), S.A. Fidelsky (Tiraspol, Moldova), I.A. Chetverikov (Tiraspol, Moldova), S.O. Simonenko (Tiraspol, Moldova). Bendery fortress in the 16th century according to archaeological research	245

MILITARY HISTORY AND ARCHAEOLOGY

O.V. Vus (Lviv, Ukraine). Julian the Apostate. The Persian campaign and the riddle of battle at Tummar of June 26, 363	271
---	------------

CHRISTIAN ARCHAEOLOGY AND CHURCH HISTORY

L.G. Khrushkova (Moscow, Russia). Early Byzantine capitals from Tauric Chersonesus	303
---	------------

HISTORY

E.A. Molev (Nizhniy Novgorod, Russia). Mithridates and Rome: “Who” was “Who” on the eve of the First Mithridates War?	473
Natia Phiphia (Tbilisi, Georgia). King Pacorus/Bakur of Lazi	484
E.A. Mekhamadiev (Saint Petersburg, Russia). Ethnic movements in the western provinces of the late Roman Empire in the 4th century: on the history of certain military units	491
H.Zh. Harutyunyan (Yerevan, Armenia). The Thirty-third Country of Universal Asia on an “Ancient Armenian Geography”: Aric (Ariana—Aria) or Parthia?	505
N.N. Bolgov (Belgorod, Russia), I.V. Zaitseva (Belgorod, Russia). Tiberius Julius Duptun — The Last King of Bosphorus and policy of the emperor Anastasius	517
A.G. Emanov (Tyumen, Russia). Identity’s Signs of Sailors: on the Materials of the Port Cites in the Genoese Gazaria in the 14th — 15th Centuries	527
A.V. Bogatyrev (Tolyatti, Russia). Trojan War and the Assyrian People: Rare Designation of Turkish-Tatar Troops in Praise of Jan III Sobieski	554
D.A. Prokhorov (Simferopol, Crimea). Institutionalization of Legal Registration of the Independent Accessories of the Karaites to Merchants and wellbeing at the End of the 18th — at the First Half of the 19th Century	562

- M.D. Bukharin** (*Moscow, Russia*). Russian Academy of Sciences and the fate of cultural-historical heritage of Crimea in 1918—1919 (Collection of A.L. Berthier de la Garde) 572

NUMISMATICS

- M.M. Choref** (*Nizhniy Novgorod, Russia*). Bronze coins of Sauromates I with the bust of the ruler turned to the left on the obverse as a source of historical information 583
- B. Borislavov** (*Sofia, Bulgaria*), **E. Georgieva** (*Sofia, Bulgaria*), **I. Prokopov** (*Sofia, Bulgaria*), **M. Doychinova** (*Sofia, Bulgaria*). Coin hoard from the rescue archaeological excavations at site 11Б — Chukovezer village Dragoman municipality. Comparative analysis with coin hoards from the region of the Southwestern Bulgaria 592

HISTORICAL PHILOLOGY

- Stefan Albrecht** (*Mainz, Germany*). Καθρεπτης γυναικων of Constantine Dapontes — the trip to the Crimea in political verses (1746) 609

EPIGRAPHY

- D.V. Bondarenko** (*Parutino, Ukraine*), **M.V. Ivashchenko** (*Saratov, Russia*). Amphora stamps from cinder heap No. 2 of the Sanctuary Viktorovka I in Lower Bug Region 635

REVIEWS

- N.N. Bolgov** (*Belgorod, Russia*). Book Review: Harutyunyan A.Zh. 2019. The capital of Great Armenia is Tigranakert in the context of the Armenian-Roman-Middle Eastern interstate relations (296—301). Rostov-on-Don; Taganrog: “SFU” 649
- Abbreviations** 655
- Submissions** 659

Археология

Archaeology

УДК 903.5(477)+551.89
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00001

Ж.Н. Матвишина, С.Д. Лысенко, А.Г. Пархоменко

ПАЛЕОПЕДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ КОШЧЕВКА-8*

Статья посвящена анализу палеопочв многослойного поселения Кошчевка-8, расположенного в Фастовском районе Киевской области (позднее триполье, эпоха бронзы, древнерусский период).

За исторический период ландшафты данной территории не могли сильно измениться. Вероятно, что и в эпоху бронзы, как и в древнерусское время была развита обширная пойма (до 100 м шириной) р. Унавы, сформированы аллювиальные песчаные отложения I—II надпойменных террас. Песчаные и супесчаные отложения явились предпосылкой для формирования дерновых почв под травянистой (а не лесной) растительностью, но профили почв были короче современных. Интенсивная фаунистическая активность является дополнительным свидетельством того, что условия были благоприятными для занятия сельским хозяйством, водно-физические свойства почв улучшились благодаря их окультуриванию. Вероятно, как и сейчас, существовали открытые пространства, пригодные для сельскохозяйственного использования благодаря лёгкости их обработки. Мощные профили торфяно-болотных почв на поймах свидетельствуют о том, что они не могли сформироваться в короткое время и население древнего поселения могло использовать участки лугов на поймах для выпаса скота, а реку — для отлова рыбы. Человек выбирал место поселения ближе к водной артерии и с максимальным разнообразием ландшафтов, именно таким местом и является описываемая территория у с. Кошчевка.

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, эпоха бронзы, тшинский культурный круг, комаровская культура, палеопочвы, суббореал.

Сведения об авторах: Матвишина Жанна Николаевна¹, доктор географических наук, профессор, заведующая отделом палеогеографии Института географии НАН Украины; Лысенко Сергей Дмитриевич², кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века Института археологии НАН Украины; Пархоменко Александр Григорьевич³, кандидат географических наук, заведующий кафедрой географии Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: ¹01034, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 44, Институт географии НАН Украины; e-mail: dsp.paleo.geo@mail.ru; ²04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: suraganga@yandex.ru; ³14000, Украина, г. Чернигов, ул. Гетмана Полуботка, 53, Черниговский национальный педагогический университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: alex_parhomenko@mail.ru.

J.N. Matviyishyna, S.D. Lysenko, A.G. Parhomenko

PALEOPEDOLOGICAL STUDIES OF MULTILAYERED SETTLEMENT KOSCHEVKA-8

The Article analyzes the Paleosols Multilayered Settlement Koshchevka-8 (Later Trypillia, a Bronze Epoch, the Old Russian Period).

For the Historical Period Landscapes of the Given Territory couldn't change strongly. Possibly, as during a Bronze Epoch, as well as during Old Russian Time has been developed an extensive Flood Plain (to 100 m in Width) the Unavy Rivers, are generated Alluvial Sandy Adjourment I—II Floodplain Terraces. Sandy

* Статья поступила в номер 12 ноября 2019 г.
Принята к печати 2 декабря 2019 г.

and Sandy Adjournment were the Precondition for Formation of Cespitose Soils under Grassy (Instead of Wood) Vegetation, but Profiles of Soils were Shorter than the Modern. Intensive Faunistic Activity is the Additional Certificate of that Conditions were Favorable for Employment by Agriculture. Possibly, as well as now, there were Open Spaces, Suitable for Agricultural use thanks to Ease of their Processing. Powerful Profiles of Peat Bog Soils on Flood Plains testify that they couldn't be generated in a Short Space of Time and the Population of Ancient Settlement could use Sites of Meadows on Flood Plains for a Cattle Pasture, and the River — for catching of Fish. The Person always chose a Place of Settlement more close to a waterway and with the Maximum Variety of Landscapes, such Place and the described Territory at is Koscheevka Village.

Key words: Middle Dnieper, Bronze Age, Tshinets Cultural Circle, Komarov Culture, Paleosol, Subboreal.

About the authors: Matviishina Zhanna Nikolaevna¹, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Department of Paleogeography of Institute of Geography of National Academy of Sciences of Ukraine; Lysenko Sergey Dmitrievich², Candidate of Historical Sciences, Senior Research Worker of Department of Archaeology of Eneolith — Bronze Century of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Parhomenko Aleksandr Grigorevich³, Candidate of Geographical Sciences, Head of the Department of Geography of the T.G. Shevchenko Chernihiv National Pedagogical University.

Contact information: ¹01030, Ukraine, Kyiv, 44 Vladimirska St., Institute of Geography of National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: dsp.paleo.geo@mail.ru; ²04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhgradu, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: suraganga@yandex.ru; ³14000, Ukraine, Chernihiv, 53 Hetman Polubotko St., T. G. Shevchenko Chernihiv National Pedagogical University; e-mail: alex_parhomenko@mail.ru.

Одной из важнейших задач археологии на современном этапе, без решения которой невозможно комплексное изучение древних обществ, является изучение палеоландшафтов и палеоклимата. Использование палеопедологического метода в исследованиях почв позволяет реконструировать палеообстановки прошлого на основе знаний об экологических обстановках формирования почв.

Настоящая статья продолжает серию публикаций результатов исследований палеоландшафтов эпохи бронзы — раннего железного века Северного Причерноморья (Матвишина и др. 2005а; 2005b; 2008; 2010; 2011; 2013; 2016; 2018; Матвишина 2010; Матвишина, Пархоменко 2010; Лысенко и др. 2006а, 2006b; 2007; 2010; Лысенко 2011; 2017; Пархоменко 2007). В научный оборот вводятся результаты палеопедологических исследований, проведенных в 2008 г. на многослойном поселении Кошеевка-8, во время охранных раскопок Фастовской археологической экспедиции на территории Кошеевского гранитного карьера.

Памятник расположен в 1 км на юг от с. Кошеевка Фастовского района Киевской области (рис. 1), на террасе левого берега р. Унава (правый приток Ирпеня — правый приток Днепра) (рис. 2, 3). Впервые данная территория заселяется в период неолита. Неолитическая стоянка располагалась в юго-западной части памятника (участки 8 и 8+) и была практически полностью уничтожена строителями. Согласно определению Д.Л. Гаскевича, керамика неолитического поселения относится к киево-черкасскому варианту днепро-донецкой культуры и синхронна Триполью А—ВІ (5 тыс. до н.э.). Следующий этап заселения рассматриваемой территории относится к рубежу 4—3 тыс. до н.э. и представлен материалами и объектами поздне трипольской культуры этапа СІІ, с синкретическим керамическим комплексом, который несёт черты трояновской, городской и лукашѣвской локальных групп. Во второй половине 3 — первой половине 1 тыс. до н.э. на этом месте периодически возникают кратковременные стоянки, представленные материалами круга

культур шнуровой керамики (рис. 4: 1), культурного круга Бабино, комаровской культуры тшиньского культурного круга (ТКК) (рис. 4: 2), белорудовской культуры периода распада ТКК, раннескифского времени. С середины XI по середину XIII вв. тут непрерывно функционирует поселение и производственный центр древнерусского времени (Лысенко 2009; Лысенко, Квитницкий 2010; Лысенко и др. 2012; Кириленко, Лысенко 2015).

В районе с. Кошечевка р. Унава имеет широкую (около 100 м) пойму, на 1—1,2 м возвышающуюся над урезом воды. Поселение расположено на низких террасах р. Унава, возвышается на 6—8 м над урезом воды, аллювиальные отложения реки представлены слоистыми песками. Лишь в самой нижней части карьера прослежены почвенные отложения, нечетко выраженные, вероятно дофиновского или витачевского возраста, они в значительной степени гидроморфные.

В районе раскопа в юго-западной части памятника (участок 8+) исследовано 3 профиля почв, а также разрез плейстоценовых отложений (в основном песчаные отложения II—III террасы р. Унава. Для того, чтобы уточнить генезис почв было отобрано 12 образцов на микроморфологический анализ. Исследование образцов почв в тонких срезах (в шлифах) с ненарушенным строением дает возможность уточнить детали и признаки процессов, не выявленных другими методами, когда используется перемешанный материал с усредненными показателями.

Расчистка № 1 расположена на извилистой пойме р. Унава, в одной из рытвин в 50 м от реки под пышной луговой растительностью. На левобережье и правобережье проявляется высокая пойма. В профиле исследована гидроморфная темноцветная почва (рис. 5), в нижней части которой находился водоток для отвода грунтовых вод. Из почвы отобрано 2 образца на микроморфологический анализ. Сверху вниз профиль таков.

Нд — 0,0—0,07 м — в сухом состоянии темно-серый, слегка белесоватый, пронизан корнями растений, зернисто-комковато-рассыпчатый, перерыв червоточинами.

Неткgl — 0,07—0,4 м — сизовато-темно-серый, слегка белесоватый, зернисто-комковатый, рассыпчатый, слабо оглеен, пылевато-песчано-легкосуглинистый, супесчаный, поверхностно-оглеен, с корнями растений, переход и граница слабоволнистые.

Микростроение гумусового слабо солончаковатого горизонта: представлено на рис. 6: А—В — сложные микроагрегаты (1), «отмытые» микроучастки (2), отдельные сгустки и комочки гумуса (3) — результат деятельности червей; Г, Д — осветленные микроучастки с преимущественно диспергированным гумусом; Е — слабая пропитка плазмы микрокристаллическим кальцитом. Ув. 70, А—Д — ник.//, Е — ник.+.

В шлифе материал неравномерно окрашен (с чередованием светло-серых «отмытых» участков и темно-серых комочков, микростроение рыхлое, губчатое, гумус сосредоточен в сложных микроагрегатах до III—IV порядков, основу которых составляют темносерые первичные сгустки и комочки гумуса (0,03—0,05 мм в диаметре), рыхло упакованные друг относительно друга в сложных агрегатах. На некоторых микроучастках сложные агрегаты не прослежены, а видны только муллевые гумусированные сгустки и комочки, имеются «отмытые» микроучастки, гумус составляет до 60—70% площади шлифа, представлен в основном крупной пылью и отдельными окатанными зернами среднего песка. В скрещенных николях прослеживается пропитка массы микрокристаллическим кальцитом вследствие процесса рассоления (солончаковатость).

Thigl — 0,4—1,3 м — коричневат-темно-серый, рыхлый, с корнями растений, пылевато-песчаный легкий суглинок, переходный к супеси, зернисто-крупнокомковатый с прочными структурными отдельностями, слабо оглеен.

Микростроение средней и нижней частей профиля представлено на рис. 7: $A-B$ — слитость плазмы, диспергированный гумус, железисто-глинистые агрегаты (1); Γ — микростроение в поляризованном свете. Ув. 70, $A-B$ — ник./, Γ — ник.+.

В шлифах материал имеет более однородную окраску, масса слабо прокрашена гидрооксидами железа, гумусовый материал диспергирован и сосредоточен в темно-бурых комочках. Местами прослежены железисто-глинистые агрегаты — начальная форма формирования микроорштейнов, имеются сизые пятна оглеения. В поляризованном свете видно, что масса пропитана микрокристаллическим кальцитом более плотно, чем в вышележащем горизонте. Минеральный скелет составляет 60—70% площади шлифа, представлен в основном зернами крупной пыли.

В нижней части горизонта материал очень тёмный и торфянистый.

По характеру профиля, прокраске органикой почва близка к *торфяно-болотным*, солончаковатым, песчано-суглинистым, обогащенным органическим веществом. Присутствие пропитки карбонатов в верхней части профиля и солонцеватость средней, возможно связана с рассолением почвы.

Расчистка № 2 заложена в пределах юго-западной части древнего поселения, в обрыве (стенке карьера) на поверхности I—II террасы (рис. 8). В ней прослежены такие горизонты.

Nd — 0,0—0,15 м — сизовато-серый, рыхлый, с большим количеством корней растений, вероятно раньше это был пахотный горизонт, с присыпкой SiO_2 , пылевато-песчаный легкий суглинок—супесь, комковато-рассыпчатый.

Непах. — 0,15—0,5 м — коричневатого-темно-серый до черного, рыхлый, легкий суглинок-супесь, непрочный-комковато-рассыпчатый, с корнями растений, переход и граница постепенные, заметны по осветлению окраски.

Микростроение гумусового пахотного горизонта представлено на рис. 9: $A-B$ — диспергированный гумус, «отмытые» микроучастки; Γ — микростроение в поляризованном свете. Ув. 70, $A-B$ — ник./, Γ — ник.+.

В шлифе материал очень рыхлый, слабо прокрашен гумусом, светло-серый, развиты извилистые поры, гумус преимущественно диспергирован и не образует плотных сгустков, однако, есть и осветленные «отмытые» микроучастки. Зерна первичных минералов окружены пленками и оболочками. Минеральный скелет составляет до 80% площади шлифа, преобладают кварцевые зерна крупной пыли и $\frac{1}{3}$ площади шлифа занимают окатанные зерна среднезернистого песка. Бесструктурность и распорошенность материала вероятно связана с долговременным распаиванием.

Нр — 0,5—0,82 м — палево-серый, много червороин (в верхней части — черных, в нижней — желтовато-палевых).

Микростроение гумусово-переходного горизонта представлено на рис. 10: $A-B$ — прокраска плазмы диспергированным гумусом, гумус в форме простых микроагрегатов, згустков и комочков на отдельных микроучастках (1); Γ — микростроение в поляризованном свете. Ув. 70, $A-B$ — ник./, Γ — ник.+.

В шлифе материал светло-серый, несколько неоднородно окрашен, микростроение рыхлое, губчатое. Отмечаются микроучастки более интенсивно прокрашенные гумусом, где последний сосредоточен в виде сгустков и комочков, но прокраска гумусом массы слабая и он в основном диспергирован. Минеральный скелет составляет до 70—80% площади шлифа, масса выщелочена от карбонатов, преобладают зерна крупной пыли, зерна мелко- и среднезернистого песка.

Ph — 0,82—1,1 м — неоднородно окрашен из-за обилия червороин, мелкозернистый, супесчаный, с отдельными кротовинами, комковато-рассыпчатый.

Микростроение этого переходного к породе горизонта представлено на рис. 11: А—Г — микростроение рыхлое, среди зерен скелета преобладают крупные пыли и песка. Ув. 70, А—Г — ник.//.

В шлифе из материала переходного к породе горизонта масса светлая, серовато-палевая, очень рыхлая, слабо прокрашена диспергированным гумусом, в ней резко увеличено присутствие крупнозернистого песка. Микростроение губчатое с развитой сетью извилистых пор (до $\frac{1}{3}$ площади шлифа). В минеральном скелете преобладают зерна крупной пыли. Некоторые зерна первичных минералов — без пленок и оболочек, другие — окаймлены глинистыми пленками.

Р(h)al — 1,1—1,4 м — светло-серый, с затеками гумуса, супесь, перерыв червороинами, с обилием кротовин до глубины 2 м.

Микростроение переходного к породе горизонта представлено на рис. 12: А—Г — преобладание крупной пыли и песчаных зерен в скелете, глинисто-железистый микроорштейн (1). Ув. 70, А—Г — ник.//.

В шлифе из горизонта переходного к породе материал с глубины 1,3—1,4 м с признаками формирования на песчаном аллювии, с повышенной долей зерен песка в минеральном скелете, в общем, составляющем до 80% площади шлифа, масса рыхлая, разделена сетью извилистых пор, дезагрегирована, прослежен железистый микроорштейн неправильной формы диаметром 0,15 мм.

Р — 1,4—3 м — аллювиальная супесь, лессовидные отложения.

Микростроение почвообразующей породы (аллювиальной супеси) представлено на рис. 13: А—Б — зерна минерального скелета в плазме; В—Г — микростроение в поляризованном свете, нечетко прослеживается слабая пропитка материала мелкозернистым кальцитом. Ув. 70, А—Б — ник.//, В—Г — ник.+.

В шлифе прослеживается строение иллювия: рыхлая упаковка кварцевых зерен крупной пыли и песка, светло-серая окраска плазмы, пористость массы.

Характер профиля почвы с горизонтами Н, Не, Нр, Ph, Р(h), Pal, довольно глубокая прокраска материала гумусом с постепенными переходами между горизонтами, супесчаный или легкосуглинистый гранулометрический состав, большое количество кротовин и червороин, позволяют определить почву как *дерновую*, среднегумусную.

Расчисткой № 2 был частично перекрыт край профиля ямы объекта № 17 (жилище древнерусского времени, вторая половина XII—XIII вв.), перерезанного котлованом карьера; сохранился только западный угол объекта. Сохранившаяся длина западной стенки — до 3,6 м, северной — до 4 м. Уровень фиксации по разрезу — 0,28 м; уровень залегания пола — 1—1,2 м. На глубине 0,56 м, среди кусков печины и фрагментов горшков, обнаружены свинцовый нателный крестик и обломок плинфы. Под западной стенкой на глубине 0,9 м горизонтально лежала амфорка киевского типа с отбитым горлышком. Из заполнения происходят фрагменты древнерусских сосудов, амфорный бой, кости животных; найдены фрагмент стенки стеклянного сосуда, железный нож, 2 фрагмента туфовых жерновов, оселок из мелкозернистого сланца. В заполнении объекта также обнаружены фрагмент стенки неолитического сосуда, несколько фрагментов керамики восточнотрипольской культуры и эпохи поздней бронзы (тшинецкого и белогрудовского типов).

Материал заполнения ямы объекта — темно-серый, легкосуглинистый, что является свидетельством распространения в то время также дерновых почв (с более темным гумусовым горизонтом, в сравнении с современным, но более коротким профилем (без последующих наслоений). Глубокое положение кротовин также может быть косвенным свидетельством не лесного, а степного или лугового генезиса.

Антропогенное влияние проявляется в увеличении мощности профиля в связи с дополнительным поступлением органики, связанной с хозяйственной деятельностью человека, а возможно, и внесением органических удобрений. Почва могла быть использована для сельскохозяйственных целей, так как достаточно гумусирована и обладает удовлетворительными водно-физическими свойствами.

Расчистка № 3 продолжает расчистку № 2, в ней описаны террасовые аллювиальные отложения, по поверхности которых сформировалась дерновая почва. Слои супеси и песков таковы.

2,1—3,8 м — грязно-светло-серая, рыхлая, мелкозернистая супесь, горизонтально-слоистая, в нижней части над линзой песка выделения карбонатов в виде мелких конкреций.

3,8—4,0 м — линза рыхлого светло-бурого песка с марганцевой пунктацией и вкраплением карбонатов.

4,0—4,7 м — озерная супесь, включающая повышенное содержание ила, рассыпчатая, ниже 4,3 м карбонаты исчезают и масса выщелочена.

4,7—6,0 м — грязно-светло-серая супесь с марганцевыми пятнами (до уровня площадки карьера).

Расчистка № 4 расположена на высокой ровной поверхности I террасы, в центральной части юго-восточного среза участка 8+, в 5 м от края карьера, в 50 м от расчистки № 2. Сверху вниз профиль имеет такие горизонты (рис. 14).

Nd — 0,0—0,05 м — светло-серая супесь, интенсивно пронизана корнями растений.

He (пах.) — 0,05—0,2 м — серый до темно-серого, рыхлый, по сухой стенке сизоватый от присыпки SiO₂, комковато-порошистый, с непрочной структурой, однородно окрашен.

Микростроение гумусового горизонта представлено на рис. 15: А—Г — рыхлая упаковка зерен минерального скелета в плазме, первичные (1) и сложные (2) микроагрегаты, «отмытые» микроучастки (3), микроорштейн (4); Д — микростроение в поляризованном свете. Ув. 70, А—Г — ник.//, Д — ник.+.

В шлифе материал имеет рыхлое губчатое строение с развитой сетью извилистых пор. Масса слабо прокрашена гумусом и местами он концентрируется в виде сгустков и комочков, а иногда образует и более крупные микроагрегаты до II—III порядков. Концентрация гумуса в шлифе неравномерная, мулевый гумус преимущественно диспергирован и прослеживаются «отмытые» микроучастки с относительным накоплением зерен кварца. Масса выщелочена от карбонатов. Минеральный скелет составляет до 70—80% площади шлифа, представлен крупной пылью и окатанными зернами песка с пленками и оболочками. Единично встречаются мелкие (до 0,15 мм) микроорштейны и пятна (мелкие) гидрооксидов марганца. Некоторые из песчаных зерен достигают размеров до 0,3 мм.

He — 0,2—0,4 м — подпахотная часть гумусового горизонта, слабо уплотнен, рыхлый, с поверхностным оглеением, супесчаный или легкий суглинок, комковато-рассыпчатый, пронизан корнями растений, переход и граница постепенные по очень светлому осветлению окраски.

Микростроение гумусового горизонта (в плантажной части) представлено на рис. 16: А—В — слабая прокраска плазмы диспергированным гумусом, «отмытые» микроучастки, микроорштейны и окаймление зерен скелета железисто-марганцевыми пленками (2); Г — микростроение в поляризованном свете. Ув. 70, А—В — ник.//, Г — ник.+.

В шлифе материал светло-серый, зерна минерального скелета рыхло упакованы в плазме, хотя имеют глинистые оболочки, интенсивно развита сеть разветвленных пор. Гумус слабо прокрашивает плазму, в основном диспергирован. Встречаются железисто-марганцевые микроорштейны и точечные выделения гидрооксидов марганца. Масса

выщелочена от карбонатов. Минеральный скелет составляет до 70—80% площади шлифа, представлен крупной пылью с единичными зернами окатанного песка.

Нр — 0,4—0,65 м — серый, пылевато-песчаный легкий суглинок-супесь, комковато-рассыпчатый, с единичными слабо заметными кротовинами, книзу осветляется.

Микростроение гумусово-переходного горизонта представлено на рис. 17: А—Г — рыхлая упаковка зерен скелета в плазме, первичные микроагрегаты (1), сложные микроагрегаты (2), осветленные микроучастки. Ув. 70, А—Г — ник.//.

В шлифе из переходного горизонта зерна минерального скелета рыхло упакованы в плазме, микростроение губчатое и развита сеть извилистых пор. Плазма слабо прокрашена гумусом, он диспергирован, но прослеживаются также первичные микроагрегаты в виде сгустков и комочков гумуса до 0,02—0,05 мм в диаметре, местами они образуют овальные агрегаты до II—III порядков (таких агрегатов мало), видны осветленные «отмытые» микроучастки. Минеральный скелет составляет до 70—80% площади шлифа, в основном это крупная пыль и окатанные зерна песка разных размеров.

Ph — 0,65—1,0 м — перемешанный материал, палево-светло-серый, с кротовинами.

Микростроение переходного к породе горизонта представлено на рис. 18: А—В — рыхлая упаковка зерен скелета в плазме, овальные глинистые агрегаты (1), железистые пленки вокруг зерен скелета (2); Г — микроорштейн в плазме; Д — микростроение в поляризованном свете, карбонатно-глинистые пленки (3). Ув. 70, А—Г — ник.//, Д — ник.+.

Шлиф из горизонта породы отличается более светлой палевой окраской, почти не прослеживаются гумусовые агрегаты, а масса более однородно окрашена, в целом увеличено количество зерен песка, некоторые зерна без пленок и оболочек. Края некоторых пор оконтурены бурыми пленками гидрооксидов железа, а в скрещенных николях видны концентрации более тонких глинистых частиц вокруг пор и их чешуйчатая или нечетко-концентрическая ориентировка (возможно в глинистых пленках имеется и микрокристаллический кальцит). Отмечены нечеткие округло-овальные образования глин, включающие зерна пыли (до 0,2—0,3 мм).

Р(н) — 1,0—1,4 м — светлосерая супесь, перерыта кротовинами, с червороинами.

В шлифе материала с глубины 1,2—1,3 м четко видна супесчаность грансостава с рыхлой упаковкой зерен скелета и системой разветвленных пор. Однако, в этом горизонте механический состав еще более облегчен. Материал очень светлый, светлосерый или палевый, с сизыми пятнами, отдельными плотными темно-бурыми железистыми микроорштейнами диаметром до 0,3 мм, включающем зерна кварца; некоторые более мелкие микроорштейны (0,15 мм) имеют концентрическое строение. Прослежены разных размеров (от 0,1 до 1 мм) округлые суглинистые образования рыхлого строения с зернами скелета. Минеральный скелет занимает до 80% площади шлифа, представлен крупной пылью и полуокатанными зернами песка.

Профиль почвы, описанной в расчистке №4 очень похож на почву в расчистке № 2. Наличие таких признаков почвы как супесчаный грансостав, глубокая гумусированность профиля с постепенными переходами между горизонтами, постепенное облегчение мехсостава книзу, наличие кротовин, агрегированность с незначительным количеством сложных агрегатов, сосредоточение гумуса в основном в гумонах и наличие диспергированных форм гумуса позволяют отнести эту почву к типу **дерновых**, легкосуглинистых, глубоко выщелоченных и среднегумусных. Глубокое гумусирование профиля сближает эти почвы с луговыми, однако легкий мехсостав не способствует развитию процессов оглеения. Почва, как и в расчистке №2 находится в зоне древнего

поселения и, очевидно, также частично изменена воздействием человека (стала более гумусирована, с увеличенной мощностью).

Выводы. За исторический период ландшафты данной территории не могли сильно измениться. Вероятно, что и в эпоху бронзы, как и в древнерусское время была развита обширная пойма (до 100 м шириной) р. Унавы, сформированы аллювиальные песчаные отложения I—II надпойменных террас. Песчаные и супесчаные отложения явились предпосылкой для формирования дерновых почв под травянистой (а не лесной) растительностью, но профили почв были короче современных. Интенсивная фаунистическая активность является дополнительным свидетельством того, что условия были благоприятными для занятия сельским хозяйством, водно-физические свойства почв улучшились благодаря их окультуриванию. Вероятно, как и сейчас, существовали открытые пространства, пригодные для сельскохозяйственного использования благодаря легкости их обработки. Мощные профили торфяно-болотных почв на поймах свидетельствуют о том, что они не могли сформироваться в короткое время и население древнего поселения могло использовать участки лугов на поймах для выпаса скота, а реку — для отлова рыбы. Понятно, что человек выбирал место поселения ближе к водной артерии и с максимальным разнообразием ландшафтов, именно таким местом и является описываемая территория у с. Кощеевка.

Литература

- Кириленко О.С., Лысенко С.Д. 2015. Особливості керамічного комплексу пізньотрипільського поселення Кошівка-8. В: Відейко М.Ю. (упоряд.). *Відкриття трипільської культури — 120 років досліджень. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції присвяченої 120-й річниці відкриття Трипільської культури в Україні, 21-22 листопада 2013 року*. Трипілля: КЗ КОР Київський обласний археологічний музей, 57—88.
- Лысенко С.Д. 2009. Комплекс тшинецького культурного круга у с. Кощеевка на Фастовщині. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 9, 263—269.
- Лысенко С.Д. 2011. Палеоландшафты Киевского Поднепровья в эпоху бронзы — начало раннего железного века. В: Коваленко О.В. (відп. ред.). *Інтеграція археологічних та палеогеографічних досліджень. Матеріали науково-практичного семінару (Сторожове, 10-12 серпня 2010 р.)*. Полтава: ПНПУ, 38—43.
- Лысенко С.Д. 2017. Екологічний базис тшинецького культурного кола. В: Терпіловський В.Ф. (гол. ред.). *Vita Antiqua*. № 9. *Людина і Ландшафт. Первісна археологія Східної Європи*. Київ: Центр палеоетнологічних досліджень ім. Хв. Вовка, 222—231.
- Лысенко С.Д., Квитницький М.В. 2010. Новые данные об освоении Поросья в свете археологических исследований поселения XI—XIII вв. возле с. Кощеевка. В: Плотникова А.М. (упоряд.). *Старожитності Вишгородщини. Збірка тез, доповідей і повідомлень 15-ї науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого» (28-29 травня 2009 р. м. Вишгород)*. Вишгород: Вишгородський історико-культурний заповідник, 55—65.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Литвинова Л.В., Гаскевич Д.Л., Балко А.И. 2006. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2005 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2004—2005*. Запоріжжя: Дике Поле, 258—264.
- Лысенко С.Д., Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Бондарь К.М., Тимофеева Ж.Б., Балко А.И. 2006. Предварительные исследования Могилы Лядвига. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2004—2005*. Запоріжжя: Дике Поле, 265—273.
- Лысенко С.Д., Матвишина Ж.Н., Александровский А.Л., Пархоменко А.Г., Балко А.И., Кириленко А.С. 2007. Исследования Могилы Лядвига в 2006 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2005—2007*. Запоріжжя: Дике Поле, 276—280.
- Лысенко С.Д., Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Бондарь К.М. 2010. Могила Лядвига — «царский» курган времени скифской архаики на Фастовщині (по результатам исследований 2005—2006 гг.). В: Лысенко С.Д. (відп. ред.). *Прес-музей*. № 26—27 (за 2007 р.). *Археологічні*

- пам'ятки Фастівщини: Матеріали та дослідження. До 75-річчя від дня народження Надії Михайлівни Кравченко. Фастів: ФДКМ, 65—90.
- Лысенко С.Д., Шкляревский Е.И., Квитницкий М.В., Черновол Д.К. 2012. Многослойное поселение Кошчевка-8. Материалы Фастовской археологической экспедиции. Вып. 1. Киев; Фастов: ФГКМ.
- Матвіїшина Ж.М. (ред.). 2010. Просторово-часова кореляція палеогеографічних умов четвертичного періоду на території України. Київ: Наукова думка.
- Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Бондарь К.М., Лисенко С.Д. 2005а. Палеопедологічні дані та магнітна сприйнятливості деяких ґрунтів на поселенні Ходосівка (ур. Діброва). В: Лисенко С.Д. (відп. ред.). *Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею*. Київ; Фастів: ФДКМ, 215—228.
- Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. 2005б. Палеопедологічне вивчення голоценових відкладів археологічних пам'яток Середнього Подніпров'я (на прикладі Малополовецького археологічного комплексу). В: Пилипенко І.О. (відп. ред.). *Регіональні проблеми України: географічний аналіз та пошук шляхів вирішення*. Херсон: ПП Вишемирський, 28—32.
- Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. 2006. Археологічні пам'ятки Київщини і природні умови проживання людини. *Київський географічний щорічник* 6, 82—101.
- Матвіїшина Ж.М., Лисенко С.Д., Пархоменко О.Г. 2008. Результати палеопедологічного дослідження пам'яток Малополовецького археологічного комплексу в 2007 р. *Археологія* 4, 18—26.
- Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г. 2010. Палеопедологическое исследование кургана у хут. Берёзовка Макаровского района Киевской области. *Археологія і давня історія України* 2, 57—68.
- Матвіїшина Ж.М., Дмитрук Ю.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. 2011. Використання палеопедологічного аналізу для оцінки екологічного стану ландшафтів у кризових регіонах. *Географія. Економіка. Екологія. Туризм: Регіональні студії. Збірник наукових праць* 5, 143—157.
- Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Лысенко С.Д., Макарович П. 2013. Запись природной среды в курганном могильнике Верхнего Поднестровья (на примере исследованного курганного могильника Буковна в 2012 г.). В: Біланюк В.І., Іванов Є.А. (відп. ред.). *Географічна наука і практика: виклики епохи. Міжнародна наукова конференція, присвячена 130-річчю географії у Львівському університеті (Львів, 16-18 травня 2013 р.)*. Т. 2. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 225—225.
- Матвишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Синика В.С. 2016. Палеопедологические исследования курганов у с. Глиное. *МАІАСП* 8, 11—45.
- Матвіїшина Ж.Н., Лисенко С.Д., Пархоменко О.Г. 2017. Палеопедологічні дослідження Буківнянського могильника. В: Терпіловський В.Ф. (гол. ред.). *Vita Antiqua. № 9. Людина і Ландшафт. Первісна археологія Східної Європи*. Київ: Центр палеоетнологічних досліджень ім. Хв. Вовка, 232—250.
- Матвишина Ж.Н., Лысенко С.Д., Пархоменко А.Г. 2018. Палеопедологические исследования курганов у с. Буковна в Прикарпатье. *МАІАСП* 10, 11—76.
- Пархоменко О.Г. 2007. *Розвиток голоценових ґрунтів Середнього Придніпров'я*. Автореф... канд. геогр. наук. Київ.

References

- Kyrylenko, O.S., Lysenko, S.D. 2015. In: Videyko, M.Yu. (ed.). *Vidkryttya trypil's'koyi kul'tury — 120 rokiv doslidzhen'. Materialy Vseukrayins'koyi naukovoї konferentsiyi prysvyachenoyi 120-y richnytsi vidkryttya Trypil's'koyi kul'tury v Ukraini, 21-22 lystopada 2013 roku (Opening of Trypillia Culture — 120 Years of Research. Proceedings of the All-Ukrainian Scientific Conference on the 120th Anniversary of the Opening of Trypillia Culture in Ukraine, November 21-22, 2013)*. Trypillia: “KZ KOR Kyiv's'kyi oblasnyy arkeologichnyy muzey”, 57—88 (in Ukrainian).
- Lysenko, S.D. 2009. In *Materialy ta doslidzhennya z arkeologiyi Skhidnoyi Ukrainy (Materials and Research in Archaeology of Eastern Ukraine)* 9, 263—269 (in Russian).
- Lysenko, S.D. 2011. In: Kovalenko, O.V. (ed.). *Integratsiya arkeologichnykh ta paleogeografichnykh doslidzhen'. Materialy nauково-praktychnoho seminaru (Storozhove, 10-12 serpnia 2010 r.) (Integration of Archaeological and Paleogeographic Studies. Proceedings of the Scientific-Practical Seminar (Storozhovo, August 10-12, 2010))*. Poltava: “PNPU”, 38—43 (in Russian).

- Lysenko, S.D. 2017. In: Terpilovskiy, V.F. (ed.). *Vita Antiqua*. No. 9. *Ljudina i Landshaft. Pervisna arheologija Shidnoi Evropi (Man and Landscape. Initial Archeology of Hellenic Europe)*. Kyiv: "Centr paleoetnologichnih doslidzhen' im. Hv. Vovka", 222—231 (in Ukrainian).
- Lysenko, S.D., Kvytnytskyi, M.V. 2010. In: Plotnykova, A.M. (ed.). *Starozhytnosti Vyshgorodshchyny. Zbirka tez, dopovidey i povidomlen' 15-yi naukovo-praktychnoyi konferentsiyi, prysvyachenoyi "Dnyu pam'yati Yaroslava Mudroho" (28-29 travnya 2009 r. m. Vyshhorod) (Antiquities of the Vyshgorod Region. Collection of Abstracts, Reports and Messages of the 15th Scientific and Practical Conference dedicated to the "Memorial Day of Yaroslav the Wise" (May 28-29, 2009 in Vyshgorod))*. Vyshhorod: "Vyshhorods'kyy istoryko-kul'turnyy zapovidnyk", 55—65 (in Ukrainian).
- Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, A.G., Lytvynova, L.V., Gaskevych, D.L., Balko, A.I. 2006a. In: Gavrylyuk, N.O. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2004—2005 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2004—2005)*. Zaporizhzhya: "Dyke Pole" Publ., 258—264 (in Russian).
- Lysenko, S.D., Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, A.G., Bondar, K.M., Tymofeeva, J.B., Balko, A.I. 2006b. In: Gavrylyuk, N.O. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2004—2005 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2004—2005)*. Zaporizhzhya: "Dyke Pole" Publ., 265—273 (in Russian).
- Lysenko, S.D., Matviyishyna, J.N., Aleksandrovskiy, A.L., Parkhomenko, A.G., Balko, A.I., Kyrylenko, A.S. 2007. In: Gavrylyuk, N.O. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2005—2007 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2005—2007)*. Zaporizhzhya: "Dyke Pole" Publ., 276—280 (in Russian).
- Lysenko, S.D., Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, A.G., Bondar, K.M. 2010. In: Lysenko, S.D. (ed.). *Pres-muzei (Press Museum)*. No. 26—27 (2007). *Arkheologichni pam'yatky Fastivshchyny: Materialy ta doslidzhennya. Do 75-richchya vid dnya narodzhennya Nadiyi Mykhaylivny Kravchenko (Fastov Region Archaeological Sites: Materials and Research. To the 75th Anniversary of the Birthday of Nadezhda Mikhaylovna Kravchenko)*. Fastiv: "FDKM", 65—90 (in Russian).
- Lysenko, S.D., Shklyarevskiy, E.I., Kvytnytskyi, M.V., Chernovol, D.K. 2012. *Mnogosloynoe poselenye Kosheevka-8. Materyaly Fastovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Multilayered Settlement Kosheevka-8. Materials of the Fastov Archaeological Expedition)*. Iss. 1. Kiev; Fastov: "FHKM" (in Russian).
- Matviyishyna, J.N. (ed.). 2010. *Prostorovo-chasova korelyatsiya paleogeografichnykh umov chetvertynnoho periodu na terytoriyi Ukrayiny (Spatio-Temporal Correlation of Paleogeographic Conditions of the Quaternary in Ukraine)*. Kyiv: "Naukova dumka" (in Ukrainian).
- Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, O.G., Bondar, K.M., Lysenko, S.D. 2005a. In: Lysenko, S.D. (ed.). *Problemy arkheologiyi Seredn'oho Podniprovia: Do 15-richchya zasnuvannya Fastivs'koho derzhavnoho kraysnavchoho muzeiu (Problems of Archaeology of the Middle Dnieper Region: To the 15th Anniversary of the Foundation of the Fastiv State Museum of Local History)*. Kyiv; Fastiv: "FDKM", 215—228 (in Ukrainian).
- Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, O.G., Lysenko, S.D. 2005b. In: Pylypenko, I.O. (ed.). *Regional'ni problemy Ukrayiny: geohrafichnyy analiz ta poshuk shlyakhiv vyrishennya (Regional Problems of Ukraine: Geographical Analysis and Search for Solutions)*. Kherson: "PP Vyshemyr'skyy", 28—32 (in Ukrainian).
- Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, O.G., Lysenko, S.D. 2006. In *Kyivs'kyy geohrafichnyy shchorichnyk (Kiev Geographic Yearbook)* 6, 82—101 (in Ukrainian).
- Matviyishyna, J.N., Lysenko, S.D., Parkhomenko, O.G. 2008. In *Arkheologiya (Archaeology)* 4, 18—26 (in Ukrainian).
- Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, O.G. 2010. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2, 57—68 (in Russian).
- Matviyishyna, J.N., Dmytruk, Yu.M., Parkhomenko, O.G., Lysenko, S.D. 2011. In *Geohrafiya. Ekonomika. Ekolohiya. Turyzm: Rehional'ni studiyi. Zbirnyk naukovykh prats' (Geography. Economy. Ecology. Tourism: Regional studios. Collection of Scientific Works)* 5, 143—157 (in Ukrainian).
- Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, A.G., Lysenko, S.D., Makarovych, P. 2013. In: Bilanyuk, V.I., Ivanov, E.A. (eds.). *Geografichna nauka i praktyka: vyklyky epokhy. Mizhnarodna naukova konferentsiya, prysvyachena 130-richchyu heohrafiyi u L'vivskomu universyteti (L'viv, 16-18 travnya 2013 r.) (Geographical Science and Practice: the Challenges of the Era. International Scientific Conference on the 130th Anniversary of Geography at Lviv University (Lviv, May 16-18, 2013))*. Vol. 2. Lviv: "Vydavnychyy tsentr LNU im. I. Franka", 225—225 (in Russian).

- Matviyishyna, J.N., Parkhomenko, A.G., Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 11—45 (in Russian).
- Matviyishyna, J.N., Lysenko, S.D., Parkhomenko, O.G. 2017. In: Terpilovskiy, V.F. (ed.). *Vita Antiqua*. No. 9. *Ljudina i Landshaft. Pervisna arheologija Shidnoi Evropi (Man and Landscape. Initial Archeology of Hellenic Europe)*. Kyiv: “Centr paleoetnologichnih doslidzhen' im. Hv. Vovka”, 232—250 (in Ukrainian).
- Matviyishyna, J.N., Lysenko, S.D., Parkhomenko, A.G. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 11—76 (in Russian).
- Parkhomenko, O.G. 2007. Development of Holocene Soils of the Middle Dnepr Region. PhD Thesis. Kyiv.

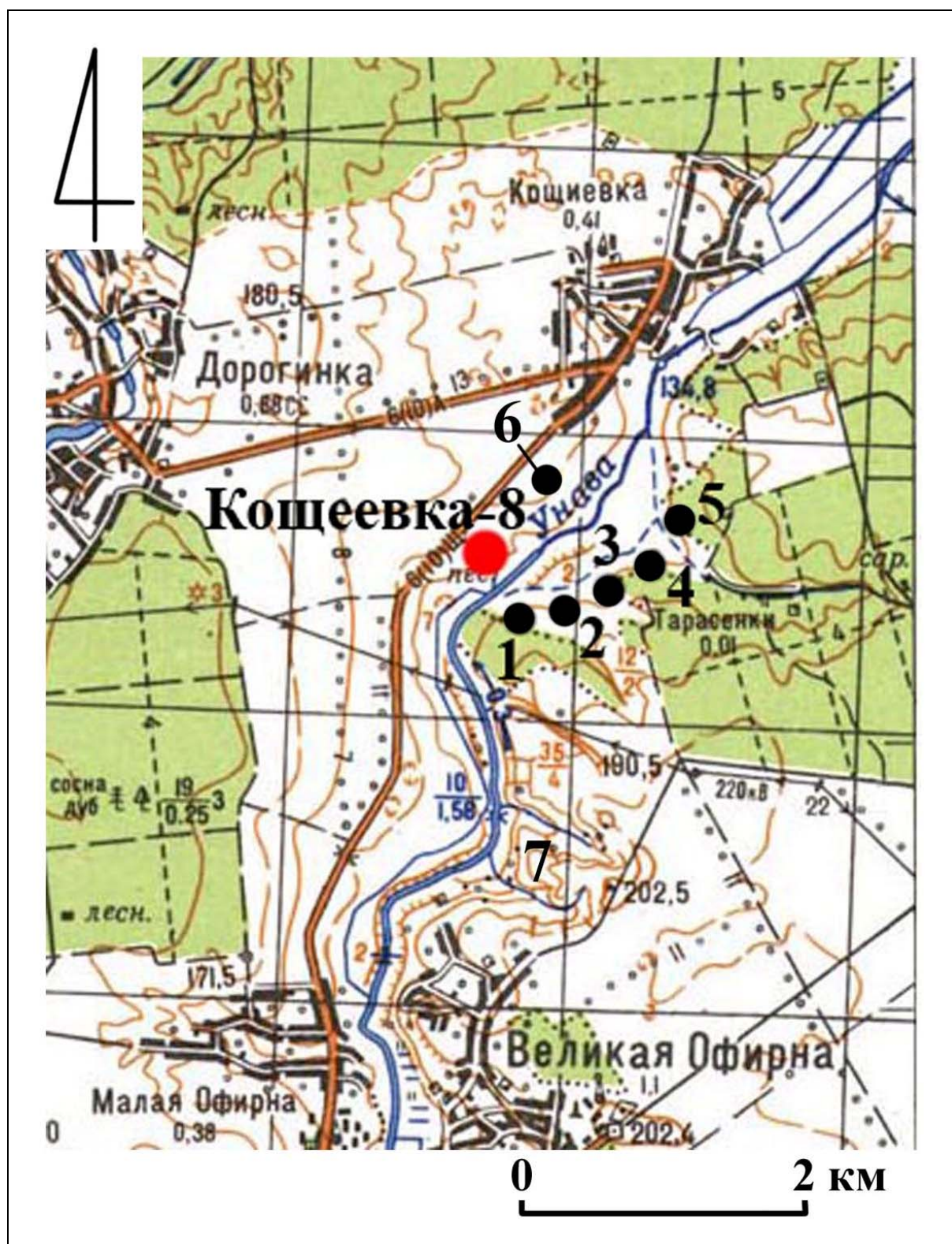

Рис. 1. Ситуационный план расположения археологических памятников, исследованных в 2008 г. к югу от с. Кошеевка: 1—5 — Тарасенки-1, 2, 3, 4, 5; 6 — Кошеевка-3; 7 — Великая Офирна-1; красным кружком обозначено многослойное поселение Кошеевка-8.

Fig. 1. Situational Plan for the Location of Archaeological Sites explored in 2008 South of the Koscheevka Village: 1—5 — Tarasenki-1, 2, 3, 4, 5; 6 — Koscheevka-3; 7 — Great Ophirna-1; Red Circle indicates the Multilayered Settlement Koscheevka-8.

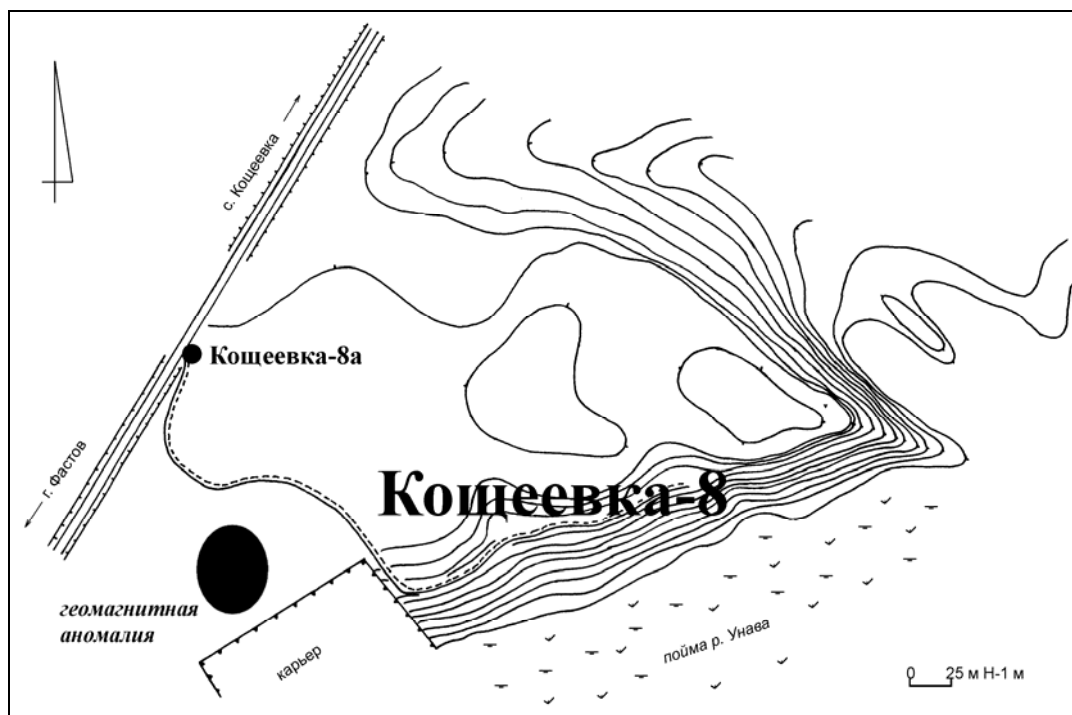

Рис. 2. Поселение Кошчевка-8 и могильник Кошчевка-8а, топографический план.

Fig. 2. Settlement Koshcheevka-8 and Burial Ground Koshcheevka-8a, Topographic Plan.

Рис. 3. Поселение Кошчевка-8, вид с юга, из поймы р. Унава.

Fig. 3. Settlement Koshcheevka-8, View from the South, from the Floodplain of the Unava River.

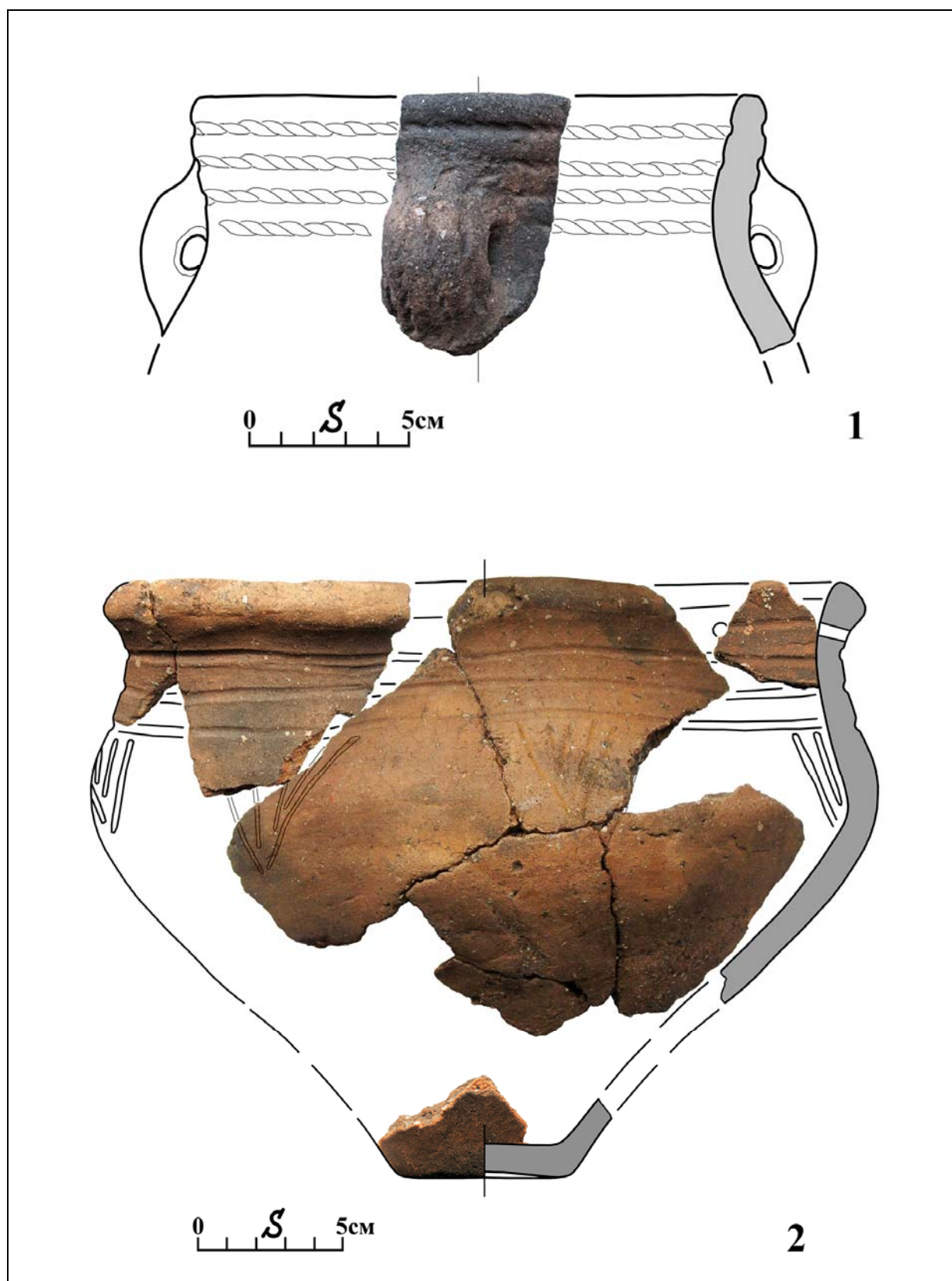

Рис. 4. Кошчевка-8. Сосуды круга культур шнуровой керамики (1) и тшинецкого культурного круга (2).

Fig. 4. Koscheevka-8. Vessels of a Circle of Cultures of Cord Ceramics (1) and Tshinetsky Cultural Circle (2).

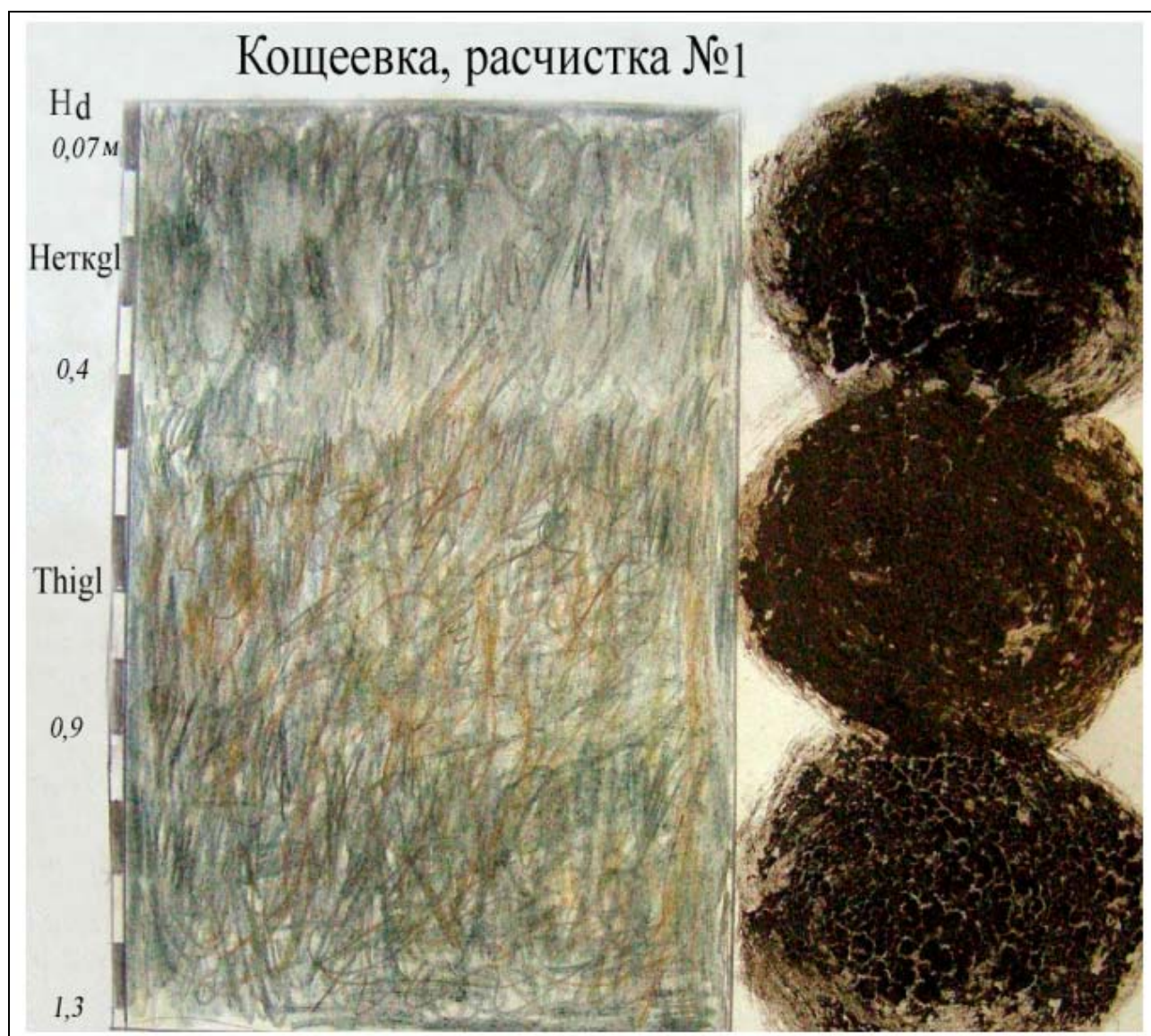

Рис. 5. Генетические горизонты почвы в расчистке № 1: цветная полевая зарисовка с примазками естественного материала.

Fig. 5. Genetic Horizons of the Soil in Clearing No. 1: Color Field Sketch with Smears of Natural Material.

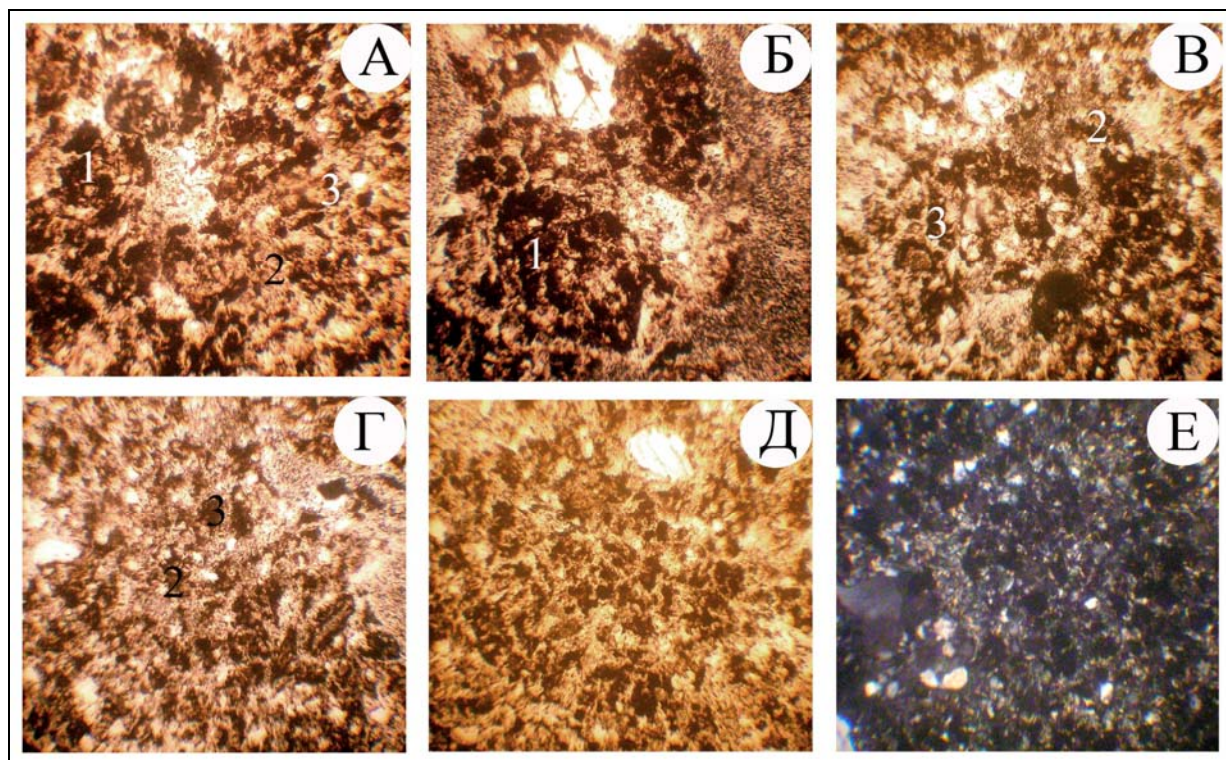

Рис. 6. Расчистка № 1. Микростроение гумусового слабо солончаковатого горизонта.

Fig. 6. Clearing No. 1. Microstructure of a Humus Weakly Salt Horizon.

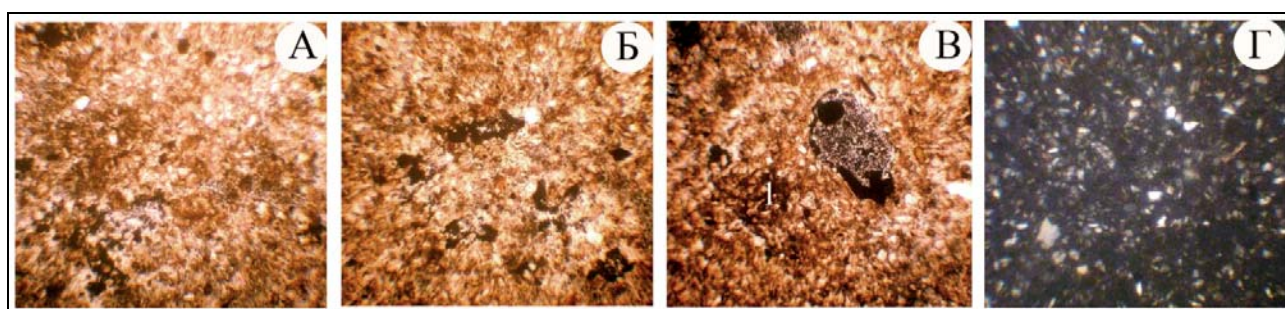

Рис. 7. Расчистка № 1. Микростроение средней и нижней частей профиля.

Fig. 7. Cleaning No. 1. Microstructure of the Middle and Lower Parts of the Profile.

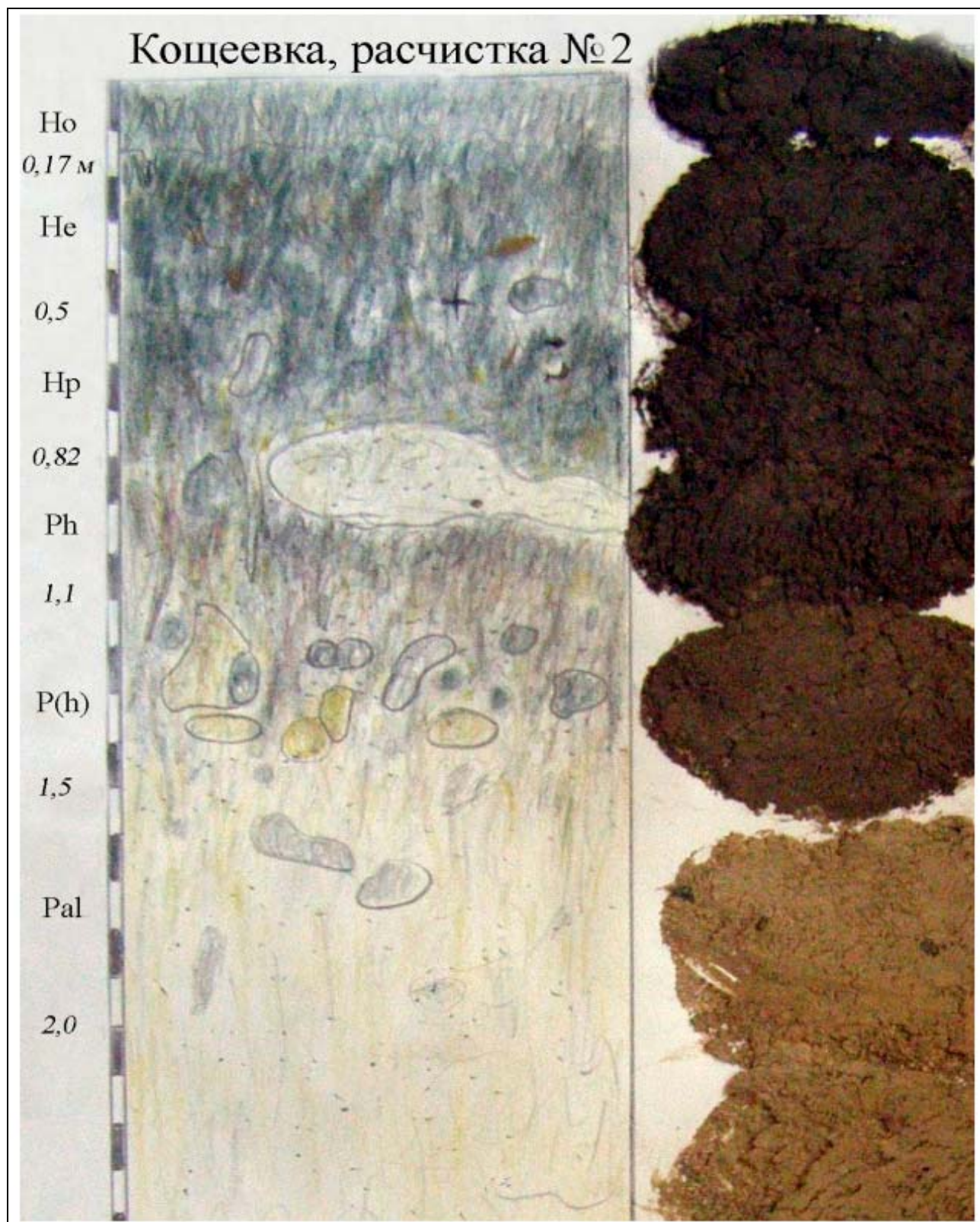

Рис. 8. Генетические горизонты почвы в расчистке № 2: цветная полевая зарисовка с примазками естественного материала.

Fig. 8. Genetic Horizons of the Soil in Clearing No. 2: Color Field Sketch with Traces of Natural Material.

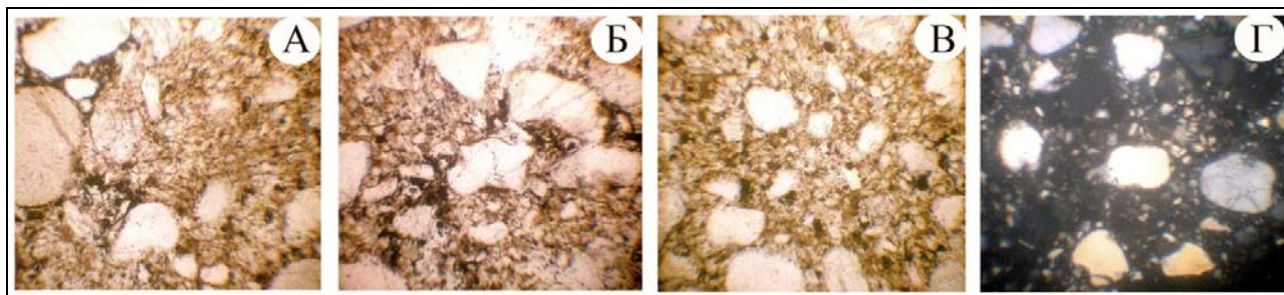

Рис. 9. Расчистка № 2. Микростроение гумусового пахотного горизонта (0,15—0,5 м).

Fig. 9. Clearing No. 2. Microstructure of the Humus Arable Horizon (0,15—0,5 m).

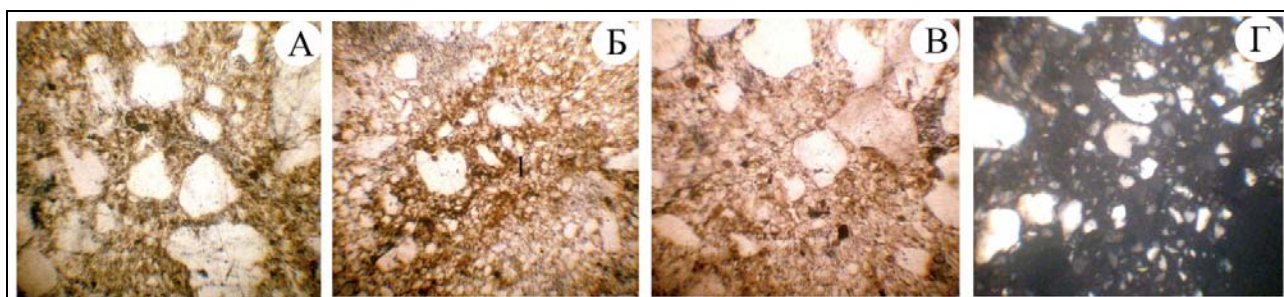

Рис. 10. Расчистка № 2. Микростроение гумусово-переходного горизонта (0,5—0,82 м).

Fig. 10. Clearing No. 2. Microstructure of the Humus Transition Horizon (0,5—0,82 m).

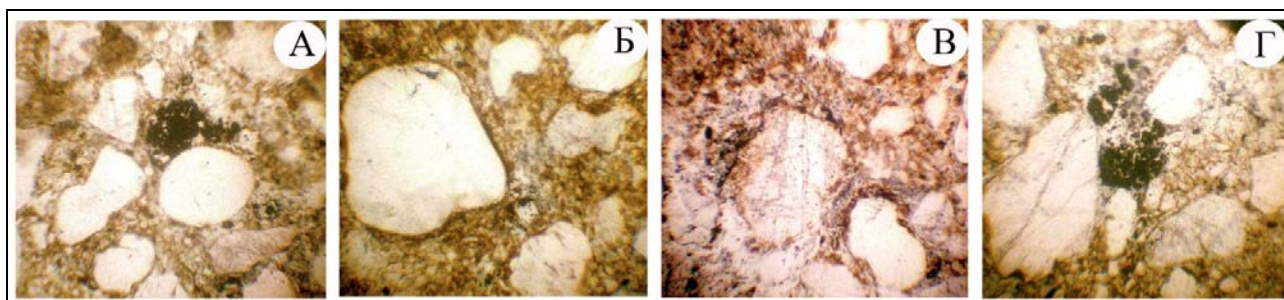

Рис. 11. Расчистка № 2. Микростроение переходного к породе горизонта (0,82—1,1 м).

Fig. 11. Clearing No. 2. Microstructure of the Horizon Transitional to the Rock (0,82—1,1 m).

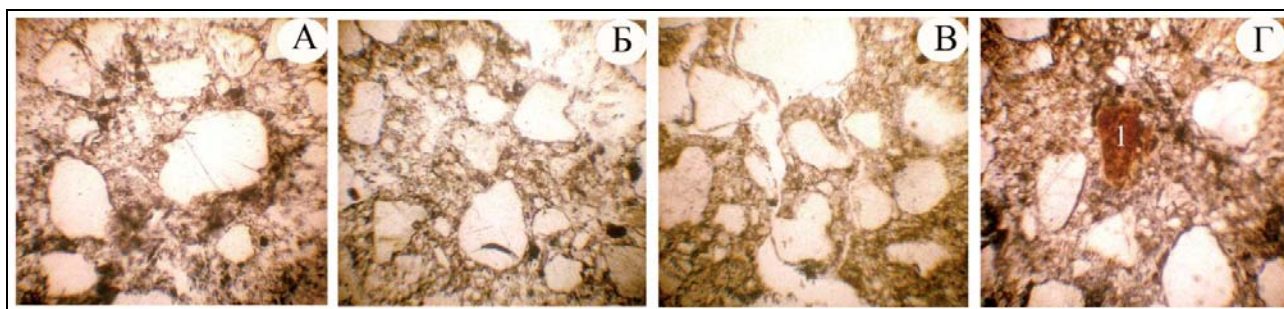

Рис. 12. Расчистка № 2. Микростроение переходного к породе горизонта (1,1—1,4 м).

Fig. 12. Clearing No. 2. Microstructure of the Horizon Transitional to the Rock (1,1—1,4 m).

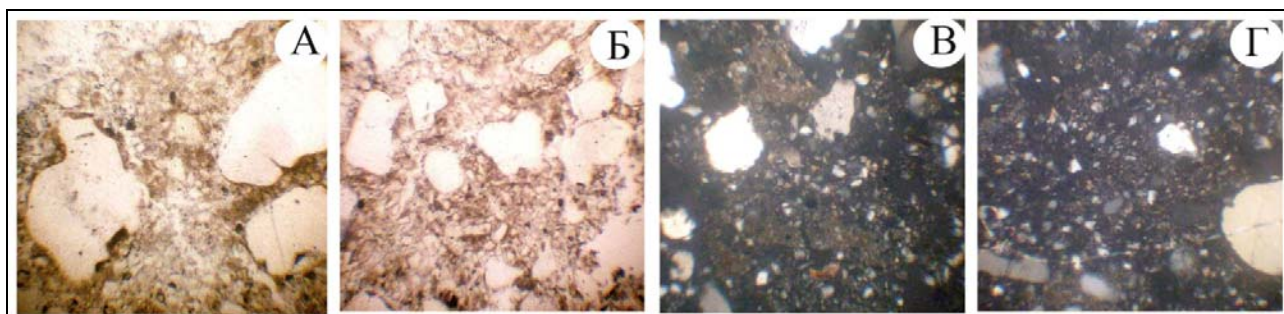

Рис. 13. Расчистка № 2. Микростроение почвообразующей породы (аллювиальной супеси) (1,4—3 м).

Fig. 13. Clearing No. 2. Microstructure of Parent Rock (Alluvial Sandy Loam) (1,4—3 m).

Рис. 14. Генетические горизонты почвы в расчистке № 4: цветная полевая зарисовка с примазками естественного материала.

Fig. 14. Genetic Horizons of the Soil in Clearing No. 4: Color Field Sketch with Smears of Natural Material.

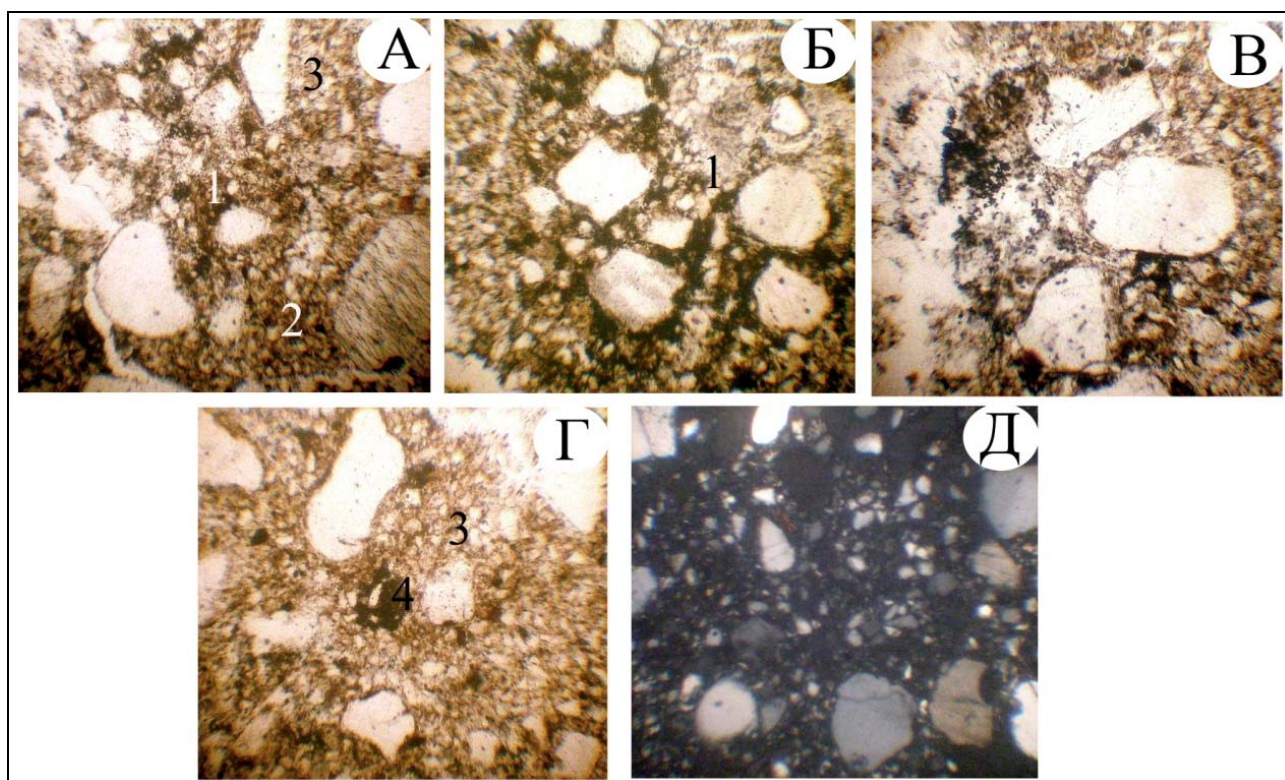

Рис. 15. Расчистка № 4. Микростроение гумусового горизонта (0,05—0,2 м).

Fig. 15. Clearing No. 4. Microstructure of the Humus Horizon (0,05—0,2 m).

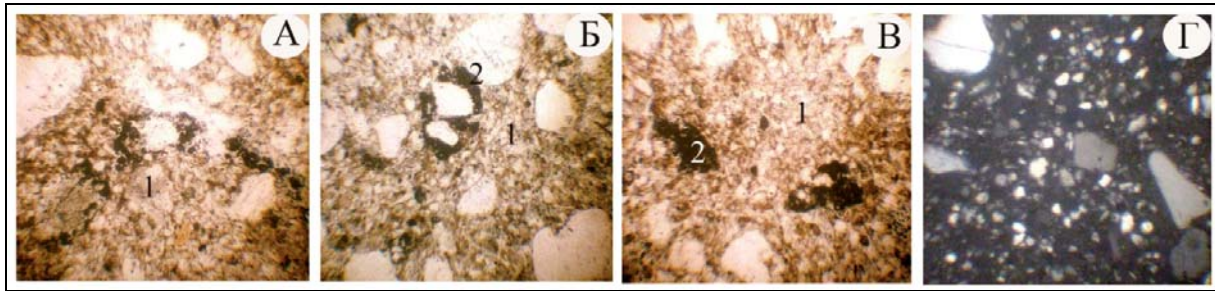

Рис. 16. Расчистка № 4. Микростроение гумусового горизонта (в плантажной части) (0,2—0,4 м).

Fig. 16. Clearing No. 4. Microstructure of the Humus Horizon (in the Planting Part) (0,2—0,4 m).

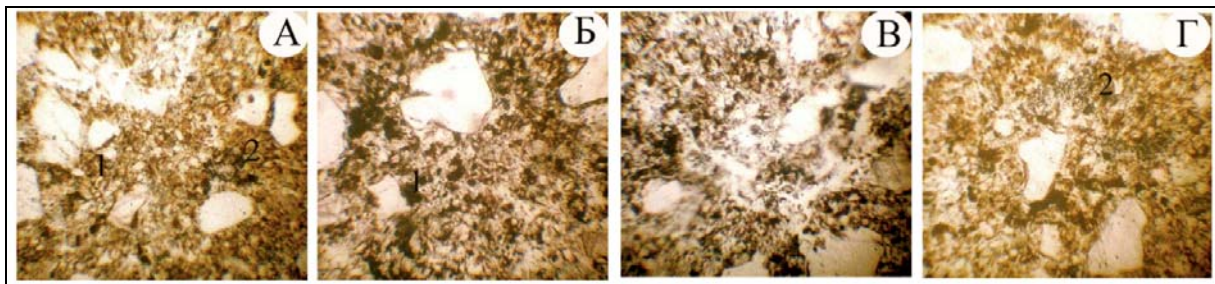

Рис. 17. Расчистка № 4. Микростроение гумусово-переходного горизонта (0,4—0,65 м).

Fig. 17. Clearing No. 4. Microstructure of the Humus Transition Horizon (0,4—0,65 m).

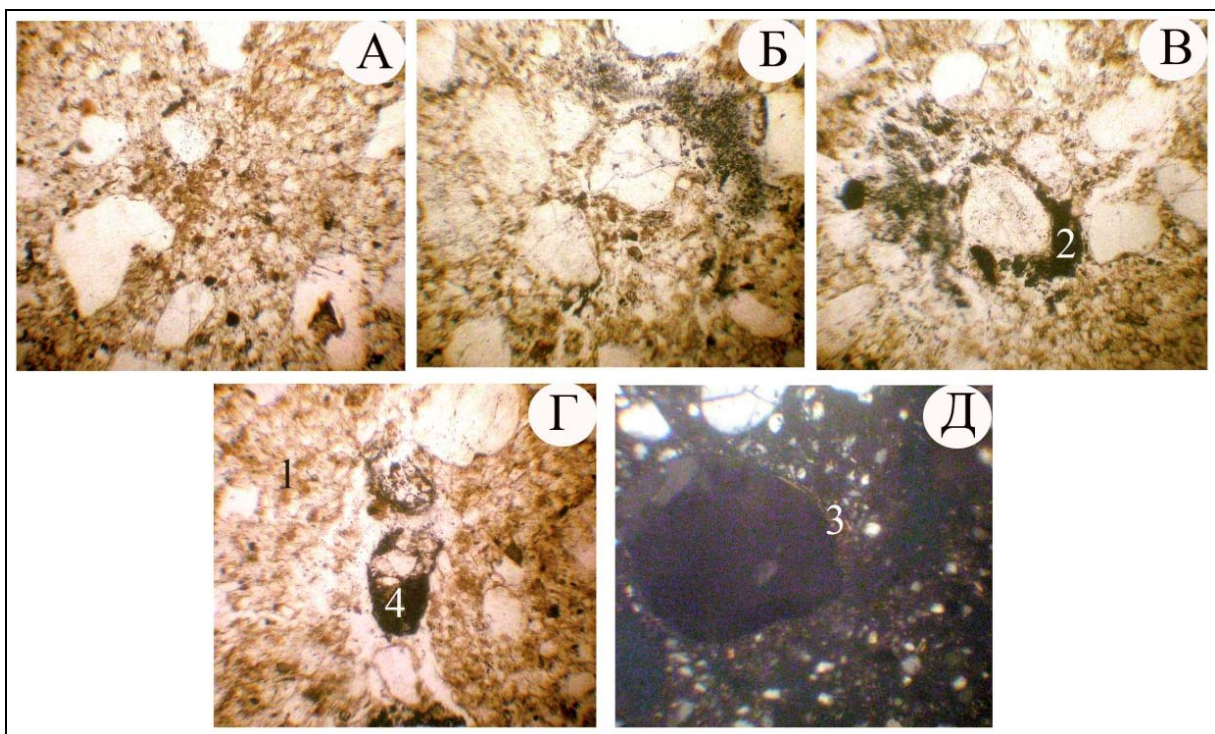

Рис. 18. Расчистка № 4. Микростроение переходного к породе горизонта (0,65—1,0 м).

Fig. 18. Clearing No. 4. Microstructure of the Horizon Transitional to the Rock (0,65—1,0 m).

УДК 903
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00002

С.А. Яценко

ПЕКТОРАЛИ ИРАНСКИХ И ИРАНИЗИРОВАННЫХ НАРОДОВ ДРЕВНОСТИ*

Пекторали иранского мира VII в. до н.э. — VII в. н.э. — очень редкие аксессуары костюма, обычно делавшиеся из золота. Многие из них не имели декора. Они почти не представлены в изобразительном искусстве и не упоминаются в письменных источниках. Ритуальная ценность пекторалей демонстрируется обрядами с ними и их хозяевами (помещение их отдельно от умершего, как бы нависая над ним; удаление всех нижних подвесок; нахождение могил с ним на краю некрополя и др.). Имеются различия в сюжетах между женщинами (1—2 ряда копытных) и мужчинами (терзание крупных животных или сражение, две симметричных пары—тройки мужчин). Исходный импульс был в бронзовом веке с северо-запада Китая и с VII в до н.э. из Тувы, во второй половине VI в. до н.э. они появляются в империи Ахеменидов, с середины V в. до н.э. в Скифии. На западе на них повлияли особенности пекторалей Урарту. У разных народов их назначение было, вероятно, разным (в Туве — как символы доминирующих кланов, в Иране — как царские дары чиновникам, в Скифии — как сакральные атрибуты с изображением модели мироздания). Последним районом их использования еще недавно был Восточный Гиндукуш, где пуштуны и дарды сохранили в декоре пекторалей часть традиций древних иранцев.

Ключевые слова: пекторали, древний иранский мир, этапы распространения, специфика использования в регионах, ритуальные и социальные функции, гендерные различия, обряды с пекторалиями.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

S.A. Yatsenko

PECTORALS OF THE IRANIAN-SPEAKING AND IRANIZED PEOPLES IN ANTIQUITY

Pectorals of the Iranian World in the 7th c. BCE — the 7th c. CE were very rare costume accessories, usually made of gold. Many of them had no décor. They are almost not represented in the visual arts and are not mentioned in written sources. The ritual value of pectorals is demonstrated by rites with them and their owners (placing them separately from the dead body, as if hanging over him; remove all the lower pendants; finding graves with them on the edge of the necropolises etc.). There are differences in the subjects between women (1—2 rows of hoofs) and men (torment of large animals or fighting, two symmetrical pairs — three men). The original impulse came from the Bronze Age NW China and since the 7th c. BCE from Tuva, in the second half of the 6th c. BCE they appear in the Achaemenian Empire and since the mid. 5th c. BCE in European Scythia. In the western regions they were influenced by the peculiarities of the Urartu pectorals. Their purpose was probably different for different peoples (in Tuva — the symbols of the dominant clans, in Iran — the royal gifts to officials, in Scythia — the sacred attributes with the image of Universe model). The last area of their usage until recently was the Eastern Hindukush

* Статья поступила в номер 12 декабря 2019 г.
Принята к печати 29 декабря 2019 г.

where Pashtun and Dardic peoples preserved the part of traditions of the ancient Iranians in the décor of pectorals.

Key words: pectorals, ancient Iranian World, stages of distribution, specificity of regional usage, ritual and social functions, gender difference, rites with pectorals.

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. Habil., Professor, Russian State University for the Humanities.

Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

Две из пяти известных пекторалей европейской Скифии (рис. 10, 12) давно привлекают разностороннее внимание специалистов («греко-скифские» образцы из Толстой Могилы и Большой Близницы). Между тем, мне уже давно ясно, что выявить многие особенности скифских пекторалей *можно лишь на широком фоне исследования пекторалей* (особенно — со сложными формой и сюжетами) *всего иранского мира* и соседних иранизированных культур, а это до сих пор никем не сделано. Небольшая серия пекторалей древних иранцев и более раннего, предположительно индоевропейского населения, разбросанная на обширной территории от Северо-Восточного Синыцзяна и Саяно-Алтая до Днестра и Южного Ирана, на сегодняшний день представляет собой *вполне загадочное явление*¹. Действительно, мы до сих пор не знали определенно, где зародились подобные украшения шеи и груди (обычно золотые, реже — бронзовые, еще реже — оловянные), и был ли вообще единый центр их распространения. Древние авторы и надписи разных стран молчат о них. При огромном количестве антропоморфных образов в ряде культур иранского мира, изображения персонажей с пекторальми практически отсутствуют, а среди портретов *государей* их нет вовсе (!). В таких развитых изобразительных традициях, как греко-скифская, согдийская, бактрийско-тохаристанская, хотанская, греческая и римская (изображающие персов разных периодов), китайская VI—VIII вв. (изображающая «западных варваров», в т.ч. ираноязычных согдийцев, тохаристанцев и др.), в многочисленных статуях скифов (Ольховский, Евдокимов 1994) и древних племен Устюрта (Онгарулы и др. 2017: прил. 1) и др. пекторальм *нет места*. Нередко пекторали древних иранцев считают лишь уплощенной разновидностью гривен, не имеющих иной специфики. Но это представляется мне серьезной ошибкой: слишком уж сложны, оригинальны и явно значимы многие сюжеты на пекторальх в сравнении с таковыми на гривнах. В понимании древних иранцев такой аксессуар костюма как пектораль — это явно цельное изделие из металла, подчас — на кожаной и т.п. подкладке (поэтому, например, древнеегипетские воротники-ожерелья, состоящие из множества параллельных

¹ Идеей этой статьи я обязан, в конечном счете, Юрию Борисовичу Полидовичу (Музей исторических драгоценностей Украины, Киев), который 9 лет назад решил подготовить сборник «Пектораль. Круг второй», составленный из материалов, опубликованных разными авторами по пекторали из Толстой Могилы и со связанными с нею вопросами. Изначально замысел был шире: рассмотреть конкретную находку на широком фоне пекторалей других культур, однако это практически не вызвало отклика у потенциальных авторов. Увы, по объективным причинам сборник все еще остается не изданным. Но комментарии к моим старым публикациям после марта 2015 г. постепенно выросли в новый большой текст, постоянно пополнявшийся. Некоторые положения были отражены в докладе на конференции «Иранистика в Евразии: прошлое, настоящее, будущее» (РГГУ, сентябрь 2016 г.) и на XXI конференции «Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии» в Санкт-Петербурге (май 2018 г.), в последнем случае — с краткими тезисами (Яценко 2018). Я искренне признателен за предоставление иллюстративных материалов Дж. Лернер (Нью-Йорк) и Д.В. Васильеву (Астрахань), за консультации по археологическим комплексам Тувы — М.Е. Килуновской (Санкт-Петербург), за этнографические консультации по Северному Пакистану — С.И. Каверину (Москва), за помощь с редкими изданиями — А.А. Ковалеву и К.В. Чугунову (Санкт-Петербург), С.И. Каверину (Москва), и уже упомянутым Ю.Б. Полидовичу и С.И. Каверину.

низок и амулетов в них, пекторалими им считать было бы трудно). При этом в гигантских владениях Ахеменидов обнаружены всего две пекторали (рис. 5, 6), за все три доисламских династии Ирана — четыре (рис. 5, 6, 16). Это отчасти можно объяснить спецификой тогдашней зороастрийской погребальной обрядности: однако их нет и среди роскошных коллекций ахеменидского золота у кочевников Южного Урала V—IV вв. до н.э. и в составе петровской «Сибирской Коллекции» (Яценко 2019), в многочисленных могилах элиты Анатолии и Египта ахеменидского времени. На сотни золотых и серебряных гривен на всю Скифию и на земли геродотовых савроматов (между Доном и Волгой) за несколько веков приходится, как уже отмечалось, всего пять пекторалей. В кочевом мире Средней Азии их нет вовсе, как нет их и на огромной территории Сарматии II в. до н.э. — IV в. н.э. между Западным Казахстаном и Венгрией. Не вполне обычен и *контекст помещения в могилы* таких украшений у элиты степных кочевников, там, где они обнаружены *in situ* (Аржан-2, Толстая Могила) (см. ниже). В целом налицо и разное назначение таких костюмных аксессуаров как гривны и пекторали, и загадочная редкость последних. Особая, не вполне ясная нам значимость пекторалей иногда приводила к тому, что подобные костюмные аксессуары кочевая знать могла носить и пол-тысячелетия спустя, в рамках совершенно другой культуры, как это случилось с савроматским (?) образцом IV в. до н.э., найденным в могиле I в. н.э. в нижневолжской Косике (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: рис. 16, 17) (рис. 10: 3—4, 11). Подобных случаев с богато декорированными гривнами или браслетами я не знаю.

На общем фоне необычна довольно многочисленная серия простых по форме и без декора пекторалей алды-бельской культуры раннескифского времени в Туве. Не слишком облегчает нашу работу и бытование пекторалей (гораздо реже, чем гривен, как и в античности) еще на рубеже XIX—XX вв. у ряда древних дардских народов Гиндукуша (где они делались из серебра и были весьма редки, а их изображения использовались как своеобразные символы и обереги).

Итак, начну свой обзор по порядку: рассмотрение в хронологической последовательности, особенности использования в погребальном обряде, круг сюжетов, региональная специфика форм.

Скотоводческие племена Северо-Западного и Северного Китая. У них (позже — в Туве) *отмечена ранняя группа изображений и находок пекторалей*. Прежде всего, это *статуи чемуручекской культуры* эпохи ранней бронзы (второй половины III — начала II тыс. до н.э.), которая была создана предположительно индоевропейскими мигрантами с запада (Ковалев 2012: № 8, 11, 16) (рис. 1: 1—3). Здесь мы видим разные формы пекторалей (длинные, узкие полукруглые и короткие, полуовальные), крепившихся, видимо, на шее шнурком. В одном случае (Каратас 1) у одного из стоявших рядом парных изваяний (другое было мужским, с луком на груди) могли быть изображены или пектораль с декором из параллельных полос или несколько ожерелий (рис. 1: 3).

Примерно в это же время, при династии Инь, *на западе провинции Шэньси, в памятниках типа Шилоу* известны бронзовые пекторали со слегка отведенными в стороны концами и прямоугольным выступом по нижнему краю (рис. 1: 4). Хотя они найдены по воинских комплексах, можно согласиться с К.В. Чугуновым, что это скорее статусный костюмный аксессуар; увы, его видение общей формы таких пекторалей как *схематичных голов быков* (Чугунов 2014: 69) пока не кажется мне убедительным. Наконец, в раннескифское время *в культуре Юйхуанмяо*, недалеко от Пекина (в могилах 151, 174 и 250 ее эпонимного могильника и еще в одном некрополе) представлены простые по своей форме наподобие полумесяца, пекторали, аналогичные примерно синхронным тувинским; они

имели на концах отверстия для подвешивания на шнурке (Чугунов 2014: 60) (рис. 1: 5). Замечу, что все эти ранние пекторали на территории Китая лишены изображений.

Совершенно особое место в истории пекторалей восточной периферии иранского и иранизированного мира занимают *памятники Тувы середины VII—VI вв. до н.э.* (речь идет, прежде всего, об общепризнанной *алды-бельской культуре*) (ср.: Савинов 2002: 84). На сегодняшний день в Туве для этого времени отмечены уже десятки находок пекторалей. Они встречены не только у взрослых мужчин и женщин, но и у детей с важного возрастного рубежа 7—8 лет (а в одной из могил некрополя Кош-Пей пектораль обнаружена у младенца). Чаще всего они были сделаны из довольно плотной полосы золота и имели по краям отверстия (для крепления к кожаной подкладке или иногда, когда с ними есть крючки — для крепления к шейному ремешку) (рис. 3: 1). Но кроме золота (разной пробы), пекторали здесь делались также из бронзы, в нескольких случаях — из олова². Возможно, здесь пекторали носились *людьми определенных кланов* как их маркеры (вне строгой зависимости от возраста и пола).

Особое место среди этих памятников занимает литая пектораль женщины-воительницы 30—35 лет («царицы»)³ в могиле 5 Аржана-2 (около середины VII в. до н.э.: Алексеев и др. 2005: 137) (рис. 2: 2). Она выполнена в т.н. стиле 4, из серии выделенных К.В. Чугуновым для Аржана (Чугунов 2011: 40, 44)⁴. Для этого стиля, реализованного талантливыми ювелирами, по его мнению, характерно своеобразное «подчинение» фигур животных орнаментальным мотивам: они вписаны в массивные полосы спирально-вихревого орнамента (анalogии ему представляют пока лишь нож мужчины из той же могилы и серьга в некрополе Талэдэ в китайской части Алтая, примерно в 600 км к юго-западу от Аржана (Чугунов 2014: 64—67). Иными словами, оба пункта встречены на достаточно ограниченной территории и примерно на одинаковом отдалении в 1800—2000 км (по прямой!) от тогдашних ближайших городских центров с развитым ремеслом — как до ближайших китайских царств, так и до южных крупных оазисов Средней Азии. До помещения в могилу пектораль долго использовали (она потерта по краям, имеет старые царапины). Важная деталь: украшение заметно переделали (чего, увы, не видно почти во всех его публикациях). Первоначально по нижнему ее краю с тыльной стороны был ряд из 37 *петелек для неких подвесок*, но эти петельки затем срезали (Чугунов 2014: 62). Здесь представлены в два яруса бегущие (в противоположные стороны) копытные (антилопы-дзерены), среди которых бегут также три оленя, баран и кабан, а преследующие их барс и волк размещены в центре (Чугунов 2014: 64), итого — шесть видов животных. Пектораль крепилась к шейному ремешку короткими золотыми плетеными цепочками. Сомнения раскопщика в принадлежности пекторали *женщине*, рядом с которой она найдена, и уверенность, что она могла быть только мужским атрибутом (Чугунов 2014: 59—60), парадоксально противоречат тому, что она находится в самой глубине «женской зоны», четко разграниченной в этой могиле от мужской (Чугунов 2018: 27—28, рис. 1) (рис. 2: 1) и тому факту, что на деле в Туве VII—VI вв. до н.э. золотые пекторали весьма популярны и у женщин, детей. Пектораль (в отличие от гривны мужа) не была надета на умершую, а висела на деревянном гвозде у нее за головой. Под нею, на полу здесь обнаружены кожаные сосудики, наполненные плодами и

² Информация была любезно предоставлена М.В. Килуновской в марте 2020 г.

³ Согласно изотопному анализу стронция в костях умершей, она была не местной (Чугунов 2018: 31), что для супруги «царя» во все времена считалось обычным делом.

⁴ Чрезмерно суровые требования Государственного Эрмитажа в отношении авторских прав (ср. Британский Музей и др.), увы, не дают мне никакой возможности привести здесь цветные качественные фото пекторалей из Аржана и Большой Близицы.

семенами вишни, тмина и лоха (Королук, Артемов 2002), каменные «алтарики», деревянные ковшик и пестик для растирания и т.п. По мнению К.В. Чугунова относительно статуса погребенной, «сама её локализация вместе с «царем» соответствует статусу... хранительницы царского очага» — заместительницы богини домашнего очага типа скифской Табити⁵. Вместе с тем, он признает, что ее атрибуты не слишком убеждают в наличии подобной функции, и для обоснования своей версии предпочитает интерпретацию... окружающих этот курган со многими могилами дополнительных конструкций (Чугунов 2018: 31). Мне же, исходя из наличных атрибутов в «женской зоне», кажется куда более вероятным, что она могла совершать некоторые обряды, связанные с плодородием (той же идеи придерживается Ю.Б. Полидович: Полидович 2009: 115).

Обратим теперь внимание на три «внешних» аналогии, связанные в Аржане-2 с вероятными сакральными функциями женщины и с назначением ее пекторали.

(1). На весь древний иранский и иранизированный мир известны лишь две могилы, где пекторали со сложным декором найдены в могилах знатных женщин, причем в обоих случаях — *in situ*. Кроме Аржана-2 это каменная (плитовая) гробница 4 в самом высоком на Азиатском Боспоре (15-метровом) кургане Большая Близница между древними Фанагорией и Кепами, раскопанная в 1868 г. в южной части насыпи и неплохо документированная⁶. Общепринято считать, что женщины упокоившейся здесь очень знатной семьи были жрицами. Несмотря на господство греческих вещей и обрядности, ряд «мелочей», прежде всего — в женских могилах (детали узды в скифском зверином стиле в женском склепе 1, бляшка со сценой терзания в этом стиле из женской кремации у того же склепа, обилие образов скифской «змееногой богини» на костюме и саркофагах женщин, само обилие типов нашивных бляшек, аналогичных таковым в костюме знатных скифянок, некоторые специфические детали обильных тризн на западном краю кургана) свидетельствуют в пользу того, что это было сильно эллинизированное варварское семейство (Шауб 2007: 382—385), или же, на мой взгляд, греческая семья, стабильно бравшая жен из туземной (вероятно — скифской) знати. Так или иначе, жреческие функции в ней выполняли женщины. В интересующей нас гробнице 4 саркофаг украшали пластины из слоновой кости в виде фигурок крылатой скифской «змееногой богини»⁷, они же были на золотых бляшках платья (Шауб 2007: рис. 104—105), как и бляшки в виде танцовщиц, стилизованных цветов гиацинта — атрибута Персефоны и др. С нею было необычно большое число терракотовых фигурок (32), связанных с культами Деметры и Диониса, костяные статуэтки женщин, много мелких сосудов из разных материалов. На голове был ритуальный калаф с обкладкой золотом, с танцующими менадами и сатирами — спутниками Диониса. На шее были два ожерелья (одно из них с включением серии амулетов) и знаменитая пектораль (рис. 12: 2). Исследователи почему-то ни разу не отмечали тот факт, что в костюме греческих женщин пекторали в принципе *отсутствовали*...

⁵ Выводы К.В. Чугунова в этом направлении в значительной мере определяются выраженным предпочтением им для реконструкции религии древних иранцев работ таких советских авторов, как С.С. Бессонова и А.К. Акишев.

⁶ Центральную гробницу, несмотря на огромный объем земляных работ в 1864—1885 гг., найти так и не удалось; выявленные могилы концентрировались в юго-западном секторе и датированы рубежом IV—III вв. до н.э. (Шауб 2007: 370, рис. 96).

⁷ Речь идет о богине с ногами в виде змей — легендарной прародительнице скифов (Herod. Hist., IV, 8—10; Diod., II, 43). Ее иконография заимствована в позднеархаической Ионии у образа Горгоны (т.к. оба персонажа оказались связаны с водой, конями, а также с мотивом отрубленной головы), а образы ее спутников происходят из иранского мира (Шауб 2007: 94—95). Эти женские образы использовались для конской упряжи в мужских могилах, а чуть позже их стали помещать на женских предметах костюма — золотых бляшках одежды и головных уборах (Yatsenko 2012: 67—68).

Итак, при обеих достоверных женищинах с пекторальями был целый набор предметов явно предназначенных для совершения обрядов в честь божеств плодородия (с неизбежной здесь хтонической составляющей)⁸.

(2). В обоих случаях, когда пекторали были найдены *in situ* в могилах степной знати, они не были помещены на шею умерших, а лежали вне их тела (при этом — довольно близко к голове). Так, в Аржане-2 пектораль висела на гвозде за головой в окружении жертвенных атрибутов. Второй пример — главное погребение скифского кургана Толстая Могила⁹. Здесь, несмотря на ограбление погребальной камеры, небольшая часть ее и дромос к моменту проникновения грабителей оказались засыпанными обвалом, и помещенное там сохранилось для науки (Мозолевский 1972: 281, рис. 7). Самая знаменитая из древних пекторалей лежала вдоль правой (южной) стенки дромоса, которая примыкала как раз к линии головы умершего в камере, причем — у самой границы дромоса и ямы камеры. Пектораль окружали меч и плеть с обильным золотым декором, два колчана со стрелами (с одним из них — воинский пояс с железными пластинками) и нож¹⁰; чуть ближе к выходу находились перевернутый бронзовый таз и необычная амфора с тремя ручками. Еще ближе к выходу были части расчлененного на стороне трупа «слуги». Не приходится сомневаться, что на умершем аристократе в камере была обычная в таких случаях гривна, но этот участок был «очищен» грабителями. Известно, что у знати Ахеменидов (Дарий I), например, снимали и часть одежд и основные драгоценные аксессуары на время проведения особо важных обрядов (Polyaen. Strat., VII, 12) (поминальные обряды и посмертные действия умерших для устройства «в мире Ином» можно отнести к таковым). Получается, что в обоих случаях пектораль как бы нависала сверху недалеко от головы умершего (на гвозде в Аржане-2 и на самом краю дромоса перед его обрывом в камеру в Толстой Могиле). И женщина из Аржана-2 и аристократ из Толстой Могилы при этом были вооружены.

Итак, в обоих известных степных комплексах со сложно оформленными пекторальями *in situ* их не помещали на шею (и вообще на тело) умерших: этому препятствовали какие-то их особые функции и символика. Не зря, как уже отмечалось, пекторали во всех культурах встречаются много реже гривен...

(3). Пекторалей с серией подвесок по нижнему краю в древнем иранском мире известно всего две. И с обеими в этом случае «дело нечисто»: в Аржане-2 они тщательно срезаны, а на ахеменидском образце из Музея Михо (рис. 6, 7) они сняты (на сасанидской пекторали из Музея им. Резы Аббаси единственная подвеска тоже отсутствует, при идеальной сохранности самой вещи: рис. 16: 3). Характерно, что в обоих случаях аккуратно убирались все подвески, что не может объясняться случайным повреждением этих хорошо закрепленных деталей. Речь идет о каком-то обряде, также нам сегодня непонятном.

Последний комплекс пекторалью с Саяно-Алтайского нагорья очень интересен. Это образец из женского погребения кургана I пазырыкской культуры в Туэкте (Руденко 1960: рис. 70) (рис. 3: 2). Курган датируется около середины V в. до н.э. (Алексеев и др. 2005: 54, 166). Это бронзовое ажурное изделие, на нижнем краю которого идет частый ряд

⁸ И.Ю. Шауб, как мне кажется, склонен несколько преувеличивать именно хтонический аспект этого культа для двух знаменитых жриц из Большой Близницы (Шауб 2007: 376—384), хотя для погребальных комплексов такая трактовка отчасти естественна.

⁹ Скифологи, специально занимавшиеся сопоставлением конструкций и инвентаря курганов скифской аристократии, никогда не рискуют называть центральную гробницу кургана Толстая Могила (относительно скромного сооружения высотой всего 8,5 м, как у Краснокутского и Лемешева курганов) могилой царя. Зато это часто делают специалисты по искусству и религии скифов и прочих древних номадов...

¹⁰ Согласно парадоксальной логике Д.А. Мачинского (Мачинский 1978: 146—147), колчан со стрелами, нож и пектораль были в дромосе женскими атрибутами (!).

небольших отверстий (в них сохранились и нитки для пришивания на кожаную основу). Как и на другой женской пекторали этого региона (из Аржана-2), мы видим здесь, прежде всего, два ряда бегущих антилоп¹¹.

Другой район бытования пекторалей локализуется в западной части иранского мира, и здесь на таких украшениях встречаются среди прочих, антропоморфные сюжеты. Видимо, один из импульсов их распространения здесь частично связан с ближневосточными образцами VIII—VII вв. до н.э. прежде всего — из Урарту — их вероятной родины (Kellner 1991: 164–166; Merhav 1991: 173), отчасти — соседних Ассирии и Манны. Показательно, однако, что в этом регионе такие украшения появляются очень поздно — с первой половины VIII в. до н.э., то есть в период, когда сюда, вплоть до Луристана на юге, начинается проникновение групп иранцев. К сожалению, известные на Ближнем Востоке пекторали происходят из разграбленных могил или храмовых сокровищниц и ни разу не зафиксированы in situ в комплексах. Каковы же особенности пекторалей Урарту и соседних стран и можно ли видеть в них преемственность с последующими образцами персов и скифов?

На первый взгляд, общего тут почти нет. Действительно, пекторали государств Армянского нагорья и Верхней Месопотамии иных пропорций (обычно они массивней и толще), чаще всего на них встречаются антропоморфные и полуантропоморфные персонажи (рис. 4). Популярный сюжет здесь — одно или три Мировых дерева с предстоящими крылатыми стражами, изредка — львами (рис. 4: 2—5). Другой мотив — служение божеству: безбородые прислужники вокруг бородатого божества (рис. 4: 1) или божественная супруга (Арубани) приносит в жертву верховному богу (Халди) козленка (рис. 4: 6). Третий распространенный мотив — геометрический — пять кружков в ряд — известен в Урарту и на подлинных пекторалях и на скульптуре с их изображением (рис. 4: 8, 11), а в Луристане центральный кружок превратился в мужскую личину (рис. 4: 9). В Зивие на концах представлен популярный в Евразии мотив преследования зайца хищником (рис. 4: 2); однако, в отличие от поздних греко-скифских образцов (рис. 12), это не собака, догоняющая зайца, а пантера и заяц, *повернутые спинами друг к другу*¹². Наряду с одноярусными композициями, встречаются двухъярусные (сюжет с Мировым деревом и предстоящими) и даже трехъярусные (на ассирийском (?) образце из Северной Сирии древняя богиня Инанна (с аккадского времени ассоциировавшаяся и с Иштар) со своим спутником (змеем с двумя телами при одной голове) дублируется на каждой из трех полос и на левом и правом концах) (рис. 4: 7). Бордюр (или нижний «помост») часто декорируется рядом треугольничков (рис. 4: 4—6, 8), в единичных случаях он украшен стилизованными побегами лотоса (рис. 4: 2).

В действительности позже на пекторалях иранцев (персов, скифов, хорезмийцев) мы обнаружим и некоторые мотивы (более схематичные изображения Мирового дерева, хищник рядом с зайцем), и двух-трехъярусные композиции, и упомянутые орнаменты бордюров. Кроме того, Д.С. Раевскому удалось вполне убедительно показать, что отсутствие самого

¹¹ Недавно В.А. Кисель выразил сомнение в том, что туэктинская находка была пекторалью. Он думает, что «пазырыкцам» было особенно удобно для собственных ягодич делать шубы с выступом на подоле в виде бобрового хвоста с металлической накладкой и регулярно садиться на этот выступ, именно когда он был не меховой, а *металлический* (!) (Кисель 2018: прим. 4). Во многом это объясняется дебютом автора в такой очень сложной теме, как история древнего костюма. Кстати, вопреки мнению В.А. Киселя, я вовсе не путаю специфические нагрудники из органических материалов и выступы полушубков в форме бобрового хвоста (ср.: Яценко 2006: 87, 88).

¹² Между тем, именно размещение здесь рядом пантеры и зайца считают «вкладом» *раннескифского* заказчика и аргументом для их уверенного включения в раннескифский культурный контекст (ср. Полидович 2009: 113).

образа Мирового древа на пекторальях иранцев подчас заменяется его менее очевидными ипостасями и некоторыми вполне классическими спутниками (Раевский 2006: 494—497).

Любопытно, что персонажи, изображенные в Урарту и Ассирии носящими пекторали — безбородые юноши (из-за этого их даже без должной аргументации считают *евнухами*) (рис. 4: 11), подчас прислуживающие правителю (служитель с мухобойкой и черпачком в руке, подвший чашку с напитком ассирийскому Ашурназирпалу II в его дворце в Кальху/Нимруде) (рис. 4: 12), или небесные полубыки Шеду — спутники Древа и богов (рис. 4: 10). Но, разумеется, на основании того, что пекторали с самым простым декором (по бортику или в виде пяти кружков) изображены в Урарту и Ассирии на безбородых юношах (прислужниках или жрецах), считать всех безоружных мужчин с простенькими пекторальями без декора в курганах Тувы *жрецами-энареями* (Чугунов 2014: 64) нет серьезных оснований. У самих правителей ближневосточных стран мы пекторали не видим ни разу. Это говорит о том, что они здесь носились людьми определенных социальных групп — дворцовой прислугой и, возможно, некоторыми священнослужителями.

Пекторали Ахеменидского Ирана. Их известно совсем немного, однако они представляют в контексте данной темы немалую ценность (рис. 5—7). Особенности погребальной обрядности доисламского Ирана делают возможность нахождения парадного костюма в могиле почти нулевой. Тем важнее такое исключение, как находка в 1901 г. в цитадели Суз (Çiṣā, зимняя царская резиденция) могилы персидского аристократа в бронзовом саркофаге с полным комплектом разнообразных золотых полихромных украшений, куда пектораль не попала (Tallon 1992: fig. 54, Ns. 171—179). Нет пекторали и в составе огромного клада золотых украшений знатной женщины, зарытого весной 330 г. до н.э. в царском саду основной столицы — Пасаргад (Pātragāda) перед ее штурмом македонской армией (Stronach 1978: 168—177). Пекторали не значатся в числе дипломатических даров и официальных наград первой в истории человечества «мировой империи»: вместо них (среди именно аксессуаров, а не одежды) упоминаются золотые, невероятно дорогие ожерелья с цепью (ценою до 1000 золотых монет), или «цепи», а также браслеты и особые диадемы за заслуги (Яценко 2006: 298, 332, 339). Однако простые по форме пекторали (близкие северокитайским и тувинским) в нескольких случаях изображались у придворных не самых высоких рангов в Персеполе — на северной лестнице Ападаны (сооруженной еще в ранний период правления Дария I — 522—486 гг. до н.э.) и во дворце, построенном для Ксеркса I (486—465 гг. до н.э.) (The Splendour 2001: 237; Nazmjo 2004: 104) (рис. 5: 1). Мастера персепольских рельефов умели передавать в камне наиболее социально значимые мелкие детали поясов, причесок, обуви и т.п., однако пекторали во всех случаях лишены какого-либо декора, и, вероятно, его и не имели. Речь идет, видимо, об обычных для Ахеменидов наградных костюмных аксессуарах, но за не слишком большие заслуги (Яценко 2006: 339).

Обратимся теперь к подлинным ахеменидским золотым артефактам. Оба они, при всем кажущемся внешнем несхождении, имеют ряд общих черт в оформлении, отражающих специфику имперской знати: 1) они декорированы разноцветными эмалями (сохранившимися, увы, лишь частично) и отчасти самоцветами; 2) две фигурки птиц (или их головы) представлены на концах; 3) наличие персонажей, ассоциировавшихся с водной стихией — рыб или уток (и в доисламской культуре Ирана — однозначно с основной богиней Анахитой); 4) наличие ряда подвесок по нижнему краю (Музей Михо) или имитации их (Армавир) (ранее известных, как уже отмечалось, для образца из Аржана-2); 5) бордюр с рядом треугольников (известный за 150—250 лет ранее на образцах из Урарту и соседних держав).

Прежде всего, это миниатюрная (9,2 × 5,5 см) золотая ахеменидская пектораль VI—V вв. до н.э., найденная в *древнеармянском Армавире* (одном из центров 18-й сатрапии) и первоначально обильно украшенная эмалью (рис. 5: 2). Она хранится в Музее истории Армении в Ереване (Армения 2016: 70). Основу ее композиции образуют три «Мировых древа» в центре (как на некоторых образцах из Урарту: рис. 4: 3) и две хищных птицы по краям их, держащие в когтях рыб; напаянные имитации 17 подвесок в виде цветов лотоса по краям (как на маннейской пекторали из Зивийе: рис. 4: 2). За петли на концах она подвешивалась (видимо — на золотой же цепочке). Вопрос, кому принадлежала эта пектораль (мужчине или женщине) остается пока без ответа.

Другой экземпляр роскошной, со вставками эмалей и бирюзы, пекторали неизвестными путями попал в японский *Музей Мико* в г. Сигараки (Miho Museum 1997: 89), где местные специалисты, датировали его IV веком до н.э., что мне по ряду причин (см. ниже) кажется небольшим омоложением (рис. 6, 7). Форма пекторали (впрочем, это можно сказать о каждом подобном золотом изделии иранского мира со сложным сюжетом!) весьма своеобразна, уникальна. К собственно пекторали, вместо цепочки, сзади добавлен полукруглый, золотой же стержень, у которого концы-соединители оформлены в виде полихромных скульптурных головок уток; на основной поверхности идет ряд популярных в ахеменидском ювелирном искусстве изображений фигурки персидского царя в короне в профиль¹³, стоящего на полумесяце Луны; как обычно, они вписаны в круг и были полихромными (со вставками бирюзы). На основной полосе пекторали представлены в ряд, через одну, фигурки персидских воинов — лучника и копейщика, полоска уже знакомого нам орнамента из треугольников, а также две полосы орнаменты — ромбы с отверстием в центре и зубцы-мерлоны, как бы включенные в бутоны или побеги. Однако самой важной и уникальной для западных пекторалей деталью является выступающая внизу прямоугольная подвеска с батальной сценой (прямоугольный выступ есть, как уже отмечалось, в более раннее время в памятниках типа Шилоу на границах иньского Китая, а в более позднее — в Хорезме: рис. 14). По нижнему краю ее видим петли для крепления 8 подвесок, которые были изъяты. Возможно, отчасти на некоторые детали оформления такой пекторали могли повлиять более ранние аналоги из непрочно завоеванного персами Египта, в частности — пекторали Позднего Царства, на которых видим и центральный прямоугольный элемент с царской символикой и серию подвешенных к нему внизу украшений (рис. 8).

На нижнем выступе всадник-перс, позади которого стоят два пешехода копейщика, обращает в бегство двух противников: конного, поднявшего левую руку с луком, и пешего (от третьего осталась часть тела внизу). У врагов — длинные волосы, спускающиеся на плечи (преданные вставками светлой бирюзы), короткие кафтаны с длинными рукавами, довольно широкие штаны, ткань которых декорирована вертикальными рядами квадратных желтых вставок, и полусапожки (?), показанные вставками бирюзы. Из всех известных мне тогдашних народов это в деталях соответствует именно тому облику скифов «классического» периода V—IV вв. до н.э., который столь подробно передан на сравнительно поздней греко-скифской торевтике IV столетия (Яценко 2006: рис. 27; 2013а). Для сравнения, на знаменитых полихромных «деревянных плашках из Мюнхена» с батальной сценой от гроба из фригийской могилы в Татарлы (Tatarlı 2010), датированной около 470—450 гг. до н.э. (Summerer 2005: 145), в качестве врагов персов определенно представлены также европейские скифы (в сцене видимо по 11 скифов — конных и пешеходов — и персов), но с более ранним костюмом *архаического периода* (до начала V в. до н.э.) (Яценко 2013а: 76; ср.

¹³ Специалистам хорошо известен тот факт, что самый любимый персонаж в богатом изобразительном искусстве ахеменидского Ирана — это сам правящий царь.

Яценко 2006: рис. 22, 23). В двух этих персидских сценах сражений отражены, на мой взгляд, враждебные отношения, сложившиеся между монархией Ахеменидов и разными скифскими группировками, эпизоды отражения неизвестных нам в деталях (источники слишком скудны!) набегов скифов на персидские владения во Фракии и Армении. Эти полихромные изображения весьма точно воспроизводят скифский костюм и предметы воинской экипировки и представляют собой ценный исторический источник. Важно и «внешнее оформление» этого, самого значимого прямоугольного выступа пекторали. Перед нами – композиция государственной важности. Верхний ярус выступа осеняет фигура крылатого верховного бога Ахурамазды со священными птицами (дрофами?) по сторонам. Остальные три края образуют уже упомянутые фигурки стоящего ахеменидского царя в круге. Важность батальной сцены и высокий художественный уровень пекторали заставляет видеть в ней, во-первых, произведение одной из столичных имперских мастерских; во-вторых, это явно, согласно очень популярной в ахеменидское время традиции, *наградное изделие* для одного из участников или организаторов какой-то удачной военной компании. Эта наградная «триумфальная» пектораль, несомненно, принадлежала мужчине. Как известно, самый массовый вид подобной продукции — наградные (подчас — с именами владельцев) триумфальные личные цилиндрические каменные печати (подвешивавшиеся у пояса, то есть бывшие костюмными аксессуарами) со сценами символической победы «царя царей» над разноэтничными, кочевыми и оседлыми, повстанцами из беспокойных среднеазиатских сатрапий (рис. 9). Для их производства надежно устанавливается дата между 486 и 404 гг. до н.э., то есть — периоды последовательного правления трех царей: Ксеркса I, Артаксеркса I и Дария II (Wu Xin 2010; Яценко 2011). Исходя из этого времени — периода относительного расцвета Империи — мы можем вполне надежно датировать и другие наградные аксессуары костюма со сценами военных побед именно V веком до н.э.

Скифия и Боспор. Нетрудно заметить, что *все* реальные находки образцов пекторалей на территории Ахеменидской империи и по соседству сделаны *только на ее северной периферии* (на Кавказе – Северном и Южном — и в европейской Степи между Волгой и Южным Бугом) (рис. 16). На первый взгляд, это можно объяснить случайностью: очень хорошей археологической изученностью степных курганов скифо-ахеменидского времени. Однако есть и другой фактор: тесные связи с Ахеменидами скифов (исключительно военные) и Боспора (судя по характеру парадных, личных и дарственных ахеменидских драгоценностей, найденных там, статуи в честь Дария I и т.п., на раннем этапе это отношения известного вассалитета). Но при этом на территории важных сатрапий Империи, где хорошо изучены некрополи, в том числе — могилы знати (Египет, Малая Азия и др.), подобных находок нет. Так что загадка остается загадкой. Интересно, что все три могилы со «скифскими» пекторальями, имеющими сложные сцены, найдены *либо в комплексах на самом краю соответствующего могильника* (Толстая Могила был самым самым северным курганом в длинной их цепочке; в Косике сарматская могила 1 была не просто на краю грунтового могильника в одном из природных «Бэровских бугров», но и на приличном расстоянии в 70 м от остальных), *либо в кургане со многими могилами — на дальней периферии*, вдали от наиболее крупных склепов (Большая Близница, погребение 4). Налицо некоторое *пространственное отдаление* таких комплексов от прочих.

Самая ранняя находка пекторали в происходит *из разрушенных погребений под Майкопом*, вещи из которых были куплены в Германии в 1913 г. Их датируют серединой V в. до н.э. (Parzinger 2007: 226, No. 9b) (рис. 10: 1). Эта пектораль по форме похожа на образцы с востока Центральной Азии. Она была нашита на кожаную (?) основу по всему периметру с помощью продетых в отверстия ниток. Главные орнаментальные мотивы — «бегущая волна»

и ряд ромбов на центральной полосе (где через один они имеют вставки из пасты, видимо, подражающие персидской полихромии); ромбы есть на ахеменидской пекторали из Музея Михо.

Очень любопытна пектораль IV в. до н.э. из позднего (1-й половины I в. н.э.) сарматского «царского» *погребения 1 в Косике* (найденного не в кургане, а в природном «Бэровском бугре», на правом берегу Волги в Астраханской области (рис. 10: 3—4). Могила не была ограблена, но центральная ее часть была при открытии повреждена строителями, так что пектораль не сохранилась *in situ*. В отличие от остальных в Скифии, эта пектораль диаметром 17,5 см полая внутри и состоит из лицевой рельефной и плоской тыльной сторон, лишена орнаментального декора и грубовата по манере исполнения (возможно, она создавалась варварским мастером в одном из городов Боспора); изображения выполнены в высоком рельефе (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: рис. 16) (рис. 11: 2). Судя по району, где она найдена у позднего хозяина, она, возможно, была сделана не для скифской, а для жившей восточнее савроматской знати. Первоначально пектораль (как и образцы востока Центральной Азии) тоже имела округлые концы и подвешивалась за два отверстия на ремешке (это хорошо было видно в процессе реставрации: рис. 11: 1). Однако вскоре (в том же IV в.) к ней из какого-то греческого изделия были по неясной причине добавлены распространенные наконечники ритонов с бараньими головками (закрывшие половину фигуры каждого из сидящих львов) (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: 170). Всю внешнюю поверхность занимает сцена терзания: в центре грифоны терзают быка, по сторонам львы грызут оленя (справа) и барана (слева). На концах — по фигуре лежащего льва.

В собственно курганах Европейской Скифии обе пекторали происходят из мужских могил *Правобережья Днепра*. Одна из них — очень простая, из бронзы и без всяких изображений, по форме напоминающая урартские, найдена была вместе с остатками примитивного панциря у воина в кургане 493 у с. Ильинцы (Винницкая область Украины) (Горелик 1993: 315, табл. XLIX: 9) (рис. 10: 2).

Четвертая пектораль (самая знаменитая для иранского мира по мастерству исполнения и сложности композиции) обнаружена в основном захоронении кургана *Толстая Могила* на Правобережье Днепра (рис. 12: 1). Курган датируется по А.Ю. Алексееву третья четвертью IV в. до н.э. (по С.В. Полину — серединой столетия). Наиболее привлекательная, интеллектуально мощная и, вместе с тем, осторожная, без фантазий, трактовка композиции изделия была дана Д.С. Раевским, который предлагает учитывать все представленные на пекторали мотивы и, в конечном счете, видит в ней своеобразную космограмму, обеспечивавшую при жизни хозяина благополучие возглавляемого им коллектива (Раевский 1985: 203). Здесь в верхнем ярусе обнаруживаем, прежде всего, людей и домашних животных, кормящихся детенышей, мирные сцены (замечу, что в нем изображены утка и пернатый хищник — те животные, которые известны на двух ахеменидских пекторальных). Здесь изображены, по Д.С. Раевскому, «пять видов скота» индийской традиции — люди, лошади, коровы, овцы и козы¹⁴. Внизу же представлены дикие животные, фантастические существа и сцены терзания трех разных копытных — лошади, оленя и кабана (те же виды были в составе тризны во рву данного кургана) и преследования собакой (вполне явственно

¹⁴ В Толстой Могиле главных мужских персонажей окружают две лошади, затем идут две коровы (все названные — с детенышами), далее — два овцы с сидящим сзади каждой юношей (доющим их или уже поместившим молоко в амфору) и, наконец, две присевших (в отличие от прочих животных) козы. В целом позиция животных по отношению к центру отражает и престижность скота определенных видов у кочевников европейской Степи.

ассоциировавшейся у иранцев с миром смерти) зайца. Итак, здесь противопоставлены два мира: человеческого и чуждого ему, жизни и смерти. Аканф, чьи побеги обвивают средний ярус, у греков часто ассоциировался с Мировым деревом (это ассоциацию укрепляют птицы, сидящие на ветвях) (Раевский 2006: 479—496); для урартских пекторалей (не индоиранских) птицы еще не являются спутниками дерева, но само дерево, подчас – утроенное – неоднократно располагается в центре композиции (рис. 4: 2—5), как и на ахеменидском образце из Армавира.

Вместе с тем, мне представляются важными и собственные наблюдения об этой пекторали, сделанные в серии статей 1990-х годов.

(1). *Отличия в костюме* изображенных мужских персонажей в зависимости от их места в композиции. При явной симметрии относительно центральной вертикальной «оси», персонажи каждой из сторон отличаются наличием / отсутствием головных повязок, типом прически, формой обшлагов коротких кафтанов-*sisirna* и способом ношения обуви. Персонажи правой стороны имеют обшлага «раструбом», известные также *лишь на Правобережье* (Сахновка). Только там известен и верх сапожков из двух толстых параллельных полос. Наоборот, персонажи левой стороны пекторали имеют матерчатые головные повязки (не путать с парадными диадемами), известные в районе Каменского городища и в левобережной Лесостепи (№ 31 и 33 по моему каталогу 1993 г.); в целом их костюм обычен для памятников *Левобережья*. Похоже, персонажи разных половин пекторали изображают *представителей двух разных этнических групп* в тройственном союзе скифов-сколотов. Прическа состоит из немногих длинных и довольно толстых локонов со спиральной завивкой, что, видимо, было особенностью высшей аристократии (это касается и «простого доильщика овцы»). Характерно, что обитатели «своего региона» на симметричных многофигурных композициях (в данном случае — Правобережья — кроме пекторали, это амфора из Чертомлыка) изображаются *справа* (Яценко 1993: 315, 318).

(2). Меня особенно привлекала центральная сцена верхнего яруса с парой сидящих мужчин. Здесь два бородатых воина-лучника что-то пришивают к цельной овечьей шкуре, левый из них носит диадему, лук висит над ним. Можно согласиться с С.С. Бессоновой и Д.С. Раевским, предлагающим аналогии из архаических пластов персидского эпоса. Но при этом они выбрали сюжет об одном из первых царей Ирана Хушенге, научившем людей шить одежды из овчины (Бессонова 1983: 72), с дальнейшими рассуждениями Д.С. Раевского об овечьем руне, обеспечивающим у многих индоевропейских народов процветание и богатство (хотя на деле здесь изображено не собственно необработанное руно, а уже изготовление чего-то из него) (ср.: Раевский 2006: 489—490). Мне же кажется явно более значимым для скифского мира того времени и потому куда более предпочтительным *иной сюжет* из того же источника («Шахнаме» А.К. Фирдоуси). В период, когда в мире на 1 000 лет воцарился злодей-иноземец Заххак и совершил многочисленные преступления, простой кузнец Кава поднял восстание и призвал законного наследника Фаридуна/Траетону. Своим знаменем оба вождя сделали кожаный *кузнечный передник Кавы из цельной шкуры*, который вскоре стал *знаменем праведной династии Кейянидов и имел исключительный сакральный статус* (Яценко 1999: 282).

Замечу, что для периода изготовления предметов греко-скифской торевтики данной хронологической группы (третья четверть IV в. до н.э. по А.Ю. Алексееву) многими исследователями предполагается наличие внутренних политических конфликтов в Скифии, начавшееся оседание рядовых кочевников и усиление присутствия кочевой аристократии среди племен Лесостепной зоны. Поэтому совершенно логичным выглядит появление *к востоку от Днепра* серии ритуальных серебряных или золотых сосудов, на которых,

видимо, изображены *различные варианты легенды о происхождении царской власти у скифов* (Раевский 2006: 48—59). Эти сюжеты, вероятно, подчеркивали законность политических притязаний восточных групп - наследников паралатов или царских скифов — бывших лидеров в V в. до н.э. (Herod. Hist., IV, 5—6, 20, 56) в когда-то могущественной федерации кочевых скифов-сколотов. Не менее актуальными для скифских заказчиков в данное время становятся *легенды о происхождении скифов* (в них обосновывались, среди прочего, власть скифов над соседними племенами Лесостепной зоны (Herod. Hist., IV, 8—10) на кубках с шаровидным туловом и двуручных чашах. В могиле скифского князя в Куль-Обе, проживавшего вне своих владений, у столицы Боспорского царства, часть одежды украшалась сценами с тематически близким, по Д.С. Раевскому, сюжетом «испытания претендентов на престол» (два воина, стоящих спинами и стреляющие из луков в противоположные стороны). Вероятно, и для аристократии Правобережья мотивы о происхождении царской власти и династии были также актуальны (Яценко 2013b: 219—220).

Если наша трактовка центрального сюжета пекторали в Толстой Могиле (подготовка к борьбе за возвращение мира и порядка) близка к истине, то получится, что и центральная композиция персидской пекторали из Михо посвящена, по сути, близкому сюжету. Ведь аналогичные «триумфальные» композиции в ахеменидском искусстве, начиная с раннего правления Дария I (рельеф 515 г. до н.э. в Бисутуне/Бехистуне как прототип, со времени Ксеркса — личные печати, роспись парадного гроба, пектораль), были не только своего рода привилегией и наградой активным участникам победоносных войн, но и содержали прокламацию восстановления мира и порядка при подавлении нарушивших клятву и «восставших на Иран» подданных и соседей (см., например: Яценко 2011: 495—498).

Эта трактовка представляет собой альтернативу позиции Д.А. Мачинского, который не допускал у мужчин такого «женского» занятия как шитье, кроме «женоподобных» по облику жрецов-энареев (на деле же речь идет о бородатых пожилых мужчинах). «Смущающее» его обнажение торса (или полуобнажение с приспусканием кафтана с одного плеча, как на амфоре из Чертомлыка) (ср. Мачинский 1978: 140—142) на деле весьма обычно у «этнографических» кочевых народов в теплое время года.

Последней среди скифских, наиболее поздней (рубеж IV—III вв. до н.э.), была женская пектораль из *склепа 4 в Большой Близнице* на Азиатском Боспоре (рис. 12: 2). В числе особенностей изделия стоит назвать размещение в центре 15 мини-деревьев с цветами и / или листьями — вариацию серии Мировых деревьев, а также использование для бордюра орнамента из ряда полуovalов со слегка заостренными концами. По удачному выражению Д.А. Мачинского, ее композицию можно считать «конспектом» таковой на мужском образце из Толстой Могилы (один ярус изображений вместо трех, терзание сводится в охоте собаки на зайца по краям, изображены только реальные животные и (кроме зайца) одомашненные (Мачинский 1978: 145). Но то же можно сказать и об экземпляре из Косики (где представлена аналогия лишь центральной части нижнего яруса: терзание крупными хищниками копытных трех видов). Проще говоря, *лишь князю из Толстой Могилы было доступно ношение ритуального предмета с очень наглядной пространственной символикой всех трех зон мироздания*; хозяевам же других пекторалей были уготованы предметы с символикой только одной из зон мироздания и при этом — без изображений людей: среднего мира или нижнего с терзанием. Думается, что функции этих трех пекторалей соответственно могли заметно различаться.

Если говорить о двух последних, широко известных «греко-скифских» пекторалях греческой работы второй половины IV в. до н.э. (мужской из Толстой Могилы и женской из Большой Близницы), то их объединяют не только декоративное (чисто греческое)

оформление концов с львиными головками, «витые» края (ср. вывод о решающем значении в композиции и семантике пекторали из Аржана-2 именно узоров из витых полос: Чугунов 2014: 67) и т.п. Для обоих изделий характерно наличие фриза из 11—13 «мирных» копытных, а также дважды изображенный знаменитый мотив собаки, догоняющей зайца; горизонтальный ряд (или гирлянда) цветущих растений — вариации Мирового дерева, цветы, которые обязательно имеют 6 лепестков.

В целом я бы акцентировал внимание на *разнице в сюжетах мужских и женских пекторалей иранского мира*. Если достоверные *женские* комплексы с пекторальями (Аржан-2 и Большая Близница) дают нам однозначное господство сюжетов с 1—2 рядами копытных, то сюжеты *мужских* экземпляров совершенно иные. Во-первых, в них важное место занимает *мотив терзания копытных трех видов* как грифонами, так и кошачьими хищниками (Толстая Могила и, видимо, изначально мужской экземпляр из поздней могилы в Косике). Во-вторых, только на них есть *симметричные изображения с двумя группами мужских персонажей* (Толстая Могила, персидская из Музея Михо), где выделяется центральная сцена (в ней присутствуют два основных персонажа и оружие — лук и копье или только лук); трудно не заметить и *трехъярусность* основной полосы этих двух образцов. На достоверных женских пекторальях антропоморфные персонажи вообще отсутствуют.

Для двух греко-скифских пекторалей эту гендерную разницу можно представить полнее. У *мужчины* в Толстой Могиле все копытные в верхнем, «мирном» фризе — самки и детеныши (напротив, терзаемые хищниками копытные в нижнем ярусе — исключительно самцы), а у *женщины* в Близнице — либо самцы (козлы, отдыхающие поодиночке или бодающиеся парой) или пары самец-самка (одна из них — овца и баран). Только самцов видим на женских пекторальях Саяно-Алтая — в Аржане и Катанде. Если у мужчины в Толстой Могиле представлены, как уже отмечалось, все «пять видов скота» в индоиранской традиции, включая человека (Раевский 2006: 486—488), то у женщины в Близнице — лишь менее престижный мелкий рогатый скот (козы и овцы).

С крахом империи Ахеменидов к 330 г. до н.э., и вскоре — Великой Скифии в начале III в. до н.э., традиция использования парадных пекторалей практически исчезла у кочевников. Последнее (детальное, в живописи) изображение пекторали в пост-ахеменидском духе видим в начале II в. до н.э. в *культовом центре Акчахан-кала (Казаклы-Яткан) в правобережном Хорезме* (рис. 13: 1), на гигантской 4-метровой фигуре некоего бога, смотрящего на двух стоящих рядом божественных персонажей (Betts et al. 2015: fig. 8, 9) (рис. 13: 2). Его голова дана в профиль, тело — анфас; на голове — массивная корона в виде крепостной стены с зубчатыми башнями (наподобие античной Тюхе); молодое лицо гладко брито; к поясу подвешен акинак давно выбывшего из употребления типа. Белый кафтан украшен бляшками с парой полупетухов — полумужчин (как в скифской Соболевой Могиле и на поздних согдийских погребальных ложах в Китае) с барсами в руках. Особо выделяется сюжет самой пекторали, одинаковый в разных ее частях; он (как обычно в Акчахан-Кале) передан красным контуром на белом фоне. На нашей пекторали с прямоугольным нижним выступом (как в Музее Михо) многократно повторена в прямоугольных рамках (их видно 10 на основной полосе и 2 на нижнем выступе, итого — священные 12) сходная сцена. В данном случае это не всадники (как по верхнему краю в том же Михо), а поездка пары беседующих людей (по единственной в Хорезме Амударье?) на парадной лодке с головами оленя (?) на носу и птицы на корме и с тремя сложными свастиками на бортах, плывущей с помощью двух гребущих стоя лодочников (рис. 14). Видимо, это эпизод местной мифологии. Понятно, что сравнивать декор одежды *бога* с историческими (персидский вельможа и его скифские враги: Музей Михо) или эпическими героями (Толстая Могила) в данном случае трудно, т.к.

других аналогичных персонажей с пекторалью мы у иранцев пока не знаем. Кроме прямоугольного выступа внизу¹⁵, с ахеменидскими пекторалью хорезмийскую роднят бордюры с узором в виде ряда треугольников. Это сходство не случайно, т.к. Хорезм (перс. *Uvārazmīš*) был в составе одной из сатрапий и освободился после борьбы на самом рубеже V—IV вв. до н.э., сохранив в своей культуре многие древние традиции до юэчжийского-сакского вторжения конца II в. до н.э.

С I—II вв. в иранском мире мы встречаем только пекторали с геометрическими узорами. Интересен детально переданный образец (крупный, полукруглой формы) *на скульптуре I-й половины II в. н.э. индо-сакского сатрапа Кастаны*, подчиненного кушанскому императору Хувишке, в святилище в Матхуре (в долине Ганга) (Rosenfield 1967: pl. 5) (рис. 16: 1), но уже с тремя ярусами растительных и геометрических узоров (средний ярус, как и в Толстой Могиле, занят полосой вьющихся побегов). Декор из ряда противопоставленных полуovalов мы встречаем в I—III в. н.э. у сарматов (связанных со Средней Азией своим происхождением) — среди их тамг и ювелирных украшений (см., например: Соломоник 1959: № 64). Но и эта пектораль была наследием старого сакского мира (саки — потомки старого населения Средней Азии — захватили часть долины Инда и затем соседние территории с 85 г. до н.э.).

Каким-то чудом (из частично уцелевшей храмовой сокровищницы?) при последнем шахе Ирана были извлечены на свет и затем подарены в стихийно возникшую коллекцию даров парламенту Ирана (ныне — Музей им. Резы Аббаси в Тегеране)¹⁶ *две поздние доисламские золотые пекторали Ирана* (persiangulfstudies.com: 1) (рис. 16: 2—3). Одна из них — позднепарфянская I—III вв. н.э. (рис. 16: 2), другая — сасанидская (рис. 16: 3). Однако их роднят сравнительно крупные размеры, общность силуэта, множество идентичных или близких деталей конструкции и декора. Это двухъярусность, бордюры из треугольников и прямоугольная пластина внизу (известные еще у первой династии Ахеменидов), обильное использование зерни, господство овальных и круглых вставок из самоцветов (на раннем образце — гранатовых, на позднем — из крупного лазурита). Сасанидский экземпляр сделан из золота более высокой пробы и богаче декорирован: он включает три лазуритовых геммы (центральная, с портретом царя анфас, и боковые с головами «охраняющих» его львов). К нижнему краю на петельке крепилась какая-то небольшая подвеска (она тоже изъята, как и в Аржане-2 и на образце из Музея Михо). Обе пекторали трудно считать царскими: на многочисленных детальных изображениях царей и членов их семей мы таких предметов не видим. Похоже, и эти роскошные вещи, как и при Ахеменидах, были дарственными за некие важные заслуги.

После завоевания Ирана арабами история пекторалей на Ближнем Востоке завершилась. Однако на Среднем Востоке еще в первой половине XX в. существовал регион, где пекторали продолжали активно использоваться населением, говорившим на иранских и индоиранских языках — пуштунами и дардами (мужчинами и женщинами) и являлись (несмотря на относительно недавнюю исламизацию и обычную для пекторалей редкость использования) важным костюмным атрибутом. Эти пекторали, как и гривны, сделанные (вопреки более древней традиции) из серебра, производились, согласно любезному сообщению С.И. Каверина, в нижнем течении р. Сват (на севере современного Пакистана)

¹⁵ Замечу, что пекторали с прямоугольной нижней подвеской (как у ранних ахеменидской в Музее Михо и хорезмийской в Акчахан-кале) еще недавно были в употреблении у сибирских народов более южного происхождения (такой серебряный якутский образец можно увидеть в Особой кладовой Российского этнографического музея в Петербурге).

¹⁶ Обе пекторали этого музея официально не публиковались и размещены лишь в Интернете.

мастерами живущего здесь пуштунского племени *юсуфзаи*, и затем покупались не только местными жителями, но и более высокогорными северными (долина верхнего Свата) дардскими соседями (рис. 19). К сожалению, в отличие от гривен, информации о деталях их использования у нас нет. На этих костюмных аксессуарах не было изображений людей и животных: использовались лишь геометрические узоры, изредка включавшие стилизованные цветы и побеги; как уже отмечалось, вместо золота здесь употреблялось серебро (для лиц с менее значимым статусом иногда — дешевая латунь) (рис. 18). Не исключено, что это было древней особенностью пекторалей данного региона (ср. индо-сакский образец в Матхуре) (Яценко 2018: 56) (рис. 16: 1). *В облике этих пекторалей парадоксальным образом сохранилось много древних мотивов* давно исчезнувших великих иранских империй и еще более древних ближневосточных государств. Так, встречается на основной полосе орнамент в виде ряда из пяти кружков (обычный для Урарту) (рис. 18: 1), имитация подвесок по нижнему краю (как в ахеменидском Армавира) (рис. 18: 5), бордюр с рядом треугольников (подобно урартским и персидским все доисламских династий) образцам (рис. 18: 5, 6), схематичное изображение нескольких Мировых деревьев и сопровождающих их хищных птиц (как на уже названной пекторали из Армавира) (рис. 18: 1), узоры из ромбов (подобно ахеменидскому образцу из Музея Михо и скифскому из Майкопа) (рис. 18: 3, 5, 6), выступ по центру нижнего края (как на пекторали из Музея Михо) (рис. 18: 4)¹⁷. Немаловажно и то, что у дардов в верховьях Свата (в частности — в селении Magayan) не только гривны, но и куда более редкие пекторали (обычно — в сочетании с особой нагрудной подвеской) иногда изображались парой на надгробии (Kathler 1991: fig. 201) (рис. 20: 1), украшали особые почетные кресла (Kathler 1991: fig. 203) (рис. 20: 2) и фамильные парадные сундуки для ценного имущества (Kathler 1991: fig. 199, 200) (рис. 21). Такие изображения явно были и оберегом и важным символом.

В целом на древний иранский и иранизированный мир с VII в. до н.э. по VII в. н.э. известны лишь 12 пекторалей со сложной орнаментикой или сюжетными зоо- и антропоморфными изображениями (в тех 10 случаях, когда они представлены не изображениями, а реальными костюмными аксессуарами, они всегда сделаны из золота) (рис. 17). Три из них — с геометрической орнаментикой (рис. 17: 6, 8, 13), еще три — с зооморфными мотивами (рис. 17: 1, 3, 8; они связаны исключительно с кочевой аристократией в Степи), две — с зооморфными и растительными (рис. 17: 4, 10; они найдены на территории древних государств и включают на концах мотив терзания / преследования небольшого животного); еще четыре имеют антропоморфных персонажей (в основной композиции — 4 или 6) (рис. 17: 5, 9, 11, 14), но также (кроме позднейшего сасанидского образца) фигурки или головы птиц. Мотив терзания животных присутствует в скифо-ахеменидское время (VII—III вв. до н.э.) на половине известных образцов из всех основных регионов распространения, в первую очередь — у кочевых этносов (Скифия — 3, Саяно-Алтай — 2, Иран — 1) (рис. 17: 1, 3, 4, 8—10), а со II в. до н.э. он отсутствует у знати тех территорий с преимущественно оседлым населением (персы, хорезмийцы, индо-саки), где пекторали еще использовались (рис. 17: 11—14). Интересно, что, помимо золота, древние иранские народы использовали для простых, без изображений, пекторалей также бронзу, редко — олово. Однако ни для них, ни для сложно оформленных образцов никогда не употребляли такой благородный металл как *серебро* (думаю, это как-то связано с

¹⁷ На сайтах Интернета некоторые из пекторалей фигурируют как изделия Нуристана (см., например, рис. 18: 1, 2), но это неверно: они происходят, как это уже отмечалось, из Нижнего Свата.

приписываемыми ему свойствами); это еще одна из многих странностей описываемых довольно редких костюмных аксессуаров.

Выводы. Для пекторалей иранского мира характерны *редкость использования* (по сравнению с гривнами, парадными колье и браслетами), и такие важные особенности, как *практически полное отсутствие их в* чрезвычайно обильном антропоморфными образами *искусстве древнеиранских этносов* и их греко-римских соседей (кроме нескольких придворных невысоких рангов в Персеполе, и архаичного образа бога в хорезмийской Акчахан-Кале), *молчание о них в письменных и эпиграфических источниках*. В парадоксальном противоречии с этим, есть немало аргументов в пользу *большой и разнообразной значимости этих костюмных аксессуаров в ритуалах и социальной стратификации* разных ираноязычных групп древности. Ритуальная ценность таких артефактов со сложными и уникальными композициями подчеркивалась особыми обрядами с ними (размещение их отдельно от умершего, когда они как бы нависали над ним в могиле; обязательное спиливание петель для подвесок по нижнему краю или только изъятие всех подвесок; кроме того, их иногда использовали спустя века люди уже других культур. В некрополях Скифии для комплексов с пекторальями характерно пространственное отдаление от прочих (находились на самом краю могильника, отдельном кургане — на периферии). В могилах знатных женщин пекторали входили в компактный комплекс ритуальных предметов, связанных с молениями; в Степи для них характерен декор в виде 1—2 рядов копытных. Для мужчин специфичны сцены терзания крупных животных или сражения; антропоморфные персонажи иногда образуют две симметричных по горизонтали группы. Вполне ясна *картина распространения этих изделий с востока Центральной Азии* (от эпохи бронзы на северо-западных и северных окраинах нынешнего Китая и середины VII в. до н.э. в Туве) на территорию политического ядра державы Ахеменидов (с конца VI в. до н.э. — в Персеполе) и с середины V в. до н.э. — на землях Скифии, к северо-западу от первой «мировой империи» (разрушенный комплекс под Майкопом). При этом на иранцев повлияли композиция и декор пекторалей Урарту. *У разных этносов скифо-ахеменидского времени они, похоже, имели разное применение* (так, многочисленные и простые, без декора пекторали алды-бельской культуры, подчас носимые с 7—8 лет, явно были *маркерами более значимых кланов*; в ахеменидском и более позднем Иране, судя по письменным и изобразительным источникам, они *были царскими наградами придворным и чиновникам*; в Скифии образцы со сложным декором, символизирующим одну или все три зоны мироздания, могли иметь значение в общественных ритуалах, впрочем — не определявших в целом жизнь их хозяев: в отличие от женщины из Большой Близницы, у нас нет для мужчин никаких доказательств их жреческой специализации). Характерны твердое предпочтение для пекторалей золота и отказ для них от серебра. Последним, изолированным очагом их использования до середины XX в. были иранцы (пуштуны) и индо-арийские дарды (гаври, торвали) гор Восточного Гиндукуша, сохранившие в оформлении пекторалей частей часть традиций древних иранских государств.

Литература

- Аккомаццо Л. (сост.). 2003. *Сокровища Египта. Иллюстрированный путеводитель по Египетскому Музею в Каире*. Москва: Астрель; АСТ.
- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А. Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Саменцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. 2005. *Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология*. Санкт-Петербург: Теза.
- Армения. Легенда бытия. Страна, излучающая все круги истории. Выставка. 2016. Москва: Государственный исторический музей.
- Бессонова С.С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Горелик М.В. 1993. *Оружие древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. — IV в. до н.э.)*. Москва: Восточная литература.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141—179.
- Кисель В.А. 2018. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы. В: Смирнов Н.Ю. (ред.). *Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Длужневской)*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 120—127.
- Ковалев А.А. 2007. Чемурчешский культурный феномен (статья 1999 года). В: Хаврин С.В. (ред.). *А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова*. Санкт-Петербург: Культ-Информ-Пресс, 25—76.
- Ковалев А.А. 2012. *Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий*. Санкт-Петербург: СПбГБУК МИСР.
- Королук Е.А., Артемов И.А. 2002. Растительные остатки в захоронении Аржан-2 (Тува). *АЭАЕ* 2(10), 124—126.
- Мачинский Д.А. 1978. Пектораль из Толстой Могила и великие женские божества Скифии. В: Луконин В.Г. (ред.). *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*. Ленинград: Аврора, 131—150.
- Мозолевский Б.Н. 1972. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине (предварительная публикация). *СА* 3, 268—308.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н.э.* Москва: Институт археологии РАН.
- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. 2017. *Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана.
- Полидович Ю.Б., 2009. Царская пектораль как воплощение скифской мифологемы жизни. В: Кузеев Р.Г., Юнусова А.Б., Габдрафиков И. (ред.). *Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения*. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 113—115.
- Раевский Д.С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э.* Москва: Наука.
- Раевский Д.С. 2006. *Мир скифской культуры*. Москва: Языки славянских культур.
- Руденко С.И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Савинов Д.Г. 2002. *Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез)*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.
- Цветаева Г.А. 1968. *Сокровища причерноморских курганов*. Москва: Наука.
- Чугунов К.В. 2011. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. В: Мачинский Д.А. (ред.). *Европейская Сарматия*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 39—60.
- Чугунов К.В. 2014. Азиатские пекторали раннескифского времени. В: *Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Д.А. Мачинского*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 59—70.
- Чугунов К.В. 2018. Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2). *Археологія і давня історія України* 2(27), 25—34.
- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ и ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н.э.)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

- Яценко С.А. 1993. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. (к вопросу об этнографизме изображений). *Вестник шелкового пути. Археологические источники* 1, 304—338.
- Яценко С.А. 1999. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V—IV вв. до н.э. В: Тошев Г.Н. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Запорожье: ЗГУ, 282—285.
- Яценко С.А. 2006. *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. Москва: Восточная литература.
- Яценко С.А. 2011. Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов. *Вопросы археологии Казахстана* 3, 495—510.
- Яценко С.А. 2013а. Несколько изображений скифов в греческом и персидском искусстве. *Батыр* 1, 75—78.
- Яценко С.А. 2013б. Этапы и формы антропоморфизации в греко-скифском и скифском искусстве IV в. до н.э. В: Коваленко А.Н. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону: ЛАКИ-ПАК, 216—230.
- Яценко С.А. 2018. Парадные шейные обручи-пекторали в костюме в костюме древних иранских народов. В: Калашникова Н.М. (ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. Материалы XXI Международной научной конференции*. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 56—60.
- Яценко С.А. 2019. Произведения ювелирного искусства ахеменидского Ирана в кочевом мире: состав и обстоятельства получения. *Артикульт* 33, 33—39.
- Betts A.V.G., Bonnat M., Kidd F., Grenet F., Khashimov S., Khodzhanijazov G., Minardi M. 2015. Des devinités Avestiques sur les peintures murales d' Akchakhan-kala, Ouzbékistan. *Académie des Inscriptions & Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l' année 2015*, III, juillet-octobre, 1369—1396.
- bonhams.com: 1: An Urartian Silver Pectoral. URL: <https://www.bonhams.com/auctions/21928/lot/116/> (дата обращения 12.12.2019).
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. 2003. Der scythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000—2002. *Eurasia Antiqua* 9, 113—162.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz: Philipp von Zabern.
- Ghirshman R. 1963. *Perse. Proto-iraniens. Mèdes. Achéménides*. Paris: Gallimard.
- Kathler J. 1991. *The Arts and Craft of the Swat Valley. Living Traditions of Hindu Kush*. London; New York: Thames and Hudson.
- Kellner H.-J. 1991. Medallions and Pectorals. In: *Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium BCE*. Jerusalem: The Israel Museum, 164—166.
- Merhav R. 1991. Some Observations Pectorals and Medallions. In: *Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium BCE*. Jerusalem: The Israel Museum, 171—176.
- Miho Museum. South Wing. 1997. Shigaraki: Miho Museum.
- miho.or.jp: 1: Pectoral — Miho Museum. URL: <http://www.miho.or.jp/booth/html/artcon/00000921e.htm> (дата обращения 12.12.2019).
- Nazmjoo A.R. 2004. *Persepolis. Monuments historiques du Fars. Pasargades, Naqch-e Rostam et Naqsh-e Rabad*. Tehran: Yassavoli.
- orientbazar.eu: 1: Antik Halsreifen Afganistan Nuristan Nr.-17/8. URL: <https://www.orientbazar.eu/spiral-halsreifen-afghanistan-nuristan-balochistan-51792050.html> (дата обращения 12.12.2019).
- Parzinger H. (Hrsg.). 2007. *Im Zeichen des Golden Greifen. Königsgräber der Scythen*. München: Prestel.
- peopleofar.com: 1: Armenia the heir of Urartu. URL: <https://www.peopleofar.com/2013/12/12/armenia-the-heir-of-urartu/> (дата обращения 12.12.2019).
- persiangulfstudies.com: 1: Museum of Parthian Iran. URL: <http://www.persiangulfstudies.com/userfiles/images/Parthian-%20Museum-09.jpg> (дата обращения 12.12.2019).
- pinterest.es: 1: Urartuların süs eşyalarına ne kadar düşkün bir toplum olduğu, hem günümüze. URL: <https://www.pinterest.es/pin/533535887088123547/> (дата обращения 12.12.2019).
- pinterest.ru: 1: Afghanistan — silver, disc-shaped flattened, richly decorated with applied ornaments and polychrome glass stones. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/331788697534391151/> (дата обращения 12.12.2019).
- pinterest.ru: 2: Afghanistan or Pakistan. Antique solid silver torc from the valley of the Swat in Pakistan or Afghanistan. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052685719461/> (дата обращения 12.12.2019).
- pinterest.ru: 3: North West Pakistan | Silver neck torques worn by married women in Swat valley. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052672844884/> (дата обращения 12.12.2019).

- pinterest.ru: 4: Silver neck torque worn by married women in Swat valley, North West Pakistan. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052672836014/> (дата обращения 12.12.2019).
- pinterest.ru: 5: Pakistan | Silver woman's necklace from Kohistan/Swat. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052672836095/> (дата обращения 12.12.2019).
- Rosenfield J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- royalathena.com: 1: Important North Syrian large bronze pectoral with repousse decoration. URL: <http://www.royalathena.com/PAGES/NearEasternCatalog/Bronze/ALT1104.html> (дата обращения 12.12.2019).
- Shahbazi A.Sh. (ed.). 2001. *The Splendour of Iran*. Vol. 1. *Ancient Times*. London: Both-Clibborn Eds.
- Soler Diaz J.A. (ed.). 2008. *Esciadas. Tesoros de Tuva*. Alicante: Museo Arqueologico de Alicante.
- Stronach D. 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford: Clarendon Press.
- Summerer L. 2005. From Tatarli to Munich: the Renovation of a Painted Wooden Tomb Chamber in Phrygia. In: Delemen I. (ed.). *The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth — Fourth Centuries BC)*. Istanbul: Turkish Institute of Archaeology, 129—156.
- Tallon F. 1992. The Achaemenid Tomb on the Acropole. In: Harper P.O., Aruz J., Tallon F. (eds.). *The Royal City of Susa. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre*. New York: Metropolitan Museum of Art, 242—252.
- Tatarli. *The return of colours*. 2010. Istanbul: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı; Yapı Kredi Yayınları.
- Wu Xin. 2010. Enemies of Empire: A Historical Reconstruction of Political Conflicts between Central Asia and Persian Empire. In: Curtis J., Simpson St.J. (eds.). *The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East*. London: I.B. Tauris & Co, 545—564.
- Yatsenko S.A. 2012. Essays on Anthropomorphic Images of Scythians. In: Rabajiev K. (ed.). *Изкуство & Идеология*. София: Университетско издателство «Св. Климент Орхидски», 63—79.

References

- Accomazzo, L. (ed.). 2003. *Sokrovishcha Egipta. Illyustrirovanniy catalog po Egipetskomu Muzeiu v Kaire (Treasures of the Ancient Egypt. The Illustrated Guide of Egyptian Museum in Cairo)*. Moscow: “Astrel”; “AST” (in Russian).
- Alekseyev, A.Yu., Bokovenko, N.A. Vasil'yev, S.S., Dergachev, V.A., Zaytseva, G.I., Kovalyukh, N.N., Cook, G., van der Plicht, J., Possnert, G., Samentsov, A.A., Scott, Ye.M., Chugunov, K.V. 2005. *Evrasiya v skifskuyu epokhu: radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya (Eurasia in the Scythian Era: Radiocarbon and Archaeological Chronology)*. Saint Petersburg: “Teza” Publ. (in Russian).
- Armeniya. *Legenda bytiya. Strana, izluchayushchaya vse krugi istorii. Vystavka (Armenia. The Legend of Being. A Country radiating all Circles of the History. The Exhibition)*. 2016. Moscow: “Gosudarstvenniy istoricheskiy muzey” (in Russian).
- Bessonova, S.S. 1983. *Religioznye predstavleniia skifov (The Religious Beliefs of Scythians)*. Kiev: “Naukova dumka” (in Russian).
- Gorelik, M.V. 1993. *Oruzhiye drevnego Vostoka (IV tysyacheletie do n.e. — IV v. do n.e.) (The Weapon of the Ancient East (4th Millennium BCE — 4th Century BCE))*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 3, 141—179 (in Russian).
- Kisel', V.A. 2018. In: Smirnov, N.Yu. (ed.). *Pamiatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamiati G.V. Dluzhnevskoi) (Monuments of Archaeology in Studies and Photography (in memory of G.V. Dluzhnevskaya))*. Saint Petersburg: “Institut istorii material'noi kul'tury RAN”, 120—127. (in Russian).
- Kovalev, A.A. 2007. In: Khavrin, S.V. (ed.). *A.V. Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A.V. Vinogradova (A.V. Collection of Scientific Works in Honor for the 60th Anniversary of A.V. Vinogradov)*. Saint Petersburg: “Kult-Inform-Press” Publ., 25—76 (in Russian).
- Kovalev, A.A. 2012. *Drevneyshiye statui Chemurcheka i prilegayushchikh territoriy (The Oldest Statues of Chemurchek and surrounding Areas)*. Saint Petersburg: “SPbGBUK MISR” (in Russian).
- Machinskiy, D.A. 1978. In: Lukonin, V.G. (ed.). *Kul'tura Vostoka. Drevnost' i ranneye srednevekov'ye (Culture of the East. Antiquity and the Early Middle Ages)*. Leningrad: “Avrora” Publ., 131—150 (in Russian).
- Mozolevskiy, B.N. 1972. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 268—308 (in Russian).

- Ol'khovskiy, V.S., Yevdokimov, G.L. 1994. *Skifskiye izvayaniya VII—III vv. do n.e. (Scythian Statues of the 7th — 3rd Centuries BCE)*. Moscow: "Institut arkheologii RAN" (in Russian).
- Ongaruly, A., Ol'khovskiy, V., Astaf'yev, A., Dar'menov, R. 2017. *Drevniye svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaral'ya (Ancient Sanctuaries of Ustyurt and the Eastern Aral Sea Region)*. Almaty: "Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana" (in Russian).
- Polidovich, Yu.B., 2009. In: Kuzeyev, R.G., Yunusova, A.B., Gabdrafi'kov, I. (eds.). *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: II Kuzeyevskiy chteniya (Ethnos. Society. Civilization: II Kuzeev Readings)*. Ufa: "Ufimskiy poligrafkombinat", 113—115 (in Russian).
- Rayevskiy, D.S. 1985. *Model' mira skifskoy kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnykh narodov yevraziyskikh stepey I tysyacheletiya do n.e. (Model of the World of Scythian Sulture. The Problems of the Worldview of the Iranian-speaking Peoples of the Eurasian Steppes of the 1st Millennium BCE)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Rayevskiy, D.S. 2006. *Mir skifskoy kul'tury (World of Scythian Culture)*. Moscow: "Yazyki slavyanskikh kul'tur" Publ. (in Russian).
- Rudenko, S.I. 1960. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoye vremya (Culture of the Population of Central Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "AN SSSR" (in Russian).
- Savinov, D.G. 2002. *Ranniye kochevniki Verkhnego Eniseya (arkheologicheskiye kul'tury i kul'turogenез) (Early Nomads of the Upper Enisei (Archaeological Cultures and Cultural Genesis))*. Saint Petersburg: "SPbGU" (in Russian).
- Tsvetayeva, G.A. 1968. *Sokrovishcha prichernomorskikh kurganov (Treasures of the Black Sea Burial-mounds)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Chugunov, K.V. 2011. In: Machinskiy, D.A. (ed.). *Evropeyskaya Sarmatiya (European Sarmatia)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 39—60 (in Russian).
- Chugunov, K.V. 2014. In: *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoy Evrazii. Sbornik statey pamyati D.A. Machinskogo (Ladoga in the Context of the History and Archaeology of Northern Eurasia. Collection of Articles in Memory of D.A. Machinsky)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 59—70 (in Russian).
- Chugunov, K.V. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archeology and Ancient History of Ukraine)* 2(27), 25—34 (in Russian).
- Shaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't i ritual v Severnom Prichernomor'ye (VII—IV vv. do n.e.) (Myth, Cult and Ritual in the Northern Black Sea Region (7th — 4th Centuries BCE))*. Saint Petersburg: "Filologicheskiy fakul'tet SPbGU" (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 1993. In *Arkheologicheskiye istochniki (Archaeological Sources)* 1, 304—338 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 1999. In: Toshchev, G.N. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii (Problems of Scythian-Sarmatian Archaeology)*. Zaporozh'ye: "ZGU", 282—285 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2006. *Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnyye narody) (Costume of Ancient Eurasia (Iranian-speaking Peoples))*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2011. In *Voprosy arkheologii Kazakhstana (Problems of Kazakhstan' Archaeology)* 3, 495—510 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2013a. In *Batyr* 1, 75—78 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2013b. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'ye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya (Black Sea Coast in the Ancient and Early Medieval Times)*. Rostov-na-Donu: "LAKI-PAK" Publ., 216—230 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2018. In: Kalashnikova, N.M. (ed.). *Moda i dizayn: istoricheskii opyt — novye tekhnologii. Materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies. Proceedings of the 21st International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "SPbGUPTD", 56—60 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2019. In *Artikul't (Art&Cult)* 33, 33—39 (in Russian).
- Betts, A.V.G., Bonnat, M., Kidd, F., Grenet, F., Khashimov, S., Khodzhanijazov, G., Minardi, M. 2015. Des devinités Avestiques sur les peintures murales d'Akchakhan-kala, Ouzbékistan. *Académie des Inscriptions & Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l'année 2015*, III, juillet-octobre, 1369—1396.
- bonhams.com: 1: An Urartian Silver Pectoral. Accessed at: <https://www.bonhams.com/auctions/21928/lot/116/> (accessed 12.12.2019).
- Čugunov, K.V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstengraban Aržan 2 in Tuva*. Mainz: "Philipp von Zabern" Publ.
- Čugunov, K.V., Parzinger, H., Nagler, A. 2003. Der scythische Fürstengrabbhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000—2002. *Eurasia Antiqua* 9, 113—162.

- Ghirshman, R. 1963. *Perse. Proto-iraniens. Mèdes. Achéménides*. Paris: “Gallimard” Publ.
- Kathler, J. 1991. *The Arts and Craft of the Swat Valley. Living Traditions of Hindu Kush*. London, New York: “Thames and Hudson” Publ.
- Kellner, H.-J. 1991. Medallions and Pectorals. In: *Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium BCE*. Jerusalem: “The Israel Museum”, 164—166.
- Merhav, R. 1991. Some Observations Pectorals and Medallions. In: *Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium BCE*. Jerusalem: “The Israel Museum”, 171—176.
- Miho Museum. South Wing. 1997. Shigaraki: “Miho Museum”.
- miho.or.jp: 1: Pectoral — Miho Museum. Accessed at: <http://www.miho.or.jp/booth/html/artcon/00000921e.htm> (accessed 12.12.2019).
- Nazmjoo, A.R. 2004. *Persepolis. Monuments historiques du Fars. Pasargades, Naqch-e Rostam et Naqsh-e Rqjab*. Tehran: “Yassavoli” Publ.
- orientbazar.eu: 1: Antik Halsreifen Afganistan Nuristan Nr.-17/8. Accessed at: <https://www.orientbazar.eu/spiral-halsreifen-afghanistan-nuristan-balochistan-51792050.html> (accessed 12.12.2019).
- Parzinger, H. (Hrsg.) 2007. *Im Zeichen des Golden Greifen. Königsgräber der Scythen*. Muhchen: “Prestel” Publ.
- peopleofar.com: 1: Armenia the heir of Urartu. Accessed at: <https://www.peopleofar.com/2013/12/12/armenia-the-heir-of-urartu/> (accessed 12.12.2019).
- persiangulfstudies.com: 1: *Museum of Parthian Iran*. Accessed at: <http://www.persiangulfstudies.com/userfiles/images/Parthian-%20Museum-09.jpg> (accessed 12.12.2019).
- pinterest.es: 1: Urartuların süs eşyalarına ne kadar düşkün bir toplum olduğu, hem günümüze. Accessed at: <https://www.pinterest.es/pin/533535887088123547/> (accessed 12.12.2019).
- pinterest.ru: 1: Afghanistan — silver, disc-shaped flattened, richly decorated with applique ornaments and ploychrome glass stones. Accessed at: <https://www.pinterest.ru/pin/331788697534391151/> (accessed 12.12.2019).
- pinterest.ru: 2: Afghanistan or Pakistan. Antique solid silver torc from the valley of the Swat in Pakistan or Afghanistan. Accessed at: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052685719461/> (accessed 12.12.2019).
- pinterest.ru: 3: North West Pakistan | Silver neck torques worn by married women in Swat valley. Accessed at: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052672844884/> (accessed 12.12.2019).
- pinterest.ru: 4: Silver neck torque worn by married women in Swat valley, North West Pakistan. Accessed at: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052672836014/> (accessed 12.12.2019).
- pinterest.ru: 5: Pakistan | Silver woman's necklace from Kohistan/Swat. Accessed at: <https://www.pinterest.ru/pin/420594052672836095/> (accessed 12.12.2019).
- Rosenfield, J.M. 1967. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles: “University of California Press” Publ.
- royalathena.com: 1: Important North Syrian large bronze pectoral with repousse decoration. Accessed at: <http://www.royalathena.com/PAGES/NearEasternCatalog/Bronze/ALT1104.html> (accessed 12.12.2019).
- Shahbazi, A.Sh. (ed.). 2001. *The Splendour of Iran*. Vol. 1. *Ancient Times*. London: “Both-Clibborn Eds.” Publ.
- Soler Diaz, J.A. (ed.). 2008. *Esciadas. Tesoros de Tuva*. Alicante: “Museo Arqueologico de Alicante” Publ.
- Stronach, D. 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford: “Clarendon Press”.
- Summerer, L. 2005. From Tatarlı to Munich: the Renover of a Painted Wooden Tomb Chamber in Phrygia. In: Delemen, I. (ed.). *The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth — Fourth Centuries BC)*. Istanbul: “Turkish Institute of Archaeology”, 129—156.
- Tallon, F. 1992. The Achaemenid Tomb on the Acropole. In: Harper, P.O., Aruz, J., Tallon, F. (eds.). *The Royal City of Susa. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre*. New York: “Metropolitan Museum of Art”, 242—252.
- Tatarlı. *The return of colours*. 2010. Istanbul: “T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı”; “Yapı Kredi Yayınları”.
- Wu Xin. 2010. Enemies of Empire: A Historical Reconstruction of Political Conflicts between Central Asia and Persian Empire. In: Curtis, J., Simpson, St.J. (eds.). *The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East*. London: “I.B. Tauris & Co” Publ., 545—564.
- Yatsenko, S.A. 2012. Essays on Anthropomorphic Images of Scythians. In: Rabajiev, K. (ed.). *Izkustvo i Ideologiya (Art and Ideology)*. Sofia: “Universitet-sko izdatelstvo «Sv. Kliment Okhridski»”, 63—79.

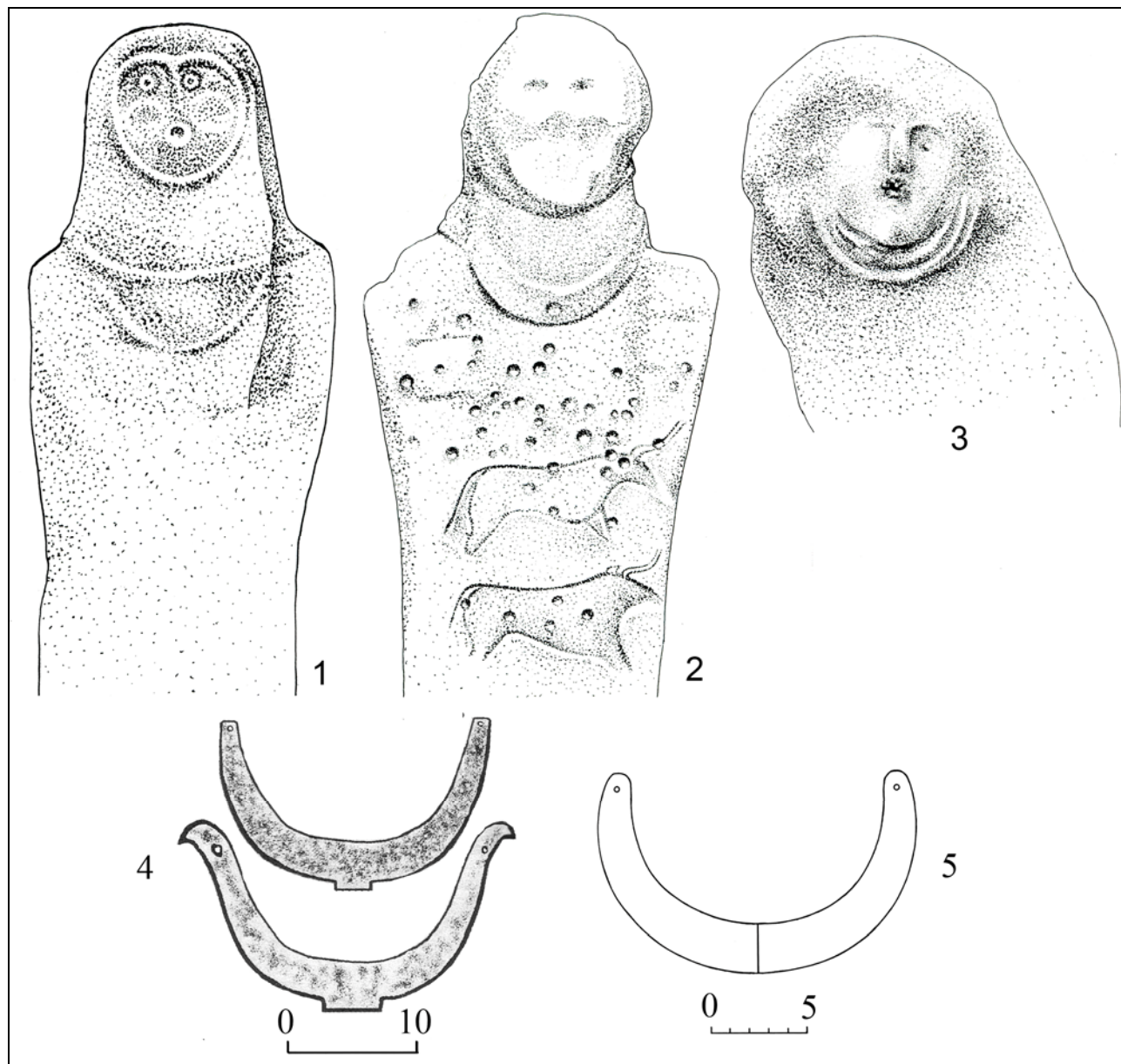

Рис. 1. Ранние пекторали в памятниках Китая: 1—3 — каменные статуи индоевропейской чемурчешской культуры второй половины III — начала II тыс. до н.э. (1 — Кокшим, № 1; 2 — Актобе; 3 — Каратас 1, № 2: по Ковалев 2012: № 8, 16, 11); 4 — бронзовые пекторали с запада пров. Шэньси эпохи Инь; 5 — Юйхуанмяо (Северный Китай), могила 250 (4—5 — по Чугунов 2014: рис. 1: А, 3, Б, 7—8).

Fig. 1. The early pectorals in the monuments of China: 1—3 — stone statues of the Indo-European Chemurchek Culture of the second half of 3rd — early 2nd mill. BCE (1 — Kokshim, No 1; 2 — Aktobe; 3 — Karatas 1, No 2: after Kovelev 2012: Ns. 8, 16, 11); 4 — bronze pectorals from the western part of Shaanxi Province, Yin time; 5 — Yuihuanmyao (Nothern China), grave 250 (4—5 — after Chugunov 2014: fig. 1: A, 3, B, 7—8).

Рис. 2. Женская пектраль в контексте погребения 5 кургана Аржан-2, середина VII в. до н.э.: 1 — по Čugunov, Parzinger, Nagler 2003: Abb. 18; 2 — по Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010: Taf. 65.

Fig. 2. The female pectoral in the context of grave 5 in Arzhan-2, the mid. 7th c. BCE: 1 — after Čugunov, Parzinger, Nagler 2003: Abb. 18; 2 — after Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010: Taf. 65.

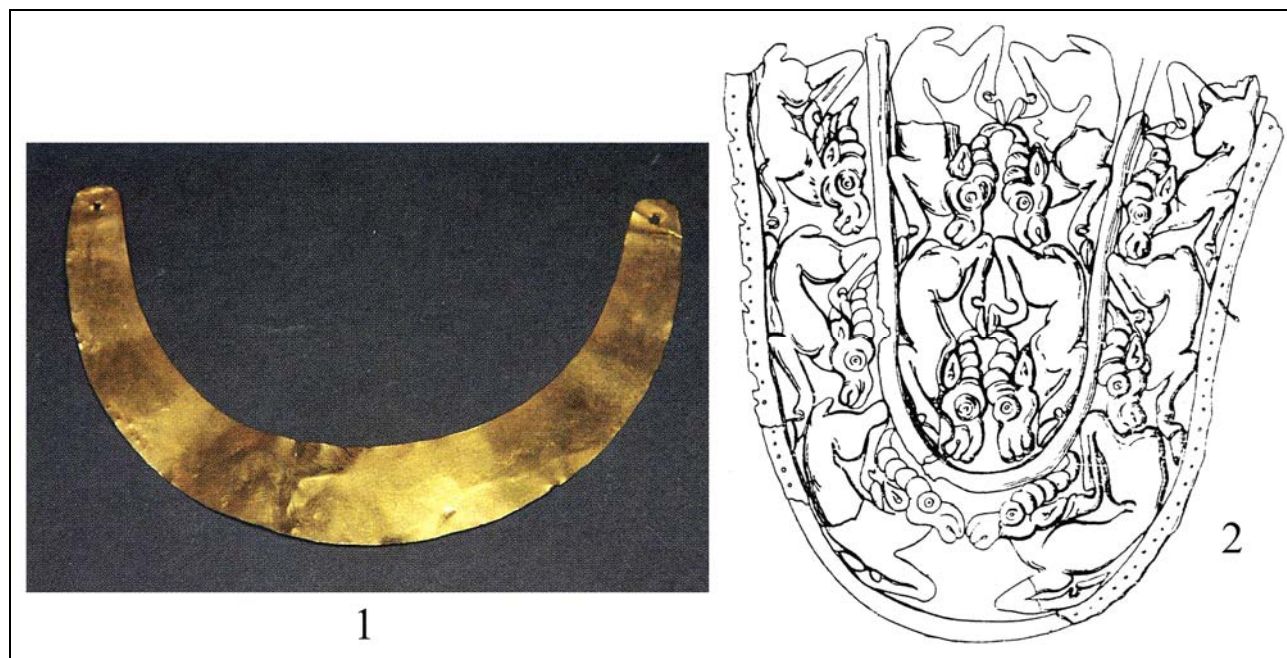

Рис. 3. Пекторали Саяно-Алтайского нагорья: 1 — Баян-Кол, алды-бельская культура (по Soler Diaz 2008: Cat. No 128); 2 — Туэкта, курган 1, середина V в. до н.э. (по Руденко 1960: рис. 70).

Fig. 3. Pectorals of Sayan-Altai Plateau: 1 — Bayan-Kol, Aldy-Bel Culture (after Soler Diaz 2008: Cat. No 128); 2 — Tuekta, barrow 1, the mid. 5th c. BCE (after Rudenko 1960: fig. 70).

Рис. 4. Пекторали и их изображения из Урарту, Ассирии, Манна и Луристана VIII—VII вв. до н.э.: 1, 3—6, 8, 10—11 — Урарту; 7, 12 — Ассирия; 2 — Манна; 9 — Луристан (1 — по Kellner 1991: 165, fig. 32; 2 — Зивие (по Parzinger 2007: 230, No 2); 3 — Музей Михо (по miho.or.jp: 1); 4 — по bonhams.com: 1; 5 — по pinterest.es: 1; 6 — Тушпа (по peopleofar.com: 1); 7 — Северная Сирия (Цюрих, частная коллекция) (по royalathena.com: 1); 8 — Нор-Ареш (по Mehrav 1991: 172, fig. 6); 9 — Луристан (Тегеран, частная коллекция) (по Ghirshman 1963: fig. 380); 10—11 — Русахинили / Топрах-кале (по Mehrav 1991: 171, 173, fig. 4, 7); 12 — Кальху / Нимруд, слуга Ашурназирпала II (Mehrav 1991: 174, fig. 10a).

Fig. 4. Pectorals and its images from Urartu, Assyria, Manna and Luristan of the 8th — 7th cc. BCE: 1, 3—6, 8, 10—11 — Urartu; 7, 12 — Assyria; 2 — Manna; 9 — Luristan (1 — after Kellner 1991: 165, fig. 32; 2 — Ziwich (after Parzinger 2007: 230, No 2); 3 — Miho Museum (after miho.or.jp: 1); 4 — after bonhams.com: 1; 5 — after pinterest.es: 1; 6 — Tushpa (after peopleofar.com: 1); 7 — Northern Syria (Zurich, private collection) (after royalathena.com: 1); 8 — Nor-Aresh (after Mehrav 1991: 172, fig. 6); 9 — Luristan (Teheran, private collection) (after Ghirshman 1963: fig. 380); 10—11 — Rusahinili / Toprah-kale (after Mehrav 1991: 171, 173, fig. 4, 7); 12 — Kalhu / Nimrud, the servant of Assurnasirpal II (after Mehrav 1991: 174, fig. 10a).

Рис. 5. Пекторали раннего ахеменидского Ирана: 1 — северная лестница Ападаны Персеполя / Парсы, конец VI в. до н.э. (по Nazmjoo 2004: 104); 2 — Армавир, Армения, VI—V вв. до н.э. (по Армения 2016: 70).

Fig. 5. Pectorals of the early Achaemenian Iran: 1 — the Northen Stairway of Apadana, Persepolis / Parsa, the late 6th c. BCE (after Nazmjoo 2004: 104); 2 — Armavir, Armenia the 6th — 5th cc. BCE (after Armeniia 2016: 70).

Рис. 6. Ахеменидская пектораль V в. до н.э. из Музея Михо (по Miho Museum 1997: 89).

Fig. 6. The Achaemenian pectoral of the 5th c. BCE from Miho Museum (after Miho Museum 1997: 89).

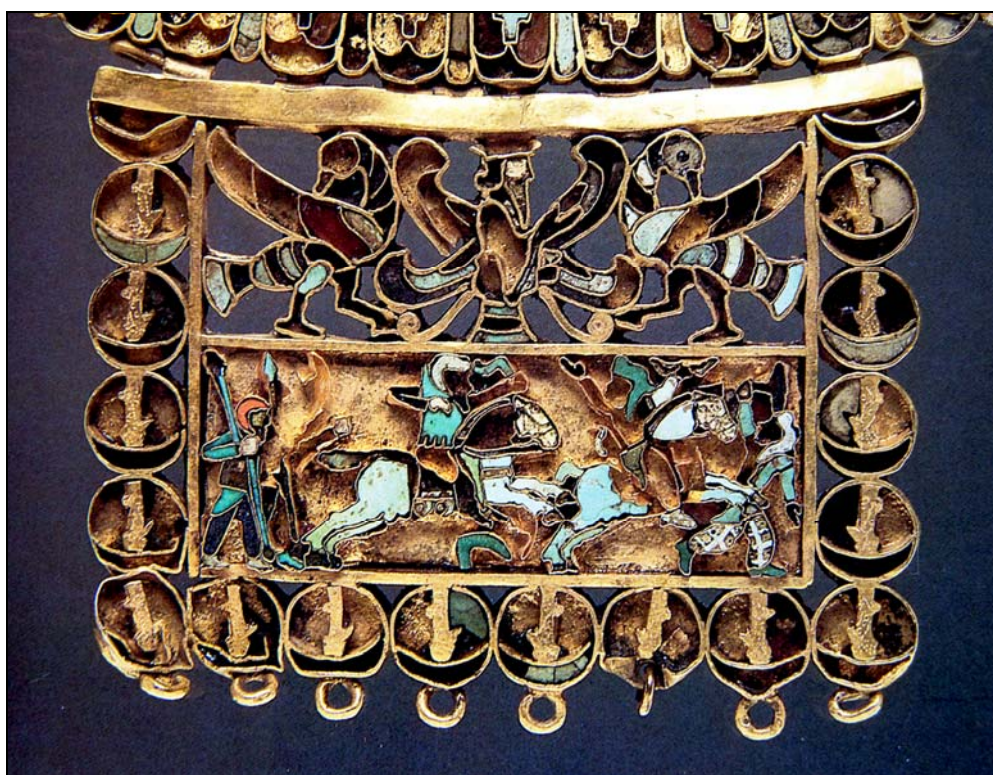

Рис. 7. Ахеменидская пектораль из Музея Михо, нижняя часть (по Дж. Лернер).

Fig. 7. The Achaemenian pectoral of the 5th c. BCE from Miho Museum, the lower part (after J. Lerner).

Рис. 8. Один из возможных прототипов деталей пекторали из Музея Мiho: пектораль фараона Псисеннеса I, конец XI в. до н.э., Танис (по Аккомаццо 2003: 401, рис. 392).

Fig. 8. One of the probable proto-types of Miho Museum pectoral' details: the pectoral of Psusennes I pharaoh, the late 11th c. BCE, Tanis (after Accomazzo 2003: 401, fig. 392).

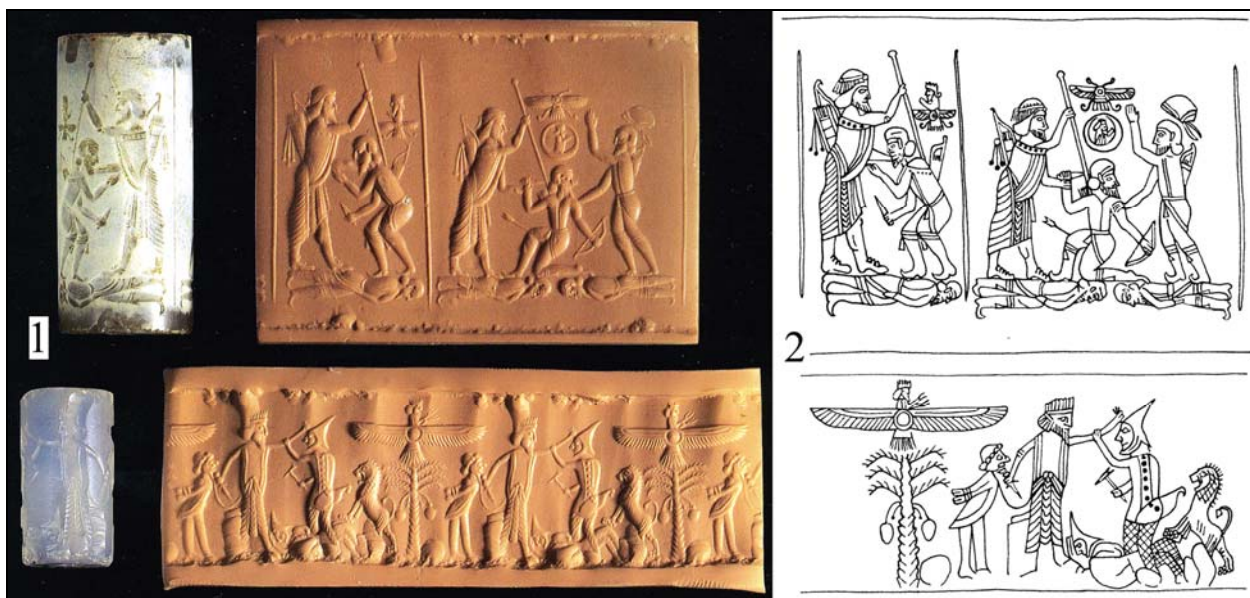

Рис. 9. «Триумфальные» дарственные печати V в. до н.э. со сценами победы персидского царя над кочевниками Средней Азии: 1 — British Museum; 2 — по Яценко 2011: рис. 4.

Fig. 9. The “triumphal” endowment seals of the 5th c. BCE with the scenes of Persian king' victory over nomads of the Central Asia: 1 — British Museum; 2 — after Yatsenko 2011: fig. 4.

Рис. 10. Скифо-савроматские пекторали: 1 — майкопская покупка 1913 г., середина V в. до н.э. (по Parzinger 2007: 226, No 9b); 2 — Ильинцы, курган 493, IV в. до н.э. (по Горелик 1993: 315, табл. XLIX: 9); 3 — Косика, могила 1, IV в. до н.э. (по Д.В. Васильеву); 4 — прорисовка пекторали из Косики (по Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993: рис. 16), с дополнениями автора после реставрации.

Fig. 10. Scythian and Sauromatian pectorals: 1 — Maikop purchase of 1913 y., the mid. 5th c. BCE (after Parzinger 2007: 226, No 9b); 2 — Il'intsy, barrow 493, the 4th c. BCE (after Gorelik 1993: 315, pl. XLIX: 9); 3 — Kosika, grave 1, the 4th c. BCE (after D.V. Vasiliev); 4 — Kosika pectoral drawing (after Dvornichenko, Fedorov-Davydov 1993: fig. 16), with the author additions after restoration.

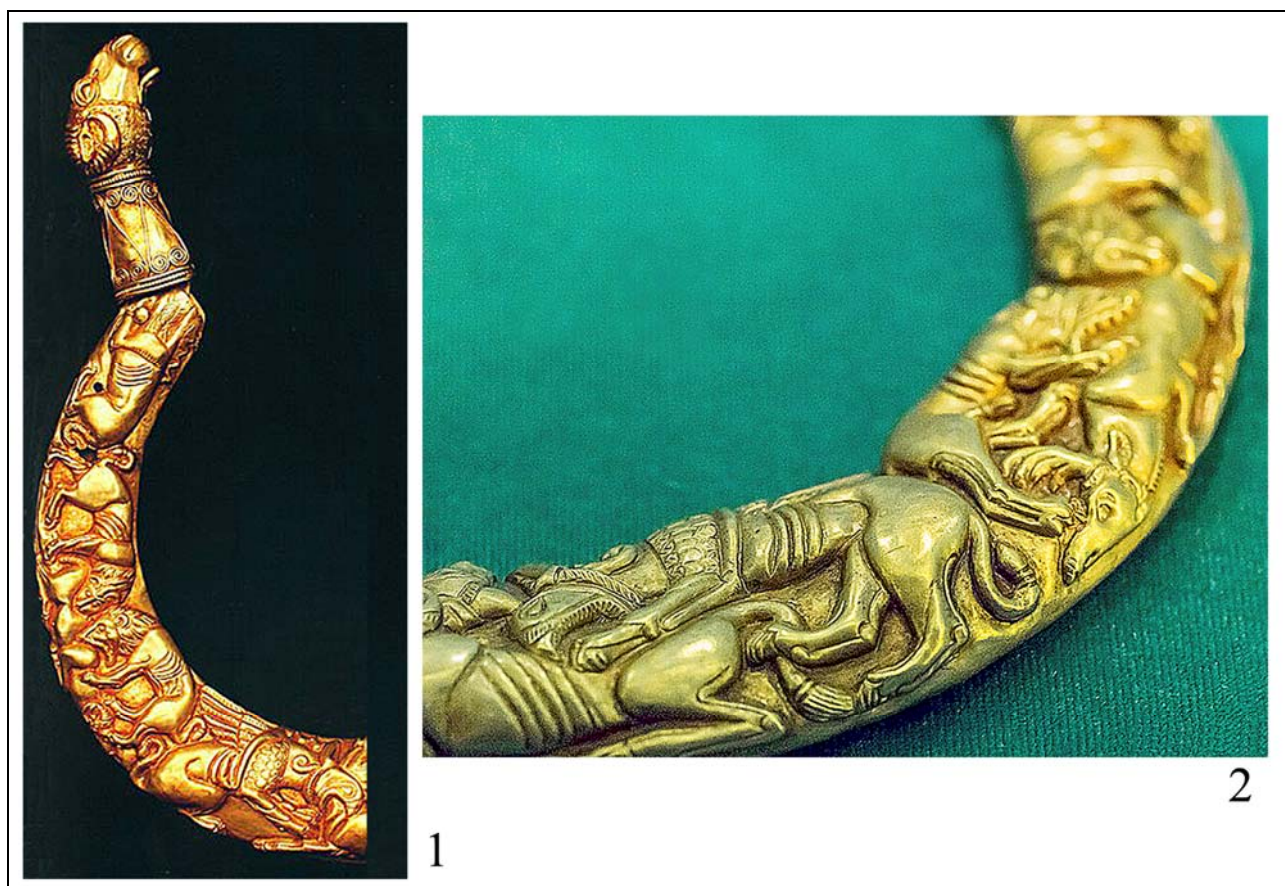

Рис. 11. Пектораль из Косики, детали в ходе реставрации (1 — по Д.В. Васильеву; 2 — фото автора).

Fig. 11. Pectoral from Kosika, the details during restoration (1 — after D.V. Vasiliev; 2 — photo by the author).

Рис. 12. Греко-скифские пекторали второй половины IV в. до н.э.: 1 — Толстая Могила, основное погребение (по Parzinger 2007: 295, No. 2); 2 — Большая близница, могила 4 (по Цветаева 1969: 77).

Fig. 12. Greek-Scythian pectorals of the second half of 4th c. BCE: 1 — Tolstaya Mogila, the main grave (after Parzinger 2007: 295, No. 2); 2 — Bol'shaya Bliznitsa, grave 4 (after Tsvetaeva 1969: 77).

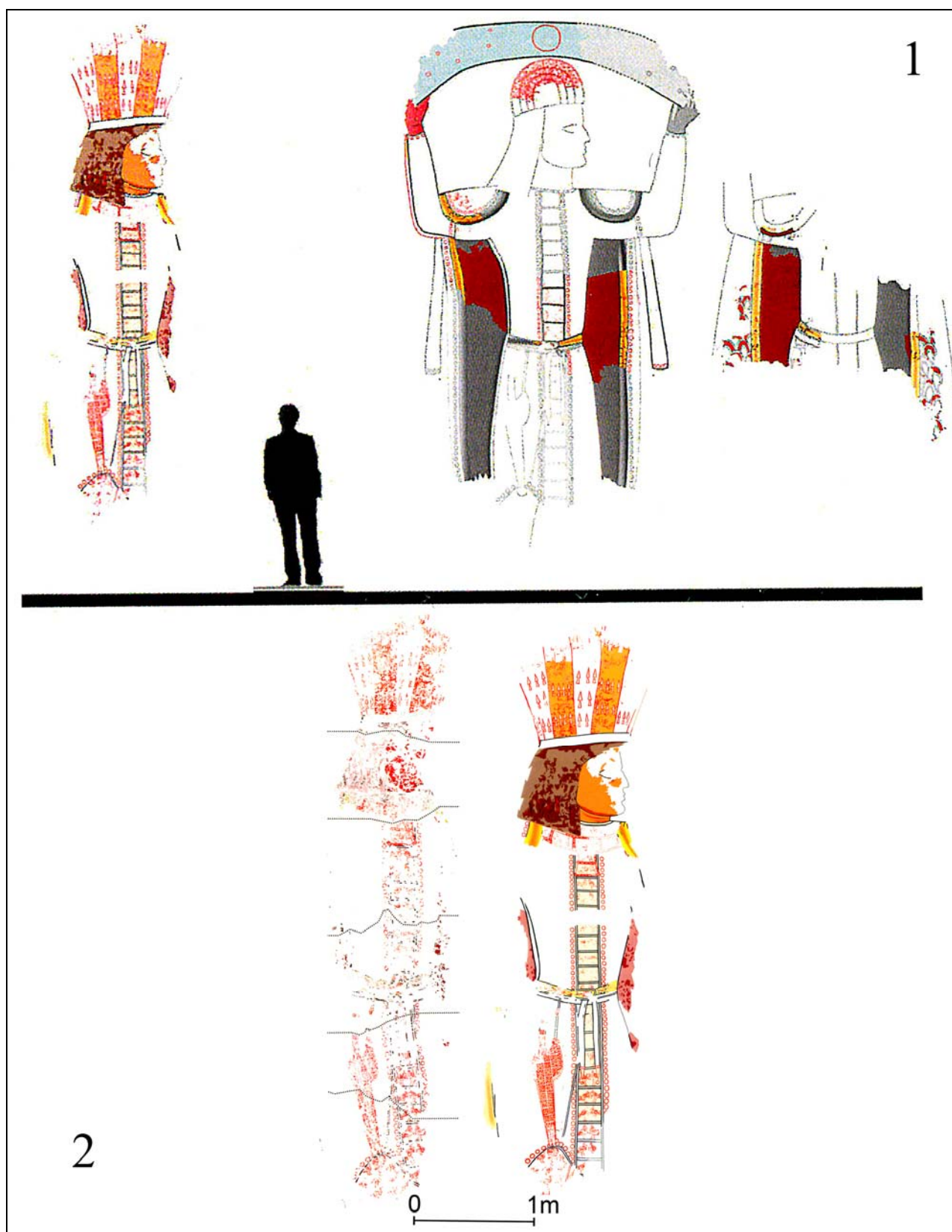

Рис. 13. Акчахан-Кала (Казаклы-Яткан), Хорезм. Изображения богов, начало II в. до н.э. (по Betts et al. 2015: figs. 4, 8).

Fig. 13. Akchakhan-Kala (Kazakly-Yatkan), Khorezm. The images of gods, the early 2nd c. BCE (after Betts et al. 2015: figs. 4, 8).

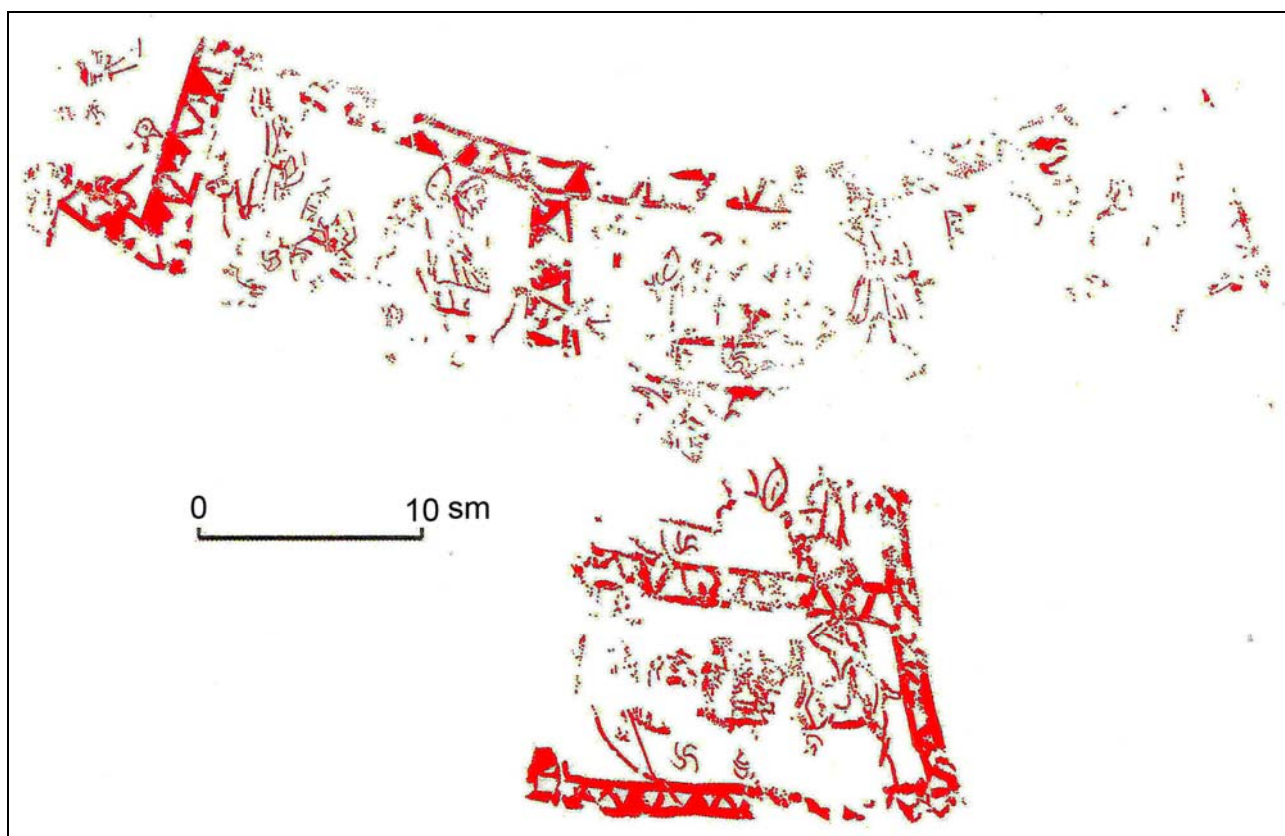

Рис. 14. Акчахан-Кала. Пектораль на фигуре бога (по Betts et al. 2015: fig. 9).

Fig. 14. Akchakhan-Kala. The pectoral on a god figure (after Betts et al. 2015: fig. 9).

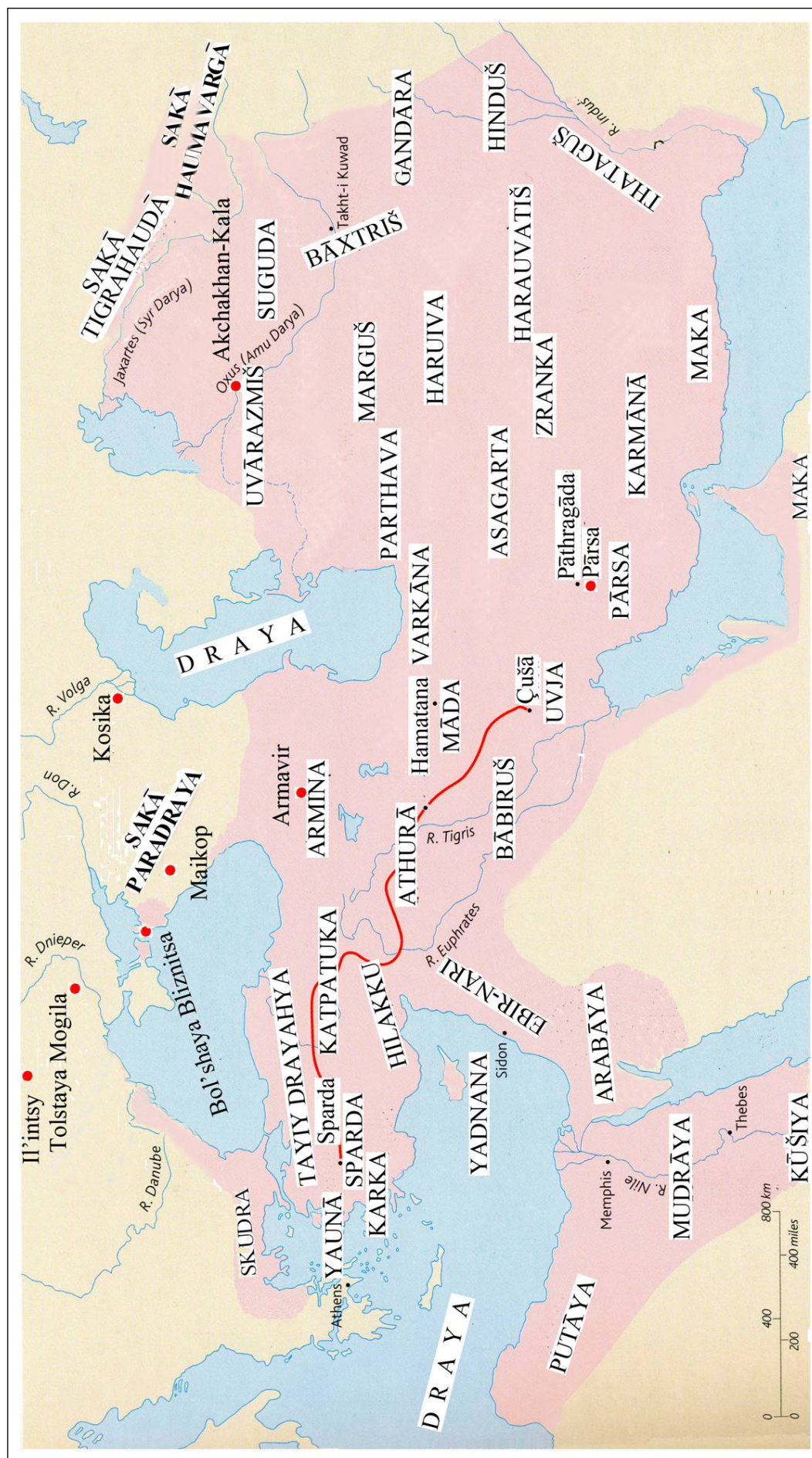

Рис. 15. Империя Ахеменидов на рубеже VI—V вв. до н.э. и пункты находок пекторалей и их изображений ахеменидо-скифского и постахеменидского времени (основные названия даны на древнеперсидском).

Fig. 15. Achaemenian Empire in the late 6th — early 5th cc. BCE and the points of pectorals finds and depictions of the Achaemenian and Post-Achaemenian times (the main toponyms are given in Ancient Persian).

Рис. 16. Пекторали Ирана и индо-саков эпохи поздней античности: 1 — Матхура, статуя сатрапа Кастаны, прорисовка (по Rosenfield 1967: pl. 5); 2 — парфянская пектораль, Иран; 3 — раннесасанидская пектораль, Иран (2—3 — Музей им. Резы Аббаси, Тегеран: по persiangulfstudies.com: 1).

Fig. 16. Pectorals of Iran and Indo-Sakas of the Late Antiquity: 1 — Mathura, the statue of Kastana satrap (after Rosenfield 1967: pl. 5); 2 — Parthian pectoral, Iran; 3 — Sasanian pectoral, Iran (2—3 — Reza Abbasi Museum, Teheran: after persiangulfstudies.com: 1).

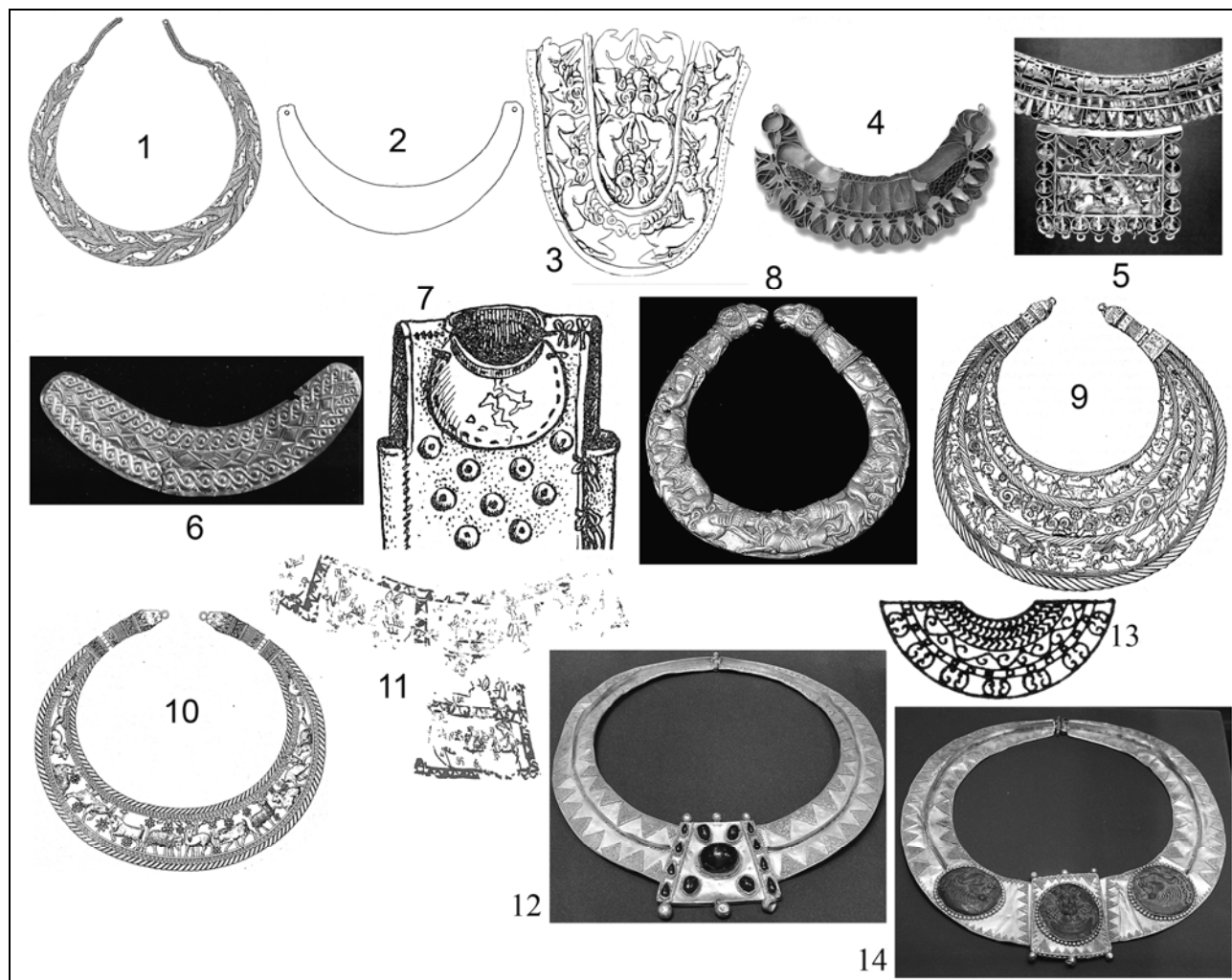

Рис. 17. Сводная таблица анализируемых пекторалей древнего иранского мира: 1 — Аржан-2, могила 5; 2 — Баян-Кол; 3 — Туэкта, курган 1; 4 — Армавир; 5 — Музей Михо (деталь); 6 — Майкопская покупка; 7 — Ильинцы, курган 493; 8 — Косика, могила 1; 9 — Толстая Могила; 10 — Большая Близница, могила 4; 10 — Акчахан-Кала, деталь фигуры божества; 12, 14 — парфянская и сасанидская пекторали из Музея им Резы Аббаси; 13 — Матхура, статуя сатрапа Кастаны.

Fig. 17. Summary plate of the main analyzed pectorals of the ancient Iranian World: 1 — Arzhan-2, grave 5; 2 — Bayan-Kol; 3 — Tuekta, barrow 1; 4 — Armavir; 5 — Miho Museum (detail); 6 — Maikop purchase; 7 — Il'instsy, barrow 493; 8 — Kosika, grave 1; 9 — Tolstaya Mogila; 10 — Bol'shaya Bliznitsa, grave 4; 10 — Akchakhan-Kala, detail of god' figure; 12, 14 — Parthian and Sasanian pectorals from Reza Abbasi Museum; 13 — Mathura, satrap Kastana statue.

Рис. 18. Серебряные пекторали дардского населения верховьев долины Свата конца XIX — начала XX вв., производимые в Нижнем Свате мастерами пуштунского племени Юсуфзай, по сайтам Интернета: 1 — pinterest.ru: 1; 2 — orientbazar.eu: 1; 3 — pinterest.ru: 2; 4 — pinterest.ru: 3; 5 — pinterest.ru: 4; 6 — pinterest.ru: 5.

Fig. 18. Silver pectorals of the Upper Swat Valley Dardic peoples of the late 19th — early 20th cc., made in Lower Swat Valley by craftsmen of Pashtun tribe Yusufzai, after Internet sites: 1 — pinterest.ru: 1; 2 — orientbazar.eu: 1; 3 — pinterest.ru: 2; 4 — pinterest.ru: 3; 5 — pinterest.ru: 4; 6 — pinterest.ru: 5.

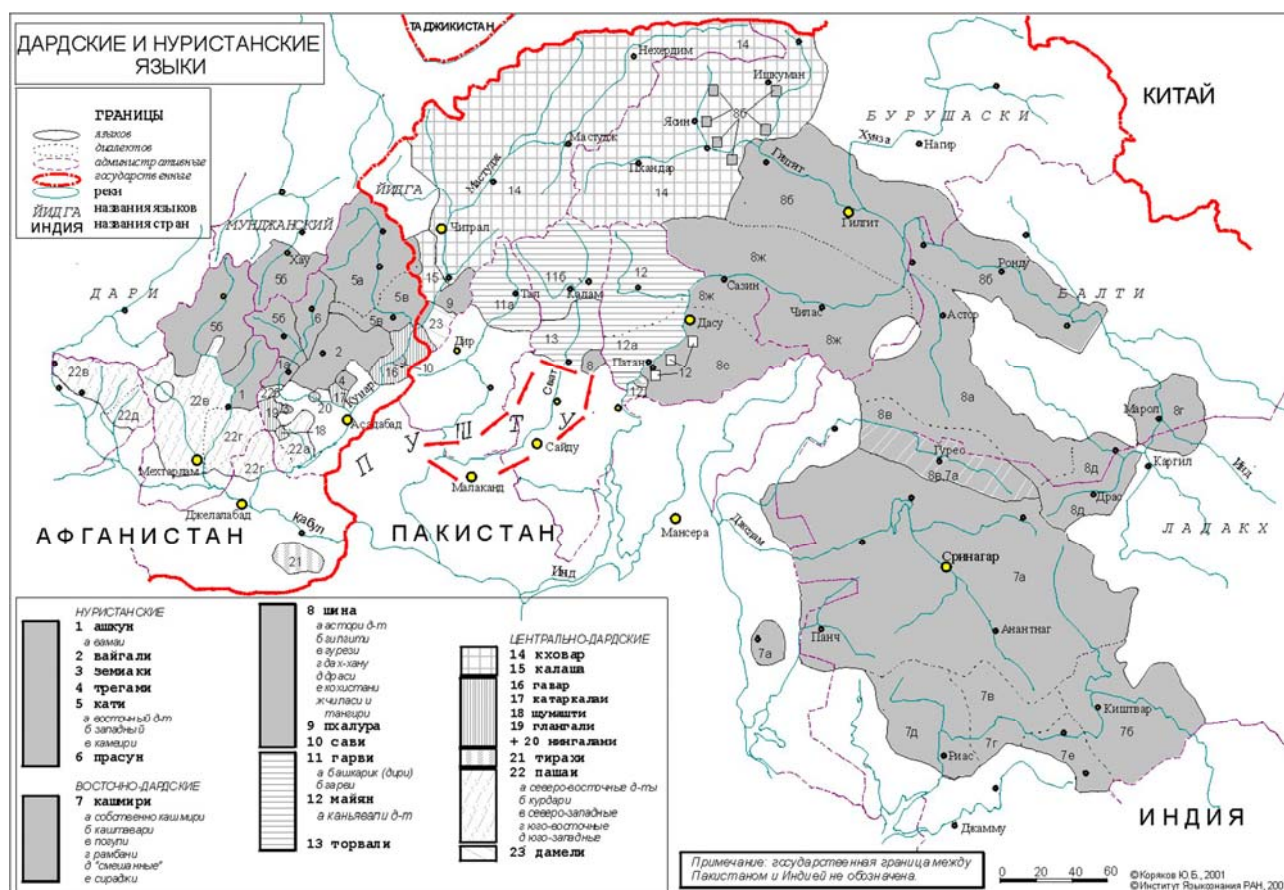

Рис. 19. Карта дардоязычных и нуристанских языков Гундукуша (по Ю.Б. Корякову) и район производства пекторалей и гривен для жителей долины Свата.

Fig. 19. Map of Dardic and Nuristani languages of Hindukush Region (after Yu.B. Koryakov) and the region of pectorals production for the peoples of Swat Valley.

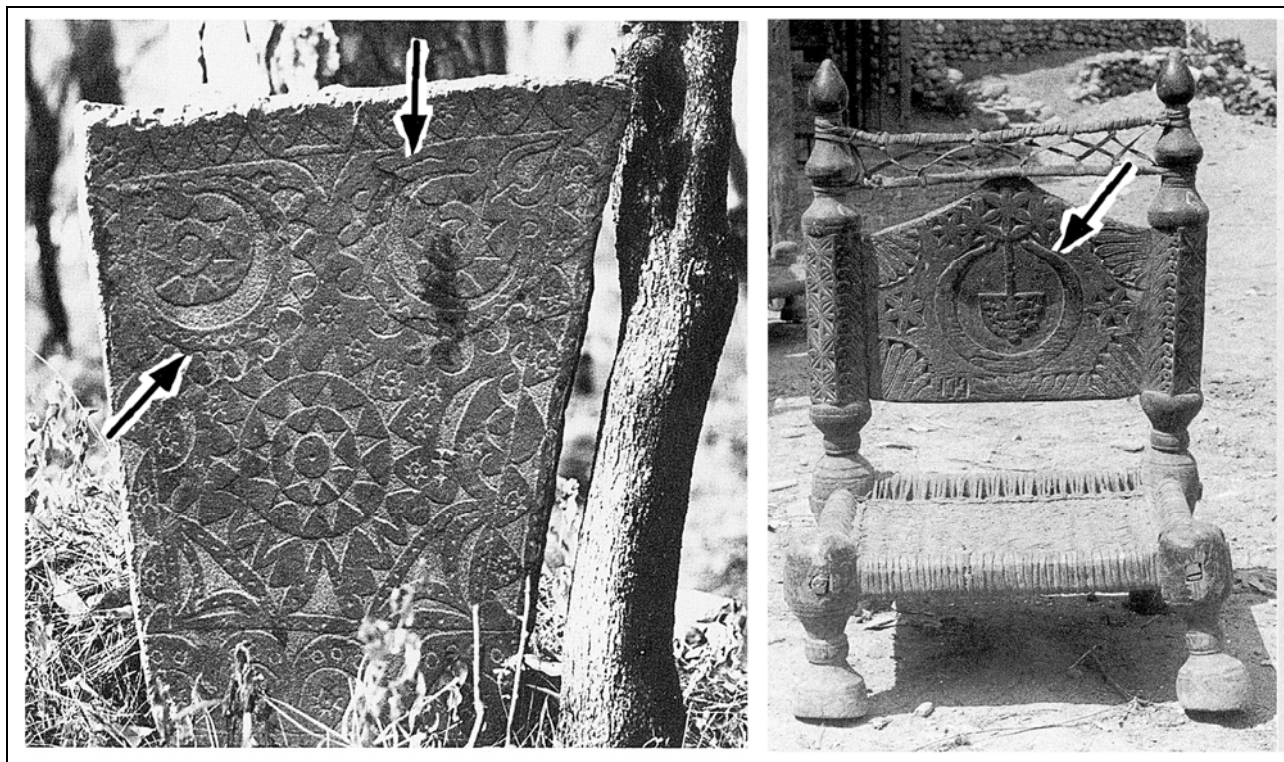

Рис. 20. Изображения гривны на надгробии и пекторали на парадном кресле. Magayan, верховья Свата, Пакистан (по Kathler 1991: figs. 201, 203).

Fig. 20. Images of a torque on a tombstone and a pectoral on the gala chair, Magayan Village, Upper Swat Valley, Pakistan (after Kathler 1991: figs. 201, 203).

Рис. 21. Изображения гривен (1) и пекторали (2) на сундуках. Magayan, верховья Свата, Пакистан (по Kathler 1991: fig. 199—200).

Fig. 21. Images of a torques (1) and a pectoral (2) on the chests. Magayan Village, Upper Swat Valley, Pakistan (after Kathler 1991: fig. 199—200).

УДК 902/904

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00003

В.Ю. Зуев

**ТРЕТЬЯ СЕРИЯ ЗЕРКАЛ БОРИСФЕНИТСКОГО ТИПА
(К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МАССОВОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛА ЭПОХИ АРХАИКИ)***

Вводится в научный оборот шестьдесят шесть экз. зеркал и их фрагментов из самой массовой — третьей серии зеркал борисфенитского типа. Они изготавливались в одном производственном центре — в металлургической мастерской г. Борисфен на острове Березань, работавшей с середины по конец VI в. до н.э. Зеркала делятся по морфологическим признакам на четыре варианта. Они отличаются деталями оформления. Все они изготавливались методом литья по утрачиваемой восковой модели с последующей сборкой фрагментов (диск, рукояти, фигурок пантер на цапфах для насада) в цельный экземпляр. Приводится каталог этих артефактов. Он содержит исчерпывающую информацию обо всех артефактах этой серии, в т.ч. сведения о географической локализации их находок от Южного Приуралья и Северного Кавказа на востоке до Трансильвании на западе, включая все Северное Причерноморье.

Ключевые слова: археология, история, Скифия, архаика, бронзовые зеркала борисфенитского типа, ионийское художественное литье, классификация массового археологического материала.

Сведения об авторе: Зуев Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, Научно-исследовательский музей при Российской Академии художеств.

Контактная информация: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 17, Научно-исследовательский музей при Российской Академии художеств; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru.

V.Yu. Zuev

**THE THIRD SERIES OF BORYSTHENES TYPE MIRRORS
(ON THE CLASSIFICATION OF MASS ARCHAEOLOGICAL MATERIAL
FROM THE ARCHAIC ERA)**

We introduce Sixty-Six Specimens of Mirrors and Their Fragments from the Mass — the Third Series of Borysthenes Type Mirrors into Scientific Circulation. They were made in one Production Center — in the Metallurgical Workshop of Borysthen on the Island of Berezan, which worked from the Middle to the End of the 6th Century BCE. Mirrors are divided according to Morphological Characteristics into Four Options. They differ in Design Details. All of them were made by casting on a Lost Wax Model with the Subsequent Assembly of Fragments (Disc, Hilt, Panther Figures on Trunnions for Attachment) into a Single Piece. A Catalogue of these Artifacts is provided. It Contains Comprehensive Information about all the Artifacts of this Series, including Information on the Geographical Localization of their findings from the South Urals and the North Caucasus in the East to Transylvania in the West, including the Entire Northern Black Sea Coast.

Key words: Archaeology, History, Scythia, Archaic, Bronze Mirrors of the Borysthenes Type, Ionian Art Casting, Classification of Mass Archaeological Material.

About the author: Zuev Vadim Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Research Museum at the Russian Academy of Arts.

* Статья поступила в номер 1 ноября 2019 г.
Принята к печати 1 декабря 2019 г.

Contact information: 199034, Russia, Saint Petersburg, University Embankment, 17, Research Museum at the Russian Academy of Arts; e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru.

Типология зеркал борисфенитского типа состоит из шести серий, производство которых, по моему мнению, связано с работой во второй половине VI в. до н.э. бронзолитейной мастерской в г. Борисфен на современном о. Березань (Зуев 2017: 144—154; 2018с: 63—65; 2019: 159—175). Первой серии зеркал этого типа (9 экз.) посвящена публикация 2018 г. (Зуев 2018а: 25—47). Выделенные к 2017 г. зеркала второй серии (4 экз.) были изданы мною в 2018 г.¹ (Зуев 2018b: 232—243). Эта статья посвящена публикации наиболее значительной по количеству третьей серии зеркал борисфенитского типа, которую образуют зеркала с бортиком по краю диска, фигуркой пантеры на конце рукояти и геометрическим элементом в месте крепления рукояти к диску (рис. 1). Результаты изучения этих артефактов изложены в (Зуев 2018с: 63—65; 2019: 161—177).

К 1 августа 2019 г. удалось зафиксировать для науки сорок зеркал подобной конструкции, из которых три неясного происхождения². Следует учесть и два зеркала, низ рукояти которых обточен находчиками. Но, вероятнее всего они имели на концах фигурки пантер. Два зеркала из Херсонского музея (инв. № 13812), происходящее из некрополя Борисфена, из могилы 309, исследованной в 1900 г., а также из Одесского музея (инв. № 4360) известны только по словесному описанию.

К третьей серии, несомненно, также принадлежат двенадцать рукоятей зеркал, найденные без дисков. Одна из них была найдена в слое шлака в мастерской литейщика в Борисфене (раскоп Т 2003—2004 гг., ямы 285 и 286), где, как я полагаю, создавались все зеркала борисфенитского типа (рис. 26).

Известны также 11 экз. фигурок пантер (рис. 8: 7—10, 30: 55—60, 31: 61—65), из которых по стилистике изображений четыре фигурки, несомненно, относились к рукоятям зеркал третьей серии (рис. 8: 7—10). Остальные восемь фигурок могли одинаково относиться либо к зеркалам третьей, либо четвертой серий. Установить это точно, к сожалению, невозможно. К третьей серии зеркал я отношу также один диск бронзового зеркала с вертикальным бортиком по краю и полуovalным элементом от навершия рукояти.

Таким образом, мы можем говорить о 66 экз. и фрагментах зеркал этой серии, о которых имеется реальная информация. Эта серия зеркал делится четко на четыре варианта и группу фрагментов и деталей зеркал, которые сейчас невозможно отнести к какому-либо варианту

¹ В 2017—2019 гг., когда моя публикация борисфенитских зеркал второй серии была в печати, количество известных их экземпляров увеличилось вдвое. Еще четыре зеркала второй серии зафиксировал красноярский исследователь китайских бронзовых зеркал Ю.В. Оборин, издавший три из них (academia.edu: 1) и любезно поделившийся со мной информацией, за что я выражаю ему самую искреннюю благодарность.

² Речь идет о трех зеркалах, два из которых упомянуты Петрой Оберляндер в исследовании 1967 г. Одно из них (рис. 14: 26), известное П. Оберляндер только по фотографии, хранится в фототеке Археологического семинара в г. Гамбург (Oberländer 1967: 64, 85, no. 90, Abb. 1). Второе (рис. 10: 12) воспроизведено в тексте доклада В.Д. Блаватского на VIII Конгрессе Классической Археологии в Париже в сентябре 1963 г., названное просто, как происходящее из Ольвии (Oberländer 1967: 63, no. 88). Будущие исследователи, я думаю, уточнят вопрос о происхождении этих зеркал. Возможно, фотография зеркала из Гамбурга является воспроизведением зеркала из Берлинских государственных музеев (табл. 1: 25, 26), а зеркало из доклада В.Д. Блаватского не упомянуто и происходит из погребения 19 раскопок Ольвийского некрополя, исследованного Б.В. Фармаковским (табл. 1: 12, 13). Еще одна неясность содержится в статье Зиты Тезер (Tézer 2005: 34, pl. 8: c), которая приводит изображение зеркала, якобы найденного в кургане № 223 у с. Аксютинцы. Но такого кургана не существует. Само зеркало есть только в иллюстрации — в тексте статьи Зиты Тезер оно не упоминается. На самом деле это зеркало происходит из коллекции П.О. Бурачкова и известно, как найденное в Новороссии (рис. 11: 14). Учтено и зеркало из Одесского археологического музея НАН Украины (инв. № 4360) (табл. 1: 66).

данной серии (11 экз.). Первый вариант — это зеркала, навершия рукоятей которых состоят из горизонтального овала и полуовала над ним, а на конце рукояти — фигурка пантеры келермесского типа (10 экз.). Второй вариант — это зеркала, навершия рукоятей которых также состоят из горизонтального овала и полуовала над ним, а на конце рукояти — стилизованная фигурка пантеры (17 экз.). Третий вариант — это зеркала, навершия рукоятей которых состоят из трапеций и полуовалов над ними, а на конце рукояти — стилизованная фигурка пантеры (12 экз.). Четвертый вариант — это зеркала, навершия рукоятей которых состоят из шестиугольных геометрических фигур с жалъцами по краям внизу и полуовалами над ними, а на конце рукояти — стилизованная фигурка пантеры (13 экз.). В группу фрагментов и деталей зеркал, которые сейчас невозможно соотнести с каким-либо вариантом, относятся один диск, одно зеркало с утраченной фигуркой пантеры на конце рукояти, два обломка рукоятей зеркал с фигурками пантер и восемь отдельных фигурок пантер.

Первый вариант.

Зеркала, навершия рукоятей которых состоят из горизонтального овала и полуовала над ним, а на конце рукояти — фигурка пантеры келермесского типа (10 экз.)

1. Бронзовое зеркало целое, сильно окисленное. Было найдено в окрестностях Керчи в 2003 г. Находка была зафиксирована Н.Ф. Федосеевым. По данным исследователя, зеркало было продано коллекционеру в г. Севастополь. Круглый диск с оборотной стороны имеет по краю невысокий бортик. Рукоять крепится к диску при помощи детали в форме овала. На оборотной стороне диска имеется след в виде полуовала от отсутствующей детали крепления рукояти к диску. С лицевой стороны крепежный элемент находится в одной плоскости с диском. Рукоять трехреберчатая, украшена на конце цапфой с фигуркой пантеры. Цапфа разделена на четыре горизонтальных ребра резными линиями.

Фигурка пантеры реалистичного, т.н. келермесского типа. Крупная голова с детально проработанными ушами. Рельефно моделированная голова с круглыми прорезными глазами, заполненными, возможно, пастой и открытым в оскале ртом. Короткая шея. На теле выделены плечевые выступы и бедра животного. Длинный тонкий хвост заканчивается сквозным завитком. Сформованные отдельно четыре лапы, с выделенными локтевыми выступами и подчеркнутой мускулатурой, заканчиваются загнутыми в кольцо когтистыми лапами. Фигурка пантеры закреплена на горизонтальной поверхности цапфы, насаженной на окончание рукояти (рис. 2: а). Опубликовано мною (Бажан, Зуев 2014: 9—10, рис. 7; Зуев 2017: 147, рис. 1: 12).

2. Бронзовое зеркало. Случайная находка в Сумской области (Украина). Найдено в 2012 г. (Архив КСАН. Д. 5-223). Зеркало имеет плоский круглый диск с бортиком по краю. От места крепления рукояти по диску идет линия разлома диска, образовавшаяся, вероятнее всего при находке зеркала. Рукоять прикреплена к диску с помощью навершия в виде трилистника (горизонтальный овал и полуовал над ним с оборотной стороны). Ствол рукояти разделен на три колонки. На них снизу одета цапфа (подставка) с фигуркой пантеры, оформленная в виде четырех горизонтальных ребер. Фигурка пантеры хорошо проработана в деталях. По стилю это пантерка келермесского типа. Она ориентирована на лицевой стороне зеркала головой влево (рис. 3: а). Зеркало опубликовано (Бажан, Зуев 2014: 8—9, рис. 5; Зуев 2017: 147, рис. 1: 13).

3. Бронзовое зеркало из раскопок С.А. Мазараки в Роменском уезде (ныне — Роменский район Сумской обл., Украина). По данным, приведенным А.А. Бобринским, оно было найдено в 1886 г. в одном из курганов, образующих группу у с. Аксютинцы. Ныне хранится в Историческом музее г. Киева (инв. № Б 1128) (Бобринской 1887: 114, прим. 3). Зеркало имеет плоский круглый диск с бортиком по краю. Рукоять прикреплена к диску с помощью навершия в виде трилистника (горизонтальный овал и полуовал над ним с оборотной стороны). Ствол рукояти разделен на три колонки. На них снизу одета цапфа (подставка) с фигуркой пантеры, оформленная в виде четырех горизонтальных ребер. Фигурка пантеры хорошо проработана в деталях. По стилю это пантерка келермесского типа. Она ориентирована на лицевой стороне зеркала головой влево³ (рис. 4: а).

Это зеркало ошибочно дважды воспроизведено в статье Зиты Тезер (Tézer 2005: 29, 34, fig. 2, Nr. 11, 17, pl. 8: 5a). Автор ошибочно сопоставляет одно и то же зеркало как разные, сравнивая рисунок оборотной стороны зеркала с его фотографией лицевой стороны (Tézer 2005: pl. 8: 5a, 5b). При этом рисунок зеркала (Tézer 2005: pl. 8: 5a) она заимствует из книги Э. Миннза (Minns 1913: 178, fig. 73), а фотографию из книги Н.А. Онайко (Tézer 2005: pl. 8: 5b). В обоих случаях речь идет о зеркале из раскопок С.А. Мазараки 1886 г. в Роменском уезде. Но первую из них (Tézer 2005: pl. 8: 5a) Тезер атрибутирует правильно, а вторую (Tézer 2005: pl. 8: 5b) ошибочно называет находкой из курганного могильника на р. Березанке у с. Анновка, ссылаясь при этом на свод Н.А. Онайко (Онайко 1966: табл. XIX: 1). Но на указанной таблице у Н.А. Онайко воспроизведено зеркало, найденное С.А. Мазараки в 1886 г. (Онайко 1966: 65, № 254). А зеркало из Анновки изображено в этой же таблице в своде Н.А. Онайко, но под № 5 (Онайко 1966: 57, № 26, табл. XIX: 5). Причиной путаницы является неудачная организация свода Н.А. Онайко. В нем нет списка иллюстраций к таблицам, а в подписях номера каталога памятников указаны в арифметическом возрастании, не соответствующие номерам иллюстраций в таблицах. Так, табл. XIX начинается с зеркала из Роменского уезда, а подпись в таблице начинается с каталожного № 26, в котором описывается зеркало из Анновки, которое на таблице имеет № 5. В.И. Гуляев (Гуляев 2006: илл. 122) ошибочно указывает, что зеркало из Роменского уезда является случайной находкой.

4. Бронзовое зеркало. Случайная находка у ст. Крымгиреевской (Ставропольская губерния, Александровский уезд. Ныне Ставропольский край). Найдено в 1885 г. (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1885. Д. 30. Л. 22—25). Зеркало имеет плоский круглый диск с бортиком по краю. Рукоять прикреплена к диску с помощью навершия в виде трилистника (горизонтальный овал и полуовал над ним с оборотной стороны). На лицевой стороне в месте стыковки диска и навершия рукояти пуансонно выгравированы три пирамидки остриями вверх. Ствол рукояти разделен на три колонки. На них снизу одета цапфа (подставка) с фигуркой пантеры, оформленная в виде четырех горизонтальных ребер. Фигурка пантеры хорошо проработана в деталях. По стилю это пантерка келермесского типа. Она ориентирована на лицевой стороне зеркала головой влево (рис. 5: а).

После статьи Б.Н. Гракова на украинском языке (Граков 1947: 30, прим. 17) в русскоязычной литературе закрепилась традиция называть это зеркало Крымгиреевским (Н.Н. Бондарь, В.М. Скуднева, В.Б. Виноградов) или даже Крым-Гиреевским (Кузнецова 1991: 80). К правильному названию вернулась В.Г. Петренко (Петренко 2006: 13). Т.М. Кузнецова предполагает, что Крымгиреевское зеркало и зеркало, найденное в

³ Читая рассуждения А.А. Бобринского о том, как сориентированы подобные пантерки на рукоятях зеркал, следует учесть, что он рассматривал подобные зеркала рукоятью вверх (Бобринской 1901: 68).

Роменском уезде в 1886 г., были отлиты в одной производственной форме (Кузнецова 1991: 80). Достаточно сравнить размеры этих зеркал (табл. 1), чтобы убедиться, что Т.М. Кузнецова не понимает того, как производились подобные зеркала. Н.Н. Бондарь в иллюстрации к статье под Кримгиреевским зеркалом опубликовал фотографию другого зеркала (Бондарь 1955: 74, рис. 11: *a*). Эту ошибку повторяет вслед за Бондарем и З. Тезер (Tézer 2005: 34, pl. 8: *2d*). Подробная публикация этого зеркала дана в моей статье (Зуев 2009: 484—495).

5. Бронзовое зеркало с пятнами патины. Найдено случайно на Ставрополье в 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным. Находилось в 2019 г. в частной коллекции в Нижнем Новгороде. Круглый диск с оборотной стороны имеет по краю невысокий бортик. Рукоять крепится к диску при помощи детали в форме трилистника (горизонтальный овал и полуовал над ним). С лицевой стороны крепежный элемент находится в одной плоскости с диском. На нем в горизонтальном овале вырезаны в модели два солярных знака. В каждом по четыре вписанные друг в друга циркульные окружности. Рукоять трехреберчатая, украшена на конце цапфой с фигуркой пантеры. Цапфа разделена на четыре горизонтальных ребра резными линиями. Фигурка пантеры хорошо проработана в деталях. По стилю это пантерка келермесского типа. Она ориентирована на лицевой стороне зеркала головой влево (рис. 6: *a*). Публикуется впервые.

6. Бронзовое патинизированное зеркало. Найдено случайно на Украине в 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным. Круглый диск с оборотной стороны имеет по краю невысокий бортик. Рукоять крепится к диску при помощи детали в форме трилистника (горизонтальный овал и полуовал над ним). С лицевой стороны крепежный элемент находится в одной плоскости с диском. На нем в горизонтальном овале вырезаны в модели два солярных знака, в каждом по четыре, вписанные друг в друга циркульные окружности. Рукоять трехреберчатая, украшена на конце цапфой с фигуркой пантеры. Цапфа разделена на четыре горизонтальных ребра резными линиями. Фигурка пантеры хорошо проработана в деталях. По стилю это пантерка келермесского типа. Она ориентирована на лицевой стороне зеркала головой влево (рис. 7: *a*). Публикуется впервые.

7. Фрагмент рукояти зеркала с фигуркой пантеры на конце. Найдена при раскопках святилища (яма № 6) у с. Новоселки Кицмановского района Черновицкой области (Украина), в 1969 г (Тимошук 1970: 21) — или погребения (Смирнова 2004: 231; Могилов 2010: 120). Сохранилась часть рукояти, состоящей из трех колонок. На конце — цапфа прямоугольной формы со слабо проступающими горизонтальными рубцами. На ней фигурка пантеры келермесского типа. Конец хвоста завернут в кольцо. Лапы также трактованы в виде колец. Реалистично передана морда животного. Вероятнее всего, этот фрагмент рукояти принадлежал зеркалу третьей серии борисфенитского типа (рис. 8: 7).

В своих публикациях Т.М. Кузнецова называет памятник, где была сделана находка, Новосилками, перенося в русскую публикацию украинское написание с. Новоселки Кицмановского района Черновицкой области (Кузнецова 2002: 243, № 374; 2004: 231, табл. 1: 9). При этом она ошибочно указывает, что это село находится в Черниговской области Украины (Кузнецова 2002: 271, № 243). На каком основании она дает трактовку диска и навершия рукояти этого зеркала и определяет тип зеркала в целом в своей классификации, никак не оговаривая, что до нас дошел только фрагмент низа рукояти, абсолютно непонятно (Кузнецова 2002: 314, № 244).

8. Бронзовая фигурка пантеры на подставке (цапфе). Случайная находка в окрестностях г. Мариуполь в 1888 г. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № ДО.1932.2/1). Цапфа

состоит из четырех горизонтальных ребер. Фигурка пантеры келермесского типа⁴. Конец хвоста свернут в кольцо. На концах лап колец нет. Они слегка расплющены щипцами, очевидно, при изготовлении восковой модели. Голова пантеры трактована реалистично (рис. 8: 8).

Указание в моей статье, что эта фигурка была неизвестна А.А. Бобринскому, поскольку якобы была найдена в 1932 г. (дата регистрации находки в Эрмитаже), является ошибкой (Зуев 2009: 488, прим. 102).

9. Фигурка пантеры с конца рукояти бронзового зеркала борисфенитского типа на подставке (цапфе). Найдена в Краснодарском крае в 2015 г. (Архив КСАН. Д. 17-792). Цапфа, на которую опирается фигурка пантеры, разделена на три горизонтальных ребра. Фигурка пантеры сильно стилизованная, но относящаяся к так называемому келермесскому типу. Крупная голова с выделенным ухом. Глаз не проработан, но имеются рельефные бугорки на месте глаз и скул. Рот открыт. Шея животного вытянута и согнута под тяжестью головы. Нет выделения плечевого выступа. Бедро животного передано схематично и отяжелено массивным хвостом, который заканчивался сквозным завитком (обломан в древности). Ноги животного изображены полусогнутыми, с круглыми завершениями лап, но без колец в них (рис. 8: 9). Публикуется впервые.

10. Деталь рукояти бронзового зеркала борисфенитского типа с пантерой на крепежной цапфе. Найдена в Степном Крыму. Зафиксирована И.А. Бажаном 15 января 2014 г. (Архив КСАН. Д. 16-604). Местонахождение в настоящее время неизвестно. Цапфа, на которую опирается фигурка пантеры, разделена на три горизонтальных ребра. Фигурка пантеры сильно стилизованная, но относящаяся к так называемому келермесскому типу. Крупная голова с выделенным ухом. Рельефно моделированная голова с резко прочерченным ртом. Однако круглый глаз животного не просматривается. Шея животного вытянута и согнута под тяжестью головы. Однако на теле нет выделения плечевого выступа. Бедро животного передано схематично и отяжелено массивным хвостом, который заканчивался сквозным завитком (обломан в древности). Ноги животного изображены полусогнутыми, но кольцеобразных стилизаций когтистых лап не имеется — ноги переходят в площадку трехреберчатой цапфы, которая насаживалась на рукоять зеркала (рис. 8: 10). Фрагмент зеркала опубликован (Бажан, Зуев 2014: 9, 23, № 4, рис. 6: 2).

Перечисленные шесть зеркал, один фрагмент рукояти и три фигурки пантер на подставках (цапфах) (рис. 9) сближает ряд общих признаков:

- 1) диск с невысоким бортиком;
- 2) навершие рукояти в форме трилистника (горизонтальный овал с полуovalом сверху);
- 3) в трех случаях из шести у целых зеркал на лицевой стороне навершия рукоятей имеется пара циркульных солярных знаков, вырезанных в восковой модели;
- 4) ствол рукояти составлен из трех колонок;
- 5) на концах рукоятей имеется насад (цапфа), украшенная в восьми случаях четырьмя горизонтальными ребрами, а в двух (надо полагать, последних в типологическом ряду) — тремя горизонтальными ребрами;

6) пантерки келермесского типа украшают все десять экземпляров. У них у всех конец хвостов закручен в кольцо. У восьми окончания лап трактованы в форме колец. В рамках этой группы в двух последних случаях намечаются следы регресса в художественной трактовке образов пантерок (не прорабатываются детали: глаза, плечевые выступы). Но это

⁴ Именно по этой фигурке В.М. Скуднова ввела в оборот этот термин: пантера келермесского типа (Скуднова 1962: 9).

группа зеркал сделана, безусловно, по одному прототипу. Причем, как и в случае со второй серией зеркал, в начале типологического ряда стоит зеркало с объемно художественно трактованной фигуркой пантеры (рис. 9: 1). Остальные экземпляры зеркал третьей серии (второго, третьего и четвертого вариантов) и их фрагменты относятся к группе зеркал с так называемыми «худосочными» или стилизованными фигурками пантер на концах рукоятей, причем их образ к концу типологического ряда вырождается настолько, что образ кошачьего хищника многие исследователи начинают путать с образами курдючных овец.

Второй вариант.

Зеркала, навершия рукоятей которых состоят из горизонтального овала и полуовала над ним, а на конце рукояти — стилизованная фигурка пантеры (18 экз.)⁵

11. Бронзовое зеркало с фигуркой пантеры на конце рукояти. Происходит из кургана 1 2017 г. в могильнике Скоробор у Бельского городища. Раскопки И.Б. Шрамко и С.А. Задникова. Находки хранятся в Музее археологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина).

Курганная насыпь снималась при помощи техники параллельными траншеями шириной 4 м каждая. На момент раскопок курган имел 18 м в диаметре и высотой 0,2 м. На уровне материка хорошо читалось пятно могильной ямы размером в 16 (4 × 4) м. кв. Глубина могилы от уровня древнего горизонта составляла 2 м. В могиле подквадратной формы располагалась деревянная гробница. Зазор между стенами ямы и гробницей был заполнен материковым суглинком. Каркас гробницы и перекрытие были сделаны из дуба. Могила была ограблена в древности. В северо-западном углу погребальной камеры, где находились погребенные, был прослежен грабительский лаз. Грабителей интересовали золотые украшения. В северо-западном углу вскрытого лаза была найдена золотая бляшка. После ограбления началась руинизация погребальной камеры. Она заполнилась черноземом из насыпи, что приостановило более поздние ограбления. В результате часть инвентаря осталась в камере *in situ*.

В могиле были похоронены два человека молодого и среднего возраста. Оба были положены вытянуто на спине, головой на запад. В северо-западном углу деревянного склепа стояла остродонная амфора. Вдоль западной стены лежал колчан со стрелами, футляр которого был украшен золотыми бляшками в виде фигурок пантер. Там же был найден железный умбон, покрытый золотой фольгой. Там же в северной части была положена тушка козы. У западной стенки камеры были обнаружены десятки астрагалов, бронзовое зеркало и роговое блюдо с зооморфными изображениями, шикарный пояс, украшенный бронзовыми бляшками, чернолаковая мисочка, несколько греческих сосудов и каменная плита — растиральник. Комплекс датируется последней третью — концом VI в. до н.э. (Шрамко, Задніков 2018: 6—12).

Бронзовое зеркало имеет диск с невысоким бортиком на оборотной стороне. На лицевой стороне диска — пуансонные солярные гравировки в виде пирамидок по краю диска. Их прорисовка пока не опубликована. Рукоять прикреплена к диску при помощи навершия в виде трилистника (горизонтальный овал и полуовал над ним). Ствол рукояти разделен на три колонки. На конце рукояти с помощью горизонтальной прямоугольной гладкой цапфы (подставки) прикреплена схематичная фигурка пантеры. На голове животного выделено ухо.

⁵ К ним следует причислить зеркало из Одесского археологического музея НАН Украины (инв. № 4360) (табл. 1: 66).

Тело и полусогнутые ноги даны в едином рельефе. Круп животного сливается с массивным хвостом без проработки завернутого в кольцо кончика хвоста (рис. 10: 11). Зеркало опубликовано без детализации⁶ (Шрамко, Задніков 2018: 6—12).

12. Бронзовое зеркало с фигуркой пантеры на конце рукояти. Происхождение остается пока неясным. П. Оберляндер, опубликовавшая его абрисный рисунок в 1967 г., обозначает его как «найденное в Ольвии» (Oberländer 1967: 63, Nr. 88). При этом она ссылается на иллюстрации к докладу В.Д. Блаватского на VIII Конгрессе Классической Археологии в Париже в сентябре 1963 г. (Blavatsky 1965: 396, pl. 92: 4). Но там, к сожалению, нет указаний на более точные данные о находке. А по абрисному рисунку П. Оберляндер атрибутировать зеркало невозможно.

Бронзовое зеркало имеет круглый диск с бортиком по краю оборотной стороны. Навершие рукояти, при помощи которого рукоять крепилась к диску, состоит из горизонтального овала, над которым помещен полуовал. Ствол рукояти состоит из трех колонок. На конце рукояти схематичная фигурка пантеры, стоящая на прямоугольной гладкой подставке (цапфе). Головой пантера на лицевой стороне ориентирована влево. На голове животного выделено только ухо. Голова, шея, тело животного выполнено в одном рельефе без детализации. Круп животного и хвост образуют общий массив (рис. 10: 12).

13. Бронзовое зеркало борисфенитского типа с фигуркой стоящей пантеры на конце рукояти из грунтового погребения 41/1912 некрополя Ольвии. Раскопки Б.В. Фармаковского в 1912 г. Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже (Колл. № 16825).

Размеры погребения 2,7 × 2,45 × 2,2 м. Ориентировано на восток. На дне прослежены следы органической подстилки. Найдена остродонная амфора. Возле нее обнаружены открытый лепной светильник овальной формы с перекалиной у рожка (инв. № О.1912.161), астрагал, чашка «буккеро», железный стержень, свинцовая пронизь-пряслице биконической формы с косыми врезными линиями (инв. № О.1912.162), а также кость птицы. Возле шеи погребенной женщины — золотые бусы, ракушки, самосский кратериск с поясками на тулове⁷ (инв. № О. 1912.163). На пальцах правой руки — три золотых кольца: одно из тонкой проволоки с заходящими друг за друга концами, и два из тонкой проволоки с несомкнутыми концами (инв. № О.1912.164—166). На пальцах левой руки — два золотых кольца: из тонкой проволоки с заходящими друг за друга концами, и из тонкой проволоки с несомкнутыми концами (инв. № О.1912.167, 168). У левой ноги — бронзовое зеркало с вертикальным бортиком вокруг диска, ручка, состоящая из трех ребер, заканчивается фигуркой пантеры. Длина зеркала 32, диаметр 18, длина фигурки пантеры 5,5 см. На оборотной стороне диска — графито фигурок животных (инв. № О.1912.169). Там же найден одноручный горшочек. В ногах — ионийский лекиф с овальным туловом. На плечиках — зигзагообразный орнамент. На венчике, тулове и подставке — пояски (инв. № О.1912.170).

Бронзовое зеркало с вертикальным бортиком по краю диска на обороте. На обороте диска гравировка плавными уверенными линиями: фигура коня—оленья без рогов, с длинным хвостом, на согнутых ногах. Над ним три головы с клювами грифов. Под ногами росчерк, в котором угадывается абрис клюва хищной птицы. Рукоять имеет навершие в виде трилистника (горизонтальный овал и полуовал над ним, которым рукоять крепится к диску). Ствол рукояти состоит из трех колонок. На конце рукояти фигурка пантеры, стоящая на гладкой прямоугольной подставке (цапфе). Фигурка пантеры ориентирована по лицевой

⁶ Благодарю Ирину Борисовну Шрамко и Станислава Анатольевича Задникова за устные консультации по зеркалам из могильника Скоробор.

⁷ Ближайшая аналогия происходит из погребения ольвийского некрополя 1911/96, где найдено тоже борисфенитское зеркало третьей серии и точильная плита растиральник (табл. 1: 38).

стороне зеркала головой влево. Изображение схематично. На голове выделено лишь ухо животного. Тело животного передано в одной плоскости. Ноги полусогнуты, окончание лап переходит прямо в подставку. Круп и хвост животного массивны. Кольцо на конце хвоста передано лишь абрисно (рис. 10: 13).

Зеркало опубликовано В.М. Скудновой (Скуднова 1962: 8, № 3, рис. 3; 1988: 115, 116, кат. 174: 9). Т.М. Кузнецова приводит неверные ссылки на публикацию В.М. Скудновой (Кузнецова 2002: 330). Вместо (Скуднова 1962: 17, рис. 13) должно быть (Скуднова 1962: 8, № 3, рис. 3).

14. Бронзовое зеркало борисфенитского типа с фигуркой стоящей пантеры на конце рукояти из кургана в нижнем течении Днепра на левом берегу — «на границе бывшей Таврической и Херсонской губерний». Раскопки П.О. Бурачкова до 1890 г. С 1890 г. хранится в Государственном Историческом Музее (инв. № 10837). Зеркало имеет диск с прямым невысоким бортиком по краю на оборотной стороне. Навершие в виде горизонтального овала и полуовала несколько большего диаметра над ним. Ствол рукояти состоит из трех колонок. На конце рукояти схематичная фигурка пантеры, ориентированная на лицевой стороне зеркала головой влево. Фигурка опирается на гладкую прямоугольную подставку (цапфу). Фигурка трактована схематично. На голове выделено бугорком ухо животного. Ноги полусогнуты. Концы лап не проработаны. Массивный хвост загнут на конце вверх, но не образует кольца (рис. 11: 14).

Первая публикация состоялась анонимно (ИОЛЕАЭ 1890: 300). В исследовании В.М. Скудновой ошибочно указано, что курган, из которого происходит зеркало, находится в Орском районе (Скуднова 1962: 9, № 10).

15. Зеркало с трехреберной ручкой, оканчивающейся фигуркой пантеры, стоящей на непрофилированной подставке. Под диском овальный выступ. По краю диска вертикальный бортик. Литое. Длина 32,8 см, диаметр диска 18 см. Вторая половина VI в. до н.э. Некрополь Березани. Раскопки Г.Л. Скадовского 1900 г., могила 309. До 80-х годов XX в. хранилось в Херсонском краеведческом музее (инв. № 13812). В черновых заметках В.М. Скудновой имеется схематичная зарисовка деталей этого зеркала и основные данные о размере его (рис. 11: 15). Эти данные опубликованы В.М. Скудновой (Скуднова 1962: 8, 12). Переизданы П. Оберляндер (Oberländer 1967: 60, nr. 76) и дополнены М.В. Скржинской, видевшей зеркало *de visu* в 1982 г. (Скржинская 1984: 125—126, кат. № 31). Дневники раскопок Г.Л. Скадовского и состав комплекса могилы № 309 остаются неопубликованными. Материалы находятся в архиве Одесского археологического музея НАН Украины. При работе по подготовке этой статьи сотрудниками музея выяснилось, что ни зеркала, ни учетной информации о нем в музее не имеется.

16. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Обнаружено В.В. Плаховым в 1988 г. при исследовании средневекового гурхана, стоявшего на древнем кургане, в погребении 6, в ходе раскопок, проведенных экспедицией Астраханского краеведческого музея. Хранится в фондах Астраханского областного историко-краеведческого музея.

Погребение 6 имело квадратную форму 248 × 250 см (на уровне пола гурхана), 230 × 230 см (по дну погребения), глубиной 11—116 см. В центре ямы вытянуто на спине лежал скелет женщины 30—35 лет, головой на запад. Руки вытянуты и слегка отставлены от туловища. Левая нога вытянута, правая слегка согнута в колене. Погребенная была закрыта покрывалом из органических материалов. Под головой была свернута кошма длинным валиком и находилась, по-видимому, кожаная подушка. С правой стороны черепа лежал кожаный мешочек размерами 23 × 24 см. В нем находился подтрапцевидный оселок из серого

сланца, фрагмент полукруглого предмета из серого песчаника $0,87 \times 0,26 \times 0,16$ см, фрагмент плоского в сечении оселка с закругленными углами $0,26 \times 0,16$ см, три куса прозрачного гипса, четыре створки раковин *Grifea* (в одной створке прослежены следы растирания реальгара), пряслице из рыхлого камня $0,38 \times 0,4$ см и литое бронзовое колесико—амулет с четырьмя спицами диаметром 2,3 см. Осевые отверстия пряслица и колесика были совмещены. Там же в мешочке лежали два кусочка серы, кусочек реальгара и кусок железной проволоки длиной 5,4 см диаметром 0,7 см (иголка?). В 8 см севернее мешочка лежало лицевой стороной кверху бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и рукоятью, заканчивающейся стилизованной фигуркой пантеры. Диаметр диска 18,2 см. Длина рукояти 14,7 см. Высота бортика 1,1 см. Под зеркалом были фрагменты кожи и деревянные плашки от футляра. У конца рукояти был найден бронзовый крюк для подвешивания футляра. Диаметр проволоки крюка от 0,3 до 0,55 см.

На лобной кости черепа лежала золотая пластина усечено-ромбической формы, острием к носу, а сверху — свернутая в трубочку для закрепления. Длина пластины 8,3 см, максимальная ширина 3,2 см. С каждой стороны черепа находились по три полусферических золотых тисненых бляшки с рубчатым краем. У пяти бляшек было по краю по два отверстия для пришивания, а у одной бляшки на обороте имелась петелька из тонкой золотой проволоки. Следы припоя таких же петелек имелись и у других бляшек. Их диаметр 1,5 см, высота бляшек 0,4 см, диаметр петельки 0,35 см. На темени, поперек сагиттального шва, находилась цилиндрическая бусина из голубой пасты, перевитая в четыре оборота золотой лентой-проволочкой. Длина бусины 2,6 см, диаметр 1 см, ширина ленточки 0,2 см. К головному убору принадлежала еще и рифленая золотая пластина размером $4,8 \times 1,1$ см. На левой височной части черепа лежали стеклянные и фаянсовые бусины. Еще стеклянные бусины были зафиксированы на скуловой кости черепа. На шее под подбородком лежала золотая пластина из двух частей с изображением лошади с подогнутыми под брюхо ногами. Размер пластины $6,6 \times 3,1$ см. Высота рельефа 0,7 см.

На запястье правой руки был зафиксирован браслет из восьми бусин: двух янтарных, двух сердоликовых, трех пастовых и одной сдвоенной фаянсовой. Между костями предплечья левой руки и ребрами погребенной на деревянных плашках ложа, на котором лежала погребенная, был зафиксирован лепной черноглиняный сосудик в слое сажи и золы. Под ним — два серых камешка из песчаника. В 40 см к югу от таза погребенной, тоже на плашках ее ложа лежали в анатомическом порядке кости крупной овцы и череп. Восточнее черепа овцы лежал на боку большой лепной черноглиняный сосуд с овальным равномерно раздутым туловом и небольшим уступчиком в придонной части. Дно сосуда беспорядочно покрыто оттисками ногтя. На шейке сосуда — ряд ямок—наколов. Высота сосуда 15,8 см. Диаметр венчика — 9,3 см, диаметр тулова — 12,7 см, диаметр дна — 7,2 см. Южнее стоял еще один более крупный лепной черноглиняный сосуд с овальным равномерно раздутым туловом и шейкой, орнаментированной наколами палочкой. Высота сосуда 26,8 см. Диаметр венчика — 11,5 см, диаметр тулова 21,8 см, диаметр дна 11,5 см. В южной части могилы на слое плашек были зафиксированы еще кости овцы и однолезвийный железный нож с горбатой спинкой и рукоятью с костяными обкладками. Длина ножа 20,5 см. Длина рукояти 11,5 см. Ширина лезвия 1,6 см. В восточной части ямы на уровне ног погребенной были зафиксированы еще ребра и кости ног овцы, лежавшие также на слое деревянных плашек от ложа погребенной. Кости были также перекрыты слоем коричневой рыхлой супеси, что дает основание полагать, что почти вся площадь погребения была выложена деревянными плашками, как общим ложем (Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: 127—132).

Зеркало имеет плоский диск с вертикальным бортиком по краю. Наверху рукояти, с помощью которого она прикреплялась к диску, имеет форму горизонтального овала и полуовалом над ним. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти одета прямоугольная цапфа, разделенная на четыре горизонтальных линии, служащая подставкой для стилизованной фигурки пантеры головой вправо на лицевой стороне зеркала. На голове животного выделены уши и морда хищника. Обозначен в рельефе плечевой выступ. Ноги полусогнуты, без выделения лап. Хвост на конце завернут в кольцо, но без проработки отверстия (рис. 11: 16). Материалы опубликованы в 1997 г. (Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева 1997: 127—141). Однако Т.М. Кузнецова в своем исследовании (Кузнецова 2002: 326, № 84-а) ошибочно указывает на В.В. Дворниченко, как автора раскопок у пос. Комсомольский. Неверно и название памятника — мавзолей. Раскопки велись близ средневекового мавзолея, построенного на древнем кургане, в котором были вскрыты два раннескифских погребения. Приписывать их к мавзолею некорректно. Кроме того, там же Т.М. Кузнецова указывает на то, что материалы раскопок не опубликованы. Это неверно, так как публикация этих находок состоялась за пять лет до выхода книги Кузнецовой.

17. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и стилизованной фигуркой пантеры келермесского типа на конце рукояти. Куплено до 1983 г. у крестьян с. Парутино. Происходит из некрополя Ольвии (?). Хранится в Археологическом музее Одессы, Украина (инв. № 43889).

Зеркало имеет плоский диск с прямым вертикальным бортиком по краю. Рукоять присоединена к диску с помощью навершия в форме овала, над которым находится полуовал. В древности рукоять была отломана от диска. На лицевой стороне имеются следы реставрации (прокал стыковочного шва, отверстия для клепки, зашлифованные клепочные шляпки). Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры келермесского типа. На лицевой стороне зеркала фигурка повернута головой вправо. На голове выделено ухо. Полусогнутые ноги переходят прямо в подставку без выделения когтистых лап. Массивный хвост завершается кольцом кончика хвоста без отверстия. Подставка фигурки пантеры прямоугольная разделена на три горизонтальных ребра (рис. 11: 17).

Зеркало опубликовано в 1983 г. (Дзис-Райко 1983: 34, 169, № 53, рис. 53). Указанный в этой публикации размер зеркала (длина — 14 см) произволен.

18. Самарская область, Богатовский район, с. Андреевка. Курганный могильник, более чем 20 насыпей. Раскопки 1975 г. Курган 2. Погребение 2. Курган 2 диаметром 36 м, высотой 0,8 м. Земляной из темно-серого гумусированного суглинка. Основное погребение принадлежит ямной культуре. Погребение 2 имело трапециевидную форму в юго-восточном секторе уже существовавшего кургана. Яма имела размеры: длина — 2 м, ширина — 0,9 м, глубина — 0,45—0,5 м ориентирована по линии восток-запад. На дне лежал вытянуто на спине костяк женщины, головой ориентированный на запад. Череп лежал на правом боку. Руки в локтях согнуты и раздвинуты. Ноги слегка согнуты в коленях и разведены в стороны (поза скачущей всадницы). На локте левой руки лежало бронзовое зеркало, рукоять которого украшена фигуркой пантеры. Под ним находилось песчаниковое корытце для растирания косметики овальной формы из зеленовато-серого камня. Ниже — две бронзовые иглы, раковина *Grifea*, в которой содержались румяна и белила и бронзовое колесико—амулет. Скорее всего, все эти находки лежали в полностью истлевшем кожаном кисете. Слева от черепа лежала продолговатая галька — растиральник и комок красного красящего вещества (реальгар?). На левой стороне груди находилась тонкая золотая пластина в качестве

нашивной бляхи с изображением фигуры горного козла. У правой ноги лежали ребра и позвонки молодого барашка и железный нож. Между ног — баранья лопатка. На ребрах погребенной также лежали кости барана, а также несколько бараньих позвонков у правого плеча (Матвеева 2006: 377). Отчета о раскопках этого кургана ни в Москве, ни в Самаре не существует. Также нет ни полевых, ни чистовых чертежей. Статья 2006 г. написана Г.И. Матвеевой по каким-то личным данным, следов которых после ее смерти в 2008 г. обнаружить не удалось.

Зеркало имеет плоский диск с вертикальным бортиком. Навершие рукояти, с помощью которого она крепилась к диску, имела форму горизонтального овала с полуovalом над ним, заходившим на плоскость диска. Ствол рукояти состоял из трех колонок. На конце рукояти на прямоугольной гладкой подставке — фигурка пантеры головой вправо. Фигурка сильно стилизованная. На голове выделено овальное ухо. Полусогнутые ноги, без детализации лап, переходят в подставку. Хвост на конце свернут в кольцо, но без отверстия (рис. 12: 18). Существует несколько изданий рисунков зеркала из Андреевки, но они не похожи на оригинал. В последней по времени публикации Г.И. Матвеева приняла рисунок Т.М. Кузнецовой и воспроизводит его, вместо фотографии зеркала (Матвеева 2006: 178, рис. 1).

19. Бронзовое зеркало из кургана Биш-Уба (Биш-Оба). В советское время стало принято писать название урочища как Биш-Оба. Ср.: казах. *Бес* — «пять» и *оба* — «курган». Из курганного могильника у с. Сара, Кувандыкского района, Оренбургской области. Местность, в которой находился курган, называется Биш-Уба, т.е. пять курганов, и лежит к западу от верховья р. Чебаклы. Это урочище зовется Сары-Балчин. Отсюда и название ближайшего села — Сары (Сара). Она представляет из себя сырт, ограниченный с юга двумя сходящимися под углом балками. Дугой от этих балок идет цепочка курганов, среди которых выделяются пять громадных насыпей. Летом 1890 г. член-корреспондент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете П.С. Назаров раскопал один из малых курганов, лежащий к востоку от крайнего (восточного же) большого. Курган возвышался на метр от уровня почвы, при окружности в 80 м. Раскопка велась колодцем в 2 м в диаметре.

На глубине 2 м показался слой березового дерева в 0,25 м толщиной, слой этот имел сильный наклон к югу. На глубине 3 м от вершины кургана была встречена материковая глина. Дойдя до материка в центре кургана, раскопка была направлена в сторону к югу траншеей по направлению древесного слоя заглубляясь от уровня материка. В 0,75 м к югу от центра кургана была обнаружена красная краска, положенная в раковину *Grifea*. К сожалению, раковина рассыпалась. Были найдены кости лошади (позвоночник, ребра и задняя нога), под которыми был пепел, а около стояла глиняная корчага, совершенно рассыпавшаяся. Еще далее вглубь были найдены две серьги (рядом), костяная ложка, оселок, костяная ручка ножа в виде головки хищника. Затем найден и самый скелет молодой женщины в лежащем положении, ориентированный головой на северо-запад. Вокруг головы у нее были золотые дутые пуговицы, а по правую руку зеркало, на котором стояли кувшинчик (в центре), 3 раковины с красной, синей и черной блестящей красками (раковина с последней развалилась), два овальных камешка и костяная пластинка (вероятно для растирания красок). Под зеркалом была кожа с поперечной деревянной перекладкой — остаток футляра, около которого лежали две бусы синего стекла — одна боченкообразная, а другая в виде топорика. Кроме того, около черепа найдены бусы стеклянные и из египетской пасты. Теменные кости самого черепа позеленели от какого-то медного украшения, а верхнелицевые кости покрыты были окисью железа.

Бронзовое зеркало имело плоский круглый диск с вертикальным бортиком по краю. Навершие рукояти, с помощью которого она крепилась к диску, имела форму горизонтального овала и полуовала над ним. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры головой вправо. На голове намечено овальное ухо, передан надбровный выступ и выделена морда животного. Тело передано общей плоскостью без детализовки мышц. На конце хвоста каплевидным утолщением передан свернутый в кольцо конец хвоста. Лапы без детализации когтей переходят в прямоугольную гладкую подставку — цапфу (рис. 12: 19).

Находки из раскопок П.С. Назарова хранятся в Государственном Историческом Музее (инв. № 21077—21081), а череп женщины — в собрании Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Описание раскопок и находок опубликовано А.Н. Харузиным в 1890 г (Харузин 1890: ст. 298—302). А.А. Бобринской (Бобринской 1901: 68, прим. 6) внес уточнение относительно правильных размеров зеркала из Биш-Обы, но допустил ошибку, написав, что фигурка пантеры ориентирована головой влево. В этом он следовал указанию в письме А.А. Орешникова, который принял обратную сторону зеркала за лицевую. Т.М. Кузнецова в описании зеркала из Биш-Обы ссылается на свод памятников К.Ф. Смирнова и В.Г. Петренко (Кузнецова 2002: 233), но она забыла внести этот том свода памятников 1963 г. в список литературы к своей книге. Очень запутанно описала зеркало из Биш-Обы в своем исследовании Зита Тезер. Сводя данные о зеркалах, она описала зеркало из Биш-Обы как два разных артефакта, один из которых происходит из Биш-Обы, а другой ею описан как «ольвийское зеркало из Орских курганов» (Tézer 2005: 17, 29, Nr. 33—34, pl. 8: 2a, 5c). Ее подвела подпись в книге К.Ф. Смирнова «Савроматы» к сборной таблице, где изображено зеркало из Биш-Обы, и сказано, что это «Комплексы второй половины VI в. до н.э. в курганах района г. Орска» (Смирнов 1964: рис. 10). Важным открытием, позволившем локализовать курган Биш-Уба как одно из погребальных сооружений курганного могильника у с. Сара Кувандыкского района Оренбургской области, стала работа археолога из Орска О.Ф. Бытковского (Бытковский 2016: 43—50). Его выводы, изложенные сначала в устных сообщениях, были приняты специалистами задолго до публикации им исчерпывающей вопрос публикации. В 2014 г. зеркало из Биш-Обы экспонировалось в Государственном Историческом музее на выставке «Кочевник. Между небом и землей».

20. Бронзовое зеркало с вертикальным бортиком по краю диска и со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Происхождение неизвестно. В 2010 г. в Национальном музее истории Великой Отечественной войны в Киеве это зеркало было представлено на выставке: «Спасенные, сохраненные и возвращенные» — перемещенных культурных ценностей, возвращенных на Украину на протяжении 2008—2009 гг. Выставка проходила по случаю десятилетия со дня создания Государственной службы контроля за перемещением культурных ценностей через государственную границу Украины. Нынешнее место хранения неизвестно, но зеркало передано на хранение в один из государственных музеев Украины. Известно по фотографии Анастасии Сироткиной 2010 г.

Диск с вертикальным бортиком по краю. Навершие рукояти, при помощи которого она прикреплена к диску, имеет форму горизонтального овала, над которым находится полуовал. Ствол рукояти разделен на три вертикальные колонки. На конце рукояти на гладкой прямоугольной подставке (цапфе) стилизованная фигурка пантеры головой вправо на лицевой стороне зеркала. На голове животного выделено только ухо овальной формы. Тело трактовано в одной плоскости. Полусогнутые ноги без детализации лап переходят в подставку. Массивный круп животного слит вместе с хвостом. На конце каплевидная

окружность, символизирующая свернутый в кольцо хвост (рис. 12: 20). Публикуется впервые.

21. Рукоять бронзового зеркала с фигуркой пантеры на конце рукояти. Находка в южных районах Сумской области, Украина в 2013 г. Зафиксировано И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 16-76). Частная коллекция.

Рукоять имеет навершие в форме горизонтального овала и полуовала над ним. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры головой вправо на лицевой стороне зеркала. На голове выделено круглое ухо, надбровный выступ и ноздри. Вся фигурка выполнена в одном рельефе. Подогнутые ноги переходят в подставку без выделения когтей на концах лап. Круп и хвост животного трактованы одним объемом. На конце каплевидный выступ, символизирующий скрученный в кольцо конец хвоста (рис. 13: 21а). Находка опубликована (Бажан, Зуев 2014: 13—14, 27, рис. 10: 1а, 1б).

22. Бронзовое зеркало. В древности составлено из двух разновременных частей. Более поздний по времени плоский диск с радиальным резным орнаментом на оборотной стороне сочленен с рукоятью от зеркала борисфенитского типа третьей серии с фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено в 2016 г. в Черкасской области, Украина. Зафиксировано И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 17-595).

Плоский диск зеркала имеет на оборотной стороне одиннадцать сдвоенных концентрических кругов. Рукоять прикреплена к диску при помощи навершия, имеющего вид горизонтального овала с полуovalом над ним. Над ovalом с боков врезки для крепления навершия на бортике оборота диска зеркала борисфенитского типа. Навершие рукояти переделано под новое крепление к плоскому диску: по краям полуовала в нем проделаны отверстия и с новым диском рукоять скреплена двумя бронзовыми заклепками. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти закреплена с помощью гладкой прямоугольной цапфы (подставки) стилизованная фигурка пантеры. На лицевой стороне рукояти она ориентирована головой вправо. Вся фигурка выполнена в одном рельефе. На голове животного в профиль выделено ухо и морда животного. Полусогнутые ноги без детализации переходят в прямоугольную гладкую подставку. Круп и хвост животного трактованы нераздельным массивом. На конце — каплевидный выступ, символизирующий свернутый в кольцо конец хвоста (рис. 13: 22а). Публикуется впервые.

23. Бронзовое зеркало с вертикальным бортиком по краю диска и стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено в Днепропетровской области на Украине в 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным. В момент находки рукоять была отломана от диска и в настоящее время зеркало существует в двух частях.

Диск зеркала с оборотной стороны имеет прямой вертикальный бортик. Рукоять крепилась к диску через прорезь в бортике с оборотной стороны при помощи навершия. Оно имело форму горизонтального овала, над которым имеется полуoval. Основание полуовала совпадает с линией диаметра бортика зеркала на его оборотной стороне. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти одета цапфа, служащая подставкой для стилизованной фигурки пантеры келермесского типа. На лицевой стороне зеркала фигурка повернута головой вправо. На голове выделено ухо, надбровный выступ, скула и двумя врезными линиями ноздри и пасть животного. Полусогнутые ноги переходят прямо в подставку без выделения когтистых лап. Массивный хвост завершается кольцом кончика хвоста без отверстия. Подставка фигурки пантеры прямоугольная, гладкая (рис. 13: 23а). Публикуется впервые.

24. Бронзовое зеркало с вертикальным бортиком по краю диска и стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено на Таманском полуострове до 1962 г. Хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (инв. № 155).

Зеркало имеет диск с вертикальным бортиком по краю оборотной стороны. Рукоять прикреплена к диску навершием в форме горизонтального овала, над которым находится полуовал. Основание полуовала совпадает с линией диаметра бортика зеркала на его оборотной стороне. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти закреплена подставка (цапфа) со стилизованной фигуркой пантеры келермесского типа. На лицевой стороне зеркала фигурка повернута головой вправо. На голове выделено ухо, надбровный выступ, скула и легким вдавлением пасть животного. Полусогнутые ноги переходят прямо в подставку без выделения когтистых лап. Массивный хвост завершается кольцом кончика хвоста без отверстия. Подставка фигурки пантеры прямоугольная, гладкая (рис. 13: 24). Информация о зеркале введена в научный оборот в 1962 г. В.М. Скудновой (Скуднова 1962: 10, 12, № 18, табл. 12).

25. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска на оборотной стороне и с пантерой келермесского типа на конце рукояти. Место находки неизвестно. Обнаружено до 1962 г. Хранится в Государственном музее Берлина (инв. № 30358).

Плоский круглый диск с прямым бортиком. Прорезан в месте крепления рукояти на оборотной стороне. Рукоять имеет навершие в форме горизонтального овала, над которым находится полуовал. Разделены псевдобортиком, имитирующим продолжение верхнего обреза бортика диска. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры келермесского типа. На лицевой стороне зеркала фигурка повернута головой вправо. На голове выделено ухо, надбровье и скула. На полусогнутых передних ногах (слитых воедино в профильном изображении) угадывается когтистое окончание лап. Задние ноги переходят прямо в подставку без выделения этого элемента. Массивный хвост завершается каплевидным утолщением, в котором угадывается свернутый в кольцо кончик хвоста. Подставка фигурки пантеры прямоугольная гладкая (рис. 14: 25a). Опубликовано в 1962 г. В.М. Скудновой (Скуднова 1962: 10, 12, № 17, табл. 17). Фотография, послужившая П. Оберляндер источником информации о еще одном зеркале борисфенитского типа из издательства Археологического семинара в Гамбурге (Oberländer 1967: 64, 85, Nr. 90, Abb. 1), сделана, вероятнее всего, с берлинского экземпляра.

26. Бронзовое зеркало с бортиком по краю и с фигуркой пантеры келермесского типа на конце рукояти. Местонахождение неизвестно. Введено в научный оборот П. Оберляндер в 1967 г. по фотографии фрагмента зеркала (рукояти) из издательства Археологического семинара в Гамбурге (Oberländer 1967: 64, 85, Nr. 90, Abb. 1). Навершие рукояти зеркала состоит из овала и полуовала над ним. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти на прямоугольной гладкой цапфе (подставке) фигурка пантеры келермесского типа, головой ориентированная на лицевой стороне зеркала вправо (рис. 14: 26). Сравнение рисунка П. Оберляндер с фотографией делает весьма вероятным предположение, что это зеркало из коллекции Государственного музея Берлина (Inv. № 30358). В пользу этого говорит оформление наверший сравниваемых зеркал, а также то обстоятельство, что пантера с лицевой стороны берлинского зеркала также ориентирована вправо.

27. Рукоять бронзового зеркала с навершием в виде горизонтального овала и полуовала с заклепкой над ним. Находка в южных районах Сумской области, Украина, в 2013 г. Найдена вместе с рукоятью зеркала № 21. Зафиксирована И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 16-76). Частная коллекция. Сохранилось навершие рукояти зеркала в виде горизонтального овала и

полуовала над ним, в котором по центру — круглая бронзовая заклепка. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. Диск и окончание рукояти утрачены в древности (рис. 14: 27). Издана в 2014 г. (Бажан, Зуев 2014: 13—14, 27, рис. 10: 16).

28. Рукоять бронзового зеркала с навершием и фрагментом диска зеркала с бортиком по краю. Найдена в 2015 г. Зафиксирована И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 22-750). Частная коллекция. От диска зеркала сохранился фрагмент с невысоким вертикальным бортиком по краю. Навершие рукояти зеркала имеет вид горизонтального овала и полуовала над ним. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. Окончание рукояти утрачено в древности. Рукоять овально обточена (рис. 14: 28). Публикуется впервые.

Зеркала второго варианта (шестнадцать зеркал и две рукояти — № 11—28) объединяет форма навершия рукоятей: горизонтальный овал и полуовал над ним на оборотной стороне зеркала (рис. 15). От зеркал первого варианта эта группа отличается стилизованными фигурками пантер на конце рукояти (условно, не келермесского типа), их ориентациями головой вправо или влево на лицевой стороне зеркала и гладкими, или «реберчатыми» цапфами на концах рукоятей, которые служат подставками для фигурок пантер.

Пять зеркал второго варианта очень близки между собой. Это зеркала из кургана № 1 могильника Скоробор, 2017 г. раскопок И.Б. Шрамко и С.А. Задникова (рис. 15: 11); зеркало из Ольвии, на которое ссылался в 1963 г В.Д. Блаватский в докладе, прочитанном на VIII Конгрессе Классической Археологии (рис. 15: 12); зеркало из могилы 43, 1912 г. раскопок Б.В. Фармаковского в Ольвийском некрополе (рис. 15: 13); зеркало из Новороссии, раскопки П.О. Бурачкова (рис. 15: 14); и зеркало из могилы 309 на некрополе Березани 1900 г. раскопок Г.Л. Скадовского (рис. 15: 15). Они все имеют примерно одинаковые по размеру диск с бортиком, навершие в виде горизонтального овала и полуовала над ним. У всех этих зеркал ствол рукояти в виде трех вертикальных колонок. На конце рукояти гладкая прямоугольная цапфа, служащая подставкой для стилизованной фигурки пантеры, головой, ориентированной на лицевых сторонах этих зеркал, влево. Совершенно очевидно, что эту группу зеркал делал один мастер, не меняя в процессе производства технику отливки деталей и их механическую сборку. Единственно, что было сделано после производства отличного: на зеркало (рис. 10: 11) из кургана 1, могильника Скоробор (2017 г.), были нанесены пуансонные орнаменты⁸, что сближает его с зеркалом этой же серии, первого варианта (рис. 5: 4a), найденным в 1885 г. у ст. Крымгиреевской. Что, скорее всего, указывает, на то, что и это зеркало было дополнительно обработано этим же мастером-гравером.

Следующую группу зеркал второго варианта, которую образуют зеркала, у которых фигурки пантер смотрят вправо на лицевой стороне, открывают два зеркала: из погребения 6 под мавзолеем XIV в. у пос. Комсомольский в Поволжье, из раскопок В.В. Плахова в 1988 г. (рис. 15: 16) и купленного в с. Парутино экземпляра, который хранится в Одесском археологическом музее (рис. 15: 17). У этих зеркал одинаковые навершия рукоятей, ствол, в виде трех вертикальных колонок. На конце рукоятей надеты «реберчатые» цапфы, служащие подставками для стилизованных фигурок пантер. Только одной деталью — «реберчатые» цапфы — эти два зеркала отличаются от девяти последующих, у которых цапфа гладкая прямоугольная. Это зеркала: из кургана 2 у с. Андреевка, раскопок Г.И. Матвеевой 1975 г. (рис. 15: 18); из кургана Биш-Оба, раскопок П.С. Назарова 1890 г. (рис. 15: 19); из экспозиции музея Великой Отечественной войны в Киеве (рис. 15: 20); из Сумской области, случайной находки 2013 г. (рис. 15: 21); из Черкасской области, случайная находка 2017 г. (рис. 15: 22); из Днепропетровской области, случайная находка 2018 г. (рис. 15: 23); с

⁸ Рисунок пуансонного орнамента готовится к публикации С.А. Задниковым и И.Б. Шрамко.

Тамани, случайная находка до 1962 г. (рис. 15: 24); из Берлина, Государственные музеи, случайная находка (рис. 15: 25); с фотографии из Гамбургского археологического семинара (рис. 15: 26). Все эти зеркала имеют одинаковое навершие в виде горизонтального овала и полуовала над ним, ствол рукояти из трех вертикальных колонок, с гладкой прямоугольной цапфой, служащей подставкой для стилизованной фигурки пантеры, головой, ориентированной вправо на лицевой стороне зеркал.

Две случайные находки рукоятей зеркал из Сумской области, случайная находка 2013 г. (рис. 15: 27) и из Хмельницкой области, случайная находка 2015 г. (рис. 15: 28), не имеют окончаний рукоятей и отнесены ко второму варианту только по форме навершия.

Подробное перечисление этих группировок зеркал внутри второго варианта, различающихся только изменением одной или другой детали, доказывает, что все они, безусловно, сделаны в одной мастерской. Невозможно себе представить, как эти зеркала могли изготавливать в разных производственных центрах Скифии. И если такая вариативность деталей допустима в контексте работы одной мастерской, то невозможно представить такой работы в унисон разных мастеров за сотни километров друг от друга, которые даже не видели друг друга в глаза.

Третий вариант.

**Зеркала, навершие рукоятей которых состоят из трапеций и полуовалов над ними, а на конце рукояти — стилизованная фигурка пантеры
(12 экз.)**

29. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Происходит с территории Кабардино-Балкарии. Найдено между селами Каменноостское и Баксан. Зафиксировано Ю.В. Обориным в 2019 г. Находится в частном московском собрании. Зеркало имеет плоский круглый диск. На оборотной стороне диска невысокий бортик. Его внешний край вертикален. Сечение бортика треугольное. Ширина основы бортика 0,8 см. Ширина обреза бортика 0,2 см. Форма навершия рукояти зеркала — трапеция и полуовал над ней (которым рукоять крепится к диску) за краем бортика с оборотной стороны зеркала. Слева от полуовала на диске хорошо видна трещина в толще диска, образовавшаяся при креплении рукояти к диску. С лицевой стороны эта трещина хорошо зашлифована. Ствол рукояти составлен из трех совмещенных колонок. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры на прямоугольной подставке (цапфе), разделенной на четыре горизонтальные части тремя врезными по форме для отливки линиями. Фигурка пантеры ориентирована головой влево на лицевой стороне зеркала. Голова животного массивна. Морда, скула и глаза трактованы разными рельефами. Ухо выделено небольшим выступом. Тело пантеры выполнено в общем рельефе. Лапы полусогнуты, переходят в цапфу без детализации когтей. Круп животного переходит в массивный хвост, скрученный на конце в кольцо без отверстия (рис. 16: 29). Публикуется впервые.

30. Рукоять бронзового зеркала. Найдена в Винницкой области в 2018 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным. Находится в частной коллекции в Одессе. Навершие рукояти, с помощью которого она крепилась к диску зеркала, состоит из трапеции, сужающейся кверху, и полуовала над ней. Ствол рукояти составлен из трех колонок. На конце рукояти схематичная фигурка пантеры, головой влево на лицевой стороне зеркала, на подставке (цапфе), которая состоит из четырех ребер. Голова пантеры массивная. Глаз и скула переданы подквадратным выступом. Выделено и проработано чуть выступающее ухо. Двумя пропилами переданы пасть и ноздри. Плечевой выступ на теле отсутствует. Ноги чуть согнуты. Концы лап не

проработаны. Массивный хвост закругляется на конце без сквозного отверстия. Тело не имеет рельефа и передано единой плоскостью (рис. 16: 30a). Эта рукоять публикуется впервые.

31. Рукоять бронзового зеркала с фигуркой пантеры на конце. Найдена в Воронежской области в 2017 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным. Местонахождение неизвестно. Навершие рукояти, с помощью которого она крепилась к диску зеркала, состоит из трапеции, сужающейся кверху, и полуовала над ней. Ствол рукояти составлен из трех колонок. На конце рукояти схематичная фигурка пантеры, головой на лицевой стороне зеркала влево, на подставке (цапфе), которая состоит из четырех ребер. Фигурка пантеры при находке была обрублена лопатой таким образом, что у передней ноги не хватает, примерно 1 см лапы. Голова пантеры массивная без какого-либо рельефа. Выделено в абрисе чуть выступающее ухо. Пасть животного передана пропилом. Плечевой выступ на теле отсутствует. Ноги чуть согнуты. Концы лап не проработаны. Массивный хвост закругляется на конце без сквозного отверстия. Тело не имеет рельефа и передано единой плоскостью (рис. 16: 31a). Рукоять публикуется впервые.

32. Бронзовое зеркало с фигуркой пантеры на конце рукояти из Хмельницкой области. Случайная находка. Найдено в 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным. Частная коллекция. Местонахождение неизвестно. Зеркало имеет круглый диск с невысоким прямым бортиком по краю на оборотной стороне. Навершие рукояти, при помощи которого рукоять крепится к диску, имеет форму полуовала над трапецией за бортиком диска на оборотной стороне зеркала. Слева на обороте от овала по диску вверх идет трещина. Ствол рукояти разделен на три колонки. На конце рукояти подставка (цапфа) из четырех горизонтальных полос, на которой стоит стилизованная фигурка пантеры, головой влево на лицевой стороне зеркала. Массивная голова животного слабо профилирована. Фигурка сильно патинизирована. Лапы животного у цапфы проедены до истончения окислами. Тело показано в общем рельефе. Массивный хвост загнут на конце в кольцо, но без просвета (рис. 17: 32). Публикуется впервые.

33. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено в Кабардино-Балкарии. Зафиксировано Ю.В. Обориным в 2019 г. Находится в частном московском собрании. Зеркало имеет плоский круглый диск. На оборотной стороне диска невысокий бортик. Его внешний край вертикален. Сечение бортика треугольное. Ширина основы бортика 0,9 см. Ширина обреза бортика 0,2 см. Форма навершия рукояти зеркала — трапеция и полуовал над ней (которым рукоять крепится к диску) за краем бортика с оборотной стороны зеркала. Ствол рукояти составлен из трех совмещенных колонок. На лицевой стороне зеркала форма для отливки рукояти была повреждена выщерблинами, что оставило неисправимый след. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры на прямоугольной подставке (цапфе), разделенной на четыре горизонтальных ребра. Фигурка пантеры ориентирована головой вправо на лицевой стороне зеркала. Голова животного массивна. Ухо выделено небольшим выступом с легким вдавлением. Тело пантеры выполнено в общем рельефе. Лапы полусогнуты, при переходе в цапфу слегка сплюснены щипцами. Круп животного переходит в массивный скрученный на конце в кольцо хвост без отверстия (рис. 17: 33). Публикуется впервые.

34. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено южнее Пятигорска на границе с Кабардино-Балкарией. Зафиксировано Ю.В. Обориным в 2019 г. Находится в частном московском собрании. Плоский круглый диск на лицевой стороне с пятнами окислов. На оборотной стороне диска невысокий бортик. Его внешний край вертикален. Сечение бортика треугольное. Ширина основы бортика 0,9 см. Ширина

обреза бортика 0,2 см. Форма навершия рукояти зеркала — трапеция и полуовал над ней (которым рукоять крепится к диску) за краем бортика с оборотной стороны зеркала. Ствол рукояти составлен из трех совмещенных колонок. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры на прямоугольной подставке (цапфе), разделенной на четыре горизонтальных ребра. Фигурка пантеры ориентирована головой влево на лицевой стороне зеркала. Голова животного массивна. Пасть обозначена слабым вдавлением. Ухо выделено небольшим выступом над абрисом головы. Тело пантеры выполнено в общем рельефе. Лапы при переходе в цапфу слегка сплюснены щипцами. Массивный круп животного переходит в скрученный на конце хвост. На нем намечено кольцо, но отверстие не было проделано (рис. 18: 34). Публикуется впервые.

35. Бронзовое зеркало с бортиком по краю и с фигуркой пантеры келермесского типа на конце рукояти. На лицевой стороне зеркала пантера ориентирована головой вправо. Найдено в Хмельницкой области, Украина, в 2017 г. Зафиксировано И.А. Бажаном в 2017 г (Архив КСАН. Д. 24-29), а также Ю.В. Обориным. М.В. Гладкий получил анализ металла этого зеркала. Место хранения неизвестно. Частная коллекция.

Зеркало имеет массивный диск с довольно высоким вертикальным бортиком по краю на оборотной стороне. Рукоять прикреплена к зеркалу при помощи навершия в виде трапеции с полуовалом над ним. При этом бортик на диске зеркала был прорезан, но на навершии между трапецией и полуовалом диаметр бортика, чуть выступающего по высоте над плоскостью навершия, воспроизведен в отливке рукояти. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце — фигурка пантеры келермесского типа, закрепленная с помощью подставки прямоугольной формы (цапфы) на рукояти. Цапфа разделена на четыре горизонтальных ребра. На лицевой поверхности зеркала фигурка пантеры ориентирована головой вправо. На голове животного выделено ухо, надбровный выступ и скула. Прорезями обозначены ноздри и полуоткрытая пасть животного. Полусогнутые ноги не имеют проработанных окончаний лап. Массивный круп с тонким хвостом закручен на конце в кольцо, но отверстие кольца лишь намечено (рис. 18: 35).

Зеркало опубликовано в 2018 г. М.В. Гладким, который для публикации получил от коллекционера анализ состава бронзы. К сожалению, данные о размере зеркала (общая высота 26,9 см, ширина 16,0 см). М.В. Гладкий приводит неверно, произвольно вписав фотографию зеркала в масштабную сетку на иллюстрации в публикации (Гладкий 2018: 96). Ему, видимо, остались неизвестны многочисленные фотографии зеркала с масштабной линейкой в разных ракурсах, изготовленные коллекционером.

36. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено в лесу в Черкасской области летом 2017 г. Зафиксировано И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 22-382) и Ю.В. Обориным. Находится в частной коллекции. Бронзовое зеркало имеет круглый массивный диск с вертикальным бортиком по краю оборотной стороны зеркала. Навершие рукояти, при помощи которого она крепится к диску, имеет форму трапеции с полуовалом над нею. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти одета прямоугольная гладкая цапфа, служащая подставкой для стилизованной фигурки пантеры, головой ориентированная влево на лицевой стороне зеркала. Вся фигурка выполнена в одном рельефе. На голове животного не проработана ни одна деталь. Массивный хвост загибается на конце в кольцо без проделанного в фигурке отверстия. Полусогнутые ноги переходят в подставку без детализации когтей на лапах (рис. 19: 36). Публикуется впервые.

37. Бронзовое зеркало с фигуркой пантеры на конце рукояти из Полтавской области, Украина. Имеются полевые фотографии в момент находки. Масштаб и размеры зеркала не определимы. Найдено в 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным. Местонахождение зеркала в

настоящее время неизвестно. Зеркало имеет круглый диск с вертикальным бортиком на оборотной стороне. Навершие рукояти, при помощи которого она крепилась к диску, имеет вид трапеции, над которой за бортиком диска находится полуовал. Ствол рукояти состоит из трех колонок. На конце — прямоугольная гладкая цапфа, являющаяся подставкой для стилизованной фигурки пантеры головой влево на лицевой стороне зеркала. Фигурка пантеры с выделенными ушками и прорезью намеченной пастью. Фигурка сформована в одной плоскости. Полусогнутые ноги переходят в прямоугольную гладкую подставку (цапфу). Массивный хвост пантеры завершается колечком без просвета (рис. 19: 37). Публикуется впервые.

38. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Происходит из погребения 96 в могильнике Ольвийского некрополя, раскопанного в 1911 г. Б.В. Фармаковским. Могила была грунтовой с прямыми стенками. Размеры 2,65 × 2 × 1,4 м. Погребенная в ней женщина была ориентирована головой на восток. В заполнении могилы были зафиксированы следы деревянного гроба. По материалу из захоронения погребение датируется 530-ми годами до н.э.

В погребении были найдены: вдоль западного края могилы — сердоликовые бусы: маленькая, коричневого цвета и 35 круглых, из них три больших (инв. № О.1911.368, 369). Бронзовое зеркало с диаметром диска 18,5 см и общей высотой 32,0 см (Скуднова 1962: 8, № 2, рис. 2) (инв. № О.1911.371). Серебряный браслет из тонкой круглой проволоки с утолщениями на концах. Диаметр 6,0 см (инв. № О.1911.369). Рядом с зеркалом, ближе к северному краю, — обломки бронзового браслета и опрокинутый чашей вниз ионийский килик. Глубокий килик на высокой полый ножке, переходящей в широкую подставку. Весь килик покрыт черным лаком, кроме двух поясов снаружи и кружка на дне внутри. Высота 14,2 см, диаметр 21,2 см⁹ (инв. № О.1911.374). У правого плеча погребенной — самосский толстостенный кратериск с широким туловом. Высота 8,5 см¹⁰ (инв. № О.1911.373), родосское блюдо на плоской подставке с концентрическими поясами лака внутри; снаружи в центре дна рельефно исполнена розетка; высота 2,3 см; диаметр 10,5 см (инв. № О.1911.372). Вокруг головы — пятьдесят две мелкие золотые бусины, спаянные из двух половинок (сохранилось 50 шт.) (инв. № О.1911.367), восемь египетских маленьких круглых бусин из белой и коричневой стеклянной пасты (сохранилось 7 шт.) (инв. № О.1911.368)¹¹. Над головой — конский зуб и кости животного; у кисти левой руки — обломок рукоятки железного ножа длиной 13,3 см (инв. № О.1911.370), каменное точило-плита; в юго-восточном углу — фрагментированная амфора, куски реальгара.

Зеркало имеет массивный диск с вертикальным бортиком по краю на оборотной стороне зеркала. Навершие рукояти, с помощью которого она крепится к диску, представляет собой трапецию и полуовал над нею. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце прямоугольная гладкая подставка (цапфа) со стилизованной фигуркой пантеры головой влево на лицевой стороне зеркала. Фигурка выполнена в одном рельефе. Очень четко выделено круглое ухо. Полусогнутые ноги переходят в подставку без детализации когтистых лап. Хвост заканчивается каплевидным утолщением, символизирующим свернутый в кольцо кончик хвоста (рис. 19: 38). Опубликовано Б.В. Фармаковским в 1914 г (ОАК 1914: 19). Т.М. Кузнецова ошибочно ссылается на работу В.М. Скудновой (Кузнецова

⁹ См. аналогию (Boehlau 1898: Taf. VIII: 22).

¹⁰ Ближайшая аналогия происходит из погребения Ольвийского некрополя 1912/41, где найдено тоже борисфенитское зеркало третьей серии и точильная плита растиральник. См. здесь № 13.

¹¹ См. Алексеева 1975: 75 — Ол. 94. С. 31. Типы 1, 2.

2002: 330, № 160): вместо (Скуднова 1962: 17, рис. 13), должно быть (Скуднова 1962: 8, № 2, рис. 2). Ошибка повторена и в книге (Кузнецова 2010: 399, № 160).

39. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Происходит из личной коллекции последнего дореволюционного директора Керченского музея древностей П.К. Месаксуды (1875—1952). Было найдено в окрестностях Керчи. В 1919 г. было вывезено в эмиграцию в составе личной коллекции древности П.К. Месаксуды. В 1920 г. приобретено во Франции музеем Лувра и хранится в его коллекции (Musée du Louvre. Inv. № 4127). Диск зеркала имеет с оборотной стороны бортик с вертикальным обрезом по внешнему краю и треугольным в сечении. На оборотной стороне зеркала слева и вверх от места крепления рукояти заметна глубокая трещина. Навершие рукояти украшено фигурой в виде трапеции и полуовала над ней. Ствол рукояти состоит из трех слитых в ряд колонок. На конце рукояти узкая гладкая прямоугольная цапфа, являющаяся подставкой стилизованной фигурки пантеры, ориентированной головой влево на лицевой стороне зеркала. Абрис головы хорошо проработан. Выделены ноздри, надбровные дуги, ухо животного, а также скула. Пасть пантеры намечена слабым вдавлением. Фигурка животного передана в едином рельефе. Схематично полусогнутые лапы без выделения когтей переходят в подставку. Массивный круп завершается хвостом, свернутым в кольцо на конце, которое трактовано каплевидным выступом (рис. 19: 39).

Т.М. Кузнецова ошибочно указывает, что первым издателем зеркала была П. Оберляндер (Кузнецова 2002: 326). На самом деле, в научный оборот зеркало из Лувра ввел Х. Хофман (Hoffmann 1965: 65—66). Также ошибочно Т.М. Кузнецова указывает, что зеркало попало в Лувр во время Крымской войны 1855 г. и оккупации Керчи союзными европейскими войсками¹². Не все параметры зеркала, указанные для этого зеркала П. Оберляндер в ее диссертации соответствуют реальности (Oberländer 1967: 63, Nr. 89). Ср.: табл. 1. Керчь до 1917.

40. Бронзовое зеркало с фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено при раскопках некрополя на о. Березань до 1901 г. Находилось в коллекции очаковского коллекционера, протоиерея Никиты Львовича Левицкого (1886—?). В 1901 г. было куплено И.И. Толстым (отцом), членом Императорской Археологической Комиссии. После смерти академика И.И. Толстого (сына), бронзовые зеркала березанского происхождения из его коллекции в разные годы поступили на хранение в Государственный Эрмитаж (Зуев 2018b: 237).

Зеркало имеет диск с невысоким прямым бортиком на обороте. Навершие рукояти, при помощи которой он крепится к диску, имеет форму трапеции и полуовала над ней. Ствол рукояти разделен на три колонки. На конце рукояти — схематичная фигурка пантеры головой влево на лицевой стороне зеркала, на полусогнутых лапах, стоящая на прямоугольной гладкой подставке (цапфе). Фигурка пантеры проработана в рельефе. Голова, выделенное ухо, морда животного и скула достаточно подробно вылеплены в модели. Лапы животного на концах очень схематично трактованы. Массивный круп пантеры завершается свисающим хвостом с закруглением каплевидной формы (рис. 19, 40). Размеры зеркала указаны в табл. 1 (ГЭ. ОАМ. Инв. № В. 2848).

В издании Т.М. Кузнецовой это зеркало описано с ошибками (Кузнецова 2002: 336, кат. 2, № 264; 2010: 308, 406, кат. 1, № 623, кат. 2, № 264). Верно указывая инвентарный номер,

¹² К мнению Т.М. Кузнецовой восходит ошибочное указание даты фиксации этого зеркала в моей статье (Зуев 2014: 80, рис. 10: 1). Во время визита в Лувр в июне 2015 г. мне удалось уточнить происхождение этого зеркала из личной коллекции П.К. Месаксуды. Рекомендацию к приобретению древностей из этого собрания Лувру дал в 1920 г. М.И. Ростовцев, помогая семье Месаксуды получить средства к существованию в эмиграции.

она ошибочно пишет, что зеркало опубликовано В.М. Скудной (Скуднова 1962: 21, рис. 18). Но зеркало не могло быть опубликовано в ее работе, т.к. его купили у наследников академика И.И. Толстого лишь в 1971 г. Неверно и указание Т.М. Кузнецовой, что зеркало приобретено в 1951 г. На самом деле зеркало было издано З.А. Билимович в 1973 г. (Билимович 1973: 90—91).

Десять зеркал и две рукояти составляют третий вариант зеркал третьей серии. Их объединяет тождество наверший рукоятей, имеющих форму трапеций, перекрытых полуovalом сверху (рис. 20). Почему на смену овальным формам наверший приходят угловатые варианты третьего и четвертого порядков, сейчас очень сложно понять и объяснить. Я думаю, что таким путем происходило художественное абстрагирование от идеи колонны — образа мирового древа, которое хорошо ощутимо еще в декоре рукоятей зеркал первой серии, но потом теряется, как идея, поскольку не практикуется в художественной жизни северопонтийских колонистов, населявших Борисфен, и заменяется абстрактными геометрическими формами. Как бы там ни было, но в контексте третьего варианта третьей серии борисфенитских зеркал мы имеем 5 экз., у которых один из элементов наверший рукоятей имеет форму перевернутой горизонтальной трапеции. Такова она у зеркала из Кабардино-Балкарии, найденного между селами Каменноостское и Баксан в 2019 г. (рис. 20: 29); у случайно найденной рукояти в Винницкой области, в 2018 г. (рис. 20: 30); у рукояти, случайно найденной в 2017 г. в Воронежской области (рис. 20: 31); у зеркала из Хмельницкой области, случайная находка 2017 г. (рис. 20: 32) и из Кабардино-Балкарии, случайная находка 2019 г (рис. 20: 33). Все они имеют описанный элемент оформления навершия, ствол рукояти, состоящий из трех вертикальных колонок, «реберчатые» цапфы, на которых стилизованные фигурки пантер ориентированы головой влево на лицевой стороне зеркал.

Два следующих зеркала — из пограничья Пятигорья с Кабардино-Балкарией, находка 2019 г. (рис. 20: 34) и из Хмельницкой области, находка 2017 г. (рис. 20: 35) — от перечисленных выше зеркал (рис. 20: 29—33), отличаются только направлением ориентации фигурок пантер на концах рукоятей головой вправо. Этим данные зеркала занимают как бы промежуточное положение между группой зеркал третьего варианта с «реберчатыми» цапфами на концах рукоятей и группой из пяти зеркал с трапецией в навершии рукоятей и с гладкими прямоугольными цапфами, служащими подставкой для стилизованных фигурок пантер, ориентированных на лицевой стороне зеркал головой вправо (рис. 20: 36—40).

Таким образом, и среди зеркал третьего варианта третьей серии наблюдается единая закономерность эволюции форм, объяснимая только тем, что эти зеркала изготовлялись в одном производственном центре.

Четвертый вариант.

Зеркала, навершие рукоятей которых состоят из шестиугольных или овальных геометрических фигур с жальцами по краям внизу и полуovalами над ними, а на конце рукояти — стилизованная фигурка пантеры (12 экз.)

41. Найдена в 1910 г. при раскопках некрополя Ольвии, проведенных Б.В. Фармаковским в грунтовой могиле 75. Размеры погребения $2,25 \times 1,1 \times 1,65$ м. Ориентировка — восток-северо-восток. Следы деревянного гроба. Могила потревожена норой суслика. Датировка — вторая половина VI в. до н.э. В погребении костяк женщины. Найдены сердоликовые и лигнитовые бусы: девять мелких сердоликовых бусин неправильно круглой формы размером до 0,3 см

(инв. № О.1910.313) и десять мелких бус из пасты — восемь из них желтого цвета, а две — голубые. Длинной от 0,4 до 1 см (инв. № О.1910.313). Семь золотых пронизей ромбовидной формы, полые внутри, с четырьмя отверстиями по сторонам: на лицевой стороне припаяно гладкое кольцо из проволоки, вокруг него четыре треугольника из зерни, обращенные вершинами в углы ромба. Длина каждой — 1,6 см¹³. Семь лигнитовых пронизей ромбовидной формы. Длина 1,6 см (ОАК 1913: 94, рис. 119). Слева от головы лежало бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. На лицевой стороне — следы структуры ткани. Общая длина — 32,5 см. Диаметр диска — 18,5 см. Ширина фигурки пантеры — 5,7 см (инв. № О.1910.314). Под зеркалом следы дерева от футляра. Справа от головы погребенной — ионийская амфора с яйцеобразным туловом на кольцеобразной подставке, с низким горлом. На горле и плечиках — волнистые линии, на поясе — пояски. Высота амфоры — 28 см¹⁴ (инв. № О.1910.318). Закрывало горло амфоры ионийское блюдо на узкой кольцеобразной подставке с плоским краем, отогнутым вниз. Лаком исполнен широкий пояс внутри, по краю и кружочек в центре. По краю блюда два отверстия для подвешивания. Диаметр блюда — 13,2 см (инв. № О.1910.315). У амфоры лежали кости барана и еще одно ионийское блюдо на широкой кольцеобразной подставке, с широким плоским краем. Лаком исполнен широкий пояс внутри, концентрические круги в центре, пояски по краю и снаружи. В подставке два отверстия для подвешивания. Диаметр блюда — 13,2 см (инв. № О.1910.316). Рядом с амфорой лежало каменная плитка-точило и кусочки красной краски, глиняное пряслице и свинцовое пряслице биконической формы. Диаметр пряслица — 1,8 см (инв. № О.1910.317). Там же были найдены две глазчатые бусины стеклянной пасты: желтая и синяя. Диаметры бусин 0,6 и 0,9 см (инв. № О.1910.313). В ногах погребенной стояла еще одна амфора, высотой 60 см (Скуднова 1988: 68—69).

Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Рукоять прикреплена к диску при помощи навершия в виде горизонтально расположенного шестиугольника и полуовала над ним. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. На конце рукояти одета гладкая прямоугольная цапфа, служащая подставкой для стилизованной фигурки пантеры головой вправо на лицевой стороне зеркала. На голове выделены овалами уши и надбровный выступ. В рельефе показан плечевой выступ. Полусогнутые ноги не имеют детализации лап. На конце хвоста каплевидное утолщение, символизирующее свернутый в кольцо конец хвоста (рис. 21: 41). Опубликовано в 1911 г. (Pharmakowsky 1911: 233, 244, Nr. 12, Abb. 31). Т.М. Кузнецова неточно ссылается на работу Н.Н. Бондаря (Кузнецова 2002: 330, № 157): опечатка — вместо С. 7, должно быть С. 71.

42. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и с отломанным окончанием рукояти. Найдено в Ставропольском крае до 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным. Хранится в частной коллекции. Бортик с оборотной стороны в верхней левой четверти диска обломан. По середине диска имеется пролом. С оборотной стороны диска справа от места крепления навершия рукояти по диску идет трещина. Навершие, которым рукоять скреплена с диском зеркала имеет форму шестиугольника с жальцами по бокам внизу и полуовалом сверху. Оно сильно обточено в процессе долгого использования. Ствол рукояти разделен на три вертикальные колонки. Окончание рукояти утрачено в древности. В процессе использования зеркала его конец рукояти обточен по косому слому и в левой колонке с лицевой стороны просверлено отверстие для подвешивания диаметром 0,3 см (рис. 21: 42). Публикуется впервые.

¹³ Аналогичные бляшки найдены в Ольвии в погребении 97, исследованном в 1913 г. (инв. № О.1913.419).

¹⁴ Аналогичная амфора происходит из Таманского некрополя (Гайдукевич 1959: 184, рис. 54).

43. Бронзовое зеркало с вертикальным бортиком по краю диска и утраченной фигуркой на конце рукояти. Найдено случайно в 2015 г. близ с. Николаевка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области, Украина. Хранится в частной коллекции. Место хранения неизвестно.

Зеркало имеет круглый диск с вертикальным бортиком. Навершие рукояти в форме шестигранника с жальцами под ним по бокам внизу, а сверху перекрытый полуovalом. Ствол рукояти на лицевой стороне расчерчен на пять вертикальных полос, а на обороте ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. Конец рукояти обломан, заточен и закруглен (рис. 21: 43). Зеркало опубликовано в 2017 г (Клочко, Козыменко 2017: 263, илл. 2).

44. Бронзовое зеркало с бортиком по краю и с фигуркой пантеры на конце рукояти. Случайная находка 1937 г., Венгрия, к востоку от с. Сечени, у южного подножия горы Бизнички, у выхода минерального источника на опушке леса, на скалисто-каменистой почве. Хранится в Национальном музее Венгрии. Будапешт (Inv. № 68.7.1). Зеркало имеет плоский диск с вертикальным бортиком. Рукоять прикреплена к диску при помощи навершия, имеющего форму шестигранника с жальцами по бокам внизу и полуovalом над ним. Ствол рукояти с оборотной стороны зеркала делится на три вертикальные колонки. На лицевой стороне зеркала между колонками ствола рукояти имеются еще две вертикальные узкие прослойки. Такая же форма сечения ствола рукояти имеется у рукояти зеркала третьего типа, найденного на Украине в 2017 г (рис. 23: 48). На конце рукояти одета с помощью трехреберчатой прямоугольной цапфы стилизованная фигурка пантеры. М. Пардуц отметил, что насаженная на конец рукояти пантерка на подставке, плохо припаяна и шатается (Párducz 1958: 58). Фигурка пантеры на лицевой стороне зеркала ориентирована головой влево. Животное смоделировано схематично, в одной плоскости. На голове пантеры надрезами показаны пасть, ноздри и надбровный выступ. Но ухо не выделено. Хвост на конце свернут в кольцо, но без отверстия (рис. 22: 44).

45. Рукоять бронзового зеркала с навершием в виде горизонтального шестиугольника с двумя шипами внизу и полуovalом над ним, а также стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти на гладкой прямоугольной подставке (цапфе). Найдено при раскопках барона Йену Ньяри до 1870 г. в Пилине, Венгрия, графство Нуград. Хранится в Венгерском национальном музее (Будапешт) (Inv. № 44.1898.2333).

Навершие рукояти состоит из шестиугольной горизонтальной фигуры с жальцами по краям внизу и полуovalом сверху. Ствол рукояти имеет с оборотной стороны зеркала три вертикальные колонки. На лицевой стороне между колонками имеются еще две вертикальные прослойки (по 0,2 см шириной). Траковка рукояти в Пилине аналогична рукоятям зеркал из Сечени 1937 г. (рис. 22: 44) и с Украины 2017 г. (рис. 23: 48). На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры, стоящая на прямоугольной гладкой цапфе (подставке), головой влево на лицевой стороне зеркала. На голове выделено ухо и прорезями ноздри и пасть животного. Полусогнутые ноги не имеют детализации лап. Массивный хвост на конце свернут в кольцо, но без отверстия (рис. 22: 45). Рукоять была опубликована Й. Ньяри в 1870 г (Nyáry 1870: 127—128). П. Оберляндер ошибочно указывает первым публикатором рукояти зеркала А. Ромер (Oberlander 1967: 64). З. Тезер акцентирует внимание на том, что сейчас нельзя разобраться найдена ли рукоять Й. Ньяри в погребении с сожжением, или же в ботросе у жертвенников, где также приносились огненные жертвоприношения (Tézer 2005: 6, 29, 34, Nr. 7, pl. 8: 1b).

46. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти из могильника у колонии Кáррас. Найдено в 1881 г. на Чеснок горе под Пятигорском, в

гробнице III в ходе раскопок под руководством Д.Я. Самоквасова. Хранится в Государственном Историческом музее (инв. № 76990).

Под слоем дерна и каменной закладкой диаметром около 3 аршин (2,1 м) открыта могила, вырубленная в каменистом щебне размером $2 \times 2 \times 2$ аршина ($1,4 \times 1,4 \times 1,4$ м), засыпанная каменным щебнем с землею. На дне могилы, покрытом слоем желтой глины с известью толщиной в вершок (4,44 см), лежал в скорченном положении костяк женщины, спиной на юг. На груди ее найдено ожерелье из множества бус различного состава и различной формы и величины, из которых целыми извлечены шесть раковин (*moneta cuprea*), двадцать семь мелких глиняных, стеклянных и гешировых, восемнадцать крупных глиняных, стеклянных, глазированных и бородавчатых бусин. Тридцать три янтарные бусины, из которых некоторые обточены в овально-круглую форму, а большинство представляют собой бесформенные продырявленные куски и пластины. Крупная граненая из зеленого стекла бусина и крупная стеклянная, покрытая глиняной композицией (пастой). Крупная бусина граненая мозаичная из зеленого стекла, крупная железная и две крупные костяные, покрытые черным лаком. Половина крупной граненой бусины из композиции (пасты) и две круглые мозаичные из композиции (пасты). Три круглые крупные рубчатые бусины из темного горного хрусталя. У головы были найдены фрагменты большого кольца (вроде браслета) из серебряной проволоки, две массивные булавки с загнутыми спиралью утолщенными концами. Там же были собраны обломки многих других бусин. У рук — бронзовое змеевидное колечко, бронзовое проволочное колечко без спайки концов, три массивных бронзовых браслета со змеевидными концами, два на правой руке, один на левой. Бронзовое плоское колечко, массивный бронзовый браслет со змеевидными концами и браслет из бронзовой проволоки. У левого бока лежали бронзовый трехгранный, два бронзовых круглых и несколько железных круглых наконечников стрел, железный ножик, бронзовое зеркало с массивной ручкой, оканчивающееся рельефным изображением четвероногого животного, а на нем комок яркой краски. В северо-восточном углу могильной ямы лежала кость баранины, три глиняных пряслица, орнаментированная глиняная крышечка, глиняная миска и глиняный горшок с боковым ушком, орнаментированный в верхней половине узором, состоящим из повторяющихся треугольников между параллельными линиями, окаймленными рубцами (Самоквасов 1908: 125).

Зеркало имеет массивный плоский диск с вертикальным бортиком по краю на оборотной стороне. Рукоять прикреплена к диску с помощью навершия, состоящего из шестигранника с жальцами внизу и полуovalом сверху над ним. Ствол рукояти составлен из трех вертикальных колонок. На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры головой влево на лицевой стороне зеркала. Она выполнена очень условно в одном рельефе. На голове не выделены даже уши животного. Полусогнутые ноги без детализации лап переходят в прямоугольную гладкую подставку (цапфу), насаженную на конец рукояти (рис. 23: 46).

Д.Я. Самоквасов уже на следующий год после раскопок опубликовал это зеркало (Самоквасов 1882: № 6, табл. III: 2). На рубеже веков А.А. Бобринской обратил внимание, что на иллюстрации Д.Я. Самоквасова пантера на лицевой стороне зеркала смотрит вправо, хотя и Д.Я. Самоквасов в публикации, и запрошенный в Москве А.А. Орешников подтвердил, что пантерка на рукояти оригинала зеркала ориентирована головой налево. Оказалось, что в первом издании материалов раскопок могильника у колонии Кáррас, клише таблицы было зеркально перевернуто, но это осталось незамеченным (Бобринской 1901: 68, прим. 1).

47. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено к востоку от с. Макфалва (Гиндари) на реке Солокма, притока верховьев р. Муреш в Румынии,

при вспашке земли в 1908 г. Приобретено Венгерским национальным музеем в Будапеште. Зеркало имеет массивный плоский диск с бортиком, вертикально обрезанным с внешней стороны и треугольным в сечении внутри. Навершие рукояти имеет сложную форму шестигранника с жальцами внизу по бокам и полуovalом сверху над этим шестигранником. Ствол рукояти составлен из трех вертикальных колонок. На конце рукояти одета прямоугольная, гладкая цапфа, являющаяся подставкой для стилизованной фигурки пантеры, ориентированной головой влево на лицевой стороне зеркала. Голова животного хорошо проработана. Выделена морда, лоб, скула и ухо на голове животного. Остальное тело передано условно в одном рельефе. Чуть подогнутые ноги переходят в подставку без выделения когтей на лапах. Массивный хвост заканчивается каплевидным утолщением, символизирующим заворот кончика хвоста в кольцо (рис. 24: 47). Обстоятельства находки зеркала были приведены Габриэлем Теглашем (Téglás 1913: Abb. 1).

48. Рукоять бронзового зеркала с фрагментом навершия и стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Найдено в двух частях (шестигранник навершия рукояти и ствол рукояти с фигуркой пантеры) на Украине в 2017 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным. Местонахождение неизвестно. Находчик пытался уверить, что к этой рукояти принадлежит маленький диск зеркала с бортиком, диаметром 10,5 см, найденный в 200 м. от места находки рукояти, но это абсолютно несостоятельно.

Навершие отломано. Полуoval с диском зеркала утеряны. Шестиугольник с жальцами по бокам внизу отломан, но сохранился отдельной деталью и стыкуется с рукоятью. Ствол рукояти делится с оборотной стороны зеркала на три вертикальные колонки (по 9 мм шириной). На лицевой стороне между колонками имеются еще две вертикальные прослойки ($7 \times 3 \times 7 \times 3 \times 7$ мм шириной). Такое же сечение рукояти имеется у зеркала третьей серии, найденной в 1937 г. в Сечени (рис. 22: 44). На конце рукояти стилизованная фигурка пантеры келермесского типа головой вправо на лицевой стороне зеркала. Фигурка животного стоит на гладкой прямоугольной подставке (цапфе). На голове животного выделено круглое ухо, надбровные дуги. Рот и ноздри показаны двумя прорезями. Полусогнутые ноги без детализации переходили в поверхность гладкой прямоугольной подставки. Хвост на конце имеет круглое каплевидное окончание, символизирующее свернутый в кольцо кончик хвоста (рис. 24: 48). Публикуется впервые.

49. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и рукоятью со стилизованной фигуркой пантеры головой вправо на лицевой стороне зеркала. Найдено в Красногвардейском районе Республики Адыгея у линии газопровода в 2016 г. сломанным на две части (диск и рукоять). Зафиксировано И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 18-98). Вторично зафиксировано Ю.В. Обориным в 2018 г. Частная коллекция. Место хранения неизвестно. Из письма находчика зеркала И.А. Бажану: «...зеркала найдены в Красногвардейском районе республики Адыгея... Найдены в разорванном виде на небольшой площади. В советское время на этом месте проводили газопровод или нефтепровод, видно зацепили какой-то древний могильник. Найдены были не только зеркала, но и разные бляшки (в том числе в зверином стиле). Некоторые предметы находились прямо у поверхности под дерном. Сейчас на этом месте обычное пастбище. Буду рад, если моя информация послужит для науки...»

Зеркало имеет плоский диск с вертикальным бортиком по краю. Рукоять крепилась к диску при помощи навершия сложной формы. Горизонтально расположенный шестиугольник имел снизу по бокам жальца, а сверху был накрыт полуovalом, основание которого повторяло радиус вертикального бортика диска зеркала. На лицевой стороне зеркала ствол рукояти был разделен на пять вертикальных колонок. С оборотной стороны ствол рукояти был разделен на три вертикальные колонки. Эта особенность моделировки

ствола рукояти напоминает рукояти зеркал из Сечени 1937 г. (рис. 22: 44) и найденного в 2017 г. на Украине (рис. 24: 48), где благодаря прослойкам между колонками, число вертикальных линий на лицевой стороне зеркала достигало пяти, а на оборотной стороне рукоять делилась на три вертикальные колонки. На конце рукояти была надета прямоугольная гладкая цапфа, служившая подставкой для стилизованной фигурки пантеры келермесского типа, головой направленная вправо на лицевой стороне зеркала. Фигурка сильно патинизирована. Голова животного проработана в рельефе. Выделены уши, прорезью намечена пасть. Полусогнутые ноги на конце имеют свернутые в кольцо изображения когтистых лап. Хвост четко не проработан, но на конце имеется каплевидное утолщение, символизирующее свернутый в кольцо кончик хвоста (рис. 24: 49). Зеркало публикуется впервые.

50. Бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и рукоятью со стилизованной фигуркой на конце. Местонахождение неизвестно. Зафиксировано И.А. Бажаном в 2016 г. Хранится в Киеве в частной коллекции. Зеркало имеет прямой вертикальный бортик по краю диска. Рукоять присоединена к диску с помощью навершия в форме горизонтального шестигранника с жальцами по краям внизу и полуovalом сверху. Ствол рукояти на лицевой стороне разделен на пять вертикальных колонок шириной по 3,6 мм. На оборотной стороне зеркала ствол рукояти разделен на три вертикальных колонки шириной по 6 мм. Этим рукоять киевского зеркала похожа на рукоять зеркала из Адыгеи (рис. 24: 49). На конце рукояти на прямоугольной гладкой цапфе (подставке) стилизованная фигурка пантеры головой вправо на лицевой стороне зеркала. На голове выделены уши, глаза, ноздри и пасть животного (надрезами). Подогнутые ноги изображены схематично без детализации лап. Массивный хвост завершается загнутым в кольцо кончиком хвоста, но без отверстия (рис. 25: 50). Публикуется впервые.

51. Бронзовое зеркало со стилизованной фигуркой пантеры на конце рукояти. Происхождение неизвестно. Найдено в Венгрии или в Румынии до 1977 г. Хранится в музее Барбье-Мюллер Д'арт Преколомби в Женеве (Швейцария). В 2017 г. экспонировалось на международном конкурсе керамистов в г. Каруже (кантон Женевы, Швейцария) как подлинный древний экспонат, ставший символом конкурса. Зафиксировано Ю.В. Обориным.

Зеркало имеет плоский круглый диск с вертикальным бортиком по краю оборотной стороны. Рукоять соединена с диском при помощи навершия, состоящего из шестигранника с выступающими шипами по краям внизу и полуovalом сверху. Ствол рукояти разделен прочерченными линиями на пять вертикальных полос (колонок). На конце рукояти прямоугольная гладкая цапфа, являющаяся подставкой для стилизованной фигурки пантеры, ориентированной на лицевой стороне зеркала головой налево. Фигурка выполнена в одной плоскости. Голова в профиль имеет надбровный выступ и выделенное овальное ухо. Полусогнутые ноги переходят в подставку без изображения когтей на лапах. Массивный хвост свернут на конце в кольцо без отверстия (рис. 25: 51). Публикуется впервые.

52. Рукоять бронзового зеркала, обломанная по навершию рукояти, со стилизованной фигуркой пантеры на ее конце. Найдена в 2003 г. на о. Березань, в раскопе «Т», полуземлянка 285, яма (горн) 286 (рис. 26). Раскопки В.В. Назарова. Рукоять хранится в Очаковском военно-историческом музее им. А.В. Суворова (филиал Николаевского областного краеведческого музея). У рукояти сохранилось частично навершие в форме горизонтально расположенного шестиугольника с жальцами по краям внизу. Сверху отсутствует полуoval над шестиугольником. Ствол рукояти трактован в виде плоского в сечении прямоугольника, разделенного с обеих сторон на пять вертикальных колонок. На конце рукояти одета прямоугольная гладкая цапфа, служащая подставкой для стилизованной

фигурки пантеры головой вправо на лицевой стороне зеркала. На голове выделено крупное ухо и надбровная дуга. Тело трактовано условно в едином рельефе. Полусогнутые ноги показаны без детализации лап. Хвост слит с крупом животного. На конце хвоста каплевидным выступом показан кончик хвоста, свернутый в кольцо (рис. 27). Опубликовано в 2004 г. (Манычев и др. 2004: 35—41).

Четвертый вариант зеркал третьей серии (рис. 28) представлен семью целыми формами (рис. 28, 41, 44, 47—51), двумя зеркалами с отломанным завершением рукоятей (рис. 28: 42, 43) и тремя рукоятями зеркал (рис. 28: 45, 46, 52). Все их объединяет форма геометрического навершия, представленная в совокупности деталей, как линия развития одной схемы.

Первым в группе является зеркало из Ольвии (рис. 28: 41), у которого в основании навершия рукояти еще трапеция, перекрытая полуovalом, но она более уже напоминает шестигранник. Однако у нее еще нет в основании отдельных шиповидных выступов. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок на обеих сторонах рукояти. Цапфа (подставка) стилизованной фигурки пантеры гладкая, прямоугольная. Голова животного на лицевой стороне зеркала смотрит вправо.

Все остальные навершия рукоятей четвертого варианта — это шестигранник, на оборотной стороне зеркала перекрытый полуovalом и снизу имеющий по два выступающих в стороны шипа. У двух зеркал (рис. 28: 42, 43) с отломанными фигурками пантер на концах рукоятей навершия сильно обточены: одно из них явно подвергалось поздней переделке (рис. 28: 42) — не только обточке подверглось навершие рукояти, но и на обломанном конце ее было просверлено отверстие для петли, чтобы подвешивать зеркало. У обоих зеркал стволы рукоятей разделены на три вертикальные колонки.

Остальные девять экземпляров имеют разные соотношения сторон рукоятей зеркал: их стволы на лицевой и оборотной сторонах расчерчены еще в восковых моделях на разное количество колонок. Рукоять зеркала (рис. 28: 44) имеет вышеописанное навершие, а на лицевой стороне между тремя вертикальными колонками ствола рукояти — две узкие, но хорошо заметные прослойки. На оборотной стороне их нет — ствол делится только три вертикальные колонки. На конце рукояти этого зеркала одета разделенная на три горизонтальные полосы цапфа, служащая подставкой для стилизованной фигурки пантеры, которая на лицевой стороне обращена головой влево.

Следующие три зеркала (рис. 28: 45, 46, 47) отличаются от предыдущего только тем, что у них на конце рукояти надета гладкая прямоугольная цапфа. Остальные детали оформления рукоятей тождественны, включая ориентацию головы пантерок.

Трактовка деталей декора рукоятей зеркал (рис. 28: 48, 49) также тождественна предыдущим экземплярам, но на лицевой стороне этих зеркал фигурки пантер ориентированы головой вправо.

Три зеркала (рис. 28: 50, 51, 52) имеют одинаковые трактовки навершия рукоятей. Но рукоять зеркала (рис. 28: 50) на лицевой стороне имеет деление ствола на пять одинаковых колонок, а на обороте — на три колонки. На конец рукояти у него надета гладкая прямоугольная цапфа, а фигурка пантеры на лицевой стороне ориентирована головой вправо. У зеркала (рис. 28: 51) ствол рукояти оформлен аналогично, но на гладкой прямоугольной цапфе фигурка пантеры ориентирована головой влево. А рукоять зеркала № 52 имеет ствол, который с обеих сторон разделен на пять вертикальных колонок, а фигурка пантеры на гладкой прямоугольной цапфе, вероятнее всего, была ориентирована головой вправо (?).

Разнообразие сочетаний признаков зеркал четвертого варианта третьей серии возможно объяснить, если предположить, что они являлись наиболее поздними в этой серии зеркал борисфенитского типа. И находка заготовки рукояти (рис. 28: 52) этого варианта в слое

шлаков и отходов металлургического производства в Борисфене, объясняется гибелью мастерской в пожаре города, случившегося в последнем десятилетии VI в. до н.э.

Фрагменты и детали зеркал, которые сейчас невозможно соотнести с каким-либо вариантом. А также недостоверные сведения о зеркалах или зеркалах, которые не удалось увидеть *de visu* (14 экз.)

53. Диск бронзового зеркала с бортиком по краю. Случайная находка в Среднеахтубинском районе (Волго-Ахтубинской пойме) Волгоградской обл. в 2018 г. Зафиксирован Ю.В. Обориным. Место хранения неизвестно, частная коллекция. Диск имеет вертикальный бортик по краю на оборотной стороне зеркала. Рукоять отсутствует. От навершия рукояти сохранился полуовал на диске зеркала, с помощью которого рукоять крепилась к зеркалу (рис. 29: 53). Вероятно, зеркало являлось подражанием зеркалу борисфенитского типа. К третьей серии этот диск отнесен условно.

54. Бронзовое зеркало с вертикальным бортиком по краю диска. Найдено при раскопках Г.Л. Скадовского некрополя в 1900 г. в кострище. Лежало на известняковом блюде. Диск сильно покорежен в огне. Навершие рукояти в виде горизонтального овала и полуовалом над ним. Ствол рукояти состоит из трех вертикальных колонок. Фигурка пантеры с конца рукояти и подставка (цапфа) не сохранились (рис. 29: 54). Зеркало по форме навершия рукояти можно отнести к первому или второму вариантам зеркал данной серии. Оно хранится в Херсонском историко-краеведческом музее (инв. № ХЕМ-а 5716; оп. КП-23346)¹⁵. Описание опубликовано В.М. Скудной (Скуднова 1962: 10, 12, № 9, 19). Изображение зеркала не публиковалось.

55. Бронзовая фигурка пантеры без подставки. Найдена на Украине в 2014 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным. Фигурка пантеры проработана в рельефе. Выделена морда животного. Прорезью отмечена пасть. Выделены надбровья и скула. Овалом с вдавлением трактованы уши. Рельефными плоскостями передана мускулатура тела животного. Кончики лап, к сожалению, обломаны. Кончик хвоста завит в кольцо. Оно проработано круглым взавлением, но не прорезное. Только этот нюанс отличает фигурку от пантерок келермесского типа (рис. 30: 55). Публикуется впервые.

56. Фигурка пантеры с о. Березань. Изображение бронзовой фигурки пантеры на подставке (цапфе) с конца рукояти борисфенитского типа дважды опубликовано С.Я. Ольговским в 2017 г. без масштаба и какого-либо описания, лишь с указанием, что она найдена на поселении на о. Березань (Ольговский 2017а: 223, рис. 4: 6; 2017б: 480, рис. 4: 6). Когда и где именно сделана эта находка остается неясным. Стилизованная фигурка пантеры почти что келермесского типа. Рельефно проработаны детали головы животного и его тела. Кончик хвоста закручен в кольцо, но без прорези отверстия. Окончания лап на рисунки не ясны. Пантерка изображена, вероятно, на трехреберной горизонтальной прямоугольной подставке (цапфы). Что хотел еще передать ниже цапфы художник остается неясным. Рисунок в целом очень небрежный (рис. 30: 56).

57. Бронзовая фигурка пантерки на подставке. Фрагмент окончания рукояти зеркала борисфенитского типа третьей или четвертой серии. Найдена на Украине в Ровенской области в 2016 г. Зафиксирована И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 18-534). Место хранения — частная коллекция.

¹⁵ Приношу искреннюю благодарность за возможность публикации этого зеркала моим друзьям и коллегам Ивану Алексеевичу Снытко (г. Николаев), директору Херсонского музея Татьяне Георгиевне Братченко (г. Херсон), сотрудницам музея Валентине Васильевне Ганощенко и Виктории Викторовне Пиворович.

Фигурка пантеры проработана в рельефе. Выделена морда животного. Прорезью отмечена пасть. Овалом трактованы уши. Рельефными плоскостями передана мускулатура тела животного. Кончики лап чуть расплющены щипцами при моделировке фигурки в воске. Кончик хвоста завит в кольцо. Оно проработано круглым вдавлением, но не прорезное. Подставка, (цапфа), на которой стоит фигурка, прямоугольная, гладкая. Из нее выдается немного неровный обломок ствола рукояти (рис. 30: 57). Публикуется впервые.

58. Бронзовая фигурка пантеры. Найдена в местечке Дюдюйка, Венгрия в 1934 г. Хранится в Herman Ottó Múzeum, Miskolc. Стилизованная фигурка пантеры на прямоугольной гладкой подставке (цапфе). Детально проработана головка животного: выделена морда, прорезью трактована пасть, показана скула и надбровья. Уши переданы выступающими в рельефе окружностями. Остальное тело трактовано в одном рельефе схематично. Шея и спина животного вытянуты в линию. Полусогнутые лапы переданы схематично. Хвост и круп животного слиты в один массив. На конце хвоста каплевидным утолщением передана идея закрученности кончика хвоста в кольцо. Фигурка пантеры стоит на прямоугольной гладкой подставке (цапфе). Волнистая линия основания подставки свидетельствует о том, что моделировка цапфы и фигурки пантеры производилась непосредственно на конце ствола рукояти и потом в двусоставной форме отливалась на рукояти, отчего образовалась волнистая линия заплыва металла, влитого в форму на рукояти, состоящей из вертикальных колонок (рис. 30: 58).

Фигурка была опубликована в 1939 г (Leszih 1939: 76, fig. 5: 2). В исследовании Т.М. Кузнецовой фигурка из Дюдюйки категорично причислена к зеркалам, которые относятся мною к четвертой серии зеркал борисфенитского типа (навершие рукояти в виде фигурки оленя, а на конце ее — фигурка пантеры). Оснований для этой реконструкции нет никаких, но Т.М. Кузнецова помещает на с. 191 в карту 13 (№ 164) пантеру из Дюдюек, — карту, на которой отмечены только зеркала с фигурками оленя под диском. Кроме того, масштаб рисунка пантеры из Дюдюек в ее книге абсолютно недостоверен (Кузнецова 2002: 143, 153, 187, 191, 236, 234, № 164, карта 11, 13, кат. 2, № 48, табл. 85, А).

59. Бронзовая фигурка пантеры на гофрированной подставке (цапфе). Найдена на Украине в 2010 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным. Хранится в частной коллекции. Стилизованная фигурка пантеры на прямоугольной подставке (цапфе). Слабо проработана головка животного: едва выделены овалом уши. Остальное тело трактовано в одном рельефе схематично. Шея и спина животного вытянуты в линию. Полусогнутые лапы переданы схематично. Хвост и круп животного слиты в один массив. На конце хвоста каплевидным утолщением передана идея закрученности кончика хвоста в кольцо. Подставка, на которую опирается фигурка, прямоугольная состоит из двух горизонтальных валиков и прямоугольных подставок под передними и задними лапами животного. Из основания подставки торчит фрагмент ствола рукояти зеркала (рис. 30: 59). Публикуется впервые.

60. Бронзовая фигурка пантеры на гладкой прямоугольной подставке (цапфе), одетой на конец рукояти бронзового зеркала, от которой сохранился незначительный фрагмент. Случайная находка в окрестностях Дебрешена, Венгрия до 1870 г. Хранится в Debreczeni főiskola múzeumában. Стилизованная фигурка пантеры на прямоугольной гладкой подставке (цапфе). Проработана головка животного: выделена морда, показана скула и надбровья. Уши переданы выступающей в рельефе окружностью. Остальное тело трактовано в одном рельефе схематично. Шея и спина животного вытянуты в линию. Полусогнутые лапы переданы схематично. Хвост и круп животного слиты в один массив. На конце хвоста каплевидным утолщением передана идея закрученности кончика хвоста в кольцо. Подставка (цапфа) прямоугольная, гладкая (рис. 30: 60). Опубликовано в 1870 г. (Nyáry 1870: 127).

Т.М. Кузнецова необоснованно считает эту находку частью зеркала, у которого навершие рукояти под диском украшено фигуркой оленя. Для такой реконструкции нет никаких оснований (Кузнецова 2002: 143, 153, 187, 191, 210, 236, 324, № 158, карта 11, 13, 14, кат. 2, № 46, табл. 85, А.).

61. Бронзовая фигурка пантеры на гладкой прямоугольной подставке с отверстием посередине. Найдена экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Л.В. Копейкиной в 1979 г. при раскопках полуземлянки XV на Северо-западном участке. Полуземлянка имела овальную форму 3 × 2 м. Вход в нее был с северной стороны. Стенки и дно материковые. Сохранились остатки обмазки пола, а в северо-восточной части — углубление от опорного столба. В заполнении землянки было много обломков остродонных амфор и лепной керамики. Среди фрагментов расписной керамики преобладали обломки ионийской полосатой керамики. Здесь же найдено довольно много обломков мелкофигурного чернофигурного килика третьей четверти VI в. до н.э. Особый интерес из заполнения этой полуземлянки представляет находка бронзовой фигурки пантеры от рукояти зеркала борисфенитского типа.

Стилизованная «худосочная» фигурка пантеры. Трапецевидная морда с насечкой, символизирующей пасть животного. Надбровный выступ и скулы. Ухо овальной формы. Тело очень схематично трактовано в одном рельефе. Шея и спина животного на одной линии. Очень тонкие полусогнутые ноги. На массивном крупе насечкой показан хвост, кончик которого поднят вверх. Подставка (цапфа), на которой стоит фигурка пантеры, прямоугольная и гладкая. Посередине сквозное отверстие для закрепления цапфы заклепкой на основе (конце ствола рукояти) (рис. 31: 61).

62. Бронзовая фигурка пантеры на подставке (цапфе) с конца рукояти борисфенитского зеркала. Найдена на Украине в 2016 г. Зафиксирована И.А. Бажаном (Архив КСАН. Д. 18-37). Место хранения неизвестно, частная коллекция.

Стилизованная фигурка пантеры. Детально проработана голова: выделен надбровный выступ, проработано маленькое ухо и прорезью намечена пасть хищника. Шея и спина животного вытянуты в прямую линию. Тело трактовано в одном рельефе. Подогнутые ноги не имеют проработки окончания лап. Хвост заканчивается завитком в кольцо, но оно только намечено несквозным круглым углублением. Подставка прямоугольная гладкая слегка обломана (рис. 31: 62). Публикуется впервые.

63. Бронзовая фигурка пантеры с конца рукояти борисфенитского зеркала на подставке. Случайная находка на Украине в 2011 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным. Место хранения неизвестно. Частная коллекция.

Ствол рукояти зеркала была составлена из трех вертикальных колонок, судя по отпечатку в цапфе. Стилизованная фигурка пантеры. На голове выделены уши с вдавлениями и широкими надрезами показаны ноздри и пасть животного. Остальное тело передано условно в едином рельефе. Полусогнутые ноги не имеют проработанных лап на конце. Круп и хвост переданы единым массивом, но конец хвоста свернут в кольцо, что показано круглым вдавлением. Четырехгранные лапы переходят в прямоугольную гладкую подставку (цапфу). Со временем цапфа отошла с конца рукояти и снизу подставки хорошо видно, что цапфа и фигурка пантеры моделировалась из воска прямо на конце рукояти зеркала: воск натек на изгибы трехреберчатой рукояти и при заливки в форму металла оставил тонкую волнистую пластину, повторяющую форму рукояти (рис. 31: 63). Публикуется впервые.

64. Обломок бронзовой рукояти со стилизованным изображением пантеры на конце рукояти, стоящей на гладкой, прямоугольной подставке. Ствол рукояти зеркала состоял из

трех вертикальных колонок. Найден в 1888 г. при раскопках кургана 1 могильника в урочище Ёлга в Любимовской волости, Бузулукского уезда, Самарской губернии, в 5 верстах от с. Преображенское. Могильник из трех курганов находится на высоком сырте. Курганы образуют треугольник. Самый большой, 75 саж. в диаметре и высотой над уровнем земли в 1,5 сажени, имеет название «Ёлга», или «Кладовый». В нем при попытке ограбления лет 20—30 тому назад, был обнаружен бронзовый кувшин. В 25 саж. к западу от первого, находится второй курган. Его размеры в окружности 23 саж., с пологим скатом и поднимавшийся над землей не выше 2 арш. Третий курган — круглый, массивный с широкою покатою вершиной к югу, с канавою вокруг, вышиною сажень и 1 арш. у северной части и 2¼ арш. у южной, в основании насыпь в 1 саж. От первого кургана находится в 80 саж. и от второго — в 70 саж. Первый курган копался жителями с. Преображенское в 1858—1868 гг. Тогда была скрыта южная часть кургана, разобраны радиально лежавшие бревна наката и прокопана продолжавшаяся насыпь на 1,5 арш. Наткнувшись на твердый грунт, на его уровне был найден бронзовый кувшин. 30 апреля 1888 г. 15 жителей с. Преображенское вновь стали копать этот курган, в том месте, где был найден кувшин. На возвышении, сбитом из глины с известью, были найдены каменный прямоугольный столик на четырех ножках с углублением на верхней поверхности и с орнаментом бегущей волны по боковым граням. На нем лежал обломок рукояти борисфенитского зеркала третьей серии, ствол которой состоял из трех вертикальных колонок, а на конце рукояти на гладкой прямоугольной подставке (цапфе) было стилизованное изображение пантеры. На столике же лежало бронзовое литое колесико-пряслице с пятью отверстиями. Узнавший о разграблении кургана становой пристав, прибыл в первых числах мая на место раскопок составил протокол, приказав перекопать всю оставшуюся насыпь и при этом были найдены 4 бронзовых наконечника стрел и неопределенная бронзовая вещица. Все находки через исправника были переданы в Губернское правление. В августе того же года, Ф.Д. Нефедов, занимавшийся изучением древностей Приуралья по заданию Московского общества любителей естествознания при Московском университете, побывал в Губернском правлении, познакомился с протоколом пристава, забрал находки и выехал на место раскопок для завершения работ.

«По снятии всей насыпи, — писал Ф.Д. Нефедов в своем отчете, — т.е. на полторы сажени, оказался бревенчатый накат, шедший кольцом, диаметр которого равнялся 20 сажени. Вынувши остатки сгнивших бревен, пошла опять насыпь, в сажень глубиною. Когда вся земля была вынута, то оказалось, что под курганом, т.е. наружною насыпью, оказался круг, на дне которого шестью радиусами шли конусообразные выходы в виде камер; а в южной стороне круга от материка поднимался выступ, сбитый из глины с известью и представлявший, как бы возвышение — алтарь (?). На этом-то возвышении и находились предметы: бронзовый кувшин, каменная четырехугольная на четырех ножках скамеечка с углубленною продолговатою площадкою и с орнаментом, обломанный кинжал (или нож) с бронзовую рукояткою, имеющей фигуру курдючной овцы. Ни костей человека, ни углей и черепков не встретилось, но в насыпи, под накатом, встречались кости животных» (Нефедов 1888: 36—37). Раскопав и два близлежащих кургана, Ф.Д. Нефедов завершил исследования в урочище Ёлга. Вещи из раскопок им были переданы в Музей антропологии при Московском университете.

Стилизованная фигурка пантеры предельно схематизированная. На голове не выделено ни одной детали. Полусогнутые ноги переходят в прямоугольную гладкую подставку (цапфу). Вся фигурка исполнена в одном рельефе. Хвост не выделен, образуя с крупом животного единый массив (рис. 31: 64). Издана Ф.Д. Нефедовым в 1899 г (Нефедов 1899: 37, рис. 9). После много раз переиздавалась.

65. Стилизованная бронзовая фигурка пантеры с конца рукояти зеркала, вероятнее всего, подражания борисфенитскому типу зеркал третьей серии. Случайная находка на Украине в 2014 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным. Местонахождение неизвестно. Частное собрание.

Рукоять зеркала в сечении плоская прямоугольная. Стилизованная фигурка пантеры. Вся фигурка трактована в одной плоскости. Тело выгнуто дугой. Шея продолжает линию спины. Голова маленькая. Ухо едва выделено. Массивные полусогнутые ноги переходят в подставку (не цапфа). Хвост куцый (купированный). Фигурка и подставка с рукоятью, видимо, отлита в двусоставной форме (Рис. 31: 65). Публикуется впервые.

66. В литературе имеется информация, введенная В.М. Скудновой (Скуднова 1962: 10, 12, № 16) о зеркале, хранящемся в Одесском археологическом музее НАН Украины. О нем В.М. Скуднова сообщает следующее: «Неизвестное происхождение. Хранится в ОАМ, Инв. № 4360. Под диском овальный выступ. Общая длина зеркала 323 мм. Диаметр диска 180 мм. Ширина фигурки пантеры 57 мм». По сообщению Заместителя директора музея по научной работе Сергея Борисовича Охотникова в письме от 10 декабря 2019 г. (за что выражаю ему искреннюю благодарность) это зеркало находится в постоянной экспозиции Особой кладовой музея. К сожалению, фотографии этого зеркала отсутствует, а особенность освещения на экспозиции из-за бликов мешает сфотографировать его в витрине. Вскрыть витрину в ближайшее время невозможно по проблемам безопасности. Это можно будет сделать в будущем при плановом обеспылевании витрины. И тогда же обмерить зеркало. В архиве В.М. Скудновой в Государственном Эрмитаже рисунка этого зеркала также не имеется (сообщение Юлии Ивановны Ильиной). Поэтому информация об этом зеркале в статистике зеркал третьей серии борисфенитского типа учтена, но без публикации изображения.

Рассмотренные в каталоге (табл. 1) зеркала третьей серии, выполненные в технике литья по утрачиваемой восковой модели по единой схеме, были обнаружены в погребениях скифской знати от Южного Урала и Северного Кавказа, до Трансильвании. Рассматривая их в общем типологическом ряду, легко заметить закономерность развития и изменения трактовок деталей зеркал данной серии. По-видимому, ранние зеркала имели в навершии рукоятей геометрический элемент, состоящий из правильных овалов, соединенных на оборотной стороне зеркала в «трилистник», верхний полуовал которого скреплял рукоять с оборотной стороной диска (рис. 9: 15). Затем, конфигурация этого геометрического элемента начинает терять четкость очертаний, сохраняя только полукруглый сегмент, с помощью которого рукоять прикреплялась к диску зеркала. Наконец, навершие трактовалось в виде трапеции или прямоугольника с полукруглым сегментом сверху, сохраняя схему крепления диска и рукояти зеркала (рис. 20). В статье 2014 г. (Бажан, Зуев 2014: 12—13) мы подробно проанализировали линию эволюции образа пантер, которые венчают низ рукоятей зеркал этой, а также четвертой серий зеркал борисфенитского типа. Она строится по линии постепенной стилизации сложного «реалистичного» образа пантеры «келермесского» типа (рис. 9) в абстрактную схему «худосочного»¹⁶ кошачьего хищника, изображенного стоящим в профиль (рис. 31). Множество вариантов и подгрупп, на которые в своей типологии Т.М. Кузнецова разделяет эту серию зеркал, объясняется лишь попыткой формализовать сложное геометрическое навершие рукоятей данной серии. Попытки Кузнецовой объяснить схожесть некоторых зеркал этой серии тем, что они, якобы, были отлиты в одной форме (рис. 4: 3а) и (рис. 5: 4а), явно несостоятельны. Столь же маловероятна, на мой взгляд, и идея Т.М. Кузнецовой о том, что эти зеркала сначала делались на Кавказе, будучи производными

¹⁶ Термин А.И. Тереножкина.

от зеркал второй серии (трансформация образа лежащего льва на греческих зеркалах «исходного» типа в образ стоящей «келермесской» пантеры, поскольку скифские мастера, якобы, не знали образа льва в своем искусстве эпохи архаики). Затем, по мнению исследовательницы, эти зеркала были принесены скифами во второй половине VI в. до н.э. в Скифию с Кавказа, и только потом, на рубеже VI—V в. до н.э., они были освоены в производстве в Ольвии, в виде зеркал с «худосочными» пантерами на концах рукоятей (Кузнецова 1991: 80—81). Основным недостатком этих допущений является их независимость от археологического контекста, и допущение а priori, что никаких следов древних производств подобных предметов не сохранилось.

Наоборот, большое количество подобных зеркал, их четыре варианта — все это свидетельствует в пользу их происхождения из одного производственного центра в хронологическом интервале от середины до последнего десятилетия VI в. до н.э. Гибель мастерской в Борисфене в последнее десятилетие этого века в огне большого пожара, я склонен связывать с действиями ионийского флота, сопровождавшего поход Дария I на скифов в 513/512 г. до н.э. «История» Геродота не сообщает нам этих подробностей по причинам характера этого литературного произведения (Зуев 2011: 607—625). Но велика доля вероятности, что ионийские тираны во главе с милетцем Гистием, просто мирно дожидались в устье Истра своего персидского патрона, находясь в одном переходе от милетской колонии, которая была прибежищем врагов тирании в Милете. Во всяком случае, факт прекращения изготовления зеркал борисфенитского типа и дата вторжения персидского царя в Скифию точно совпадают. И вряд ли это случайность. Таков общеисторический контекст эпохи бытования произведений греческого художественного литья данного типа.

Таблица 1. Каталог зеркал третьей серии

№ п/п	Место и дата находки (если известны)	Параметры, мм											
		Диаметр диска	Высота бортика	Общая высота	Высота наверхия рукояти	Ширина наверхия рукояти	Длина рукояти	Ширина рукояти	Ширина колонок	Высота подставки	Ширина подставки	Высота фигурки	Ширина фигурки пантеры
1	Керчь, 2003 г.	182	6	334	23	43	159	23	7,6	9	27	36	61
2	Сумская обл., 2012 г.	162	8	292	18	40	144	20	6,6	7	25	30	56
3	Ромны, 1886 г.	185	9	321	40	61	167	35	11,6	8	40	47	67
4	Крымгиреевское, 1885 г.	180	9	335	40	50	168	22	7,3	8	30	35	62
5	Ставрополье, 2018	182	8	330	44	42	170	23	7,6	8	28	30	62
6	Украина, 2017 г.	180	9	340	44	45	180	24	8	8	30	35	56
7	Новоселки, 1969 г.	-	-	-	-	-	105	23	7,6	8	30	34	60
8	Мариуполь, 1888 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	8	28	35	60
9	Краснодарский край, 2015 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	8	28	36	57
10	Степной Крым, 2014 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	11	25	37	67
11	Скоробор, 2017 г.	195	9	327	40	45	160	22	7,3	10	24	34	57
12	Ольвия (?)	182	?	310	35	40	130	20	6,6	10	24	36	64
13	Ольвия, 1912	180	9	320	40	40	146	18	6	9	21	32	55
14	Новороссия, до 1890 г.	190	8	320	40	40	150	18	6	9	23	35	56
15	Березань, 1900 г.	180		328									
16	Комсомольский, 1988 г.	182	11	310	40	38	152	18	6	10	20	35	54
17	Ольвия (?)	183	9	285	40	38	123	18	6	9	20	23	50

Таблица 1. Каталог зеркал третьей серии (продолжение)

№ п/п	Место и дата находки (если известны)	Параметры, мм											
		Диаметр диска	Высота бортика	Общая высота	Высота навершая рукояти	Ширина навершая рукояти	Длина рукояти	Ширина рукояти	Ширина колонок	Высота подставки	Ширина подставки	Высота фигурки	Ширина фигурки пантеры
18	Андреевка, 1975 г.	190	9	340	20	43	175	22	7,3	9	25	40	62
19	Биш-Оба (Сара), 1890 г.	188	11	325	45	40	158	20	6,6	9	22	32	54
20	Украина	165	11	340	40	38	142	20	6,6	9	22	34	58
21	Сумская обл., 2013 г.	-	-	-	40	38	150	18	6	9	23	32	55
22	Черкасская обл., 2016 г.	174	9	305	40	38	131	18	6	9	22	25	50
23	Днепропетровская обл., 2018	175	9	318	40	40	160	19	6,3	11	24	35	54
27	Сумская обл., 2013 г.	-	-	-	45	44	138	23	7,6	-	-	-	-
28	Хмельницкая обл., 2015 г.	180	9	190	40	45	122	22	7,3	-	-	-	-
29	Кабардино- Балкария, между с. Каменномостом и Баксаном, 2019 г.	175	9	301	43	38	151	18	6	10	22	31	57
30	Винницкая обл., 2018 г.	-	-	-	40	40	150	20	6,6	12	26	34	63
31	Воронежская обл., 2017 г.	-	-	-	50	45	188	23	7,6	10	26	42	69
32	Хмельницкая обл., 2017 г.	175	8	303	45	40	150	18	6	11	22	33	59
33	Кабардино- Балкария, 2019 г.	175	9	319	45	40	168	20	6,6	10	22	32	60
34	Южнее Пятигорья, 2019 г.	172	9	305	40	38	157	18	6	10	22	31	57
35	Хмельницкая обл., 2017 г.	180	11	295	45	40	139	21	7	11	24	37	60
36	Черкасская обл.	174	9	305	40	38	131	18	6	9	22	25	50
37	Полтавская обл., 2017 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
38	Ольвия, 1911 г.	185	9	323	40	38	153	18	6	10	22	36	58
39	Керчь, до 1917 г.	180	9	273	40	32	118	18	6	5	19	22	45
40	Березань, до 1901 г.	188	9	327	45	40	168	20	6,6	10	24	38	61
41	Ольвия, 1910 г.	185	11	325	40	40	155	20	6,6	10	22	32	57
42	Ставрополье, 2018 г.	183	12	278	45	37	118	18	6	-	-	-	-
43	Николаевка, 2015 г.	180	11	290	40	36	123	20	6,6	-	-	-	-
44	Сечени, 1937 г.	179	11	321	43	38	163	22	7,3	9	23	32	58
45	Пилин, 1870 г.	-	-	-	40	40	170	22	6,2 / 7,3	9	28	34	65
46	Кáppас, 1881 г.	188	11	340	45	40	174	24	8	9	25	34	60
47	Макфалва, 1908 г.	190	9	335	40	38	169	22	7,3	10	24	32	60
48	Украина, 2017 г.	-	-	-	25	42	142	27	9	12	30	35	70
49	Адыгея, 2016 г.	170	11	334	40	38	170	22	4,4 / 7,3	10	26	32	57
50	Киев, 2016 г.	180	11	323	40	32	159	18	3,6 / 6	10	22	32	50
51	Венгрия или Румыния, до 1977 г.	177	8	310	40	37	155	22	4,4	9	23	32	55
52	Березань, 2003 г.	-	-	-	28	28	100	18	3,6	12	20	32	58
53	Волгоград, 2018 г.	145	11	-	30	48	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 1. Каталог зеркал третьей серии (продолжение)

№ п/п	Место и дата находки (если известны)	Параметры, мм											
		Диаметр диска	Высота бортика	Общая высота	Высота наверхия пукоты	Ширина наверхия пукоты	Длина ручки	Ширина ручки	Ширина колонок	Высота подставки	Ширина подставки	Высота фигурки	Ширина фигурки пантеры
54	Березань, 1900 г.	180	10	300	45	42	140	23	7,6	-	-	-	-
55	Частное собрание, 2014 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	30	58
56	Березань, 2017 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
57	Ровенская обл., 2016 г.	-	-	-	-	-	-	22	-	11	28	38	58
58	Дюдюйка, 1934 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	11	23	35	57
59	Украина, 2010 г.	-	-	-	-	-	-	18	-	10	23	30	54
60	Дебрешен, 1870 г.	-	-	-	-	-	-	18	-	9	23	33	58
61	Березань, 1979 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	10	20	33	52
62	Украина, 2016 г.	-	-	-	-	-	-	-	-	10	25	33	62
63	Украина, 2011 г.	-	-	-	-	-	-	21	7	10	25	36	60
64	Ёлга, 1888 г.	-	-	-	-	-	63	18	6	10	22	33	52
65	Украина, 2014 г.	-	-	-	-	-	52	32	-	4	44	23	83
66	Место и время обнаружения не известны	180	-	323	-	-	-	-	-	-	-	-	57

Литература

- Алексеева Е.М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Т. 1. Москва: Наука (САИ Г1-12).
 Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1885. Д. 30.
 Архив КСАН. Д. 16-604.
 Архив КСАН. Д. 17-792.
 Архив КСАН. Д. 18-534.
 Архив КСАН. Д. 18-98.
 Архив КСАН. Д. 22-750.
 Архив КСАН. Д. 5-223.
 Архив КСАН. Д. 16-76.
 Архив КСАН. Д. 17-595.
 Архив КСАН. Д. 18-37.
 Архив КСАН. Д. 24-29.
 Бажан И.А., Зуев В.Ю. 2014. Случайные находки скифских зеркал эпохи архаики в Северном Причерноморье. *МАИАСП* 6, 5—29.
 Бобринской А.А. 1887. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Т. I. *Дневники пятилетних раскопок*. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича.
 Бобринской А.А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Т. III. *Дневники раскопок 1889—1897 гг. графа Алексея Бобринского и о курганах Звенигородского, Каневского и Роменского уездов*. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича.
 Бондарь Н.Н. 1955. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V в. до н.э. *СА XXIII*, 58—80.
 Бытковский О.Ф. 2016. К вопросу о географической локализации кургана в урочище Биш-Оба (по данным историографических исследований). В: Яблонский Л.Т., Краева Л.А. (отв. ред.). *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург, 12-15 мая 2016 г.: сборник статей*. Оренбург: ОГПУ, 43—50.
 Гайдукевич В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов). В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Некрополи боспорских городов*. Москва; Ленинград: АН СССР, 154—238 (МИА 69).
 Гладкий М.В. 2018. *Золоті хвилі Скіфії. Науково-популярне видання*. Київ: Майстер-Принт.

- Граков Б.М. 1947. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? *Археологія* I, 23—38.
- Гуляев В.И. 2006. *Скифы: расцвет и падение великого царства*. Москва: Алетей.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. 1997. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья. *РА* 3, 127—141.
- Зуев В.Ю. 2009. Греческие импорты художественной бронзы и подражания им в районе Центрального Предкавказья. 1. Крымгиреевское зеркало. В: Вахтина М.Ю., Соколова О.Ю., Грицик Е.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 484—495.
- Зуев В.Ю. 2011. Скифский логос Геродота: композиция линий повествования. В: Вахтина М.Ю., Грицик Е.В., Жижина Н.К., Иванов С.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 607—625.
- Зуев В.Ю. 2014. Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок). В: Вахтина М.Ю., Грицик Е.В., Жижина Н.К., Кашаев С.В., Павличенко Н.А., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914—1998) (Санкт-Петербург, 25-26 ноября 2014 г.)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 66—94.
- Зуев В.Ю. 2017. Типология борисфенитских зеркал. В: *Північне Причорномор'я за античної доби (за пошану С.Д. Крижицького)*. Київ: Стародавній світ, 144—154.
- Зуев В.Ю. 2018а. Первая серия зеркал борисфенитского типа. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. Санкт-Петербург: ИПЦ СПбГУПТД, 25—47.
- Зуев В.Ю. 2018b. Об одной серии зеркал борисфенитского типа. В: Коваленко А.Н. (отв. ред.). *Причорномор'я в античне і ранньсередньовічне час. Збірник наукових праць, присвячений 70-літтю професора В.П. Копьолова*. Вып. 2. Ростов-на-Дону: ИП Истратов С.В., 232—243.
- Зуев В.Ю. 2018с. Типология борисфенитских зеркал. В: Малышев А.А. (отв. ред.). *Международная научная конференция «Новое в исследовании раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов*. Москва: МАКС Пресс, 63—65.
- Зуев В.Ю. 2019. Типология борисфенитских зеркал. *Труды Института востоковедения РАН* 21, 161—177.
- ИОЛЕАЭ 1890: *Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете*. Т. LXVIII. *Дневники Антропологического отдела*. 1890. Вып. 8. Москва: Университетская типография.
- Клочко В.И., Козыменко А.В. 2017. *Древний металл Украины*. Киев: [б.и.].
- Кузнецова Т.М. 1991. *Этюды по скифской истории*. Москва: Институт археологии АН СССР.
- Кузнецова Т.М. 2002. *Зеркала Скифии VI—III веков до н.э.* Т. I. Москва: Индрик.
- Кузнецова Т.М. 2004. Некоторые аспекты скифской археологической культуры. In: Sulimirski T., Chochorowski J. (red.). *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci: księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 219—230.
- Кузнецова Т.М. 2010. *Зеркала Скифии VI—III веков до н.э.* Т. II. Москва: Таус.
- Манычев В.И., Назаров В.В., Недопако Д.П., Паньков С.В. 2004. Новая находка ручки бронзового зеркала на о. Березань. В: *BORISTHENIKA-2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном*. Николаев: [б.и.], 35—41.
- Матвеева Г.И. 2006. Погребение савроматского времени у с. Андреевка в Самарском Заволжье. *Вопросы археологии Поволжья* 4, 377—379.
- Могилов А.Д. 2010. К археологической карте Северной Буковины раннего железного века. *Revista Arheologică. Serie nouă*. Vol. V. Nr. 1, 98—129.
- Нефедов Ф.Д. 1899. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 г. Приложение. Журналы курганных раскопок, произведенных Ф.Д. Нефедовым в 1887—1888 гг. в Южном Приуралье. В: *Материалы по археологии восточных губерний*,

- издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. Т. III. Москва: Типография И.И. Шарапова.
- academia.edu: 1: Оборин Ю.В. Ручка античного зеркала борисфенитского типа. URL: https://www.academia.edu/39705879/Oborin_THE_BORYSTHENITIC_TYPE_ANTIQUAE_MIRRORS_HANDLE (дата обращения 01.11.2019).
- Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). 1983. *Одесский археологический музей Академии наук Украинской ССР*. Киев: Наукова думка.
- ОАК 1913: *ОАК за 1909 и 1910 гг.* 1913. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- ОАК 1914: *ОАК за 1911 г.* 1914. Санкт-Петербург: Типография Главного управления уделов.
- Ольговский С.Я. 2017а. О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях. *Археология Евразийских степей* 3, 209—223.
- Ольговский С.Я. 2017б. Существовал ли караванный путь из Ольвии на Урал и в Поволжье в архаическую эпоху. *Археологія і давня історія України* 2(23), 476—483.
- Онайко Н.А. 1966. *Античный импорт в Приднепровье и в Побужье в VII—V веках до н.э.* Москва: Наука (САИ Д-27).
- Петренко В.Г. 2006. *Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе*. Москва: Палеограф.
- Самоквасов Д.Я. 1882. Могильные древности Пятигорского округа (Отчет об археологической командировке на Кавказ). *Варшавские Университетские Известия* 6, 1—31.
- Самоквасов Д.Я. 1908. *Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д.Я. Самоквасова*. Москва: Синодальная типография (Труды Московского комитета по устройству Черниговского археологического съезда. Вып. III).
- Скржинская М.В. 1984. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани. В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.). *Античная культура Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 105—128.
- Скуднова В.М. 1962. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. *ТГЭ* 7, 5—27.
- Скуднова В.М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.
- Смирнова Г.И. 2004. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века. In: Sulimirski T., Chochorowski J. (red.). *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci: księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskego*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 409—430.
- Тимошук Б.О. 1970. *Археологічні пам'ятки Чернівецької області (Конспект лекцій)*. Чернівці: [б.в.].
- Харузин А.Н. 1890. Курган, раскопанный П.С. Назаровым в Орском уезде Оренбургской губ. В: *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете*. Т. LXVIII. Труды Антропологического отдела. Т. XII. *Дневник Антропологического отдела*. Вып. 8. Москва: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 298—302.
- Шрамко І.Б., Задніков С.А. 2018. Дослідження курганів на некрополі Скоробіру 2017 р. В: Корост І.І. (відп. ред.). *Археологічні дослідження Більського городища 2017*. Київ; Котельва: ЦП НАН України, 6—21.
- Blavatsky W. 1965. Le rayonnement de la culture antique dans les pays de la Péninsule du nord. In: *Huitième Congrès Internationale d'Archéologie classique (Paris, 1963). Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques* T. 1. Texte. Paris: E. de Boccard, 393—403.
- Boehlau J. 1898. *Aus ionischen und italischen Necropolen*. Leipzig: B.U. Teubner.
- Hoffmann H. 1965. Graeco-Scythian Mirrors. *American Journal of Archaeology* 69, 65—66.
- Nyáry J. 1870. A pilini régiségekről. *Archaeologiai Értésítő* III, 125—129.
- Leszli A. 1939. Borsodmegyei szkita leletek. *Folia Archaeologica* I—II, 68—80.
- Minns E.H. 1913. *Scythians and Greeks. A survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Oberländer P. 1967. *Griechische Handspiegel*. PhD Thesis. Hamburg.
- Párducz M. 1958. Szkita kori tükrök a Kárpát-medencében. *Archeologiai Értésítő* 85, 58—64.
- Pharmakowsky B. 1910. Rußland. *Archäologische Anzeiger* 25, 195—244.
- Téglás G. 1913. Erdélyi skytha tükrök. *Archaeologiai Értésítő* XXXIII, 345—367.
- Tézer Z. 2005. Szkita kori tükrök a Kárpát-medencében. *Budapest Régiségei* XXXIX, 5—38.

References

- Alekseyeva, Ye.M. 1975. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya (Antique Beads of the Northern Black Sea Region)*. Vol. 1. Moscow: "Nauka" Publ. (Corpus of Archaeological Sources G1-12) (in Russian).
- Arkhip IIMK RAN. F. 1. 1885. D. 30.
- Arkhip KSA. D. 16-604.
- Arkhip KSA. D. 17-792.
- Arkhip KSA. D. 18-534.
- Arkhip KSA. D. 18-98.
- Arkhip KSA. D. 22-750.
- Arkhip KSA. D. 5-223.
- Arkhip KSA. D. 16-76.
- Arkhip KSA. D. 17-595.
- Arkhip KSA. D. 18-37.
- Arkhip KSA. D. 24-29.
- Bazhan, I.A., Zuev, V.Yu. 2014. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 6, 5—29 (in Russian).
- Bobrinskoy, A.A. 1887. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely (Mounds and Random Archaeological Finds Near the Town of Smela)*. Vol. I. *Dnevnik pyatiletnikh raskopok (Diaries of a Five-Year Excavation)*. Saint Petersburg: "Tipografiya M.M. Stasyulevicha" (in Russian).
- Bobrinskoy, A.A. 1901. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely (Mounds and Random Archaeological Finds Near the Town of Smela)*. Vol. III. *Dnevnik raskopok 1889—1897 gg. grafa Aleksey Bobrinskogo i o kurganakh Zvenigorodskogo, Kanevskogo i Romenskogo uyezdov (Excavation Diaries of 1889—1897 of Count Alexei Bobrinsky and on the Mounds of Zvenigorod, Kanevsky and Romny Districts)*. Saint Petersburg: "Tipografiya M.M. Stasyulevicha" (in Russian).
- Bondar, N.N. 1955. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* XXIII, 58—80 (in Russian).
- Bytkovskiy, O.F. 2016. In: Yablonskiy, L.T., Krayeva, L.A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii", posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova. Orenburg, 12-15 maya 2016 g. (Konstantin Fedorovich Smirnov and Modern Problems of Sarmatian Archaeology. Materials of the 9th International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archeology and History" Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Konstantin Fedorovich Smirnov)*. Orenburg: "OGPU", 43—50 (in Russian).
- Gaydukevich, V.F. 1959. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Nekropoli bosporskikh gorodov (Necropolises of the Bosporus Cities)*. Moscow; Leningrad: "AN SSSR", 154—238 (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 69) (in Russian).
- Gladkiy, M.V. 2018. *Zoloti khvili Skifii. Naukovo-populyarne vidannya (Golden Waves of Scythia. Popular Science Edition)*. Kyiv: "Mayster-Print" Publ. (in Ukrainian).
- Grakov, B.M. 1947. In *Arkheologiya (Archaeology)* I, 23—38 (in Ukrainian).
- Gulyayev, V.I. 2006. *Skify: rastsvet i padeniye velikogo tsarstva (Scythians: the Rise and the Fall of the Great Kingdom)*. Moscow: "Aleteyya" Publ. (in Russian).
- Dvornichenko, V.V., Plakhov, V.V., Ochir-Goryayeva, M.A. 1997. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 127—141 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2009. In: Vakhtina, M.Yu., Sokolova, O.Yu., Gritsik, Ye.V., Zuev, V.Yu., Kashayev, S.V., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Iskustvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporus Phenomenon. Art on the Periphery of the Ancient World. Materials of the International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 484—495 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2011. In: Vakhtina, M.Yu., Gritsik, Ye.V., Zhizhina, N.K., Ivanov, S.V., Zuev, V.Yu., Kashayev, S.V., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Naseleniye, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporus Phenomenon. Population, Languages, Contacts. Materials of the International Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 607—625 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2014. In: Vakhtina, M.Yu., Gritsik, Ye.V., Zhizhina, N.K., Kashayev, S.V., Pavlichenko, N.A., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Moiseyevicha Kublanova (1914—1998) (Saint Petersburg, 25-26 noyabrya 2014 g.) (Funeral Culture of the Bosporus Kingdom)*.

- Materials of the Round Table Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Mikhail Moiseevich Kublanov (1914—1998) (Saint Petersburg, November 25-26, 2014)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ., 66—94 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2017. In: *Pivnichne Prichernomor'ya za antichnoi dobi (za poshanu S.D. Krizhits'kogo) (Northern Black Sea Region for Ancient Times (in the Honor of S.D. Kryzhytsky))*. Kyiv: “Starodavniy svit” Publ., 144—154 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2018a. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporus Phenomenon. General and Special in the Historical and Cultural Space of the Ancient World. Materials of the International Scientific Conference)*. Pt. 2. Saint Petersburg: “IPTS SPBGUPTD”, 25—47 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2018b. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'ye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchenny 70-letiyu professora V.P. Kopylova (Black Sea Region in Ancient and Early Medieval Times. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.P. Kopylov)*. Iss. 2. Rostov-on-Don: “IP Istratov S.V.”, 232—243 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2018c. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Novoye v issledovanii rannego zheleznoogo veka Yevrazii: problemy, otkrytiya, metodiki»: tezisy dokladov (International Scientific Conference “New in the Study of the Early Iron Age of Eurasia: Problems, Discoveries, Methods”: Abstracts)*. Moscow: “MAKS Press” Publ., 63—65 (in Russian).
- Zuev, V.Yu. 2019. In *Trudy Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences)* 21, 161—177 (in Russian).
- Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubiteley yestestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete (News of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography, consisting of Moscow University)*. 1890. Vol. LXVIII. *Dnevniky Antropologicheskogo otdela Diaries of the Anthropological Department*. Iss. 8. Moscow: “Universitetskaya tipografiya” (in Russian).
- Klochko, V.I., Kozymenko, A.V. 2017. *Drevniy metall Ukrainy (Ancient Metal of Ukraine)*. Kiev: [s.n.] (in Russian).
- Kuznetsova, T.M. 1991. *Etyudy po skifskoy istorii (Studies in the history of the Scythian)*. Moscow: “Institut arkheologii AN SSSR” (in Russian).
- Kuznetsova, T.M. 2002. *Zerkala Skifii VI—III vekov do n.e. (Mirrors of Scythia of the 6th — 3rd Centuries BCE)*. Vol. I. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
- Kuznetsova, T.M. 2004. In: Sulimirski, T., Chochorowski, J. (eds.). *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci: księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskego*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 219—230 (in Russian).
- Kuznetsova, T.M. 2010. *Zerkala Skifii VI—III vekov do n.e. (Mirrors of Scythia of the 6th — 3rd Centuries BCE)*. Vol. II. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
- Manychev, V.I., Nazarov, V.V., Nedopako, D.P., Pan'kov, S.V. 2004. In: *BORISTHENIKA-2004. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 100-letiyu nachala issledovaniy ostrova Berezan' E.R. fon Shternom (BORISTHENIKA-2004. Materials of the International Scientific Conference on the 100th Anniversary of the Start of Research E.R. von Stern on the Island of Berezan)*. Nikolayev: [s.n.], 35—41 (in Russian).
- Matveyeva, G.I. 2006. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Questions of the Volga Archaeology)* 4, 377—379 (in Russian).
- Mogilov, A.D. 2010. In *Revista Arheologică, serie nouă*. Vol. V. Nr. 1, 98—129 (in Russian).
- Nefedov, F.D. 1899. In: *Materialy po arkheologii vostochnykh guberniy, izdavayemyye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom (Proceedings in the Archeology of the Eastern Provinces published by the Imperial Moscow Archaeological Society)*. Vol. III. Moscow: “Tipografiya I.I. Sharapova” (in Russian).
- Oborin, Yu.V. Ruchka antichnogo zerkala borisfenitskogo tipa. Available at: https://www.academia.edu/39705879/Oborin_THE_BORYSTHENITIC_TYPE_ANTIQUUE_MIRRORS_HANDLE (accessed 01.1.2019).
- Dzis-Rayko, G.A. (ed.). 1983. *Odesskiy arkheologicheskiy muzey Akademii nauk Ukrainiskoy SSR (Odessa Archaeological Museum of the Academy of Sciences of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1909 i 1910 gg. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1909 and 1910)*. 1913. Saint Petersburg: “Tipografija Glavnogo upravleniya udelov” (in Russian).

- Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1913 gg. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1909 and 1910)*. 1913. Saint Petersburg: "Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov" (in Russian).
- Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1913 g. (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1913)*. 1914. Saint Petersburg: "Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov" (in Russian).
- Olgovskiy, S.Ya. 2017a. In *Arkheologiya Yevraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3, 209—223 (in Russian).
- Olgovskiy, S.Ya. 2017b. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2(23), 476—483 (in Russian).
- Onayko, N.A. 1966. *Antichnyy import v Pridneprov'ye i v Pobuzh'ye v VII—V vekakh do n.e. (Antique Imports in the Dnepr Region and Bug Region in the 7th — 5th Centuries BCE)*. Moscow: "Nauka" Publ. (Corpus of Archaeological Sources D-27) (in Russian).
- Petrenko, V.G. 2006. *Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnyye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze (Krasnoznamensky Burial Ground. Elite Mounds of the Early Scythian Era in the North Caucasus)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).
- Samokvasov, D.Ya. 1882. In *Varshavskiy Universitetskiye Izvestiya (Warsaw University News)* 6, 1—31 (in Russian).
- Samokvasov, D.Ya. 1908. *Mogily Russkoy zemli. Opisanie arkheologicheskikh raskopok i sobraniya drevnostey professora D.Ya. Samokvasova (Graves of the Russian Land. Description of the Archaeological Site and Collection of Antiquities of Professor D.Ya. Samokvasov)*. Moscow: "Sinodal'naya tipografiya" (Proceedings of the Moscow Committee for the Construction of the Chernihiv Archaeological Congress. Iss. III) (in Russian).
- Skrzhinskaya, M.V. 1984. In: Kryzhitskiy, S.D. (ed.). *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Culture of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 105—128 (in Russian).
- Skudnova, V.M. 1962. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage)* 7, 5—27 (in Russian).
- Skudnova, V.M. 1988. *Arkhaicheskii nekropol' Ol'vii. Publikatsiya odnoy kolleksii (Archaic Necropolis of Olbia. Publication of One Collection)*. Leningrad: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Smirnova, G.I. 2004. In: Sulimirski, T., Chochorowski, J. (eds.). *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci: księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskego*. Kraków: "Księgarnia Akademicka", 409—430 (in Russian).
- Timoshchuk, B.O. 1970. *Arkheologichni pam'yatki Chernivets'koï oblasti (Konspekt lektsiy) (Archaeological Sites of Chernivtsi Region (Lecture Notes)*. Chernivtsi: [s.n.] (in Ukrainian).
- Kharuzin, A.N. 1890. In *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubiteley yestestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete (News of the Imperial Society of Lovers of Natural Sciences, Anthropology and Ethnography, held at the Imperial Moscow University)*. Vol. LXVIII. *Trudy Antropologicheskogo otdela (Proceedings of the Anthropological Department)*. Vol. XII. *Dnevnik Antropologicheskogo otdela (Diary of the Anthropological Department)*. Iss. 8. Moscow: "Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson", 298—302 (in Russian).
- Shramko, I.B., Zadnikov, S.A. 2018. In: Korost, I.I. (ed.). *Arkheologichni doslidzhennya Bil'skogo gorodishcha 2017 (Archaeological Investigations of the Bielskoe Settlement 2017)*. Kyiv; Kotel'va: "TSP NAN Ukraini", 6—21 (in Ukrainian).
- Blavatsky, W. 1965. Le rayonnement de la culture antique dans les pays de la Péninsule du nord. In: *Huitième Congrès Internationale d'Archéologie classique (Paris, 1963). Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques* T. 1. Texte. Paris: "E. de Boccard", 393—403.
- Bochlau, J. 1898. *Aus ionischen und italischen Necropolen*. Leipzig: "B.U. Teubner".
- Hoffmann, H. 1965. Graeco-Scythian Mirrors. *American Journal of Archaeology* 69, 65—66.
- Nyáry, J. 1870. A pilini régiségekről. *Archaeologiai Értesítő* III, 125—129.
- Leszih, A. 1939. Borsodmegyei szkita leletek. *Folia Archaeologica* I—II, 68—80.
- Minns, E.H. 1913. *Scythians and Greeks. A survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: "Cambridge University Press".
- Oberländer, P. 1967. *Griechische Handspiegel*. PhD Thesis. Hamburg.
- Párducz, M. 1958. Szkita kori tükrök a Kárpát-medencében. *Archeologiai Értesítő* 85, 58—64.
- Pharmakowsky, B. 1910. Rußland. *Archäologische Anzeiger* 25, 195—244.
- Téglás, G. 1913. Erdélyi skytha tükrök. *Archaeologiai Értesítő* XXXIII, 345—367.
- Tézer, Z. 2005. Szkita kori tükrök a Kárpát-medencében. *Budapest Régiségei* XXXIX, 5—38.

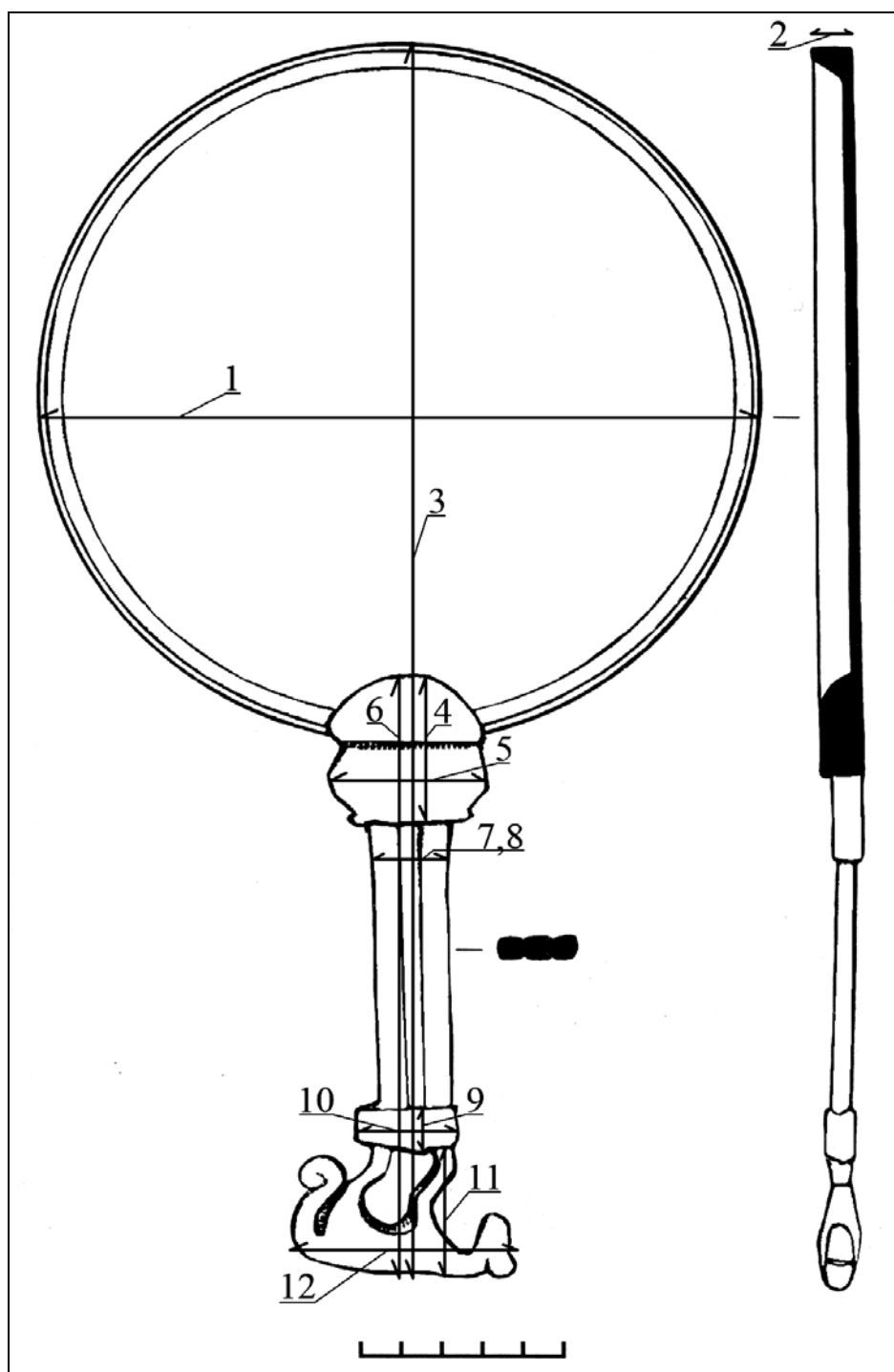

Рис. 1. Схема обмера зеркал третьей серии борисфенитского типа: 1 — диаметр диска; 2 — высота бортика; 3 — общая высота; 4 — высота навершия рукояти; 5 — ширина навершия рукояти; 6 — длина рукояти; 7 — ширина общая рукояти; 8 — ширина колонок; 9 — высота подставки (цапфы); 10 — ширина подставки (цапфы); 11 — высота фигурки; 12 — ширина фигурки.

Fig. 1. The Scheme of Measurement of Mirrors of the Third Series of Borysphenitic Type: 1 — Diameter of the Disk; 2 — Height of edge; 3 — Total Height; 4 — Height of the Top of the Handle; 5 — the Width of the Tips of the Handle; 6 — Handle Length; 7 — Width of the General Handle; 8 — Width of Columns; 9 — Height of Stand (Trunnion); 10 — Width of Stand (Trunnion); 11 — the Height of the Figure; 12 — Width of the Figure.

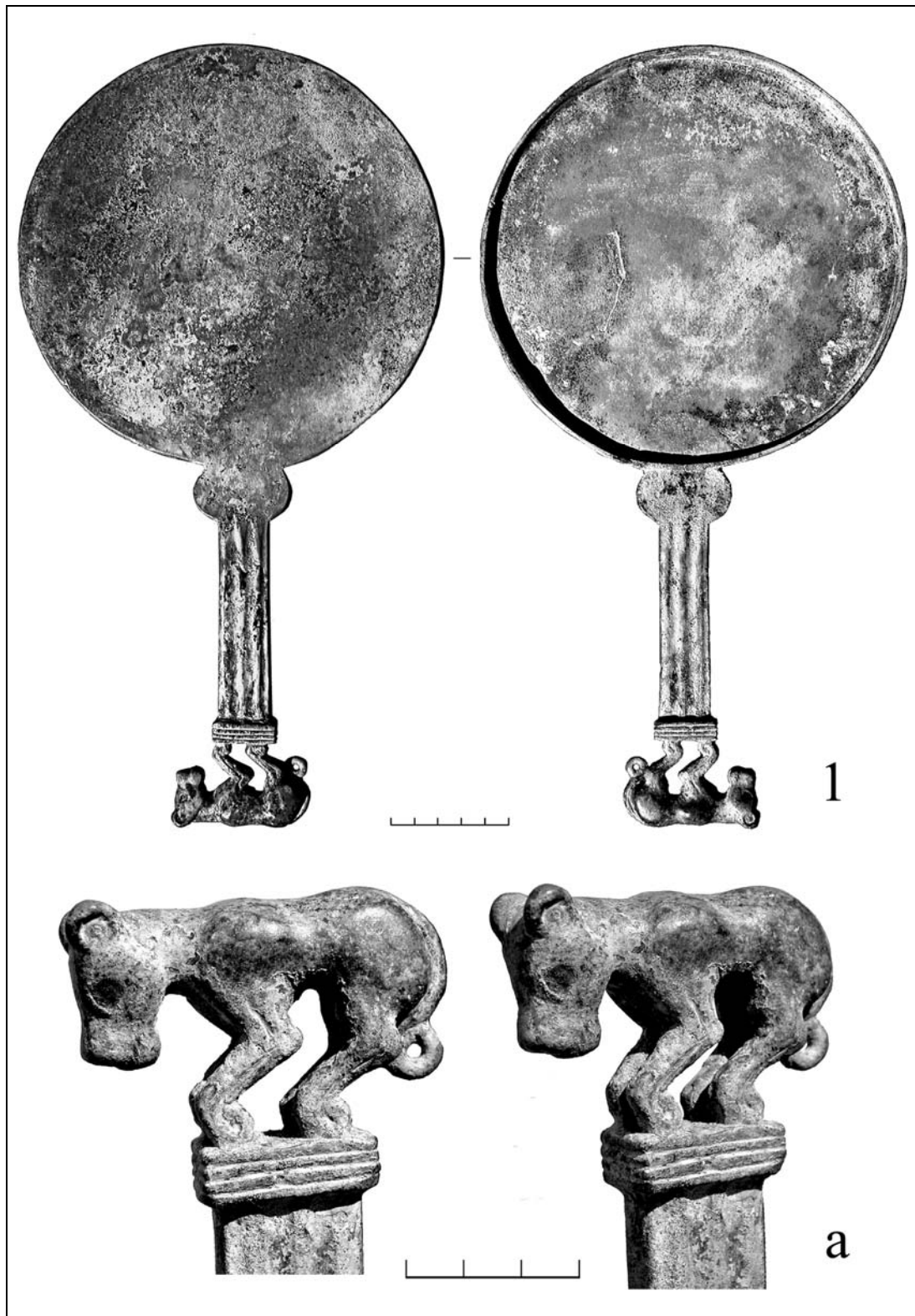

Рис. 2. Зеркало третьей серии борисфенитского типа первого варианта: 1 — Керчь. Случайная находка в окрестностях. Зафиксирована Н.Ф. Федосеевым в 2003 г.; а — фигурка пантеры на конце рукояти. Фото Н.Ф. Федосеева.

Fig. 2. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the First Option: 1 — Kerch. Chance find in the Vicinity. Reported by N.F. Fedoseev in 2003; a — Figure of Panther at the End of the Handle. Photo by N.F. Fedoseev.

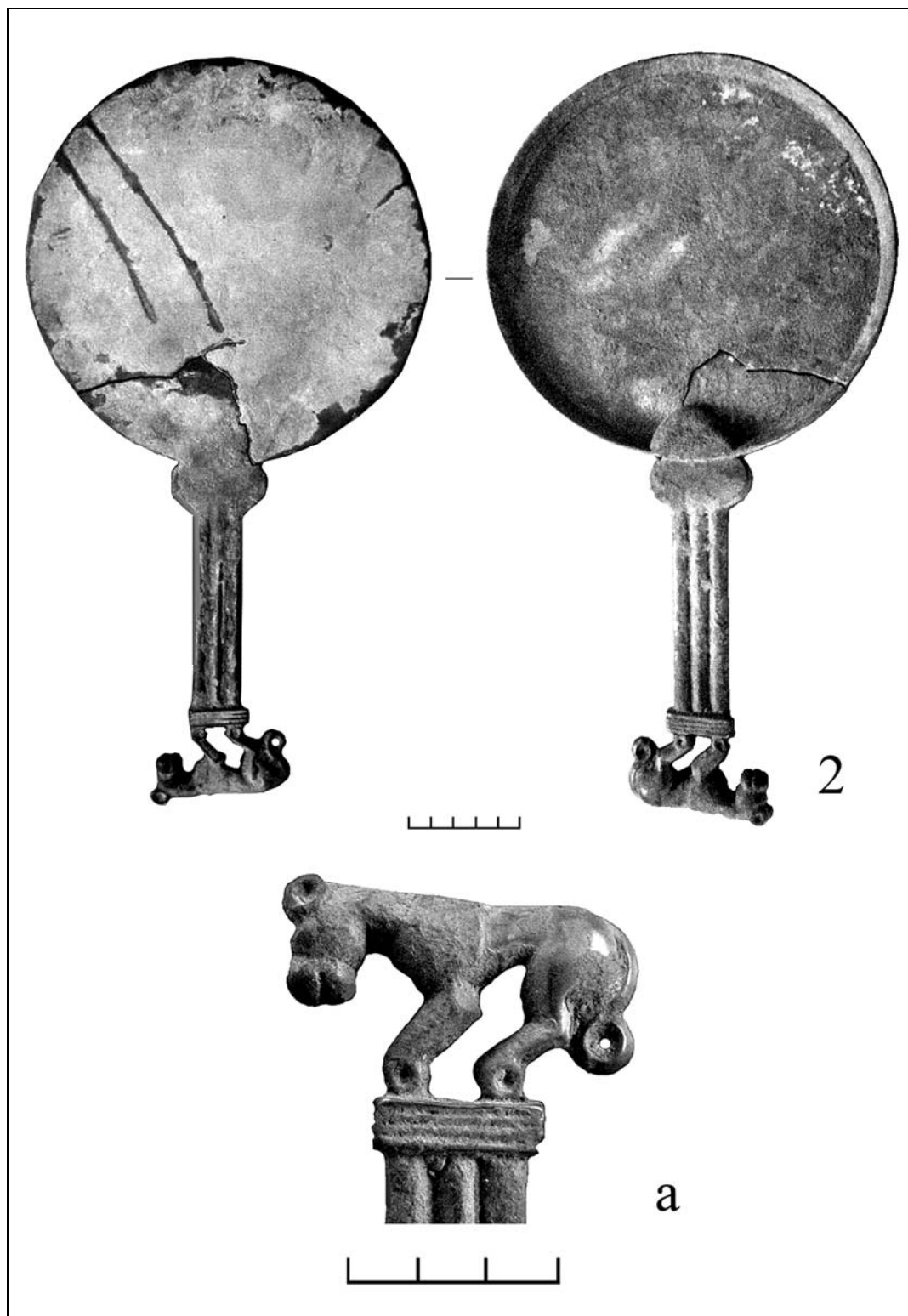

Рис. 3. Зеркало третьей серии борисфенитского типа первого варианта: 2 — Сумская область. Случайная находка 2012 г. (по Архив КСАН. Д. 5-223); а — фигурка пантеры на конце рукояти. Фото из Архива КСАН. Д. 5-223.

Fig. 3. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the First Option: 2 — Sumy Region. Chance find in 2012 (after Arkhiv KSAN. D. 5-223); a — Figure of Panther at the End of the Handle. Photo after Arkhiv KSAN. D. 5-223.

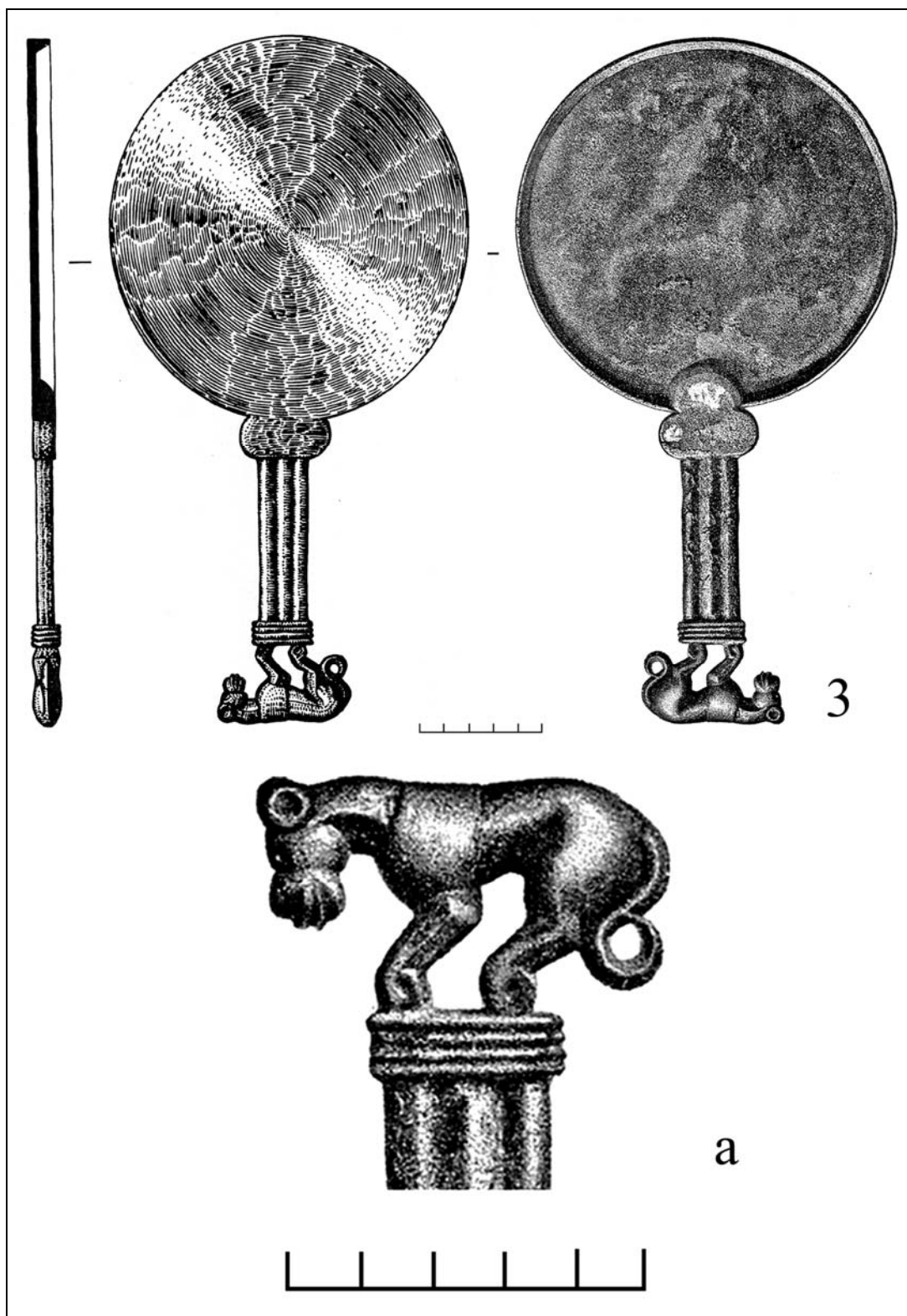

Рис. 4. Зеркало третьей серии борисфенитского типа первого варианта: 3 — с. Аксютинцы. Раскопки С.А. Мазараки в 1886 г. Киевский исторический музей, инв. № Б 1128; а — фигурка пантеры на конце рукояти.

Fig. 4. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the First Option: 3 — Aksyutintsy Millage. Excavations of S.A. Mazaraki in 1886. Kiev Historical Museum, Inv. No. B 1128; a — Figure of Panther at the End of the Handle.

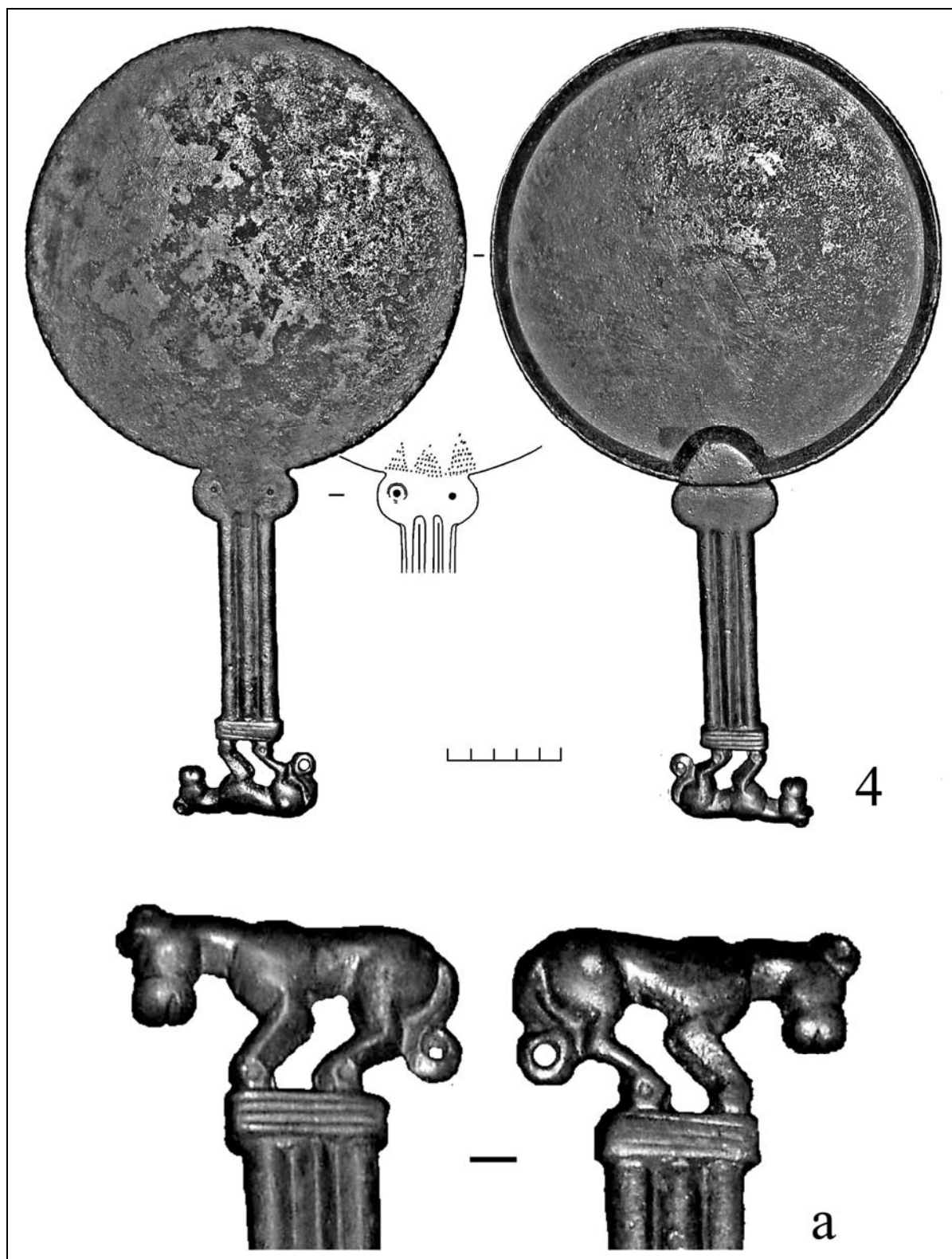

Рис. 5. Зеркало третьей серии борисфенитского типа первого варианта: 4 — ст. Крымгиреевская. Случайная находка 1888 г., ГЭ. ОАВЕС. инв. № КУ 1885.1/1; а — фигурка пантеры на конце рукояти. Фото В.Ю. Зуева.

Fig. 5. Mirror of the Third Series of the Borysthene Type of the First Option: 4 — Krymgireevskaya Village. Chance find of 1888, State Hermitage Museum. OAVES. Inv. No. KU 1885.1/1; a — Figure of Panther at the End of the Handle. Photo by V.Yu. Zuev.

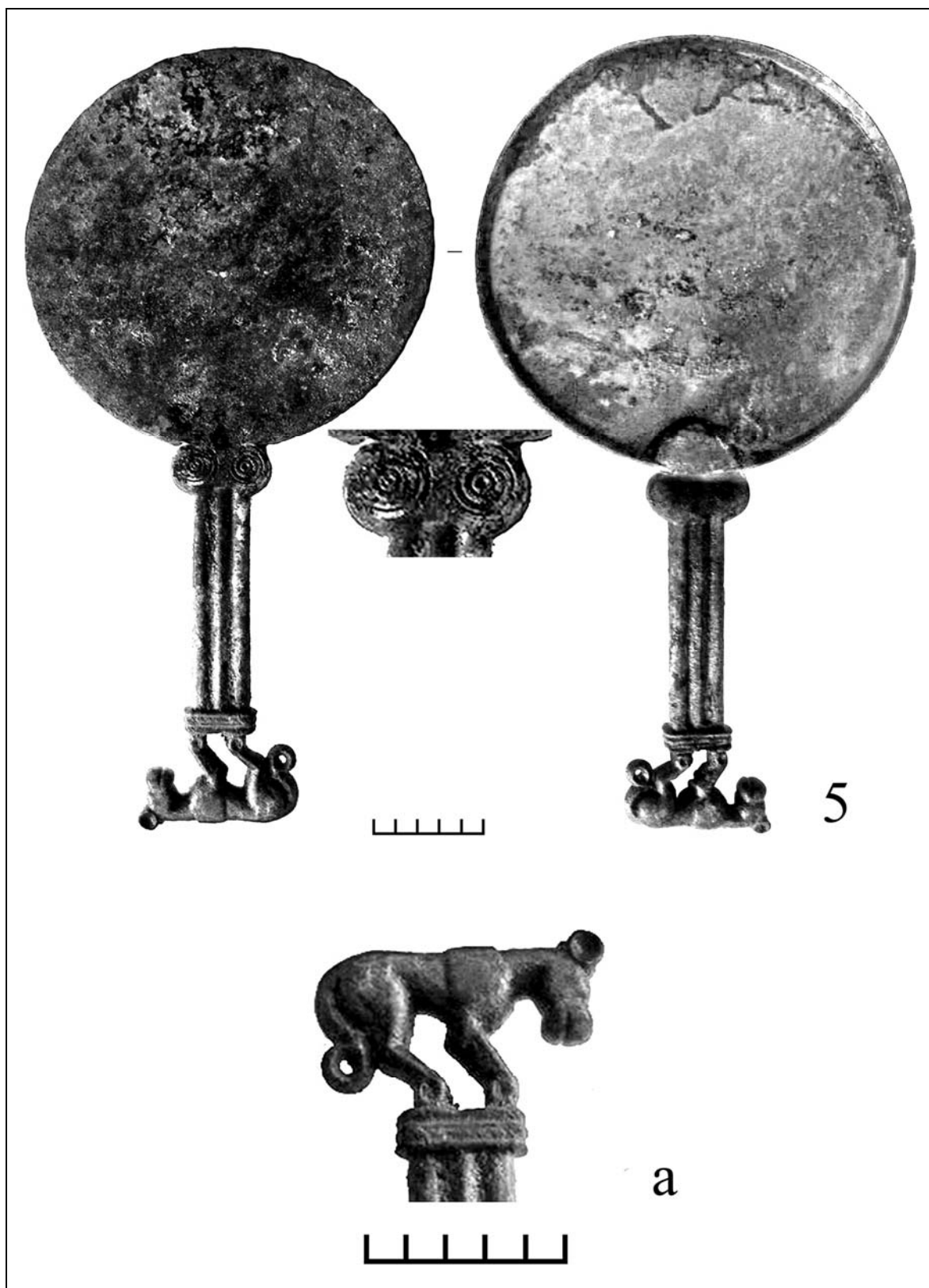

Рис. 6. Зеркало третьей серии борисфенитского типа первого варианта: 5 — Ставрополье. Случайная находка 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; а — фигурка пантеры на конце рукояти.

Fig. 6. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the First Option: 5 — Stavropol Territory. Chance find in 2018. Reported by Yu.V. Oborin; a — Figure of Panther at the End of the Handle.

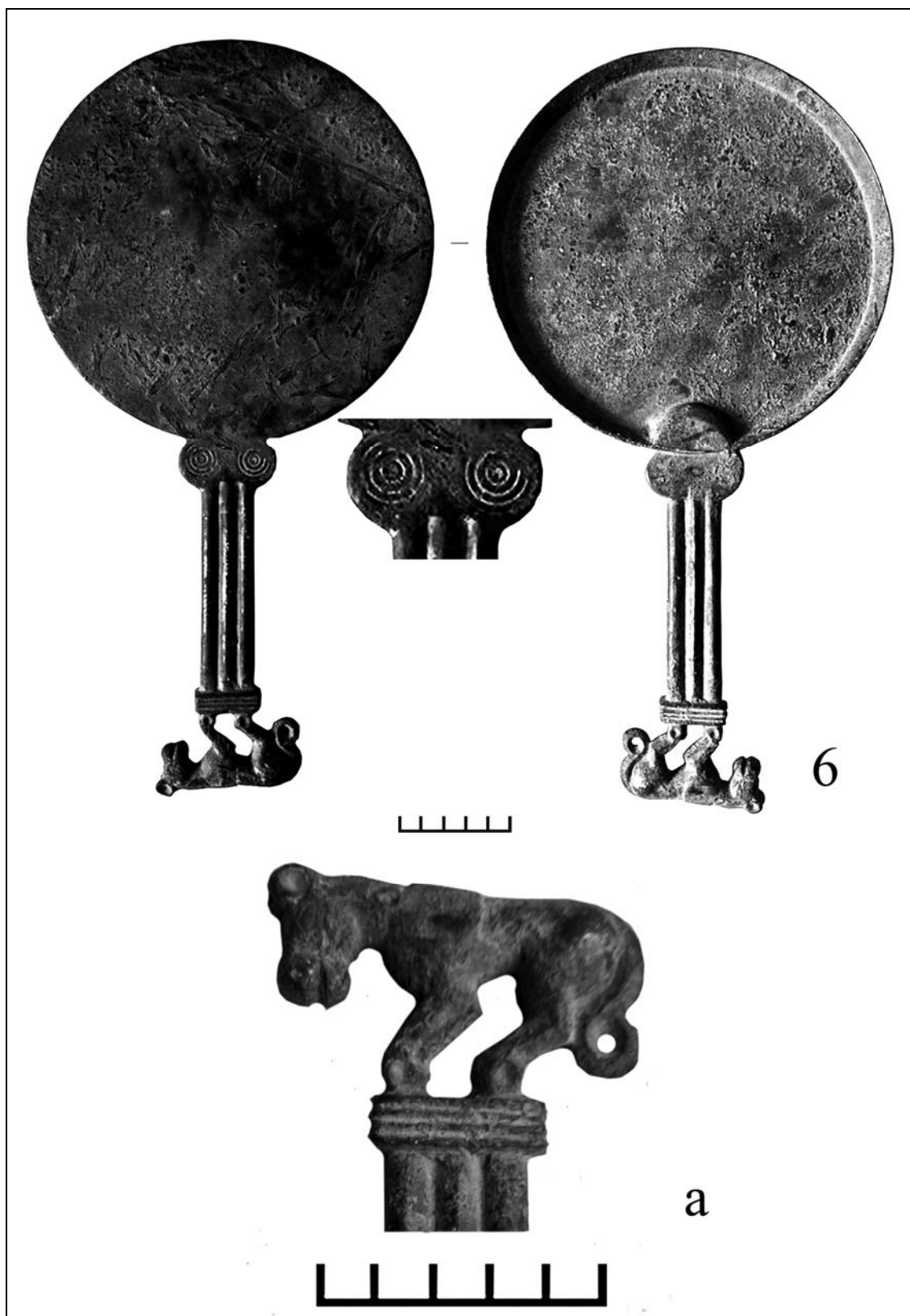

Рис. 7. Зеркало третьей серии борисфенитского типа первого варианта: б — Украина. Случайная находка 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; а — фигурка пантеры на конце рукояти.

Fig. 7. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the First Option: б — Ukraine. Chance find of 2017. Reported by Yu.V. Oborin; а — Figure of a Panther at the End of the Handle.

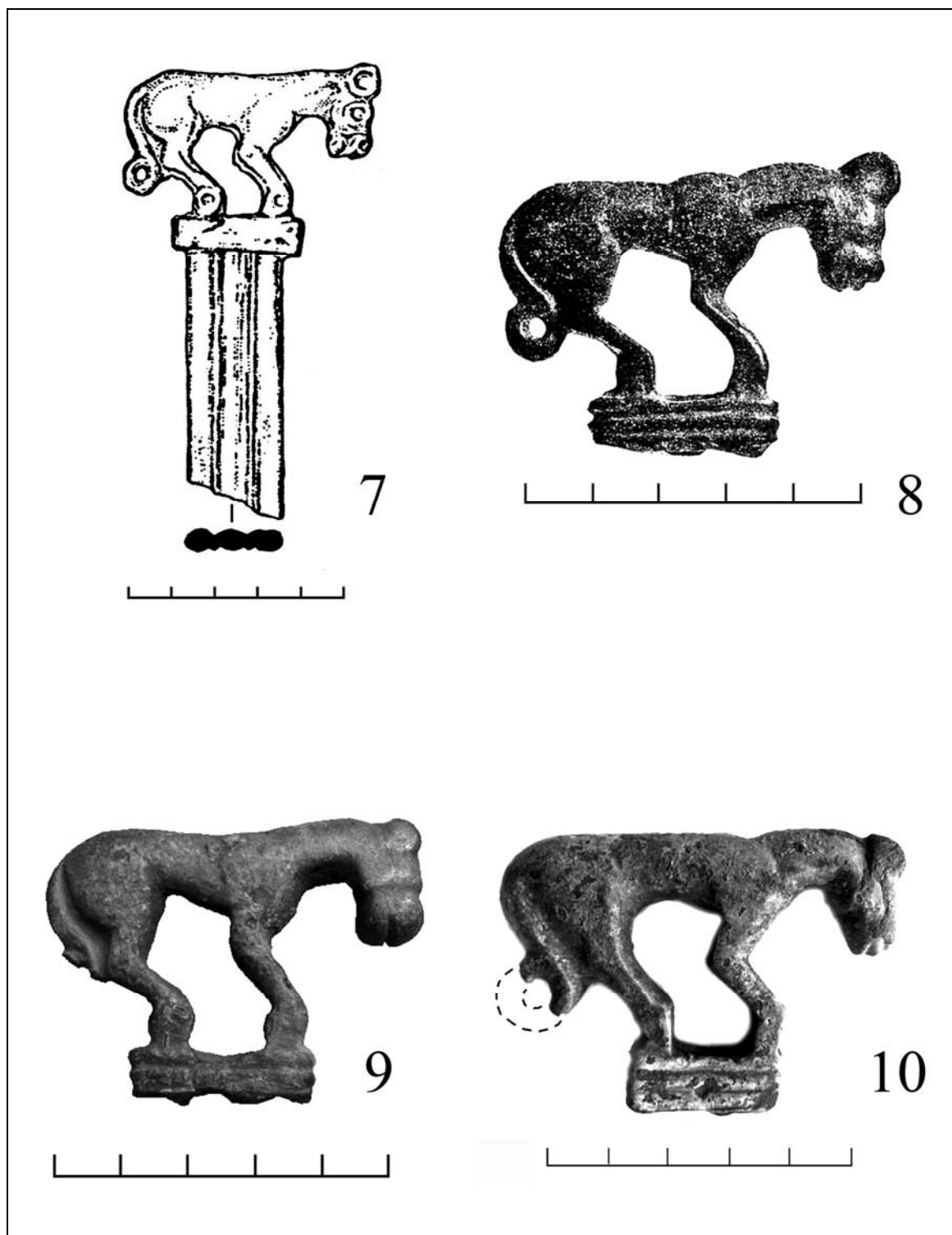

Рис. 8. Фигурки пантер на зеркалах первого варианта: 7 — с. Новоселки, Кицмановский район, Черновицкая обл., Украина; 8 — Мариуполь. Случайная находка 1888 г., ГЭ, инв. № ДО.1932.2/1; 9 — Краснодарский край. Случайная находка 2015 г. (по Архив КСАН. Д. 17-972); 10 — Степной Крым. Случайная находка 2013 г. (по Архив КСАН. Д. 16-604).

Fig. 8. Figures of Panthers on the Mirrors of the First Option: 7 — Novoselki Village, Kitsmanovsky District, Chernivtsi Region, Ukraine; 8 — Mariupol. Chance find of 1888, State Hermitage Museum, Inv. No. DO.1932.2/1; 9 — Krasnodar Territory. An accidental find of 2015 (after Arkhiv KSAN. D. 17-972); 10 — Steppe Crimea. Chance find in 2013 (after Arkhiv KSAN. D. 16-604).

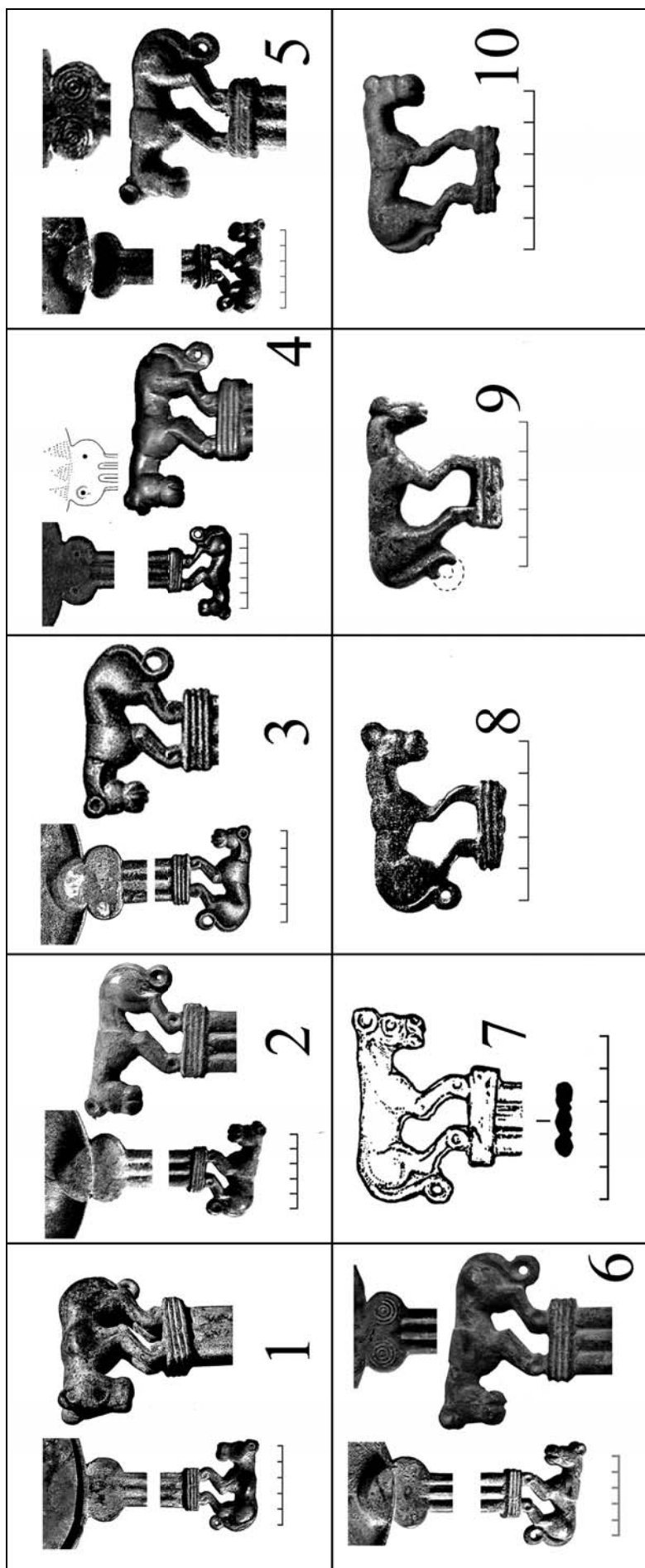

Рис. 9. Детали зеркал первого варианта третьей серии борисфенитского типа первого варианта. Номера соответствуют каталогу.

Fig. 9. Details of the Mirrors of the First Embodiment of the Third Series of the Borysthenes Type of the First Option. The Numbers correspond to the Catalogue.

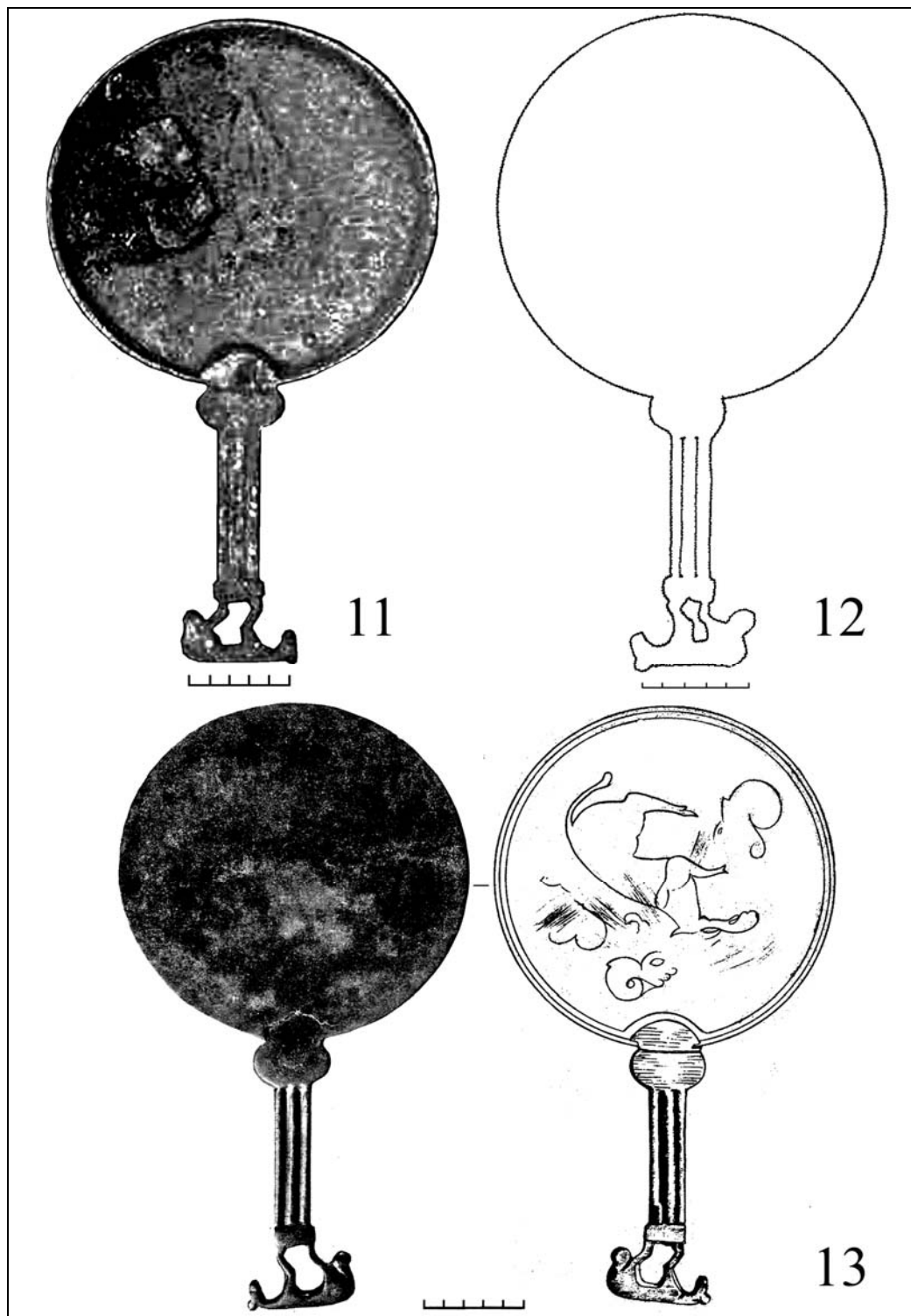

Рис. 10. Зеркала третьей серии борисфенитского типа второго варианта: 11 — Скоробор. Раскопки 2017 г. Курган 1. Раскопки И.Б. Шрамко и С.Н. Задникова; 12 — Место находки неизвестно. П. Оберляндер, со ссылкой на В.Д. Блаватского, указывает, что зеркало происходит «из Ольвии»; 13 — Ольвия. Раскопки Б.В. Фармаковского 1912 г. Могила 41.

Fig. 10. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type of the Second Option: 11 — Skorobor. Excavations of 2017 Burial-mound 1. Excavations of I.B. Shramko and S.N. Zadnikova; 12 — Whereabouts unknown. P. Oberländer, with reference to V.D. Blavatsky, indicates that the mirror comes “from Olbia”; 13 — Olbia. Excavations of B.V. Farmakovsky 1912. Burial 41.

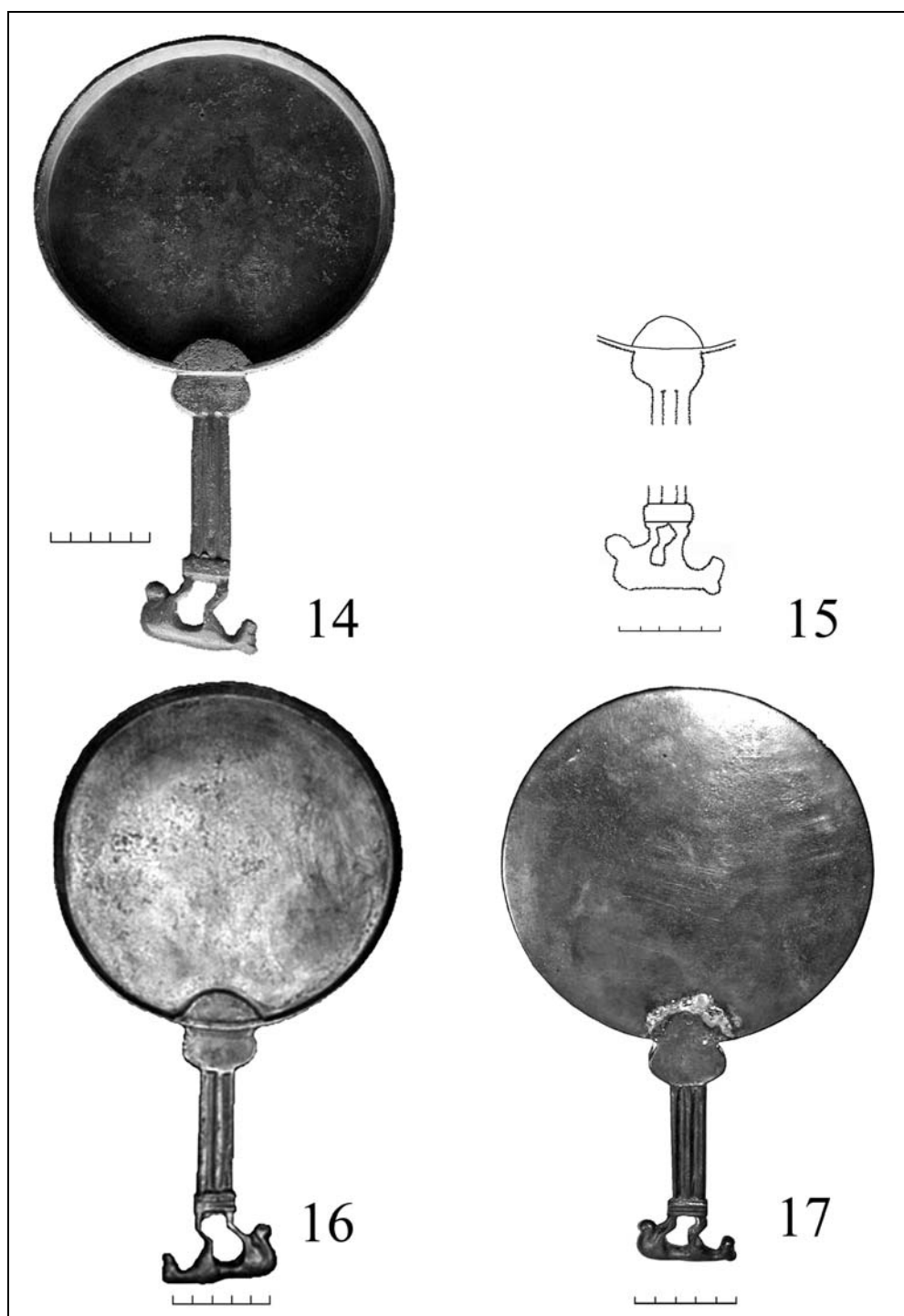

Рис. 11. Зеркала третьей серии борисфенитского типа второго варианта: 14 — Украина, раскопки и коллекция П.О. Бурачкова, ГИМ, инв. № 10837; 15 — Березань, 1900 г., раскопки Г.Л. Скадовского, могила 309, Херсонский музей, инв. № 13812; 16 — пос. Комсомольский, погребение 6 под мавзолеем XIV в., раскопки В.В. Плахова, 1988 г.; 17 — Ольвия, покупка в с. Парутино, Одесский Археологический музей, инв. № 43889.

Fig. 11. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type of the Second Option: 14 — Ukraine, Excavations and the Collection of P.O. Burachkov, GIM, Inv. No. 10837; 15 — Berezan, 1900, Excavations of G.L. Skadovsky, Burial 309, Kherson Museum, Inv. No. 13812; 16 — Komsomolsky Settlement, Burial 6 under the Mausoleum of the 14th Century, Excavations of V.V. Plakhova, 1988; 17 — Olbia, purchase in Parutino Village, Odessa Archaeological Museum, Inv. No. 43889.

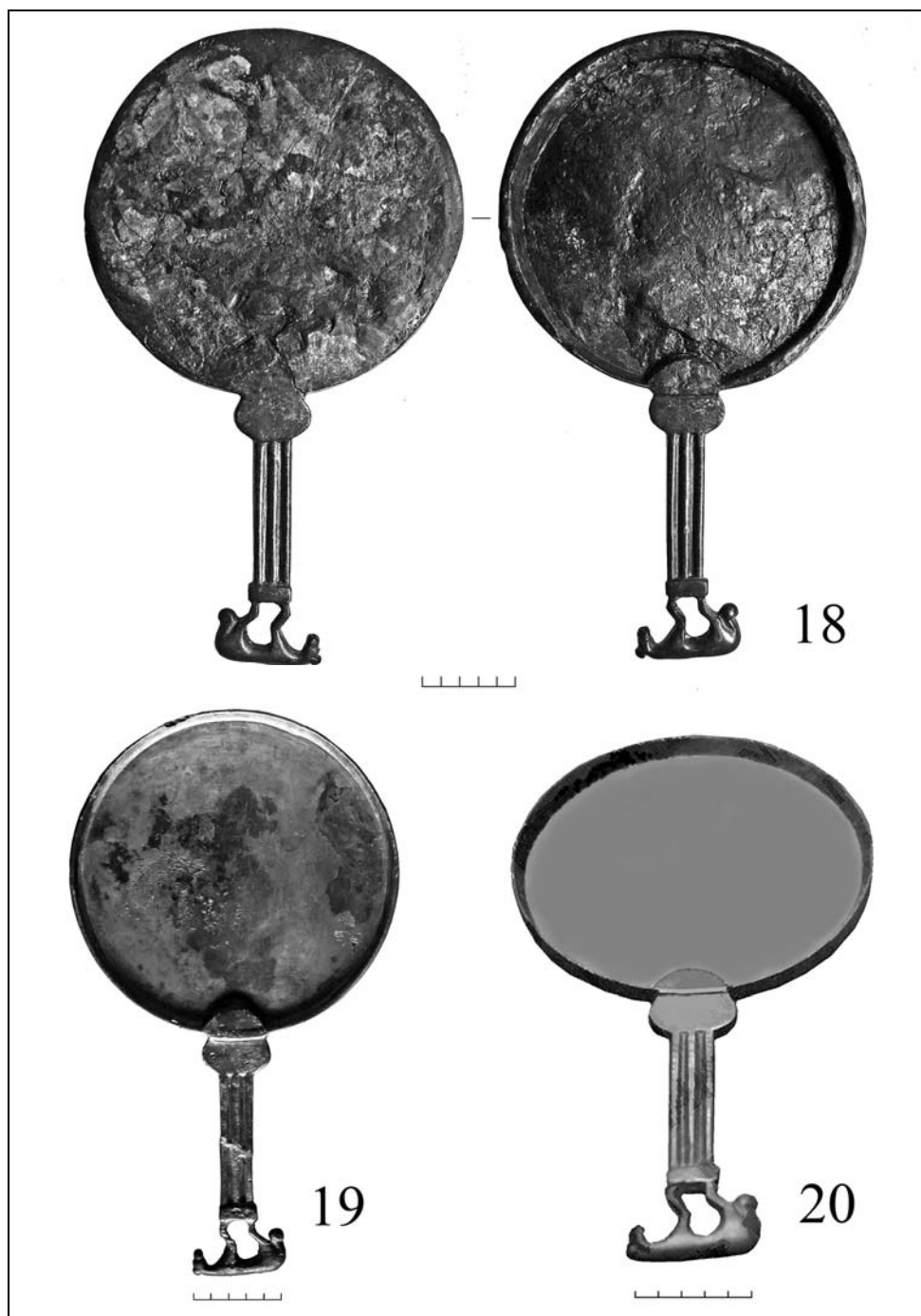

Рис. 12. Зеркала третьей серии борисфенитского типа второго варианта: 18 — с. Андреевка, Богатовский район, Самарская область, впускное погребение 2 в кургане 2 эпохи бронзы. Раскопки Г.И. Матвеевой в 1975 г.; 19 — Биш-Оба (курганый могильник у с. Сара). Раскопки П.С. Назарова в 1890 г. ГИМ, инв. № 21077-81; 20 — Местонахождение неизвестно. Фотография с выставки «Спасенные, сохраненные и возвращенные» в Национальном музее истории Великой Отечественной войны 1941—1945 г. в Киеве, 2010 г.

Fig. 12. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type of the Second Option: 18 — Andreevka Village, Bogatovsky District, Samara Region, Inserted Burial 2 in the Burial-mound 2 of the Bronze Age. Excavations of G.I. Matveeva in 1975; 19 — Bish-Oba (Burial Mound near of the Village of Sarah Village). Excavations of P.S. Nazarova in 1890. State Historical Museum, Inv. No. 21077-81; 20 — Location Unknown. Photo from the Exhibition “Rescued, Saved, and Returned” at the National Museum of the History of the Great Patriotic War of 1941—1945 in Kiev, 2010.

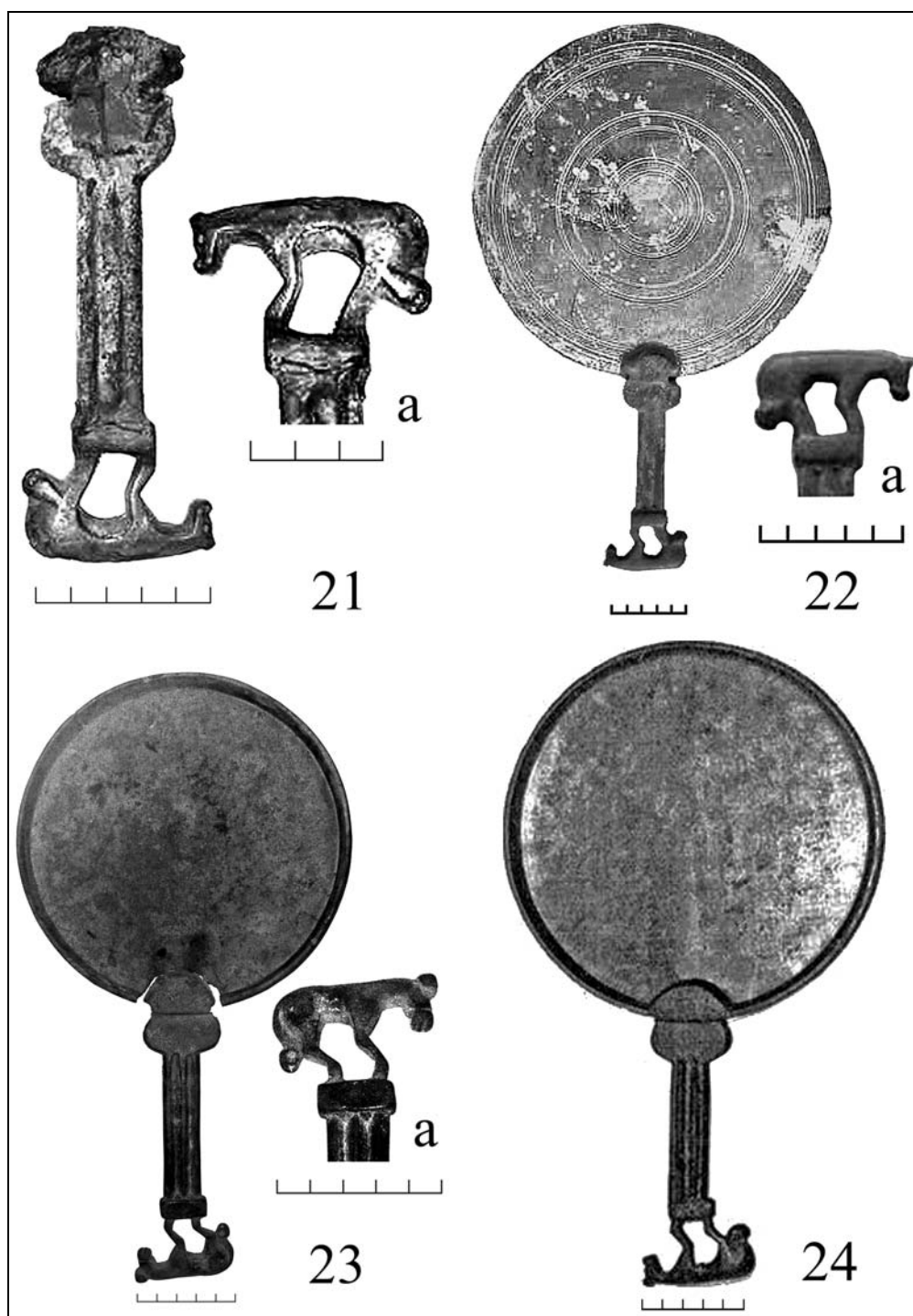

Рис. 13. Зеркала третьей серии борисфенитского типа второго варианта: 21 — Сумская область. Случайная находка рукояти зеркала с пантерой на конце, 2013 г. (по Архив КСАН. Д. 16-76); 22 — Черкасская область. Случайная находка 2017 г. (по Архив КСАН. Д. 17-595); 23 — Днепропетровская обл. Случайная находка 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; 24 — Тамань. Случайная находка до 1962 г. ГМИИ, инв. № 155.

Fig. 13. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type of the Second Option: 21 — Sumy Region. Chance find of a Mirror Hilt with a Panther at the End, 2013 (after Arkhiv KSAN. D. 16-76); 22 — Cherkasy Region. Chance find in 2017 (after Arkhiv KSAN. D. 17-595); 23 — Dnepropetrovsk Region Chance find in 2018. Reported by Yu.V. Oborin; 24 — Taman. Chance find before 1962. The Pushkin Museum, Inv. No. 155.

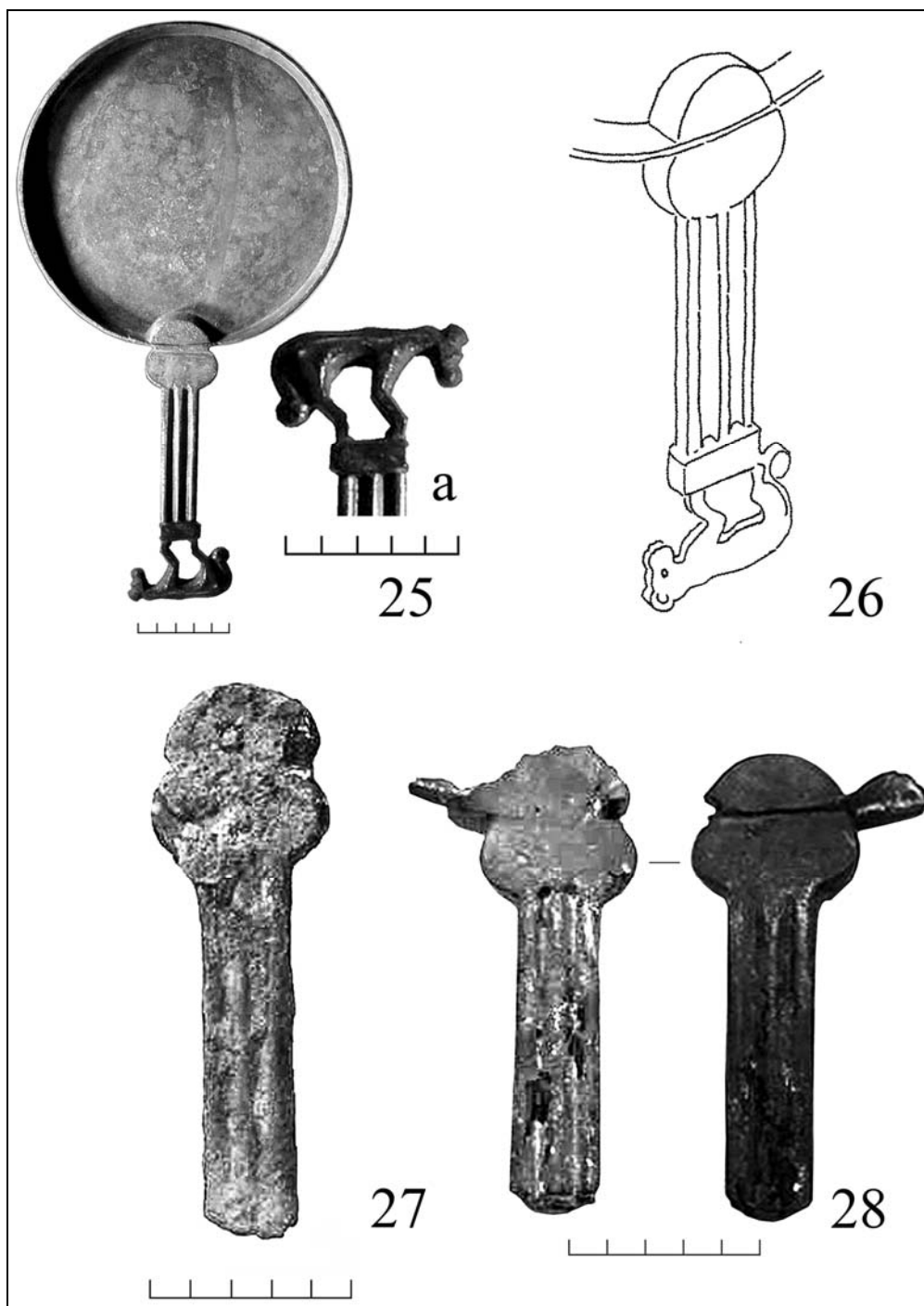

Рис. 14. Зеркала третьей серии борисфенитского типа второго варианта: 25 — Случайная находка. Местонахождение неизвестно. Берлин, Государственные музеи, инв. № 30358; 26 — Гамбург. Фотоколлекция Археологического семинара. Происхождение неясно. Прорисовка П. Оберляндер, 1967 г.; 27 — Сумская область. Случайная находка фрагмента рукояти 2013 г. (по Архив КСАН. Д. 16-76); 28 — Бронзовая рукоять с фрагментом диска зеркала. Хмельницкая область. Случайная находка 2015 г. (по Архив КСАН. Д. 22-750).

Fig. 14. Mirrors of the Third Series of the Borysthene Type of the Second Option: 25 — Chance find. Location Unknown. Berlin, State Museums, Inv. No. 30,358; 26 — Hamburg. Photo Collection of the Archaeological Seminar. The Origin is Unclear. Drawing by P. Oberländer, 1967; 27 — Sumy Region. Chance find of a Fragment of a Handle in 2013 (after Arkhiv KSAN. D. 16-76); 28 — Bronze Handle with a Fragment of the Mirror Disk. Khmel'nitsky Region. Chance find in 2015 (after Arkhiv KSAN. D. 22-750).

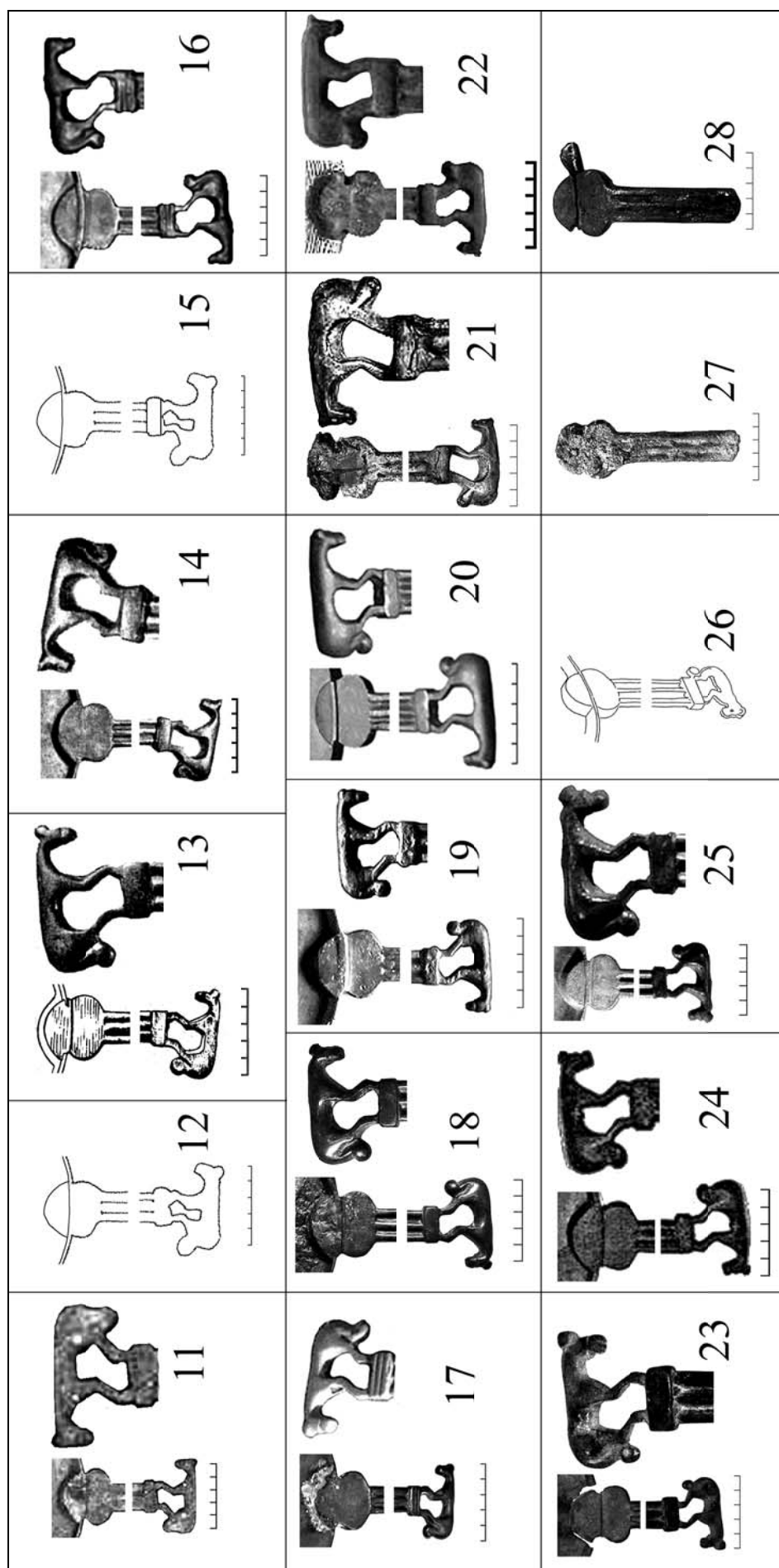

Рис. 15. Детали зеркал второго варианта третьей серии борисфенитского типа второго варианта. Номера соответствуют каталогу.

Fig. 15. Details of Mirrors of the Second Version of the Third Series of the Borysthenean Type of the Second Option. The Numbers correspond to the Catalogue.

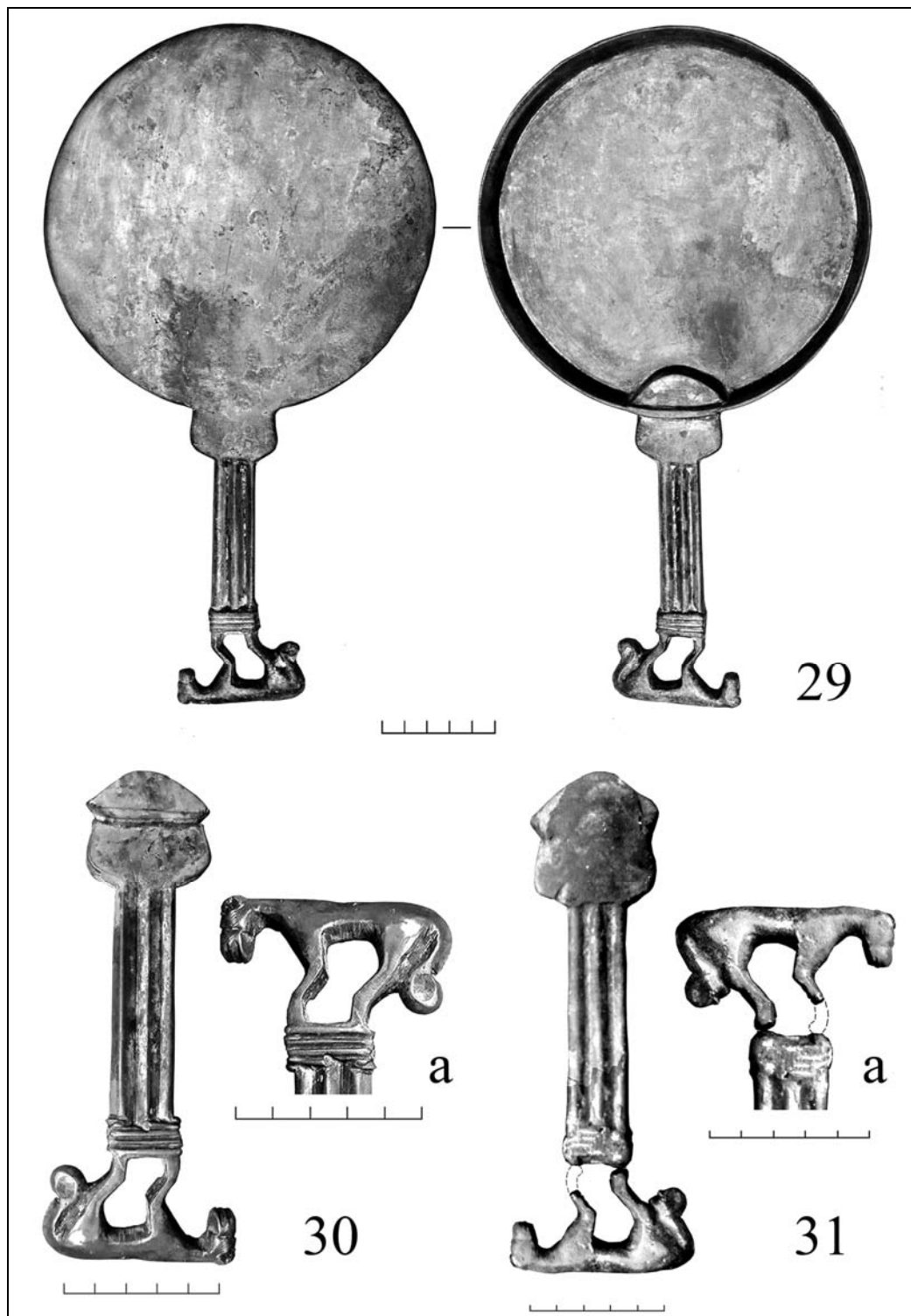

Рис. 16. Зеркала третьей серии борисфенитского типа третьего варианта и их фрагменты: 29 — Зеркало, найденное в Кабардино-Балкарии между селами Каменномоостское и Баксан. Зафиксировано Ю.В. Обориным в 2019 г.; 30 — Винницкая область. Случайная находка 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; 31 — Воронежская обл. Случайная находка 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным.

Fig. 16. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type of the Third Option and Their Fragments: 29 — Mirror found in Kabardino-Balkaria between the Villages of Kamennomostskoe and Baksan. Reported by Yu.V. Oborin in 2019; 30 — Vinnytsia Region. Chance find in 2018. Reported by Yu.V. Oborin; 31 — Voronezh Region. Chance find of 2017. Reported by Yu.V. Oborin.

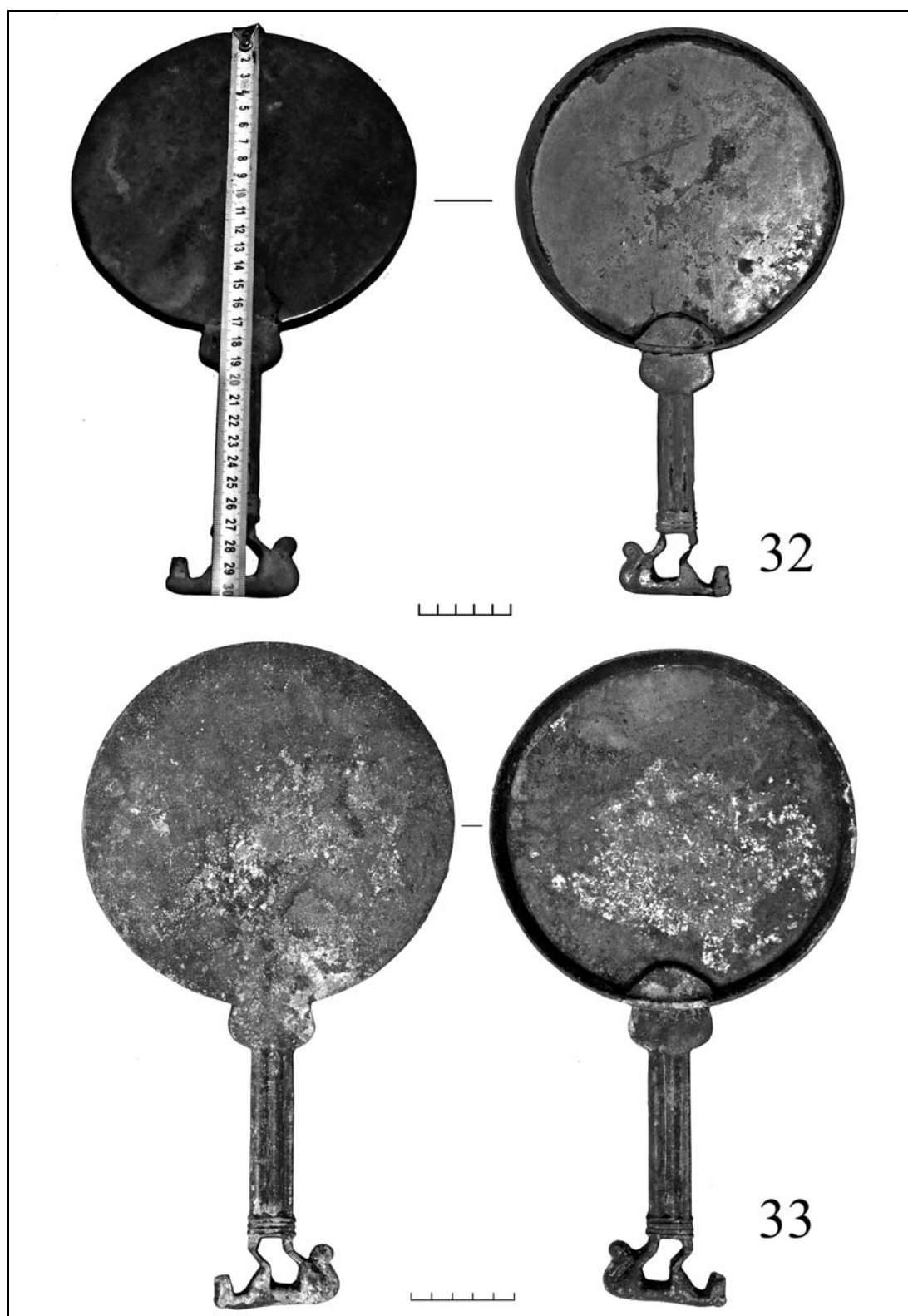

Рис. 17. Зеркала третьей серии борисфенитского типа третьего варианта: 32 — Хмельницкая область. Случайная находка 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; 33 — Зеркало, найденное в Кабардино-Балкарии. Зафиксировано Ю.В. Обориным в 2019 г.

Fig. 17. Mirrors of the Third Series of the Borysthene Type of the Third Option: 32 — Khmelnytsky Region. Chance find of 2017. Reported by Yu.V. Oborin; 33 — Mirror found in Kabardino-Balkaria. Reported by Yu.V. Oborin in 2019.

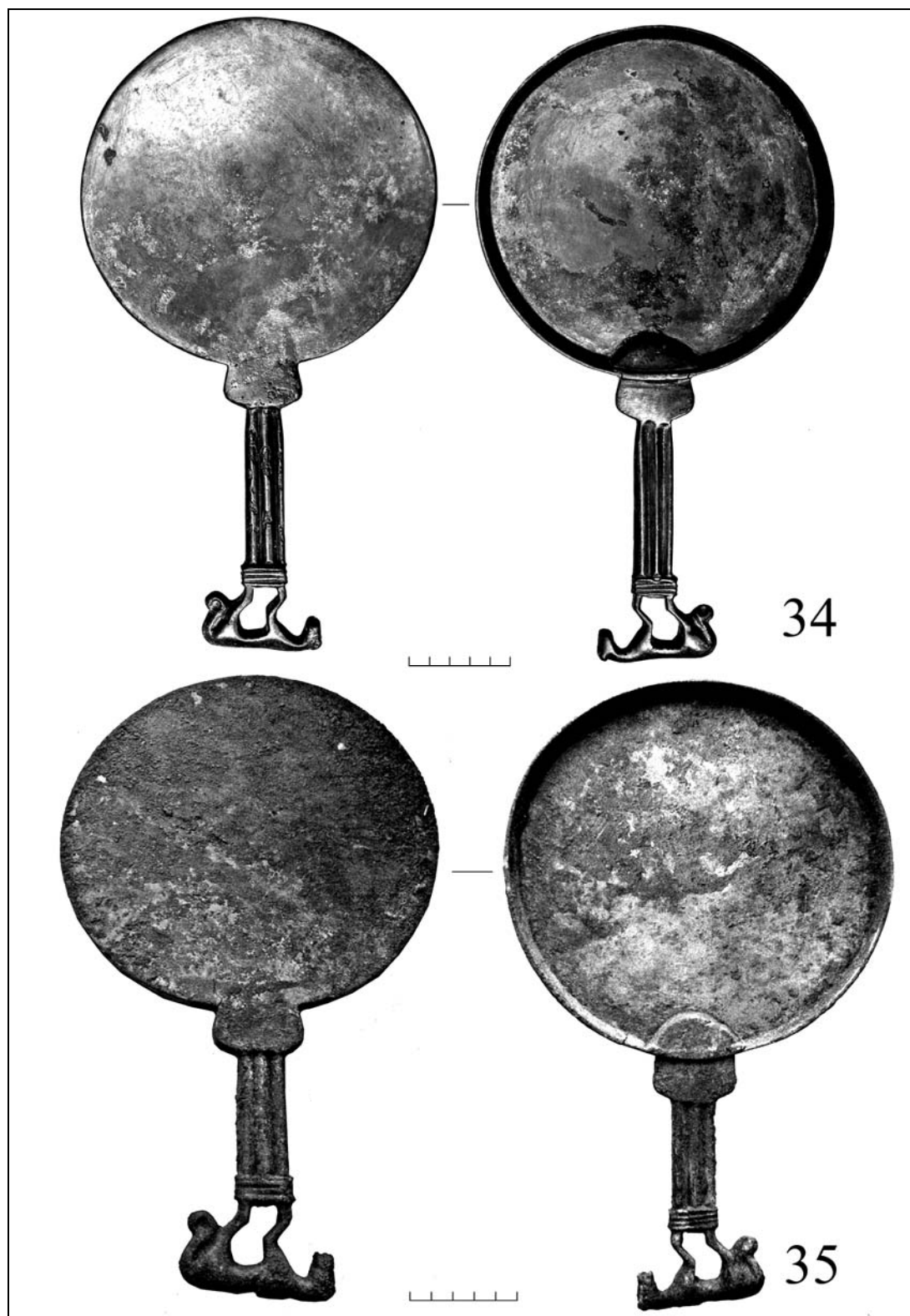

Рис. 18. Зеркала третьей серии борисфенитского типа третьего варианта: 34 — Зеркало, найденное южнее Пятигорска, на границе с Кабардино-Балкарией. Зафиксировано Ю.В. Обориным в 2019 г.; 35 — Хмельницкая область. Случайная находка 2017 г. (по Архив КСАН. Д. 24-49).

Fig. 18. Mirrors of the Third Series of the Borysthene type of the Third Option: 34 — Mirror Found South of Pyatigorsk, on the Border with Kabardino-Balkaria. Reported by Yu.V. Oborin in 2019; 35 — Khmelnytsky Region. Chance find of 2017 (after Arkhiv KSAH. D. 24-49).

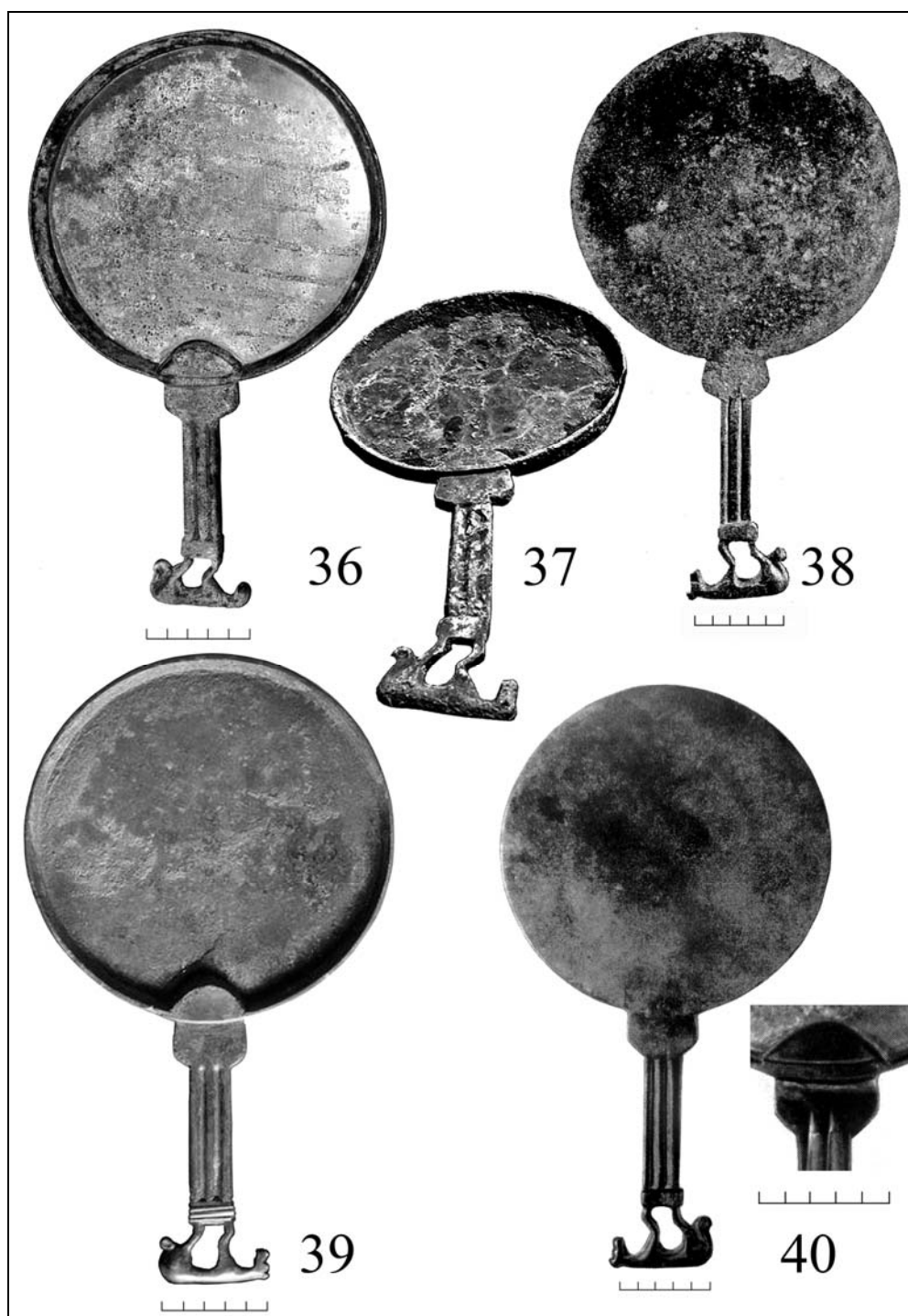

Рис. 19. Зеркала третьей серии борисфенитского типа третьего варианта: 36 — Черкасская обл. Случайная находка 2017 г. (по КСАН. Д. 22-382); 37 — Полтавская область. Случайная находка 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; 38 — Ольвия, 1911 г., могила 96; 39 — Бронзовое зеркало. Неизвестное происхождение. Из коллекции П.К. Месаксуди. В 1920 г. приобретено Лувром. Лувр (инв. № Вг. 4127); 40 — Березань. Из коллекции И.И. Толстого (ГЭ. ОАМ. инв. № В 2848).

Fig. 19. Mirrors of the Third Series of the Borysthene type of the Third Option: 36 — Cherkasy Region. Chance find of 2017. (after Arkhiv KSAN. D. 22-382); 37 — Poltava Region. Chance find of 2017. Reported by Yu.V. Oborin; 38 — Olbia, 1911, Burial 96; 39 — Bronze Mirror. Unknown origin. From Collection of P.K. Mesaksudi. In 1920 acquired by the Louvre. The Louvre (Inv. No. Br. 4127); 40 — Berezan. From Ccollection of I.I. Tolstoy. (GE. OAM. Inv. No. B 2848).

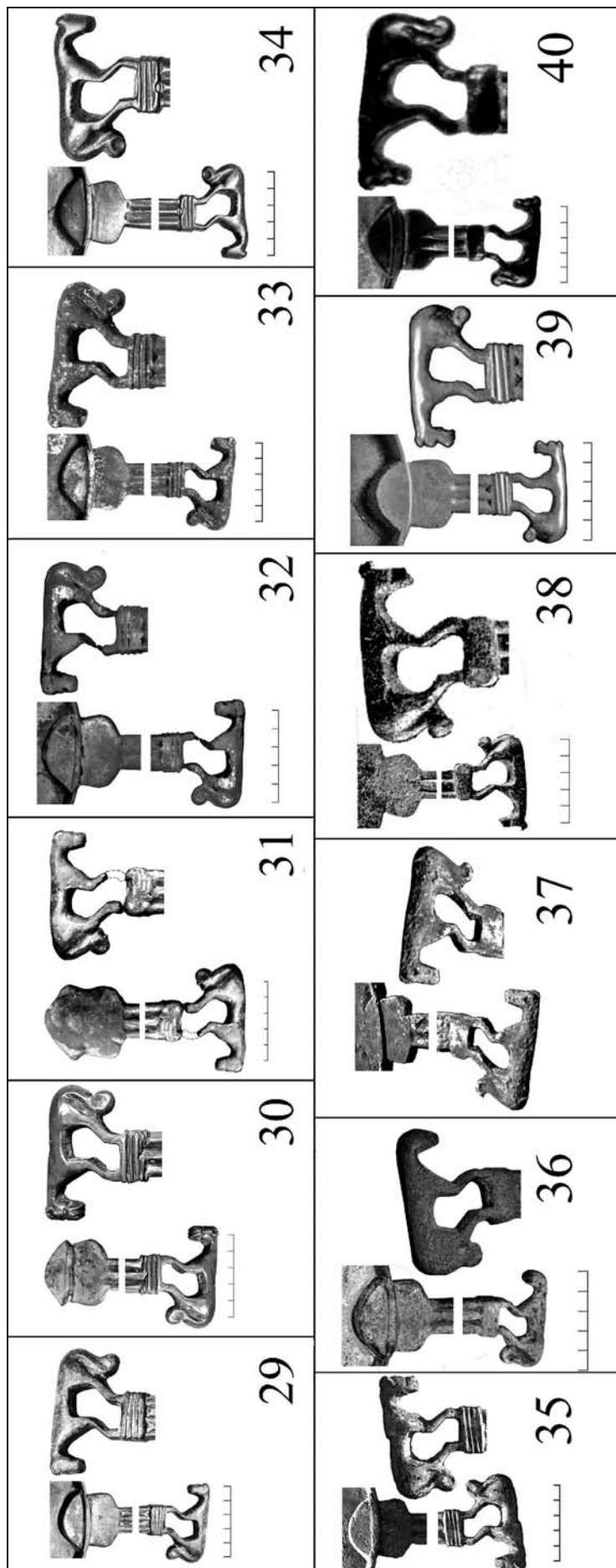

Рис. 20. Детали зеркал третьего варианта третьей серии борисфенитского типа третьего варианта. Номера соответствуют каталогу.

Fig. 15. Details of Mirrors of the Second Version of the Third Series of the Borysthenes Type of the Third Option. The Numbers correspond to the Catalogue.

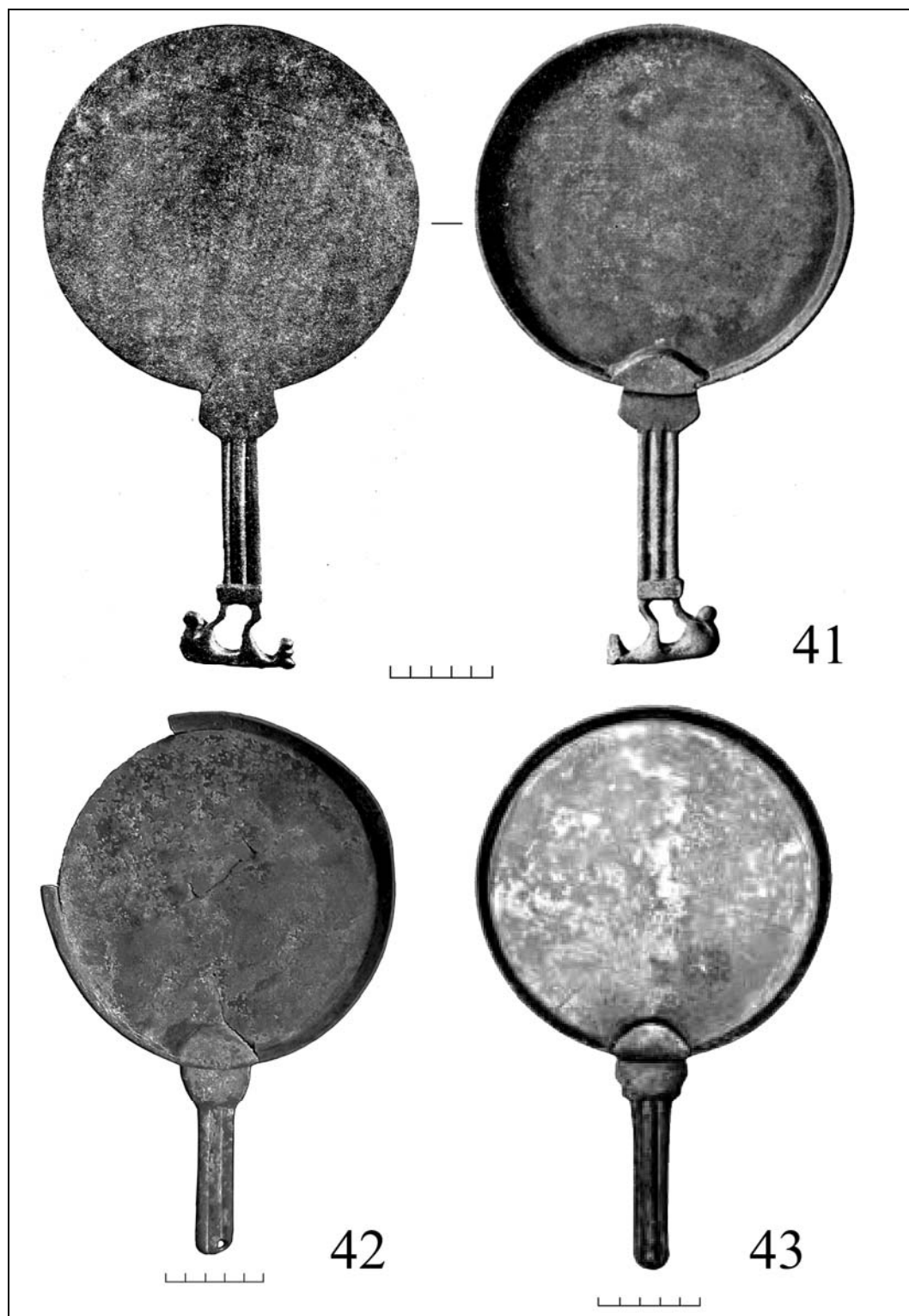

Рис. 21. Зеркала третьей серии борисфенитского типа четвертого варианта: 41 — Ольвия, 1910 г., Могила 75; 42 — Бронзовое зеркало. Ставрополье. Случайная находка до 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; 43 — с. Николаевка. Черкасская область. Случайная находка 2015 г.

Fig. 21. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type of the Fourth Option: 41 — Olbia. 1910, Burial 75; 42 — Bronze Mirror. Stavropol Region. Chance find of 2018. Fixed by Yu.V. Oborin; 43 — Nikolaevka Village. Cherkasy Region. Chance find of 2015.

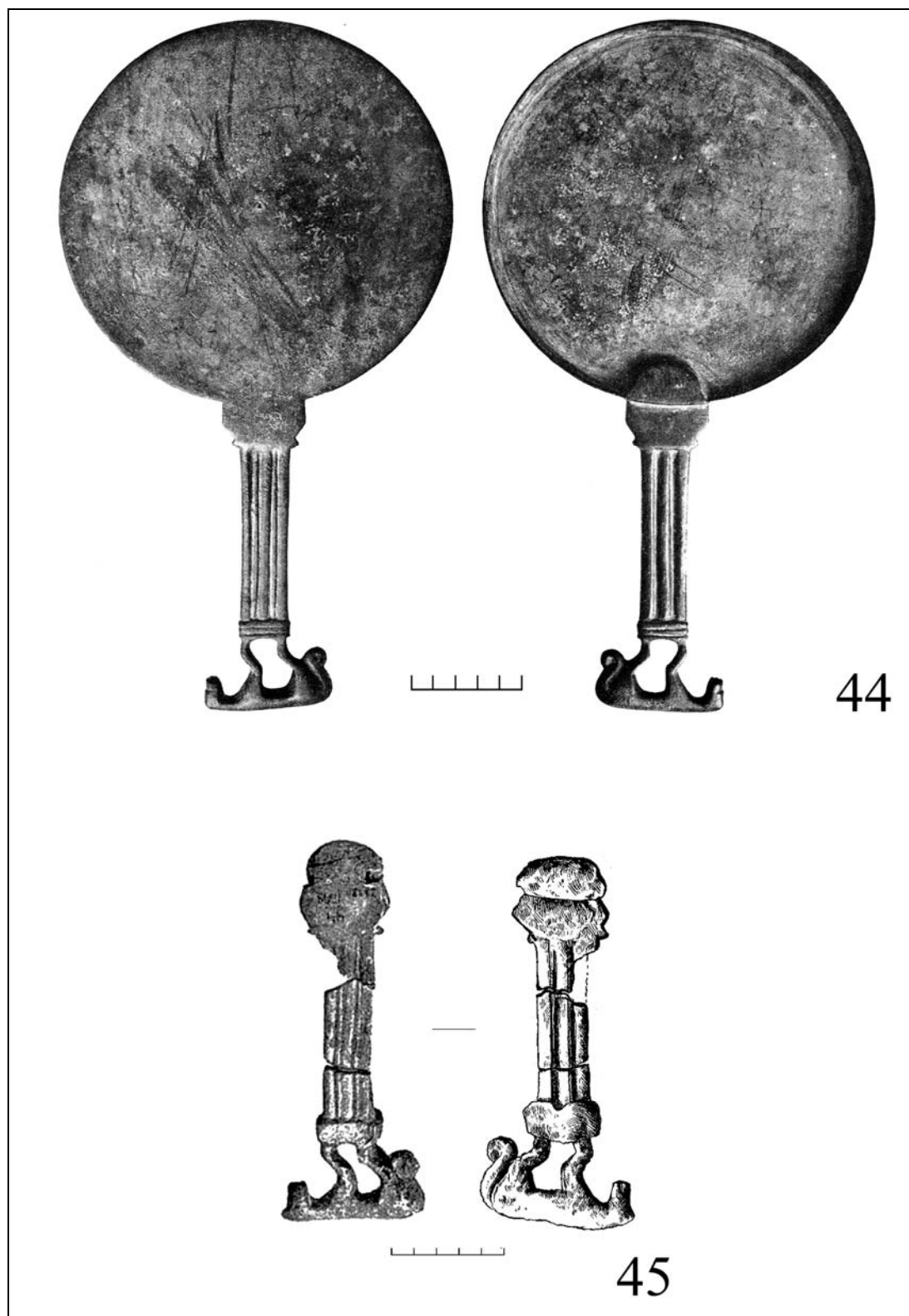

Рис. 22. Зеркала третьей серии борисфенитского типа четвертого варианта и их фрагменты:
44 — Сечени, Венгрия. Случайная находка 1937 г. Национальный музей в Будапеште (Inv. № 68.7.1);
45 — Пилин, Венгрия. Раскопки до 1870 г. Национальный музей в Будапеште (Inv. № 44.1898.2333).

Fig. 22. Mirrors of the Third Series of the Borysthene Type of the Fourth Option and Their Fragments:
44 — Secheni, Hungary. Chance find of 1937. National Museum in Budapest (Inv. No. 68.7.1);
45 — Pilin, Hungary. Excavations until 1870. National Museum in Budapest (Inv. No. 44.1898.2333).

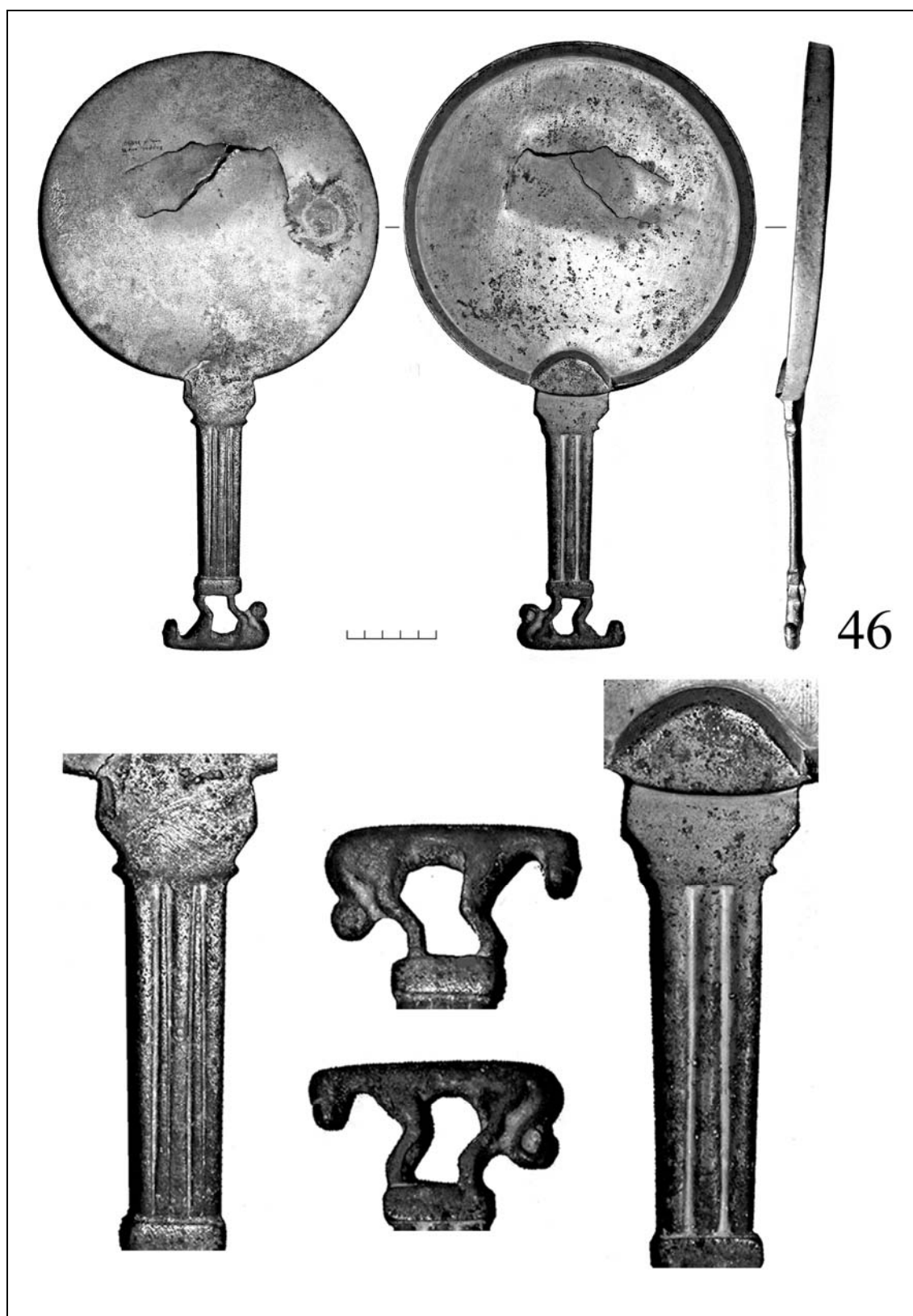

Рис. 23. Зеркало третьей серии борисфенитского типа четвертого варианта и его фрагменты:
46 — Бронзовое зеркало из могильника Кáррас. Раскопки Д.Я. Самоквасова, 1881 г. Могила 3.

Fig. 23. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the Fourth Option and Its Fragments:
46 — Bronze Mirror from the Burial Ground Karras. Excavations of D.Ya. Samokvasova, 1881. Burial 3.

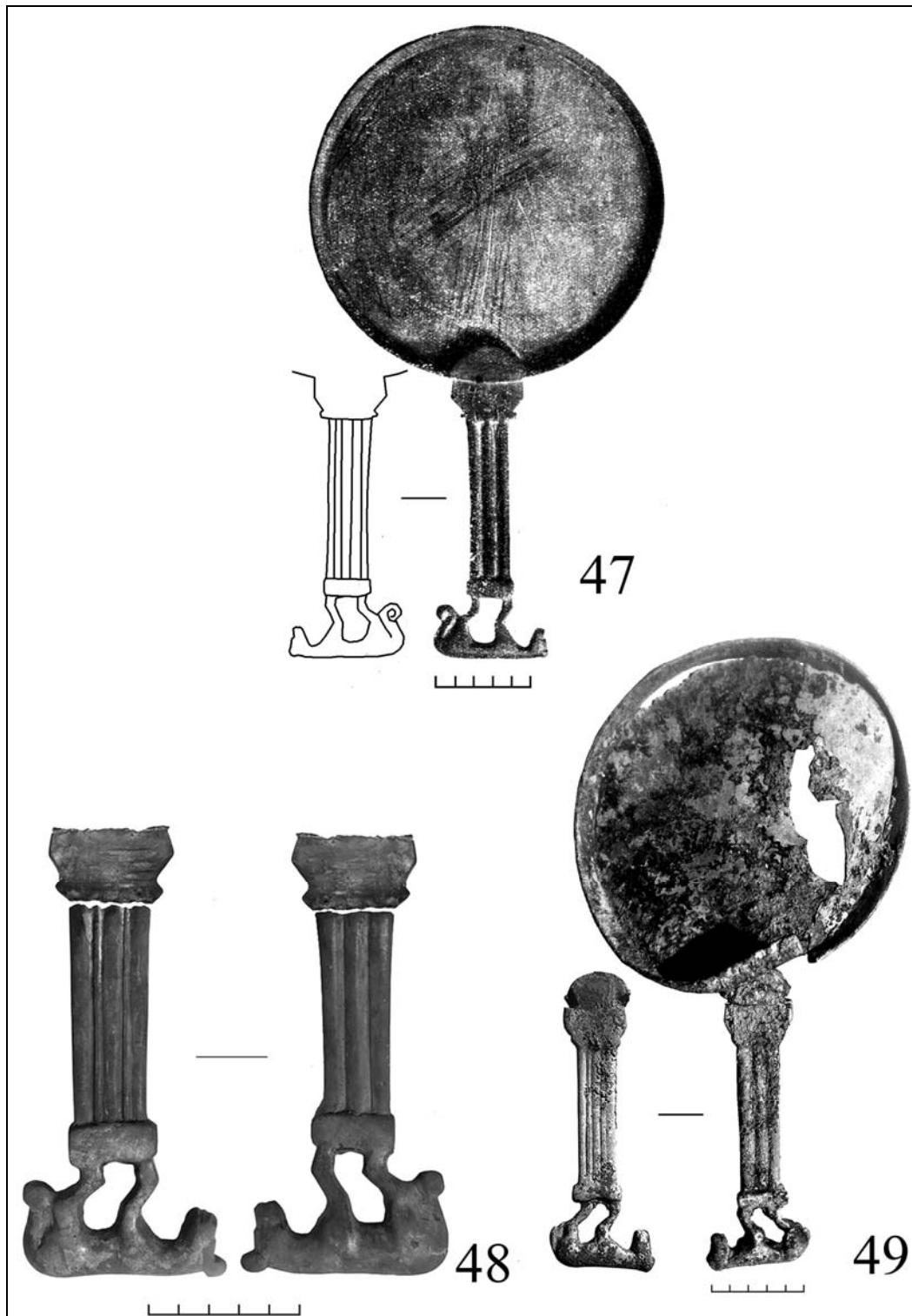

Рис. 24. Зеркала третьей серии борисфенитского типа четвертого варианта и их фрагменты: 47 — Макфалва. Случайная находка 1908 г.; 48 — Украина. Точное местонахождение неизвестно, 2017 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; 49 — Адыгея, Красногвардейский район. Случайная находка (по Архив КСАН. Д. 18-97).

Fig. 24. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the Fourth Option and Their Fragments: 47 — Macfalva. Chance find of 1908; 48 — Ukraine. The Exact Location is Unknown, 2017. Recorded by Yu.V. Oborin; 49 — Adygea, Krasnogvardeisky District. Chance find (after Arkhiv KSAN. D. 18-97).

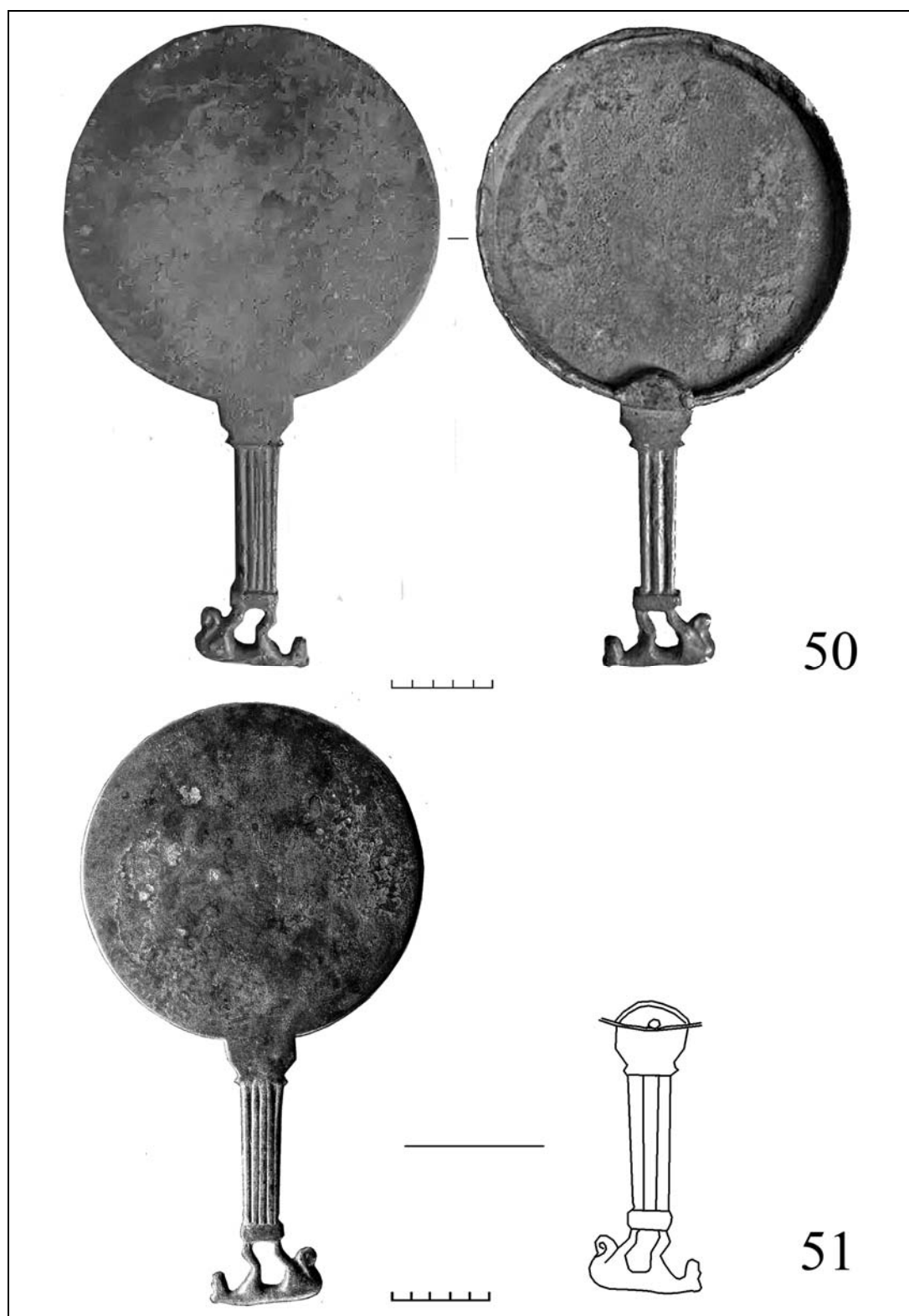

Рис. 25. Зеркала третьей серии борисфенитского типа четвертого варианта и их фрагменты: 50 — Киев, Случайная находка 2016 г. (по Архив КСАН. Д. 19-24); 51 — Женева, Музей Барбье-Мюллера, между 1977 и 1987 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным.

Fig. 25. Mirror of the Third Series of the Borysthenes Type of the Fourth Option and Their Fragments: 50 — Kiev, Chance find of 2016 (after Arkhiv KSAN. D. 19-24); 51 — Geneva, Barbier-Muller Museum, between 1977 and 1987. Recorded by Yu.V. Oborin.

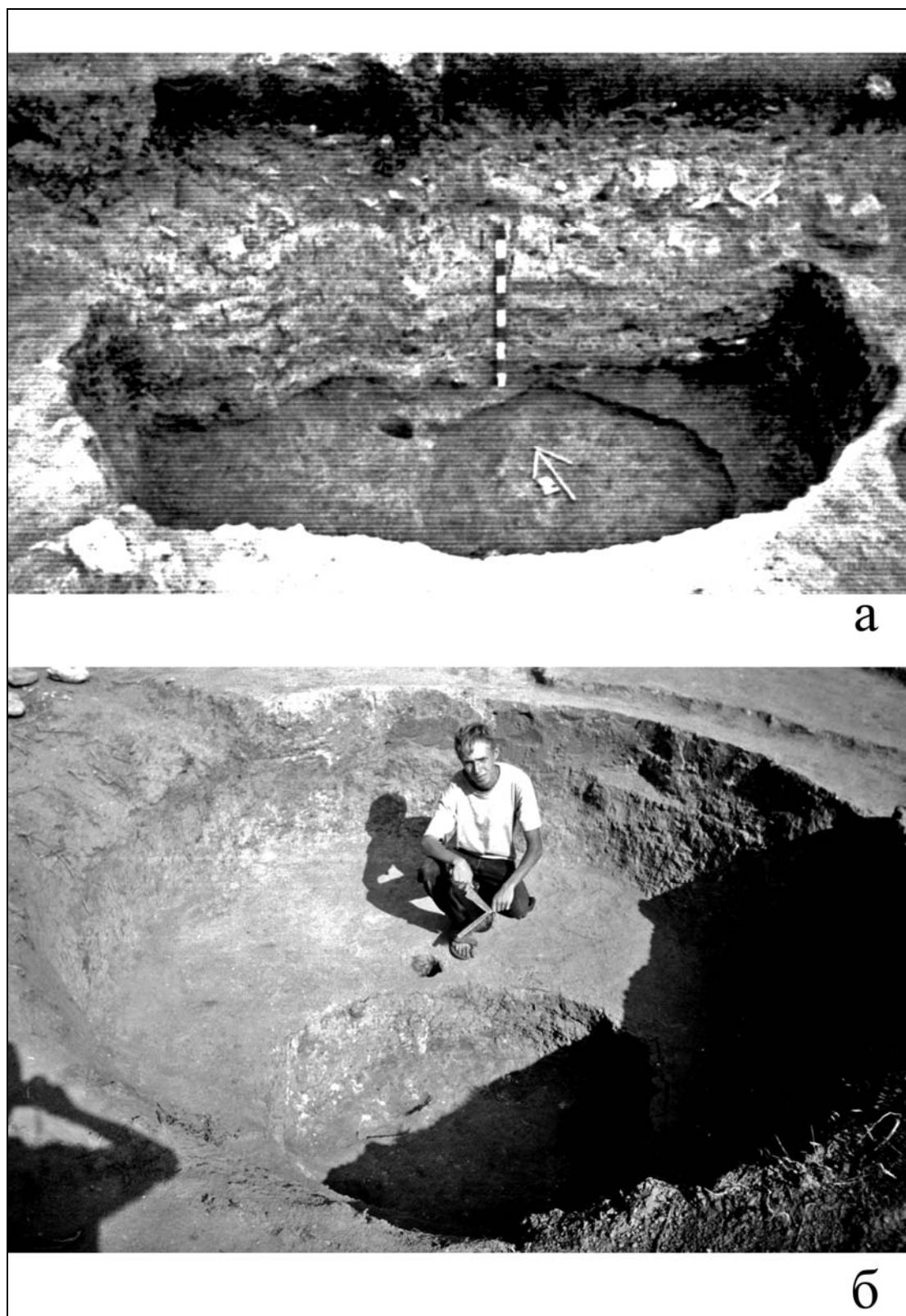

Рис. 26. Березань. Раскопки В.В. Назарова 2003—2004 г. Полуземлянка 285, яма (горн) 286: а — 2003 г. Вид с юга; б — 2004 г. Вид с востока. В полуземлянке А.Г. Кузьмищев.

Fig. 26. Berezan. Excavations of V.V. Nazarov 2003—2004. Half Dugout 285, Pit (Forge) 286: а — 2003. View from the South; б — 2004. View from the East. A.G. Kuzmishchev in the Half Dugout.

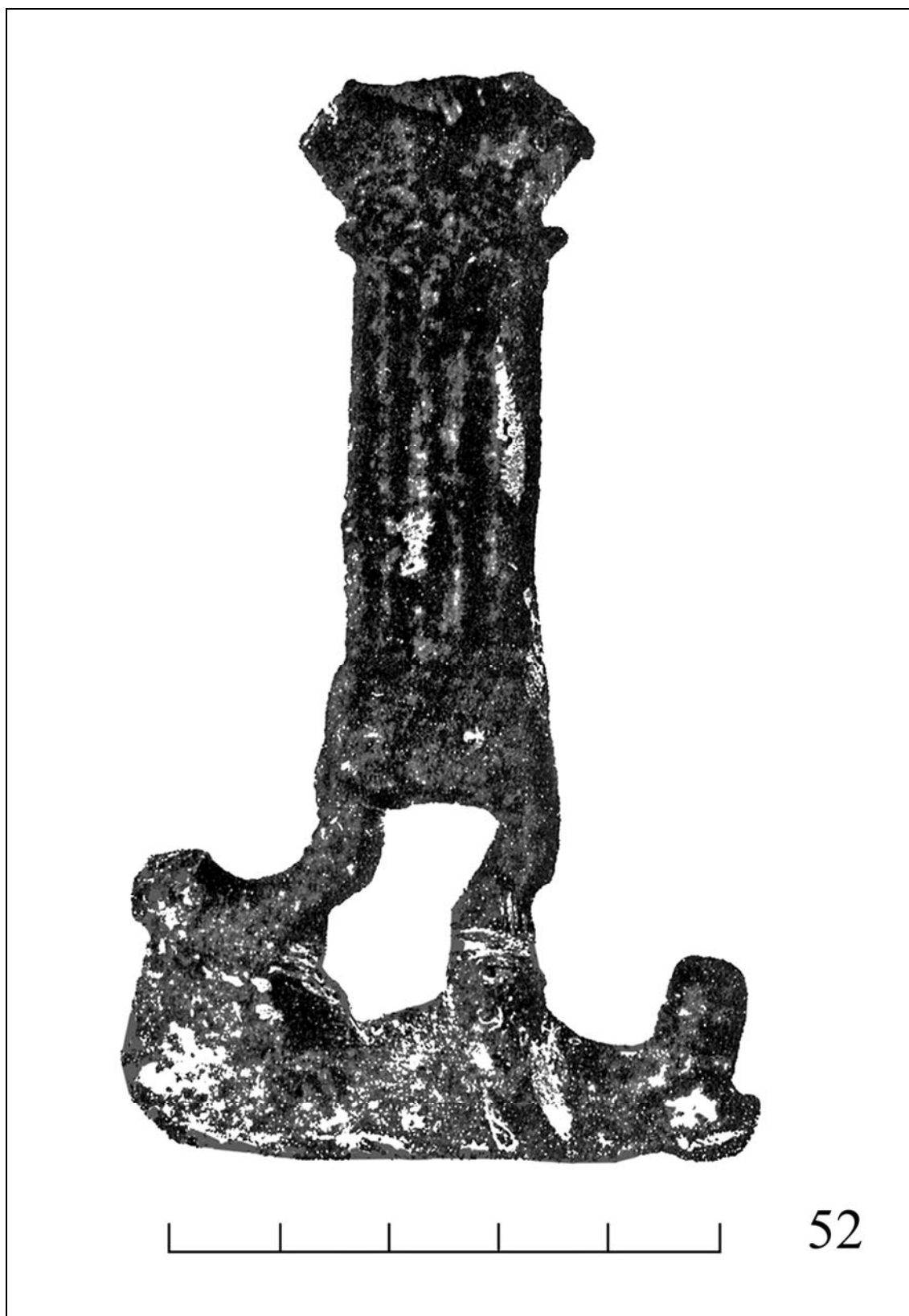

Рис. 27. Зеркала третьей серии борисфенитского типа четвертого варианта: 52 — Рукоять бронзового зеркала. Березань. Раскоп «Т». Полуземлянка 285. Раскопки В.В. Назарова в 2003 г.

Fig. 27. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type of the Fourth Option: 52 — The Handle of a Bronze Mirror. Berezan. Excavation “T”. Half Dugout 285. Excavations of V.V. Nazarov in 2003.

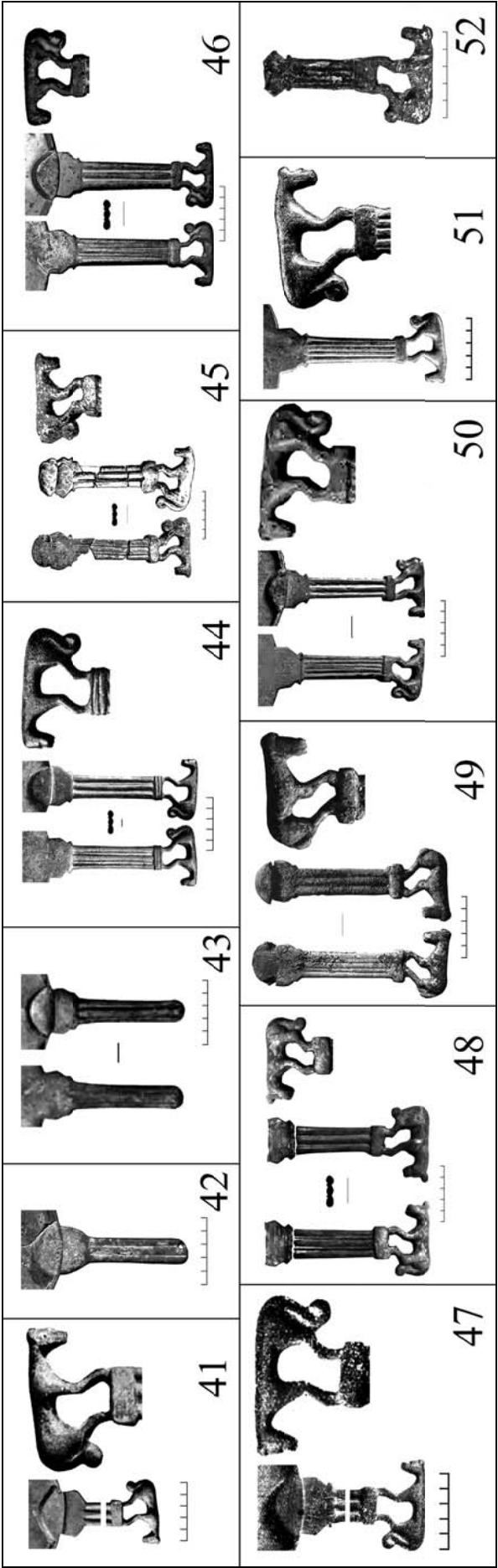

Рис. 28. Детали зеркал четвертого варианта третьей серии борисфенитского типа четвертого варианта. Номера соответствуют каталогу.

Fig. 28. Mirror Details of the Fourth Embodiment of the Third Series of the Borysthenes Type of the Fourth Option. The Numbers Correspond to the Catalogue

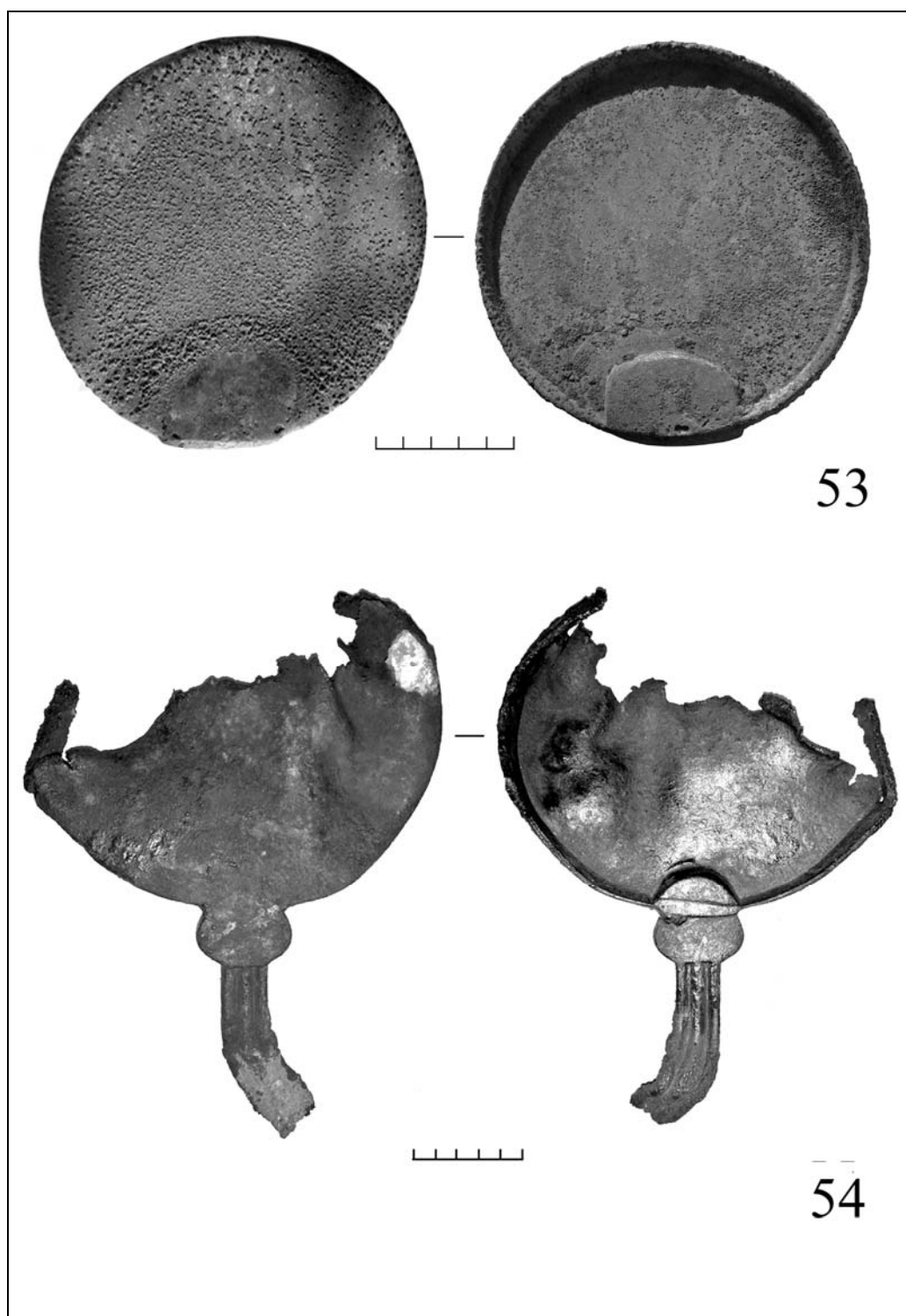

Рис. 29. Зеркала третьей серии борисфенитского типа. Вариант неопределим: 53 — Бронзовый диск зеркала с вертикальным бортиком. Волгоградская область, Среднеахтубинский район, Волго-Ахтубинская пойма. Случайная находка 2018 г. Зафиксировано Ю.В. Обориным; 54 — Березань. Раскопки Г.Л. Скадовского, 1900 г, Кострище. Херсонский музей (инв. № ХЕМ-а 5716; КП-23346).

Fig. 29. Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type. Option is Indefinable: 53 — Bronze Disk of Mirrors with the Vertical Side. Volgograd Region, Central Akhtuba District, Volga-Akhtuba Floodplain. Chance find of 2018. Reported by Yu.V. Oborin; 54 — Berezan. Excavations of G.L. Skadovsky, 1900, Bonfire. Kherson Museum (Inv. No. KhEM-a 5716; KP-23346).

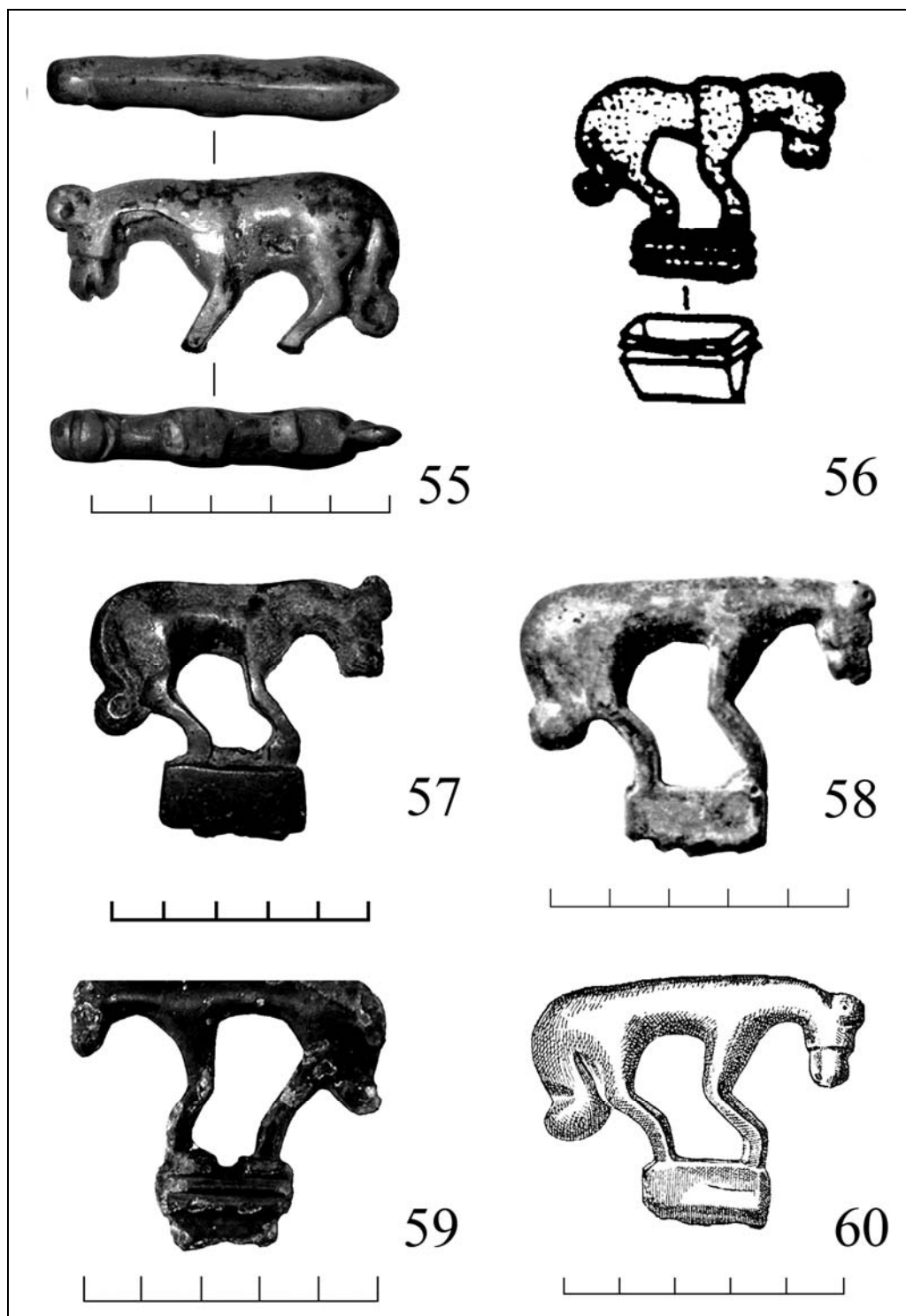

Рис. 30. Фигурки пантер на подставке: 55 — Местонахождение неизвестно, 2013 г.; 56 — о. Березань. Данные С.Я. Ольговского, 2017 г.; 57 — Местонахождение неизвестно (по Архив КСАН. Д. 18-534); 58 — Дюдойка. Случайная находка, 1934 г.; 59 — Случайная находка на Украине, 2010 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным; 60 — Дебрешен. Случайная находка ранее 1893 г.

Fig. 30. Panther Figures on a Stand: 55 — Location Unknown, 2013; 56 — Island of Berezan. Data of S.Ya. Olgovsky, 2017; 57 — The Whereabouts are Unknown (after Arkhiv KSAN. D. 18-534); 58 — Dudeyuk. Chance find of 1934; 59 — Chance find of Ukraine, 2010. Reported by Yu.V. Oborin; 60 — Debreshen. Chance find of before 1893.

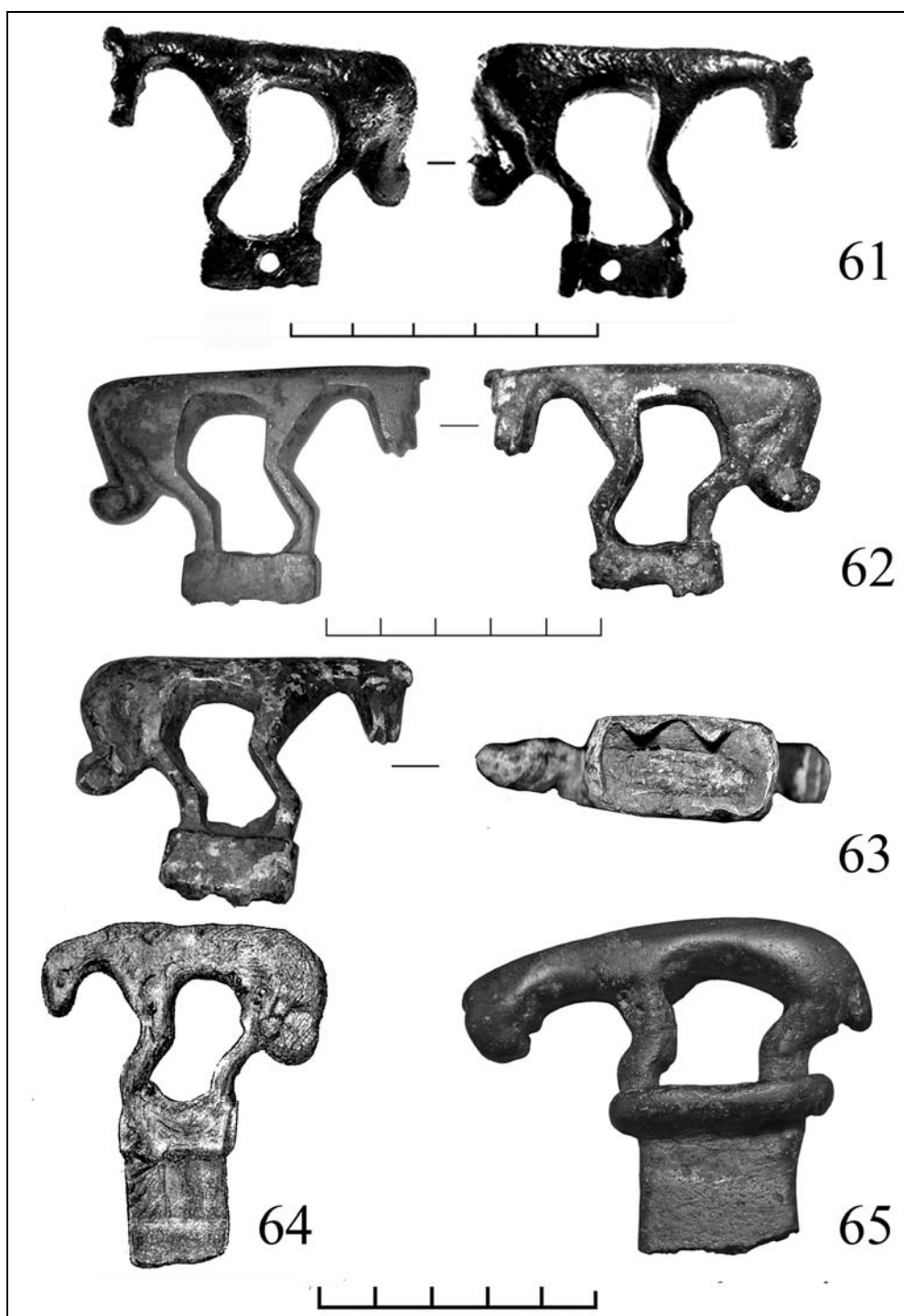

Рис. 31. Фигурки пантер: 61 — о. Березань. Раскопки Л.В. Копейкиной 1979 г., Полуземлянка XV; 62 — Случайная находка на Украине, 2018 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным; 63 — Случайная находка на Украине, 2011 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным; 64 — Ёлга. Курган у с. Преображенского Бузулукского уезда Оренбургской губернии. Раскопки Ф.Д. Нефедова, 1887 г; 65 — Случайная находка на Украине, 2014 г. Зафиксирована Ю.В. Обориным.

Fig. 31. Panthers figures: 61 — Isle of Berezan. Excavations of L.V. Kopeykina in 1979, the Half Dugout XV; 62 — Chance find of Ukraine, 2018. Fixed by Yu.V. Oborin; 63 — Chance find of Ukraine, 2011. Reported by Yu.V. Oborin; 64 — Ёлга. Kurgan near the Preobrazhensky Village of Buzuluk District of the Orenburg Region. Excavations of F.D. Nefedov, 1887; 65 — Chance find of Ukraine, 2014. Reported by Yu.V. Oborin.

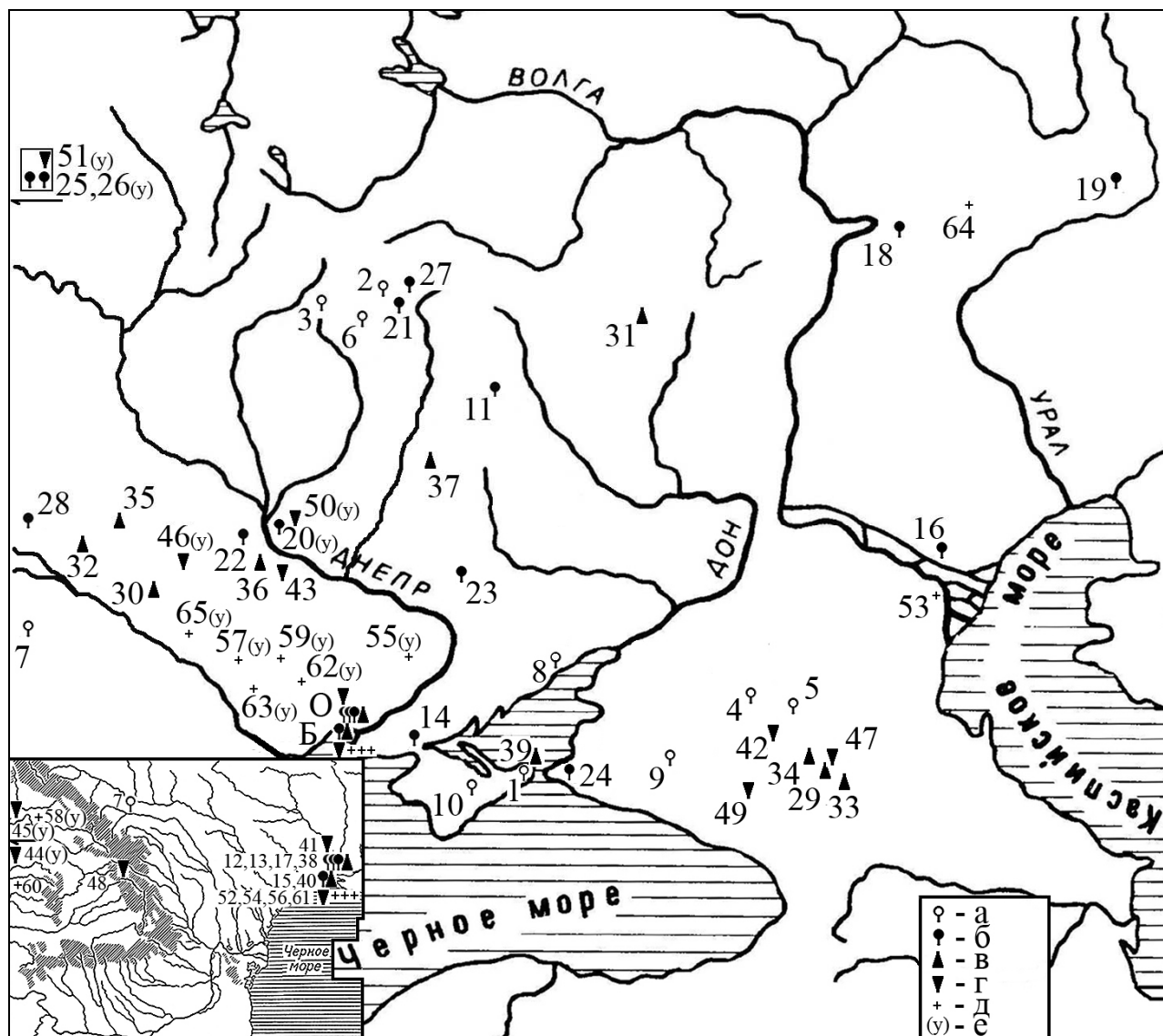

Рис. 32. Карта распространения зеркал третьей серии борисфенитского типа: *O* — Ольвия; *Б* — Борисфен; *а* — зеркала первого варианта; *б* — зеркала второго варианта; *в* — зеркала третьего варианта; *г* — зеркала четвертого варианта; *д* — неопределимые по вариантам фрагменты зеркал третьей серии; *е* — условная локализация.

Fig. 32. Map of the Distribution of Mirrors of the Third Series of the Borysthenes Type: *O* — Olbia; *B* — Borisfen; *a* — mirrors of the first option; *b* — mirrors of the second option; *c* — mirrors of the third option; *d* — fragments of mirrors of the third series that are undetectable in variants; *e* — conditional localization.

УДК 902/904

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00004

М.Н. Дараган

**О КОЛЧАННЫХ НАБОРАХ СКИФОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ — СЕРЕДИНЫ V В. ДО Н.Э.
(БАШНЕВИДНЫЙ ГОРИЗОНТ)***

На примере башневидных скифских наконечников стрел проведен поиск в различных колчанах из курганов Северного Причерноморья серий идентичных и однотипных наконечников, отлитых в одной форме или в однотипных формах.

Выделена серия погребений с идентичными однотипными башневидными наконечниками стрел с ложком до острия, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки с выступающей втулкой и аналогичных им по строению головки наконечниками со скрытой втулкой размерами 2—3,5 см. Весом 1,4—2,7 г.

Воины, в погребениях которых найдены такие наконечники, были современниками. Время использования наконечников стрел из этих погребений по их отложению в погребальных комплексах ограничено первой четвертью V — не позже третьей четверти V в. до н.э. Изученные группы башневидных наконечников стрел являются исключительно северопричерноморским продуктом.

Башневидные стрелы этого временного среза отличны от стрел как предшествующих базисного горизонта (второй половины VI — начала V в. до н.э.), так и сменяющих их стрел, образующих горизонт «крестовидных меток», датирующийся с третьей четверти V в. до н.э.

Появление серий идентичных в техническом и стилистическом отношениях наконечников на сравнительно большой территории свидетельствует не только об изготовлении их в одной среде, но и о существовании ремесленных производств, работавших на рынок. В источнике снабжения можно видеть одного мастера или одну мастерскую или же несколько мастерских, но работавших по единым шаблонам.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, скифы, хронология, наконечники стрел, производство, снабжение.

Сведения об авторе: Дараган Марина Николаевна, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: darmar@ukr.net.

M.N. Daragan

**ON THE FORMATION OF SCYTHIAN QUIVER SETS
IN THE FIRST HALF — MIDDLE OF THE 5th CENTURY BCE
(TOWER-FORM HORIZON)**

A series of burials was defined with identical tower-form arrowheads with the groove reaching the point, П-formed groove covering $\frac{2}{3}$ of the arrowhead length, and small extended sleeve and size of 2—3,5 cm, and weight of 1,4—2,7 gr.

Warriors, in which burials such arrowheads were found, were contemporaries. The lifetime of such arrowheads from these burials is limited to the period of the first half — no later than the third quarter of the 5th

* Работа выполнена в рамках стипендии фонда Герды Хенкель по теме «The production technology of Scythian Archery equipment: bows, arrows and quivers».

century BCE, according to their deposition in the funerary complexes. The studied series of tower-form arrowheads are solely the product of Northern Black Sea Region.

Tower-form arrowheads of this time are fundamentally different from the preceding symmetrical arrowheads second half of the 6th century BCE — beginning of 5th century BCE, and arrows replacing them, forming a horizon of “cross-shaped marks” dating from the third quarter of the 5th century BCE.

The appearance of series of technically and stylistically identical arrowheads on the relatively large area points to the fact that they not only were produced in the same environment, but also that there existed market-oriented craft industries. The source of supply could be seen as a single master or a single workshop or a variety of shops, but using the same templates.

Key words: North Pontic Region, Scythian Period, Scythians, chronology, arrowheads, quiver set, arrowheads production, weapon logistic.

About the author: Daragan Marina Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhradu, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: darmar@ukr.net.

Подход к изучению. Настоящее исследование является продолжением работы, посвященной горизонту базисных стрел второй половины VI — начала V вв. до н.э. (Дараган 2017). Здесь рассматриваются следующие по времени колчанные наборы, определяющими и преобладающими в которых будут втульчатые наконечники башневидных типов. Это монолитная группа колчанных наборов с доминирующими в них трехлопастными наконечниками с выступающей втулкой, удлиненной кверху головкой, нередко с несколько вогнутыми лопастями и с втулкой, с длинным П-образным ложком или же ложком до острия. Их высота от 2,3 см до 3,5 см, вес 2—2,5 г. Выделяются сравнительно «чистые» колчанные наборы, где такие стрелы преобладают, и колчанные наборы, где они сочетаются с различными вариантами базисных трехлопастных, морфологически подобных доминировавшим в предшествующее время, но более крупными, чаще с опущенными остриями лопастей в виде жалец, и с различными вариантами втульчатых трехлопастных стрел с треугольно-сводчатой головкой и также часто опущенными в виде жалец концами лопастей, не характерными для базисного горизонта.

Предыдущий базисный горизонт был очерчен в пределах второй половины VI — начала V в. до н.э. (Дараган 2017). Время отсчета следующего башневидного — первая половина V в. до н.э. Колчанные наборы с такими наконечниками, были включены А.И. Мелюковой преимущественно в третью хронологическую группу (Мелюкова 1964: табл. 8), датированную второй половиной V — началом IV вв. до н.э. (Мелюкова 1964: 17). С.В. Полин уточнил время бытования наконечников третьей группы временем не позднее рубежа VI(V) — рубежа V(IV) вв. до н.э., дополнив ее целой серией новых комплексов (Полин 1987: 31—32). В отличие от «базисного» горизонта, и в первоначальной классификации имеющего сравнительно монолитный вид, в рамках третьего горизонта у А.И. Мелюковой и С.В. Полина все же представлены комплексы с различным набором типов наконечников: как с преобладающими «башневидными» типами, так и с иными, трехлопастными разных конфигураций, с опущенными остриями лопастей, свисающих в виде жалец и ложками, украшенными крестовидными метками. Непосредственное визуальное изучение колчанных наборов позволило мне разделить их во времени и выделить в рамках V в. до н.э. несколько групп колчанов, как минимум три из которых будут строго последовательны, в которых будут преобладать различные типы наконечников. Самая ранняя из них и будет как раз «башневидная».

Принцип работы тот же, что был сформулирован по предшествующему «базисному» горизонту — поиск идентичных колчаных наборов, с наконечниками, отлитыми в одной литейной форме, или же по одному прототипу. Выявив в разных колчаных наборах такие наконечники, можно говорить о том, что они являются продукцией одного мастера (группы мастеров) или мастерской (группы мастерских), ориентированных на один стандарт. В этом случае будет правомерно говорить об их одновременности, а могилы, в которых они найдены, рассматривать как принадлежащие одному поколению, современникам. Естественно, что для такой работы требуется непосредственное, живое изучение источника. По рисункам, сколь бы удачными они не были¹, изначально ничего установить невозможно². Но при наличии серии, рисунки колчаных наборов (если сами образцы не сохранились или недоступны), безусловно, могут выступать дополнением.

Все это имеет отношение, вернее, даже определяет каркас и другой большой темы, собственно хронологии скифской культуры. Опыт выделения групп одновременных погребений, т.е. памятников-современников, известен, хотя в большей степени он отрабатывается на элитных скифских курганах (Алексеев 1991; Полин 2014). И принцип применяется тот же, что и озвученный выше для наконечников. Одновременность памятников устанавливается по одновременным вещам, имевших сравнительно короткий период использования. Такие изделия в массиве скифских памятников есть. Из числа тех, по которым проводились такие исследования, это золотые бляшки, античный керамический импорт, собственно являющийся основным хронологическим каркасом, и наконечники стрел. Целенаправленная работа с материалами позволяет выделять и другие категории инвентаря, например, крестовидные ворворки (Полин, Дараган 2019).

Но именно наконечники стрел являются самой массовой и качественно разнообразной категорией находок, идеальной для построения детальной схемы относительной микрохронологии комплексов, с помощью которой можно охватить максимально большое число погребений. Для подавляющего большинства погребений наконечники стрел — единственная категория находок, позволяющая определить время погребения. Поиск в различных комплексах однотипных наконечников, а лучше отлитых в одной литейной форме или в прототипах одной и той же или близкородственных форм — самый надежный и корректный способ выявить одновременные наконечники.

Источники. В основе этой статьи лежат колчаные наборы, изученные лично автором, из комплексов северопричерноморской Степи и украинской Лесостепи. Соответственно вычленены они были из 459 обработанных мною колчаных наборов (по состоянию на декабрь 2019 г.). Для сравнения привлечены также материалы из Аксеновского могильника в Поволжье.

Модельными для башневидного горизонта стали два прекрасных комплекса, определивших, в некотором роде, «лицо эпохи». Это погребение 2 в кургане 12 группы Шахты 22, откуда происходит значительный и разнообразный инвентарь. И погребение из кургана 1 у с. Новорозановка — первое неограбленное погребение воина в защитном доспехе.

1. Шахта 22, курган 12, погребение 1. Впускное в скифский курган. В ограбленном погребении найдены остатки двух колчаных наборов, содержавших 279 и более 200 наконечников, остатки панцирей, поясов, копья, бляшки, а также большая бронзовая бляха, изображающая рыбу (Тереножкин и др. 1973: 169—179; Горелик 1977: 146—151).

¹ А значительная часть их к тому же неудачна, более того, нарисована по ребру.

² Исключение, отчасти, представляют наконечники с литыми метками (Алексеев 1984).

В коллекции ИА НАНУ сохранилось 104 наконечника из этого погребения без разделения на колчаны³. Однако, судя по рисункам в отчете, типы наконечников в обоих колчанах совпадали, что позволяет сохранившиеся наконечники рассматривать в целом.

Наконечники представлены следующими типами:

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, один может быть заострен в виде шипа. Высота 2,5—3,5 см. Вес 1,47—2,6 г. Многие из наконечников основательно сточены (рис. 1: 1—24, 2: 1—25, 3: 22—24). Выделяется несколько наконечников с фигурно изогнутым абрисом наконечника и концами лопастей, срезанными под прямым или тупым углом вровень с обрезом втулки или заостренными в виде шипа (рис. 1: 1—2);

—Трехлопастный, с треугольной головкой, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, слегка выступающей втулкой, концами лопастей, обрезанными прямо и под тупым углом. Высота 2,1 см. Вес 1,58 г (рис. 2: 25);

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой и окончаниями лопастей, обрезанными вровень с обрезом втулки. Высота около 2,7 см. Вес в среднем 1,9 г (рис. 4: 1—7);

—Трехлопастные, башневидные, с ложком до острия, удлинённой кверху головкой с узкой основой, грани слегка вогнуты, с выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке или заострены в виде шипа. Высота от 2,4 до 3,4 см. Вес до 2,64 г (рис. 3: 1—5, 10, 11—13, 16, 18, 20, 21);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены в виде шипов. Высота 2,6—3,5 см. Вес до 2,6 г (рис. 3: 6, 11, 17, 19);

—Трехгранные, башневидные, с дуговидными гранями, выступающей втулкой. Высота 2,5—2,6 см. Вес 2,31 г (рис. 4: 9—10).

2. Изобильное, курган 4, погребение 1. Основное, в яме с подбоем. Ограблено. Погребенный был ориентирован головой на запад. Сохранились остатки доспеха из железных и бронзовых чешуек, ворварка, обломки меча и копий, наконечники стрел, нож. Также найден обломок человеческой кости с застрявшим в ней бронзовым наконечником стрелы (Мозолевский и др. 1980: 54—57).

В коллекции ИА НАНУ хранится 27 бронзовых наконечников из этого погребения.

Бронзовые трехлопастные наконечники стрел следующих типов:

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота 2,8—3,1 см. Вес 1,1—2,2 г (рис. 5: 1—14);

—Трехлопастный, пирамидальный, с П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки, слегка выступающей втулкой, лопастями, обрезанными прямо, под тупым углом и одной свисающей, заостренной лопастью. Высота 3,1 г. Вес 1,86 г (рис. 6: 2);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой, острые окончания лопастей свисают ниже обреза втулки. Высота 3 см. Вес 2,34 г (рис. 6: 10);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, (рис. 6: 6—9) и с узкой треугольной головкой (рис. 6: 11—14). Высота 2,8—3,0 см. Вес до 1,42 г;

³ Искренне признательна хранителю фондов Института археологии НАН Украины А. Шелеханю за помощь при обработке этой и других коллекций, находящихся на хранении в фондах ИА.

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке или заострены в виде шипа. Высота 2,4—3,4 см. Вес до 1,4 г (рис. 6: 3—5);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, концами лопастей, свисающими в виде шипа, короткой выступающей втулкой. Высота 3 см. Вес 2,61 г (рис. 6: 1).

3. Новорозановка, курган 1. Основное, в овальной яме с небольшим подбоем. Погребенный лежал на развернутом панцире, вытянуто на спине головой на В. В погребении найден портупейный пояс, ворварки и наконечники стрел, копья, нож, мечи бронзовая бляха с изображением головы лося на колчане (Шапошникова, Ребедайло 1977: 66—70).

В настоящее время при монолите погребения, хранящегося в Национальном музее вооруженных сил Украины, сохранилось 58 наконечников⁴. Также в архиве С.В. Полина сохранился рисунок наконечников, выполненный В.И. Ключко вскоре после раскопок, на котором отображены все типы наконечников и их количество:

—Трехлопастные, башневидные, с прямоугольным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, один может быть заострен в виде шипа. Высота 2,5—2,8 см. Вес 1,23—1,99 г. У некоторых экземпляров ложки в результате многократной заточки имеют вид двух углубленных линий с обеих сторон втулки (рис. 7: 1—13);

— Трехлопастный с широкой треугольной головкой, прямоугольным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены в виде шипов (рис. 7: 14);

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, ровно обрезанным основанием, скрытой втулкой. Высота 2,4 см. Вес 1,63 г (рис. 7: 15—17);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, ровно обрезанным основанием, скрытой втулкой. Высота 2,6 см. Вес до 2,0 г. Некоторые наконечники сильно сточены до высоты 1,5 см (рис. 9: 18—20);

—Трехлопастные, башневидные, ложком до острия, лопасти слегка вогнуты, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке или заострены в виде шипа. Высота от 2,4 до 3,4 см. Вес 1,7—2,2 г (рис. 8: 1—20, 9: 1—4);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке. Высота 2,6—2,8 см. Вес 1,33—1,7 г. Некоторые наконечники сильно сточены до высоты 1,5 см (рис. 9: 5—13, 17).

4. Новопавловка, курган 2, погребение 1. Основное в кургане, в прямоугольной яме. Погребенный взрослый мужчина лежал вытянуто на спине головой на ССЗ. При нем меч с антенным навершием, бронзовые ворварки, колчан со 150 наконечниками стрел. Отдельные наконечники встречались и в засыпке могилы (Никитин 1988: 18—20, рис. 78—84).

В коллекции Николаевского краеведческого музея доступными для обработки по сохранности были 25 наконечников⁵:

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, один может быть заострен в виде шипа. Высота 2,5—3,1 см. Некоторые экземпляры сильно сточены до высоты 1,6 см (рис. 10: 8, 9, 20, 21);

⁴ Искренне признательна сотрудникам музея Д. Слободинскому и Е. Шупику за содействие и помощь в обработке материалов.

⁵ Искренне признательна О. Буравчук за помощь в обработке материалов коллекции.

—Трехлопастный, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, с ровно обрезанным основанием. Высота 1,7 см. Наконечник относится к предшествующему базисному горизонту (рис. 10: 25);

—Трехлопастные, с ложком до острия, ровно обрезанным основанием. Высота 1,5 см. Наконечники относятся к предшествующему базисному горизонту (рис. 10: 22—24);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, с длинной выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке. Высота 2,7—3,5 см (рис. 10: 1—4, 6, 7, 10—18).

5. Кобзарцы, курган 6. Основное. Совершено в яме с подбоем. Ограблено. Скелет лежал вытянуто на спине головой на 3. При нем колчаный набор из 66 наконечников, один из которых костяной, остальные бронзовые, фрагменты чернолакового килика 470—480 гг. до н.э., нож, панцирные пластины, подток от копья и фрагмент меча (Шапошникова 1976: 168—171).

В коллекции ИА НАНУ хранится 40 бронзовых наконечников:

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, выступающей втулкой. Высота 2,8—3,2 см. Вес до 2,5 г (рис. 11: 1—20, 12: 1—9);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой. У некоторых острия лопастей свисают ниже уровня втулки. Высота 2,5 см (рис. 12: 13, 16);

—Трехлопастные, с ложком до острия, башневидной (рис. 12: 14) или треугольной головкой (рис. 12: 17—20), выступающей втулкой. Края лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке или свисают в виде шипов. Высота 2,1—2,5 см. Вес 1,1—1,8 г (рис. 12: 14, 17—20);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, ложком до острия, остриями лопастей в виде шипов, выступающей втулкой. Высота 2,8 г (рис. 12: 11).

6. Каменная Балка, курган 6, погребение 1. Основное, в яме с подбоем. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине головой на 3. При нем напутственная пища, ножи, ворварка и колчаный набор с 44 бронзовыми наконечниками (Шапошникова 1976: 92—93).

Описание дается по сохранившимся фотографиям и оригинальному рисунку из архива С.В. Полина, выполненного вскоре после раскопок В.И. Ключко. Весьма ценными являются наблюдения В.И. Ключко о том, что наконечники из кургана 6, погребения 1. Каменной Балки, отлиты в одной литейной форме с наконечниками из кургана 6 у с. Кобзарцы⁶:

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. На одном из наконечников на втулке и грани процарапаны две косые параллельные линии. Высота 2,5—3,5 см. Вес 1,8—2,6 г (рис. 13: 1—5);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, едва выступающей втулкой. Высота 3 см. Вес 2,6 г (рис. 13: 6);

—Трехлопастные, с башневидной и треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки или округлым ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки, скрытой втулкой. У некоторых экземпляров, одна из лопастей свисает ниже обреза втулки. Высота 2,8 см. Вес 1,6—1,9 г (рис. 13: 7—8);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой. У некоторых острия лопастей свисают ниже обреза втулки. Высота 2,5—3,5 см. Вес 1,4—2,0 г (рис. 13: 9, 10, 16, 17);

⁶ Поиск наконечников из этого колчана пока не увенчался успехом. В коллекции ИА НАНУ под этим номером хранятся наконечники, опознанные мною как наконечники из колчанного набора № 2 кургана 6 у с. Висунск второй — третьей четверти IV в. до н.э. Колчаный набор № 1 из кургана 6 у с. Висунск при этом хранится в своей коллекции.

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов, у некоторых срезаны под тупым углом к втулке. Высота 3,0—3,2 см. Вес 1,6—2,2 г (рис. 13: 11—15).

7. Лиманцы, курган 4, погребение 2. Впускное, в прямоугольной яме. Скелет лежал вытянуто на спине головой на 3. При нем 9 бронзовых наконечников стрел (Шапошникова 1973: 131).

В коллекции ИА НАНУ сохранилось 7 бронзовых наконечников:

—Трехлопастный, башневидный, с П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота 3,5 см. Вес 2,51 г (рис. 14: 1);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, с ровно обрезанным основанием. Высота 2,1 см. Вес 2,07 г (рис. 14: 6);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой и остриями лопастей, свисающими ниже уровня втулки. Высота 2,5 см. Вес 1,51 г (рис. 14: 5);

—Трехлопастные, с башневидной (рис. 14: 3) или узкой треугольной головкой (рис. 14, 2, 4, 7) и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке. Высота до 3 см. Вес 1,94 г (рис. 14: 2—4, 7).

8. Калининское, курган 2, погребение 1. Впускное, в яме с подбоем. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на 3. При нем напутственная пища с ножом, лепной сосуд, серебряная пластина, колчан со 137 наконечниками, ворворка, пояс, меч, копье и дротик с подтоками (Евдокимов и др. 1977: 71—73).

В коллекции ИА НАНУ сохранилось 88 бронзовых наконечников:

—Трехлопастные, с башневидной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота 2,5—3,0 см. Вес 1,5—2,14 г (рис. 15: 1—24, 16: 1);

—Трехлопастный, с узкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, лопастями, обрезанными прямо или под тупым углом, слегка выступающей втулкой. Высота 3 см. Вес 1,27 г (рис. 18: 15);

—Трехлопастные, с башневидной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, лопастями, обрезанными прямо или под тупым углом, реже свисающей одной заостренной одной лопастью, едва выступающей втулкой. Высота 2,3—2,5 см. Вес 1,4—1,75 г (рис. 16: 2, 5—8, 10);

—Трехлопастный, башневидный, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, ровно обрезанным основанием. Высота 2,3—2,7 см. Вес 1,35—2,0 г (рис. 16: 4);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, ровно обрезанным основанием. У некоторых острия лопастей свисают ниже обреза втулки. Размер 2,2—2,7 см. Вес 1,0—1,7 г (рис. 16: 9—20, 18: 18—19, 21—24);

—Трехлопастные, с башневидной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, продлены к ее основанию или заострены в виде шипа. Высота от 3 до 4 см. Вес 1,5—2,2 г⁷ (рис. 17: 1, 9, 11, 17, 18, 20, 18: 6, 17);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде шипов. Высота 2,4—3,5 см. Вес 1,5—2,2 г (рис. 17: 2—8, 10, 11, 13—16, 19, 21, 18: 1—5, 7—14, 16).

⁷ Вес 4,36 г одного из наконечников — следствие окисления.

9. Садово, курган 4, погребение 2. Основное, в яме с подбоем. Погребение ограблено. Сохранились части наборного железного панциря, 41 наконечник стрел, бронзовые пластины с зубчатым краем, амфора, фрагменты меча, нож, втулка копья (Евдокимов и др. 1988: 50).

В коллекции ИА НАНУ сохранился 31 бронзовый наконечник:

—Трехлопастные, с башневидной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота 2,0—2,5 см. Вес 1,83—2,34 г (рис. 19: 1—13, 17, 18);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, ложком до острия, ровно обрезанным основанием. Высота 3,2 см. Вес 3,07 г (рис. 20: 12);

—Трехлопастные, башневидные, с ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, продлены к ее основанию или заострены в виде шипа. Высота от 2,3 до 2,8 см. Вес 1,96—3,3 г (рис. 20: 2, 6—9, 11);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке или оформлены в виде шипов. Высота 2,5—3,2 см. Вес 2,5—2,9 г (рис. 19: 14—16, 19, 20: 1, 3—5, 11);

—Трехгранные, с выпуклыми гранями, дуговидной или треугольной выемкой в основании граней, скрытой втулкой. Высота 2,3 см. Вес 2,25—2,45 г (рис. 20: 13—14).

10. Привольное, курган 5, погребение 1. Основное, в яме с подбоем. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине головой на ЗСЗ. При нем напутственная пища с ножом, копье и подток, бронзовая ворварка, меч, камень-точило, вток дротика и 66 бронзовых наконечников стрел (Кубышев и др. 1975: 12—14).

В коллекции сохранилось 13 бронзовых наконечников:

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота 2,2—2,5 см. Вес до 1,75 г (рис. 21: 4, 7, 8, 10);

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, с ровно обрезанным основанием. Высота 2—2,3 см. Вес 1,5—2,07 г (рис. 21: 1—2);

—Трехлопастный, башневидный, с ложком до острия и ровно обрезанным основанием. Высота 3 см. Вес 2 г (рис. 21: 3);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке. Высота 2,6—2,8. Вес до 2 г (рис. 21: 6, 9, 11, 12).

11. Мирное, курган 2, погребение 3. Впускное, в прямоугольной яме. Ограблено. Сохранились нож и меч с антенным навершием, бронзовые пластины от панциря, зеркало, наконечники стрел (Евдокимов, Данилко 1992).

В коллекции ИА НАНУ хранится 15 бронзовых наконечников:

—Трехлопастные, с башневидными, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, выступающей втулкой. Высота 3,0—3,6 см. Вес 1,76—2,5 (рис. 22: 1—6);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой и остриями лопастей, слегка свисающими ниже обреза втулки. Высота 3,0—3,5 см. Вес 1,46—1,62 (рис. 22: 11—13);

—Трехлопастные, с башневидной и треугольной головкой, ложком до острия и с выступающей втулкой. Края лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, продлены к ее основанию или заострены в виде шипа. Высота до 3 см. Вес 1,1—1,82 г (рис. 22: 7—10);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой. Острия лопастей свисают ниже обреза втулки. Высота 2 см. Вес 1,17 г (рис. 22: 14).

12. Широкое III, курган 13, погребение 4. Впускное погребение в курган эпохи бронзы. Контуры могильной ямы в насыпи не прослеживались. Скелет мужчины лежал вытянуто на спине головой на З—ЮЗ. При нем напутственная пища, мечи 9 наконечников стрел (Черненко, Симоненко 1977: 22).

В коллекции ИА НАНУ сохранилось 6 наконечников:

—Трехлопастный, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, ровно обрезанным основанием. Высота 2,4 см. Вес 1,23 г (рис. 23: 4);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, едва выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, продлены к ее основанию или заострены в виде шипа. Высота от 2,7—2,9 см. Вес до 2,45 г (рис. 23: 1—3, 5);

—Трехлопастный, с башневидной головкой, ложком до острия, длинной выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым и тупым углом к втулке. Высота 3 см. Вес 1,84 г (рис. 23: 6).

13. Голововка, курган 26. Основное, в яме с подбоем. Ограблено. Сохранились остатки скелета, ориентированного на З. При нем напутственная пища, фрагменты чешуйчатого покрытия пояса и панциря, бусины, топор, стержень, бронзовые ворворки и 61 наконечник стрелы. Во рву кургана найдены фрагменты двух амфор и каменное блюдо (Полин, Тупчиенко, Николова 1994: 15—17, рис. 23—24).

В коллекции Кировоградского Краеведческого музея хранится 55 бронзовых наконечников пригодных для обработки.

—Трехлопастные, с башневидной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота 3,0—3,5 см. Вес 2 г (рис. 24: 1—17, 26: 2—4). У некоторых наконечников в верхней части втулки процарапаны метки в виде косой линии или «галочки» (рис. 24: 6, 9, 11, 17, 26: 2, 3). Наконечники отлиты в 2 или даже 3 различных формах:

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, ровно обрезанным основанием. Высота 2,5—3,3 см. Вес до 2 г (рис. 24: 18—19);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой и острыми окончаниями лопастей, слегка свисающими ниже обреза втулки. Высота 2,7—3,0 см. Вес до 2 г (рис. 25: 11, 12, 26: 15);

Трехлопастные, с башневидной головкой, ложком до острия, едва выступающей втулкой. Высота 3,5 см. Вес до 2 г (рис. 26: 14, 16);

—Трехлопастные, 2 — с широкой треугольной головкой, 1 — с узкой, с ложком до острия и ровно обрезанным основанием. Высота до 3,3 см. Вес до 2,4 г (рис. 26: 17, 18, 22);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены в виде шипа. Высота от 2,4 до 3,4 см. Вес около 2 г (рис. 25: 1—10, 13—15, 26: 1, 5—12).

14. Молдовка, курган 5, погребение 2. Впускное погребение в курган эпохи бронзы, в яме. Оно ограблено. Сохранился скелет мужчины (?), лежавший вытянуто на спине головой на З. При нем напутственная пища, изделия из железа, нож, подтоки, серебряная бляшка, фрагменты серебряной фольги, длинные конические ворворки и наконечники стрел (Махортых, Тупчиенко 1998: 491—495, мал. 4)⁸.

В коллекции Кировоградского Краеведческого музея хранится 24 бронзовых наконечника:

⁸ Наконечники обработаны мною в фондах Кировоградского исторического музея. Искренне признательна Н. Тупчиенко, обратившего мое внимание на колчаные наборы молдавских курганов, а также зав. фондами музея П. Рыбалко за содействие в обработке материала.

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, выступающей втулкой. Высота 3,3—3,5 см. Вес 2,0—2,6 г (рис. 27: 1—9);

—Трехлопастный, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой. Высота 3,0 см. Вес 1,86 г (рис. 27: 24);

—Трехлопастные, с башневидной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде шипов. Высота 3,0 см. Вес 1,42—2,0 г (рис. 27: 10—23).

15. Молдовка, курган 6, погребение 1. Основное, в яме. Ограблено. Сохранились напутственная пища, бусины, стенки амфоры и лепного сосуда, астрагалы и кости бабок овцы, меч с антенным навершием, зеркало и 72 бронзовых наконечника стрел (Махортых, Тупчиенко 1998: 495—496, мал. 5).

В коллекции Кировоградского Краеведческого музея хранится 55 наконечников из этого погребения:

—Трехлопастные, башневидные, трех разновидностей, с П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота 2,5—3,5 см. Вес 1,6—3,0 г (рис. 28: 1—13, 15);

—Трехлопастный, с треугольной головкой, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, с ровно обрезанным основанием (рис. 28: 14);

—Трехлопастные, с башневидной (рис. 30: 13—18) и с треугольной (рис. 30: 19—20) головкой, ложком до острия, скрытой втулкой и ровно обрезанным основанием. Высота 3,0—3,3 см. Вес 1,3—2,0 г;

—Трехлопастные, башневидные, с ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, продлены к ее основанию или заострены в виде шипа. Высота 3—4 см. Вес 1,4—2,2 г (рис. 29: 1—20, 30: 3—12);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей заострены в виде шипов. Высота 3,5 см. Вес 1,72—1,86 г (рис. 30: 1—2).

Характеристика рассмотренных наборов наконечников и систематизация материала.

В табл. № 1 показаны основные типы наконечников из описанных выше колчанных наборов. Также даны метрические и весовые данные для всех типов и их вариантов.

Наконечники объединены в типы, характеризующиеся общими признаками. В понятие тип вложено сочетание функции, морфологии, размера и веса. В морфологии могут быть нюансы, связанные с длиной втулки или ложков, оформлением окончаний лопастей. Внутри типов выделяются серии, представленные наконечниками, отлитыми в одной форме или же в другой форме по общему прототипу. Они изготовлены в одной мастерской или же в разных, но работающих по одному стандарту, соответственно, в одно время. Широкий территориальный разброс наконечников, вышедших из одной мастерской, исключает вариант изготовления наконечников самими лучниками (каждый для себя). Лучники, использовавшие одинаковые наконечники, приобретали их у одного мастера или в одной мастерской. Это особенно наглядно проявляется в особенностях литья некоторых однотипных наконечников, для которых чувствуется «почерк мастера», что позволяет предположить, что они были изготовлены одним мастером (Кобзарцы, Каменная Балка, Шахта 22, Калининское, Голововка, Молдовка курган 5, погребение 2 и курган 6, погребение 1). Это же является аргументом в пользу существования массового серийного производства. Из этого также следует, что все погребенные воины, использовавшие одинаковые наконечники, были современниками, и то, что время между изготовлением наконечников и их отложением в могилу было незначительным.

В табл. № 2 сопоставлены колчаные наборы по идентичности выделенных типов наконечников стрел из следующих погребений: Шахта 22, Изобильное, Новорозановка, Кобзарцы, Новопавловка, Каменная Балка, Лиманцы, Калининское, Привольное, Мирное, Садово, Головковка, Молдовка курган 5, погребение 2, Молодовка, курган 6, погребение 1.

Колчаные наборы этой хронологической группы с преобладанием башневидных наконечников присутствуют и в ряде других погребений этого времени (карта 1).

В Северном Причерноморье. Дедова могила, курган 6, погребение 1⁹ (рис. 37: 1—3), 1-я Завадская Могила (Мозолевский 1980: рис. 43: 1—4) (рис. 37: 8—11); Изобильное, курган 14, погребение 1 (рис. 37: 4—7); курган 23 группы Чертомлык-II (Мурзин и др. 1983: табл. 13); Никопольское курганное поле, курган 1, погребение 1 (Мелюкова 1964: табл. 8: О); Любимовка, курган 1, погребение 1 (Волкобой и др. 1981: рис. 8: 8); Дмухайловка, курган 7, погребение 1, курган 8, погребение 1 (Шалобудов, Андросов, Мухопад 1983: рис. 1: 1—2, 3—6); Пролетарское-XXX, курган 13, погребение 1 (Мухопад 1981: рис. 1: 4, 5); Кисличевата, курган 45, погребение 1 (Ковалева 1987); Золотая Балка, курган 10 (Полин 2014: рис. 20: 1—2); Ковалевка-II, курган 2, погребение 3 (Ковпаненко, Бунятян 1978: рис. 1: 18—23); Жданов, курган 6 (Черненко 1970: 176—181); Константиновка, курган 2 (Фоменко 1988); Садово, группа 2, курган 2, погребение 9 (Евдокимов 1982: 30—31) (рис. 37: 17—18); Христофоровка, курган 2, погребение 1, Кривой Рог, Близнецы, курган 4, погребение 2, Родионовка, курган 8, курган 9, погребение 1, Недайвода, курган 5, погребение 1, курган 8, курган 9 (Мельник, Стеблина 2012: рис. 53, 55: 3—8, 117, 118, 193, 194), курган 24 у с. Ольшанка (Бокий 1970: табл. 1: 5—6; 1972: 133, рис. 2); курган 32 у с. Ольшанка (Могилов, Бокий 2016: рис. 6: 7—28); Молодовка, курган 4, погребение 1 (Махортых, Тупчиенко 1995: 487—492) (рис. 37: 23—24); Малокатериновка, курган 8, погребение (Плешивенко 1996: табл. XIX: 24); Староселье, курган 2, погребение 1¹⁰ (Шилов 1991: 11—15); Каменная Балка, курган 5, погребение 1 (рис. 37: 15—16)¹¹; Нововасильевка, курган 9, погребение 1¹² (рис. 37: 19—23); Каланчак, курган 1, погребение 1 (Симоненко, Ольговский 1981) (рис. 37: 12—14); Виноградное, курган 22, погребение 2¹³ (Отрощенко 1984: 43—46; Фиалко 2012: 218, 221—225) (рис. 58); Помазаны,

⁹ Основное, в яме с подбоем, ограблено. Сохранились фрагменты лепного сосуда, наконечники стрел, обломки панциря, втулка наконечника копья (Мозолевский и др. 1980: 44—45). В коллекции ИА НАНУ хранится четыре бронзовых трехлопастных наконечника стрел (два целых, два в обломках).

¹⁰ Ограблено. Сохранились фрагменты железных панциря, щита, пояса и меча, бронзовые ворварки, наконечники стрел, сердоликовая бусина, обтянутая полосками золотой фольги, обрывки золотой фольги. В культовой яме найдены кости коня, железные удила, бронзовые псалий, ворварки, налобник и накладки в виде кистей рук (Шилов 1991: 11—15).

¹¹ Основное, в яме, ограблено. Сохранились кости животных, железные панцирные пластинки, бронзовая ворварка, комочки краски, бронзовые наконечники стрел, обломок ножа (Шапошникова 1976: 89—91). В коллекции ИА НАНУ хранится один трехлопастный башневидный наконечник (рис. 37: 15—16).

¹² Основное, в овальной яме с нишами. Ограблено. Сохранились напутственная пища, амфоры, лепной светильник, чернолаковые килик и скифос, железные и бронзовые пластины панциря, бронзовые ворварки, пять наконечников стрел, каменное блюдо, костяная пуговица, копья и дротики, гемма в золотой оправе, каменное изваяние, изображающее скифского воина (Шапошникова 1975: 38—39; Гребенников, Ребедайло 1991: 117—122). В коллекции ИА НАНУ сохранилось 4 трехлопастных наконечника (рис. 3: 19—22).

¹³ Основное, в яме с подбоем. Скелет погребенной лежал вытянуто на спине головой на ЗСЗ. При нем найдены золотые бусины, стеклянный бисер и подвеска от ожерелья, браслет из стеклянных бусин, серебряные и бронзовые кольца, бронзовое пряслице, согнутый железный меч, железный наконечник копья, напутственная пища и наконечники стрел. С погребением связана тризна, состоявшая из каменного блюда, сероглиняного сосуда и придонной части амфоры (Отрощенко 1984: 43). Погребение опубликовано Е.Е. Фиалко, наконечники из него датированы V—III вв. д. н.э. Согласно публикации в состав тризны, связанной с этим комплексом входят фрагменты еще двух амфор (фрагменты донной части и венчика, относящиеся к хийской конической амфоре с колпачковой ножкой и фассоской амфоры), по которым комплекс был продатирован второй-третьей четвертью IV в. до н.э. (Фиалко 2012: 228). Однако, приведенные в публикации фрагменты амфор никакого отношения к этому погребению не имеют. В полевом отчете речь идет об одном фрагменте придонной части

курган 2, погребение 3 (Тощев, Редина 1991: 101, рис. 4: 8—18); Кугурлуй, курган 1, погребение 2 (Гудкова, Синичук 1984: рис. 59: 4—5), Чобручи, курган 1 (Агульников, Субботин 1997: рис. 2: 3—8), Арциз, погребение 1 (Алексеева, Охотников, Редина 1997: рис. 4: 1—19), погребение 5/1946 г. Ольвийского некрополя (Капошина 1950: 205—207, рис. 5; Полин 1987: рис. 12: 1—12), Стыла (Привалова 1993: рис. 82, 83: 49—64), Шевченко, группа 1, курган 3, погребение 1 и группа 2, курган 1 (Зарайская, Привалов 1992: рис. 2: 6—11, 6: 10—20)¹⁴.

В Крыму. Рылеевка курган 3, погребение 2; Григорьевка, курган 5, погребение 2; Дальнее курган 1, погребение 3; Суворовское курган 19, погребение 9; Братское курган 8, погребение 1 (Колтухов 2012: рис. 20: 5, 59: 9, 72: 4, 77: 2, 85: 2); Кара-Меркит (Сенаторов, Колтухов 2018: рис. 5—14); Нимфей курган 24/1876 (Силантьева 1959: рис. 25: 2).

В Украинской Лесостепи. Перещепино-I, курган 3/2002, курган 15 и курган 21 (Кулатова, Супруненко 2010: 115—135; Мурзин и др. 1999: рис. 10: 2; 2002: 58, 60, рис. 46: 1, 14, 49: 9, 50); Протопоповка курган 1/1973 г. и курган 5 (Бабенко 2014: рис. 1: 1—10, 2); Медвин-I, курган 1 (Ковпаненко 1977: рис. 2); Беркозовка, курган 377 (Галанина 1977: 19, таб. 5: 12—27); Панское (Григорьев, Шемшур, Демартин 1990: 24—25, рис. 43).

Горизонт башневидных наконечников есть на восточной окраине Скифии на Дону в Елизаветовском могильнике. Мне известно, по крайней мере, одно такое погребение 2 в кургане 30 в прямоугольной яме. Скелет лежал вытянуто головой на 3. При нем наконечник копья и вток, меч, железные и бронзовые наконечники стрел, бронзовые браслеты и кольца, бусы, зеркало, ворварки, пряслице, лепная миска, напутственная пища с ножом, хиосская пухлогорлая амфора (Брашинский 1973: 60, рис. 22). Наконечники из этого кургана представлены все теми же основными типами: трехлопастные башневидные, с П-образным ложком на $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$ высоты головки, выступающей втулкой. Высота 2,5—3,5 см. И такие же, но с ложком до острия, с выступающей и скрытой втулкой (Брашинский 1973: рис. 22: 7; Полин 1987: рис. 4: 22—26).

Я не владею в полной мере информацией, распространяется ли этот горизонт далее на востоке, например, в Поволжье. Есть пересечение по отдельным типам, например в Аксеновском могильнике (Шилов, Очир-Горяева 1997). Башневидные наконечники из погребения 1, курган 3 и погребение 1, курган 6 Аксеновского могильника¹⁵ (рис. 56: 1—2, 57: 1—4), безусловно, одного типа с «башневидными» северопричерноморскими, но принадлежат к другим сериям, не имеющих прямых соответствий в колчанных наборах Северного Причерноморья.

Комплексы, замыкающие башневидный горизонт в Северном Причерноморье. Три комплекса, из числа непосредственно обработанных мною, как мне представляется, тяготеют еще к «башневидному» горизонту, замыкая его.

Круглая могила, курган 7, погребение 2. Впускное в курган эпохи бронзы, в подбое. Скелет вытянут на спине головой на СЗ. При нем напутственная пища, наконечник копья,

амфоры, этот же фрагмент хранится в фондах ИА НАНУ и значится в акте передачи материалов. Также, найденная в погребении бронзовая ворворка больших размеров с плавно расширяющимся одним концом длиной 2,7 см, диаметром 1,5 и 2,8 см (Отрошенко 1984: 47) типичная для погребений башневидного горизонта, в публикации трансформировалась в бронзовое пряслице (Фиалко 2012: 221, 225).

¹⁴ Следует признать, что комплексы из Стылы и Шевченко, группа 1, курган 3, погребение 1 и группа 2, курган 1 вполне вероятно относятся к следующему «крестовидному» горизонту, но чтобы утверждать это наверняка необходимо непосредственное изучение источника.

¹⁵ Искренне признательна заведующему отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А. Алексееву и заведующей сектором отдела Е. Корольковой за содействие в изучении колчанных наборов Аксеновского могильника. На рисунках приведены только бронзовые наконечники стрел.

каменная плита, кусок румян, ожерелье из золотых и пастовых бус, какой-то предмет из коры, раскрашенный краской, скифос и бронзовые наконечники стрел (Мозолевский и др. 1983: 19—20; Bunjatjan, Kaiser, Nikolova 2006: 77—88, Abb. 13).

В коллекции ИА НАНУ хранится 25 бронзовых трехлопастных наконечников стрел следующих типов:

—Трехлопастный, башневидный, с выступающей втулкой, П-образным ложком в $\frac{2}{3}$ высоты головки. Высота 3,3 см. Вес 2,46 г (рис. 31: 12);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{1}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой и остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки. Высота до 3 см. Вес 1,76—2,0 г (рис. 31: 13—15);

—Трехлопастные, с башневидной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке или заострены в виде шипа. Высота 3,0—3,5 см. Вес 2,2—3,0 г (рис. 31: 1—5);

—Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Высота до 3,3 см. Вес 1,7—2,4 г (рис. 31: 6, 8, 9, 10, 11).

Вольно-Улановка, курган 4, погребение 1. Основное, в катакомбе. Ограблено. Найдены остатки напутственной пищи, костяная пронизь, обломки железа, бронзовые наконечники стрел (Телегин 1977: 90).

В коллекции ИА НАНУ хранится 12 бронзовых наконечников, следующих типов:

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Высота до 3,2 см. Вес 2,0—2,61 г (рис. 32: 10—12);

—Трехлопастный, башневидный, с ложком до острия и выступающей втулкой. Концы лопастей заострены в виде шипа. Высота 3,2 см. Вес 2,52 г (рис. 32: 5);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Высота до 3 см. Вес 1,7—3,0 г (рис. 32: 1—4, 6—9).

Омельник, курган 2¹⁶. Совершенно в яме. Ограблено. Сохранились обломки копий, панциря, железные и бронзовые ворварки, золотые обкладки деревянных сосудов, спиральные золотые нити и бронзовые наконечники стрел. Погребение сопровождала конская могила. При коне найдены железные удила с бронзовыми псалиями, бронзовые нахрапник, налобник, когтевидные привески и «замочки», ворварки (Бокий 1968: 13—14, табл. VI—VIII; 1971: 158—159, рис. 1: 1—5, 8). Идентичные налобники найдены в курган 3 возле Стеблева (Скорый 1997: рис. 21: 1).

Наконечники представлены следующими типами:

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой (рис. 33: 1—20, 34: 1—20, 35: 18—21, 36: 1—12) и такие же, но с одним концом лопасти, опущенным ниже обреза втулки в виде длинного заостренного шипа (рис. 35: 14—16). Высота до 3,2 см. Вес 2,2—2,8 г.;

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой. Концы лопастей свисают ниже уровня втулки. У всех наконечников в одном из ложков имеется характерная деталь в виде рельефно выделенного подтреугольника в нижней части, по видимому, дефект литейной формы. Высота 3 см. Вес 2,0—2,2 г (рис. 35: 1—12);

—Трехлопастный, с фигурной башневидной головкой, ложком до острия и короткой выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Высота 3 см. Вес 1,45 г (рис. 35: 13);

¹⁶ Наконечники обработаны в фондах Кировоградского исторического музея. Искренне признательна заведующему фондами музея П. Рыбалко за содействие в обработке материала.

—Трехгранный, с ромбической сточенной головкой и слегка выступающей втулкой. Высота 2,6 см. Вес 1,5 г (рис. 35: 17).

Основанием для отнесения этих погребений к финалу башневидного горизонта является морфология некоторых форм (серии 1/1 и 3) в курган 7, погребение 2 Круглой могилы и общее доминирование уже трехлопастных (серии 6) в Вольно-Улановке. А основные типы наконечников, представленные в кургане у с. Омельник, — массивные трехлопастные базисные, — находят отдельные соответствия уже в колчанных наборах следующего горизонта (см. ниже), но при этом не идентичны им.

В целом башневидный горизонт наконечников стрел Северного Причерноморья так же монолитен, как предыдущий базисный и характеризуется вполне стойким сочетанием определенных типов наконечников. Морфология базисных форм, продолжающих существовать и в башневидном горизонте, изменяется. Полностью меняется их архитектура — на смену миниатюрному треугольному наконечнику приходят удлиненные узкие наконечники. Также наконечники становятся массивнее и чуть тяжелее (на 0,5—1,0 г). На «башневидных» наконечниках, как и ранее на «базисных», встречаются процарапанные метки — косые линии (одинарные, парные, тройные) и галочки. Литых меток еще нет¹⁷.

В башневидном горизонте также встречаются большие колчанные наборы, вмещавшие до 200 и более стрел.

Диагностические вещи башневидного горизонта — массивные удлиненные бронзовые ворварки в форме раструба, мечи с антенным навершием (продолжают использоваться, но появляются еще в базисном). Представительная группа воинов, погребенных в полном защитном снаряжении. С финалом этого горизонта связано появление уздечных блях в виде кисти руки (Староселье, курган 2, Стыла). Также, финал этого горизонта маркирует появление сопровождающих погребений коней в отдельных ямах (1-я Завадская могила, Омельник, курган 2, Шевченко, группа 2, курган 1, Червоный Яр-II, курган 1 и др. — Мозолевский 1980: 89—96; Бокий 1968: 158; Зарайская, Привалов 1992: 130, рис. 4; Гудкова 1982: 186—189, рис. 4).

Башневидный горизонт, как и предыдущий — подбойный¹⁸. Время катакомб еще не пришло. Единственный эпизод, — Вольно-Улановка, — относится уже к его финалу. В Лесостепи, как и ранее, погребения совершаются в ямах, в том числе и с деревянными конструкциями.

Хронология горизонта погребений с башневидными наконечниками стрел. Абсолютная хронология этого горизонта определяется находками античной тарной и столовой посуды, найденной в некоторых из рассмотренных погребений, в пределах первой-третьей четверти V в. до н.э. Такой широкий диапазон датировок дают различные амфорные серии.

Дата первая — вторая четверть V в. до н.э.

Шахта 22, курган 12, погребение 2. Нижняя или начальная дата этого горизонта очерчивается стратиграфической позицией впускного погребения 2, курган 12 Шахты 22. Возле основной могилы 1 (совершенной в квадратной яме и полностью ограбленной) стояли,

¹⁷ Ни в одном колчанном наборе из числа осмотренных мною, не выявлены литые метки. Среди опубликованных материалов наконечники с литыми метками представлены в колчанном наборе из кургана Кара-Меркит (Сенаторов, Колтухов 2018: рис. 10: 7). Возможно, что они попали туда случайно, в результате механического смешения материала. Наконечники с аналогичными литыми метками в виде «треугольного зигзага» имеются в 8-м Пятибратнем кургане второй—третьей четверти IV в. до н.э. (по личным наблюдениям).

¹⁸ Наряду с подбойными захоронениями встречаются и погребения в простых ямах или в ямах дополненных подбоями, с деревянными конструкциями (Завадские могилы, Каменная Балка, Нововасильевка).

вкопанные в погребенный чернозем, две хиосские пухлогорлые амфоры развитого варианта III-B490-450 гг. до н.э. по С.Ю. Монахову (Полин 2014: 216).

Головковка, курган 27. Дату дает хиосская пухлогорлая амфора развитого варианта III-B490-450 гг. до н.э. по С.Ю. Монахову (Полин, Тупчиенко, Николова 1994: 16, рис. 23: 2—5; Монахов 2003: 17—18, табл. 5: 1—4).

Кобзарцы, курган 6. Дату погребения определяют фрагменты чернолакового килика 470—480 гг. до н.э. (Шапошникова 1976: 171).

Каменная Балка, курган 6, погребение 1. Датировка погребения второй четвертью V до н.э. определяется датой впускного погребения 2, в котором были обнаружены обломки чернолакового килика на кольцевом поддоне второй — начала третьей четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 204, рис. 123). При этом наконечники из погребения 1 отлиты в одной форме с наконечниками из курган 6 у с. Кобзарцы.

В кургане 9 у с. Нововасильевка найдены две амфоры круга Фасоса, одна — серии «с раздутым горлом» и вторая — серии «с цилиндрическим горлом», обе второй — третьей четверти V в. до н.э. по С.Ю. Монахову, в сопровождении чернолаковых килика и скифоса конца первой — второй четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 202, рис. 120).

Перещепино-I, курган 3. Ко второй четверти V в. до н.э. относится найденная здесь амфора круга Фасоса (Кулатова, Супруненко 2010: 125, рис. 140).

В кургане 15 Перещепинского могильника обнаружена фасосская пифоидная амфора знаменской серии типа I-A-3 второй четверти V в. до н.э. по С.Ю. Монахову (Мурзин и др. 1999: 11, рис. 11; Монахов 2003: 62; Полин 2014: 213).

В кургане 1/1973 г. Протопоповского могильника найдена хиосская пухлогорлая амфора типа III-B 480—470 гг. до н.э. по С.Ю. Монахову (Бабенко 2014: 12; Монахов 2003: 17—18).

В кургане 1 у с. Чобручи найдена хиосская пухлогорлая амфора с перехватом на горле варианта II-C-1 середины V в. до н.э. по С.Ю. Монахову (Агульников, Субботин 1997: рис. 2: 10; Полин 2014: 237)

Елизаветовская, курган 30/1967 г., погребение 2. В погребении найдена хиосская пухлогорлая амфора развитого варианта III-B 490—450 гг. до н.э. (Монахов 2003: 17—18, табл. 5: 2; Полин 2014: 208).

Ольвийский некрополь, курган 5/1946 г. В погребении найдена хиосская амфора, чернолаковый килик, чернолаковая солонка, сероглиняный кувшинчик с шаровидным туловом (Капошина 1950: 205-208). Амфора хиосская пухлогорлая развитого варианта III-B датируется 490—450 гг. до н.э. (Монахов 2003: 17—18, табл. 5: 2), килик тип Афинской Агоры № 469 — около 480—470 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970a: No. 469).

Молдовка, курган 4, погребение 1. В погребении найдена чернолаковая солонка (рис. 37: 25) по материалам Афинской Агоры датируемая 475—450 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970b: No. 849, fig. 9) (рис. 37: 25—26).

Шевченко, группа 2, курган 1. В погребении найдены отбитые ножки хиосской пухлогорлой амфоры не позднее начала последней четверти V в. до н.э. и амфоры на сложнопрофилированной ножке третьей—пятой серий по С.Ю. Монахову конца VI — первой половины V вв. до н.э. Обе находки синхронизируются около середины V в. до н.э. (Полин 2014: 236).

Дата третья четверть V в. до н.э.

Садово, курган 4, погребение 1. Здесь найдена амфора Менды III типа (конического) по С.Ю. Монахову, а в тризне обломки амфор третьей четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 224, рис. 146).

Изобильное, курган 14, погребение 1. Здесь найдена пифоидная амфора неизвестного центра, а в тризне фрагменты трех амфор — хиосской пухлогорлой варианта III-B или позднепухлогорлой варианта III-C, круга Фасоса с раздутым цилиндрическим горлом и Фасоса неустановленного центра по С.Ю. Монахову, датирующихся в целом третьей четвертью V в. до н.э. (Полин 2014: 221, рис. 138).

Круглая могила, курган 7, погребение 2. Здесь найден краснофигурный аттический скифос с двумя ручками — вертикальной и горизонтальной. По характерному расположению ручек в разных плоскостях и форме скифос относится к типу «В» и в сочетании с росписью датируется второй — третьей четвертью V в. до н.э. (Полин 2014: 221: рис. 139).

1-я Завадская Могила по набору поздних пухлогорлых хиосских амфор датируется серединой — третьей четвертью V в. до н.э. (Монахов 2003: 18—19, табл. 7; Полин 2014: 197).

Калининское, курган 1, погребение 2. В тризне найдены амфоры неустановленного типа, а в первичном погребении 1 — дно чернолакового килика на кольцевом поддоне с низкой неглубокой чашей типа «bolsal» не позднее последней четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 224, рис. 145).

Константиновка, курган 2. В тризне найдены обломки не менее двух хиосских пухлогорлых амфор и венчик третьей амфоры другого неустановленного центра. Хиосские амфоры относятся к вариантам III-B или III-C 490—420 гг. до н.э. по С.Ю. Монахову (Полин 2014: 229, рис. 156).

К комплексам этого горизонта, безусловно, относятся и погребение 1, курган 13 у Великой Знаменки, где найдено 17 амфор середины V в. до н.э. (Полин 2014: 195). Но здесь, к сожалению, не было наконечников стрел. В то же время, например, с погребением 2 у с. Омельник этот комплекс вполне сопоставим по находкам золотых обивок на сосуды, украшенных в зооморфном стиле, и золотым нитям. И с курганом 1 группы Червоный Яр-2, где найден чернофигурный лекиф второй четверти V в. до н.э. (Гудкова 1982: 188; Полин 2014: 204). Также к этому времени относится и ограбленное погребение в кургане 23 группы Чертомлык-II, во рву которого найдена хиосская амфора конца третьей четверти V в. до н.э. и металлические детали уздечки (Мурзин и др. 1983: 10, табл. 13; Полин 2014: 223).

В целом античная керамика из привлеченных комплексов дает следующую датировку башневидного горизонта: первая — вторая четверть V в. до н.э., середина V в. до н.э., отчасти третья четверть V в. до н.э. При этом в рамках первой четверти V в. до н.э. есть хронологическое наложение датировок амфорных серий на предшествующий базисный горизонт. Но пока ни одного датированного комплекса, где бы сочетались группы наконечников базисного и башневидного горизонта не имеется. Равно, как и типов амфор и чернолаковой и краснофигурной керамики из башневидного горизонта нет в контекстах с наконечниками базисного горизонта. А это значит, что имеется возможность корректировки датировки и античного материала. В колчанных наборах башневидной серии встречаются только отдельные «базисные» наконечники предшествующего горизонта.

Следующий горизонт — горизонт литых крестовидных меток следует за «башневидным», определяющими для которого станут трехлопастные наконечники стрел, как с нормальной, так и с широкой треугольной головкой, с ложком до острия или большим П-образным ложком и выступающей втулкой. Различие в том, что в башневидном горизонте концы лопастей у всех разновидностей наконечников чаще прижаты, тогда как в горизонте литых крестовидных меток они разведены более широко, что собственно и формирует более широкий треугольный абрис головки наконечника. Так же развиваются трехлопастные наконечники с ложком до острия со скрытой втулкой, у которых окончания лопастей

свисают в виде шипов. Второй явной инновацией этого горизонта и характерным его маркером является появление и весьма широкое использование литых меток. Наиболее популярной меткой является косой крест различных видов или то, что обычно рассматривают ошибочно в виде креста (две разнонаправленных дуги с разных сторон втулки). Им маркированы разные типы наконечников. Второй весьма характерной меткой этого горизонта является метка в виде «елочки». Напомню, что в «башневидном» горизонте, равно, как и в «базисном», литых меток нет абсолютно. Встречаются только прочерченные.

Важно также и то, что на этом этапе (условно будем говорить о середине — второй половине V в. до н.э.) в Степи появляются погребения в катакомбах. В Лесостепи погребения, как и ранее, совершаются в ямах, в том числе и с деревянными конструкциями.

В рамках одного горизонта второй половины — конца V в. до н.э., объединенных трехлопастными наконечниками с крестовидными литыми метками, выделяются отдельные серии колчанов с преобладанием в них сочетаний нескольких определенных типов наконечников, или же объединенных каким-то одним типом наконечника, часто с меткой. Работа с этим массивом еще не завершена. И сейчас еще сложно сказать находятся ли какие-то из этих групп в жесткой последовательности, поскольку речь идет о сравнительно небольшом временном промежутке до 50 лет, в рамках которого они будут археологизироваться различно (поскольку различно время смерти современников). Но при накоплении статистически большой выборки отслеживать внедрение новых серий наконечников в абсолютном времени станет вполне возможным.

Новый горизонт с крестовидными метками намного более многочисленный, чем «башневидный». Уже сейчас в моей базе данных более 100 комплексов. В настоящей работе целесообразно привести характеристики некоторых из них, чтобы показать существенное отличие этого горизонта от предыдущего. Характеристики двух комплексов, — курган 1, погребение 1 у с. Яснозорье, датирующийся около третьей четверти V в. до н.э. по пифоидной амфоре Менды серии I-A-3 по С.Ю. Монахову¹⁹ и курган 1, погребение 2 у с. Кожемяки, — были уже рассмотрены мною ранее (Дараган 2017: 91—94, рис. 25—31). В этой же работе рассмотрим выборочно еще несколько колчаных наборов (из кургана 12 у с. Стеблев, курган 1, погребение 4 у с. Ново-Днепровка, курган 2, погребение 4 у с. Высокое, курган 4, погребение 1 группы Дедовой могилы, курган у с. Крячковка), отражающих с одной стороны ассортимент наконечников нового горизонта, а с другой — противоречия в датировках античного материала, представленного в этих погребениях. Не менее важно и то, что наконечники стрел из этих комплексов (кроме, курган 4, погребение 1 группы Дедовой могилы) опубликованы, но в результате нового углубленного исследования этих колчаных наборов удалось получить принципиально новую информацию о составе наконечников в наборах, их морфологии и клеймении метками.

Рассмотрим колчаный набор **курган 12 у с. Стеблев**, где было найдено 250 бронзовых и 26 костяных наконечников (Скорый 1997: 87—88, рис. 43). Визуальное изучение набора позволило выявить новых деталей не отраженных в оригинальной публикации²⁰.

В колчане по моим наблюдениям содержатся следующие типы:

—Трехлопастные с узкой треугольной головкой, расширяющейся к окончанию втулки, П—образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и короткой выступающей втулкой. Концы

¹⁹ В Степи аналогичная амфора найдена в захоронении погребения 1, кургана 16 у с. Софиевка вместе с миниатюрным аттическим чернолаковым кувшинчиком второй половины V в. до н.э. (Полин 2014: 228).

²⁰ Материалы хранятся в Корсунь-Шевченковском историко-краеведческом музее. Искренне признательна зам. директору по научной работе Л. Овсиенко за содействие в обработке материалов. Значительная часть наконечников сильно изъедена окислами и по этой причине не приводятся в публикации.

лопастей оформлены в виде заостренных шипов. Высота до 3,5 см. Вес 1,4—2,5 г (рис. 38: 1—15, 17, 39: 1, 2);

—Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. Высота до 3,5 см. Вес до 3,6 г (рис. 38: 16, 18, 39: 3—8);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, более длинной выступающей втулкой и концами лопастей, оформленными в виде шипов. В одном ложке имеется литая метка в виде косого креста. Высота до 3,5 см. Вес 1,7—2,0 г (рис. 39: 9—14);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, едва выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде шипов. Высота 3,3 см. Вес 2 г (рис. 39: 15—16);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой. У одного наконечника одна из лопастей свисает в виде шипа ниже базы наконечника. Высота до 3,6 см. Вес 2,3—2,7 г (рис. 39: 17—20);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и скрытой втулкой. Концы лопастей свисают в виде различных по ширине и очертанию шипов, ниже обреза втулки. Высота до 3 см. Вес 2,0—2,4 см (рис. 42: 1—16);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и с скрытой втулкой. Концы лопастей свисают ниже обреза втулки, один из них имеет вид длинного и острого шипа. Высота (с шипом) до 3 см. Вес до 2 г (рис. 41: 8—18);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и слегка выступающей втулкой. Острия лопастей свисают ниже обреза втулки. Во всех трех ложках имеется литая крестовидная метка. Высота до 3 см. Вес 2,0—2,8 г (рис. 40: 1—16);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде шипов. В двух ложках имеется литая метка в виде косого креста. Высота до 3 см. Вес 1,4—2,8 г (рис. 41: 1—7);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой. Острия концов лопастей вровень с обрезом втулки, или свисают ниже нее. Высота до 3 см. Вес 1,7—1,9 г (рис. 42: 17, 43: 1—18, 13, 14);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, с ложком до острия, более длинной выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде шипов, заканчивающихся выше обреза втулки. Высота до 2,3 см. Вес 2,24 г (рис. 42: 18, 43: 15—18);

—Трехлопастный с узкой треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Заостренные концы лопастей заканчиваются на уровне обреза втулки и чуть выше. Во всех трех ложках имеется литая метка в виде трех параллельных горизонтальных линий. Высота 3, 5 см (рис. 42: 19).

Ново-Днепровка, курган 4, погребение 1 (Махортых, Гаврилюк, Рассемакин 1997: 82—83, рис. 2). Колчаный набор состоял из 103 наконечников, в том числе трех костяных, девяти деревянных и 91 бронзового²¹.

Визуальное изучение набора позволило выявить ряд новых деталей, не отраженных в оригинальной публикации. В колчане по моим наблюдениям содержатся следующие типы:

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. У некоторых

²¹ Материалы обработаны в Каменско-Днепровском районном историко-археологическом музее. Искренне признательна директору музея А. Чернявской за помощь в обработке материалов. Я также признательна Н. Гаврилюк за содействие в поиске материалов.

наконечников пространство между шипом и втулкой залито металлом, протекшим между створками формы. Высота 3,0—3,2 см. Вес 2,3—3,0 г (рис. 44: 1—14);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. Во всех трех ложках имеется литая метка в виде крестовидной метки. Высота до 3 см. Вес 2,5—3,2 г (рис. 45: 1—16);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и скрытой втулкой. Концы лопастей опущены чуть ниже обреза втулки, при этом один из них длиннее и свисает в виде шипа. У одного из наконечников на одной из лопастей процарапаны три параллельных линии. Высота до 2,6 см. Вес 2,1—2,8 г (рис. 46: 1—12);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия нескольких разновидностей и выступающей втулкой (рис. 47: 5—20, 48). Концы лопастей оформлены в виде заостренных шипов. Высота до 3 см. Вес 1,4—3,0 г. У некоторых из них есть литые метки. Это метка в виде «елочки» (рис. 48: 10—12), в виде косой черты (или возможно это слабо проявившаяся крестовидная метка) (рис. 48: 13—14), в виде идущих от концов лопастей косых сходящихся линий по направлению к втулке (рис. 48: 15);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, ложком до острия и скрытой втулкой. Концы лопастей свисают в виде широких, острых и разновеликих шипов ниже обреза втулки. Высота до 3 см. Вес 1,64—1,92 г (рис. 47: 1—4);

—Костяные пулевидные втульчатые наконечники с треугольными выступами — жальцами в основании. Длина до 4,5 см. Вес 1,17 г (рис. 48: 17).

Высокое, курган 2, погребение 4 (Гаврилюк, Болтрик 1995: 75—79: рис. 3)²².

Визуальное изучение набора позволило выявить множество новых деталей, не отраженных в оригинальной публикации. В колчане по моим наблюдениям содержатся следующие типы наконечников:

—Трехлопастные, с ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой, базисной серии. У одного наконечника лопасть опущена ниже обреза втулки в виде шипа. На одном наконечнике по краю лопасти прочерчены две параллельные косые метки. Высота 2,0—2,2 см. Вес 1,0—2,0 г (рис. 49: 1—3);

—Трехлопастный, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и свисающими ниже обреза втулки остриями лопастей или со слегка выступающей втулкой. По краю одной из лопастей прочерчены три параллельных риска. Высота 2,3 см. Вес 1,94 г (рис. 49: 4);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. У двух наконечников на двух гранях процарапаны метки в виде косых и параллельных линий. Высота 3,0—3,2 см. Вес 1,7—2,1 г (рис. 49: 5—20);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, округлым ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Во всех трех ложках имеется литая крестовидная метка. У одного из наконечников также в ложке прочерчены три косые параллельные линии. Высота 2,2—3,2 см. Вес 1,45—2,27 г (рис. 50: 1—19);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, округлым ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, с широким разлетом окончаний лопастей и выступающей втулкой. Высота 3 см. Вес 2,05 г (рис. 50: 20);

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, остриями лопастей в виде шипов, свисающих ниже обреза втулки и слегка

²² Материалы хранятся в научных фондах Института археологии НАНУ.

выступающей втулкой. В одном из ложек имеется литая крестовидная метка. В другом ложке прочерчены косые и параллельные линии. Высота 3,0—3,2 см. Вес 2,18—2,41 г (рис.50: 21, 22);

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и слегка выступающей втулкой. Во всех трех ложках имеется по две литых крестовидных метки. Высота 3,0—3,3 см. Вес 1,64—2,14 г (рис. 51: 1—4);

—Трехлопастный, с узкой сводчатой головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и слегка выступающей втулкой. Концы лопастей ровные. В верхней части ложек нанесена метка в виде 4—5 параллельных горизонтальных линий, разделенных ложком на две части. Высота 3,4 см. Вес 1,84 г (рис. 51: 15);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия (рис. 52: 1—24, 53: 1—12) как минимум четырех разновидностей, различающихся длиной втулки, «размахом» окончаний лопастей и их длиной относительно втулки, с выступающей втулкой. У некоторых наконечников в ложках прочерчены три косые параллельные линии (рис. 53: 4, 12). Еще ряд наконечников имели литые метки. Это разновидности меток в виде «елочки». При этом в лопасти одного из наконечников также были прочерчены четыре косые параллельные линии. У одного наконечника на одном ложке имеются литые метка в виде «елочки», а на другом — в виде двух полукружий (рис. 51: 5, 6, 7). Остальные имеют разные литые метки: в виде двух «галочек», направленных вершинами вверх (рис. 51: 8), в виде двух линий, соприкасающихся под углом у втулки (рис. 51: 12), крестовидные метки, расположенные во всех ложках, но у некоторых на разных уровнях (рис. 51: 10, 11, 13, 14), «елочка» в сочетании с двумя крестовидными (рис. 51: 9). Высота 2,5—3,2 см. Вес 1,3—2,0 г;

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия и скрытой втулкой (рис. 53: 13, 16). У двух наконечников острие одной лопасти свисает ниже обреза втулки в виде шипа (рис. 53: 14, 15), еще у двух — все лопасти свисают в виде шипов (рис. 53: 17, 18). Высота 2,4—3,7 см. Вес 1,0—2,28 г.

Дедова могила, курган 4, погребение 1. В погребении найдено 14 бронзовых наконечников²³ (Мозолевский 1980: 40—44):

—Трехлопастные, с треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой, Высота 3,0—3,3 см. Вес 1,37—2,0 г (рис. 54: 2—4);

—Трехлопастный, с узкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки, скрытой втулкой и концами лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов. Высота 3,7 см. Вес 1,36 г (рис. 54: 1);

—Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия и выступающей втулкой (рис. 54: 5). У одного имеется литая метка в виде «елочки» в ложке (рис. 54: 6). Высота 2,6—3,5 см. Вес 1,47—1,94 г;

Крячковка, курган. В погребении найдено 98 бронзовых наконечников²⁴ (Сидоренко 1964: 191—194). Изучение набора позволило охарактеризовать состав колчанного набора, что отсутствует в оригинальной публикации.

—Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия и скрытой втулкой. У одного наконечника острие одной лопасти свисает ниже обреза втулки в виде шипа (рис. 59: 2, 3). Высота 3,5 см. Вес 1,8—2 г.

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и выступающей втулкой. Концы лопастей оформлены в виде шипов (рис. 59: 7—20;

²³ Материалы находятся на хранении в научных фондах Института археологии НАНУ.

²⁴ Материалы обработаны в Полтавском краеведческом музее. Искренне признательна Л. Луговой за содействие в изучении материалов.

60: 1—6; 10—16). В ложках некоторых наконечников имеется литая метка в виде креста как минимум двух разновидностей Высота 2,8—3,5 см. Вес 1,67—2,5 г (рис. 60: 11—15).

—Трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки со скрытой втулкой. Концы лопастей свисают ниже обреза втулки, один из них имеет вид длинного и острого шипа. Высота (с шипом) до 3 см. Вес до 2 г (рис. 61—63).

—Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой и свисающими в виде шипов концами лопастей ниже обреза втулки. Высота до 2,5 см. Вес до 2,3 г (рис. 62: 28—29).

—Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, остриями лопастей свисающими в виде шипов вровень или ниже обреза втулки. Высота 2,5—3 см (рис. 59: 1; 61, 30; 62, 25).

—Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, в ложках литые метка в виде «елочки». Высота 3,2 см. Вес 2 г (рис. 60: 9).

—Трехлопастный, с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и слегка выступающей втулкой. В одном ложке нанесена метка в виде 4 параллельных горизонтальных линий-насечек, разделенных ложком на две части. Высота 3,3 см. Вес 3 г (рис. 60: 10).

Отдельные наконечники трехлопастные треугольный с ложком до острия и едва выступающей втулкой (рис. 59: 1), трехлопастный с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и скрытой втулкой (рис. 60: 17), башневидные (рис. 59: 4—6) и по одному наконечнику, имеющему соответствия еще в базисном горизонте (рис. 60: 19—24)

Часть наконечников из этого погребения аналогичны найденным в курганах 12 и 3 Стеблева и в Высоком, в том числе это и наконечники с литыми метками.

Датировка горизонта с крестовидными метками. В кургане 12 у Стеблева найдены две милетские амфоры III-го стеблевского типа 480—470 гг. до н.э. и фасосская амфора стеблевской серии I-A-2 первой четверти по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 37, 61). Чуть позже, около середины V в. до н.э. датируется курган 3 у Стеблева по трем амфорам производства Лесбоса варианта II-A 475—440 гг. до н.э. и Менды III типа по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 46, 94; Полин 2014: 195). При этом, как отмечает С.А. Скорый ряд наконечников из этого кургана идентичен наконечникам из кургана 12 (Скорый 1997: 57).

Среди наконечников из кургана 12 Стеблева нет таких, которые были бы полностью идентичны наконечникам из колчанов «башневидного» горизонта. Но некоторые из них, в целом, близки к сериям типа 1 «башневидного» горизонта, отличаясь большей шириной треугольной головки, большим размахом в абрисе лопастей, являясь новой их разновидностью. Исходя из датировки античной керамики, можно было бы предположить, что это некая параллельная линия в развитии колчанов. Но против этого выступает наличие наконечников с крестовидными метками. Совершенно идентичные, более того, той же серии наконечники, найдены в целом ряде других комплексов, датировка которых не ранее третьей четверти V в. до н.э. надежно обоснована античной керамикой. На этом фоне выглядит совершенно обособленной датировка амфор из кургана 12 Стеблева, предложенная С.Ю. Монаховым в пределах первой четверти V в. до н.э. (Монахов 2003: 37, 61, табл. 22: 1, 36: 4). В свое время С.В. Полин датировал эти амфоры на основе разработок И.Б. Зеест не позднее середины V в. до н.э. и в целом включал колчанный набор из этого кургана в группу середины — второй половины V в. до н.э. (Полін 1987: 31—36), что соответствует датировкам других подобных колчаных наборов.

Датировку погребения 1, кургана 4 в Ново-Днепровке определяет ножка гераклейской амфоры раннего типа²⁵ второй половины — конца V в. до н.э., найденная во рву кургана (Гаврилюк и др. 1993: 33). А погребение 1, кургана 4 Дедовой могилы по чернолаковой чашечке и стеклянной ойнохойе финикийского датируется не позднее третьей четверти V в. до н.э., что подтверждается и находками в тризне, связанной с первичным в кургане погребения 2 обломков 8 хиосских амфор и фрагмента чернолакового килика не позже второй — третьей четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 218—219). Что касается колчанного набора из Высокого, то помимо наконечников с крестовидными метками, имеющих соответствия в целом ряде комплексов, в этом представлены еще и наконечники, сочетающие метку в виде «елочки» и креста. Эта идея, равно как и два креста на одной лопасти представлена еще в колчанном наборе погребения 1, кургана 2 у с. Новофедоровка (рис. 55: 53—54), датирующегося по амфорам Менды конического III типа второй половиной V в. до н.э. (Полин 2014: 215—216). Стоит отметить, что ряд наконечников с крестовидными метками, а также весьма узнаваемая разновидность трехлопастных наконечников со скрытой втулкой с П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки и одной лопастью, свисающей ниже обреза втулки в виде шипа из погребения 1, кургана 4 у с. Ново-Днепровки, имеют соответствия в трех колчанах погребения 2, кургана 2 у с. Корнеевки (рис. 55: 1—52), которое датируется концом V в. до н.э. (Полин 2014: 200—201).

Несмотря на определенный разноречив в датах, все же очевидно, что где-то в середине V в. до н.э. происходит переход на другие серии наконечников. Но при этом, если переход между базисным и башневидным горизонтом весьма показателен в том плане, что с определенного этапа предпочитают наконечники иной морфологии, то переход с башневидного к следующему горизонту крестовидных меток, иного типа в том плане, что, как и ранее идет полное замещение всех наконечников предыдущей серии, но при этом их морфология в ряде случаев меняется, на первый взгляд, не существенно. Но она вполне узнаваема при непосредственном визуальном изучении наконечников. Принципиально новыми типами наконечников, характерным именно для «крестовидного» горизонта, являются трехлопастные, с широкой треугольной головкой, П-образным ложком на $\frac{2}{3}$ высоты головки со скрытой втулкой. Концы лопастей свисают ниже обреза втулки, один из них имеет вид длинного и острого шипа²⁶ (рис. 41: 8—14; 61: 1—29; 62: 1—24; 63). Принципиальной инновацией и маркером нового горизонта является клеймение наконечников литыми метками. Резные метки в рамках этого горизонта изредка встречаются, это всегда две или три параллельные риски на одной из лопастей или втулке наконечника.

Примечательно, что если наконечники базисного горизонта, равно как и их реплики помимо Северного Причерноморья найдены в Средиземноморье и Центральной Европе, то этого нельзя сказать о наконечниках башневидного и крестовидного горизонтов. По крайней мере, доступные мне материалы этого совсем не отражают.

Также, если наконечники «базисного» горизонта, по сути, массово встречаются на поселениях украинской лесостепи, в античных городах и поселениях северопричерноморского побережья в слоях разрушений (Дараган 2017: 83—85), то этого нельзя сказать о наконечниках башневидного горизонта. Отдельные находки, безусловно,

²⁵ Искренне признательна С.Ю. Монахову за определение амфоры.

²⁶ Замечу, что абсолютно идентичные наконечники, найденным в Крачковке и Стеблеве, числятся и за погребением из Опишлянки, комплексе, часть материалов из которого датируется первой половиной VI в. до н.э. и мне приходилось указывать, что их морфология более типична для колчанов середины-второй половины V в. до н.э. (Дараган 2017: 88, рис. 21: 8—9). После непосредственного изучения колчанов с такими наконечниками и сравнения их с опишлянскими я могу это утверждать определенно. Из этого следует, что комплекс из Опишлянки не является «чистым».

есть, но они пока не увязываются в систему. И такие резонансные явления, зафиксированные, как раз в конце первой — начале второй четверти V в. до н.э., а потом в третьей четверти V в. до н.э. как слои сожжений и закапывания кладов на античных поселениях Северного Причерноморья (Отрешко, Наумов 1997: 122; Завойкин 2010: 388) и даже прекращение использования не позже середины V в. до н.э. (как показывает, по крайней мере, доступный на данный момент мне материал) большинства (!) поселений и городищ правобережной Лесостепи²⁷, пока не получается напрямую связать с действиями военизированных групп населения, использовавших наконечники «башневидного» горизонта.

Причины перехода на новые серии наконечников (как башневидного горизонта, так и горизонта крестовидных меток), не ясны. Традиционно изменения в морфологии наконечников связываются с совершенствованием качества защитного вооружения, с необходимостью повышения бронебойной способности оружия, как путем совершенствования наконечника, так и путем развития баллистических качеств лука и стрел. Однако эта тема требует специальной разработки. Тем не менее, является очевидным, что эти изменения являются результатом внутренних процессов и не связаны с внешним воздействием.

Вывод. Детальное изучение колчаных наборов, выделение комплекса одновременно бытовавших наконечников, позволило выделить узкий хронологический диапазон башневидных наконечников, датирующийся первой половиной V в. до н.э. (ядро — вторая четверть V в. до н.э.), не позже середины V в. до н.э. Состав наконечников в колчаных наборах башневидного горизонта стандартен и компоновался исключительно из ассортимента, существовавшего в этой промежуток времени. Ему на смену приходит горизонт крестовидных меток. Именно с этого времени во втулках бронзовых наконечников появляются литые метки.

Литература

- Агульников С.М., Субботин А.В. 1997. Скифский курган V в. до н.э. в Днестровском Правобережье. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Ветаком, 182—186.
- Алексеев А.Ю. 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. *АСГЭ* 31, 43—56.
- Алексеев А.Ю. 1984. О месте Чертомлыцкого кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н.э. *АСГЭ* 25, 65—75.
- Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1997. Скифское погребение у г. Арциз. В: Яровой Е.И. (отв. ред.). *Чобруцкий археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 48—55.
- Бабенко Л.И. 2014. Колчаные наборы Протопоповского курганного могильника: состав и хронология. В: Лукьяшко С.И. (отв. ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции посвященной памяти А.И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 9—16.
- Бокий Н.М. 1968. Отчет Кировоградского краеведческого музея об археологических раскопках в Кировоградской области в 1968 г. НА ИА НАНУ. Д. 1968/81.
- Бокий Н.М. 1970. Отчет Кировоградского краеведческого музея об археологических раскопках в Кировоградской обл. в 1970 г. НА ИА НАНУ. Д. 1970/111.
- Бокий Н.М. 1971. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году. *АИУ в 1968 г.* Вып. 3. Киев: Наукова думка, 154—159.

²⁷ На Левобережье ситуация другая.

- Бокій Н.М. 1972. Розкопки на Кіровоградщині. *АДУ в 1969 р.* Вип. IV. Київ: Наукова думка, 131—135.
- Брашинский И.Б. 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону. *КСИА* 133, 54—57.
- Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н., Андросов А.В. 1981. Могильник у села Башмачка. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 45—60.
- Гаврилюк Н.О., Болтрик Ю.В. 1990. Скифське поховання у довгому кургані біля с. Високе у Приазов'ї. *Археологія* 1, 75—83.
- Гаврилюк Н.А., Батуревич Е.Ю., Махортых С.В., Рассамкин Ю.Я. 1993. Отчет о работе в 1993 г. Скифской экспедиции. НА ИА НАНУ. Д. 1993/23.
- Галанина Л.К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга)*. Москва: Наука (САИ Д1-33).
- Горелик М.В. 1977. Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у с. Орджоникидзе. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, 146—151.
- Гребенников Ю.С., Ребедайло Г.П. 1991. Скифское погребение V в. до н.э. на Ингульце. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (отв. ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 117—122.
- Григорьев В.П., Шемшур А.Н., Демартино А.П. 1990. Отчет о раскопках и разведках Левобережного отряда Черкасской Лесостепной археологической экспедиции Научно-производственного кооператива «Археолог» в 1990 г. НА ИА НАНУ. Д. 1990/135.
- Гудкова А.В. 1982. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье. В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 182—193.
- Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. 1984. Отчет о работе Орловского курганного отряда Буджакской экспедиции Одесского археологического общества за 1984 г. НА ИА НАНУ. Д. 1984/3а.
- Дараган М.Н. 2017. О формировании скифских колчанных наборов второй половины VI в. до н.э. *Stratum plus* 3, 51—111.
- Евдокимов Г.Л., Рассамкин Ю.Я., Николова А.В. 1977. Отчет об археологических исследованиях курганов Краснознаменной экспедицией ИА АН УССР в зоне строительства оросительных систем Херсонской области в 1977 г. НА ИА НАНУ. Д. 1977/22.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П. 1982. Отчет о работе Краснознаменной новоостроечной экспедиции в Херсонской обл в 1982 г. НА ИА НАНУ. Д. 1982/9.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Фридман М.И. 1988. Отчет о работе Краснознаменной экспедиции в 1988 г. НА ИА НАНУ. Д. 1988/19.
- Евдокимов Г. Л., Данилко Н.М. 1992. Отчет Краснознаменной экспедиции. Исследования курганов в зоне орошения земель Херсонской обл. в 1992 г. НА ИА НАНУ. Д. 1992/2.
- Зарайская Н.П., Привалов А.И. 1992. Скифские памятники Шевченковского могильника. *Донецкий археологический сборник* 2, 118—160.
- Завойкин А.А. 2010. Амфорный склад № 290Б и некоторые проблемы ранней истории Фанагории. *ПИФК* 29, 377—392.
- Капошина С.И. 1950. Погребение скифского типа в Ольвии. *СА* 13, 205—216.
- Ковалева И.Ф. 1987. Отчет об исследовании курганов в зонах строительства оросительных систем Днепропетровской области. НА ИА НАНУ. Д. 1987/176.
- Ковпаненко Г.Т. 1977. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье. В: Тереножкин А.И. (отв. ред.). *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, 40—72.
- Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области. *Курганы на Южном Буге*. Киев: Наукова думка, 133—150.
- Колтухов С.Г. 2012. *Скифы Северо-Западного Крыма в VII—IV вв. до н.э. (погребальные памятники)*. Донецк: Донбасс. (АА 27).
- Кубышев А.И., Ядвичук В.И., Иванов А.И., Николова А.В., Чекамова Г.И., Симоненко А.В. 1975. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. НА ИА НАНУ. Д. 1975/5.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б. 2010. *Кургани скіфського часу західної округи Більського городища*. Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.
- Махортых С.В., Тупчієнко М.П. 1998. Скифські кургани біля с. Молдовки на Кіровоградщині. *Записки наукового товариства імені Шевченка* ССХХХV, 487—503.

- Махортых С.В., Гаврилюк Н.О., Рассамакін Ю.Я. 1997. Кургани поблизу с. Ново-Дніпрівка Запорізької обл. В: Козак Д.Н. (отв. ред.). *АДУ в 1993 р.* Київ: Інститут археології НАН України, 83—84.
- Мельник О., Стеблина І. 2012. *Кургани Криворіжжя*. Кривий Ріг: Видавничий дім.
- Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. (САИ Д1-4).
- Могилев О.Д., Бокій Н.М. 2016. *Поховання скіфського вершника на р. Синюха*. *Археологія* 3, 76—88.
- Мозолевский Б.Н. 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.). В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, 70—154.
- Мозолевский Б.Н., Николова А.В., Бунятян Е.П., Москадыня О.Л. 1983. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1983 г. НА ИА НАНУ. Д. 1983/18.
- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммериды; Саратовский университет.
- Мурзін В.Ю., Ролле Р., Бессонова С.С., Рябова В.А. 1983. Отчет о работе Чертомлыкской экспедиции ИА АН УССР в 1983 г. НА ИА НАНУ. Д. 1983/40.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Белозор В.П. 1999. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г.* Киев: ИА НАНУ.
- Мухопад С.Е. 1981. Новые материалы скифского времени из Приорелья. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Степное Поднепровье в бронзовых и раннем железном веках*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 88—93.
- Никитин В.И., Николаенко И.Б. 1988. Отчет сектора охраны памятников археологии при Николаевском краеведческом музее о раскопках курганного могильника у с. Новопавловка Снигиревского района Николаевской обл. за 1988 г. НА ИА НАНУ. Д. 1988/95.
- Отрешко В.М., Наумов В.И. 1997. Клад дельфиновидных монет на поселении Большая Черноморка-2 (Березанский лиман). В: Охотников С.Б. (отв. ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Ветаком, 117—122.
- Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я., Константиnescу Л.Ф., Нор Е.В., Покляцкий О.В., Савовский И.П. 1984. Отчет о работе Запорожской экспедиции в 1984 г. НА ИА НАНУ. Д. 1984/10.
- Плешивенко Л.Г. 1996. *Курганы села Малокатериновка*. Запорожье: [б.и.].
- Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филук.
- Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова А.В. 1994. *Курганы верховьев Ингульця*. Вып. 3. *Курганы у с. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка*. Кировоград: Препринт.
- Полин С.В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія* 59, 17—36.
- Полин С.В., Дараган М.Н. 2019. Бронзовые крестовидные ворварки как хроноиндикатор скифских погребений Северного Причерноморья второй — третьей четверти IV в. до н.э. *Археологія і давня історія України* 2, 157—170.
- Привалова О.Я. 1993. Скифское погребение у с. Стылы. *АА* 2, 161—166.
- Сенаторов С.Н., Колтухов С.Г. 2018. Курган Кара-Меркит 1885 г. История изучения и находки (по материалам рукописного отдела НА ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа). *История и археология Крыма VII*, 73—116.
- Сидоренко Г.О. 1964. Скiфський курган на р. Удай. *Археологія XVI*, 191—194.
- Силантьева Л.Ф. 1959. *Некрополь Нимфея*. *МИА* 69, 5—107.
- Симоненко А.В., Ольговский С.Я. 1981. Отчет о работах Приморского отряда Краснознаменной экспедиции Института археологии АН УССР в 1981 г. НА ИА НАНУ. Д. 1981/21а.
- Скорый С.А. 1997. *Стеблев: Скифский могильник в Поросье*. Киев: ИА НАНУ.
- Телегин Д.Я., Круц В.А., Братченко С.Н., Смирнов С.В., Корпусова В.Н. 1977. Вольно-Улановская курганная группа. *Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье*. Киев: Наукова думка, 83—97.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 113—186.
- Тощев Г.Н., Редина Е.Ф. 1991. Курганный комплекс у села Помазаны Одесской области. В: Тощев Г.Н., Шаповалов Г.И., Михайлов Б.Д. (ред.). *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. Вып. II. Запорожье: Запорожский государственный университет, 95—110.

- Тупчієнко М.П. 1989. Звіт охоронної археологічної експедиції Кіровоградського краєзнавчого музею про дослідження курганів у Голованівському, Компанієвському та Новоукраїнському р-нах у 1989 р. НА ІА НАНУ. Д. 1989/247
- Фиалко Е.Е. 2012. Курган с погребением скифской амазонки у села Виноградное. *Stratum plus* 3, 217—230.
- Фоменко В.Н., Ключинцев В.Н., Гребенников Ю.С. 1988. Отчет о работе Николаевской экспедиции за 1988 г. НА ІА НАНУ. Д. 1988/18.
- Черненко Є.В. 1970. Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. *Археологія* XXIII, 176—181.
- Черненко Е.В., Симоненко А.В. 1977. Курганная группа Широкое-III. В: Черненко Е.В. (ред.). *Курганы Южной Херсонщины*. Киев: Наукова думка, 5—33.
- Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е. 1983. Раскопки курганов у с. Дмухайловка. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Древности степного Поднепровья III—I тысячелетия до нашей эры*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 17—27.
- Шапошникова О.Г., Ребедайло Г.П. 1977. Курганная группа у с. Новорозановки. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Древности Поингуля*. Киев: Наукова думка, 66—78.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Балускин А.М., Гребенников Ю.С., Довженко Н.Д., Елисеев В.Ф., Ключинцев В.Н., Магомедов Б.В., Некрасова А.Н., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А., Чмыхов Н. 1976. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1976 г. НА ІА НАНУ. Д. 1976/7.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Бочкарев В.С., Гребенников Ю.С., Ключинцев В.Н., Ребедайло Г.П., Рычков Н.А. 1973. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г. НА ІА НАНУ. Д. 1973/8.
- Шапошникова О. Г. 1975. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1975 г. НА ІА НАНУ. Д. 1975/3.
- Шилов Ю.А. 1991. Отчет о раскопках курганов у села Староселья Велико-Александровского района Херсонской области. НА ІА НАНУ. Д. 1991/34.
- Шилов В.П., Очир-Горяева М.А. 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II. В: Мунчаев Р.М., Ольховский В.С. (ред.). *Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы*. Москва: ИА РАН, 127—152 (МИАР 1).
- Bunjatjan K.P., Kaiser E., Nikolova A.V. (Hrsg.). 2006. *Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet*. Bd. 8. Langenweissbach: Beier & Beran.
- Sparkes B.A., Talcott L., Richter M.A. 1970a. Black and Plaine Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. *The Athenian Agora*. Vol. XII. Pt. I. Text.
- Sparkes B.A., Talcott L., Richter M.A. 1970b. Black and Plaine Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. *The Athenian Agora*. Vol. XII. Pt. II. Indexes and Illustrations.

References

- Agulnikov, S.M., Subbotin, A.V. 1997. In: Okhotnikov, S.B. (ed.). *Nikoniy i antichniy mir Severnogo Prichernomoria (Nikonion and the Ancient World of the Northern Black Sea Coast)*. Odessa: "Vetakom" Publ., 182—186 (in Russian).
- Alekseev, A.Yu. 1984. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 25, 65—75 (in Russian).
- Alekseev, A.Yu. 1991. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 31, 43—56 (in Russian).
- Alekseyeva, I.L., Okhotnikov, S.B., Redina, E.F. 1997. In: Yarovoy, Ye.I. (eds.). *Chobrukskiy arkeologicheskiy kompleks i voprosy vzaimovliyaniya antichnoy i varvarskikh kultur (IV v. do n.e. — IV v. n.e.) (Chobrukh Archaeological Complex and Issues of Mutual Influence of Ancient and Barbarian Cultures (4th Century BCE — 4th Century CE))*. Tiraspol: "Pridnestrovskiy gosudarstvenniy universitet", 48—55 (in Russian).
- Babenko, L. I. 2014. In: Lukyashko, S.I. (ed.). *Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii posvyaschennoy pamyati A.I. Melyukovoy. (War and Military Science in the Scythian and Sarmatian World. Materials of the International Scientific Conference of the Devoted Memory of A.I. Melyukova)*. Rostov-on-Don: "YUNTS RAN", 9—16 (in Russian).
- Bokij, N.M. 1968. Otchjot Kirovogradskogo kraevedcheskogo muzeja ob arheologicheskikh raskopkakh v Kirovogradskoy oblasti v 1968 g. NA ІА НАНУ. Д. 1968/81 (in Russian).
- Bokij, N.M. 1970. Otchet Kirovogradskogo kraevedcheskogo muzeja ob arheologicheskikh raskopkakh v Kirovogradskoj obl. v 1970 g. NA ІА НАНУ. Д. 1970/111 (in Russian).

- Bokij, N.M. 1971. In: *Arheologicheskie issledovaniya na Ukraine v 1968 g. (Archaeological Research in Ukraine in 1968)*. Iss. 3. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 154—159 (in Russian).
- Bokij, N.M. 1972. In: *Arheologichni doslidzhennya na Ukrayini v 1969 r. (Archaeological Eesearch in Ukraine in 1969)*. Iss. 4. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 131—135 (in Ukrainian).
- Brashinskiy, I.B. 1973. In *Kratkie soobscheniya instituta istorii materialnoy kul'tury (Brief Reports from the Institute of the History of Material Culture)* 133, 54—57 (in Russian).
- Volkoboy, S.S., Lihachev, V.A., Shalobudov, V.N., Androsov, A.V. 1981. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Stepnoe Podneprov'e v bronzovom i rannem zheleznom vekah (Dnieper Steppe Region in the Bronze and Early Iron Age)*. Dnepropetrovsk: "Dnepropetrovskiy gosudarstvennyy universitet", 45—60 (in Russian).
- Gavriljuk, N.A., Boltrik, Yu.V. 1990. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 1, 75—83 (in Ukrainian).
- Gavriljuk, N.A., Baturevich, E.Yu., Makhortykh, S.V., Rassamakin, Yu.Ya. 1993. Otchet o rabote v 1993 g. Skifskoy ekspeditsii. NA IA NANU. D. 1993/23 (in Russian).
- Galanina, L.K. 1977. *Skifskie drevnosti Podneprovyia (Ermitazhnaya kollekciya N.E. Brandenbura) (Scythian Antiquities of Dnieper Regon (Hermitage Collection of N.E. Brandenburg)*. Moscow: "Nauka" Publ. (Corpus of Archaeological Sources D1-33) (in Russian).
- Gorelik, M.V. 1977. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skify i sarmaty (Scythians and Sarmatians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 146—151 (in Russian).
- Grebennikov, Yu.S., Rebedaylo, G.P. 1991. In: Boltrik, Yu.V., Bunyatyan, Ye.P. (eds.). *Kurgany stepnoy Skifii (Kurgans of Scythian Steppe)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 117—122 (in Russian).
- Grigoryev, V.P., Shemshur, A.N., Demartino, A.P. 1990. Otchet o raskopkah i razvedkah Levoberezhnogo otrjada Cherkasskoy Lesostepnoy arheologicheskoy ekspeditsii Nauchno-proizvodstvennogo kooperativa "Arheolog" v 1990 g. NA IA NANU. D. 1990/135 (in Russian).
- Gudkova, A.V. 1982. In: Okhotnikov, S.B. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya Severo-Zapadnogo Prichernomoria (Archaeological Research of the North-Western Black Sea Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 182—193 (in Russian).
- Gudkova, A.V., Sunichuk, E.F. 1984. Otchet o rabote Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhakskoy ekspditsii Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva za 1984 g. NA IA NANU. D. 1984/3a (in Russian).
- Daragan, M.N. 2017. In *Stratum plus* 3, 51—111 (in Russian).
- Evdokimov, G.L. 1977. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh kurganov Krasnoznamenskoy yekspeditsii IA AN USSR v zone orositel'nykh sistem Hersonskoj oblasti v 1977 godu. NA IA NANU. D. 1977/22 (in Russian).
- Evdokimov, G.L., Gershkovich, Ya.P. 1982. Otchet o rabote Krasnoznamenskoy novostroyechnoy ekspeditsii v Khersonskoy obl v 1982 g. NA IA NANU. D. 1982/9 (in Russian).
- Evdokimov, G.L., Gershkovich, Ya.P., Fridman, M.I. 1988. Otchet o rabote Krasnoznamenskoy ekspeditsii v 1988 g. NA IA NANU. D. 1988/19 (in Russian).
- Evdokimov, G. L., Danilko, N.M. 1992. Otchet Krasnoznamenskoy ekspeditsii. Issledovaniya kurganov v zone orosheniya zemel Khersonskoy obl. v 1992 g. NA IA NANU. D. 1992/2 (in Russian).
- Zarayskaya, N.P., Privalov, A.I. 1992. In *Donetskiy arkheologicheskij sbornik (Donetsk Archaeological Collection)* 2, 118—160 (in Russian).
- Zavoykin, A.A. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 29, 377—392 (in Russian).
- Kaposhina, S.I. 1950. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 13, 205—216 (in Russian).
- Kovaleva, I.F. 1987. Otchet ob issledovanii kurganov v zonakh stroitelstva orositel'nykh sistem Dnepropetrovskoy oblasti. NA IA NANU. D. 1987/176 (in Russian).
- Kovpanenko, G.T. 1977. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skify i sarmaty (Scythians and Sarmatians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 40—72 (in Russian).
- Kovpanenko, G.T., Bunyatyan, E.P. 1978. In *Kurgany na Yuzhnom Buge (Kurgans on Southern Bug)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 133—150 (in Russian).
- Koltuhov, S.G. 2012. *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII—IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamjatniki) ((Scythians of Northwest Crimeain in 7th — 4th Centuries BCE (funeral monuments))*. Donetsk: "Donbass" Publ. (Archaeological Almanac 27) (in Russian).
- Kubyshev, A.I., Yadvichuk, V.I., Ivanov, A.I., Nikolova, A.V., Chekamova, G.I., Simonenko, A.V. 1975. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1975 g. NA IA NANU. D. 1975/5 (in Russian).

- Kulatova, I.M., Suprunenko, O.B. 2010. *Kurgani skifs'kogo chasu zahidnoi okrug Bil's'kogo gorodischa (Kurgans of Scythian Time Western Neighborhood the Belsk Hill fort)*. Kiev: "Tsentr pam'yatkoznavstva NAN Ukrayiny i UTOPIK" (in Ukrainian).
- Makhortikh, S.V., Tupchienko, M.P. 1998. In *Zapiski naukovoogo tovaristva imeni Shevchenka (Notes of the Shevchenko Scientific Society)* CCXXXV, 487—503 (in Ukrainian).
- Mahortyh, S.V., Gavrilyuk, N.O., Rassamakin, Yu.Ya. 1997. In: Kozak, D.N. (ed.). *Arheologichni doslidzhennja v Ukraini 1993 roku (Archaeological Researches in Ukraine 1993)*. Kyiv: "Instytut arkeolohiyi NAN Ukrayiny", 83—84 (in Ukrainian).
- Melnik, O., Steblina, I. 2012. *Kurgani Krivorizhzhya (Kurgans of Kryvyi Rih)*. Kryvyi Rih: "Vydavnychyy dim" Publ. (in Ukrainian).
- Meljukova, A.I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Arms of Scythians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (Corpus of Archaeological Sources D1-4) (in Russian).
- Mogilov, O.D., Boki, N.M. 2016. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 3, 76—88 (in Ukrainian).
- Mozolevskiy, B.N. 1980. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifija i Kavkaz (Scythia and Caucasus)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 70—154 (in Russian).
- Mozolevskiy, B.N., Nikolova, A.V., Bunyaty, E.P., Moskadynya, O.L. 1983. Otchet o rabote Ordzhonikidzevskoy ekspeditsii v 1983 g. NA IA NANU. D. 1983/18 (in Russian).
- Monahov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologija amfor veduschih centrov-yeksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel' (Greek Amphorae in the Pontic Region. Typology of Amphorae of the Main Ceramic Ware Exporting Centers: Identification Guide)*. Moscow; Saratov: "Kymmeryda" Publ. (in Russian).
- Murzin, V.Yu. 1983. Otchet o rabote Chertomlyksoy ekspeditsii IA AN USSR v 1983 g. NA IA NANU. D. 1983/40 (in Russian).
- Murzin, V.Yu., Rolle, R., Herc, V., Mahortyk, S.V., Belozor, V.P. 1999. *Issledovanija sovmestnoj Ukrainko-Nemeckoj arheologicheskoy jekspeditsii v 1998 g. (Researches of joint Ukrainian-German in 1998)*. Kiev: "IA NANU" (in Russian).
- Mukhopad, S.E. 1981. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Stepnoe Podneprov'e v bronzovyh i rannem zheleznom vekah (Dnieper Steppe Region in Bronze and Early Iron Centuries)*. Dnepropetrovsk: "Dnepropetrovskyy hosudarstvennyy unyversytet", 88—93 (in Russian).
- Nikitin, V.I., Nikolaenko, I.B. 1988. Otchjot sektora ohrany pamjatnikov arheologii pri Nikolaevskom kraevedcheskom muzee o raskopkah kurgannogo mogil'nika u s. Novopavlovka Snigirevskogo rajona Nikolaevskoj obl. za 1988 g. NA IA NANU. D. 1988/95 (in Russian).
- Otreshko, V.M., Naumov, V.I. 1997. In: Okhotnykov, S.B. (ed.). *Nikoniy i antichnyy mir Severnogo Prichernomoria (Nikonion and the Ancient World of the Northern Black Sea coast)*. Odessa: "Vetakom" Publ., 117—122 (in Russian).
- Otroschenko, V.V., Rassamakin, Yu.Ya., Konstantinesku, L.F., Nor, E.V., Poklyatskiy, O.V., Savovskiy, I.P. 1984. Otchet o rabote Zaporozhskoy ekspeditsii v 1984 g. NA IA NANU. D. 1984/10 (in Russian).
- Pleshivenko, L.G. 1996. *Kurgany sela Malokaterinovka (Kurgans of Malokaterinovka village)*. Zaporozhye: [s.n.] (in Russian).
- Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonschine (Scythian Zolotobalkovskiy Burial mound 5th — 4th Centuries BCE in the Kherson Region)*. Kiev: "Oleg Fylyuk" Publ. (in Russian).
- Polin, S.V., Tupchiyenko, N.P., Nikolova, A.V. 1994. *Kurgany verkhov'ev Ingul'tsa (Mounds in the upper reaches of the Ingulets River)*. Iss. 3. *Kurgany u s. Golovkovka. Zvenigorodka i Protopopovka (Kurgans near Golovkovka, Zvenigorodka and Protopopovka)*. Kirovograd: "Preprint" (in Russian).
- Polin, S.V. 1987. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 59, 17—36 (in Ukrainian).
- Polin, S.V., Daragan, M.N. 2019. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archeology and Ancient History of Ukraine)* 2, 157—170 (in Russian).
- Privalova, O.Ya. 1993. In *Arheologicheskij al'manah (The Archaeological Almanac)* 2, 161—166 (in Russian).
- Senatorov, S.N., Koltukhov, S.G. 2018. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of Crimea)* VII, 73—116 (in Russian).
- Sydorenko, H.O. 1964. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XVI, 191—194 (in Ukrainian).
- Silantyeva, L.F. 1959. In *Materialy i issledovanija po arheologii (Materials and Researches on Archaeology)* 69, 5—107 (in Russian).

- Simonenko, A.V., Olgovskiy, S.Ya. 1981. Otchet o rabotakh Primorskogo otryada Krasnoznamenskoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1981 g. NA IA NANU. D. 1981/21a (in Russian).
- Skoryj, S.A. 1997. *Steblev: Skifskij mogil'nik v Porosye (Steblev: the Scythian Burial Ground in Porosye)*. Kiev: "IA NANU" (in Russian).
- Telegin, D.Ya., Kruts, V.A., Bratchenko, S.N., Smirnov, S.V., Korpusova, V.N. 1977. In *Vilnyanskiye kurgany v Dneprovskom Nadporozhye (Vilnian Mounds in Dnieper Nadporozhye)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 83—97 (in Russian).
- Terenozhkin, A.I., Ilinskaya, V.A., Chernenko, E.V., Mozolevskiy, B.N. 1973. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifskiy drevnosty (Scythian antiquities)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 113—186 (in Russian).
- Toshchev, G.N., Redina, E.F. 1991. In: Toshchev, G.N., Shapovalov, G.I., Mikhaylov, B.D. (eds.). *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of Steppe Black Sea Region and Crimea)*. Iss. II. Zaporozhia: "Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet", 95—110 (in Russian).
- Tupchiienko, M.P. 1989. Zvit okhoronnoi arkheolohichnoi ekspeditsii Kirovohradskoho kraieznavchoho muzeiu pro doslidzhennia kurhaniv u Holovanivskomu, Kompaniievskomu ta Novoukrainskomu r-nakh u 1989 r. NA IA NANU. D. 1989/247 (in Ukrainian).
- Fialko, E.E. 2012. In *Stratum plus* 3, 217—230 (in Russian).
- Fomenko, V.N., Klyushintsev, V.N., Grebennikov, Yu.S. 1988. Otchet o rabote Nikolayevskoy ekspeditsii za 1988 g. NA IA NANU. D. 1988/18 (in Russian).
- Chernenko, E.V. 1970. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XXIII, 176—181 (in Ukrainian).
- Chernenko, E.V., Simonenko, A.V. 1977. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Kurgany Yuzhnoy Khersonshchiny (The Kurgans of South Kherson Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 5—33 (in Russian).
- Shalobudov, V.N., Androsov, V.A., Muhopad, S.E. 1983. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Drevnosti stepnogo Podneprov'ja III—I tysjacheletija do nashej ery (Antiquities of Dnieper Steppe Region in 3rd — 1st Millenium BCE)*. Dnepropetrovsk: "Dnepropetrovskiy gosudarstvennyy universitet", 17—27 (in Russian).
- Shaposhnikova, O.G., Rebedajlo, G.P. 1977. In: Shaposhnikova, O.G. (ed.). *Drevnosti Poingul'ja (Antiquities of Ingul River Region)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 66—78 (in Russian).
- Shaposhnikova, O.G. 1976. Otchet o rabote Ingul'skoj jekspeditsii v 1976g. NA IA NANU. D. 1976/7 (in Russian).
- Shaposhnikova, O.G. 1973. Otchet o rabote Ingul'skoj ekspeditsii v 1973 g. NA IA NANU. D. 1975/3 (in Russian).
- Shilov, Yu.A. 1991. Otchet o raskopkakh kurganov u sela Staroselia Veliko-Aleksandrovskogo rayona Khersonskoy oblasti. NA IA NANU. D. 1991/34 (in Russian).
- Shilov, V.P., Ochir-Gorjaeva, M.A. 1997. In: Munchayev, R.M., Olkhovskiy, V.S. (eds.). *Pamjatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na jube Vostochnoj Evropy (Monuments of Prescythian and Scythian Time in the South of the Eastern Europe)*. Moscow: "IA RAN", 127—153 (Materials and Research on the History of Russia 1) (in Russian).
- Bunjatjan, K.P., Kaiser, E., Nikolova, A.V. (Hrsg.). 2006. *Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet*. Bd. 8. Langenweissbach: "Beier & Beran" Publ.
- Sparkes, B.A., Talcott, L., Richter, M.A. 1970a. Black and Plaine Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. *The Athenian Agora*. Vol. XII. Pt. I. Text.
- Sparkes, B.A., Talcott, L., Richter, M.A. 1970b. Black and Plaine Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. *The Athenian Agora*. Vol. XII. Pt. II. Indexes and Illustrations.

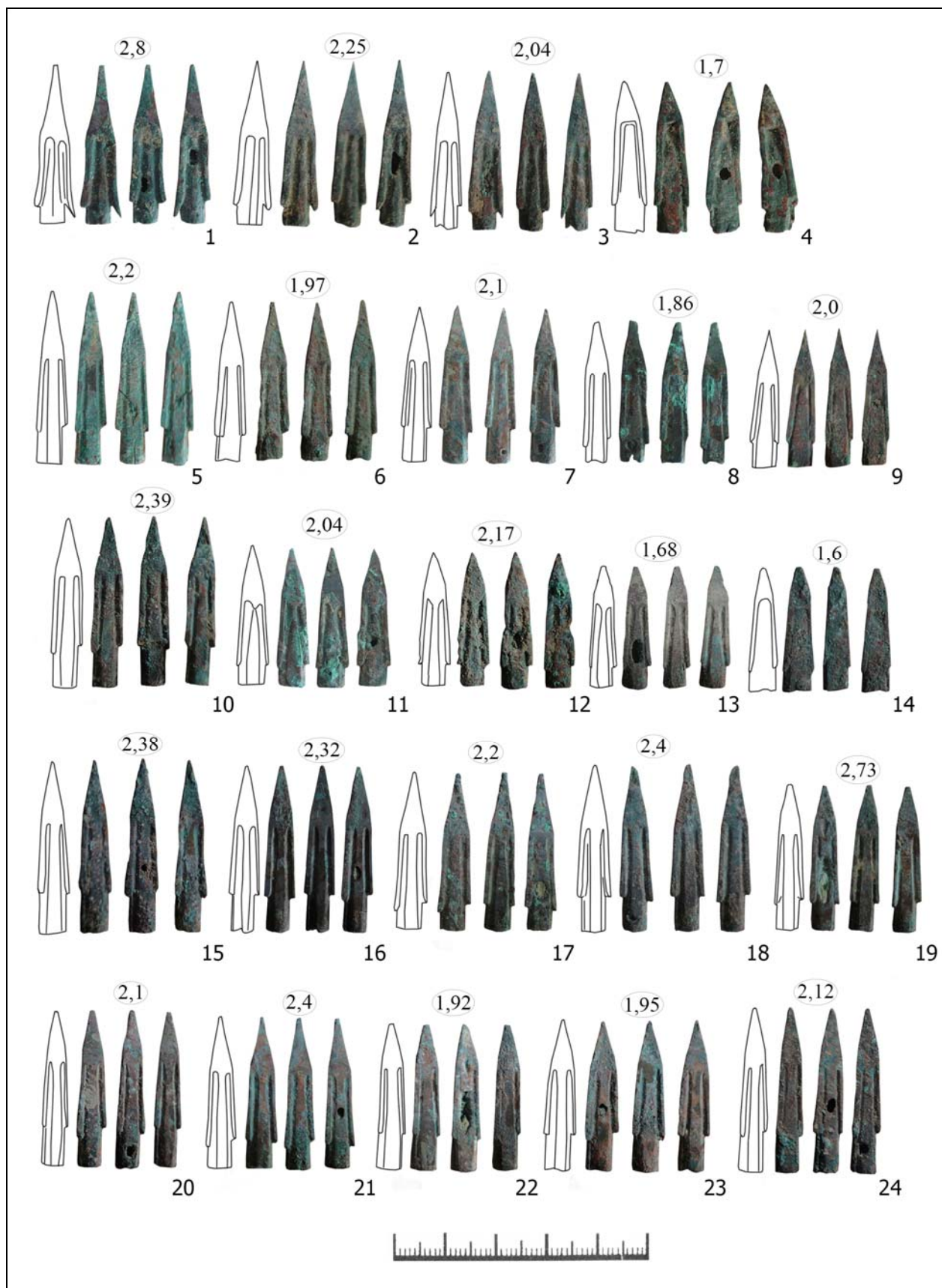

Рис. 1. Шахта 22, курган 12, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 1. Shahta 22 Burial-ground, Burial-mound 12, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

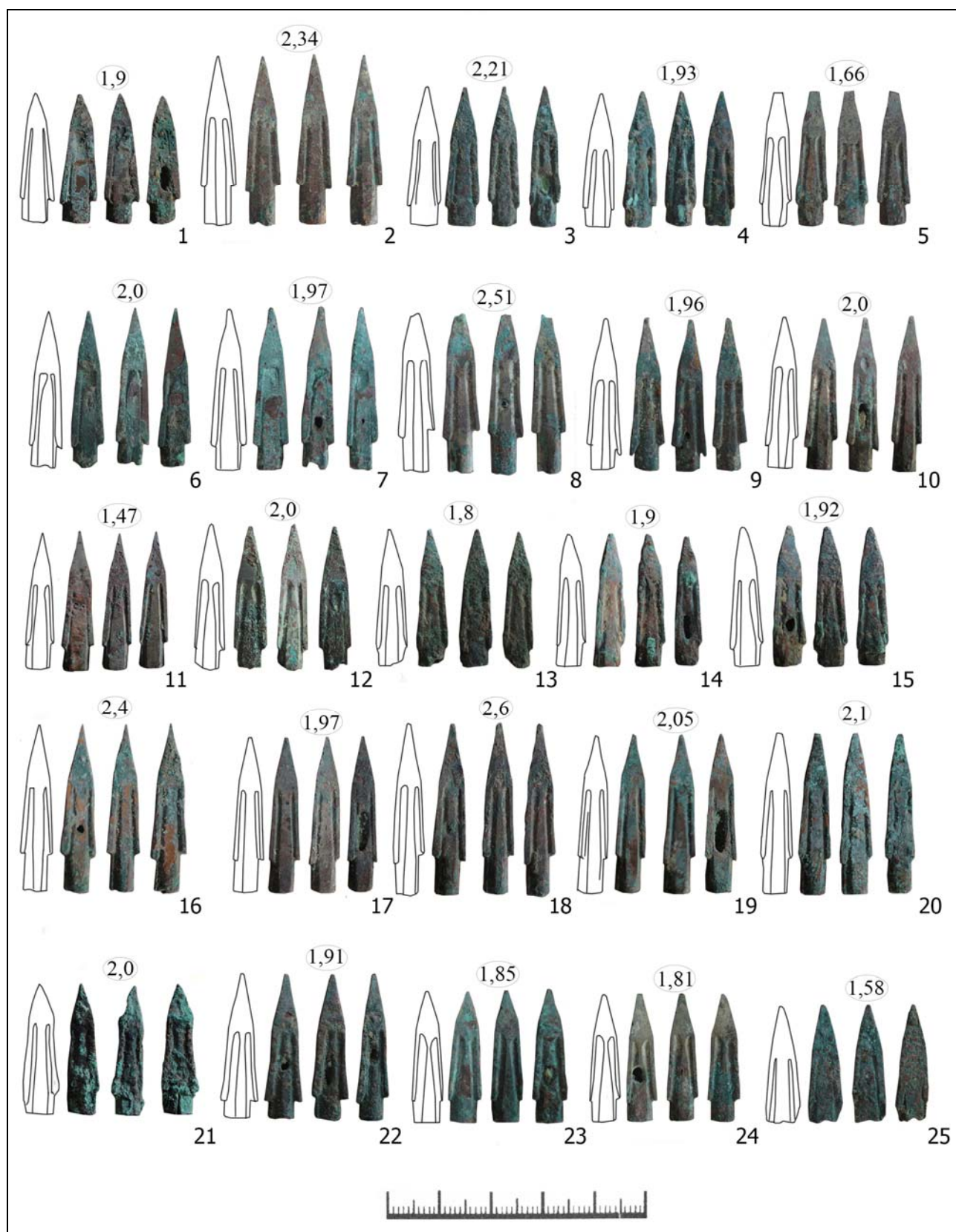

Рис. 2. Шахта 22, курган 12, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 2. Shahta 22 Burial-ground, Burial-mound 12, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

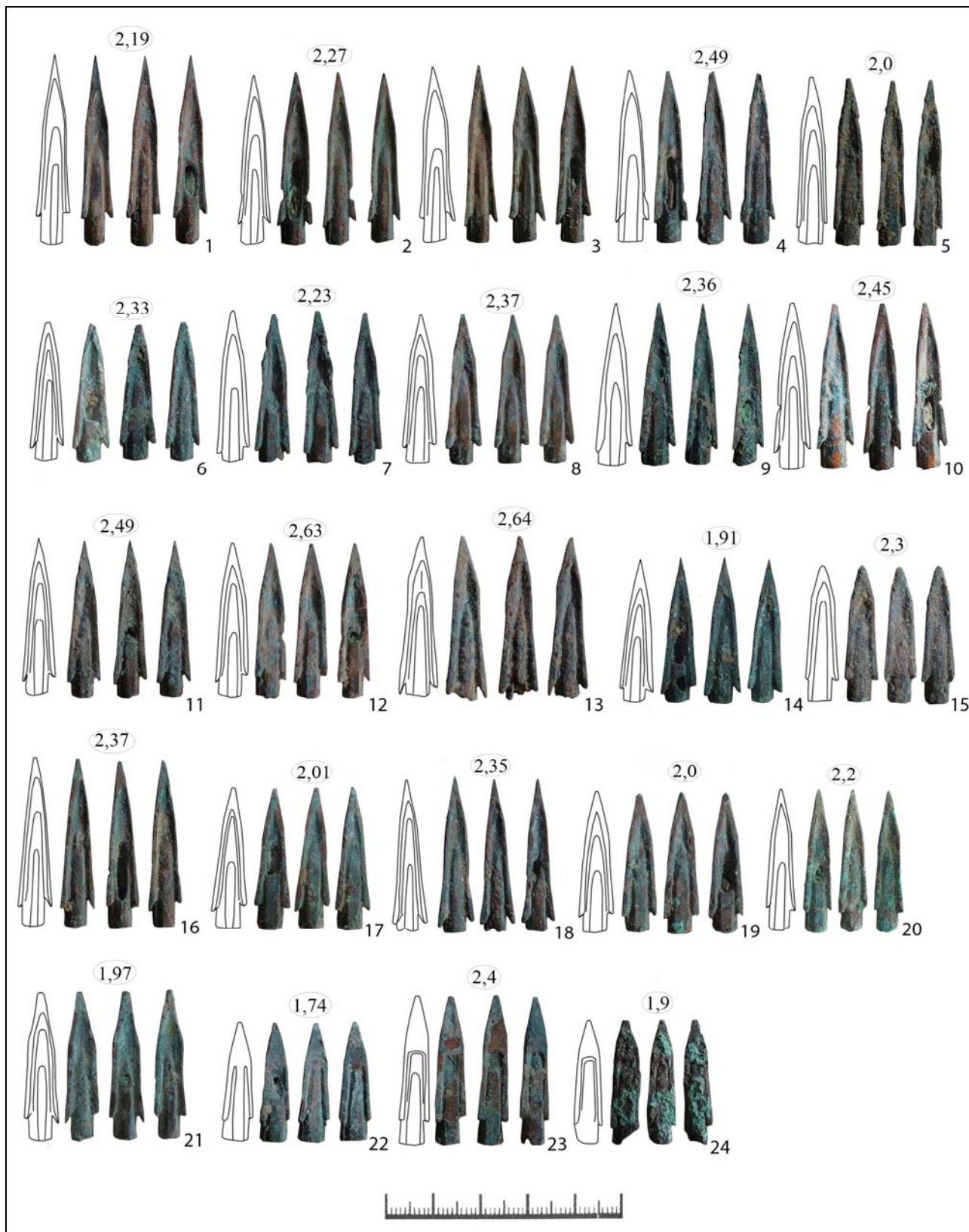

Рис. 3. Шахта 22, курган 12, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 3. Shahta 22 Burial-ground, Burial-mound 12, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

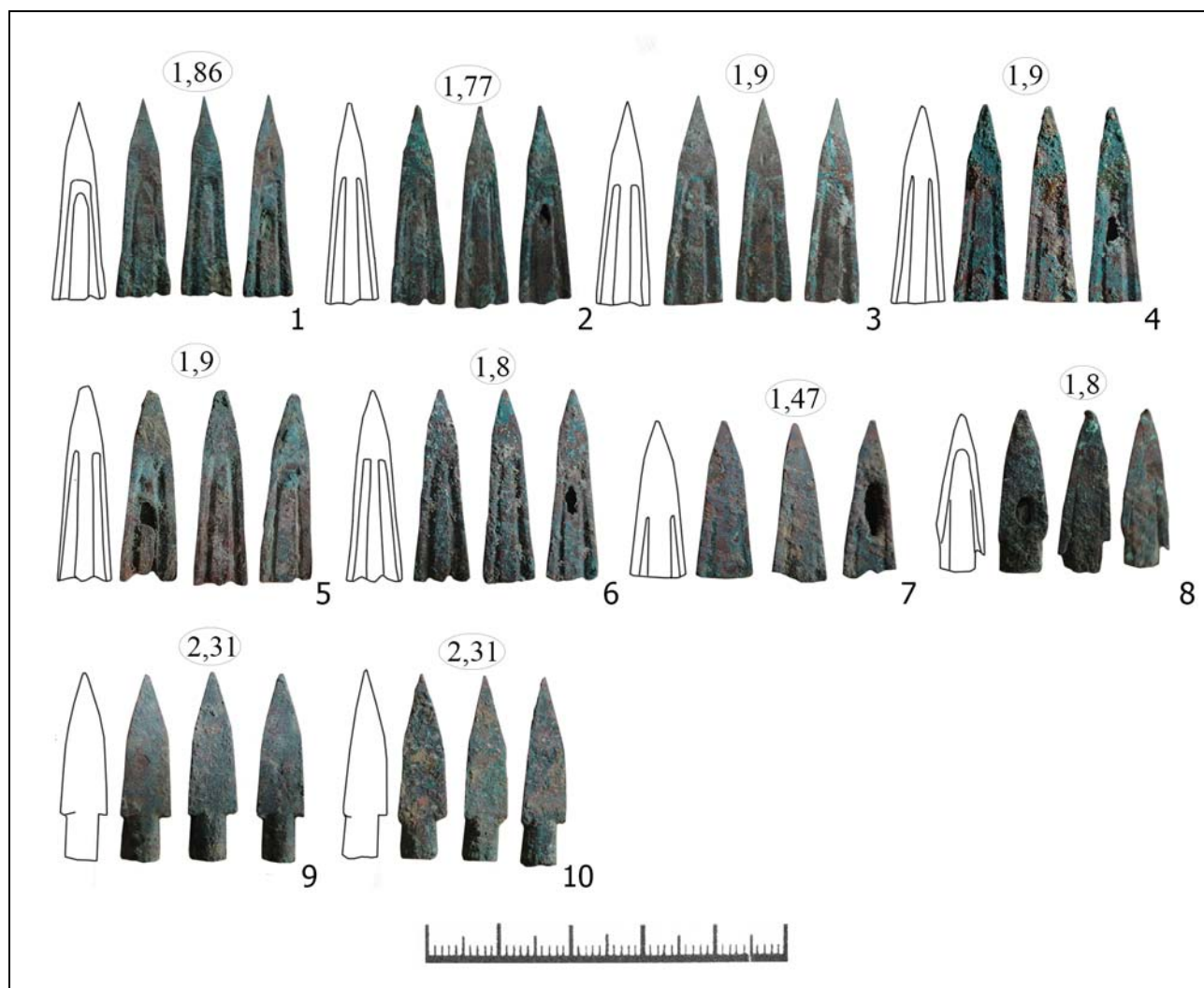

Рис. 4. Шахта 22, курган 12, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 4. Shahta 22 Burial-ground, Burial-mound 12, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

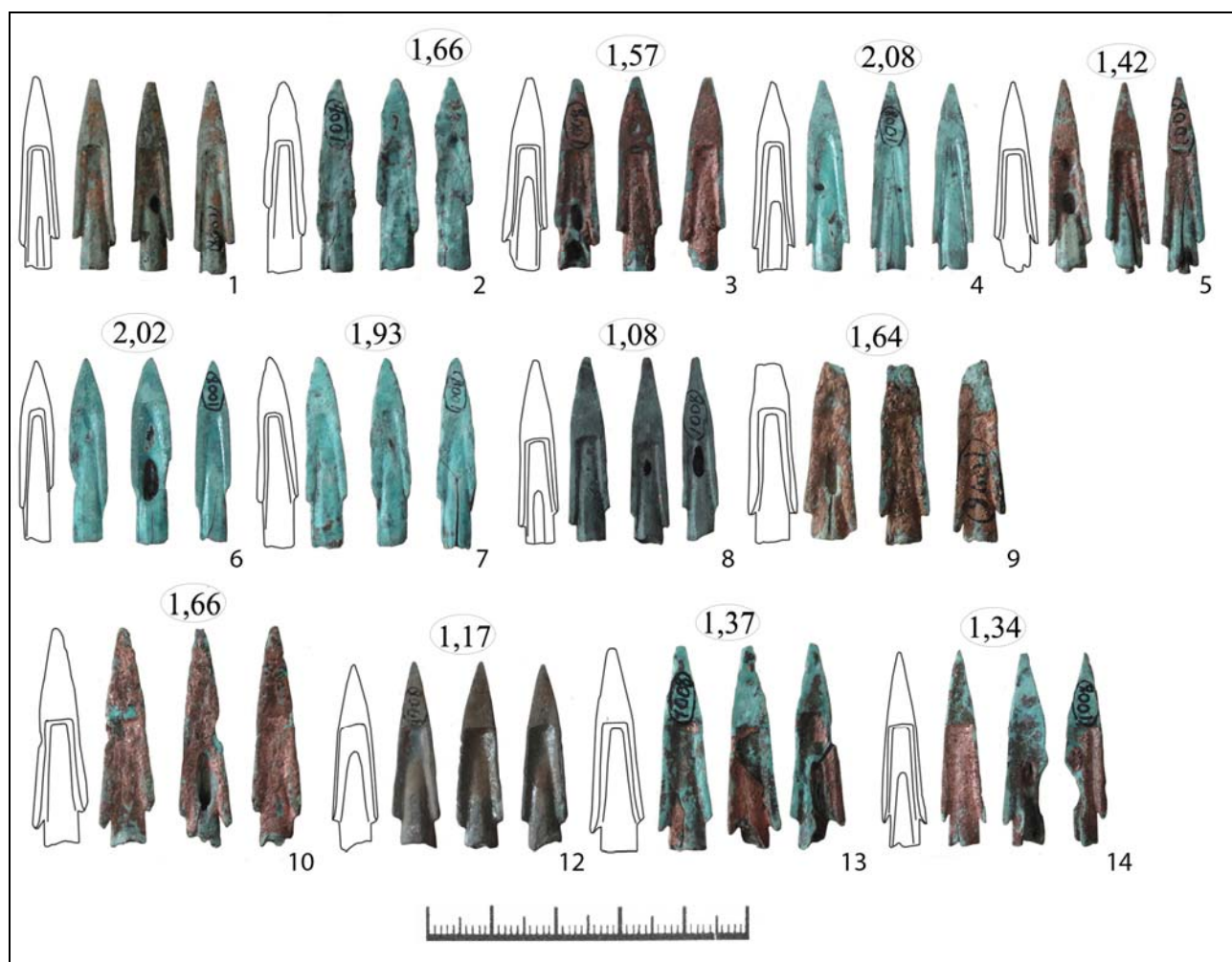

Рис. 5. Изобильное, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 5. Izobilnoe Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

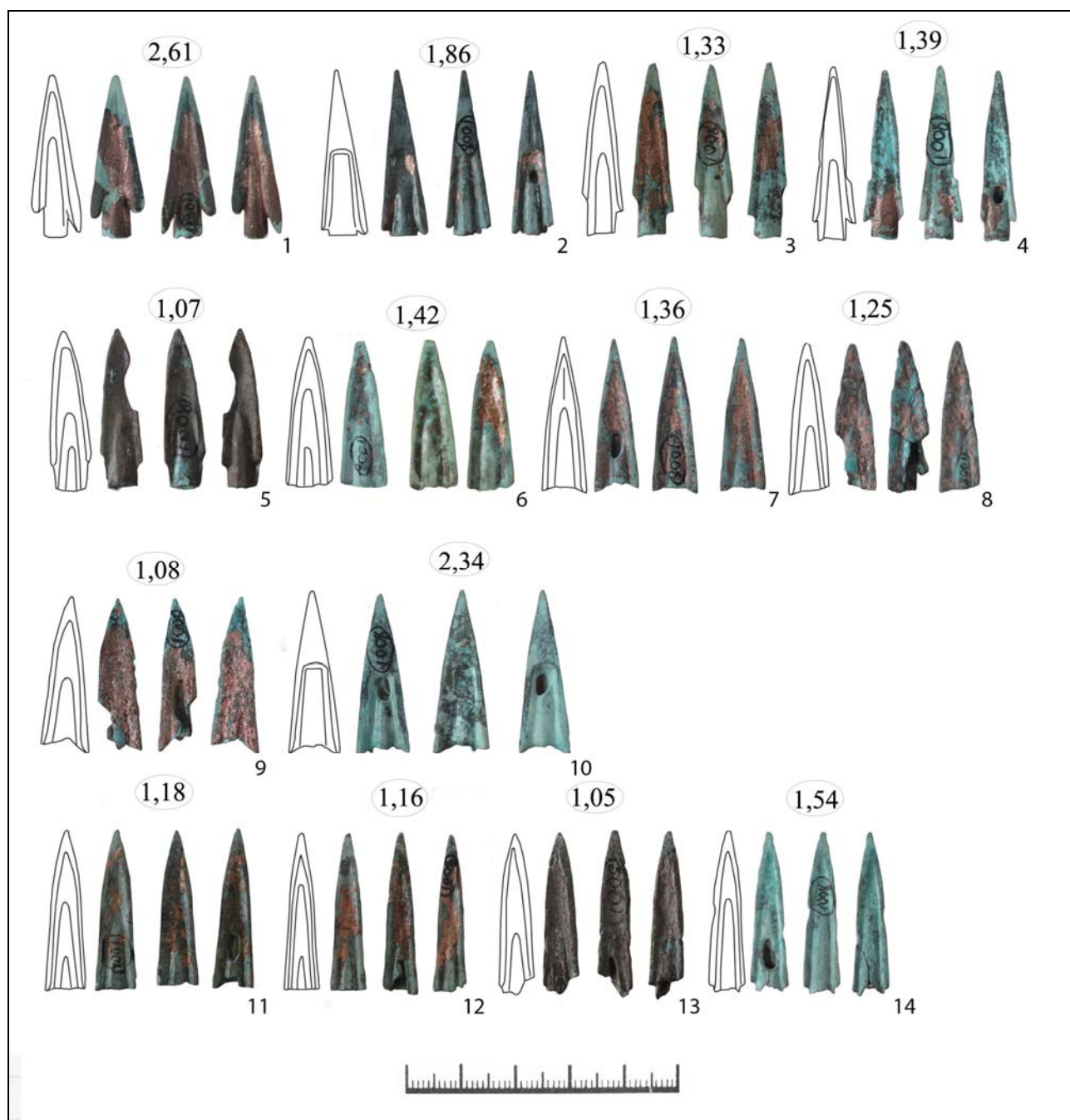

Рис. 6. Изобильное, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 6. Izobilnoe Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

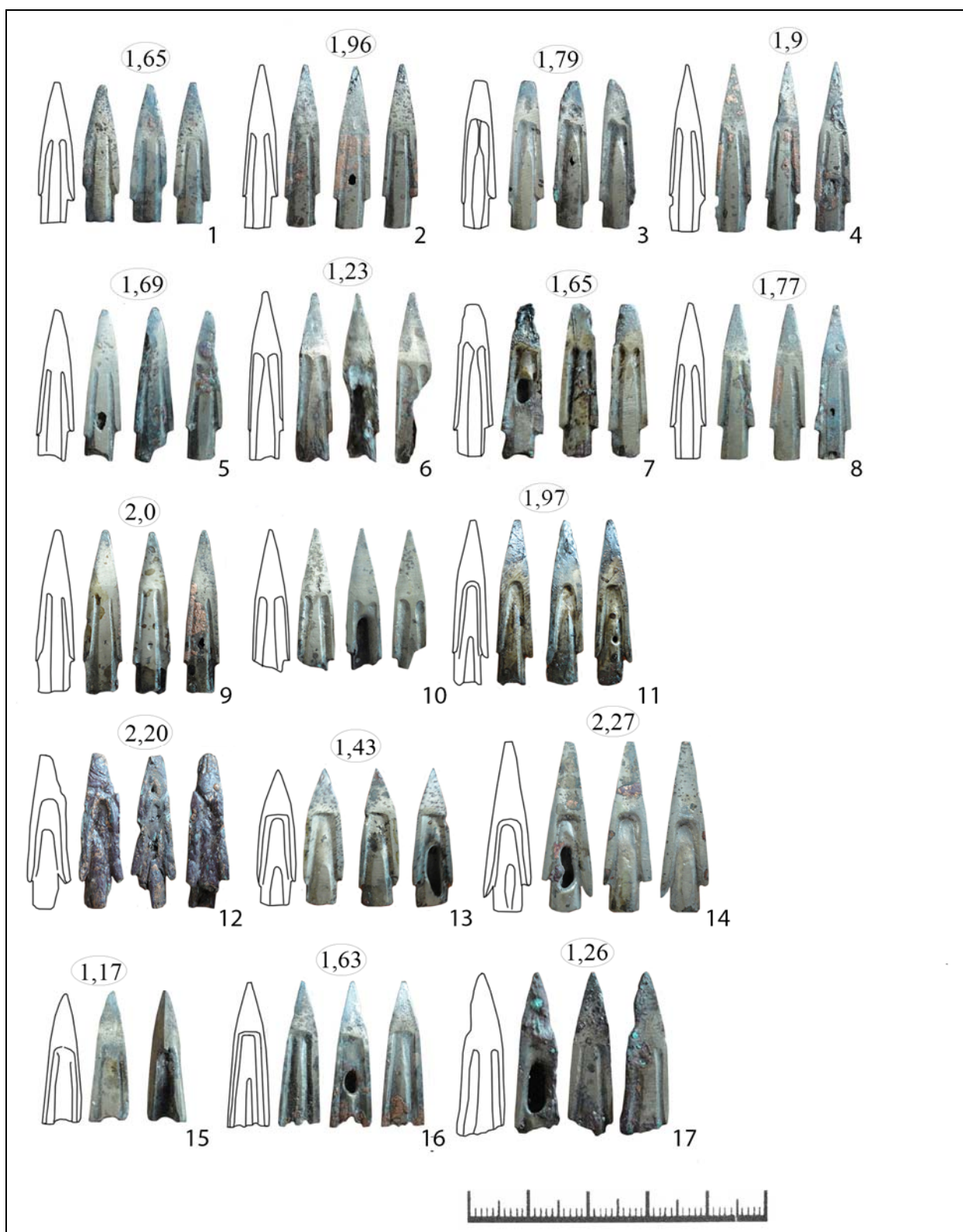

Рис. 7. Новorozановка, курган 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 7. Novorozanovka Burial-ground, Burial-mound 1 (Drawings and Photos by the Author).

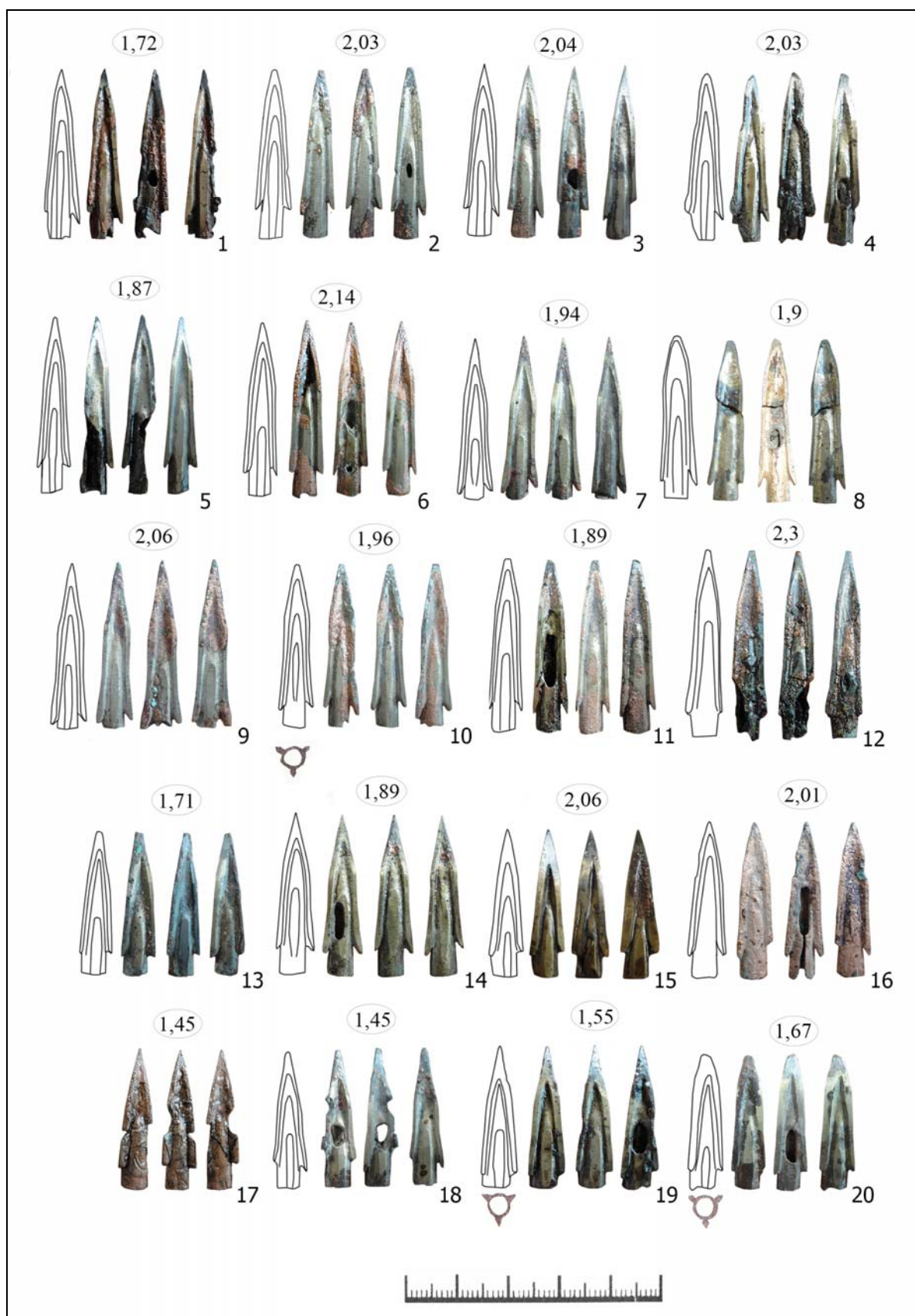

Рис. 8. Новорозановка, курган 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 8. Novorozanovka Burial-ground, Burial-mound 1 (Drawings and Photos by the Author).

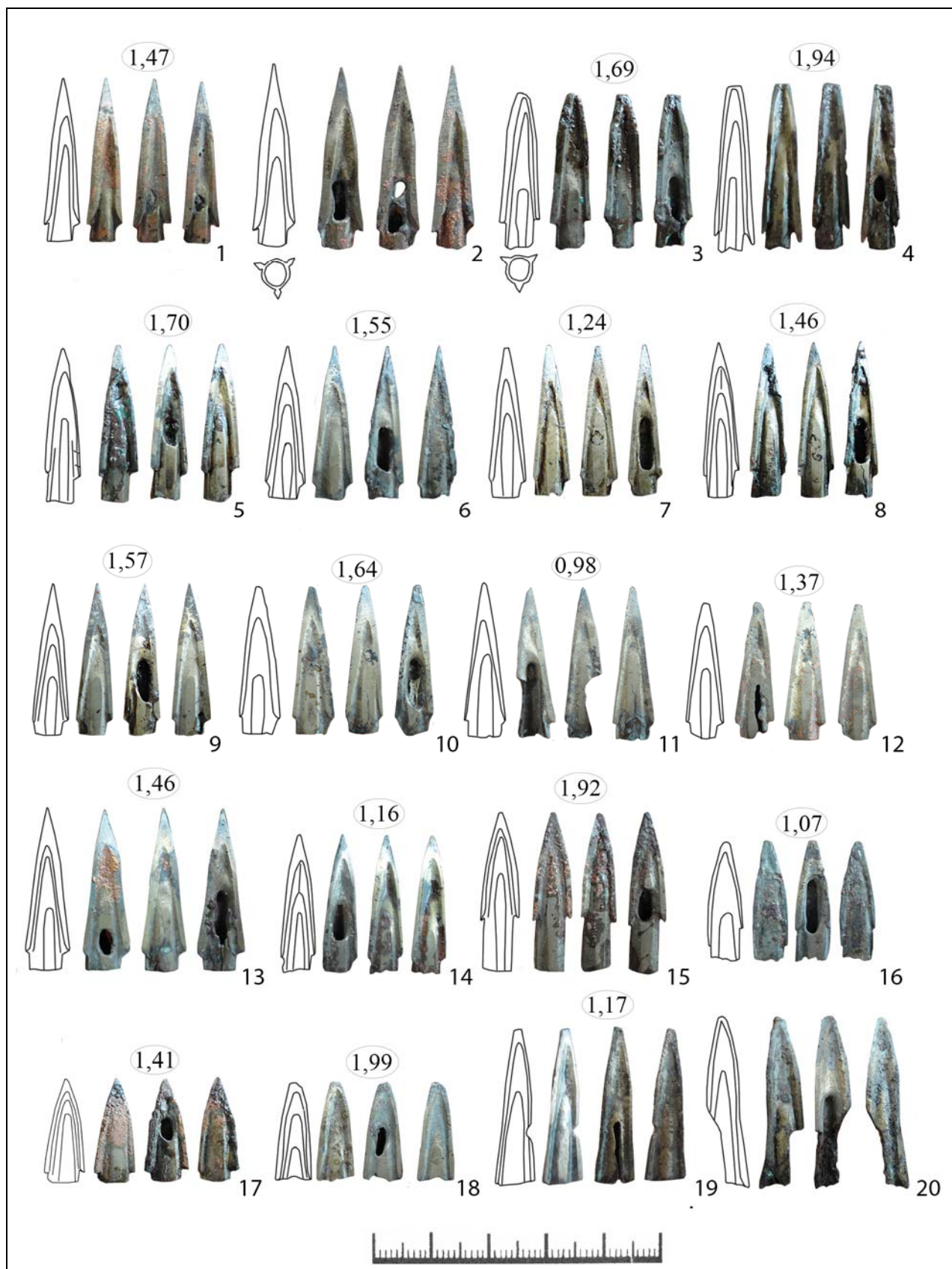

Рис. 9. Новorozановка, курган 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 9. Novorozanovka Burial-ground, Burial-mound 1 (Drawings and Photos by the Author).

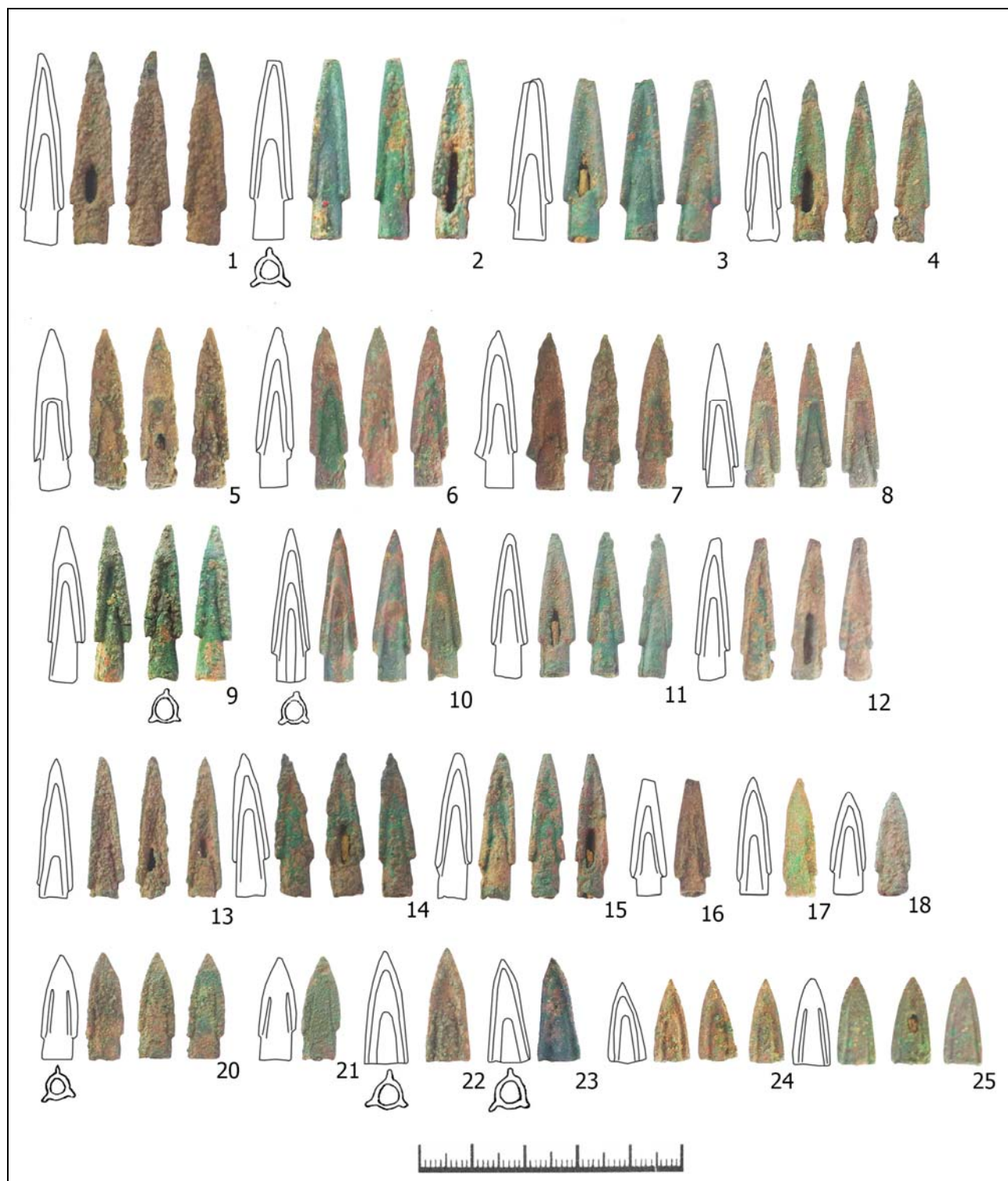

Рис. 10. Новопавловка, курган 2, погребение 1 (фото О.Е. Буравчук, рисунки М.Н. Дараган).

Fig. 10. Novopavlovka Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (photo by O.E. Buravchuk, Drawings by M.N. Daragan).

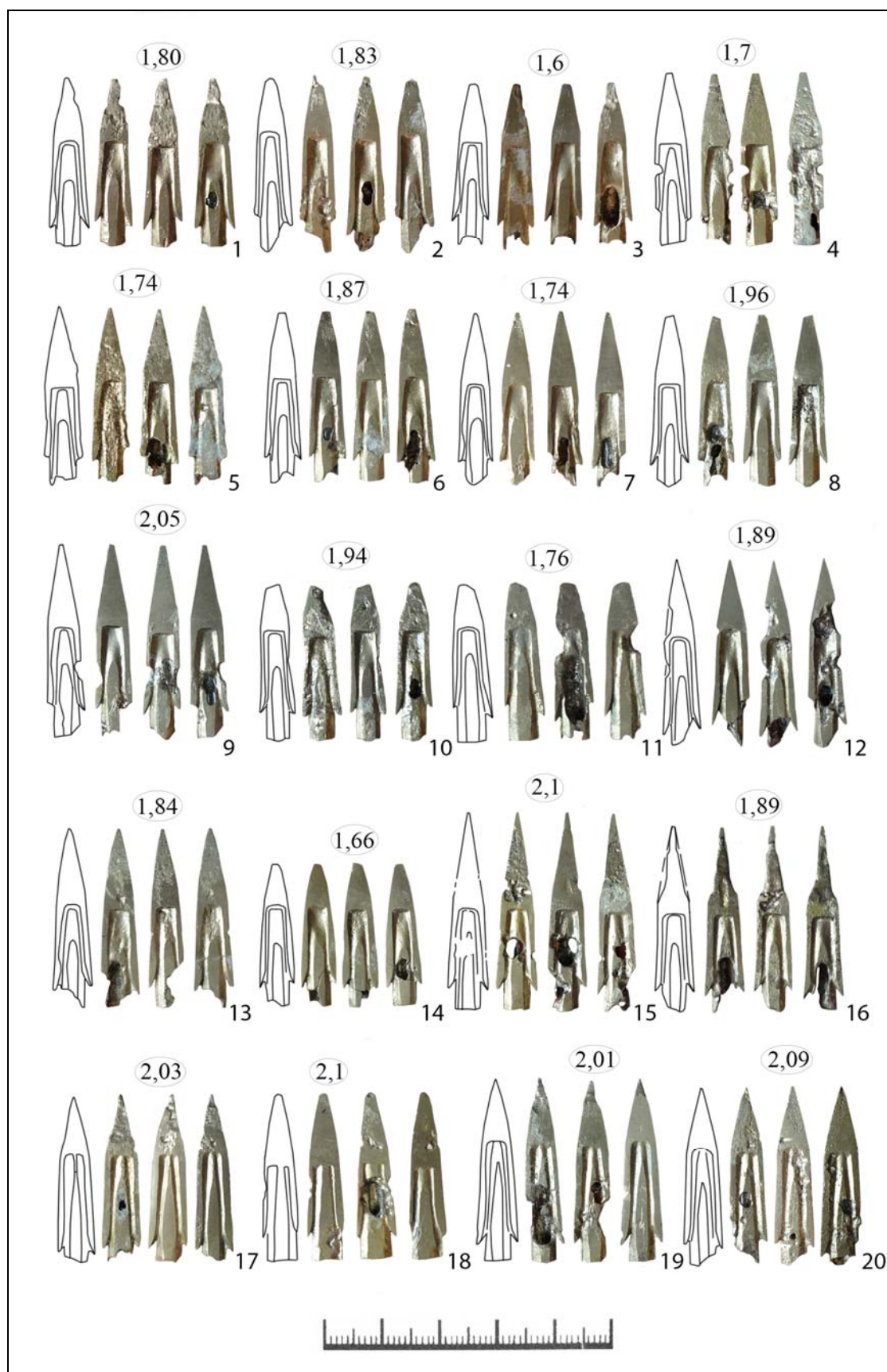

Рис. 11. Кобзарцы, курган 6 (рисунки и фото автора).

Fig. 11. Kobzartzy Burial-ground, Burial-mound 6 (Drawings and Photos by the Author).

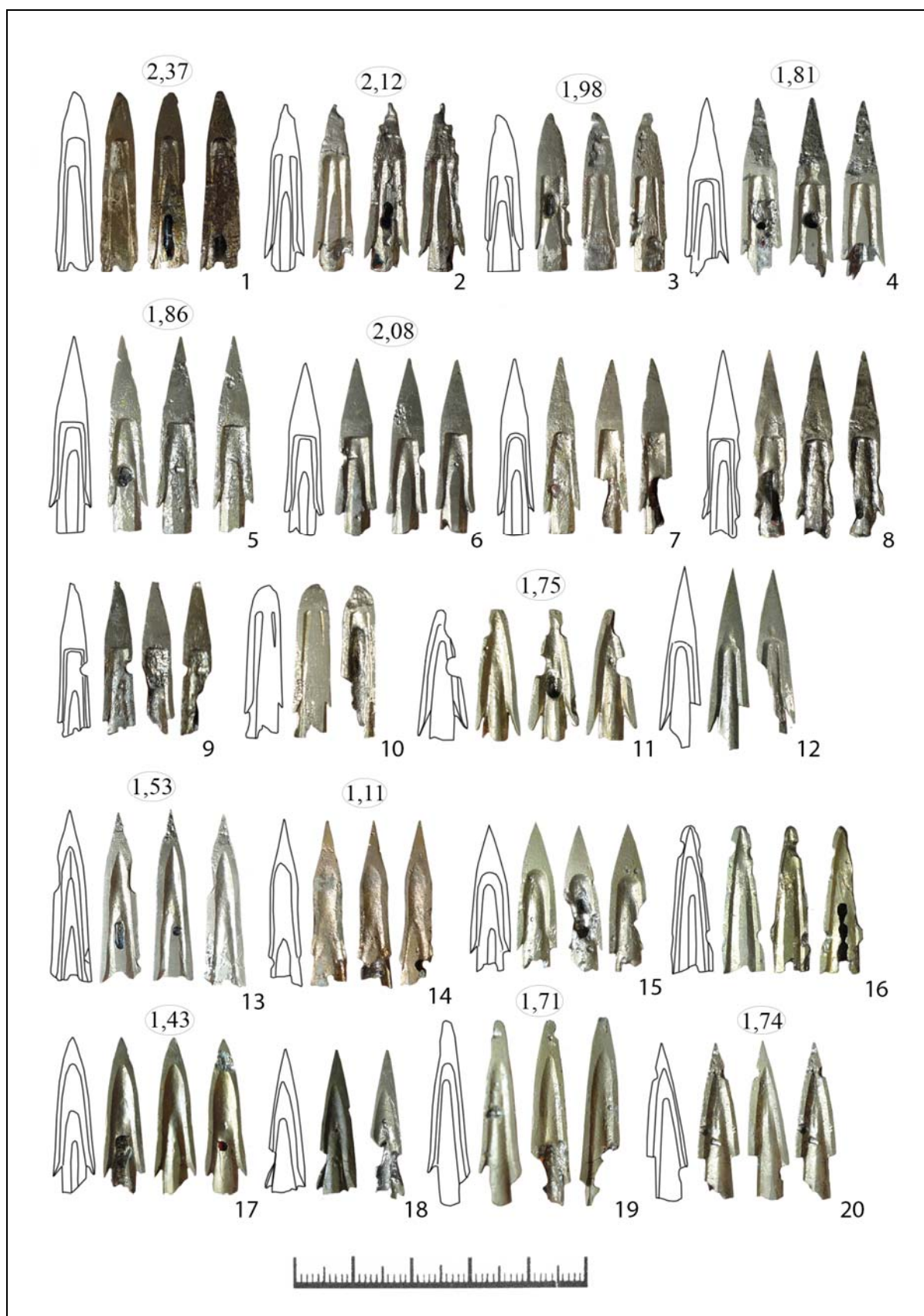

Рис. 12. Кобзарцы, курган 6 (рисунки и фото автора).

Fig. 12. Kobzartzy Burial-ground, Burial-mound 6 (Drawings and Photos by the Author).

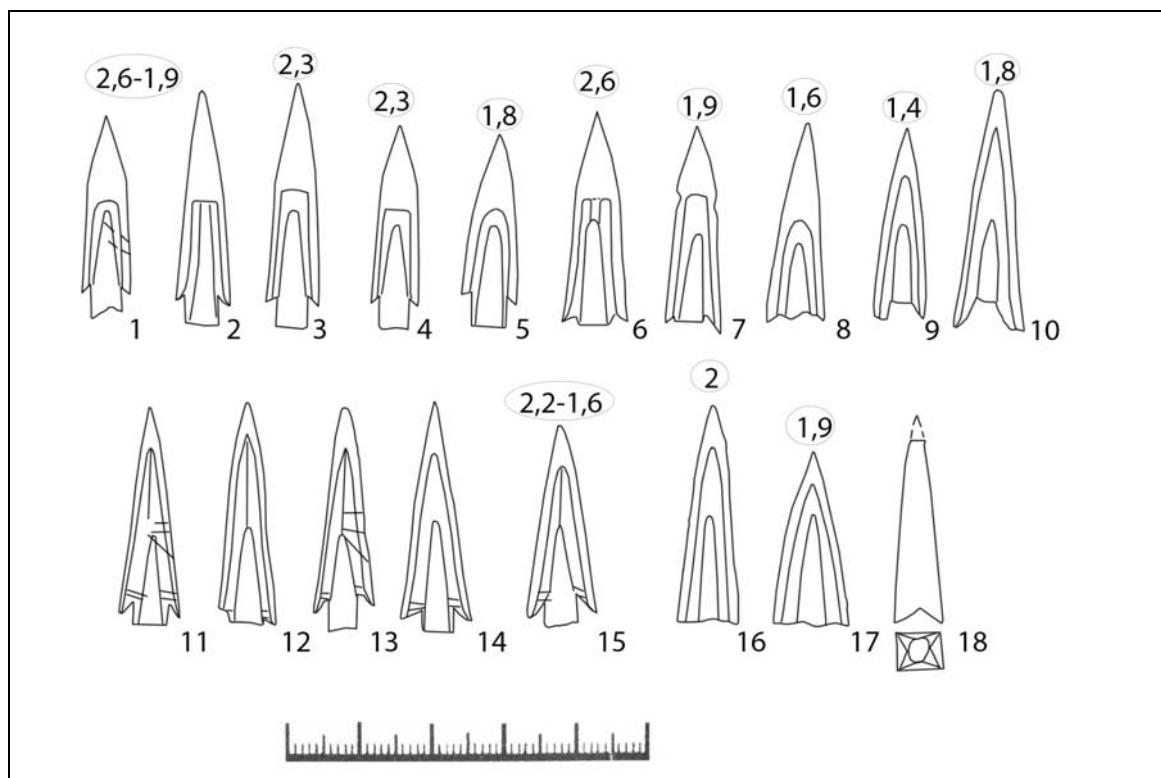

Рис. 13. Каменная Балка курган 6, погребение 1 (рисунок С.В.Полина, архив С.В.Полина).

Fig. 13. Kamennaya Balka Burial-ground, Burial-mound 6, Burial 1 (Drawing by S.V. Polin, Archive of S.V. Polin).

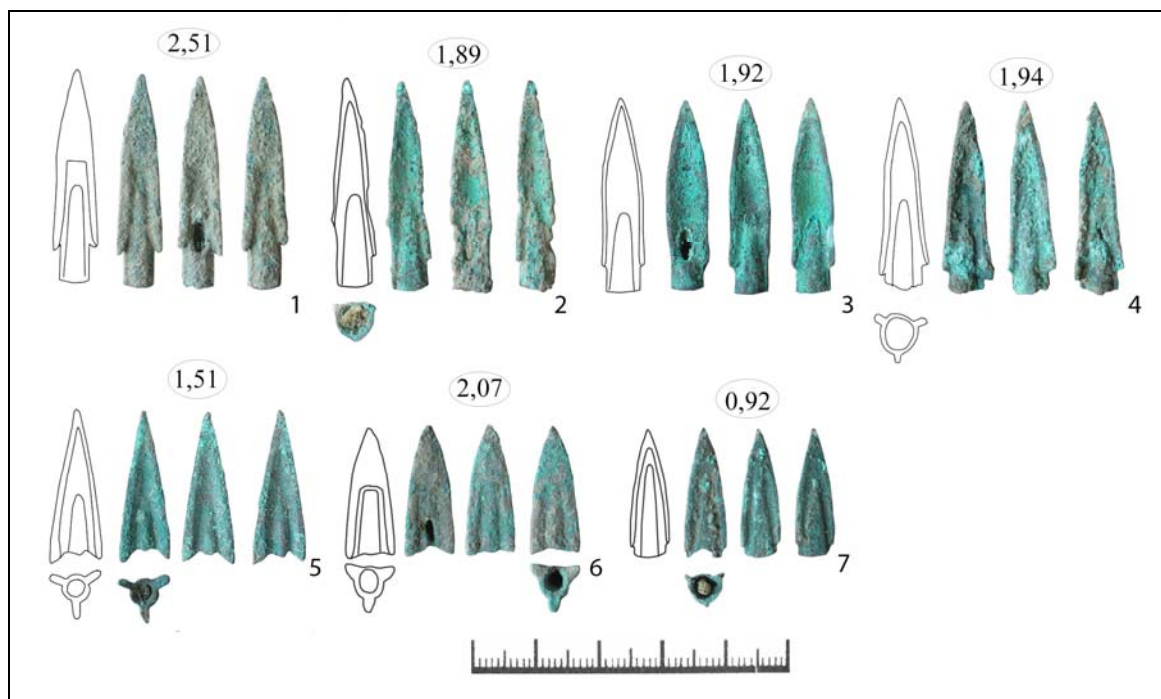

Рис. 14. Лиманцы, курган 4, погребение 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 14. Limantzy Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 2 (Drawings and Photos by the Author).

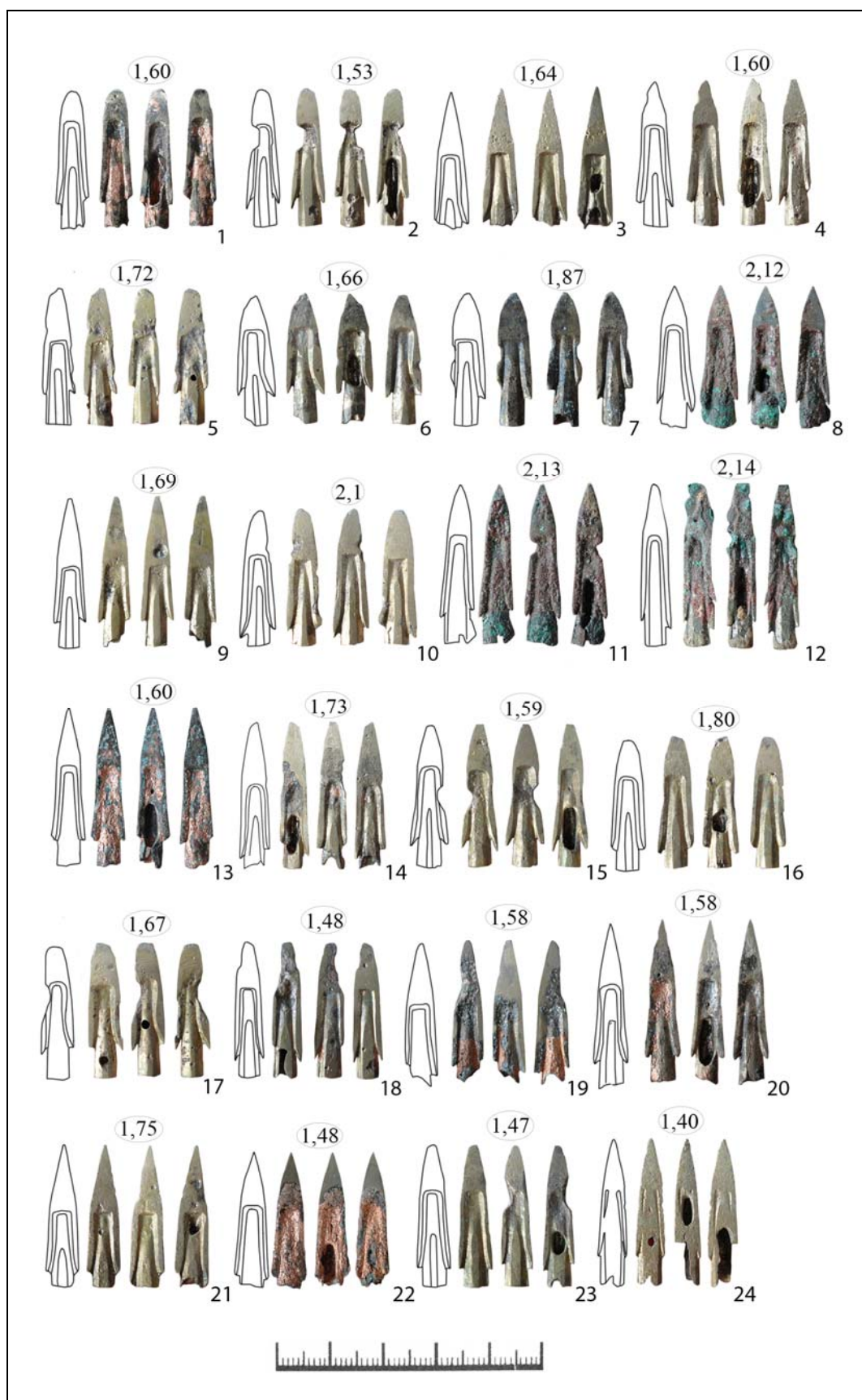

Рис. 15. Калининское, курган 2, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 15. Kalininskoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

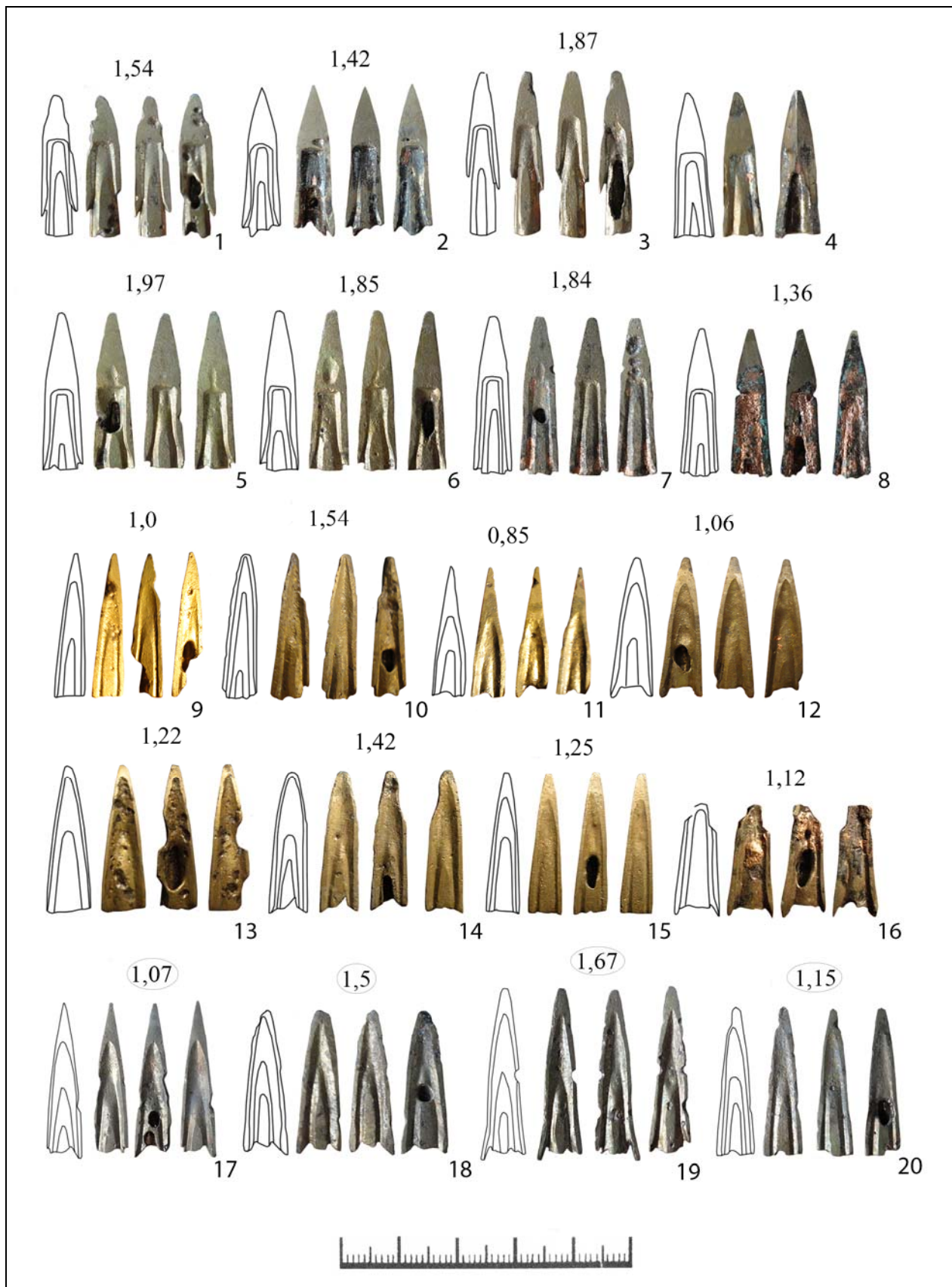

Рис. 16. Калининское, курган 2, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 16. Kalininskoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

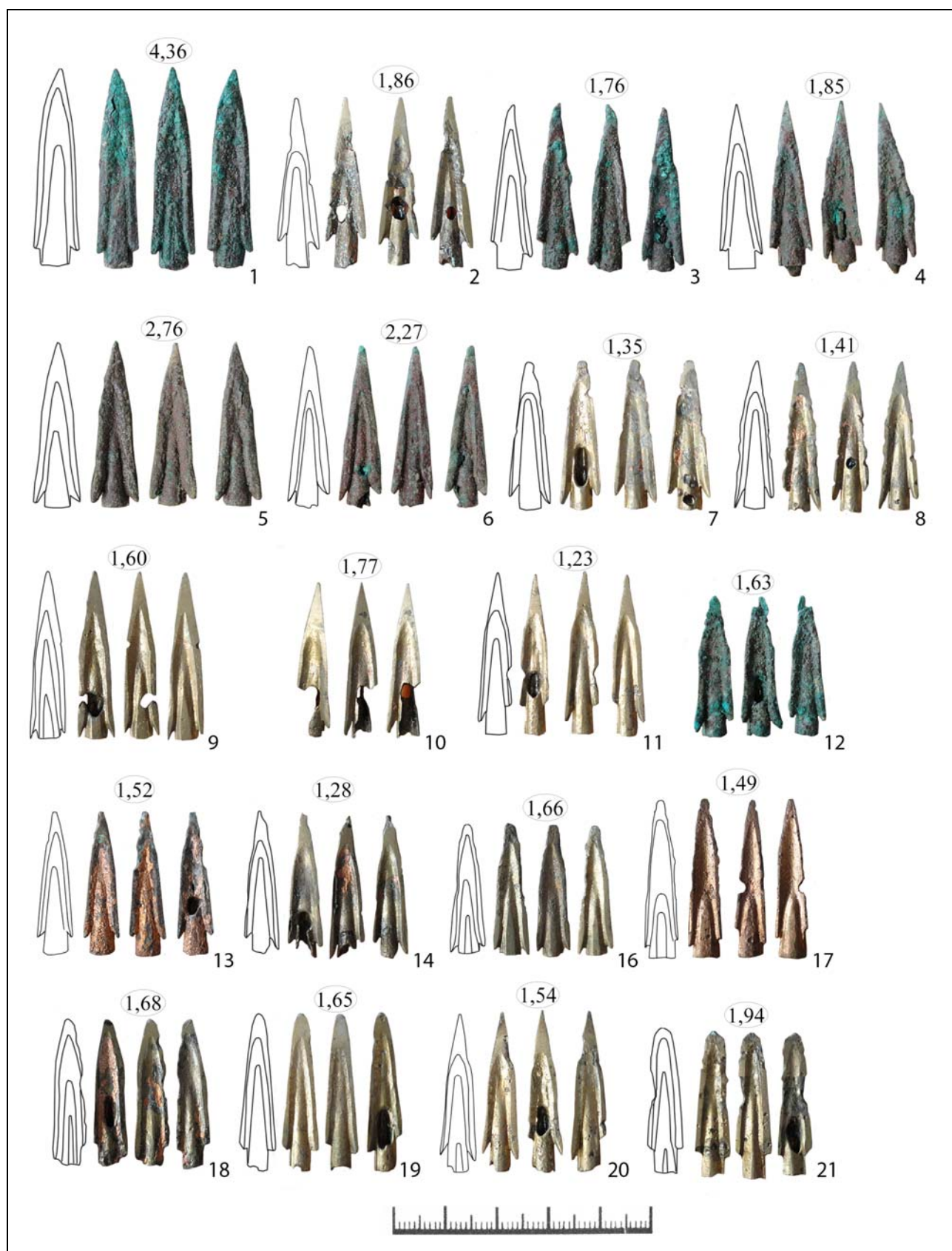

Рис. 17. Калининское, курган 2, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 17. Kalininskoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

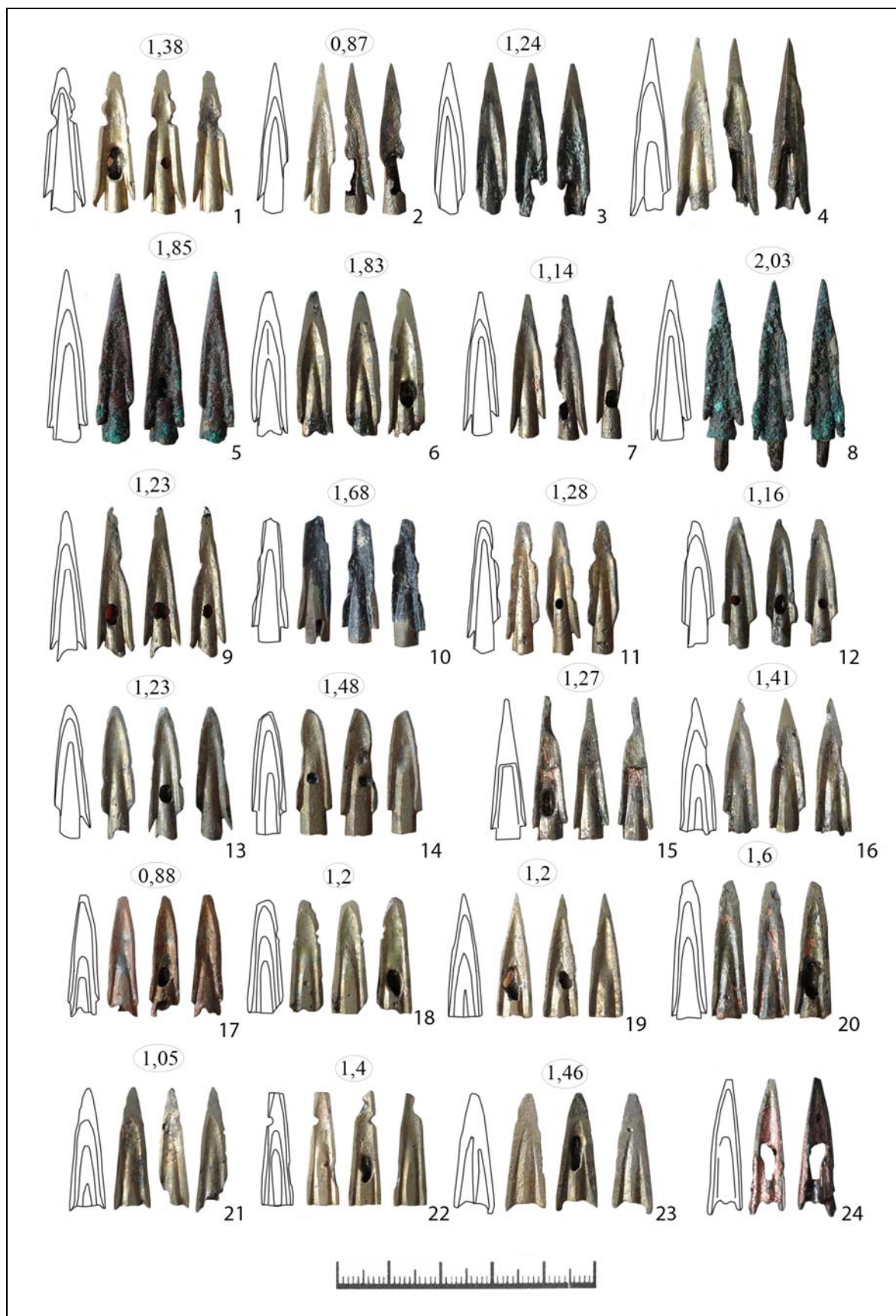

Рис. 18. Калининское, курган 2, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 18. Kalininskoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

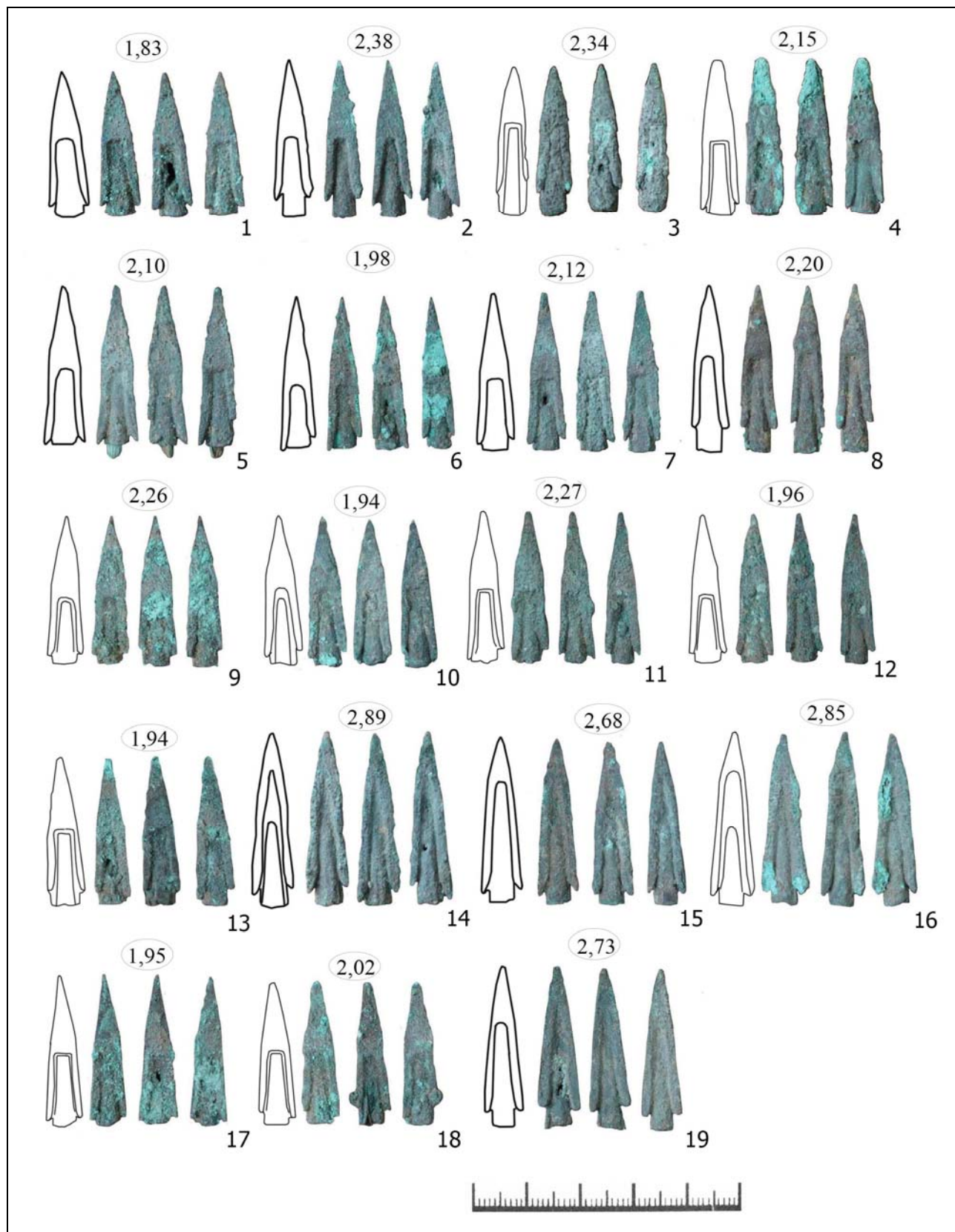

Рис. 19. Садово, курган 4, погребение 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 19. Sadovo Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 2 (Drawings and Photos by the Author).

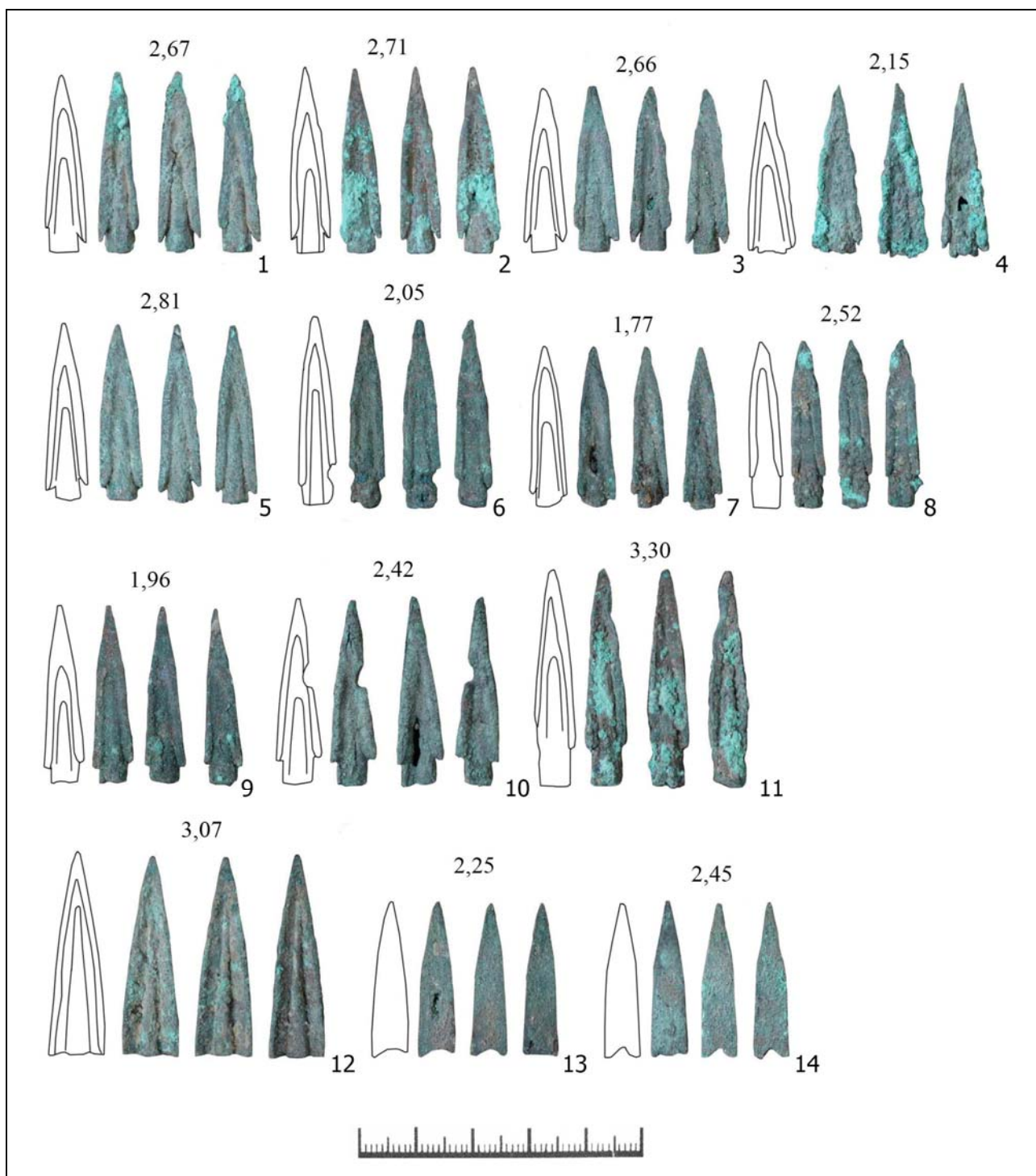

Рис. 20. Садово, курган 4, погребение 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 20. Sadovo Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 2 (Drawings and Photos by the Author).

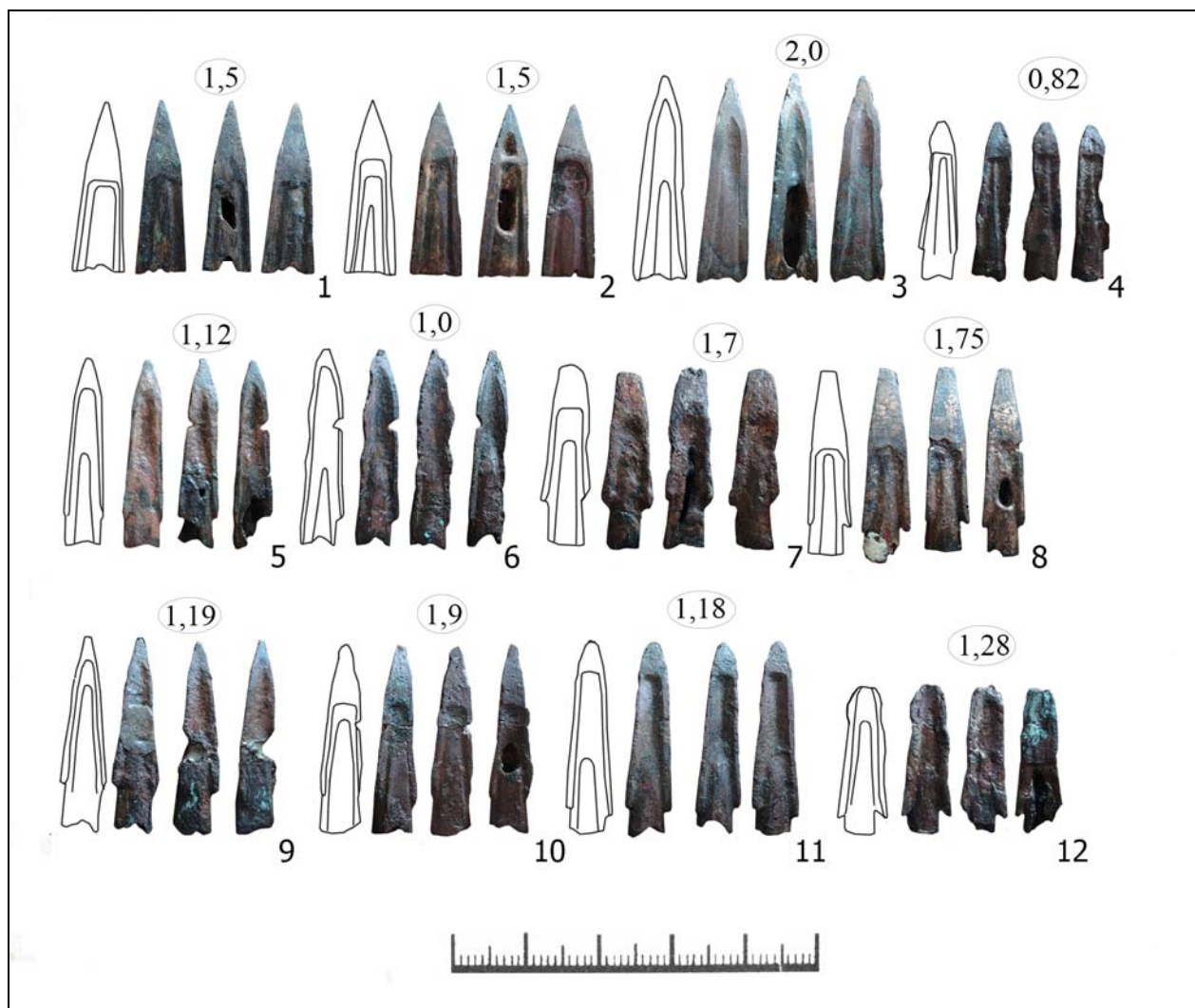

Рис. 21. Привольное, курган 5, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 21. Privolnoe Burial-ground, Burial-mound 5, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

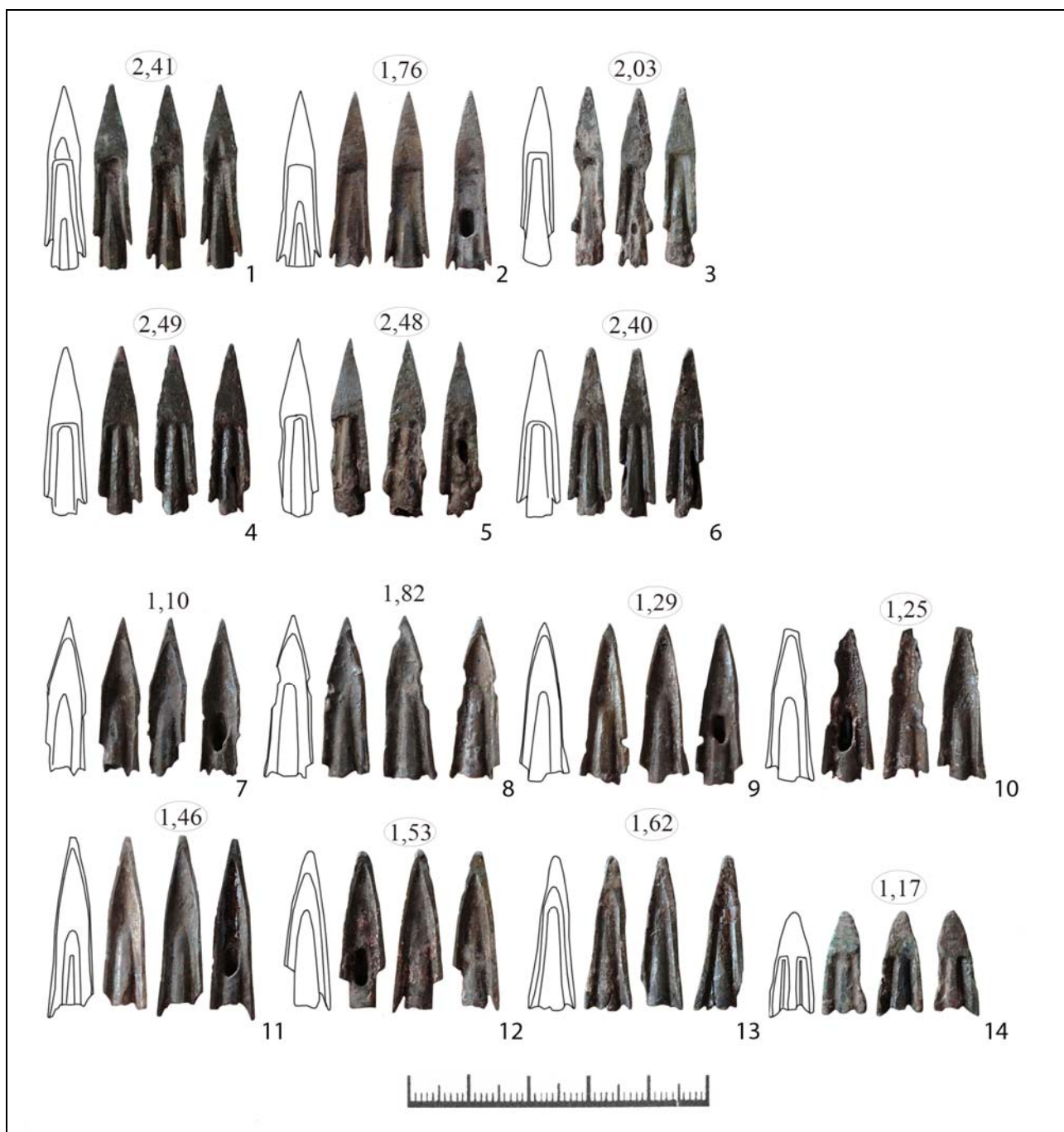

Рис. 22. Мирное, курган 2, погребение 3 (рисунки и фото автора).

Fig. 22. Mirnoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 3 (Drawings and Photos by the Author).

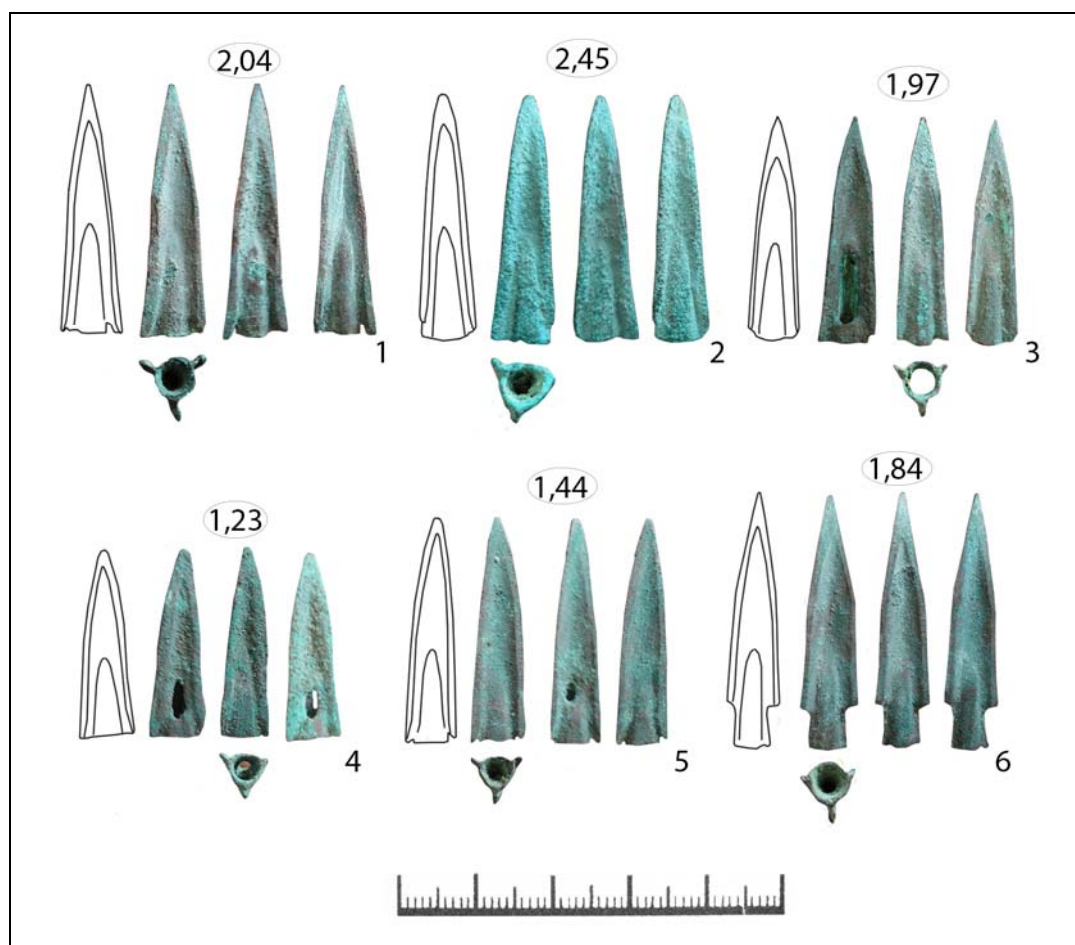

Рис. 23. Широкое III, курган 13, погребение 4 (рисунки и фото автора).

Fig. 23. Shirokoe III Burial-ground, Burial-mound 13, Burial 4 (Drawings and Photos by the Author).

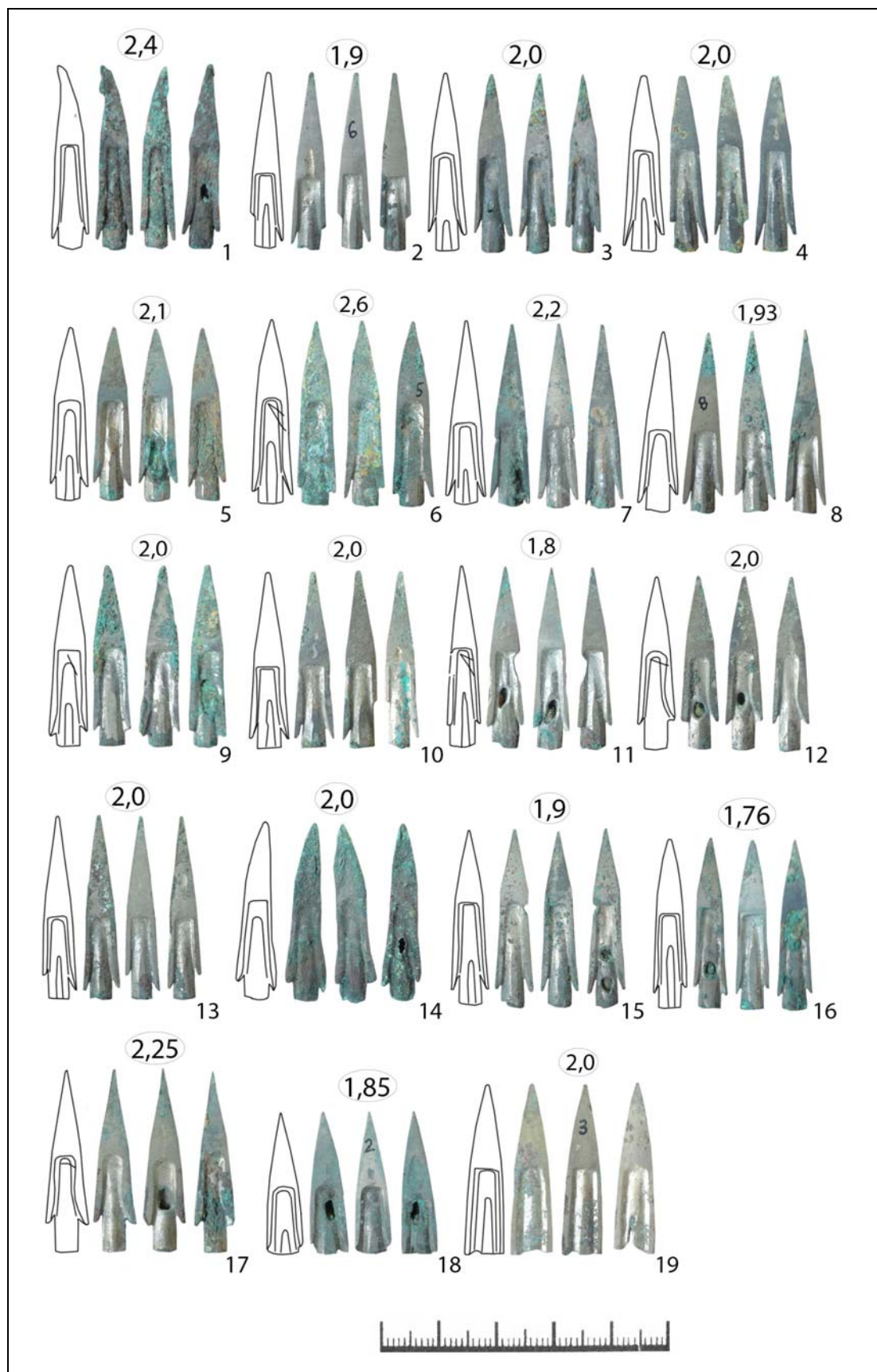

Рис. 24. Головковка, курган 26 (рисунки и фото автора).

Fig. 24. Golovkovka Burial-ground, Burial-mound 26 (Drawings and Photos by the Author).

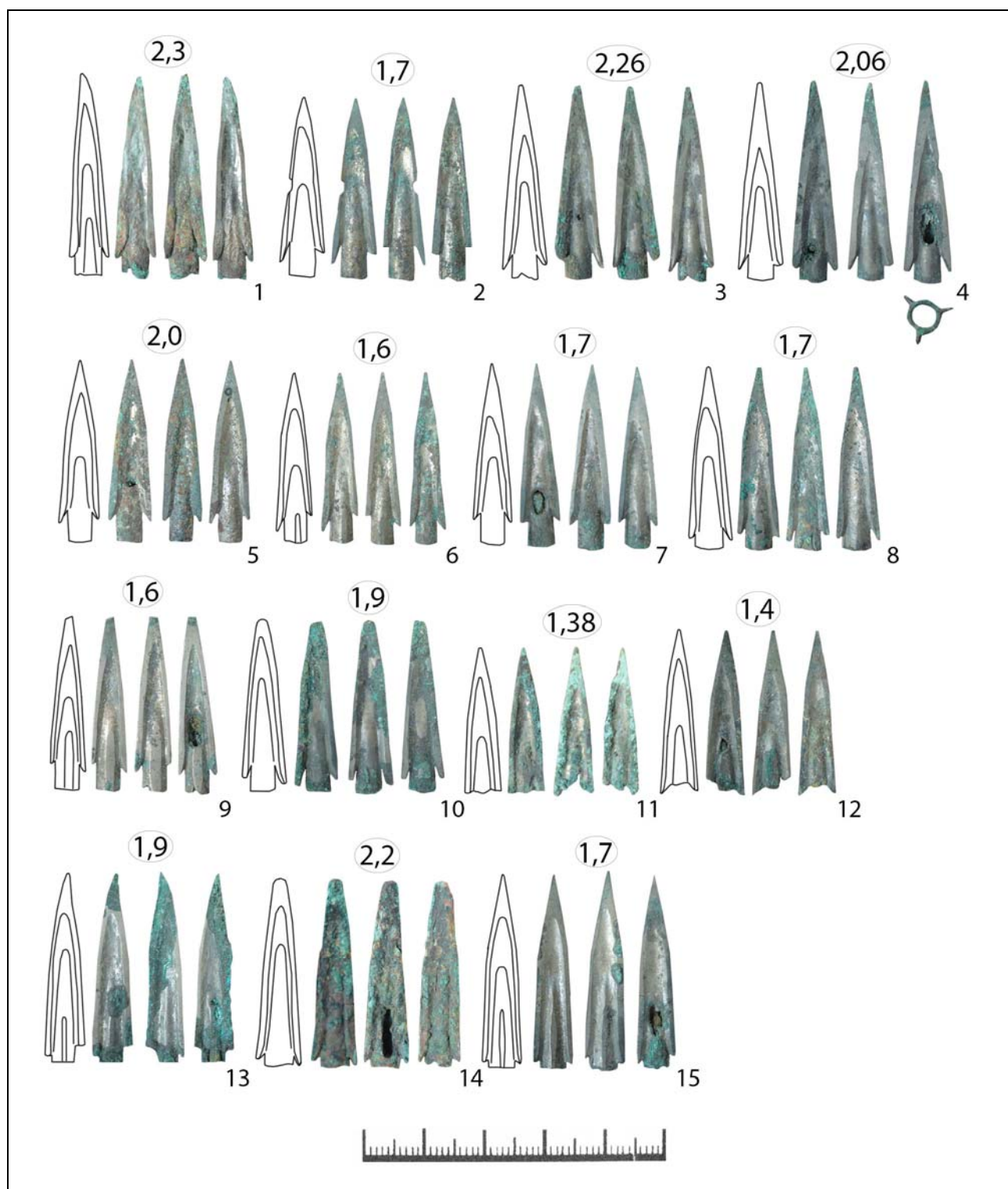

Рис. 25. Головковка, курган 26 (рисунки и фото автора).

Fig. 25. Golovkovka Burial-ground, Burial-mound 26 (Drawings and Photos by the Author).

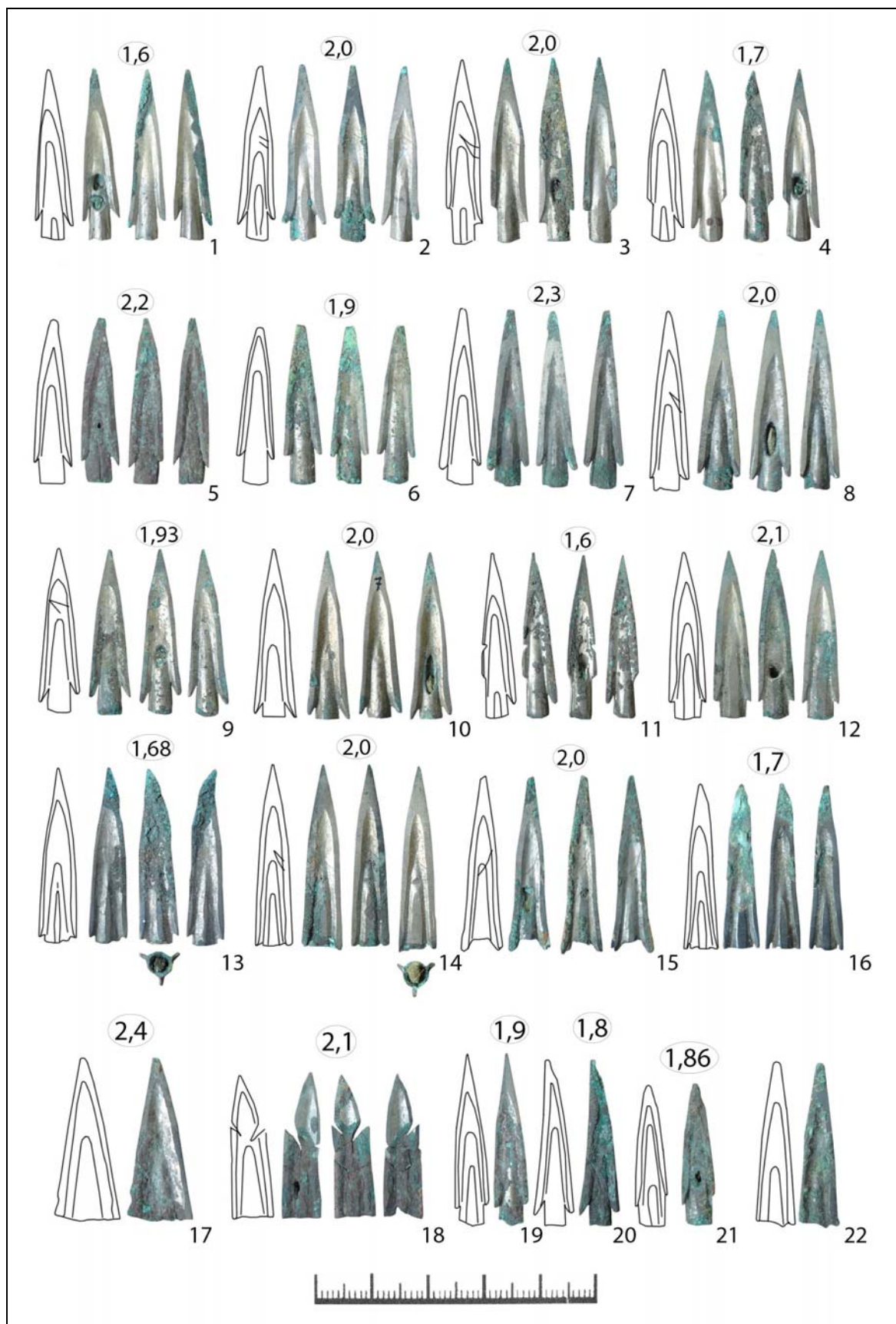

Рис. 26. Головковка, курган 26 (рисунки и фото автора).

Fig. 26. Golovkovka Burial-ground, Burial-mound 26 (Drawings and Photos by the Author).

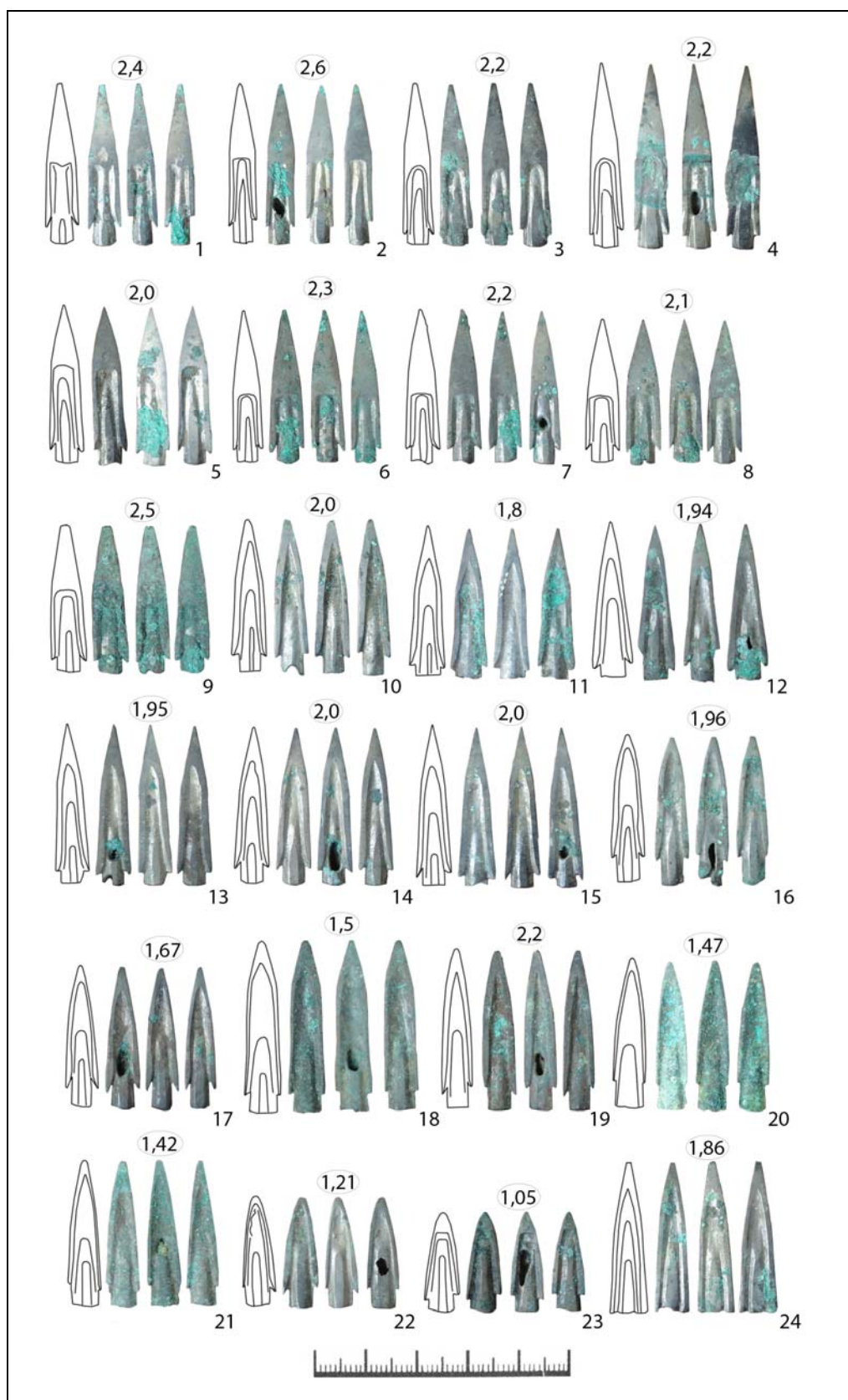

Рис. 27. Молдовка, курган 5, погребение 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 27. Moldovka Burial-ground, Burial-mound 5, Burial 2 (Drawings and Photos by the Author).

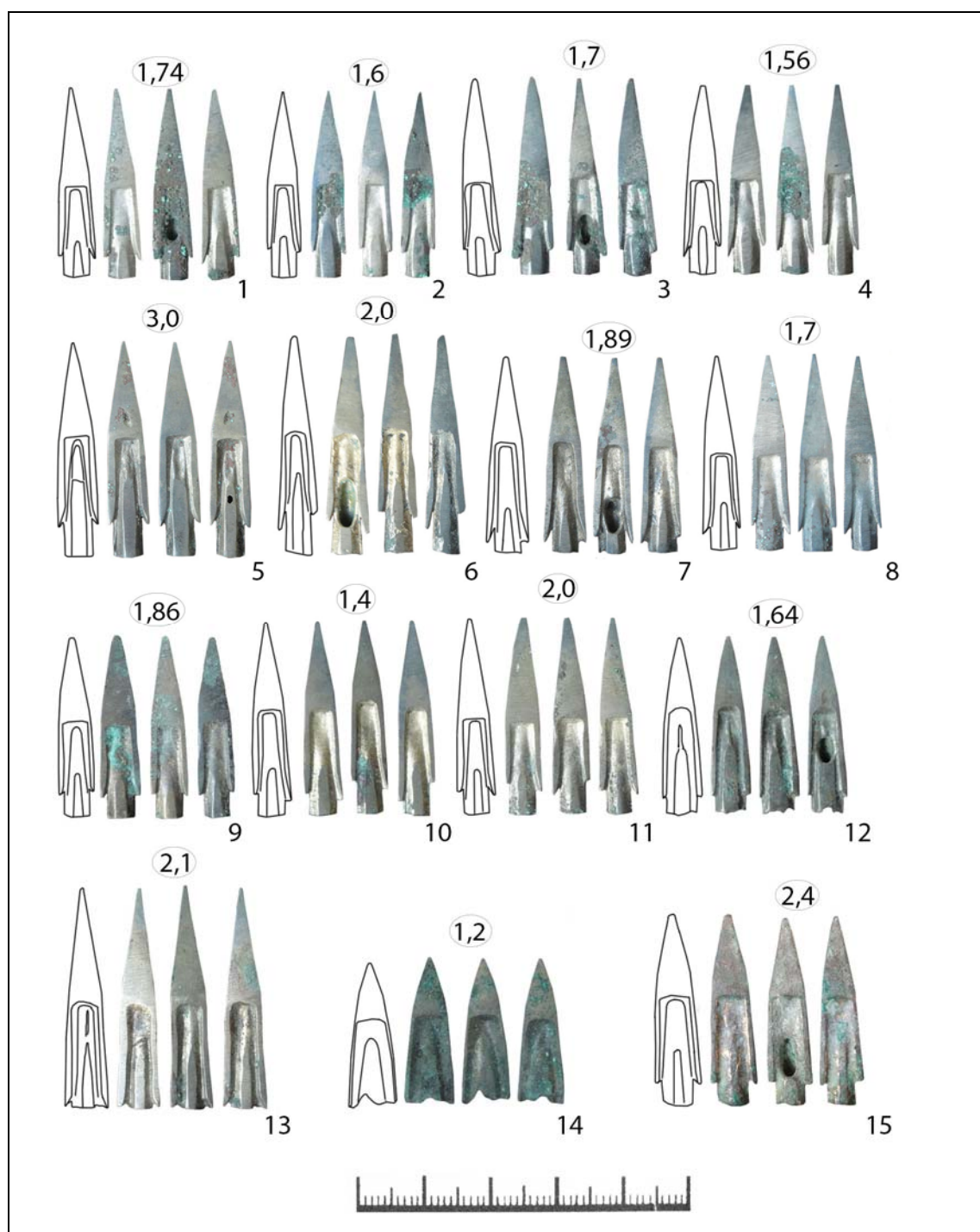

Рис. 28. Молдовка, курган 5, погребение 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 28. Moldovka Burial-ground, Burial-mound 5, Burial 2 (Drawings and Photos by the Author).

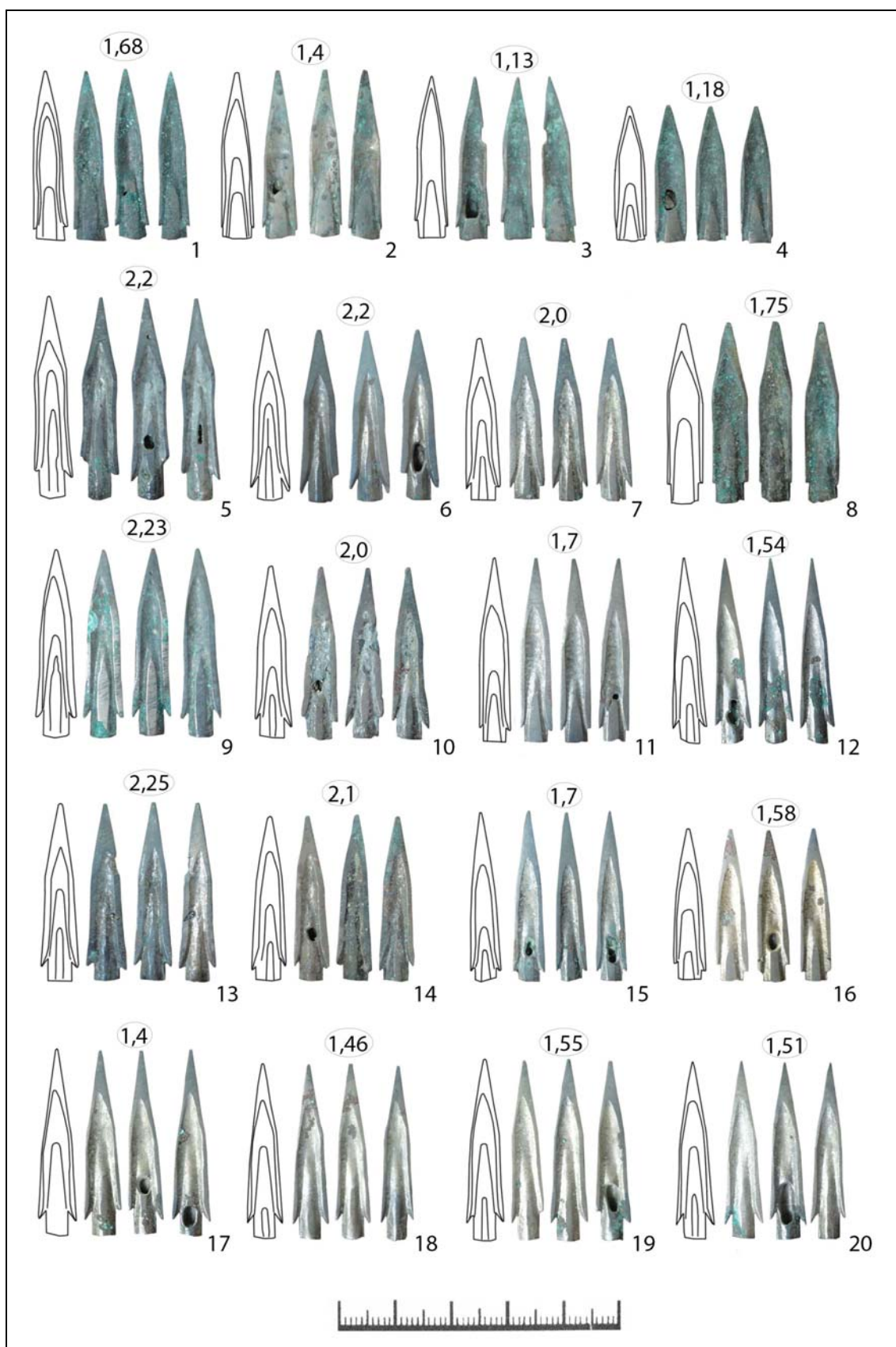

Рис. 29. Молдовка, курган 6, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 29. Moldovka Burial-ground, Burial-mound 6, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

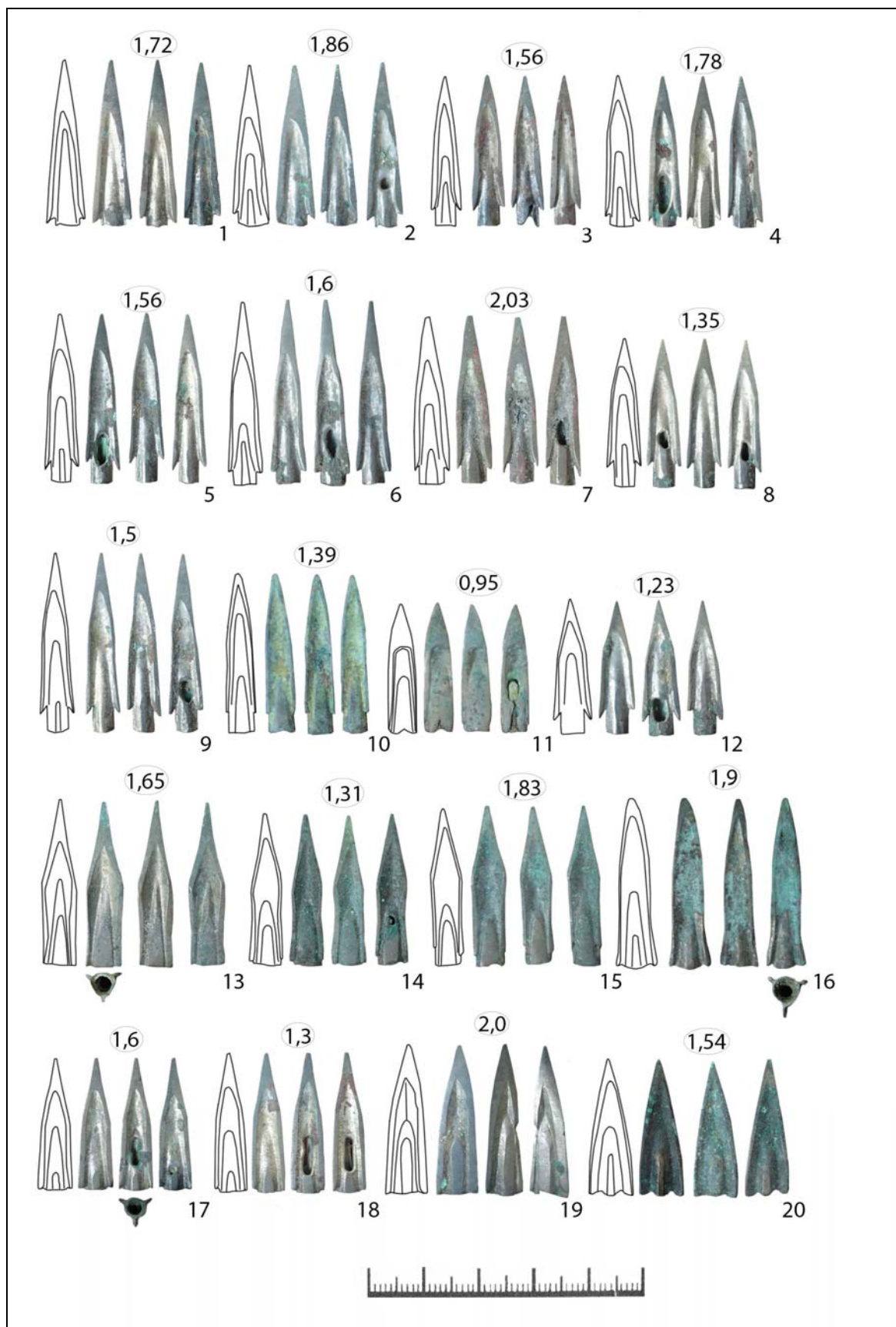

Рис. 30. Молдовка, курган 6, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 30. Moldovka Burial-ground, Burial-mound 6, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

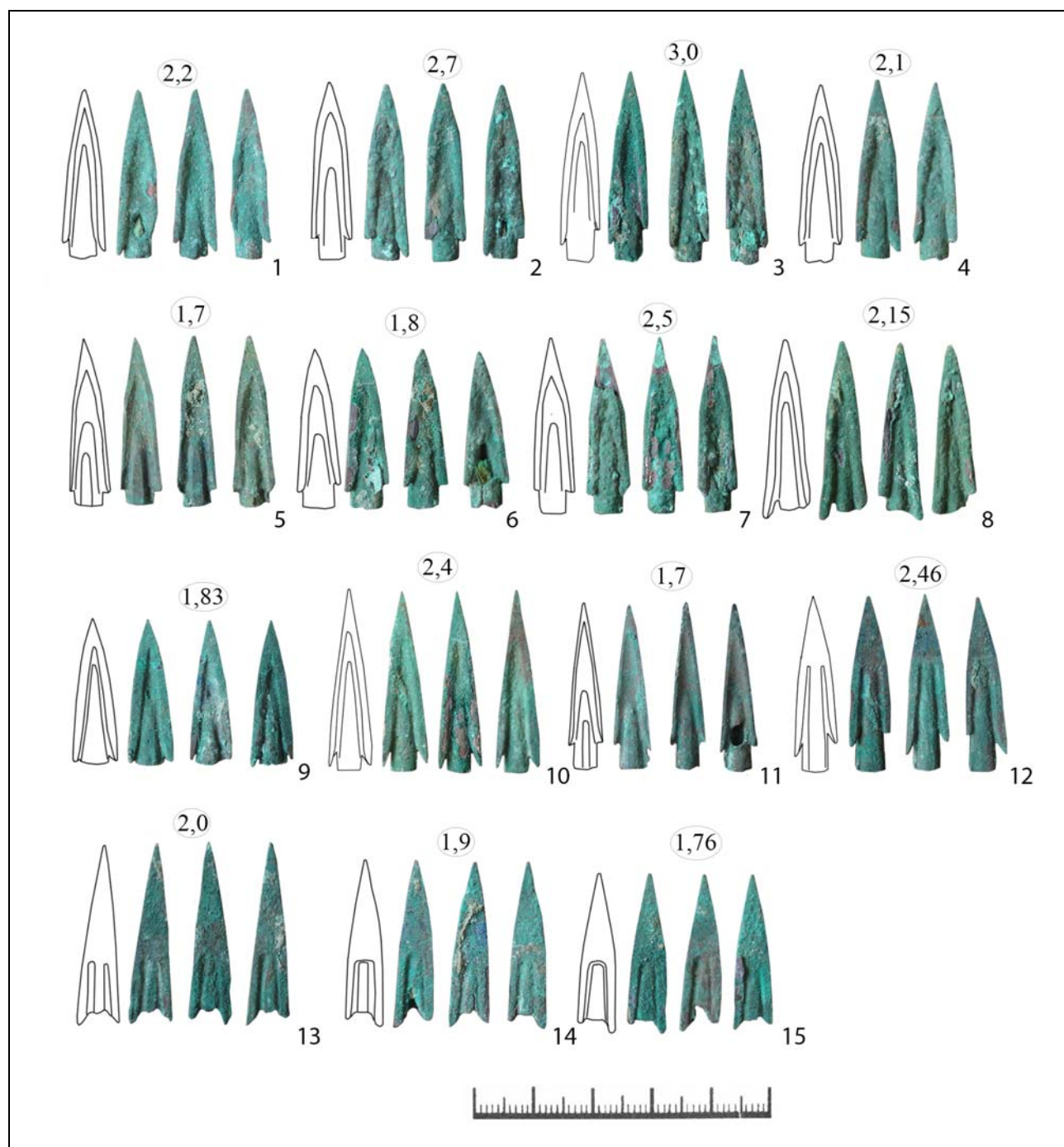

Рис. 31. Круглая могила, курган 7, погребение 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 31. Kruglaya mogila Burial-ground, Burial-mound 7, Burial 2 (Drawings and Photos by the Author).

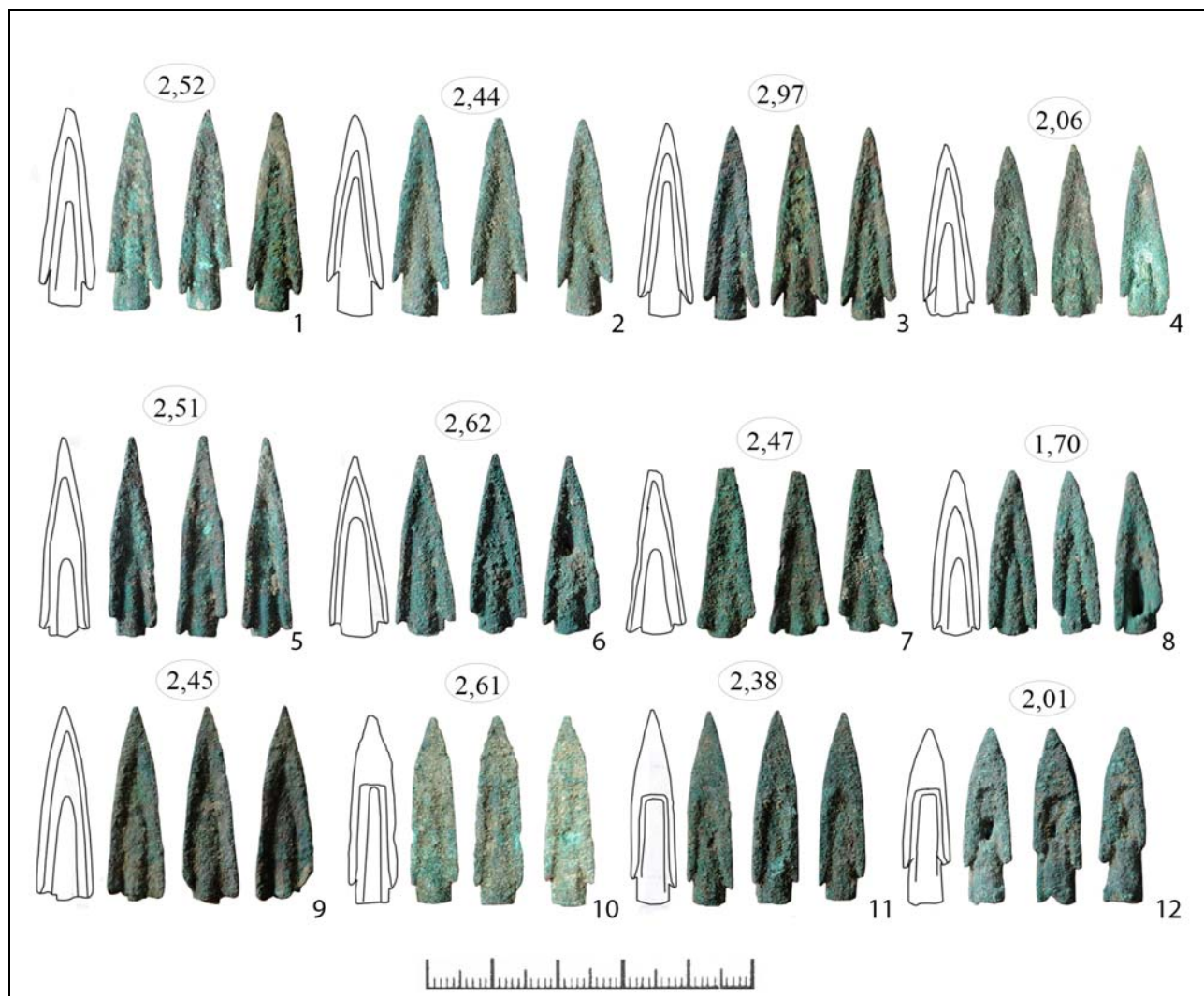

Рис. 32. Вольно-Улановка, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 32. Volno-Ulanovka Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

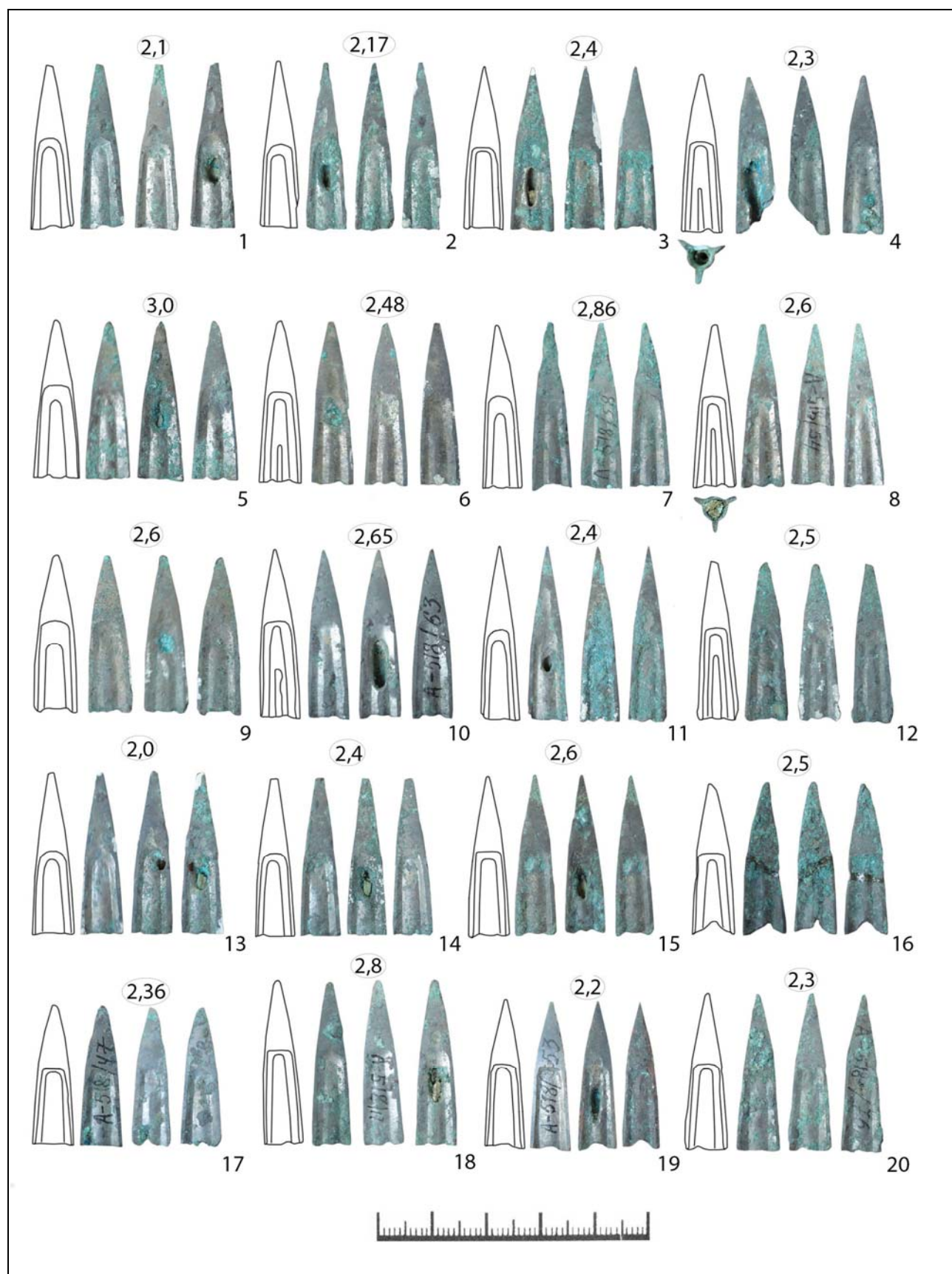

Рис. 33. Омельник, курган 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 33. Omelnik Burial-ground, Burial-mound 2 (Drawings and Photos by the Author).

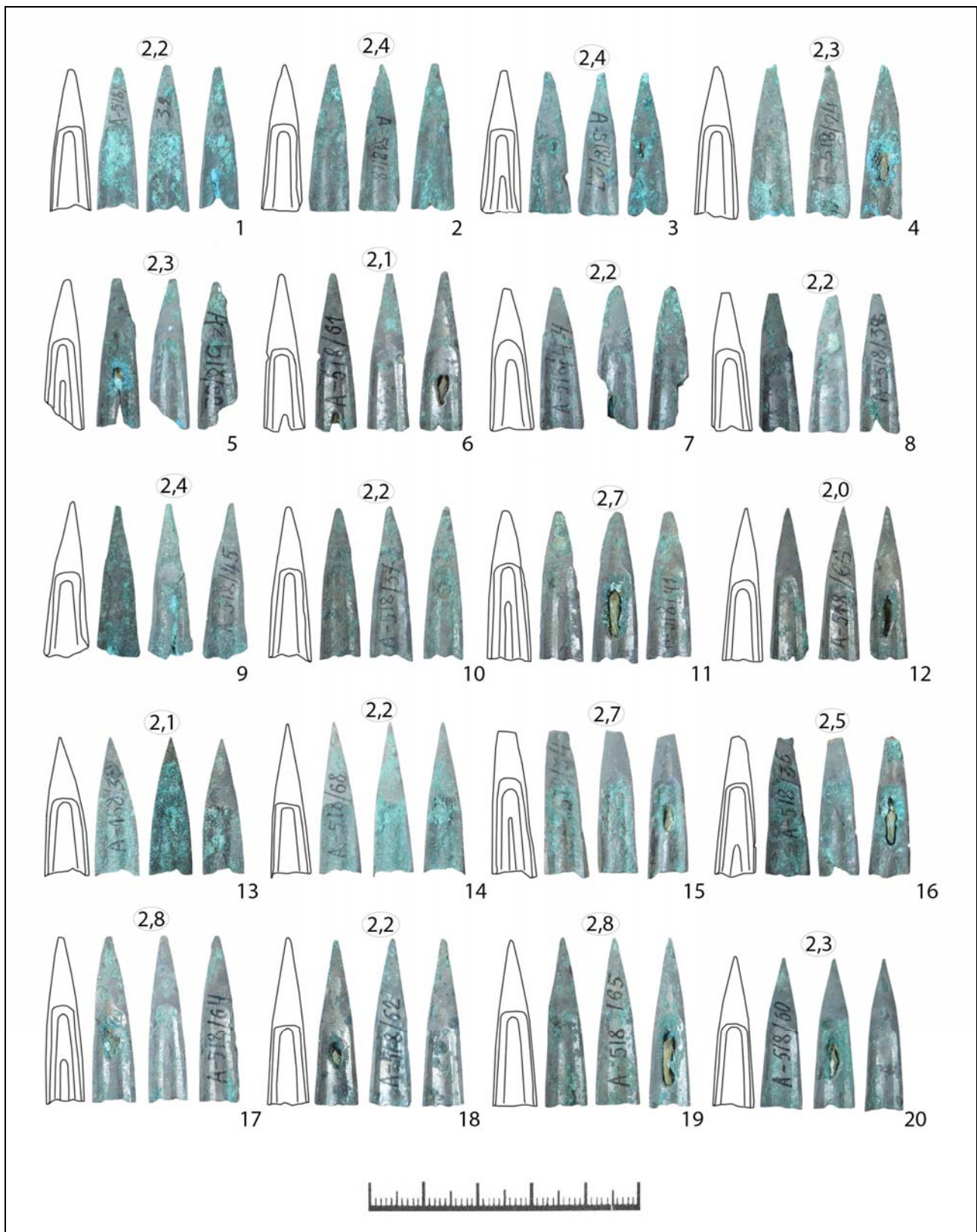

Рис. 34. Омельник, курган 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 34. Omelnik Burial-ground, Burial-mound 2 (Drawings and Photos by the Author).

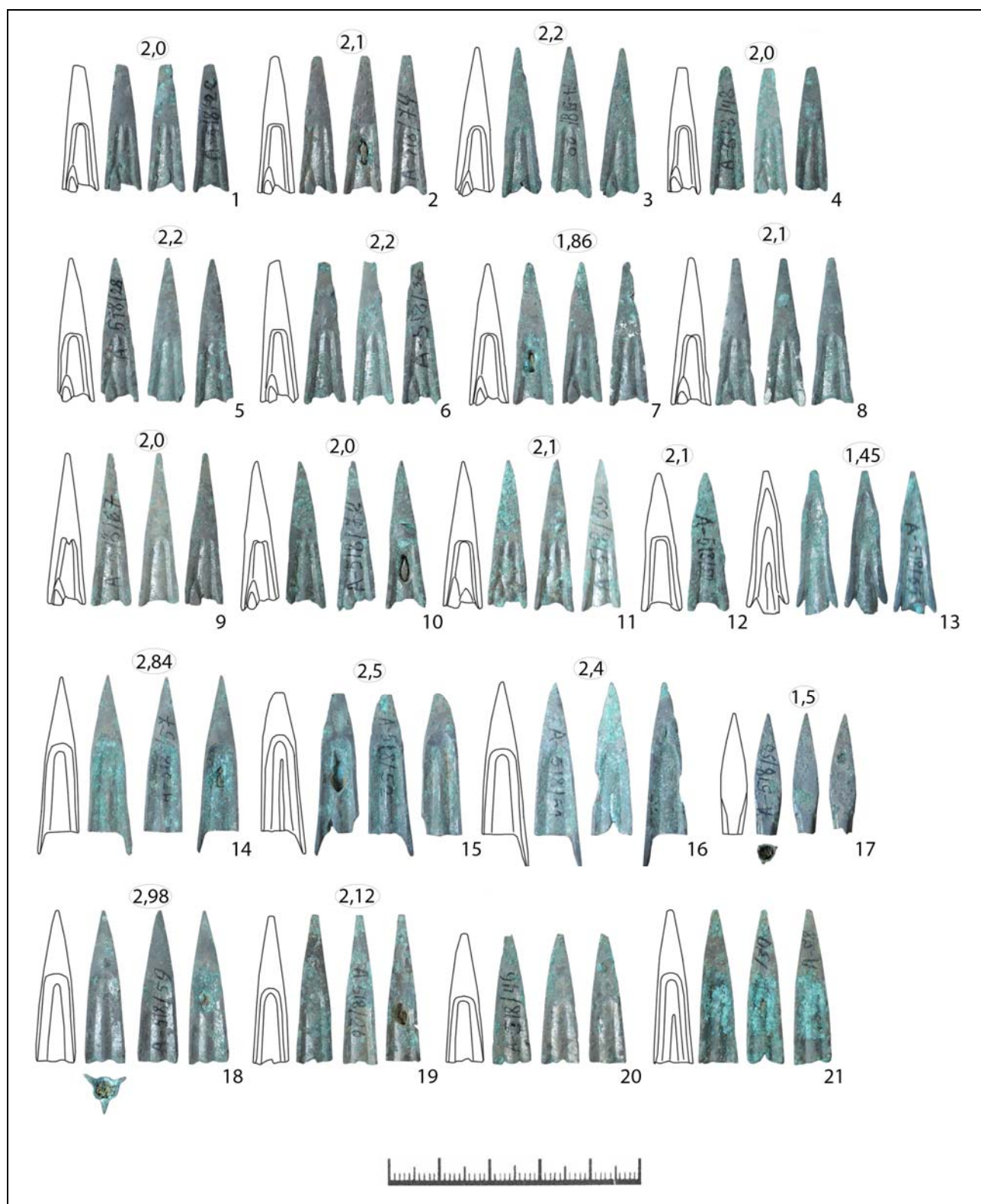

Рис. 35. Омельник, курган 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 35. Omelnik Burial-ground, Burial-mound 2 (Drawings and Photos by the Author).

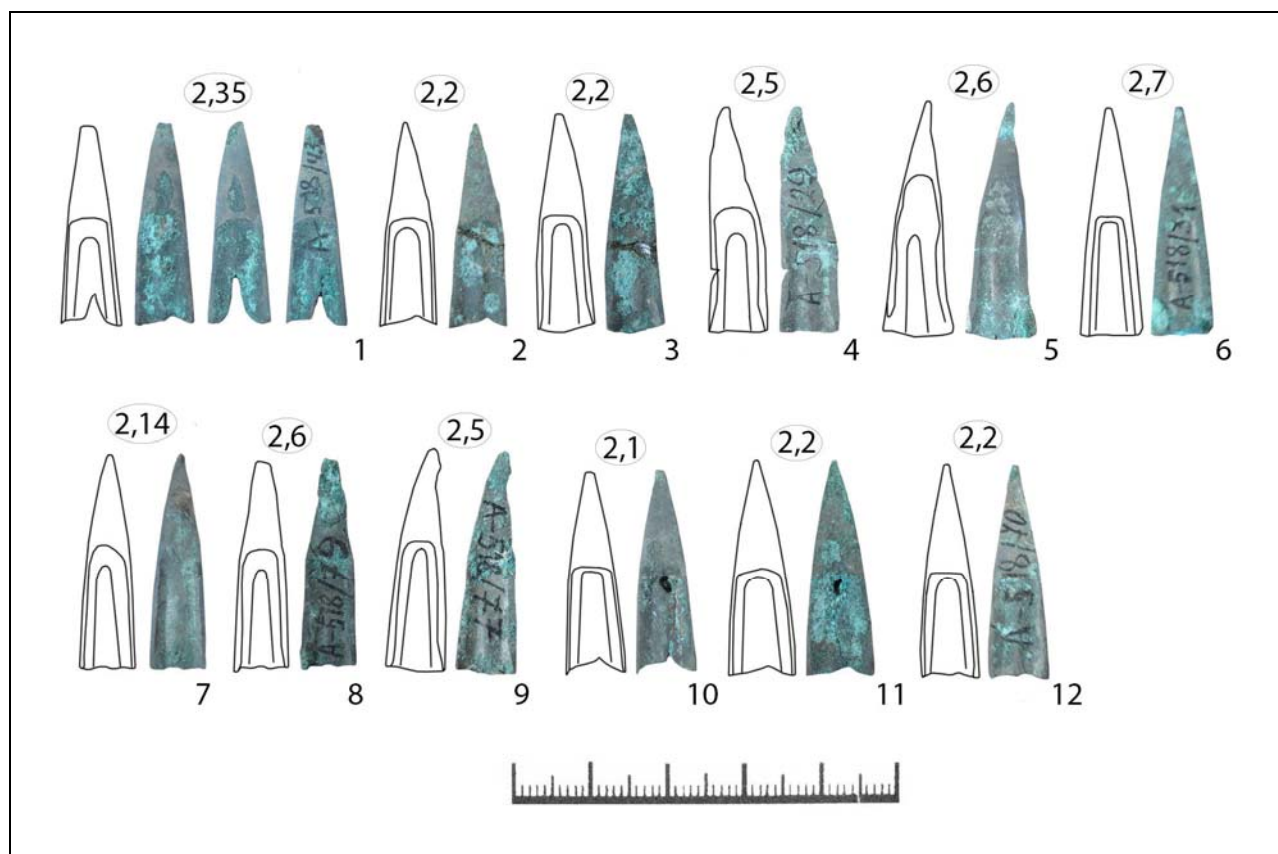

Рис. 36. Омельник, курган 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 36. Omelnik Burial-ground, Burial-mound 2 (Drawings and Photos by the Author).

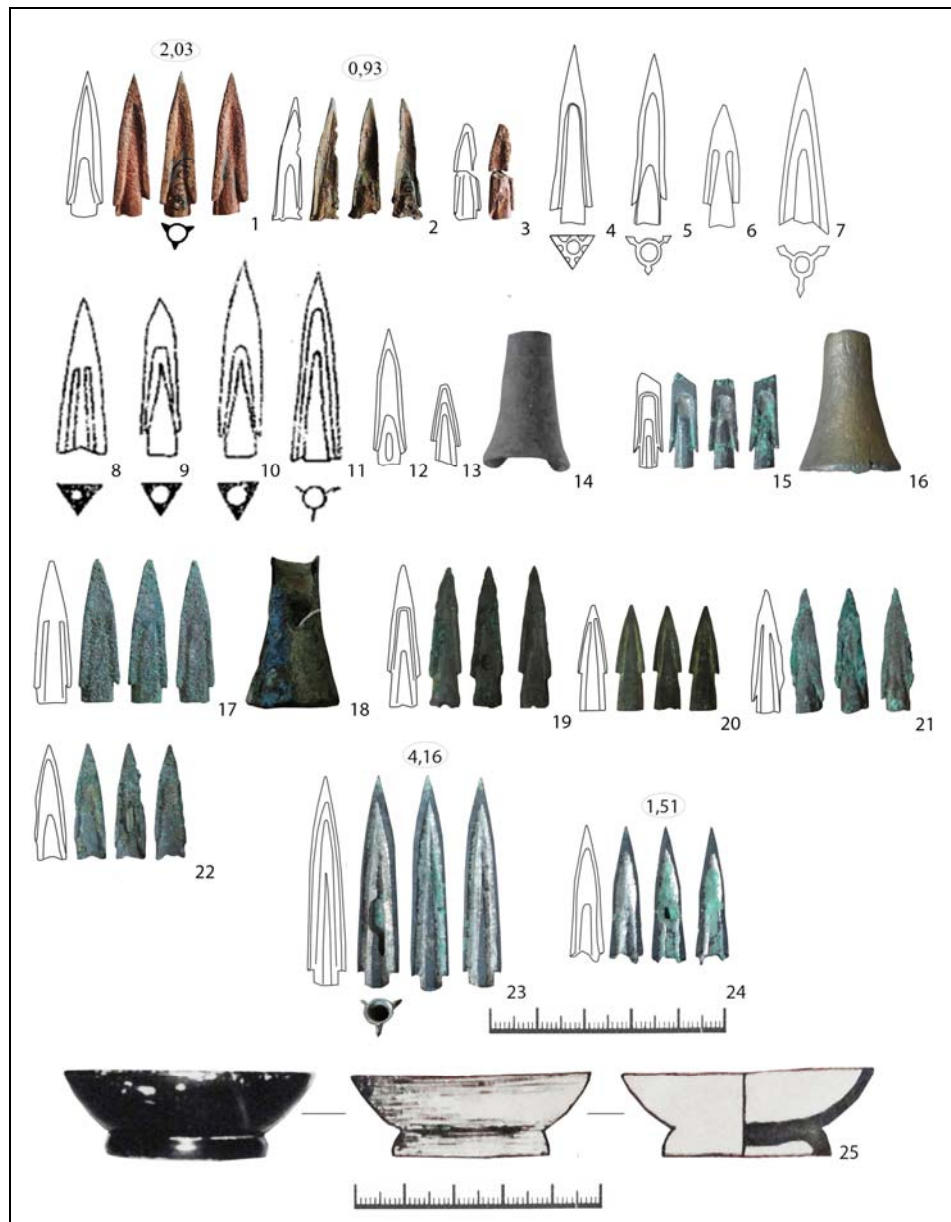

Рис. 37. 1—3 — Дедова могила, курган 6, погребение 1 (рисунки и фото автора); 4—7 — Изобильное, курган 14, погребение 1 (рисунок С.В. Полина); 8—11 — 1-я Завадская могила (по Мозолевский 1980: рис. 43: 1—4); 12—14 — Каланчак, курган 1, погребение 1 (рис. С.В. Полина, фото по Симоненко, Ольговский 1981: табл. LVIII: 2); 15—16 — Каменная Балка, курган 5, погребение 1 (рисунок и фото автора); 17—18 — Садово, группа 2, курган 2, погребение 9 (рисунки и фото автора); 19—22 — Нововасильевка, курган 9, погребение 1 (фото автора); 23—25 — Молдовка, курган 4, погребение 1 (23—24 — рисунки и фото автора, 25 — по Тупчиенко 1989).

Fig. 37. 1—3 — Dedova mogila Burial-ground, Burial-mound 6, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author); 4—7 — Izobilnoe Burial-ground, Burial-mound 14, Burial 1 (Drawing by S.V. Polin); 8—11 — 1st Zavadskaya mogila Burial-ground (after Mozolevskiy 1980: fig. 43: 1—4); 12—14 — Kalanchak Burial-ground, Burial-mound 1, Burial 1 (Drawing by S.V. Polin, Photo by Simonenko, Olgovskiy 1981: tab. LVIII: 2); 15—16 — Kamennaya Balka Burial-ground, Burial-mound 5, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author); 17—18 — Sadovo Burial-ground, Gruppa 2, Burial-mound 2, Burial 9 (Drawings and Photos by the Author); 19—22 — Novovasilevka Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 1 (Photos by the Author); 23—25 — Molodovka, Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (23—24 — Drawings and Photos by the Author, 25 — after Tupchiienko 1989).

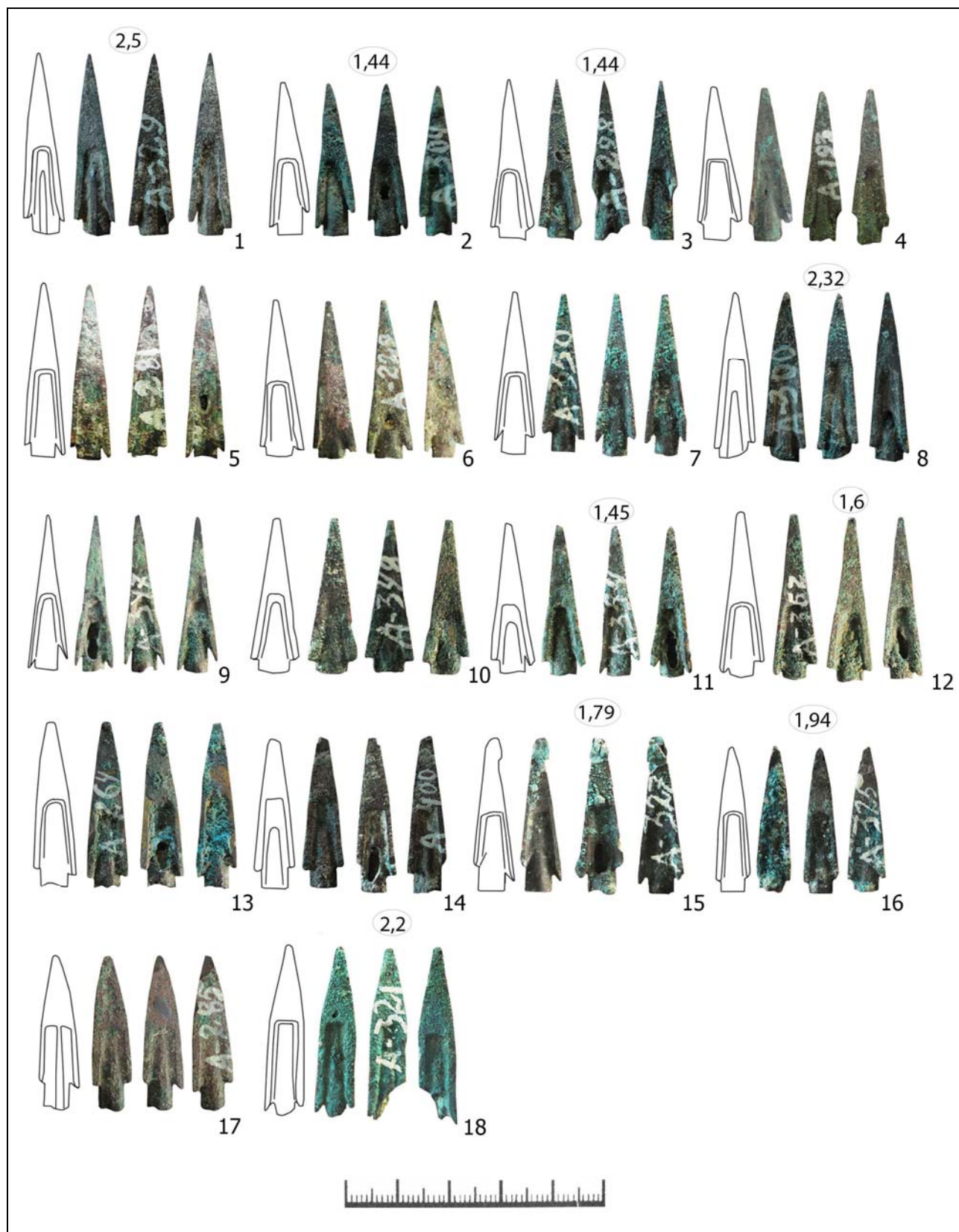

Рис. 38. Стеблев, курган 12 (рисунки и фото автора).

Fig. 38. Steblev Burial-ground, Burial-mound 12 (Drawings and Photos by the Author).

Рис. 39. Стеблев, курган 12 (рисунки и фото автора).

Fig. 39. Steblev Burial-ground, Burial-mound 12 (Drawings and Photos by the Author).

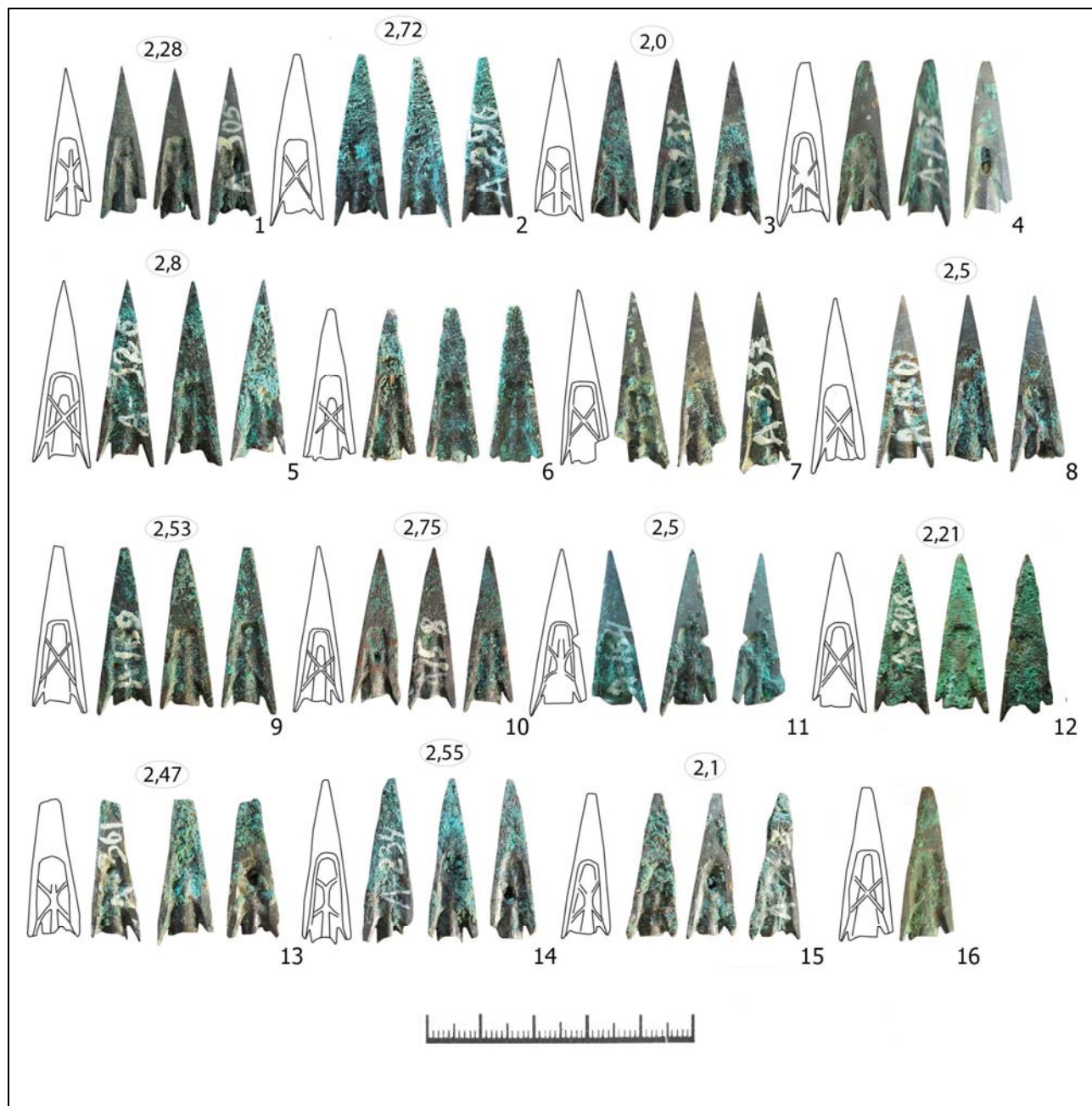

Рис. 40. Стеблев, курган 12 (рисунки и фото автора).

Fig. 40. Steblev Burial-ground, Burial-mound 12 (Drawings and Photos by the Author).

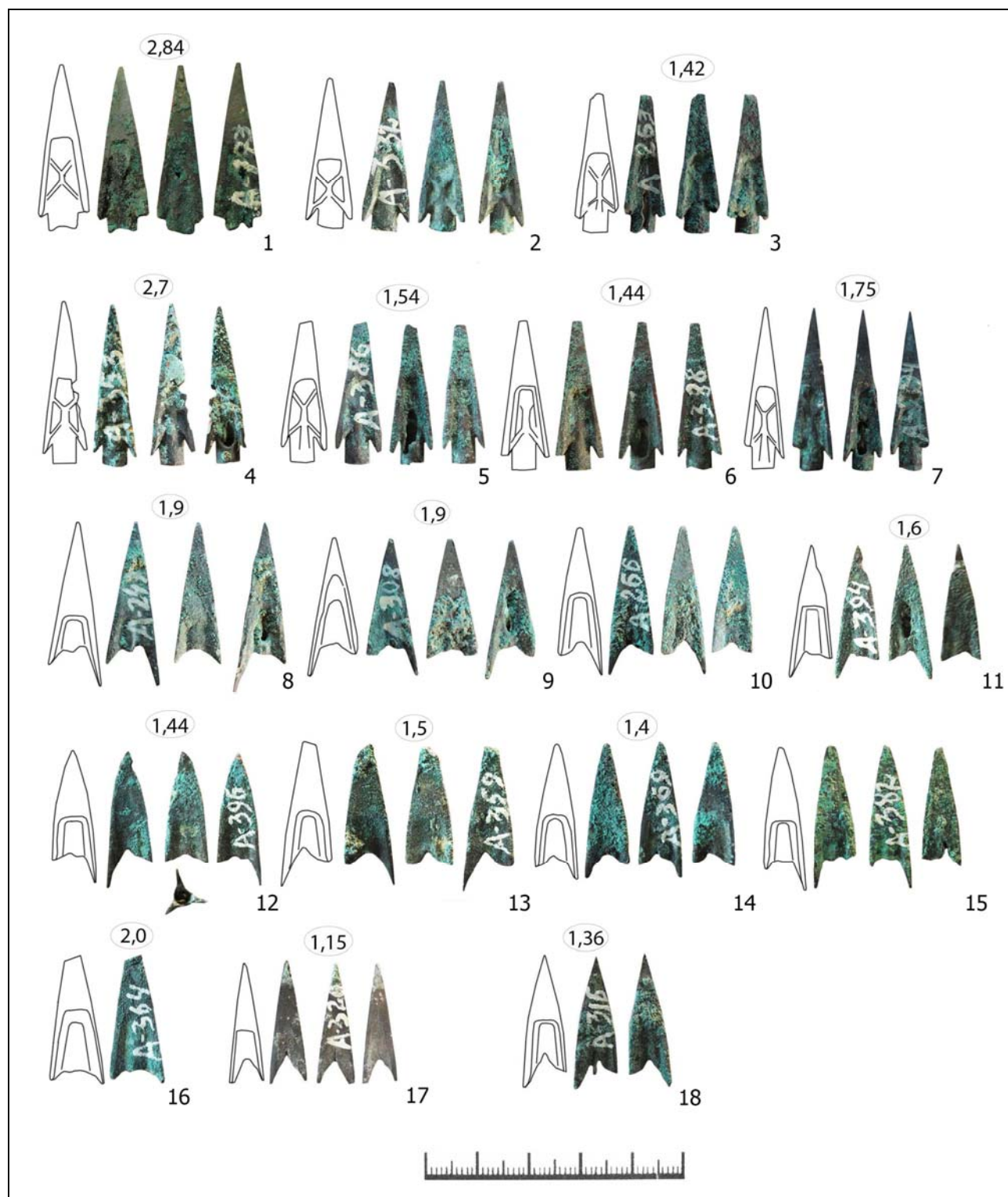

Рис. 41. Стеблев, курган 12 (рисунки и фото автора).

Fig. 41. Steblev Burial-ground, Burial-mound 12 (Drawings and Photos by the Author).

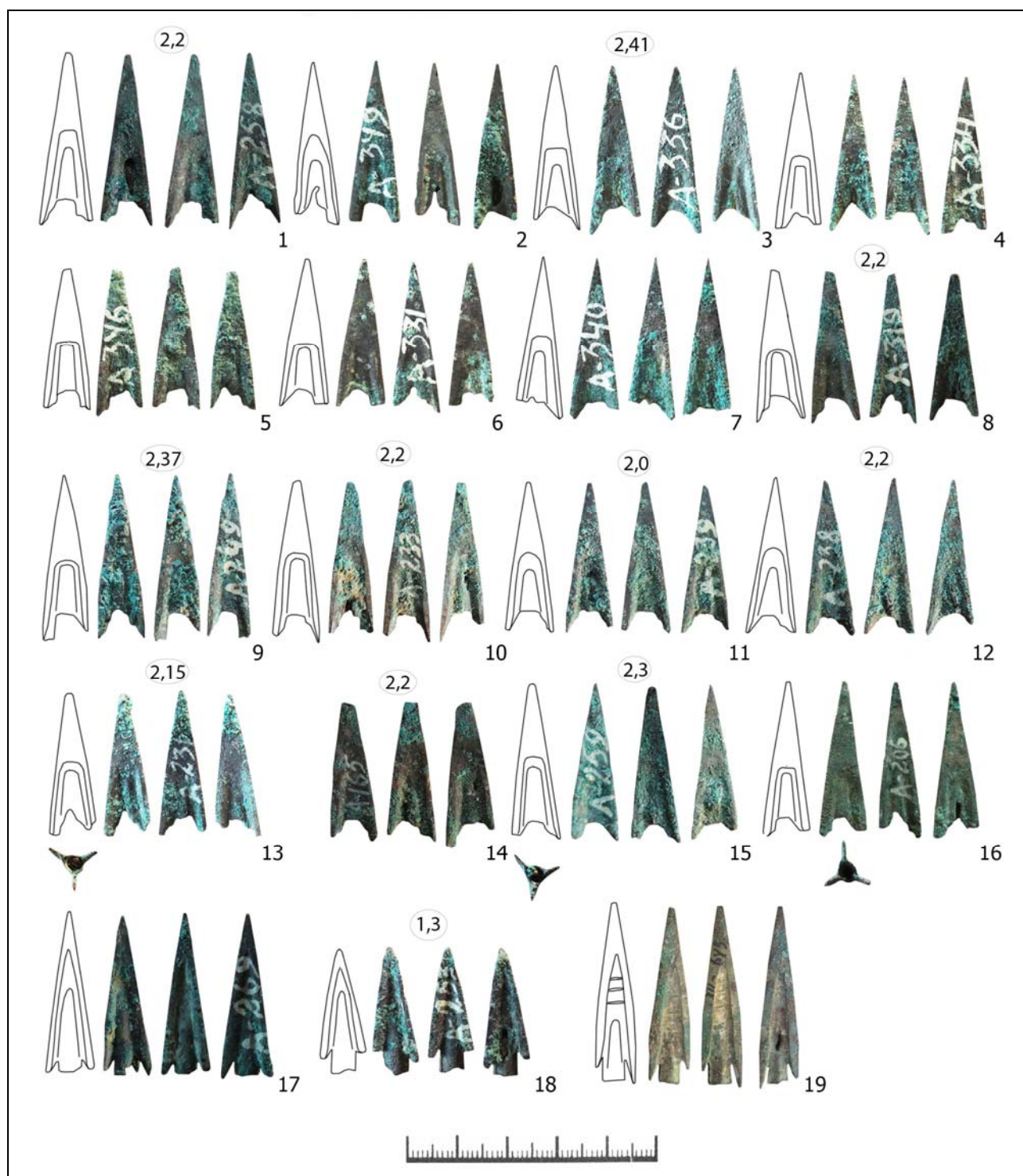

Рис. 42. Стеблев, курган 12 (рисунки и фото автора).

Fig. 42. Steblev Burial-ground, Burial-mound 12 (Drawings and Photos by the Author).

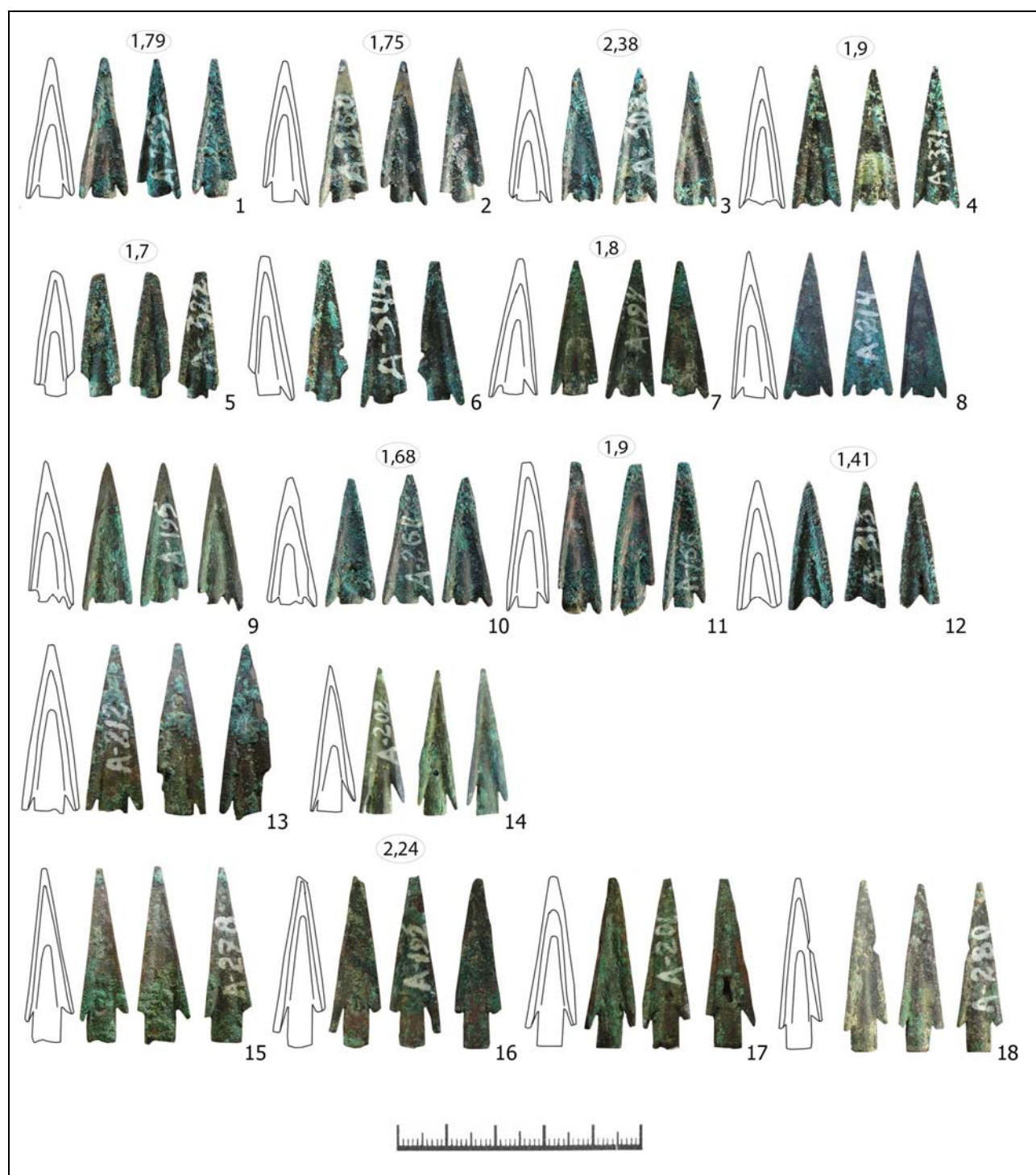

Рис. 43. Стеблев, курган 12 (рисунки и фото автора).

Fig. 43. Steblev Burial-ground, Burial-mound 12 (Drawings and Photos by the Author).

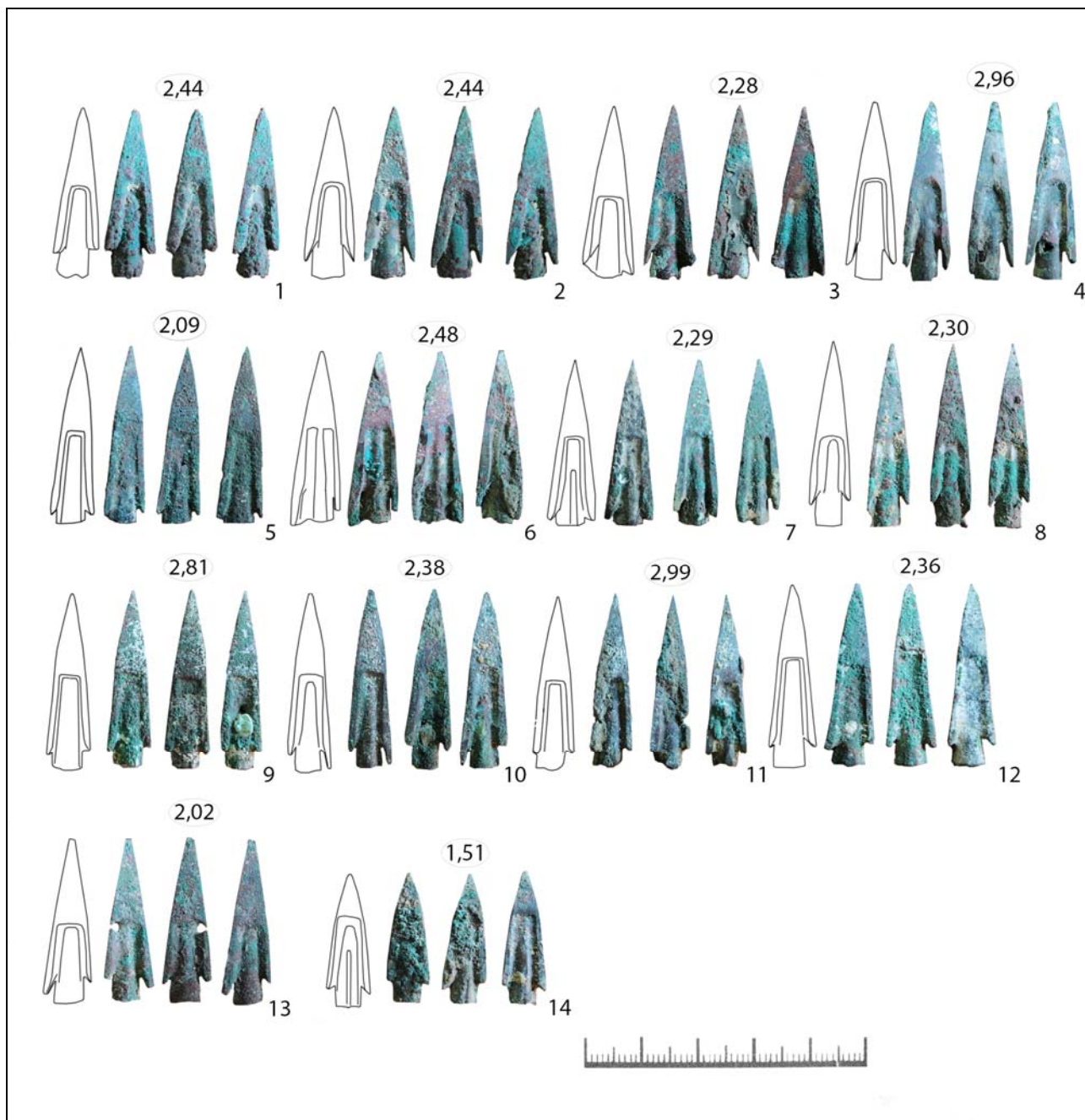

Рис. 44. Ново-Днепровка, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 44. Novo-Dneprovka Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

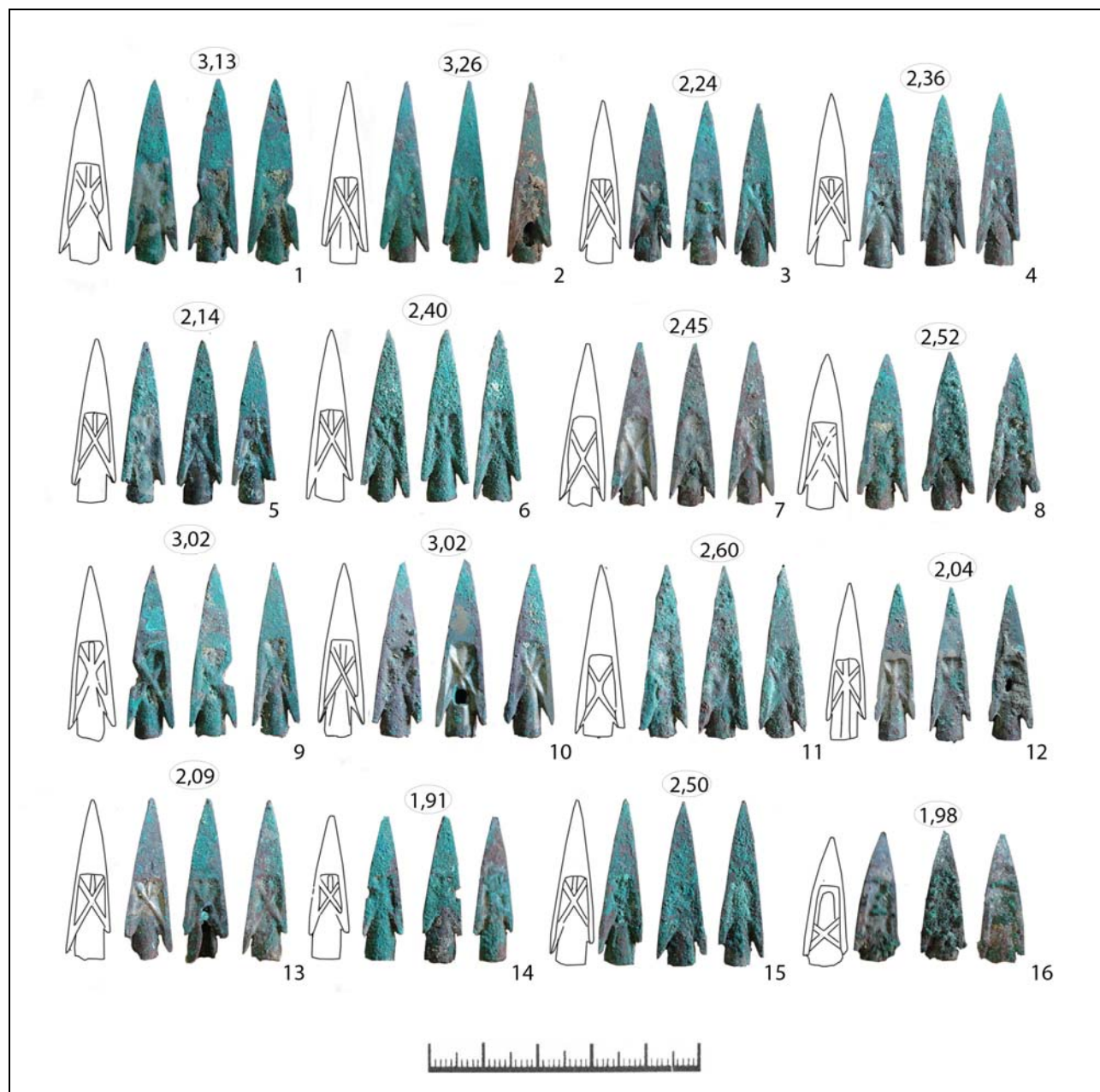

Рис. 45. Ново-Днепровка, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 45. Novo-Dneprovka Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

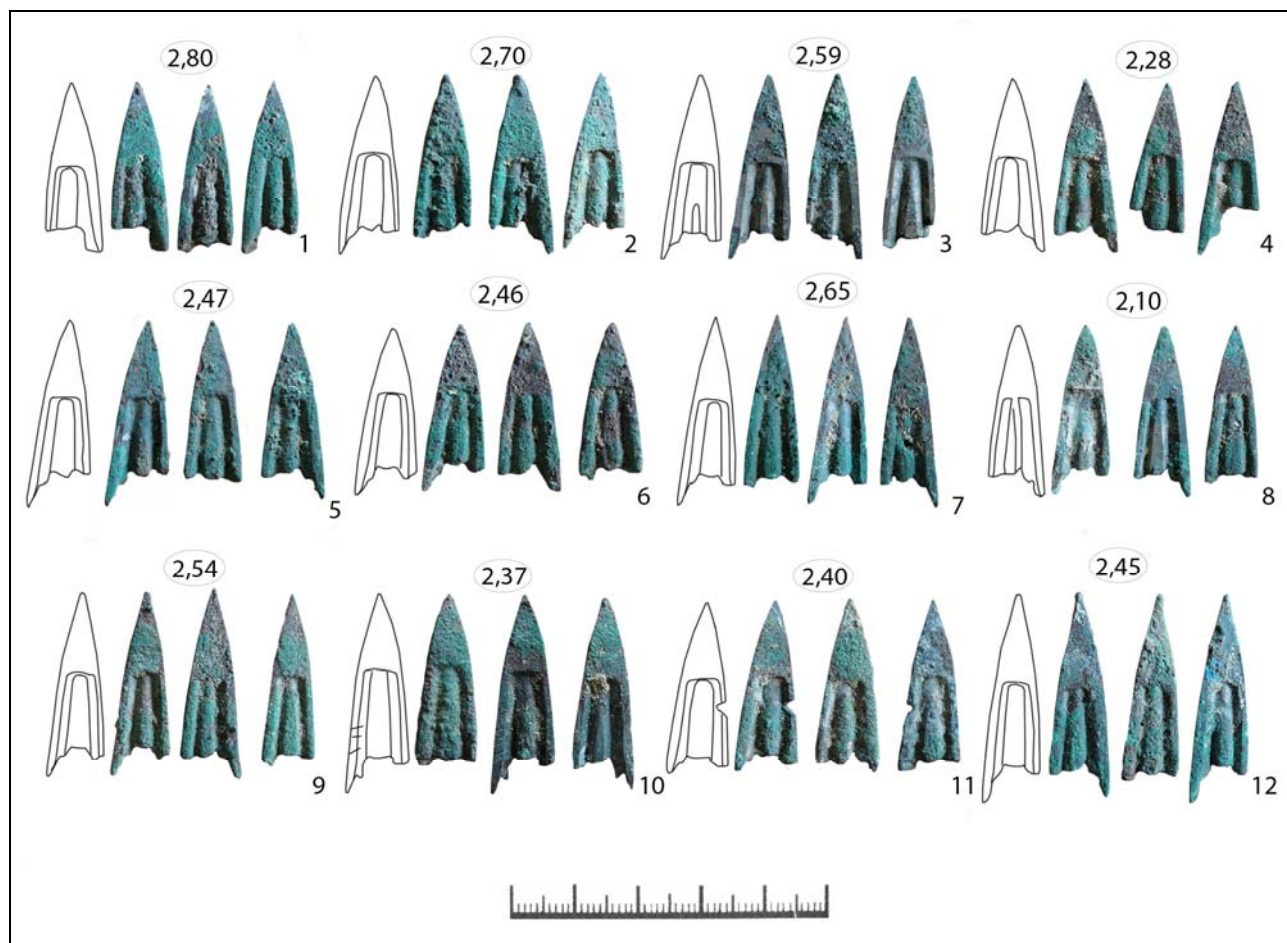

Рис. 46. Ново-Днепровка, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 46. Novo-Dneprovka Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

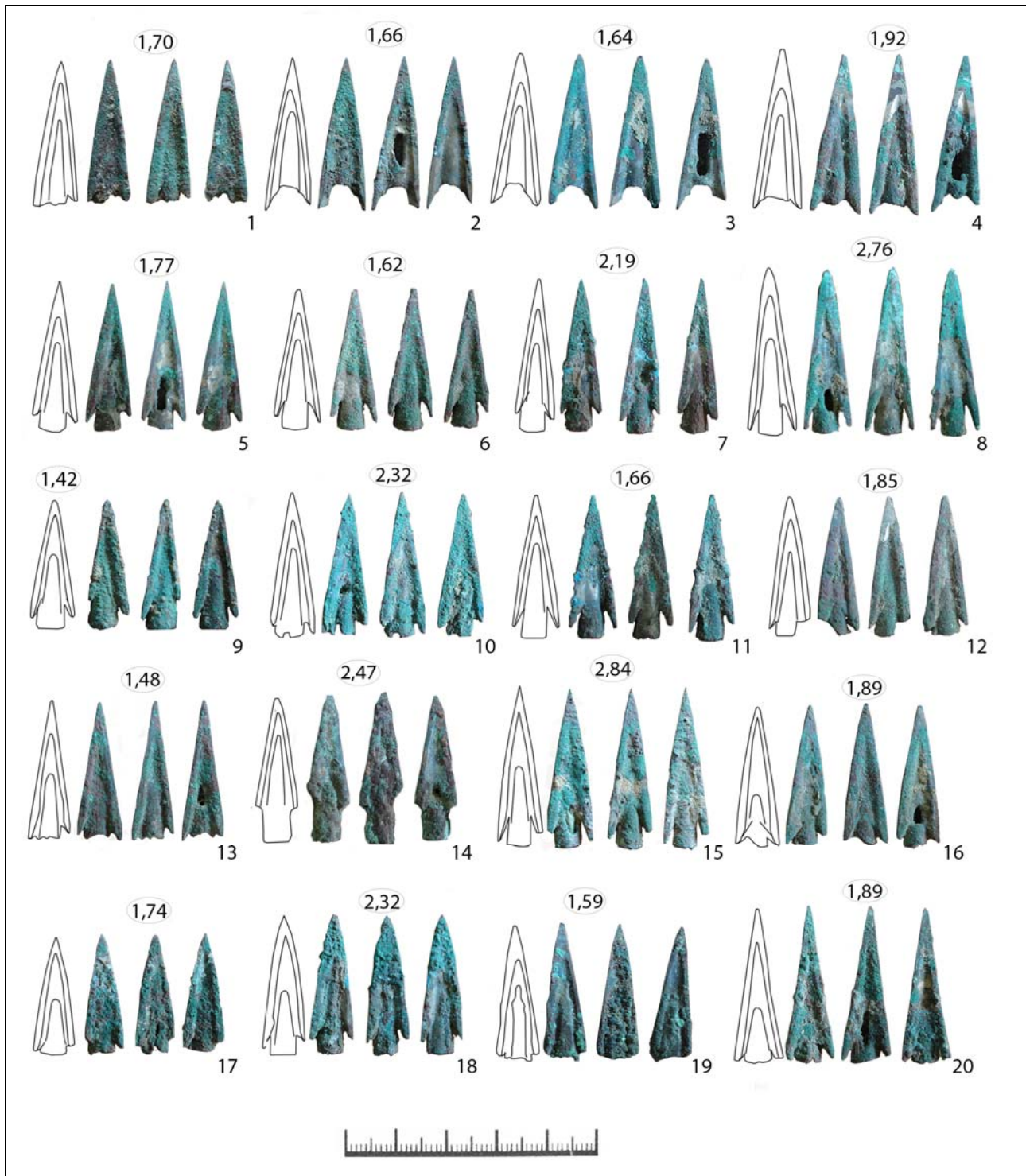

Рис. 47. Ново-Днепровка, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 47. Novo-Dneprovka Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

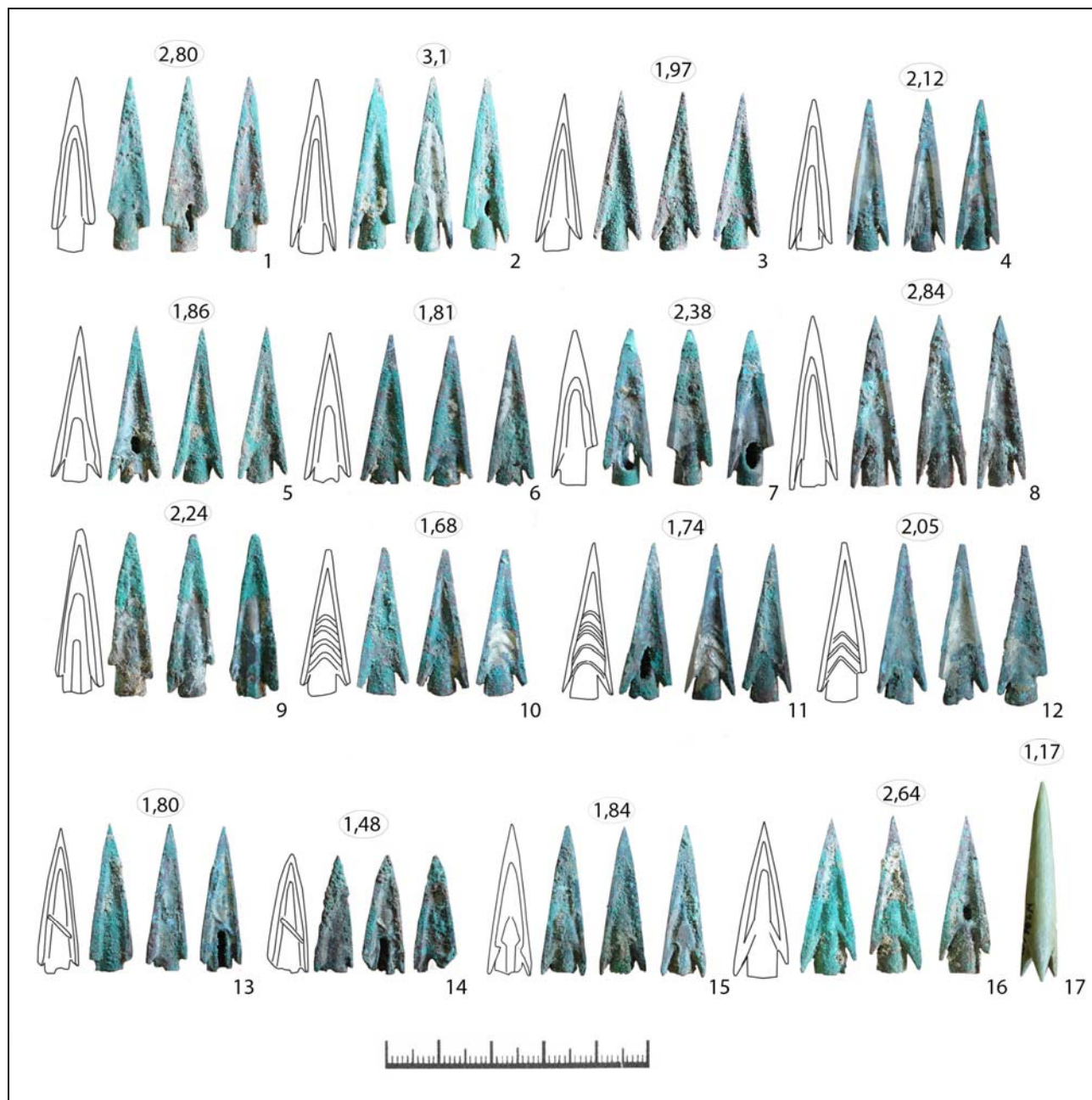

Рис. 48. Ново-Днепровка, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 48. Novo-Dneprovka Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

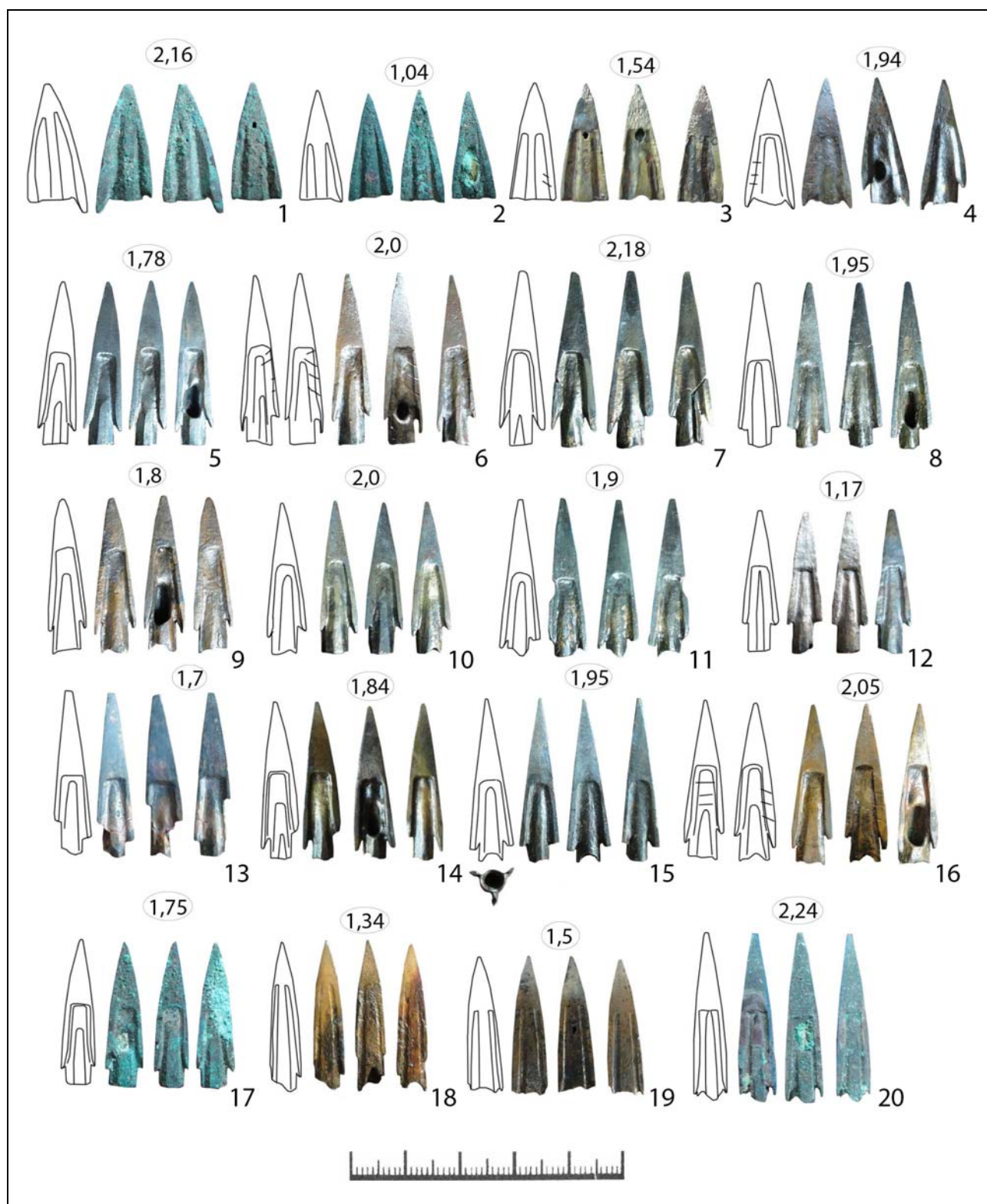

Рис. 49. Высокое, курган 2, погребение 4 (рисунки и фото автора).

Fig. 49. Vyisokoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 4 (Drawings and Photos by the Author).

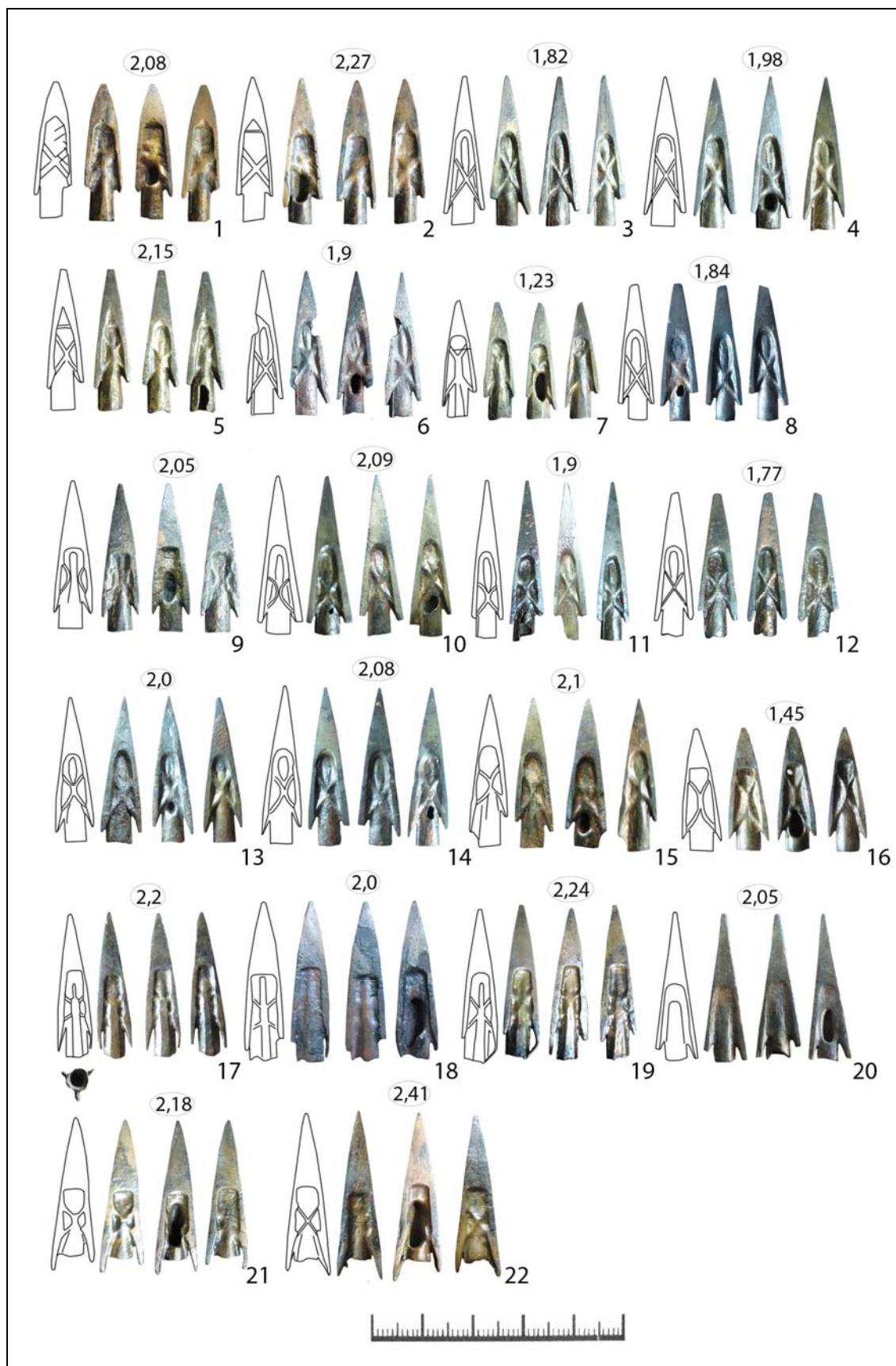

Рис. 50. Высокое, курган 2, погребение 4 (рисунки и фото автора).

Fig. 50. Vyisokoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 4 (Drawings and Photos by the Author).

Рис. 51. Высокое, курган 2, погребение 4 (рисунки и фото автора).

Fig. 51. Vyisokoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 4 (Drawings and Photos by the Author).

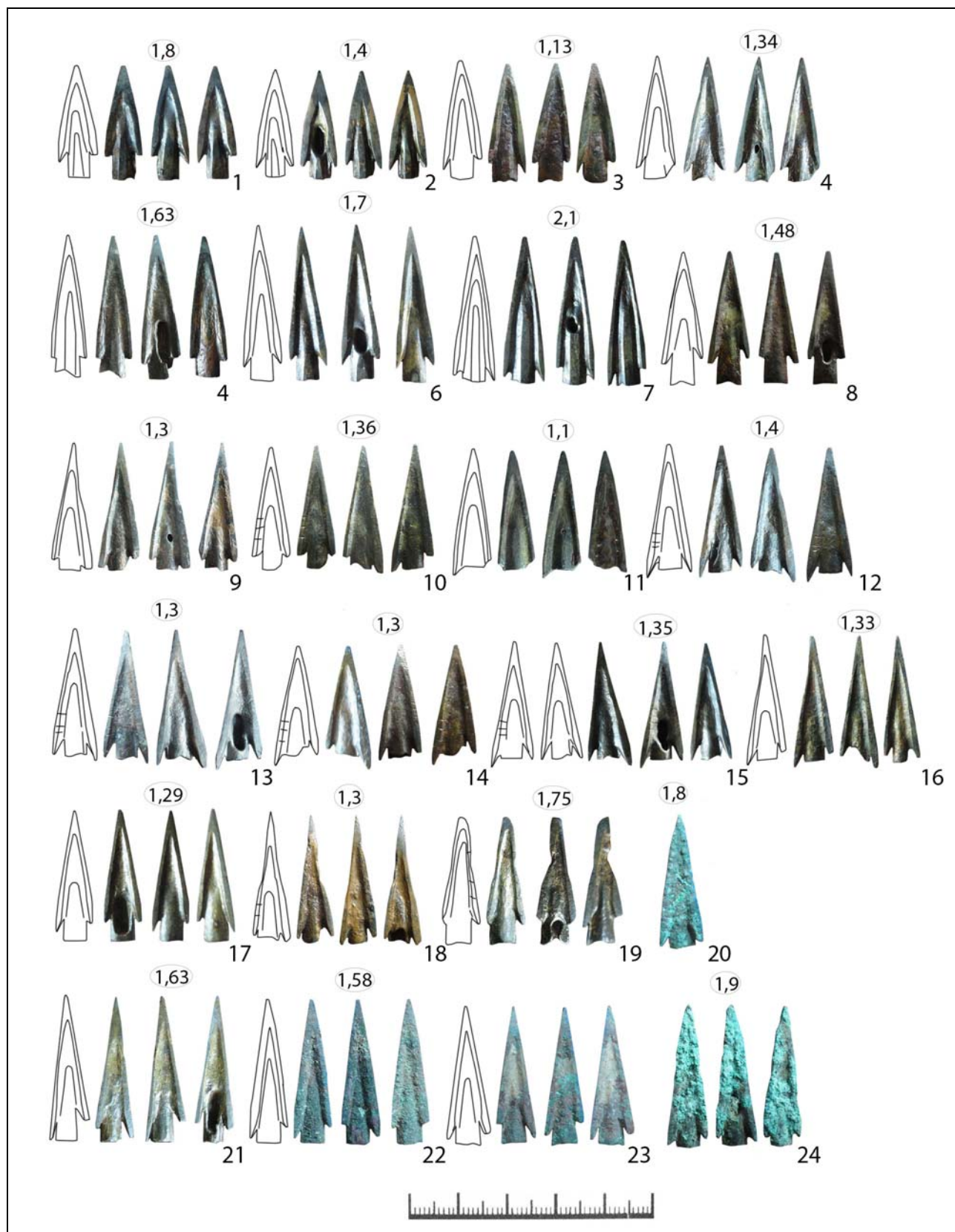

Рис. 52. Высокое, курган 2, погребение 4 (рисунки и фото автора).

Fig. 52. Vyisokoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 4 (Drawings and Photos by the Author).

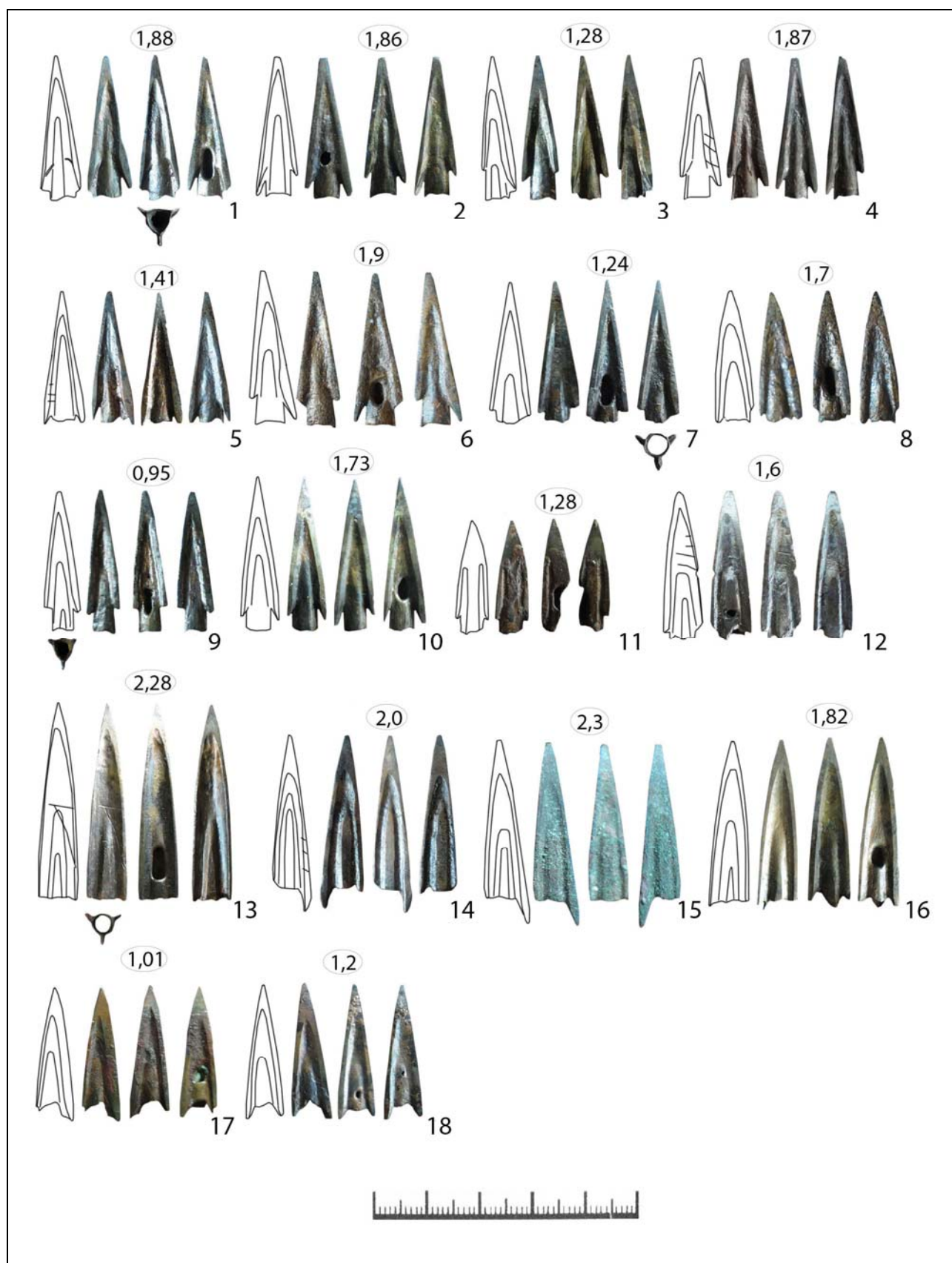

Рис. 53. Высокое, курган 2, погребение 4 (рисунки и фото автора).

Fig. 53. Vyisokoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 4 (Drawings and Photos by the Author).

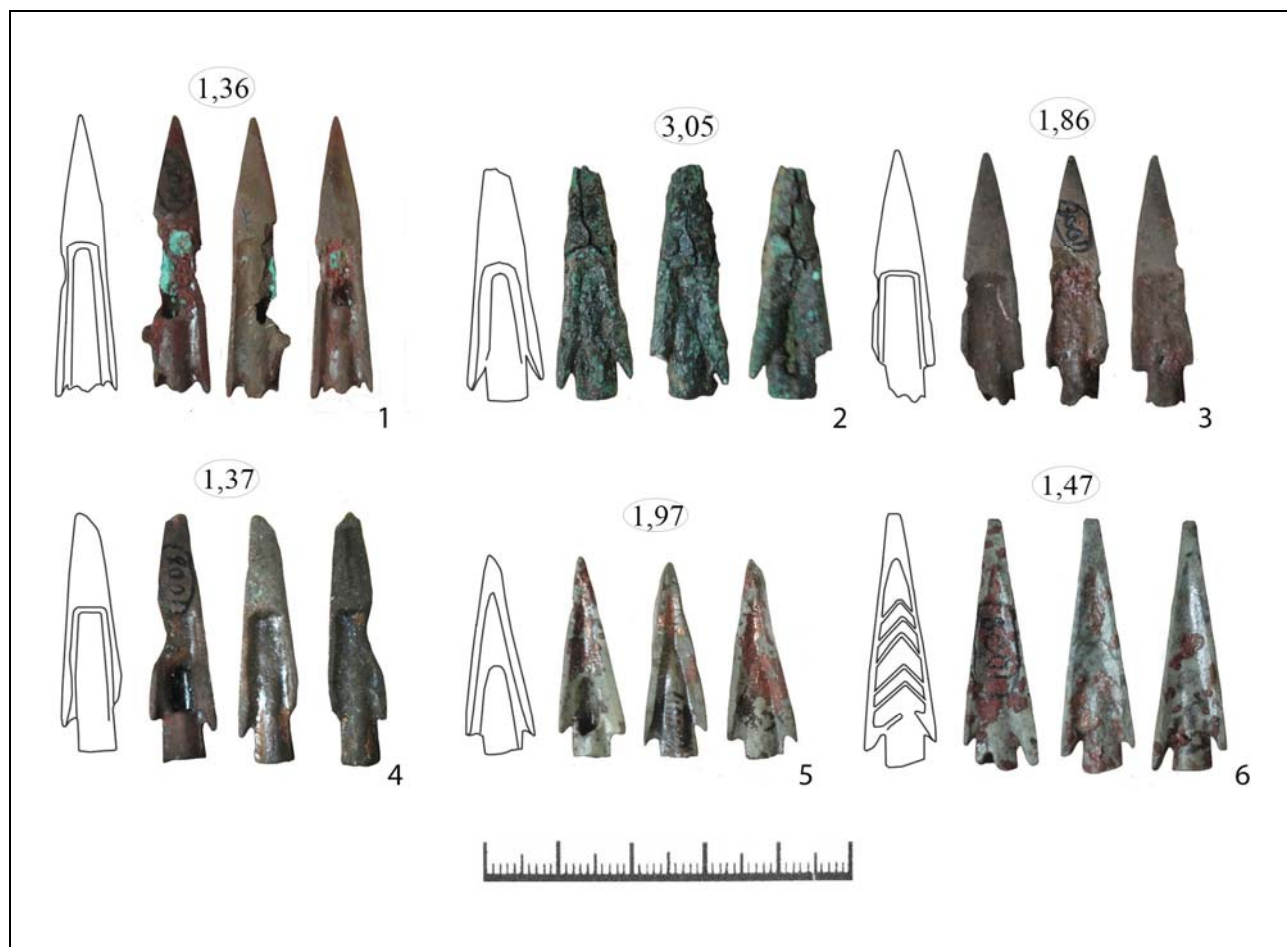

Рис. 54. Дедова могила, курган 4, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 54. Dedova mogila Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

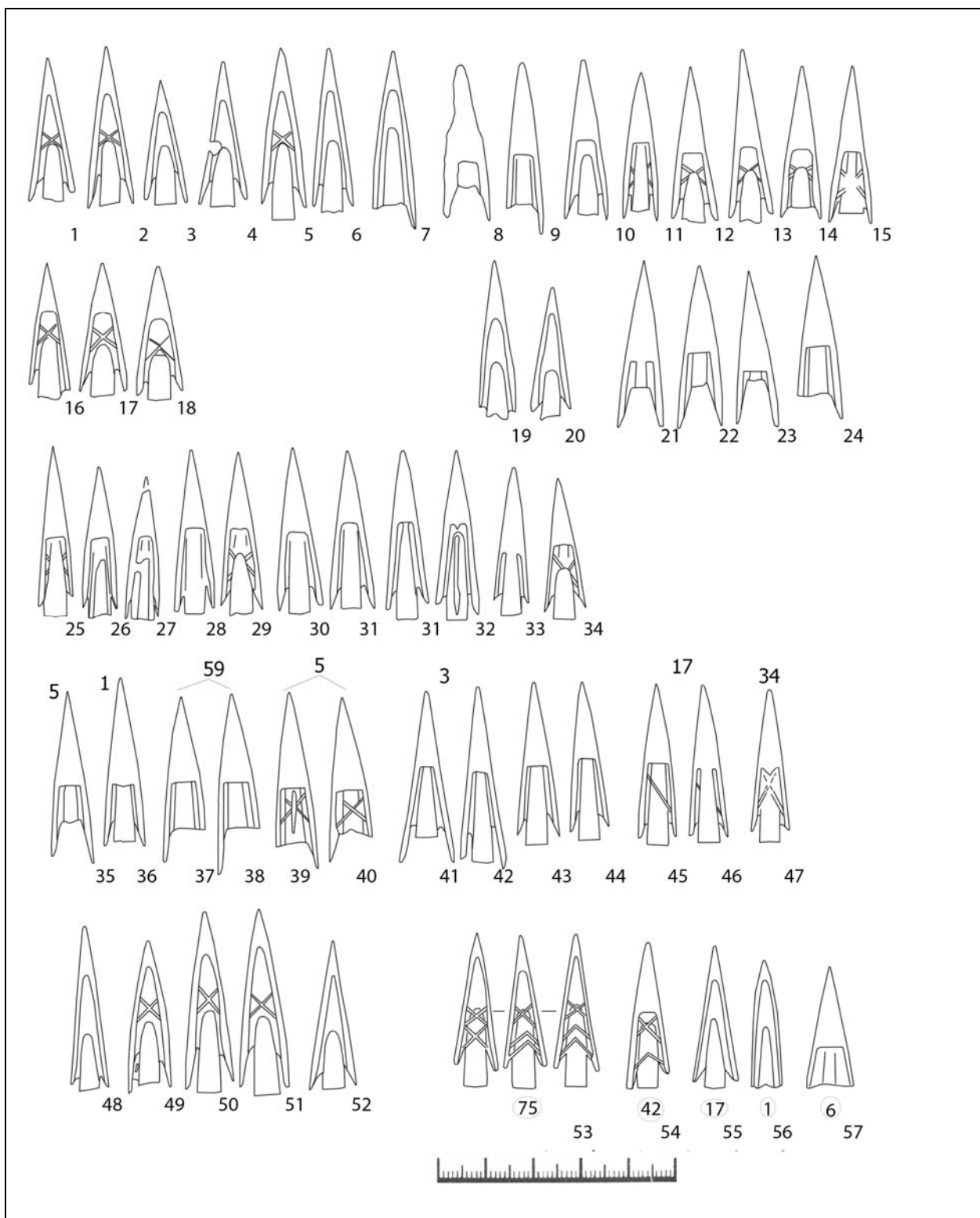

Рис. 55. 1—18 — Корнеевка, курган 2, погребение 2, колчан 1; 19—34 — Корнеевка, курган 2, погребение 2, колчан 2; 35—52 — Корнеевка, курган 2, погребение 2, колчан 3; 53—57 — Новофедоровка, курган 2, погребение 1 (рисунки С.В. Полина, архив С.В. Полина).

Fig. 55. 1—18 — Korneevka Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 2, Quiver 1; 19—34 — Korneevka Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 2, Quiver 2; 35—52 — Korneevka Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 2, Quiver 3; 53—57 — Novofedorovka Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (Drawings by S.V. Polin, Archive by S.V. Polin).

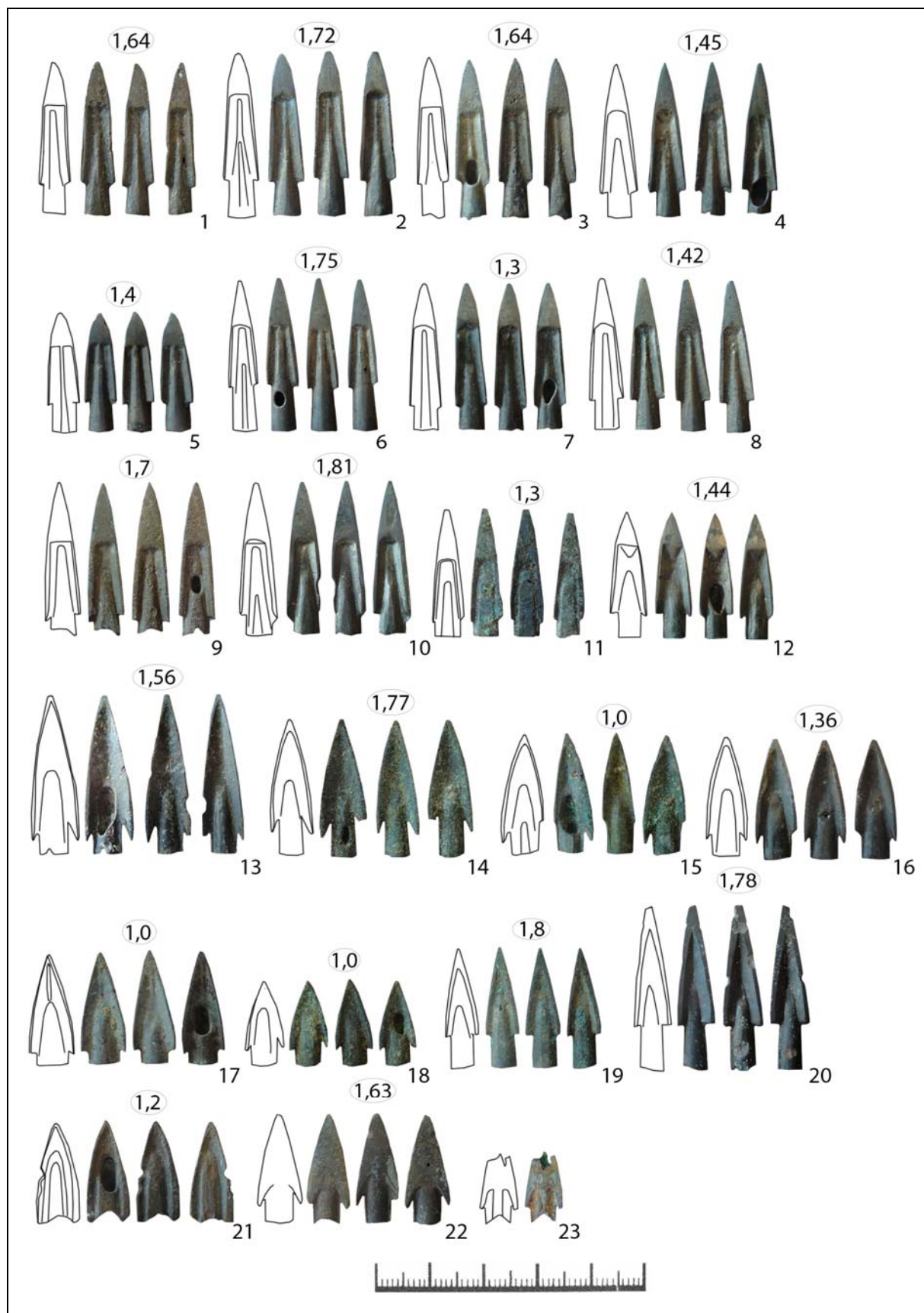

Рис. 56. Аксеновский могильник, курган 3, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 56. Aksenovsky Burial-ground, Burial-mound 3, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

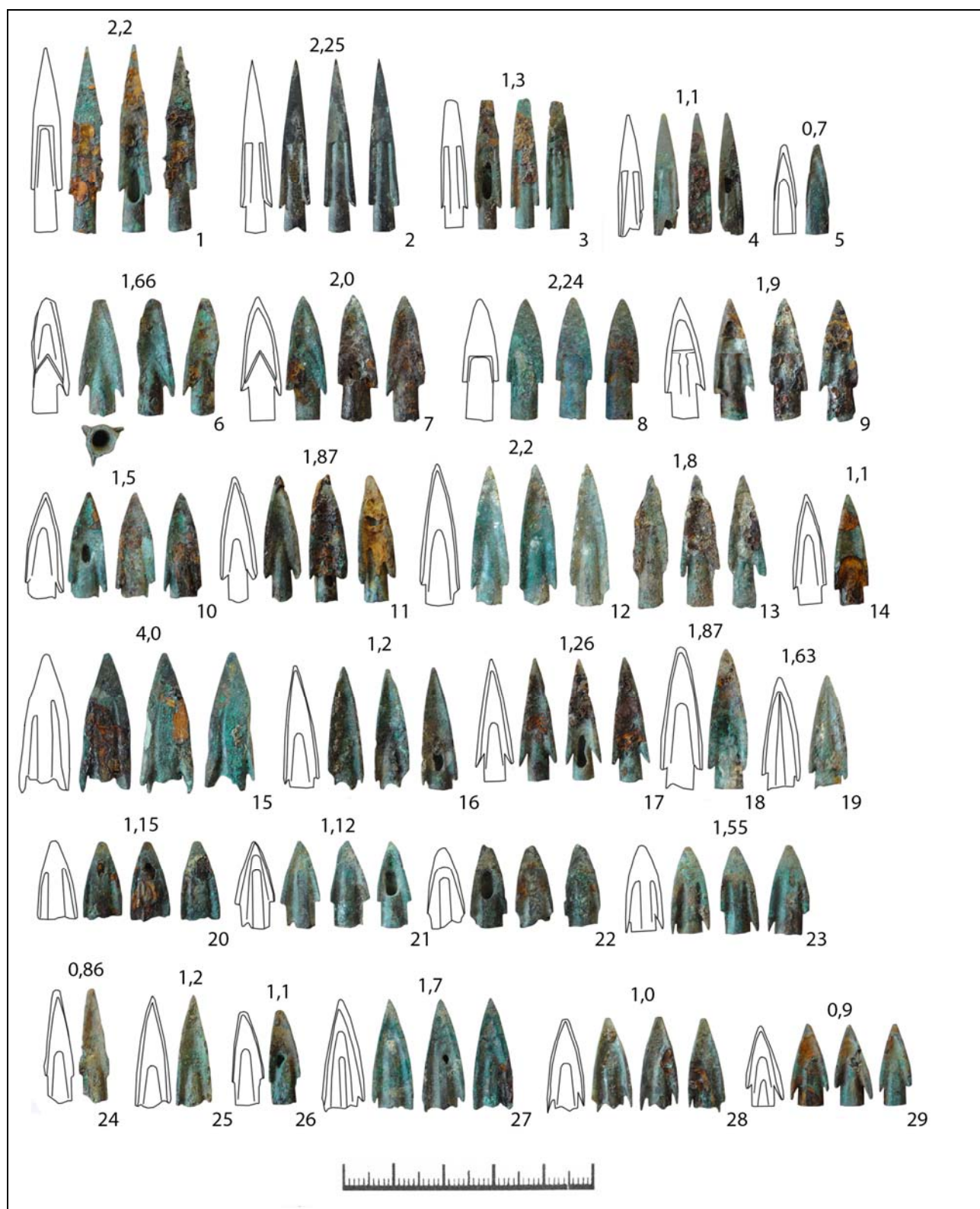

Рис. 57. Аксеновский могильник, курган 3, погребение 1 (рисунки и фото автора).

Fig. 57. Aksenovsky Burial-ground, Burial-mound 3, Burial 1 (Drawings and Photos by the Author).

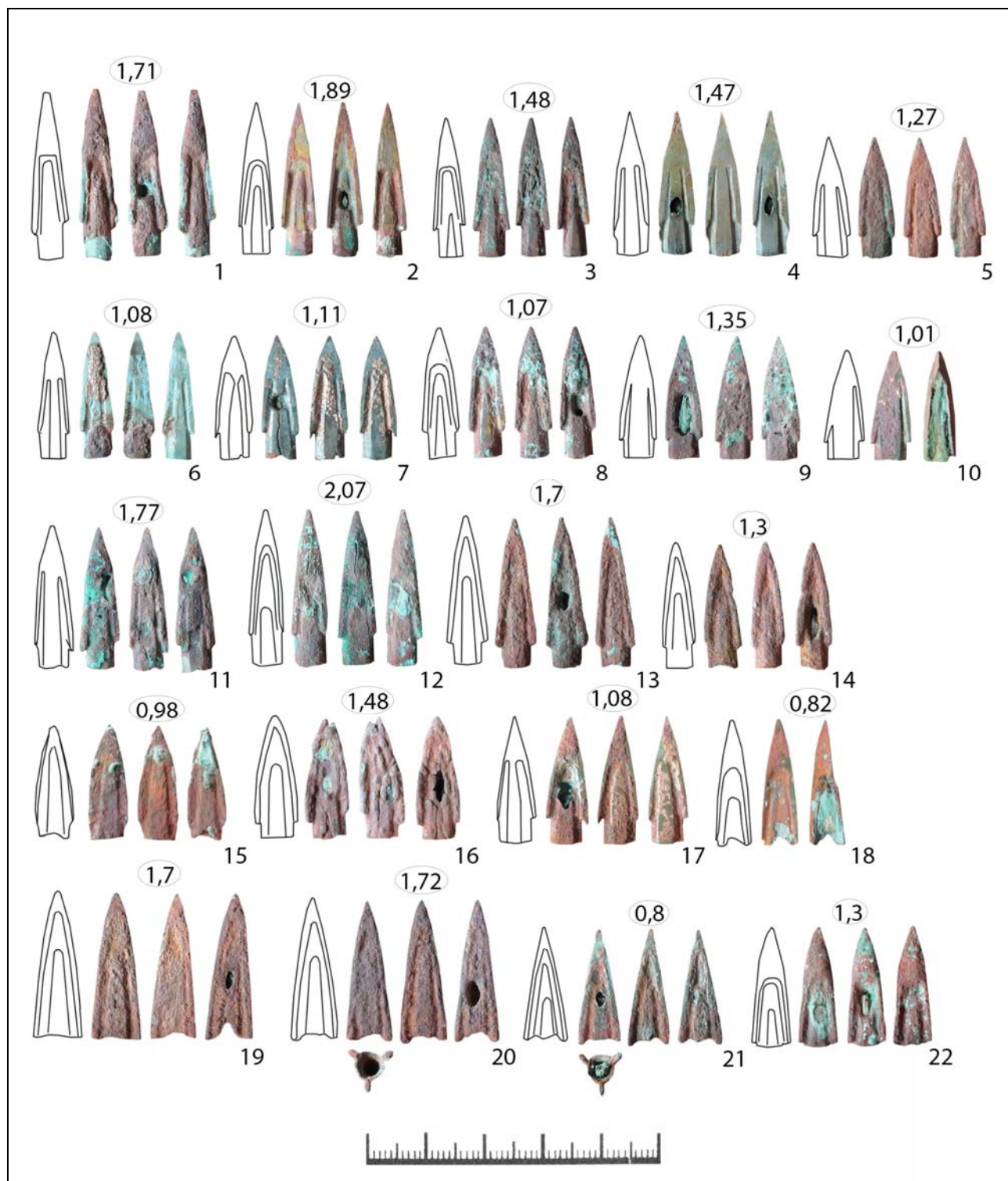

Рис. 58. Виноградное, курган 22, погребение 2 (рисунки и фото автора).

Fig. 58. Vinogradnoe, Burial-ground, Burial-mound 22, Burial 2 (Drawings and Photos by the Author).

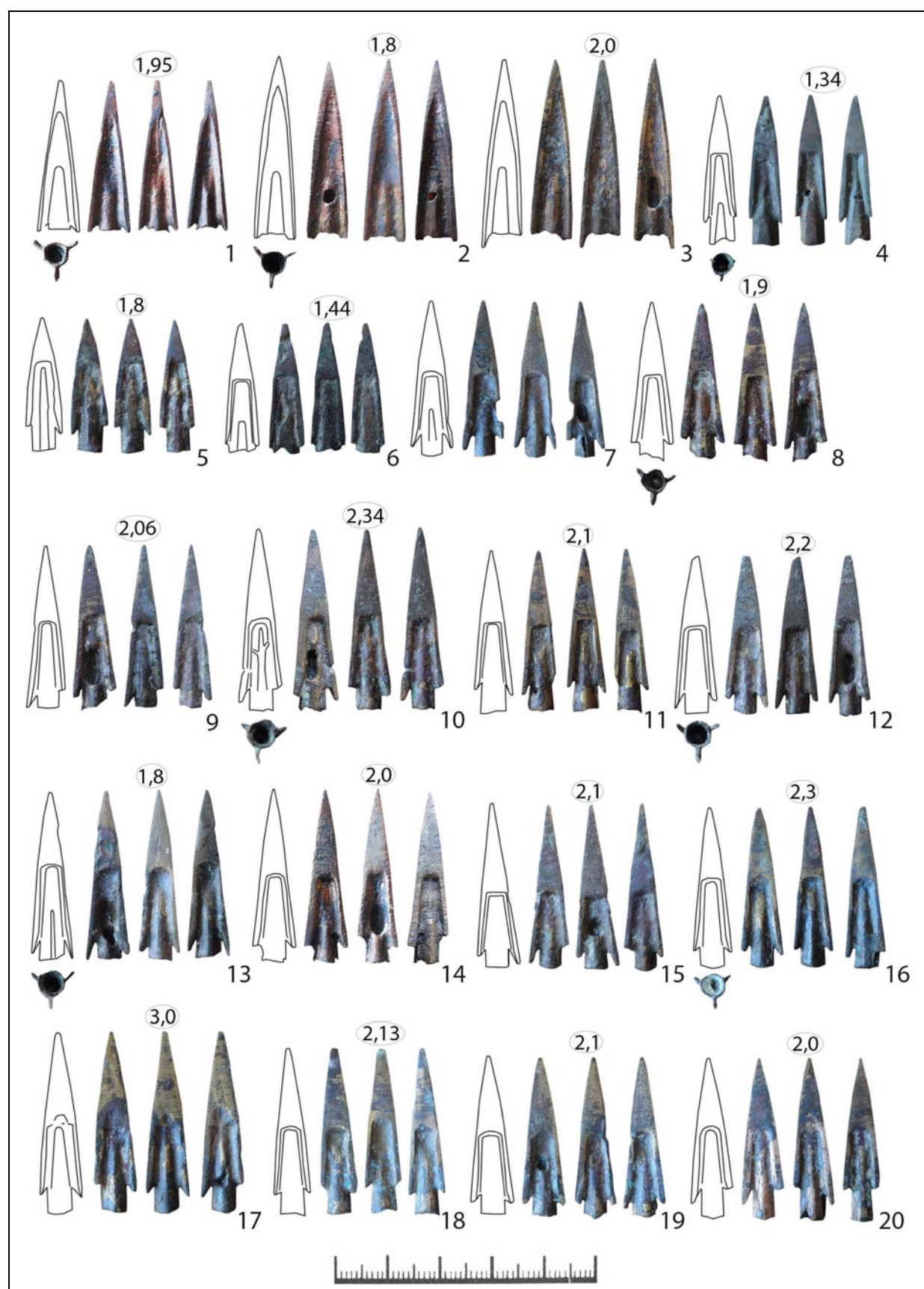

Рис. 59. Крячковка (рисунки и фото автора).

Fig. 59. Kryachkovka (Drawings and Photos by the Author).

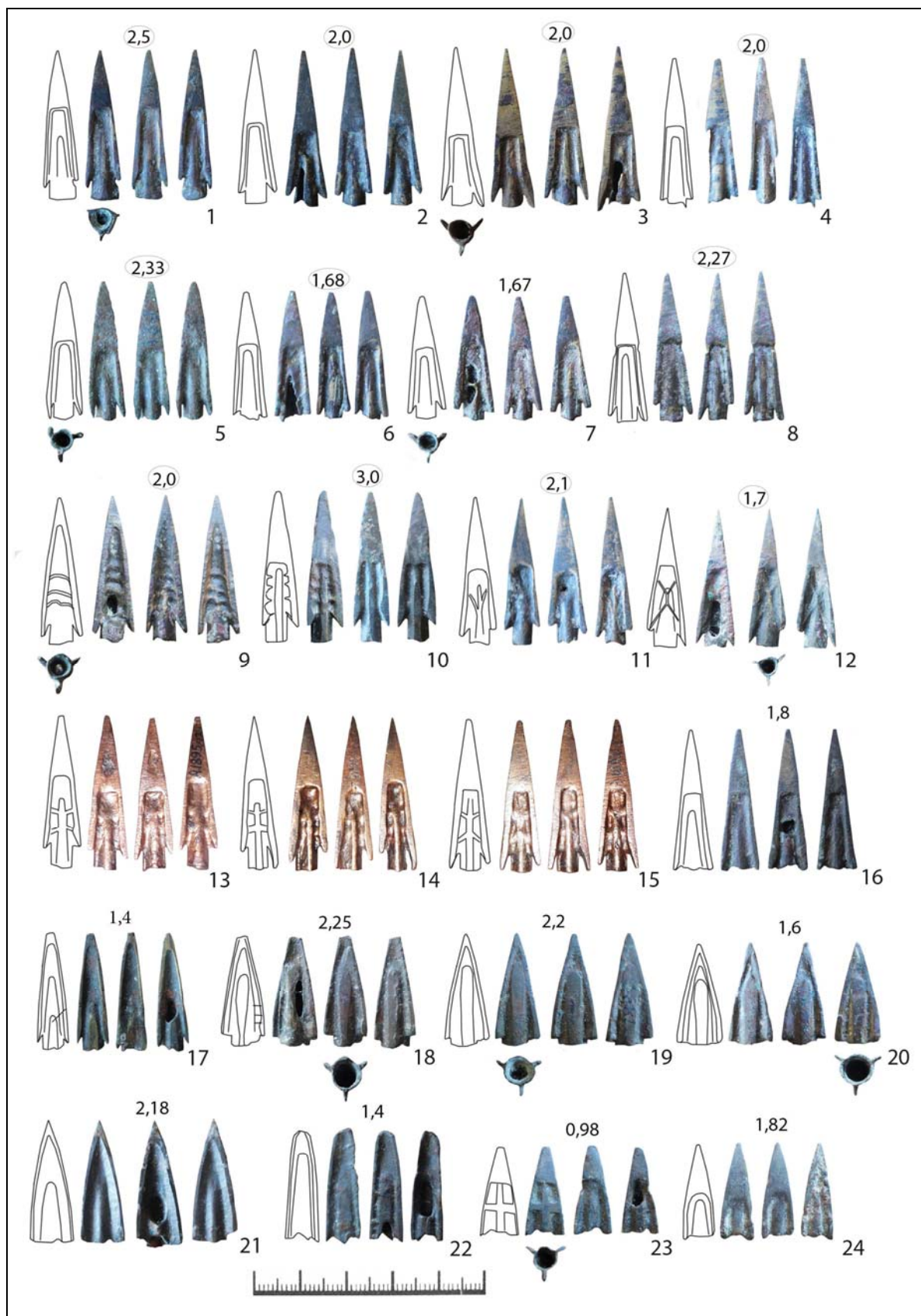

Рис. 60. Крячковка (рисунки и фото автора).

Fig. 60. Kryachkovka (Drawings and Photos by the Author).

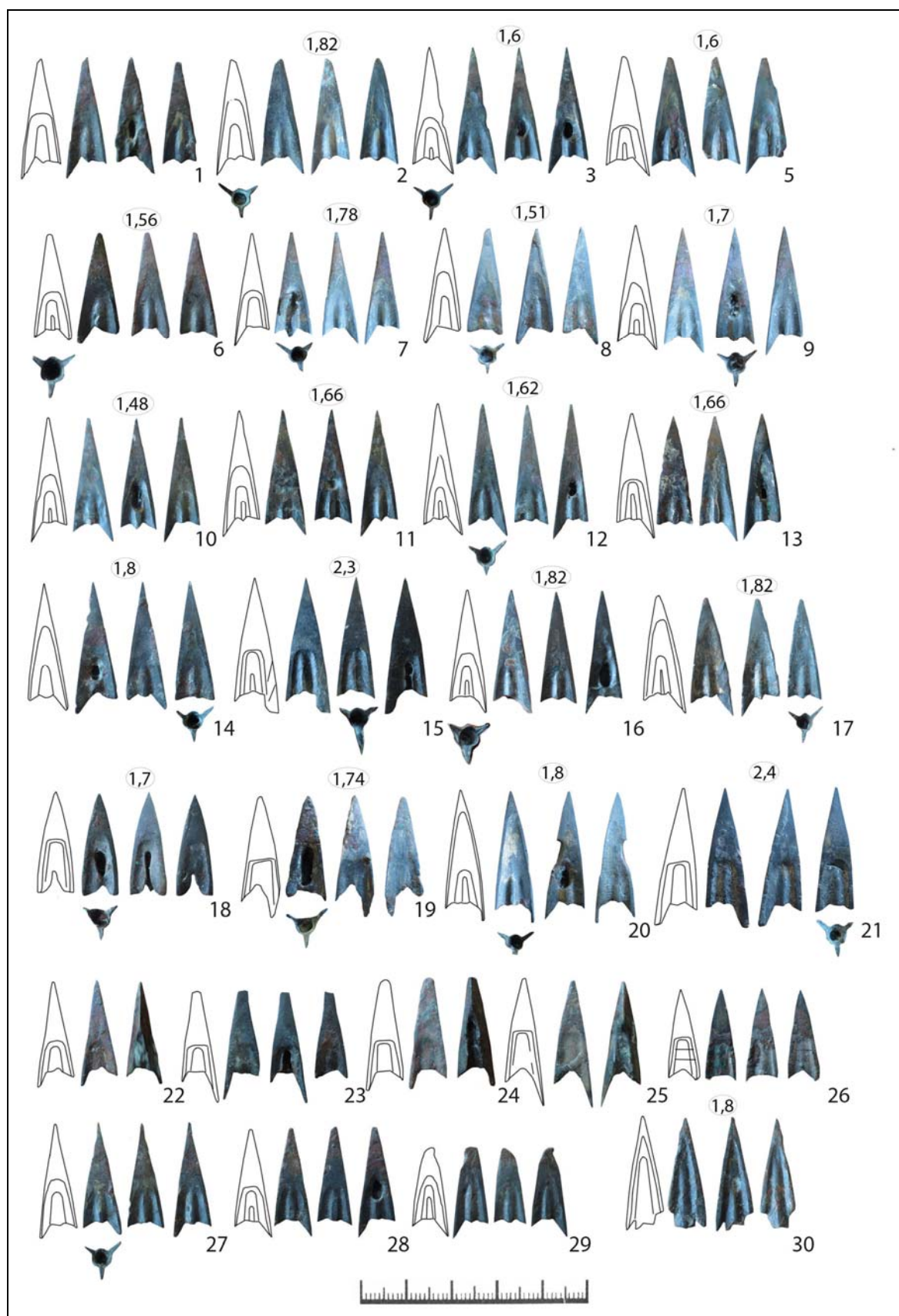

Рис. 61. Крячковка (рисунки и фото автора).

Fig. 61. Kryachkovka (Drawings and Photos by the Author).

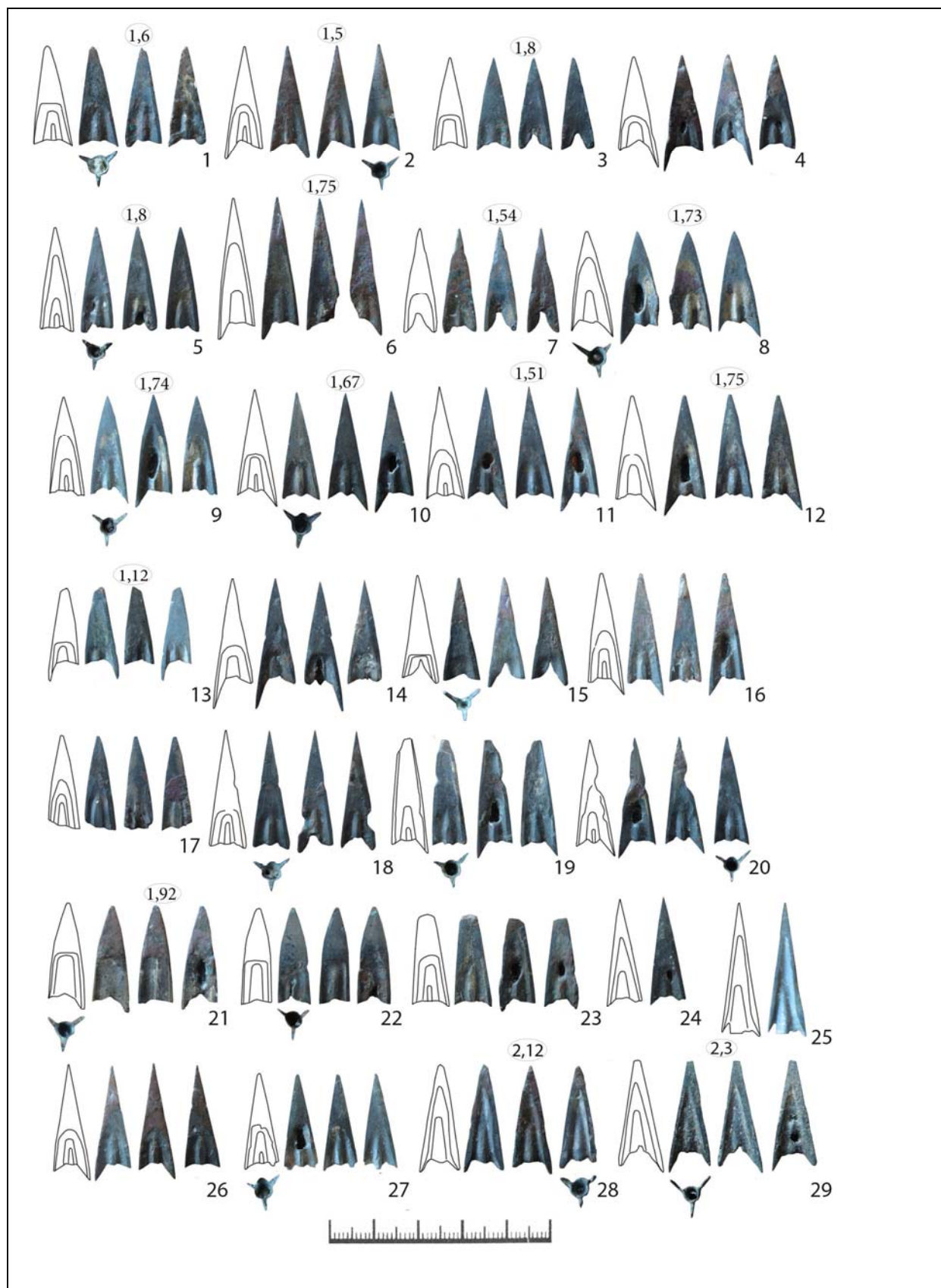
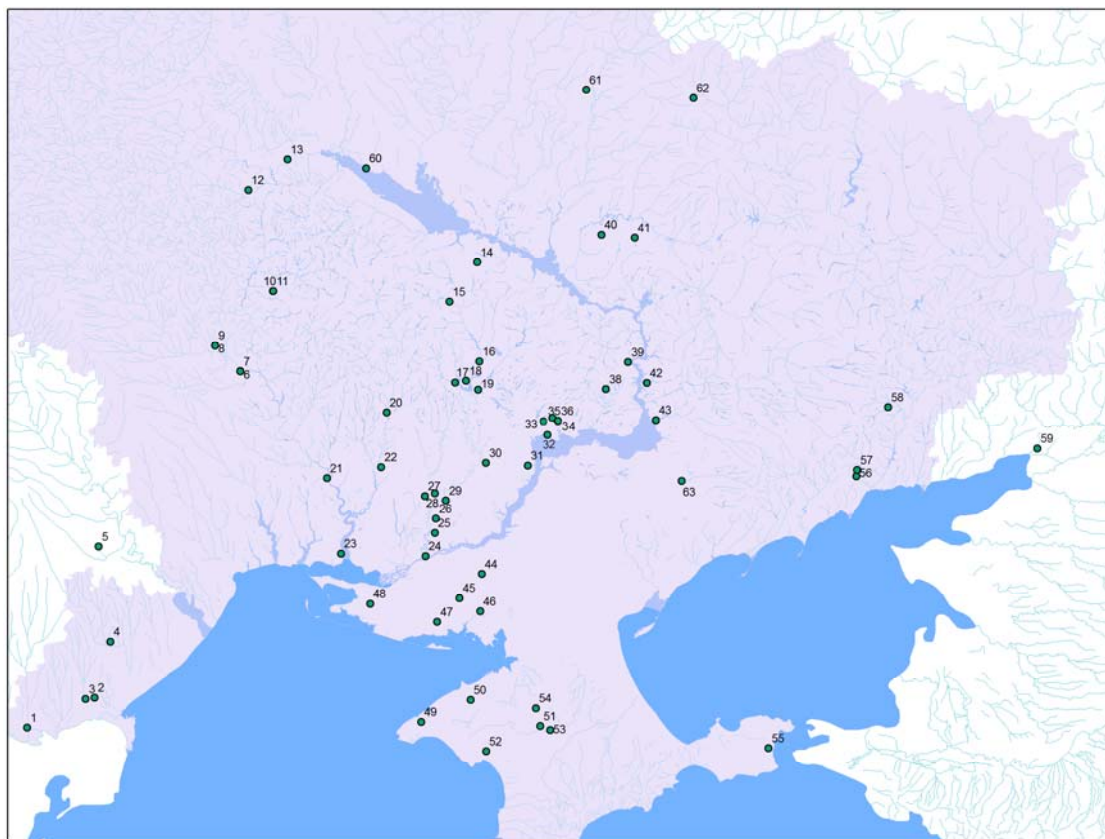

Рис. 62. Крячковка (рисунки и фото автора).

Fig. 62. Kryachkovka (Drawings and Photos by the Author).

Карта 1. Колчанные наборы с башневидными наконечниками стрел в Северном Причерноморье:

1 — Кугурлуй; 2 — Помазаны; 3 — Червонный Яр; 4 — Арцыз; 5 — Чобручи; 6—7 — Каменная Балка, курганы 5 и 6; 8—9 — Молодовка, курганы 5 и 6; 10—11 — Олышанка; 12 — Медвин; 13 — Беркозовка; 14 — Омельник; 15 — Головковка; 16 — Нечайвода; 17 — Христофоровка; 18 — Родионовка; 19 — Кривой Рог; 20 — Новорозановка; 21 — Ковалевка; 22 — Константиновка; 23 — Ольвийский нектополь; 24 — Садово; 25 — Лиманцы; 26 — Нововасильевка; 27 — Кобзарцы; 28 — Новопавловка, курган 2; 29 — Калининское; 30 — Староселье; 31 — Золотая Балка; 32 — Группа Круглой могилы, курган 7; 33 — Группа Шахты 22; 34 — Завадские могилы; 35 — Чертомлыцкое поле; 36 — Изобильное; 37 — Группа Дедовой могилы; 38 — Кисличеватая; 39 — Любимовка; 40 — Дмухайловка; 41 — Пролетарское; 42 — Вольноулановка; 43 — Малокатериновка; 44 — Привольное; 45 — Мирное; 46 — Каланчак; 47 — Широкое; 48 — Садово; 49 — Кара-Меркит; 50 — Рылеевка; 51 — Дальнее; 52 — Суворовское; 53 — Григорьевка; 54 — Братское; 55 — Нимфей; 56 — Жданов; 57 — Шевченково 1 и 2; 58 — Стыла; 59 — Елизаветовский могильник; 60 — Панское; 61 — Перещепино; 62 — Протопоповка; 63 — Виноградное.

Map. 1. Quiver Sets with Tower-shaped Arrowheads in the Northern Black Sea Region: 1 — Kugurluy; 2 — Pomazanyi; 3 — Chervonyiy Yar; 4 — Artsyiz; 5 — Chobruchi; 6—7 — Kamennaya Balka, Burial-mounds 5 and 6; 8—9 — Molodovka, Burial-mounds 5 and 6; 10—11 — Olshanka; 12 — Medvin; 13 — Berkozovka; 14 — Omelnik; 15 — Golovkovka; 16 — Nechayvoda; 17 — Hristoforovka; 18 — Rodionovka; 19 — Krivyi Rih; 20 — Novorozanovka; 21 — Kovalevka; 22 — Konstantinovka; 23 — Nekropolis of the Olbia; 24 — Sadovo; 25 — Limantsyi; 26 — Novovasilevka; 27 — Kobzartsyi; 28 — Novopavlovka, Burial-mound 2; 29 — Kalininskoe; 30 — Staroselye; 31 — Zolotaya Balka; 32 — Group of the Kruglaya mogila, Burial-mound 7; 33 — Group of the Shahtyi 22; 34 — Zavadskie mogilyi; 35 — Chertomlyitskoe pole; 36 — Izobilnoe; 37 — Gruppa of the Dedova mogila; 38 — Kislichevataya; 39 — Lyubimovka; 40 — Dmuhaylovka; 41 — Proletarskoe; 42 — Volnoulanovka; 43 — Malokaterinovka; 44 — Privolnoe; 45 — Mirnoe; 46 — Kalanchak; 47 — Shirokoe; 48 — Sadovo; 49 — Kara-Merkit; 50 — Ryileevka; 51 — Dalnee; 52 — Suvorovskoe; 53 — Grigorevka; 54 — Bratskoe; 55 — Nymphaion; 56 — Zhdanov; 57 — Shevchenkovo 1 and 2; 58 — Styila; 59 — Elizavetovskiy mogilnik Burial-ground; 60 — Panskoe; 61 — Pereschepino; 62 — Protopopovka; 63 — Vinogradnoye.

Таблица 1. Основные типы наконечников стрел башневидного горизонта

Тип	Внешний вид	Описание	Размеры (высота, вес)
1, 1/1		Трехлопастные башневидные, с прямыми контурами головки, выступающей втулкой. У некоторых экземпляров в результате многократной заточки — контуры втулки подчеркнуты двумя углублениями — остатки сточенного ложка. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, один может быть заострен в виде шипа.	Высота 2,5—3,5 см. Вес 1,4—2,7 г.
1/2		Трехлопастные башневидные, с фигурно изогнутым абрисом лопастей и концами лопастей, срезанными под прямым или тупым углом к втулке или продленными к ее основанию и заостренными в виде шипа.	Высота 2—2,8 см Вес 2—2,6 г.
2		Трехлопастные с треугольной головкой, с П-образным ложком на 2/3 высоты головки, слегка выступающей втулкой, лопастями обрезанными прямо или под тупым углом, реже свисающей, заостренной одной лопастью.	Высота 2—2,8 см Вес: 1,5—2 г.
3		Трехлопастные, башневидные, с П-образным ложком на 2/3 высоты головки, скрытой втулкой и окончаниями лопастей, обрезанными вровень с основанием втулки (базисного типа).	Высота: 1,7—2,5 см Вес: 1,8—2,3 г.
4		Трехлопастные, треугольные, с ложком до острия скрытой втулкой и окончаниями лопастей, обрезанными вровень с основанием втулки базисного типа.	Высота: 2,2—2,7 см Вес: 1—1,7 г
4/1		Трехлопастные, треугольные, с ложком до острия скрытой втулкой и острыми окончаниями лопастей, свисающими ниже уровня обреза втулки.	Высота: 2,2—2,7 см Вес: 1,4—2 г

Таблица 1. Основные типы наконечников стрел башневидного горизонта (продолжение)

Тип	Внешний вид	Описание	Размеры (высота, вес)
4/2		Трехлопастные, башневидные, с ложком до острия, скрытой втулкой и окончаниями лопастей, обрезанными вровень с основанием втулки (базисного типа).	Высота: 2—2,7 см. Вес: 1,4—2 г
5		Трехлопастные, башневидные, с ложком до острия, с выступающей втулкой. Грани слегка вогнуты. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке, продлены к ее основанию или заострены в виде шипа.	Высота: 2,4—3,4 см; Вес: 2—2,7 г
5/1		Трехлопастные, башневидные, с ложком до острия, с выступающей втулкой. Грани слегка вогнуты. Края лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке.	Высота: 2—2,7 см Вес: 1,3—1,7 г
6		Трехлопастные с треугольной головкой, с ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей срезаны под прямым или тупым углом к втулке.	Высота 2,3—3,2 см. Вес 2,3—3 г
6/1		Трехлопастные с треугольной головкой, с ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены в виде шипов. Отличаются шириной головки и размахом лопастей на уровне заостренных в виде шипов краев лопастей.	Высота 2,5—3,2 см. Вес 2,5—2,9 г

Таблица 2. Колчанные наборы башневидного горизонта,
сопоставленные по идентичности выделенных типов наконечников стрел

Памятник	1, 1/1	1/2	2	3	4/1	4/2	5	5/2	6	6/1
Шахта 22										
Изобильное, курган 4, погребение 1										
Калининское										

Таблица 2. Колчанные наборы башневидного горизонта,
сопоставленные по идентичности выделенных типов наконечников стрел (продолжение)

Памятник	1, 1/1	1/2	2	3	4/1	4/2	5	5/2	6	6/1
Садово										
Розановка										
Кобзарцы										
Каменная Балка, курган 6, погребение 1										

Таблица 2. Колчанные наборы башневидного горизонта,
сопоставленные по идентичности выделенных типов наконечников стрел (продолжение)

Памятник	1, 1/1	1/2	2	3	4/1	4/2	5	5/2	6	6/1
Лиманцы										
Новопавловка										
Привольное										
Мирное										

Таблица 2. Колчанные наборы башневидного горизонта,
сопоставленные по идентичности выделенных типов наконечников стрел (продолжение)

Памятник	1, 1/1	1/2	2	3	4/1	4/2	5	5/2	6	6/1
Широкое 3, курган 13, погребение 3										
Головковка										
Молодовка, курган 5, погребение 2										
Молодовка, курган 6										

Таблица 2. Колчанные наборы башневидного горизонта,
сопоставленные по идентичности выделенных типов наконечников стрел (продолжение)

Памятник	1, 1/1	1/2	2	3	4/1	4/2	5	5/2	6	6/1
Круглая могила, курган 7										
Вильна Улановка										

УДК 930.1

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00005

С.Н. Разумов, С.А. Фидельский, И.А. Четвериков, С.О. Симоненко

БЕНДЕРСКАЯ КРЕПОСТЬ В XVI В. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

В феврале—марте 2019 г. Днестровская археологическая экспедиция провела исследования нижнего яруса Юго-Восточной башни цитадели Бендерской крепости. На глубине 3,35 м от уровня входа расчищен пол из каменной крошки с известью. Его сооружение связано с первым стратиграфическим горизонтом башни (1538 г.). Второй горизонт представлен заполнением нижнего яруса башни в виде светло-жёлтого лессовидного суглинка, мощностью 1,6—1,7 м, в котором были найдены фрагменты гончарной керамики XVI в., металлические изделия и кости животных. Археологические исследования 2019 г. подтвердили версию о том, что первые каменные укрепления были сооружены здесь именно турками, и не ранее конца 1530-х гг. В ходе исследований второго стратиграфического горизонта установлено, что он сформировался в процессе реконструкции и расширения крепости в 1584 г. В начале этого года по приказу турецкого султана молдавский господарь Пётр Хромой приступил к реконструкции полуразрушенных польско-казацкими набегами укреплений. За несколько месяцев были сооружены внутренний ров и Нижняя крепость. Суглинок из заполнения рва был использован для засыпки нижнего яруса Юго-Восточной, и, вероятно, других башен цитадели, чтобы укрепить их против усилившейся осадной артиллерии и подкопов. В материалах этого горизонта отразились новые тенденции в фортификационном искусстве второй половины XVI в. на территории Северного Причерноморья и соседних регионов.

Ключевые слова: Нижнее Поднестровье, XVI в., Бендерская крепость, Османская империя, фортификация, Молдавское княжество, археология, архитектура.

Сведения об авторах: Разумов Сергей Николаевич¹, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Фидельский Сергей Анатольевич², кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Четвериков Игорь Анатольевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко; Симоненко Сергей Олегович⁴, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Археология», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: ^{1,2,3,4}MD-3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко; e-mail: ¹razum_22@rambler.ru; ²fidel1975@mail.ru; ³chetverikov67@mail.ru; ⁴simon_mid@mail.ru.

* Статья поступила в номер 11 ноября 2019 г.
Принята к печати 2 декабря 2019 г.

S.N. Razumov, S.A. Fidelsky, I.A. Chetverikov, S.O. Simonenko

BENDERY FORTRESS IN THE 16th CENTURY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

The Dniester archaeological expedition conducted research of the lower tier of the South-East tower of the citadel of Bendery fortress in February—March 2019. The stone crumb floor with lime was cleared at a depth of 3.35 m from the entrance level. Its building is connected with the first stratigraphic horizon of the tower (1538). The second horizon is represented by filling the lower tier of the tower in the form of a light yellow loess like loam with a thickness of 1,6—1,7 m, in which fragments of pottery ceramics of the 16th century, metal items and animal bones were found. Archaeological research in 2019 confirmed the version that the first stone fortifications were built here by the Turks, and not earlier than the end of the 1530s. It was established in the course of the excavation that the second stratigraphic horizon was formed during the reconstruction and expansion of the fortress in 1584. The Moldavian ruler Peter Hromoi began reconstruction of the fortifications which were dilapidated during Polish-Cossack raids, at the beginning of this year, on the orders of the Turkish Sultan. The inner ditch and the Lower Fortress were built within a few months. Loam from the filling of the ditch was used to fill the lower tier of the South-East, and probably other citadel towers, to strengthen them against the intensified siege artillery and tunnels. The materials of this horizon reflected new trends in fortification art of the second half of the 16th century in the North Black Sea region and neighboring regions.

Key words: Lower Dniester region, 16th century, Bendery fortress, Ottoman Empire, fortification, Moldavian Principality, archaeology, architecture.

About the authors: Razumov Sergey Nikolaevich¹, Candidate of Historical Sciences, Senior Staff Scientist of Research Laboratory “Archaeology” of T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Fidelskiy Sergey Anatolyevich², Candidate of Historical Sciences, Senior Staff Scientist of Research Laboratory “Archaeology” of T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Chetverikov Igor Anatolyevich³, Senior Staff Scientist of Research Laboratory “Archaeology” of T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Simonenko Sergey Olegovich⁴, Staff Scientist of Research Laboratory “Archaeology” of T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Contact information: ^{1,2,3,4}MD-3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: e-mail: ¹razum_22@rambler.ru; ²fidel1975@mail.ru; ³chetverikov67@mail.ru; ⁴simon_mid@mail.ru.

Бендерская крепость является выдающимся памятником истории и архитектуры XVI—XIX вв. Она располагается на высоком правом берегу нижнего течения Днестра в пределах г. Бендеры Приднестровской Молдавской Республики. Среди всех турецких крепостей Северного Причерноморья она выделяется хорошей сохранностью фортификационных сооружений. Объясняется эта особенность не только «везением» в виде отсутствия сильных разрушений в ходе многочисленных войн, но и тем, что с момента постройки вплоть до начала XXI в. крепость являлась закрытым военным объектом. Лишь в 2007 г. на территории цитадели, Нижней крепости и казарм понтонного полка был создан Исторический военно-мемориальный комплекс (Вилков и др. 2018: 108). Таким образом, в отличие от многих других памятников фортификации региона, она избежала участи превращения в источник бесплатных стройматериалов для местных жителей. Впрочем, закрытость объекта имела и негативные последствия — невозможность археологических исследований, которые могли бы пролить свет на время и «авторство» постройки, уточнить строительную периодизацию памятника. Следует отметить, что, вопреки мнению А.В. Красножона о полном отсутствии археологических исследований Бендерской крепости (Красножон 2018: 28), таковые проводились И.Г. Хынку в 1969 г. (Полевой, Бырня 1974: 84; Şlapas 2004: 104) и Н.В. Гольцевой в 1990 г. (Гольцева 1990: 1). Однако эти раскопки были

крайне ограничены по площади, а результаты их остались неопубликованными. К тому же, древнейшая часть крепости — замок (цитадель) — раскопками вообще не была затронута. Таким образом, противоречащие друг другу версии о том, кто же именно его построил (галицко-волыньские князья, генуэзцы, литовцы, господа Молдавского княжества, татары или турки) и когда (в XIII, XIV, XV или в XVI в.) (Şlapac 2004: 27; Аствацатуров 2007: 8—10; Вилков и др. 2018: 12; Красножон 2018: 115) — были лишены археологической аргументации. Впервые археологические раскопки на территории цитадели Бендерской крепости состоялись лишь в 2019 г.

Днестровская археологическая экспедиция Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко в феврале-марте 2019 г. провела исследования Юго-Восточной башни цитадели в связи с необходимостью музеефикации данного объекта.

Следует пояснить, что в настоящее время крепостной ансамбль состоит из трёх частей. Наиболее ранней является цитадель (первоначально — замок) в форме неправильного четырёхугольника размерами 84 × 101 × 75 × 101 м, с восемью башнями по периметру (рис. 1, 2: 1—3), построенная в конце 30-х гг. XVI в., что подтвердилось нашими исследованиями. Позднее, в 1584 г., на второй береговой террасе, под цитаделью, была сооружена Нижняя крепость площадью 1,1 га (рис. 1, 2). Внешняя (Большая) крепость площадью 62,35 га, ограниченная бастионным фронтом, была построена на верхнем береговом плато в начале XVIII в. (Аствацатуров 2007: 44; Красножон 2018: 141).

Юго-Восточная башня цитадели, ближайшая к переправе, базируется на невысоком многоугольном цоколе. В плане она имеет форму круга со срезанным (со стороны двора, с северо-запада) сегментом (рис. 3—5). Общий диаметр башни составляет около 12 м, толщина стен до 2,5 м, высота 13 м (без учёта крыши). В башне в настоящее время имеется четыре яруса. Нижний ярус, исследованный в 2019 г., входа и бойниц не имеет. Вход во второй ярус осуществляется со двора (первоначально имел наружную лестницу, поскольку уровень двора был ниже на 1,5—2 м). На третий ярус ведёт вход с боевого хода куртины. Каменная круговая лестница с третьего яруса ведет на верхний, четвёртый, с мерлонами по периметру. В стенах второго яруса были сооружены пять сводчатых артиллерийских бойниц, в стенах третьего — четыре бойницы и один камин (рис. 4—5).

К началу раскопок нижний ярус был заполнен практически до уровня современного входа со стороны двора цитадели. Следовательно, в процессе раскопок пришлось удалить около 200 м³ заполнения. В ходе исследований было выделено пять стратиграфических горизонтов. Два наиболее ранних связаны с сооружением и первым периодом функционирования башни в XVI в.

Третий горизонт датируется последней четвертью XVIII в. Повреждённые пушечные ядра и гранаты из чугуна, следы пожара указывают на последствия осады и штурма крепости российской армией в 1770 г. Перестройка нижнего яруса башни была частью масштабной реконструкции крепости турками под руководством французских инженеров в 1793—1794 гг. Сооружённые в это время мощные радиальные «контрфорсы» и центральный «столб», сложенные из массивных плит и кусков известняка (рис. 5—6), должны были удерживать мощное деревянное перекрытие и винтовую лестницу (Разумов и др. 2019: 7—10).

Формирование четвёртого горизонта связано с событиями Бендерского вооружённого восстания против румынских и французских интервентов 27 мая 1919 г. (Зайцев 1971: 50—76) Многочисленные гильзы от патронов для винтовок Лебеля, Манлихера и Мосина свидетельствуют о ведении солдатами гарнизона огня из бойниц верхних ярусов. Обломки зарядных ящиков, конская упряжь остались от склада воинского имущества, находившегося в нижнем на тот момент ярусе башни до пожара, возникшего в результате артобстрелов с

левого берега Днестра (найлены части фугасных и шрапнельных трёхдюймовых снарядов). Сверху эти находки были перекрыты строительным мусором 1920—1930-х гг.

Материалы пятого горизонта показывают, что примерно с 1970-х – начала 1980-х гг. и до 1990-х гг. включительно Юго-Восточная башня цитадели использовалась военными Советской армии в качестве мусорной свалки.

Наша публикация посвящена анализу материалов из двух нижних стратиграфических горизонтов, содержащих информацию о ранней истории Бендерской крепости.

Итак, на глубине 3,35 м от уровня современного входа был расчищен пол нижнего яруса, залитый раствором из каменной крошки с известью (рис. 6—7). Его сооружение связано с **первым стратиграфическим горизонтом**, датированным временем строительства и начала функционирования башни (1538—1584 гг.). Вероятно, перед заполнением нижнего яруса суглинком в 1584 г. (см. ниже) из него было вынесено всё, представлявшее хоть какую-то ценность. Поэтому на полу были выявлены лишь мелкие обломки изделий из железа и меди:

1) фрагмент лезвия (острия) железного кованого ножа размерами $28 \times 11 \times 3$ мм;

2) медное изделие (рис. 13: 10);

3) фрагмент медной обивки деревянного (?) предмета в виде трапециевидной пластины с загнутым широким основанием размерами $64 \times 35 \times 0,3$ мм;

4) гвоздь кованый железный размерами $32 \times 7 \times 6$ мм, шляпка 14×13 мм (рис. 12: 2);

5) стержень кованый железный размерами $35 \times 7 \times 3$ мм (рис. 13: 8);

Кроме того, были обнаружены морская раковина (рис. 13: 9) и немногочисленные фрагменты гончарной керамики (рис. 8), в том числе:

1) Фрагмент венчика сосуда из хорошо отмученной глины с примесью песка (рис. 8: 5). Тесто плотное, однородное светло-коричневого цвета. Поверхность фрагмента шероховатая, плохо обработана, особенно внешняя сторона. Ангоб отсутствует. Венчик выделен, отогнут наружу. Верхний его край ровный шириной 0,5 см. К верхнему краю венчика примыкала лентовидная ручка. Диаметр устья сосуда составил 24 см. Толщина стенки сосуда равна 0,4 см;

2) Фрагмент венчика мисковидного сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка и блестящих частиц (рис. 8: 7). Тесто плотное, однородное светло-коричневого цвета. Поверхность неровная, шероховатая. Венчик выделен, верхний его край ровный, слегка отогнут наружу, шириной 1,2 см. Внутренняя сторона фрагмента и верхний край венчика были покрыты краской или лаком белого цвета (возможно, некачественная полива). Диаметр устья сосуда равен 24 см;

3) Фрагмент стенки сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка и блестящих частиц (рис. 8: 3). Тесто плотное, однородное кирпичного цвета. Внутренняя и внешняя поверхность фрагмента ровная, хорошо заглажена. Ангоб отсутствует. На внешней стороне фрагмента зафиксировано место перехода от тулова к шейке, которое отчетливо выделено ребром. На это место приходится максимальный диаметр сосуда, который составил 13 см. Толщина стенки тулова и шейки равна 0,75 см;

4) Фрагмент венчика сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка и шамота (рис. 8: 9). Тесто плотное, однородное серого цвета. Обжиг равномерный. Внутренняя и внешняя поверхность фрагмента светло-коричневого цвета с сероватым оттенком. Венчик выделен, отогнут наружу. Имеет закраину для крышки. Верхний его край заострен. Диаметр устья сосуда составляет 17 см. Толщина стенки 0,5 см;

5) Фрагмент стенки сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка и белых частиц (рис. 8: 8). Тесто плотное, однородное, внутренняя и внешняя поверхность фрагмента,

кирпичного цвета. Обжиг равномерный. На внешней стороне фрагмента зафиксированы каннелюры, расположенные горизонтально. Толщина стенки сосуда 0,4 см;

6) Фрагмент стенки сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка и белых частиц (рис. 8: 10). Тесто плотное, однородное, внешняя и внутренняя поверхность фрагмента светло-серого цвета. Обжиг равномерный. На внешней стороне фрагмента зафиксированы каннелюры, расположенные горизонтально;

7) Фрагмент дна сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка и белых частиц (рис. 8: 11). Тесто плотное, однородное светло-серого цвета. Обжиг равномерный. Внутренняя и внешняя поверхность фрагмента коричневого цвета с буроватым оттенком. Дно плитчатое, имеет закраину, диаметром 10 см и толщиной 0,6 см. Толщина стенки сосуда равна 0,7 см;

8) Фрагмент дна сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка и блестящих частиц (рис. 8: 12). Тесто плотное, однородное, как и внутренняя поверхность фрагмента, черного цвета. Внешняя поверхность фрагмента светло-серого цвета со следами некачественного обжига в виде темных пятен. Дно плитчатое, имеет закраину, диаметром 7 см и толщиной 0,4 см. Толщина стенки сосуда равна 0,7 см;

9) Фрагмент дна сосуда из хорошо отмученной глины с примесями песка, шамота и блестящих частиц (рис. 8: 13). Тесто плотное, однородное светло-серого цвета. Обжиг равномерный. Внутренняя и внешняя поверхность серого цвета. Дно плитчатое, имеет слабо выраженную закраину. На подошве зафиксированы следы среза ниткой. Диаметр дна составил 13 см, толщиной 0,8 см. Толщина стенки сосуда равна 0,6 см.

Подчеркнём, что некоторые фрагменты, найденные на полу, совмещались с фрагментами тех же сосудов, обнаруженными в нижней части второго стратиграфического горизонта. Следовательно, керамика, предварительно отнесённая к первому горизонту, может частично либо полностью относиться ко второму горизонту, где было обнаружено более 90% всех керамических изделий из раскопок 2019 г.

Также следует отметить, что в восточной части башни в пол был вбит под углом массивный железный кованый костыль, вокруг которого фиксировался древесный тлен.

Стены нижнего яруса башни были тщательно оштукатурены (рис. 7). Вероятно, в 1540—1584 г. он использовался в качестве складского помещения.

На глубине 1,4 м от уровня входа (непосредственно под ним) в стене зафиксирована заложенная тремя вертикально поставленными известняковыми блоками ниша (рис. 7) либо окно размерами около 550 × 250 мм. Отметим, что на момент сооружения башни данное отверстие должно было располагаться немного выше уровня внутреннего двора. Возможно, первоначально оно служило для вентиляции и/или для загрузки и выгрузки припасов. Замуровано это отверстие было не позднее 1584 г. (см. ниже).

Второй стратиграфический горизонт представлен заполнением нижнего яруса башни в виде светло-жёлтого лессовидного суглинка, мощностью 1,6—1,7 м (рис. 6). В слое суглинка были найдены многочисленные фрагменты костей животных (домашняя птица, крупный и мелкий рогатый скот). Среди других находок выявлены:

1) отходы косторезного производства в виде корневой части кабаньего клыка с отпиленной сбоку пластиной (рис. 9: 3), размерами 70 × 28 × 20 мм;

2) кресальный кремь на пластинчатом отбивном отщепе, сырьё днестровское, светло-серое полупрозрачное, дорсальная поверхность окатана и патинирована, в дистальной части забитость (рис. 8: 6), размеры 28 × 25 × 3 мм;

3) обточенная дисковидная сланцевая галька (игральная фишка?) с углублением на одной из плоскостей (рис. 12: 5), диаметр 20 мм, толщина 8 мм;

4-7) гвозди кованые железные, (рис. 12: 1—2, 14—15).

Отметим также, что при исследовании Юго-Восточной башни цитадели Бендерской крепости в общей сложности было обнаружено 215 фрагментов керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге (рис. 8—13), подавляющее большинство которых (более 90%) относится именно ко второму стратиграфическому горизонту. Следовательно, эта керамика попала в башню в процессе реконструкции крепости в 1584 г.

Анализ простой гончарной керамики показал, что большинство фрагментов относятся к горшкам различных форм. В качестве редкого исключения встречаются обломки одноручных кувшинов и мисок (рис. 9: 8, 13: 1, 2, 7). В составе теста, как правило, присутствует мелкозернистый песок, а также белые (известняк) и блестящие (слюда) частицы. В основном обжиг равномерный и сквозной. В зависимости от режима обжига сосуды имели кирпичный, серый или чёрный цвет. К наиболее многочисленным находкам принадлежат фрагменты венчиков горшков, чаще всего с закраинами под крышку, а также доньев. Орнамент в основном представлен горизонтальными каннелюрами, которые располагались на плечиках сосудов. В единственном случае на внешней стороне стенки сосуда был зафиксирован орнамент, сочетавший штампованный узор и волнистые прорезные линии (рис. 9: 4).

Среди обнаруженной керамики встречаются фрагменты красноглиняной поливной посуды. В основном она представлена сосудами открытых форм (мисками), от которых сохранились фрагменты венчиков и доньев (рис. 13: 15). В единичном случае найден фрагмент ножки закрытого сосуда, возможно, кувшинчика или горшочка (рис. 13: 12). Керамическая посуда покрывалась как монокромной поливой (горчичного цвета), так и поливой, сочетавшей разные цвета в одном изделии (белый, коричневый и зелёный). На всех фрагментах полива нанесена на внутреннюю часть сосуда, а также на верхний край венчика миски.

Можно предположить, что разбитые сосуды попали в заполнение нижнего яруса башни в результате постепенного выхода из строя кухонной и столовой посуды, используемой для питания большого количества работников, отправленных сюда по приказу султана молдавским господарем Петром Хромым в 1584 г. (Красножон 2011: 247; 2018: 117). Поскольку второй стратиграфический горизонт представлен мощным слоем однородного светло-жёлтого лессовидного суглинка, очевидно, вынутого с глубины нескольких метров при выкапывании нового либо углублении существовавшего рва вокруг замка, находки из него можно считать синхронными. Весьма маловероятно, что они могли попасть сюда из более ранних культурных слоёв на территории крепости.

В результате анализа материалов из первого и второго стратиграфических горизонтов Юго-восточной башни нами были сделаны следующие выводы: 1) Никаких данных в пользу версии о том, что данная башня, как и остальные постройки цитадели, могла быть сооружена генуэзцами, как предполагают некоторые исследователи (Вилков и др. 2018: 12—15), в ходе раскопок получено не было; 2) Археологический материал, в первую очередь керамика, довольно однороден и укладывается в целом в рамки XVI в.; 3) Все имеющиеся материалы указывают на возведение каменного замка турками во второй четверти XVI в. Каменная кладка и пол нижнего яруса абсолютно однородны, сооружены единовременно, следов более ранних построек, перестроек не выявлено (рис. 7). При этом необходимо подчеркнуть, что способ кладки и параметры известняковых блоков аналогичны таковым в турецких фортификационных сооружениях конца XV-XVI вв., таких, как цитадели в Аккермане (Белгороде-Днестровском), Килии, и т.д. (Şlapas 2004: 151).

Отметим, что простые геометрические формы замков, фланкирующие высокие башни, выдвинутые далеко за пределы крепостных стен, сводчатые камеры для пушечных бойниц, длинные прямые куртины характерны для начального периода активного использования артиллерии для обороны укреплений (Косточкин 1962: 63—66; Чеботаренко 1964: 216; Яковлев 2000: 76; Носов 2002: 60—72; Пламеницька 2012: 212—213, 318). В Северо-Западном Причерноморье и соседних регионах крепостная артиллерия стала широко применяться лишь в XV в., а предназначенные специально для артиллерии укрепления распространяются уже к концу этого столетия (Пламеницька 2012: 212; Мисько 2012: 537). Замок в Бендерах, как и в Белгороде-Днестровском, не имеет никаких признаков генуэзской провинциальной крепостной архитектуры, примеры которой широко представлены в Крыму (Красножон 2012: 157). По итогам небольших раскопок И.Г. Хынку в 1969 г. с внешней стороны восточной стены цитадели также были сделаны выводы, что каменные укрепления здесь были сооружены не ранее первой половины XVI в. (Полевой, Бырня 1974: 84). План Бендерского замка полностью соответствует планам других османских крепостей конца XV—XVI вв., при этом кардинально отличаясь как от фортификаций Молдавского княжества XIV—XV вв., так и от польско-литовских замков (Şlapac 2004: 151—152; Красножон 2018: рис. 2, 46, 49). Здесь же следует заметить, что ни в грамотах молдавских господарей, ни в хрониках соседних государств, ни в записках путешественников XV в. укрепленный город либо крепость Тигина (молдавское название Бендер) ни разу не упоминается (Аствацатуров 2007: 10—11). Итак, наши раскопки свидетельствуют в пользу версии о том, что первые каменные укрепления были сооружены в Бендерах турками в конце 1530-х гг., что подтверждается и письменными источниками (Şlapac 2004: 27; Аствацатуров 2007: 38—39; Красножон 2018: 115—116).

Представленная коллекция гончарной керамики из Юго-Восточной башни цитадели находит ближайшие аналогии среди сосудов, выявленных при исследовании средневековых памятников Днестровско-Прутского междуречья. Прежде всего, это керамика, происходящая из городских центров Старый Орхей и Костешты, а также многочисленных сельских поселений указанной территории — Балцаты I, Пояна, Старые Малаешты и др. (Полевой, Бырня 1974: 60—62, рис. 21—24). В совокупности фрагменты гончарных сосудов из первого и второго стратиграфических горизонтов относятся к концу XV — началу XVII вв., что соответствует известным на сегодняшний день датировкам молдавской средневековой керамики (Чеботаренко 1964: 213; Бырня 1969: 197). Необходимо подчеркнуть, что абсолютное преобладание молдавской керамики в заполнении башни никак не может свидетельствовать в пользу того, что замок был сооружен именно молдавскими господарями. В данном случае перед нами ещё один факт, подтверждающий сведения письменных источников о том, что для постройки и реконструкции крепостей Северо-Западного Причерноморья Османская империя постоянно привлекала большое количество молдавских работников (Красножон 2011: 247; 2018: 30, 117), для питания которых использовалась найденная нами посуда.

Итак, второй горизонт следует датировать мартом—августом 1584 г., поскольку именно тогда по приказу турецкого султана подданные молдавского господаря Петра Хромого провели масштабную реконструкцию полуразрушенных польско-казацкими набегами укреплений (Красножон 2011: 247; 2018: 117). За несколько месяцев был выкопан (либо значительно увеличен) ров и построена Нижняя крепость, более эффективно прикрывающая переправу через Днестр (рис. 1, 2: 1—3). Лессовидный суглинок, вынутый при сооружении рва, был использован для засыпки нижнего яруса Юго-Восточной, и, вероятно, других башен

цитадели. Цель такого мероприятия – укрепить их против усилившейся за прошедшие со времени постройки замка полвека осадной артиллерии, подкопов и подрывов.

Массовое изготовление литых бронзовых орудий, усиление их мощности благодаря новым технологиям отливки и получения пороха, появление чугунных ядер, колёсных лафетов для осадной артиллерии, широкое использование во второй половине XVI в. в Центральной и Восточной Европе подземных минных галерей для обрушения стен и башен (например, взятие Казани в 1552 г., многочисленные осады Ливонской войны 1558—1583 гг.) (Яковлев 2000, 70—78; Носов 2002: 78—79; Пенской 2018: 122) – всё это обусловило сходные способы реконструкции старых крепостей и замков. Так, заполнение грунтом и камнями нижних ярусов замковых башен прослежено археологами для ряда крепостей Среднего Поднестровья — Хотина, Сорок, Каменца-Подольского (Чеботаренко 1964: 212—214; 1972: 217—218; Пламеницька 2012: 333). Известны такие мероприятия и в других регионах Европы. Шведский король Густав Ваза, готовясь к войне с Русским государством, в 1546-1555 гг. провёл масштабную реконструкцию Выборгского замка. В частности, письменные источники отмечают, что «Дозорная башня заполнена глиной и камнем по приказу короля Густава для повышения её оборонной мощи» (Абдуллина 2006: 9). Вероятно, кроме заполнения грунтом башен и утолщения кладки стен, был поднят с помощью подсыпок уровень внутреннего двора Бендерской крепости. Об этом можно будет судить по итогам дальнейших исследований.

Масштабная реконструкция замка принесла свои плоды. Так, весной 1595 г. объединённое молдавско-казацкое войско Наливайко и Лободы разгромило многотысячный отряд Бендерского санджака, но штурм новых замковых укреплений окончился полной неудачей и привёл к большим потерям казаков (Аствацатуров 2007; 47—48, 64).

Таким образом, археологические исследования 2019 г. в Юго-Восточной башне цитадели Бендерской крепости подтвердили версию о том, что первые каменные укрепления были сооружены здесь именно турками, и не ранее конца 1530-х гг. Получены данные об особенностях конструкции и функционировании нижнего яруса башни в 1538—1584 гг. В ходе исследований второго стратиграфического горизонта установлено, что он сформировался в процессе реконструкции и расширения крепости в 1584 г. В материалах этого горизонта отразились новые тенденции в фортификационном искусстве второй половины XVI в. на территории Северного Причерноморья и соседних регионов.

Литература

- Абдуллина С.А. 2006. Выборгский замок — образец фортификационного искусства. В: Абдуллина С.А. (отв. ред.). *Выборг. Фортификация*. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 5—15.
- Аствацатуров Г.О. 2007. *Бендерская крепость*. Бендеры: Полиграфист.
- Быря П.П. 1969. *Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв.* Кишинёв: Штиинца.
- Вилков Г.С., Чайкин Я.И., Гальцев П.Ю, Гуцул А.В. 2018. *Бендерская крепость. Живой символ истории*. Тирасполь: Полиграфист.
- Гольцева Н.В. 1990. *Отчёт об археологических исследованиях южного участка рва Бендерской крепости*. Архив Национального музея истории Молдовы. Д. 316.
- Зайцев А.В. 1971. *Бендерское вооружённое...* Кишинёв: Картя Молдовеняскэ.
- Косточкин В.В. 1962. *Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков*. Москва: АН СССР.
- Красножон А.В. 2011. Бендерский фортификационный комплекс XV—XVIII вв. *Stratum plus* 6, 221—251.
- Красножон А.В. 2012. *Крепость Белгород (Аккерман) на Днестре. История строительства*. Кишинёв: Stratum plus.

- Красножон А.В. 2018. *Фортеці та міста Північно-Західного Причорномор'я (XV—XVIII ст.)*. Одеса: Чорномор'я.
- Носов К.С. 2002. *Русские крепости и осадная техника, VIII—XVII вв.* Санкт-Петербург: Полигон.
- Мисько Ю.В. 2017. Археологічні дослідження Хотинської фортеці: підсумки та перспективи. In: Gancarski J. (ed.). *Stan i potrzeby badań archeologicznych w Karpatach*. Krosno: Muzeum Podkarpackie, 533—554.
- Пенской В.В. 2018. *Военное дело Московского государства. От Василия Тёмного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в.* Москва: Центрполиграф.
- Пламаницька О. 2012. *Castrum Camenecensis. Фортеця Кам'янець: (пізньоантичний — ранньомодерний час)*. Кам'янець-Подільський: ФОП Сисин О.В.
- Полевой Л.Л., Бырня П.П. 1974. *Средневековые памятники XIV—XVII веков*. Кишинёв: Штиинца (Археологическая карта МССР. Вып. 7).
- Разумов С.Н., Фидельский С.А., Четвериков И.А., Симоненко С.О. 2019. Реконструкция Юго-Восточной башни цитадели Бендерской крепости в XVIII в. (по данным археологических исследований). *Исторический альманах Приднестровья* 17, 7—10.
- Чеботаренко Г.Ф. 1964. К вопросу о времени возникновения Сорокской крепости. В: Зеленчук В.С., Рикман Э.А., Смирнов Г.Д. (ред.). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 210—216.
- Чеботаренко Г.Ф. Археологические раскопки в Сорокской крепости в 1968—1969 гг. 1972. В: Рафалович И.А. (отв. ред.). *Археологические исследования в Молдавии в 1968—1969 гг.* Кишинёв: Штиинца, 201—237.
- Яковлев В.В. 2000. *История крепостей*. Санкт-Петербург: Полигон.
- Şlapac M. 2004. *Cetăți medievale din Moldova (mijlocul secolului al XIV-lea — mijlocul secolului al XVI-lea)*. Chişinău: ARC.

References

- Abdullina, S.A. 2006. In: Abdullina, S.A. (ed.). *Vyborg. Fortifikatsiya (Vyborg. Fortification)*. Saint Petersburg: "Evropeyskiy Dom" Publ., 5—15 (in Russian).
- Astvatsaturov, G.O. 2007. *Benderskaya krepost' (Bendery Fortress)*. Bendery: "Poligrafist" Publ. (in Russian).
- Byrnya, P.P. 1969. *Sel'skiye poseleniya Moldavii XV—XVII vv. (Rural Settlements of Moldova of the 15th — 17th Centuries)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ. (in Russian).
- Vilkov, G.S., Chaykin, Ya.I., Gal'tsev, P.Yu, Gutsul, A.V. 2018. *Benderskaya krepost'. Zhivoy simvol istorii (Bendery Fortress. A living Symbol of History)*. Tiraspol: "Poligrafist" Publ. (in Russian).
- Gol'tseva, N.V. 1990. Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh yuzhnogo uchastka rva Benderskoy kreposti. *Arkhiv Natsional'nogo muzeya istorii Moldovy*. D. 316.
- Zaytsev, A.V. 1971. *Benderskoye vooruzhonnoye... (Armed Bender...)*. Kishinev: "Kartya Moldovenyaske" Publ. (in Russian).
- Kostochkin, V.V. 1962. *Russkoye oboronnoye zodchestvo kontsa XIII — nachala XVI vekov (Russian Defense Architecture of the Late 13th — Early 16th Centuries)*. Moscow: "AN SSSR" (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2011. In *Stratum plus* 6, 221—251 (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2012. *Krepost' Belgorod (Akkerman) na Dnestre. Istoriya stroitel'stva (Belgorod Fortress (Akkerman) on the Dniester. The History of Construction)*. Kishinev: "Stratum plus" (in Russian).
- Krasnozhon, A.V. 2018. *Fortetsi ta mista Pivnichno-Zakhidnogo Prichornomor'ya (XV—XVIII st.) (Fortresses and Cities of the Northwest Black Sea (15th — 18th Centuries))*. Odessa: "Chornomor'ya" (in Ukrainian).
- Nosov, K.S. 2002. *Russkiye kreposti i osadnaya tekhnika, VIII—XVII vv. (Russian Fortresses and Siege Engineering, 8th — 17th Centuries)*. Saint Petersburg: "Poligon" Publ. (in Russian).
- Mis'ko, Yu.V. 2017. In: Gancarski, J. (ed.). *Stan i potrzeby badań archeologicznych w Karpatach*. Krosno: "Muzeum Podkarpackie", 533—554 (in Russian).
- Penskoy, V.V. 2018. *Voyennoye delo Moskovskogo gosudarstva. Ot Vasiliya Tomnogo do Mikhaila Romanova. Vtoraya polovina XV — nachalo XVII v. (Military Affairs of the Moscow State. From Vasily the Blind to Mikhail Romanov. The Second Half of the 15th — the beginning of the 17th Century)*. Moscow: "Tsentrpoligraf" Publ. (in Russian).

- Plamenits'ka, O. 2012. *Castrum Camenecensis. Fortetsya Kam'yanets': (pizn'oantichniy — rann'omoderniy chas) (Castrum Camenecensis. Kamyanets Fortress: (Late Antique — Early Modern Times))*. Kamianets-Podilskyi: "FOP Sisin O.V." (in Ukrainian).
- Polevoy, L.L., Byrnya, P.P. 1974. *Srednevekovyye pamyatniki XIV—XVII vekov (Medieval Monuments of the 14th — 17th Centuries)*. Kishinov: "Shtiintsa" Publ. (Archaeological map of MSSR. Iss. 7) (in Russian).
- Razumov, S.N., Fidelskiy, S.A., Chetverikov, I.A., Simonenko, S.O. In *Istoricheskiy al'manakh Pridnestrov'ya (The Historical Almanac of Transnistria)* 17, 7—10 (in Russian).
- Chebotarenko, G.F. 1964. In: Zelenchuk, V.S., Rikman, E.A., Smirnov, G.D. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii i etnografii Moldavskoy SSR (Materials and Research on archaeology and Ethnography of the Moldavian SSR)*. Kishinov: "Kartya Moldovenyaske" Publ., 210—216 (in Russian).
- Chebotarenko, G.F. In: Rafalovich, I.A. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v Moldavii v 1968—1969 gg. (Archaeological Research in Moldova in 1968—1969)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ., 201—237 (in Russian).
- Yakovlev, V.V. 2000. *Istoriya krepostey (History of the Fortresses)*. Saint Petersburg: "Poligon" Publ.
- Şlapac, M. 2004. Cetăţi medievale din Moldova (mijlocul secolului al XIV-lea — mijlocul secolului al XVI-lea). Chişinău: "ARC" Publ.

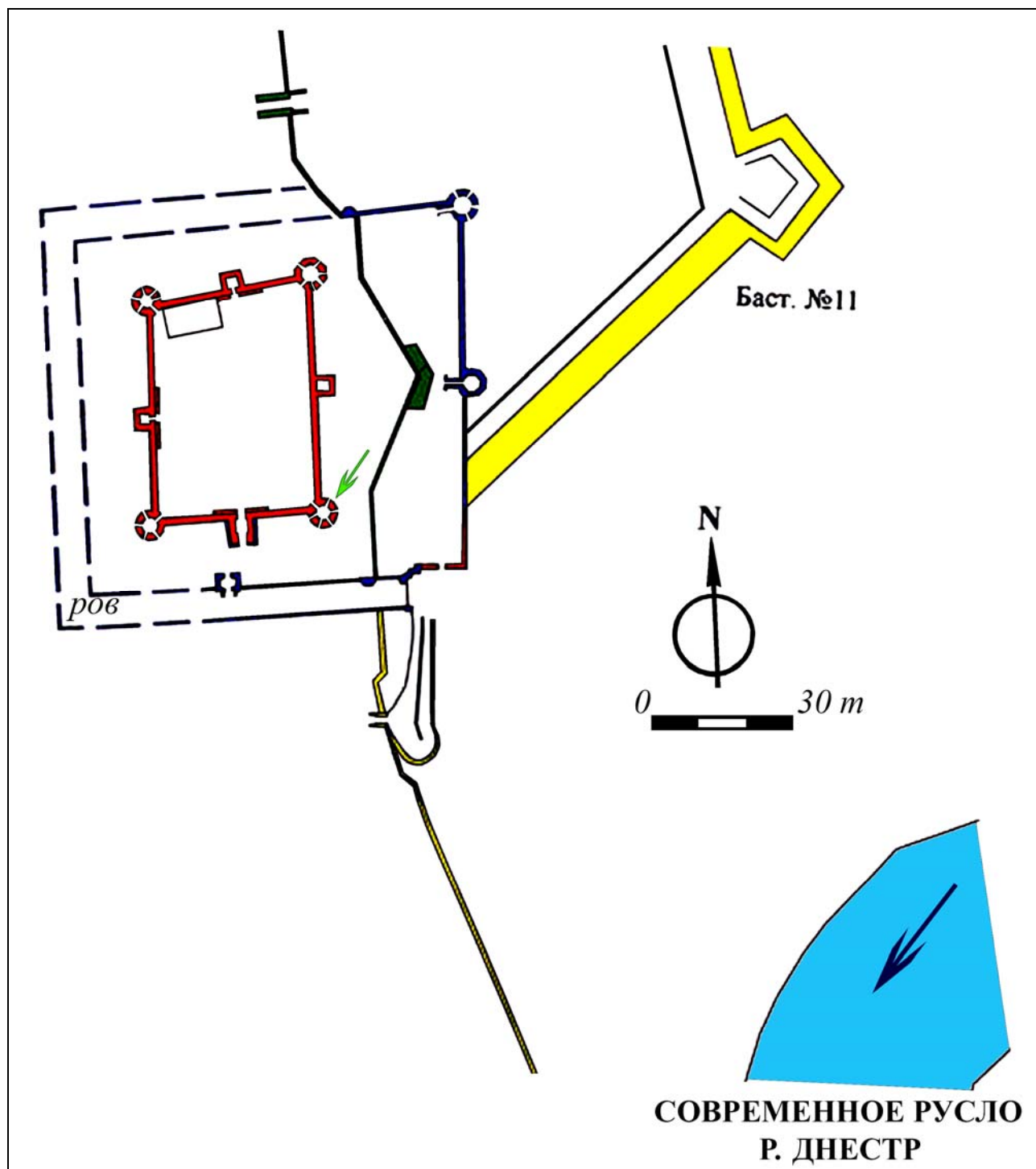

Рис. 1. План Бендерской цитадели (1538 г., красный цвет) и Нижней крепости (1584 г., тёмно-синий цвет) (по Красножон 2018: рис. 36). Зелёной стрелкой показана Юго-Восточная башня.

Fig. 1. Plan of the Bendery Citadel (1538, Red) and the Lower Fortress (1584, Dark Blue) (after Krasnozhon 2018: fig. 36). The Green Arrow indicates the Southeast Tower.

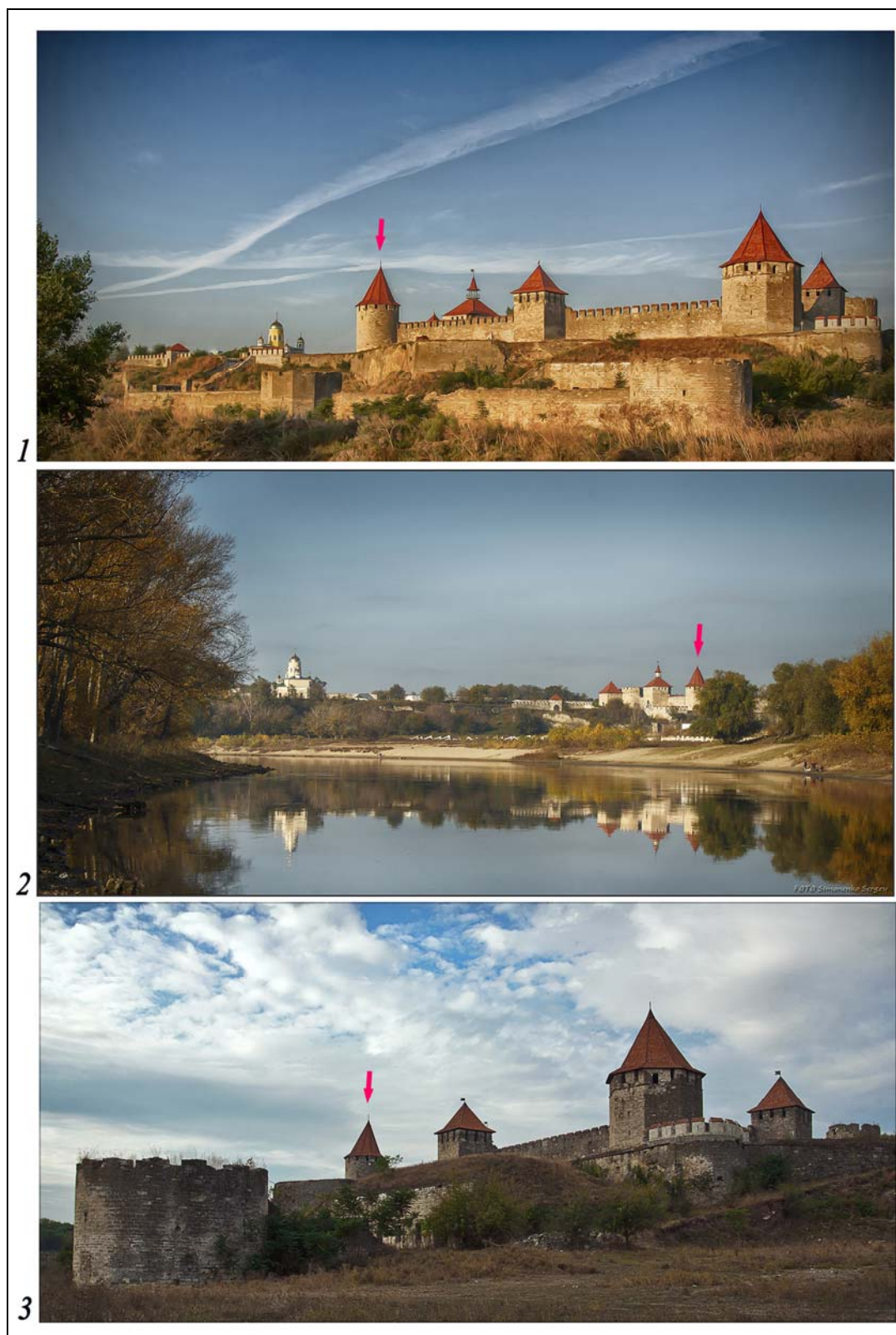

Рис. 2. Виды на цитадель и Нижнюю крепость со стороны Днестра (фото С.О. Симоненко). Стрелками показана Юго-Восточная башня.

Fig. 2. Views of the Citadel and the Lower Fortress from the Dniester (Photo by S.O. Simonenko). The arrows indicate the Southeast Tower.

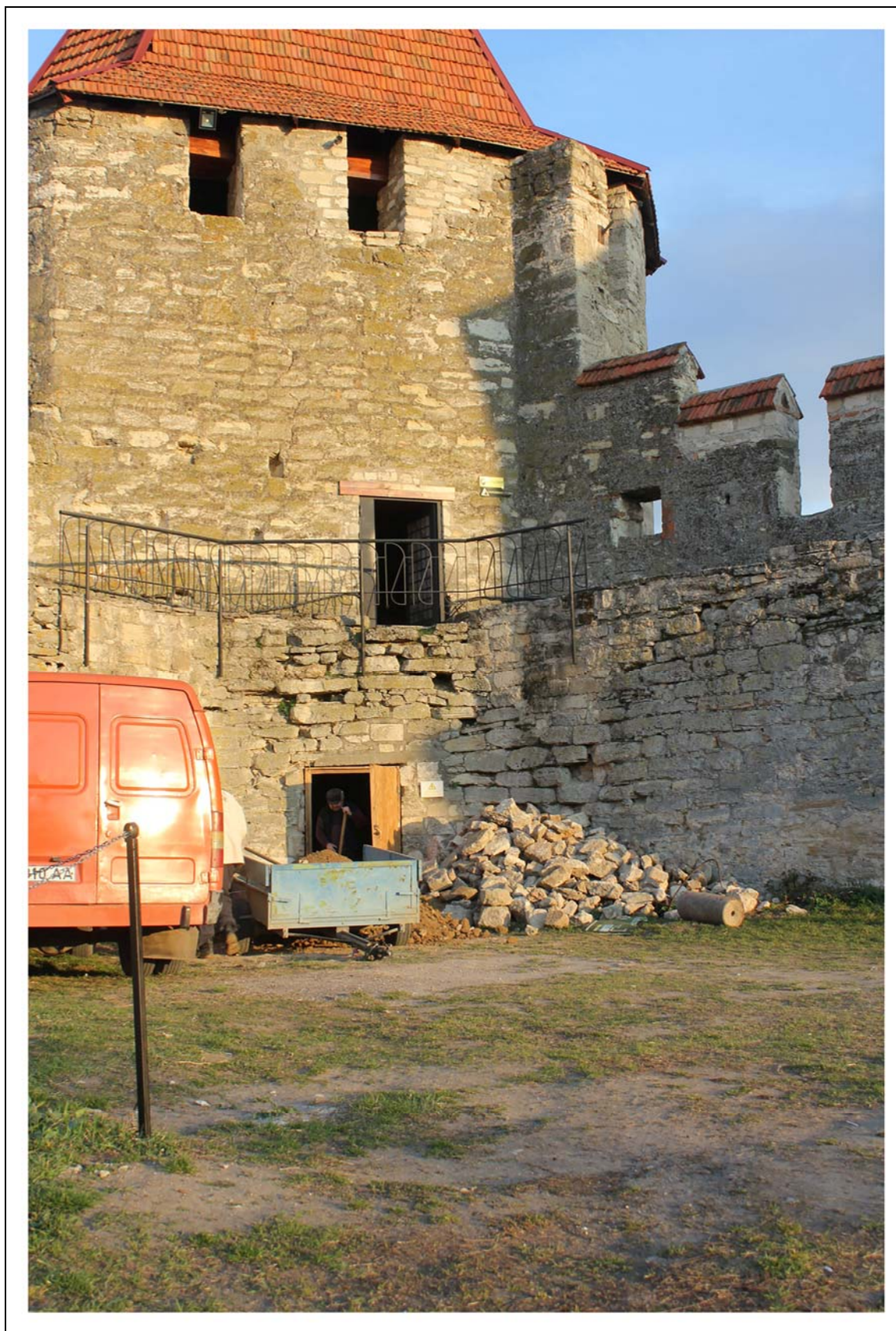

Рис. 3. Фото башни в процессе раскопок. Вид со двора цитадели.

Fig. 3. Photo of the Tower during the Excavation. View from the Courtyard of the Citadel.

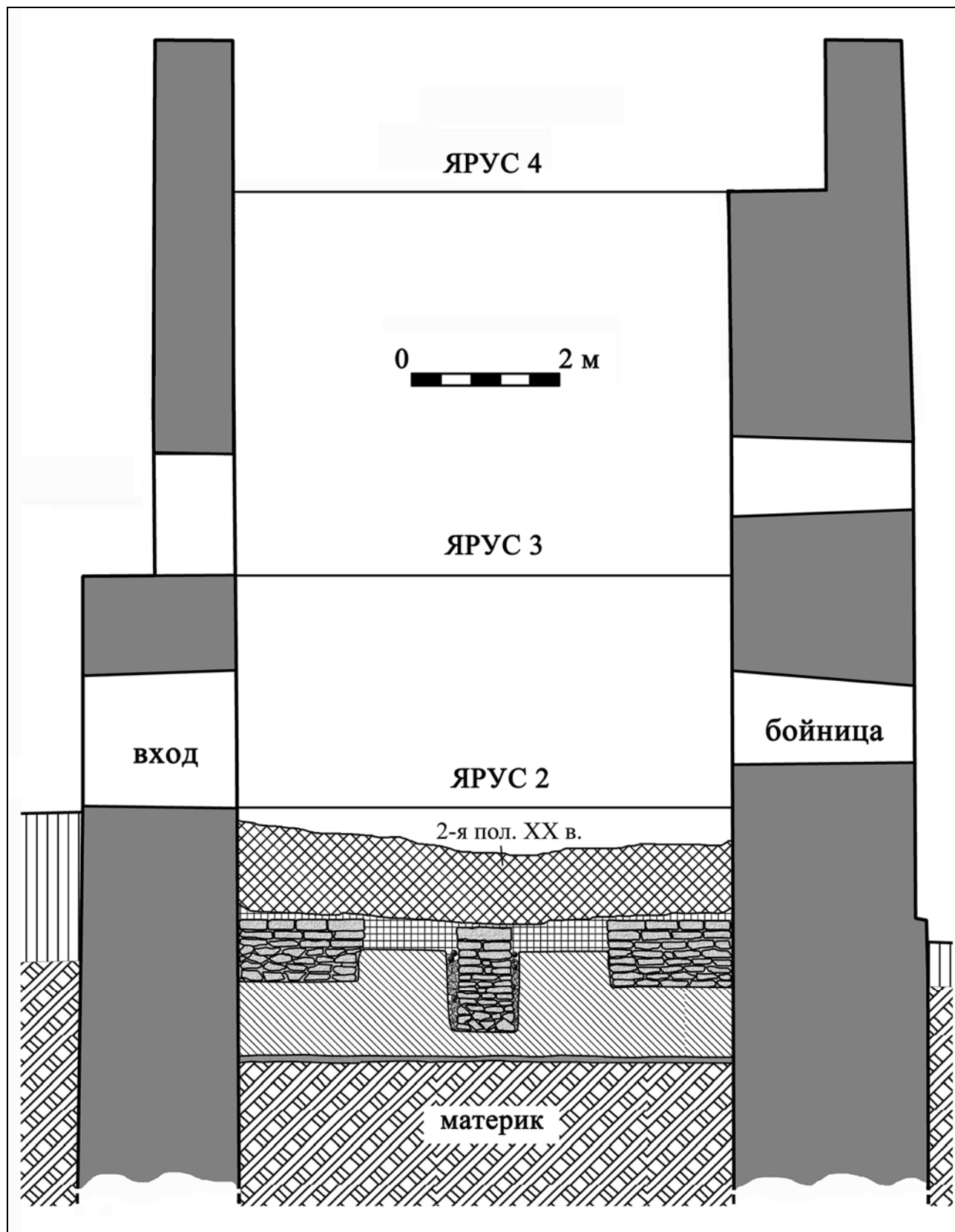

Рис. 4. Разрез всех ярусов Юго-Восточной башни по линии Северо-Запад — Юго-Восток.

Fig. 4. The cross-section of all tiers of the Southeast tower along the line Northwest — Southeast.

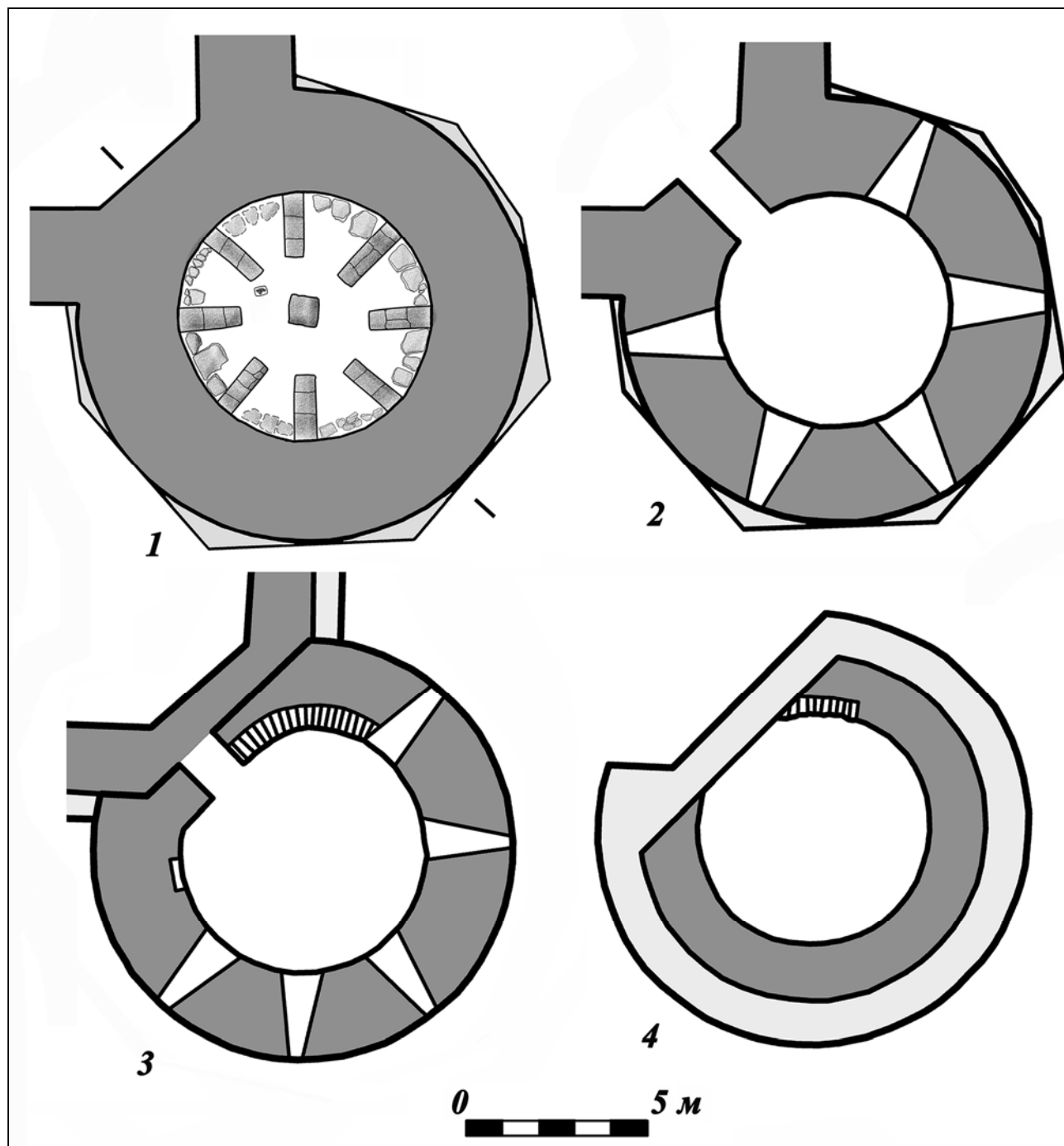

Рис. 5. Планы всех ярусов Юго-Восточной башни (нумерация ярусов с нижнего до верхнего).

Fig. 5. Plans for All Tiers of the Southeast Tower (Tier numbering from Lower to Upper).

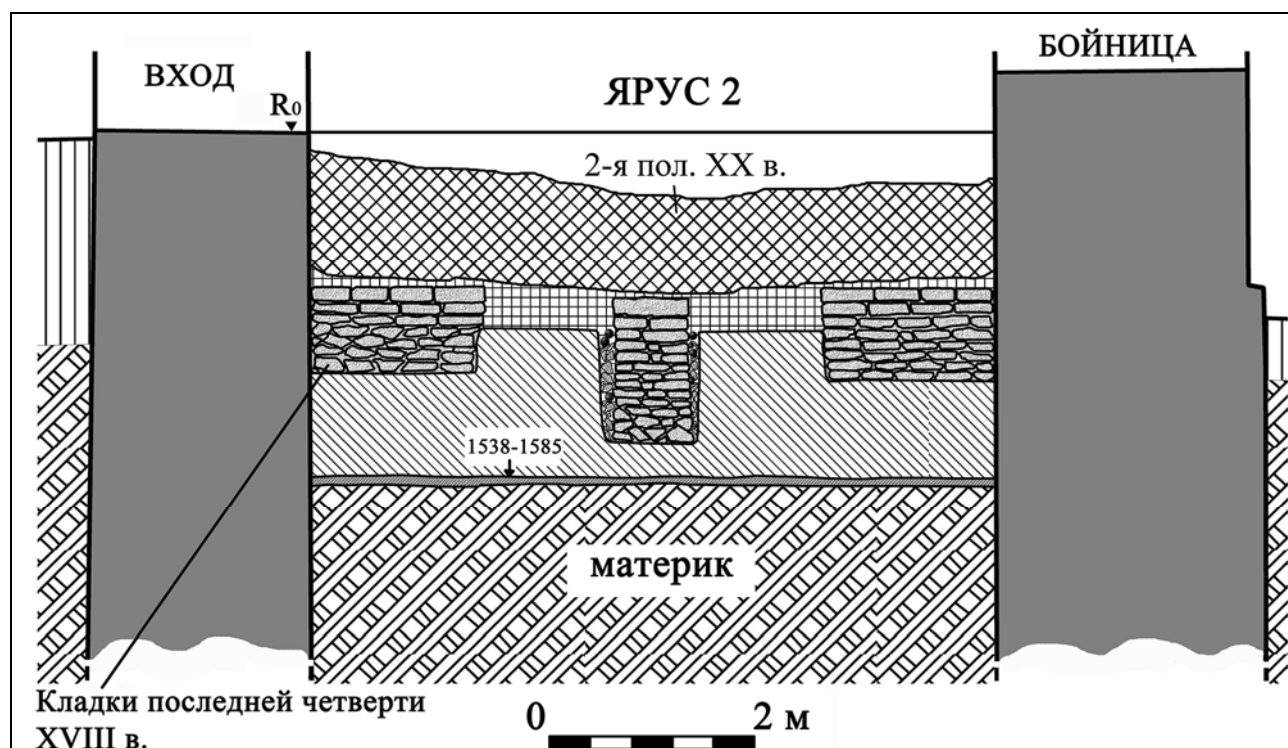

Рис. 6. Разрез нижнего яруса Юго-Восточной башни, исследованного в 2019 г.

Fig. 6. Section of the lower tier of the Southeast Tower, examined in 2019.

Рис. 7. Фото расчищенного нижнего яруса (под входом видна замурованная ниша, обведена красной рамкой).

Fig. 7. Photo of the Cleared Lower Tier (a Walled Niche is visible Under the Entrance, Circled by a Red Frame).

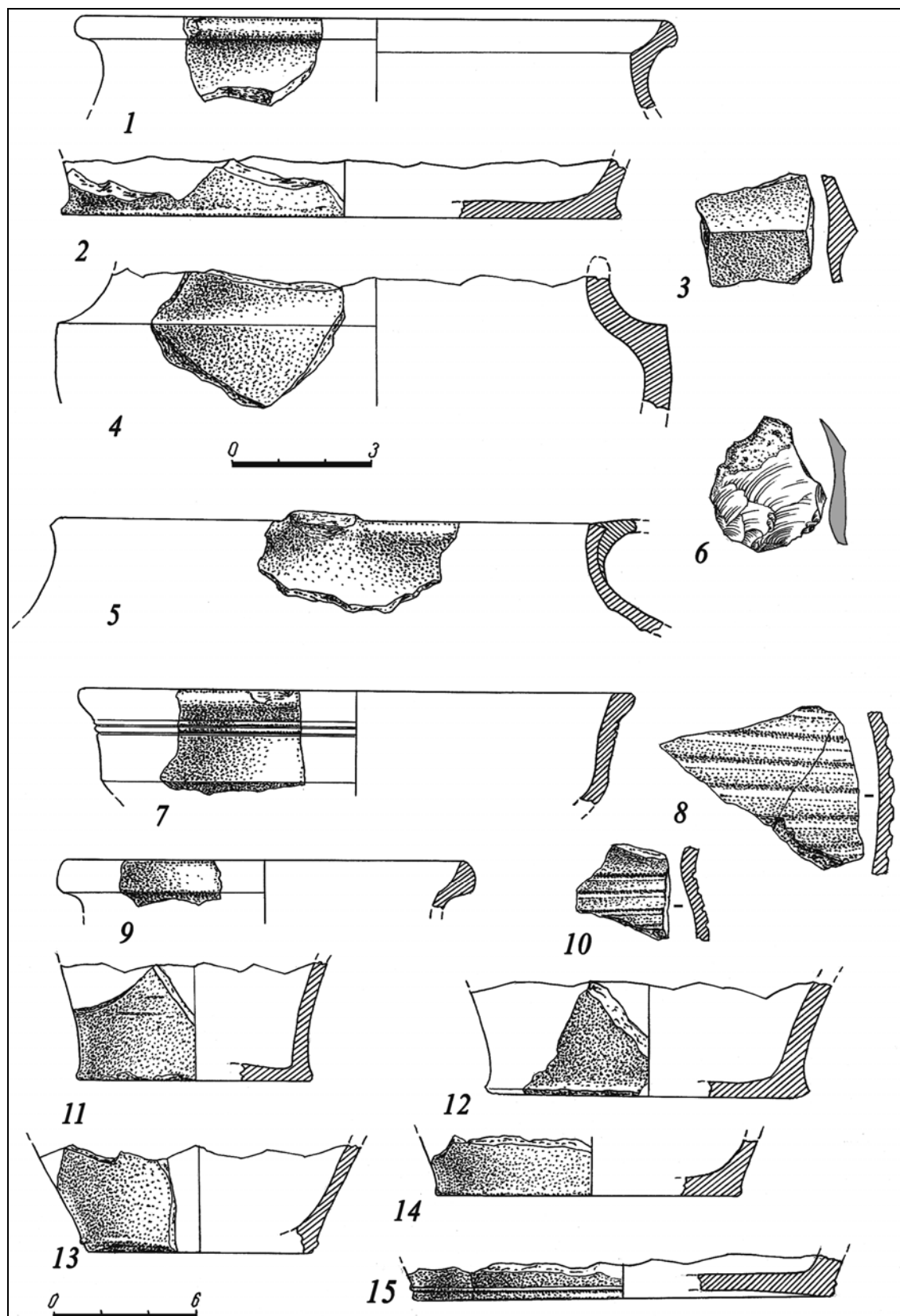

Рис. 8. Гончарная керамика (1—5, 7—15) и кресальный кремь (6), найденные на полу и в придонном заполнении.

Fig. 8. Pottery Ceramics (1—5, 7—15) and Chair Flint (6), Found on the Floor and in the Bottom Filling.

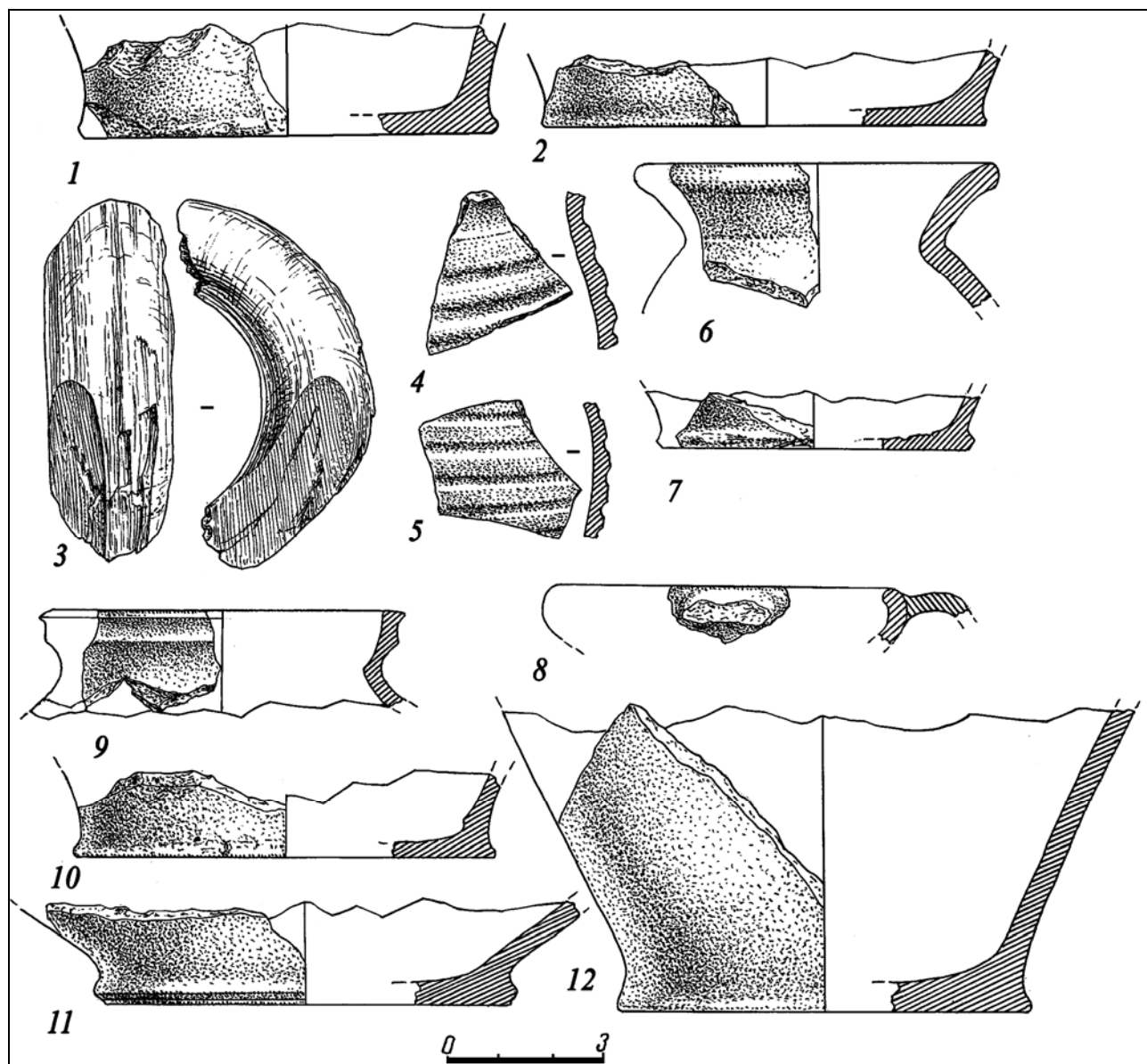

Рис. 9. Находки из второго стратиграфического горизонта. Гончарная керамика (1—2, 4—12), изделие из кабаньего клыка (3).

Fig. 9. Finds from the Second Stratigraphic Horizon. Pottery Ceramics (1—2, 4—12), a Product from Wild Boar Fang (3).

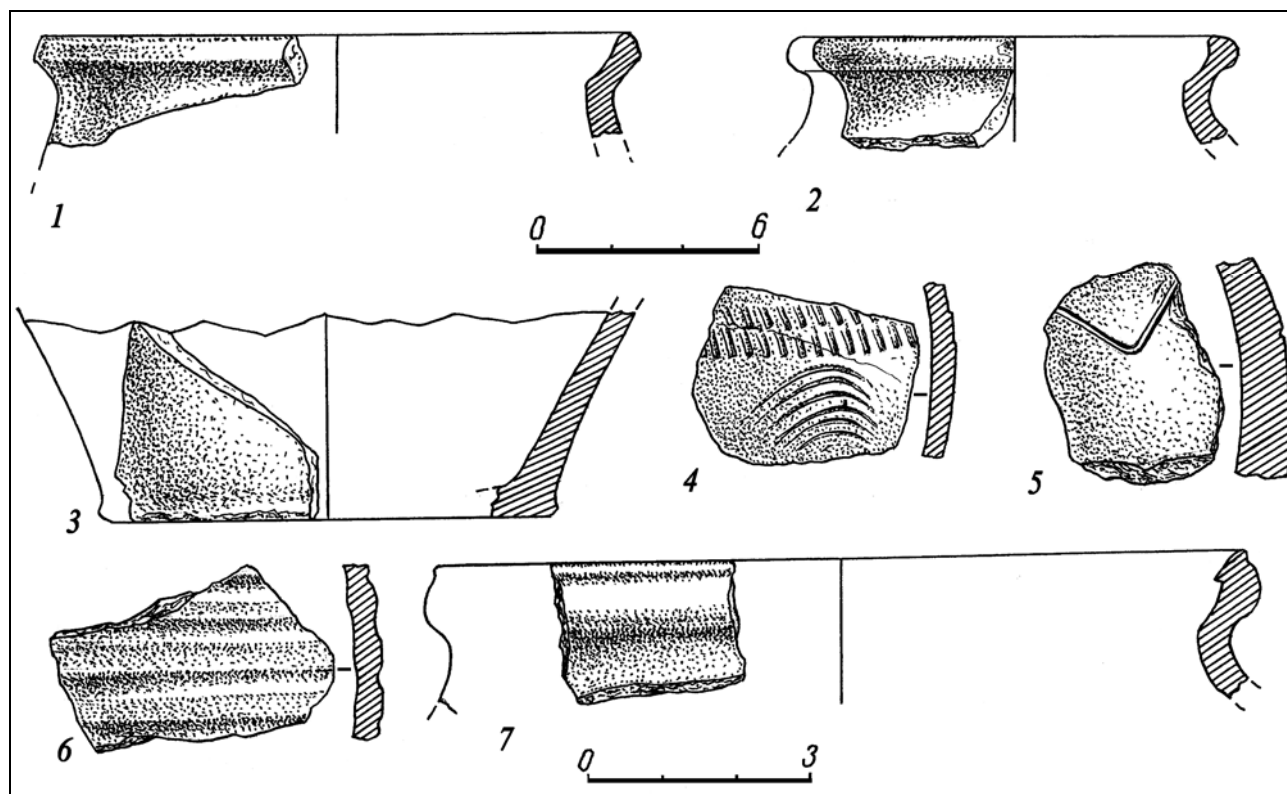

Рис. 10. Находки из второго стратиграфического горизонта. Гончарная керамика.

Fig. 10. Finds from the Second Stratigraphic Horizon. Pottery Ceramics.

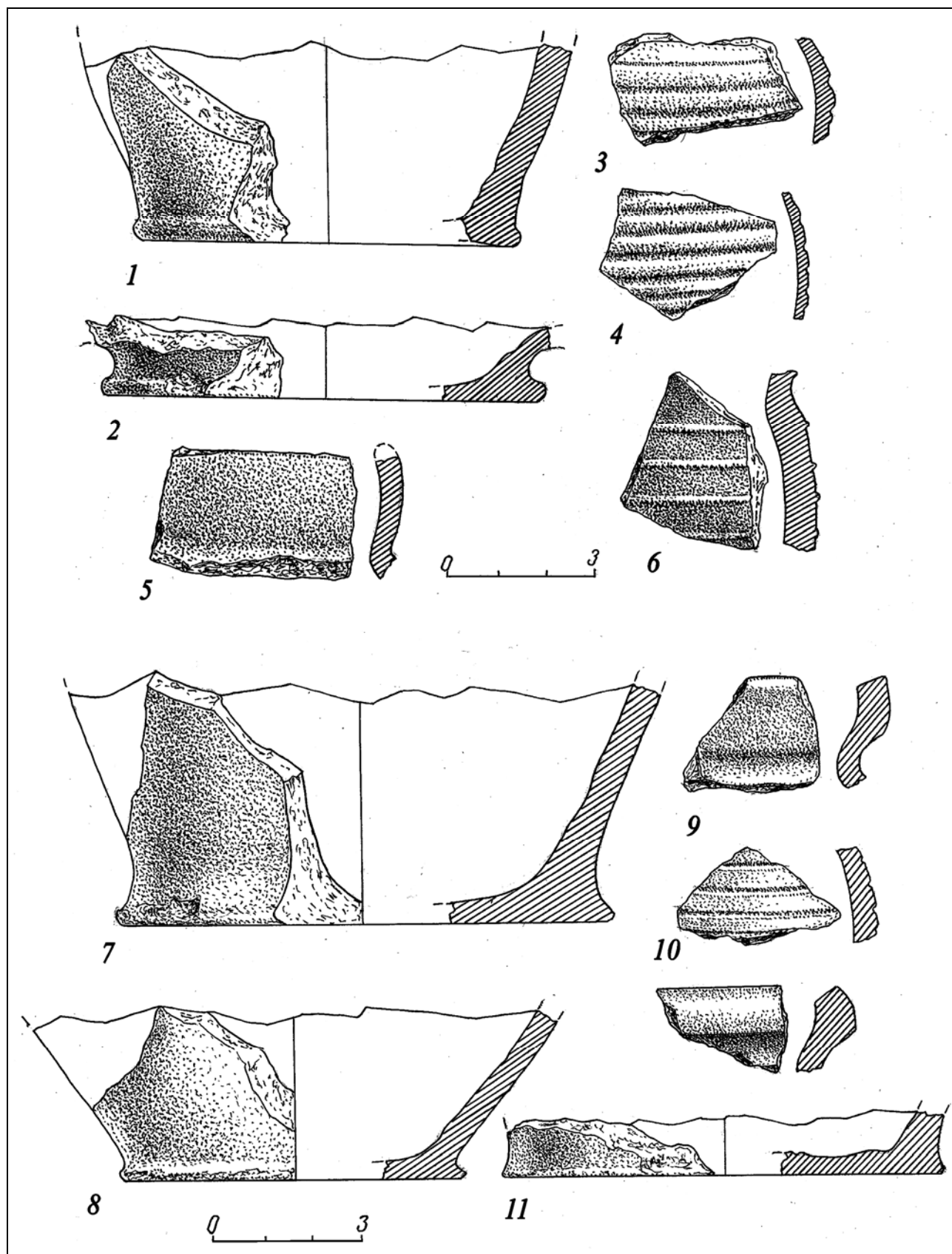

Рис. 11. Находки из второго стратиграфического горизонта. Гончарная керамика.

Fig. 11. Finds from the Second Stratigraphic Horizon. Pottery Ceramics.

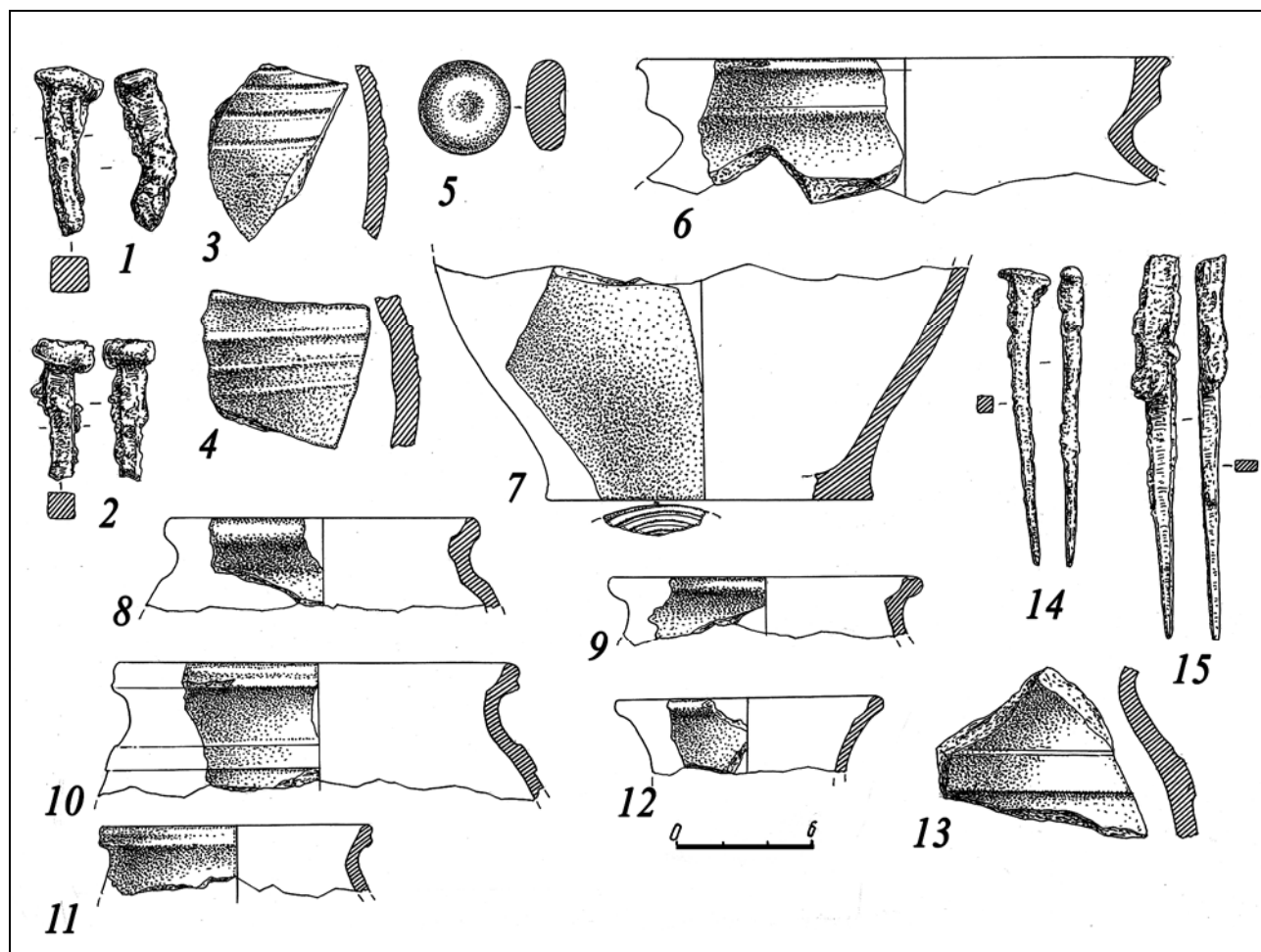

Рис. 12. Находки из второго стратиграфического горизонта. Гончарная керамика (3—4, 6—13), «фишка» из гальки (5), железные гвозди (1—2, 14—15).

Fig. 12. Finds from the Second Stratigraphic Horizon. Pottery Ceramics (3—4, 6—13), “Chip” made of Pebbles (5), Iron Nails (1—2, 14—15).

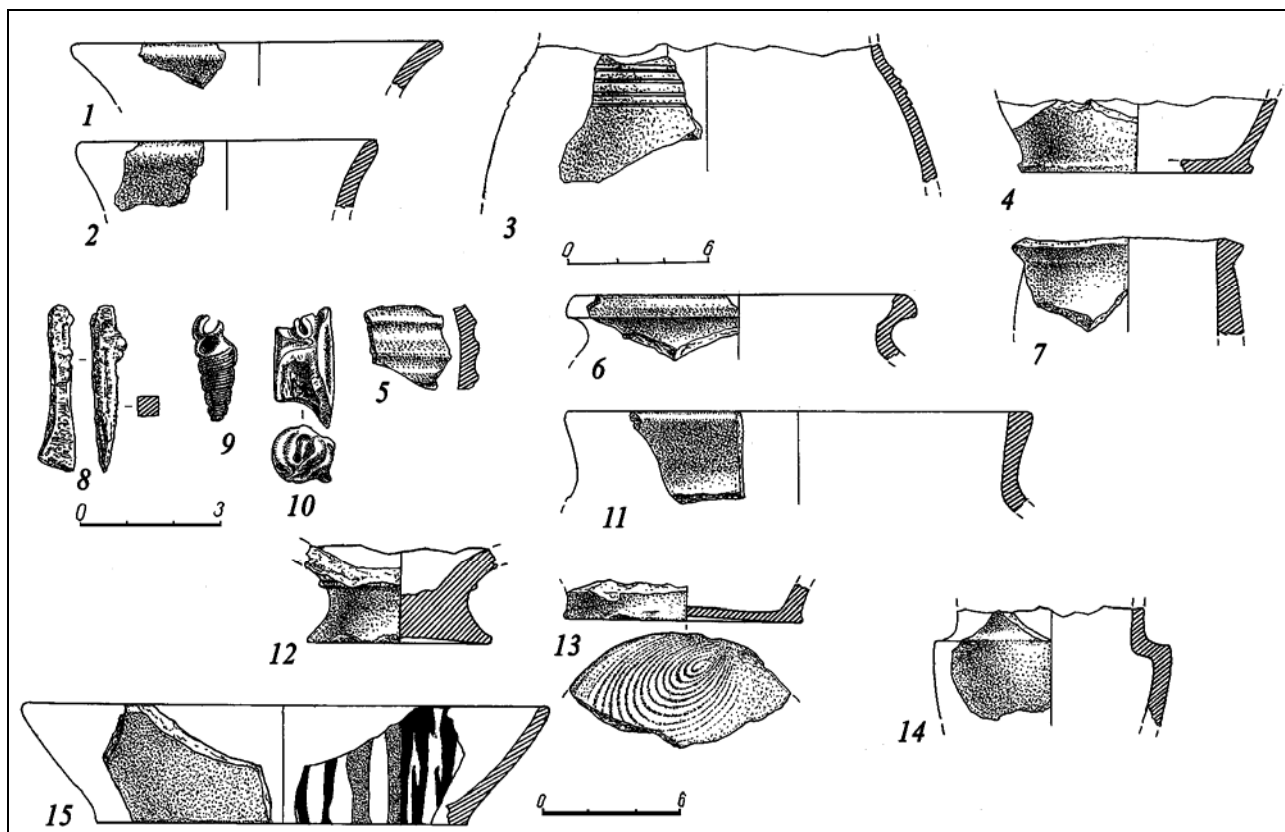

Рис. 13. Находки из второго стратиграфического горизонта. Гончарная керамика (1—7, 11—15), морская раковина (9), железный (8) и медный (10) предметы.

Fig. 13. Finds from the second stratigraphic horizon. Pottery ceramics (1—7, 11—15), sea shell (9), iron (8) and copper (10) objects.

*Военная история
и археология*

*Military History
and Archaeology*

УДК 93/94
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00006

О.В. Вус

**ЮЛИАН АПОСТАТ.
ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД И ЗАГАДКА БИТВЫ У ТУММАРА
26 ИЮНЯ 363 Г.***

В статье на основе изучения и анализа нарративных источников исследуется завершающий этап Римско-Иранской войны 338—363 гг. Главной составляющей этого этапа стала стратегическая наступательная операция (Персидский поход), разработанная и проведенная императором Юлианом Апостатом. В исследовании освещается военно-дипломатическая, организационная и боевая деятельность Юлиана при подготовке и в ходе операции; проведен пошаговый анализ боевых столкновений в Месопотамии с апреля по июль 363 г. Подвергнуты корректировке вопросы хронологии и топографии сражений, и определен пик боевого напряжения, наступивший 25—26 июня 363 г. в битвах у Маранги и Туммара. Выдвинута гипотеза о ранении Юлиана в схватке с воином-арабом племени Бану Тайи, и причине смерти императора, наступившей в полночь 29 июня 363 г.

Автор констатирует, что из-за гибели командующего и потери управления, стратегическая наступательная операция римлян против Ирана своих целей не достигла, и завершилась полным военным и морально-психологическим разгромом; крупными людскими и территориальными потерями Римской империи в Месопотамии.

Ключевые слова: Юлиан Апостат, стратегическая наступательная операция, Персидский поход, Месопотамия, Маранга, битва при Туммаре.

Сведения об авторе: Вус Олег Владимирович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: 79000, Украина, г. Львов; e-mail: balkani2015@mail.ru.

O.V. Vus

**JULIAN THE APOSTATE.
THE PERSIAN CAMPAIGN AND THE RIDDLE OF BATTLE AT TUMMAR
OF JUNE 26, 363**

Based on the research and the analysis of some narrative sources, the article examines the final stage of the Roman-Iranian war of 338—363. The main component of this stage was the strategic offensive operation (the Persian Campaign), worked out and conducted by the Emperor Julian the Apostate. The research highlights Julian's military-diplomatic, organizational and combative activities during the preparation and during the operation; a step-by-step analysis of the fighting in Mesopotamia from April to July 363 was performed. The issues of chronology and topography of the battles have been corrected and the peak of the combat tension, that occurred on June 25—26, 363 in the battles of Maranga and Tummar, has been determined. A hypothesis about the Julian's injury in a fight with an Arab warrior of the Banu Tayi tribe and about the cause of the Emperor's death, which occurred on the night of June 29, 363 has been put forward.

The author states that as a result of the commander's death and the loss of control, the strategic offensive operation of the Romans against Iran did not achieve its goal and ended with a complete military and moral-psychological defeat; with significant human and territorial losses of the Roman Empire in Mesopotamia.

Key words: Julian the Apostate, strategic offensive operation, Persian Campaign, Mesopotamia, Maranga, battle at Tummar.

* Статья поступила в номер 19 октября 2019 г.
Принята к печати 15 ноября 2019 г.

About the author: Vus Oleg Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Independent researcher.

Contact information: 79000, Ukraine, Lviv; e-mail: balkani2015@mail.ru.

*«Сраженных румийских бойцов не сочтешь,
Степь — руки да ноги, да головы сплошь.
Где на поле войско! Где символ Христов!
И нет в крепостях иереев, крестов»*

Фирдоуси. «Шахнаме»

Вот уже две тысячи лет продолжается глубинное цивилизационное противостояние государств, армий, народов, религий и культур на Ближнем Востоке. Не стал исключением в этом противостоянии и бурный IV в. н.э. Он прошел в жестокой борьбе за контроль над торговыми путями и обладанием природными ресурсами региона между крупнейшими государствами позднеантичного мира — Римской империей и сасанидским Ираном (Эраншахром). Соперничество двух империй вылилось в ряд тяжелейших войн и кровопролитных сражений, принесших неисчислимые страдания народам Аравии, Армении, Месопотамии, Сирии, и других стран. Кульминационным моментом противостояния двух супердержав стал Персидский поход императора Флавия Клавдия Юлиана (361—363), в историографической традиции известного как Юлиан Отступник.

Эпицентром конфликта (театром военных действий) стало междуречье Тигра и Евфрата — Верхняя и, частично, Нижняя Месопотамия. Регион отличается полупустынями, обширными степями и лесистыми предгорьями, и в целом представляет собой холмистую каменистую местность с жарким климатом, где в древности имелась «и прекрасная пахотная земля, и камень для строительства» (Ллойд 1984: 16). Его естественной границей на севере служит хребет Армянский Тавр, длиной до 600 км. Характерной особенностью региона является развитая речная система Тигра и Евфрата, пересекающая обширную аллювиальную равнину (Джаафар и др. 2013: 74). Полководцам античности водно-болотные угодья этой системы как облегчали, так и нередко затрудняли ведение боевых действий. Уже во II в. Месопотамия почти лишилась растительности, за исключением рощ финиковой пальмы и зарослей кустарника. Но почва страны была невероятно плодородна: один только ячмень давал урожай сам-триста (Strabo., XVI, 5, 14).

Именно здесь проходили основные маршруты торговых караванов из Индии и Китая, торговля с которыми (и в первую очередь, шелком) имела стратегическое значение для Римской империи. И здесь же римлянам пришлось столкнуться с агрессивными устремлениями иранского шаханшаха Шапура II (309—379), проводившего политику восстановления границ и расширения западных пределов государства, которым правили его предки. Правящая верхушка Эраншахра была заинтересована в контроле над транзитной торговлей шелком, приносившей в казну огромную прибыль, и никому не желала отдавать этот контроль.

Основными источниками, раскрывающими предпосылки, подготовку, ход и результаты Персидского похода 363 г. являются сочинения Аммиана Марцеллина (Amm. Marc., XXIII—XXV), Зосимы (Zos., III), Либания (Lib. Or.; Ep.), и Филосторгия (Phil. Hist., VII). Весьма интересны оценки личности и полководческих качеств императора Юлиана, которые сообщил Аврелий Виктор (Aur. Vict. De Caes.; Epit. de Caes.). Важные сведения о военно-дипломатической подготовке и о первом этапе похода можно почерпнуть из личных писем

Юлиана к царю Армении Аршаку II (350—367), к ритору Либанию, и пресвитеру Василию Великому (Jul. Ep., 57, 58(49), 81).

Наибольшую ценность для реконструкции военной кампании 363 г. представляют «Деяния» Аммиана Марцеллина¹, «Новая история» Зосима, и речи Либания (Lib. Or., XVIII, XXIVF). Важны и отрывки «Истории» Евнапия Сардийца, хорошо знакомого с Орибасием Пергамским — врачом и другом императора Юлиана. Евнапий писал свой труд на основе его воспоминаний (Liebeschuetz 2003: 187—188), и потому фрагменты сохранили ряд деталей похода². Вероятно, к сочинению Евнапия восходит и уникальное сообщение Филосторгия о трагическом финале боя у Туммара, приведенное в VII кн. «Церковной истории».

Ценным и достоверным источником является «История пророков и царей» иранского богослова и историка ат-Табари³, в подробностях описавшего борьбу народов Эраншахра против «румийцев» (Al-Tabarī 1999).

Римские эпиграфические памятники, в силу недолгого правления Юлиана Отступника немногочисленны, хотя в некоторых из них все же зафиксированы результаты его военной деятельности (Negev 1969: 170—173). Более важным источником являются скальные рельефы археологического комплекса Так-е Бостан на окраине Керманшаха в Иране, прославляющие победу персов над римлянами летом 363 г. Здесь, на «Старой арке», изображены шаханшахи Шапур II и Ардашир II (379—283), попирающие поверженного Юлиана (Дашков 2008: 105, прим. 120).

Неординарная личность Юлиана Отступника часто привлекала внимание исследователей. Изучению разных направлений его государственной деятельности посвящены фундаментальные исследования (Бенуа-Мешен 2001; Дмитриев 2003: 246—258; Розенталь 1923; Bowersock 1978; Browning 1976). И в то же время, военная деятельность Юлиана исследовалась недостаточно глубоко, причем относится это не только ко времени, когда он, будучи цезарем, воевал в Галлии, но и к периоду его единоличного правления — при проведении кампании на Востоке весной—летом 363 г. Здесь почти единственным исключением являются научные труды В.А. Дмитриева, Д.В. Кареева и Р.У. Ибатуллина, изучающих римско-персидские войны III—IV вв. (Дмитриев 2008; 2018; Ибатуллин 2007: 182—185; Кареев 2018: 135—152).

За рубежом проблемы военного противостояния Рима и Ирана в III—VII вв. освещают К. Фаррук (Франция), Г. Карамян и К. Максимюк (Польша), И. Сюванне (Израиль), Д. Тэйлор (Великобритания) (Maksymiuk 2015; Farrokh, Karamian, Maksymiuk 2018; Syvänne 2015: 40—47; Syvänne, Maksymiuk 2018; Taylor 2016).

Можем констатировать, что в целом военная кампания 363 г. в Верхней Месопотамии по-прежнему является недостаточно изученной. Вопросы вызывают как некоторые неясные события Персидского похода (и, в частности, само решение Юлиана начать войну, несмотря на мирные предложения Шапура II), так и обстоятельства последнего сражения 26 июня 363

¹ В первую очередь потому, что Аммиан Марцеллин был римским офицером и участником кампаний середины IV в. на Востоке. Но следует учесть, что он не являлся свидетелем всех событий Персидского похода. Из текста «Деяний» даже непонятно, где в то время находился автор, и каковы были его служебные обязанности. Судя по эмоциональному описанию боев в Месопотамии, его информаторами выступали командиры не выше среднего звена. Прямого доступа в штаб-квартиру императора Юлиана у Аммиана Марцеллина не было. Иногда создается впечатление, что описание боевых действий Марцеллином — сознательная информационная «операция прикрытия», целью которой являлось сокрытие факта военного и морально-психологического разгрома римской армии, и преуменьшение масштаба потерь.

² По мнению Н.Н. Болгова, основным источником при написании III кн. «Новой истории» тоже была «История» Евнапия Сардийца (Болгов 2010: 26).

³ Полное имя — Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари.

г., в котором император принял личное участие. Само место и дата этого боя являются спорными, а сведения, изложенные в источниках, неясны и противоречивы.

По данным Марцеллина, трагические события произошли с 23 по 27 июня 363 г. «в области, именуемой Маранга» (*Amm. Marc.*, XXV, 1, 11, 2, 1, 5, 1). По сведениям Зосима, аррьергардные бои римской армии (с разницей в одни сутки) состоялись у селения Маронса, а затем — у Туммара (*Zos.*, III, 28, 2—4). В свою очередь, Фест указал, что имп. Юлиан погиб в схватке после повторной переправы на правый берег реки Тигр, на пути в Маденею (*Fest.*, XXVIII, 3).

Относительно истинной причины гибели и последних часов (или дней?) жизни Юлиана Отступника единой точки зрения среди позднеантичных авторов нет⁴. По нашему мнению, это объясняется скоротечностью схватки и сильной запыленностью места боя 26 июня 363 г.; отсутствием (или странной забывчивостью) свидетелей, а также негативной реакцией историков Церкви на антихристианскую направленность внутривосточной деятельности этого императора.

Вероятно, поэтому не сложилось единого мнения и у современных исследователей. Одни из них полагают, что 26 июня 363 г. персы и римляне насмерть сражались в местности Маранга (Грант 1998: 288; Дмитриев 2008: 201), а другие — у крепости Самарра (Норвич 2010: 49; Пенроз 2008: 256—257). По мнению К. Максимюк, решающий бой летней кампании состоялся у селения Туммара (*Maksymiuk* 2015: 55). Британский исследователь Д. Тэйлор полагает, что бой в «районе Маранга» произошел 22 июня 363 г.; 26—27 июня римляне и персы сражались у Самарры, а в последние дни июня 363 г. конница Шапура нанесла удар по отступающей римской колонне у крепости Сумере (*Taylor* 2016: 122, 160—161, 169).

В своем исследовании мы постараемся всесторонне осветить Персидский поход 363 г. — предпосылки кампании, и ее начало; восстановить хронологию событий; уточнить ход боевых действий и трагическую развязку, а также проанализировать последствия военного предприятия Юлиана Отступника. Следует отметить, что это предприятие, хотя и имело характер самостоятельной стратегической операции, одновременно являлось составляющей крупного вооруженного конфликта — Римско-Иранской войны 338—363 гг.

Жестокое противостояние двух сверхдержав в Месопотамии началась задолго до воцарения Юлиана⁵. Еще в 115 г. она стала объектом экспансионистских устремлений Траяна (98—117). Талантливому полководцу удалось захватить часть региона и создать на его территории провинцию Месопотамия (*Dio. Cass.*, LXVIII, 17—28). В 197—198 гг. Септимий Север (193—211) совершил очередной поход в междуречье Тигра и Евфрата (*Herod. Hist.*, III, 9), в ходе которого разорил парфянскую столицу Ктесифон, и вернул Месопотамию в состав Империи (Дибвойз 2008: 187—202, 214—220).

С 227 г. римско-иранское соперничество превратилось в своеобразные военно-стратегические «качели», когда громкие победы одной из сторон чередовались с оглушительными поражениями. Пожалуй, самый крупный реванш Иран взял в 244 г., когда в сражении у Массиса погиб Гордиан III (238—244) (*Zon.*, XII, 17), и в 260 г. в битве у Эдессы, когда был взят в плен Валериан I (253—260) (*Zos.*, I, 36). Однако через 39 лет «чаша весов» военного успеха склонилась в сторону римлян. Спровоцированная шахашахом Нарсе I (293—302) в 296 г. война завершилась разгромом персов в бою у Саталы, и подписанием в

⁴ Нет смысла перечислять все версии гибели Юлиана Отступника. Как показало исследование историков медицины Д. Вороса и Дж. Ласкаратоса (*Lascaratos, Voros* 2000: 615—619), наиболее точно картину ранения и последних дней жизни Юлиана описал церковный историк Филосторгий.

⁵ До 227 г. Месопотамия находилась в составе Парфянского царства.

298 г. Нисибисского мирного договора. Римская империя получила провинции Интилену, Софену, Арзанену, Кордуену и Забдицену; был установлен военно-политический протекторат над Арменией и Иберией; граница между Римом и Ираном определялась по реке Тигр, а Нисибис становился единственным местом торговли между государствами (Petr. Patr., Fr. 13; Syv  nne, Maksymiuk 2018: 123—126).

Сложившаяся ситуация совершенно не устраивала Иран, который вскоре стал нарушать условия договора. Эта тенденция усилилась с приходом к власти Шапура II. Высокий и атлетически сложенный, образованный и храбрый, Шапур был талантливым полководцем и администратором. При необходимости, он великолепно излагал свои мысли и требования дипломатическим языком. И, вместе с тем, шаханшах отличался необузданным характером и невиданной даже по тем временам жестокостью. Об этом свидетельствует прозвище, данное ему арабскими воинами — «Зу-ль Актаф» (S  b  r Dh   al-Akt  f) — «Пробиватель плеч» (Al-Tabar   1999: 50, 63; Dary  e 2009: 16)⁶.

В 20-х годах IV в. Шапур II жестоко расправился с непокорными арабскими племенами (Dary  e 2009: 16—17), после чего обратил внимание на западные рубежи. Весной 338 г. истек срок Нисибисского договора, что сразу активизировало действия Ирана против Рима в Месопотамии. Но война не принесла особых успехов ни одной из сторон. Римляне удачно использовали мирную передышку для создания мощной системы инженерной обороны вдоль р. Тигр и в глубине территории (Yorulmaz 2014: 32—34, 97), и потому боевые действия в основном велись за обладание важными крепостями. В этом отношении весьма показательны три (неудачные для персов) осады Нисибиса (в 338, 346, и 350 гг.), и два сражения у крепости Сингара, первое из которых (в 344 г.) завершилось разгромом иранского войска, а второе — взятием крепости в 348 г. и уничтожением римского гарнизона (Кареев 2018: 139—143).

В 350 г. боевые действия были приостановлены, так как Шапуру II пришлось переключить внимание на северо-восточные пределы из-за нашествия саков и хионитов. В Месопотамии персы несколько лет вели партизанскую войну, захватывая и угоняя «людей и скот путем воровского разбоя» (Amm. Marc., XIV, 3, 1, XVI, 9, 1). Зимой 356 г. префект претория Музониан и дукс Кассиан попытались воспользоваться сложным положением Шапура II, и инициировали секретные переговоры с его сатрапами с целью заключения нового мирного договора (Amm. Marc., XVI, 9, 2—4). Но шаханшах разгадал эти планы. Вскоре Шапур II разгромил хионитов, привлек их царя Грумбата на свою сторону, и решил продолжить войну с Римом на западных рубежах страны (Пигулевская и др. 1958: 44). В 358 г. к императору Констанцию II (337—361) был направлен посол Нарсе с письмом и подарками.

В послании Шапур II обосновывал свои территориальные претензии, опираясь на историческую традицию и архивные документы. Так, он заявлял, что: «О том, что мои предки владели территориями до реки Стримон и границ Македонии, свидетельствуют даже ваши старые записи. Требовать прежних границ подобает мне, так как я ... превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов. На сердце у меня прежде всего чувство правды; придерживаясь его, я никогда не сделал ничего такого, в чем бы приходилось каяться. Я должен поэтому возратить себе Армению и Месопотамию, которые были коварно отняты у моего деда» (Amm. Marc., XVII, 5, 5—6). Как видим, шаханшах четко сформулировал задачи своих войск на ближайшую перспективу, и прозрачно намекнул о

⁶ Прозвище объясняется тем, что Шапур II казнил пленных, приказывая пробивать им лопатки, а затем развешивать людей на деревьях с помощью продетых в отверстия веревок.

стратегических планах на будущее — захватить территорию вплоть до Македонии на Балканах.

Констанций II (337—361) в ответном послании отклонил претензии, и, не отказываясь от ведения переговоров, потребовал, чтобы заключенный в будущем мир «был почетный и благородный». В иранскую столицу одно за другим отправились посольства комитов Проспера и Луциллиана. Послы всячески затягивали переговоры, пытаясь обеспечить римлянам необходимую стратегическую паузу (Amm. Marc., XVII, 5, 12—15, XVII, 14). В какой-то мере эта пауза помогла укрепить оборону восточных провинций, а Констанцию — приступить к сбору войск для отражения нашествия войск Эраншахра.

Сокрушительный удар последовал весной 359 г. Вторгшееся в римские пределы войско Шапура II форсировало реки Анзабу и Тигр, а затем прошло мимо Нисибиса на северо-запад к крепости Амида⁷ — одному из ключевых опорных пунктов Верхней Месопотамии. Осада крепости длилась 73 дня и завершилась в сентябре 359 г. ее взятием. По словам Марцеллина, при этом «персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных без различия пола» (Amm. Marc., XIX, 8, 4). Защищавшие Амиду легионы (leg. V Parthica, leg. X Fretensis, leg. XIII Gemina) были уничтожены, а руководивших обороной комита Элиана и трибунов персы распяли на крестах. Впрочем, тяжелые потери (30 000 чел.) понесли и войска Эраншахра (Amm. Marc., XVIII, 6—10, XIX, 1—9).

Констанций II ничем не мог помочь, так как воевал с квадами и сарматами в Паннонии. Только весной 360 г. император направился в Константинополь, чтобы отразить вторжение персов в восточные провинции (Amm. Marc., XIX, 11; Zos., III, 3, 1). Стратегический замысел Констанция был таков: он хотел, пройдя через территорию Армении, оставить Месопотамию в тылу, после чего выйти на оперативный простор и начать решительные боевые действия против Ирана.

Шапур в это время успешно осаждал римские укрепления. После ожесточенного сопротивления были взяты крепости Сингара и Безабда. При этом римляне понесли крупные потери — личный состав I Флавиева и I Парфянского легионов был уведен в плен, а II Флавиев, II Армянский и II Парфянский легионы персы почти полностью вырезали при взятии Безабды (Amm. Marc., XX, 6—7). Можем констатировать, что военные кампании 359—360 гг. завершилась победой войск Эраншахра, прочно захвативших инициативу в регионе между Тигром и Евфратом.

Тем временем римляне готовились к реваншу. В 360 г. Констанций находился в Константинополе: он ежедневно отслеживал обстановку в Месопотамии; занимался снабжением армии, и набирал во Фракии вспомогательные готские отряды (Amm. Marc., XX, 8, 1). Одновременно август вел дипломатическую подготовку к войне. В Константинополь нанес визит царь Армении Аршак II, подтвердивший свои союзнические обязательства. Аршак был обласкан и щедро одарен; за него выдали замуж дочь бывшего префекта претория Олимпиаду (Amm. Marc., XX, 11, 1—3). Только после его отъезда Констанций покинул Константинополь. Пройдя через Каппадокию, его войска прибыли в Эдессу в провинции Осроена. Здесь император долго собирал отставшие отряды, и только 23 сентября 360 г. выступил в поход (Amm. Marc., XX, 11, 4).

«Плотными колоннами» римляне двинулись в Забдицену, к захваченной персами крепости Безабда⁸. Констанций II полмесяца штурмовал крепость, но так и не добился успеха. И персы, и римские войска несли тяжелые потери. В ноябре 360 г. начались сильные

⁷ Современ. г. Диярбакыр в Турции.

⁸ Руины Безабды находятся в урочище Eski Hendek на правом берегу Тигра в иле Ширнак, Турция.

дожди, почва размокла и грунт вокруг крепости превратился в непролазную грязь. В этих условиях осада становилась бессмысленным занятием, солдаты роптали, приближалась зима (Amm. Marc., XX, 11, 25—32). В итоге, колебавшийся «между страхом и надеждой» император снял осаду, и, намереваясь перезимовать в Антиохии, отвел войска.

Что же помешало Констанцию выполнить свой стратегический план, и почему он медлил? И была ли только непогода причиной его колебаний у Безабды? Конечно же, нет! Эта причина имела свое имя — Флавий Клавдий Юлиан.

Юлиан был сыном консула Юлия Констанция и Базилины, племянником Константина I Великого (306—337). Рано осиротевший, юноша с 347 г. изучал гуманитарные науки в Константинополе, Никомедии и Афинах. В ноябре 355 г., по инициативе супруги Констанция II — императрицы Евсевии — Юлиан получил титул цезаря, и вскоре был направлен в Галлию для защиты границ на Рейне. Примечательно, что при дворе Юлиана считали простаком, и полагали, что не будет большой потери, если тот, наделав ошибок, будет убит (Zos., III, 1, 2). Но цезарь был одаренной личностью; в Юлиане причудливо переплетались талант писателя, душа поэта, мастерство атлета, воина и полководца (Aug. Vict. De Caes., XLII, 17; Epit. de Caes., XLIII, 5—8). Об этом свидетельствуют произведения, принадлежащие его перу. Но, несмотря на увлечение философией, цезарь был весьма подкован в военном деле, причем не только в теории, но и на практике.

Управляя Галлией, Юлиан в августе 357 г. блестяще провел сражение с алеманнами близ Аргентората⁹, уничтожив 6 000 «варваров» и потеряв только 243 солдата и 4 офицеров. В ходе битвы Юлиан проявил трезвый расчет, личную храбрость, и отличное знание тактики. Весьма успешно он действовал и потом. В 357—359 гг. Юлиан трижды переходил Рейн; сформировал мощный флот из 600 кораблей; восстановил 40 римских крепостей и городов; взял в плен 10 000 «варваров» и подчинил племена ютунгов, салиев и хамавов (Amm. Marc., XVI, 12, XVII, 1—2, 8—10, XVIII, 2; Jul. Ad Ath., 277d—280d). За четыре года цезарь, по его же словам, «прошел через невыразимую жуть войны, через суровую нужду осад, через тревогу отступления и всевозможные ужасы» (Jul., Ep. 76, 449a—b). Не будет преувеличением сказать, что победа в Галльской войне 356—360 гг. во многом была достигнута благодаря талантам молодого полководца.

Но у того, кто успешен, появляется много завистников. С самого начала кампании Юлиан действовал под надзором соглядатаев, а после ее победоносного окончания был оклеветан, причем даже «на Констанция напала страшная зависть» (Jul. Ad Ath., 277d, 281d—282d; Zos., III, 2, 2, 5, 3, 8, 3). Повинуясь низкому чувству, император потребовал у Юлиана отдать ему лучшие части галльской группировки, и тот отправил в Константинополь «четыре отряда прекрасных пехотинцев, три отряда похуже и два легиона отменнейшей кавалерии» (Jul. Ad Ath., 280c—d).

Этот приказ Юлиану пришлось выполнять дважды (Zos., III, 8, 3—4). Но переброска войск на Восток зимой, наряду с распространением офицерами подстрекательских листовок, вызвала брожение в рядах. Среди отправляемых легионов стали распространяться панические слухи о желании императора погубить Юлиана, что в феврале 360 г. привело к военному мятежу, в ходе которого солдаты провозгласили Юлиана августом¹⁰. Вzbешенный Констанций потребовал отказаться от титула, но Юлиан отклонил его требование, и, на словах избегая гражданской войны, предложил компромисс (Jul., Ep. 84(9); Zos., III, 9, 1—5).

Следует отметить, что галльские войска были действительно нужны Констанцию для экспедиции против Ирана. К тому же, не до конца понятна роль самого Юлиана в мятеже. В

⁹ Современ. г. Страсбург, Франция.

¹⁰ Мятеж произошел в Лютеции Паризиев (современ. Париж, столица Франции) (Jul. Ad. Ath., 284).

письме к врачу и другу Орибасию Пергамскому (359 г.) есть прозрачный намек Юлиана на то, что «уже поется похоронная песнь той безбожной шайке», т.е., близкому окружению Констанция II (Jul. Ep. 4(8), 385c). Это значит, что зимний бунт в Лютетии был не таким уж и стихийным.

По-видимому, Юлиан имел самое непосредственно отношение к очередному гражданскому конфликту. Весьма показательна его контрразведывательная деятельность в Галлии. Пока представители легионов писали «миролюбивые» письма в Константинополь, Юлиан организовал перехват секретных посланий Констанция к «варварам», и захватил 6 000 000 медимнов пшеницы на военных складах (Jul. Ad Ath., 286a—c). После этого Юлиан отдал приказ войскам выдвигаться в Паннонию, «навстречу превратностям судьбы» (Amm. Marc., XXI, 5, 13).

Описываемые события дают исчерпывающий ответ на вопрос о причинах колебаний Констанция. Император не мог начать операцию в Месопотамии, имея в тылу угрозу в лице победоносного Юлиана. Воспользовавшись тем, что теплолюбивые иранцы отнюдь не рвались воевать зимой, он стал готовиться сразу к двум войнам — внутренней гражданской, и внешней, против Шапура. Констанций резко увеличил количество конных частей в армии, для обеспечения которых ввел новые налоги для подданных. А посланные за Тигр и в Закавказье римские эмиссары старались подкупить богатыми подарками местных сатрапов и царей, чтобы обеспечить их нейтралитет в случае начала войны (Amm. Marc., XXI, 6, 6—8).

Весной 361 г., получив от разведчиков донесение, что Шапур II сосредотачивает армию вторжения, Констанций срочно покинул Антиохию. Форсировав Евфрат, он занял лагерь в Эдессе¹¹, где собирал сведения о противнике, который все еще медлил за Тигром. Констанций тоже колебался. Император, разместив цепь передовых постов на левом берегу Тигра, получал от них противоречивую информацию, не зная, что предпринять. Ожидание удара заставляло его непрерывно маневрировать между Эдессой и Нисибисом (Amm. Marc., XXI, 7, 6—7, 13, 1—4).

Только в сентябре, узнав от разведчиков, что Юлиан находится уже во Фракии, а Шапур «по указанию небесных знамений» отводит войска, Констанций определился с приоритетом угроз, и, посадив пехоту на повозки государственной почты, стал перебрасывать легионы к Иераполю. Здесь император, «не будучи уверен в исходе дела с Юлианом», собрал армию и произнес речь, в которой попросил у солдат поддержки. И прямо отсюда отправил магистра Арбециона с двумя легионами навстречу Юлиану (Amm. Marc., XXI, 13, 6—16).

В октябре 361 г. август находился уже в Антиохии, собираясь в поход. Он сильно спешил, однако, прибыв в Тарс в Киликии, почувствовал себя плохо. Проехав еще 12 миль, 3 ноября 361 г. Констанций скончался в селении Мобсукрены (Socrat. Hist., II, 47).

Комиты Теолайф и Алигильд, отправленные во Фракию, сообщили Юлиану о смерти его двоюродного брата и попросили, чтобы он «пришел и взял под свою руку готовый ему повиноваться Восток» (Amm. Marc., XXI, 15, 4). Таким образом, император одержал бескровную победу в гражданской войне.

Юлиан вступил в Константинополь 11 декабря 361 г. Здесь он занялся государственным управлением: писал речи и выступал в сенате, построил новый порт¹² и учредил библиотеку, реформировал почтовую службу и сокращал дворцовые штаты (Socrat. Hist., III, 1; Zos., III, 11, 3). Но на первом месте у Юлиана были дела военные: он менял некомпетентное командование в армии; заботился о ремонте укреплений в пограничных крепостях; следил,

¹¹ Современ. г. Шанлыурфа в Турции.

¹² В южной части города, называлась Юлиановой или Portus Novus. В настоящее время — Кадырга Лиман.

чтоб солдаты вовремя получали денежное довольствие; были сыты, одеты и обуты (Amm. Marc., XXII, 7, 7). Пытаясь возродить язычество, Юлиан с большим рвением занялся делами Церкви, с утонченным коварством сводя счеты с ненавистным ему христианским клиром (Soz., V, 3, V, 5; Theod. Cyr., III). Именно поэтому, хотя император преследовал христиан, стараясь не допускать кровопролития, он навечно вошел в историю как «Отступник» — Julianus Apostata.

Вместе с тем, угроза персидского вторжения никуда не исчезла, и доставшееся в наследство от предшественника противостояние с Эраншахром «дамокловым мечом» висело над Юлианом. Впрочем, по образному выражению самого императора: «Война — (это) радость Царя!» (Jul. Ep., fr. 10). Начало очередному конфликту положили персы, которые, узнав о смерти Констанция II, совершили набег на границу Месопотамии (Theod. Cyr., III, 21). Поэтому весной 362 г. Юлиан, бредивший «боевыми сигналами и сражениями», и мечтавший получить титул «Парфянского» (Amm. Marc., XXII, 12, 2), приступил к подготовке решающей схватки с Шапуrom.

Цели и задачи войны Отступник изложил в письме к пресвитеру Кесарии Каппадокийской св. Василию Великому: «мне надо как можно скорее завоевать Персию и обратить в бегство великого Шапура, потомка Дария, пока он не согласится отдать мне дань и платить регулярно налоги. После чего мне придется еще ограбить поселения индусов и сарацинов, пока они тоже не подчинятся моему царству и не согласятся платить дань и налоги» (Jul. Ep. 81). О замыслах императора дойти «до Гиркании и до индийских рек» сообщал и его друг ритор Либаний (Lib. Or., XVIII, 261). Как видим, планы Юлиана были не менее амбициозны, чем планы Шапура. Завершить войну он хотел на восточной границе Ирана, где неминуемо бы столкнулся с империей Гуптов.

10 июня 362 г. Юлиан со свитой и войсками отбыл в Антиохию. Его путь лежал через Халкедон, Никомедию, Пессинунт, Анкиру, Кесарию и Тарс. Перед отъездом он обратился к оракулу Аполлона на Делосе и оракулу Додоны в Эпире с просьбой дать прогноз предстоящих событий. Оракулы пообещали Юлиану победу в войне, заявив, что: «боги готовы теперь нести победные трофеи к реке Зверю» (Theod. Cyr., III, 21). Под «Зверем» подразумевалась река Тигр.

В пути император нуждался в финансах для восстановления разрушенных стихией городов, и в людях для пополнения потрепанных в боях легионов. Одновременно Юлиану пришлось бороться с оппозицией христианского клира. Именно этими обстоятельствами вызвано появление его письма св. Василию Великому¹³. Уважительно и «без гнева» обратившись к иерарху как к товарищу по учебе в годы юности, Юлиан потребовал выдачи 1 000 фунтов золота, пригрозив, что иначе войска задержатся в Кесарии Каппадокийской и опустошат регион; разрушат церкви, а на их месте воздвигнут храмы и статуи (Jul. Ep. 81). Император предупредил Василия, что заставит кесарийцев «подчиниться власти Рима» и впоследствии приказал внести местных клириков в списки охранных когорт, служба в которых не имела престижа и считалась у римлян самой убыточной (Soz., V, 4). Впрочем, золота с Кесарии Юлиан взыскал всего 300 фунтов.

Осень и зиму император провел в Сирии, занимаясь составлением «грандиозных» планов и заготовкой продовольствия. Но инициативность и энергичность Юлиана имела и обратную сторону. Так, в Антиохии «слишком часто и обильно он поливал жертвенники кровью

¹³ Св. Василий Великий в 355 г. учился вместе с Юлианом в Афинах. В 370 г. стал архиепископом Кесарии Каппадокийской. Св. Василий «везде, всенародно и открыто убеждал христиан держаться своих догматов, не оскверняться языческими жертвами и возлияниями, и ни во что вменять даруемые от царя почести» (Порфирий, архимандрит 2016: Гл. II).

животных: иной раз закалывал по сто быков, без счета приносил в жертву множество разного скота» (Amm. Marc., XXII, 12, 6). Результатом стало резкое падение дисциплины в армии; антиохийцы постоянно наблюдали «наедавшихся без меры мяса и напившихся до бесчувствия» солдат. Огромные средства тратились на проведение религиозных церемоний (Amm. Marc., XXII, 12, 7).

Но антиохийцев раздражало не только это. Ситуацию усугубляли наступившая в Сирии засуха, проблемы с урожаем и отсутствие воды в источниках. Попытка Юлиана снискать популярность у простонародья, снизив цены на продукты, тут же настроила против него знать. Антиохийский сенат открыто заявил, что это «совершенно невозможно», и уже в ночь на 22 октября 362 г. вспыхнул огромный храм Аполлона Дафнейского. Взбешенный Юлиан понял, что таким образом местная оппозиция выражает протест и приказал закрыть главную церковь антиохийской общины. Подвергаемый со всех сторон насмешкам, император еле сдерживал свой гнев (Amm. Marc., XXII, 13, 1—4, 14, 1—3; Socrat. Hist., III, 17)¹⁴.

В финальной части подготовки к войне Юлиан показал себя мудрым стратегом. Понимая, что римлянам справиться с огромными силами Эраншахра будет сложно, он решил привлечь союзников. Такими, «естественными», союзниками Рима на театре военных действий были Великая Армения и арабские племена. Особенно важной была позиция царя Аршака II. Дружественное армянское войско могло развить наступление от озера Ван по левобережью Тигра на юг (на Ктесифон), заставив Шапура рассредоточить силы на разных фронтах.

В феврале 363 г. Юлиан отправил царю письмо, в котором просил собрать армию и предупредил Аршака, что в случае измены, от рук персов пострадают он сам и его семья, «весь народ армянский и власть» (Jul. Ep. 57). Позже приглашение участвовать в войне император отправил вождям арабских племен, разгромленных и вытесненных в Аравию Шапуrom (Jul. Ep. 58(49), 401d—402a). В этом и состоял стратегический замысел Юлиана — действуя вместе, три союзных войска должны были наголову разгромить Эраншахр и поставить Шапура на колени. Вероятно, император рассчитывал провести «молниеносную» войну и разбить персов в течение одной кампании. На случай неудачи он разработал обратный маршрут и организовал тыловую базу в Тарсе, в Киликии (Amm. Marc., XXIII, 2, 5; Socrat. Hist., III, 17). Возвращаться зимовать в Антиохию Отступник явно не хотел.

Его противник уже располагал информацией о планах «румийцев». В это время Шапур II был связан войной с Кушанским царством на северо-востоке (Луконин 1987: 229—230), и не хотел воевать на два фронта. Шаханшах написал Юлиану письмо, в котором просил принять посольство и начать переговоры. Персы предлагали мир на любых условиях, но Юлиан отверг предложения Шапура. Его решение «перетягивали страдания страны по Тигру, которая была опустошена, (и) превращена в пустыню» (Lib. Or., XVIII, 19, XVIII, 164).

В начале марта Юлиан назначил командующих родами войск: магистром пехоты стал Виктор, а магистрами конницы — Ормизд¹⁵ и Аринфей. В связи с тем, что большая роль в операции отводилась флоту, были назначены два наварха — комит Луциллиан и трибун Констанциан (Amm. Marc., XXIII, 3, 9; Zos., III, 11, 3, 13, 3). По мнению императора, все они были «испытанные вожди» и «глубокие знатоки военной науки» (Amm. Marc., XXIV, 3, 6).

¹⁴ Несмотря на обструкцию со стороны антиохийцев, большинство населения Империи поддерживало Юлиана. Эпиграфические памятники прославляют его как «восстановителя храмов, курий и республики», «победителя и триумфатора» и «губителя варваров» (Negev 1969: 170—173; Venters 2018: 11—13, 16—18). Сам Юлиан утверждал, что римские города в Сирии любили его «больше, чем своих детей» (Jul. Misopog., 361).

¹⁵ Ормизд — сын шаханшаха Ормизда II (302—309) и сводный брат Шапура II. В 323 г. бежал в Константинополь, где Константин I Великий предоставил ему дворец «Буколеон» на берегу Мраморного моря.

Качество собранных в Антиохии войск (и, в первую очередь, галльских частей) было удовлетворительным. Солдаты «отличались физическим здоровьем, и в битву рвались, и доспехи у них были неплохой работы» (Lib. Or., XVIII, 166). За несколько дней до начала грандиозной операции, римские гарнизоны по всему Востоку были приведены в состояние готовности, и ждали приказа к выступлению. При этом Юлиан всячески пытался предотвратить утечку слухов о начале войны.

5 марта 363 г. основные силы армии во главе с командующим покинули Антиохию. Одновременно части, дислоцировавшиеся вдоль Евфрата, стали переходить реку, а легионы, стоявшие в глубине территории, выступили с зимних квартир к сборным пунктам вдоль заранее оговоренного маршрута движения (Amm. Marc., XXIII, 2, 1—3). Следуя на восток через Беррою, армия 10 марта прибыла в Иераполь Сирийский¹⁶, находившийся в 15 милях от Евфрата. Отсюда Юлиан отправил письмономадам с приглашением участвовать в войне против персов, и, по словам ат-Табари, их вожди «воспользовались этой возможностью как поводом отомстить Шапуру за убийство арабов» (Al-Tabarī 1999: 59).

Во время трехдневной стоянки император собирал сухопутные части, готовил запасных лошадей и мулов, и формировал речную флотилию, корабли которой спускались вниз по Евфрату от г. Самосаты. У Иераполя транспортные суда доверху загружались «сухарями и уксусом» (Jul. Ep. 58(49), 399b—402b; Zos., III, 12, 1—2). Тыловая работа утомляла Юлиана. К тому же, ему пришлось заниматься делами военного трибунала. 16 марта 363 г. он жаловался Либанию на огромное число писем и бумаг, которое «следует за мной, как тень, и обступает меня со всех сторон» (Jul. Ep. 58(49), 402b).

Перед выступлением из Иераполя Юлиан отправил в крепость Карры¹⁷ авангард в составе легиона пехоты — «людей самых бдительных, каких я только мог достать, чтобы никто тайно не перешел отсюда к врагам и не донес бы им, что мы уже в пути» (Jul. Ep. 58(49), 402a). Армия и вспомогательные готские отряды совершали переход в максимально высоком темпе, с целью опередить распространение слухов. Перейдя через Евфрат по наводному мосту, Юлиан осуществил классический марш-маневр. Прибыв в Карры 19 марта, он выделил из состава армии 16-тысячный корпус под командованием Прокопия и Себастиана (Magn. et Eutych., Fr.), а сам с главными силами резко повернул на 90 градусов и поспешил на юг, где по Евфрату спускалась никем не охраняемая флотилия.

От Карр начиналась удобная дорога к Нисибису, и далее в Великую Армению. Самостоятельной роли в войне 16-тысячный корпус не играл, но зато годился для усиления союзников. Двоюродному брату императора Прокопию и комиту Себастиану были поставлены две задачи. Первая: прикрыть Нисибис от нападения персов с юго-востока, со стороны Адиабены. Вторая: соединившись с силами Аршака, пройти через Кордуэну и Моксозну, опустошить плодородную область Мидии (Chiliosomo)¹⁸ в верховьях р. Верхний Заб, и, зайдя в тыл войскам персов с севера, оказать поддержку Юлиану в Месопотамии (Amm. Marc., XXIII, 3, 5; Ибатуллин 2007: 182—185). У обоих командующих были равные полномочия, но, вероятно, Прокопий отвечал за политико-дипломатическую, а Себастиан — за военную составляющую операции.

Армия Юлиана вышла к Евфрату 27 марта 363 г. у Каллиника¹⁹, и продолжила марш вдоль русла реки на юго-восток. 28 марта произошло сразу два приятных события. На стоянке за Каллиником к Юлиану прибыли новые союзники — вожди арабских племен.

¹⁶ Руины около г. Манбидж в Сирии.

¹⁷ Современ. г. Харран в Турции.

¹⁸ В переводе с греч. «Тысяча деревень».

¹⁹ Современ. г. Эр-Ракка в Сирии.

Причем не одни, а со вспомогательным войском численностью в 17 000 чел.²⁰ (Al-Ṭabarī 1999: 59). Юлиан, высоко ценивший арабских воинов за «пригодность для партизанской войны», произнес перед ними речь, во время которой на Евфрате показалась огромная римская флотилия (Amm. Marc., XXIII, 3, 8—9).

Мощь флотилии впечатляла. Она состояла из 1 100 транспортных судов и 50 боевых парусно-гребных кораблей (Zos., III, 13, 2). Корпуса части судов выполнялись из кожи, что позволяло использовать их на мелководье и при необходимости переносить на руках. Общее количество плавсредств (вместе с понтонами для наведения мостов) достигало 1 250 (Magn. et Eutych., Fr.). Помимо продовольствия, римские суда перевозили оружие, снаряжение, и собранные осадные машины.

Пройдя более 90 миль вдоль Евфрата, 3 апреля 363 г. армия вышла к крепости Киркесиум, у места впадения реки Аборы в Евфрат. Здесь проходила граница двух миров и двух цивилизаций: Римской империи и сасанидского Ирана.

В экстренном порядке саперы навели мост, по которому армия и обоз быстро перешли за реку. После переправы его сразу разобрали, чтоб ни у кого не возникло мысли уйти обратно. 6 апреля на противоположном берегу было оборудовано специальное возвышение, с которого Юлиан зачитал перед войсками речь, в которой призвал солдат уничтожить «враждебный народ», и потребовал, чтобы воины держались в походе своей части и следовали за знаменами, пригрозив, что отставшим от колонны «враг подрежет жилы на ногах». В конце речи он пообещал небывалое: после войны «дать отчет всякому, кто потребует, о своих удачных и неудачных мероприятиях». Убедив легионы в том, что «победа всегда оказывается на стороне правды», Юлиан приказал раздать воодушевленным солдатам по 130 серебряных монет (Amm. Marc., XXIII, 5, 17—23; Zos., III, 13, 3).

После смотра у Киркесиума император выделил из состава 65-тысячной армии группу войск (4 000 чел.) под командованием Аккамей и Мавра (Magn. et Eutych., Fr.), и оставил ее для усиления охраны границы. Сам же приступил к построению походного боевого порядка. Боевой порядок наступавшей вдоль левого берега Евфрата армии состоял из авангарда (1 500 отборных разведчиков) под командованием Луциллиана и трех маршевых колонн. Следовавшая по низменным полям левая колонна состояла из конных частей магистров Ормизда и Аринфея. В центральной колонне маршировали пехотные легионы под командованием самого Юлиана. Справа, по берегу, шла колонна из нескольких легионов пехоты магистра Флавия Невитты. Части арьергарда продвигались под командованием Виктора и Дагалайфа, а замыкали походную колонну подразделения дукса Секундина. Расстояние между авангардом и арьергардом армии составляло 10 миль (ок. 15 км). Обоз находился в промежутках между легионами. Речная флотилия спускалась по Евфрату, поддерживая визуальную связь с пехотной колонной Невитты (Amm. Marc., XXIV, 1, 2—4; Zos., III, 14, 1).

Операция по разгрому Эраншахра началась на рассвете 8 апреля 363 г. Для полководцев античности такие мероприятия были нелегкой задачей, так как, по словам Аммиана Марцеллина, «Военная организация персов, их дисциплина, постоянные упражнения в военном строю и способ вооружения,... делают их грозными даже для очень больших армий»²¹ (Amm. Marc., XXIII, 6, 83).

²⁰ В тексте стоит 170 000, но это сознательное преувеличение. Вспомогательные отряды не могли в три раза превышать основные силы армии.

²¹ Армия Эраншахра была организована по десятичной системе. Основными тактическими единицами в ней являлись: сотня (пехл. *tahm*), вашт (*wašt*) из 500 чел., драфш (*drafš*) из 1000 чел., гунд (*gund*) из 5000 чел., и спях

Главной ударной силой Эраншахра являлась тяжелая кавалерия — саваран (*savāgān*; букв. «всадники»), состоявшая из 12 драфшей, в которых служили 12 000 катафрактов (Farrokh 2005: 7). Атакуемые савараном на равнине подразделения иногда впадали в шоковое состояние, так как отбить удар мчавшихся во весь опор и полностью закованных в ламеллярные доспехи коней и всадников в то время мало кому удавалось. Своими пятиметровыми копьями они могли пронзить сразу двух вражеских пехотинцев. Качество защитных доспехов катафрактов было таково, что тех же римских лучников они просто не воспринимали как реальную угрозу (Пенроз 2008: 256—261).

Помимо саварана персы располагали корпусом боевых слонов (*pīl-bānān*), с которыми римлянам иногда приходилось сталкиваться. Иранскую пехоту (*paugān*) возглавлял особый командующий (*paugān-sālār*), но самостоятельной роли пехота в бою не играла и использовалась для выполнения второстепенных задач (Daryae 2009: 46; Farrokh 2005: 23). Общее количество войск Эраншахра колебалось от 120 000 до 150 000 чел. (Olbrycht 2016: 292—296). Весной 363 г. их самая боеспособная часть вела борьбу с Кушанским царством на северо-востоке, что объясняет пассивность иранского командования в начале войны с Юлианом.

10 апреля 363 г. римские колонны прошли мимо руин г. Дура-Эвропос, и вскоре увидели противника — персидскую крепость Анафу на острове посреди Евфрата. На рассвете 15 апреля 1 000 воинов из отборных легионов (*mattiarīi et lanciarii*) под командованием комита Луциллиана переправилась на остров, но штурм не начинала. В переговоры с гарнизоном вступил магистр конницы Ормизд, которому персы поверили как соотечественнику, и сдались в плен. Анафа была сожжена, а гарнизон отправлен в глубокий тыл, в сирийскую Халкиду (Amm. Marc., XXIV, 1, 6—10; Magn. et Eutych. Fr.). Несмотря на разыгравшийся через день ураган, порвавший палатки и утопивший несколько судов на Евфрате, взятие вражеской крепости подняло боевой дух армии, а захваченные союзниками-арабами пленные дали ценную информацию о противнике.

В пути римляне занимались мародерством: грабили местных жителей, сжигали их поля и хижины (Amm. Marc., XXIV, 1, 13—15). Юлиан в это время во главе отряда конницы лично вел разведку, проверяя прибрежные заросли и укромные рощи. Продвигаясь вдоль реки, римляне прошли мимо крепостей Тилута и Ахайяхала (не решившись их штурмовать из-за труднодоступности), и через местность Бараксмалху вышли к г. Диакире. Здесь были захвачены огромные запасы хлеба, а сам город сожжен. 20 апреля был захвачен и сожжен г. Озогардана, после чего легионы расположились на отдых (Amm. Marc., XXIV, 2, 1—4; Zos., III, 15, 1—4).

На рассвете 22 апреля 363 г. выдвигавшаяся на рекогносцировку группа Ормизда угодила в засаду поджидавшего персидско-арабского отряда. Здесь римляне «впервые увидели врагов в их сверкающих шлемах и крепких панцирях» (Amm. Marc., XXIV, 2, 4—5). Отряд Ормизда спасло только то, что разделявший его с противником Евфрат в этом месте был быстр и глубок, что не дало персам возможности его форсировать и уничтожить разведчиков (Zos., III, 15, 5). Так, день за днем, форсируя притоки и каналы, преодолевая заболоченные участки на левобережье Евфрата, армия Юлиана упорно продвигалась к своей цели — к Ктесифону.

Значительно облегчить путь к столице мог судоходный канал Наармалха («Царская река»), прорытый в древности от Евфрата до Тигра, и являвшийся частью сложной ирригационной сети Нижней Месопотамии. Впереди точки ответвления канала возвышалась

(spāh) — соединение из 10000 воинов под командованием спахбэда (Farrokh, Karamian, Maksymiuk 2018: 13; Daryae 2009: 45).

крепость Пирисабора (*Pērōz-Šārūr*), контролировавшая подступы к «Царской реке» с запада. Фактически, Пирисабора, находившаяся всего в 50 милях от столицы, являлась «ключом» к воротам Ктесифона.

В связи с тем, что обоз задерживал войска из-за поднявшейся воды, затопившей низины, Юлиану пришлось на время раздробить армию. Из ее состава был выделен 15-тысячный корпус Луциллиана, который совершил маневр и обошел с фланга персов, мешавших продвижению легионов к Пирисабору (*Zos.*, III, 16, 3—4, 17, 1—3). 25 апреля, перейдя приток Евфрата по наводным мостам у селения Мацепракта, к ней вышел и Юлиан с основными силами. Пирисабору пришлось штурмовать по всем правилам инженерного искусства. Ее защитники были «сильны и отличались воодушевлением»: римлянам не помогали ни тройное кольцо осады, ни применение огромной башни-гелеполы, ни переговоры Ормизда с гарнизоном. Только после того, как удар тарана разрушил угловую башню, римляне ворвались в Пирисабору. Впрочем, акрополь так и не был взят, и 2 500 защитников согласились его покинуть только после того как получили от Юлиана гарантии безопасности и деньги (*Amm. Marc.*, XXIV, 2; *Zos.*, III, 18).

28 апреля 363 г. в окрестностях Пирисаборы произошла стычка, по итогам которой Юлиан проявил себя как поборник старой римской дисциплины. Находившееся в разведке конное подразделение было внезапно атаковано персами и бежало, причем погиб один офицер и было утеряно знамя. Юлиан был взбешен. Бросившись в бой, он догнал и разгромил вражеский отряд, после чего жестоко наказал провинившихся — офицеров уволил в позорную отставку «за нерасторопность и трусость», а десятерых кавалеристов лишил воинского звания и казнил. Впрочем, император старался быть справедливым. После происшествия он приказал выдать каждому солдату в армии по 100 серебряных монет, а услышав, что те громко выражают недовольство, произнес речь, в которой призвал их к спокойствию и отказу от «прежних позорных бунтов» (*Amm. Marc.*, XXIV, 3, 1—6).

Примечательно, что в походе Юлиан ежедневно воодушевлял войска тем, что постоянно клялся «величием своих начинаний», произнося фразы: «Верно как то, что я сокрушу персов», «Верно как то, что я восстановлю потрясенный римский мир», и т.д. (*Amm. Marc.*, XXIV, 3, 9). Одновременно его пехотинцы сжигали мирные города (Негерду, Фиссению, Битру); убивали и захватывали в рабство людей, а конница занималась грабежом в окрестных селениях.

В это время Либаний писал префекту Константинополя Модесту, что Юлиан «наступает, наводняя Персидское царство, и где он теперь, точно знать ему самому, а что делает, о том он оповещает через пленных, от которых можно слышать, что он стремится, а города повергаются» (*Lib. Ep.*, 1429a). Так, повергая города и продвигаясь вдоль «Царской реки» на восток, 9 мая 363 г. римляне вышли к крепости Майозамалха, находившейся в 11 милях от столицы.

Проводя возле нее рекогносцировку, Юлиан попал в засаду. Десяток персов, тайно вышедших из Майозамалхи, напали на императора, осматривавшего расположение ворот. Отступника спасло хладнокровие и отличная боевая подготовка. Уничтожив одного врага в рукопашной схватке, он ловко увернулся от удара другого, после чего подоспевшие телохранители обратили иранцев в бегство (*Amm. Marc.*, XXIV, 4, 3—4).

Пока римляне готовились к осаде, персы беспокоили их лагерь набегами. Хотя это ничем не помогло осажденным, Майозамалха задержала римлян на четыре дня (*Boeft et al.* 2002: XXIII). Гарнизон расположенной в труднодоступном месте, окруженной глубоким рвом, двойной стеной и шестнадцатью башнями крепости, не желал сдаваться врагу. В ходе штурма римляне вели постоянный обстрел укреплений обычными и зажигательными

снарядами. Активное участие в обстреле принимала и римская флотилия. Огонь по Майозамалхе велся из орудий, установленных на носу кораблей, причем выпущенные из них снаряды убивали сразу по два—три воина. Персы отвечали морякам метанием зажигательных снарядов, делавшихся из «полужидкого асфальта, который горел под ногами» (Zos., III, 21, 1—3).

Майозамалха была взята после того, как legionеры пробрались ночью в жилой дом через подкоп, сделанный по приказу Юлиана. Первыми в крепость ворвались солдат Суперанций из легиона викторинов, трибун Магн и примикерий нотариев Иовиан. К утру 14 мая в крепости царили хаос и резня: римляне «убивали всех, кого было возможно... не щадя ни женщин, ни детей». Кроме взятых в плен коменданта Анабдата и 80 человек охраны, остальные защитники и жители Майозамалхи были перебиты, а здания разрушены и сожжены (Zos., III, 22, 3—7). Впоследствии был казнен (сожжен заживо) и Анабдат — за то, что якобы пообещав сдать крепость, оборонял ее от римлян «самым ожесточенным образом» (Amm. Marc., XXIV, 5, 4).

Но население и правящую элиту Эраншахра это не запугало. Пока сражались гарнизоны крепостей на Евфрате, Шапур рассылал письма в самые отдаленные провинции, призывая местных сатрапов собирать войска для борьбы с Юлианом и арабскими отрядами (Al-Ṭabarī 1999: 61). Уже 19 мая, возле Селевкии-на-Тигре (Вех-Ардашир) один из сыновей Шапура «с вельможами и вооруженным отрядом» напал на римские когорты, следовавшие в авангарде под командованием Виктора. Одновременно другой отряд переправился через Тигр и напал на римский обоз, захватив лошадей и перебив солдат-фуражиров (Amm. Marc., XXIV, 4, 31, 5, 5; Zos., III, 24, 1). Таким образом, армия Юлиана потерпела первое, пока еще локальное, поражение.

20 мая 363 г. разгневанный этим событием Юлиан решил штурмовать Вех-Ардашир. Первым прибыв под стены крепости, он был сразу опознан, осыпан стрелами, и чуть не погиб «от выстрелов большого орудия», вероятно, баллисты. Императора спасли телохранители, вовремя сомкнувшие вокруг него свои щиты (Amm. Marc., XXIV, 5, 6). Гарнизон не собирался сдаваться: воины знали, что Шапур с войсками спешит к Ктесифону, и надеялись на помощь. Мало того, около полуночи иранская пехота открыла ворота и внезапно атаковала передовую римскую когорту. Подразделение понесло потери, был убит и командир когорты. Одновременно с атакой гарнизона Вех-Ардашира, крупное подразделение персов форсировало реку и напало на римлян с тыла, взяв в плен «испуганных неожиданностью» солдат (Amm. Marc., XXIV, 5, 8—9).

Ночной бой стал опасным прецедентом — он показал Юлиану, что у персов отлично налажена связь между войсками на обоих берегах Тигра. Поэтому его охватило «пламенное желание» уже на следующий день захватить Вех-Ардашир. Но ни желания императора, ни личного примера, ни череды приступов и обстрелов для взятия крепости не хватило. В итоге, как и в случае с Пирисаборой, судьбы осады решило золото. Цитадель Вех-Ардашира была занята по тайному сговору с гарнизоном, после чего разрушена и сожжена (Amm. Marc., XXIV, 5, 11).

Во время короткого отдыха Юлиан отыскал древний судоходный канал, о существовании которого знал из книг (Lib. Or., XVIII, 245). Когда-то по этому каналу (длиной 5 310 м) боевые корабли могли выходить из Наармалхи в Тигр выше Ктесифона. Двигаясь затем вниз по реке, экипажи, не обремененные необходимостью держать курс против течения, получали свободу маневра при ведении осады. Отступник осмотрел канал и сразу оценил его значение. Он приказал расчистить русло и разобрать запорную плотину, после чего «напор воды выравнивал ложе канала» (Amm. Marc., XXIV, 6, 2; Zos., III, 24, 2).

Работы шли двое суток, после чего 27—28 мая 363 г. римская флотилия совершила переход из «Царской реки» в Тигр. Для персидских властей это стало неприятной неожиданностью, так как Шапур с войсками находился все еще далеко, и местным сатрапам приходилось рассчитывать только на свои силы.

Трое суток Юлиан тренировал войска, и готовил десантную операцию. Он разделил речную флотилию на три эскадры, причем каждая получила свою задачу (Fest., XXVIII, 2; Lib. Or., XVIII, 250). Был сформирован передовой отряд из пяти транспортных кораблей, которые были разгружены, после чего на их палубы поднялось 400 отборных солдат. Десантников возглавил магистр пехоты Виктор, имевший задачу высадиться и захватить участок на левом берегу Тигра. В ночь на 31 мая 363 г., несмотря на то, что некоторые офицеры «в сильном беспокойстве пытались удержать императора от этого плана действий», ударный отряд отправился на задание (Amm. Marc., XXIV, 6, 5). Во втором эшелоне десанта следовали еще две группы кораблей.

Когда отряд Виктора подошел к берегу, на него посыпался град стрел и зажигательных снарядов; римлянам угрожала опасность сгореть заживо вместе с кораблями. Но, внимательно наблюдавший за боем Юлиан вовремя распознал начало кризиса, и приказал эскадрам и частям второго эшелона срочно идти на помощь. Многие воины, воодушевленные примером товарищей и не вошедшие в состав десантных отрядов, ложились на свои щиты, и «с быстротой кораблей» переплывали реку. Результаты ночного боя превзошли все ожидания: римляне не потеряли ни одного корабля, и, в едином порыве поднявшись на высокие обрывы, в жестокой схватке захватили и удержали крупный участок левобережья (Amm. Marc., XXIV, 6, 5—7).

На рассвете 1 июня 363 г. самая боеспособная часть римской армии «с развевающимися султанами на своих блистающих шлемах» уже стояла на берегу Тигра напротив Ктесифона. Иранские спяхбэды Пигран, Сурена и Нарсе вывели ей навстречу до 30 000 воинов, и в том числе, отряд покрытых броней катафрактов. За панцирными всадниками в тесном строю сомкнула щиты пехота, а позади нее передвигалась группа боевых слонов. Юлиан свои войска тоже построил в три линии, расположив наименее стойкие части во втором эшелоне (Amm. Marc., XXIV, 6, 8—9).

Первыми в атаку, размеренно шагая «в анапестическом такте», пошли римские легионы. Подойдя к персам на дистанцию броска, бойцы метнули свои копья, после чего, издав боевой клич, вынули мечи и сошлись с противником врукопашную. Юлиан в бою вел себя как настоящий полководец: отходившим подразделениям он быстро высылал пополнение, а отставших от строя воинов «старался подбодрить, как соратник и командир» (Amm. Marc., XXIV, 6, 11).

Так как катафрактов у персов было мало, сражение у Ктесифона происходило, прежде всего, как столкновение пехотных боевых построений. А в рукопашной схватке с тяжеловооруженной римской пехотой сравниться не мог никто. Уже к полудню первая линия персов не выдержала ее натиска, и начала отступать в сторону города, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Римляне, не смотря на то, что сильно устали, сражаясь «от восхода солнца», удвоили натиск, и рубили врага до тех пор, пока персы не обратились в повальное бегство. Наиболее храбрые бойцы преследовали их до самых ворот Ктесифона, и, нанося удары в спину бегущим, едва не ворвались в столицу. Только здесь легионеров остановил магистр Виктор, боявшийся, что в большом городе его людей легко уничтожит противник (Amm. Marc., XXIV, 6, 12—13). Тут же, у стен Ктесифона, римляне и готы разгромили полевой лагерь персов, в котором захватили «огромное количество золота и серебра» (Zos., III, 25, 6). Вероятно, именно желание разграбить ценности стало истинной

причиной того, что армия Юлиана не вошла в тот день в открытые ворота столицы Эраншахра.

Вечером в лагере римские солдаты и офицеры славили полководческий талант императора и его «блистательное» руководство, что отразилось, в том числе, и на потерях сторон. В бою у Ктесифона погибло 2 500 иранских воинов, и только 70—75 римлян²² (Amm. Marc., XXIV, 6, 15; Zos., III, 25, 7). Юлиан тут же провел награждение отличившихся солдат, раздав им своеобразные ордена — «венцы морские, гражданские и лагерные». Победа была полной и безоговорочной!

Утром 2 июня был созван военный совет, на котором речи об осаде Ктесифона даже не шло. Расположение столицы полководцы признали неприступным, а его охрану — сильной! Магистров и комитов весьма смущала вероятность скорого прибытия Шапура с «несметным войском». Оставаться у стен города на поле, заваленном трупами, тоже было нельзя, так как в июньскую жару это грозило армии гибелью от эпидемий. Поэтому Юлиан отвел легионы выше по реке, и остановился у селения Абузата, недалеко от руин древнего Описа²³. Пехота сразу приступила к грабежу окрестностей, «богатых скотом и всякими припасами» (Amm. Marc., XXIV, 7, 1—2).

Здесь армия отдыхала пять суток, пока Юлиан и его штаб ожидали прибытия армянского войска и корпуса Прокопия и Себастиана. Но время шло, а союзники не появлялись. К тому же отсутствие опасности, удовольствия и «изобилие в съестных припасах» постепенно развращали солдат (Eunap., Fr. 24, 2—3). Находясь у Абузаты, Юлиан рассматривал разные варианты развития событий, и разрабатывал план дальнейших действий. Перед ним стояла дилемма: уйти с войсками на север вдоль Тигра к союзникам в Великую Армению, или все-таки осуществить мечту, которую он озвучил Либанию и Василию Великому — «завоевать Персию» и дойти «до Гиркании и до индийских рек» (Jul. Ep., 81; Lib. Or., XVIII, 261). Юлиан избрал второй вариант.

7 июня 363 г., так и не дождавшись войск Прокопия и Себастиана, император провел строевой смотр легионов и объявил о своем решении: сжечь превратившиеся в обузу корабли, и идти в наступление, чтобы решить исход войны в генеральном сражении (Zos., III, 26, 2).

Несмотря на то, что Аммиан Марцеллин представил действия Юлиана как серию сумасбродных поступков (Amm. Marc., XXIV, 7, 3—6), в решении императора присутствовала железная логика. Во-первых, уничтожая корабли, Юлиан высвобождал для выполнения главной задачи 20 000 солдат, ранее отвлекавшихся на греблю и охрану флотилии. Во-вторых, выше Описа Тигр становился несудоходным²⁴, поэтому флотилия в любом случае становилась бесполезной. И, в-третьих, вблизи того же Описа проходила знаменитая «Царская дорога» — стратегическая магистраль длиной 2 699 км (Herod. Hist., V, 52—53; Kia 2016: 127), начинавшаяся в лидийских Сардах на западе и приводившая в «сердце» древней Персии, в ее первую столицу — город Сузы на юго-востоке. Продвижение по этой дороге гарантировало Юлиану встречу с Шапуром и давало возможность провести сражение, которое бы решило судьбу войны.

²² Вероятно, цифра собственных потерь была занижена ровно в 10 раз.

²³ Руины Описа находятся на восточном берегу Тигра в 32 км юго-восточнее центра соврем. Багдада, и в 19 км северо-восточнее Селевкии-на-Тигре. «Царский канал» выходил в Тигр у Описа. Здесь же проходила и древняя «Царская дорога». У Описа она разветвлялась в трех направлениях: на юг к Вавилону; на восток — северо-восток к Экбатанам; на юго-восток — к Сузам.

²⁴ Несудоходный участок начинался выше современного Багдада, но в XX в. гидрология реки значительно изменилась после строительства ряда ГЭС (Джаафар и др. 2013: 78; ЭСБЕ 1901: 162—163).

Еще в 359 г. Шапур II переименовал Сузы в «Eran-Khwarrah-Shapur» («Слава Ирана (и) Шапура») и поселил там военнопленных из разбитых в Амиде римских легионов (Daryaei 2009). Это обстоятельство обусловило в последующем жестокое напряжение боев, так как допустить захвата города шаханшах не мог ни при каких условиях. Взяв «Славу Ирана...», Юлиан получил бы надежное пополнение в лице высокомотивированных и преданных бойцов.

8 июня 363 г. римские солдаты сожгли «700 трирем и 400 транспортов», кроме 12 малых судов, необходимых для наведения мостов (Zon., XIII, 13), после чего Юлиан, собрав в единый кулак 60-тысячную армию, быстрым маршем повел ее на юго-восток — по самому короткому (234 км) отрезку «Царской дороги» к Сузам (Herod. Hist., V, 52; Lendering 2006).

Но иранские спахбэды разгадали замысел императора. Продвижение римлян вскоре превратилось в череду кровопролитных боев с сильными заслонами противника. По словам Марцеллина, «Персы, издеваясь над нами, то нарочно рассеивались на далеком расстоянии, то иной раз напирала на нас в густой боевой линии» (Amm. Marc., XXIV, 7, 7). Юлиан и его штаб ошибочно полагали, что это пришел с войсками сам Шапур, но шаханшах упорно не хотел рисковать главными силами. В то же время, римляне несли во встречных схватках тяжелые потери. Помимо вооруженного сопротивления, персы применили тактику «выжженной земли» — понадеявшись на богатые припасы во внутренних областях страны, римляне вскоре стали страдать от недостатка продовольствия. Ситуацию ухудшала нехватка воды и сильная июньская жара. Местное население ненавидело «румийцев», и, чтобы погубить их, на корню сжигало «траву вместе с поспевшим хлебом» (Amm. Marc., XXIV, 7, 7).

В результате, вдоль маршрута движения римских легионов виднелись лишь остатки разрушенных поселков. Войска Прокопия и Себастиана на помощь так и не пришли, и наступление до того непобедимого Юлиана постепенно захлебнулось²⁵. 14—15 июня его армия попросту отсиживалась в укрепленном лагере, окруженном бушевавшим со всех сторон пожаром. В те дни Юлиан находился под сильным моральным давлением собиравшихся в толпы солдат, выкрикивавших свои варианты выхода из кризиса. Воины «судили об ахейнах с башни»: каждый из них хотел казаться отличным тактиком и необыкновенно умным человеком» (Eunap., Fr. 24, 4).

В этой ситуации император собрал военный совет, на котором полководцы обсуждали единственный вопрос — наиболее безопасный маршрут отхода. Из предложенных вариантов Юлиан рассматривал только два: идти на север через Ассирию в Армению²⁶, или, «медленно продвигаясь у подошвы гор, неожиданно вторгнуться в Хилиоком близ Кордуэны» (Amm. Marc., XXIV, 8, 4). Вероятно, Отступник поддерживал какую-то связь с корпусом Прокопия и Себастиана, и полагал, что в среднем течении Анзабы он с ними обязательно встретится²⁷.

На рассвете 16 июня 363 г. римская армия покинула лагерь и, развернувшись, пошла на северо-запад к притоку Тигра, реке Дурос²⁸. Солдаты несли на себе запас продуктов, которого должно было хватить на 20 дней пути — именно столько, по мнению полководцев,

²⁵ Попытка Аммиана Марцеллина возложить вину за неудачное наступление на проводников и перебежчиков (Amm. Marc., XXIV, 7, 3—5), абсолютно несостоятельна. Ни Зосим в «Новой истории», ни Либаний в своих речах, ни о каких перебежчиках ничего не сообщают.

²⁶ «Царская дорога» вела от Описа на север вдоль р. Тигр через персидскую провинцию Адиабену. Однако идти по этой «удобной» дороге означало вести непрерывные бои. Поэтому Юлиан избрал более тяжелый, но, как он считал, безопасный путь.

²⁷ Прокопий и Себастиан выполнили все поставленные задачи, но прийти на помощь не успели. Только в августе 363 г. их корпус вышел к Тилсафате у Нисибиса в Верхней Месопотамии. По мнению Р.У. Ибатуллина, это стало одной из причин поражения армии Юлиана (Ибатуллин 2007: 182—185).

²⁸ Современное название реки — Дияла.

надо было пройти до «первоклассного города, пограничного» с Империей (Lib. Or., XVIII, 264). Но время показало ошибочность расчетов. Уже на выходе из лагеря арабская конница, воевавшая на стороне Шапура, атаковала обоз и нанесла римлянам потери. В дальнейшем бои происходили ежедневно. Но расстреливаемые издали лучниками, измотанные сильной жарой и жаждой, легионы продолжали марш (Amm. Marc., XXV, 1, 1—3; Lib. Or., XVIII, 266).

Перейдя по мосту через Дурос у селения Ноорда и убедившись, что персы «сожгли весь корм для скота по всей стране», Юлиан был вынужден уклониться влево и в дальнейшем двигаться по «Царской дороге» на север вдоль Тигра (Zos., III, 26, 4). Измученные люди больше не могли идти по диким урочищам и теперь опасность окружала армию со всех сторон. Прибыв 21 июня в Гукумбру на Тигре²⁹, армия получила двухдневную передышку. Здесь солдаты наконец-то «наелись досыта хлеба» (Amm. Marc., XXV, 1, 4), а штаб Юлиана скорректировал цель похода. По данным проконсула Феста, марш легионов должен был завершиться в «Мадеане» (Fest., XXVIII, 3), т.е., в регионе Маден в верховьях Тигра, тогда входившем в Великую Армению.

23 июня 363 г. римляне уничтожили лагерь и продолжили марш. Их маршрут лежал через прибрежные селения и крепости Акцету, Марангу, Туммару, Самарру, Карху, Дуру (Boeft et al. 2005: XXVI; Zos., III, 27—30), в каждой из которых находились персидские гарнизоны. Поэтому марш легионов сопровождался кровопролитными встречными и арьергардными боями.

Первый крупный бой произошел 24 июня 363 г. Персы нанесли удар по замыкающим римскую колонну подразделениям, причем конное подразделение терциакров (Tertiacoꝛum numerus) было рассеяно. Нападение противника успешно отразили другие конные части. В схватке был сражен даже бывший посол Шапура ко двору императора Констанция Адак (Нарсе?). После боя, поколебавшие «бодрый дух всей армии» терциаки были наказаны: Юлиан отобрал у них знамена, а всем бежавшим приказал занять позорное место «между обозом и пленными» (Amm. Marc., XXV, 1, 5—9). Примечательно, что в тот день труслили и бежали из боя сразу пять командиров конных частей, за что Юлиан лишил их воинских званий.

Ранним утром 25 июня 363 г. римские легионы, прошагав вдоль Тигра девять миль (ок. 13 км), вышли на небольшую равнину близ селения Маранга (или Маронса) (Amm. Marc., XXV, 1, 10; Zos., III, 28, 2)³⁰. Здесь Юлиана ожидала в развернутом строю персидская армия во главе с начальником конницы Эраншахра Мереной и двумя сыновьями Шапура II. Мерена выставил против римлян «закованные в железо отряды» катафрактов; во втором эшелоне подразделения пехотинцев—копейщиков и лучников, и разместил в резерве боевых слонов, внушавших римлянам и их коням «едва преодолеваемый ужас» (Amm. Marc., XXV, 1, 12).

Но, несмотря на «ужасный вид» иранского войска, Юлиан, находившийся в строю когорт вместе со штабом, был смел и спокоен. В ожидании удара катафрактов он построил боевую линию пехоты полукругом с заходящими флангами — так называемый «мелонид»³¹. Благодаря этому первая, самая страшная, атака «с величайшим напряжением сил» была отбита. Легионеры не растерялись и применили особую тактику ближнего боя. При приближении несшегося на всем скаку катафракта к строю пехоты, римский воин,

²⁹ Древний г. Укбара. Руины находятся примерно в 50 км севернее соврем. Багдада.

³⁰ Урочище (холм) «Tell Hīr» в 54 км юго-восточнее современного г. Самарра в Ираке (Herzfeld 1948: 65).

³¹ Тактическое построение «мелонид» («полумесяц») применялось римской пехотой против атакующей тяжелой кавалерии (Aelian, XLIII).

«проскользнув мимо копья всадника, (и) распоров мечом брюхо коня, валил на землю обоих, и закованный в железный панцирь становился легкой жертвой меча» (Lib. Or., XVIII, 265).

Отразив нападение конницы, римляне сами перешли в наступление, передвигаясь с максимальной быстротой, чтобы выйти из-под обстрела лучников. В результате атаки тесный фронт персидской пехоты был прорван и началась рукопашная схватка, в которой legionарам не было равных. Ничем не помогли персам и боевые слоны; потери войск Мерены были велики, а римлян, якобы, «весьма незначительны» (Amm. Marc., XXV, 1, 16—19). Впрочем, это утверждение Марцеллина является спорным, так как известно, что в бою у Маранги погибли видные военачальники, и, в частности, командир легиона зияннов трибун Ветранион (Zos., III, 28, 2).

Армия Эраншахра не была разгромлена, а потерпела лишь частное поражение. Понеся потери, Мерена временно отвел войска от «Царской дороги» на близлежащие холмы, оставив лазутчиков наблюдать за Юлианом. Иранский командующий изменил тактику: он решил напасть на римлян, когда те будут передвигаться на марше в строю походных колонн.

По-видимому, это хорошо понимал и Юлиан. После боя у Маранги легионы прошли до селения Туммара на Тигре, и только здесь, обнаружив, что оставшиеся 12 небольших судов сожжены персами, император разрешил сделать привал (Zos., III, 28, 3). Утром следующего дня Юлиан приказал войскам покинуть палатки и продолжать марш. К этому решению его подталкивала острая нехватка продовольствия: посевы и пастбища были уничтожены, и несколько десятков тысяч крепких мужчин было нечем кормить. Солдаты и офицеры начали страдать «от невыносимого уже голода» (Amm. Marc., XXV, 1, 1—2, 4—7). Ночью Отступник увидел необычное явление — огненный хвост несущегося по небу метеора. Вызванные в ставку этрусские жрецы истолковали его появление как плохой знак, и отговаривали Юлиана от любых начинаний. Но император был непреклонен; 26 июня 363 г. стало последним днем его жизни.

Римская армия продвигалась вдоль русла Тигра на север в строю пехотных колонн, представляя собою в плане огромный четырехугольник (каре) с большими промежутками между подразделениями. Опасаясь удара с окрестных холмов, Юлиан прикрыл фланги этого каре конными частями. Но Мерена все-таки нашел слабое место! В 11 часов утра 26 июня четыре сотни иранских катафрактов в тесном строю внезапно ворвались в арьергард отступавших легионов (Eunap., Fr. 22; Zos., III, 28, 4). Хотя римляне были ошеломлены атакой, они стали защищаться, и вызвали подмогу. Предполагая такое развитие событий, Мерена связал боем римскую конницу на правом фланге, почти одновременно напав и на «людей Ормизды» (Zos., III, 29, 2).

Получив донесение об атаке, Юлиан в сильной спешке, не надевая панцирь, схватил свой щит, и, оседлав коня, в сопровождении телохранителей помчался к арьергарду. Но в это время персидские войска обрушились и на передовые части армии. Пока Юлиан разворачивался и наводил там порядок, крупное соединение катафрактов и отряд боевых слонов сокрушили левый фланг и прорвались к центру римского построения. Одновременно персидские войска, ведя бой «копьями и метательными снарядами», начали стремительно окружать легионы (Amm. Marc., XXV, 3, 2—4), в промежутках между которыми появились отряды арабской конницы.

Юлиан с группой пехоты бросился к катафрактам и вступил в рукопашную схватку: его бойцы «стали рубить поворачивавших персов и их зверей в спины и сухожилия» (Amm. Marc., XXV, 3, 5). В хаосе и сумятице боя, в клубах песка и пыли, поднятых копытами лошадей, телохранители потеряли своего императора. В тот самый момент, когда Юлиан высоко поднял вверх руки, чтобы показать пехоте, что враг разбит и отступает, внезапно

появился «некий таинец» (конный воин-араб из племени Бану Тайи)³² и нанес ему удар копьем (Lib. Or., XXIVF, 6). Оружие рассекло императору «кожу на руке, пробило ребра и застряло в нижней части печени» (Amm. Marc., XXV, 3, 6). Подоспевшие телохранители отреагировали мгновенно: один из них молниеносным ударом меча отрубил голову нападавшему, а затем отнесли Юлиана на щите в шатер, где им тут же занялся его личный врач Орибасий Пергамский (Phil. Hist., VII, 15).

Орибасий извлек острие копья «вместе с кровью и нечистотами» и принял экстренные меры по спасению жизни Юлиана. В частности, им было проведено ушивание кишечника и стенки брюшной полости, орошение ран теплым натуральным вином, и другие процедуры (Lascaratos, Voros 2000: 617—618). Ряд мероприятий Орибасия был успешным, но все же, тяжелораненому императору это не помогло. После трех дней борьбы за жизнь, в полночь 29 июня 363 г. Юлиан «впал в забытие» и скончался от геморрагического шока³³ (Amm. Marc., XXV, 3, 23; Lascaratos, Voros 2000: 618; Phil. Hist., VII, 15)³⁴. По свидетельству очевидцев, последними словами, которые он произнес, были: «О, Солнце, (ты) потеряло Юлиана!»³⁵.

Следует признать, что император, продемонстрировав геройское и достойное всяческого уважения поведение в бою, совершил крайне эмоциональный поступок, завершившийся ранением в случайной стычке у Туммара. В результате, управление войсками было нарушено, и армия оказалась в сложном положении. Узнав о ранении Юлиана, солдаты «ринулись вперед, ударяя копьями о щиты, готовые умереть, если уж так суждено. Хотя густая пыль засыпала глаза, и палящий зной ослаблял быстроту членов, но, чувствуя себя как бы лишенными военного звания от потери своего командира, они бросались на мечи, не щадя своей жизни» (Amm. Marc., XXV, 3, 10). Но мужество и героизм бойцов уже никак не влияли на ситуацию. Во второй половине дня 26 июня 363 г. наступил кризис сражения.

Несмотря на эмоциональное описание боев у Маранги и Туммара Аммианом Марцеллином, при сопоставлении с информацией, изложенной Зосимом, вырисовывается следующая картина.

³² Бану Тайи были выходцами из Йемена. В доисламские времена они заселили горы Джебель-Шаммар на плато Неджда. В IV в. Бану Тайи были вассалами царства Лахмидов и воевали в интересах шаханшахов Ирана.

³³ По нашему мнению, Юлиан Отступник скончался в результате развития вторичного травматического шока, возникшего в результате неумышленного (или умышленного) физического воздействия на раненого. Специалисты считают, что этот вид шока «возникает спустя 4—24 часа после травмы и даже позже, в результате дополнительной травматизации пострадавшего — при транспортировке, возобновившемся кровотечении, от грубых манипуляций при оказании помощи и другие факторы» (Шевченко и др. 2012: 133).

³⁴ В связи с выводами Дж. Ласкаратоса и Д. Вороса о соответствии клинической картины ранения сообщению Филосторгия, общепринятая дата смерти Юлиана ночью 26 июня 363 г. вызывает вопросы. С момента его ранения «во втором часу дня» подавляющее большинство римских военнослужащих Юлиана живым не видели. После катастрофического финала похода о последних днях Юлиана рассказать было некому, так как все его ближайшие соратники подверглись репрессиям. Личный врач и близкий друг Орибасий был сослан и долгие годы жил в изгнании «у самых диких варваров» (Eunap. Fr., 498—499), не имея возможности рассказать правду.

Ариан Филосторгий — единственный из церковных историков, давший альтернативную точку зрения на события, и единственный, кто сообщил подробности ранения Юлиана, упомянув о попытках Орибасия его спасти. Вероятно, он был знаком с его записками. Сообщение Филосторгия хорошо объясняет причины трехдневного перемирия, которое римские полководцы заключили с персами, вероятно, выжидая, чем закончится борьба врачей за жизнь Юлиана. Этим же можно объяснить и нежелание префекта Саллюстия на следующий день возложить на себя обязанности еще живого императора. Еще раз подчеркнем, что Аммиан Марцеллин не был свидетелем происходившего в ставке, а ряд эпизодов, описывающих смерть Юлиана, «историк просто выдумал» ради большего эффекта (Пак 2010: 82).

³⁵ «O Sol, Julianum perdidisti!» (Magn. et Eutych. Fr.). Главным богом неоплатоника Юлиана был бог солнца Гелиос — всевидящее «нечто», управлявшее Вселенной. Юлиан относил себя к Царству Солнца и «соединялся с ним как бы золотой цепью» (Eunap., Fr. 26).

26 июня 363 г. персидское войско полностью выполнило поставленную Мереной задачу: походное построение римской армии было разрушено. Сначала персы вели массированный обстрел римлян с холмов, а затем, выпустив в атаку катафрактов и боевых слонов, нанесли ряд последовательных ударов по войскам Юлиана с разных направлений — с тыла; по частям авангарда; с правого, а потом и с левого, флангов (Amm. Marc., XXV, 3, 11). При этом тыловая и фронтовая атаки имели отвлекающий характер.

В результате сильного флангового удара катафрактов, два легиона конных skutarii оставили пехоту без прикрытия и сбежали. Фактически, вся прилегающая к руслу Тигра местность на протяжении 60 км к северу от Маранги превратилась в огромное поле боя. В то время, когда авангард римлян прорвался к крепости Карха за Самаррой³⁶, и 60 бойцов ее заняли, подразделения на флангах были смяты, а многие окружены и разгромлены. В частности, такая судьба постигла два лучших легиона римской пехоты (Ioviani et Gerculiani), растоптанных персидскими слонами (Zos., III, 29, 3—4, 30, 2—3). Ситуацию еще больше ухудшил переход на сторону противника знаменосца легиона Ioviani, выдавшего персам важную информацию (Amm. Marc., XXV, 5, 1—5).

Тяжелые потери понес командный состав. В бою погибли военный советник Фосфорий, магистр оффиций Анатолий, и три командира легионов — трибуны Юлиан, Макробий и Максимиан (Amm. Marc., XXV, 3, 14, 6, 3; Zos., III, 30, 4). Масштабы гибели рядовых точным подсчетам не поддаются! Но, учитывая, что в сражении у Туммара римляне полностью утратили боеспособность, потери могли составить две трети личного состава — до 40 000 солдат и офицеров. По данным Филосторгия, из похода вернулась только 1/10 часть армии (Phil. Hist., VIII, 1), т.е., выжило не более 7 000 воинов из 65 000 чел., перешедших с Юлианом через Абору 3 апреля 363 г.³⁷

27 июня 363 г. римские полководцы запросили у персов трехдневное перемирие (Zos., III, 29, 4), необходимое для перегруппировки и избрания нового командующего. После долгих прений на военном совете императором был избран командир корпуса domesticorum Иовиан (363—364). Примечательно, что когда офицеры вывели Иовиана из шатра и объявили его августом, солдаты подумали, «что это выводят оправившегося Юлиана» и издали крики радости (Amm. Marc., XXV, 5, 1—5). Но в наступившем хаосе и сумятице до умиравшего никому не было дела. Отступающие войска собрались в подобие колонны и продолжали марш по «царской дороге» на север.

Вечером 28 июня, обойдя Самарру, армия расположилась в узкой долине между этим городом и крепостью Кархой. Здесь Шапур организовал атаку катафрактов, разгромивших лагерные ворота и едва не прорвавшихся к шатру Иовиана. По-видимому, шаханшах имел полную информацию о происходящем у противника, и знал о том, что произошло с Юлианом. В ходе боя персы громко обзывали римлян «изменниками и убийцами превосходного государя» (Amm. Marc., XXV, 6, 6). Римляне были вынуждены снять лагерь и вечером 29 июня остановились за Кархой, за валом, некогда возведенным для защиты Ассирии от кочевников. Армия была обескровлена. Даже «лошади настолько выбились из сил, что всадники шли позади пешком» (Amm. Marc., XXV, 6, 9). 1 июля 363 г. войска с большим трудом преодолели еще 30 стадиев (5,3 км) и остановились на берегу Тигра у крепости Дура³⁸.

³⁶ Крепость Карха (Karkh Fairuz?) находилась в 11 км севернее г. Самарра (Herzfeld 1948: 67).

³⁷ Красочный рассказ Марцеллина о гибели в бою 26 июня персидского командующего Мерены и 50 сатрапов (Amm. Marc., XXV, 3, 13), следует признать вымыслом, так как в условиях, когда погибло две трети собственной армии, считать потери командного состава персов было некому и некогда.

³⁸ Вероятно, Dur Arabaya в 5 км севернее Кархи (Karkh Fairuz) (Herzfeld 1948: 67).

Здесь персы четыре дня изматывали римлян, то переходя в ложное наступление, то притворно отступая. В этих условиях достижение конечной цели похода — региона Мадеана в верховьях Тигра — становилось невыполнимым. Римляне пытались уйти от преследования, форсировав Тигр на кожаных мешках, но переправились лишь 500 смельчаков. Сильное течение реки «не давало возможности навести мосты, было съедено все, что было съедобно» и двое суток деморализованное войско попросту голодало (Amm. Marc., XXV, 7, 3—4).

Римская армия представляла собой жалкое зрелище. Настолько жалкое, что 7 июля 363 г. Шапур, которому ничто не мешало добить врага, проявил невиданное благородство и «чувство человечности». Он написал Иовиану письмо, в котором приглашал его на переговоры, и угрожал, что в случае несогласия все враги погибнут, причем не от меча, а от голода. В итоге, Иовиан со свитой из 80 человек лично прибыл в ставку Шапура. Здесь шаханшах произнес речь, в которой обвинил римлян в вероломном нападении, убийстве мирного населения и разрушении сельского хозяйства его страны (Al-Ṭabarī 1999: 62). Затем персы предложили заключить мир, условия которого были весьма тяжелы для Империи.

Шапур соглашался отпустить войска, а точнее, обменять еще живых солдат и офицеров на провинции, отобранные у Ирана в 299 г. (Арзацену, Моксоэну, Забдицену, Регимену, Кордуэну); 15 крепостей, и три важных укрепленных города — Нисибис, Сингару и Кастра Маврорум (Amm. Marc., XXV, 7, 5—9; Fest., XXIX; Zos., III, 31). Полководцы, понимая, что сопротивление бесполезно, еще четверо суток торговались с победителем, причем все эти дни люди в лагере мучительно голодали. Среди прочего, римлянам пришлось предать союзную Армению: они обязались «не оказывать помощи против персов... верному другу Аршаку», даже если тот будет сильно просить (Amm. Marc., XXV, 7, 12). Примечательно, что льстецы из свиты Иовиана торопили того побыстрее заключить мир, утверждая, что находившийся с корпусом в Хилиокоме Прокопий, узнав о смерти Юлиана, «затеет государственный переворот» (Amm. Marc., XXV, 7, 10). Вероятно, все-таки было некое, неизвестное нам обстоятельство, заставлявшее Иовиана бояться брата покойного императора.

11 июля 363 г. Иовиан заключил «постыдный мир» сроком на тридцать лет, и остатки некогда блестящей армии двинулись на запад. Тело погибшего императора комит Меробавд доставил в предместье Тарса в Киликии, где оно и было погребено (Phil. Hist., VIII, 1)³⁹. На этом Персидский поход Флавия Клавдия Юлиана завершился.

Можем констатировать, что этот неординарный человек и талантливый полководец так и не смог осуществить амбициозные планы по завоеванию государства Сасанидов. Успешно проведя первый этап наступательной операции, в которой были задействованы разнородные силы армии и флота, разработав и применив новаторские тактические приемы, Юлиан не только не дошел до западных пределов Индии, но даже не смог захватить столицу Ирана, что неоднократно удавалось его предшественникам — императорам Траяну и Септимию Северу. Ни личная храбрость, ни глубокие военно-научные знания не помогли Юлиану поставить на колени Шапура II и мирное население Месопотамии. Объявив враждебным, и потребовав от солдат безжалостно уничтожать народ, который он собирался завоевать, этот «философ на троне» сделал первый шаг к бесславному поражению.

Вместе с тем, оценивая военную деятельность Флавия Клавдия Юлиана, хотелось бы отметить ряд моментов, повлиявших на развитие позднеантичного военного искусства, в общем, и проведение конкретной операции, в частности. Во-первых, перед ее началом

³⁹ Гробница Юлиана находилась возле дороги, ведущей к перевалу Тавра в «Киликийских воротах». Впоследствии он был перезахоронен в Константинополе в храме Св. Апостолов в порфиловом саркофаге рядом с телом супруги Елены.

(зимой 362/363 г.) Юлиан разработал сложный стратегический план, в котором определил: цели и задачи войны; сборные пункты, походный порядок и маршрут движения войск; состав штаба армии; маршрут отхода и тыловую базу в случае неудачи. Во-вторых, в ходе наступления весной 363 г. Юлиан проявил глубокое знание особенностей театра военных действий: свойств речной системы Тигра и Евфрата, расположения судоходных каналов и гидротехнических объектов; направления и возможностей сухопутной стратегической магистрали из Сард в Сузы. В-третьих, Юлиан успешно применил методы ведения военно-дипломатической (разведывательной) работы, приобретая стратегических союзников по принципу «враг моего врага — мой друг». Примечательно, что на первом этапе наступления он ежедневно агитировал войска, воодушевляя подчиненных «величием начинаний» и периодически мотивируя их деньгами.

К числу безусловных военных достижений Юлиана следует отнести блестяще проведенную десантную операцию на Тигре в ночь с 31 мая на 1 июня 363 г., когда выделенный из речной флотилии и сухопутных частей передовой отряд и две эскадры второго эшелона успешно высадились и захватили участок берега у стен столицы Ирана. В то же время, несмотря на основательные знания в области военно-инженерного искусства, долговременная осада крепостей явно не относилась к числу любимых занятий Юлиана. Сооружая и применяя сложные штурмовые машины, он иногда предпочитал сломить мужество защитников с помощью денег, что было вполне оправдано, если учесть, в условиях какого цейтнота действовал император.

Необходимо отметить и отличное владение оружием, мастерство в рукопашной схватке, чувство ответственности за подчиненных, личное мужество и храбрость Юлиана. К сожалению, при его повышенном эмоциональном фоне, вызванном хроническим стрессом в условиях непрерывных войн, эти качества из положительных иногда превращались в отрицательные. Именно такой, глубоко эмоциональный поступок, в основе которого лежала тревога за судьбы людей, и стал первопричиной тяжелого ранения Юлиана в день самого главного боя его жизни — сражения у Туммара 26 июня 363 г.

Если бы не это, достаточно случайное ранение, преданные своему императору легионы, проведя серию арьергардных боев, имели все шансы дойти до Кордуэны. Но ни один из полководцев Юлиана не мог сравниться с его уровнем развития как стратега и тактика, что в итоге привело к военной катастрофе. В результате разгрома, последовавшего во второй половине дня 26 июня 363 г. у Туммара, римская армия получила тяжелейший морально-психологический шок, сравнимый только с разгромом армии Красса у Карр в 53 г. до н.э., от которого еще долго не могла оправиться.

Ничего «загадочного» в этих событиях не было! Была лишь серия кровопролитных наступательных и арьергардных боев и стычек, происходивших в Месопотамии с 8 июня по 5 июля 363 г. При этом пик боевого напряжения пришелся на 25 и 26 июня, когда произошли сражения у Маранги и Туммара. Если первый бой римляне, благодаря таланту Юлиана, выиграли, то во втором понесли огромные (до 40 000 чел.) потери и потерпели поражение, которое привело к подписанию «позорного» мирного договора. Единственной настоящей «загадкой» тех дней по-прежнему являются обстоятельства ранения и гибели императора Флавия Клавдия Юлиана, смерть которого, вероятно, наступила от вторичного травматического шока в ночь на 29 июня 363 г.

В краткосрочной перспективе, личная трагедия Юлиана предопределила несчастливый исход летней кампании 363 г., а в долгосрочной — негативно повлияла на стратегическое противостояние Рима и Ирана на Ближнем Востоке не в пользу Империи. С военной точки зрения, несмотря на затраченные усилия, и огромные людские и материальные потери, Рим и

Иран добились только кратких переменных успехов. С военно-политической точки зрения оба государства лишь взаимно ослабили друг друга, чем впоследствии воспользовались иные геополитические игроки. Тяжелые ближневосточные войны вызвали перманентную нестабильность в регионе, в итоге завершившуюся полным военным разгромом Сасанидского Ирана и Римской империи.

Литература

- Порфирий, архимандрит (Попов). 2016. *Жизнь святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской*. URL: <http://www.monasterium.by/publikatsii/statii/zhizn-svyatogo-vasiliy-velikogo-arkhiepiskopa-kesarii-kappadokiyskoj-arkhimandrit-porfiriy-popov/> (дата обращения 14.02.2020).
- Бенуа-Мешен Ж. 2001. *Император Юлиан, или Опаленная мечта*. Москва: Молодая гвардия.
- Болгов Н.Н. 2010. Зосим — последний античный историк. В: Болгов Н.Н. (пер., комм.). *Зосим. Новая история*. Белгород: БелГУ, 4—46.
- Гиббон Э. 2008. *История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи*. Т. 3. Москва: ТЕРРА—Книжный клуб.
- Грант М. 1998. В: Гитт М. (пер.). *Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. — 476 г. н.э.* Москва: ТЕРРА—Книжный клуб.
- Дашков С.Б. 2008. *Цари царей — Сасаниды. История Ирана III—VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях*. Москва: СМИ-АЗИЯ.
- Джаафар Али, Юрченко С.И., Зволинский В.П. 2013. Гидрологические особенности и основные гидротехнические сооружения речной системы Тигр—Евфрат. *Вестник РУДН. Экология и безопасность жизнедеятельности* 1, 73—79.
- Дибвойз Н.К. 2008. *Политическая история Парфии*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ (Историческая библиотека).
- Дмитриев В.А. 2003. Юлиан Отступник: человек и император. *Метаморфозы истории* 3, 246—258.
- Дмитриев В.А. 2008. «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение (Militaria Antiqua XII).
- Дмитриев В.А. 2018. *Воины Ахурамазды: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Евнапий. 1997. *Жизни философов и софистов*. В: Тимофеев М.А. (отв. ред.), Дарк Е.В., Хорькова М.Л. (пер.). *Римские историки IV века*. Москва: РОССПЭН, 225—294.
- Ибатуллин Р.У. 2007. Из истории персидской кампании Юлиана (рейд Себастиана и Прокопия). *Antiquitas aeterna* 2, 182—185.
- Кареев Д.В. 2018. Сражения у крепости Сингара и римско-персидские войны Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий. *ПИФК* 4, 135—152.
- Ллойд С. 1984. *Археология Месопотамии. От древнекаменного века до персидского завоевания*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
- Луконин В.Г. 1987. *Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории и культуры*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
- Пак Е.А. 2010. Гибель Юлиана Отступника в отражении языческой и христианской традиции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История* 3, 79—84.
- Пенроз Дж. 2008. *Рим и его враги. Карфагеняне, греки и варвары*. В: Холланд Т. (пред.), Шмелева О. (пер.). Москва: Эксмо (Военная история человечества).
- Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. 1958. *История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века*. Ленинград: Ленинградский университет.
- Розенталь Н.Н. 1923. *Юлиан Отступник: Трагедия религиозной личности*. Петроград: Культурно-просветительное кооперативное товарищество «Начатки знаний».
- Шевченко Н.И., Зайцев В.П., Манучарян С.В., Прусик К. 2012. Физическая реабилитация лиц, пострадавших от травматического шока, в условиях стационара (доклиническая практика). *Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту* 2, 132—137.
- ЭСБЕ 1901: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXXII. *Термические ощущения—Томбази*. Санкт-Петербург: Семеновская Типография (И.А. Ефрона), 162—163.
- Aelian: *The tactics of Aelian, comprising the military system of the Grecians*. 1814. London: Cox and Baylis.

- Al-Ṭabarī. 1999. In: Bosworth C.E. (trans.). 1999. *The History of Al-Ṭabarī*. Vol. V. *The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen*. Albany: State University of New York Press (Center for Iranian Studies Columbia University).
- Amm. Marc.: Аммиан Марцеллин. 1978. *Римская история*. В: Кулаковский Ю.А., Сонни А.И. (пер.), Лукомский Л.Ю. (ред.). Санкт-Петербург: Алетейя (Античная библиотека; Античная история).
- Boeft J., Drijvers J.W., Hengst D., Teitler H.C. 2002. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus: XXIV*. Vol. 5. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Boeft J., Drijvers J.W., Hengst D., Teitler H.C. 2005. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus: XXV*. Vol. 6. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Bowersock G. W. 1978. *Julian the Apostate*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press.
- Browning R. 1976. *The Emperor Julian*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Daryaee T. 2009. Encyclopædia Iranica. Šāpur II. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/shapur-ii> (дата обращения 03.02.2020).
- Daryaee T. 2009. *Sasanian Persia: The Rise and Fall of an Empire*. London; New York: I.B. Tauris & Co. Ltd; Iran Heritage Foundation (International Library of Iranian Studies 8).
- Dio. Cass.: Кассий Дион Коккейан. 2011. *Римская история. Книги LXIV—LXXX*. В: Махлаюк А.В. (пер.). Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История.
- Epit. de Caes.: Секст Аврелий Виктор. 1997. *Извлечения о жизни и нравах римских императоров*. В: Соколов В.С. (пер.). *Римские историки IV века*. Москва: РОССПЭН, 124—162.
- Eunap.: *Eunapii Sardiani Vitas Sophistarum et fragmenta Historiarum*. 1822. In: Boissonade J.F. (rec.), Wyttienbach D. (ann.). Amstelodam: Petrum den Hengst et filium.
- Farrokh K. 2005. *Sassanian Elite Cavalry AD 224—642*. Oxford: Osprey Publishing.
- Farrokh K., Karamian G., Maksymiuk K. 2018. *A Synopsis of Sasanian Military Organization and Combat Units*. Siedlce: Siedlce University; Tehran: Tehran Azad University.
- Fest.: Festus. 2001. *Breviarium of the accomplishments of the Roman people*. In: Banchich Th.M., Meka J.A. (trans.). An Online Encyclopedia of Roman Emperors. URL: <http://www.roman-emperors.org/festus.htm> (дата обращения 05.01.2020).
- Herod.: Геродиан. 1996. *История императорской власти после Марка*. В: Маринович Л.П. (отв. ред.). Москва: РОССПЭН.
- Herzfeld E. 1948. Geschichte der Stadt Samarra. In: Sarre F. (Hrsg.). *Forschungen zur Islamischen Kunst*. Vol. II. *Ausgrabungen von Samarra*. Bd. VI. Hamburg: Eckardt & Messtorff.
- Jul.: Император Юлиан. 2016. В: Сидаш Т.Г., Фурман Д.Е. (пер.). *Полное собрание творений*. Санкт-Петербург: Квадривиум.
- Kia M. 2016. *The Persian Empire: A Historical Encyclopedia*. Santa Barbara; Denver: ABC-CLIO.
- Lascaratos Jh., Voros D. 2000. Fatal Wounding of the Byzantine Emperor Julian the Apostate (361—363 A.D.). Approach to the Contribution of Ancient Surgery. *World Journal of Surgery* 24, 615—619.
- Lendering J. 2006. History of Iran on Iran Chamber Society. Royal Road. URL: http://www.iranchamber.com/history/achaemenids/royal_road.php (дата обращения 03.02.2020).
- Liebeschuetz J.H.W.G. 2003. Pagan historiography and the decline of the Empire. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Forth to Sixth Century A.D.* 56, 177—218.
- Lib. Ep.: Письма Либания в русских переводах. 2015. В: Болгов Н.Н., Болгова А.М. (сост.). *Мир поздней античности. Документы и материалы*. Вып. 3. Белгород: БелГУ.
- Lib. Or.: Шестаков С. (пер.). 1914—1916. *Речи Либания*. Т. I—II. Казань: Типо-литография Императорского Университета.
- Magn. et Eutyh. Fr.: Magni Carrhenus et Eutyhiani Cappadox. Fragmenta De Juliani Bello Persico. In: Digital Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. IV. URL: <http://www.dfhg-project.org/DFHG/index.php?volume=Volumen%20quartum> (дата обращения 07.10.2019).
- Maksymiuk K. 2015. *Geography of Roman-Iranian wars: Military operations of Rome and Sasanian Iran*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.
- Negev A. 1969. The Inscription of the Emperor Julian at Ma'ayan Barukh. *Israel Exploration Journal*. Vol. 19. No. 3, 170—173.
- Olbrycht M.J. 2016. Manpower resources and army organization in the Arsakid Empire. *Ancient Society* 46, 291—338.
- Phil. Hist.: Филосторгий. 2007. Сокращение «Церковной истории». В: Дорофеева В.А. (пер.). *Церковные историки IV—V веков*. Москва: РОССПЭН.

- Potter D.S. 2004. *The Roman Empire at Bay AD 180—395 (The Routledge History of the Ancient World)*. London; New York: Routledge.
- Socrat. Hist.: Сократ Схоластик. 1996. *Церковная история*. В: Кривушин И.В. (ред.). Москва: РОССПЭН.
- Soz.: *Sozomeni Ecclesiastica historia*. 1860. In: Hussey R. (rec.). Т. II. Oxonia: Typographeo academico.
- Syvänne I. 2015. La campaña de Juliano en Persia (363 d.c.). Un análisis critico. *Desperta Ferro: Antigua y Medieval* 29, 40—47.
- Syvänne I., Maksymiuk K. 2018. *The Military History of the Third Century Iran*. Siedlce: Siedlce University.
- Taylor D. 2016. *Roman Empire at War. A Compendium of Battles from 31 BC to AD 565*. Barnsley: Pen & Sword Military.
- Theod. Cyr.: Феодорит еп. Кирский. 1993. *Церковная история*. Москва: РОССПЭН; Колокол.
- Venters L. 2018. *Julian in Statuary Inscriptions*. Leiden: Universiteit Leiden.
- Yorulmaz L. 2014. *A forgotten borderland: the upper Tigris between Septimius Severus and Anastasius I*. Ankara: Ihsan Doğramacı Bilkent University.
- Zon.: *The History of Zonaras. From Alexander Severus to the Death of Theodosius the Great*. 2009. In: Banchich Th.M. (ed.), Banchich Th.M., Lane E.N. (trans.). London; New York: Routledge.
- Zos.: *Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova*. 1887. In: Mendelssohn L. (ed.). Lipsiae: B.G. Teubneri.

References

- Porphyry, archimandrite (Popov). 2016. The Life of St. Basil the Great, Archbishop of Caesarea of Cappadocia. Available at: <http://www.monasterium.by/publikatsii/statii/zhizn-svyatogo-vasiliy-velikogo-arkhiepis-kopakesarii-kappadokiyskoy-arkhimandrit-porfiriy-popov/> (accessed 14.02.2020).
- Benua-Meshen, Zh. 2001. *Imperator Yulian, ili Opalennaya mechta (Emperor Julian or The Scorched Dream)*. Moscow: “Molodaya gvardiya” Publ. (in Russian).
- Bolgov, N.N. 2010. In: Bolgov, N.N. (transl., com.). *Zosim. Novaya istoriya (Zosim. New History)*. Belgorod: “BelGU”, 4—46 (in Russian).
- Gibbon, E. 2008. *Istoriya upadka i razrusheniya Velikoy Rimskoy imperii: Zakat i padeniye Rimskoy imperii (The History of the Decline and Destruction of the Great Roman Empire: The Decline and Fall of the Roman Empire)*. Vol. 3. Moscow: “TERRA—Knizhny klub” Publ. (in Russian).
- Grant, M. 1998. In: Gitt, M. (transl.). *Rimskiye imperatory: Biograficheskiy spravochnik praviteley Rimskoy imperii 31 g. do n. e. — 476 g. n.e. (Roman Emperors: A Biographical Directory of the Rulers of the Roman Empire 31 BCE — 476 CE)*. Moscow: “TEPPA—Knizhny klub” Publ. (in Russian).
- Dashkov, S.B. 2008. *Tsari tsarey — Sasanidy. Istoriya Irana III—VII vv. v legendakh, istoricheskikh khronikakh i sovremennykh issledovaniyakh (Kings of Kings — Sassanids. History of Iran of 3rd — 7th Centuries in Legends, Historical Chronicles and Modern Research)*. Moscow: “SMI-AZIYA” Publ. (in Russian).
- Dzhaafar, Ali, Yurchenko, S.I., Zvolinskiy, V.P. 2013. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti (Peoples' Friendship University of Russia Journal of Ecology and Life Safety)* 1, 73—79 (in Russian).
- Dibvoyz, N.K. 2008. *Politicheskaya istoriya Parfii (The Political History of Parthia)*. Saint Petersburg: “Filologicheskiy fakul'tet SPbGU” (Historical Library) (in Russian).
- Dmitriyev, V.A. 2003. In *Metamorfozy istorii (Metamorphoses of History)* 3, 246—258 (in Russian).
- Dmitriyev, V.A. 2008. “*Vsadniki v sverkayushchey brone*”: *Voyennoye delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskikh voyn (Riders in Shining Armor: The Warfare of Sassanian Iran and the History of the Roman-Persian Wars)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoye Vostokovedeniye” Publ. (Militaria Antiqua XII) (in Russian).
- Dmitriyev, V.A. 2018. *Voiny Akhuramazdy: Voyennoye delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskikh voyn (Warriors of Ahuramazda: Warfare of the Sassanian Iran and the history of the Roman-Persian Wars)*. Saint Petersburg: “Evraziya” Publ. (in Russian).
- Evnapiy. 1997. In: Timofeyev, M.A. (ed.), Dark, Ye.V., Khor'kova, M.L. (transl.). *Rimskiye istoriki IV veka (Roman Historians of the 4th Century)*. Moscow: “ROSSPEN” Publ., 225—294 (in Russian).
- Ibatullin, R.U. 2007. In *Antiquitas aeterna* 2, 182—185 (in Russian).
- Kareyev, D.V. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 4, 135—152 (in Russian).
- Lloyd, S. 1984. *Arkheologiya Mesopotamii. Ot drevnekamennogo veka do persidskogo zavoyevaniya (Archaeology of Mesopotamia. From the Ancient Stone Age to the Persian Conquest)*. Moscow: “Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka»” (in Russian).

- Lukonin, V.G. 1987. *Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii i kul'tury (Ancient and Early Medieval Iran. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka»" (in Russian).
- Pak, Ye.A. 2010. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya (Bulletin of Saint Petersburg University. Series 2. History)* 3, 79—84 (in Russian).
- Penroz, Dzh. 2008. *Rim i yego vragi. Karfagenyane, greki i varvary (Rome and its Enemies. Carthaginians, Greeks and Barbarians)*. Moscow: "Eksmo" Publ. (The Military History of Humanity) (in Russian).
- Pigulevskaya, N.V., Yakubovskiy, A.Yu., Petrushevskiy, I.P., Stroyeva, L.V., Belenitskiy, A.M. 1958. *Istoriya Irana s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka (History of Iran from Ancient Times to the End of the 18th Century)*. Leningrad: "Leningradskiy universitet" (in Russian).
- Rozental, N.N. 1923. *Yulian Otsstupnik: Tragediya religioznoy lichnosti (Julian the Apostate: the Tragedy of a Religious Person)*. Petrograd: "Kul'turno-prosvetitel'noye kooperativnoye tovarishchestvo «Nachatki znaniy»" (in Russian).
- Shevchenko, N.I., Zaytsev, V.P., Manucharyan, S.V., Prusik, K. 2012. In *Pedagogika, psikhologiya ta mediko-biologichni problemi fizichnogo vikhovannya i sportu (Pedagogy, Psychology, and Medical and Biological Problems of Physical Exercise and Sport)* 2, 132—137 (in Russian).
- Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona (Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron)*. 1901. Vol. XXXII: *Termicheskiye oshchushcheniya — Tombazi (Thermal Sensations — Tombazi)*. Saint Petersburg: "Semenovskaya Tipografiya (I.A. Efron)" Publ., 162—163 (in Russian).
- The tactics of Aelian, comprising the military system of the Grecians*. 1814. London: "Cox and Baylis" Publ.
- Al-Ṭabarī. 1999. In: Bosworth, C.E. (trans.). *The History of Al-Ṭabarī*. Vol. V. *The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen*. Albany: "State University of New York Press" Publ. (Center for Iranian Studies Columbia University).
- Amm. Marc.: Ammianus Marcellinus. 1978. *Rimskaya istoriya (Roman History)*. In: Kulakovskiy, Yu.A., Sonny, A.I. (trans.), Lukomskiy, L.Yu. (ed.). Saint Petersburg: "Aletheia" Publ. (Antique Library; Antique History) (in Russian).
- Boeft, J., Drijvers, J.W., Hengst, D., Teitler, H.C. 2002. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus: XXIV*. Vol. 5. Leiden; Boston; Köln: "Brill" Publ.
- Boeft, J., Drijvers, J.W., Hengst, D., Teitler, H.C. 2005. *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus: XXV*. Vol. 6. Leiden; Boston; Köln: "Brill" Publ.
- Bowersock, G. W. 1978. *Julian the Apostate*. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press.
- Browning, R. 1976. *The Emperor Julian*. Berkeley; Los Angeles: "University of California Press".
- Daryaei, T. 2009. *Encyclopædia Iranica*. Šāpur II. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/shapur-ii> (accessed 03.02.2020).
- Daryaei, T. 2009. *Sasanian Persia: The Rise and Fall of an Empire*. London; New York: "I.B. Tauris & Co. Ltd" Publ.; "Iran Heritage Foundation" (International Library of Iranian Studies 8).
- Cassius Dion Kokkeyan. 2011. In: Makhlayuk, A.V. (trans.). *Rimskaya istoriya. Knigi LXIV—LXXX (Roman History. Books LXIV—LXXX)*. Saint Petersburg: "Filologicheskii fakul'tet SPbGU"; "Nestor-Istoriya" Publ. (in Russian).
- Sextus Aurelius Victor. 1997. In: Sokolov, V.S. (trans.). *Rimskie istoriki IV veka (Roman Historians of the 4th Century)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 124—162 (in Russian).
- Eunapii Sardiani Vitas Sophistarum et fragmenta Historiarum*. 1822. In: Boissonade, J.F. (rec.), Wytttenbach, D. (ann.). Amstelodam: "Petrum den Hengst et filium" Publ.
- Farrokh, K. 2005. *Sassanian Elite Cavalry AD 224—642*. Oxford: "Osprey Publishing".
- Farrokh, K., Karamian, G., Maksymiuk, K. 2018. *A Synopsis of Sasanian Military Organization and Combat Units*. Siedlce: "Siedlce University"; Tehran: "Tehran Azad University".
- Festus. 2001. *Breviarium of the accomplishments of the Roman people*. In: Banchich, Th.M., Meka, J.A. (trans.). *An Online Encyclopedia of Roman Emperors*. Available at: <http://www.roman-emperors.org/festus.htm> (accessed 05.01.2020).
- Herodian. 1996. *Istoriya imperatorskoy vlasti posle Marka (The History of Imperial Power after Marc)*. In: Marinovich, L.P. (ed.). Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).
- Herzfeld, E. 1948. *Geschichte der Stadt Samarra*. In: Sarre, F. (Hrsg.). *Forschungen zur Islamischen Kunst*. Vol. II. *Ausgrabungen von Samarra*. Bd. VI. Hamburg: "Eckardt & Messtorff" Publ.
- Emperor Julian. 2016. In: Sidash, T.G., Furman, D.Ye. (transl.). *Polnoye sobraniye tvoreniy (Complete Collection of Works)*. Saint Petersburg: "Kvadrivium" Publ. (in Russian).
- Kia, M. 2016. *The Persian Empire: A Historical Encyclopedia*. Santa Barbara; Denver: "ABC-CLIO" Publ.

- Lascaratos, Jh., Voros, D. 2000. Fatal Wounding of the Byzantine Emperor Julian the Apostate (361—363 A.D.). Approach to the Contribution of Ancient Surgery. *World Journal of Surgery* 24, 615—619.
- Lendering, J. 2006. History of Iran on Iran Chamber Society. Royal Road. Available at: http://www.iranchamber.com/history/achaemenids/royal_road.php (accessed 03.02.2020).
- Liebeschuetz, J.H.W.G. 2003. Pagan historiography and the decline of the Empire. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Forth to Sixth Century A.D.* 56, 177—218.
- Pis'ma Libaniya v russkikh perevodakh (*Letters of Libanius in Russian Translations*). 2015. In: Bolgov, N.N., Bolgova, A.M. (comp.). *Mir pozdney antichnosti. Dokumenty i materialy (World of Late Antiquity. Documents and Materials)*. Iss. 3. Belgorod: "BelGU" (in Russian).
- Shestakov, S. (transl.). 1914—1916. *Rechi Libaniya (Speech of Libanius)*. Vol. I—II. Kazan: "Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta" (in Russian).
- Magni Carhenus et Eutychiani Cappadox. Fragmenta De Juliani Bello Persico. In: *Digital Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. IV. Available at: <http://www.dfhg-project.org/DFHG/index.php?volume=Volumen%20quartum> (accessed 07.10.2019).
- Maksymiuk, K. 2015. *Geography of Roman-Iranian wars: Military operations of Rome and Sasanian Iran*. Siedlce: "Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach".
- Negev, A. 1969. The Inscription of the Emperor Julian at Ma'ayan Barukh. *Israel Exploration Journal*. Vol. 19. No. 3, 170—173.
- Olbrycht, M.J. 2016. Manpower resources and army organization in the Arsakid Empire. *Ancient Society* 46, 291—338.
- Philostorgius. 2007. *Sokrashcheniye «Tserkovnoy istorii» (Reduction of "Church History")*. In: Dorofeyeva, V.A. (transl.). *Tserkovnyye istoriki IV—V vekov (Church historians of 4th — 5th Centuries)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).
- Potter, D.S. 2004. *The Roman Empire at Bay AD 180—395 (The Routledge History of the Ancient World)*. London; New York: "Routledge" Publ.
- Socrates Scholastic. 1996. *Tserkovnaya istoriya (Church History)*. In: Krivushin, I.V. (ed.). Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).
- Sozomeni Ecclesiastica historia. 1860. In: Hussey, R. (rec.). T. II. Oxonia: "Typographeo academico".
- Syvänne, I. 2015. La campaña de Juliano en Persia (363 d.c.). Un análisis crítico. *Desperta Ferro: Antigua y Medieval* 29, 40—47.
- Syvänne, I., Maksymiuk, K. 2018. *The Military History of the Third Century Iran*. Siedlce: "Siedlce University".
- Taylor, D. 2016. *Roman Empire at War. A Compendium of Battles from 31 BC to AD 565*. Barnsley: "Pen & Sword Military" Publ.
- Theodoret, Bishop of Cyrrhus. 1993. *Tserkovnaya istoriya (Church History)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ.; "Kolokol" Publ. (in Russian).
- Venters, L. 2018. *Julian in Statuary Inscriptions*. Leiden: "Universiteit Leiden".
- Yorulmaz, L. 2014. *A forgotten borderland: the upper Tigris between Septimius Severus and Anastasius I*. Ankara: "Ihsan Doğramacı Bilkent University".
- The History of Zonaras. From Alexander Severus to the Death of Theodosius the Great*. 2009. In: Banchich, Th.M. (ed.), Banchich, Th.M., Lane, E.N. (trans.). London; New York: "Routledge" Publ.
- Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova*. 1887. In: Mendelssohn, L. (ed.). Lipsiae: "B.G. Teubneri" Publ.

*Христианская
археология
и история церкви*

*Christian Archaeology
and Church History*

УДК 72.033

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00007

Л.Г. Хрушкова

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ КАПИТЕЛИ ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО*

В статье впервые публикуется коллекция ранневизантийских мраморных изделий из Херсонеса Таврического, которая хранится в Государственном историческом музее (ГИМ, Москва). Она включает несколько капителей, фрагментов алтарных преград и других элементов интерьера. Предметы из ГИМ рассмотрены в сопоставлении с большой коллекцией мраморов, которая находится в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (ГИАМЗ ХТ) в древнем Херсонесе (совр. Севастополь). Статья дает представление о масштабах и характере импорта мрамора из византийских проконнесских мастерских в Херсонес, преимущественно во второй половине V и в VI вв.

Ключевые слова: Византия, Крым, Херсонес, базилики, декор, мрамор, элементы интерьера, капители.

Сведения об авторе: Хрушкова Людмила Георгиевна, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ).

Контактная информация: 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, исторический факультет Московского государственного университета им М.В. Ломоносова; e-mail: khrushkova@list.ru.

L.G. Khrushkova

EARLY BYZANTINE CAPITALS FROM TAURIC CHERSONESUS

This article is the first publication of the collection of Early Byzantine marble products from Tauric Chersonesus stored in the State Historical Museum (Moscow). It includes several capitals, fragments of chancel barriers and other interior elements. Objects from the State Historical Museum are compared with the large collection of marbles located in the State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (ancient Chersonesus, modern Sevastopol). The article gives an idea of the scale and nature of the import of marble from Byzantine Prokonnessian workshops into Chersonesus, mainly in the second half of the 5th and in the 6th centuries.

Key words: Byzantium, Crimea, Chersonesus, basilicas, decor, marble, interior elements, capitals.

About the author: Khrushkova Liudmila Georgievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher of the Scientific Research Institute of Theory of Architecture and Town-Planning — the branch of the «CNIIP of the Ministry of Construction of Russia».

Contact information: 119192, Russia, Moscow, Lomonosov Prospekt, 27-4, History Department of Lomonosov Moscow State University; e-mail: khrushkova@list.ru.

* Статья поступила в номер 23 ноября 2019 г.
Принята к печати 12 декабря 2019 г.

Херсонес Таврический — один из тех городов, куда византийские мастерские, расположенные на о. Проконнес в Мраморном море, близ Константинополя, вывезли сотни мраморных архитектурных деталей и элементов литургических устройств. Никодим Павлович Кондаков (1844—1925) справедливо заметил, что «... значение раскопок Херсонеса не в антиках: Херсонес есть почти единственное место для находок предметов древности византийской»; особенно важны «церкви Херсонеса и найденные в них мраморные колонны с капителями» (Кондаков 1893: 390). Всего мраморных элементов, — капителей, плит и их фрагментов, насчитывается до 200 (Якобсон 1959: 131).

В настоящее время херсонесские мраморы находятся в разных местах. Самая большая часть хранится в Государственном историко-архитектурном музее-заповеднике «Херсонес Таврический» (далее — ГИАМЗ ХТ), небольшие коллекции находятся в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге, в Государственном Историческом музее (далее — ГИМ) в Москве, а также в музеях Одессы и других городов.

Судьба отдельных капителей весьма необычна, они проделали сложный путь и оказались далеко от Херсонеса. Например, одна коринфская капитель поступила в Парк «Аркадия» в окрестностях Варшавы из Санкт-Петербурга, в качестве подарка Екатерины II (1762—1796) ее подруге графине Елене Радзивилл (Jastrzębowska 2004: 41—45).

Херсонесские мраморы находятся в ГИМ, как и в Эрмитаже, с конца XIX в. Их передал в оба эти музея Карл (Николай) Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847—1907), который многие годы руководил раскопками Херсонеса. Среди мраморов ГИМ несколько капителей, колонн и фрагментов плит. Читателю известны две капители из коллекции ГИМ, которые были опубликованы в Каталоге выставки «Искусство Византии в собраниях СССР». Эта знаменитая выставка состоялась в Ленинграде и Москве в 1977 г. и стала самой масштабной за всю историю нашей страны выставкой византийского искусства. Ионическая импостная капитель из епископской (Уваровской) базилики Херсонеса поступила в ГИМ в ноябре 1895 г. Она публиковалась неоднократно (Якобсон 1959: 141—142; Искусство Византии 1977: № 121; Хрушкова 2011: рис. 17; 2016: рис. 70; Khrushkova 2012: fig. 20; 2017a: fig. 37) (рис. 1). Другая капитель, место находки которой неизвестно, поступила в ГИМ тогда же. Она относится к тому же типу ионической капители с импостом (Искусство Византии 1977: № 117) (рис. 2). Собрание мраморов ГИМ, в отличие от коллекции Государственного Эрмитажа, остается почти неизвестным¹.

1. Капители

Капитель 1 (рис. 3: а, б) изготовлена из светлого мрамора. Сохранность посредственная². Лишь одна сторона сохранилась хорошо, другая — значительно хуже, две другие утрачены; концы отогнутых листьев аканфа отбиты. Высота капители 40 см, длина сохранившейся стороны по волютам — 50 см. Основание капители не круглое, как обычно, а овальное. Эта капитель принадлежит к типу ионических капителей с тонким зубчатым аканфом, которые ранее именовали «феодосианскими». Иногда это наименование употребляется и в наше время, хотя царствование Феодосия II (408—450) не было временем широкого распространения таких капителей.

¹ Мраморы из Херсонеса хранятся в трех различных хранилищах ГИМ. Благодаря любезному содействию Дениса Валерьевича Журавлева, которому выражаю здесь сердечную признательность, я имела возможность обследовать мраморы в двух хранилищах.

² Эта капитель была опубликована ранее (Хрушкова 2017: 51—52, илл. 13).

У капители 1 абак высотой 6,5—7,3 см, слегка вогнут на каждой стороне, его углы не выступают над волютами. Он украшен «чешуйками» и шишкой, на которой схематично изображен растительный мотив. Абак отделен от ионической части узким и плоским пояском, который прерывается в середине. Волюты вырезаны четко, глубоко, пластично; они не соединяются между собою. На эхине помещено пять пальметт остриями вверх, они разделены овальными дырочками. Пальметты не одинаковы по форме и размерам: крайние, у волют, — удлиненные, средняя увеличена, она переходит на абак и сливается с шишкой.

Листья аканфа расположены в два ряда, в каждом по восемь листьев; нижний ряд сдвинут относительно листьев верхнего. Листья расположены свободно, между ними оставлена гладкая поверхность. Листья верхнего ряда мало отогнуты; угловые пятидольные листья, идущие от волют вниз, отогнуты больше. В нижнем ряду листья слегка отстают от корпуса. Они разделены на лопасти двумя бороздками, края вырезаны в виде маленьких треугольников. Поверхность листьев оживлена отверстиями, выполненными сверлами двух типов, треугольным и овальным. На углах капители, где волюты встречаются, помещены растительные мотивы.

Основание капители украшено традиционным мотивом — листиками аканфа, поставленными прямо и обращенными вниз. Они разделены дырочками. Ниже расположен плохо сохранившийся пояс перлов. На поверхности круглого основания капители вырезана рельефная монограмма, состоящая из греческих букв: «Δ», сочлененной с «Р» и «Г», обращенными в разные стороны. Скорее всего, капитель не была окончена. Пальметты на эхине едва намечены, но не вырезаны четко. Скульптор начал свою работу с нижнего ряда, где листья аканфа изображены с прожилками, но верхние листья остались сплошными нерасчлененными лопастями.

Стандартная композитная капитель с тонким зубчатым аканфом отличается изысканностью, пышностью, тонкостью исполнения. Немецкий историк искусства Рудольф Ф. Кауч (1868—1945), автор капитального исследования об истории позднеантичной капители, назвал композитную капитель с тонким зубчатым аканфом «прекраснейшим творением» (Kautzsch 1936: 115). Несколько капителей из коллекции мраморов Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» подтверждают мнение Кауча о красоте «феодосианских» капителей (рис. 4). Три из них были обнаружены в ходе раскопок базилики 1935 г., одна впоследствии утрачена (Хрушкова 2011: 177—186; 2017: 48—53; Khrushkova 2012: 130—131; 2018: 57—61).

Очевидно, что высокая оценка Кауча художественных достоинств капителей с тонким зубчатым аканфом не относится к экземпляру из ГИМ. Наша капитель отличается упрощенным стилем, к тому же она не окончена.

Судя по небольшим размерам капители из ГИМ, она венчала колонну на хорах, а не в главном нефе базилики. Исследователи часто обсуждают вопрос: что же вывозилось из Проконнеса, полностью готовые изделия или полуфабрикаты? Самое вероятное, что практиковалось и то, и другое, в зависимости от обстоятельств, например, от наличия на месте мастеров. Предположение о вывозе неоконченных изделий-заготовок из Проконнеса в Киренаику уже высказывалось (Sodini, Barsanti, Guiglia Guidobaldi 1998: 308, 319, note 88). Экземпляр из ГИМ свидетельствует о том, что некоторая часть продукции, доставляемой в Херсонес, дорабатывалась на месте.

Пожалуй, эта капитель позволяет сделать и еще один вывод: те изделия, которые Косцюшко-Валюжинич отправлял в Эрмитаж, отличались более высоким качеством исполнения, а те, которые предназначались для Исторического музея, были более скромными.

Композитные капители с тонким зубчатым аканфом известны с начала V в., в середине этого столетия они уже распространены, и кое-где, предположительно, использовались до середины VI в. Мнение Клаудии Барзанти об «исключительном распространении композитных капителей с тонким зубчатым аканфом» (Barsanti 1989: 144) кажется несколько преувеличенным. По подсчетам Жан-Пьера Содини, тридцатилетней давности, число известных капителей этого типа достигает 369 (Sodini 1989: 175). К ним нужно добавить четыре известные сейчас капители из Херсонеса, не считая малых капителей с одним рядом тонкого зубчатого аканфа и фрагментов (Khrushkova 2017b: fig. 10, 19).

Композитная капитель с тонким зубчатым аканфом — по общему мнению, константинопольское изобретение, однако в самом Константинополе они не многочисленны. Самым важным примером в столице являются капители из нартекса базилики Св. Иоанна Предтечи 453 г. Студийского монастыря. Большая коллекция константинопольских капителей и плит украшает фасады церкви Сан Марко в Венеции. Они были изданы неоднократно. Фридрих В. Дайхманн (1909—1993) опубликовал Корпус капителей Сан Марко (Deichmann 1981: 69—71, 75—76, 83, 86—87, 102—103); Каталог, изданный Симонеттой Мингуцци, посвящен типологии капителей и плит (Minguzzi 2000: 123—169). Среди них находим ряд аналогий херсонесским экземплярам (рис. 5).

Капитель с тонким зубчатым аканфом из ГИМ датируется временем между серединой и последними десятилетиями V в.

Капитель 2 из коллекции ГИМ (рис. 6: а, б, в) изготовлена из серого мрамора с полосами, хорошей сохранности. Ее высота 48 см, диаметр основания 40 см, длина стороны в верхней части 65—66 см. На середине одной стороны высечены греческие буквы «Δ» и «Λ». Капитель относится к типу коринфской с двумя рядами т.н. мягкого аканфа с крупными зубцами³. Абак украшен тремя глубокими мульерами. Шишки на абаке, украшенные растительными мотивами, сильно выступают и переходят на поверхность самой капители. Хеликсы, обозначенные небольшими завитками и мало заметные, соединены тонкой рельефной полосой, образующей полуовальное закругление, обращенное вниз. Этот распространенный мотив, на взгляд Кауча, напоминает лиру, поэтому капитель получила наименование «лирной». Геометрическая фигура «лиры» — одно из проявлений характерного процесса упрощения формального языка классической коринфской капители.

Наша капитель 2 является коринфской «лирной» капителью. В верхнем ряду расположено четыре широких листа аканфа, в нижнем — пять. Крупные листья под углами абак не отогнуты, они завершаются растительными побегами, изображенными схематически. По середине верхних листьев идет широкая выступающая полоса; поверхность листьев разделена на шесть долей, — с каждой стороны по три доли, каждая доля состоит из трех побегов. Листья аканфа трактованы довольно пластично. Доли листьев образуют овальные вырезы. Листья нижнего ряда не отогнуты, их верхняя часть создает массивный выступ. Встречаясь, листья образуют различные геометрические фигуры, — овалы, ромбы, трапеции, получающие самостоятельное декоративное значение. Эта характерная особенность отражает геометризацию и условность в изображении листа, отход от натуралистических форм римского мягкого аканфа. Она и послужила основанием для наименования листа такого типа «аканфом-маской». Этот термин широко распространился в

³ Я следую терминологии Кауча, который различал три типа аканфа: мягкий, крупный зубчатый и мелкий зубчатый («феодосианский»). Что касается типологии, Кауч установил соотношение «типа» и «группы»: он подразделял тип коринфской капители на группы: «обычную» коринфскую, «лирную», «V-образную» и др. Современные исследователи склонны обозначать «типы» и «группы» как равнозначные «типы» (Sodini, Barsanti, Guiglia Guidobaldi 1998: 318—321).

последние десятилетия, особенно в англоязычной литературе. Кауч его не использовал. Иногда такую технику резьбы называют «негативом».

По классификации Кауча, «лирная» капитель образует шестую группу коринфского типа (Kautzsch 1936: 59—60). У стандартной «лирной» капители в верхнем ряду расположено четыре листа аканфа, в нижнем — пять. Эта капитель появилась в начале V в., об этом свидетельствуют два экземпляра, датированных 415 г. Обе капители находятся в Музее Св. Софии в Стамбуле. Они происходят из раскопок ее атриума, которые провел Альфонс М. Шнайдер (1896—1952). Капители отличаются следующими характерными чертами. Профилированный абак со скругленными углами слегка нависает над листьями аканфа; шишки на абаке сильно выступают; листья аканфа, по четыре в каждом ряду, трактованы довольно пластично, и уже здесь, в начале V в., виден характерный эффект «аканфа—маски». Капители из Св. Софии являются важным хронологическим указателем (Pralong 2005: 496—498).

«Лирные» капители были распространены по всему Средиземноморью со второй половины V в. и до 30-х годов VI в. (Kautzsch 1936: 60; Kramer 1994: 176). В коллекции Херсонеса они занимают значительное место, одна из них, установленная на колонну, украшает фасад Музея (левая) (рис. 7). Всего этих капителей 17 экземпляров, включая три фрагментированных (Khrushkova 2013: 395) (рис. 8—24).

К типу «лирной» капители очень близок тип коринфской капители, которая отличается одной лишь деталью: листья верхнего ряда, соприкасаясь, образуют не закругленный мотив («лиру»), а заостренный, напоминающий букву «V». Кауч дал этой капители наименование V-образной и выделил ее в пятую группу коринфского типа. Эта капитель появилась в последние десятилетия V в. и широко применялась до 30-х гг. VI в. (Kautzsch 1936: 59—61). Отметим, что в некоторых случаях «лирную» и V-образную капители трудно различить. Есть такие случаи и в Херсонесе, когда мотив «лиры» в нижней части заметно сужается. Кроме того, встречаются капители, у которых на лицевой стороне верхние листья аканфа образуют «лиру», а на другой стороне видим скорее мотив «V». Это, например, случай коринфской капители, которая находится у входа в Музей Херсонеса (левая) (рис. 8: а, б). Поэтому некоторые авторы лирную и V-образную капители рассматривают вместе, как сходные разновидности одного типа (Barsanti 1989: 125—135). Так или иначе, наименования этих похожих капителей, несмотря на их условность, утвердились со времен Кауча. Попытка А. Бернацкого заменить наименования мотивов «лиры» и «V» термином «пандантив» или, что еще менее понятно, «пандантив лиры», «пандантив V» (Biernacki 2009: 35, 213) не кажется удачной. Пандантив (парус) — конструктивный сферический элемент, образующий основание купола архитектурного сооружения. На капителях же видим совсем иное: мелкий декоративный мотив, не влияющий на морфологические характеристики капители.

Фридрих-Вильгельм Дайхман дает общее описание «лирной» и V — образной капители в качестве одного базового типа. Обе эти группы, в количестве 9 экземпляров, представлены на фасадах Сан Марко в Венеции, они суммарно датированы V—VI вв. (Deichmann 1981: 1, 71—72, 118—120, 124). В Музее Изника собрана коллекция мраморов, происходящих из провинции Вифиния. Среди них — «лирная» капитель, для которой А. Пралон приводит ряд аналогий из Равенны, а также Стамбула и других пунктов западной Турции. Капитель из музея Изника датирована временем «начиная с середины V в.» (Pralong 2003: 252, fig. 101)⁴.

⁴ Анни Пралон в своей диссертации о ранневизантийских капителях предложила собственную детальную типологию коринфской капители, отличную от общепринятой типологии Кауча. По ее мнению, «лирная» капитель относится к типу IVc. Я не останавливаюсь здесь на этой типологии, потому что диссертация А. Пралон осталась неизданной, и предложенная ей классификация не получила распространения.

Исследователи не раз отмечали, что «обширная семья элегантных коринфских капителей типов 5—6» была типичной продукцией на протяжении века, между серединой V и серединой VI в. (Guiglia, Barsanti, Paribeni 2009: 413—432). По мнению Томаса Цолльта, «лирная» капитель была распространена с конца V в. до середины VI в. (Zollt 1994: 176—197, 489—571). Действительно, «лирная» и V-образная капители были, по выражению Содини, «вездесущими по всей средиземноморской округе», включая обширную провинцию Иллирик, а также Равенну, в базиликах которой капители сохранились *in situ*. Общее число известных лирных и V-образных капителей достигает трехсот (Sodini 1984: 35—36; 1989: 175; Sodini, Barsanti, Guiglia Guidobaldi 1998: 320—321), без учета херсонесских экземпляров. Хотя V-образная капитель не представлена в коллекции ГИМ, мы приводим эту группу для сравнения с близкой к ней «лирной». В собрании Херсонеса их насчитывается 15 экземпляров (Khrushkova 2013: 395) (рис. 25—39). Упомянем также утраченную V-образную капитель из раскопок Г.Д. Белова базилики 1935 г. (Хрушкова 2017: 59, илл. 25).

При кажущемся единообразии, различные растительные мотивы, помещенные на абаке и между листьями аканфа верхнего ряда, придают каждой капители индивидуальные черты. Иногда на лицевой стороне капители изображен крест (рис. 29, 34: б). В коллекции Херсонеса «лирные» капители вместе с похожими на них V-образными составляют значительную группу — свыше 35 экземпляров. Рассмотренная «лирная» капитель из ГИМ датируется последними десятилетиями V — началом VI в.

В коллекции ГИМ представлен также тип ионической импостной капители, которая была широко распространена в последние десятилетия V и в первой половине VI в. Имеется две целых капители и один фрагмент капители этого типа. Капитель этого типа состоит из двух элементов: импоста и ионической части. На начальном этапе формирования типа оба эти элемента существовали отдельно, но вскоре сложилась форма ионического импоста, высеченного из одного куска мрамора. Широкое и быстрое распространение таких капителей было вызвано утверждением в византийской архитектуре сводчатых и арочных конструкций. Арка нуждалась в более прочной опоре, этому требованию отвечал массивный блок, в котором ионический элемент и импост были слиты в единое целое. Если традиционная ионическая капитель к началу VI в. стала уже редкой, то вместе с импостом она существенно продлила свою историческую жизнь, сыграв важную роль в ранневизантийской архитектуре (Herrmann 1988: 5—66).

Ионические импостные капители часто применялись во вспомогательных частях крупных базилик, на хорах и в атриумах. Многочисленны примеры на Балканах: в Стоби, в Филиппах, в Салониках, в Неа-Анхиялосе, Лехеоне и др. Но их могли использовать и в основной колоннаде базилик с хорами, например, в базиликах в Болгарии, Македонии (Sodini 1984: 65—66).

Ионическая импостная капитель — один из самых распространенных типов капители во второй половине V и в VI вв., на Балканах и на островах Эгейского моря, на Кипре и в Северной Африке (Kautzsch 1936: 165—182). В херсонесской коллекции имеется 47 экземпляров этого типа, что составляет около 37% от общего количества (Якобсон 1959: 144; Biernacki 2009: 44). Если коринфская капитель продолжает классические традиции, изменяя их, то ионическая импостная капитель является нововведением позднеантичной эпохи. Благодаря этому классическая ионическая капитель продлила свою долгую историческую жизнь, которая в позднеантичную эпоху, однако, уже клонилась к упадку. Точная дата появления ионической импостной капители неизвестна, ее древнейшие образцы на о. Кос относят к самому началу IV в. В первой половине V в. такие капители в Равенне и Риме применяются неоднократно, в VI в. они становятся многочисленными. Отличительная черта

эволюции импоста в капители этого типа — богатая орнаментика, появившаяся в конце V — в начале VI в. (Kautzsch 1936: 166—167; Peschlow 2001: 103—108). Один из ранних датированных примеров — капители из константинопольской церкви Св. Иоанна Предтечи Студийского монастыря 453 г. (ранее датировалась 463 г., дату 453 г. обосновал С. Манго). В Греции и Македонии ионические капители с импостом относятся ко времени между 480 и 520 гг. Основной период их применения: между третьей четвертью V в. и серединой VI в. (Sodini 1989: 185).

В руинах базилики последней трети V в. в Дельфах в Греции было отмечено одновременное существование композитной капители с тонким зубчатым аканфом и ионической импостной капители, с импостом, украшенным «длинным» крестом (Deroche 1989: 2713—2726), — мотив, который часто встречается и на капителях из Херсонеса. Пример из Дельф указывает на то, что композитная и импостная капители какое-то время применялись одновременно, поэтому выстроить единую линию развития, в которой один тип «развивается» из другого эволюционным методом, едва ли возможно. В некоторых случаях дата ионических импостных капителей с крестом на узкой стороне импоста определяется по дате самой церкви, например, в базилике Ахиропойтос в Фессалониках, третьей четверти V в. (Kramer 1994: 343).

Период использования ионической импостной капители в Константинополе длился столетие, со второй половины V по первую половину VI в. (Kramer 1994: 25—26, 30, 33, 35—38, 42—46). Именно в юстиниановскую эпоху с ее быстрым и прагматичным строительством ионические импостные капители стали массовой продукцией. Они украшают самые важные сооружения в столице: церкви Св. Софии, Св. Ирины, Свв. Сергия и Вакха, Св. Иоанна Протропа в Эбдомоне, анонимную базилику А в районе Бейязит в старой части Константинополя (Kautzsch 1936: 172—178; Zollt 1994: 9—45, 242—366; Peschlow 2001: 103—106). Часто узкую сторону импоста украшает рельефный крест с удлиненной нижней ветвью, иногда на капителях встречаются монограммы. Например, десять капителей церкви Св. Ирины украшены монограммой Юстиниана I (527—565) и Феодоры. Ионические импостные капители середины VI в. были обнаружены также в местечке Kuşadası близ Стамбула. Вне Константинополя ионическая импостная капитель получила широкое распространение в Греции (Russo 2005: 23—45; 2008a: 41—60, fig. 4—8). В Малой Азии ионические импостные капители проконнесского производства широко применены в большой церкви Св. Иоанна Богослова в Эфесе, в ее второй фазе, которая относится к эпохе Юстиниана I. Здесь видим стилистическую близость с нашей капителью из ГИМ: компактный ионический элемент с балюстрадами в виде цилиндров почти не выступает за пределы импоста (Russo 2008b: 221—234, fig. 5—12). Несколько ионических импостных капителей из музея Изника датированы VI в. (Pralong 2003: 257, 274). Ареал распространения капители этого типа включает Северную Африку. В юстиниановскую эпоху «византийской реконкисты» их видим, например, в базилике Латрун А в Киренаике (Duval 1989: p. 2784, fig. 29).

Классификация ионической импостной капители по группам, которую создал Кауч (Kautzsch 1936: 165—182), сохраняет свое значение. Более полувека спустя Василика Веми в диссертации, посвященной ионической импостной капители в Греции и сопредельных регионах, перечисляет длинный список поставленных ею задач: проследить эволюцию этого типа, создать четкую типологию, выработать систему классификации, определить датирующие элементы, выявить первоначальные образцы, — отдельно по разным периодам и по регионам (Vemi 1989: 3—6). Очевидно, что все эти обширные задачи едва ли поддаются быстрому решению, также и диссертация Веми не могла дать ясные ответы на эти вопросы.

Самой сложной проблемой остается хронология. Это обусловлено, прежде всего, малым количеством надежно датированных образцов, а также отсутствием точных методов анализа эволюции этой капители. Иоахим Крамер справедливо оценил датировки, предложенные Василикой Веми, как аподиктические. По его мнению, анализ стиля в принципе является в значительной мере субъективным; лучший результат мог бы дать типологический анализ, но для этого нужно усовершенствовать методы классификации капителей (Kramer 1998: 55). Однако остается неясным, всегда ли типологические изменения можно связать с хронологическим фактором. Это старая проблема хронологии: отражает ли типологическое разнообразие однолинейное развитие, или имеет место одновременное действие многих факторов, в том числе, например, особенности заказа или индивидуальные различия манеры мастеров.

Согласно детальной типологии ионической импостной капители, разработанной Веми, большое их количество относится к т. наз. «упрощенному типу» III, который с середины V в. был распространен всюду в Средиземноморье. Тип III подразделяется на 6 групп, «его кристаллизация», по выражению Веми, происходила со второй половины V в. и до конца VI в. (Vemi 1989: 18—26). Именно к этому типу III и относятся капители из Херсонеса.

Капитель 3 из коллекции ГИМ (рис. 40: а, б, в) изготовлена из мрамора, хорошей сохранности. На нижней поверхности черной краской нанесен инв. № 8607. Она относится к стандартному типу ионической импостной капители. Основание капители не круглое, как обычно, а слегка овальное, его размеры 32,5 и 35 см. На поверхности основания вырезана вглубь греческая буква «Е», концы знака подчеркнуты углублениями. В центре основания — отверстие для крепления.

Эта капитель высотой 31 см состоит из импоста и ионической части. Верхняя часть импоста оформлена в виде гладкой полочки высотой 7,3 см. Ионический элемент компактно размещен на четко отграниченной, почти квадратной площадке, размеры сторон которой 46,7 см, 46,8 см, 47,5 и 48 см. Размеры импоста в верхней части: длина 84 см, ширина 57 см. Ряд признаков указывает на позднюю фазу развития типа. Это, прежде всего, морфологические особенности. Импост очень массивен, ионическая часть в сравнении с ним невелика, она отделена от импоста выступом-полочкой. Волюты слабо выделены в общей массе капители, они не выступают за пределы балюстры, но западают. Волюты изолированы друг от друга и не моделированы, а плоскостно вырезаны в виде завитков. Эта черта ясно характеризует деградацию классической ионической капители.

На обеих сторонах капители эхин украшен выступающей геометризованной шишкой, верхний край которой сливается с полочкой на переходе к импосту. На лицевой стороне эхин украшен двумя трехдольными листиками аканфа, обращенными вниз. В сочетании с помещенным между ними вертикальным листиком аканфа, этот мотив напоминает крест. На оборотной стороне украшение эхина проще: на шишке по середине идет вертикальная полоса, от нее в обе стороны отходят схематические «чешуйки», по три с каждой стороны.

Балюстры имеют в середине легкое сжатие, выделенное двойным валиком. Обе стороны украшены одинаково. От валика в обе стороны отходят листья, расположенные рядами: в середине по три листа, далее по два целых листа и по два полулиста. Импост на обеих узких сторонах украшен мотивом креста с концами, расширяющимися в виде треугольников. Это т. наз. «длинный крест», именуемый также «византийским крестом», — самая распространенная форма креста в юстиниановскую эпоху, в том числе и на константинопольских изделиях из мрамора.

Мы датировем капитель 3 второй половиной V в. — первой половиной VI в.

Капитель 4 из коллекции ГИМ (рис. 41: *а, б*), выполнена из мрамора, сохранность удовлетворительная. Относится к типу ионической импостной капители, похожа на предыдущую. Ионический элемент отделен от импоста широкой полочкой. Волюты вырезаны плоскостно. На лицевой стороне эхин украшен крестовидным мотивом, — двумя трехдольными листьями, разделенными побегом и обращенными вниз. Этот крестовидный мотив напоминает предыдущую капитель 3 из ГИМ. Балюстры делятся на две части двумя валиками, от которых отходят расположенные в два ряда заостренные листья. Лицевая узкая сторона импоста украшена обычным «длинным» крестом с расширяющимися концами. В центре постелистой стороны капители — металлическое крепление позднейшего происхождения. Капитель 4 датируется второй половиной V в. — первой половиной VI в.

Капитель 5 из коллекции ГИМ (рис. 42: *а, б*) выполнена из мрамора. Сохранность удовлетворительная, лишь частично сбита одна балюстра. Это ионическая импостная капитель похожа на описанные выше капитель 3 и 4. Высота этой капители 18 см, длина ионической части по волютам 34 см, по балюстре 28 см, максимальная длина боковой стороны импоста 55 см, узкой стороны — 44 см. На всей поверхности хорошо видны следы работы инструмента, — мелкие и частые параллельные рельефные полосы. На постелистой части капители 5 различается рельефный знак — греческая буква «Г».

Верх импоста капители 5 оформлен в виде полочки высотой 4,5—5 см. Украшена одна лицевая сторона импоста, на ней помещен обычный мотив «длинного» креста с расширяющимися концами. На обратной стороне импоста едва различается какой-то намеченный, но не оконченный геометрический мотив.

На лицевой стороне капители 5 ионический элемент отделен от импоста неглубоким, но ясно выраженным каналом, перед волютами имеется небольшое утолщение. На оборотной стороне капители видим упрощенную версию: здесь только эхин слегка отделен углублением от импоста, но волюты почти не выделены, а одна из них почти соединяется с импостом. В этой особенности выражена тенденция к обобщенно-слитной трактовке всей массы капители, в которой отсутствует четкое выделение структурных элементов.

На лицевой стороне волюты слегка геометризваны, они изолированы друг от друга, каждая заключена в рамку неправильной формы. На эхине расположен растительный мотив, состоящий из двух горизонтально расположенных листьев, обращенных друг к другу и образующих единый мотив. В этих схематичных и геометризованных листьях уже нельзя узнать аканф. Близкий мотив можно указать на ионической импостной капители из церкви Св. Параскевы, хранящейся в стамбульском музее Румели Хисар (Yalçın 2009: 309, çiz. 2).

На обратной стороне нашей капители 5 на эхине расположен ов. По обеим его сторонам рельефом выделены симметричные сегменты, внутри которых изображены схематические растительные мотивы. Ов на эхине — распространенный мотив на ранневизантийских капителях, это воспоминание о классической форме, как, например, на капители из галереи церкви Св. Иоанна в Эфесе (Russo 2008b: fig. 14). На нашей капители балюстра имеет в середине сжатие, от которого отходят по два схематически изображенных длинных листа, расширяющихся к волютам.

Капитель 5 датируется второй половиной V в. — первой половиной VI в.

Капитель 6 из коллекции ГИМ (рис. 43: *а, б*) выполнена из мрамора, это фрагмент ионической импостной капители. Ширина фрагмента 33 см, высота 23 см, сохранилась часть ионического элемента с частью импоста. На импосте сохранилась часть рельефного креста с удлиненной нижней ветвью. Здесь крест иной формы, чем на описанных выше образцах: расширяющиеся рукава креста подчеркнуты желобками. На эхине сохранился ов, по сторонам его листики аканфа. На месте волюты гладкое место, возможно, капитель не было

окончена. Импост и ионическая часть отделены друг от друга широкой полочкой, при этом ионическая часть значительно выступает вперед.

Капитель 6 датируется второй половиной V в. — первой половиной VI в.

Всего в коллекции Музея—Заповедника Херсонеса Таврического ионических импостных капителей насчитывается 47 экземпляров (Biernacki 2009: 45) (рис. 44—79). Как и повсюду в Восточном Средиземноморье, это самая многочисленная группа среди капителей ранневизантийской эпохи.

Наличие большой серии ионических импостных капителей в Херсонесе позволяет наблюдать эволюцию этого типа, которая представляет собою процесс постепенного отхода от классических образцов. Импост увеличивается, нередко он становится в два раза выше, чем ионическая часть, в некоторых случаях ионическая часть составляет лишь 1/6 высоты импоста. Хотя форма импоста не меняется, — он остается усеченной пирамидой, — однако увеличивается наклон граней импоста. Ионическая часть капители уменьшается, становится все более упрощенной, ее «поглощает» массивный импост. Волюты и балюстры не выступают за края импоста. Спиралью волют теряют пластически выраженную форму, они становятся плоскими, стилизованными, иногда просто прочерченными врезными линиями. В некоторых случаях волюты принимают неправильную, прямоугольную в сечении, форму, следуя геометризированной форме балюстр. Канал, который должен идти над эхином и соединять волюты в единое целое, исчезает, и волюты становятся изолированными декоративными элементами, почти не связанными со структурой капители. Иногда балюстры сохраняют легкое сжатие в середине, однако нередко оно исчезает, и балюстрада приближается к форме простого цилиндра. Упрощение структуры капители сопровождается усилением декоративного элемента: более разнообразными становятся растительные и геометрические мотивы на эхине. Обогащается и декорация импостов: нередко одна узкая сторона импоста, а иногда и обе, украшены усложненным растительным орнаментом (Vemi 1989: 17—18).

По всем перечисленным признакам, херсонесские экземпляры отражают развитую фазу ионической импостной капители, которая относится ко второй половине V в. — первой половине VI в. Но встречаются и более ранние образцы, например, капитель, опубликованная А.Л. Якобсоном (Якобсон 1959: 51). Она близка к экземпляру первой четверти V в. из музея Халкис в Греции (Vemi 1989: 99, pl. 14: 37).

В коллекции Херсонеса имеется также несколько коринфских четырехлистных капителей (рис. 80), они применялись во вспомогательных частях сооружения или в конструкции литургических устройств — алтарных преград, амвонов. Две небольших четырехлистных капителей входят в состав коллекции ГИМ.

Капитель 7 (рис. 81) мраморная, сохранность хорошая, у основания капитель слегка повреждена. Высота капители 31 см, верхняя часть капители квадратная, со стороной 22 см, основание круглое, его диаметр 16—17 см. Судя по размерам, эта коринфская четырехлистная капитель могла служить элементом алтарной преграды или амвона. Круглая выемка на основании служила для установки металлического крепления. Середина абака по всем четырем сторонам отмечена шишкой. Четыре листа аканфа расположены по углам капители. Встречаясь на середине каждой грани, листья образуют овал, который становится самостоятельным декоративным элементом. Между листьями аканфа помещен геометризированный трехдольный листик, обращенный вниз. Завитки, имитирующие волюты, исполнены графически. Аналогии этой капители есть в Восточном Причерноморье, в с. Цаиши, где в средневековой церкви хранится несколько мраморных ранневизантийских капителей (Хрушкова 1980: 22—23).

Капитель 7 датируется первой половиной VI в.

Капитель 8 (рис. 82) выполнена из мрамора, сохранность хорошая, шифр ОЕО 1111/135. Малая капитель трехчетвертной колонки высечена из одного куска мрамора вместе с массивной плитой, толщиной 8,8 см. Лицевая сторона плиты была профилированной, обратная — гладкой. На основании капители виден след от железного крепления. Судя по размерам капители и остаткам плиты, этот элемент служил частью амвона. Наш фрагмент относится к верхней части основания, поддерживавшего огражденную балюстраду. Капитель четырехгранная сверху, со стороной абака 12,5 см, и круглая внизу, диаметром 12 см. Она украшена двумя листьями аканфа по углам, и двумя полулистами по краям. Встречаясь, листья аканфа образуют геометрические фигуры, овал и треугольник. Таким образом, и в малых формах архитектурного декора наблюдаем характерное явление «аканфа—маски».

Капитель 8 датируется первой половиной VI в.

Капитель 9 (рис. 83) стоит особняком в группе ранневизантийских архитектурных деталей ГИМ. Это единственный предмет в коллекции, выполненный не из мрамора, а из мягкого светлого мелкозернистого известняка. В верхней части капители черной тушью нанесен № 9983, сохранность посредственная. Высота капители 48 см, диаметр в верхней части 40 см. Форма капители близка к цилиндрической. С одной стороны капитель стесана, а с двух других частично отбита. Широкие листья, мало напоминающие традиционный аканф, заключены в овальные рамки и расположены в два ряда. В верхнем ряду листья сохранились лучше, здесь видим крупные семидольные листья, промежутки между ними заполнены малыми трилистниками. Листья выполнены в низком и плоском рельефе, в нижнем ряду они слегка отогнуты. Капитель является местным подражанием привозной проконнесской продукции. Это довольно редкий в Херсонесе пример местной резьбы по камню.

Капитель 9 датируется первой половиной VI в.

Таким образом, почти все капители из ГИМ находят аналогии в большой коллекции архитектурных деталей, хранящихся в Государственном музее—заповеднике «Херсонес Таврический». В коллекции ГИМ не представлена только импостная капитель, — тип, который не относится к числу широко распространенных. По форме и декору капители—импосты близки к импостам ионических импостных капителей. В Херсонесе имеется 15 импостов (Biernacki 2009: 52—54; Khrushkova 2013: 397—398) (рис. 84—96). Большая часть их относится ко второй половине V — первой половине VI в. В украшении самых ранних образцов в этой группе использована известная схема: на лицевой узкой стороне помещен крест с удлиненной нижней ветвью, окруженный листьями аканфа, а на оборотной — мотив трех или четырех каннелюр («ложков»), также с листьями аканфа по сторонам (рис. 83, 84). Такая декоративная схема лицевой стороны является стандартной среди константинопольских капителей, она получила наименование «крест—аканф» или «хризма—аканф». Исследования Томаса Цолльта и Иоахима Крамера показали, что капители этого типа были распространены со второй половины V в. до первых десятилетий VI в. В Херсонесе импостная капитель с таким декором была найдена в базилике 1935 г., которая датируется второй половиной V в. Также из базилики 1935 г. происходит массивный импост, с профилировкой у основания, украшенный на лицевой стороне «византийским» крестом с расширяющимися концами, а на оборотной — хризмой в медальоне (Хрушкова 2017: 53—55) (рис. 88: а, б). В других случаях украшена только одна лицевая сторона импоста, на которой помещена композиция «крест—аканф» (рис. 84: а, 85: а, 8: б), или «длинный крест» (рис. 89, 90), или равноконечный крест в медальоне, как на одном плохо сохранившемся импосте (рис. 92). Два импоста, на узкой лицевой стороне которых изображен мотив «длинного креста», находятся в базилике 1935 г. (рис. 93—95). Сейчас они увенчивают стандартные коринфские

капители с двумя рядами листьев аканфа, очень редкие в Херсонесе. Эти капители были обнаружены только в базилике 1935 г., раскопки которой провел Г.Д. Белов. К типу импостной капители относится также небольшая капитель, скорее всего, от алтарной преграды, из экспозиции Херсонесского музея—заповедника (рис. 96).

2. Архитектурные фрагменты

В коллекции херсонесского мрамора ГИМ имеются различные архитектурные элементы, почти все во фрагментах:

Двойная колонна (рис. 97: *а, б*) из светлого желтоватого мрамора, сохранность хорошая. Овальная в сечении, она слегка сужается в верхней части, на обоих концах — отверстия для крепления. Высота колонны 146 см, размеры основания 55 и 29,2 см, максимальная ширина в верхней части 48 см. Основание снабжено базой высотой 9,5 см, верх оформлен двумя узкими валиками, их общая высота 5,4 см. Колонны овальной в сечении формы применялись в конструкции двойных или тройных окон в крупных общественных зданиях. На обеих широких сторонах колонны расположены рельефные вертикальные полосы, к которым примыкали оконные переплеты. Колонна из коллекции ГИМ дает представление о высоте окна, — почти полтора метра, — в неизвестном нам здании Херсонеса. Колонна украшена крупным и четко вырезанным рельефным изображением креста на сфере, с удлиненной нижней ветвью. Крест расположен на узкой стороне, его боковые ветви охватывают половину колонны. Колонна была установлена таким образом, чтобы крест был виден снаружи. Две подобные колонны известны в Херсонесе (рис. 48). Датируется ранневизантийской эпохой

Колонна (рис. 98: *а, б*), фрагмент. Мрамор на поверхности желтоватый с серо-синими полосами. Высота 128 см, диаметр верхнего конца 33—35 см, он оформлен в виде узкого валика и полочки. Нижняя часть колонны отпилена. Рельефный крест длиной 57,6 см, с удлиненной нижней ветвью и расширяющимися концами, располагался в верхней части колонны. Датируется ранневизантийской эпохой.

Колонна (рис. 99), фрагмент. Мрамор серый с полосами, местами сколы. Высота 179 см, диаметр в верхней части 22,5 см. База оформлена в виде двойного плоского пояса, верхняя часть колонны не сохранилась. Колонна могла служить частью алтарной преграды.

Колонка витая (рис. 100), фрагмент, мрамор. Высота 30,5 см, диаметр 10 см. Эта тонкая колонка могла служить ножкой престола.

Колонка (рис. 101), инв. № 3340, фрагмент, мрамор с серыми полосами, Диаметр 6,5 см, высота 18,5 см.

Плита (рис. 102), мрамор, фрагмент, возможно, часть архитрава. Длина 82 см, ширина 30 см, толщина 8 см. Верхняя сторона обработана, отполирована.

Фрагмент (рис. 103), мрамор, шифр ОБП 34/III. Обломан с двух сторон, разбит на две части. Длина 62,5 см, ширина 31,5 см, высота 12,7 см. Нижняя и верхняя стороны не обработаны, обратная (узкая) сторона обломана. Возможно, часть архитрава, который был вмонтирован таким образом, что видна была только передняя сторона. На лицевой стороне в центре изображен равноконечный крест с медальонами на концах, по сторонам — раскрытые медальоны с пальметтами, вершины которых обращены к центру. Между пальметтами помещены листиками аканфа. В исполнении пальметт применено сверло. Датируется средневизантийским временем, скорее всего, X — началом XI в.

Плита с частью фриза (рис. 104), фрагмент, мрамор белый с серыми полосами. Плита обломана с левого края, обратная сторона гладкая. Длина 38 см, ширина 36,5 см, толщина 3 см. Фрагмент служил обрамлением прямоугольной плиты, по краю которой расположен ряд

сохранившихся частично «сухарики». С обратной стороны сохранился паз для крепления. Декор состоит из гроздьев и листьев винограда, помещенных в изгибы лозы. Рельеф плоский, в исполнении листьев применено сверло. Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 105), мрамор, фрагмент, расколотый на две части. Длина 62 см, ширина 58 см, толщина 4,5 см в середине и 6 см по краям. Обратная плиты сторона гладкая. На лицевой стороне у края плиты профилировка, в середине изображена хризма, ее диаметр 44 см. Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 106), мрамор, фрагмент размерами 37 × 33 см, толщина 5,5 см. На лицевой стороне видны нижняя и правая ветви креста, справа — часть медальона. На плите была изображена известная схема: в центре крест или хризма в медальоне, от которого в обе стороны отходят лемниси, на них утверждены кресты, расположенные по краям плиты. Плита двусторонняя, на обратной стороне в центре был помещен мотив креста в медальоне, на фрагменте видна правая ветвь креста. Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 107), мрамор, фрагмент, длина 69 см, высота 39 см, толщина 5—7,5 см. На лицевой стороне изображение медальона. Обратная сторона обработана, по краю профилировка. Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 108), мрамор, фрагмент размерами 49 × 39 см, толщина у края 7 см. На лицевой стороне сохранилась нижняя часть медальона, от которого вниз отходили ленты. В медальоне, должна была быть изображена хризма или крест. Широкая рама с тройной профилировкой. Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 109), мрамор с серыми полосами. Фрагмент размерами 37 × 30 см, толщина 6,5—7 см (у края). На лицевой стороне в центре плиты был изображен ромб, расположенный горизонтально, по углам — треугольники, это самая распространенная схема декора плит ранневизантийских алтарных преград. Все элементы подчеркнуты многократной профилировкой. Обратная сторона плиты обработана.

Плита (рис. 110), мрамор с серыми полосами, фрагмент размерами 41 × 37 см, толщина 6—8 см, край плиты со сложной профилировкой. Датируется ранневизантийской эпохой.

Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 111), мрамор с серыми полосами, небольшой фрагмент массивной плиты с профилировкой, толщина у края 11 см. Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 112), мрамор с серыми полосами, на обороте инв. № 93426, оп. № 18. Фрагмент профилированного края размерами 16 × 15 см, толщина 3—3,7 см, на лицевой стороне сохранился мотив завитка. Датируется ранневизантийской эпохой.

Плита (рис. 113), мрамор с серыми полосами, на оборотной стороне инв. № 33426. Фрагмент края, разбит на две части. Размеры 33 × 23 см, толщина у края 3,5—4 см. В прямоугольном заглубленном поле изображен растительный(?) мотив. Датируется ранневизантийской эпохой.

В нашем каталоге мраморов из коллекции ГИМ 25 предметов: 8 капителей и 17 архитектурных элементов. Среди них преобладают фрагменты алтарных преград или балюстрад иного назначения. Общая дата большинства мраморов: вторая половина V в — первая половина VI в. Две капители, коринфская с тонким зубчатым аканфом и коринфская «лирная», относятся к последним десятилетиям V в. Ионические импостные капители — типичная продукция второй половины V — первой половины VI в. Среди архитектурных элементов к средневизантийскому времени относится фрагмент с изображением равноконечного креста и пальметт (рис. 102).

Рассмотренные материалы, хранящиеся в Государственном историческом музее (Москва), дают представление о коллекции мрамора еще одного собрания, где хранятся

материалы из Херсонеса. Все они, несомненно, находят аналогии в коллекции мраморов Музея—заповедника «Херсонес Таврический».

Литература

- Искусство Византии: Банк А.В., Попова О.В. (ред.). 1977. *Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки*. Ч. 1. Москва: Советский Художник.
- Кондаков Н.П. Рецензия: А.Л. Бертье-Делагард. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. СПб., 1893. 1893. *Журнал Министерства Народного Просвещения*. № 1. Отд. 2, 390—396.
- Хрушкова Л.Г. 1980. *Скульптура раннесредневековой Абхазии. V—X вв.* Тбилиси: Мецниереба.
- Хрушкова Л.Г. 2011. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом: капители с тонким зубчатым аканфом. *ВВ* 70(95), 174—191.
- Хрушкова Л.Г. 2016. Епископская базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд. В: Майко В.В., Яшаева Т.Ю. (отв. ред.). *Владимирский Сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские Чтения»*. Калининград: ИД «РОС-ДООАФК», 327—435.
- Хрушкова Л.Г. 2017. Херсонес Таврический: архитектурный декор «базилики 1935». *Вопросы Всеобщей Истории Архитектуры* 9(2), 41—70.
- Якобсон А.Л. 1959. *Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры*. Москва; Ленинград: Наука (МИА 63).
- Barsanti C. 1989. L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regione pontiche durante il IV—VI secolo. *Rivista dell'Istituto Nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte*. Ser.III. T. XII, 91—220.
- Biernacki A.B. 2009. *Wszesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Tauryzdzkiego*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Deichmann F.W. 1981. *Corpus der Kapitelle der Kirche von San Marco zu Venedig*. Stuttgart: Franz Steiner.
- Deroche V. 1989. Delphes: la christianisation d'un sanctuaire païen. In: *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon-Aoste, 21-28 sept. 1986*. Vol. III. Rome: Pontificio Istituto di archeologia Cristiana; Ecole Française de Rome, 2713—2726 (Studi di Antichità Cristiana 41; Collection de l'École Française de Rome 123).
- Duval N. 1989. Les monuments d'époque chrétienne en Cyrénaïque à la lumière des recherches récentes. In: *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon-Aoste, 21—28 sept. 1986*. Vol. III. Rome: Pontificio Istituto di archeologia Cristiana; École Française de Rome, 2743—2806 (Studi di Antichità Cristiana 41; Collection de l'École Française de Rome 123).
- Guiglia A., Barsanti C., Paribeni A. 2009. Saint Sophia Museum 2008: the Byzantine marble capitals in the Ayasofya Müzesi, Istanbul. In: 27. *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Ct. 1. 25—29 Mayıs 2009, Denizli. Ankara: Ayri Basım, 413—432.
- Herrmann J.J. 1988. *The Ionic Capital in Late Antique*. Rome: Giorgio Bretschneider (Archaeologica 56).
- Jastrzębowska E. 2004. Einspätantikes Kapitell im Park «Arkadia» bei Nieborów. *Archeologia* LV, 41—45.
- Kautzsch R. 1936. Kapitellstudien. *Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis siebenten Jahrhundert*. Berlin: W. de Gruyter (Studien zur spätantiken Kunstgeschichte 9).
- Khrushkova L. 2012. Chersonesus in the Crimea: Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves. In: Tsetskhladze G.R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history*. Oxford: BAR, 129—140 (BAR International Series 2432).
- Khrushkova L. 2013. Chersonèse en Crimée aux IVe — VIe siècles: topographie et chronologie. In: Brandt O. (ed.). *Acta XV Congressus internationalis archaeologiae christianae. Toleti (8-12.9.2008). Episcopus, civitas, territorium*. Pt. I. Città del Vaticano: Pontificio istituto di archeologia cristiana, 387—402.
- Khrushkova L. 2017a. The Bishop's Basilica ("Uvarov's") of Chersonesus in the Crimea. The modern view after a century and a half of study. *Archaeologia Bulgarica* 21, 27—78.
- Khrushkova L. 2017b. The Study of the Early Byzantine Architecture of Chersonesus in the Crimea: Progress or Dead End? *Hortus Artium Medievalium* 23 (2), 856—872.
- Khrushkova L. 2018. Notes on the Study of Byzantine Marbles of Tauric Chersonesus. In: Pedone S., Paribeni A. (a cura). *"Di Bisanzio dirai ciò che è passato, che passa e che sarà". Scritti in onore di Alessandra Guiglia*. Roma: Bardi Edizioni, 51—66.
- Kramer I. 1994. *Korinthische Pilasterkapitelle in Kleinasien und Konstantinopel. Antike und Spätantike Werkstattgruppen*. Tübingen: E. Wasmuth (Istanbuler Mitteilungen 39).

- Kramer I. 1998. Bemerkungen zu den Methoden der Klassifizierung und Datierung frühchristlicher oströmischer Kapitelle. In: Peschlow U., Möller S. (Hrsg). *Spätantike und byzantinische Bauskulptur: Beiträge eines Symposions in Mainz, Februar 1994*. Stuttgart: Franz Steiner, 43—58.
- Minguzzi S. 2000. Catalogo delle tipologie di capitelli i plutei. In: Favaretto I. (a cura di). *Marmi della basilica di San Marco. Capitelli, plutei, rivestimenti, arredi*. Milano: Rizzoli, 123—169.
- Peschlow U. 2001. Kapitell. In: *Reallexikon für Antike und Christentum*. Bd. XX, 58—123.
- Pralong A. 2003. Matériel archéologique errant. In: Geyer B., Lefort J. (eds.). *La Bithynie au Moyen Âge*. Paris: Lethielleux, 225—286 (Réalités Byzantines 9).
- Pralong A. 2005. Origine des chapiteaux-corbeille “à côtes de melon”. In: Baratte F., Deroche V., Jolivet-Lévy C., Pitarakis B. (eds.). *Travaux et Mémoires*. T. 15. *Mélanges Jean-Pierre Sodini*. Paris: Association des amis du centre d'histoire et civilisation de Byzance, 487—498.
- Russo E. 2005. Il pulvino sopra il capitello a cesto. *Bizantinistica*. Ser. II. Vol. 7, 23—46.
- Russo E. 2008a. Sculture architettoniche e decorative paleocristiane e bizantine nel Kazim Yaman Parki di Kusadasi. *Bizantinistica*. Ser. II. Vol. IX, 31—119.
- Russo E. 2008b. The Ionic Impost Capitals of St. John in Ephesus. In: 25. *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Ct. 1. 28-01 Haziran 2007, Kocaeli. Ankara: Ayri Basım, 221—234.
- Sodini J.-P. 1984. La sculpture architecturale à l'époque paléochrétienne en Illyricum. In: *Actes du Xe Congrès international d'archéologie chrétienne. Thessalonique, 28 sept.-5 oct. 1980*. Vol. 1. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 31—117.
- Sodini J.-P. 1989. Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine. In: Lepelley C. (ed.). *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. IVe—VIIe siècle*. T. I. Paris: P. Lethielleux, 163—186 (Réalités byzantines).
- Sodini J.-P., Barsanti C., Guiglia Guidobaldi A. 1989. La sculpture architecturale en marbre au VIe siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine. In: Cambi N., Marin E. (eds.). *Acta XIII Congressus internationalis archaeologie christianae, Split-Poreč 25.9.-1.10.1994*. Pt. II. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 301—376 (Studi di antichità cristiana 54; Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku. Supl. 87—89).
- Vemi V. 1989. *Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne*. Athènes: École Française d'Athènes.
- Yalçın A.-B. 2009. Boğaziçi topografyası: 2007 araştırmaları. In: 27 *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Ct. 1. 25-29 Mayıs 2009, Denizli. Ankara: Ayri Basım, 307—318.
- Zollt Th. 1994. *Kapitellplastik konstantinopels vom 4 bis 6 Jahrhundert n. Chr. Mit einem Beitrag zur Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells*. Bonn: R. Habelt.

References

- Iskusstvo Vizantii: Bank, A.V., Popova, O.V. (eds.). 1977. *Iskusstvo Vizantii v sobraniyakh Sovetskogo Soyuzu. Katalog vystavki (The Art of Byzantium in the Collections of the Soviet Union. Catalogue of the Exhibition)*. Pt. 1. Moscow: “Sovetskiy Khudozhnik” Publ. (in Russian).
- Kondakov, N.P. In *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*. No. 1. Pt. 2, 390—396 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. 1980. *Skul'ptura rannesrednevekovoy Abkhazii. V—X vv. (Sculpture of Early Medieval Abkhazia. 5th — 10th Centuries)*. Tbilisi: “Metsniyereba” Publ. (in Russian).
- Khrushkova, L.G. 2011. In *Vizantiyskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 70(95), 174—191 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. 2016. In: Mayko, V.V., Yashayeva, T.Yu. (eds.). *Vladimirskiy Sbornik. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy “I i II Svyato-Vladimirskiy Chteniya” (Vladimir Collection of the Articles of the Materials of International Scientific Conferences “1st and 2nd St. Vladimir Readings”)*. Kaliningrad: “ID «ROS-DOAFK»”, 327—435 (in Russian).
- Khrushkova, L.G. 2017. In *Voprosy Vseobshchey Istorii Arkhitektury (Questions of the General History of Architecture)* 9(2), 41—70 (in Russian).
- Yakobson, A.L. 1959. *Rannesrednevekovyy Chersones: ocherki istorii material'noy kul'tury (Early Medieval Chersonesus: Essays on the History of Material Culture)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 63) (in Russian).
- Barsanti, C. 1989. L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regione pontiche durante il IV—VI secolo. *Rivista dell'Istituto Nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte*. Ser.III. T. XII, 91—220.

- Biernacki, A.B. 2009. *Wszesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego*. Poznań: "Wydawnictwo Poznańskie" Publ.
- Deichmann, F.W. 1981. *Corpus der Kapitelle der Kirche von San Marco zu Venedig*. Stuttgart: "Franz Steiner" Publ.
- Deroche, V. 1989. Delphes: la christianisation d'un sanctuaire païen. In: *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon-Aoste, 21-28 sept. 1986*. Vol. III. Rome: "Pontificio Istituto di archeologia Cristiana"; "École Française de Rome", 2713—2726 (Studi di Antichità Cristiana 41; Collection de l'École Française de Rome 123).
- Duval, N. 1989. Les monuments d'époque chrétienneen Cyrénaïque à la lumière des recherches récentes. In: *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne. Lyon-Aoste, 21-28 sept. 1986*. Vol. III. Rome: "Pontificio Istituto di archeologia Cristiana"; "École Française de Rome", 2743—2806 (Studi di Antichità Cristiana 41; Collection de l'École Française de Rome 123).
- Guiglia, A., Barsanti, C., Paribeni, A. 2009. Saint Sophia Museum 2008: the Byzantine marble capitals in the Ayasofya Müzesi, Istanbul. In: 27. *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Ct. 1. 25-29 Mayıs 2009, Denizli. Ankara: "Ayri Basım" Publ., 413—432.
- Herrmann, J.J. 1988. *The Ionic Capital in Late Antique*. Rome: "Giorgio Bretschneider" (Archaeologica 56).
- Jastrzębowska, E. 2004. Einspätantikes Kapitellim Park "Arkadia" bei Nieborów. *Archeologia* LV, 41—45.
- Kautzsch, R. 1936. Kapitellstudien. *Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis siebenten Jahrhundert*. Berlin: "W. de Gruyter" Publ. (Studien zur spätantiken Kunstgeschichte 9).
- Khrushkova, L. 2012. Chersonesus in the Crimea: Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves. In: Tsetschladze, G.R. (ed.). *The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of archaeology and ancient history*. Oxford: "BAR" Publ., 129—140 (BAR International Series 2432).
- Khrushkova, L. 2013. Chersonèse en Crimée aux IVe — VIe siècles: topographie et chronologie. In: Brandt, O. (ed.). *Acta XV Congressus internationalis archaeologiae christianae. Toleti (8-12.9.2008). Episcopus, civitas, territorium*. Pt. I. Città del Vaticano: "Pontificio istituto di archeologia cristiana", 387—402.
- Khrushkova, L. 2017a. The Bishop's Basilica ("Uvarov's") of Chersonesus in the Crimea. The modern view after a century and a half of study. *Archaeologia Bulgarica* 21, P. 27—78.
- Khrushkova, L. 2017b. The Study of the Early Byzantine Architecture of Chersonesus in the Crimea: Progress or Dead End? *Hortus Artium Medievalium* 23(2), 856—872.
- Khrushkova, L. 2018. Notes on the Study of Byzantine Marbles of Tauric Chersonesus. In: Pedone, S., Paribeni, A. (a cura). *"Di Bisanzio dirai ciò che è passato, che passa e che sarà". Scritti in onore di Alessandra Guiglia*. Roma: "Bardi Edizioni" Publ., 51—66.
- Kramer, I. 1994. *Korinthische Pilasterkapitelle in Kleinasien und Konstantinopel. Antike und Spätantike Werkstattgruppen*. Tübingen: "E. Wasmuth" Publ. (Istanbuler Mitteilungen 39).
- Kramer, I. 1998. Bemerkungen zu den Methoden der Klassifizierung und Datierung frühchristlicher oströmischer Kapitelle. In: Peschlow, U., Möller, S. (Hrsg). *Spätantike und byzantinische Bausculptur: Beiträge eines Symposions in Mainz, Februar 1994*. Stuttgart: "Franz Steiner" Publ., 43—58.
- Minguzzi, S. 2000. Catalogo delle tipologie di capitelli i plutei. In: Favaretto, I. (cur.). *Marmi della basilica di San Marco. Capitelli, plutei, rivestimenti, arredi*. Milano: "Rizzoli" Publ., 123—169.
- Peschlow, U. 2001. Kapitell. In: *Reallexikon für Antike und Christentum*. Bd. XX, 58—123.
- Pralong, A. 2003. Matériel archéologique errant. In: Geyer, B., Lefort, J. (eds.). *La Bithynie au Moyen Âge*. Paris: "Lethielleux" Publ., 225—286 (Réalités Byzantines 9).
- Pralong, A. 2005. Origine des chapiteaux-corbeille "à côtes de melon". In: Baratte, F., Deroche, V., Jolivet-Lévy, C., Pitarakis, B. (eds.). *Travaux et Mémoires*. T. 15. *Mélanges Jean-Pierre Sodini*. Paris: "Association des amis du centre d'histoire et civilisation de Byzance", 487—498.
- Russo, E. 2005. Il pulvino sopra il capitello a cesto. *Bizantinistica*. Ser. II. Vol. 7, 23—46.
- Russo, E. 2008a. Sculture architettoniche e decorative paleocristiane e bizantine nel Kazim Yaman Parki di Kuşadası. *Bizantinistica*. Ser. II. Vol. IX, 31—119.
- Russo, E. 2008b. The Ionic Impost Capitals of St. John in Ephesus. In: 25. *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Ct. 1. 28-01 Haziran 2007, Kocaeli. Ankara: "Ayri Basım" Publ., 221—234.
- Sodini, J.-P. 1984. La sculpture architecturale à l'époque paléochrétienne en Illyricum. In: *Actes du Xe Congrès international d'archéologie chrétienne. Thessalonique, 28 sept.-5 oct. 1980*. Vol. 1. Città del Vaticano: "Pontificio Istituto di archeologia cristiana", 31—117.

- Sodini, J.-P. 1989. Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine. In: Lepelley C. (ed.). *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. IVe—VIIe siècle*. T. I. Paris: "P. Lethielleux" Publ., 163—186 (Réalités byzantines).
- Sodini, J.-P., Barsanti, C., Guiglia Guidobaldi, A. 1989. La sculpture architecturale en marbre au VIe siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine. In: Cambi, N., Marin, E. (eds.). *Acta XIII Congressus internationalis archaeologie christianae, Split-Poreč 25.9.-1.10.1994*. Pt. II. Città del Vaticano: "Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana", 301—376 (Studi di antichità cristiana 54; Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku. Supl. 87—89).
- Vemi, V. 1989. Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne. Athènes: "École Française d'Athènes".
- Yalçın, A.-B. 2009. Boğaziçi topografyası: 2007 araştırmaları. In: *27 Araştırma Sonuçları Toplantısı*. Ct. 1. 25-29 Mayıs 2009, Denizli. Ankara: "Ayri Basım" Publ., 307—318.
- Zollt, Th. 1994. *Kapitellplastik konstantinopels vom 4 bis 6 Jahrhundert n. Chr. Mit einem Beitrag zur Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells*. Bonn: "R. Habelt" Publ.

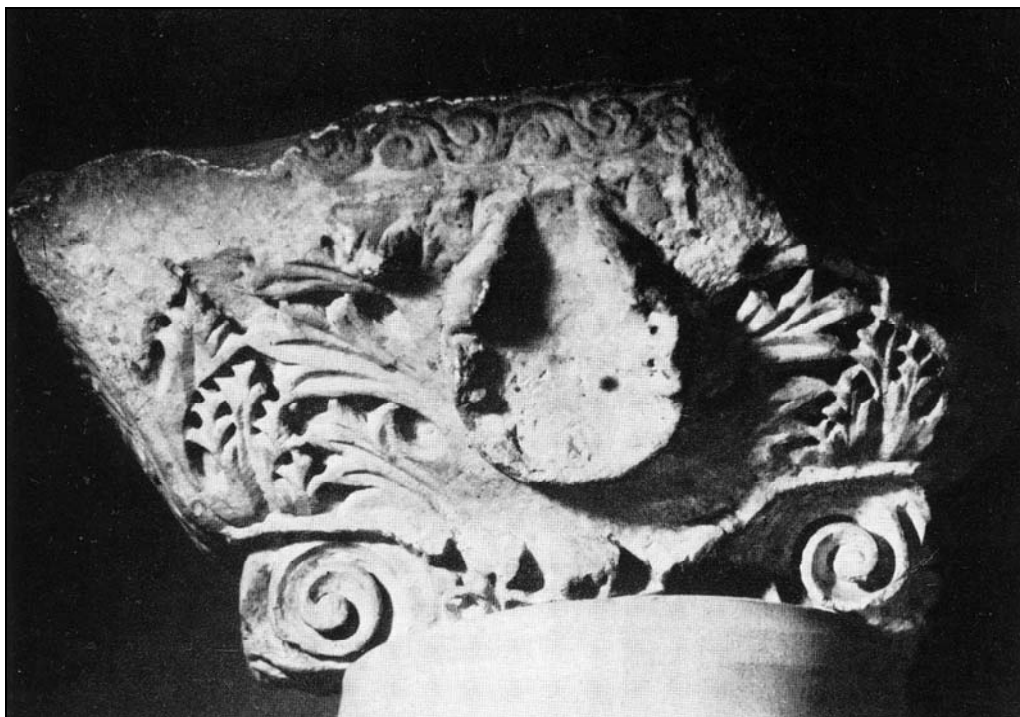

Рис. 1. Ионическая импостная капитель. ГИМ (по Искусство Византии 1977: 91, № 121).

Fig. 1. Ionic Impost Capital. State Historical Museum (after Iskusstvo Vizantii 1977: 91, No. 121).

Рис. 2. Ионическая импостная капитель. ГИМ (по Искусство Византии 1977: 90, № 117).

Fig. 2. Ionic Impost Capital. State Historical Museum (after Iskusstvo Vizantii 1977: 90, No. 117).

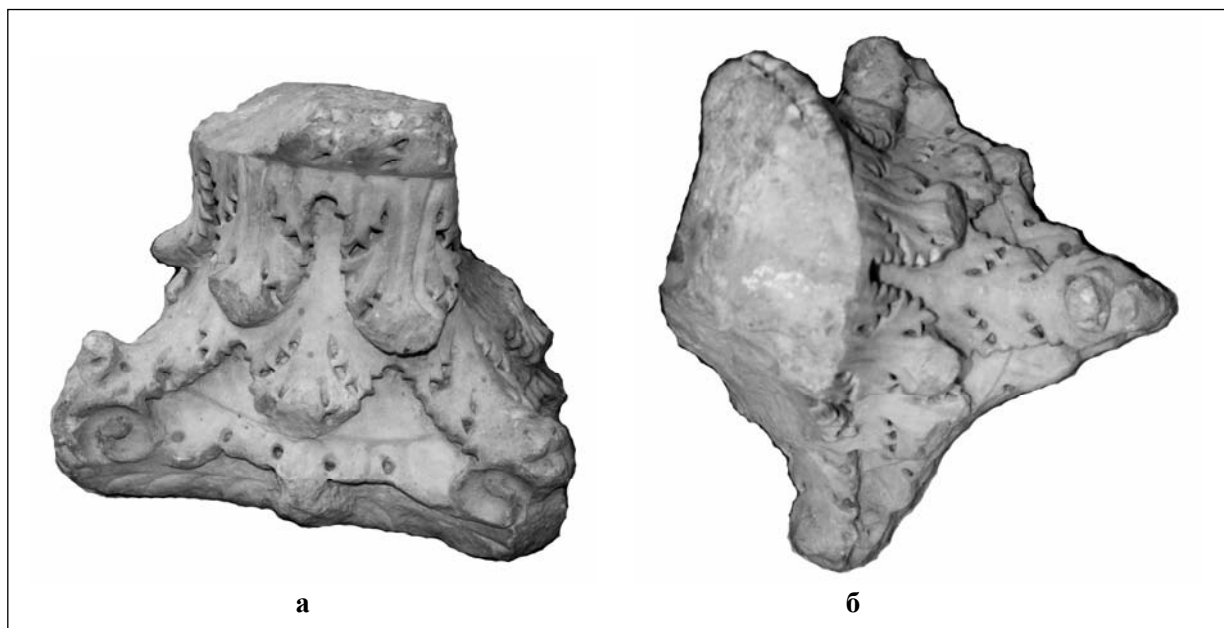

Рис. 3. Композитная капитель с тонким зубчатым аканфом. ГИМ (фото автора).

Fig. 3. Composite capital with fine-toothed Akanthus. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 4. Композитная капитель с тонким зубчатым аканфом. Херсонес Таврический, базилика 1935 г. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 4. Composite capital with fine-toothed Akanthus. Tauric Chersonesus, Basilica of 1935. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

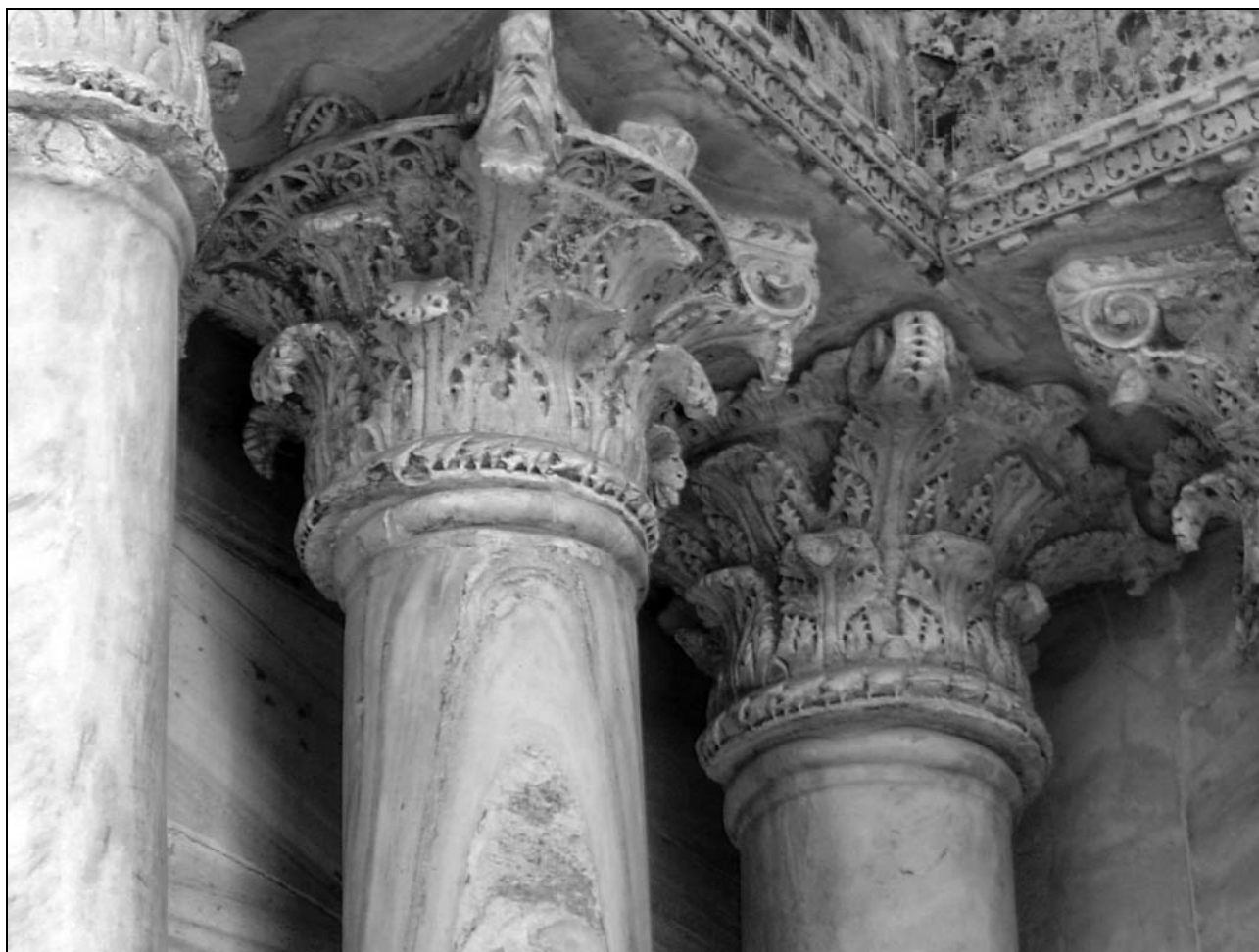

Рис. 5. Композитные капители с тонким зубчатым аканфом. Венеция, церковь Сан Марко, северный фасад (фото автора).

Fig. 5. Composite capitals with fine-toothed Akanthus. Venice, Church of San Marco, Northern Façade (Photo by the Author).

Рис. 6. Коринфская «лирная» капитель. ГИМ (фото автора).

Fig. 6. Corinthian Lyre-shaped Capital. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 7. ГИАМЗ ХТ, фасад, вход (фото автора).

Fig. 7. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus”, Façade, Entrance (Photo by the Author).

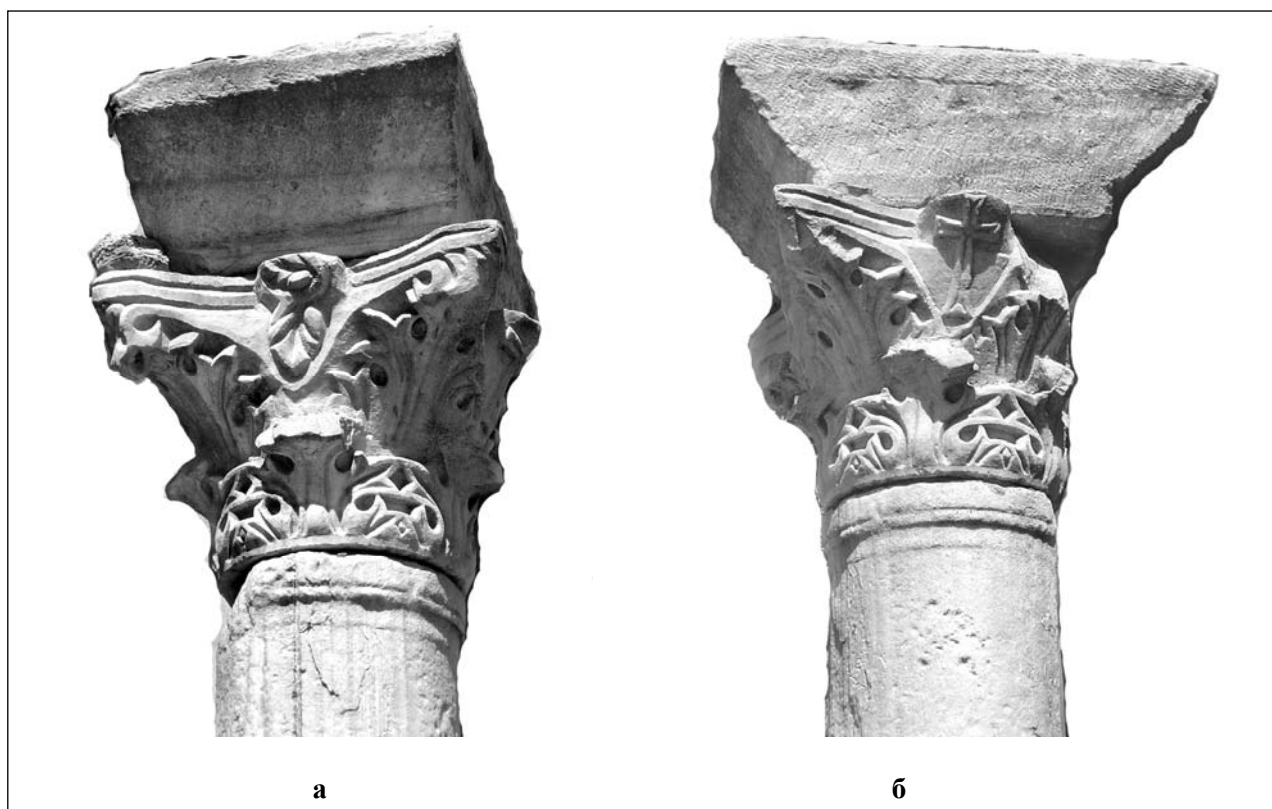

Рис. 8. Коринфская «лирная» капитель 1, ГИИМЗ ХТ, фасад (фото автора).

Fig. 8. Corinthian Lyre-shaped Capital 1, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus”, Façade (Photo by the Author).

Рис. 9. Базилика 28, колонна, импост и «лирная» капитель 2, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 9. Basilica 28, Column, Impost and Lyre-shaped Capital 2, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 10. Базилика в базилике, «лирная» капитель 3, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 10. Basilica in the Basilica, Lyre-shaped Capital 3, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 11. «Лирная» капитель 4, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 11. Lyre-shaped Capital 4, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

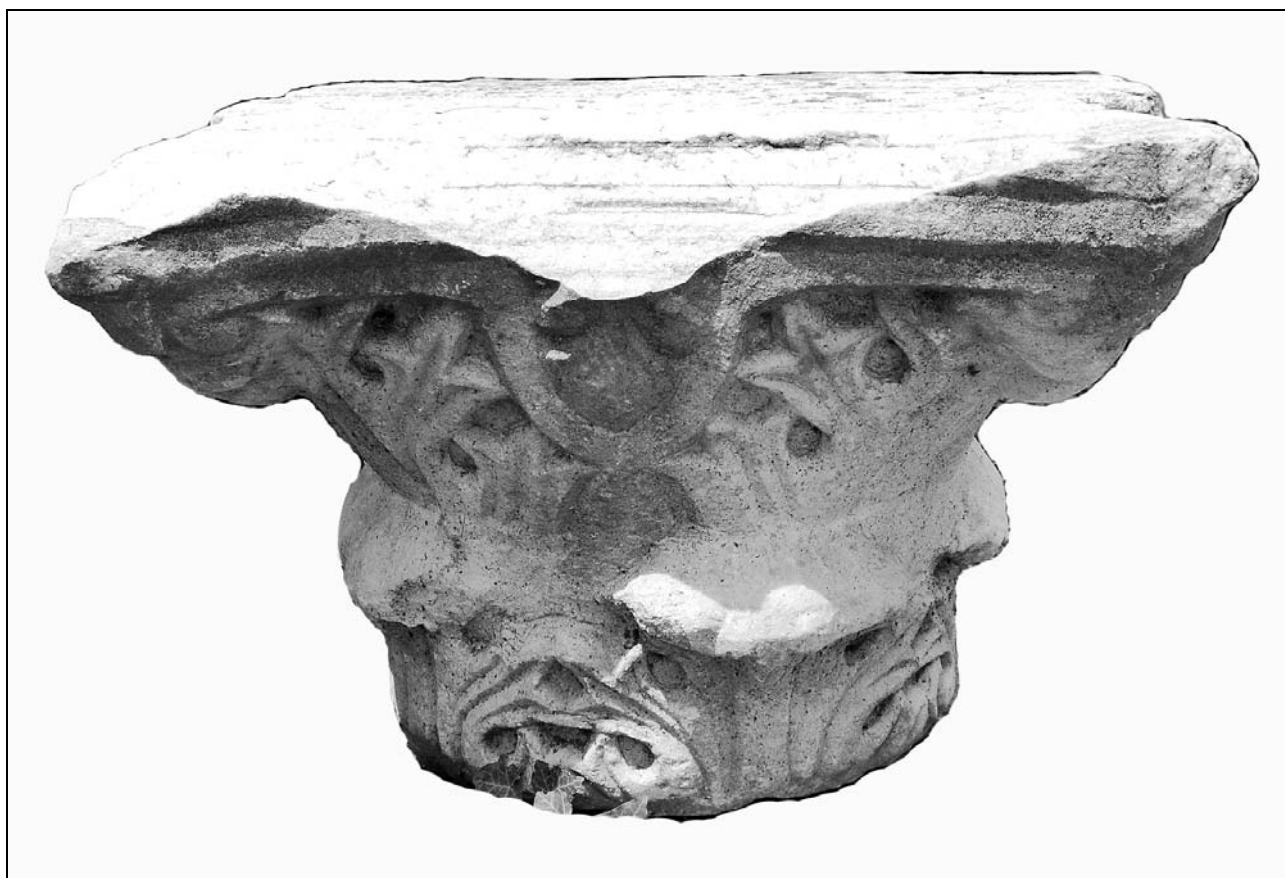

Рис. 12. «Лирная» капитель 5, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 12. Lyre-shaped Capital 5, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

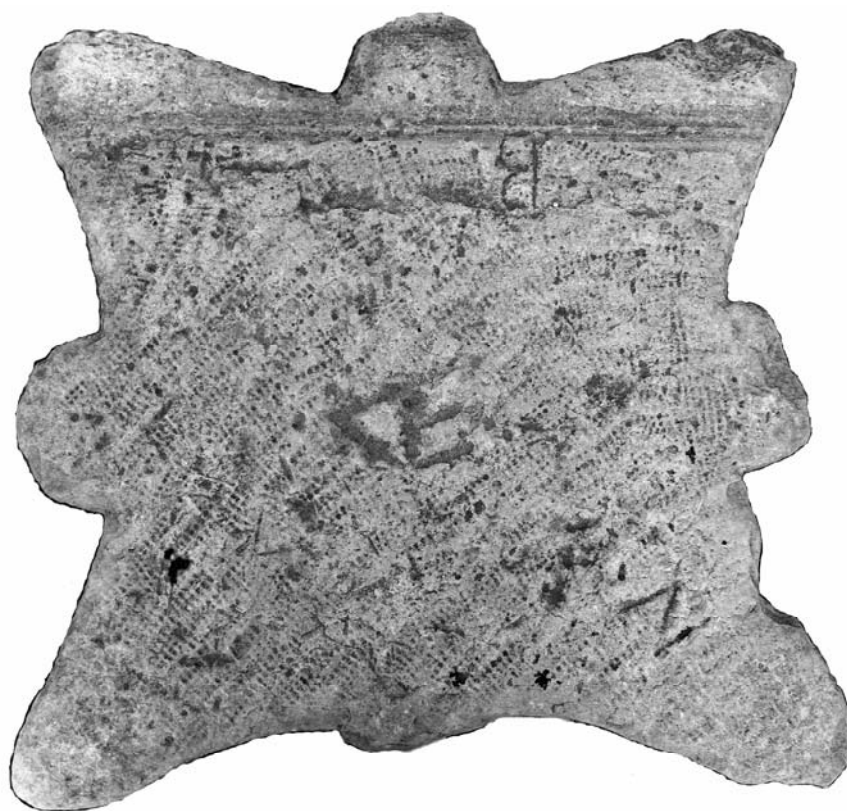

Рис. 13. «Лирная» капитель 6, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 13. Lyre-shaped Capital 6, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

а

б

Рис. 14. «Лирная» капитель 7, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 14. Lyre-shaped Capital 7, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 15. «Лирная» капитель 8, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 15. Lyre-shaped Capital 8, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 16. «Лирная» капитель 9, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 16. Lyre-shaped Capital 9, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 17. Lyre-shaped капитель 10, ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 17. Lyre-shaped Capital 10, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 18. «Лирная» капитель 11, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 18. Lyre-shaped Capital 11, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 19. «Лирная» капитель 12, ГИИМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 19. Lyre-shaped Capital 12, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 20. «Лирная» капитель 13, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 20. Lyre-shaped Capital 13, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 21. «Лирная» капитель 14, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 21. Lyre-shaped Capital 14, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 22. «Лирная» капитель 15, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 22. Lyre-shaped Capital 15, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 23. «Лирная» капитель 16, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 23. Lyre-shaped Capital 16, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 24. «Лирная» капитель 17, ГИИМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 24. Lyre-shaped Capital 17, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 25. ГИАМЗ ХТ, главный фасад, деталь, вид справа (фото автора).

Fig. 25. State Historical and Archaeological Museum—Reserve "Tauric Chersonesus", Main Façade, Détail, Right View (Photo by the Author).

Рис. 26. V-образная капитель 1, ГИАМЗ ХТ, фасад, правая капитель (фото автора).

Fig. 26. V-shaped Capital 1, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus”, Façade, Right Capital (Photo by the Author).

Рис. 27. V-образная капитель 2, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 27. V-shaped Capital 2, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 28. V-образная капитель 3, ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 28. V-shaped Capital 3, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 29. V-образная капитель 4, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 29. V-shaped Capital 4, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 30. V-образная капитель 5, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 30. V-shaped Capital 5, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

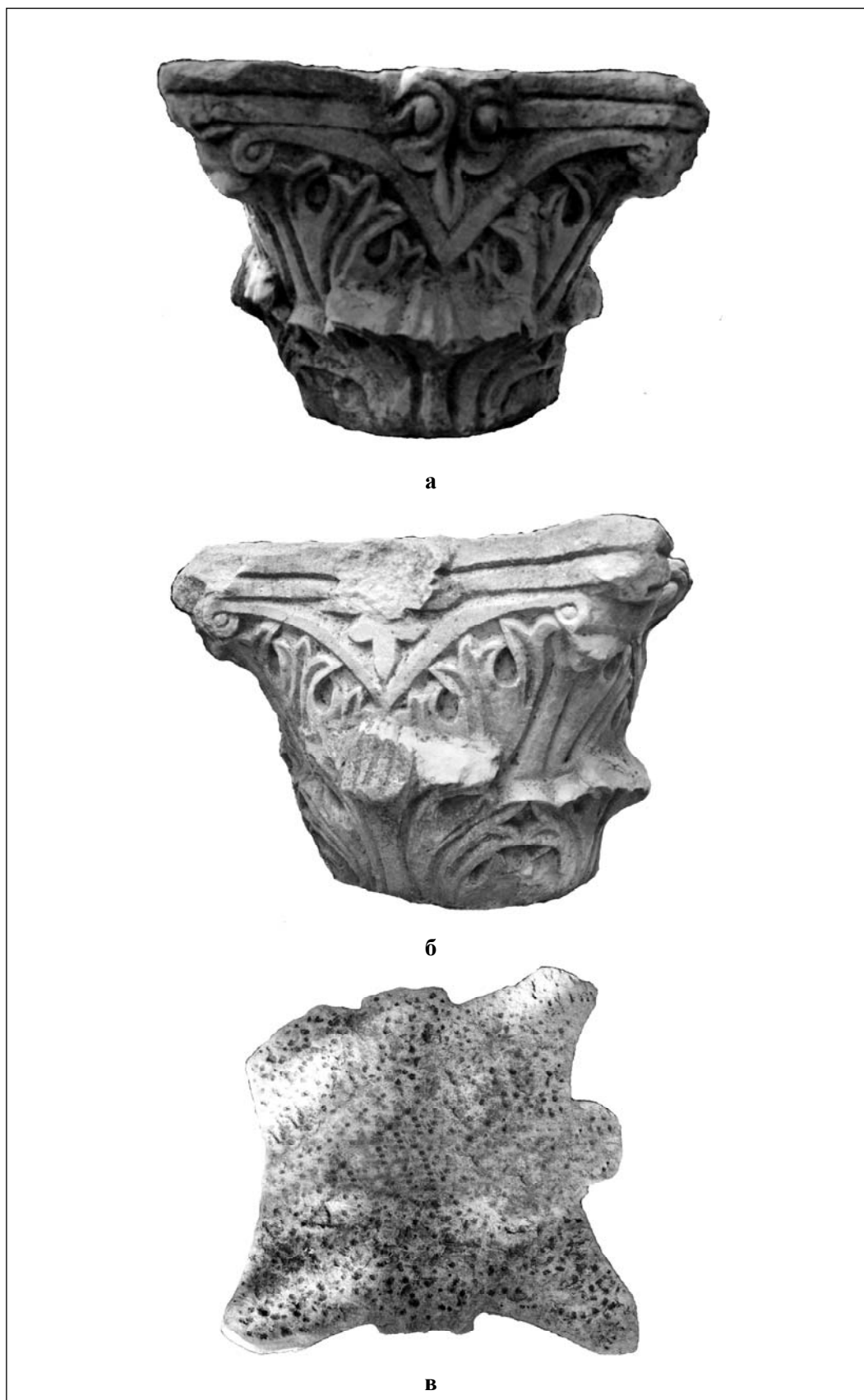

Рис. 31. V-образная капитель 6, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 31. V-shaped Capital 6, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 32. V-образная капитель 7, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 32. V-shaped Capital 7, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 33. V-образная капитель 8, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 33. V-shaped Capital 8, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 34: а. V-образная капитель 9, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 34: а. V-shaped Capital 9, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 34: б. V-образная капитель 9, деталь, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 34: б. V-shaped Capital 9, Détail, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 35. V-образная капитель 10, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 35. V-shaped Capital 10, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 36. V-образная капитель 11, ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 36. V-shaped Capital 11, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 37. V-образная капитель 12, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 37. V-shaped Capital 12, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

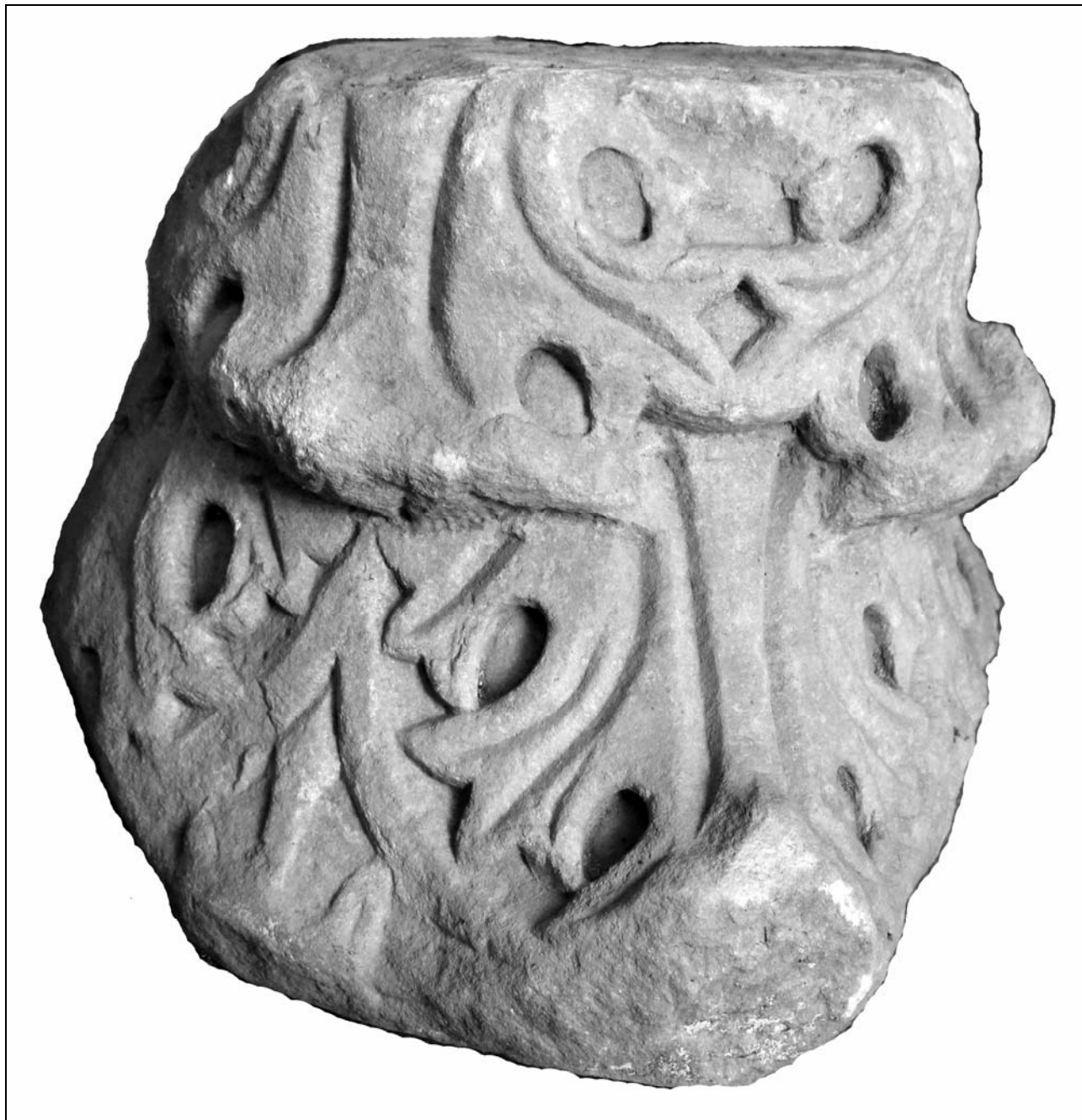

Рис. 38. V-образная капитель 13, ГИИМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 38. V-shaped Capital 13, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 39. V-образная капитель 14, ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 39. V-shaped Capital 14, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

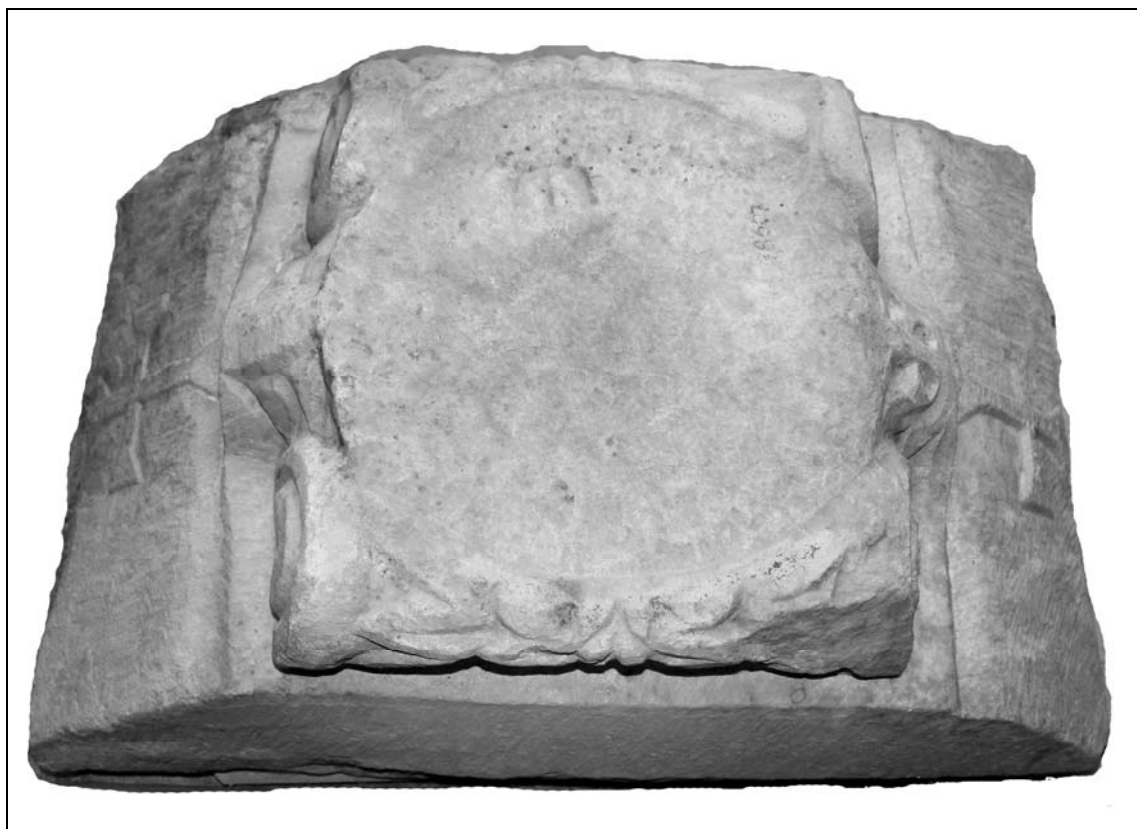

Рис. 40: а. Капитель 3 из коллекции ГИМ, ионическая импостная капитель 1 (фото автора).

Fig. 40: а. Capital 3, State Historical Museum, Ionic Impost Capital 1 (Photo by the Author).

Рис.40: б. Капитель 3 из коллекции ГИМ, ионическая импостная капитель 1 (фото автора).

Fig. 40: б. Capital 3, State Historical Museum, Ionic Impost Capital 1 (Photo by the Author).

Рис. 41: а. Капитель 4 из коллекции ГИМ, ионическая импостная капитель 2 (фото автора).

Fig. 41: а. Capital 4, State Historical Museum, Ionic Impost Capital 2 (Photo by the Author).

Рис. 41: б. Капитель 4 из коллекции ГИМ, ионическая импостная капитель 2 (фото автора).

Fig. 41: б. Capital 4, State Historical Museum, Ionic Impost Capital 2 (Photo by the Author).

Рис. 42: *a*. Капитель 5 из коллекции ГИМ, ионическая импостная капитель 3 (фото автора).

Fig. 42: *a*. Capital 5, State Historical Museum, Ionic Impost Capital 3 (Photo by the Author).

Рис. 42: б. Ионическая импостная капитель 3, ГИМ (фото автора).

Fig. 42: б. Ionic Impost Capital 3, State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 43. Ионическая импостная капитель 4, фрагмент, ГИМ (фото автора).

Fig. 43. Ionic Impost Capital 4, Fragment, State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 44: а. Ионическая импостная капитель 5, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 44: а. Ionic Impost Capital 5, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 44: б. Ионическая импостная капитель 5, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 44: б. Ionic Impost Capital 5, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 44: в. Ионическая импостная капитель 5, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 44: в. Ionic Impost Capital 5, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

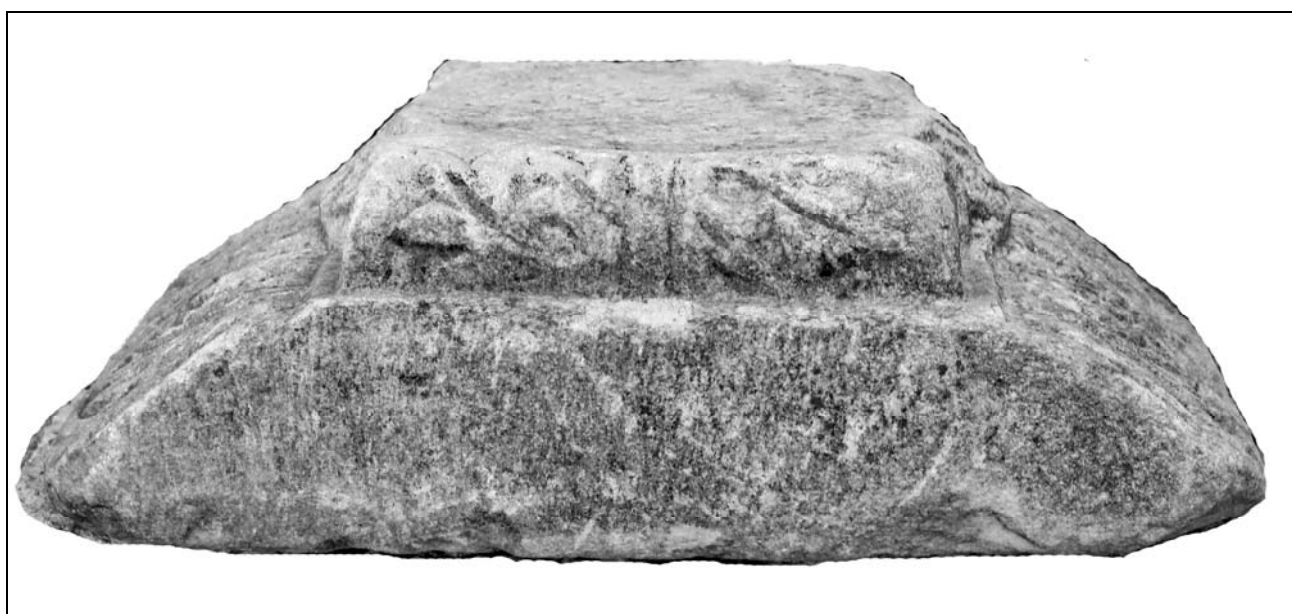

Рис. 44: 2. Ионическая импостная капитель 5, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 44: 2. Ionic Impost Capital 5, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 44: δ. Ионическая импостная капитель 5, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 44: δ. Ionic Impost Capital 5, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 45: *a*. Ионическая импостная капитель 6, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 45: *a*. Ionic Impost Capital 6, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 45: б. Ионическая импостная капитель 6, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 45: б. Ionic Impost Capital 6, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 45: в. Ионическая импостная капитель 6, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 45: в. Ionic Impost Capital 6, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 46: а. Ионическая импостная капитель 7, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 46: a. Ionic Impost Capital 7, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 46: б. Ионическая импостная капитель 7, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 46: б. Ionic Impost Capital 7, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 47: *a.* Ионическая импостная капитель 8, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 47: *a.* Ionic Impost Capital 8, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 47: б. Ионическая импостная капитель 8, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 47: б. Ionic Impost Capital 8, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 48. Ионическая импостная капитель 9, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 48. Ionic Impost Capital 9, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 49: *a.* Ионическая импостная капитель 10, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 49: *a.* Ionic Impost Capital 10, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 49: б. Ионическая импостная капитель 10, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 49: б. Ionic Impost Capital 10, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 50: *a*. Ионическая импостная капитель 11, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 50: *a*. Ionic Impost Capital 11, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 50: б. Ионическая импостная капитель 11, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 50: б. Ionic Impost Capital 11, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

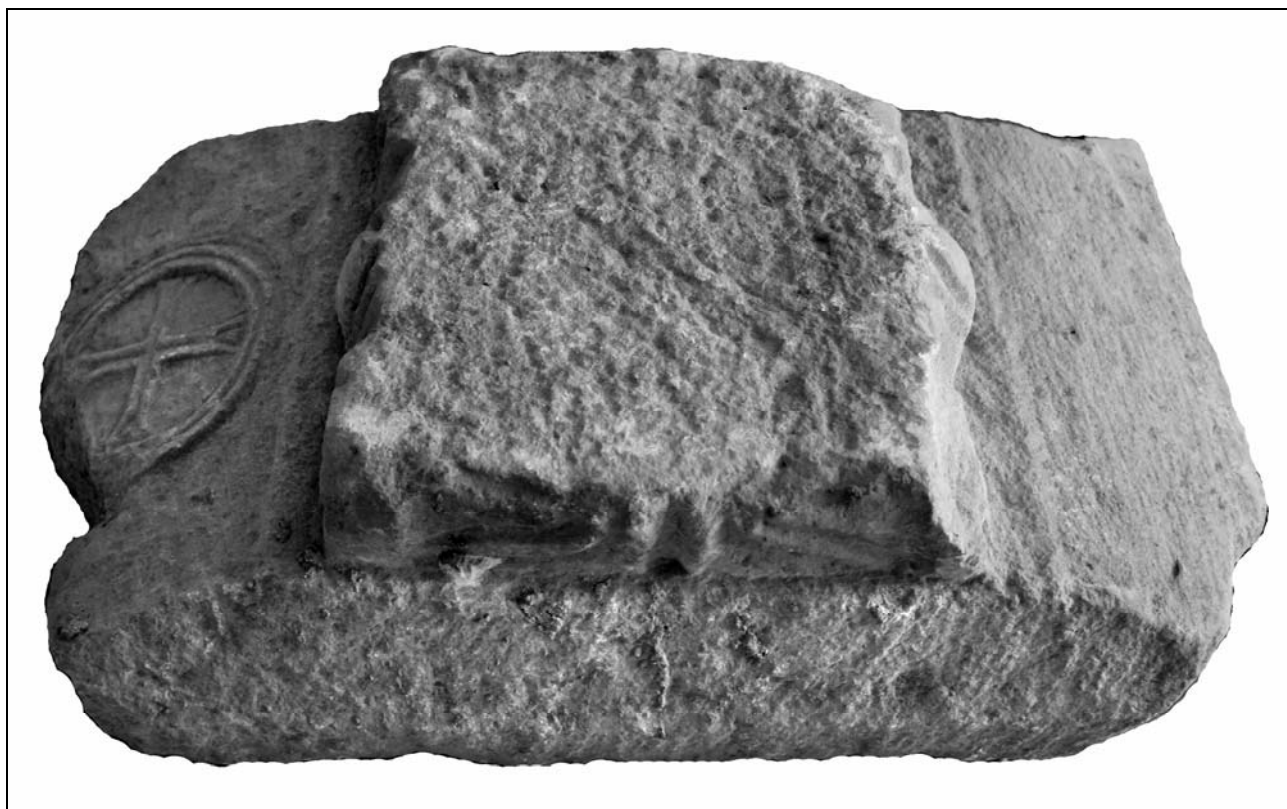

Рис. 51. Ионическая импостная капитель 12, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 51. Ionic Impost Capital 12, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 52. Ионическая импостная капитель 13, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 52. Ionic Impost Capital 13, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

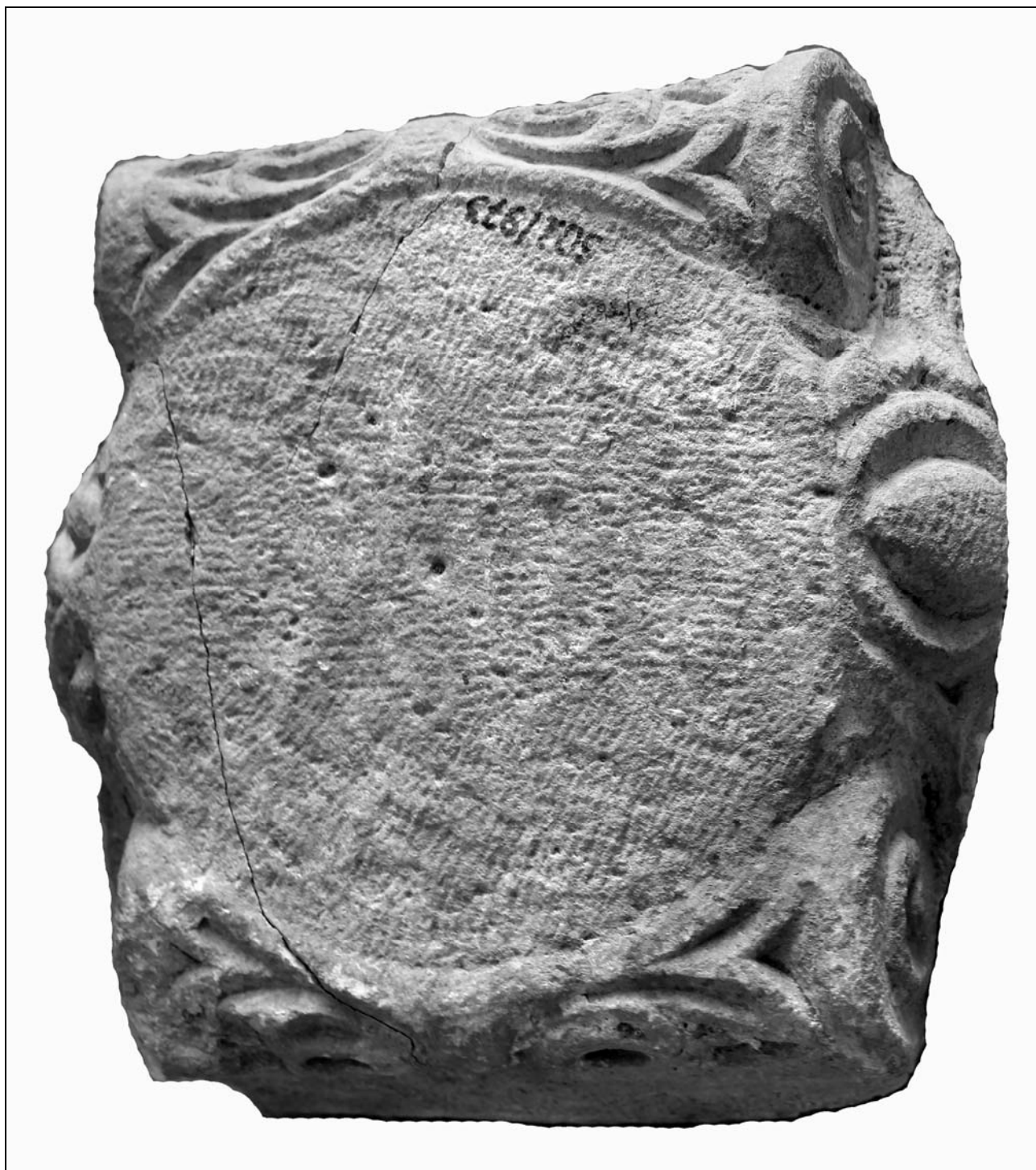

Рис. 53: *a.* Ионическая импостная капитель 14, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 53: *a.* Ionic Impost Capital 14, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 53: б. Ионическая импостная капитель 14, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 53: б. Ionic Impost Capital 14, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

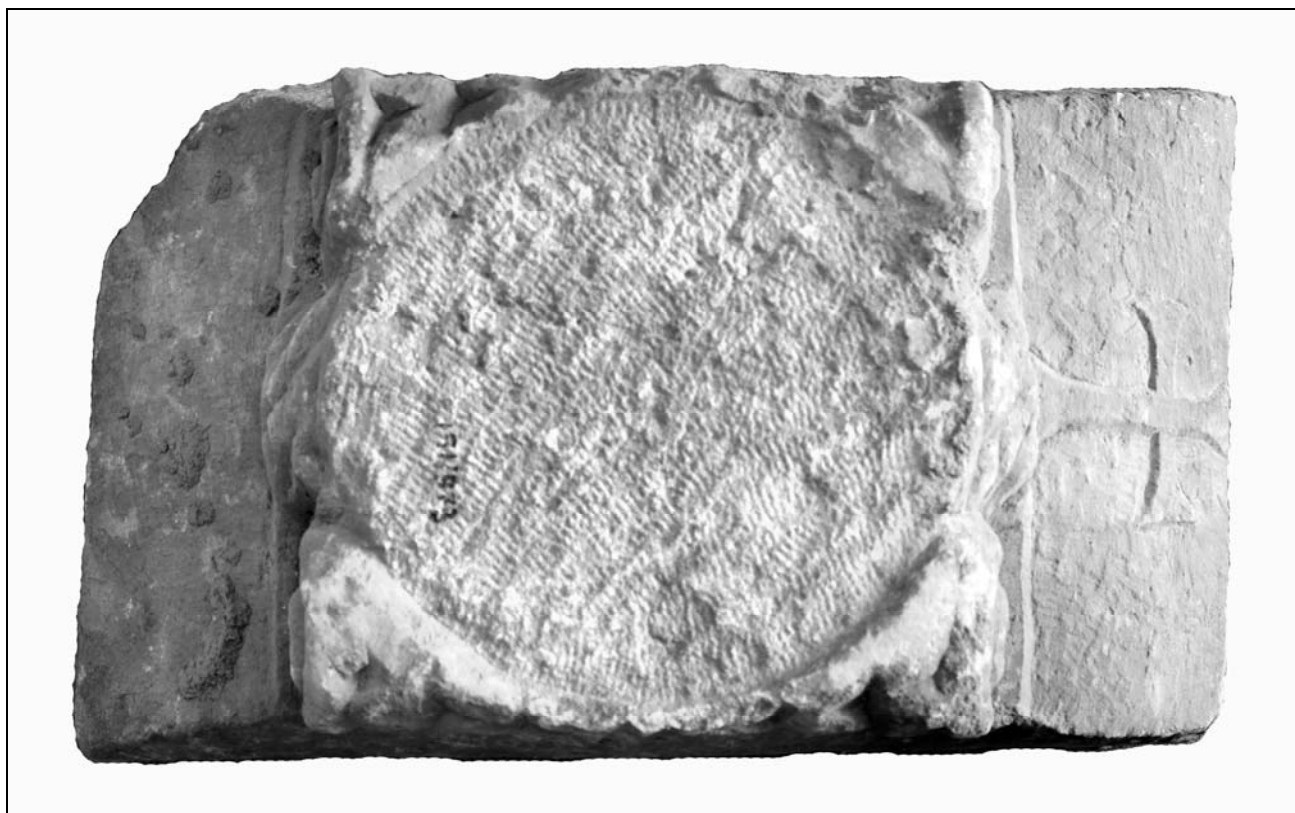

Рис. 54. Ионическая импостная капитель 15, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 54. Ionic Impost Capital 15, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 55. Ионическая импостная капитель 16, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 55. Ionic Impost Capital 16, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 56: *a*. Ионическая импостная капитель 17, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 56: *a*. Ionic Impost Capital 17, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

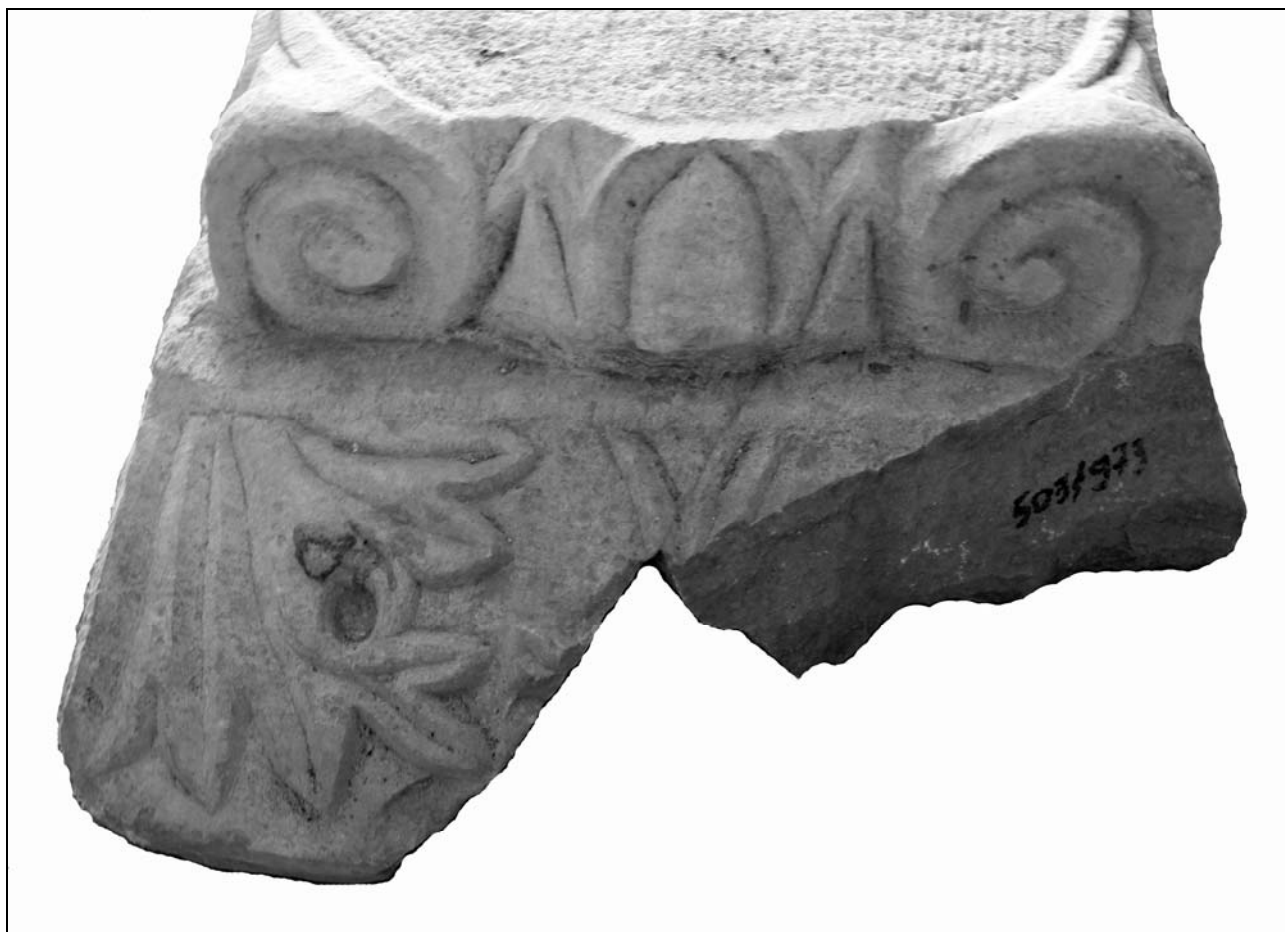

Рис. 56: б. Ионическая импостная капитель 17, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 56: б. Ionic Impost Capital 17, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 57: а. Ионическая импостная капитель 18, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 57: a. Ionic Impost Capital 18, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

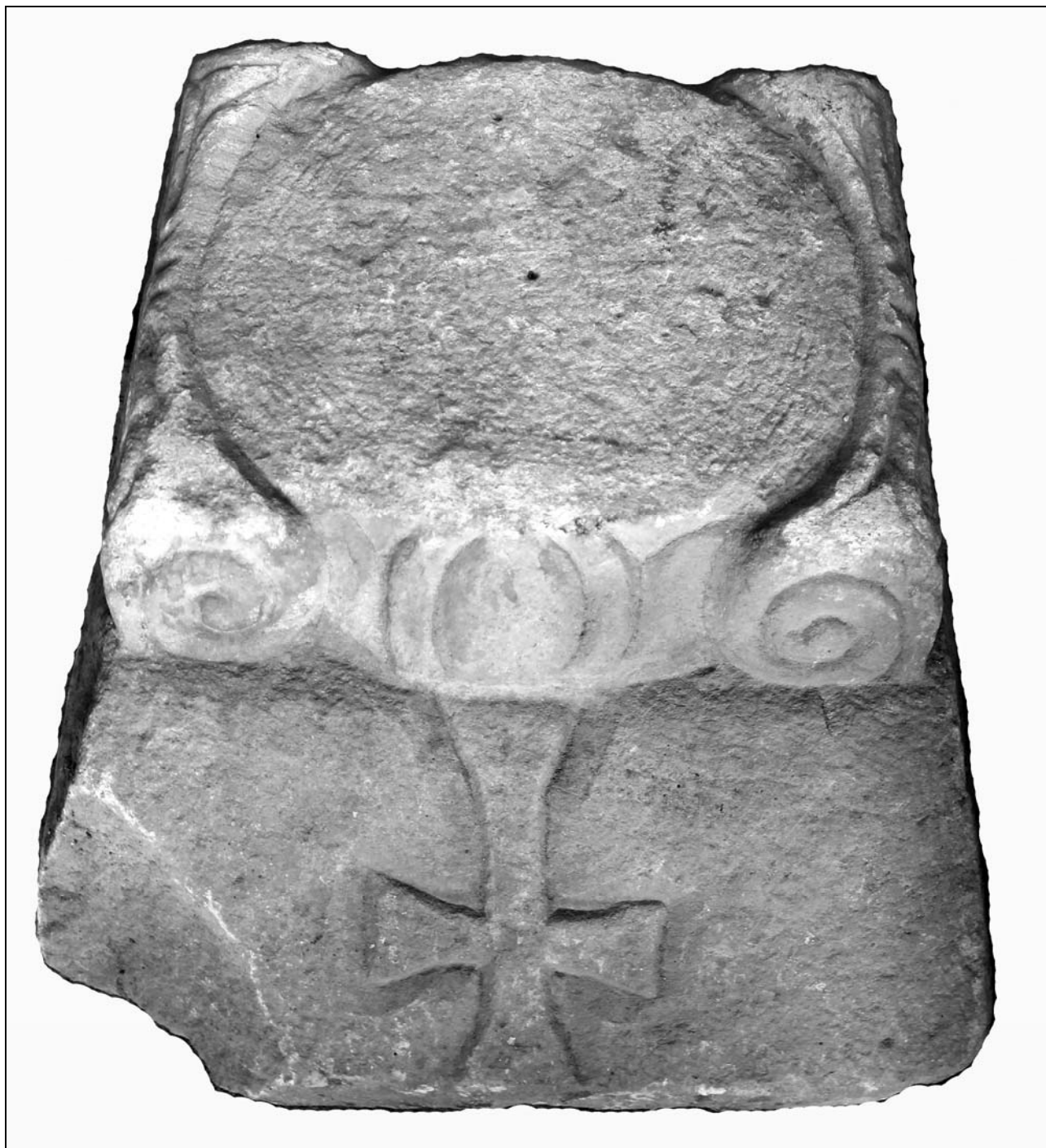

Рис. 57: б. Ионическая импостная капитель 18, ГИАМЗ ХТ, продолжение (фото автора).

Fig. 57: б. Ionic Impost Capital 18, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus”, Continued (Photo by the Author).

Рис. 57: в. Ионическая импостная капитель 18, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 57: в. Ionic Impost Capital 18, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 58: *a.* Ионическая импостная капитель 19, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 58: *a.* Ionic Impost Capital 19, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 58: б. Ионическая импостная капитель 19, деталь, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 58: б. Ionic Impost Capital 19, Détail, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 59: *a*. Ионическая импостная капитель 20, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 59: *a*. Ionic Impost Capital 20, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

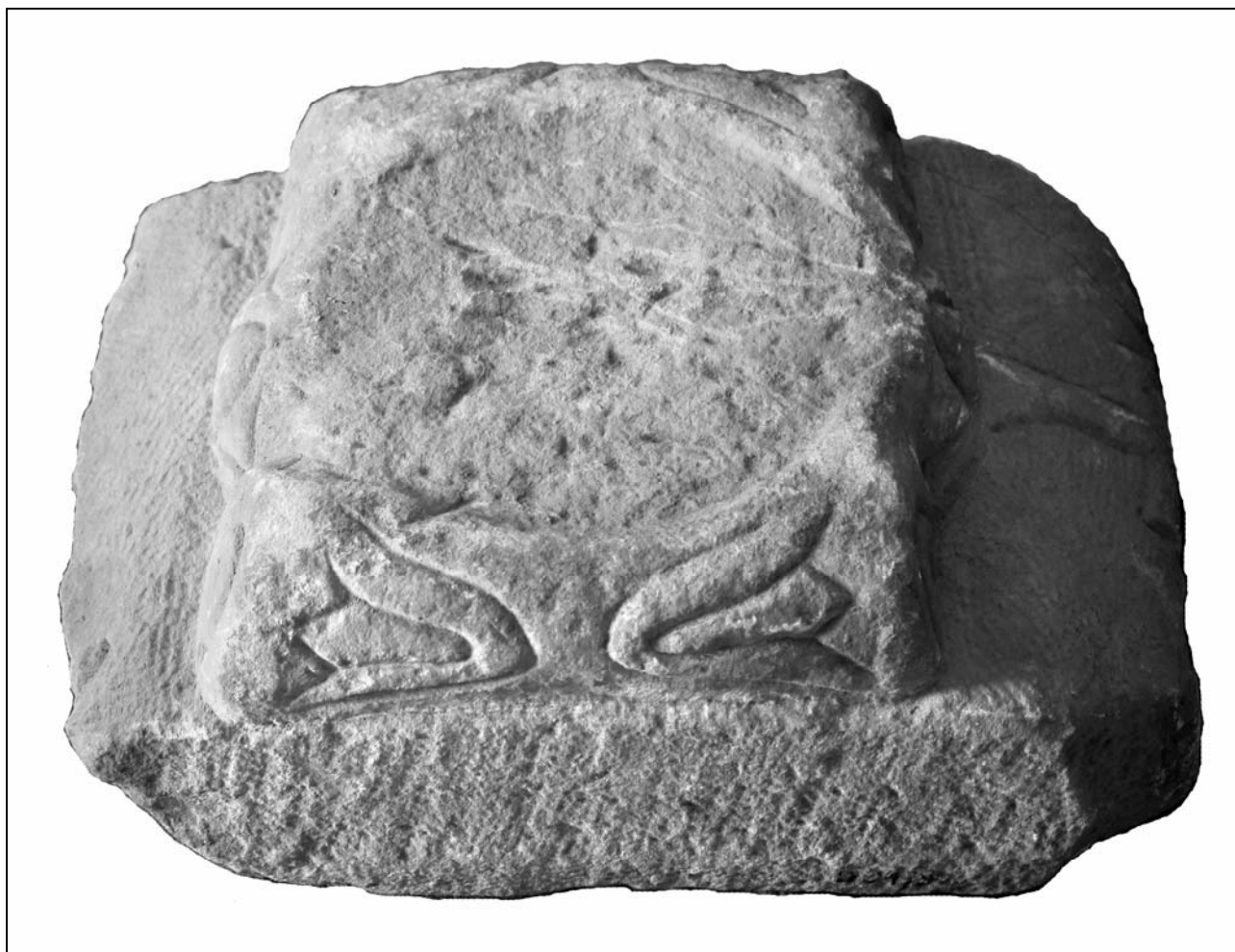

Рис. 59: б. Ионическая импостная капитель 20, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 59: б. Ionic Impost Capital 20, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 59: в. Ионическая импостная капитель 20, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 59: в. Ionic Impost Capital 20, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 60: *a.* Ионическая импостная капитель 21, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 60: *a.* Ionic Impost Capital 21, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

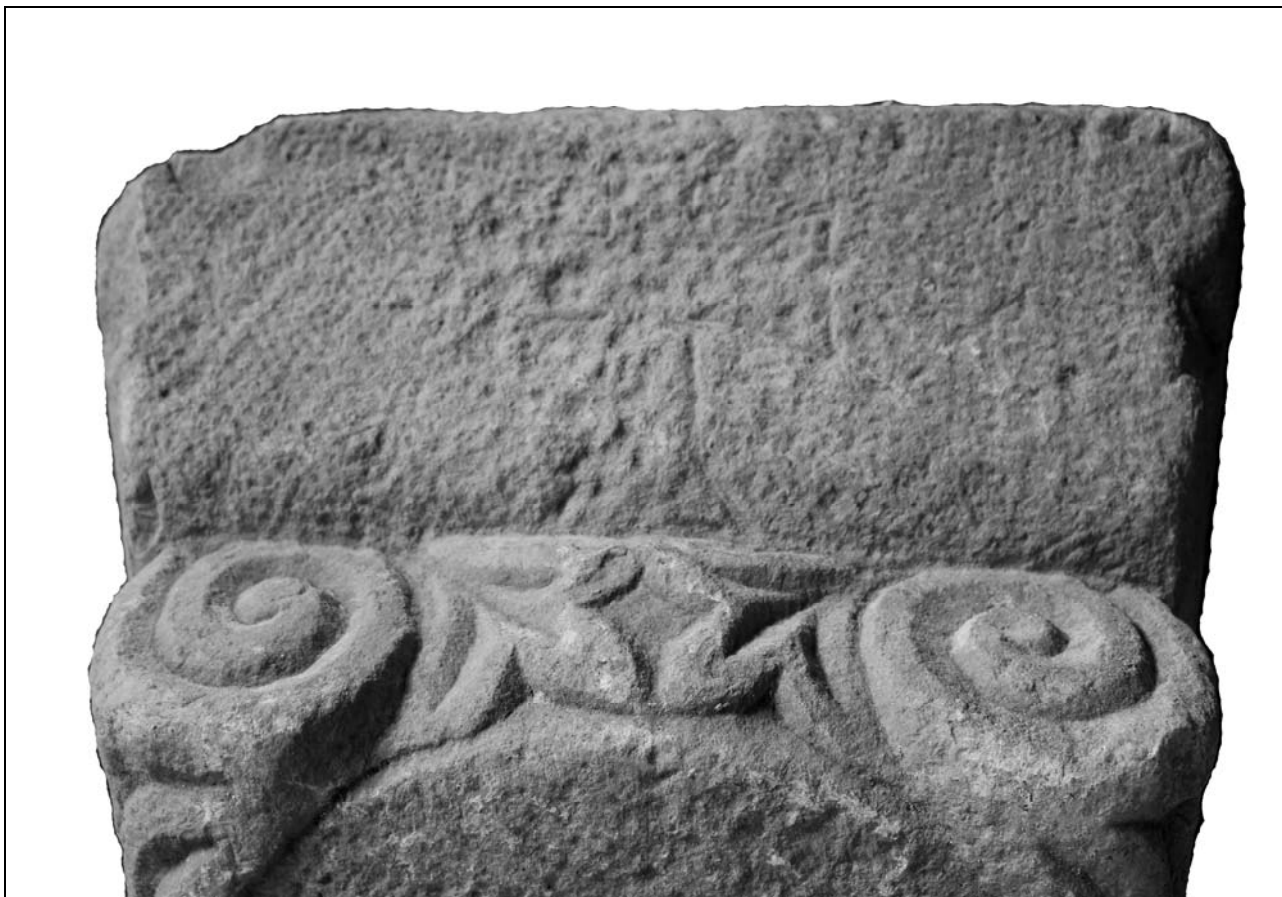

Рис. 60: б. Ионическая импостная капитель 21, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 60: б. Ionic Impost Capital 21, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 61: а. Ионическая импостная капитель 22, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 61: а. Ionic Impost Capital 22, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

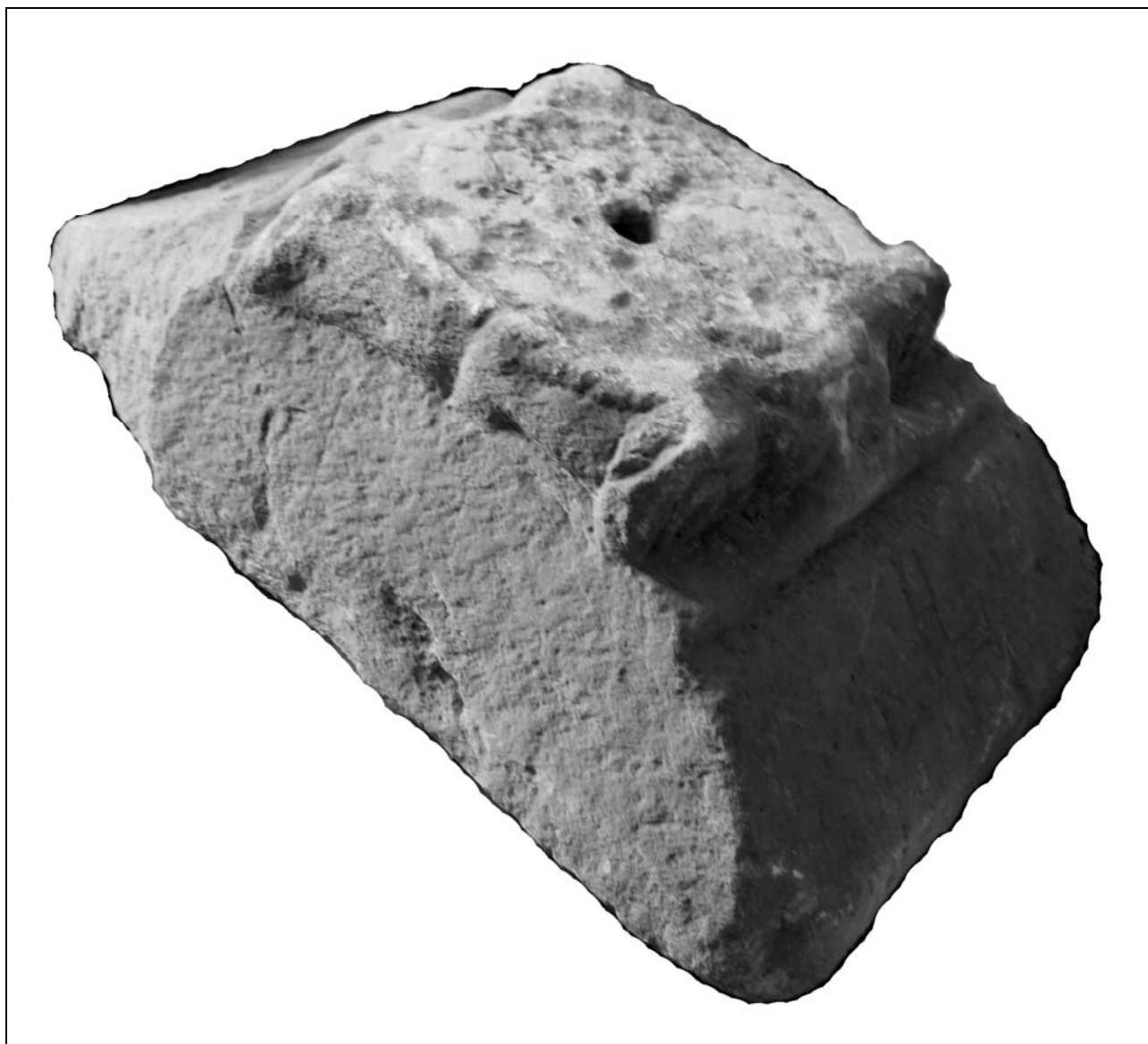

Рис. 61: б. Ионическая импостная капитель 22, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 61: б. Ionic Impost Capital 22, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

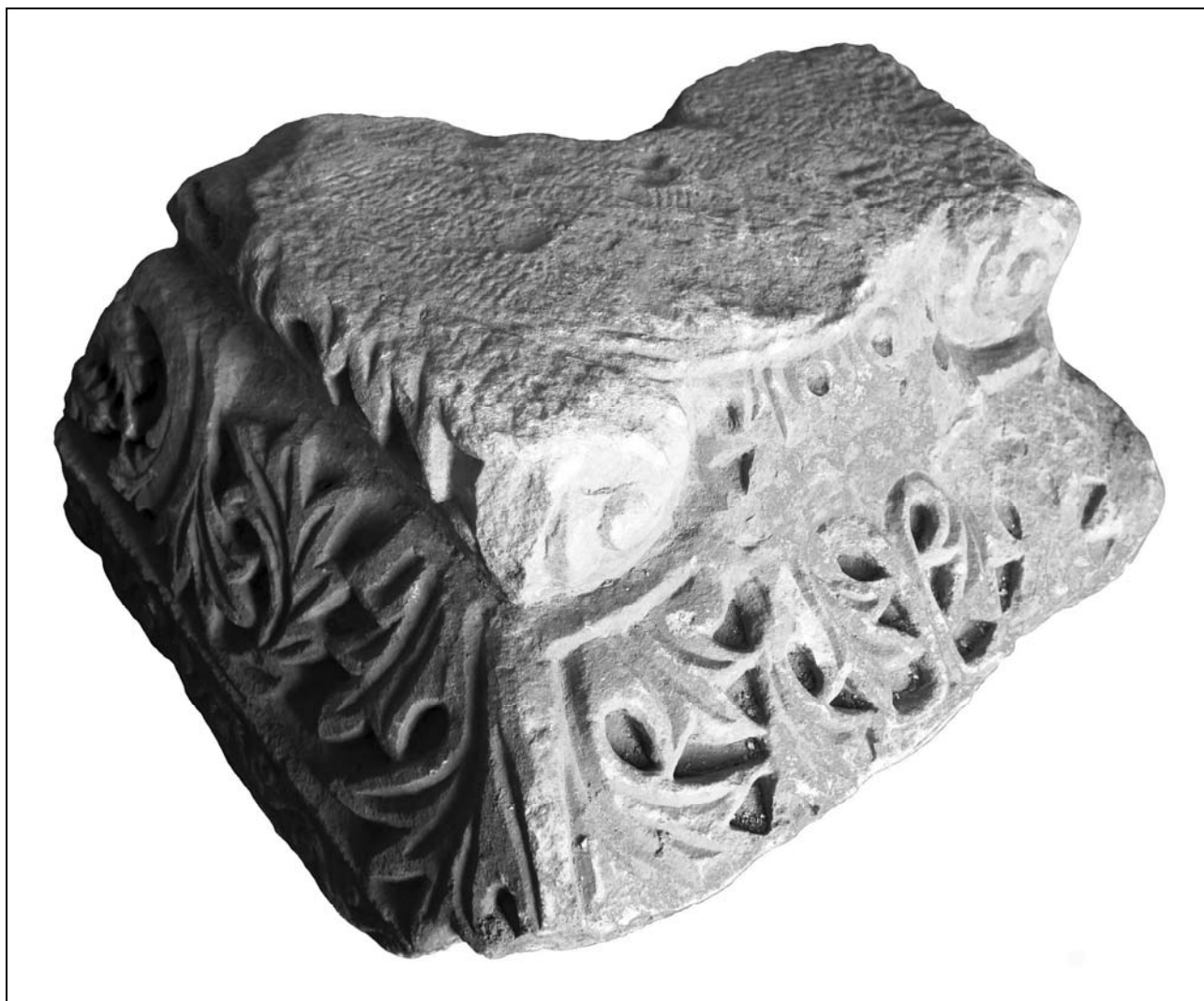

Рис. 62: *a*. Ионическая импостная капитель 23, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 62: *a*. Ionic Impost Capital 23, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 62: б. Ионическая импостная капитель 23, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 62: б. Ionic Impost Capital 23, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 63. Ионическая импостная капитель 24, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 63. Ionic Impost Capital 24, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

а

б

Рис. 64. Ионическая импостная капитель 25, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 64. Ionic Impost Capital 25, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 65: *a*. Ионическая импостная капитель 26, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 65: *a*. Ionic Impost Capital 26, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 65: б. Ионическая импостная капитель 26, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 65: б. Ionic Impost Capital 26, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 66. Ионическая импостная капитель 27, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 66. Ionic Impost Capital 27, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

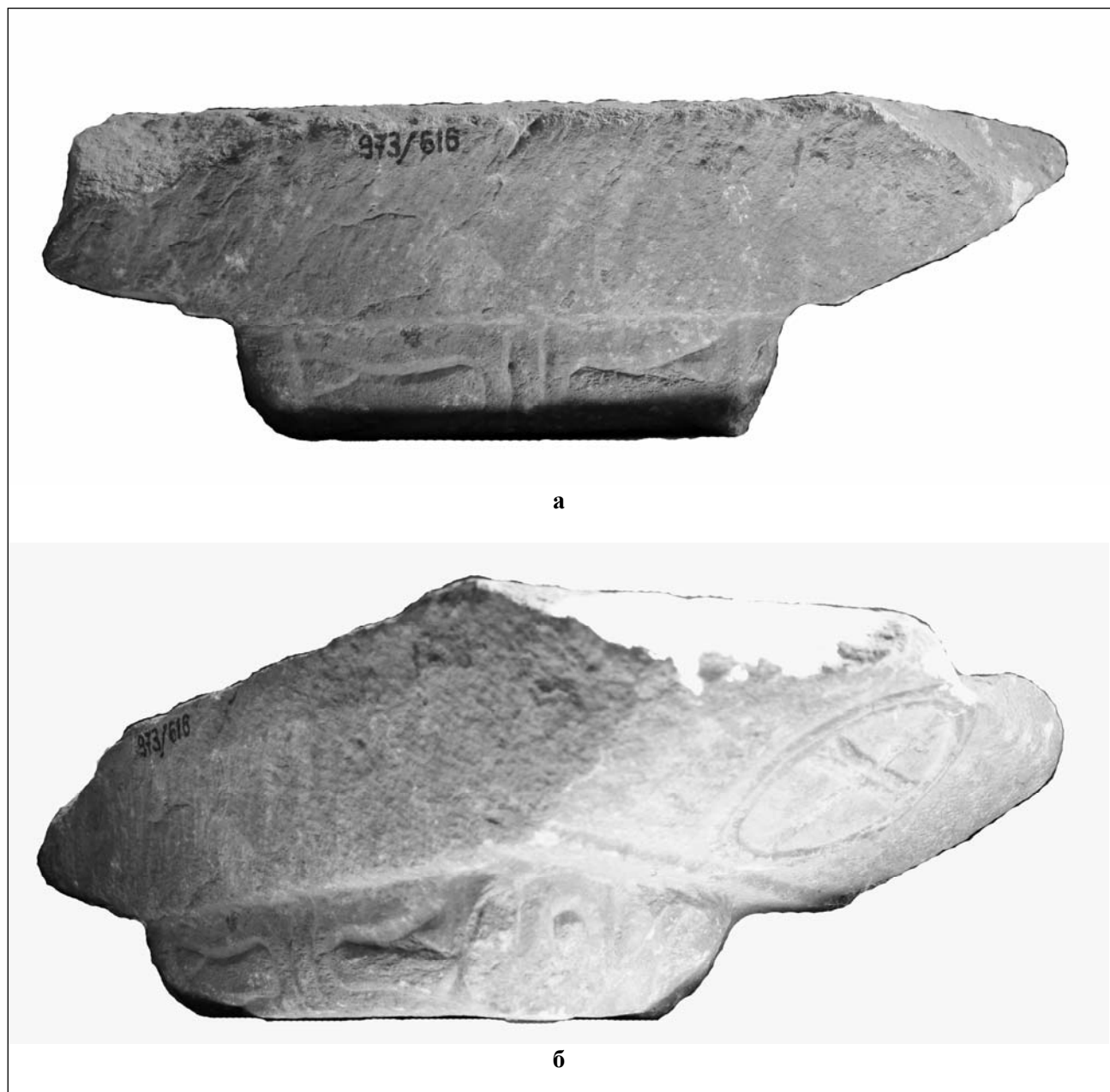

Рис. 67. Ионическая импостная капитель 28, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 67. Ionic Impost Capital 24, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 68. Ионическая импостная капитель 29, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 68. Ionic Impost Capital 29, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 69. Ионическая импостная капитель 30, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 69. Ionic Impost Capital 30, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 70. Ионическая импостная капитель 31, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 70. Ionic Impost Capital 31, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 71. Ионическая импостная капитель 32, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 71. Ionic Impost Capital 32, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 72. Ионическая импостная капитель 33, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 72. Ionic Impost Capital 33, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

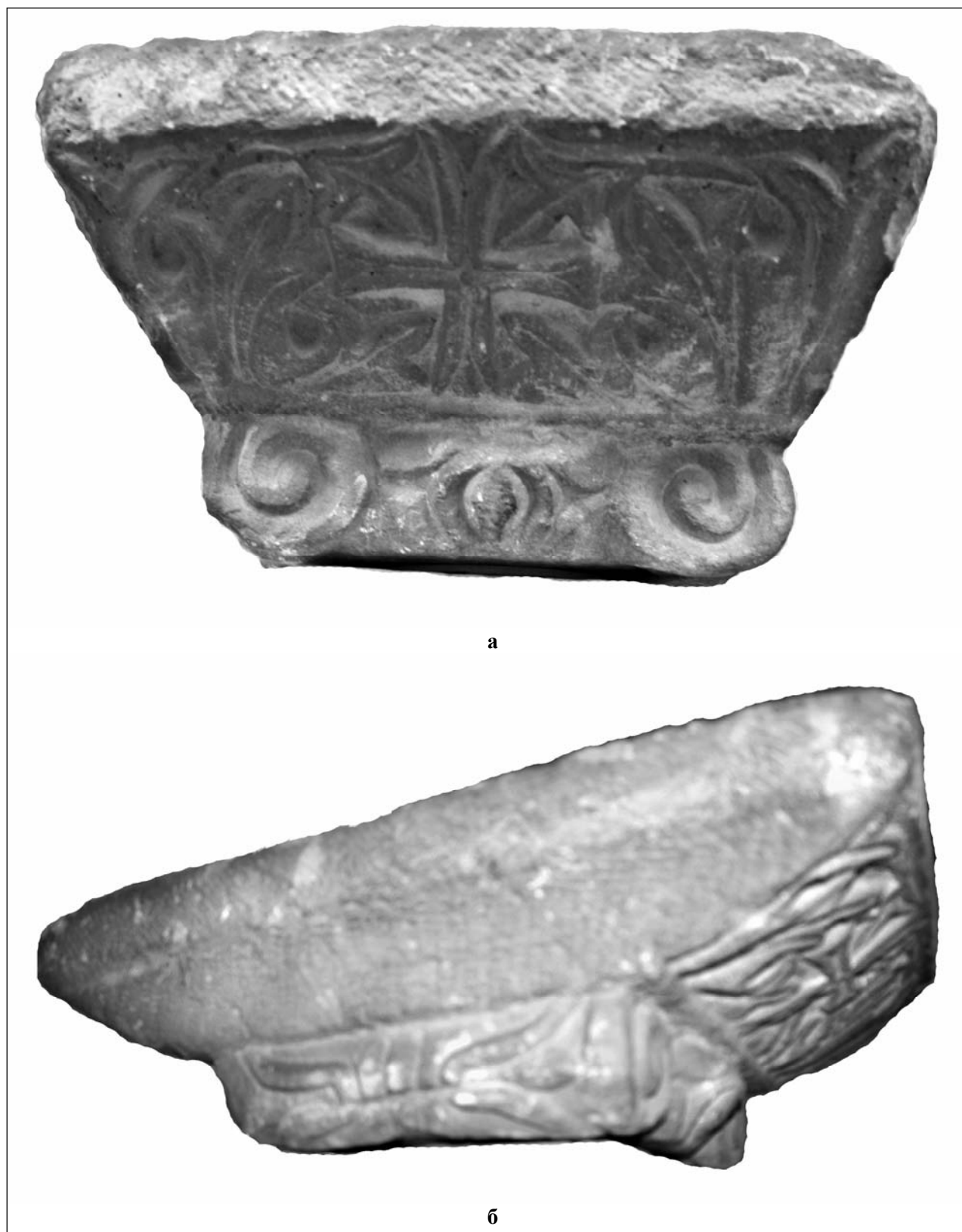

Рис. 73. Ионическая импостная капитель 34, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 73. Ionic Impost Capital 34, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

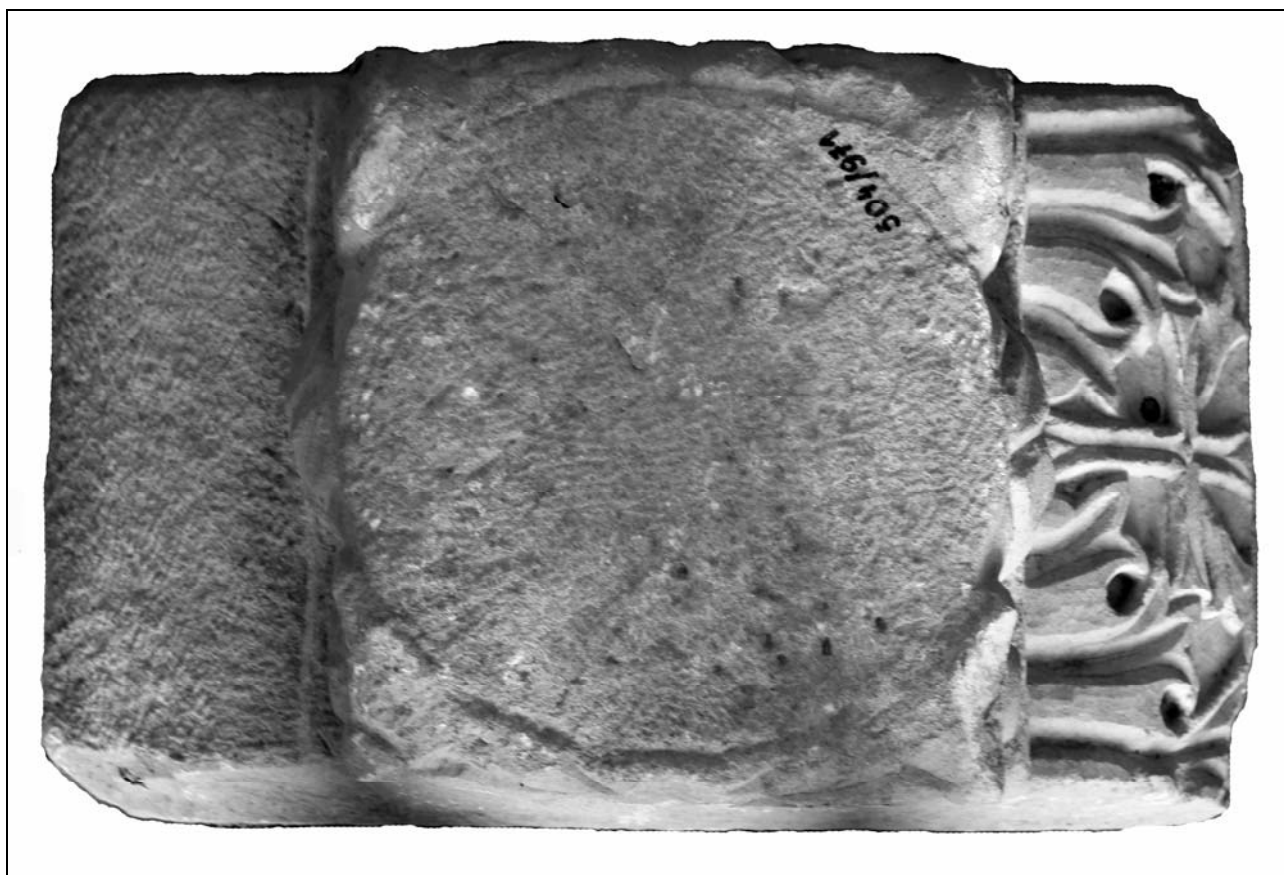

Рис. 74: *a*. Ионическая импостная капитель 35, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 74: *a*. Ionic Impost Capital 35, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 74: б. Ионическая импостная капитель 35, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 74: б. Ionic Impost Capital 35, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

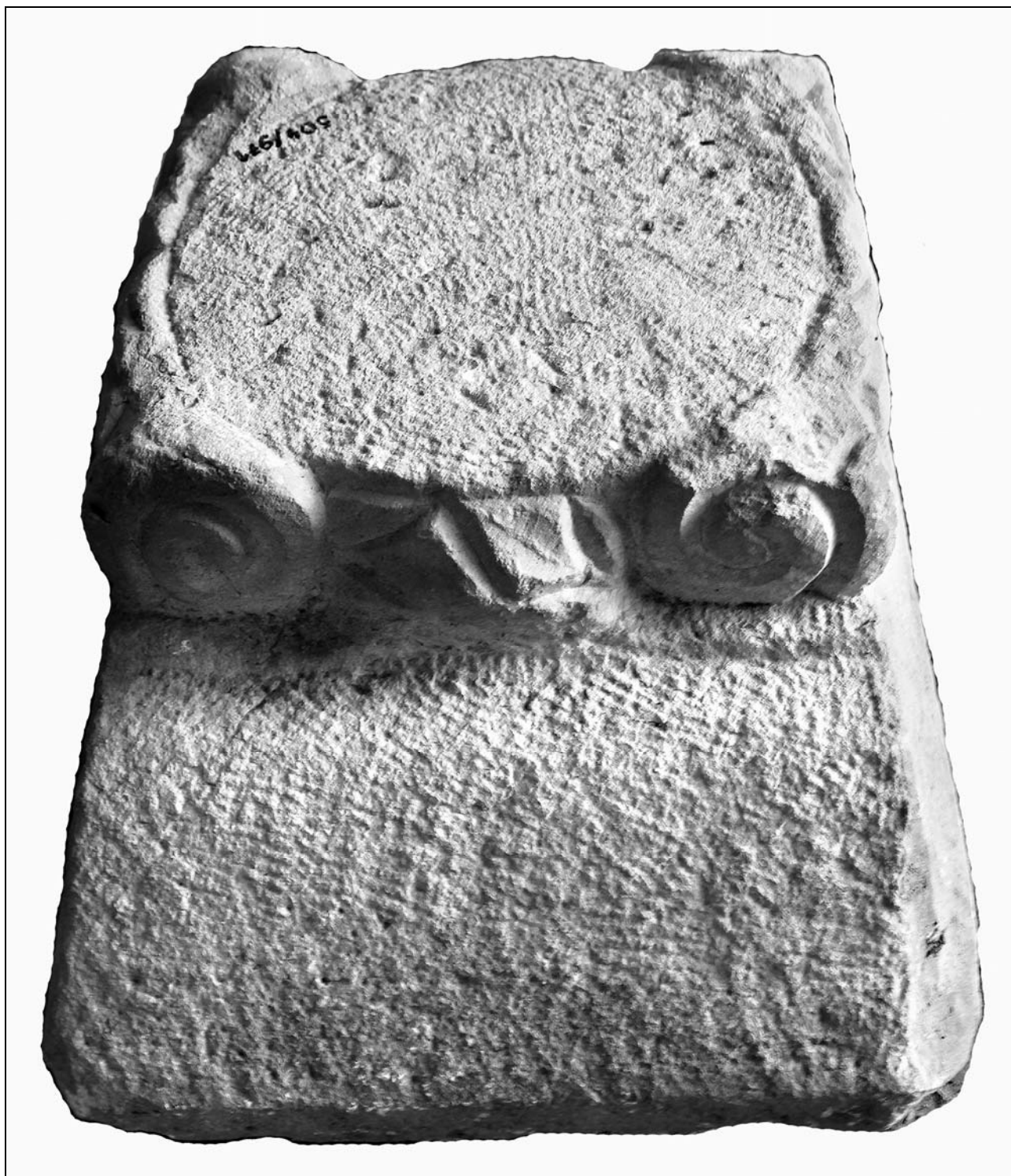

Рис. 74: в. Ионическая импостная капитель 35, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 74: в. Ionic Impost Capital 35, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 74: 2. Ионическая импостная капитель 35, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 74: 2. Ionic Impost Capital 35, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 75. Ионическая импостная капитель 36, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 75. Ionic Impost Capital 36, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

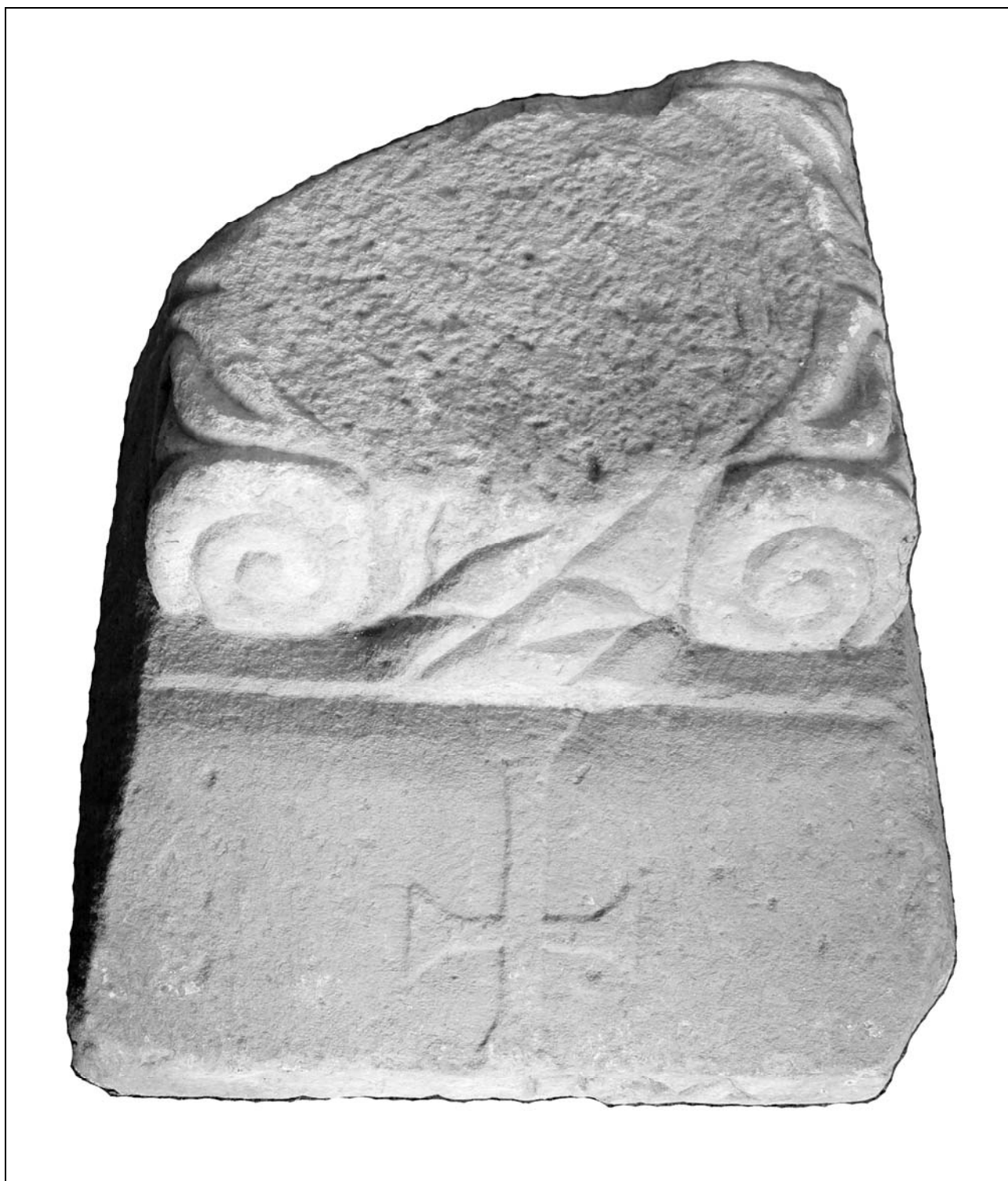

Рис. 76: *a.* Ионическая импостная капитель 37, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 76: *a.* Ionic Impost Capital 37, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 76: б. Ионическая импостная капитель 37, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 76: б. Ionic Impost Capital 37, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 77: а. Ионическая импостная капитель 38, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 77: a. Ionic Impost Capital 38, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 77: б. Ионическая импостная капитель 38, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 77: б. Ionic Impost Capital 38, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

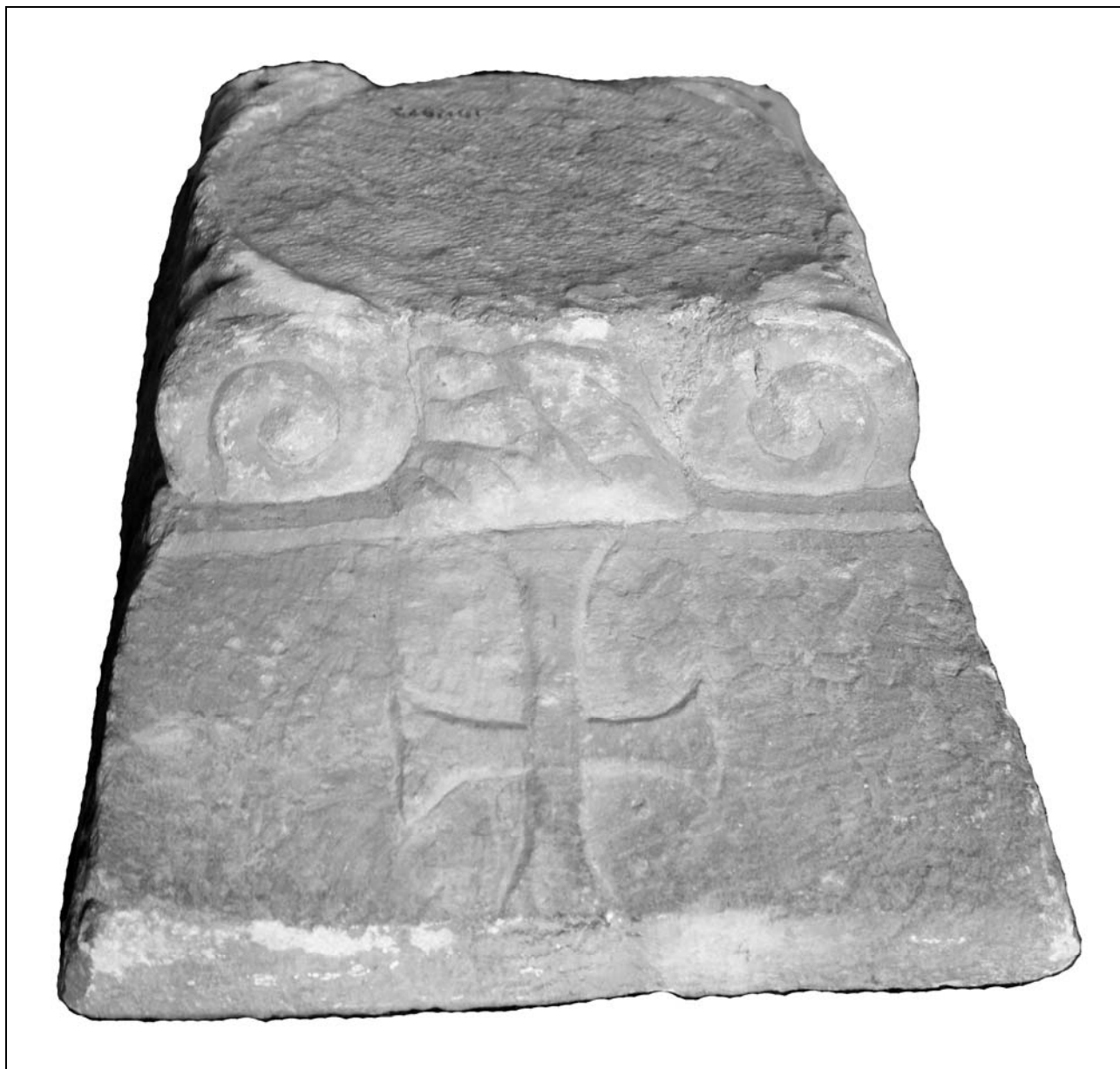

Рис. 77: в. Ионическая импостная капитель 38, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 77: в. Ionic Impost Capital 38, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 78: *a*. Ионическая импостная капитель 39, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 78: *a*. Ionic Impost Capital 39, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 78: б. Ионическая импостная капитель 39, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 78: б. Ionic Impost Capital 39, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 79. Ионическая импостная капитель 40, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 79. Ionic Impost Capital 40, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

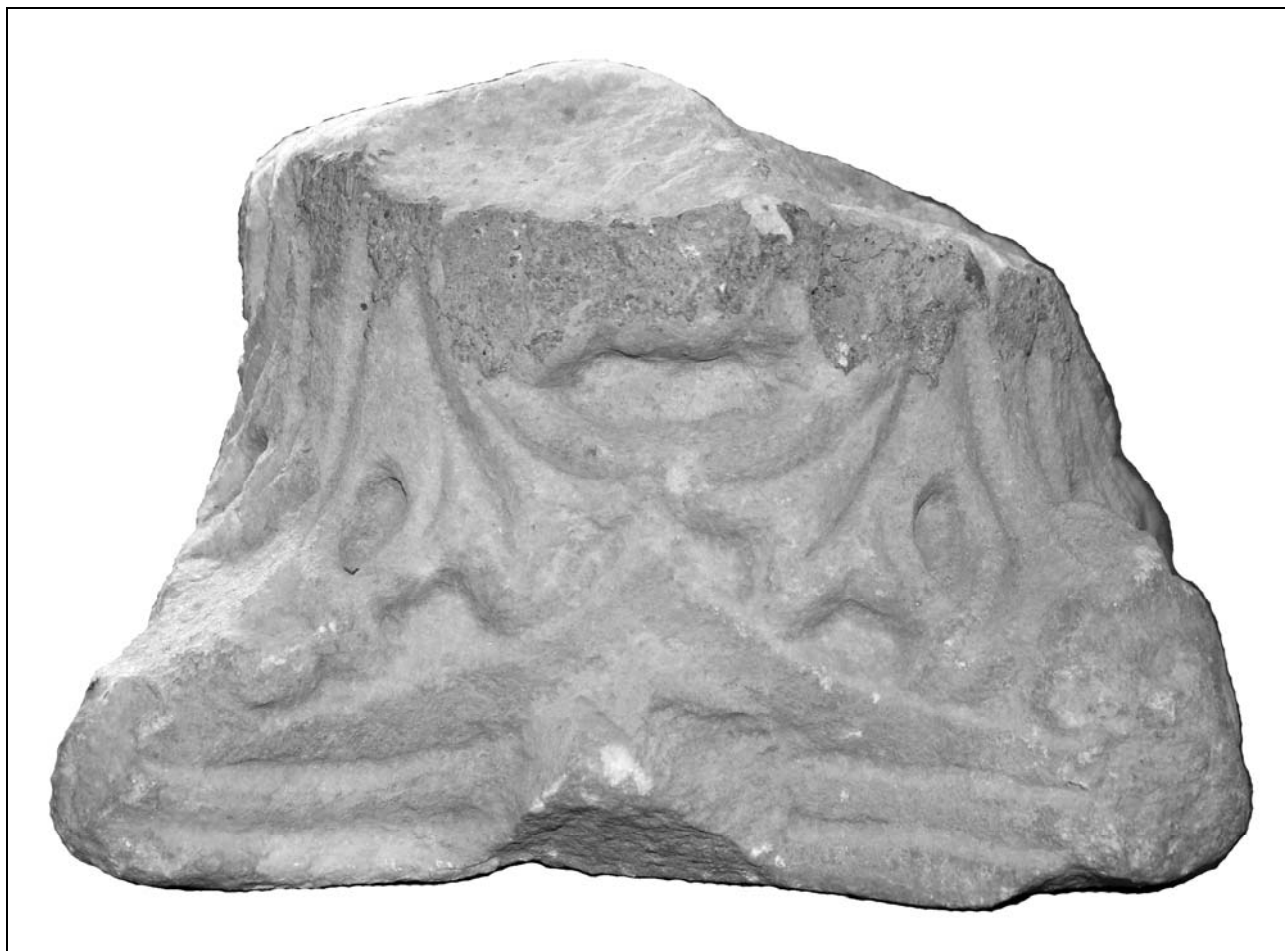

Рис. 80. Четырехлистная капитель, ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 80. Four-leaf Capital, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 81. Четырехлистная капитель 1, ГИМ (фото автора).

Fig. 81. Four-leaf Capital 1, State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 82: а. Четырехлистная капитель 2, ГИМ (фото автора).

Fig. 82: a. Four-leaf Capital 2, State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 82: б. Четырехлистная капитель 2, ГИМ (фото автора).

Fig. 82: б. Four-leaf Capital 2, State Historical Museum, Continued (Photo by the Author).

Рис. 82: в. Четырехлистная капитель 2, ГИМ (фото автора).

Fig. 82: в. Four-leaf Capital 2, State Historical Museum (Photo by the Author).

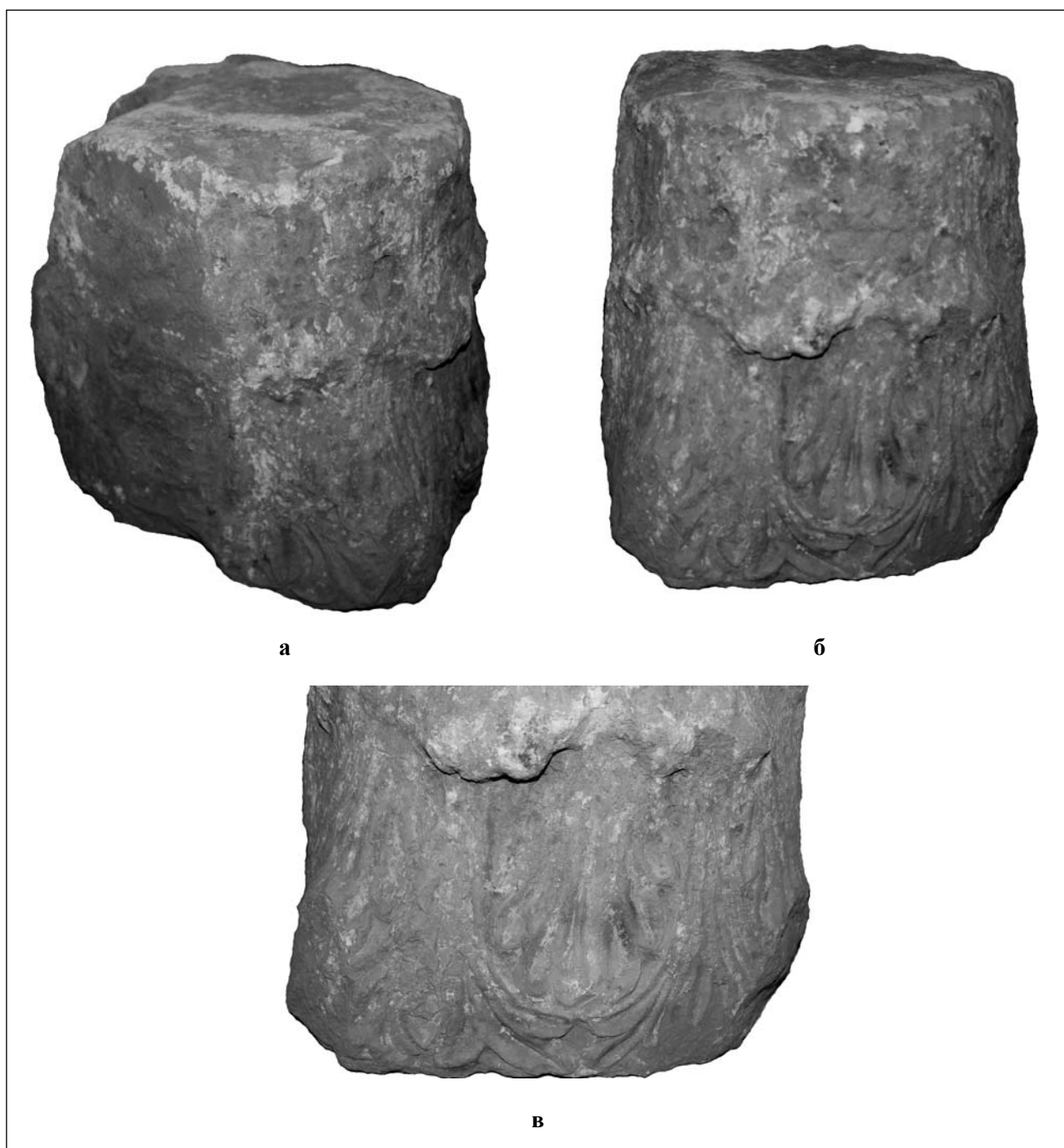

Рис. 83. Капитель, известняк, ГИМ (фото автора).

Fig. 83. Capital, Limestone, State Historical Museum (Photo by the Author).

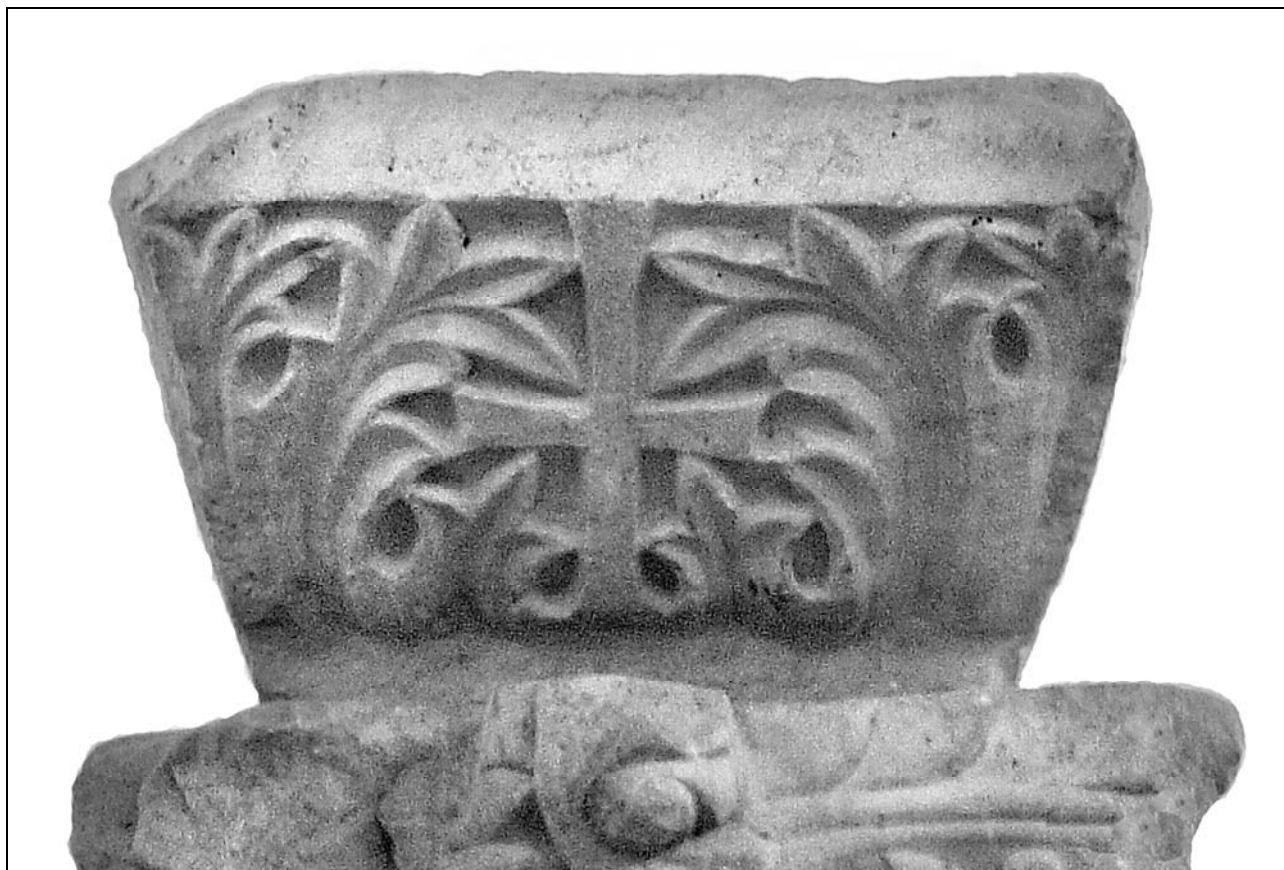

Рис. 84: а. Импостная капитель 1. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 84: а. Impost Capital 1. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 84: б. Импостная капитель 1. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 84: б. Impost Capital 1. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 84: в. Импостная капитель 1. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 84: в. Impost Capital 1. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 85: а. Импостная капитель 2. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 85: a. Impost Capital 2. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 85: б. Импостная капитель 2. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 85: б. Impost Capital 2. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 86. Импостная капитель 3. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 86. Impost Capital 3. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 87: а. Импостная капитель 4. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 87: a. Impost Capital 4. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 87: б. Импостная капитель 4. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 87: б. Impost Capital 4. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 88: а. Импортная капитель 5. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 88: a. Impost Capital 5. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 88: б. Импостная капитель 5. ГИАМЗ ХТ. Деталь (фото автора).

Fig. 88: б. Impost Capital 5. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus”. Détail (Photo by the Author).

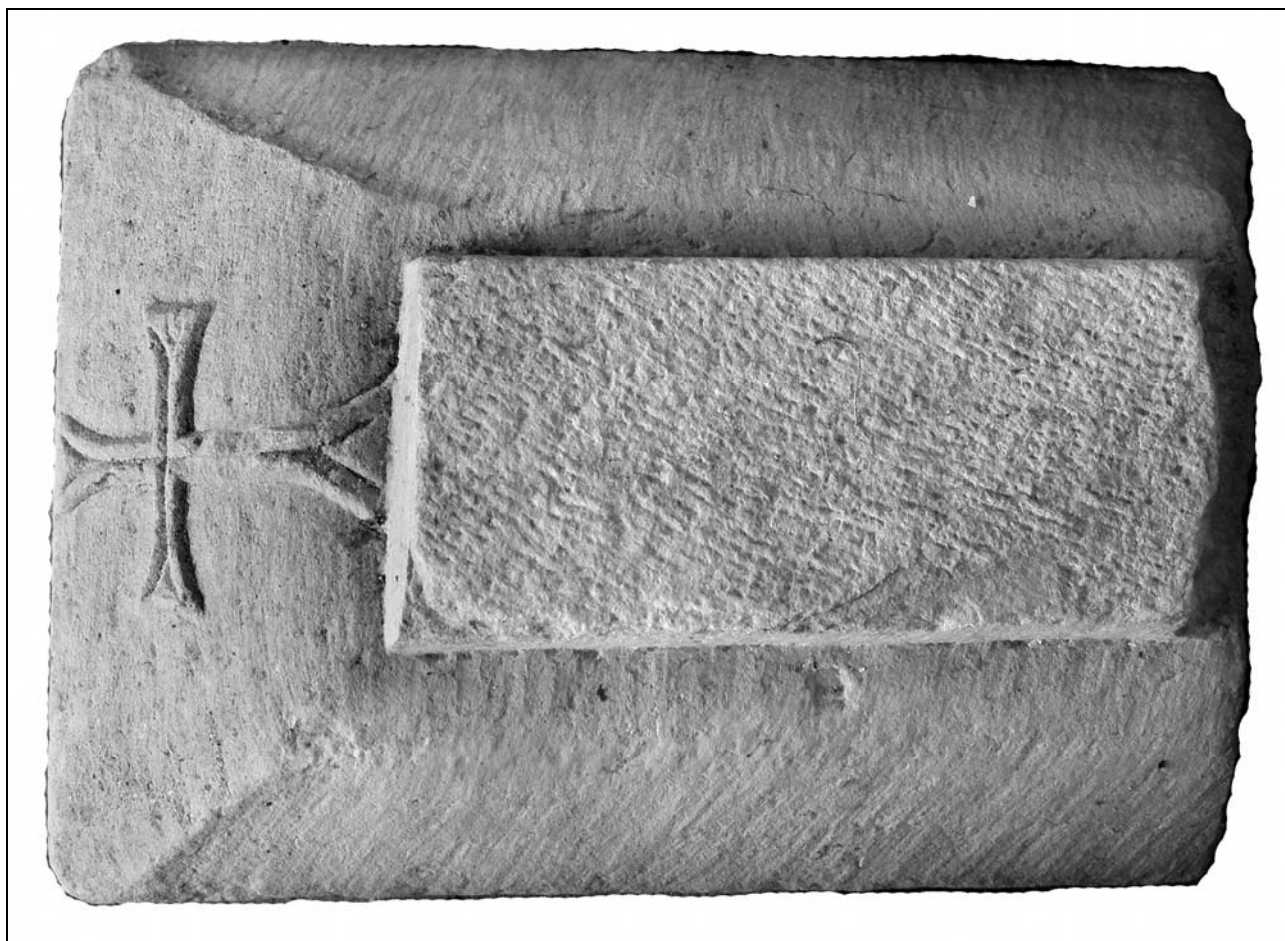

Рис. 89. Импостная капитель 6. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 89. Impost Capital 6. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

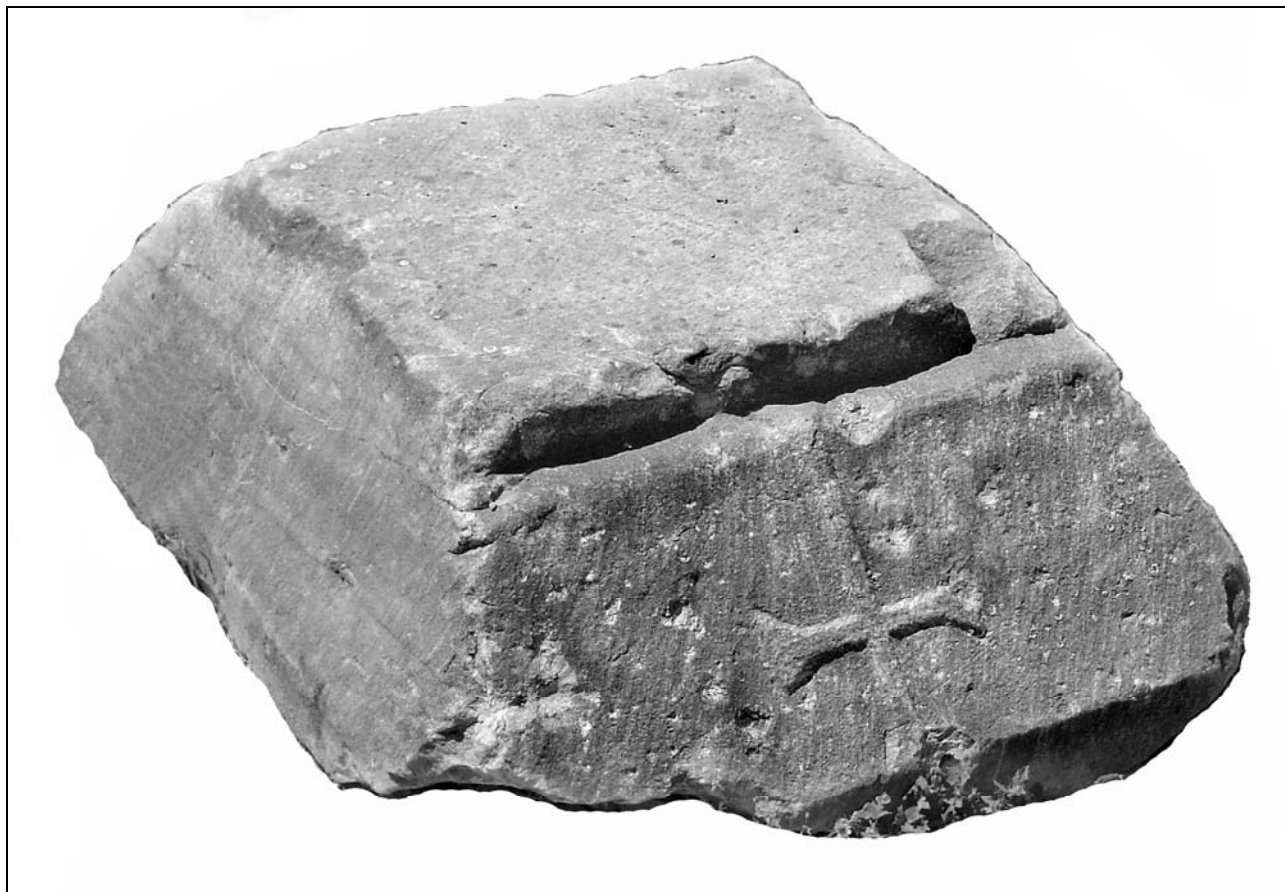

Рис. 90. Импостная капитель 7. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 90. Impost Capital 7. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

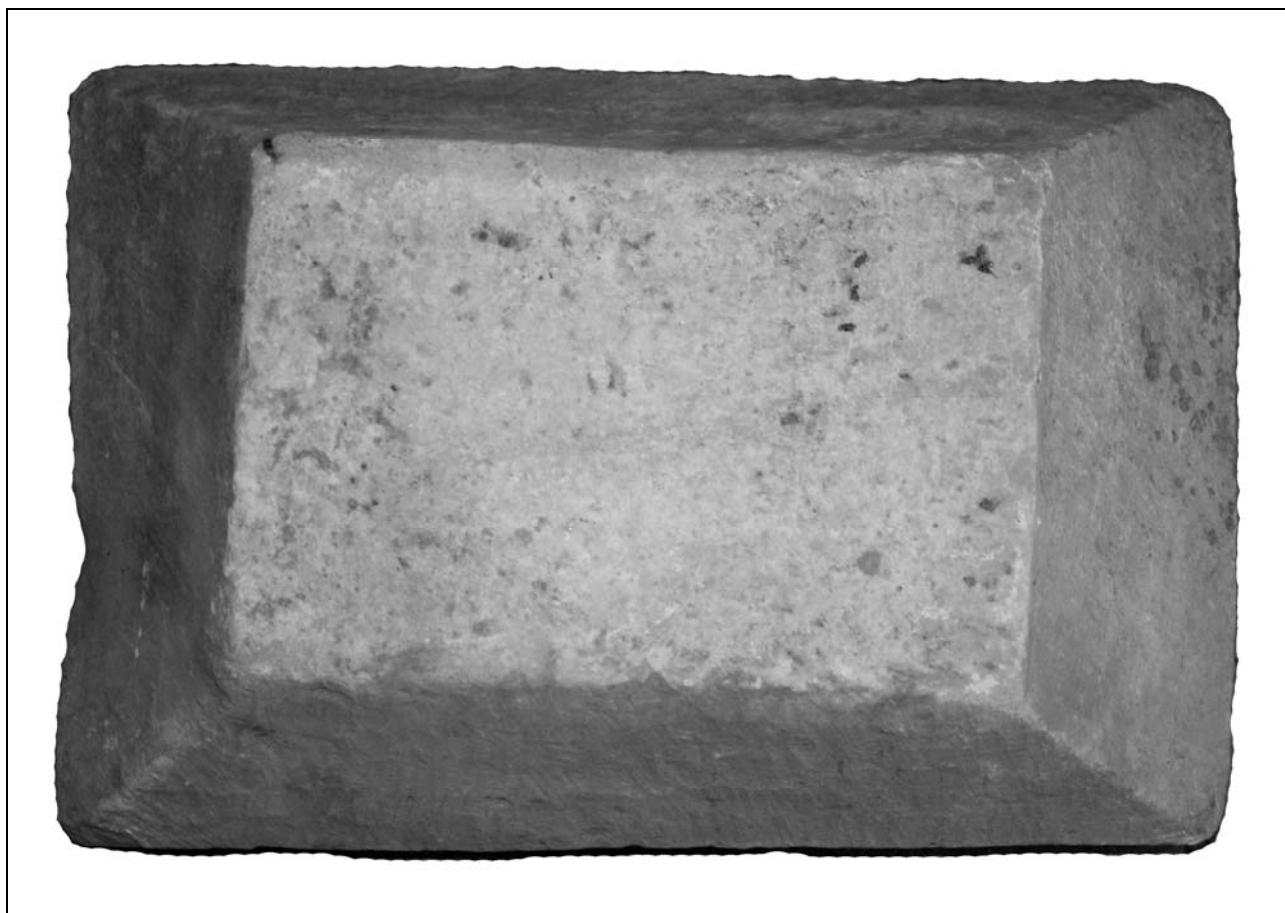

Рис. 91. Импостная капитель 8. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 91. Impost Capital 8. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

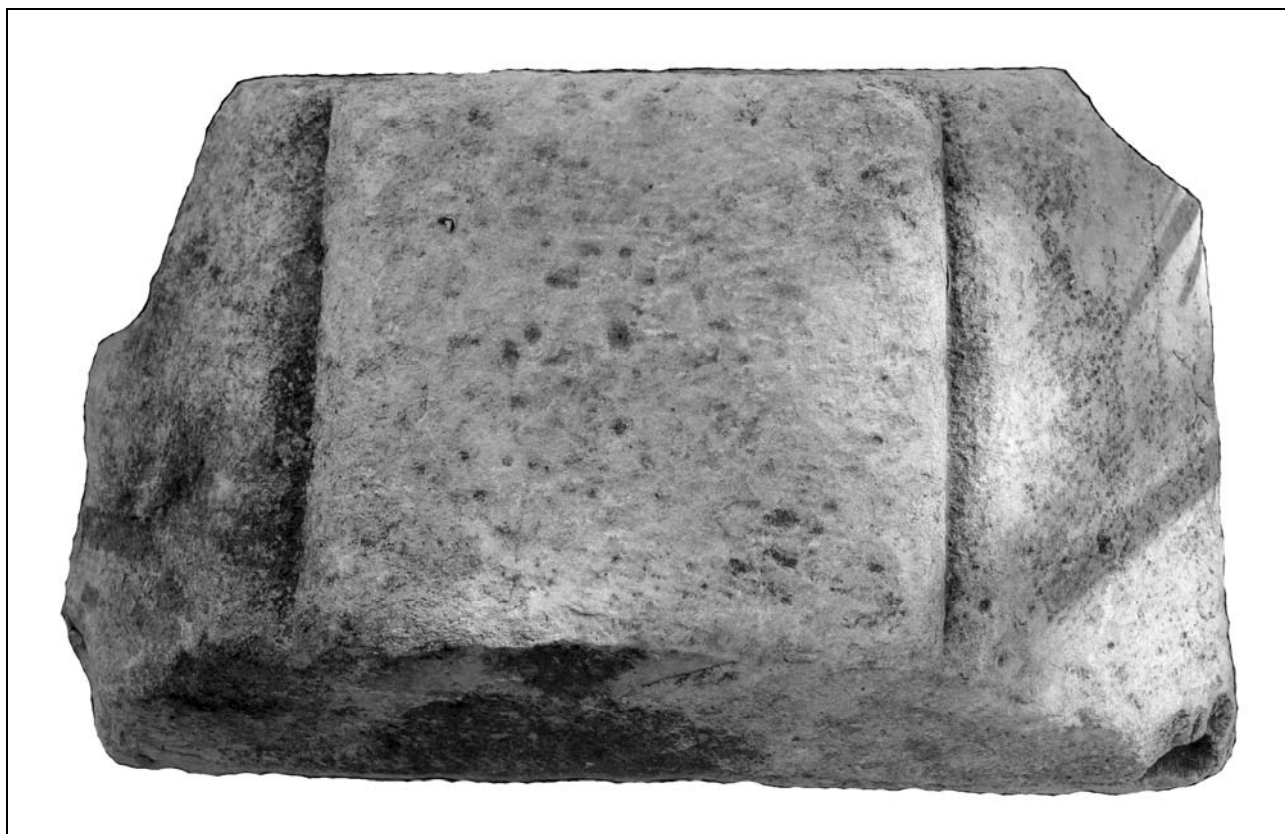

Рис. 92: а. Импостная капитель 9. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 92: a. Impost Capital 9. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

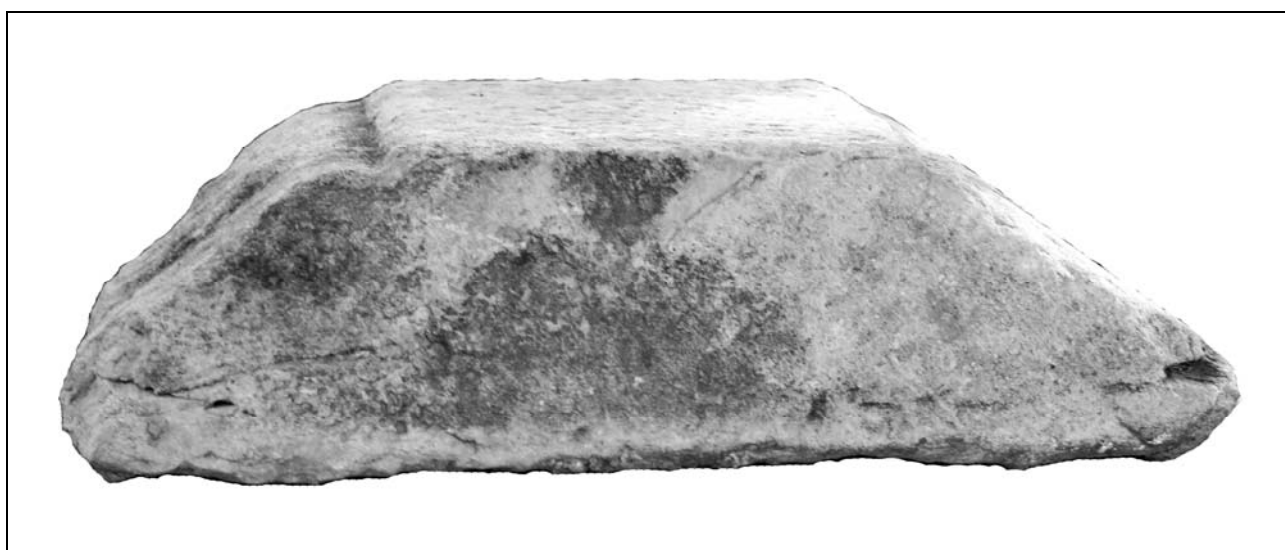

Рис. 92: б. Импостная капитель 9. ГИАМЗ ХТ (фото автора)

Fig. 92: б. Impost Capital 9. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 92: в. Импостная капитель 9, деталь. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 92: в. Impost Capital 9, Détail. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

W

Рис. 93. Базилика 1935 г., вид на запад. ГИИМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 93. Basilica of 1935, view to the West, State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 94. Базилика 1935 г. Импостная капитель 10. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 94. Basilica of 1935. Impost Capital 10. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 95. Базилика 1935 г. Импостная капитель 11. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 95. Basilica of 1935. Impost Capital 11. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 96. Импостная капитель 12. ГИАМЗ ХТ (фото автора).

Fig. 96. Impost Capital 12. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (Photo by the Author).

Рис. 97. Колонна 1. ГИМ (фото автора).

Fig. 97. Column 1. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 98: *a*. Колонна 2. ГИМ (фото автора).

Fig. 98: *a*. Column 2. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 98: б. Колонна 2. Деталь. ГИМ (фото автора).

Fig. 98: б. Column 2. Détail. State Historical Museum (Photo by the Author).

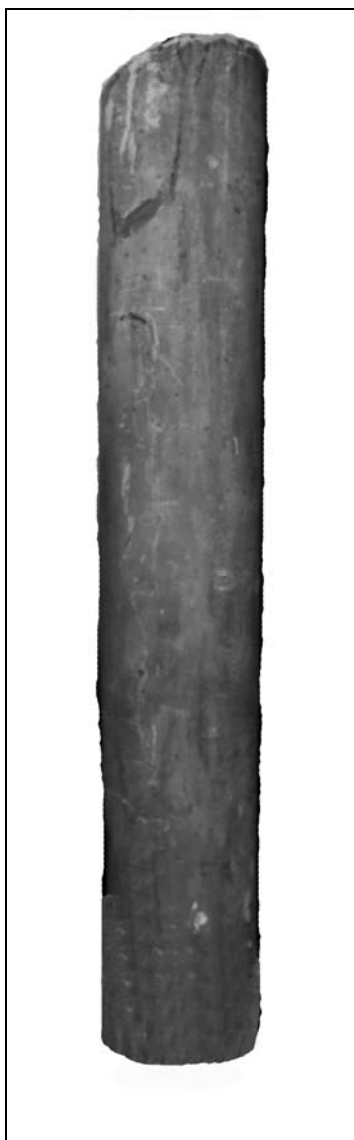

Рис. 99. Колонна 3. ГИМ (фото автора).

Fig. 99. Column 3. State Historical Museum (Photo by the Author).

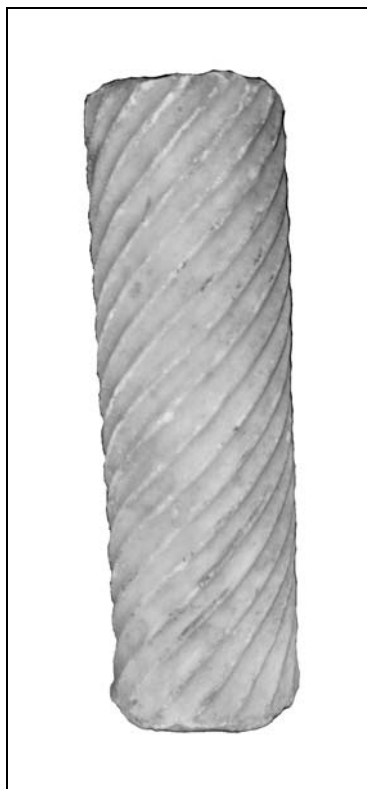

Рис. 100. Колонка 1, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 100. Column 1, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 101. Колонка 2, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 101. Column 2, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

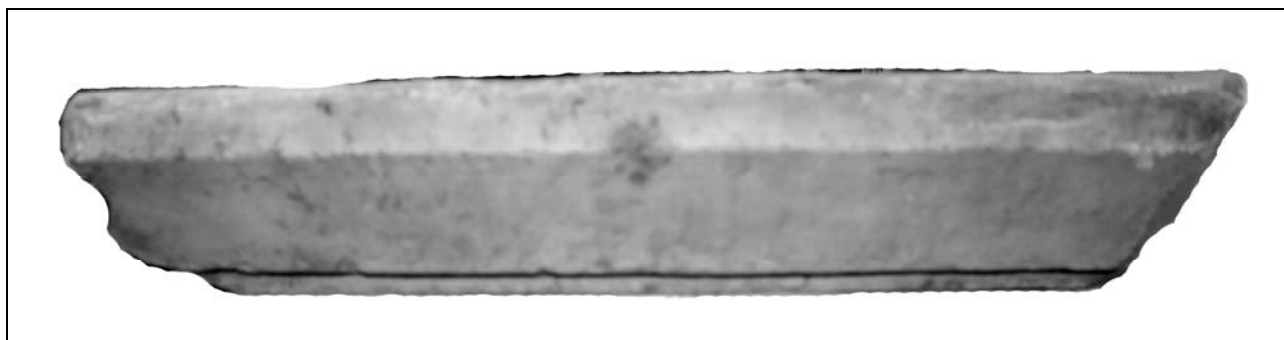

Рис. 102. Архитектурный фрагмент 1. ГИМ (фото автора).

Fig. 102. Architectural Fragment 1. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 103. Архитектурный фрагмент 2. ГИМ (фото автора).

Fig. 103. Architectural Fragment 2. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 104. Плита 1, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 104. Slab 1, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 105. Плита 2, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 105. Slab 2, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 106. Плита 3, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 106. Slab 3, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 107. Плита 4, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 107. Slab 4, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 108. Плита 5, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 108. Slab 5, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

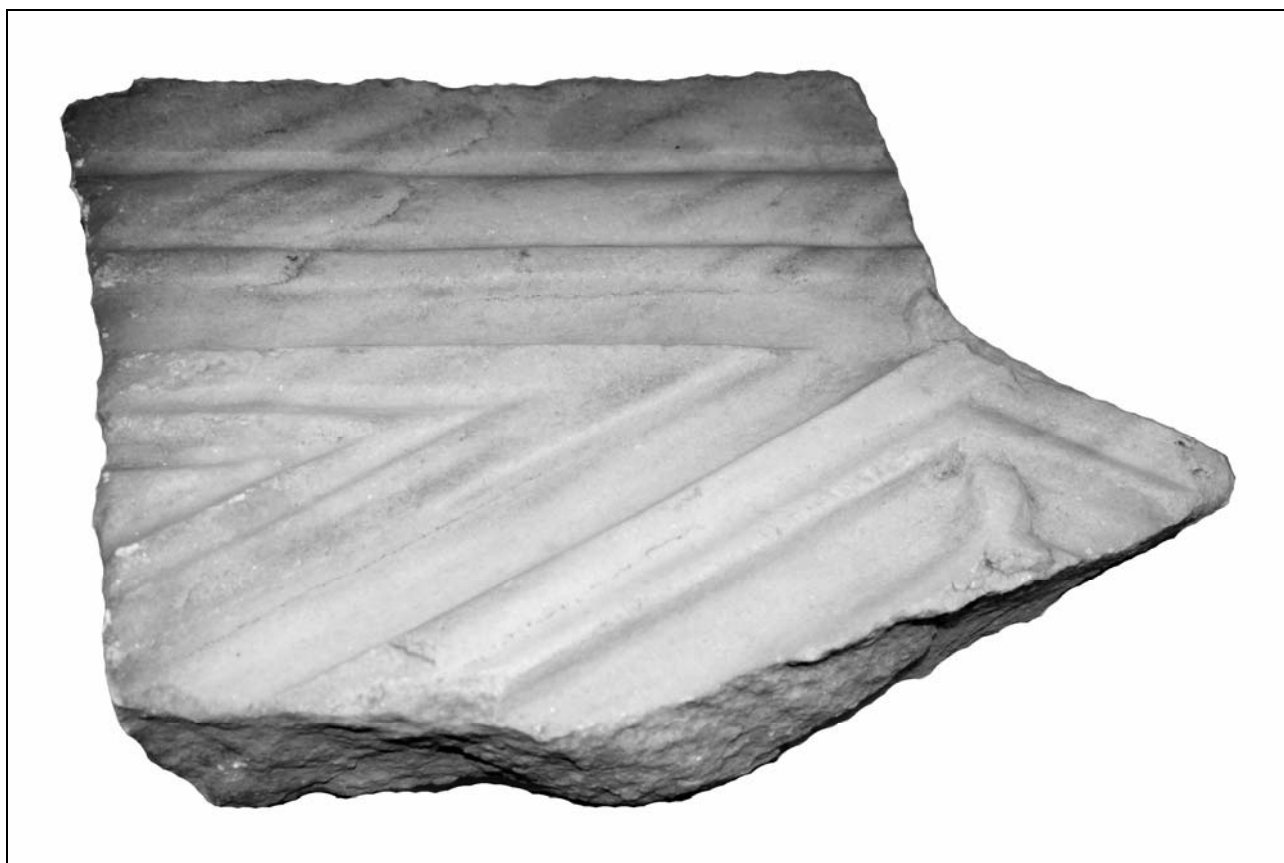

Рис. 109. Плита 6, фрагмент амвона. ГИМ (фото автора).

Fig. 109. Slab 6, Fragment of Ambo. State Historical Museum (Photo by the Author).

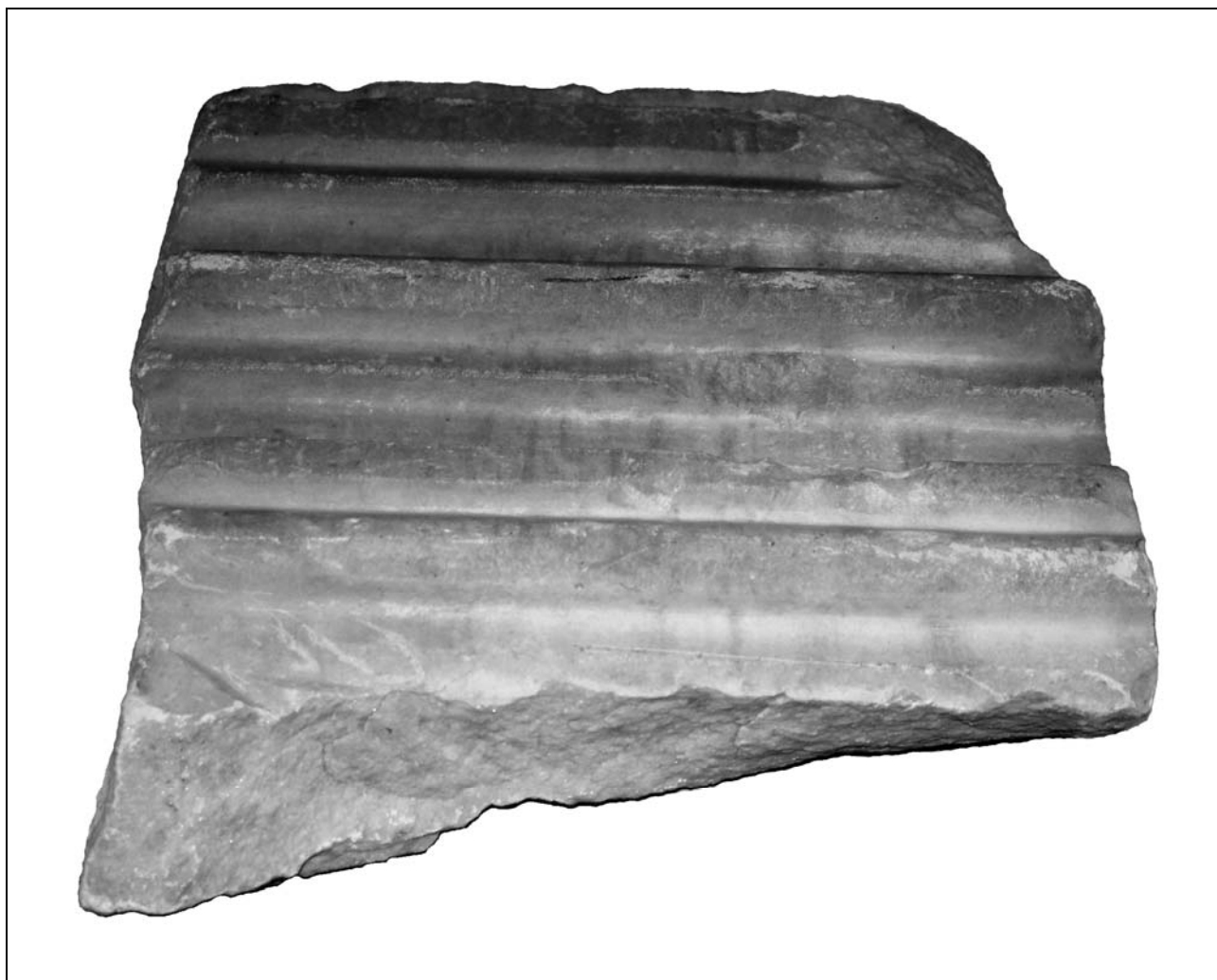

Рис. 110. Плита 7, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 110. Slab 7, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 111. Плита 8, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 111. Slab 8, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

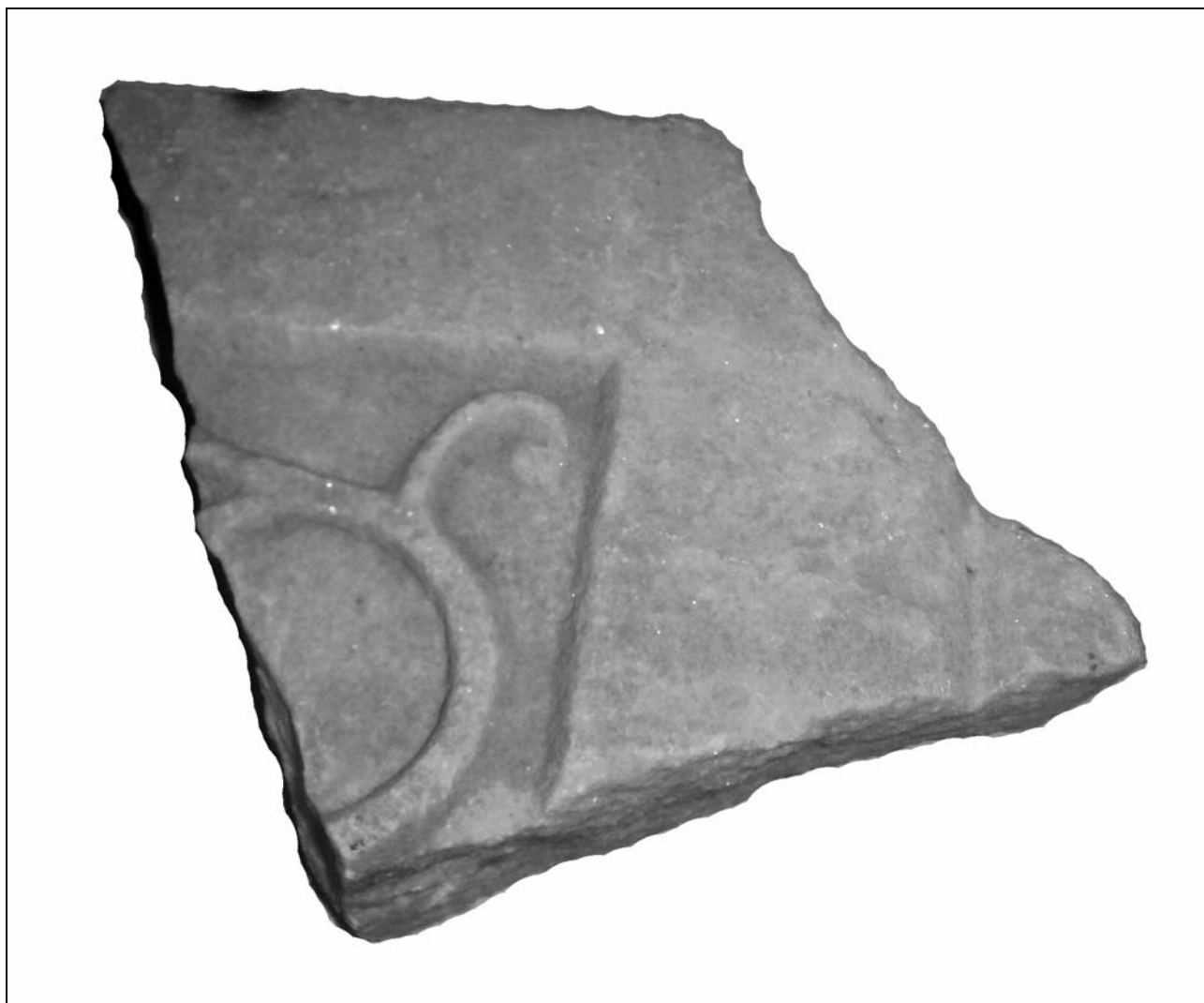

Рис. 112. Плита 9, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 112. Slab 9, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

Рис. 113. Плита 10, фрагмент. ГИМ (фото автора).

Fig. 113. Slab 10, Fragment. State Historical Museum (Photo by the Author).

История

History

УДК 94(477.75)
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00009

Е.А. Молев

**МИТРИДАТ И РИМ:
«КТО» БЫЛ «КЕМ» НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИТРИДАТОВОЙ ВОЙНЫ?***

В статье рассматривается вопрос о соотношении роли и степени агрессивности Рима и Понта накануне антиримских войн Митридата VI Евпатора. Автор кратко характеризует исследования своих предшественников и дает свою оценку данного фактора для обеих сторон, ссылаясь на свидетельства античных авторов и логику исследований своих предшественников. В заключении делается вывод об оборонительном характере предвоенной внешнеполитической деятельности царя Понта, проистекающем из понимания силы и могущества его главного противника и желания сохранить и укрепить независимость своего государства за счет соседей в соответствии с идеологией того времени.

Ключевые слова: Понт, Рим, Митридат VI Евпатор, агрессор, жертва, внешняя политика.

Сведения об авторе: Молев Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: molev.eugeny@yandex.ru.

Е.А. Molev

**MITHRIDATES AND ROME:
“WHO” WAS “WHO” ON THE EVE OF THE FIRST MITHRIDATES WAR?**

The article deals with the correlation of the role and degree of aggression of Rome and Pontus on the eve of the anti-Roman wars of Mithridates VI Eupator. The author briefly characterizes the research of his predecessors and gives his assessment of this factor for both sides, referring to the evidence of ancient authors and the logic of the research of his predecessors. In conclusion, the conclusion is made about the defensive nature of the pre-war foreign policy of king Pontus, arising from the understanding of the strength and power of his main opponent and the desire to preserve and strengthen the independence of his state at the expense of neighbors in accordance with the ideology of the time.

Key words: Pontus, Rome, Mithridates VI Eupator, the aggressor, the victim, foreign policy.

About the author: Molev Evgeniy Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; e-mail: molev.eugeny@yandex.ru.

О войнах понтийского царя Митридата VI Евпатора и Рима писали в древности очень много и долго, практически вплоть до конца античной истории. И в последующие времена, вплоть до настоящего времени, интерес к событиям того времени не угас, и многие ученые разных стран вновь и вновь обращаются к событиям политической жизни Средиземноморья в I в. до н.э., давая им свою оценку. И подробно оценкам деятельности этого правителя в

* Статья поступила в номер 18 октября 2019 г.
Принята к печати 15 ноября 2019 г.

трудах античных писателей, оценки римско-понтийских отношений авторами последующих эпох и роли в них Митридата VI Евпатора так же отнюдь не однозначны.

Наиболее распространенной версией о его роли в характере римско-понтийских отношений долгое время была точка зрения Т. Моммзена, который рассматривал понтийского царя как обычного восточного султана и был уверен в оборонительном характере действий Рима накануне Первой Митридатовой войны (Моммзен 1997: 202). Его точка зрения была поддержана рядом исследователей (Rostovtzeff, Ormerod 1932: 223; Errington 1972; Bengtson 1975: 252; Ломоури 1979: 82—83; McGing 1986: 85; Hind 2008: 144—145; Strobel 1996: 188). На фоне этих представлений как редкие исключения выглядели иные оценки. Но сегодня, как верно заметил Э. Адлер, это представление есть все основания считать надуманным¹ (Adler 2006: 384).

Уже Э. Бэдиан, рассматривая политические коллизии в Малой Азии, вскользь замечает, что деятельность Митридата и рост его активности был, в том числе, и следствием римской политики (Badian 1958: 289). В том же году возникла идея, что главной целью завоеваний Митридата, ввиду его эллинофильства, было освобождение греков от римского владычества (Duggan 1958: 9). Эта идея позднее, в той или иной степени, была поддержана рядом исследователей (Молев 1976: 21; 1995: 48—49; 2018: 58—59; Antonelli 1992: 7; Gabrielsen 2005: 35—38).

В определенной степени, как ответ на агрессивную внешнюю политику римлян в Азии, рассматривал активизацию внешней политики Митридата и Д. Глю (Glew 1977: 404), который, специально рассмотрев взаимоотношения Митридата и Рима в межвоенный период, пришел к выводу, что Митридат в ходе своих завоеваний намеревался лишь укрепить свое господство в Малой Азии, отнюдь не претендуя на большее (Glew 1981: 108—130).

По мнению С.Ю. Сапрыкина, также тщательно рассмотревшего вопрос о противостоянии царя Понта Митридата Евпатора и Римской республики «вооруженный конфликт стал неизбежен, поскольку обе стороны сделали все, чтобы его развязать» (Сапрыкин 1996: 199).

В том же году К. Штробель, рассматривая причины первой Митридатовой войны, пришел к выводу, что Митридат был в основном обычным эллинистическим царем, склонным к уступкам, который уважал традиции эллинистического мира и стремился избежать открытого конфликта с Римом. Настоящим же агрессором накануне антиримских войн Митридата выступила Вифиния (Strobel 1996b: 55—94).

В недавней статье, опубликованной в серии статей Центра Черноморских исследований в Дании (BSS), профессор Дж.М. Мадсен, отметил, что амбиции Митридата распространялись на завоевание всего мира²: «Mithridates was no doubt both ambitious and eager to conquer the world» (Madsen 2009: 193). Тем не менее, он пришел к выводу, что ранний этап завоеваний Митридата до начала первой войны с Римом еще не был рассчитан на борьбу с римлянами, с целью положить конец римскому правлению в Малой Азии: «Closely analysed, Mithridates' imperial policy, between his accession and the outbreak of the First Mithridatic War, was not aimed at a final encounter meant to end Roman rule in Asia Minor» (Madsen 2009: 194). Более того, по мнению автора, именно римские правители провинции

¹ Исследователь заключил, что «the notion that the Romans unwittingly came to control a vast empire rightly strikes contemporary scholars as farfetched» (Adler 2006: 384).

² Обвинения в стремлении противников Рима к мировому господству проримски настроенные античные авторы делали неоднократно. См. например, заявление Полибия о таковых планах Филиппа V Македонского «Филипп мечтал о завоеваниях даже во сне, и всецело занят был этими планами» (Polyb., V, 108, 5), что, на самом деле, очень маловероятно (Беликов 2003: 68). Но дело в том, что о наличии именно таких планов у Митридата наши источники прямо ничего не говорят.

Азия спровоцировали Митридата на первую войну: «they provoked Mithridates into beginning the war» (Madsen 2009: 197), т.е. повели себя как скрытые агрессоры. И в заключение своего исследования автор делает вывод, что в войнах с Римом Митридат не был агрессором: «Yet, what seems equally clear is that Mithridates was not the aggressor that modern scholars have believed and believe him to be» (Madsen 2009: 200).

К той же теме и в том же сборнике обратился Б.С. МакГинг. Об этом прямо говорит название его статьи «Mithridates VI Eupator: Victim or Aggressor?». В своей оценке автор опирается преимущественно на информацию Аппиана, единственного античного писателя последовательно и четко излагавшего ход событий Митридатовых войн от их начала до конца (Шелов 1986: 113; McGing 1993: 514—520). Автор сразу определяет свою точку зрения, согласно которой Митридат сознательно, хотя и осторожно, шел на конфронтацию с Римом: «who does move consciously, if carefully, to a show-down with Rome», а затем ставит вопрос — кто же все это начал: «who started it all?» и подробнейшим образом рассматривает сведения античных авторов (McGing 2009: 204). По мнению В.С. МакГинга, у античных авторов, писавших о Митридате спустя много лет после гибели понтийского царя, вполне могло сложиться впечатление о его агрессивности и намерении воевать с Римом чуть ли не со времени восшествия на престол, хотя это и не так. Тем не менее, аргументами в пользу вероятности ранней агрессивности намерений Митридата против Рима, как считает В.С. МакГинг, могли быть его ахеменидское происхождение (McGing 2009: 206), что отмечал, кстати, еще М.И. Ростовцев (Rostovtzeff, Ormerod 1932: 223), черноморская политика молодого царя: «his whole Black Sea policy can surely only be that of an extremely ambitious young monarch» (McGing 2009: 207), возведение родословной к Александру Македонскому, что получило особое распространение в его нумизматике (и, добавим от себя, в скульптуре) (McGing 2009: 211—212); а также предвоенный характер столкновений с римлянами из-за Каппадокии. Из этого следует вывод, что интерпретация военных планов Митридата Аппианом, вероятнее всего, достоверна: «Appian's interpretation of Mithridates' war plans gains credence» (McGing 2009: 209), и в конфликте Понта с Римом ни одна сторона не была невинной жертвой: «In this conflict, neither side was an innocent victim» (McGing 2009: 213). Заключение, на мой взгляд, наиболее убедительное. Но и его можно уточнить.

Начнем с того, что сведения о Митридате и его деятельности оставили около 50 античных авторов (Hind 2008: 130). Однако абсолютное их большинство (а в вопросе о планах Митридата практически все) были представителями победившей стороны, выражавшими, хотя и в разной степени, точку зрения римлян (или, во всяком случае, проримскую). Сохранившиеся немногочисленные отрывки из трудов авторов, которые могли бы представить пропонтийскую версию хода событий (Метродор из Скепсиса, Гераклид из Магнесии, Гипсикрат из Амиса, Аполллонид и др.) не дают интересующей нас информации (Richter 1987: 179—182). И потому наша оценка роли Митридата и Рима в развязывании серии войн между ними в любом случае будет относительной. И все же попробуем.

Из сохранившихся до нашего времени трудов античных авторов наиболее полную информацию по интересующему нас вопросу мы можем получить, лишь в трудах Страбона, Мемнона, Саллюстия, Помпея Трога (в изложении М. Юниана Юстина) и Аппиана. Прочие литературные свидетельства имеют чисто вспомогательное значение и принадлежат к числу «кратких и ненадежных сокращений» (McGing 1986: 178). Начнем со **Страбона**, наиболее хорошо информированного в понтийских делах автора. По своим политическим воззрениям Страбон был ярко выраженным романофилом, хотя воспитан и образован он был по-гречески, и, судя по его описанию Понта в «Географии», в немалой степени был и патриотом

своей Родины³ (Грацианская 1988: 16—17; Clarke 1997: 109, Kuin 2017: 102). В его труде, как справедливо заметил Д. Браунд «Admiration for Mithridates and blandishments towards Rome go hand in hand in Strabo» (Braund 2005: 233—234). Основным своим трудом он сам считал «Исторические записки», представляющие собой продолжение «Истории» Полибия (Strabo., XI, 9, 3). Выписки из этого труда неоднократно цитируются им в «Географии». Одной из таких выписок, вероятнее всего, было и сообщение о принятии Митридатом под свое покровительство Херсонеса и последующих войнах со скифами. Этот полис «*πορθομένην δὲ ὑπὸ τῶν βαρβάρων ἡναγκάσθη προστᾶτην ἐλέσθαι Μιθριδάτην τὸν Εὐπάτορα, στρατηγῶντα ἐπὶ τοὺς ὑπὲρ τοῦ ἰσθμοῦ μέχρι Βορυσθένους βαρβάρους καὶ τοῦ Ἀνδρίου· ταῦτα δ' ἦν ἐπὶ Ῥωμαίους παρασκευή*») (Strabo., VII, 4, 3) — «был вынужден выбрать себе покровителя в лице Митридата Евпатора: последний хотел стать во главе варваров, обитавших за перешейком вплоть до Борисфена и Адрия. Это были приготовления к походу на римлян». В данном его сообщении, что для нас особенно важно, наряду с информацией о происходивших событиях дается и их авторская оценка: «*ταῦτα δ' ἦν ἐπὶ Ῥωμαίους παρασκευή*» — «Это были приготовления против римлян». Разумеется, эта оценка заслуживает определенного доверия, поскольку предки Страбона играли важную роль при дворе понтийских царей, и он мог иметь достаточно точную информацию о событиях, происходивших в период правления Митридата Евпатора. Однако действительно ли мог едва вошедший на престол молодой понтийский царь уже тогда ставить перед собой столь далеко идущие цели? Точнее говоря, можно ли увидеть в событиях, происходивших в Таврике, наступательные планы, направленные именно на сокрушение могущества Рима?

Ответить на этот вопрос непросто, тем более, что у Страбона в другом месте говорится о царях Ближнего Востока: «*[ἢ] ἀφισταμένων καὶ ἔπειτα καταλυομένων, καθάπερ ἐπὶ Μιθριδάτου συνέβη τοῦ Εὐπάτορος*» (Strabo., VI, 4, 2) — «если они поднимали восстания, и их потом устраняли, как это произошло с Митридатом Евпатором». Из этого сообщения следует, что с точки зрения римлян Митридат был всего лишь мятежником, а вовсе не равноправным или, тем более, сильным конкурентом Республике в области внешней политики. Сам же Рим в данном пассаже выглядит явно агрессором. Следовательно, предыдущую оценку Страбоном намерений Митридата можно (и, скорее всего, нужно) рассматривать как понимание юным понтийским царем неизбежности столкновения с Римом и стремление как можно лучше подготовиться к этому столкновению заблаговременно. И, стало быть, по мнению Страбона, цели внешней политики царя Понта до начала войн против Рима можно рассматривать преимущественно как оборонительные, направленные на укрепление мощи своего государства в предстоящем противостоянии с Римом.

Вторым автором, также достаточно хорошо информированным о делах Понтийского царства и дающим некоторые основания судить в внешнеполитических планах Митридата, является гераклеийский историк **Мемнон** (I в. до н.э. — I в. н.э.), написавший историю своего родного города. В ней рассмотрена и судьба Гераклеи в период войн Митридата с Римом. Мемнон не дает прямой оценки предвоенных действий Митридата как антиримских, а считает их следствием его натуры: «*Φονικώτατος δ' ἐκ παιδὸς ὁ Μιθριδάτης ἦν*» (Memn., fr. XXII, 2) — «Митридат был с детства кровожаднейшим из людей». И именно это, по мнению Мемнона, привело к тому, что он после своих первых успехов «возгордился» и перестал выполнять указания римлян. Более того, «*προσέτιθει δὲ καὶ ἑτέρας τοῦ πολέμου αἰτίας*» (Memn.,

³ Ингер Н.И. Куин, например, считает ярким проявлением романофильства Страбона его упоминания о Дорилае Старшем и его потомках: «Strabo chose to include the family story of the defection of Dorylaeus in his account (twice) precisely because it fits the pattern of the family's growing alignment with Roman interests» (Kuin 2017: 215).

fr. XXII, 5) — «он сделал так, что возникли и другие причины войны». Иными словами, с точки зрения Мемнона, инициатором войны между Понтом и Римом был Митридат. И именно его завоевательные планы, в то время когда встал вопрос о подчинении Каппадокии, вошли в наибольшее противоречие с планами римской политики на востоке и обусловили возникновение военного конфликта.

При всей односторонности и тенденциозности Мемнона как историка, что не раз отмечалось исследователями его творчества (Laqueur 1926: col. 1098; Дзагурова 1951: 283—288; Фролов 1974: 118), его труд все же является одним из надежных источников по истории Митридатовых войн. Автор представляет ход событий с точки зрения одного из крупнейших эллинских городов Причерноморья (Дзагурова 1951: 284), причем города пострадавшего в ходе Митридатовых войн от римлян по вине Митридата и его мнение о понтийском царе на этом фоне, пожалуй, и не могло быть иным. Основными источниками Мемнона в этом вопросе, вероятнее всего, были *συγγραφεῖς*, о которых упоминает Страбон, а в тех частях, где речь идет о Геракле, автор использовал сочинения Проматида Гераклеота и Домиция Каллистрата, писавших о Геракле (Reinach 1895: 454). Это дает основание отнести к его сведениям о планах понтийского царя с определенным скепсисом, но все же не сбрасывать их со счетов нашего исследования.

Третьим автором, из трудов которого можно взять некоторые оценки роли Митридата и Рима в период их противостояния, является **Г. Саллюстий Крисп** (86—35 гг. до н.э.). Наиболее информативно в этом отношении приводимое им письмо Митридата Евпатора к парфянскому царю Арсаку (Фраату III). В свое время Б. МакГинг оценил его как «потенциально один из важнейших источников по митридатовской пропаганде» (McGing 1986: 154). Однако, достоверность самого этого письма весьма сомнительна⁴. Некоторые исследователи творчества Саллюстия даже полагают, что оно было написано самим Саллюстием (Adler 2006: 389). Против этой версии не возражают авторы одного из последних исследований трудов Саллюстия как источника А.В. Короленков и В.О. Никишин (Короленков, Никишин 2016: 1039). Следовательно, приписанные им Митридату оценки римлян и их политики вряд ли можно принимать в полной мере, как исходящие непосредственно от Митридата. Скорее всего это *loci communes* понтийской пропаганды того времени (Короленков 2009: 115), которой воспользовался и которую подал в том свете, который соответствовал его собственным взглядам сам Саллюстий.

Так, из содержания письма ясно следует, что царь Понта был хорошо осведомлен об агрессивном характере римской политики еще до начала войны и знал, что римляне «после того как Океан положил предел их движению на запад обратили свое оружие в нашу сторону» (Sall., IV, 4, 69). Но мог ли Митридат в действительности знать об этом факте или это только мнение Саллюстия? Думается, что в данном случае Саллюстий не искажал факты. О начале агрессии Рима в восточном направлении можно говорить уже после второй карфагенской войны, когда Рим подчиняет Македонию. Не случайно Полибий задолго до Саллюстия отмечал, что падение Македонии было тем рубежом, после которого мир попал под власть Рима (Polyb., I, 1, 5, III, 4, 2—3). В то время большинство городов и государств Малой Азии, предпринимая какие-то внешнеполитические акции, часто стремились поставить об этом в известность сенат и заручиться его поддержкой, для чего в Рим регулярно отправлялись посольства (Welles 1934: № 61; Касеев 1997: 24). Разумеется, не следует преувеличивать степень римского вмешательства в повседневные дела эллинистических государств. Но, как справедливо заметил Ф. Уолбэнк, теперь всякое

⁴ Историографию вопроса см.: (Короленков 2009: 109—116).

независимое действие эллинистических правителей влекло за собой определенный риск (Walbank 1981: 242—243). И став после подчинения Италии на путь внешней агрессии, Рим уже не мог остановиться.

Образование, полученное Митридатом, и информация его родных и близких о событиях понтийской истории, по крайней мере, со времени Фарнака I, позволяет думать, что царь Понта достаточно хорошо знал основные события политической жизни своего времени и то, кто был главным врагом его государства. И это очевидно для Саллюстия. Именно поэтому, мы можем оценивать его информацию, как серьезный аргумент в пользу того, что Митридат изначально рассматривал свои действия как направленные на то, чтобы противостоять дальнейшему развитию римской агрессии в сторону Азии.

Четвертым автором, также наиболее близким по времени жизни к событиям истории Митридатовых войн был **Помпей Трог** (I в. до н.э. — I в. н.э.). Его труд «*Historiae Philippicae*» написан около 7 г. н.э. и, вероятнее всего, был лишь переработкой сочинения неизвестного нам греческого автора (Зельдин 1954: 183). Однако из 44 книг его сохранились лишь «*Prologoi*» (краткое содержание отдельных книг) и извлечение, сделанное М. Юнианом Юстином. Судя по «*Прологам*», кн. 37 Трога была специально посвящена истории Понта, Боспора и Колхиды. При их написании он, как и Мемнон, вполне мог использовать и произведения местных припонтийских авторов, т.н. историков Митридатовых войн (συγγραφεῖς) (Зельдин 1954: 190). Кроме того, о событиях этих войн он мог иметь определенную информацию и от своих близких родственников — его дядя командовал отрядом всадников в армии Помпея в третьей Митридатовой войне, а отец был секретарем и переводчиком Юлия Цезаря (Caes. Bell. Gal., V, 36. 1; Just., XLIII, 5, 12). Как показывает эпитома его произведения Юстином, он имел достаточно полную информацию о событиях первой Митридатовой войны и том, что ей предшествовало.

В рассказе о попытках погубить Митридата еще в детстве (Just., XXXVII, 1, 6, 2, 1—9) Трог не называет и никак не характеризует его врагов, но то, что это был внешний враг, со всей очевидностью вытекает из его последующей информации: «когда же Митридат приступил к управлению государством, он с самого начала стал думать не о делах внутреннего управления, а об увеличении пределов своего царства» (Just., XXXVII, 1). Именно это обстоятельство и то, что наиболее сильным политическим противником Понта в Азии в то время уже была Римская республика, позволило современным исследователям видеть в этих внешних врагах римлян. Не случайно дальше Юстин подчеркивает, что после подчинения Пафлагонии «Митридат уже считал себя равным по величию с народом римским» (Just., XXXVII, 4, 5) и еще далее он отметил, что Митридат «давно замыслил войну с Римом» (Just., XXXVIII, 7). При этом планы этой войны были рассчитаны лишь на подчинение Малой Азии (Молев 2005: 206), о чем красноречиво свидетельствует сообщение Юстина о тайной поездке Митридата по провинции Азия и Вифинии (Just., XXXVII, 3, 4—5). Следовательно, и Помпей Трог рассматривал задачи внешней политики Митридата накануне его первой войны с Римом как оборонительные, имевшие целью лишь сохранить независимость своего собственного государства.

Отметим и такой важный факт, что, по мнению ряда исследователей творчества Трога, речь Митридата к войску в начале войн с Римом, где он характеризует причины войны, прямо называя Рим агрессором, была сочинена им самим. Причем за основу ее было взято вышеупомянутое письмо Саллюстия (Короленков, Никишин 2016: 1040; Adler 2006: 397—398, 402). И это также дает основание рассматривать ее как важный аргумент в пользу признания агрессивной стороной, прежде всего, Рим.

Наиболее полную информацию о внешнеполитических планах Митридата до начала римской агрессии против Понта дает **Аппиан** (ок. 95 — ок. 170 гг. н.э.). Он родился и вырос в Александрии, а в зрелые годы принадлежал уже к высшим классам римского общества и занимал достаточно высокое положение (Лукомский 1994: 416). Свой главный труд — «Римскую историю» Аппиан написал уже в преклонном возрасте, между 160 и 165 гг. н.э., находясь при императорском дворе. К этому времени он уже располагал достаточно большим объемом самой разнообразной информации и старался излагать события добросовестно, без отклонения от темы (Хан 1968: 85). Несомненно, Аппиан пользовался также тенденциозными мемуарами участников войн с Митридатом Евпатором, в частности Суллы. Весьма вероятно, что с такого рода материалами Аппиан дополнительно ознакомился еще по сочинению Тита Ливия. Не исключено, что некоторую информацию он мог почерпнуть и из трудов пропонтийски настроенных авторов. В частности, об этом может свидетельствовать его совершенно антиримская оценка «Эфесской резни» — «Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершала против них такие ужасные поступки» (App. Mithr., 23). В итоге сведения Аппиана о планах Митридата можно считать в достаточной мере полными и его труд является одним из самых важных для историка Понта сочинений (Гуленков 2000: 69—70; McGing 1993: 500).

По начальной информации Аппиана войну Митридата против Рима спровоцировали сами римляне: «они с подозрением смотрели на страну, подвластную Митридату, становящуюся очень крупной» (App. Mithr., 10), а после восстановления у власти царей Вифинии и Каппадокии римляне «тотчас стали подстрекать» их правителей «делать набеги на землю Митридата и вызывать его на войну, обещая, что в случае войны римляне окажут им помощь» (App. Mithr., 11, 18—21). Оценку же предвоенных завоеваний понтийского царя сам Аппиан не дает, а вкладывает ее в выступление послов вифинского царя Никомеда. Последние, характеризуя внешнеполитическую деятельность Митридата, объявляют ее направленной на подготовку к войне с Римом: «все эти приготовления ... направлены ... против вас, о римляне» (App. Mithr., 13). Любопытно, что в последующей речи посол Митридата Пелопид фактически повторяет информацию вифинских послов, предостерегая, тем самым, римских правителей провинции Азия от войны, не санкционированной сенатом (App. Mithr., 15—16).

Эта миссия Пелопида, кстати, вызвала самые разные оценки современных исследователей. Так, МакГинг считал ее последней попыткой Митридата предотвратить войну (McGing 1986: 80—81); А. Шервин-Вайт рассматривал ее как тактический маневр понтийского царя (Sherwin-White 1984: 125); а С.Ю. Сапрыкин посчитал это открытым призывом Митридата к войне (Сапрыкин 1996: 199). Однако повторимся, сам Аппиан своего мнения ни здесь, ни далее не высказывает. Поэтому максимум, что мы можем приписать ему в этом плане, так это то, что он был согласен с мнением вифинской делегации и считал всю предвоенную деятельность Митридата подготовкой своего государства к борьбе с Римом, с конечной целью отстоять его независимость и не более того. Не случайно в завершении своего описания Митридатских войн, где Аппиан дает оценку личности царя Понта, он не только не обвиняет Митридата в его антиримском выступлении, но еще раз прямо называет «αἴτιον τοῦ πολέμου» (App. Mithr., 112) — «виновником войны» Мания Аквилія, т.е. Рим.

Прочие литературные свидетельства имеют чисто вспомогательное значение. Среди них есть лишь несколько фрагментов, позволяющих извлечь некоторые сведения о предвоенных внешнеполитических планах и намерениях Митридата. Наиболее ярким из таковых является сообщение Плутарха о поездке в Малую Азию знаменитого римского полководца того времени Мария (Plut. Mar., 31). Эта поездка, вероятнее всего, представляла собой «die

informelle diplomatische Mission» Рима, направленное с целью решения вопроса о Галатии и Каппадокии в проримском варианте (Молев 2005: 207; Strobel 1996: 166). В сообщении Плутарха особенно важна фраза, что Марий во время встречи собирался подстрекнуть Митридата к войне, поскольку в Риме все подозревали (Reinach 1895: 91; Luce 1970: 186; Ballesteros-Pastor 1999: 506—508), что царь Понта уже давно к ней готовился: «ἤλπιδε γὰρ τοὺς βασιλεῖς συνταράξας καὶ Μιθριδάτην ἐπίδοξον ὄντα πολέμησιν ἀναστήσας καὶ παροξύνας» (Plut. Mar., 31, 4) — «Он надеялся, что ему удастся возмутить царей и подвигнуть Митридата к войне, которую, как все подозревали, тот давно уже замышлял». Следовательно, независимо от того, каковы были реальные планы Митридата, в Риме все равно воспринимали его действия, как направленные против Рима. А учитывая еще большую осторожность, которую стал проявлять Митридат в своих действиях после встречи с Марием (Plut. Mar., 31, 4), можно не сомневаться, что его предыдущие планы внешней политики также предусматривали лишь превентивные оборонительные меры.

Кстати, агрессивные намерения Рима против роста державы Митридата Плутарх отмечает и в биографии выдающегося римского политического деятеля и полководца Суллы, которому вскоре довелось вести войну против царя Понта. Уже в 92 г. до н.э., за четыре года до первой Митридатовой войны, римляне послали Суллу в Каппадокию «чтобы вернуть туда Ариобарзана, а на деле, чтобы обуздать Митридата, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил свое могущество и державу (Plut. Sulla, 5). Это подтверждает высказанную нами выше оценку внешнеполитических планов царя Понта. О том же свидетельствует и отказ Митридата помочь италийцам во время Союзнической войны в Риме, засвидетельствованный рядом античных авторов (Diod., XXXVIII, 2, 11; Sall., VI, 13).

Таким образом, подводя итог рассмотрению точек зрения античных авторов на внешнеполитические планы Митридата накануне его первой войны против Рима, можно не сомневаться в оборонительном характере его действий, проистекающем из понимания силы и могущества его главного противника и желания сохранить и укрепить независимость своего государства за счет соседей в соответствии с идеологией того времени. Эту идеологию, кстати, исповедовали и сами римляне. И именно на это с прямотой римлянина указал еще раз Марий при встрече с Митридатом: «ἢ μείζον, ὃ βασιλεῦ, πειρῶ δύνασθαι Ῥωμαίων, ἢ ποιεῖ σιωπῇ τὸ προστασόμενον» (Plut. Mar., 31, 5) — «либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, либо молчи и делай, что тебе приказывают». И не надо искать других агрессоров там, где и так все очевидно.

Литература

- Беликов А.П. 2003. *Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов*. Ставрополь: Ставропольский государственный университет.
- Грацианская Л.И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения. В: Новосельцев А.П. (отв. ред.). *Древнейшие государства на территории СССР*. 1986 г. Москва: Наука, 6—175.
- Гуленков Л.Л. 2000. Митридатовы войны в освещении Аппиана. В: Жигулин В.Д. (отв. ред.). *Античность: эпоха и люди. Сборник научных статей, посвященных 60-летию Исторического факультета Казанского государственного университета*. Казань: Мастер лайн, 69—76.
- Дзагурова В.П. (пер., комм.). 1951. Мемнон. О Геракле. *ВДИ* 1, 283—316.
- Зельин К.К. 1954. Помпей Трог и его произведение «*Historia Philippicae*». *ВДИ* 2, 183—202.
- Кашеев В.И. 1997. *Эллинистический мир и Рим: война, дипломатия и международное право в 220—147 гг. до н.э.* Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов.
- Короленков А.В. 2009. К характеристике письма Митридата в *Historiae* Саллюстия. В: Габелко О.Л. (отв. ред.). *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистический период. Материалы международной конференции*. Казань: Отечество, 109—116.

- Короленков А.В., Никишин В.О. 2016. Саллюстий в контексте античной историографии. *ВДИ* 4, 1038—1048.
- Ломоури Н.Ю. 1979. *К истории Понтийского царства*. Тбилиси: Мицниереба.
- Лукомский Л. Ю. 1994. Римская история Аппиана. В: Кондратьев С.П. (пер., комм.). *Аппиан. Римские войны*. Санкт-Петербург: Алетейя, 413—428.
- Марк Юниан Юстин. 2005. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*». Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Молев Е.А. 1976. *Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы*. Саратов: Саратовский университет.
- Молев Е.А. 1995. *Властитель Понта*. Нижний Новгород: ННГУ.
- Молев Е.А. 2005. Встреча Митридата с Марием в плане развития военной доктрины Понта. *Antiquitas Aeterna* 1, 206—210.
- Молев Е.А. 2018. Особенности территориального и государственного формирования Понта от Ктиста до Евпатора. *Исторический вестник. Эллинизм: личность, власть, общество* 26, 42—65.
- Моммзен Т. 1997. История Рима. Санкт-Петербург: Наука; Ювента.
- Сапрыкин С.Ю. 1996. Понтийское царство. Москва: Наука.
- Sall.: Соколов В.С. (пер., комм.). 1950. Г. Саллюстий Крисп. Фрагменты историй. *ВДИ* 1, 293—304.
- Фролов Э.Д. 1974. Тирания в Геракле Понтийской. В: Борухович В.Г. (отв. ред.). *Античный мир и археология*. Вып. 2. Саратов: Саратовский университет, 114—139.
- Хан И. 1968. Аппиан и Александрия. *ВДИ* 1, 72—86.
- Шелов Д.Б. 1986. Аппиан — историк Митридатовых войн. В: Кошеленко Г.А. (отв. ред.). *Проблемы античной культуры*. Москва: Наука, 113—117.
- Adler E. 2006. Who's anti-Roman and Sallust and Pompeius Trogus on Mithridates. *The Classical Journal*. Vol. 101. Nr. 4, 383—407.
- Antonelli G. 1992. *Mitridate. Il nemico mortale di Roma*. Roma: Newton Compton.
- Badian E. 1958. *Foreign Clientelae (264—70 B.C.)*. Oxford: Clarendon Press.
- Ballesteros-Pastor L. 1999. Marius' Words to Mithridates Eupator. *Historia*. Bd. XLVIII. Ht. 4, 506—508.
- Bengtson H. 1975. *Herrscher gestalten des Hellenismus*. München: Beck.
- Braund D. 2005. Greek Geography and Roman Empire: The Transformation of Tradition in Strabo's Euxine. In: Dueck D., Lindsay H., Potheary S. (eds.). *Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia*. Cambridge: Cambridge University Press, 216—234.
- Clarke K.J. 1997. In Search of the Author of Strabo's *Geography*. *JRS* 87, 92—110.
- Duggan A. 1974. *He Died Old Mithradates Eupator, King of Pontus*. London: Faber.
- Errington R.M. 1972. *The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power*. London: Hamish Hamilton.
- Gabrielsen V. 2005. Mithridates VI og de græske byer. In: Højte J. (ed.). *Mithridates VI af Pontos. Roms perfekte fjende*. Århus: Aarhus University Press, 25—42 (Sortehavsstudier 3).
- Glew D.G. 1977. Mithridates Eupator and Rome. A study of the background of the First Mithridatic War. *Athenaeum* 55, 380—405.
- Glew D.G. 1981. Between the Wars: Mithridate Eupator and Rome. 85—73 B.C. *Chiron* XI, 108—130.
- Hind J.G.F. 2008. Mithridates. *CAH* IX, 129—164.
- Kuin I.N.I. 2017. Rewriting family history: Strabo and the Mithridatic Wars. *Phoenix*. Vol. 71(1/2), 102—118.
- Laqueur R. 1926. Lokalchronik. *PWRE*. Bd. XIII. Hb. 25. col. 1098—1114.
- Luce T.J. 1970. Marius and the Mithridatic Command. *Historia*. Bd. XIX. Ht.1, 161—194.
- Madsen J.M. 2009. The Ambitions of Mithridates VI: Hellenistic Kingship and Modern Interpretations. *BSS* 9, 191—202.
- McGing B.C. 1986. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden: Brill (Mnemosyne. Suppl. LXXXIX).
- McGing B.C. 1993. Appian's "Mithridateios". *ANRW*. T. 2. Bd. 34. Ht. 1, 496—522.
- McGing B.C. 2009. Mithridates VI Eupator: Victim or Aggressor? *BSS* 9, 203—216.
- Reinach Th. 1895. *Mithridates Eupator, König von Pontos*. Leipzig: B.G. Teubner.
- Richter H.-D. 1987. *Untersuchungen zur hellenistischen Historiographie: Die Vorlagen des Pompeius Trogus für die Darstellung der nachalexandrischen hellenistischen Geschichte (Iust. 13—40)*. Frankfurt am Main; Berne; New York; Paris: Peter Lang (Europäische Hochschulschriften. Series III; Geschichte und ihre Hilfswissenschaften 333).

- Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A. 1932. Pontus and It's Neighbours: The First Mithridatic War. *САИ IX*, 211—260.
- Sherwin-White A.N. *Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. I*. London: Duckworth.
- Strobel K. 1996a. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten grossen Monarchen der hellenistischen Welt. *Orbis terrarium* 2, 145—190.
- Strobel K. 1996b. Mithridates VI Eupator von Pontos. Der letzte große Monarch der hellenistischen Welt und sein Scheitern an der römischen Macht. *Ktema* 21, 55—94.
- Walbank F.W. 1981. *The Hellenistic World (Fontana History of the Ancient World)*. London: Fontana (Fontana history of the ancient world).
- Welles C.B. 1934. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy*. New Haven: Yale University Press.

References

- Belikov, A.P. 2003. *Rim i ellinizm: problemy politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh kontaktov (Rome and Hellenism: Problems of Political, Economic, and Cultural Contacts)*. Stavropol: "Stavropol'skiy gosudarstvennyi universitet" (in Russian).
- Gratsianskaya, L.I. 1988. In: Novoseltsev, A.P. (ed.). *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR. 1986 g. (The Oldest States in the USSR. 1986)*. Moscow: "Nauka" Publ., 6—175 (in Russian).
- Gulenkova, L.L. 2000. In: Zhigulin, V.D. (ed.). *Antichnost': epokha i lyudi. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh 60-letiyu Istoricheskogo fakul'teta Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta (Antiquity: Era and People. Collection of Scientific Articles dedicated to the 60th Anniversary of the Faculty of History of Kazan State University)*. Kazan: "Master layn" Publ., 69—76 (in Russian).
- Dzagurova, V.P. (transl., com.). 1951. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 283—316 (in Russian).
- Zel'in, K.K. 1954. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 2, 183—202 (in Russian).
- Kashcheyev, V.I. 1997. *Hellenistic World and Rome: War, Diplomacy and International Law in 220—147 BCE*. Dr. habil. Thesis. Saratov.
- Korolenkov, A.V. 2009. In: Gabelko, O.L. (ed.). *Politika, ideologiya, istoriopisaniye v rimsko-ellinisticheskiiy period. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Politics, Ideology, Historical writing in the Roman-Hellenistic Period. Materials of the International Conference)*. Kazan: "Otechestvo" Publ., 109—116 (in Russian).
- Korolenkov, A.V., Nikishin, V.O. 2016. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 4, 1038—1048 (in Russian).
- Lomouri, N.Yu. 1979. *K istorii Pontiyskogo tsarstva (On the History of the Kingdom of Pontus)*. Tbilisi: "Mitsniyereba" Publ. (in Russian).
- Lukomskiy, L.Yu. 1994. In: Kondrat'yev, S.P. (transl., com.). *Appian. Rimskiye voyny (Appian. Roman Wars)*. Saint Petersburg: "Aleteyya" Publ., 413—428 (in Russian).
- Mark Yunian Yustin. 2005. *Epitoma sochineniya Pompeya Troga "Historiae Philippicae" (Epitome of the Work of Pompeius Trogus "Historiae Philippicae")*. Saint Petersburg: "SPbGU" (in Russian).
- Molev, E.A. 1976. *Mitridat Eupator. Sozdaniye Chernomorskoj derzhavy (Mithridates Eupator. The Creation of the Black Sea State)*. Saratov: "Saratovskiy universitet" (in Russian).
- Molev, E.A. 1995. *Vlastitel' Ponta (Lord of Pontus)*. Nizhniy Novgorod: "NNGU" (in Russian).
- Molev, E.A. 2005. In *Antiquitas Aeterna* 1, 206—210 (in Russian).
- Molev, E.A. 2018. In *Istoricheskiy vestnik. Ellinizm: lichnost', vlast', obshchestvo (Historical Bulletin. Hellenism: Personality, Power, Society)* 26, 42—65 (in Russian).
- Mommzen, T. 1997. *Istoriya Rima (History of Rome)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ.; "Yuventa" Publ. (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 1996. *Pontiyskoye tsarstvo (The Pontic Kingdom)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sokolov, V.S. (transl., com.). 1950. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 293—304 (in Russian).
- Frolov, E.D. 1974. In: Borukhovich, V.G. (ed.). *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)*. Iss. 2. Saratov: "Saratovskiy universitet", 114—139 (in Russian).
- Khan, I. 1968. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 1, 72—86 (in Russian).

- Shelov, D.B. 1986. In: Koshelenko, G.A. (ed.). *Problemy antichnoy kul'tury (The Problems of Ancient Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113—117 (in Russian).
- Adler, E. 2006. Who's anti-Roman and Sallust and Pompeius Trogus on Mithridates. *The Classical Journal*. Vol. 101. Nr. 4, 383—407.
- Antonelli, G. 1992. *Mitridate. Il nemico mortale di Roma*. Roma: "Newton Compton" Publ.
- Badian, E. 1958. *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford: "Clarendon Press".
- Ballesteros-Pastor, L. 1999. Marius' Words to Mithridates Eupator. *Historia*. Bd. XLVIII. Ht. 4, 506—508.
- Bengtson, H. 1975. *Herrschergealten des Hellenismus*. München: "Beck" Publ.
- Braund, D. 2005. Greek Geography and Roman Empire: The Transformation of Tradition in Strabo's Euxine. In: Dueck, D., Lindsay, H., Potheary, S. (eds.). *Strabo's Cultural Geography: The Making of a Kolossourgia*. Cambridge: "Cambridge University Press", 216—234.
- Clarke, K.J. 1997. In Search of the Author of Strabo's *Geography*. *JRS* 87, 92—110.
- Duggan, A. 1974. *He Died Old Mithradates Eupator, King of Pontus*. London: "Faber" Publ.
- Errington, R.M. 1972. *The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power*. London: "Hamish Hamilton" Publ.
- Gabrielsen, V. 2005. Mithridates VI og de græske byer. In: Højte, J. (ed.). *Mithridates VI af Pontos. Roms perfekte fjende*. Århus: "Aarhus University Press", 25—42 (Sortehavsstudier 3).
- Glew, D.G. 1977. Mithridates Eupator and Rome. A study of the background of the First Mithridatic War. *Athenaeum* 55, 380—405.
- Glew, D.G. 1981. Between the Wars: Mithridate Eupator and Rome. 85—73 B.C. *Chiron* XI, 108—130.
- Hind, J.G.F. 2008. Mithridates. *CAH* IX, 129—164.
- Kuin, I.N.I. 2017. Rewriting family history: Strabo and the Mithridatic Wars. *Phoenix*. Vol. 71(1/2), 102—118.
- Laqueur, R. 1926. Lokalchronik. *PWRE*. Bd. XIII. Hb. 25. col. 1098—1114.
- Luce, T.J. 1970. Marius and the Mithridatic Command. *Historia*. Bd. XIX. Ht. 1, 161—194.
- Madsen, J.M. 2009. The Ambitions of Mithridates VI: Hellenistic Kingship and Modern Interpretations. *BSS* 9, 191—202.
- McGing, B.C. 1986. *The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden: "Brill" Publ. (Mnemosyne. Suppl. LXXXIX).
- McGing, B.C. 1993. Appian's "Mithridateios". *ANRW*. T. 2. Bd. 34. Ht. 1, 496—522.
- McGing, B.C. 2009. Mithridates VI Eupator: Victim or Aggressor? *BSS* 9, 203—216.
- Reinach, Th. 1895. *Mithridates Eupator, König von Pontos*. Leipzig: "B.G. Teubner" Publ.
- Richter, H.-D. 1987. *Untersuchungen zur hellenistischen Historiographie: Die Vorlagen des Pompeius Trogus für die Darstellung der nachalexandrischen hellenistischen Geschichte (Iust. 13—40)*. Frankfurt am Main; Berne; New York; Paris: Peter Lang (Europäische Hochschulschriften. Series III; Geschichte und ihre Hilfswissenschaften 333).
- Rostovtzeff, M.I., Ormerod, H.A. 1932. Pontus and It's Neighbours: The First Mithridatic War. *CAH* IX, 211—260.
- Sherwin-White, A.N. *Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. London: "Duckworth" Publ.
- Strobel, K. 1996a. Mithridates VI Eupator von Pontos. Politisches Denken in hellenistischer Tradition versus römische Macht. Gedanken zur Geschichtlichen Stellung und zum Scheitern des letzten grossen Monarchen der hellenistischen Welt. *Orbis terrarium* 2, 145—190.
- Strobel, K. 1996b. Mithridates VI Eupator von Pontos. Der letzte große Monarch der hellenistischen Welt und sein Scheitern an der römischen Macht. *Ktema* 21, 55—94.
- Walbank, F.W. 1981. *The Hellenistic World (Fontana History of the Ancient World)*. London: "Fontana" Publ. (Fontana history of the ancient world).
- Welles, C.B. 1934. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy*. New Haven: "Yale University Press".

УДК 930

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00010

Natia Phiphia

KING PACORUS/BAKUR OF LAZI*

The personality of Pacorus/Bakur the king of Lazı has become the subject of an interesting historiographic discussion in recent years. The discovery of a pitcher in Achmarda with the inscription “Εγὼ Πάκουρος ὁ βασιλεὺς τοῖς ἁ μνοῖς ἔδωκα” played a key role in stimulating discussion of this issue. There is every reason to believe that king Pacorus/Bakur played an active role in the events that occurred on the territory of Georgia in the third quarter of the 3rd century CE. We take into account the information provided in the “Scriptores Historiae Augustae”, on the facts of the discovery of Greek inscriptions on the signet from Zhinvali and on silver vessels from Gagra and Maikop, and also take into account the passage from “Life of Kartli”. There is every reason to believe that Pacorus/Bakur became king of Lazı at the behest of Antoninus Pius. The Lazı managed to unite the whole Western Georgia under their rule after half of a century. Pacorus/Bakur also supposedly participated in the power struggle in Iberia. The very fact of the discovery of a pitcher that attracted our attention suggests that Pacorus/Bakur controlled the area of modern Gagra.

Key words: Pacorus/Bakur, Lazı, Georgia, Colchis, Iberia, Rome.

About the author: Natia Phiphia, PhD in History, Assistant-professor at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

Contact Information: 0179, Georgia, Tbilisi, Chavchavadze av. 1. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; e-mail: ntpipia@yahoo.com; natia.phiphia@tsu.ge.

Натия Пипия

ЦАРЬ ЛАЗОВ ПАКОР/БАКУР

Личность царя лазов Пакора/Бакура стала в последние годы предметом интересной историографической дискуссии. Обнаружение в Ачмарде кувшина с надписью «Εγὼ Πάκουρος ὁ βασιλεὺς τοῖς ἁ μνοῖς ἔδωκα» сыграло ключевую роль в активизации обсуждения этого вопроса. Есть все основания полагать, что царь Пакор/Бакур сыграл активную роль в событиях, произошедших на территории Грузии в третьей четверти III в. н.э. Учитываем сведения, приведенные в «Scriptores Historiae Augustae», факты обнаружения греческих надписей на печатке из Жинвали и на серебряных сосудах из Гагры и Майкопа, а также анализируем пассаж из «Картис Цховреба». Есть все основания полагать, что Пакор/Бакур стал царем лазов по воле Антонина Пия. Пройдет еще полвека и вся Западная Грузия будет объединена под властью лазов. Пакор/Бакур также, видимо, участвовал в борьбе за власть в Иберии. Сам же факт обнаружения привлечшего наше внимание кувшина говорит о том, что Пакор/Бакур контролировал район современных Гагр.

Ключевые слова: Пакор/Бакур, лазы, Грузия, Колхида, Иберия, Рим.

Сведения об авторе: Натия Пипия, доктор истории, ассистент-профессор Тбилисского Государственного Университета им. Иване Джавахишвили.

* The research was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation (SRNSF). Research grant № FR-18-2216.

Контактная информация: 0179, Грузия, г. Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе 1, Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили; e-mail: ntpipia@yahoo.com; natia.phiphia@tsu.ge.

Antique age burial was discovered near village Achmarda, Gagra district, Abkhazia in 2005. The burial was damaged by robbers. Materials of the archaeological expedition working near Achmarda was published by the group of scholars in Moscow in 2007. The burial interesting for us is indicated as the burial № 5, located between the burials № 1 and № 2. The deceased person is buried supine. Silver cup was discovered there among other grave goods¹. It was located near pelvis bones. Greek inscriptions performed with dotted carving and stamped is placed on it. Letters are inclined to have vertical direction. First the text starts on cup's neck as a line, then continues on the line below splitting the word². A. Vinogradov reads the text as follows:

Ἐγὼ Πάκουρος ὁ βασιλεὺς τοῖς ἀ-
μνοῖς ἔδωκα

“I, king Pacorus, gave this to [my] sheep” (Vinogradov 2013: 55, 62).

In Vinogradov's opinion the inscriptions is performed not by a professional engraver but just a writer. Letters are irregular, of different sizes, slightly inclined and they look like papyri script, especially Δ and Ω according to his evaluation. He dated the inscription back to quite a wide range of period — 1st — 4th cc. CE however other grave goods, specifically analysis of four pointed glass bottle (such type of roman utensils are not used after 4th c. dates the inscriptions as not later than 3rd c.) (Vinogradov 2013: 56, 58, 62, 65). Content of the inscription, in scholar's opinion, is unparalleled in Greek epigraphic material and supposedly, has oriental origin. Concept of the relationship between kings and subjects as shepherd and his sheep make the scholars to assume this (Vinogradov 2013: 55, 62).

In the process of identification of king Pacorus, A. Vinogradov discussed all possible candidates with the name Pacorus/Pacuros/Bakur, who were familiar for him from the history of the region and underlined who could possibly be Pacorus of Achmarda inscription. He eliminated Parthian king Pacorus, also Pacorus, king of Characene (aka Mesene) as possible candidates. As for Pacorus of Armenia who ruled Armenia for a short period (161—163 CE) Vinogradov did not eliminate him completely since there was another cup with Pacorus inscription according to K. Trever which seemed to be more connected with Pacorus of Armenia for Trever. However, Vinogradov posed two counterarguments against connection of Pacorus of Armenia and Pacorus of Achmarda inscription:

1) name of the Armenian king was given in shortened form Πάκορος, while the form Πάκουρος is attested only after the 3rd c.³;

2) Greek language is less possible to encounter in the diplomacy of the pro-Parthian king (Vinogradov 2013: 56, 63). A. Vinogradov did not totally eliminate possibility of this connection. He himself was more inclined to believe that this should be one of the Bakur/Pacorus of Iberia,

¹ A. Vinogradov identified the vessel as a “jar” however in Georgian its was translated as a “cup” therefore it circulated mentioned as “cup” in scientific literature, however in fact it is a jar (small oinochoia) by description.

² Vinogradov's article was published in two languages: Russian and translation in Georgian. References indicate both texts.

³ The theory itself seems not very relevant for us, two forms Πάκουρος and Πάκορος could be parallel forms.

known from “Life of Kartli”. He listed all possible candidates from “Life of Kartli”: **“Bakur, sucesor of Vache** (son according to Leonti Mroveli) and predecessor of Mirdat (father according to Leonti Mroveli); **Bakur, son of Revi** and father of Trdat (Leonti mentions Bakar, son of Mirian and father of Mirdat in his place); **Varaz—Bakur**, successor of Trdat (This is Varaz-Bakar, son of Mirdat and father of Pharsmanes according to Leonti Mroveli, he is also mentioned as nephew of Trdat according to “Conversion of Kartli”; **Bakur, son of Trdat** (Leonti mentions Trdat, father-in-law of Varaz—Bakar instead of him)” (Vinogradov 2013: 56, 63—64). From all above-mentioned possible candidates, Bakur, son of Vache who also is Bakur, mentioned by Rufinus (reigned in 390—397) seems more connected with Achmarda cup according to the scholar (Vinogradov 2013: 58, 64). However, he did not give us an explanation how the cup of Iberian king happened to end up so far from Iberia, in the most north-western part of Colchis. This would seem especially intriguing since western Georgia (Lazica) was not under the influence of Iberian kings at that point. Finally, he stated: “It is obvious, that territory of Achmarda was not a vassal of neither to Iberian, nor to Armenian king: According to Arrian and other sources, north-western part of Abkhazia did not belong to either in 2nd — 4th cc. However existence of a king of Colchis-Lazika unknown from other sources and the one who subjugated Abasgi and Apsiloi periodically, should not be excluded” (Vinogradov 2013: 59, 65).

Identity of king Pacorus of Achmarda inscription was established quite quickly after this publication. In the same year, T. Dundua and A. Chikobava published a paper (Dundua, Chikobava 2013), in which they finished the process of identification. Authors of the paper responded to the above-mentioned quote of A. Vinogradov and stated: “For Pacoros being the Lazi king is not a possibility, but — reality” (Vinogradov 2013: 10). He is mentioned in records in the times of Antoninus Pius (will be discussed later), while Apshils and Abasks were permanent subjects of the Lazi kings⁴. And moreover, as we shall see further, there were no Apshils and Abasks at all living in Gagra district in the 2nd c. CE. Also, Pacuros/Pacoros seems to pave the way for formation of Lazica, centralized Western Georgian kingdom comprising the whole Colchis, in the 3rd c. CE (Dundua, Chikobava 2013: 10—11; Dundua 1997: 116—117).

Scholars based their identification on the narrative of Julius Capitoline: “Pharasmanes rex ad eum Romam venit plusque illi quam Hadriano detulit. Pacorum regem Laziis dedit. Parthorum regem ab Armeniorum expugnatione solis litteris reppulit...”⁵ (SHA. Ant. Pius, IX, 6).

Short overview of their argument is the following: Pacuros/Pacoros send Achmarda silver cup to his subjects living near river Bzipi. Tribes living on this territory under the *receptio*⁶ system strengthened the local upper class and subsequently started feudalism on this territory. Territory was under roman influence but Lazi coastal kingdom is already founded, and Pacorus/Pacoros is his king, supposedly roman client king who is sending a silver cup to his subjects (Dundua, Chikobava 2013: 3—13; Dundua 2016: 81—88; Dundua 2017a: 113—120; Dundua 2017b: 119—124).

Silver cup of Pacorus from Achmarda captured the interest of a young archaeologist, Lana Chologauri. She assumed that both Achmarda cup and Maikop cup⁷ are of Georgian origin (Chologauri 2016: 45—47).

Despite the abundance of the research, some aspects concerning the issue still need to be discussed, namely: possible connection of Pacorus of Achmarda cup inscription, who is already

⁴ For detailed narrative about local social contracts see: (Meliqisvili 1970: 55—558; Dundua 1997: 115—118; Dundua, Silagadze 2000: 55).

⁵ Excerpt about Pacorus was translated by Dundua and Chikobava as “He gave Pacorus to the Lazi as a king” (Dundua, Chikobava 2013: 9).

⁶ About *receptio* system see detailed explanation (Dundua, Phiphia 2009: 20—22; Phiphia 2011).

⁷ This is the one attributed to Pacorus of Armenia by K. Trever (Trever 1953: 242—243).

established that was an overlord of Lazica with carnelian engraved gem discovered in Zhinvali and also, with Pacorus from Maikop cup inscription published by K. Trever (Trever 1953: 242—243).

In 1974 Zhinvali expedition unearthed iron ring with carnelian engraved gem. Size of the gem is $2 \times 1,5$ cm. Upper, not engraved part of the gem has an inscription “BAKOYPA [M] NA...” This inscription was reconstructed by T. Kaukhchishvili as follows: “Βακούρ, ἀμνά[ς]” — “Pacorus, lamb” (Kaukhchishvili 2000: 263—264). T. Kaukhchishvili did not try to identify this Pacorus with neither the king of Lazica nor with any Pacorus/Bakur mentioned in “Life of Kartli”. Reason is obvious: Pacorus of carnelian gem is not mentioned as a king, thus she would not be able to identify him with king of Lazica appointed by Antonius Pius, and Achmarda cup which would help to establish the fact that on the territory of Georgia a certain king could address his subjects in such an oriental way was not discovered yet, therefore it was difficult to establish the line of reasoning in 1974. Only with the discovery of Achmarda cup the more precise reconstruction of history became possible. However, it should be noted that according to A. Vinogradov, not a lamb but a goat is depicted on a carnelian gem and this is a scene of goat milking (Vinogradov 2013: 58, 64). Vinogradov also reads the inscription in a different way: “Βακούρ Ἀ[.]?λανάς” or “Ἀ[.]?λανάγ” (the latter is explained with ossetian suffix “ag”) — “Bakur of Alania” (Vinogradov 2013: 63). It should be also noted that the animal looks like more as a goat as outlined by T. Kaukhchishvili (Kaukhchishvili 2000: 263). As for the date, she took into consideration the form of letter (recessed angles, -v without ending, μ- with wide endings) and dated back the inscription by the first centuries in general (Kaukhchishvili 2000: 264). M. Lordkipanidze assumed that the artifact should be dated back to the 2nd — 3rd cc. and is of local origin⁸.

Vinogradov did not give additional explanation concerning the issue, he did not explain who should be this Bakur of Alania. Bakur of Alania is not known from other sources and therefore it is difficult to take his opinion into consideration. It seems, T. Kaukhchishvili’s reading is more precise.

How did this ring with Bakur inscription end up in Zhinvali, Iberia? This is especially interesting since the influence of the king of Lazica did not cover such far eastern territory of Iberia. However, the Lazi rulers seem to be definitely involved in Iberian royal affairs which is evident from “Life of Kartli”. After the death of Pharasmanes II of Iberia (aka Pharasmanes the valiant) and enthronement of Ghadam/Adam a short period of interregnum and Persian (Parthian) involvement in the affairs of Iberia took place:

“Then came Persians and brought Mirdat and captured Kartli and gave part of it to him. Part of Pharasmanes they took for themselves and left a duke (eristavi) in Armazi. And Pharnavaz spaspespet (commander) brought the wife and son of Pharasmanes the valiant and together they took the refuge to Somkhiti since the wife of Pharasmanes was the daughter of an Armenian king. And Kartli was occupied by Mirdat and eristavi of Persia. And Megrelians (Megri) stayed loyal to the son of Pharasmanes.

Armenians and Greeks were allies at that time. Armenian king brought the troops from the Greeks and went to battle the Persians and Georgians. Megrelians also became their allies and an overwhelming army was gathered. Then Mirdat and eristavi established by Persians brought the Persians. Then Armenians, Greeks and Megrelians embarked in Shida (inner) Kartli and met Persians and Georgians on a river called Liakhvi and the battle was between them on a place called Rekhai. Many died from both sides. Persians and Georgians were defeated alongside with Mirdat including eristavi appointed by Persians and their army was destroyed” (Kaukhchishvili 1955: 53—54).

⁸ Margarita Lordkipanidze gave this explanation to T. Kaukhchishvili verbally and T. Kaukhchishvili mentioned it in her publication however the scholar herself did not publish a separate paper or even a comment about the issue.

Short introduction about the relationship of Mirdat and Pharasmanes is necessary for subsequent scholarly commentary:

According to “Life of Kartli” Mirdat was a *spaspet* of early Pharasmanes II of Iberia. Leonti mistakenly identifies him as a co-ruler. Later Mirdat took the side of the Parthians and opposed Pharasmanes. Armenians were on Pharasmanes side, while the Parthians supported Mirdat. Pharasmanes defeated Mirdat and consolidated his power. Pharnavaz was appointed as a new *spaspet*.

Detailed explanation and scholarly commentary on the above-mentioned account would be the following:

After the death of Pharasmanes the valiant, Mirdat tried to usurp the throne with the help of the Parthians and the above-mentioned quote describes his struggle. Mirdat occupied Kartli for a short time. Meanwhile Megrelians (Lazi) who stayed loyal to the son of Pharasmanes and Armenians united. The “Greeks” (i.e. Romans) also aided them and together they defeated Mirdat.

Leonti Mroveli mentioned specific names of Iberian kings while he did not specify the names of other kings or rulers (Megrelians, Armenians, Persians). Interregnum should have existed only for a short time period, anyway, before 161 when Parthians enthroned Pacorus of Armenia. Pacorus was pro-Parthian candidate therefore he cannot be the one who was on the side of the son of Pharasmanes alongside the Romans and the Lazi. Armenian king mentioned in the quote should be Sohaemus, roman client king (144—161).

The specific place of the battle is also interesting. It is mentioned as located near the river Liakhvi, close to the village Rekhai. Village Rekhai was located on the banks of Lekhura, somewhat distant to Liakhvi. This village is mentioned many times in “Life of Kartli” (Gamkrelidze, Mindorashvili, Bragvadze, Kvachadze 2013: 418). Population of this village decreased in the 18th c. as mentioned by S. Makalatia, the Korinteli settled here and the village was renamed as “Sakorintlo” (Makalatia 1964: 42). The specific place is in Shida Kartli and is not very distant from Zhinvali.

Carnelian engraved gem with the name of Bakur seemed to end up near Zhinvali during this expedition. Whether it is a gift, a booty from the battlefield or an accidental acquisition, it is difficult to judge. The most important is that connection of Pacorus of Lazica with Iberian royal affairs is evident from the sources and therefore it is possible to connect carnelian engraved gem with him.

Silver cup discovered in Maikop in 1934 is also interesting. It was unearthed from one of the burials dated back to the 2nd — 3rd cc. (Trever 1953:242—245). As outlined by K. Trever different theatrical scenes are depicted on it and the inscription is stamped not engraved. The text is as follows: “Παρά βασιλέως Πακόρου” — “from the king Pacorus”. K. Trever identifies him with Pacorus of Armenia (Trever 1953:242—245). There are some arguments which would undermine this claim:

Pacorus of Armenia ruled Armenia only for a short time period, before Lucius Verus’ Parthian expedition, therefore he was not supposed to claim such an authority to send so many stuff on a wide territory with such proud inscriptions.

Geographically, Maikop cup is more possible to be connected with Western Georgian ruler rather than with Armenian ruler.

Style of the inscription and content, also the technique of performing inscription looks like Achmarda cup inscription and what is the most interesting they are performed on the same type of

wine vessel (oinochoia) and both are of the same material — silver⁹. Therefore, it is not difficult to connect these two cups.

Additional counterargument against Armenian Pacorus is provided by A. Vinogradov (see above), when he underlined the fact that Parthian candidate on Armenian throne would not use Greek in international diplomacy.

Therefore, the account of the reign of king Pacorus/Bakur based on the evidences of “Scriptores Historiae Augustae” and three epigraphic materials which give us the chance to connect them with the account of “Life of Kartli” should be reconstructed as follows:

Roman emperor Antoninus Pius “gave Pacorus as a king” to the Lazi. This should have happened in 138—161 during his reign. Pacorus/Bakur united substantial part of western Georgia under his rule. He was also supposedly involved in royal intrigues of Iberian kingdom. After the death of Pharasmanes II of Iberia, Mirdat, his spaspes, was fighting against the successor of Pharasmanes with Parthian support. He is opposed by Pacorus of Lazi, Sohaemus of Armenia supported by romans and by other officials loyal to Pharasmanes’ successor in Kartli. Pacorus of Lazi alongside with the others defeated Mirdat and at about 161 Ghadam/Adam took the throne¹⁰.

Pacorus of Lazi sent to his subjects living near Gagra a silver sup with a proud inscription. One such cup also ended up in Maikop. Since Maikop cup mentions only “from king Pacorus” but not “to my sheep” thus not to my subjects, this cup which in every other aspect looks like Achmarda cup, should be a gift send to this territory. It seems not only cups but other stuff was also made with the name of Pacorus, for example, engraved gems. One of such carnelian engraved gem finally ended up in Zhinvali, supposedly as a result of an expedition when king of Lazica was involved in royal intrigues of Iberian kings, namely after the battle at river Lekhura, near Rekhai.

References

- Chologauri, L. 2016. Depictions of Dionysus in Transcaucasia in the Hellenistic Period. Thesis performed to obtain Master’s degree in archaeology. Tbilisi (in Georgian).
- Dundua, T. 2016. *Georgia within the European Integration*. Tbilisi: “Meridiani” Publ.
- Dundua, T. 2017a. *History of Georgia*. Tbilisi: “Meridiani” Publ.
- Dundua, T. 2017b. *Sakartvelos udzvelesi da dzveli istoriis narkvevebi (Georgia: early origin and antiquity)*. Tbilisi: “Meridiani” Publ. (in Georgian).
- Dundua, T., Chikobava, A. 2013. *Pacorus, the Lazi King, who was Overlord of Colchis/Western Georgia*. Tbilisi: “Meridiani” Publ.
- Dundua, T., Phiphia, N. 2009. *Sakartvelo da gare samkaro — evropis shekmna da evropis integratsiis istoriuli formebi (Georgia and the Rest of the World — Making of Europe and Historical Forms of European Integration)*. Tbilisi: “Meridiani” Publ. (in Georgian).
- Dundua, T., Silagadze, N. 2000. *Sakartvelos istoria — tematuri tu kronologiuri principi (History of Georgia: Chronological or Thematical Concept)*. Tbilisi: “Meridiani” Publ. (in Georgian).
- Dundua, T. 1997. *Kartuli etnokulturuli evolucia da dasavleti numizmatikuri masalebis mixedvit (Georgian Ethnocultural Evolution and the West According to the Numismatic Material)*. Tbilisi: “Meridiani” Publ. (in Georgian).
- Gamkrelidze, G., Mindorashvili, D., Bragvadze, Z., Kvachadze, M. (ed.). 2013. *Topoarchaeological Dictionary of Kartlis Tskhovreba (“the History of Georgia”)*. Tbilisi: “Bakur Sulakauri” Publ. (in Georgian).
- Ingorokva, P. 1941. Dzveli kartuli matiane “moktsevai kartlisa” da antikuri khanis iberiis mefeta sia (Old Georgian Chronicle “Conversion of Kartli” and the list of Antique Age Iberian Kings). In *Sakartvelos muzeumis moambe (Bulleting of Georgian Museum)* XI-B (in Georgian).
- Kaukhchishvili, S. (ed.). 1955. *Kartlis Tskhovreba (Life of Kartli)*. Vol. 1. Tbilisi: “Saxelgami” Publ. (in Georgian).

⁹ About the similarity of the styles of these two cup see a detailed account in: (Chologauri 2016).

¹⁰ For detailed narrative about the list and line of inheritance see: (Ingorokva 1941).

- Kaukhchishvili, T. 2000. *Sakartvelos berdznuli tsartserebis korpusi (Corpus of Greek Inscriptions in Georgia)*. Vol. II. *Eastern Georgia*. Tbilisi: “Logosi” Publ. (in Georgian).
- Makalatia, S. 1964. *Lekhuras Kheoba (Lekhura ravine)*. Tbilisi: “Sabchota Sakartvelo” (in Georgian).
- Meliqisvili, G. (ed.). 1970. *Sakartvelos istoriis narkvevebi (Essays in Georgian History)*. Vol. I. *Gruziya s drevneyshikh vremen do 4 v. n.e. (Georgia from ancient times to the 4th century CE)*. Tbilisi: “Sabchota Sakartvelo” Publ. (in Georgian).
- Phiphia, N. 2011. Beginning of the Migration of Mountaineers in the Western Georgia at the turn of the millennia. *Spekali* 3. Available at: <http://www.spekali.tsu.ge/index.php/en/article/viewArticle/3/24> (accessed 01.12.2019).
- Trever, K.V. 1953. *Ocherki po istorii kultury drevney Armenii (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (Essays in History of Culture of Ancient Armenia — 2nd c. BCE — 4th c. CE)*. Moscow: “AN SSSR” (in Russian).
- Vinogradov, A.I. 2013. Kuvshin tsarya bakura — noviy istochnik po ranney istorii Kavkaza (Jug of king Bakur — new evidence for early history of Caucasus). In *Interdisciplinarnaya arkeologiya (Interdisciplinary Archaeology)* II, 55—65 (in Russian and Georgian).

УДК 94(37).08

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00011

Е.А. Мехмадиев

**ЭТНИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ
ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В IV В.:
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ ВОЙСКОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ***

В IV в. центральная администрация Римской империи часто привлекала на военную службу представителей различных внешних племен, живших на границе с империей, применительно к западным провинциям империи эта политика, конечно же, в первую очередь затрагивала германские племена, располагавшиеся вдоль рейнской границы. Тем не менее, автор данной статьи стремится выяснить, как римская администрация создавала не только из внешних, но и из внутренних этнических групп регулярные войсковые подразделения, т.е. подразделения, входившие в состав постоянно действующих пограничных или экспедиционных армий. Автор рассматривает особенности внутренней организационной структуры этих подразделений и правовое положение племенной аристократии этнических групп, вошедших в состав регулярных позднеримских армий. Для изучения поставленных вопросов автор обратился к агиографическим источникам («Жизнь Мартина Турского» и «Жизнь Амвросия Медиоланского»), классическим нарративным источникам (Аммиан Марцеллин и Зосим), а также к надписи из города Струмица (Республика Македония). Автор пришел к выводу, что внутренняя структура этнических боевых отрядов была такой же, как и в других регулярных подразделениях римских армий, а сами эти отряды находились под командованием своих племенных вождей, эти вожди получали почетные титулы трибуна или протектора.

Ключевые слова: германцы, бритты, франки, Амвросий, Арбогаст, пограничные гарнизоны, экспедиционные армии.

Сведения об авторе: Мехмадиев Евгений Александрович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: e.mekhamadiev@spbu.ru.

Е.А. Mekhamadiev

**ETHNIC MOVEMENTS IN THE WESTERN PROVINCES
OF THE LATE ROMAN EMPIRE IN THE 4th CENTURY:
ON THE HISTORY OF CERTAIN MILITARY UNITS**

During the 4th century a central government of the Later Roman Empire usually attracted different external tribes to Roman military service, with respect to Western provinces this policy inevitably was applied to German tribes, which lived at the Roman borders across the Rhine. Meanwhile, the author wants to clear, how a roman government created regular military units both from external and internal ethnic groups, i.e. units, from which expeditionary and frontier armies composed of. The author traces peculiarities of internal organizational structure of such the units and a legal condition of the tribal aristocracy, who leded these ethnic groups. In order to study the question the author turned to hagiography ("Life of Saint Martin of Tour" and "Life of Ambrosius of Milane"), classical narrative accounts (Ammianus Marcellinus

* Статья поступила в номер 16 сентября 2019 г.
Принята к печати 1 октября 2019 г.

and Zosimus), and also to inscription from the city of Strumica (Republic of Macedonia). The author concluded that an internal structure of such ethnic units was a similar to another regular units and that ethnic units themselves were headed by their tribal chiefs, these chiefs received the titles of tribunus and protector.

Key words: Germans, Britons, Franks, Ambrosius, Arbogastes, frontier garrisons, expeditionary armies.

About the author: Mekhamadiev Evgeniy Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg State University.

Contact information: 199034, Russia, Saint Petersburg, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg State University; e-mail: e.mekhamadiev@spbu.ru.

В течение IV в. западная половина Римской империи вела постоянные войны с различными племенами, нападавшими на ее территорию. В результате этих войн римская администрация неоднократно перемещала пленных варваров во внутренние провинции империи и либо расселяла их там в качестве военных колонистов (летов), либо сразу же создавала из них отдельные (обособленные) войсковые подразделения. Тем не менее, в данной статье мы рассмотрим, как римская администрация формировала войсковые подразделения не только из внешних племен, но и из внутренних этнических групп, которые жили в пределах империи. Мы уделим внимание тем случаям, когда центральная администрация империи создавала из представителей того или иного племени *регулярное* войсковое подразделение, т.е. включала этнический боевой отряд в состав регулярных, постоянно действующих экспедиционных или пограничных армий. На примере трех сюжетов мы проследим, 1) как территориальные перемещения внешних и внутренних племен в пределах западных провинций империи влияли на структуру обороны рейнского фронта — главного участка границы западной половины империи, и 2) как эти перемещения меняли статус, функции и положение племенной знати тех этнических групп, которые взаимодействовали с империей. Источниками для изучения данных вопросов нам послужили биография Амвросия Медиоланского, написанная его секретарем Паулином Медиоланским, «Жизнь Мартина Турского», принадлежащая авторству Сульпиция Севера, Аммиан Марцеллин и его монументальный труд «Деяния» (*Res gestae*) и надпись из города Струмица (Республика Македония), которая ранее не привлекалась к изучению подобных сюжетов.

1. «Жизнь Амвросия Медиоланского», франки и рейнская граница в первой половине 390-х гг.

Vita S. Ambrosii, 30¹

Per idem tempus Arbogastes comes adversum gentem suam, hoc est Francorum, bellum paravit, atque pugnando non parvam multitudinem manu fudit, cum residuis vero pacem firmavit. Sed cum in convivio a regibus gentis suae interrogaretur utrum sciret Ambrosium; et respondisset nosse se virum

«В то же время комит Арбогаст против своего народа, то есть против Франков, подготовил военный поход, и во время войны немалое количество (их) силой обратил в бегство, с остальными же заключил мир. Но когда во время пира цари его народа спросили (его), знает ли он Амвросия, он ответил, что знает (этого) мужа»

¹ Цитируем текст по изданию: (Migne 1845: 39D).

В этом фрагменте Паулин Медиоланский, секретарь знаменитого богослова, политического деятеля и епископа Амвросия Медиоланского, одного из отцов Церкви, пишет о связях Амвросия и Арбогаста — начальника воинов (*magister militum*) западных провинций империи в 388—394 гг. (PRLE I: 95—97, sv. Arbogastes), франка по происхождению, который командовал всеми экспедиционными (полевыми, мобильными) войсками западных провинций империи в указанный период. Паулин написал биографию Амвросия предположительно в 412/413 гг. (Lamirande 1981: 54—55), конечно же, в центре его внимания находились события общественно-политической и церковной жизни империи, в которых принимал участие Амвросий, вместе с тем, Паулин уделил внимание и сюжетам из военной истории того периода, если с ними был связан Амвросий.

М. Навони предположил, что в рассказе о дружеских отношениях Амвросия и Арбогаста Паулин прежде всего хотел подчеркнуть тот авторитет, которым Амвросий обладал среди варваров (в данном случае — франков), вместе с тем, следует учитывать и позицию М. Сальзман, отметившей, что Арбогаст и его ставленник Евгений, в 392 г. узурпировавший императорскую власть в западных провинциях империи, опирались на поддержку влиятельных кругов языческой сенаторской аристократии, особенно в Риме (Salzman 2010: 198; Navoni 2011: 174).

Соответственно, с учетом позиций М. Навони и М. Сальзман можно признать, что Паулин стремился показать силу христианской религии в борьбе с язычниками — нравственная чистота и стойкость Амвросия внушали уважение даже лидерам языческой знати и политической элиты, более того, язычники считались с мнением Амвросия, прислушивались к его позиции и гордились знакомством с прославленным епископом и богословом. Тем не менее, в рамках темы нашей статьи мы хотели бы обратить внимание на другой сюжет — согласно Паулину, Арбогаст, во-первых, заключил мирные договоры с франками, жившими вблизи рейнской границы империи, а во-вторых, даже занимая официальную должность командующего всеми римскими регулярными войсками, он все равно поддерживал связи и вполне дружеские отношения со своими соплеменниками, которые, на первый взгляд, жили за Рейном, т.е. за пределами империи.

Применительно к первому аспекту, на наш взгляд, следует согласиться с Дж. Барлоу, который проследил, что уже в начале 350-х гг., т.е. задолго до времен Арбогаста, пленные франки, расселенные в северной Галлии в качестве военных колонистов-летов, в полной мере сохраняли чувство этнического самосознания, солидарности и общности со своими соплеменниками, оставшимися за Рейном, франки-леты не утратили семейные, родственные и клановые связи со своими соплеменниками. По мнению Дж. Барлоу, леты продолжали осознавать себя франками, а не римлянами, более того, и леты, и зарейнские франки воспринимали себя как единую племенную общность, для которой Рейн был всего лишь условной географической, а не политической границей (Barlow 1996: 231—232).

В таком случае, конечно же, и Арбогаст поддерживал родственные связи со своими соплеменниками, более того, он сознательно использовал их как инструмент для защиты рейнской границы — Арбогаст прекрасно понимал, что восточноримский император Феодосий I Великий рано или поздно вторгнется в северную Италию, чтобы свергнуть узурпатора Евгения, который был ставленником Арбогаста. Естественно, для противостояния с Феодосием Арбогасту нужны были регулярные римские войска, которые размещались на Рейне, но перемещение этих войск в северную Италию могло ослабить защиту рейнской границы. Как результат, Арбогаст решил воспользоваться своими родственными связями с племенными вождями франков — он заключил с ними договоры и

фактически доверил союзным франкским племенам охрану тех участков рейнской границы, с которых произошел отвод регулярных римских войск в северную Италию.

На основании эпиграфических данных Т. Грюневальд показал, что в период между зимой 392/393 гг. и летом 393 г. Арбогаст действительно размещался на рейнской границе вблизи Кельна, где он воевал против франков (Grünwald 1988: 247). Соответственно, мы можем предположить, что тогда же, в первой половине 393 г., Арбогаст заключил союзные договоры с несколькими вождями франков, чтобы частично умиротворить ситуацию на рейнской границе. Григорий Турский в своей «Истории франков» сообщает, что узурпатор Евгений «направился на рейнскую границу, чтобы по обычаю возобновить старые договоры с царями Аламаннов и Франков» (*Rheni limitem petit, ut, cum Alamannorum et Francorum regibus vetustis foederibus ex more initis* — Greg. Tur. LF, II, 9)².

Т.о., Григорий Турский подтверждает, что Арбогаст и Евгений действительно заключили договоры с вождями франкских племен, более того, вполне возможно, что племенные отряды франков были преобразованы в регулярные войсковые подразделения и включены в состав римской пограничной армии — другими словами, не исключено, что Арбогаст разместил дружины франков на Рейне в качестве регулярных пограничных гарнизонов. Заметим, что еще в 388 г. рейнскую границу обороняли регулярные подразделения римской экспедиционной армии, об этом четко свидетельствует Григорий Турский — он сообщает, что в 388 г. франки совершили очередное вторжение в римские пограничные земли в районе города Колония Агриппина (современный Кельн) и одержали победу над римским войском. Среди римских командующих, погибших на поле боя, был и Гераклий, трибун легиона Иовинианов, т.е. Иовиев или (как вариант) Иовианов (название этого позднеримского дворцового легиона по-разному упоминается в источниках, наиболее распространенная версия — Иовианы, *Ioviani*) (*Heraclio Iovinianorum tribuno ac paene omnibus qui militibus praeerant extinctis* — «Были убиты Гераклий, трибун Иовинианов, и почти все, кто возглавлял воинов» — Greg. Tur. LH, II, 9)³.

Следовательно, в 388 г. легион Иовианов выполнял свою службу на рейнской границе, а значит, в тот период на рейнской границе размещалась целая группа регулярных римских войсковых подразделений, оборонявших галльские земли от варварских вторжений. Но уже через шесть лет, в 394 г., воины-Иовианы располагались в северной Италии, а не в районе Кельна — в связи с этим сюжетом подчеркнем, что в 1995 г. Д. Вудс обратил внимание на небольшой отрывок из знаменитого трактата Аврелия Августина «О граде Божьем», в котором прославленный богослов и епископ Гиппона Регия в северной Африке рассуждает о последствиях победы Феодосия I Великого над войсками Арбогаста и Евгения: «Победитель же (т.е. Феодосий — *E.M.*), в соответствии с тем, что он поручил и о чем он объявил ранее, удалил изображения Иовия, которые были как бы освящены (не знаю, какими обрядами) и размещены против него (т.е. Феодосия — *E.M.*) в Альпах» (*Victor autem, sicut crediderat et praedixerat, Iovis simulacra, quae adversus eum fuerant nescio quibus ritibus velut consecrata et in Alpibus constituta, deposuit* — Aug. De Civ. Dei, V, 26)⁴. По мнению Д. Вудса, под фразой «изображения Иовия» (*Iovis simulacra*) у Августина следует понимать не статуи бога Зевса (Иовия), а в прямом смысле боевые знамена (флаги, штандарты) легиона Иовиев (= Иовианов), который воевал против Феодосия на стороне Арбогаста и Евгения (Woods 1995b: 63—65).

² Цитируем текст по (Krusch 1887: 55, I, 12—13).

³ Цитируем текст по (Krusch 1887: 54, I, 4—5).

⁴ Цитируем текст по (Hoffmann 1899: 264, I, 7—9).

Мы принимаем позицию исследователя, она кажется нам полностью обоснованной и убедительной, соответственно, на наш взгляд, перемещение регулярных римских войск (и среди них — легиона Иовианов = Иовиев) из рейнских регионов в северную Италию стало возможным только благодаря тому, что Арбогаст успешно воспользовался своими давними родственными связями с племенными вождями франков, к осени 393 г. живших вблизи рейнской границы. Он заключил договоры с этими вождями и тем самым обезопасил отдельные участки рейнской границы, пусть и на довольно короткий промежуток времени (с осени 393 до осени 394 гг., когда Феодосий I разгромил Арбогаста и Евгения в битве при реке Фригид вблизи Аквилеи в северной Италии, в районе современной Венеции).

2. Племенной вождь аламаннов Вадомарий и «Жизнь Мартина Турского»: внутренняя структура экспедиционной армии Галлии в середине 350-х гг.

В своем монументальном труде *Res gestae* («Деяния») Аммиан Марцеллин сообщает о царе (*rex*) (точнее — об одном из племенных вождей) аламаннов Вадомарии, который совершал регулярные набеги на земли Реции (в основном территория современной Швейцарии), пользуясь противостоянием Цезаря Юлиана (будущий император Юлиан Отступник) и императора Констанция II (средний сын Константина I Великого, правил в 337—361 гг.) — в 361 г. Юлиан, уже провозгласивший себя императором (Августом), разгромил Вадомария, захватил его в плен и отправил в Испанию (PRLE I: 928, sv. *Vadomarius*).

Б. Энхуто Санчес предположила, что отправка Вадомария в Испанию не была принудительной ссылкой — по ее мнению, с помощью Вадомария Юлиан стремился установить дружеские контакты и связи с влиятельными сенаторскими семьями, проживавшими в Испании, чтобы заручиться их поддержкой ввиду неминуемого противостояния с Констанцием II, другими словами, как полагает Б. Энхуто Санчес, Вадомарий отправился в Испанию как своеобразный агент влияния, посол и представитель Юлиана (Enjuto Sánchez 2003: 258—260, 262). Мы согласны с позицией исследовательницы, действительно, в тот период, с февраля 360 г. (когда галльские войска провозгласили Юлиана императором) по ноябрь 361 г. (смерть Констанция II), Юлиану требовались ресурсы для предстоящей войны с Констанцием, поэтому Юлиан активно искал поддержки у рядового населения и политической элиты западных регионов империи, но нас интересует другой вопрос — что произошло с дружиной Вадомария, которую Юлиан разгромил в том же 361 г.? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос позволит прояснить некоторые детали последующей военной и административной карьеры Вадомария на службе у римлян.

Аммиан утверждает, что после пленения Вадомария Юлиан направился с войском против аламаннов, и в результате «одних убил, а других, молящих о пощаде и отдающих награбленную добычу, он принял в качестве пленников» (*et quosdam occidit, orantes alios praedam offerentes dediticios cepit* — Amm., XXI, 4, 8)⁵. Мы сознательно переводим слово *dediticii* (в единственном числе — *dediticius*, дословно — «тот, кто сдался в плен» (Glar 1968: 496, sv. *dediticius* (having surrendered))) именно как «пленники», поскольку процедура, получившая в римском праве название *deditio*, подразумевала именно порабощение, пленение военного противника (Ziegler 1985: 89; 1989: 50).

Соответственно, долгое время в исследовательской литературе преобладало мнение, что Юлиан сформировал из пленных аламаннов, ранее подчинявшихся Вадомарию, регулярное

⁵ Цитируем текст по (Seyfarth 1978: 221).

войсковое подразделение в ранге дворцовой ауксии (*auxilium palatinum*) под названием *Brisigavi*, сами же аламанны, согласно данной позиции, жили в районе современного города Брайсгау на юго-западе Германии⁶. Тем не менее, не так давно Д. Гойених предположил, что подразделение *Brisigavi* было создано и набрано не из аламаннов, а из местного галло-римского населения, точнее — из жителей сельского округа под названием *mons Brisiacus*, этот округ получил название в честь горы, возле которой он располагался. Соответственно, как полагает Д. Гойених, имя *Brisigavi* представляет собой не германский этноним, а галльский топоним кельтского происхождения (Geuenich 2009: 208—209).

Мы же полагаем, что войсковой отряд *Brisigavi* был сформирован из аламаннов, попавших в плен в результате римских карательных экспедиций в районе Брайсгау, но получил свое наименование в честь того небольшого региона, который располагался в пределах Галлии, т.е. уже на римской территории. Другими словами, аламанны Вадомария добровольно сдались в плен и римская администрация расселила их в одном из пограничных регионов Галлии, в результате Юлиан сформировал из пленных аламаннов регулярное войсковое подразделение. Подобная практика восходит к 353 г., когда император Констанций II, одержавший победу над галльским узурпатором Магненцием, преобразовал наемные отряды германцев, воевавшие на стороне Магненция, в регулярные подразделения, включил их в состав своей армии и наделил элитным рангом дворцовой ауксии⁷.

В таком случае, конечно же, совершенно ясно, что Юлиан стремился удалить Вадомария как можно дальше от мест исконного проживания аламаннов, чтобы разорвать его связи с соплеменниками, но для нас принципиально важно, что Юлиан хотел предотвратить любые контакты Вадомария и с теми пленными аламанными, которые были расселены в землях Галлии. Это неудивительно, поскольку дружина Вадомария вошла в состав римской армии в качестве регулярного войскового подразделения. Соответственно, возникает закономерный вопрос, в какие войска Юлиан включил пленных аламаннов — пограничные или экспедиционные?

Для ответа на этот вопрос обратимся к сведениям «Жизни св. Мартина Турского» — епископа города Тур в Галлии, жившего с 317 по 397 гг.⁸, данный текст был написан галльским хронистом Сульпицием Севером (жил примерно в 363—410/429 гг.). Согласно Сульпицию Северу, в возрасте 15 лет Мартин был призван на службу в римскую армию и первоначально «отслужил в алах схолариев при царе Констанции (император Констанций II — *E.M.*), а затем при Цезаре Юлиане» (*inter scholares alas sub rege Constantio, deinde sub Iuliano Caesare militavit* — Sulp. Sev. Vita S. Martini, 2, 2, 5)⁹. Тем не менее, Т. Барнс представил весомые аргументы в пользу того, что в реальности Мартин был зачислен на службу в армию в 352 г., а не в 332 г., если принимать во внимание дату рождения святого, в то время как Д. Вудс пришел к выводу, что Мартин проходил свою службу в школе гентиллов (*schola gentilium*), т.е. в одном из элитных подразделений императорской гвардии, эти подразделения (дворцовые школы) всегда размещались в резиденции императора и сопровождали его во всех территориальных перемещениях (Woods 1995a: 286—288; Barnes 2010: 206).

⁶ См. обзор историографии до 2009 г. в статье (Geuenich 2009: 205—206).

⁷ См. об этом (Мехмадиев 2019: 302—304).

⁸ Эти даты рождения и смерти святого, установленные по сведениям Григория Турского, знаменитого галльского историка, жившего уже в VI в., в настоящее время считаются общепризнанными и не подвергаются сомнению (Barnes 2010: 226—228).

⁹ Здесь и далее цитируем текст по (Fontaine 1967: 254).

С учетом выводов Т. Барнса и Д. Вудса необходимо обратиться к фрагменту из текста жития, в котором Сульпиций рассказывает о вторжении варваров в Галлию как раз во времена Цезаря Юлиана: «Тем временем, когда варвары вторглись в Галлию, Цезарь Юлиан собрал все войско у города Вангиона (современный Вормс на юго-западе Германии — *E.M.*) и начал раздавать воинам жалование — в соответствии с обычаем они вызывались по одному, пока (очередь) не дошла до Мартина» (*Interea inruentibus intra Gallias barbaris, Iulianus Caesar, coacto in unum exercitu apud Vangionum civitatem, donativum coepit erogare militibus, et, ut est consuetudinis, singuli citabantur, donec ad Martinum ventum est* — Sulp. Sev. Vita S. Martini, 4, 1)¹⁰. По мнению Т. Барнса, данное событие произошло осенью 357 г., т.е. уже после знаменитой битвы при Аргенторате (август 357 г.), в результате которой Цезарь Юлиан нанес аламаннам сокрушительное поражение (Barnes 2010: 206).

Следовательно, поскольку в составе армии Юлиана находились дворцовые схолы, в одной из которых служил Мартин, мы можем предположить, что Юлиан командовал экспедиционной (мобильной, полевой) армией, располагавшейся в тот период в Галлии — сами по себе дворцовые схолы были мобильными войсковыми подразделениями, они перемещались вместе с императором и не входили в состав стационарной пограничной армии. Судя по всему, экспедиционная армия, одержавшая победу над аламаннами, разместилась в Галлии еще в 353 г., когда Констанций II полностью разгромил своего политического противника Магненция, галльского узурпатора, и вернул земли Галлии под контроль законной императорской власти — сама же эта армия, в свою очередь, была перемещена в Галлию из Фракии, которая с 337 г. находилась под властью Констанция¹¹.

Более того, сведения жития Мартина Турского подсказывают, что в каждом подразделении галльской экспедиционной армии существовала специальная платежная ведомость (список), в которой подробно перечислялись все воины, служившие в данном подразделении, с указанием размеров жалования для каждого воина.

Следовательно, поскольку в 355—360 гг. Юлиан командовал экспедиционной армией и с ее помощью воевал против германцев, можно предположить, что и отряд, сформированный из пленных аламаннов Вадомария, вошел в состав именно экспедиционной (т.е. мобильной, походной, полевой) армии, а значит, данный отряд постоянно сопровождал Юлиана во всех его территориальных перемещениях. Тогда мы можем объяснить, почему Юлиан поспешил переместить самого Вадомария в Испанию, на значительное расстояние от рейнского фронта — поскольку Юлиана постоянно сопровождал отряд, сформированный из соплеменников Вадомария, более того, эти соплеменники ранее подчинялись Вадомарию, существовал большой риск, что Вадомарий воспользуется данным отрядом и поднимет вооруженное восстание против Юлиана.

Другими словами, в том случае, если бы Вадомарий остался в пределах Галлии, Юлиан, скорее всего, был бы вынужден поставить Вадомария во главе пленных аламаннов, т.е. предоставить Вадомарию регулярную и официальную римскую командную должность (поскольку и сам отряд аламаннов был преобразован из племенной дружины в регулярное войсковое подразделение). В свою очередь, назначение Вадомария на римскую командную должность, скорее всего, привело бы к тому, что в его распоряжение перешли бы значительные финансовые ресурсы — мы полагаем, что в нормальной, штатной ситуации именно рядовые командующие, а не император, распределяли жалование среди воинов своих подразделений. Контроль же Вадомария над финансовыми ресурсами позволил бы

¹⁰ Цитируем по (Fontaine 1967: 260).

¹¹ См.: (Мехамадиев 2018: 6, 9—11). О перемещении экспедиционной армии из Фракии в Галлию см.: (Мехамадиев 2019: 249—268).

аламаннскому вождю организовать крупное восстание и привлечь на свою сторону не только аламаннов, ранее находившихся под его властью, но и других германцев, которые служили в армии Юлиана.

3. Войсковое подразделение *Britones seniores* (диоцез Македония), Магн Максим и Феодосий I Великий

В 2007 г. Н. Проева опубликовала латинскую надпись (надгробную эпитафию) из города Струмица (Республика Македония), которая упоминает войсковое подразделение *Britones seniores* (слово *Britones* представлено в тексте надписи в версии *Bretones*) (Проева 2007: 125):

*Hic req]uiescit [bo]-
n(a)e memoriae Mun-
nes qui vixit anni[s]
XX, mens(es) septem, dies X
deposita est (ante diem) XV K(alendas)
decembr(es) indic(tion[e] septem b-
e(a)t(a)e vit(ae) goniux (sic) Ge[r]-
mano camp(i)d(uctor) (sic)
de nume(ro)
arma(t)orae (sic) Breton(um) sen(iorum)*

«Здесь покоится светлой памяти
Мунна, которая прожила 20 лет, 7 месяцев, 10 дней,
она была похоронена за 15 дней до декабрьских календ,
в 7 индикцион — блаженной жизни супруга Германа,
учителя воинов на поле сражения,
из отряда войска старших Бриттов»

Н. Проева датировала эпитафию IV в. и отождествила подразделение *Britones seniores* с одноименным подразделением в ранге дворцового легиона (*legio palatina*), который упоминается в позднеимперском административном справочнике *Notitia Dignitatum* (ND., Or., IX, 22)¹². *Notitia Dignitatum* фиксирует этот легион в пределах префектуры восточный Иллирик, в состав которой входил и диоцез Македония (город Струмица располагался на севере диоцеза, в провинции Македония Вторая или Салютарийская), сам же текст *Notitia* был составлен между 401 и 419 гг. (Zuckerman 1998: 143, 144, 146; Kulikowski 2000: 360, 362, 375; Pottier 2006: 231—232; Kaiser 2015: 245, 257), соответственно, можно предположить, что к началу V в. легион *Britones seniores* совершенно точно размещался на нижнем Дунае, в диоцезе Македония. Возникает вопрос, когда именно и при каких обстоятельствах данный легион разместился на нижнем Дунае?

Прежде всего, подчеркнем, что слово *Britones* подразумевает бриттов, т.е. коренное кельтское население Британии до завоевания острова англосаксами. В этом смысле ясно, что подразделение *Britones (seniores)* первоначально было сформировано из бриттов, т.е. на территории Британии, и затем перемещено в континентальную Европу, на нижний Дунай. Из

¹² Цитируем по (Проева 2007: 128—129).

событий позднеримской военной истории, произошедших до 401 г., т.е. начальной даты составления текста *Notitia Dignitatum*, и затронувших территорию Британии, мы можем выделить только мятеж Магна Максима — узурпатора, провозгласившего себя императором как раз на территории Британии в 383 г., поскольку он служил там еще с 369 г. (PRLE I: 588, sv. Magnus Maximus 39). Бриттский монах и историк Гильдас, живший в VI в., отмечает, что, захватив власть в Британии, Магн Максим направился «в Галлию в сопровождении большого полчища сообщников» (*ad Gallias magna comitante satellitum caterva* — Gildas. De Excidio Britanniae, 13)¹³. Как уточняет Гильдас, в результате перемещения узурпатора в Галлию «Британия лишилась каких-либо вооруженных воинов, вооруженных войск, наместников, пусть и ужасных, и огромного количества юношей» (*Exin Britannia omni armato milite, militaribus copiis, rectoribus licet immanibus, ingenti iuventate* — Gildas. De Excidio Britanniae, 14)¹⁴.

Э. Хрисос пришел к выводу, что основную часть войска Магна Максима составляли юноши-бритты, которых узурпатор привлек в свою армию, когда он еще находился на территории Британии (Chrysos 1991: 259), и мы согласны с этой позицией — в самом деле, фразу *ingens iuventus* («огромное количество юношей») у Гильдаса (пусть и с учетом риторических преувеличений, свойственных его труду) можно понимать именно как упоминание о местном (кельтском) населении Британии, т.е. о молодых людях из семей бриттов. Следовательно, мы можем предположить, что подразделение *Britones* было сформировано из юношей-бриттов в 383/384 гг., само же название *Britones* отражало этнический состав данного подразделения.

Другой вопрос, каким было социальное происхождение юношей-бриттов — принадлежали ли они к знатым семьям, т.е. к племенной аристократии бриттов, или представляли собой рядовое население Британии? Для ответа на этот вопрос обратимся к т.н. Харлейским генеалогиям — генеалогическим таблицам, которые сохранились в рукописи *Harleian ms. 3859* из собрания Британской библиотеки, рукопись была составлена в конце XI в. Данные таблицы представляют собой генеалогии знатных родов Уэльса, они составлены по возрастанью, от основателя рода к его потомкам, время создания таблиц — конец X в.¹⁵. Генеалогии написаны на гэльском (кельтском) языке, впервые текст был издан в конце XIX в. в британском кельтологическом журнале «*Y Cymmrodor*», тем не менее, более новое чтение и адаптированный английский перевод источника предложил М. Миллер, соответственно, цитируем текст по изданию в «*Y Cymmrodor*» и по переводу М. Миллера: 1) *map. Triphun... / map. Maxim gulecic / map. Protec. / map. Protector / map. Constans / map. Constantini magni / map. Constantii et Helen.* (оригинальный текст); 2) *Constantius, marr. Helen / Constantinus Magnus / Constans / ... Protector / Protec / Maxim gulecic / ... / Tryffin* (перевод М. Миллера) (Phillimore 1888: 171; Miller 1977: 38). Т.о., слово *map* в оригинальном тексте обозначает «сын», следовательно, Харлейские генеалогии возводят происхождение некоторых родов даже к императорам Констанцию Хлору и Константину I Великому (как известно, он был сыном Констанция I), но для нас важно, что среди основателей знатных уэльских семей упоминается и Магн Максим, который в оригинальном тексте назван под именем *Maxim gulecic*¹⁶.

¹³ Цитируем текст по (Williams 1899: 30, l. 14—15).

¹⁴ Цитируем текст по (Williams 1899: 32, l. 3—4).

¹⁵ (Phillimore 1888: 145). Мы будем цитировать текст таблиц по этому изданию.

¹⁶ Прилагательные *gulecic* и *wledig* — две кельтские версии латинского прилагательного *Magnus* («Великий»), см. об этом: (Matthews 1983: 444).

Ф. Ранс убедительно доказал, что Харлейские генеалогии отражают родословные линии ирландских знатных семей, а именно — по мнению исследователя, в 360-х гг. достаточно крупный союз ирландских племен, известный в различных раннесредневековых ирландских хрониках как Déisi, вынужден был мигрировать из Ирландии на территорию Уэльса в Британии, соответственно, Харлейские генеалогии подробно расписывают историю ирландской племенной аристократии, прибывшей в Уэльс в тот период. Ф. Ранс полагает, что слова Triphun/Tryffin и Protector, встречающиеся в генеалогической таблице, на самом деле следует понимать не как имена собственные, а как римские военные титулы трибуна и протектора. По мнению Ф. Ранса, наличие подобных титулов у представителей ирландской племенной аристократии свидетельствует в пользу того, что эти представители находились на римской военной службе в качестве союзников-федератов, римская администрация Британии заключила договор с ирландскими племенами и возложила на них обязанность по охране берегов Уэльса от нападений внешних противников (в основном пиратов-саксов), в обмен за это римляне предоставили племенным вождям ирландцев официальные титулы трибуна и протектора (Rance 2001: 252—253, 256, 259—260).

Мы могли бы добавить к позиции Ф. Ранса важное уточнение — на наш взгляд, в числе римских правителей, заключивших договоры с ирландскими племенами, был и Магн Максим, более того, он определенно привлек часть знатной родовой аристократии ирландских племен на службу в свою армию, т.е. включил отряды знатных ирландских юношей в свои экспедиционные войска. С одной стороны, как утверждает современник событий, Амвросий Медиоланский, Магн Максим «потерпел поражение... от племени Саксов» (*a Saxonum gente... victus est* — Ambros. Ep., 74(40), 23)¹⁷. Скорее всего, Амвросий имел в виду морские нападения пиратов-саксов на берега Британии, в таком случае из сведений епископа Медиолана видно, что саксы беспокоили своими набегами земли Британии и в 383—388 гг., когда Магн Максим управлял Галлией и Британией. Очевидно, перед отправкой своих войск в Галлию узурпатор заключил договоры с рядом ирландских племен об охране береговой линии Уэльса от саксов, лидеры же этих племен получили от Магна Максима почетные титулы (именно титулы, но не должности) *protector* и *tribunus*, что и отражено в сведениях Харлейских генеалогий.

С другой стороны, часть ирландской племенной аристократии вошла в состав армии Магна Максима и переместилась вместе с ним в Галлию — латинская надгробная эпитафия из Фессалоники свидетельствует о размещении войскового подразделения под названием *Attacotti* («Аттакотты») в провинции Македония Первая (как известно, город Фессалоники был административным центром этой провинции и по совместительству — столицей диоцеза Македония и префектуры восточный Иллирик) (Scharf 1995: 162). Как показал Ф. Ранс, аттакотты были союзом ирландских племен, более того, именно эта группа племен расселилась в Уэльсе и позже получила название Déisi уже в ирландских источниках (Rance 2001: 249—251). Р. Шарф предположил, что подразделения с наименованием *Attacotti* были сформированы и включены в состав западноримских экспедиционных армий в период между 397 и 406 гг. (Scharf 1995: 177—178), тем не менее, уэльские генеалогические таблицы позволяют нам предположить, что племена аттакоттов, точнее — юноши из знатных семей этих племен, вошли в состав римской армии намного раньше, во времена Магна Максима, более того, именно он сформировал из племенной аристократии аттакоттов регулярные элитные войсковые подразделения и затем включил их в состав своей армии.

¹⁷ Цитируем текст по (Zelzer 1982: 69).

Соответственно, на наш взгляд, те же процессы происходили и среди племенной аристократии бриттов — часть знатных родов бриттов осталась на территории Британии для защиты ее побережья от саксов, Магн Максим заключил союзные договоры с главами (вождями) этих родов, другая же часть вошла в состав армии узурпатора в качестве обособленных и самостоятельных этнических подразделений с наименованием *Britones*, данные подразделения переместились вместе с Магном Максимом в Галлию, а затем и в Италию, которую он захватил в 387 г. Когда же в 388 г. восточноримский император Феодосий I Великий вторгся в Италию, разгромил войско Магна Максима и обезглавил его в Аквилее, он присоединил к своей армии многие элитные войсковые подразделения, служившие узурпатору. Византийский историк Зосим, живший в VI в., отмечает, что когда в 391 г. Феодосий I решил оставить Италию и вернуться в Константинополь, «вместе со своими войсками он взял с собой отборную часть тех войск, которые служили под командованием Максима» (τῶν δὲ ὑπὸ Μαξίμου στρατευσαμένων ὅσον ἦν ἐπίλεκτον μετὰ τῶν οἰκείων ἀναλαβόν — Zos., IV, 47, 2).

Соответственно, мы полагаем, что в составе тех войск узурпатора, которых Феодосий переместил в восточные провинции империи, находились подразделения *Attacotti* и *Britones*, как результат, надписи фиксируют пребывание этих подразделений в диоцезе Македония, т.е. в пределах восточной половины империи. Судя по всему, в последующий период, между 391 и 401 гг., один из отрядов с наименованием *Britones*, во-первых, получил привилегированный ранг дворцового легиона, а во-вторых, претерпел кадровые реорганизации — он был разделен на две половины с дополнительными наименованиями *seniores* («старшие») и *iuniores* («младшие»), надпись из Струмицы упоминает половину с названием *seniores*.

В целом рассмотренный выше материал позволяет заключить, что новые боевые этнические отряды, сформированные из представителей внешних или внутренних племен и получившие ранг регулярных подразделений, приобретали ту же внутреннюю структуру, что и старые, уже давно существовавшие подразделения пограничных или экспедиционных армий. В самом деле, надпись из Струмицы вполне отчетливо дает понять, что в составе подразделения старших Бриттов (*Britones seniores*) служил *campidoctor* — «учитель воинов на поле сражения», т.е. говоря современными словами, военный инструктор (преподаватель), обучавший молодых воинов (новобранцев, рекрутов) правилам ведения боя и владения оружием.

Такая должность существовала во всех регулярных (постоянно действующих) подразделениях римской армии, поэтому мы можем предположить, что внутреннее устройство и организационно-тактическое деление отряда *Britones seniors* было таким же, как и в других регулярных соединениях экспедиционной армии восточного Иллирика. Еще один важный момент — сведения «Жизни Мартина Турского» подсказывают, что этнические подразделения получали регулярное военное жалованье, и, судя по всему, контроль над распределением этого жалованья воинам находился в руках командного состава этнических боевых отрядов. Как результат — третий, самый важный, вывод нашей работы, а именно — мы полагаем, что в большинстве случаев отряды, сформированные из этнических групп, находились под командованием своей собственной племенной аристократии, даже при условии, что сами по себе эти отряды входили в состав регулярных римских войск и обладали регулярными римскими воинскими рангами, например, рангом дворцовой ауксиллии или дворцового легиона. Сведения «Жизни Амвросия Медиоланского» подводят к выводу, что вожди франков, с которыми периодически встречался и взаимодействовал

Арбогаст, в реальности командовали регулярными пограничными гарнизонами, сформированными из франков.

Другими словами, Арбогаст заключил с некоторыми из франкских вождей договоры о военном союзе, в результате франкские вожди сформировали из своих соплеменников боевые отряды, Арбогаст же наделил эти отряды рангом регулярных подразделений и разместил их на рейнской границе для усиления защиты от нападений других франкских племен, с которыми римской администрации не удалось заключить договор. Следовательно, франкские племенные вожди, с которыми Арбогаст встречался на торжественных пирах, территориально находились не за пределами, а в пределах империи, они пребывали и выполняли свою службу в пограничных землях империи, на рейнском фронте. На наш взгляд, этим фактом можно объяснить частые и относительно беспрепятственные контакты Арбогаста, размещавшегося на рейнской границе в 392—393 гг., с представителями франкской племенной аристократии.

Литература

- Мехмадиев Е.А. 2019. *Военная организация поздней Римской империи в 253—353 гг.: эпоха Константина I Великого и его династии (306—353)*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Мехмадиев Е.А. 2018. Племянник императора Константина I Цезарь Далмаций-младший и нижнедунайская граница Римской империи в 335—337 гг.: военный аспект проблемы. *Вестник Пермского университета. История* 2(41), 5—14.
- Проева Н. 2007. Ранохристијански натпис од Струмица. В: Тасева С. (отв. ред.). *Зборник на трудови во спомен на Јован Ананиев*. Струмица: Музеј Струмица, 125—130.
- Barlow J. 1996. Kinship, Identity and Fourth-Century Franks. *Historia* 45/2, 223—239.
- Barnes T.D. 2010. *Early Christian Hagiography and Roman History*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Chrysos E. 1991. Die Römerherrschaft in Britannien und ihr Ende. *BJ* 191, 247—276.
- Enjuto Sánchez B. 2003. Reflexiones sobre el episodio de *Vadomarius* y su envío a Hispania. *Hispania Antiqua* 27, 245—262.
- Fontaine J. (ed.). 1967. *Sulpice Sévère. Vie de Saint Martin*. Tome I. Paris: Les Éditions du Cerf (Sources Chrétiennes, no. 133).
- Geuenich D. 2009. Die alemannischen “Breisgaukönige” Gundomadus und Vadomarius. In: Brather S., Geuenich D. (eds.). *Historia archaeologica. Festschrift für Heiko Steuer zum 70. Geburtstag*. Berlin; New York: De Gruyter, 205—216.
- Glare P.G.W. (ed.). 1968. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
- Grünwald Th. 1988. Arbogast und Eugenius in einer Kölner Bauinschrift. Zu CIL XIII 8262. *Kölner Jahrbuch für vor- und frühgeschichte* 21, 243—252.
- Hoffmann E. (ed.). 1899. *Sancti Aurelii Augustini episcopi de Civitate Dei libri XXII*. Vol. I. Libri I—XIII. Vindobonae: Tempsky (CSEL 30).
- Kaiser A.-M. 2015. Egyptian Units and the Reliability of the Notitia Dignitatum, pars Orientis. *Historia* 64/2, 243—261.
- Krusch B. 1887. (ed.). *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. T. I. Pt. I. Fs. I. *Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum libri X*. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani.
- Kulikowski M. 2000. The “Notitia Dignitatum” as a Historical Source. *Historia* 49/3, 358—377.
- Lamirande É. 1981. La datation de la “Vita Ambrosii” de Paulin de Milan. *Revue d’Études Augustiniennes* 27, 44—55.
- Matthews J.F. 1983. Macsen, Maximus, and Constantine. *Welsh History Review* 11/4, 431—448.
- Migne J.-P. (ed.). 1845. *PL*. Vol. 20. Paris: Migne editorem.
- Miller M. 1977. Date-Guessing and Dyfed. *Studia Celtica* 12/13, 33—61.
- Navoni M. 2011. I barbari nella Vita Ambrosii di Paolino da Milano. *Studia Ambrosiana* 5, 169—192.
- ND: Seeck O. (ed.). 1876. *Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum*. Berolini: Weidmannos.

- Phillimore E. 1888. The *Annales Cambriae* and Old Welsh Genealogies, from Harleian ms. 3859. *Y Cymmrodor* 9, 141—183.
- PRLE I: Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1. A.D. 260—395. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pottier B. 2006. L'Histoire Auguste, le consul Aurelianus et la réception de la Notitia Dignitatum en Occident. *Antiquité Tardive* 14, 225—234.
- Rance Ph. 2001. Attacotti, Déisi and Magnus Maximus: The Case for Irish Federates in Late Roman Britain. *Britannia* 32, 243—270.
- Salzman M. 2010. Ambrose and the Usurpation of Arbogastes and Eugenius: Reflections on Pagan-Christian Conflict Narratives. *Journal of Early Christian Studies* 18/2, 191—223.
- Scharf R. 1995. Aufrüstung und Truppenbenennung unter Stilicho. Das Beispiel der *Atecotti*-Truppen. *Tyche* 10, 161—178.
- Seyfarth W. (ed.). 1978. *Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt*. Vol. I. XIV—XXV. Lipsiae: Teubner.
- Williams H. (ed.). 1899. *Gildae de Excidio Britanniae*. London: David Nutt.
- Woods D. 1995a. A Note Concerning the Early Career of Valentinian I. *Ancient Society* 26, 273—288.
- Woods D. 1995b. Julian, Arbogastes, and the *signa* of the *Ioviani* and *Herculiani*. *JRMES* 6, 61—68.
- Zelzer M. (ed.). 1982. *Sancti Ambrosii opera*. Pt. X. *Epistulae et acta*. T. III. *Epistularum liber decimus. Epistulae extra collectionem. Gesta concilii Aquileiensis*. Vindobonae: Hoelder-Pichler-Tempsky (CSEL 82).
- Ziegler K.-H. 1989. Friedensverträge im römischen Altertum. *Archiv für Völkerrechts* 27/1, 45—62.
- Ziegler K.-H. 1985. Kriegsverträge im antiken römischen Recht. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung* 102/1, 40—90.
- Zuckerman C. 1998. Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis. *Antiquité Tardive* 6, 137—147.

References

- Mekhamadiev, E.A. 2019. *Voennaja organizacija pozdnej Rimskoj imperii v 253—353 gg.: jepoha Konstantina I Velikogo i ego dinastii (306—353) (A Military Organization of the Late Roman Empire in 253—353 CE: Era of Constantine I the Great and his Dynasty (306—353))*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).
- Mekhamadiev, E.A. 2018. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. (Perm University Herald. History)* 2(41), 5—14 (in Russian).
- Proeva, N. 2007. In: Taseva, S. (ed.). *Zbornik na trudovi vo spomen na Jovan Ananiev (Collection of the Work in Memory of Jovan Ananiev)*. Strumica: “Muzej Strumica”, 125—130 (in Macedonian).
- Barlow, J. 1996. Kinship, Identity and Fourth-Century Franks. *Historia* 45/2, 223—239.
- Barnes, T.D. 2010. *Early Christian Hagiography and Roman History*. Tübingen: “Mohr Siebeck” Publ.
- Chrysos, E. 1991. Die Römerherrschaft in Britannien und ihr Ende. *BJ* 191, 247—276.
- Enjuto Sánchez, B. 2003. Reflexiones sobre el episodio de *Vadomarius* y su envío a Hispania. *Hispania Antiqua* 27, 245—262.
- Fontaine, J. (ed.). 1967. *Sulpice Sévère. Vie de Saint Martin*. T. I. Paris: “Les Éditions du Cerf” (Sources Chrétiennes, no. 133).
- Geuenich, D. 2009. Die alemannischen “Breisgaukönige” Gundomadus und Vadomarius. In: Brather, S., Geuenich, D. (eds.). *Historia archaeologica. Festschrift für Heiko Steuer zum 70. Geburtstag*. Berlin; New York: “De Gruyter” Publ., 205—216.
- Glare, P.G.W. (ed.). 1968. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: “Clarendon Press”.
- Grünewald, Th. 1988. Arbogast und Eugenius in einer Kölner Bauinschrift. Zu CIL XIII 8262. *Kölner Jahrbuch für vor- und frühgeschichte* 21, 243—252.
- Hoffmann, E. (ed.). 1899. *Sancti Aurelii Augustini episcopi de Civitate Dei libri XXII*. Vol. I. Libri I—XIII. Vindobonae: “Tempsky” Publ. (CSEL 30).
- Kaiser, A.-M. 2015. Egyptian Units and the Reliability of the Notitia Dignitatum, pars Orientis. *Historia* 64/2, 243—261.
- Krusch, B. 1887. (ed.). *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. T. I. Pt. I. Fs. I. *Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum libri X*. Hannoverae: “Impensis Bibliopolii Hahniani” Publ.

- Kulikowski, M. 2000. The "Notitia Dignitatum" as a Historical Source. *Historia* 49/3, 358—377.
- Lamirande, É. 1981. La datation de la "Vita Ambrosii" de Paulin de Milan. *Revue d'Études Augustiniennes* 27, 44—55.
- Matthews, J.F. 1983. Macsen, Maximus, and Constantine. *Welsh History Review* 11/4, 431—448.
- Migne, J.-P. (ed.). 1845. *PL*. Vol. 20. Paris: "Migne editorem" Publ.
- Miller, M. 1977. Date-Guessing and Dyfed. *Studia Celtica* 12/13, 33—61.
- Navoni, M. 2011. I barbari nella Vita Ambrosii di Paolino da Milano. *Studia Ambrosiana* 5, 169—192.
- ND: Seeck, O. (ed.). 1876. *Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum*. Berolini: "Weidmannos" Publ.
- Phillimore, E. 1888. The *Annales Cambriae* and Old Welsh Genealogies, from Harleian ms. 3859. *Y Cymmrodor* 9, 141—183.
- PRLE I: Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1. *A.D. 260—395*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pottier, B. 2006. L'Histoire Auguste, le consul Aurelianus et la réception de la Notitia Dignitatum en Occident. *Antiquité Tardive* 14, 225—234.
- Rance, Ph. 2001. Attacotti, Déisi and Magnus Maximus: The Case for Irish Federates in Late Roman Britain. *Britannia* 32, 243—270.
- Salzman, M. 2010. Ambrose and the Usurpation of Arbogastes and Eugenius: Reflections on Pagan-Christian Conflict Narratives. *Journal of Early Christian Studies* 18/2, 191—223.
- Scharf, R. 1995. Aufrüstung und Truppenbenennung unter Stilicho. Das Beispiel der Atecotti-Truppen. *Tyche* 10, 161—178.
- Seyfarth, W. (ed.). 1978. *Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt*. Vol. I. *XIV—XXV*. Lipsiae: "Teubner" Publ.
- Williams, H. (ed.). 1899. *Gildae de Excidio Britanniae*. London: "David Nutt" Publ.
- Woods, D. 1995a. A Note Concerning the Early Career of Valentinian I. *Ancient Society* 26, 273—288.
- Woods, D. 1995b. Julian, Arbogastes, and the signa of the Ioviani and Herculiani. *JRMES* 6, 61—68.
- Zelzer, M. (ed.). 1982. *Sancti Ambrosii opera*. Pt. X. *Epistulae et acta*. T. III. *Epistularum liber decimus. Epistulae extra collectionem. Gesta concilii Aquileiensis*. Vindobonae: "Hoelder-Pichler-Tempsky" Publ. (CSEL 82).
- Ziegler, K.-H. 1989. Friedensverträge im römischen Altertum. *Archiv für Völkerrechts* 27/1, 45—62.
- Ziegler, K.-H. 1985. Kriegeverträge im antiken römischen Recht. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung* 102/1, 40—90.
- Zuckerman, C. 1998. Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis. *Antiquité Tardive* 6, 137—147.

УДК 9.479.2—924.76

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00012

А.Ж. Арутюнян

**ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ СТРАНА ВСЕОБЩЕЙ АЗИИ
ПО «ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ»:
АРИК (АРИАНА—АРИЯ) ИЛИ ПАРФИЯ?***

В «Древнеармянской географии» тридцать третьей страной Всеобщей Азии названа Арик, в которой есть основания видеть как Арию, так и Ариану. Описание этой страны весьма небрежное. Сказано, что Арик состоит из одиннадцати провинций. Однако названы и описаны лишь четыре из них. Складывается впечатление, что Арик — не Парфия. Действительно, вторая из этих стран также описана в «Древнеармянской географии». Причем сведения о ней довольно точные. Судим по тому, что приведены подробные сведения о ее восточных и северо-восточных пределах. Однако мы эту точку зрения принять не можем. Настаиваем на том, что Арик — Парфия. Полагаем, что М. Хоренаци не мог упомянуть ее из-за негативного отношения Сасанидов к династии Аршакидов. Сведения о Парфии были добавлены в «Древнеармянскую географию» А. Ширакаци. После него описание этой страны было по небрежности искажены неизвестным переписчиком. В любом случае, «Древнеармянская география» является ценным источником по истории и географии Парфии.

Ключевые слова: Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, «Древнеармянская география», история Армении, История Ирана, Арик, Парфия.

Сведения об авторе: Арутюнян Акоп Жораевич, доктор исторических наук, доцент, Ереванский государственный университет.

Контактная информация: 0025, Армения, Ереван, ул. Х. Абовяна, 52, Ереванский государственный университет; e-mail: hakobharutyunyan@ysu.am.

H.Zh. Harutyunyan

**THE THIRTY-THIRD COUNTRY OF UNIVERSAL ASIA
ON AN “ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY”:
ARIC (ARIANA—ARIA) OR PARTHIA?**

In “Ancient Armenian Geography”, Aric is named the thirty-third country of General Asia, in which there is reason to see both Aria and Ariana. The description of this country is very careless. It is said that Aric consists of eleven provinces. However, only four of them are named and described. It seems that Aric is not Parthia. Indeed, the second of these countries is also described in Ancient Armenian Geography. And the information about her is pretty accurate. Judging by the fact that detailed information is provided on its eastern and northeastern borders. However, we cannot accept this point of view. We insist that Aric is Parthia. We believe that M. Khorenatsi could not mention her because of the negative attitude of the Sassanids to the Arshakids dynasty. Information about the Parthia was added to the “Ancient Armenian Geography” by A. Shirakatsi. After him, the description of this country was carelessly distorted by an unknown scribe. In any case, “Ancient Armenian Geography” is a valuable source on the history and geography of Parthia.

Key words: Movses Khorenatsi, Ananias of Shirak, Ancient Armenian Geography, History of Armenia, History of Iran, Aric, Parthia.

* Статья поступила в номер 27 октября 2019 г.
Принята к печати 20 ноября 2019 г.

About the author: Harutyunyan Hakob Zhoraevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Yerevan State University.

Contact information: 0025, Armenia, Yerevan, 52 Kh. Abovyan St., Yerevan State University; e-mail: hakobharutyunyan@ysu.am.

В «Древнеармянской географии» тридцать третьей страной Всеобщей Азии названа страна Арик. Цитируем: «Тридцать третьей страной Азии является Арик, которая расположена восточнее Мидии и Персии и распространяется до Индии, Гиркании и одной части Скифии. Она делилась на одиннадцать провинций, а также на губернии Карчабер, Демон и Карманджерм, Кранат, называемый персами Холодным Крманом» (Ashkharatsuyts, V, 269). Севернее Арик располагалась страна парфян, которая «находится между Холодным Крманом и Гирканией»¹ (Ashkharatsuyts, V, 268).

Заметим, что описание Арик слишком запутанное. Куда точнее сведения об отдаленных от Армении странах: Китае (Ashkharatsuyts, V, 328—342), Индии (Ashkharatsuyt, V, 288—313) и Тапробане (Ashkharatsuyts, V, 314—327), а также об Испании (Ashkharatsuyt, III, 1—8), Британии (Ashkharatsuyts, III, 9—14) и Галлии (Ashkharatsuyts, III, 15—18). Так что есть основания полагать, что во фрагменте об Арике приведены сведения об Арии и Ариане.

Немаловажно и то, что в «Древнеармянской географии» использован топоним Арик (арм. — Արիք), приведенный во множественном числе. Вполне возможно, что Арик включал в свой состав Арию, которая была частью Арианы (Фрай 2002: 19—20, 42, 44, 80—82, 134; Любкер 2005: 109; Чайлд 2005: 25—29, 120 и дал.). Так, Страбон писал: «Таким образом, назвав Индию первой сфрагидой, а Ариану — второй (т.к. их очертание легко определить; речь идет о географах Гиппархе или Эратосфене — А.А.), он имел возможность не только определить их длину и ширину, но, как бы это сделал геометр, дать некоторое представление и об их фигуре» (Strabo, II, I, 22, 28, 29, 31, XI, I, 7, X, 1, XI, 1 и дал.). Ариану упомянули Плиний Старший и Клавдий Птолемей (Pliny., VI, 20, 23, 25; Ptol., VI, XVII, 1 и дал.). Они писали об Ариане, которая занимала несравненно большую территорию, чем Ария. Шла речь о почти всем Среднем Востоке: об Арахосии, Гедрозии, Дрангиане, Арее, Парфии, Кармании и области Парапамис. Ария находится в основном на территории современного Афганистана, а центр этой древней области находился на месте нынешнего г. Герат. В армянском тексте эти два географических названия объединены, при этом в конце топонима использована буква «қ» (арм. — «ր»).

Перейдем к вопросу об административно-территориальном устройстве страны Арик. В тексте первоисточника приведено следующее выражение: «делилась на одиннадцать провинций, а также на губернии». Но все должно было быть наоборот: губернии делятся на провинции, о чем неоднократно сказано в «Древнеармянской географии» (Ashkharatsuyts, V, 269). Однако на этом ошибки и недочеты первоисточника не заканчиваются. Ее авторы писали о делении Арика на одиннадцать административно-территориальных областей, но почему-то перечислены только четыре из них.

Для разрешения этой проблемы следует рассмотреть вопрос времени. Выяснить, когда был написан интересующий нас фрагмент «Древнеармянской географии»? Заметим, что Э.Л. Даниеляном, а, впоследствии, и нами, независимо друг от друга было доказано, что ее первым автором был армянский историограф Мовсес Хоренаци. Позже первоисточник был

¹ См. (Патканов 1877: 71—79; Акопян 2015: 170—171). В последнем издании Арик—Ария упомянута как сороковая страна Азии (Soukty 1881: 5—6; Колесников 1970: 25—29; Newsen 1992: 3—4; Манандян 2010: 275—386).

дополнен армянским географом Ананией Ширакаци (Даниелян 2000: 48—50 и дал.; Арутюнян 2013a: 1—5; 2013b: 88—94).

Мы находим этот тезис немаловажным. Дело в том, что политическая ситуация вокруг Армении при Аршакидах сложилась весьма неблагоприятно. В 428 г. она была разделена между Сасанидским Ираном и Римской империей. Причем большая часть Армении ($\frac{4}{5}$ территории) перешла к Ирану.

Весьма интересная точка зрения была высказана А.А. Акопяном. Ученый заметил, что «Древнеармянская география» являлась дорожной картой, которая было создана по заказу Сасанидов (Адонц 1971: 1—27; ИАН 1971: 111—122; Акопян 2015: 37 и дал.). Не случайно в ней описаны древнеиранские государства Мидия (Ashkharatsuyts, V, 248—253), Элам (Ashkharatsuyts, V, 256—262), Персида (Ashkharatsuyts, V, 262—267) и Арик (Ashkharatsuyts, V, 268—269). Причем во всех изданиях отсутствуют сведения о Парфии.

Заметим, что М. Хоренаци отлично знал как парфян, так и их историю. Судим по его «Истории Армении». Если собрать воедино все упоминания М. Хоренаци из его «Истории», то можно написать несколько диссертаций и монографий по истории Парфии, начиная с догосударственного периода до образования государства, а также его развития и упадка (Khoren. Hist. Arm., I, 8, 9, 22, 31—32, II, 1—4, 13, 53—57, 67—74 и дал.). Однако он учитывал тот факт, что Сасаниды ненавидели парфян, а себя считали продолжателями дела Ахеменидов. Так что у М. Хоренаци не было выбора. В своей «Древнеармянской географии» он «замаскировал» описание Парфии под Арик.

Действительно, во времена М. Хоренаци Сасаниды находились в зените своей славы. Причем они пытались заставить армян отказаться от христианства и принять зороастризм. Поэтому вторая половина V в. в истории армяно-иранских отношений прошла как период религиозных войн.

Что касается А. Ширакаци, то в его время держава Сасанидов была на пути к гибели. Дополняя текст «Древнеармянской географии», он мог ввести правки в первоначальный текст. Поэтому в настоящее время мы имеем два варианта описания Парфии: сокращенный, в котором она названа Арик, а также расширенный, в котором она выступает под собственным названием.

Перейдем к разрешению вопроса местонахождения административно-территориальных единиц страны Арик, упомянутых в «Древнеармянской географии». Напомним, что это Карчабер, Демон, Карманджерм, Кранпат, который персы называют Холодным Крманом.

Заметим, что Крман также упомянул армянский историк Товма Арцруни (IX—X вв.) в своем труде «История дома Арцруни». Он писал, что персидская чернь и другие племена напали на Васпуракан (одна из губерний Армении по «Древнеармянской географии», находилась восточнее Ванского озера и севернее озера Урмия — А.А.), их собрали из Мидии, Персии, Элама, Хужастана, Крмана, Мукана, Туркестана, Хорасана (Tovm. Artsr. Hist., III, 29).

О Хужастане (Хузестан) много сведений и у других армянских историков (Faust. Byz. Hist. Arm., IV, 55, V, 5, 7; Khoren. Hist. Arm., III, 35). Так, у М. Хоренаци эта страна названа Хужистан. Древние географии писали, что крепость Андмиш находилась на восточной окраине Сасанидского Ирана, восточнее бывшей Ассирии (Ptol., VI, X, 1, XVII, 3, VIII, XXI, 1, 16, XXIII, 2, XXV, 2 и дал.; Kaghank. Hist. Aghv., III, 2; Yeghish. Vard., I, 48, VII, 160, 179 и дал.; Ghaz. Parp. Hist. Arm., II, 32). Что касается Мукана, то он находится на территориях современного Ирана (в основном в остане Ардебиль) и Восточного Азербайджана. Из этого следует, что Крман надо искать между этими двумя географическими территориями. Мы считаем, что это современный Керман, а не остан Керманшах. Там находится горный хребет Кухруд, и этот район выделяется своим суровым климатом (Ptol., VI, IX, 5 и дал.), для сравнения (Strabo, XI, VI, 1, VII, 1 и дал.; Pliny. NH., XXXVI, XLVI, 48).

Откуда такая убежденность? У Арцруни топонимы перечислены по направлению с запада на восток, поскольку Туркестан и Хорасан находятся еще дальше на востоке. События, о которых упоминает Арцруни, происходили между 972—991 гг., когда царем армянского царства Васпуракан был Ашот-Саак (968/969—991). При таком раскладе Карманджерм находится на территории останов Систан, Белуджистан и Хормозган. Логика доказательства такова: название Карманджерм состоит из двух частей: топонима Карман и армянского прилагательного «ջերմ» — «теплый». В настоящее время это часть территории Ирана и Пакистана, именуемая Мекран. Она находится на побережье Аравийского моря и Оманского залива. Итак, все топонимы, упомянутые при описании Арии—Арианы, следует располагать от современного иранского г. Кермана до современного афганского г. Герат, о котором говорилось выше.

Далее, по «Древнеармянской географии»: «Но персы ныне от имени города Бахл называют Сахл-Бамик, т.е. Утренний Бахл» (Ashkharatsuyts, V, 269). Это предложение не имеет никакой связи как с предшествующими, так и последующими. Оно более похоже на «десант», который внезапно появляется ниоткуда (своего рода «Deus ex machina»). Полагаем, что по вине переписчиков рукописи пехлевийское название Бахл (правильнее Баһл — А.А.) превратилось в Сахл (Саһл, арм. — Մահլ). Но Балх (Бактра) (Herod., VI, 9, IX, 113) — столица Бактрии или Бактриании. М. Хоренаци несколько раз упомянул не только эту страну, но и ее жителей бактрийцев (Ashkharatsuyts, I, 6, II, 2, 68, 72, 74).

Не менее интересно и описание Парфии: «Библия называет страну (область) ариев страной парфян. Мне кажется, по той причине, что царство они унаследовали от них [парфян]. Но персы эту область называют Хорасан, что означает Восточный.

Говорят, что там есть следующие провинции: Кошм, Вркан (Гиркания), Апрушахр (Апрушаһр), Амр, Мрот, Гре, Гадшан, Гозкан, откуда привозят царских коней, Гозбон, который распространяется до реки Аранд. Об этой реке есть легенда, что якобы вода приносит серу. Это река очень широкая и не видны ее берега и очень глубокая, и всем кажется, что это река [Писон], которую персы называют Вехрот» (Ashkharatsuyts, V, 273, 290).

В этой части источник перечисляет девять административно-территориальных образований. Далее упоминаются еще два топонима. Таким образом, получается одиннадцать областей, о которых говорилось при упоминании о стране Арик. Это приводит к мысли, что текст был дополнен произвольно. Причем это вряд ли сделал А. Ширакаци. Похоже, что имела место оплошность неизвестного переписчика рукописи в последующие века. Назовем его просто Анонимом.

Относительно Гиркании вопросы не возникают, ибо о ней наличествуют сведения у многих древних авторов (Pliny. NH., VI, 46; Ptol., I, XII, 6, VI, II, 3, VI, V, 1, IX, 1, 4, 8, X, 1, VIII, XXI, 2, XXIII, 3, XXIX, 23; Strabo, XI, VII, 1, 2; Arr. Anab. Alex., III, 23, III, 117, VII, 62). О Гиркании упоминают и многие армянские средневековые историки (Faust. Byz., IV, 50, 57; Kirak. Gandz. Hist. Arm., I, 1; Yeghish. Vard., VII, 141 и дал; Ghaz. Parp. Hist. Arm., II, 38, 43 и дал.). Фавстос писал, что Гиркания имела статус марзпанства в составе государства Сасанидов. В описании Мидии, приведенном в «Древнеармянской географии», эта территория названа Касб (Касбе). Этимология топонима восходит к сокращенному названию Каспийского моря. Мы специально оставили рассмотрение Кошма после Гиркании, о которой, как справедливо пишет К.П. Патанов, дважды упомянута армянским историком VII в. Себеос в своей «Истории». Однако он ошибочно именует эту территорию Комш. Он писал: «...когда пришли (речь идет об армянах и гелумах — А.А.) в страну под названием Комш, лежавшую за Врканом, по той стороне горы, проходящий по ней, и достигали села под названием Хекеванд» (Seb. Hist. Her., XXIII).

По всей вероятности, здесь речь идет о горной системе Эльбурс, которая проходит по южным берегам Каспийского моря. Об этом Хоренаци упомянул в главе «Разорение Страны касбов и раздоры сыновей Арташеса с Смба́том и между собой» (Khoren. Hist. Arm., II, 53). Он писал: «После смерти персидского царя Аршака Последнего наш Арташес утверждает его сына, соименного себе Арташеса, царем над Персидской страной. Но ни жители горы, называемой на их языке Патижахар, которая является горой гелумцев, ни приморские жители, ни жители стран, лежащих по эту сторону от них, не захотели повиноваться ему. Также Страна касбов по этому поводу отложи́лась от нашего царя. Поэтому Арташес посылает на них Смба́та со всей армянской ратью и сам сопровождает их в течение семи дней. Смба́т, придя туда, умирляет всех, а Страну касбов разоряет и уводит в Армению пленных больше, чем из Артаза, и с ними их царя Зардманоса. За эти заслуги Арташес жалует ему царскую долю в селениях Голтна и истоки» (Khoren. Hist. Arm., II, 53).

Получается, что гелумцы — те же гиляне (название области Гилян), а Патижахар — не что иное, как Эльбурс. Значит, они пришли из Великой Армении. Таким образом, получается, что Кошм-Комш находится северо-западнее Гиркании (Pliny. NH., VI, 44, 46). Нам необходимо было это выяснить, поскольку нередко горой считается и Великая Горганская стена, которая находилась на северо-восточной стороне Гиркании и являлась искусственным сооружением, в отличие от первой.

Третьим в этом списке упомянут А́пршахр (А́пршахр — А.А.). Используя сведения об этой территории из сочинения Себеоса, Л.Н. Гумилев писал: «Удовлетворённый успехом, Смба́т разбил лагерь в А́пршахре (город в Хорасане, возле Нишапура, а сам с отрядом в 300 человек засел в городке Хрохте (?). Кушаны, видя, что им одним не справиться с персами, обратились за поддержкой к своим соседям, тюркютам. На помощь к кушанам пришло войско, во главе которого стоял Джембуху (армянское искажение титула ябгу/джабгу — А.А.); в это время такой титул носил внук великого хана Тун, известный под именем Тунджабгу. Тюркюты захватили персов врасплох. Хрохт был осажден» (Гумилев 1967: 133). Что касается прилагательного хрохт (арм. — Խրոխտ), то оно переводится с армянского языка как «отважный, бесстрашный, непоколебимый» Тут можно предположить, что жители какого-то вблизи находящегося городка отличились особой отвагой, поэтому так стали называть их город. Для доказательства вышесказанного нам следует вначале выяснить местонахождение А́пршахра или Апар ашхарh (арм. — ափրաշարհ) в этом случае переводится с армянского как «мир» в этно-территориальном смысле. Это слово использовал в своем труде «О Вардане и войне армянской» армянский историк V в. Егише. Он писал: «Выйдя из Вркана и вступив в страну Апар, он (историк имеет ввиду Йездегерда II (438/439—457) — А.А.) велел в тех же узах держать нахараров и священников — в цитадели города Ньюшапухе» (Yeghish. Vard., VII, 141).

Между Врканоми городом Нишапур находятся современные области (останы) Мезендаран, Семнан и Хорасан-Резави. Центром последней является г. Мешхед, чуть западнее от него расположен г. Нишапур. Значит, А́пршахра или Апар ашхарh находилась на территории этих нынешних останов, близко к Хорасану-Резави и Нишапуру.

Пока пропустим четвертый и пятый топонимы и перейдем к шестому — Гре. Заметим, что в армянском языке бытует слово «հր» — «пламя». Полагаем, что название местности выбрано не случайно. Действительно, окрестности афганского г. Герата богаты нефтью и газом. Это никак не связано с высокой температурой воздуха данной местности, так как район находится в горах Паропаниз (Парапанис, ныне Паропамиз), где температура высоко не поднимается. Там властвовали и кушаны, основав на данной территории свое царство. Согласно сведениям того же Себеоса, в этих районах ими была основана область hарев, от

которой происходит и топоним Гре. Себеос писал, что Войско Смбата «... дошло до Балха Шахастана Кушанской земли, разгромило всю страну, Гар (здесь переводчик С. Малхасянц допускает ошибку, следовало перевести *h*арев или Гарев — А.А.), Ватагес, весь Тохарстан и Тагакан» (Seb. Hist. Her., XXVI, 5). Это совпадает с той же местностью, о которой мы говорили выше.

Пятым в списке упомянут топоним Мрот, который, по всей вероятности, является искаженным вариантом Маргианы, находящейся на территории современного восточного Туркменистана. Мрот (арм. — Մրոտ) с армянского переводится как «испачканный золой, сажей». Сейчас эта территория называется Марыйский вилайет Туркмении с центром г. Мары. Наши предположения подтверждаются при рассмотрении списка полезных ископаемых этой территории: нефть, газ, сера, гранит, гипс и т.д., от которых остается черный след, напоминающий золу и сажу. Об этой территории писал и армянский историк Себеос, что Смбат «взял также много крепостей и разрушил их, и с великой победой и громадной добычей вернулся обратно и остановился в области Марг и Маргрот» (Seb. Hist. Her., XXVI). Можно предположить, что Амр также находился в районе нынешнего хребта Копетдага (Strabo, XI, VII, 2—3).

Мы согласны с мнением К.П. Патканова, что Гозкан — это Гузбан, о котором писал армянский средневековой историк Товма Арцруни при описании завоевания Нина после упадка Бела (Tovm. Artsr. Hist., I, 3). Это территория упомянута после Бахла, а в заключение упоминается Индийский океан².

В тексте «Древнеармянской географии» далее упомянуты Гозбон (девятым), а двенадцатым назван Гозакан. При обращении к тексту первоисточника мы упомянули об одиннадцати областях, однако сейчас говорим о двенадцатой, которая, согласно тексту, была основана после переселения в эти местности иудеев: «... Кажется пленные, привозимые из Иудеи, были поселены в этой области Гозакан. Об этом говорит (Священная — А.А.) книга, что они стали жить возле реки Гозан» (Ashkharatsuyts, V, 275). Мы считаем, что Гозкан—Гузбан—Гозакан — это одна и та же местность, названная разными, однако близкими по звучанию топонимами: она стала «трехликой» по вине переписчиков рукописей армянского текста «Древнеармянской географии». Данные топонимы фонетически близки названию нынешней афганской провинции Урузган, расположенной практически в центре страны (юго-западнее Кабула). Здесь по территории Афганистана течет река Гильменд. Что касается второго названия реки — Писон (точнее Пһисон — А.А.), то оно объясняется тем, что авторы «Древнеармянской географии» интересовались могучими рекам (Ashkharatsuyts, V, 273, 290).

Что касается названной авторами седьмой административно-территориальной единицы — Гадшана, то можно предположить, что она также находилась недалеко от вышеперечисленных областей. Во всяком случае, южнее Урузган находится провинция под названием Гильменд (от имени этой реки). Вероятно, именно эту территорию, богатую и рудами, и серой (ГЭ 1984: 258 и дал), упоминал армянский первоисточник.

В заключительной части описания Парфии читаем: «Реку называют без берегов в том смысле, потому что для таких мощных народов, какими является персы и индусы, для них также непроходимой, несмотря на то, что она условная. Здесь, в восточной окраине Гиркании находится Огненная равнина. Там размещена провинция Вардгес, где нашли свою смерть наши предводители, священные покойники. Говорят, что там находится область Хупи-Тухарстан. Здесь есть мускус, но не особо хорошего качества» (Ashkharatsuyts, V,

² Подробнее см.: (Патканов 1877: 77; Marquart 1901: 44—45, 92—93; Томсон 1953: 261, 428).

274)³. Можно предположить, что Огненная равнина — это шестое, согласно перечислению первоисточника, административно-территориальное деление *hpe* (арм. — Հրե), поскольку оба названия связаны с огнем. Однако здесь указывается, что Огненная равнина находится на восточной окраине Гиркании (*Ashkharatsuyts*, V, 274).

Если внимательно изучить карту, можно заключить, что почти везде вокруг Каспийского моря равнинные территории, кроме той части Кавказских гор, которые в южно-восточной части своих отрогов примыкают к морю. Огненной, т.е. теплой может быть любая часть побережья Каспия, т.к. море окружено низменностями. На севере Арало-Каспийская и Прикаспийская (это часть Восточно-Европейской равнины) низменности. Но текст «Ашхарацуйц» указывает территорию рядом с Гирканией, где находится Южно-Каспийская низменность. Однако Огненная равнина — не часть низменности, а Туранская низменность, которая на западе примыкает к восточным берегам Каспия. Это совпадает с западным отрезком современного Казахстана, Узбекистана и Туркмении: пустынные территории, где почти всегда высокая температура (в частности, там находится пустыня Кара-Кум).

Именно в этой части упоминается провинция Вардгес, название которой явно арменизировано. Вардгес в армянском языке — мужское имя, означающее «роза» (Վարդ); в данном случае — «розовый» и «гес» (Գեղ) на армянском «волосы»⁴. Однако в тексте первоисточника речь идет о территории Ирана и сопредельных государств. Местность Вардгес упомянул также Егише — очевидец и историк событий восстания 450—451 гг., но в варианте Вардес. В этой местности нашли свою смерть некоторые армяне, руководители восстания. Об этих событиях писал и Лазарь Парбеци. Они дважды упомянули эту несчастливую для армян местность, называемую Вардгес, откуда и проникла ошибка в текст «Древнеармянской географии». А неподалеку от этого места были города Нишапур и Гре (*Yeghish. Vard.*, VII, 178; *Ghaz. Parp.*, II, 49—50, 67), о которых мы говорили выше.

Этот топоним «Ашхарацуйц» связывает с географическим названием Хупи—Тухарстан. Хуб на языке пехлеви и в современном фарси языке означает «хороший». Тохаристан—Тухарстан известен тем, что занимал почти ту же территорию, которую до него занимала Бактрия. Но для выяснения персидского прилагательного *хупи-хуб* нам следует выяснить и его армянское значение, ибо текст источника написан на армянском языке. Хуп, точнее *хурh* (арм. — Խուր) означает плотно закрывающаяся «крышка посуды», как правило, глиняной. В переносном смысле так говорят о замкнутом, скрытом человеке. Мы не можем дать окончательный ответ на вопрос, какой из рассматриваемых вариантов имел ввиду автор «Древнеармянской географии»: Тохаристан, где жизнь была богатая, или Тохаристан, где было развито гончарное искусство, и обработка глины играла первостепенную роль в их экономической жизни?

Итак, благодаря «Ашхарацуйц»-у мы можем восстановить картину административно-территориального деления Парфии, а также, частично, Парфянской империи. Однако армянский первоисточник описывает восточные границы Парфянского государства фрагментарно. Это отнюдь не говорит о том, что Мовсес Хоренаци не имел представления о территории Парфянского царства. Тут у армянского историка просматривается очень тонкий и хитрый подход к изложению событий. Хоренаци минует парфян, чтобы не настроить Сасанидов против армян, т.к. мы уже отметили, что последние не признали парфян и были агрессивно настроены против Аршакидской Армении. Поэтому наше исследование не было бы полноценным, если бы мы не обратили внимания на сведения, которые Хоренаци приводит в своей «Истории Армении».

³ См.: (Еремян 1963: 92). Исследователь делит Гирканию на две части: среднеазиатскую и ирано-кавказскую.

⁴ Об этом имени более подробно см. (Ачарян 1962: 109).

Если внимательно изучить сведения Хоренаци, то можно представить не только историю Парфии, но и историю допарфянской Азии, когда парфяне уже стали играть лидирующую роль на территории Иранского плоскогорья и Средней Азии. Г.А. Кошеленко представил три версии происхождения парфянских Аршакидов и создания государства (Кошеленко 1968: 53—60; 2004: 217—228). К этому следует добавить четвертую — армянскую версию, которую М. Хоренаци фрагментарно излагает в первой книге своей истории, а более пристальное внимание обращает на проблему во второй книге (Khoren. Hist. Arm., I, 8, 12, 22, II, 1, 2, 3, 4 и дал.). В заключительной кн. III сведения о Парфии отсутствуют. Здесь армянский историограф применил своеобразный подход к данным прошедших исторических событий. Автор излагает их не традиционным образом, как обычно делали и до сих пор делают как древние, так и современные историки. Стиль его изложения — контраст. Т.е. история Парфии противопоставляется истории Сасанидов⁵. Если парфяне для М. Хоренаци — созидатели и умеют дружить как между собой, так и с соседними народами, то Сасаниды разрушили весь этот порядок, существовавший на Ближнем и Среднем Востоке. Чаша терпения у М. Хоренаци переполняется в кн. III, когда он говорит только о Сасанидах и описывает их разрушительную роль, что привело к упадку Армянского аршакидского государства⁶.

Хоренаци историю парфян доводит до Святого писания: «Святое Писание указывает нам на Авраама как на двадцать первого патриарха, начиная от Адама; от него пошло племя парфян. Ибо говорится, что по смерти Сарры Авраам взял в жены Кетуру, от которой родились Емран и его братья, коих Авраам при своей жизни отделил от Исаака и отправил в восточную страну. От них происходит племя парфян, и из числа последних был Аршак Храбрый, который, отложившись от македонян, процарствовал в Стране кушанов тридцать один год» (Khoren. Hist. Arm., II, 68). Аршак Храбрый — первый царь парфян Тиридат I (Аршак II) (ок. 248/7 — ок. 211 гг. до н.э.).

Весьма любопытно название этой главы — «О царских родах, из которых выделились парфянские племена», которое подсказывает, что парфяне не случайно оказались во главе созданного ими государства, поскольку они имели славное прошлое и своими доблестными делами заслужили полное право руководить государством. Это все связано еще и с тем, что в армянском языке название жителя Парфии (самоназвание — *pahlavan*, на лат. *parthus*, на арм. *պարթև* — *А.А.*), не только мужское имя, но и означает «высокорослый, благородный, крепкий, мужественный» и т.д. В то время не каждый имел право носить это имя. Из армянской истории мы знаем о Сааке Партеве (дословно — парфянин, жил в 338—439 — *А.А.*), десятом католикосе всех армян, при котором и с его неустанной помощью Месроп Маштоц (360/361—440) не только создал армянский алфавит в 401 г. но и начался перевод Библии на армянский язык. Синонимом этого имени может быть слово «ариец».

Хоренаци считал, что он обязан не только описать начало царствования парфян, но и времена, предшествующие этому, когда они жили в племенном мире. Автор упоминает: «После того как Арташир, сын Сасана, убил Артабана и вступил в царствование, две ветви Пахлава, называемые Пахлавами аспахета и Сурена, затаившие зависть по отношению к царствующей, т.е. Арташесовой, ветви их собственного рода, добровольно признали царствование Арташира, сына Сасана. Сородичи же из дома Каренова Пахлава, сохраняя верность братским узам, воспротивившись, вступили в войну с Арташиром, сыном Сасана. Но еще до этого армянский царь Хосров, услышав о смуте, двинулся на помощь Артабану, дабы по возможности спасти жизнь хотя бы одного лишь Артабана. Но вторгшись в

⁵ Следует отметить, что в хронологическом аспекте почти нет никаких ошибок. Данный вопрос подробно рассмотрен акад. Г.Х. Саркисяном (Саркисян 1965: 32 и дал.).

⁶ Они в дальнейшем продолжали эту политику разрушения (Арутюнян 2019: 82 и дал., 119).

Ассирию, он получает горестную весть о смерти Артабана и о согласии между всем персидским воинством и нахарарами, включая его собственный род — парфян и Пахлавики, за исключением Кареновой ветви» (Khoren. Hist. Arm., II, 71). Об этом армянский историк вновь упоминает как в самом начале своей «Истории», так и в продолжении (Khoren. Hist. Arm., I, 8, II, 2, 28, 72—74).

Важнейшим источником изучения распри между Аршакидами и Сасанидами является «Книга деяний Ардашира сына Папака», где нет ни одного упоминания парфян (Дьяконов 1961: 226; EI 1987: 646—647; Фрай 2002: 242 и дал., 284; Дибвойз 2008: 25 и дал.; McDonough 2013: 18—19; Арутюнян 2015: 263 и дал.). Весьма любопытно и то, что по Хоренаци Сурен имел сестру по имени Кошм, которая стала женой полководца всех арийцев (Khoren. Hist. Arm., II, 28). Значит, Кошм не только географическое название, но и женское собственное имя.

Вопрос об административно-территориальном делении Кошм мы уже рассмотрели выше. К этому следует добавить один интересный факт. В настоящее время у армян многие личные имена связаны с топонимами (мужские: Арарат, Масис (второе название горы), Арагац, Тавр (точнее Таврос), Тарон (провинция в древней Армении), Ширак (равнина на северо-западе современной Армении), Сипан (гора, севернее оз. Ван), Раздан (точнее *h*раздан; река, берущая начало из оз. Севан), Азат (река, приток Раздана, означает «свободный»). Женские имена: Ани (город, столица Багратидской Армении), Аракс или Аракся, Севан, Вануи (точнее Вануи — от оз. Ван), Арпи (оз. в Армении) и т.д.

Для Хоренаци, как указывает сам автор, источником является также «История Армении» Агатангелоса, который упоминает о парфянах и выделяет Анака Партева, отца Григория Просветителя, распространившего христианство в царстве Великая Армения с конца III в. (Agathang., I, 20, 21, 25 и дал., 121). Хоренаци, в свою очередь, достаточно подробно говорит о противоречиях, существовавших на среднеазиатских территориях между парфянами и другими народами, особенно акцентируя внимание на противоречиях с кушанами. Автор здесь многократно упоминает о городе Бахл (Khoren. Hist. Arm., II, 2, 68, 73, 74). Мовсес Хоренаци особое внимание уделяет этой территории не только потому, что это прародина парфян. После побега из Китая предводитель Мамгон вначале нашел пристанище в этих краях, после чего перебрался на территорию Великой Армении⁷. Ко всему следует добавить, что М. Хоренаци происхождения как Армянских Аршакидов, так и как минимум одного армянского феодального (нахарарского) рода периода раннего феодализма связывает с парфянской территорией. Речь идет о роде Аматуни, который происходил из Арийской страны. Однако совершенно непонятно, почему армянский историк приписывает им иудейское происхождение (Khoren. Hist. Arm., II, 57). Хоренаци дополняет его современник Фавстос (Faust. Byz., III, 7, 13, IV, 4).

М. Хоренаци уделяет особое внимание истории парфян и после распада их государства, когда к власти в Иране пришли Сасаниды. После того, как Ардашир Папакан (224—241) начал истребление парфянских знаменитых родов, царь Великой Армении Хосров II Великий (236—252), сын Тиридата II (217—236)⁸ начал войну против Ардашира. Об этом он писал: «Пока же мы (обратимся) к тому, что произошло после избиения рода Каренова Пахлава, за которое не малым образом отомстил армянский царь Хосров. Ибо, хотя Филипп (римский император М. Юлий Филипп Аравитянин (244—249) — *А.А.*) умер и Римское царство (империя — *А.А.*) переживало смуты, а императоры Деций, Галл и Валериан, отбиравшие друг у друга власть на короткое время, не оказали помощи Хосрову, он, однако,

⁷ Этот вопрос мы рассмотрели в одной из наших статей (Арутюнян 2017: 367—374).

⁸ Даты правлений этих царей вполне могут быть уточнены.

с собственным войском и остальными друзьями и соратниками и (при содействии — А.А.) северных племен победил Арташира и преследовал его до Индийской страны». Что представляется невероятным. Видимо, истрик что-то путает (Ashkharatsuyts, II, 73).

Таким образом, мы рассмотрели вопрос места парфян в историческом мировоззрении Мовсеса Хоренаци, чтобы окончательно доказать, что пропуск в «Ашхарацуйц»-е Парфии не является ни в коей мере итогом слабых знаний истории этого народа армянским историографом. Совершенно очевидно, что в данном вопросе главенствующую роль сыграла именно политическая ситуация, которая сложилась в те дни, когда Хоренаци излагал свое главное сочинение жизни. Сведения Хоренаци имеют большое значение в аспекте восстановления хронологии правления парфянских царей. В его трудах мы находим парфян двух эпох: догосударственного периода и периода существования государства, когда они из варваров превратились в цивилизованный народ. Не случайно Г.А. Кошеленко рассмотрел парфянскую культуру через призму географических делений, т.е. культуры восточных областей и западных (Кошеленко 1966: 11 и дал., 107). См. также (Периханян 1983: 5 и дал.).

Исходя из всего вышесказанного, мы должны были назвать нашу статью «К вопросу образования Парфянского государства по данным армянской историографии V—VII вв. (Мовсес Хоренаци — Анания Ширакаци)». Однако при этом мы бы миновали текст «Древнеармянской географии» и исказили наследство, оставленное ее авторами. Именно предложенный нами вариант полностью соответствует ракурсу нашего исследования. Таким образом, мы не нарушили самое важное требование, которым должен руководствоваться любой ученый: *ex ipso fonte* — «из самого источника».

Если рассмотреть вопрос описания народов в «Истории Армении» М. Хоренаци, то главное место в его произведении занимают, естественно, армяне и Армения. Далее в этом списке, по мере внимания, которое уделяет автор, появляются соседние народы и страны: грузины, албанцы, иранцы, в том числе и парфяне. Не обделены вниманием греки и римляне в связи с тесными связями армян с греко-римским миром. Третьими являются славяне (европейская часть современной России), а из западного мира славян М. Хоренаци выделяет болгар. Далее упомянуты народы Малой Азии и Восточного Средиземноморья. И, наконец, отдаленные страны, как, например, Китай. Приведенный «список» еще раз доказывает, что Парфия и парфяне хорошо были известны армянскому историку, а стиль Хоренаци в изложении «Древнеармянской географии» был связан только с политической ситуацией, которая сложилась вокруг Армении в V в. после крушения царства Аршакидской династии.

Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

Литература

- Адонц Н. 1971. *Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя*. Ереван: ЕГУ.
- Акопян А.А. 2015. «Ашхарацуйц» VII века Анонима. Научно-критический оригинал. В: *Андес амсорья*. № 1—12. Ереван; Вена: Фонд Г. Кюльпенкяна, 35—104 (на древнеарм. яз.).
- Арутюнян А.Ж. 2013а. К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарацуйц»-а). В: Кузьмин С.В. (ред.). *Сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса (М-1)»*. Казань: Общество науки и творчества, 1—5.
- Арутюнян А.Ж. 2013б. Ориентация древнеармянской карты «Ашхарацуйц». *Восток (Oriens)* 3, 88—94.
- Арутюнян А.Ж. 2015. *Армения, государства Восточного Средиземноморья и Иран (189 г. до н.э. — 298 г. н.э.)*. Ростов-на-Дону: ЮФУ.
- Арутюнян А.Ж. 2017. Древний Китай согласно данным «Древнеармянской географии» или «Ашхарацуйц»-е. *МАИАСП* 9, 367—374.

- Арутюнян А.Ж. 2019. *Столица Великой Армении Тигранакерт в контексте армяно-римско-ближневосточных межгосударственных отношений (296—301 гг.)*. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ.
- Ачарян Р.А. 1962. *Словарь армянских личных имен*. Т. V. Ереван: АН Арм. ССР (на арм. яз.).
- Гумилев Л.Н. 1967. *Древние тюрки*. Москва: Наука.
- ГЭ 1984: Козловская Е.А. (ред.). 1984. *Горная энциклопедия*. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия.
- Даниелян Э.Л. 2000. *Политическая история Армении и армянская апостольская церковь (VI—VII вв.)*. Ереван: Анкюнакар (на арм. яз.).
- Дибвойз Н.К. 2008. *Политическая история Парфии*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ (Историческая библиотека).
- Дьяконов М.М. 1961. *Очерк истории древнего Ирана*. Москва: Восточная литература.
- Еремян С.Т. 1963. *Карта «Армения по «Ашхарацуйц»-у»*. Ереван: АН Арм. ССР (на арм. яз.).
- ИАН 1971: Еремян С.Т. (ред.). 1971. *История армянского народа*. Т. I. *Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя*. Ереван: АН Арм. ССР.
- Колесников А.И. 1970. Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). *ППС* 22(85).
- Кошеленко Г.А. 1966. *Культура Парфии*. Москва: Наука.
- Кошеленко Г.А. 1968. Некоторые вопросы истории ранней Парфии. *ВДИ* 1, 53—70.
- Кошеленко Г.А. 2004. Третья версия происхождения Аршакидов? *Мнемон* 3, 217—228.
- Любкер Ф. 2005. *Словарь античности*. Москва: ЭКСМО.
- Манандян Я.А. 2010. *Труды*. Т. VII. *Филологические исследования*. Ереван: ЕГУ (на арм. яз.).
- Патканов К.П. (пер., комм.). 1877. *Армянская география VII века по р. X. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому)*. Санкт-Петербург: Типография Императорская Академия Наук.
- Периханян А.Г. 1983. *Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды*. Москва: Наука.
- Саркисян Г.Х. 1965. *Хронологическая система «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци*. Ереван: АН Арм. ССР (на арм. яз.).
- Томсон Дж. О. 1953. *История древней географии*. Москва: Иностранная литература.
- Фрай Р. 2002. *Наследие Ирана*. Москва: Восточная литература.
- Чайлд Г. 2005. *Арийцы. Основатели европейской цивилизации*. Москва: Центрполиграф.
- EI 1987: Yarshater E. (ed.). 1987. *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 2. *Anâmakâ — Âtâr al-Wozarâ*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Hewsen R.H. (transl., com.). 1992. *The geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc'): the long and the short recensions*. Wiesbaden: Reichert.
- Markwart J. 1901. *Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Chorenac'i*. Berlin: Encyclopaedia Iranica.
- McDonough S. 2013. *Military and Society in Sasanian Iran*. Oxford: Oxford University Press (The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World).
- Soukry A. 1881. *Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée*. Venise: Nabu Press.

References

- Adonts, N. 1971. *Armeniya v epokhu Yustiniana. Politicheskoye sostoyaniye na osnove nakhararskogo stroya (Armenia in the Era of Justinian. Political Status on the Basis of the Nakharar System)*. Yerevan: “YeGU” (in Russian).
- Akopyan, A.A. 2015. In: *Andes amsor'ja*. No. 1—12. Yerevan; Vena: “Fond G. Kyulpenkyana”, 35—104 (in Armenian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2013a. In: Kuzmin, S.V. (ed.). *Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Integratsiya mirovykh nauchnykh protsessov kak osnova obshchestvennogo protsessa (M-1)” (The Collection of Materials of the 1st International Scientific-Practical Conference “Integration of World Scientific Processes as the Basis of the Social Process (M-1)”)*. Kazan: “Obshchestvo nauki i tvorchestva”, 1—5 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2013b. In *Vostok (Oriens)* 3, 88—94 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2015. *Armeniya, gosudarstva Vostochnogo Sredizemnomor'ya i Iran (189 g. do n.e. — 298 g. n.e.) (Armenia, Eastern Mediterranean States and Iran (189 BCE — 298 CE))*. Rostov-on-Don: “YuFU” (in Russian).

- Harutyunyan, A.Zh. 2017. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia* (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region) 9, 367—374 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2019. *Stolitsa Velikoy Armenii Tigranakert v kontekste armyano-rimskoblizhnevostochnykh mezhgosudarstvennykh otnosheniy (296—301 gg.)* (Tigranakert, the Capital of Great Armenia, in the Context of the Armenian-Roman-Middle Eastern Interstate Relations (296—301)). Rostov-on-Don; Taganrog: “YuFU” (in Russian).
- Acharyan, R.A. 1962. *Slovar' armyanskikh lichnykh imen* (Dictionary of Armenian Personal Names). Vol. V. Yerevan: “AN Arm. SSR” (in Armenian).
- Gumilev, L.N. 1967. *Drevniye tyurki* (The Ancient Türks). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kozlovskaya, Ye.A. (ed.). 1984. *Gornaya entsiklopediya* (Mountain Encyclopedia). Vol. 1. Moscow: “Sovetskaya entsiklopediya” Publ. (in Russian).
- Danielyan, E.L. 2000. *Politicheskaya istoriya Armenii i armyanskaya apostol'skaya tserkov' (VI—VII vv.)* (Political History of Armenia and the Armenian Apostolic Church (6th — 7th Centuries)). Yerevan: “Ankyunakar” (in Armenian).
- Dibvoyz, N.K. 2008. *Politicheskaya istoriya Parfii* (The Political History of Parthia). Saint Petersburg: “Filologicheskiy fakul'tet SPbGU” (Historical Library) (in Russian).
- Dyakonov, M.M. 1961. *Ocherk istorii drevnego Irana* (Essay on the History of Ancient Iran). Moscow: “Vostochnaya literatura” (in Russian).
- Yeremyan, S.T. 1963. *Karta “Armeniya po “Ashkharatsuyts»-u”* (Map “Armenia by “Ashkharatsuyts”). Yerevan: “AN Arm. SSR” (in Armenian).
- Yeremyan, S.T. (ed.). 1971. *Istoriya armyanskogo naroda* (History of the Armenian People). Vol. I. *Armeniya v epokhu pervobytnoobshchinnogo i rabovladel'cheskogo stroya* (Armenia in the Era of the Primitive Communal and Slave System). Yerevan: “AN Arm. SSR” (in Russian).
- Kolesnikov, A.I. 1970. In *Palestinskiy sbornik* (Palestinian Collection of Articles) 22(85) (in Russian).
- Koshelenko, G.A. 1966. *Kul'tura Parfii* (Parthian Culture). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Koshelenko, G.A. 1968. In *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History) 1, 53—70 (in Russian).
- Koshelenko, G.A. 2004. In *Mnemon* 3, 217—228 (in Russian).
- Lyubker, F. 2005. *Slovar' antichnosti* (Dictionary of Antiquity). Moscow: “EKSMO” Publ. (in Russian).
- Manandyan, Ya.A. 2010. *Trudy* (Works). Vol. VII. *Filologicheskiye issledovaniya* (Philological Studies). Yerevan: “YeGU” (in Armenian).
- Patkanov, K.P. (transl., com.). 1877. *Armyanskaya geografiya VII veka po r. Kh. (pripisyvavshayasya Moiseyu Khorenskomu)* (Armenian Geography of the 7th Century along the birth of Christ (Attributed to Movses Khorenatsi)). Saint Petersburg: “Tipografiya Imperatorskaya Akademiya Nauk” (in Russian).
- Perikhanyan, A.G. 1983. *Obshchestvo i pravo Irana v parfyanskiy i sasanidskiy periody* (Iranian Society and Law in the Parthian and Sassanid Periods). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Sarkisyan, G.Kh. 1965. *Khronologicheskaya sistema “Istorii Armenii” Movsesa Khorenatsi* (The Chronological System of “History of Armenia” by Movses Khorenatsi). Yerevan: “AN Arm. SSR” (in Armenian).
- Tomson, Dzh. O. 1953. *Istoriya drevney geografii* (History of Ancient Geography). Moscow: “Inostrannaya literatura” (in Russian).
- Fray, R. 2002. *Naslediye Irana* (The Legacy of Iran). Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- Chayld, G. 2005. *Ariytsy. Osnovately yevropeyskoy tsivilizatsii* (Aryans. The Founders of European Civilization). Moscow: “Tsentrpoligraf” (in Russian).
- Yarshater, E. (ed.). 1987. *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 2. *Anâmakâ — Âtâr al-Wozarâ*. London: “Routledge & Kegan Paul” Publ.
- Hewsen, R.H. (transl., com.). 1992. *The geography of Ananias of Širak (Ašxarhac'oyc'): the long and the short recensions*. Wiesbaden: “Reichert” Publ.
- Markwart, J. 1901. *Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Chorenac'i*. Berlin: “Encyclopaedie Iranica”.
- McDonough, S. 2013. *Military and Society in Sasanian Iran*. Oxford: “Oxford University Press” (The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World).
- Soukry, A. 1881. *Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée*. Venise: “Nabu Press”.

УДК 94(095).01
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00013

Н.Н. Болгов, И.В. Зайцева

ТИБЕРИЙ ЮЛИЙ ДУПТУН — ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ БОСПОРА И ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА АНАСТАСИЯ*

В данной статье исследуется вопрос о датировке строительной надписи последнего известного царя античного Боспора Тиберия Юлия Дуптуна. В надписи присутствует лакуна, позволяющая предположить, что на ее месте стоял термин «индикт», что позволяет переосмыслить время ее написания — ведь датировка по индиктам начала осуществляться с VI в. Аналогично сомнительной выглядит устоявшаяся в эпиграфике отсылка надписи к октябрю и интерпретация числовых знаков. Согласно нашей гипотезе, данная строительная надпись относится к началу VI в., сделана в сентябре в начале индикта, а ее христианский и проимперский характер отражает политику императора Анастасия I по мирной интеграции в империю Боспорского государства, с которым усилились культурные связи. Это косвенно находит подтверждение в письменных источниках этого периода.

Ключевые слова: Боспор, позднеантичное Боспорское царство, Тиберий Юлий Дуптун, эпиграфика Боспора, строительная надпись Дуптуна, Ранняя Византия, византийско-боспорские связи.

Сведения об авторах: Болгов Николай Николаевич¹, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета Белгородского государственного национально-исследовательского университета (НИУ «БелГУ»); Зайцева Ирина Валерьевна², кандидат исторических наук, соискатель-докторант кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Белгородского государственного национально-исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

Контактная информация: ^{1,2}308015, г. Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, Кафедра всеобщей истории Белгородского государственного национально-исследовательского университета («НИУ БелГУ»); e-mail: bolgov@bsu.edu.ru.

N.N. Bolgov, I.V. Zaitseva

TIBERIUS JULIUS DUPTUN — THE LAST KING OF BOSPORUS AND POLICY OF THE EMPEROR ANASTASIUS

This Article examines the question of dating the building inscription of the last famous king of the Bosphorus in the late antique period — Tiberius Julius Duptun. The inscription contains a lacuna which suggests that the term “indict” was in its place, which allows us to completely rethink the time of its writing — after all, dating by indicts began to be carried out from the VI century. Similarly doubtful is the well-established in the epigraphy sending of the inscription to October and the interpretation of numerical characters. According to our hypothesis, this building inscription dates back to the beginning of the 6th century, was made in September at the beginning of the indict, and its Christian and pro-imperial character reflects the policy of emperor Anastasius I for peaceful integration into the empire of the Bosphorus state, with which cultural ties intensified. This is indirectly confirmed in the written sources of this period.

Key words: Bosphorus, Late Antique Bosphorus Kingdom, Tiberius Julius Duptun, Epigraphy of the Bosphorus, Building Inscription of Duptun, Early Byzantium, Byzantine-Bosphorus Relations.

* Статья поступила в номер 10 декабря 2019 г.
Принята к печати 27 декабря 2019 г.

About the authors: Bolgov Nikolay Nikolaevich¹, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Historical and Philological Faculty of Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”); Zaitseva Irina Valerievna², PhD in History, Doctoral Candidate at the Department of General History of the Historical and Philological Faculty of Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”).

Contact information: ^{1,2}308015, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya St.; Department of General History of the Belgorod State National Research University (“NRU BelSU”); e-mail: bolgov@bsu.edu.ru.

Проблемы континуитета между античностью и средневековьем в политической и социальной сфере являются одними из наиболее сложных в общей проблематике исторической транзитивности в Северном Причерноморье. В силу состояния источников и сложности исследования данных проблем именно эта линия континуитета на сегодняшний день наиболее спорна в отношении Боспора, хотя, по мнению Ю.Г. Виноградова, она является решающей. Иными словами, признавая преемственность и непрерывность государства, его структур в той или иной форме на Боспоре в темный период (без письменных источников) от 362 г. (Аммиан Марцеллин) до 520-х гг. (Прокопий Кесарийский), мы можем определенно говорить о континуитете истории позднеантичного (ранневизантийского) Боспора вообще. С этим трудно не согласиться, хотя континуитет материальной культуры и ее отдельных категорий, прослеженный не одним поколением археологов (Сазанов 1999), достаточно четко говорит о том же в условиях отсутствия письменных источников.

В таких условиях важнейшее значение приобретает эпиграфика. Всего надписей позднеантичного времени наберется не так много. В 1998 г. Ю.Г. Виноградов систематизировал 7 датированных боспорских надписей V в. (Виноградов 1998: 233—247). Почти все они в разное время уже подвергались анализу и вошли в оборот с более или менее общепринятой интерпретацией. Однако, в реконструкции основных направлений истории Боспора «темного столетия» и ныне остается еще значительное поле для новых наблюдений.

Ключевым источником для данного периода является надпись (КБН 1965: № 67; КХНБ 1995: № 2) о строительстве (восстановлении) башни с упоминанием имени царя Тиберия Юлия Дуптуна. Главный вопрос — это вопрос о ее датировке. В надписи сохранилась последняя цифра года «θ» — 9 и относительно восстанавливается вторая — приподнятый кружок. Это может быть: «ο» — 70 или «ϙ» — 90 (по б.э.). Ю.Г. Виноградов принимает первое чтение и отвергает второе на основании того, что коппа передавалась как перевернутая зеркально буква «Р». Однако, «ο» в боспорских же надписях V в. (КБН 1965: № 1099; Виноградов 1998: № 3) мог передаваться угловато, ромбически. Так что вопрос о цифрах 7 или 9 в качестве обозначения десятка остается открытым, Ю.Г. Виноградов предпочитает 7, большинство прочих специалистов — 9.

Первая цифра, обозначающая столетие, не читается вообще. Это может быть «χ» — 600 или «ψ» — 700. Таким образом, получается дата ..79 или ..99 г. б.э. (боспорской эры).

Следовательно, могут получиться следующие варианты хронологии, не выходящие за рамки реальности общеисторической ситуации:

- 679 г. б.э. = 383—384 г. н.э.;
- 699 г. б.э. = 402—403 г. н.э.;
- 779 г. б.э. = 483—484 г. н.э.;
- 799 г. б.э. = 502—503 г. н.э.

В целом, это временной промежуток от 383 до 502 гг. (точнее, 383/384 и 502/503 гг., учитывая осеннее начало года)¹.

В.В. Латышев первоначально датировал надпись временем Юстиниана, затем перенес датировку на V в. (402 г.) прежде всего потому, что в ней нет формул и дипломатики византийских надписей VI в.² (IOSPE II add. 491). Издатели КБН колебались между V и VI вв. (КБН 1965: № 67). А.Л. Якобсон принимал дату VI в. (Якобсон 1958: 461). Издатели КХНБ не приняли окончательного решения; по их мнению, 402 г. «никак не позволяет согласиться с мнением, что боспорский царь был христианином уже в начале V в.», а для помещения надписи в контекст истории VI в. нет оснований — при власти Византии не остается места царю Боспора (КХНБ 1995: № 2).

Точка зрения, высказанная Ю.Г. Виноградовым в 1998 г., дает дату 483 г. (Виноградов 1998: 234—238). К ней присоединился и В.М. Зубарь (Зубарь, Хворостяный 2000: 121). Помимо выбора цифры 9 для обозначения десятилетий, вся система аргументации указанной датировки основана на гипотетическом заполнении лакуны примерно в 20 букв, в которой автором реконструируется датировка по индиктам наряду с традиционной — по боспорской эре: «месяца горпизя 20-го, [октября ..., индикт σ'], а как ведет счет Боспор — 779 [год]».

Индикт — это принятое в восточно-средиземноморском мире название срока уплаты налогов (точнее — указ императора, по которому производилась переоценка имущества для установления размера налога) (соответствует современному финансовому году). Начинался он 1 сентября каждого года, а заканчивался 30 (31) августа следующего года. Зародившись в Египте в 297 г. н.э. (Бикерман 1975: 73), этот обычай стал распространяться шире, использоваться локально в провинциях, пока не приобрел официальный статус в Византии VI в. Индикты образовывали циклы в 15 лет каждый, однако, в отличие от Олимпиад, каждый цикл не получал какого-либо названия или номера. Императорским указом Юстиниана I (527—565) было официально предписано использовать счет лет по консулам и по индиктам при датировке документов с 537 г. (Nov. Just., 47 от 31 августа 537 г.). Впервые датированный по этой системе в письменных источниках 312/313 год (Пасхальная хроника, 1 пол. VII в.) обозначен так ретроспективно.

Заполнение лакуны в ст. 10—11 надписи царя Дуптуна текстом, связанным с датировкой, в принципе возможно, ибо этот достаточно большой разрыв действительно находится между названием месяца и датой года. Однако, в гипотезе Ю.Г. Виноградова есть ряд проблем. Прежде всего, датировки по индиктам и двойные датировки ранее 537 г. известны исключительно на территории империи, а Боспор ею не являлся до начала 30-х гг. VI в.

Сам Ю.Г. Виноградов указывает, что кардинально новые веяния в эпиграфике, моментально проявившиеся в дипломатике документов, появляются лишь с момента интеграции Боспора в империю при Юстине I (518—527), а окончательно при Юстиниане I (СГНХВ 1896: № 98, 99; КХНБ 1995: № 3) и 590 гг. (Виноградов 1998: 246)³. Главные из этих

¹ Более ранние датировки, например, временем Константина, или первой половиной IV в., высказывавшиеся в литературе на основании сходства шрифтов надписей, не могут быть приняты в силу того, что нам известны монеты правителей Боспора вплоть до 342 г.

² Для В.В. Латышева со временем стали очевидными принципиальные различия между надписью Дуптуна и Таманской надписью (СГНХВ 1896: № 98; КХНБ 1995: № 3) времен Юстиниана I (533 г.). В надписи Дуптуна нет никаких признаков подчинения империи и византийских формул (Латышев 1894: 661—662). С этим согласен и Ю.Г. Виноградов, выводя из этого целую концепцию сильного позднего Боспорского государства, не связанного с Византией.

³ В надписи (КХНБ 1995: № 3) ясно читается 11 индикт; при Юстиниане I такими годами могли быть 533, 548 и 563 гг. Общепринята версия В.В. Латышева — 533 г., к которой он склонялся из «общеевропейского контекста» (КХНБ 1995: № 3). Однако, в империи в 533 г. индикты еще не употреблялись официально. Строительная надпись на Тамани с именем императора могла появиться не позднее присоединения Боспора к

новых веяний — датировки по индиктам и употребление имен византийских императоров. Ни того, ни другого *в сохранившейся части надписи нет*. Отсюда возникают большие сомнения в датировке надписи Дуптуна 483 г. или, по крайней мере, в восстановлении в ней датировки по индиктам в указанной лакуне. Кроме того, приведенные Ю.Г. Виноградовым примеры двойного летоисчисления в локальной эпиграфике из Палестины, Аравии, Киликии и Малой Азии лишь в двух случаях дают V в. (остальные — VI в.).

Аргумент же в пользу двойной датировки в надписи Дуптуна по аналогии с тем, что «византийские *хронисты*, рассказывая о событиях V в., употребляли двойную датировку, включая датировку по индиктам» (Виноградов 1998: 237, прим. 23), неверен, так как все эти *хронисты* жили не ранее середины VI в. — времени использования индиктов (Комит Марцеллин, Пасхальная хроника, Иоанн Малала). Светские же *историки* V—VI вв. (Олимпиодор, Зосим, Прокопий Кесарийский) вообще не употребляют индиктов. Церковные историки V в., сочинения которых сохранились полностью, синхронизируют свои датировки по трем системам счета — по олимпиадам, по консулам и по годам правлений императоров (Кривушин 1998: 127—130). Церковный историк VI в. Евагрий использует счет по правлениям императоров и антиохийскую эру. Таким образом, *все письменные источники V в. индикты не используют*. Не используют их в том числе все *историки* V—VI вв.

Христианский характер надписи Дуптуна был убедительно показан еще в конце XIX в. и никем всерьез не оспаривался. Несомненно, что христианская надпись могла появиться только тогда, когда не только двор и верхушка населения, но и значительная часть рядовых граждан были уже христианами. Христианизация Боспора в значительной мере была связана с политикой империи. Миссия на Северный Понт значительно усиливается при поддержке государства лишь с начала VI в. (Зубарь, Хворостяный 2000: 131; Иванов 2003: 82—88), а массовая христианизация завершается в конце этого столетия и начале следующего. Анализ погребального обряда позднего керченского некрополя и других центров подтверждают этот вывод (Ермолин 2019). Период массового храмового строительства в Херсонесе начинается лишь во второй половине VI в. (Владимиров, Журавлев, Зубарь 2004: 624—627). Вместе с тем, хотя епархия на Боспоре существовала уже в 325 г.⁴, а в Керчи базиликальный комплекс в Нижнем городе Пантикапея—Боспора существовал уже в V в., но окружавшие Боспор гунны—утигуры были язычниками и еще в 20-х гг. VI в. расправились с филархом Гродом не только за признание им власти империи, но и за принятие христианства (История Грода Гуннского 2002: 179—181), о чем говорят Малала (Chron. 469 = XVIII, 14) и Феофан (Chron. 520 = 527/528 г.). Гуннов особенно возмутила переплавка идолов и отказ от веры предков. Официально, открыто и нарочито декларировать христианское вероисповедание, испытывая серьезное давление со стороны утигуров, было бы неразумно *для царя*, даже учитывая то обстоятельство, что полукочевники—соседи могли не вмешиваться во внутренние дела Боспора до такой степени (Болгов 1997а: 21—28).

империи. Точно определить год этого события по письменным источникам нельзя — либо после 528 г., либо начало 30-х гг. (Храпунов 2003: 173—176). Поскольку в любом случае дата аннексии позволяет отнести таманскую надпись к 533 г., единственным сомнением в такой датировке остается отсутствие официального использования индиктов в этом году. Если же учесть, что после 545 г. (мятеж утигуров) район Фанагории и Кеп временно вышел из-под власти империи, место находки надписи — Тамань (Гермонасса) — и ее строительный характер сделают 548 г. более предпочтительным. Кроме индиктов в пользу этой даты окажется факт необходимости укрепления района Гермонассы, оказавшейся близ новой границы с враждебными варварами (Чхаидзе 2008: 259).

⁴ Полной уверенности в том, что боспорский епископ *реально* присутствовал на Никейском соборе, нет у авторов концептуальной работы о христианизации Северного Понта (Зубарь, Хворостяный 2000: 109).

Из 39 надгробных надписей Боспора IV—VI вв., собранных в КХНБ, датирована V в. н.э. лишь одна — диакона Евсевия (436/437 г.). Надпись (КХНБ 1995: № 8) — надгробие Арсака, датированная издателями V в., специально указывает конфессию погребенного — «христианин», несмотря на наличие христианской формулы и креста. Естественно, что этот факт указывает на наличие на Боспоре в то время и большого количества нехристиан (КХНБ 1995: № 8).

Восстанавливать оборонительные сооружения, башню (о чем идет речь в надписи) во внешнеполитической ситуации 483 г. было мало реально. Связь этого строительства (восстановления) с землетрясением 480 г. и датировкой надписи Дуптуна 483 г., логична, но не учитывает того обстоятельства, что на Боспоре имперских войск или какого-либо иного *прямого* имперского присутствия в то время не было. В Херсонесе, гораздо теснее интегрированном с империей, чем Боспор, надписи чисто византийской формулы и характера появляются лишь в 488 г. (надпись императора Зенона). Могли ли боспоряне укреплять фортификацию своими силами без помощи империи в 483 г.⁵? Для последней же, за исключением эпизода с мятежом против вождя Грода в конце 520-х гг., утигуры были важной опорой империи в регионе против соседних кутригуров, часто нападавших на территорию Византии (Комар 2004: 169—171)⁶, и в этом смысле были для нее важнее Боспора, хотя и населенного родственным по происхождению и образу жизни населением. Датировка надписи сентябрем 503 г. не снимает фактора отсутствия империи на Боспоре, но может быть объяснена в контексте начавшейся войны Византии с Ираном и падения Амиды в январе 503 г. и контрнаступления магистра Целера как раз в сентябре—октябре 503 г.

Наконец, реконструируемое Ю.Г. Виноградовым в ст. 10—11 название месяца октября — именно в такой форме — греческой передаче латинского названия *october*, начинающееся с «οικ», невозможно (Славятинская 2003: 435—436) ни нормативно⁷, ни фонетически⁸, ни по смыслу — сразу после упоминания горпизия—сентября. Сам же Ю.Г. Виноградов указывает на упомянутый месяц горпизий как соответствующий в основном сентябрю (с позднеэллинистического времени на Боспоре использовался македонский календарь, входивший в эолическо-дорическую группу календарей (Латышев 1883: 7; Парфенов 2009), с новым годом в новолуние после осеннего равноденствия) (Перл 1969: 40)⁹. Поэтому реконструируемое упоминание октября после сентября обрушивает логику последующего употребления года, так как сентябрь боспорского года принадлежит к одному году, а октябрь — к другому, уже следующему, а дата года в сохранившейся части надписи одна. Получается, что ради стремления заполнить лакуну исключительно датировками (а это логично), нарушается смысл — предлагается лишний месяц (другого года) и индикт.

⁵ О невозможности сильного государства на Боспоре в конце V в. см.: (Болгов 2003b: 165—170). В этой статье датировка надписи Дуптуна 483 годом не оспаривалась.

⁶ В данной статье впервые предпринята попытка показать археологический контекст утигуров и кутригуров и выделить их древности.

⁷ Говоря о степени влияния латинского языка на греческий в позднеантичное время, обычно отмечают политическую, правовую и военную сферы (Jones 1964: 986—997; Болгов 2002a: 163—172; Вус 2005: 138). Уже в V в. использование латыни на Востоке постепенно сокращается (Jones 1964: 988—990), и ее некоторое оживление имело место лишь при Юстиниане, что было связано почти исключительно с кодификацией права (Болгов 2002b: 77—84). Исходя из этого, предполагать использование латинских названий месяцев греческими буквами в официальной царской надписи на Боспоре вне политической власти империи было бы весьма сомнительно.

⁸ Все приводимые Ю.Г. Виноградовым из византийских надписей варианты написания месяца октября не дают сочетания «οικ».

⁹ В различных календарях с македонскими месяцами начало года приходилось на разные месяцы (Латышев 1883: 7; Бикерман 1975: 44).

Итак, наиболее вероятные варианты датировки надписи Дуптуна: 779 г. б.э. (если вторая — о), т.е. **сентябрь 483 г.** (и октябрь по Ю.Г. Виноградову здесь не при чем); или 799 г. б.э. (если вторая — «к»), т.е. **сентябрь 503 г.** (конец 502/503 г.). Если учесть, что последняя из точно датированных по боспорской эре надписей дает 497 г. н.э., то нет ничего невозможного в том, что еще 6 лет после нее данная эра могла употребляться.

Ценные уточнения Н.И. Храпунова к надписи Дуптуна, касающиеся администрации позднего Боспора, несомненно, отражают ее иерархию, исходя из общеисторического контекста (Храпунов 2002: 88—90). В КБН 67 упоминаются должности комита и эпарха. Должность первого комита Савага восстанавливается Н.И. Храпуновым как протокомит (глава сельского округа), что соответствует должности из надписи «гуннов—фиаситов» (КБН 1965: № 1099; КХНБ 1995: № 614; Виноградов 1998: № 3), впервые помещенной в позднеантичный контекст В.П. Яйленко (Яйленко 1987: 163—166). Если принять реконструкцию Н.И. Храпунова в целом, то надпись царя Дуптуна следует отнести к началу VI в., то есть, к 502/503 г.

Таким образом, гипотеза Ю.Г. Виноградова о сильном государстве на Боспоре в 483 г., о сложном и разветвленном государственном аппарате, разделении полномочий между комитами и пр., пока должна быть отложена (Болгов 1998: 18—24; Болгов 2003b: 164—170; Макарова, Плетнева 2003: 159). Это достаточно простая административная система.

Исходя из вышесказанного, следует предположить, что надпись царя Дуптуна относится к краткому периоду ослабления власти утигуров, либо воевавших с кутригурами, либо вследствие усиления позиций империи, готовившей подчинение Боспора и воевавшей с Ираном в начале VI в. (503 г.).

Одной из самых больших проблем политической истории позднего Боспора является уяснение того, как связаны сохранение государства на Боспоре при царе Дуптуне и «гуннский протекторат», которые неизбежно сосуществовали. В.П. Яйленко предложил такое решение: лидером государства в это время мог стать гунн (т.е. Дуптун), а его династическое имя Тиберий Юлий — чистая фикция (Яйленко 2002: 306—324). На наш взгляд, такая аргументация неверна. Дуптун не мог быть гунном, как и германец V в. — императором, ибо династические вопросы весьма точны и щепетильны. Скорее здесь отражена сложная политическая обстановка в регионе: поддержка империей утигуров против кутригуров, а за это утигуры, видимо, должны были минимально вмешиваться во внутренние дела Боспора и сохранять его государственность, хотя и в значительной мере формально.

С этим же, видимо, связаны противоречивые оценки положения Боспора в начале VI в. у одного и того же Прокопия Кесарийского в двух разных его сочинениях. В «Войне с готами» он говорит о не так давно подчинившемся ромеям [греческом] Боспоре (VIII, V, 26), имея в виду аннексию Юстиниана I, а в книге «О постройках» он утверждает, что Боспор издавна был варварским (III, VII, 10—12), а затем — опять об аннексии Юстиниана I.

Итак, отмеченное Ю.Г. Виноградовым усиление Боспорского государства, судя по надписи царя Дуптуна, получает более уверенное объяснение, исходя из общеисторической ситуации 503, а не 483 г. А употребление династического имени, титулов «друг Рима и цезарей», быть может, являют нам пример невероятно длительной консервативной традиции, чем вообще отличался Боспор (один из наиболее ярких «боспорских феноменов»).

В любом случае, у нас здесь абсолютно нет аналогий, так как Боспор в указанное время был единственным периферийным *античным* государством, не входившим в состав

империи¹⁰ (Millar 1967: 318; Болгов 1997b: 30—40). Отсюда некоторые уникальные черты его политического строя, такие, как употребление архаичной титулатуры и династического имени царей, собственная эра и др. Все это в контексте нашей датировки (503 г.) также наводит на многие важные соображения о культурной жизни Боспора.

Наличие традиционной римской титулатуры Дуптуна и подчеркивание его как «благочестивейшего» показывает его тесную связь с христианской Византией. Правивший тогда в Константинополе император Анастасий I (491—518) был известен, помимо прочего, как покровитель учености и ученых (Lyd. De mag., III, 47, 50; Prisc. Pan. Anast., 248—253), и возможно, что через царя Дуптуна он начал попытки мирно интегрировать Боспор и его окрестности в империю. О специальной христианской миссии к боспорским гуннам во главе с армянским епископом Кардостом около 515 г. сообщает Захария Ритор (Zach. HE., XII, 7).

Боспор был известен в важнейших интеллектуальных центрах империи, таких как Александрия, что отразилось в сочинениях выпускников александрийской риторической школы Гореполлона в Менуфисе — Захарии (Zach., V, Sev., 27) и Зосима¹¹, живших и писавших свои работы именно в это время, которые сообщают некоторые сведения о Боспоре. Это может служить проявлением интереса к данному региону в самый канун реанимации имперской политики в Северном Причерноморье. Перед военным завоеванием часто оживлялись культурные связи и активизировалась церковная миссия.

Вопрос о датировке надписи царя Дуптуна и, соответственно, о времени его правления, таким образом, пока не закрывается. Однако, эпоха Анастасия (503 г.) подходит для этого в наибольшей степени.

Долго ли правил Дуптун на Боспоре и, главное, когда и как власть царей была окончательно ликвидирована гуннами, и была ли она действительно ликвидирована ранее византийского завоевания — неясно. В любом случае, дальнейшие поиски в этом направлении необходимо осуществлять не только на Боспоре, но и со стороны Византии, в тесной связи с политикой империи (Болгов 2017). Боспор прочно попадает в сферу ее непосредственного внимания и практических действий с 520-х гг.

Литература

- История Грода Гуннского, боспорского мученика. 2002. В: Юрочкин В.Ю. (ред. сост.). *Православные древности Таврики: сборник материалов по церковной археологии*. Киев: Стилос, 179—181.
- Бикерман Э. 1975. *Хронология древнего мира*. Москва: Наука.
- Болгов Н.Н. 1997а. О характере отношений Боспора с гуннами в IV—VI вв. В: *Боспор и античный мир: сборник научных трудов в честь Е.А. Молева*. Нижний Новгород: ННГУ, 21—28.
- Болгов Н.Н. 1997b. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV—VI вв.). В: *Вопросы всеобщей истории и политологии (к 20-летию Исторического факультета БГУ)*. Белгород: БГУ, 30—40.
- Болгов Н.Н. 1998. Позднеантичное государство на Боспоре: угасание или расцвет? В: Хршановский В.А. (сост.). *Боспорское царство как историко-культурный феномен*. Санкт-Петербург: [б.и.], 18—24.
- Болгов Н.Н. 2002а. Соответствия греческих и латинских терминов в «Новой истории» Зосима. *Иресиона. Античный мир и его наследие* 2, 163—172.
- Болгов Н.Н. 2002b. Марцеллин Комит — автор латинской хроники из Константинополя. В: *Проблемы источниковедения всеобщей истории*. Ч. 1. Белгород: БелГУ, 77—84.

¹⁰ Последняя работа излагает предысторию, освещает формирование и показывает функционирование системы римской клиентской периферии преимущественно в I—III вв. н.э.

¹¹ Хотя об обучении Зосима в школе Гореполлона прямых свидетельств нет, из контекстного анализа его «Новой истории» прослеживается тесная связь и влияние школы Гореполлона на его мировоззрение (Athanassiadi 1999: 350—357).

- Болгов Н.Н. 2003а. *Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III—VI вв.)*: дисс. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород.
- Болгов Н.Н. 2003b. Поздний Боспор: к дискуссии о континуитете государства и социальных структур. *ВДИ* 2, 165—170.
- Болгов Н.Н. 2017. Византийцы на Боспоре VI в. *МАИАСП* 9, 375—380.
- Виноградов Ю.Г. 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. *ВДИ* 1, 233—247.
- Вус О.В. 2005. Византийская армия — основной инструмент восстановления Orbis Romanus в эпоху Юстиниана I (527—565 гг.). В: Болгов Н.Н. (отв. ред.). *Кондаковские чтения I. Проблемы культурной преемственности. Материалы I Международной научной конференции, Белгород, 15-16 октября 2004 г.* Белгород: БелГУ, 130—148.
- КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
- КХНБ 1995: Диатроптов П.Д., Емец И.А. 1995. Корпус христианских надписей Боспора. *Эпиграфический вестник* 2, 7—40.
- СГНХВ 1896: Латышев В.В. 1896. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Ермолин С.А. 2019. *Население Европейского Боспора в VI — I пол. VII вв.: расселение, оборона, христианизация*: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И. 2000. *От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI в.)*. Киев: Институт археологии НАНУ.
- Иванов С.А. 2003. *Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина?* Москва: Языки славянской культуры.
- Комар А.В. 2004. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. В: Куковальская Н.М. (отв. ред.). *ССб. Вып. I*. Киев; Судак: Академперіодика, 169—171.
- Кривушин И.В. 1998. *Ранневизантийская церковная историография*. Санкт-Петербург: Алетея.
- Кулаковский Ю.А. 1891. Керченская христианская катакомба 491 г. *МАР* 6.
- Латышев В.В. 1883. *О некоторых эолических и дорических календарях (эпиграфические исследования)*. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашева.
- Латышев В.В. 1894. Этюды по византийской эпиграфике. *ВВ* 1, 661—662.
- Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). 2003. *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII вв.* Москва: Наука (Археология).
- Парфенов В.Н. 2009. Боспорская хронология: несколько замечаний. *БИ* 21, 212—225.
- Перл Г. 1969. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств. *ВДИ* 3, 39—69.
- Сазанов А.В. 1999. *Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени*: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва.
- Славянская М.Н. 2003. *Учебник древнегреческого языка*. Москва: Филоматис.
- Владимиров А.О., Журавлев Д.В., Зубарь В.М. (ред.). 2004. *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. Очерки истории и культуры*. Харьков: Майдан.
- Храпунов Н.И. 2002. К дискуссии о «Надписи Дуптуна». В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища Т. 1*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 88—90.
- Храпунов Н.И. 2003. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I. *Vita Antiqua* 5—6, 173—176.
- Чхаидзе В.Н. 2008. *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. Москва: Таус.
- Яйленко В.П. 1987. О «Корпусе византийских надписей в СССР». *ВВ* 48, 163—166.
- Яйленко В.П. 2002. Гунно-булгары II—V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники. *ДБ* 5, 306—324.
- Якобсон А.Л. 1958. Раннесредневековые поселения восточного Крыма. В: Гайдукевич В.Ф., Книпович Т.Н. (ред.). *МИА. № 85. Т. II. Работы Боспорской экспедиции 1946—1953 гг.* Москва; Ленинград: АН СССР, 458—501.
- Athanassiadi P. (ed.). 1999. *Who was Count Zosimus? Damascius, The Philosophical History. Text with Translation and Notes*. Athens: Apamea Cultural Association.
- Jones A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire 284—602: A Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford: Basil Blackwell.
- Millar F. 1967. *The Roman Empire and its Neighbours*. New York: Dell.

References

- Istoriya Groda Gunnskogo, bosporskogo muchenika (The Story of the Grod of Hun, the Bosphorus Martyr). 2002 In: Yurochkin, V.Yu. (ed.). *Pravoslavnyye drevnosti Tavriki: sbornik materialov po tserkovnoy arkheologii (Orthodox Antiquities of Taurica: Collection of Materials on Church Archeology)*. Kiev: "Stylos" Publ., 179—181 (in Russian).
- Bikerman, E. 1975. *Khronologiya drevnego mira (Chronology of the Ancient World)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Bolgov, N.N. 1997a. In *Bospor i antichnyy mir: sbornik nauchnykh trudov v chest' Ye.A. Moleva (Bosporus and the Ancient World: Collection of Scientific Papers in Honor of E.A. Molev)*. Nizhniy Novgorod: "NNGU", 21—28 (in Russian).
- Bolgov, N.N. 1997b. In: *Voprosy vseobshchey istorii i politologii (k 20-letiyu Istoricheskogo fakul'teta BGU) (Questions of General History and Political Science (on the 20th Anniversary of the Faculty of History of BSU))*. Belgorod: "BGU", 30—40 (in Russian).
- Bolgov, N.N. 1998. In: Khrshanovskiy, V.A. (ed.). *Bosporskoye tsarstvo kak istoriko-kul'turnyy fenomen (The Bosphorus Kingdom as a Historical and Cultural Phenomenon)*. Saint Petersburg: [s.n.], 18—24 (in Russian).
- Bolgov, N.N. 2002a. In *Iresiona. Antichnyy mir i yego naslediye (Iresiona. Ancient World and its Heritage)* 2, 163—172 (in Russian).
- Bolgov, N.N. 2002b. In: *Problemy istochnikovedeniya vseobshchey istorii (Problems of Source Study of World History)*. Pt. 1. Belgorod: "BelGU", 77—84 (in Russian).
- Bolgov, N.N. 2003a. Continuity Problems in the Context of the Development of Ancient Civilization in the Northern Black Sea Region (end of the 3rd — 6th Centuries). Dr. habil. Thesis. Nizhniy Novgorod.
- Bolgov, N.N. 2003b. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 165—170 (in Russian).
- Bolgov, N.N. 2017. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 9, 375—380 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.G. 1998. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 233—247 (in Russian).
- Vus, O.V. 2005. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Kondakovskiy chteniye I. Problemy kul'turnoy preymstvennosti. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Belgorod, 15-16 oktyabrya 2004 g. (Kondakov readings I. Problems of Cultural Continuity. Proceedings of the 1st International Scientific Conference, Belgorod, October 15-16, 2004)*. Belgorod: "BelGU", 130—148 (in Russian).
- Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisey (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Diatroptov, P.D., Yemets, I.A. 1995. In *Epigraficheskiy vestnik (Epigraphic Bulletin)* 2, 7—40 (in Russian).
- Latyshev, V.V. 1896. *Sbornik grecheskikh nadpisey khristianskikh vremen iz Yuzhnoy Rossii (Collection of Greek Inscriptions of Christian Times from Southern Russia)*. Saint Petersburg: "Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk" (in Russian).
- Iermolin, S.A. 2019. The Population of the European Bosphorus in the 6th — first half of 7th Centuries: Resettlement, Defense, Christianization. PhD Thesis. Belgorod.
- Zubar, V.M., Khvorostyanyi, A.I. 2000. *Ot yazychestva k khristianstvu. Nachal'nyy etap proniknoveniya i utverzhdeniya khristianstva na yuge Ukrainy (vtoraya polovina III — pervaya polovina VI v.) (From Paganism to Christianity. The Initial Stage of the Penetration and Adoption of Christianity in the South of Ukraine (Second Half of the 3rd — First Half of the 6th Century))*. Kiev: "Institut arkheologii NANU" (in Russian).
- Ivanov, S.A. 2003. *Vizantiyskoye missionerstvo. Mozhno li sdelat' iz varvara khristianina? (Byzantine Missionary Work. Can a Christian be made a Barbarian?)*. Moscow: "Yazyki slavyanskoy kul'tury" Publ. (in Russian).
- Komar, A.V. 2004. In: Kukovalskaya, N.M. (ed.). *Sugdejskiy sbornik (Sugdaia Collected Works)*. Iss. I. Kiev; Sudak: "Akademperiodika" Publ., 169—171 (in Russian).
- Krivushin, I.V. 1998. *Rannevizantiyskaya tserkovnaya istoriografiya (Early Byzantine Church Historiography)*. Saint Petersburg: "Aleteyya" Publ. (in Russian).
- Kulakovskiy, Yu.A. 1891. In *Materialy po arheologii Rossii (Materials on archaeology of Russia)* 6 (in Russian).

- Latyshev, V.V. 1883. *O nekotorykh eolicheskikh i doricheskikh kalendaryakh (epigraficheskiye issledovaniya) (About some Aeolian and Doric Calendars (Epigraphic Studies))*. Saint Petersburg: "Tipografiya V.S. Balasheva" (in Russian).
- Latyshev, V.V. 1894. In *Vizantijskiy vremennik (Byzantina Xronika)* I, 661—662 (in Russian).
- Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (ed.). 2003. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. IV—XIII vv. (The Crimea, Northeast Black Sea Coast and Transcaucasia during a Middle Ages Era. 6th — 13th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (Archaeology) (in Russian).
- Parfenov, V.N. 2009. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporus Studies)* 21, 212—225 (in Russian).
- Perl, G. 1969. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 39—69 (in Russian).
- Sazanov, A.V. 1999. Cities and Settlements of the Northern Black Sea Region of the Early Byzantine Time. Dr. habil. Thesis. Moscow.
- Slavyatinskaya, M.N. 2003. *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka (Textbook of the Ancient Greek Language)*. Moscow: "Filomatis" Publ. (in Russian).
- Vladimirov, A.O., Zhuravlev, D.V., Zubar, V.M. (eds.). 2004. *Khersones Tavricheskij v seredine I v. do n.e. — VI v. n.e. Ocherki istorii i kul'tury (Tauric Chersonesos in the Middle of the 1st Century BCE — 6th Century CE. Essays on History and Culture)*. Kharkov: "Maydan" Publ. (in Russian).
- Khrapunov, N.I. 2002. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha (Bosporus Phenomenon: Funeral Monuments and Sanctuaries)*. Vol. 1. Saint Petersburg: "Gosudarstvenniy Ermitazh", 88—90 (in Russian).
- Khrapunov, N.I. 2003. In *Vita Antiqua* 5—6, 173—176 (in Russian).
- Chkhaidze, V.N. 2008. *Tamartarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove (Tamartarkha. Early Medieval City on the Taman Peninsula)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
- Yaylenko, V.P. 1987. In *Vizantijskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 48, 163—166 (in Russian).
- Yaylenko, V.P. 2002. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 5, 306—324 (in Russian).
- Yakobson, A.L. 1958. In: Gaydukevich, V.F., Knipovich, T.N. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)*. No. 85. Vol. II. *Raboty Bosporskoy ekspeditsii 1946—1953 gg. (Works of the Bosporus Expedition 1946—1953)*. Moscow; Leningrad: "AN SSSR", 458—501 (in Russian).
- Athanassiadi, P. (ed.). 1999. *Who was Count Zosimus? Damascius, The Philosophical History. Text with Translation and Notes*. Athens: "Apamea Cultural Association".
- Jones, A.H.M. 1964. *The Later Roman Empire 284—602: A Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford: "Basil Blackwell" Publ.
- Millar, F. 1967. *The Roman Empire and its Neighbours*. New York: "Dell" Publ.

УДК 94(4)
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00014

А.Г. Еманов

**ЗНАКИ ИДЕНТИЧНОСТИ МОРЯКОВ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ПОРТОВЫХ ГОРОДОВ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ XIV—XV В.***

На основе широкого круга источников, публично-правовых документов, нотариальных актов, нарративных текстов, морских карт, портоланов, геральдики, сфрагистики и эпиграфики рассмотрена система символической коммуникации в социальной среде моряков Кафы и Генуэзской Газарии позднего средневековья, выявлены элементы политической, портовой, флотской, корабельной и индивидуальной идентификации, рассмотрены флаги, выпелы и гюйсы кораблей, гербы капитанов, печати навигаторов—предпринимателей, личные знаки «людей моря». Определена группа «морских граффити» на объектах культовой архитектуры в портовых городах Генуэзской Газарии XIV—XV вв., выделены пять основных типов «морских граффити»: 1. Nave, 2. Vela navis, 3. Rosa ventorum, 4. Stella maris, 5. Baculus Jacobi. Предложено прочтение пяти личных монограмм моряков из местной греко-понтийской и крымской среды. Аргументировано суждение о смысле и назначении монументализированных личных знаков моряков в сакральной коммуникации.

Ключевые слова: Генуэзская Газария, Крым, Кафа, XIV—XV вв., моряки, шиурма, навы, галеры, дромоны, панфилы, барки, флаги, выпелы, гюйсы, гербы, граффити.

Сведения об авторе: Еманов Александр Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, истории Древнего мира и Средних веков, Тюменский государственный университет.

Контактная информация: 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук, кафедра археологии, истории Древнего мира и Средних веков; e-mail: a_emanov@mail.ru.

A.G. Emanov

**IDENTITY'S SIGNS OF SAILORS:
ON THE MATERIALS OF THE PORT CITIES IN THE GENOESE GAZARIA
IN THE 14th — 15th CENTURIES**

We have Identified Elements of Political, Port, Naval, Ship and Individual Identification, Examined Flags, Pennants and Guys of Ships, Emblems of Captains, Seals of Navigators — Entrepreneurs, Personal Signs of “People of the Sea” based on a Wide Range of Sources, Public-Legal Documents, Notarial Deeds, Narrative Texts, Sea Charts, Portolans, Heraldry, Sphragistics and Epigraphy Considered the System of Symbolic Communication in the Social Environment of the Sailors of Kafa and Genoese Gazaria of the Late Middle Ages. We also identified a group of “Marine Graffiti” on Objects of Religious Architecture in the Port Cities of Genoese Gazaria of 14th — 15th Centuries, identified Five Main Types of “Sea Graffiti”: 1. Nave, 2. Vela navis, 3. Rosa ventorum, 4. Stella maris, 5. Baculus Jacobi. We suggested reading Five

* Исследование проведено при поддержке ДААД в Институте византистики, истории византийского искусства и неогречистики Мюнхенского университета имени Людвига-Максимилиана, директору которого, профессору Альбрехту Бергеру автор выражает самую сердечную благодарность.

Статья поступила в номер 12 ноября 2019 г.
Принята к печати 2 декабря 2019 г.

Personal Monograms of Sailors from the Local Greco-Pontic and Crimean Milieu. The Judgment on the Meaning and Purpose of the Monumental Personal Signs of Sailors in Sacred Communication was also reasoned.

Key words: Genoese Gazaria, Crimea, Caffa, 14th — 15th Centuries, Sailors, Sciuma, Nave, Galley, Barge, Dromon, Panfile, Banner, Pendant, Guys, Coats of Arms, Graffiti.

About the author: Emanov Aleksandr Georgievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department of Archeology, Ancient and Middle Ages history, Tyumen State University.

Contact information: 625003, Russia, Tyumen, Semakov str. 10, Tyumen State University, Institute of Social Sciences and Humanities, Department of Archeology, Ancient and Middle Ages history; e-mail: a_emanov@mail.ru.

Исследователи не раз отмечали сложность и неоднозначность понятия «*marinariis*» (Lane 1973; Tangheroni 1996: 244—251), которым обозначались моряки эпохи революции в мореплавании (Lane 1973; 1983; Borghesi 1976), эпохи с начала XIV в., когда круглые парусные суда — навы и кокки — стали вытеснять гребные суда — галеры и дромоны, когда стало применяться рулевое управление по румбам, когда появились рациональные морские карты, созданные с помощью компаса и лаглиня, масштабированной линейки, и сразу появились узнаваемые контуры Черного моря и Крыма, а вслед за ними — Европы, когда стали использоваться механические часы, лаг для измерения скорости плавания и лот для промера глубин, когда начали применяться астролябия и квадрант для ориентирования по звездам и определения места положения в морском пространстве (Pryor 1988; Mollat du Jourdin 1993).

Желико Бартулович и Майя Афлич из университета Риеки в Хорватии (Bartulović, Aflič 2018: 169—171), основываясь на исследовании сводов морского права, выделяют три категории моряков в Северо-Восточном Средиземноморье XIV—XV вв.:

Во-первых, «*marinarii ad marinariam*», то есть «моряки на жаловании», фиксированном в контракте либо за навигацию (*ad navigandum*) продолжительностью до полугода и в отдельных случаях дольше, либо за одно плавание (*ad viagum*; *ad viagium*) длительностью от двух недель — до двух месяцев;

Во-вторых, «*marinarii ad partem*», или «моряки на части прибыли», которые имели доли собственности в средствах мореплавания;

В-третьих, «*marinarii in entega*», иначе «моряки по совмещению», собственно все купцы, путники, оплатившие плавание от одного порта до другого.

Первую категорию, как можно думать, составляли все наемные члены шиурмы (Musarra 2017: 99—100), экипажа, корабельной команды — палубные (*nautae* / *οἱ ναυτικοί*) и вантовые (*hominess de pede*) матросы (Du Cange 1885b: Col. 581a; stephanus.tlg.uci.edu: 1: No. 47188), занимавшиеся установкой, регулировкой и сборкой парусов, гребцы (*remiges* / *οἱ ῥέμτοι*) (Du Cange 1886b: Col. 121a; stephanus.tlg.uci.edu: 1: No. 27102) и арбалетчики (*balistarii* / *τὸ τόξον*) (Du Cange 1883a: Col. 539b), обеспечивавшие защиту судна, плотники (*magistri axie* / *οἱ τεκτωνες*) (Du Cange 1885b: Col. 168a) и конопатчики (*calafacti* / *οἱ καλαφάτοι*) (Du Cange 1688a: Col. 548—549; 1883b: Col. 19b), осуществлявшие текущий ремонт на корабле, писцы (*scribae* / *οἱ γραφεῖς*) (Du Cange 1886b: Col. 366c) и музыканты (трубач, волынщик, барабанщик — *trombator*, *zaramella*, *tympnistia* / *τρουμπέτα*, *ασκαύλης*, *τυμπανιστής*) (Du Cange 1688b: Col. 1619; 1887: Col. 192c), отмечавшие время вахт, работ, трапез, задававшие ритм действий гребцов, священник (*capellanus* / *ιερατικός*) (Du Cange 1688a: Col. 509; 1883b: Col.

122a), повар (*lixa* / *μαγειρικῶς*) (Du Cange 1885b: Col. 131b; stephanus.tlg.uci.edu: 1: No. 42609) и врач (*medicus* / *ιατρίδης*) (Du Cange 1885b: Col. 322c; stephanus.tlg.uci.edu: 1: No. 31688).

Вторую категорию формировали комиты (*comites* / *οἱ κυβερνῆτοί*) (Du Cange 1883b: Col. 422c; stephanus.tlg.uci.edu: 1: No. 39911), по сути, капитаны судов, руководившие судовыми командами во время плавания, субкомиты (*subcomites*), помощники капитана, патроны (*patroni* / *οἱ πῆστοί*) (Du Cange 1886a: Col. 221c; stephanus.tlg.uci.edu: 1: No. 57138), основные собственники, обладавшие наибольшей долей в собственности кораблей, отвечавшие за их подготовку к плаванию, полное оснащение, наём команд, фрахт грузов, провоз пассажиров, присяжные патроны и советники (*homo de chonseyo*) (Long, McGee, Stahl 2009: No. 91v), причастные к планированию и реализации расходов и доходов плаваний, навклеры (*navicularii* / *οἱ ναυκλήροι*) (Du Cange 1885b: Col. 578c; stephanus.tlg.uci.edu: 1: No. 47150), или кормчие, обеспечивавшие оптимальное движение корабля по заданному курсу, каковых на каждом большом судне насчитывалось до восьми человек.

Третью категорию образовывали путники (*viatores* / *οἱ βιάτωρ*) (Du Cange 1887: Col. 308a), те самые пассажиры, купцы, агенты, сопровождавшие грузы, паломники, которые включались в общий ритм жизни на корабле и в экстремальных ситуациях непосредственно участвовали в сохранении жизнеспособности судна.

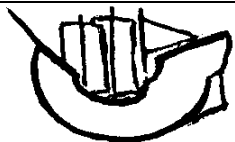
Первые вкладывали свой собственный труд в осуществление навигации. Вторые вносили свои материальные средства в виде морского транспорта, его всестороннего оснащения мачтами, реями, такелажем, парусами, веслами, якорями, навигационными инструментами, картами и портоланами, питьевой водой и продовольствием. Третьи инвестировали свой капитал в форме фрахта за транспортировку товара, оплаты индивидуального плавания на корабле.

Однако эта претендующая на тотальность классификация не охватывала львиную долю моряков, без которых была немыслима жизнь портового города. По существу, названные три категории моряков представляли состав только крупных и средних кораблей. Они касались исключительно круглых парусных и гребных судов и не затрагивали куда более многочисленные маломерные средства плавания.

Когда марокканский путешественник Ибн Баттута сообщал о двухстах кораблях в гавани Кафы (ныне Феодосия) 1330-х гг. (Коновалова 2009: 158—159), он, вероятнее всего, имел в виду лишь суда большого и среднего водоизмещения, стоявшие на рейде на якорной стоянке на расстоянии не менее мили от берега и легко поддававшиеся сосчитыванию. Названное число явно не включало в себя лодки, барки, шлюпки, непрерывно сновавшие между берегом и морскими гигантами.

Среди судов большого и среднего водоизмещения, в первую очередь, выделялись круглые парусники. Это были бусы (*bucii*) (Balard 1973: 244), лигнии (*lignii*) (Balard 1973: 5, 21, 42, 64, 65, 178, 179, 254, 331, 365, 379, 411, 424, 430, 432, 442, 459, 467, 476, 524, 529, 549, 620, 629, 680, 724, 740, 750, 751, 788, 806, 837, 843, 876, 903; Jal 1848: 932—933), двухмачтовые навы (*nave*) (Balard 1973: 37, 58, 242, 278, 333, 342, 404, 424, 585, 586, 616, 625, 647, 666, 671, 744, 797, 816, 858, 886; Jal 1848: 1042), двух—трехмачтовые кокки (*cocche*) (Balbi 2014: 180; Sauli 1838: 362, 385, 398; Jal 1848: 483) и трехмачтовые каракки (*caracche*) (Jal 1848: 428).

Таблица 1. Классификация круглых судов парусного типа в порту Кафы XIV—XV вв.¹

Название	Отношение длины к ширине (м)	Количество мачт	Грузоподъемность (т)	Количество моряков (мин.)	Вид
Bucius	10/16 : 5/8	1	100	20	
Lignum	12/18 : 6/9	1	200	22	
Nave	20/30 : 10/15	2	200/600	25	
Cocca	30/40 : 15/20	2/3	500/1000	35	
Caracca	40/50 : 20/25	3	600/2000	45	

Именно моряки круглых судов были связаны с новой практикой навигации в открытом море (*per pelleggio*) (Debanna 2011), пользовались рулевым управлением, морскими картами, портоланами, текстовыми приложениями к картам, описывавшими условия захода в порты, компасом, астрольбией и квадрантом.

Моряки одномачтовых бусов и лигний были знакомы с квадратным парусом, пользовались веслами. В нормативных документах Ведомства Газарии (Sauli 1838: 385), управлявшего навигацией в Черном море, эти суда всегда отличались от галер. Меньшая осадка и весла облегчали им плавание вдоль берега, подобно галерам, и позволяли ближе подходить к береговой линии.

К классу гребных судов относились фусты (*fuste*) (Jal 1848: 726; Du Cange 1884: Col. 639b; Balard 2012: 219), способные заходить в устья рек, тариды (*taride*) (Jal 1848: 1430; Du Cange 1887: Col. 33c), предназначавшиеся для транспортировки объемных грузов, галеотты (*galeotte*) (Jal 1848: 741—742), двухмачтовые бригантины (*brigantine*) (Jal 1848: 342—343; Balard 2012: 218), двухмачтовые малые (*galee sottili*) и трехмачтовые большие галеры (*galee grossi*) (Jal 1848: 733—735; Du Cange 1885a: Col. 12a; Balard 1973: 7, 53, 72, 132, 148, 149, 151, 202, 203, 459, 461, 470, 478, 620, 657, 664, 667, 673, 799), а также трех-четырёхмачтовые галеаццы (*galeazze, galeasse*) (Jal 1848: 736—738; Du Cange 1885a: Col. 13b; Andreescu 2005: 58).

¹ Количественные параметры приведены на основе обобщения данных подводной археологии в Средиземном море (Ortega Villoslada 2008; Meier 2009).

Таблица 2. Классификация судов галерного типа в порту Кафы XIV—XV вв.²

Название	Длина (м)	Количество мачт	Грузоподъемность (т)	Количество банок (с 1 борта) / количество гребцов на 1 банке	Количество гребцов	Вид
Fusta	20	1	100	12—8 / 1	24 / 36	
Galeotta	25	1	200	15—20 / 1	30 / 40	
Tarida	30	1	200			
Brigantina	35	2	200 / 300	15—22 / 1	30 / 44	
Galea sottile	45	2	300	25 / 2	100	
Galea bastarda	50	2 / 3		30 / 2	120	
Galea grossa	100	3	400	30 / 3	180	
Galeazza	120	3 / 4	500	32—46 / 3	192 / 276	

Моряки галерных судов ориентировались на шедшую из античного прошлого традицию плавания вдоль берега (*per starea*) (Debanna 2011), сверяя движение с узнаваемыми объектами береговой линии, опираясь на передаваемый из поколения в поколение опыт навигации. Но и они в XIV в. начинали пользоваться картами и измерительными инструментами. Галеацца вообще оказывалась гибридным судном, соединившим признаки галеры и навы.

Рис. 1. Морской флаг Венеции (по Long, MacGee, Stahl 2009: No. 145v).

Fig. 1. Marine ensign of Venice (after Long, MacGee, Stahl 2009: No. 145v).

На более прогрессивных круглых судах, как можно заметить, минимальная численность экипажа составляла от 20 до 45 человек. На гребных судах только гребцов насчитывалось от 24 до 276, к которым надлежало добавить еще человек 30, исполнявших остальные корабельные функции. Если признать, что на каждом из 200 кораблей гавани Кафы находилось минимум 45 человек, то общая численность моряков составила бы 9000. Это целый город. Однако к городскому населению Кафы имела отношение едва ли половина, остальные моряки прибывали в крымский порт из других стран Черного и Средиземного морей, находились там всего по несколько дней.

В то время еще не существовало понятия «порт приписки», однако уже с XIII в. на кораблях стали использоваться треугольные флаги (*flammula* / *φλάμουλον*), раздвоенные на конце вымпелы (*treuga* / *σύνθημα*) и гюйсы (*banda* / *βάνδον*) (Jal 1848: 234, 699; Du Cange 1884: Col. 519a). Первый устанавливался на специальном флагштоке на юте, корме корабля, второй — на грот-мачте, на самой большой высоте, а третий — на носовом гюйсштоке.

² Количественные параметры приведены на основе обобщения данных подводной археологии в Средиземном море (Карпов 1994: 19; Martin 2001: 175—177; D'Agostino, Medas 2003; 2006).

Флаг чаще всего обозначал принадлежность к государственному суверенитету. На галерах Венеции это был белый флаг с изображением красного крылатого льва (Long, McGee, Stahl 2009: No. 145v), символа св. Марка, святого покровителя Адриатической республики (рис. 1).

На навах Генуи реял белый флаг с красным крестом, геральдическим знаком Св. Георгия (Jal 1848: 932—933), сакрального патрона Лигурийской республики (рис. 2).

На арабских парусниках, дау, из Александрии, постоянно курсировавших между главным портом мамлюкского Египта и Кафой в XIV—XV вв., красовался

Рис. 3. Морской флаг Александрии
(по Lacarra, del Carmen Lacarra Ducay, Montaner 1999: No. 10r).

Fig. 3. Marine ensign of Alexandria
(after Lacarra, del Carmen Lacarra Ducay, Montaner 1999: No. 10r).

ассоциируясь с максимой ромейской пантократии: «βασιλεὺς βασιλέων, βασιλεὺς βασιλευόντων», как то зафиксировал безвестный составитель так называемого «Бергсхаммерского гербовника» времен Ферраро-Флорентийского собора 1438—1442 гг., где участвовала депутация из Византии во главе с императором Иоанном VIII Палеологом (1392—1448) (heraldica.hypotheses.org: 1: No. 1r).

Их порой можно было спутать с трапезундскими хеландионами из столицы

Рис. 5. Морской флаг Трапезунда
(по Babuin 2001).

Fig. 5. Marine ensign of Trebizond
(after Babuin 2001).

Примерно столько же было и представителей западных наречий. Стало быть, в порту такого космополиса, как Кафа, могли находиться суда под флагами более полусотни стран и морских городов—государств.

Не терялись ли в этом вексиллярном калейдоскопе собственно кафские корабли? На судах порта Кафы, главного центра Генуэзской Газарии, должен был присутствовать помимо

Рис. 2. Морской флаг Генуи
(по Jal 1848: 932—933).

Fig. 2. Marine ensign of Genoa
(after Jal 1848: 932—933).

золотой флаг с изображением льва в черном круге (Lacarra, del Carmen Lacarra Ducay, Montaner 1999: No. 10r), являвшегося одним из символов легендарного основателя города, однако в христианском сознании способного вызвать аллюзии на евангелиста Марка, первого александрийского епископа (рис. 3).

На византийских дромонах из Константинополя, обычных посетителях кафской гавани, сиял порфиновый флаг с золотым крестом и четырьмя золотыми же греческими буквами «β» (рис. 4),

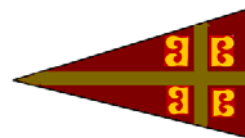

Рис. 4. Морской флаг Константинополя
(по heraldica.hypotheses.org: 1: No. 1r).

Fig. 4. Marine ensign of Constantinople
(after heraldica.hypotheses.org: 1: No. 1r).

империи Великих Комнинов, пожалуй, чаще других посещавших кафскую гавань, над которыми развевался красный флаг с золотым двуглавым орлом, указывавшим на общее наследие с византийскими Палеологами (Babuin 2001) (рис. 5).

Вообще, судя по свидетельству Иоанна Галонифонтского (ок. 1350 — после 1423), доминиканского монаха, архиепископа Султании (ныне Сольтание, Иран), в Кафе легко насчитывалось 35 только восточных языков (Kern 1938: 107).

флага Генуи, сюзерена Кафы, еще вымпел Газарии, как в византийской и итальянской дипломатической документации обозначалась Золотая Орда (Sauli 1838), с изображением красной тамги и полумесяца, как на геральдических плитах этого города (Skrzinska 1928: 1—3, 8, 10—12; Вальков 2015: 26—28, 33, 35—37, 69, 74, 78), или на анонимном каталанском «вексиллографическом портолане» XIV в., правда, в зеркально перевернутом виде (Marino 1999: 90; Lacarra, del Carmen Lacarra Ducay, Montaner 1999: 62) (рис. 6).

Помимо флага, маркировавшего государственную принадлежность, помимо вымпела, выражавшего причастность к тому или иному порту, на кораблях подобало использовать гюйсы, которые соотносились с главной персоной, ответственной за жизнь команды во время плавания.

Рис. 6. Морской вымпел Газарии
(по Marino 1999: 90).

Fig. 6. Marine pennant of Gazaria
(after Marino 1999: 90).

На флагманском корабле морского каравана в Романию или Газарию, организованного Республикой Генуи, должен был обязательно реять гюйс капитана, командовавшего всей экспедицией. Это требование четко фиксировалось в постановлениях Ведомства Газарии: «каждый патрон обязан и должен поднять на баке (носовой приподнятой палубе — *A.E.*) своей галеры гюйс с гербом (*banderiam ad arma*) «господина

капитана» (Sauli 1838: 338). Капитан флотилии всегда избирался из числа нобилей, знати Генуи, и он, определенно, обладал гербом.

Из наиболее известных может быть назван герб генуэзского флотоводца Ламба Дориа (1245—1323) из знатного гибеллинского рода, разгромившего венецианцев в морском сражении при Курцоле в 1298 г. (Nuti 1992), среди самых прославленных пленников которого оказался Марко Поло. Герб Дориа узнается по гласной фигуре черного орла (*d'auria*) на щите, пересеченном на золото и серебро (Stemmario.it: 1).

Известен также герб другого командующего флотом — Карло Ломеллини (1360—1434) из знатного гвельфского рода Генуи (Mussi 2005), возвратившего оказавшуюся в руках князя Феодоро крепость и порт Чембало (современная Балаклава) под управление Кафы, но после разгромленного Хаджи Гираем I (1441—1466) в 1434 г. у Солхата (сегодняшний Старый Крым) (Мыц 2009: 55—68), голова которого увенчала башню из черепов перед въездом в столицу Крыма (Agosto 1977; Мыц 2009: 158—165; Селиверстов 2011). Его герб представлял собой щит с червленой главой в золотом поле (Stemmario.it: 1), словно предвосхитив кровавую жертву обладателя.

Из комитов отдельных судов Кафы довольно часто упоминались представители знатных генуэзских родов Де Мари и Марини (Balard 1978: 141, 211, 250, 430, 524; Balletto 2014: 184; Карпов 2018: 35, 207) (рис. 7). Герб первого выделялся двумя облачными лазоревыми перевязями в серебряном поле щита (Stemmario.it: 1), словно указывая на соединение охваченной волнами морской стихии и ветра, заставлявшего плыть облака и наполнявшего силой движения корабельные паруса. Герб второго отличался тремя волнистыми зелеными поясами в золотом поле (Stemmario.it: 1), еще более явно обозначая морскую стихию, с которой тесно были связаны Марини и характером своих занятий, и этимологией фамилии.

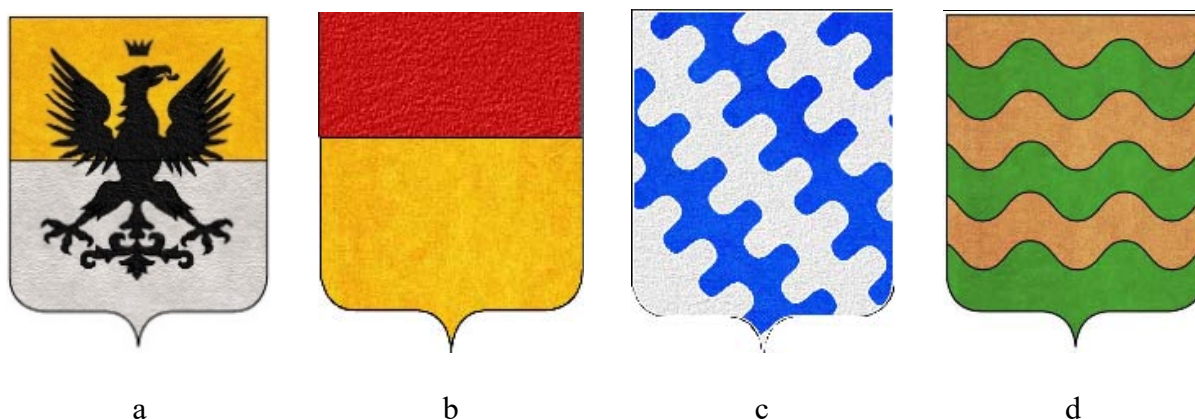

Рис. 7. Гербы капитанов из знатных генуэзских родов: *a* — Дория; *b* — Ломеллини; *c* — Де Мари; *d* — Марини (по Stemmario.it: 1).

Fig. 7. Captains Coats of Arms From a Noble Genoese Families: *a* — Doria; *b* — Lomellini; *c* — De Mari; *d* — Marini (after Stemmario.it: 1).

Незнатные моряки, сделавшие карьеру и поднявшиеся до статуса комитов, командиров корабля, также могли стать обладателями гербов (рис. 8). Для этого они не нуждались в какой-то особой санкции суверенной власти. В данном случае герб возникал естественным образом из личного знака, который символически передавал смысл имени, последнее же давалось отцом при рождении. В качестве примера может быть приведен доставшийся от предков ранний герб Христофора Колумба (1451—1506), в молодости совершавшего плавание в Черное море и посещавшего Кафу (Pistarino 1992): в золотом поле щита — червлёная глава и лазоревая перевязь (рис. 8: *a*). Потом, когда Колумб совершил беспрецедентное плавание через Атлантический океан и открыл западный путь в «Индии», как ему по неведению казалось, он был удостоен королем Испании нового герба: щит рассечен и пересечен начетверо, в главе щита в миниатюре повторялись гербы Кастилии и Леона с узнаваемыми фигурами замка и льва, обозначавшие высочайшее покровительство испанского монарха, в оконечности щита приводились гербы пожалования как вице-королю вновь открытых земель — в образе золотых островов в морской лазури, и как адмирала моря-океана — в форме пяти золотых якорей в лазоревой океанской пучине (Tracher 1903b: 535) (рис. 8: *b*).

То, что гербами могли пользоваться незнатные моряки и даже иностранного происхождения, показывает пример Михаила Родосского (1385—1443) (Long, McGee, Stahl 2009: No. 145v, 147r) (рис. 8: *c*, *d*). Он был выходцем из греческой, бедной крестьянской семьи с острова Родос, находившегося под властью ордена Родосских братьев. В 16 лет отправился на заработки на юг Италии, там нанялся гребцом на венецианскую государственную галеру, получил достойные деньги, поселился в Венеции, женился, обрел наследника, освоил грамоту в школе грамматики, прошел курс абака в школе арифметики, получил права гражданина Республики Сан Марко, сделал удивительную карьеру от галерного гребца — до комита, командира корабля, патрона, четыре раза избирался адмиралом, что тогда соответствовало статусу помощника капитана, заместителя командующего флотилией, в этом статусе трижды посетил Кафу, перевозил в Италию для участия в Ферраро-Флорентийском соборе самого императора Византии Иоанна VIII Палеолога. Оставляя в стороне его воображаемый полный герб с шлемом, наметом, бурлетом

и нашламником, имевший ярко выраженный пародийный характер, что требует специального изыскания (Еманов 2020), нужно признать активное использование им своего личного простого герба, пересеченного на золото и серебро, где главная металлическая тинктура отражала его идеальные устремления к обретению более совершенной жизни.

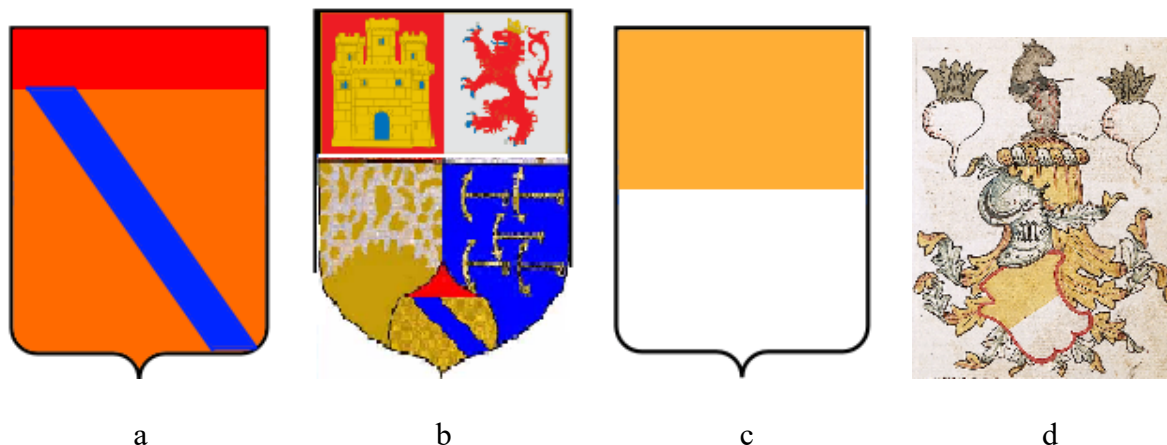

Рис. 8. Гербы капитанов из незнатных родов: *a* — Христофора Колумба до 1493 г.; *b* — Христофора Колумба после 1493 г., *c, d* — Михаила Родосского (по Tracher 1903b: 535; Pistarino 1992; Long, McGee, Stahl 2009: No. 145v, 147r).

Fig. 8. Captains Coats of Arms from a not Noble Families: *a* — Christopher Columbus before 1493, *b* — Christopher Columbus after 1493 г., *c, d* — Michael of Rhodes (after Tracher 1903b: 535; Pistarino 1992; Long, McGee, Stahl 2009: No. 145v, 147r).

Нет ясности, распространялась ли норма устанавливать самостоятельный командирский гюйс на каждый из прочих частных кораблей, в том числе на судах кафского порта, комитами которых были не только генуэзцы, но и греки, армяне, сирийцы, турки, татары, кавказцы, славяне и др.

Патроны судов, определенно, обладали своими отдельными знаками идентичности. Будучи ответственными за исполнение контрактов с моряками, договоров фрахта с купцами, они должны были активно пользоваться личными сигнатурами и печатями. Легитимную форму контрактам и договорам придавал, конечно, судовой сcribe, писец, ставивший свой личный знак (*signum scribae*; *signum notarile*), который вносился в официальный регистр и мог легко идентифицироваться и верифицироваться. Но морская жизнь была полна самых непредсказуемых ситуаций, когда сcribe мог не оказаться на борту, и тогда необходимую защиту документу (*apodixia*) обязан был придать патрон своей печатью и сигнатурой. Историки пока не располагают находками таких печатей.

Купцы, занимавшиеся морской торговлей, также располагали индивидуальными знаками идентичности. Принадлежавшие им товары паковались в тару — ящики, мешки, тюки и др., по весу и объему посильную для одного грузчика. Последние обозначались в документах «*saccharii*» (Balard 1973: 411, 430), и этот термин порой ошибочно воспринимался даже искушенными медиевистами (Balard 2007: 451) как название еще одного неизвестного малого суденышка. На самом деле это понятие производно от слова «*sacchus*» (Du Cange 1886b: 251a), и оно указывало на груз, который один человек мог перенести на своих плечах; его вес равнялся примерно 50 кг. Этих саккариев тоже надлежит отнести к морякам, они — таковы же по стереотипам поведения, они должны были уметь держать равновесие на

качавшейся палубе судна, уметь спускаться и подниматься по корабельным сходням, пользоваться лебедками и такелажем.

На таре непременно ставилась пломба купца, владельца или распорядителя груза, с его личной монограммой. Таковы — личные сигнатуры купцов Луки Вольтаджо и Бартоломео Мироно, которые оказались среди фрахтователей нава Франческо Капе в кафском порту 1472 г. Первый перевозил осетровую икру в Перу (часть Стамбула), второй транспортировал ткани, верхнюю и нижнюю одежду на остров Хиос. Нава была захвачена с товарами и людьми майоркской флотилией, что повлекло за собой судебные разбирательства, в ходе которых представлялись и данные монограммы (Balletto 2011: 216, 222) (рис. 9).

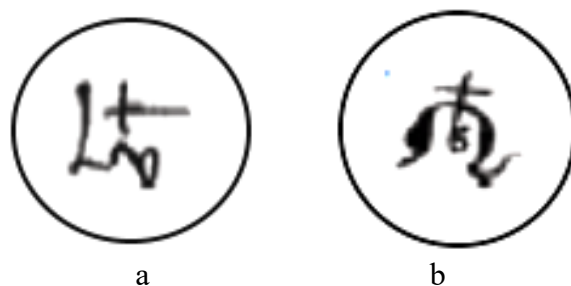

Рис. 9. Монограммы купцов на пломбах: *a* — Луки ди Вольтаджо; *b* — Бартоломео Мироно (по Balletto 2011: 216, 222).

Fig. 9. Merchants monograms on seals: *a* — Luca di Voltaggio; *b* — Bartolomeo Mirono (after Balletto 2011: 216, 222.)

Для простых моряков, членов шиурмы, знаком причастности к корабельной команде мог выступать образ (*imago*) корабля, на котором они несли службу.

Если судов большого и среднего водоизмещения в кафской гавани насчитывалось до двухсот одновременно, то судов малого водоизмещения, призванных обеспечивать бесперебойную разгрузку и загрузку крупных парусников и галер, должно было быть едва ли не вдвое больше. То были моноксилы, монерии, барки, лембы и сандалы (Balard 1973: 386, 404, 408, 502; Balard 2007: 451), редко достигавшие десяти метров. Их латинские названия чаще всего были лишь озвучиванием и транскрипцией соответствующих греческих терминов, указывая на догенуэзскую, местную греко-понтийскую традицию.

Таблица 3. Классификация судов малого водоизмещения
в порту Кафы XIV—XV вв.³

Название	Длина (м)	Количество мачт	Грузоподъемность (т)	Количество банок / гребцов	Вид
Μονοξύλλα / μονοξύλος	6		0,25	1 / 1	
Μονήρης / μονήρης	8		0,5	2 / 4	
Barca / βαρκα	9	0 / 1	10	4 / 8	
Lembus / λέμβυς	10	1	10	5 / 10	
Sandale / σάνδαλος	10	1	12	6 / 12	

На таких малых судах владелец выступал одновременно и патроном, и капитаном, и навклером, и гребцом, и матросом. Он обходился без священника, повара, врача и даже без писца, заключая устные сделки с гребцами и грузчиками на один день, рассчитываясь с ними в конце работы. Он не нуждался в лодциях и навигационных приборах, когда предпринимал плавания за пределы кафской гавани, отправляясь к соседним пристаням. На таких лодках, легких барках и сандалах доставлялись в порт Кафы продукты местного сельского и скотоводческого хозяйства из округ Воспоро (Керчь), Солдайи (Судак), Джалиты (Ялта), Горзувит (Гурзуф), Чембало и Херсона. Они приставали прямо к берегу и пирсам кафского порта, и непосредственно с борта могла вестись торговля местными товарами.

Если предположить, что по одной подобной барке находилось у борта больших кораблей порта Кафы и еще по одной — у берега или пирса, дабы процесс погрузочно-разгрузочных работ осуществлялся непрерывно, без пауз и простоев, то тогда таких маломерных судов в кафской гавани должно было быть около 400. Если на каждой из них действовали в среднем 7 человек, грузчиков и гребцов, то общая численность моряков барок и шлюпок могла достигать 2800 человек.

Средневековое сознание воспринимало моряками и тех работников порта, которые занимались строительством и ремонтом кораблей (Du Cange 1885b: Col. 578c), изготовлением мачт и весел, плетением канатов, ткачеством парусов, созданием навигационных приборов, копированием морских карт и портоланов. И в Кафе все это было развито. Там действовала дарсена, по сути, арсенал, где строились большие корабли — навы, кокки и галеры (Карпов 1998: 10), осуществлялось их снаряжение. Там находились верфи, где строились средние и малые суда — галеотты, бригантины и барки. Одна из них размещалась у ворот Вонитики, то есть прядильщиков, где заодно ткалась парусина и плелись канаты из конопли. Действовала также верфь в Чембало (Balard 2017: 783—784). В самой Кафе были еще доки, где осуществлялся ремонт судов (Balard 2007: 451).

Если моряки больших судов оставили какие-то документы — нотариальные акты, портоланы и морские карты со своими служебными пометками, песнопения, иногда описания плаваний, порой изображения и даже чертежи, как у Михаила Родосского (Long,

³ Количественные характеристики обобщены на основе данных о строительстве малых судов, подводной археологии Средиземного и Черного морей и последних археологических находок в Стамбуле (Du Cange 1688b: Col. 1331; 1883a: Col. 574a; 1886b: Col. 301c; Jal 1848: 212, 920, 1014—1015, 1315; Martin 2001: 173—177; Zuckerman 2015; Kisslinger 2016; Külzer 2016).

McGee, Stahl 2009), то моряки шлюпок оказывались скрыты густой тенью безвестности. Есть ли шанс у историка хоть что-нибудь узнать о них?

В данном случае редкую возможность дают позднесредневековые граффити из портовых городов Гenuэзской Газарии. Часть из них можно определить как «граффити моряков». Их отличает активное использование образов кораблей, их знаковых элементов — парусов, а также наиболее узнаваемых символов навигации — розы ветров, «морской звезды», инструментов наблюдения за небесными светилами.

Можно выделить такие типы морских граффити: *nave* (корабль), *vela navis* (парус), *rosa ventorum* (роза ветров), *stella maris* (морская звезда) и *baculus Jacobi* (трость Якова).

Nave

Среди изображений кораблей явно выделяются фрагменты каменных блоков из Каламиты XIV—XV вв. (Романчук 2008: рис. 56) (рис. 10), на которых представлены почти с десяток различных судов — круглых парусных, гребных и плоскодонных маломерных.

Рис. 10. Граффити кораблей. Каламита, XIV—XV вв. ГИАМЗ ХТ (по Романчук 2008: рис. 56).

Fig. 10. Graffiti of Ships. Calamita, 14th — 15th Centuries. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (after Romanchuk 2008: fig. 56).

На самом верху представлен небольшой бус с утраченной мачтой, который из-за схожести с уменьшенной навой мог называться «бусонавой».

Ниже приведена более крупная одномачтовая нава с форштевнем, баком, бушпритом, двухпалубным ютом, сколотой кормой; мачта снабжена реей, горизонтальной балкой, на котором мог устанавливаться большой прямоугольный, «норманнский» парус, и гафелем, наклонной балкой для установки треугольного, так называемого «латинского» паруса; отчетливо прочерчены штаги, тросы, идущие от мачты к гафелю и бушприту, имеются ванты, канатная лестница для подъема матросов—такелажников на мачту, и марс, площадка для впередсмотрящего.

Перед этой навой изображен небольшой сандал с мачтой и косым парусом. Еще ниже помещена большая двухмачтовая галеацца с баком, высоко поднятым бушпритом, двухпалубным ютом и рулем; здесь также заметны ванты и частично штаги, направленные к бушприту. По фальшборту и борту прорисованы клюзы, круглые отверстия, через которые на воду опускались весла; можно насчитать до 14 клюзов с одного борта; стало быть, галеацца была снабжена 28 банками, скамьями для гребцов, и 28 веслами, за каждым из которых работали минимум по три гребца, всего 84 весельщика. В реальности, это была, пожалуй, наименьшая из галеацц.

Перед указанной галеаццей на уровне бушприта находилась крохотная барка без мачты, паруса и весел. Еще ниже обозначена носовая часть галеры, или дромона. Перед ней изображена одномачтовая лемба, или сандал.

Суда, особенно навы и галеацца, изображены с основательным знанием судостроительной и навигационной техники, отражают даже мельчайшие элементы корабельного устройства, вплоть до вычерчивания досок бортов и клюзов. Нет сомнений в том, что они изображены самими моряками, как минимум, навклерами, которые знали о своем корабле все: от киля, самой нижней части судна, его хребта — до клотика, колпака, которым прикрывалась верхушка грот—мачты, предохраняя от дождевой воды и загнивания. Не случайно Исидор Севильский, первый энциклопедист Европы, пояснял слово «навклер» как «создатель и строитель корабля» (Du Cange 1885b: Col. 578c). Такими же познаниями о судах обладали патроны и комиты, непременно проходившие ступень навклера в своей личной карьере. К тому же, они контролировали процесс строительства своего будущего корабля со стадии закладки киля и шпангоутов, по сути, корабельного скелета.

Но образы нав, галеаццы и галеры могли обозначать не их владельцев или руководителей, а всю команду целиком, которая, хотя и состояла обычно из моряков различной языковой и этнической принадлежности, но здесь, судя по греческим буквам, обнаруживала грекофонное преобладание. Сами эти изображения кораблей могут пониматься в контексте сакральной коммуникации как замещение материальных моделей судов, подносившихся обычно в качестве дара храмам за счастливое возвращение из плавания (Babuín, Nakas 2011; Thomov 2015).

Среди буквенных графизмов распознается монограмма Φ , которая расшифровывается как «ΦΙΛ[ΗΜΩΝ]». Монограмма ближе всего расположена к маленькой лембе. Возможно, она указывала на ее владельца, который одновременно был и капитаном, и навклером, и простым матросом. Пожалуй, здесь едва ли не впервые извлекается из небытия имя местного моряка небольшого суденышка. Оно указывало адресанта, отправителя сакрального обращения к Богу, молившего о милости и защите от морских напастей, и одновременно адресата, ожидавшего ответа от Всевышнего. Эта крохотная монограмма является выразительным свидетельством не только глубоко осознанного мореходом своего личностного начала, своей индивидуальности в мире и в общении со Спасителем, но и показателем высокой степени свободы моряка, действовавшего вне санкций и контроля священника, не внутри храмового пространства, а вовне, не в форме требуемых церковью

материальных пожертвований, если бы он заказывал металлическую, или деревянную модель корабля, а в виде собственноручного, безвозмездного изображения своего судна, его кормильца и поильца и даже средства как физического, так и метафизического спасения.

Еще один фрагмент каменного блока из той же Каламиты представляет не менее выразительное изображение корабля (Романчук 2008: рис. 56) (рис. 11).

Рис. 11. Граффити навы. Каламита, XIV—XV вв. ГИАМЗ ХТ (по Романчук 2008: рис. 56).

Fig. 11. Graffiti of Nave. Calamita, 14th — 15th Centuries. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (after Romanchuk 2008: fig. 56).

На нем узнается двухмачтовая нава большого водоизмещения и грузоподъемности с форштевнем, баком, высоко поднятым бушпритом, гюйсштоком и гюйсом, двухпалубным ютом, ахтерштевнем, рулем, флагштоком и флагом; на передней фок-мачте натянуты пара вант, на грот-мачте также просматриваются ванты, имелись вымпел и марс. На таких судах транспортировались соль в мешках, едва ли не главное богатство этой части Газарии, зерно, также затаренное в мешки, местное крымское виноградное вино в бочках.

Перед навой виден нос барки, на каковых названные товары подвозились на большие суда, останавливавшиеся на якорной стоянке ближайшего к Каламите порта Авлиты (Доковая бухта, Севастополь), из гаваней Ле Фети (Евпатория), Ле Салине (Евпаторийский залив) и Херсона.

В распоряжении медиевистов имеется еще одно изображение корабля конца XV вв. из Чембало (рис. 12), выявленное в ходе раскопок барбакана, когда была открыта «надвратная церковь» (Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 189).

Рис. 12. Граффити кокки. Чембало, XVв. ГИАМЗ ХТ (по Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 189).

Fig. 12. Graffiti of Cocca. Cembalo, 15th Centuries. State Historical and Archaeological Museum—Reserve “Tauric Chersonesus” (after Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 189).

На рисунке приведена двухмачтовая кокка с большим квадратным парусом на грот-мачте и треугольным «латинским» парусом на бизань-мачте, максимально наполненными ветровой силой. Подчеркнут массивный бушприт на высоко поднятом баке, с которого в воду опускался основной якорь. Выделены форштень и ахтерштень, являвшиеся продолжением киля. Виден руль на корме. С грот-мачты к бушприту был протянут штаг, еще несколько штагов шли к корме кокки, как раз по направлению ветра, дабы обеспечить предельную прочность парусной опоры. Ют также очень высоко поднят, создавая гораздо

большую седловатость судна, чем и отличалась кокка от навь. Вообще рисунок передает динамизм, стремительность движения. Подобный образ кокки мог быть не только знаком ее команды, но и корпорации верфи, которая действовала в Чембало (Balard 2017: 783—784).

Vela navis

Среди граффити, которые можно отнести к «корабельным парусам», явно выделяется качеством исполнения «блазонированный парус» (рис. 13).

Рис. 13. Граффити геральдического щита с парусом. Солдайя, XVв. Музей—заповедник «Судакская крепость» (фото автора).

Fig. 13. Graffiti of Heraldic Shield with a Sail. Soldaya, 15th Centuries. Museum—Reserve “Sudak fortress” (Photo by the Author).

Он обнаруживается на внешней стене перед входом в притвор храма генуэзской крепости в Солдаёе.

Уверенной рукой вычерчен геральдический щит в двойном контуре, как подобало в лапидарной геральдике. В поле щита вписан круг также в двойном контуре, что было свойственно оформлению печатей в искусстве сфрагиста. В круге помещена графема, передающая основные элементы парусного оснащения: марса-рей, горизонтальная балка мачты, на которой подымался прямоугольный парус; топ рея, сердцевина соединения марса-рея с мачтой, топ мачты, ее верхняя часть, струны рея и топинанты, служившие для растяжки паруса. Одновременно обозначенные элементы складывались в монограмму \mathbb{M} , которая, не находя прямых аналогов (Feind 2010), может быть расшифрована как «ΙΩΑΝΝ[ΗΣ]»; внешний блок монограммы (верхняя и боковые границы паруса) указывали на квадратную греческую букву «π», аббревиатуру личного статуса «πιστικός», то есть владелец судна (Du Cange 1688a: Col. 1173).

Vela navis обладал глубокой символикой, его архетипом выступал парус ковчега, даровавшего спасение Ною. Его образ был действенной, свернутой молитвой моряка о милости Божией в морских испытаниях. И здесь оказывались исключительно важными имя молившегося, адресата чаявшегося милосердия, и его двойное удостоверение в форме печати и герба. Последний успешно мог сам заменять и личную подпись, и печать. Иоанн был, вероятно, владельцем небольшого, одномачтового суденышка, наподобие буса, близкого к шлюпкам, которое служило и для рыбной ловли, и для транспортировки продуктов локального комплексного хозяйства. И это отправленное в вечность моление также выразительно вещает о личностном самосознании простого моряка, который сам себя наделял правом на печать и герб и не нуждался в посредничестве священника в общении с Богом.

Rosa ventorum

Еще одним характерным типом морских граффити являлась «роза ветров» (рис. 14). Здесь представляет особый интерес фрагмент штукатурки из генуэзской крепости Солдайи конца XIV—XV вв. В поле грубо вычерченного геральдического щита помещена рельефная *rosa ventorum*, значимая для навигаторов, пользовавшихся морскими картами и компасом. Она отличается от звезд Давида и Соломона восемью лепестками и от Вифлеемской звезды правильной ориентацией по сторонам света. В розе ветров различаются четыре основных лепестка, соотносимых с четырьмя сторонами света, и четыре дополнительных, совпадавших с промежуточными направлениями. Для верности по середине лепестков прочерчены центрирующие линии, соответствовавшие компасным пеленгам по четырем главным сторонам света и направлениям ветра: на Север (Septentrio), откуда сквозил леденивший сердце северный Аквилон, как его называли латиняне, или Борей, как тот же ветер обозначали греки (Aquila / Βορέας), на Юг (Meridio), откуда дул все иссушавший южный Аустер итальянцев, или Нот византийцев (Auster / Νότος), на Запад (Occidens), откуда доносился теплый Фавоний навигаторов западной традиции, или Зефир мореходов греческого культурного круга (Favonius / Ζεφύρος) и на Восток (Oriens), откуда поступал освежавший Вултурн, или Эвр (Vulturius / Ευρς).

Рис. 14. Граффити геральдического щита с розой ветров. Солдайя, конец XIV—XV вв. Музей—заповедник «Судакская крепость» (фото автора).

Fig. 14. Graffiti of Heraldic Shield with a Wind Rose. Soldaya, Late 14th — 15th Centuries. Museum—Reserve “Sudak fortress” (Photo by the Author).

Таким же образом прочерчены центрирующие линии по четырем дополнительным лепесткам, указывавшим промежуточные стороны света и второстепенные направления ветра: северо-восточный (Griego), юго-восточный (Sirocho), юго-западный (Garbino) и северо-западный (Maistro). Подобные розы ветров часто встречались на компасных морских картах XIV—XV вв. (Billion 2011: 49—54). Они были знакомы морякам даже небольших судов, совершавших плавание за пределами своей гавани в акватории Черного моря. Символизация основных лепестков розы ветров начальными латинскими буквами обозначения главных сторон света может указать на имя «S[Y]MO[N]», встречавшееся среди местных моряков и рыбаков (Balard 1973: 656, 730, 763).

Рядом с этим геральдическим знаком амбициозного солдайского моряка позднего средневековья помещены еще два крохотных щита с нераспознаваемыми монограммами, словно манифестировавших, что и владельцы самых маленьких суденышек обладали правом на герб.

Stella maris

Помимо компасной розы встречается еще такой тип граффити, как «морская звезда». Визуально она могла выглядеть как простое наложение друг на друга двух крестов — прямого и косоуго, давая восемь лучей. Причем такая звезда помещалась в квадратную раму, как на парусах. «Stella maris» — Полярная звезда в созвездии Малой Медведицы над полюсом мира (рис. 15). Она являлась путеводительницей для моряков, особенно при плавании в открытом море, которое не прерывалось ни днем, ни ночью. Латинское слово “mare” имело еще символическую соотнесенность с Девой Марией, матерью Иисуса Христа. Одним из излюбленных песнопений моряков средневековья был гимн:

«Ave Maris Stella
Dei Mater alma
Atque semper Virgo
Felix caeli porta...»⁴
(Garnet, Rosser 2013: 254).

⁴ «Радуйся Звезда Морская,
Благодатная Матерь Божья,
Всегда совершенная Дева,
Врата небес...»
(пер. автора — А.Е.)

Рис. 15. Граффити с «морской звездой». Солдайя, XV вв. Музей—заповедник «Судакская крепость» (фото автора).

Fig. 15. Graffiti with a Sea Star. Soldaya, 15th Centuries. Museum—Reserve “Sudak fortress” (Photo by the Author).

Считалось, что Мария помогала морякам в трудностях плавания, даровала возможность увидеть морскую звезду, когда море было охвачено непогодой и небо скрывалось за

грозовыми тучами. Следить за звездой Марии, или Полярной звездой, сверять курс движения корабля с ее положением было обязанностью навклера. «Stella maris» выступала наиболее естественным знаком кормчего.

Baculus Jacobi

Рис. 16. Граффити с «тростью Якова». Солдайя, XVвв. Музей—заповедник «Судакская крепость» (фото автора).

Fig. 16. Graffiti with “Jacob’s Stick”. Soldaya, 15th Centuries. Museum—Reserve “Sudak fortress” (Photo by the Author).

На обрамлении портала при входе в храм генуэзской крепости Солдайи среди множества графем выделяется крест с очень длинным стволом, перекладиной и косыми линиями от вершины оголовья к концам правой и левой лопастей креста. Это — «*baculus Jacobi*» (рис. 16).

«Трость Якова» являлась простейшим навигационным инструментом для определения географической широты нахождения судна по углу возвышения либо Солнца в дневное время суток, либо — Полярной звезды ночью. Первое описание и название даны в начале XIV в. Леви бен Гершомом (1288—1344), еврейским астрономом из Перпиньяна (Goldstein 1985: 55). Изображался этот инструмент в виде креста с длинной опорой и одной, или несколькими перекладинами. Опора являлась «стрелой» «трости Якова», в реальности она представляла собой деревянную, четырехгранную палку почти метр длиной, разграфленную и оцифрованную. Перекладина являлась «молотом» с квадратным отверстием в середине, что позволяло надевать молот на стрелу и свободно перемещать по ней. Моряк брал «трость», подносил начало ее стрелы к глазу, а конец направлял в плоскость вертикала, затем перемещал молот, дабы верхний край совпал с линией наблюдения солнца, а нижний — с линией горизонта, и на стреле можно было считывать градусы географической широты корабля. Над тростью заметна звезда, это уже известная Морская, или Полярная звезда, угол склонения относительно которой и замерялся с помощью этого удивительного посоха. И прочерченные линии от вершины стрелы к концам молота как раз указывали определявшийся верный угол.

Слева от стрелы, прямо под молотом «посоха Якова» распознается монограмма , которая может прочитываться как «ИРПАНА», имя собственное для крымской языковой среды, где в Средние века сказывались греческое и готское влияния. Моление моряка Ирпаны из Сугдеи, как на греческий манер озвучивалось название Солдайи, заключалось в даровании благоприятной погоды, дабы можно было пользоваться «посохом Якова» (в бурю и шторм он был бесполезен), видеть путеводную Морскую звезду и благополучно вернуться в родную гавань.

Над звездой усматривается еще одна монограмма , она может быть прочтена как «ОРТОΛΑΝ[ОС]». Это — прозвище, которым наделялись садовники, огородники (Du Cange 1885a: Col. 235b) и все, выращивавшие зелень, овощи и фрукты. Ортоланы, помимо огородов и садов, владели лодками и шлюпками, доставляли на них продукты своего хозяйства в порты Солдайи и Кафы, а также в другие гавани Генуэзской Газарии и прямо с них вели торговлю. Конечно, ортоланам не было надобности обращаться к астрономическим инструментам даже таким простым, как «трость Якова», поскольку они плавали вблизи берега, но они общались со своими земляками, как тот же Ирпана, более посвященный в искусство навигации. Но и им была важна молитва о благоприятной погоде на море.

В целом, сообщество моряков позднесредневековой Кафы оказалось достаточно организованным, с развитым правовым, социальным и религиозным сознанием, активно впитывавшим все инновации в мореплавании той динамичной эпохи. Его отличал высокий уровень коммуникации с моряками почти семидесяти стран и городов—государств средиземноморского мира. В нем сложилась совершенная система знаковой идентификации моряков порта Кафы, портов и гаваней Генуэзской Газарии, обособленных корабельных команд, объединенных личностью капитана, и отдельных персон. Даже моряки маломерных судов, не выходявших за пределы своей гавани, претендовали на обладание личными знаками в виде печатей и гербов. Серьезным подспорьем в изучении коммуникативной культуры моряков Генуэзской Газарии стали «морские граффити», около двух десятков которых проанализированы в данной статье. Выделены пять типов таких граффити — *navis*, *vela navis*, *rosa ventorum*, *stella maris* и *baculus Jacobi*. Предложена расшифровка пяти личных монограмм крымских моряков.

Литература

- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. 2004. *Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г.* Санкт-Петербург; Симферополь: Государственный Эрмитаж.
- Вальков Д.В. 2015. *Генуэзская эпиграфика Крыма*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского.
- Еманов А.Г. 2020. Геральдический бурлеск Михаила Родосского первой половины XV в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 10(1) (в печати).
- Карпов С.П. 1994. *Пути средневековых мореходов: черноморская навигация Венецианской республики в XIV—XV вв.* Москва: Наука.
- Карпов С.П. 1998. Регесты документов фонда Diversorum filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья. В: Карпов С.П. (ред.). *Причерноморье в Средние века*. Вып. III. Санкт-Петербург: Алетейя, 9—81.
- Карпов С.П. 2018. *Акты генуэзских нотариусов, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV—XV вв.* Санкт-Петербург: Алетейя (Причерноморье в Средние века. Вып. X).
- Коновалова И.Г. 2009. *Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв.* Москва: Восточная литература.
- Мыц В.Л. 2009. *Каффа и Феодоро в XV в.* Симферополь: Универсум.
- Романчук А.И. 2008. *Исследования Херсонеса—Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы*. Т. 2. *Византийский город*. Тюмень: ТюмГУ.
- Селиверстов Д.А. 2011. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 г. В: Миргалеев И.М. (отв. ред.). *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума (Казань, 30 марта 2011 г.)*. Казань: ООО «Фолиант», 183—193.
- Agosto A. 1977. Due lettere inedite sugli eventi di Cembalo e di Solcati in Crimea nel 1434. *Atti della società Ligure di storia patria* XVII, 509—517.
- Andreescu Ș. 2005. *Izvoare noi cu privire la istoria Mării Negre*. București: Institutul cultural Român.
- Babuin A. 2001. Standards and insignia of Byzantium. *Byzantion. Revue internationale des études byzantines*. T. LXXI. Fasc. 1, 5—59.
- Babuin A., Nakas Y. 2011. Byzantine ship graffiti from church of Prophitis Elias in Tesseloniki. *Skyllis*. Vol. 11. Ht. 1, 8—17.
- Balard M. 1973. *Gènes et l'Outre-mer*. T. I. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris; La Haye: Mouton & CO.
- Balard M. 1978. La Romanie Génoise (XII — début du XV siècle). *Atti della società Ligure di storia patria. Nuova Serie*. Vol. XVIII(XCII). Fasc. 1.
- Balard M. 2007. *Caffa e il suo porto (secoli XIV—XV)* In: Shagrir I., Ellenblum R., Riley-Smith J. (eds.). *In laudem Hierosolymitani: studies in crusades and Medieval culture in honour of B.Z. Kedar*. Burlington: Ashgate Publishing Company, 447—455.
- Balard M. 2012. *La défense de la Gazarie Génoise*. *Bulgraia mediaevalis* 1, 217—226.
- Balard M. 2017. *Gênes et la mer / Genova e il mare*. Genova: Società Ligure di storia Patria.
- Balletto L. 2011. Con una navis Genovese da Caffa a Pera e a Chio. *Bulgraia mediaevalis* 1, 215—246.
- Balletto L. 2014. Caffa 1344: una carta inedita del notaio Nicolò Beltrame. *Bulgraia mediaevalis* 1, 137—194.
- Bartulović Ž., Aflić M. 2018. *Sailor's service from Medieval times to Modern maritime law our convention*. *Pomorski zbornik* LV, 167—182.
- Billion Ph. 2011. *Graphische Zeichen auf mittelalterlichen Portolankarte. Ursprünge, Produktion und Rezeption bis 1440*. Marburg: Tectum.
- Borghesi V. 1976. *Il Mediterraneo tra due rivoluzioni nautiche (secoli XIV—XVII)*. Firenze: La Nuova Italia.
- D'Agostino M., Medas S. 2003. Excavation and recording of the medieval halls at San Marco in Bocalama (Venice). *Institute of nautical archaeology quarterly* XXX, 1, 22—28.
- D'Agostino M., Medas S. 2006. I relitti di San Marco in Bocalama. *Navis* III, 59—67.
- Debanna A. 2011. *Lo compass de navegare: edizione del Codice Hamilton 396 con commento linguistico e glossario*. Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien: P.I.E. Peter Lang.
- Du Cange Ch. 1688a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Vol. I. Lugduni: Apud Amissionis.

- Du Cange Ch. 1688b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Vol. II. Lugduni: Apud Amissionis.
- Du Cange Ch. 1883a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. I. Niort: L. Favre.
- Du Cange Ch. 1883b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. II. Niort: L. Favre.
- Du Cange Ch. 1884. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. III. Niort: L. Favre.
- Du Cange Ch. 1885a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. IV. Niort: L. Favre.
- Du Cange Ch. 1885b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. V. Niort: L. Favre.
- Du Cange Ch. 1886a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. VI. O—Q. Niort: L. Favre.
- Du Cange Ch. 1886b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. VII. R—S. Niort: L. Favre.
- Du Cange Ch. 1887. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. VIII. T—Z. Niort: L. Favre.
- Feind R. 2010. *Byzantinische Monogramme und Eigennamen*. [Regenstauf]: Gietl & Battenberg.
- Garnet J., Rosser G. 2013. *Spectacular miracles. Transforming images in Italy from the Renaissance to the Present*. London: Reaction books.
- Goldstein B.R. 1985. *The astronomy of Levi ben Gerson (1288—1344)*. New York; Berlin; Heidelberg: Springer.
- heraldica.hypotheses.org: 1: Bergshammar armorial online! URL: <https://heraldica.hypotheses.org/6178> (дата обращения 01.11.2019).
- Jal A. 1848. *Glossaire nautique. Répertoire polyglotte de terms de marine anciens et modernes*. Paris: Firmin Didot.
- Kern A. 1938. Johannes, archiepiscopus Sultaniensis. *Libellus de notitia orbis*. *Archivum fratrum praedicatorum* VIII, 95—123.
- Kisslinger E. 2016. Von schlechteren und besseren Lagen. Häfen zu Konstantinopel. In: Falko D. (Hrsg.). *Die byzantinischen Häfen Konstantinopels*. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 9—16.
- Külzer A. 2016. Der Theodosios-Hafen in Yenikapi, Istanbul. In: Falko D. (Hrsg.). *Die byzantinischen Häfen Konstantinopels*. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 35—50.
- Lacarra M.J., del Carmen Lacarra Ducay M., Montaner A. 1999. *Libro del conocimiento de todos los rregnos et tierras et señorios que son por el mundo, et las señales et armas que han*. Zaragoza: Inst. «Fernando el Católico».
- Lane F.C. 1973. *Venetian seamen in the Nautical Revolution of the Middle Ages*. Florence: Casa editrice “L. Olschki”.
- Lane F.C. 1983. *Le navi di Venezia fra i secoli XIII e XVI*. Torino: Einaudi.
- Long P.O., McGee D., Stahl A. 2009. *The book of Michael of Rhodes. A fifteenth century maritime manuscript*. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology.
- Marino N.F. 1999. *El libro del conocimiento de todos los reinos*. Tempe, Arizona: Arizona center for Medieval and Renaissance studies.
- Martin L.R. 2001. *The art and archaeology of Venetian ships and boats*. London: Chatan Publications.
- Meier D. 2009. *Seefarers, merchants and pirates in the Middle Ages*. Woodbridge: Bydell Press.
- Mollat du Jourdin M. 1993. *Europe and the sea (making of Europe)*. Oxford; Cambridge, Massachusetts: Blackwell.
- Musarra A. 2017. La marina da Guerra Genovese nel tardo medioevo. In cerca un modello. *Rivista universitaria de historia militae*. Vol. VI. No. 11, 79—108.
- Mussi R. 2005. Lomellini, Carlo. *Dizionario biografico degli italiani* LXV.
- Nuti G. 1992. Doria, Lamba. *Dizionario biografico degli italiani* XLI.
- Ortega Villoslada A. 2008. La cocca en il intercambio mercante Atlántico — Mediterráneo. *Anuario de estudios medievales*. Vol. XXXVIII. No. 1, 429—444.
- Pistarino G. 1990. *Cristoforo Colombo: l'enigma del criptogramma*. Genova: Accademia Ligure di Scienze e Lettere.
- Pryor J.H. 1988. *Geography, technology, and war: studies in the maritime history of the Mediterranean, 649—1571*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sauli L. 1838. Imposicio Officii Gazariae. *Monumenta historiae patriae* II, 306—430.
- Skrzinska E. 1928. Inscriptions latines des colonies Génoises en Crimée. *Atti della società Ligure di storia patria* LVI.
- Stemmario.it: 1: Libro d'Oro. URL: <http://Stemmario.it> (дата обращения 01.11.2019).
- stephanus.tlg.uci.edu: 1: Thesaurus linguae graecae. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/tlg.php> (дата обращения 01.11.2019).
- Tangheroni M. 1996. *Commercio e navigazione nel Medioevo*. Bari: Laterza.

- Thomov Th. 2015. *Maritime ex-voto graffito from the church of Hagia Sophia, Constantinople. Byzantinoslavica*. Vol. LXXIII. Iss.1—2, 57—74.
- Tracher J.B. 1903a. *Christopher Columbus*. Vol. I. New York; London: Puttman's.
- Tracher J.B. 1903b. *Christopher Columbus*. Vol. II. New York; London: Puttman's.
- Zuckerman C. 2015. On the byzantine dromon. *Revue des études byzantines* LXXIII, 57—98.

References

- Adaksina, S.B., Kirilko, V.P., Myts, V.L. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2003 g. (Report on Archaeological Research of the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava) in 2003)*. Sanit Petersburg; Simferopol: "Gosudarstvenniy Ermitazh" Publ. (in Russian).
- Val'kov, D.V. 2015. *Genuezskaya epigrafika Kryma (Genoese Epigraphy of the Crimea)*. Moscow: "Universitet Dmitriya Pozharskogo" (in Russian).
- Emanov, A.G. 2020. In *Elektronniy nauchno-obrazovatel'niy zhurnal "Istoriya" (The Journal of Education and Science "History")* 10(1) (in print) (in Russian).
- Karpov, S.P. 2018. *Akty genuezskikh notariyev, sostavlenyye v Kaffe i v drugikh gorodakh Prichernomor'ya v XIV—XV vv. (Acts of the Genoese Notaries drawn up in Caffa and in other Cities of the Black Sea in the 14th — 15th Centuries)*. Saint Petersburg: "Aleteyia" Publ. (Black Sea in the Middle Ages. Iss. X) (in Russian).
- Karpov, S.P. 1994. *Putyami srednevekovykh morekhodov: chernomorskaya navigatsiya Venetsianskoy respubliki v XIV—XV vv. (By the Ways of Medieval Sailors: the Black Sea Navigation of the Venetian Republic in the 14th — 15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Karpov, S.P. 1998. In: Karpov, S.P. (ed.). *Prichernomor'ye v Sredniye veka (Black Sea in the Middle Ages)*. Iss. III. Saint Petersburg: "Aleteyia" Publ., 9—81 (in Russian).
- Konovalova, I.G. 2009. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII—XIV vv. (Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th — 14th Centuries)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
- Myts, V.L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v (Caffa and Theodoro in the 15th Century)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Romanchuk, A.I. 2008. *Issledovaniya Khersonesa—Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy (Investigations of Chersonesos—Cherson. Excavations. Hypothesis. Problems)*. Vol. 2. *Vizantiyskiy gorod (Byzantine City)*. Tyumen: "TyumGU" (in Russian).
- Seliverstov, D.A. 2011. In: Mirgaleyev, I.M. (ed.). *Voyennoye delo Zolotoy Ordyy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo zolotoordynskogo foruma (Kazan', 30 marta 2011 g.) (Warfare of the Golden Horde: Problems and Prospects of Study. Materials of the Round Table held as Part of the International Golden Horde Forum (Kazan, March 30, 2011))*. Kazan: "OOO «Foliant»", 183—193 (in Russian).
- Agosto, A. 1977. Due lettere inedite sugli eventi di Cembalo e di Solcati in Crimea nel 1434. *Atti della società Ligure di storia patria* XVII, 509—517.
- Andreescu, Ș. 2005. *Izvoare noi cu privire la istoria Mării Negre*. București: "Institutul cultural Român".
- Babuin, A. 2001. Standards and insignia of Byzantium. *Byzantion. Revue internationale des études byzantines*. T. LXXI. Fasc. 1, 5—59.
- Babuin, A., Nakas, Y. 2011. Byzantine ship graffiti from church of Prophitis Elias in Tessaloniki. *Skyllis*. Vol. 11. Ht. 1, 8—17.
- Balard, M. 1973. *Gênes et l'Ostre-mer*. T. I. *Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289—1290*. Paris; La Haye: "Mouton & CO" Publ.
- Balard, M. 1978. La Romanie Génoise (XII — début du XV siècle). *Atti della società Ligure di storia patria. Nuova Serie*. Vol. XVIII(XCII). Fasc. 1.
- Balard, M. 2007. *Caffa e il suo porto (secoli XIV—XV)* In: Shagrir, I., Ellenblum, R., Riley-Smith, J. (eds.). *In laudem Hierosolymitani: studies in crusades and Medieval culture in honour of B.Z. Kedar*. Burlington: "Ashgate Publishing Company" Publ., 447—455.
- Balard, M. 2012. La defense de la Gazarie Génoise. *Bulgraia mediaevalis* 1, 217—226.
- Balard, M. 2017. *Gênes et la mer / Genova e il mare*. Genova: "Società Ligure di storia Patria" Publ.
- Balletto, L. 2011. Con una navis Genovese da Caffa a Pera e a Chio. *Bulgraia mediaevalis* 1, 215—246.

- Balletto, L. 2014. Caffa 1344: una carta inedita del notaio Nicolò Beltrame. *Bulgraia mediaevalis* 1, 137—194.
- Bartulović, Ž., Aflić, M. 2018. *Sailor's service from Medieval times to Modern maritime labour convention*. *Pomorski zbornik* LV, 167—182.
- Billion, Ph. 2011. *Graphische Zeichen auf mittelalterlichen Portolankarte. Ursprünge, Produktion und Rezeption bis 1440*. Marburg: "Tectum" Publ.
- Borghesi, V. 1976. *Il Mediterraneo tra due rivoluzioni nautiche (secoli XIV—XVII)*. Firenze: "La Nuova Italia" Publ.
- D'Agostino, M., Medas, S. 2003. Excavation and recording of the medieval halls at San Marco in Boccalama (Venice). *Institute of nautical archaeology quarterly* XXX, 1, 22—28.
- D'Agostino, M., Medas, S. 2006. I relitti di San Marco in Boccalama. *Navis* III, 59—67.
- Debanna, A. 2011. *Lo compass de navegare: edizione del Codice Hamilton 396 con commento linguistico e glossario*. Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien: "P.I.E. Peter Lang" Publ.
- Du Cange, Ch. 1688a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Vol. I. Lugduni: "Apud Amissionis" Publ.
- Du Cange, Ch. 1688b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Vol. II. Lugduni: "Apud Amissionis" Publ.
- Du Cange, Ch. 1883a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. I. Niort: "L. Favre" Publ.
- Du Cange, Ch. 1883b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. II. Niort: "L. Favre" Publ.
- Du Cange, Ch. 1884. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. III. Niort: "L. Favre" Publ.
- Du Cange, Ch. 1885a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. IV. Niort: "L. Favre" Publ.
- Du Cange, Ch. 1885b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. V. Niort: "L. Favre" Publ.
- Du Cange, Ch. 1886a. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. VI. O—Q. Niort: "L. Favre" Publ.
- Du Cange, Ch. 1886b. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. VII. R—S. Niort: "L. Favre" Publ.
- Du Cange, Ch. 1887. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*. T. VIII. T—Z. Niort: "L. Favre" Publ.
- Feind, R. 2010. *Byzantinische Monogramme und Eigennamen*. [Regenstauf]: "Gietl & Battenberg" Publ.
- Garnet, J., Rosser, G. 2013. *Spectacular miracles. Transforming images in Italy from the Renaissance to the Present*. London: "Reaction books" Publ.
- Goldstein, B.R. 1985. *The astronomy of Levi ben Gerson (1288—1344)*. New York; Berlin; Heidelberg: "Springer" Publ.
- heraldica.hypotheses.org: 1: Bergshammar armorial online! Available at: <https://heraldica.hypotheses.org/6178> (accessed 01.11.2019).
- Jal, A. 1848. *Glossaire nautique. Répertoire polyglotte de terms de marine anciens et modernes*. Paris: "Firmin Didot" Publ.
- Kern, A. 1938. Johannes, archiepiscopus Sultaniensis. Libellus de notitia orbis. *Archivum fratrum praedicatorum* VIII, 95—123.
- Kisslinger, E. 2016. Von schlechteren und besseren Lagen. Häfen zu Konstantinopel. In: Falko, D. (Hrsg.). *Die byzantinischen Häfen Konstantinopels*. Mainz: "Römisch-Germanischen Zentralmuseum", 9—16.
- Külzer, A. 2016. Der Theodosios-Hafen in Yenikapi, Istanbul. In: Falko, D. (Hrsg.). *Die byzantinischen Häfen Konstantinopels*. Mainz: "Römisch-Germanischen Zentralmuseum", 35—50.
- Lacarra, M.J., del Carmen Lacarra Ducay, M., Montaner, A. 1999. *Libro del conocimiento de todos los rregnos et tierras et señorios que son por el mundo, et las señales et armas que han*. Zaragoza: "Inst. «Fernando el Católico»".
- Lane, F.C. 1973. *Venetian seamen in the Nautical Revolution of the Middle Ages*. Florence: "Casa editrice «L. Olschki»" Publ.
- Lane, F.C. 1983. *Le navi di Venezia fra i secoli XIII e XVI*. Torino: "Einaudi" Publ.
- Long, P.O., McGee, D., Stahl, A. 2009. *The book of Michael of Rhodes. A fifteenth century maritime manuscript*. Cambridge, Massachusetts: "Massachusetts Institute of Technology".
- Marino, N.F. 1999. *El libro del conocimiento de todos los reinos*. Tempe, Arizona: "Arizona center for Medieval and Renaissance studies".
- Martin, L.R. 2001. *The art and archaeology of Venetian ships and boats*. London: "Chatan Publications" Publ.
- Meier, D. 2009. *Seefarers, merchants and pirates in the Middle Ages*. Woodbridge: "Bydell Press" Publ.

- Mollat du Jourdin, M. 1993. *Europe and the sea (making of Europe)*. Oxford; Cambridge, Massachusetts: "Blackwell" Publ.
- Musarra, A. 2017. La marina da Guerra Genovese nel tardo medioevo. In cerca un modello. *Rivista universitaria de historia militae*. Vol. VI. No. 11, 79—108.
- Mussi, R. 2005. Lomellini, Carlo. *Dizionario biografico degli italiani* LXV.
- Nuti, G. 1992. Doria, Lamba. *Dizionario biografico degli italiani* XLI.
- Ortega Villoslada, A. 2008. La cocca en il intercambio mercante Atlántico — Mediterráneo. *Anuario de estudios medievales*. Vol. XXXVIII. No. 1, 429—444.
- Pistarino, G. 1990. *Cristoforo Colombo: l'enigma del criptogramma*. Genova: "Accademia Ligure di Scienze e Lettere".
- Pryor, J.H. 1988. *Geography, technology, and war: studies in the maritime history of the Mediterranean, 649—1571*. Cambridge: "Cambridge University Press" Publ.
- Sauli, L. 1838. Imposicio Officii Gazariae. *Monumenta historiae patriae* II, 306—430.
- Skrzinska, E. 1928. Inscriptions latines des colonies Génoises en Crimée. *Atti della società Ligure di storia patria* LVI.
- Stemmario.it: 1: Libro d'Oro. Available at: <http://Stemmario.it> (accessed 01.11.2019).
- stephanus.tlg.uci.edu: 1: Thesaurus linguae graecae. Available at: <http://stephanus.tlg.uci.edu/tlg.php> (accessed 01.11.2019).
- Tangheroni, M. 1996. *Commercio e navigazione nel Medioevo*. Bari: "Laterza" Publ.
- Thomov, Th. 2015. *Maritime ex-voto graffito from the church of Hagia Sophia, Constantinople. Byzantinoslavica*. Vol. LXXIII. Iss.1—2, 57—74.
- Tracher, J.B. 1903a. *Christopher Columbus*. Vol. I. New York; London: "Puttman's" Publ.
- Tracher, J.B. 1903b. *Christopher Columbus*. Vol. II. New York; London: "Puttman's" Publ.
- Zuckerman, C. 2015. On the byzantine dromon. *Revue des études byzantines* LXXIII, 57—98.

УДК 82.091

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00015

А.В. Богатырев

**ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА АССИРИЙЦЕВ:
РЕДКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХ ВОЙСК
В ПОХВАЛЕ ЯНУ III СОБЕСКОМУ***

Восславляя военные подвиги новоизбранного польского короля Яна III Собеского, авторы адресованного ему «слова», переведенного на русский язык, связали побежденные поляками отряды «неверных» турок и крымских татар с выходцами с территорий Ассирии и Фригии, разгромленных древними греками. Выявляются истоки такого уподобления, приводятся параллели в карьере нового польского монарха, примеры из польской и русской литератур, говорящие о необычности для творчества писателей XVII столетия обозначения мусульман-завоевателей ассирийцами и фригийцами.

Ключевые слова: народ в литературном зеркале, турки, татары, поляки, Речь Посполитая, 1674 г., апология Яна III Собеского и его предков, В.М. Тяпкин.

Сведения об авторе: Богатырев Арсений Владимирович, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: 445000, Россия, г. Тольятти; e-mail: sob1676@yandex.ru.

A.V. Bogatyrev

**TROJAN WAR AND THE ASSYRIAN PEOPLE:
RARE DESIGNATION OF TURKISH-TATAR TROOPS
IN PRAISE OF JAN III SOBIESKI**

Glorifying the Military Exploits of the Newly Elected Polish King, the Authors of the "Praise" addressed to him, which was Later Translated into Russian, tied the Pole-defeated Detachments of the "Infidel" Turks and Crimean Tatars to People from the Territories of Assyria and Phrygia defeated by the Ancient Greeks. The Sources of this Assimilation are Revealed, Parallels with the Career of the New Polish Monarch are given, with Examples in Polish and Russian Literature showing the unusual comparison of Muslim Conquerors with Phrygian for the Works of the 17th Century Writers designations of Muslim Conquerors by Assyrians and Phrygians.

Key words: image of the people in literature, Turks, Tatars, Poles, Rzeczpospolita, 1674, apology of Jan III Sobieski and his family, V.M. Tyapkin.

About the author: Bogatyrev Arseniy Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher.

Contact information: 445000, Russia, Tolyatti; e-mail: sob1676@yandex.ru.

Турецко-крымское нашествие 1672—1676 гг., встреченное Польско-Литовским государством, вдохнуло новую жизнь в жанр героической литературы, воспевающей победы воинов—христиан. Завоевателей зачастую изображали в нелюбимом виде, сравнивали с

Статья поступила в номер 1 декабря 2019 г.

Принята к печати 27 декабря 2019 г.

животными, членистоногими, грибами (Potocki, Lipski 1850: 284, 300, 413; Krzyżanowski, Adalberg 1970: 297; Pasek 1857: 304; Ryba 2014: 16, 19 etc.). Два любопытных сопоставления «географического» характера попались нам на глаза в отчетной документации российского постоянного представительства в Речи Посполитой Василия Михайловича Тяпкина. Он заслуживает нескольких слов о себе (Богатырев 2018: 30—34) — знал толк в дипломатических делах, имел опыт общения с поляками, ездил по поручению Москвы в Турцию. Когда возникла идея сделать Варшаву местом пребывания резидента его царского величества, данную должность заполучил именно Тяпкин (в этом качестве служил с 1673/1674 по 1677 гг.). Довольно образованный по тогдашним меркам человек, «московит» обладал талантом отыскивать нужные сведения, которые затем переправлял своему начальству в Россию (Богатырев 2020). Как раз к этому случаю имеет отношение образец письменности, о котором пойдет речь далее.

Польско-Литовское государство было, как известно, своеобразной «республикой», поэтому правителей в нем избирали. Бескорольеве после кончины Михаила Вишневецкого (1669—1673) увенчалось восшествием на трон бывшего коронного гетмана Яна Собеского (1674—1696) (на престоле под именем Яна III). Согласно обычаю, новоиспеченный государь обязан был принести клятву верности Речи Посполитой. Это произошло сразу после «элекции» (выборов) в 1674 г. в варшавском костеле св. Иоанна Предтечи. По торжественному случаю оказалось написано похвальное слово, которое и попало «в прицел» нашего исследовательского интереса.

Текст под заголовком «Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну, королю полскому, Андрей Требицкой, бискуп Краковской, Ян Генбицкой, бискуп Плоцкой, с товарищи при присяге королевской в нынешнем... году...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 28—35об.) представляет собой «переклад» польского «хвалебного» сочинения. Повествует оно о славной семейной традиции и громких удачах Яна III, отличившегося борьбой против османов и крымских татар. Провозглашается одна из побед монарха, гетманом одолевшего неприятеля в Хотинском сражении 1673 г., пожелавшего «перед пехотными полки к валу прийти и приступити...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 32), тем самым покорив захваченные «неверными» укрепления Хотина. Битва попала под пристальное внимание авторов как «виктория» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30об.), «в которые время... паши убиты...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 32—32об.). Создатели панегирика особо подчеркнули: «Обоз со всем народом (нарядом?) и уготовлением ассирийским и фригийским, а с сим делом разграблен и взят славной Хотимской замок, мост чрез Днестр и на обоих странах сильные наподобие замков крепости побед быша...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 32об.).

Пассаж с «ассирийским» воинством, безусловно, оправдан с географической точки зрения — осколки бывшей Ассирийской державы оказались в составе тогдашней Османской империи. На это, если исходить из опубликованных материалов, прежде всех обратил внимание проповедник, писатель и общественный деятель XVI столетия Станислав Ожеховский (Ореховский): «Ибо турок как Ассирией, также и Вавилонией... сегодня владеет...» (Orzechowski 1855: 106). Мотив был продолжен в «некрологе» военачальника Стефана Хмелецкого (ум. 1630 г.), подобно Юдифи, обезглавившей «ассирийского гетмана» Олоферна, бросившего голову сына татарского полководца Кантемир-мурзы к ногам польского монарха (Birkowski 1842: 107). История Юдифи была довольно востребована, охотно включалась в репертуар придворных театральных постановок (Osiecka-Samsonowicz 2003: 121). В связи с турками фигура могучего Олоферна, порабощавшего народы и государства, появляется у Станислава Освенцима (Oświęcim 1907: 164).

В России турок и татар к ассирийцам приравнивал в своей «Истории» А. Лызлов (1692 г.) (Лызлов), чуть раньше знаменитый проповедник XVII в. Симеон Полоцкий вопрошал: «Или Ассирийское где есть ныне царство?» (Киселева 2011: 192). В военном отношении на эпизод с Ассирией указал царям Иоанну и Петру патриарх Досифей II, напоминая письмом 1693 г. о помощи высших сил в вооруженном конфликте: «И тако изыде Ангел Господень и убил от ополчения ассирийскаго 122 тысячи...» (Каптерев 1891). Послание было написано в момент «затишья» русско-турецкой войны 1686—1700 гг., снова начавшей разгораться от 1694 г.

Непросто обстоит дело с «фригийской» частью изучаемого отрывка. С одной стороны, если речь идет о турках, то и здесь географическая трактовка вполне приемлема — опять-таки, бывшие фригийские владения в области Анатолия перешли к Порте (Аксененко, Керим-Заде 1990: 264, 272). Писал об этом и Иннокентий Гизель, чьему перу приписывают «Киевский синопсис» 1674 г., отзывавшийся о Фригии как об одной из «провинций» Оманской империи (Сапожников, Сапожникова 2006: 53). Имеется здесь интересный нюанс. Многие говорят в пользу того, что фригийцы оказались упомянуты вместе с турками и по еще одной причине. Есть тут отсылка к случившейся на фригийских территориях Троянской войне, в перипетиях которой польские книгоучи неплохо разбирались. «Золотым яблоком» (в связи с державой, символом власти), сыгравшим роковую роль в легенде о Трое, называли европейские просторы, желанную цель Высокой Порты. Памятуя также о том, что мы сталкиваемся с османским имперским мифом, приведем слова блестящего польского оратора Петра Скарги, сокрушавшегося о нашествии турок: «На... яблоко златое королевства их, яко на... дуб, с которого листья опали...» (Skarga 1857: 55). Троянские «напевы» аккомпанируют деятельности Яна Собеского (Wójcik 1983: 442), в польской словесности становятся заметны в XV в. — всплывает имя Аякса и троянцев-турок (Zabłocki 1976: 80). Возрождается малоазийский город-государство в творчестве Миколая Рея и Яна Кохановского, интеллектуальных «флагманов» XVI столетия.

Если же искать «исходный пункт» именно для литературной мысли, близкой во временном отношении к «Записи», то в 1638 г. на польском языке были известны «Метаморфозы» Публия Овидия Назона, содержащие, конечно, и строки о фригийцах (Owidiusz 1638: 472). Скорбя по герою Речи Посполитой Стефану Чарнецкому (1666 г.), Ян Хризостом Пасэк упоминает храбреца эпохи Троянской войны Протесилая, который, «не жалея крови и здоровья своего, был убит войском фригийским...» (Pasek 1857: 231). Правда, подразумевалась несколько иная ситуация: Чарнецкий скончался от ранения, полученного при взятии на украинских землях мятежной крепости Ставище (Kersten 1963: 515). Выходит, под «фригийцами» скрывались «малороссийские» повстанцы

Сами поляки больше ассоциировали себя не с троянцами-фригийцами, а с греками. Метафорой победоносного действия стала фраза «на троянском коне» (Sikorski 1990: 390), о троянцах же вспоминали в негативном контексте. Пьяного удалца, к примеру, сравнивали с сыном троянского царя «фригийцем» Гектором (Paprocki 1858: 148). В тогдашней Польше помнили историю владыки Фригии Мидаса (Chrzanowski 1905: 238), глупость которого привела к известному уродству, к появлению выражения о чем-то опрометчивом и постыдном — «ослиные уши Мидаса». Клеймя турок позором за бегство (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 31), творцы «Записи» подчеркивают недалекость тех, кто «в тесном местечке со многими ратьми заперся» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 31).

Попытавшись «разрубить» фригийский узел, Ян Собеский словно бы примерил на себя маску одного из выдающихся полководцев древности — Александра Македонского, чьи достижения были, что называется, на слуху у поляков—интеллектуалов (Ślęczka 2003: 162).

Его явно выделяли из числа других исторических личностей, наделяя мужеством, храбростью и прочими добродетелями (Ślęczka 2003: 44, 100, 186). В нашей «Записи» Собескому, которого ставили вровень с отпрыском Флиппа II (Targosz 1991: 341; Potocki 1996: 117), также приписывается «воинская», «удивительная мужеская сила», которая «над гражданы превознесла...» «храброго воина» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 29об., 30). Мистицизм Александра, его вера в астрологию и судьбу (Modrzewski 1857: 40) находят выражение и в нашем тексте (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30, 32, 34). Хотинская баталия «предвозвешение сотворила и благодным знаменiem ... королевскому имени сопричелся, устроила к короне приход...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30об.). Подобно ученику Аристотеля, Собеский принимает личное участие в сражениях. Он «сторожи обходит...», чтобы «становища уставливать, наряд вои[н]ско[и] сам досматриват[ь]...», а в разгар сражения «первыи на ограду градцкую возшел...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 32, 32об.). Осада занимала отдельное место в военных талантах Александра, по чьим стопам пошел Ян III, победив «воев з голоду и слотою (непогодой. — А. Б.)... до трех дней стоянием утомленных...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 32).

Несмотря на легко распознаваемый античный «исток», использование фригийского элемента в «Записи» больше напоминает сюжет из сочинения польского духовного автора XV в. Адама Свинки. Посвящая строки деяниям богатыря-поляка Завиши Черного, бывшего османов в походах Сигизмунда Люксембургского, Свинка сравнивает турок с фригийцами, приводя и иное наименование этого народа—Teucros (Zabłocki 1976: 80). Завиша погиб в плену, схваченный «неверными», что пересекается с судьбой другого исторического персонажа, брата новоизбранного польского короля. Его доле уделено место в «Записи»: Марек Собеский, «которой исбиену... от варвар у Батара...», оказался в положении узника, «аще и беслучай убежания, однакож лутче изволил ум[е]рет[ь] над крепкими мужами...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 34). Все это, безусловно, приближает апологию Яна Собеского к «орации» XV столетия, с той, правда, оговоркой, что последнее является эпитафией. Разбираемому же нами труду, напротив, присущ приподнятый стиль героического эпоса, Ян III «от обозу к королевскому престолу тем славнее прешел...», «багрянице нынешней блистания придал...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 33, 34).

Немного новых «черточек» к обозначению «фригийским». Как и в случае «ассирийцев», сравнение прилагалось к разным ситуациям. Например, когда дни Яна III уже были сочтены, «фригийцы» вновь появляются вместе с французским дипломатом Мельхиором де Полиньяком, развившим в Речи Посполитой бурную активность. Однако теперь речь ведется о самих поляках, которым грозят несчастья (Przydatek do historyi 1835: 126). Итак, несмотря на троянские мотивы периода польско-турецкой войны (Potocki, Lipski 1850: 302, 304), прозвание «фригийцы» в литературном творчестве Речи Посполитой за турками и татарами, насколько можем судить, не закрепилось. Хотя Собеский еще полковником участвовал в коллизиях времен Богдана Хмельницкого (Sadzewicz 1972: 28, 173), фригийским «родством» в нашем тексте, как мы уже убедились, наделялись отнюдь не украинцы. Тем не менее, без украинского «следа» не обошлось и в «Записи» — «год преславные над казаками и татарами, вместе соединенными, Собеские победы назнаменоваша, отняв от неприятеля казака города и страну великую Брянславскую...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 31об.).

Развернемся к русской литературной культуре, вероятно, более близкой переводчику «Записи». Здесь «фригийский» сюжет вполне распознается, особенно важна «Повесть» о взятии Царьграда турками в 1453 г. Рассказывая о поиске места для будущей столицы Византии, «сказитель» касается предания об императоре Константине, которому приглянулись площади прежней Трои, «идеже и всемирная победа бысть Грекам на Фряги

(фригийцы)...» (Орлов 1944: 102). Это, естественно, не прямое объединение уроженцев Фригии и турок, но далее обнажается мотив змеи, символа «басурманства». Очевидно, строка в русском источнике имеет один «корень» с польским изречением о фригийцах — предание о Троянской войне, в разной степени известное начитанным полякам и россиянам (Лурье 1963: 270, 272). Ясно, что в российской традиции под «фригийцами» разумели иноземцев, чужестранцев, людей иной веры и, в конечном итоге, недругов. Между прочим, «чужие» вызывают негодование и у авторов «Записи»: счастливая судьба раньше «иноземцом нежели своим сприяствовала...», но отныне «обратила оттуду мысль к жителем и на вложенное под знаком таинства безчестие, яко невозмогут короли полские, токмо иноземцы...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 29—29об.). К слову, мусульман (крымцев) в изучаемом тексте приравнивают не только к ассирийцам и фригийцам, но и к скифам — польский воитель «крепость скифскую... стер» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 31об.). Схожие взгляды исповедовали Миколай Розембарский (Kowalska-Urbankowa 1993: 27—29) и Мацей (Матвей) Стрыйковский, ставивший скифов и татар рядом (Strykowski 1582: 105).

Акцентируем: фригийцами, фрягами в русских памятниках запросто именовали «латинян», приверженцев католицизма (ПСРЛ 2000: 679). Их нередко наделяли порочными склонностями («златолюбивый» фригийский царь (Буланин 1991: 342)), с отрицательной «окраской» использовал в переписке с А. Курбским уподобление фригийцам Иван IV. Развивая тему нечестивых занятий, царь упомянул фригийские «пляскания» и «пискания» (ПИГАК 1993: 83). Грех приводит к гибели, и вот в одном древнерусском сочинении говорится о богатой стране фригийской, которую за ее прегрешения ожидала горькая участь (Порфирьев 1890: 436).

Нет сомнений, именно на нее намекали и создатели «Записи», похожий смысл сопровождает явление «фригийцев» в анализируемом архивном материале. Дело в том, что в польском языке того времени укоренились представления о троянском (фригийском) как о несущем печать катастрофы. «Дабы... не остал[а]ся Троя пустыми и разоренными полями...» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164. Л. 64), — читаем уже в другом месте у Тяпкина. Из уст в уста передавалась легенда о царе Крезе, не только лидийском, но и фригийском правителе, и его страшном конце (Skwara 1999: 365). Назиданием потомкам звучала история «фрига» Тантала (Krzyżanowski, Żukowska-Billip 1960: 268; Pelc 1969: 309), обреченного на невыносимые муки: стоя по горло в воде, он мучился от жажды и голода, не способный дотянуться до нависших над ним веток с плодами. «Золотое яблоко», благодаря Яну Собескому, так и осталось недоступно туркам, чье наступление было тяжелым испытанием «всем мимошедшаго мира монархиям» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 30об.).

Перед нами «полотно», сотканное из «волокон» разных культурных веяний, представлений, мироощущений. Анализ источников показал, что формулировка с Ассирией имела первоосновой библейский текст, фригийская же компонента выступает в качестве заимствования из области древнегреческого наследия, разбавленного позднейшими обработками. Имея предшественников в XV—XVI столетиях, создатели «Записи» сумели вписать фригийцев—турок в литературный дискурс своего, XVII века. Исследованные нами характеристики «поганных» ратей в целом находились в русле и польского, и, отчасти, российского мировоззрения. «Ассирийский» и «фригийский» сопутствовали славной деятельности «рыцарей» Речи Посполитой, сражавшихся с врагами на благо польского «Лехистана». Видится вполне закономерным приложение их к личности не менее заслуженного полководца и «истребителя» турок Яна Собеского. Именно в посвященном ему словесном «витийстве» эти два обозначения турецко-татарских орд слились воедино.

Литература

- Аксененко А.Г., Керим-Заде Р.И. 1990. *Турецкая республика*. Москва: Наука; Главная редакция восточной литературы.
- Богатырев А.В. 2018. Благодетель первого русского резидента в Речи Посполитой. *Гуманитарные и юридические исследования* 2, 30—34.
- Богатырев А.В. 2020. Русский текст «*rapta conventa*» Яна III Собеского и его польский первоисточник. *ГДЛ*. Сб. 19 (в печати).
- Буланин Д.М. 1991. *Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв.* München: Sagner.
- Каптерев Н.Ф. 1891. *Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707 гг.)*. Москва: Типография А.И. Снегиревой.
- Киселева М.С. 2011. *Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII вв.* Москва: Прогресс-Традиция.
- Лихачев Д.С., Лурье Я.С., Рыков Ю.Д. 1993. *ПИГАК*. Москва: Наука.
- Лурье Я.С. 1963. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. *ТОДРЛ* 19, 262—288.
- Лызлов А. 1990. *Скифская история*. Москва: Наука (Памятники исторической мысли).
- Орлов А.С. 1944. *Героические темы древней русской литературы*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Порфирьев И.Я. 1890. *Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, по рукописям Соловецкой библиотеки*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.
- ПСРЛ. 2000. Т. 3. *Новгородская первая летопись*. Москва: Языки русской культуры.
- РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163.
- РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164.
- Сапожников О.Я., Сапожникова И.Ю. 2006. *Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674)*. Москва: Европа.
- Birkowski F. 1842. Stefan Chmielecki, abonagrobek Jaśnie Wielmożnego Pana, Jego Mości P. Stephana Chmieleckiego, wojewody kijowskiego. In: *Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich, XVII wieku*. Lwów: Piotr Piller, 104—120.
- Chrzanowski I. 1905. Cztery rozdziały ze studyum o Marcinie Bielskim. In: *Z wieku Mikołaja Reja*. Warszawa: Gebethner, 150—323.
- Kersten A. 1963. *Stefan Czarniecki 1599—1665*. Warszawa: Ministerstwo Obrony Narodowej.
- Kowalska-Urbankowa Z. 1993. *Mikołaja Rozembarskiego traktat z roku 1499 o pochodzeniu Tatarów: studium krytyczne i edycja traktatu*. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Krzyżanowski J., Adalberg S. 1970. *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. T. 2. (K—P). Warszawa: PIW.
- Krzyżanowski J., Żukowska-Billip K. (oprac.). 1960. *Dawna facecja polska XVI—XVIII w.* Warszawa: PIW.
- Modrzewski A.F. 1857. *O poprawie Rzeczypospolitej*. Przemyśl: Michał Dzikowski.
- Orzechowski S. 1855. *Mowy*. Sanok: Karol Pollak.
- Osiecka-Samsonowicz H. 2003. *Agostino Locci (1601 — po 1660) — scenograf i architect na dworze królewskim w Polsce*. Warszawa: Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk.
- Oświęcim S. 1907. *Dyaryusz 1643—1651*. Kraków: Komisja Historyczna Akademii Umiejętności.
- Owidiusz 1638. *Księgi Metamorphoseon, to iest Przemian*. Kraków: A. Piotrkowczyk.
- Paprocki B. 1858. *Herby rycerstwa polskiego*. Kraków: Biblioteka Polska.
- Pasek J.Ch. 1857. *Pamiętnik...* Lwów: Kornel Piller.
- Pelc J. 1969. *«Treny» Jana Kochanowskiego*. Warszawa: Czytelnik.
- Potocki W., Lipski A. 1850. *Wojna chocimska*. Lwów: Ossolineum.
- Potocki W. 1996. *Muza Polska na tryumfalny wjazd najaśniejszego Jana III*. Warszawa: Instytut Badań Literackich.
- Przydatek do historii bezkrólewia po śmierci Jana III w Polsce. 1835. *KN* 1, 117—134.
- Ryba R. 2014. *Literatura staropolska wobec zjawiska niewoli tatarsko-tureckiej. Studia i szkice*. Katowice: Uniwersytet Śląski.
- Sadzewicz M. 1972. *Jan Sobieski, 1629—1696*. Warszawa: Ministerstwo Obrony Narodowej.
- Sikorski R. (red.) 1990. *Polskie tradycje wojskowe*. T. 1. Warszawa: Ministerstwo Obrony Narodowej.
- Skarga P. 1857. *Kazania sejmowe*. Kraków: Biblioteka Polska.
- Skwara M. 1999. *O dowodzeniu retorycznym w polskich drukowanych oracjach pogrzebowych XVII w.* Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.

- Strykowski M. 1582. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wŹystkiej Rusi*. Królewiec: Osterberger.
- Ślęczka T. 2003. *Aleksander Macedoński w literaturze staropolskiej*. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski.
- Targosz K. 1991. *Jan Trzeci Sobieski mecenasem nauk i uczonych*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Wójcik Z. 1983. *Jan Sobieski 1629—1696*. Warszawa: PIW.
- Zabłocki S. 1976. *Od prerenesansu do oświecenia. Z dziejów inspiracji klasycznych w literaturze polskiej*. Warszawa: PWN.

References

- Aksenenko, A.G., Kerim-Zade, R.I. 1990. *Turetskaya respublika (The Turkish Republic)*. Moscow: "Nauka" Publ.; "Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury" Publ. (in Russian).
- Bogatyrev, A.V. 2018. In *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya (Humanities and Law Studies)* 2, 30—34 (in Russian).
- Bogatyrev, A.V. 2020. In *Germenevtika drevnerusskoy literatury (Hermeneutics of ancient Russian literature)*. Iss. 19 (in Russian).
- Bulanin, D.M. 1991. *Antichnyye traditsii v drevnerusskoy literature XI—XVI vv. (Ancient Traditions in Ancient Russian literature of the 11th — 16th Centuries)*. München: "Sagner" Publ. (in Russian).
- Kapterev, N.F. 1891. *Snosheniya iyerusalimskogo patriarkha Dosifeya s russkim pravitel'stvom (1669—1707 gg.) (Relations of the Jerusalem Patriarch Dosifei with the Russian Government (1669—1707))*. Moscow: "Tipografiya A.I. Snegirevoy" (in Russian).
- Kiseleva, M.S. 2011. *Intellektual'nyy vybor Rossii vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII vv. (The Intellectual Choice of Russia in the Second Half of the 17th — Early 18th Centuries)*. Moscow: "Progress-Traditsiya" Publ. (in Russian).
- Likhachev, D.S., Lourie, Ya.S., Rykov, Yu.D. 1993. In: *Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim (Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Lourie, Ya.S. 1963. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury (Proceedings of the Department of Old Russian Literature)* 19, 262—288 (in Russian).
- Lyzlov, A. 1990. *Skifskaya istoriya (Scythian history)*. Moscow: "Nauka" Publ. (Monuments of Historical Thought) (in Russian).
- Orlov, A.S. 1944. *Geroicheskiye temy drevney russkoy literatury (Heroic Themes of Ancient Russian Literature)*. Moscow; Leningrad: "AN SSSR" (in Russian).
- Porfir'yev, I.Ya. 1890. *Apokrificheskiye skazaniya o novozavetnykh litsakh i sobyitiyakh, po rukopisyam Solovetskoy biblioteki (Apocryphal Tales of New Testament Persons and Events, according to the Manuscripts of the Solovetsky Library)*. Saint Petersburg: "Imperatorskaya Akademiya Nauk" (in Russian).
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Complete collection of Russian chronicles)*. 2000. Vol. 3. *Novgorodskaya pervaya letopis' (Novgorod First Chronicle)*. Moscow: "Yazyki russkoy kul'tury" Publ. (in Russian).
- RGADA. F. 79. Op. 1. D. 163.
- RGADA. F. 79. Op. 1. D. 164.
- Sapozhnikov, O.Ya., Sapozhnikova, I.Yu. 2006. *Mechta o russkom yedinstve. Kiyevskiy sinopsis (1674) (The Dream of Russian Unity. Kievan Synopsis (1674))*. Moscow: "Evropa" Publ. (in Russian).
- Birkowski, F. 1842. Stefan Chmielecki, abonagrobek Jaśnie Wielmożnego Pana, Jego Mości P. Stephana Chmieleckiego, wojewody kijowskiego. In: *Ukrainne sprawy. Przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich, XVII wieku*. Lwów: "Piotr Piller" Publ., 104—120.
- Chrzanowski, I. 1905. Cztery rozdziały ze studyum o Marcinie Bielskim. In: *Z wieku Mikołaja Reja*. Warszawa: "Gebethner" Publ., 150—323.
- Kersten, A. 1963. *Stefan Czarniecki 1599—1665*. Warszawa: "Ministerstwo Obrony Narodowej".
- Kowalska-Urbankowa, Z. 1993. *Mikołaja Rozembarskiego traktat z roku 1499 o pochodzeniu Tatarów: studium krytyczne i edycja traktatu*. Kraków: "Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego".
- Krzyżanowski, J., Adalberg, S. 1970. *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. T. 2. (K—P). Warszawa: "PIW" Publ.
- Krzyżanowski, J., Żukowska-Billip, K. (oprac.). 1960. *Dawna facecja polska XVI—XVIII w.* Warszawa: "PIW" Publ.
- Modrzewski, A.F. 1857. *O poprawie Rzeczypospolitej*. Przemyśl: "Michał Dzikowski" Publ.

- Orzechowski, S. 1855. *Mowy*. Sanok: “Karol Pollak” Publ.
- Osiecka-Samsonowicz, H. 2003. *Agostino Locci (1601 — po 1660) — scenograf i architect na dworze królewskim w Polsce*. Warszawa: “Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk”.
- Oświęcim, S. 1907. *Dyaryusz 1643—1651*. Kraków: “Komisja Historyczna Akademii Umiejętności”.
- Owidiusz, 1638. *Księgi Metamorphoseon, to iest Przemian*. Kraków: “A. Piotrkowczyk” Publ.
- Paprocki, B. 1858. *Herby rycerstwa polskiego*. Kraków: “Biblioteka Polska” Publ.
- Pasek, J.Ch. 1857. *Pamiętnik*. Lwów: “Kornel Piller” Publ.
- Pelc, J. 1969. *“Treny” Jana Kochanowskiego*. Warszawa: “Czytelnik” Publ.
- Potocki, W., Lipski, A. 1850. *Wojna chocimska*. Lwów: “Ossolineum” Publ.
- Potocki, W. 1996. *Muza Polska na tryumfalny wjazd najjaśniejszego Jana III*. Warszawa: “Instytut Badań Literackich”.
- Przydatek do historii bezkrólewia po śmierci Jana III w Polsce. 1835. *KN* 1, 117—134.
- Ryba, R. 2014. *Literatura staropolska wobec zjawiska niewoli tatarsko-tureckiej. Studia i szkice*. Katowice: “Uniwersytet Śląski”.
- Sadzewicz, M. 1972. *Jan Sobieski, 1629—1696*. Warszawa: “Ministerstwo Obrony Narodowej”.
- Sikorski, R. (red.) 1990. *Polskie tradycje wojskowe*. T. 1. Warszawa: “Ministerstwo Obrony Narodowej”.
- Skarga, P. 1857. *Kazania sejmowe*. Kraków: “Biblioteka Polska” Publ.
- Skwara, M. 1999. *O dowodzeniu retorycznym w polskich drukowanych oracjach pogrzebowych XVII w.* Szczecin: “Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego”.
- Strykowski, M. 1582. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi*. Królewiec: “Osterberger” Publ.
- Ślęczka, T. 2003. Aleksander Macedoński w literaturze staropolskiej. Wrocław: “Uniwersytet Wrocławski”.
- Targosz, K. 1991. *Jan Trzeci Sobieski mecenasem nauk i uczonych*. Wrocław: “Zakład Narodowy im. Ossolińskich”.
- Wójcik, Z. 1983. *Jan Sobieski 1629—1696*. Warszawa: “PIW” Publ.
- Zabłocki, S. 1976. *Od prerenesansu do oświecenia. Z dziejów inspiracji klasycznych w literaturze polskiej*. Warszawa: “PWN” Publ.

УДК 94 (47)[512.143]
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00016

Д.А. Прохоров

**ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ
СОСЛОВНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАРАИМОВ К КУПЕЧЕСТВУ И МЕЩАНСТВУ
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.***

В статье рассмотрены основные аспекты изменения социально-экономического статуса караимов после присоединения Крыма к России в конце XVIII — первой половине XIX в. Проанализированы законодательные акты и постановления российского правительства, принятые в отношении правового и экономического положения караимского населения. Выявлены архивные документы, в которых отражены этапы институализации юридического оформления принадлежности караимов к таким социальным категориям населения, как купечество и мещанство. Сделан вывод о том, что в правовом поле Российской империи караимы не только получили новый юридический статус, по которому им предоставлялись различные права и привилегии, но и смогли динамично интегрироваться в социальную и фискальную системы Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, караимы, сословия, купечество, мещанство.

Сведения об авторе: Прохоров Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Контактная информация: 295007, Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 2, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; e-mail: prohorov1da@yandex.ru.

D.A. Prokhorov

**INSTITUTIONALIZATION OF LEGAL REGISTRATION OF THE INDEPENDENT
ACCESSORIES OF THE KARAITES TO MERCHANTS AND WELLBEING AT THE
END OF THE 18th — AT THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY**

The article discusses the main aspects of changing the socio-economic status of Karaites after the annexation of Crimea to Russia at the end of the 18th — at the first half of the 19th century. The legislative acts and resolutions of the Russian government adopted in relation to the legal and economic situation of the Karaite population considered. Archival documents identified that reflect the stages of the institutionalization of legal registration of Karaites belonging to such social categories of the population as merchants and philistinism. It is concluded that in the legal field of the Russian Empire, Karaites not only received a new legal status, according to which they were granted various rights and privileges, but were also able to dynamically integrate into the social and fiscal systems of the Russian Empire.

Key words: Russian Empire, Crimea, Karaites, estates, merchants, philistinism.

About the author: Prokhorov Dmitry Anatolievich, Candidate of Historical Sciences, Senior Research scientist at the Research Center of History and Archaeology of the Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Contact information: 295007, Crimea, Simferopol, 2 Vernadskogo Avenue, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; e-mail: prohorov1da@yandex.ru.

* Статья поступила в номер 5 декабря 2019 г.
Принята к печати 27 декабря 2019 г.

В конце XVIII в. в результате городских реформ в Российской империи окончательно оформилась сословная организация гильдейского купечества. Манифест 17 марта 1775 г. зафиксировал размеры купеческих капиталов, необходимых для причисления к гильдиям, а также величину вноса в казну — он взимался в размере 1% с объявленного купцами капитала (объявление самой суммы должно было производиться «на совесть», то есть зависело от честности самого купца) (Донік 2004: 86). Купцы, которые отделялись от нижних сословий денежным цензом в 500 руб., были распределены на три гильдии указом «О сборе с купцов, вместо подушного, по одному проценту с объявленного капитала и про распределение их по гильдиям» от 25 мая 1775 г. В третью гильдию записывались купцы, которые объявляли капитал от 500 до 1 тыс. руб., во вторую — от 1 до 10 тыс. руб., а в первую — свыше 10 тыс. руб. Те, кто владел капиталом в меньшую сумму, именовались мещанами. Этот имущественный ценз был повышен «Жалованной грамотой городам» от 21 апреля 1785 г. Для 3-й гильдии теперь он составлял от 1 до 5 тыс. руб., для 2-й — 5—10 тыс. руб. и для 1-й — 10—50 тыс. руб.

Все городское население разделили на шесть категорий: 1) «настоящие городские обыватели», имевшие дом и другую недвижимость; 2) купцы трёх гильдий; 3) ремесленники, принадлежавшие к разным цехам; 4) «именитые граждане», владевшие капиталом свыше 50 тыс. руб.; 5) оптовые торговцы, судовладельцы, представители городской администрации, учёные и художники; 6) остальные городские жители. В зависимости от собственной состоятельности купцы получали некоторые привилегии: так, например, купцы 1-й и 2-й гильдий освобождались от телесных наказаний. Помимо всего прочего, представители 1-й гильдии имели право ездить по городу в карете, запряжённой парой лошадей. Купцы 2-й гильдии могли пользоваться пароконной коляской, а представителям 3-й гильдии разрешалось запрягать в коляску только одну лошадь (ПСЗРИ 20: 145—147). Вышеперечисленные корпоративные «сословные преимущества», по мнению А.Н. Боханова, носили преимущественно декоративный характер (Боханов 1994: 24).

Юридический статус караимов вскоре после присоединения Крыма к России в 1783 г. претерпел существенные изменения. Местная администрация, не вникавшая в тонкости существовавших различий между конфессиональными группами евреев и караимов, причислила последних к иудейско-раввинистическому компоненту населения Крыма. А 23 июня 1794 г., в соответствии с указом Екатерины II № 17224, для евреев Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерний и Таврической области устанавливалась двойная норма налогообложения: «Позволив евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы их <...> записываться по городам в мещанство и купечество, повелеваем с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1[-го] числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий» (ПСЗРИ 23: 532). Отметим, что данный шаг правительства в целом крайне негативно отразился на экономическом положении евреев Российской империи. Вскоре евреи получили, согласно указа № 17432 от 21 января 1796 г., право откупа (по 500 руб. за человека) от обязанности предоставлять рекрутов для военной службы (ПСЗРИ 23: 857, 858).

В то же самое время, в соответствии с сенатским указом от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими имениями с распространением права сего на их наследников», лицам из числа крымских татар даровали ряд льгот. Представителям мусульманского духовенства, кадиям, мурзам, ранее владевшим собственностью («землями, деревнями, садами и прочими угодьями»), а также их наследникам, подтверждались ранее дарованные права и привилегии (Прохоров 2016а: 278—295). Однако дальнейшие продажа и приобретение такого имущества могла

осуществляться исключительно теми, кто имел на это право в рамках российского законодательства — то есть лицами дворянского происхождения (ПСЗРИ 23: 585, 586). Привлечённые возможностью получения налоговых и социальных льгот, а также осуществляя попытку дистанцироваться от евреев—раввинистов, представители верхушки крымской караимской общины направили в адрес российских властей многочисленные прошения. Например, они выступили перед правителем Таврической области генерал-майором С.С. Жегулиным и правителем Новороссии и Бессарабии графом П.А. Зубовым с ходатайствами об освобождении их от уплаты двойного промыслового налога, так как для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно» (ПСЗРИ 23: 705, 706). В «Прошении», в частности, говорилось также и о том, что «при покорении Крымской области <...> скипетр[у] Августейшей императрицы Великие Екатерины мы отдали себя в <...> покровительства Ея добровольно и усердно, <...> ведая, что под покровительством сильного и образованного государства удобн[ее] насладиться может свободою и счастьем, предоставленным от Бога»¹ (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 13).

8 июня 1795 г., в соответствии с рескриптом императрицы Екатерины II, караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя. «Всемилоостивейше повелеваем не брать с них [караимов] двойных податей, каковые положены на всех вообще евреев, а взыскивать оные по-прежнему наравне с прочими купцами и мещанами, в области Таврической живущими, предоставляя вашему распоряжению об оказании им по возможности и других выгод и облегчений с предостережением только, чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Раббинов, и о которых изданные от Нас Высочайшие узаконения должны исполняемы быть во всей точности», — говорилось в указе, данном императрицей на имя П.А. Зубова (ПСЗРИ 23: 705, 706).

Получив после присоединения Крыма к России ряд налоговых льгот, крымские караимы активно занялись укреплением своего правового статуса и материального благосостояния. «Ревизские сказки» по г. Бахчисараю, составленные по результатам IV и V ревизий, или народных переписей населения, осуществлённых на Крымском полуострове соответственно в 1792 и 1796 гг. и представленных в вышестоящие инстанции Бахчисарайским городским магистратом, являются весьма информативным документом по вопросу о численности и социальной дифференциации караимской общины в конце XVIII в. (Прохоров 2016b: 71—99). Ранее нами было выявлено, что в составе общины числились караимские купцы 1-й и 3-й гильдий, внесённые в списки купеческих гильдий по Бахчисараю. Ввиду несовершенства законодательства в отношении старожильского населения присоединённых к России территорий возникали юридические казусы, приводившие к тому, что некоторых представителей караимской общины Чуфут-Кале, «по незнанию ими российского права», записывали в иные податные категории. Сложности возникали и при оформлении юридических и налоговых прав членов караимских семей, владеющих «нераздельным капиталом» — по решению Таврической областной казённой палаты они были причислены к купеческому сословию, хотя формально оставались мещанами.

Что касается караимской общины Мангупа, то в ней, по различным данным, в 1775 г. числилось от 40 до 70 семей, что могло составлять в среднем от 200 до 350 чел. (Кеппен 1837: 290; Ахизер 2015: 31). В ходе проведения IV и V ревизий выявлено, что в документах по Бахчисараю и Чуфут-Кале указаны, среди прочих, имена и фамилии членов караимской общины Мангупа, которые переселились с семьями в 90-х гг. XVIII в. В фонде 489 «Бахчисарайская

¹ Впервые этот документ был опубликован крымским исследователем О.Б. Белым (Белый 1994: 31, 32).

городская дума» Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) выявлены списки лиц, проживавших в Чуфут-Кале и Бахчисарае в начале 1800-х гг., которые указаны как плательщики налогов в государственную казну (с купцов взимались проценты с капитала, а с представителей мещанского сословия — окладной сбор и подушная подать) (Прохоров 2017: 487—493). В документах зафиксированы имена и фамилии членов караимской общины Чуфут-Кале и Бахчисарая, а также суммы, предназначенные к выплате. С помощью этих материалов появляется возможность воссоздать картину социальной и имущественной дифференциации чуфут-кальской и бахчисарайской караимских общин конца XVIII — начала XIX в., а также проследить истоки их формирования.

В соответствии с «Планом Кафы», который был представлен командующим российскими сухопутными и военно-морскими силами в Крыму графом А.Б. де Бальменом светлейшему князю Г.А. Потемкину в 1784 г., в городе насчитывалось 20 домов, принадлежавших грекам, 30 — армянам, 694 — туркам и 63 — «жидам»; в городской черте находилось 29 мечетей, 13 греческих церквей, 22 — армянских, а также 6 бань и 33 фонтана и водоёма (Мурзакевич 1881: 280). По сведениям, направленным в январе 1784 г. в «Крымское правительство», в Феодосии числился 871 житель (479 мужчин, 392 женщины): из них «жидов» (караимов и евреев) — 262 чел. (122 мужчины, 140 женщин), греков — 87 (60 мужчин, 27 женщин), армян — 143 (68 мужчин, 75 женщин), татар — 26 (все мужчины), турок — 14 (все мужчины) (ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10. Л. 11). Помимо этого, в районе Форштадта² проживало 339 крымских татар (189 мужчин, 150 женщин). Среди приезжих было и 63 «разных звания людей», находившихся на тот момент в городе по торговым делам (ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10. Л. 11).

Всего же по данным фискальной статистики в 1796 г. в Таврической области насчитывалось: купцов 1-й гильдии — 15 (12 караимов, один грек и два армянина), купцов 2-й гильдии — 32 (15 католиков, 11 караимов, двое русских, четыре грека), а купцов 3-й гильдии — 1149 (Хайрединова 2017: 123).

В 1839 г. общее число жителей Бахчисарая увеличилось до 13 188 чел. В 1843 г. по сведениям, представленным Бахчисарайской Городской думой, в городе и его пригородах насчитывалось 534 караима, плативших подушную подать (Краткое 1838: 117, 118; Белый 2001: 376). В 1847 г. в Бахчисарае число проживавших в Бахчисарае и Чуфут-Кале караимов доходило до 835 (462 мужчины и 373 женщины) при общем количестве жителей 11 245 человек; из них 11 человек являлись представителями караимского духовенства (Домбровский 18448: 391, 392).

В соответствии с данными, собранными в «Окладной книге о числе душ по V ревизии» на 1 января 1800 г., в уездах Новороссийской губернии проживало 106 купцов евреев и караимов (в 1804 г. — 111), причём наибольшее их число приходилось на Херсонский уезд — 39 человек (в 1804 г. — 44). В 1801 г. они уплатили в казну налоговых сборов 2 134 руб. 71 коп. Что касается мещан, то их насчитывалось 1750 человек (уплачено окладного сбора и подушной подати на сумму 7 875 руб. — из расчёта двойного налогообложения по 4 руб. 50 коп. с человека) (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 72 об., 73). Не «положенных в оклад» в соответствии с предоставленной по указам правительства 1795, 1796 и 1796 гг. 10-летней льготе в Новороссийской губернии было 505 купцов, 1341 мещанин и 297 евреев (ПСЗРИ 23: 807—809; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 73 об., 74; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 4. Л. 95 об.).

² Форштадт («Татарский Форштадт») — район Феодосии, территориально примыкающий к Карантину, в 1784 г. формально не входивший в городскую черту; в Форштадте проживали представители крымскотатарской общины.

После того, как 8 октября 1802 г. указом Сената Новороссийская губерния была разделена на Екатеринославскую, Николаевскую и Таврическую губернии (Херсонский уезд вошёл в состав Николаевской губернии), налоговая статистика по региону выглядела таким образом: в Херсонской губернии в 1805 г. насчитывалось 43 купца (платили налог 1 236 руб.) и 1 153 мещанина из евреев и караимов (их вновь не разделили по этноконфессиональному признаку); в Таврической губернии числилось 29 купцов и 451 мещанин из евреев и караимов (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 5. Л. 84, 86 об.).

Относительно других мест проживания караимов в Российской империи, традиционными для них оставались земли образованных после трёх разделов Речи Посполитой западных губерний Российской империи (поначалу территории, в состав которых вошли девять губерний — Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилёвская, Витебская, Киевская, Волынская и Подольская губернии — образовывали Западный край; затем первые шесть из вышеперечисленных губерний получили название Северо-Западного края). Например, в Волынской губернии в 1800 г. по материалам V ревизии числилось 787 купцов-евреев и 23 569 мещан и цеховых ремесленников, в 1801 г. — соответственно 726 и 24 441 (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 80 об., 81; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 2. Л. 76 об., 77). В итоговых ведомостях караимы не были отделены от евреев. В Литовской губернии в 1800 г. караимы и евреи платили «поголовный» налог на сумму 58 243 руб. 71 коп., в 1801 г. — 58 552 руб. 24 коп. В 1804 г. в Гродненской губернии сумма выплат составила 26 296 руб. 24 коп., а в Виленской губернии — 32 256 руб. (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 89 об., 90; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 2. Л. 74 об., 75; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 4. Л. 90, 93 об., 94).

Манифестом императора Александра I от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» статус «именитого гражданства» упразднился, а вместо него вводилось более престижное «первостатейное купечество». К этому разряду причислялись только купцы 1-й гильдии, ведущие оптовую торговлю, судовладельцы и банкиры. «Первостатейный купец» получал право приезжать к царскому двору (лично, без членов семьи), ездить каретой парой и четвериком, им разрешалось носить шпагу, записываться в «бархатную книгу» знатных купеческих родов (по примеру дворянской) (ПСЗРИ 29: 971—978). «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле других сословий», изданное 14 ноября 1824 г., расширило права купцов 2-й гильдии. Отныне для тех, кто проживал в Волынской, Киевской, Подольской, Екатеринославской и Херсонской губерниях, вводилась 10-летняя льгота по уплате гильдейского сбора (1,5% вместо 2,5% с объявленного капитала); также разрешалось вести заграничную торговлю (однако с оговоркой — её объем не должен был превышать 300 тыс. руб.) (Донік 2004: 90). Если в 1815—1833 гг. прирост населения в губерниях юга России составлял 16%, то численность представителей купеческого сословия увеличилась на 77%; в городах южных и юго-западных губерний в 1816 г. проживало 9 400 купцов (Донік 2009: 73). Что касается Таврической губернии, то в 1808 г. здесь насчитывалось 874 купца всех трёх гильдий, в 1816 г. — 200, в 1824 г. — 131, в 1827 г. — 497, а в 1854 г. — 2 955 купцов (Донік 2009: 73; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 18. Л. 75 об.). Резкое сокращение представителей купеческого сословия на Крымском полуострове во второй и третьей декадах XIX в. обусловлено двумя факторами. Во-первых, освоением крымскими купцами таких более выгодных в торговом отношении городов, как Херсон и Одесса, а во-вторых — выселением, согласно правительственным указам, представителей еврейского населения (значительную часть которого составляли купцы) из Севастополя и Николаева.

В «Окладной книге о числе душ по VII ревизии» в Таврической губернии в 1816 г. насчитывалось купцов из евреев (и караимов): в Севастополе — 12, в Бахчисарае — 33, в Карасубазаре — 1, в Симферополе — 5, в Евпатории — 33. Кроме того, 25-летней льготой по выплате с купеческого налога, в целях «поощрения промышленности и торговли» (с 1806 по 1831 г., в соответствии с указом от 26 апреля 1806 г. № 22084 «О пожаловании льготы городу Феодосии») (ПСЗРИ 29: 159) воспользовались 22 купца, приписанных к Феодосийскому уезду. Что касается мещанского сословия, то в показатели за этот же период выглядели так: в Севастополе числилось 57 «мещан из евреев-рабинов и караимов», в Бахчисарае — 586, в Карасубазаре — 400, в Симферополе — 79, в Евпатории — 702, в Феодосии — 20, в Перекопе — 18, в Днепровском уезде — 65, в Мелитополе — 42 чел. Мещане уплатили по окладному сбору и подушной подати сумму в 7 976 руб. (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 18. Л. 122 об., 123, 125).

В 1817 г. в Таврической губернии купцов из евреев (и караимов) насчитывалось: в Симферополе — 7, в Севастополе — 13, в Бахчисарае — 42, в Карасубазаре — 1, в Евпатории — 36 (общая сумма выплат налогов по купеческим гильдиям составила 12 595 руб.). Мещанское сословие было более многочисленным: в Симферополе проживало 145 мещан, в Севастополе — 57, в Бахчисарае — 583, в Карасубазаре — 108, в Феодосии — 30, в Евпатории — 195, в Перекопе — 19, в Днепровском уезде — 65, в Мелитополе — 42 (общая сумма выплат по окладному сбору и подушной подати составила 16 863 руб.) (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 20. Л. 110 об, 111).

В 1826 г. в Таврической губернии проживало 112 купцов (евреев и караимов). В Евпатории числилось два купца 2-й гильдии, 98 купцов 3-й гильдии и 703 мещанина; в Севастополе — 10 купцов 3-й гильдии, в Симферополе — 8 купцов 3-й гильдии и 124 мещанина, а в Феодосии — 1 купец 3-й гильдии и 84 мещанина (здесь 25-летней льготой по выплате с купеческого налога пользовались 10 купцов и 105 мещан и цеховых ремесленников) (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 26. Л. 183 об., 184, 184 об., 186 об.). Что касается Перекопа, то в городе в этот период зафиксировано наличие 69 мещан из числа евреев и караимов. Помимо этого, среди 2 291 мещан-евреев и караимов было 88 ремесленников (в Симферополе) и 13 «рабочих людей» в других городах и уездах Таврической губернии (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 26. Л. 188 об.). В Бахчисарае проживало 256 купцов и 358 мещан-караимов (ГАРК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2). Ремесленных лавок (войлочных, ножных, седельных, «туфляных и сапожных», кофейных, сабельных, бондарных, лавок медников и ювелиров и пр.) в городе в тот период действовало 197 (ГАРК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2).

В 1829 г. в Таврической губернии были зафиксированы такие показатели для составления окладных книг: два купца 2-й гильдии и 97 купцов 3-й гильдии евреев и караимов, плативших полную подать (соответственно, 800 и 7 400 руб. налога; из них в Симферополе проживало 5, в Евпатории — 79, в Феодосии — 1, в Севастополе — 12 человек), и 103 купца, пользовавшихся льготами по уплате налога (в Бахчисарае — 76, в Карасубазаре — 17, в Перекопе — 7, в Алешках — 2, в Ногайске — 1). Мещан и цеховых ремесленников из евреев и караимов, уплативших в казну 19 040 руб., по ведомостям значилось 2 291 человек (Симферополь — 127, Евпатория — 769, Феодосия — 84, Перекоп — 19, Алешки — 82, Орехов — 56, Ногайск — 1, Карасубазар — 502, Бахчисарай — 546, Севастополь — 98, Керчь-Еникальское градоначальство — 7 человек). 25-летней льготой по выплате с купеческого налога пользовались 17 купцов 2-й и 3-й гильдии и 105 мещан и цеховых ремесленников Феодосии (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 27. Л. 283 об, 284, 288 об.).

Вскоре в Российской империи произошли очередные изменения в сословной иерархии. 10 апреля 1832 г. звание «первостатейного купца» упразднилось, а вместо него учреждалось

сословие «почётных граждан» — как личных (это звание присваивалось пожизненно), так и потомственных («навсегда, с присвоением потомкам»). К этой категории городских жителей могли причисляться шесть категорий купеческого сословия: 1) лица, пожалованные в звание коммерции или мануфактур-советника; 2) получившие один из орденов Российской империи; 3) платившие исправно повинности по первой гильдии в течение 10 лет подряд; 4) платившие повинности по второй гильдии в течение 20 лет; 5) приобретшие имения в Западных губерниях без ссуд и долгов ценой не ниже 15 тыс. руб., а со ссудами и переводом долгов — не ниже 30 тыс. руб.; 6) вдовы и дети вышеперечисленных категорий лиц, а также дети купцов, пожалованных гражданскими чинами не по порядку службы и не получивших за то дворянских грамот (Белоусова 2006: 6—9).

Получившие звание личного или потомственного гражданина освобождались от телесных наказаний и рекрутчины. Они имели право именоваться во всех актах почётными гражданами с присоединением этого звания также и к наименованию купеческих гильдий; могли участвовать в выборах по недвижимой в городе собственности и быть избираемыми в городские общественные должности не ниже тех, на которые поступают купцы обеих гильдий, в тех местностях, где не введено «Городовое положение». Кроме того, почётные граждане не вносились в ревизские сказки и освобождались от уплаты подушной подати. Купцу, претендующему на звание потомственного почётного гражданина, надлежало заплатить казённую пошлину в размере 600 руб. Купец, получивший потомственное почётное гражданство, имел право именоваться «Ваше благородие» (так же, как и дворянин или чиновник IX—XIV классов). Потерять право именоваться потомственным почётным гражданином можно было вследствие совершения преступлений, влекущих за собой лишение всех прав состояния, тюремного заключения, или же при записи в ремесленные цехи, переходе детей личных дворян из купечества в мещанство, а также при вступлении в услужение для домашних работ (ПСЗРИ 7: 193—195).

Специально оговаривались права евреев: «Евреи, в тех губерниях, где им жительство дозволено, также могут быть возводимы в Почётное гражданство, но не иначе, как за необыкновенные заслуги, или отличные успехи в науках, художествах, торговле или мануфактурной промышленности, особыми нашими указами» (Полное, 1831. Т. 7: 195).

В 1843 г. «положенных в оклад» в Таврической губернии купцов 2-й гильдии из евреев и караимов было 34 человек (в Симферополе — 10, в Евпатории — 19, в Феодосии — 5), уплативших налог с капитала на сумму 1459 руб. Купцы 3-й гильдии были более многочисленны: в Симферополе их насчитывалось 33, в Евпатории — 113, в Феодосии — 41, в Севастополе — 19, в Керчи — 1 (всего 207 чел.). Сумма выплат по налогу с капиталов составила 3366 руб. Существовала также категория лиц, пользовавшихся налоговыми льготами: 304 купца заплатили налог на сумму 3655 руб. с 83 капиталов (53 человека в Перекопе, 12 — в Алешках, 4 — в Ногайске, 138 — в Бахчисарае, 86 — в Карасубазаре, и 11 — в Ялте) (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 41. Л. 241 об., 242). Кроме того, пятеро купцов 3-й гильдии, один купец 2-й гильдии, пятеро мещан и ремесленников пользовались 25-летней льготой по уплате налогов, и шестеро купцов 3-й гильдии — 5-летней (РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 41. Л. 245 об., 246 об.).

Активная внутренняя миграция караимов в Российской империи вскоре привела к тому, что во многих городах возникли караимские общины. Все большее число караимов-купцов и предпринимателей покидали Крым и переселялись в крупные, экономические развитые регионы Российской империи. К середине XIX в. их присутствие наблюдается в Одессе, Николаеве, Херсоне, Москве, Санкт-Петербурге, а также в ряде других, менее крупных промышленных центрах страны. За счёт представителей караимских общин Крыма, выезжавших за его пределы с коммерческими, образовательными или иными целями

продолжался рост числа жителей-караимов на территории России. Караимы в большинстве своём проживали в городах; небольшое число жителей в сельской местности может быть объяснено тем, что основными занятиями членов караимских общин по-прежнему были те, что связаны с городской инфраструктурой: торговля, ремесла и государственная служба (среди караимской торговой и купеческой верхушки по-прежнему было немало землевладельцев, которым принадлежали крупные земельные участки в сельской местности).

Наибольший толчок торговля получает южных приморских городах — в частности в таких, как Одесса, Николаев, Херсон, Евпатория. Что касается Одессы, то уже в первых десятилетиях XIX в. она оказалась в весьма выгодных торгово-экономических условиях. В регионе наблюдался рост различных отраслей промышленности, росло число мигрантов, оседавших на постоянное жительство и получавших финансовую помощь со стороны правительства. Благодаря своему географическому положению город стал центральным портом, через который на европейский рынок поступали товары из Азии. Активно развивалась и экспортная торговля — за границу вывозили лес, продукты сельского хозяйства, мануфактуру и пр.

Литература

- Ахиезер Г. 2015. *Завоевание Крыма Российской Империей глазами караимских хронистов*. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры.
- Боханов А.Н. 1994. *Деловая элита России*. Москва: ИРИ.
- Белоусова Л. 2006. Интеграция евреев в российское сословное общество: почетные граждане города Одесса еврейского происхождения. В: Кацен Г. (ред.). *Мория* 5, 6—9.
- Белый О.Б. 1994. Из истории караимской общины в конце XVIII — нач. XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГААРК). *Крымский музей* 1, 30—35.
- Белый О.Б. 2001. Документы из истории караимской общины г. Бахчисарая начала XX в. В: *Бахчисарайский историко-археологический сборник* 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 376—397.
- ГАРК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 25.
- ГАРК. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10.
- Домбровский Ф. 1848. Историко-статистический очерк г. Бахчисарая. В: *Новороссийский календарь на 1849 год*. Одесса: Городская типография, 380—389.
- Донік О.М. 2004. Соціальний статус купецької верстви в підросійській Україні наприкінці XVIII — у XIX ст. *Проблеми історії України XIX — початку XX ст.* 8, 86—108.
- Донік О.М. 2009. Чисельність та етнічно-конфесійний склад купецтва України в XIX — на початку XX ст. *Український історичний журнал* 5, 71—96.
- Кеппен П.И. 1837. *О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник)*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.
- Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области. 1838. В: *Новороссийский календарь на 1839 год*. Одесса: Городская типография, 95—176.
- Мурзакевич Н.Н. 1881. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год. *ЗОИИД* XII, 249—329.
- Прохоров Д.А. 2016. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783—1787 гг.). *ПИФК* 1(51), 278—295.
- Прохоров Д.А. 2016. К проблеме численности и социальной дифференциации караимской общины Чуфут-Кале в конце XVIII века. В: Конкин Д.В., Храпунов Н.И. (ред.). *Материалы к истории Причерноморья в Новое время: 1783—1825*. Симферополь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, 71—99.
- Прохоров Д.А. 2017. Некоторые дискуссионные вопросы истории иудейской общины Мангупа: к проблеме переселения караимов в конце XVIII — начале XIX века. *МАИЭТ* XII, 487—493.
- ПСЗРИ 7: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе*. 1831. Т. VII. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

- ПСЗРИ 20: *Полное собрание законов Российской империи Собрание первое*. 1830. Т. XX. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- ПСЗРИ 23: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое*. 1830. Т. XXIII. Отд. 1. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- ПСЗРИ 29: *Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое*. 1830. Т. XXIX. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 2.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 4.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 5.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 18.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 20.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 26.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 27.
- РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 41.
- Хайрединова З.З. 2017. Инкорпорация крымскотатарских сословий в социальную и правовую систему Российской империи. В: Храпунов Н.И., Конкин Д.В. (ред.). *Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783—1825*. Севастополь: Альбатрос, 109—134.

References

- Ahiezer, G. 2015. *Zavoevanie Kryma Rossijskoj Imperiey glazami karaimskih hronistov (The conquest of Crimea by the Russian Empire through the eyes of Karaite chroniclers)*. Jerusalem: "Gesharim" Publ.; Moscow: "Mosty kul'tury" Publ. (In Russian).
- Bohanov, A.N. 1994. *Delovaya elita Rossii (The business elite of Russia.)*. Moscow: "IRI" Publ. (in Russian).
- Belousova, L. 2006. In: Kacen G. (ed.). *Moriya (Moriah)* 5, 6—9 (in Russian).
- Belyj, O.B. 1994. In *Krymskij muzey (Crimean Museum)* 1, 30—35 (in Russian).
- Belyj, O.B. 2001. In: *Bakhchisarajskiy istoriko-arheologicheskij sbornik (Bakhchisaray historical and archaeological collection)* 2. Simferopol: "Tavriya-Plus" Publ., 376—397 (in Russian).
- GARK. F. 431. Op. 1. D. 25.
- GARK. F. 802. Op. 1. D. 10.
- Dombrovskij, F. 1848. In: *Novorossiyskiy kalendar' na 1849 god (Novorossiysk calendar for 1849)*. Odessa: "Gorodskaya tipografiya", 380—389 (in Russian).
- Donik, O.M. 2004. In *Problemi istorii Ukraini 19 — na pochatku 20 st. (Problems of the history of Ukraine of the 19th — beginning of the 20th centuries)* 8, 86—108 (In Ukrainian).
- Donik, O.M. 2009. In *Ukrains'kiy istorichnij zhurnal (Ukrainian Historical Magazine)* 5, 71—96 (in Ukrainian).
- Keppen, P.I. 1837. *O drevnostyah Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavrisheskih (Krymskiy sbornik) (On the antiquities of the Southern coast of Crimea and the Tauride mountains (Crimean collection))*. Saint Petersburg: "Imperatorskaya Akademiya Nauk" (in Russian).
- Kratkoe statisticheskoe obozrenie gorodov Novorossiyskogo kraja i Bessarabskoy oblasti (A brief statistical review of the cities of the Novorossiysk Territory and the Bessarabia region). 1838. In: *Novorossiyskiy kalendar' na 1839 god (Novorossiysk calendar for 1839)*. Odessa: "Gorodskaya tipografiya", 95—176 (in Russian).
- Murzakevich, N.N. 1881. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XII, 249—329 (in Russian).
- Prokhorov, D.A. 2016. In *Problemy istorii, filologii i kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1(51), 278—295 (in Russian).
- Prokhorov, D.A. 2016. In: Konkin, D.V., Khrapunov, N.I. (eds.). *Materialy k istorii Prichernomor'ya v Novoe vremya (Materials for the history of the Black Sea in New time)*. Simferopol: "Nauchno-issledovatel'skiy centr istorii i arheologii Kryma Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo", 71—99 (in Russian).
- Prokhorov, D.A. 2017. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* 12, 487—493 (in Russian).

- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (Complete collection of laws of the Russian Empire. 1830. First Collection). 1830. Vol. XX. Saint Petersburg: "Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kancelyarii" (in Russian).*
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (Complete collection of laws of the Russian Empire. 1830. First Collection). 1830. Vol. 23. Pt. 1. Saint Petersburg: "Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kancelyarii" (in Russian).*
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe (Complete collection of laws of the Russian Empire. 1830. First Collection). 1830. Vol. 29. Saint Petersburg: "Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kancelyarii" (in Russian).*
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe (Complete collection of laws of the Russian Empire. 1831. Second collection). 1831. Vol. 7. Saint Petersburg: "Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kancelyarii" (in Russian).*
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 1.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 2.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 4.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 5.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 18.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 20.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 26.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 27.
- RGIA. F. 571. Op. 9. D. 41.
- Khayredinova, Z.Z. 2017. In: Khrapunov, N.I., Konkin, D.V. (eds.). *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783—1825 (Problems of the integration of Crimea into Russia, 1783—1825)*. Sevastopol: "Al'batros" Publ., 109—134 (in Russian).

УДК 930.1

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00017

М.Д. Бухарин

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
И СУДЬБА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМА В 1917—1918 ГГ.
(КОЛЛЕКЦИИ А.Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА)***

В период после октябрьского переворота 1917 г. остро встал вопрос о сохранении историко-культурного наследия России. В послереволюционное лихолетье многие частные музейные собрания находились под угрозой уничтожения: продажи, переплавки. Грабежи, массовый вандализм приводили к многочисленным невозвратным пропажам. Члены Российской академии наук отдавали себе отчет в происходящем и некоторые из них максимально остро ставили перед государством вопрос о необходимости принять срочные меры для сохранения российской материальной культуры. Академики С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, целый ряд других выдающихся ученых (П.К. Козлов), сотрудников музеев активно участвовали в культурно-охранной деятельности. Одним из выдающихся исследователей и собирателей античных древностей был А.Л. Бертье-Делагарда (1842—1920), живший и работавший в Крыму и оказавшийся из-за преклонного возраста, состояния здоровья и отсутствия дохода в крайне тяжелом положении. В начале 1918 г. Таврическая ученая архивная комиссия обратилась в Российскую академию наук с просьбой спасти уникальное историческое собрание А.Л. Бертье-Делагарда и помочь материально ученому. Непременный секретарь РАН академик С.Ф. Ольденбург, используя личные связи и следуя курсу на поиск компромиссов с новой властью, обратился к наркому просвещения А.В. Луначарскому с просьбой помочь решить этот вопрос, однако перипетии политической истории Крыма 1918—1919 годов помешали его решению и ценнейшее собрание было продано по частям. В настоящий момент часть собрания Бертье-Делагарда хранится в Британском музее.

Ключевые слова: историко-культурные коллекции, Крым, музеи, архивы, Российская академия наук, А.Л. Бертье-Делагарда, С.Ф. Ольденбург.

Сведения об авторе: Бухарин Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Контактная информация: 119334, Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский проспект, 32а; e-mail: michabucha@gmail.com.

M.D. Bukharin

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
AND THE FATE OF CULTURAL-HISTORICAL HERITAGE OF CREMEA IN 1918—1919
(COLLECTION OF A.L. BERTHIER DE LA GARDE)**

Immediately after the October coup d'état of 1917 a question of preservation of historical and cultural heritage of Russia was sharply raised. Many private and state collections were under direct threat of destruction due to sales or melting. Robberies, mass vandalism led to numerous irretrievable losses. Members of the Russian Academy of Sciences realized the course of events and some of them set a question of need to take urgent measures for preservation of the Russian material culture. Academicians S.F. Oldenburg, N.Ya. Marr, V.V. Barthold, a number of other outstanding scientists (P.K. Kozlov), the staff of

* Статья поступила в номер 9 ноября 2019 г.
Принята к печати 2 декабря 2019 г.

different museums actively participated in such activity. A.L. Berthier de la Garde (1842—1920), who lived and worked in the Crimea was one of outstanding researchers and collectors of Classical and “Barbarian” antiquities. He appeared in extremely difficult situation because of old age, the state of health and lack of income. At the beginning of 1918 the Taurian Scientific Archival Commission has appealed to the Russian Academy of Sciences to save a unique historical collection of A.L. Berthier de la Garde (1842—1920) and to support the scientist. The Permanent secretary of RAS S.F. Oldenburg has addressed the people’s commissar of education A.V. Lunacharsky with a request to help to resolve this problem, however changes of political powers in Crimea in 1918—1919 have prevented its solution and the most valuable collection has been sold in parts. At the moment a part of collection of Berthier de la Garde is stored in the British museum.

Key words: historical and cultural collections, Crimea, museums, archives, Russian Academy of Sciences, A.L. Berthier de la Garde, S.F. Oldenburg.

About the author: Bukharin Michael Dmitrievich, D.Litt, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 119334, Russia, Moscow, 32a Lenin Av., Institute of World History, Russian Academy of Sciences; e-mail: michabucha@gmail.com.

Первые годы послереволюционного лихолетья были особенно тяжелы для российской науки и культуры. Смена жизненных ориентиров, тяжелейшее материальное положение вынуждало многих представителей научного мира, музейного сообщества эмигрировать (М.И. Ростовцев, А.А. Васильев, Н.П. Кондаков). Другие, оставшиеся, владели нищенское существование, некоторые, как академик Я.И. Смирнов (1869—1918), даже умирали от голода.

В этот период, когда советское государство еще не осознало всей важности сохранения культурно-исторического наследия, казалось, что новый мир может быть построен только при условии разрушения прежней культурной основы. Памятники истории, с которыми ассоциировалась Россия царская, — изобразительное искусство, дворцово-парковые ансамбли, коллекции, собиравшиеся носителями «прежней» культуры, мгновенно лишились своей ценности. Начался период музейных распродаж. Усадьбы, в том числе и такие как Михайловское, горели в огне пожаров, в которых гибло (или попросту растаскивалось) и имущество прежних хозяев.

На государственном уровне начались процессы дележа историко-культурного наследия Российской империи. Украина, Белоруссия, Грузия, Польша¹, Румыния и другие страны активно пытались получить ту ее часть, которая, как им казалось, были тем или иным образом связаны с их собственной судьбой. Пути, по которым та или иная коллекция, тот или иной предмет оказывались в России, никого не интересовали². В мутной воде нужно было успеть выловить максимально крупную рыбу.

Представители научного сообщества, члены российской академии наук по мере сил пытались противостоять этому процессу: исчезали не только те или иные отдельные предметы материальной и духовной культуры, радикальной перекройке подвергалось и само музейное и — гире — культурное и образовательное пространство³. Академики Н.Я. Марр, В.В. Бартольд (Ананьев 2016: 283—288), С.А. Жебелёв (Ананьев, Бухарин 2018а: 43—70) другие ученые, участвовали в различных комиссиях, выступали со статьями, в которых,

¹ Этот вопрос кратко рассматривался в (Иванов 2014).

² Вопрос о разделе культурного наследия Российской империи в послереволюционное время в значительной степени остается нерассмотренным; см. о проблеме в целом (Иванова 2011; 2013).

³ См. подробнее: (Ананьев 2017: 66—71; Ананьев, Бухарин 2018b: 268—286).

одной стороны, протестовали против разграбления культурного наследия страны, с другой предлагали те или иные проекты его изучения и сохранения.

Активную роль в этих процессах играл академик С.Ф. Ольденбург. Он вместе с другими коллегами по Академии наук, в частности с Н.Я. Марром, представлял российскую сторону в различных комиссиях, в задачу которых входила выработка условия передачи тех или иных предметов из российских музеев по требованию иной стороны. Академик Ольденбург видел цель своего участия в этих комиссиях в том, чтобы уберечь как можно большее число экспонатов от передачи, особенно тех, которые были куплены, получены по обмену, в дар и т.д., т.е. на которые ни при каких условиях нельзя было распространить понятие «трофея», «добычи» и им подобных.

Одним из выдающихся энтузиастов в изучении древней истории России был Александр-Львович Бертье-Делагард (1842—1920). Биография А.Л. Бертье-Делагарда известна хорошо (Бузескул 2008: 501—502; Избаш 1995: 117—118; Жебелев 2017: 211—212). Достаточно напомнить, что А.Л. Бертье-Делагард — по образованию и сфере деятельности — военный инженер, работавший в Крыму и Новороссии (Севастополь, Феодосия, Одесса, Ялта, Ростов-на-Дону). После выхода в отставку в 1887 г. он поселился в Ялте и сосредоточился на исследовательской и собирательской деятельности.

Он сам проводил раскопки (на собственные средства), занимался изучением монетного дела античной древности, декоративно-прикладного искусства, методике определения подлинности исторических памятников. Ряд работ Бертье-Делагарда остался незаконченным. Его собрание включало в себя монеты, ювелирные украшения, памятники торевтики, различные артефакты из области археологии и этнографии Крыма и других областей юга России. Важнейшую часть коллекции Бертье-Делагарда составляли книги и карты по истории Южной России различных периодов, растения, которые он разводил в собственном саду.

А.Л. Бертье-Делагард входил в основные научные общества, занимавшиеся изучением древней истории (Московское археологическое общество — с 1886 г., Таврическая ученая архивная комиссия — ТУАК — с 1889 г., Российское императорское археологическое общество — с 1890 г., Императорская археологическая комиссия — с 1893 г.), руководил некоторыми из них — в должности вице-президента Одесского общества истории и древностей (ООИД; 1889—1919), председателя Ялтинского отделения Крымского горного клуба (1894—1913), председателя Ялтинского технического общества.

Судьба собраний А.Л. Бертье-Делагарда тесно связана с судьбой самого Александра Львовича, последние годы которого пришлось на столь трудное время в истории Крыма как несколько послереволюционных лет. Бертье-Делагард не принял ни падение монархии, ни приход к власти большевиков. Его письма последних лет жизни наполнены подлинным отчаянием⁴. Он был лишен пенсии, его имущество было реквизировано. Фактически, Бертье-Делагард не имел никаких средств существования, не имел он и источников их пополнения.

Таврическая ученая архивная комиссия, действительным с 1889 и почетным с 1916 г. членом которой состоял А.Л. Бертье-Делагард, обратилась в Российскую академию наук с просьбой решить вопрос о сохранении его коллекций и о решении вопроса с бедственным положением их владельца. Часть коллекций хранилась в банке в Симферополе (И Симферопольское общество взаимного кредита), и подлежало национализации. Непременный секретарь РАН академик С.Ф. Ольденбург, в первые послереволюционные годы постоянно заступавшийся перед новыми властями и за академию в целом, и за

⁴ См. выдержки: (Избаш 1895:118—123).

отдельных ее членов, сотрудников, не являвшихся ни действительными членами, ни членами-корреспондентами, не мог остаться в стороне. Ольденбург направил письмо народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому в марте 1918 г. Очевидно, запрос ТУАК в Академию наук был связан с началом установления советской власти в Крыму в январе 1918 г. и начавшимся большевистским террором и волной грабежей. В феврале 1918 г. начались сборы «контрибуций» — фактически — откупа от внесудебной расправы. Расстрелы набирали оборот в особенности после принятия декрета СНК «Социалистическое отечество в опасности» 21 февраля 1918 г. В таких условиях ТУАК решилась на отчаянный шаг — просить академию наук способствовать сохранению важнейшего историко-культурного собрания Крыма. Однако в апреле 1918 г. началось наступление Германии на Крым, и 1 мая 1918 г. весь полуостров был захвачен германскими войсками.

Введение оккупационной администрации генерала М.А. Сулькевича не дало Российской академии наук предпринять усилия для спасения коллекций А.Л. Бертье-Делагарда. Со сменившим его правительством С.С. Крыма РАН также не могла вступать в контакт по такому вопросу как спасение частной исторической коллекции. Весной 1919 г. хрупкое перемирие в Крыму было нарушено, к 15 апреля закончилась эвакуация войск союзников (Франции и Греции), и к 1 мая 1919 г. весь полуостров снова был занят большевиками. Однако уже к концу июня их потеснили войска генерала А.И. Деникина...

В этих условиях, когда несколько политических сил сменяли друг друга в Крыму, лишая жителей малейшей жизненной стабильности А.Л. Бертье-Делагард и решил продать свое собрание. Изначально он собирался передать его Историческому музею в Москве (предметы, связанные с историей крымско-татарского народа) и ООИД. Библиотека хранится в Крымском краеведческом музее (Симферополь), часть нумизматической коллекции, действительно, была передана в ООИД, другая часть — продана частному лицу из Женевы, памятники ювелирного искусства и торевтики в 1919 г. были куплены Британским музеем (Маркевич 1928: 142—146).

Усилия ТУАК и С.Ф. Ольденбурга спасти коллекцию А.Л. Бертье-Делагарда не увенчались успехом. Однако сохранившийся в фондах Государственного Архива Российской Федерации документ — письмо С.Ф. Ольденбурга А.В. Луначарскому, написанное 9 марта 1918 г. под влиянием обращения ТУАК, показывает, что и в самые отчаянные времена руководство Российской академии наук прикладывало все возможные усилия для спасения историко-культурного наследия страны. В настоящий момент значительная часть коллекции А.Л. Бертье-Делагарда представлена в фондах Британского музея (Kidd, Ager 2008).

С.Ф. Ольденбург — [А.В. Луначарскому]
На бланке Российской академии наук
Машинопись с рукописными отметками:
3/IV входящий номер 6584
Входящий 336
9/IV

Отмечено

Российская академия наук
Непременный секретарь
9 марта 1918 г.
24 февраля
№ 386
Петроград
Почтовый адрес: Академия наук, Петроград

Господину Народному комиссару по народному просвещению

Таврическая ученая архивная комиссия обратилась в Российскую академию наук с просьбой обратить внимание на бедственное положение маститого ученого археолога Александра Львовича Бертье-Делагарда и ходатайствовать о принятии экстренных мер к спасению собранных этим ученым коллекций величайшей ценности⁵. Собрания эти находятся в реквизированной у А.Л. Бертье-Делагарда даче в Ялте, саде при ней и отчасти в I Симферопольском обществе Взаимного Кредита, где хранятся археологические и нумизматические коллекции. Реквизиция дачи грозит большим ущербом для русской науки, так как оставленные без надзора собрания легко могут погибнуть. В саду при даче имеется очень много редких растений и деревьев, акклиматизированных А.Л. Бертье-Делагардом, которых нет ни в каком другом месте на юге Крыма.

Имея в виду, что собрания А.Л. Бертье-Делагарда не только являются весьма ценными с научной точки зрения, но некоторые из них составляют уникалы, Российская Академия наук, вполне разделяя мнение Таврической Ученой Архивной Комиссии о необходимости незамедлительного принятия мер к охране столь ценного народного достояния, поручила мне войти с соответствующим представлением о признании дачи А.Л. Бертье-Делагарда с принадлежащими к ней угодьями Заповедным имением, а также об изъятии всех научных собраний его, в частности, хранящихся в I-м Симферопольском Обществе Взаимного Кредита, — от реквизиции. Принимая во внимание выдающиеся научные заслуги А.Л. Бертье-Делагарда, более полувека безвозмездно работавшего на пользу отечественной науки и не щадившего добываемых упорным трудом средств на составление редчайшей библиотеки о Крыме и нумизматической, археологической и этнографической коллекций предметов, касающихся Тавриды, а ныне, за реквизицией его дачи, оставшегося в престарелом возрасте без всяких средств к существованию, — Академия наук полагала бы справедливым оставить дачу и сад

⁵ Этот документ фрагментарно цитируется в (Избаш 1995: 122). К сожалению, автор не указывает ни место хранения документа, ни шифров хранения. Это было бы особенно важно, так как в указанные в публикации Т.А. Избаш даты (28 февраля/13 марта) собрания РАН не происходили; см.: (ЛРАН 2007: 317—319). IV заседание 1918 г. имело место 16 февраля (3 марта) 1918 г. На нем обращение Таврической ученой архивной комиссии не рассматривалось (Протоколы ОС 1918: 20, §§ 25—29). Имя Бертье-Делагарда, судя по указателю к протоколам Общих собраний РАН, в 1918 г. на них не упоминалось.

А.Л. Бертье-Делагарда в пожизненном его владении и тем дать 76-летнему ученому возможность продолжать до конца дней его научную деятельность и лично передать его ценные коллекции Государственным учреждениям.

Непременный секретарь
Академик С.Ф. Ольденбург

За правителя канцелярии Конференции А. Петров.
(ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 18. Л. 43—43об.).

Литература

- Ананьев В.Г. 2016. Охрана мусульманских памятников (академик В.В. Бартольд и Институт истории искусств в 1917 г.). *Гысыллар авазы — Эхо веков* 3—4(84—85), 283—288.
- Ананьев В.Г. 2017. «Побольше уважения к культурным традициям» или «Хаос и бесхозяйственное ведение дела»: нереализованные планы объединения этнографических музеев Петрограда 1917—1920 гг. *Вестник Томского государственного университета* 421, 66—71.
- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. 2018а. Академик С.А. Жебелёв и Государственный Эрмитаж. *Journal of Modern Russian History and Historiography* 11, 43—70.
- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. 2018b. История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 г. *Вопросы образования* 3, 268—286.
- Бузескул В.П. 2008. *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века*. Москва: Индирк.
- ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 18. Л. 43—43об.
- Жебелев С.А. 2017. *Русское археологическое общество за третью четверть своего существования: 1897—1921. Исторический очерк. Библиографический словарь членов РАО (1846—1924)*. Москва: Индрик.
- Иванов Ю.В. 2014. *Очерки истории российско- (советско)-польских отношений в документах. 1914—1945 годы*. Москва: Международные отношения.
- Иванова Н.И. 2011. *Перемещенные культурные ценности: даты и факты*. Санкт-Петербург: [б.и.].
- Иванова Н.И. 2013. *Перемещенные культурные ценности: продолжение следует*. Санкт-Петербург: [б.и.].
- Избаш Т.А. 1995. А.Л. Бертье-Делагард: последние годы жизни. *Записки Исторического факультета 1. Историография и специальные исторические дисциплины*, 117—125.
- ЛРАН 2007: Колчинский Э.И., Смагина Г.И. (отв. ред.). 2007. *Летопись Российской академии наук. Т. IV. 1901—1934*. Санкт-Петербург: Наука.
- Маркевич А.И. 1928. К судьбам коллекций древности и старины А.Л. Бертье-Делагарда. *ИТОИАЭ* 59, 142—146.
- Протоколы ОС 1918: *Протоколы заседаний Общего собрания Российской академии наук. С приложением перечня заседаний и алфавитного указателя*. 1918. Петроград: РАН.
- Kidd D, Ager D. (eds). 2008. *The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material*. Oxford: British Museum.

References

- Anan'ev, V.G. 2016. In *Gysyrlar avazy — Ekho vekov (Gysyrlar avazy — Echo of the Ages)* 3—4(84—85), 283—288 (in Russian).
- Anan'ev, V.G. 2017. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)* 421, 66—71 (in Russian).
- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. 2018a. In *Journal of Modern Russian History and Historiography* 11, 43—70 (in Russian).
- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. 2018b. In *Voprosy obrazovaniya (Questions of Educations)* 3, 268—286 (in Russian).
- Buzeskul, V.P. 2008. *Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka (World History and its Representatives in Russia in 19th and Beginning of the 20th century)*. Moscow: “Indirk” Publ. (in Russian).
- GARF. F. A-2306. Op. 19. D. 18. L. 43—43.
- Zhebelev, S.A. 2017. *Russkoe arheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' svoego sushchestvovaniya: 1897—1921. Istoricheskij ocherk. Bibliograficheskij slovar' chlenov RAO (1846—1924) (The Russian Archaeological Society for the third Quarter of the existence: 1897—1921. Historical sketch. Bibliographic dictionary by members of Russian Members of RAO (1846—1924))*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
- Ivanov, Yu.V. 2014. *Ocherki istorii rossijsko- (sovetsko)-pol'skih otnoshenij v dokumentah. 1914—1945 gody (Sketches of history of Russian-(Sovetsky) — the Polish relations in documents. 1914—1945)*. Moscow: “Mezhdunarodnye otnosheniya” Publ. (in Russian).

- Ivanova, N.I. 2011. *Peremeshchennye kul'turnye tzennosti: daty i fakty (The Removed Cultural Values: Dates and Facts)*. Saint Petersburg: [s.n.] (in Russian).
- Ivanova, N.I. 2013. *Peremeshchennye kul'turnye tzennosti: prodolzhenie sleduet (The Removed Cultural Values: to be Continued)*. Saint Petersburg: [s.n.] (in Russian).
- Izbash, T.A. 1995. In *Zapiski Istoricheskogo fakul'teta (Proceedings of the Faculty of History) 1. Istoriografiya i special'nye istoricheskie discipliny (Historiography and Special Historical Disciplines)*, 117—125 (in Russian).
- Kolchinskiy, E.I., Smagina, G.I. (eds.). 2007. *Letopis' Rossiyskoy akademii nauk (Annals of the Russian Academy of Sciences)*. Vol. IV. 1901—1934. Saint Petersburg: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Markevich, A.I. 1928. In *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arheologii i etnografii (Proceeding of Taurian Society of History, Archaeology and Ethnography) II(59)*, 142—146 (in Russian).
- Protokoly zasedanij Obshchego sobraniya Rossijskoj akademii nauk. S prilozheniem perechnya zasedanij i alfavitnogo ukazatelya (Minutes of meetings of the General Meeting of the Russian Academy of Sciences. With the application of the list of meetings and the alphabetical index)*. 1918. Petrograd: “RAN” (in Russian).
- Kidd, D, Ager, D. (eds). 2008. *The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material*. Oxford: “British Museum”.

Нумизматика

Numismatics

УДК 94(395)

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00018

М.М. Чореф

**БРОНЗОВЫЕ МОНЕТЫ САВРОМАТА I
С РАЗВЕРНУТЫМ ВЛЕВО БЮСТОМ ПРАВИТЕЛЯ НА АВЕРСЕ
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ***

Объектами исследования стали бронзовые монеты Савромата I (93—123/124) с развернутым влево бюстом государя на аверсе и с изображениями Афродиты Апатуры, Ники, а также горящей крепости и аллегии побежденной страны — фигуры стоящей на коленях связанной женщины на реверсе. Их чеканили не только с финансовыми, но и с пропагандистскими целями. Не случайно изображения Афродиты Апатуры и Ники на них обрамлены лавровым венком. С той же целью на монетах поместили изображение горящей крепости и аллегию побежденной страны. Жителей Боспора информировали о благочестии государя, а также славил его победы, одержанные в войне со скифами. Савромату I удалось захватить важную крепость варваров, находившуюся на периферии Боспорского царства. Бюст правителя был развернут на изучаемых монетах влево для привлечения внимания населения к этим платежным средствам.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Боспорское царство, Савромат I.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

M.M. Choref

**BRONZE COINS OF SAUROMATES I
WITH THE BUST OF THE RULER TURNED TO THE LEFT ON THE OBVERSE
AS A SOURCE OF HISTORICAL INFORMATION**

The objects of research were bronze coins of Sauromates I (93—123/124) with a bust of the sovereign turned to the left on the obverse and with images of Aphrodite Apatura, Nika, as well as a burning fortress and allegory of the defeated country — the figure of a bound woman kneeling on the reverse. They were minted not only for financial, but also for propaganda purposes. It is no accident that the images of Aphrodite Apatura and Nika are framed by a laurel wreath on them. For the same purpose, an image of a burning fortress and an allegory of a defeated country were placed on coins. The inhabitants of Bosphorus were informed about the piety of the sovereign, and also praised his victories won in the war with the Scythians. Sauromates I managed to capture an important barbarian fortress, located on the periphery of the Bosphorus kingdom. The bust of the ruler was deployed on the studied coins to the left to attract the attention of the population to these means of payment.

Key words: archaeology, history, numismatics, Kingdom of the Bosphorus, Sauromates I.

About the author: Choref Mikhail Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhni Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

* Статья поступила в номер 9 ноября 2019 г.
Принята к печати 2 декабря 2019 г.

Как верно заметил С.Ю. Сапрыкин, правление царя Савромата I (93—123/124) «не избаловано вниманием письменных источников». Исследователь подчеркнул, что основным источником информации по истории его царствования являются не надписи — «разрозненные и фрагментарные», а «обилие монетных серий» (Сапрыкин 2005: 45). Мы разделяем эту точку зрения. Ставим перед собой цель заполнить «белые страницы» истории царствования Савромата I в результате изучения нумизматического материала.

Наш интерес к правлению этого государя отнюдь не случаен. Двадцать лет назад в вып. 16 «Нумизматики и эпиграфики», посвященном памяти Д.Б. Шелова, вышла статья Н.А. Фроловой «Монетное дело Савромата I (93—123)» (Фролова 1999: 132—196, табл. V—XV). Исследователь изложила в ней итоги многолетнего изучения нумизматики Боспора эпохи правления этого государя (Фролова 1978: 22—26; 1997а: 118—135, 233—265, табл. XXXVI—L; 1999: 132—196, табл. V—XV; Frolova 1979: 17—30). Полагаем, что прошло достаточно времени для осмысления выводов Н.А. Фроловой, а также для формулирования новых, как нам кажется, перспективных тезисов.

Начнем с того, что Н.А. Фролова во многом приняла точку зрения своего оппонента В.А. Анохина, сформулированную и обоснованную в его монографии «Монетное дело Боспора» (Анохин 1986: 103, 415, табл. 16: 414—416). Она согласилась с тем, что бронзы Савромата I с развернутым влево бюстом государя на лицевой стороне были выпущены в начале его правления (Фролова 1999: 134—137, 170—171, табл. V: 12—19 — VI: 1—5A). По ее мнению — в 93—97 гг.¹ (Фролова 1999: 135).

Однако убедительное истолкование оформления их аверса ею предложено не было. Так, если В.А. Анохин не счел необходимым объяснить факт размещения на них развернутых влево бюстов царя² (Анохин 1986: 103), то Н.А. Фролова допустила, что «возможно появление такого типа монет в самом начале правления Савромата I, еще до утверждения его на царство Домицианом». По ее мнению, император принял это решение только в 97 г.³ (Фролова 1999: 135). Но столь затянувшееся, и, очевидно, запоздалое признание Савромата I вряд ли было возможно. Да и не мог этот государь осмелиться на денежную эмиссию без подтверждения своих прав Римом. Напомним, что он начал править при деспотичном Домициане (81—96).

Заметим, что допускаемое Н.А. Фроловой своеволие Савромата I имело бы для него вполне очевидные и весьма печальные последствия. Ведь Домициан жестоко расправлялся со своими приближенными и родственниками за куда меньшие проступки (Suet. Dom., 10, 1—4). Но мы знаем, что Савромат I при нем не пострадал. Напротив, в надписи из Синопы⁴, высеченной при Домициане, он назван «amicus Imp(eratoris) populi(ue) R(omani) praestantissimus» — «выдающийся друг императора и римского народа» (КБН 1965: № 46). Безусловно, Савромат I своевременно получил искомую санкцию.

Заметим, что этот боспорский государь I правил при четырех римских императорах: Домициане (96—98), Траяне (98—117) и Адриане (117—138). Причем уже в 390 г. б.э. (93/94 г.) он отчеканил свои первые статеры⁵ (Анохин 1986: 154, № 387—389,

¹ В.А. Анохин, изучив легенды монет Савромата I, заключил, что его бронзы с развернутым влево бюстом на аверсе были отчеканены в 93/94—96 гг. (Анохин 1986: 103). Мы принимаем точку зрения уважаемого исследователя. Вернемся к этому тезису несколько ниже.

² Ученый ограничился констатацией факта, что эта серия бронз Савромата I «открыла его чеканку» (Анохин 1986: 103).

³ Домициан был убит в 96 г.

⁴ Она называлась тогда Colonia Iulia Felix Sinope — Счастливая Юлиева колония Синопа (КБН 1965: № 46).

⁵ Считаем своим долгом заметить, что обозначения дат выпуска на статерах Савромата I отнюдь не всегда были верно истолкованы нашими предшественниками. К примеру, стоит обратить внимание на золотой 413 г.

табл. 15: 387—389; 1999: рис. 44: 1; 2011: № 1492—1494; Фролова 1997а: 233—234, табл. XXXVI: 1—3; 1999: 132—133, табл. I: 1—3). Вряд ли Савромат I осмелился выпустить их без санкции Рима⁶. А его последние золотые поступали в обращение в 123/124 г. На их реверсе отчеканены изображения императора, в данном случае — Адриана (Анохин 1986: 155, № 413, табл. 16: 413; 2011: № 1540; Фролова 1997а: 241, табл. XL: 3; 1999: 169, табл. V: 3). Нет оснований сомневаться в том, что Савромат I верно служил императорам весь период своего длительного царствования.

Однако это очевидное обстоятельство не объясняет наличие на бронзах на рис. 1 развернутых влево бюстов боспорского государя⁷. Попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Начнем с описания внешнего вида этих монет. Речь идет о бронзах трех разновидностей, различаемых по композициям на реверсе: с изображением Афродиты Апатуры⁸ (рис. 1: 1) и Ники (рис. 1: 2), а также горящей крепости и стоящей на коленях связанной женщины⁹ (рис. 1: 3). На их аверсе размещена надпись: «ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ» — «Ти[берия] Юлия царя Савромата». На реверсе этих монет оттиснуто обозначение номинала «ΜΝ». Так что все монеты этой серии одного номинала — сестерции.

Мы настаиваем на этом порядке их перечисления, т.к. учитываем не только основные, но и дополнительные элементы монетного типа¹⁰. Так, композиции реверса первой и второй бронз вписаны в лавровые венки¹¹ (рис. 1: 1, 2), изображение на третьей обрамлено линейной окружностью.

Есть все основания полагать, что бронзы с бюстом Афродиты Апатуры были отчеканены для информирования населения о приходе к власти Савромата I — достойного представителя династии Тибериев Юлиев, законного преемника Рескупорида I (69—92/93).

Полагаем, что следует остановиться на этом моменте. Общепринято считать, что царствование Рескупорида I завершилось в 388 г. б.э. (91/92 г.). Но мы эту точку зрения не разделяем. На рис. 2 приводим фотографию статера¹² этого государя, выпущенного в 389 г.

б.э. (116/117 г.) из собрания British Museum, датированный В.А. Анохиным и Н.А. Фроловой вслед за В. Росом 413 г. б.э. (116/117 г. н.э.) (ВМС 1889: 57, No. 5, pl. XIII: 3), т.е. правлением Адриана (117—138) (Анохин 1986: 155, № 4066, табл. 16: 4066; 2011: № 1525; Фролова 1997а: табл. XXXVIII: 3; 1999: 166, табл. III: 3). Однако очевидно, что эту монету не могли выпустить при Траяне (98—117). Ведь подобного рода демарш, будь он известен императору, погубил бы и Адриана, и Савромата I. Учтем и тот факт, что на Боспоре в 414 г. б.э. (117/118 г. н.э.) чеканили статеры с портретами Траяна (Анохин 1986: 155, № 407, табл. 16: 407; 2011: № 1526). Полагаем, что причиной появления привлечшего наше внимание *sasus* стало не выявленное исследователями, но вполне очевидное повреждение штемпеля реверса, использованного при эмиссии статеров 416 г. б.э. (119/120 г. н.э.). Допускаем, что на нем в процессе использования были забита выемка, являющееся нижней горизонтальной гостой «Σ», представленной в форме «┐». Настаиваем на том, что монеты от имени Адриана не могли быть выпущены на Боспоре до его прихода к власти.

⁶ Заметим, что на постаменте статуи, найденной в Керчи в ок. 1850 г. присутствуют следы позднейшего добавления фразы «φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον» (КБН 2004: № 43). Однако это не означает, что на момент ее установления этот государь не был царем. Ведь он чеканил статеры, в легенде аверса которых этот титул присутствует (Анохин 1986: 154, № 387—389, табл. 15: 387—389; 1999: рис. 44: 1; 2011: № 1492—1494; Фролова 1997а: 233—234, табл. XXXVI: 1—3; 1999: 132—133, табл. I: 1—3).

⁷ Изображения и описания этих монет приведены на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3).

⁸ Принимаем атрибуцию ее бюста, предложенную Н.А. Фроловой (Фролова 1999: 134).

⁹ Это определенно не мужчина. Судим по тому, что резчик штемпеля тщательнейшим образом передал крупные груди, а также массивные бедра изображенной. Полагаем, что имеем дело с персонификацией страны, которую сокрушил Савромат I. Вполне возможно, что это Крымская Скифия.

¹⁰ Также полагал и В.А. Анохин (Анохин 1986: 144, № 414—416). Но он не счел необходимым обосновывать этот тезис. К этому же выводу пришла Н.А. Фролова. Причем исследователь также не сочла необходимым дать какие бы то ни было комментарии (Фролова 1999: 134—135, № 1—3).

¹¹ Такого рода обрамления изображений известны только на бронзовых боспорских монетах Полемона I (Анохин 1986: табл. 10: 272, 274, 11: 276—278, 280, 281; Чореф 2017: рис. 3: 2).

¹² Сведения об этой монете опубликованы на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 4).

б.э. (92/93 г). Так что Рескупорид I правил на год дольше, чем принято считать. И переход власти к Савромату I прошел без каких-либо эксцессов.

Однако вернемся к монетному делу Савромата I. Судя по выбору изображений реверса, этот государь декларировал свой пиетет по отношению к отчим богам. Нику могли разместить на сестерциях с целью информирования населения о его военных успехах. По той же причине на бронзах оттискивали изображение горящей крепости и коленопреклоненной связанной женщины. Эти композиции извещали боспорян об успешности внешней политики Савромата I. Вполне возможно, что ему удалось захватить некую крепость — важный центр угрожавшего Боспору государства.

Попытаемся обосновать наши предположения. Начнем с датировки изучаемых монет. Проведем иконографический анализ изображений. Обратим внимание на бюсты Савромата I на их аверсе. По мнению Н.А. Фроловой, эти изображения примечательны разве что «грубым, схематично выполненным воспроизведением черт лица» этого государя (Фролова 1999: 135). В свою очередь заметим, что у правителя на интересующих монетах первых двух разновидностей глубоко посаженные большие глаза, длинные, свободно ниспадающие, перехваченные диадемой волосы, крупный, горбатый нос, тонкие, сжатые губы, над которыми просматриваются усики, а также острый, выступающий вперед подбородок (рис. 1: 1, 2). Так что вряд ли изображения Савромата I на изучаемых бронзах схематичны. Напротив, находим, что на них разместили весьма реалистичные портреты боспорского государя. Определенно, Савромат I был властным и волевым правителем.

Заметим, что прочие его изображения, известные как на золоте, так и на бронзе, доносят до нас облик умиротворенного, утонченного, но, в тоже время, величавого государя — достойного наследника его божественных и царственных предков. Чтобы убедиться в этом, предлагаем обратить внимание на статеры Савромата I (Анохин 1986: табл. 15: 387—402б, 16: 403—413; 1999: рис. 44: 1; 2011: № 1492—1540; Фролова 1997а: табл. XXXVI—XL: 1—3; 1999: табл. I—V: 1—3). Закключаем, на этих монетах оттискивали не реалистичный, а канонический портрет правителя. К слову, также поступали все прочие боспорские государи, причем не только Тиберии Юлии (Анохин 1986; 1999; 2011: № 1267—2203; Фролова 1997а; 1997б; Frolova 1979). И, следовательно, тем интереснее факт отхода от этой традиции на бронзах интересующих нас разновидностей.

Но, *ad rem*. Н.А. Фролова полагала, что выявленное ею сочетание оттисков штемпелей аверса на этих монетах говорит о том, что их выпускали недолго (Фролова 1999: 135). Мы же, в свою очередь, заметим, что боспорские монетные мастера знали технологию изготовления чеканов с помощью матриц и патриц (Чореф 2014: 323—365). Так что вопрос о длительности эмиссии интересующих нас бронз пока еще далек от разрешения.

Но куда интереснее следующее обстоятельство. Н.А. Фролова попыталась обосновать предположение Н.А. Зографа, допускавшего, что бронзы этого государства можно датировать в результате обнаружения близких по исполнению портретов на статерах (Зограф 1951: 201—202). Для этого она провела штемпельный анализ разменных монет Савромата I (Фролова 1978: 22—26; 1999: 134—158, 170—192; Frolova 1979: 17—30). Однако ее заключение вряд ли следует принимать на веру. Заметим, что еще В.А. Анохин пришел к противоположному выводу. Как верно заметил исследователь, высокопрофессиональные резчики штемпелей статеров вряд ли могли быть в обычном порядке задействованы для разработки чеканов малоценных бронз (Анохин 1977: 102—103). Полагаем, что монетные мастера контактировали друг с другом, вырабатывали общие изобразительные приемы, которые хорошо прослеживаются на нумизматическом материале (Чореф 2012: 171—200). Однако, как уже было сказано выше, на монетах Савромата I, как правило, размещали его

каноническое изображение. Так что сходство бюстов на золоте и бронзе этого государя может быть объяснено куда более очевидной причиной. Монетчики должны были тиражировать не реалистичный, а официально утвержденный портрет правителя. Настаиваем на том, что датировать монеты Савромата I в результате установления корреляции изображений не представляется возможным.

Но вернемся к истолкованию ориентации бюстов государя на изучаемых бронзах. И сразу же подчеркнем, что считаем интересующий нас вопрос крайне важным. Дело в том, что если при Аспурге (14/15—37/38) на Боспоре чеканили статеры и бронзовые монеты с развернутыми влево бюстами императора и царя (Чореф 2019а: рис. 1: 1, 2, 13), то его ближайшие преемники от этой практики отказались. На их монетах изображения государей, как правило, развернуты вправо. Полагаем, что новации Савромата I были мотивированы и, в тоже время, ясны его современникам. Попытаемся истолковать и объяснить это нововведение.

Начнем с датирования интересующих нас монет. Обратим внимание на то обстоятельство, что бюст Савромата I на них выполнен в том же стиле, что и портрет Домициана на реверсе бронзы этого же государя, причем с той же легендой «ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ» на аверсе¹³ (рис. 3). Складывается впечатление, что эти изображения были созданы одним и тем же мастером. Судим по единому стилю воспроизведения глубоко посаженных глаз, крупных носов и острых подбородков.

Настаиваем на том, что привлечший наше внимание портрет Домициана вполне достоверен¹⁴ (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: илл. 68). Следовательно, изображения Савромата I, выполненные тем же мастером, также следует считать аутентичными. Есть все основания датировать изучаемую серию боспорских бронз эпохой Домициана, т.е. 93—96 гг.

Попытаемся установить, о каких свершениях Савромата I повествует эта первая серия его бронз. Обратим внимание на боспорские лапидарные надписи. Они сохранили сведения о том, что Савромат I вел войны с крымскими скифами¹⁵ (КБН 1965: № 32, 981). Есть основание полагать, что он сражался и на восточных границах Боспорского государства. Об этом говорит факт обнаружения постаментов с посвятительными надписями из Гермонассы (КБН 1965: № 1048) и из Фанагории (КБН 1965: № 980, 981; Яйленко 2010: 310—327). О сложности положения на восточных границах Боспорского государства говорит и перестройка крепостных стен Горгиии (КБН 1965: № 1122), а также основание Никои—Никополя на Тамани (КБН 1965: № 44; Яйленко 2010: 328—330).

Примечательно и то, что царь проявил личную отвагу (КБН 1965: № 45). Вернее всего, он сражался в интересах Рима. Об этом свидетельствует вышеупомянутая латиноязычная надпись жителей Синопы (КБН 1965: № 46). К слову, о безусловной лояльности Савромата I по отношению к римским императорам говорит и надпись на постаменте его статуи из Пантикапея (КБН 1965: № 44).

Вполне возможно, что интересующая нас серия бронз была выпущена во время одного из таких конфликтов. Считаем, что в начале правления Савромат I сразился со скифами (Зайцев 2003: 45). Есть все основания полагать, что он их разгромил. Не случайно на реверсе монеты на рис. 1: 3 выбита весьма примечательная композиция — горящая крепость, у левой

¹³ Фотография этой монеты опубликована на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 5).

¹⁴ Обратим внимание на бюст этого императора, оттиснутый на боспорском статере Савромата I (Анохин 2011: № 1492). Они очевидно несхожи. Так что нет оснований сомневаться в том, что штемпели золотых и бронзовых монет Савромата I изготовили разные мастера.

¹⁵ Вслед за А.И. Иванчиком полагаем, что энкомий из Пантикапея, изданный С.Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин 2005: 45—81), а также надпись из Танаиса (КБН 1965: № 1254) не следует датировать правлением Савромата I (Иванчик 2013: 59—77).

створки ворот в которую размещена фигура стоящей на коленях связанной женщины. О значимости этой победы говорит и вышеупомянутая латиноязычная надпись в честь Савромата I из Синопы (КБН 1965: № 46). Допускаем, что войны на восточной границе Боспора прошли позже, по крайней мере, не в период эмиссии изучаемых монет.

Выявленное нами обстоятельство позволяет уточнить наши представления как об истории Боспора времен правления Савромата I, так и о его монетном деле. Война варварами разгорелась уже в первый год правления этого государя. Она потребовала значительного напряжения сил Боспорского государства. Так что царь ограничился эмиссией статеров только первого года своего правления. Война была профинансирована за счет выпуска сестерциев (рис. 1). Острота момента побудила Савромата I оформить их в стиле, несвойственном монетным выпускам Боспора второй половины I — начала II в. Не случайно бюст правителя на их аверсе развернут влево.

Это же обстоятельство побудило царя апеллировать к авторитету отчих богов. Были отчеканены бронзы с изображениями Афродиты Апатуры (рис. 1: 1) и Ники (рис. 1: 2) на реверсе. Не случайно их фигуры были вписаны в лавровые венки. Вскоре был одержана решительная победа (КБН 1965: № 32, 45, 981). Была захвачена и разорена важная вражеская крепость, представлявшая собой угрозу боспорским владениям. В память об этом событии были отчеканены сестерции с изображением горящей крепости и персонификации побежденной страны (рис. 1: 3). Вернее всего, во время этого конфликта Савромат I проявил личную отвагу (КБН 45).

Что же касается войны на восточной границе Боспора, то она началась значительно позже, когда режим Савромата I был уже вполне стабилен, и, похоже, длилась большую часть его правления¹⁶. Судим по тому, что этот государь выпустил серию сестерциев со схожими изображениями Афродиты Апатуры¹⁷, Ники, горящей крепости и связанной женщины правее ее ворот на реверсе, а также с всадником, скачущим вправо и метящим копьё во врага, но со своим бюстом, развернутым вправо на аверсе (Анохин 2011: № 1545, 1547—1549, 1552, 1553, 1559, 1563, 1566, 1572, 1573, 1576, 1584, 1586, 1588, 1591, 1595, 1596, 1599, 1602). Но вряд ли эта война была успешной. Судим по тому, что на бронзах Савромата I вновь появился бюст римского императора, в данном случае — Траяна (Анохин 2011: № 1558—1562, 1577, 1580, 1582, 1585). Есть все основания полагать, что зависимость Боспора от Рима в тот период усилилась¹⁸. Вполне возможно, что на территории царства был размещен отряд имперских войск. И для его финансирования были проведены эмиссии бронз с изображением Траяна. Подобное явление наблюдалось при Септимии Севере (193—211) (Чореф 2019b: 75—98). Однако освещение этого вопроса не входит в круг поставленных нами целей. Вернемся к этому вопросу в ближайшее время.

Итак, нами были изучены бронзы сравнительно небольшой, но весьма интересной серии, поступившей в обращение при Савромате I. Полагаем, что осложнение обстановки на западной границе Боспора, вылившееся в войну со скифами, побудила царя эмитировать оригинально оформленные серии бронзы: с развернутым влево его бюстом на аверсе и с изображениями божеств—покровителей и победной символики на реверсе. Повторно эти же мотивы появились на боспорских бронзах во время войны, разгоревшейся на восточных

¹⁶ Об этом конфликте см. (Яйленко 2010: 310—330).

¹⁷ Бюсты царя на них развернуты вправо.

¹⁸ В.А. Анохин не счел необходимым выяснить причины появления этого изображения на боспорских сестерциях (Анохин 1986: 104). Н.А. Фролова допустила, что это явление следует увязывать с «финансовой политикой Траяна» (Фролова 1997a: 123; 1999: 144). Принять этот тезис мы не можем. С финансовой точки зрения было куда целесообразнее контролировать эмиссию статеров, а не малостоящих сестерциев.

границах Боспорского государства. Есть все основания полагать, что бронзовые монеты Савромата I являются ценнейшим источником исторической информации.

Литература

- Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.
- Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.
- Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.
- Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. 1975. *Римский скульптурный портрет*. Москва: Искусство.
- Зайцев Ю.В. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. Симферополь: Универсум.
- Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты*. Москва; Ленинград: АН СССР (МИА 16).
- Иванчик А.И. 2013. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. *ВДИ* 1(284), 59—77.
- КБН 1965: Струве В.В. (отв. ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
- КБН 2004: Гаврилов А.К. (отв. ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Санкт-Петербург: Алетея (Bibliotheca classica Petropolitana).
- Сапрыкин С.Ю. 2005. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н.э. *ВДИ* 2(253), 45—81.
- Фролова Н.А. 1978. Начальные эмиссии меди Савромата I (93—125 гг. н.э.). *КСИА* 156, 22—26.
- Фролова Н.А. 1997а. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. II. *Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.
- Фролова Н.А. 1997б. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. II. *Монетное дело Боспора 211 — 341/342 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.
- Фролова Н.А. 1999. Монетное дело Савромата I (93—123 гг. н.э.). *НиЭ XVI*, 132—196, табл. V—XV.
- Чореф М.М. 2012. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник. *Stratum plus* 4, 171—200.
- Чореф М.М. 2014. Боспорское царство при Фофоре: по данным нумизматики. *РАЕ* 4, 323—365.
- Чореф М.М. 2017. Надчеканки на боспорских монетах Полемона I как источник исторической информации. *МАИАСП* 9, 441—467.
- Чореф М.М. 2019а. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского государства. *Stratum plus* 6, 97—116.
- Чореф М.М. 2019б. К истории Второй Боспорской войны. *Stratum plus* 4, 75—98.
- Яйленко В.П. 2010. *Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э.* Москва: Гриф и К.
- BMC 1889: Wroth W. In: Poole R.S. (ed.). *Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosphorus*. London: British Museum, Department of Coins and Medals (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Bd. 13).
- bosporan-kingdom.com: 1: Паспорт монеты 414-4481-14. URL: <https://bosporan-kingdom.com/414-4481/14.html> (дата обращения 09.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 2: Паспорт монеты 415-4522-8. URL: <https://bosporan-kingdom.com/415-4522/8.html> (дата обращения 09.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 3: Паспорт монеты 416-4790-4. URL: <https://bosporan-kingdom.com/416-4790/4.html> (дата обращения 09.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 4: Паспорт монеты 000-4662-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4662/1.html> (дата обращения 09.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 5: Паспорт монеты 417-4178-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/417-4178/1.html> (дата обращения 09.11.2019).
- Frolova N.A. 1979. *The Coinage of the Kingdom of Bosphorus A.D. 69—238*. Oxford: BAR (BAR International Series 56).

References

- Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Anokhin, V.A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosporus)*. Kiev: "Odigitriia" Publ. (in Russian).
- Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region. Catalogue)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).
- Britova, N.N., Loseva, N.M., Sidorova, N.A. 1975. *Rimskii skul'pturniy portret (Roman Portrait Sculpture)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Zaytsev, Yu.P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n.e. — III v. n.e.) (Scythian Neapolis (2nd Century BCE — 3rd Century CE))*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
- Zograf, A.N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Moscow; Leningrad: "Akademiya nauk SSSR" (Materials and Researches in the Archaeology of USSR. No. 16) (in Russian).
- Ivantchik, A.I. 2013. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 1(284), 59—77 (in Russian).
- Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2005. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 2(253), 45—81 (in Russian).
- Frolova, N.A. 1978. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 156, 22—26 (in Russian).
- Frolova, N.A. 1997a. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. — seredina IV v.) (Bosporan Coinage (Middle of 1st Century BCE — Middle of 4th Century CE))*. Pt. I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n.e. — 210/211 gg. n.e. (Bosporan Coinage in 49/48 BCE — 210/211 CE)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
- Frolova, N.A. 1997b. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. — seredina IV v.) (Bosporan Coinage (Middle of 1st Century BCE — Middle of 4th Century CE))*. Pt. II. *Monetnoe delo Bospora 211—341/342 gg. n.e. (Bosporan Coinage in 211—341/342 CE)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
- Frolova, N.A. 1999. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XVI, 132—196, tab. V—XV.
- Choref, M.M. 2012. In *Stratum plus* 4, 171—200 (in Russian).
- Choref, M.M. 2014. In *Rossiiskiy arheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 4, 329—371 (in Russian).
- Choref, M.M. 2017. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 9, 441—467 (In Russian).
- Choref, M.M. 2019a. In *Stratum plus* 6, 97—116 (In Russian).
- Choref, M.M. 2019b. In *Stratum plus* 4, 75—98 (In Russian).
- Yailenko, V.P. 2010. *Tysiacheletnii bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. — V v. n.e. (Millenar Bosporan State. History and Epigraphics of Bosporus in 6th Century BCE — 5th Century CE)*. Moscow: "Grif i K." Publ. (in Russian).
- BMC 1889: Wroth W. In: Poole R.S. (ed.). *Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosporus*. London: "British Museum, Department of Coins and Medals" (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Bd. 13).
- bosporan-kingdom.com: 1: Passport of coin 414-4481-14. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/414-4481/14.html> (accessed 09.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 2: Passport of coin 415-4522-8. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/415-4522/8.html> (accessed 01.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 3: Passport of coin 416-4790-4. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/416-4790/4.html> (accessed 01.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 4: Passport of coin 000-4662-1. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/000-4662/1.html> (accessed 01.11.2019).
- bosporan-kingdom.com: 5: Passport of coin 417-4178-1. Available at: <https://bosporan-kingdom.com/417-4178/1.html> (accessed 01.11.2019).
- Frolova N.A. 1979. *The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 69—238*. Oxford: "BAR" Publ. (BAR International Series 56).

Рис. 1. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе (по bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3).

Fig. 1. Bronze Coins of Sauromates I with a Bust of the Ruler turned to the left on the Obverse (after bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3).

Рис. 2. Статер Рескупорида I, отчеканенный в 92/93 г. (по bosporan-kingdom.com: 4).

Fig. 2. Stater of Rhescuporis I was minted in 92/93 (after bosporan-kingdom.com: 4).

Рис. 3. Бронзовая монета Савромата I с бюстом Домициана (по bosporan-kingdom.com: 5).

Fig. 3. Bronze Coins of Sauromates I with a Bust of Domitian (after bosporan-kingdom.com: 5).

УДК 94(395)

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00022

B. Borislavov, E. Georgieva, I. Prokopov, M. Doychinova**COIN HOARD FROM THE RESCUE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS
AT SITE 11B — CHUKOVEZER VILLAGE, DRAGOMAN MUNICIPALITY.
COMPARATIVE ANALYSIS WITH COIN HOARDS
FROM THE REGION OF SOUTHWESTERN BULGARIA***

This paper focuses on coin hoard found in a ceramic vessel during rescue archeological excavations in Chukovezer village, Dragoman municipality, Sofia district. Coin hoard consists of 23 roman bronze coins — folles from the period of the Tetrarchy and Constantine the Great.

The earliest coins (2 coins) belong to emperors Galerius Maximianus and Maximinus II Daia. The most numerous coins (13 coins) are those struck under Constantine the Great. The next small group of coins (8 folles) belong to emperor Licinius I.

The event that provoked the concealment of the hoard was the First Civil War between Licinius I and Constantine I that began in 316, and the battle at Campus Martius (Harmanli) in particular, taking place probably in the late 316 — early 317.

The further issue discussed in the paper is comparative analysis with coin hoards found in the region of the Southwestern Bulgaria with roman coins of the same period.

Key words: numismatics, coins, coin hoard, Roman coins.

About the authors: Borislav Borislavov¹, PhD (archaeology), National Archaeological Institute at the Bulgarian Academy of Sciences Sofia, Head of archaeological research at the Chukovezer village; Elitsa Georgieva², Chief expert in Gold & Numismatic, First investment bank Sofia; Ilya Prokopov³, PhD (archaeology and ancient numismatics), ScD (history, archaeology and applied history), Professor, lecturer in South-West University Neofit Rilski (Blagoevgrad) and in University of Library Studies and Information Technologies (Sofia), Editor in chief of CCCHBulg.; Marina Doychinova⁴, PhD student in ancient numismatics, keeper of coin cabinet at Regional History Museum — Sofia, member of CCCHBulg.

Contact information: ^{1,2,3,4}1000, Bulgaria, Sofia, 1 Banski Sq., Regional History Museum — Sofia; e-mail: gdoysch@gmail.com.

Б. Бориславов, Е. Георгиева, И. Прокопов, М. Дойчинова**КОРПУС МОНЕТ, НАЙДЕННЫХ В ХОДЕ
СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
В ПУНКТЕ 11Б — В ДЕРЕВНЕ ЧУКОВЕЗЕР,
ДРАГОМАНСКИЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРПУСА МОНЕТ
ИЗ РЕГИОНА ЮГО-ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ**

Эта статья посвящена кладу монет, найденному в керамическом сосуде во время спасательных археологических раскопок в деревне Чуковезер, муниципалитет Драгоман, район Софии. Клад монет состоит из 23 римских бронзовых монет — от периода тетрархии до Константина Великого.

Самые ранние монеты (2 монеты) принадлежат императорам Галерию Максимиану и Максимино II Дайе. Самые многочисленные монеты (13 монет) в копилке — это монеты, выпущенные во

* Статья поступила в номер 11 ноября 2019 г.

Принята к печати 2 декабря 2019 г.

времена правления Константина Великого. Следующая небольшая группа монет — 8 фоллисов принадлежат императору Лицинию I.

Событием, спровоцировавшим сокрытие клада от Чуковезера, стала Первая гражданская война между Лицинием I и Константином I, начавшаяся в 316 году, и, в частности, битва при Кампусе Мардиенсис (Харманли), которая, вероятно, произошла в конце 316 — в начале 317 г.

Еще одним вопросом, обсуждаемым в статье, является сравнительный анализ монетных кладов, найденных в регионе юго-западной Болгарии с римскими монетами того же периода.

Ключевые слова: нумизматика, монеты, клад монет, римские монеты.

Об авторах: Борислав Бориславов¹, PhD (archaeology), Национальный археологический институт Болгарской академии наук, София, руководитель отдела археологических исследований в деревне Чуковезер; Элица Георгиева², главный эксперт «Gold & Numismatic», Первый инвестиционный банк София; Илья Прокопов³, доктор философии (археология и древняя нумизматика), доктор наук (история, археология и прикладная история), профессор, преподаватель Юго-Западного университета «Неофит Рилски» (Благоевград) и Университета библиотечных исследований и информационных технологий (София), главный редактор ССЧНБулг.; Марина Дойчинова⁴, аспирант по древней нумизматике, хранитель монетного кабинета Краеведческого музея — София, член ССЧНБулг.

Контактная информация: ^{1,2,3,4}1000, Болгария, г. София, пл. Бански 1, Краеведческий музей — София; e-mail: gdoysch@gmail.com.

The object of study was the treasure of late roman bronze coins found during excavations of the settlement on the site of the modern Chukovezer village (Dragoman municipality, Sofia district) in 2015.

Analysis of the coin hoard

The coin hoard was discovered kept in a ceramic vessel at 11Б Site (fig. 1). It is composed of 23 Roman bronze coins — folles from the period of 309/310—313/317. According to the surviving images and legends on the obverse surface of the coins, they are distributed as follows in a chronological order:

- Galerius Maximianus (293—311) — 1 coin;
- Maximinus Daia (305—313) — 1 coin;
- Licinius I (308—324) — 8 coins;
- Constantine I (306—337) — 13 coins.

The earliest coin is a follis of Emperor Galerius Maximianus (Cat. No. 1). It was issued in 309/310 with the type of Genius with a modius on his head, a patera, a Cornucopia, and a crescent in the field to the left. The legend on the reverse is GENIO [AVGVSTI]. The coin was struck in the second officina (B) of the mint in Siscia (RIC VI 1967: 479, No. 198a).

The next follis belongs to Emperor Maximinus Daia (Cat. No. 2), struck in 311 of the type of IOVI CONSERVATORI bearing the image of Jupiter holding a statue of Victoria and a scepter. The coin was issued by the mint in Nicomedia, the first officina (A) (RIC VI 1967: 566, No. 69b, A). This type of folles is peculiar of the coinage of Maximinus Daia (until his death in 313), Licinius I and Constantine I. It was introduced simultaneously in the mints of Heraclea and Thessaloniki in 313 (RIC VI 1967: 527).

The coins of Emperor Licinius I are 8 folles. All of them belong to the type of IOVI CONSERVATORI with the image of Jupiter with the statue of Victoria over a globe and a scepter, and in the field to the left — eagle with a wreath in the beak. The coins display different variants of the legend on the reverse. Depending on the mint that issued them, they are dating from the period 313—313/317. One follis was issued by the mint of Heraclea (Cat. No. 3), the first (A) officina,

struck in 313 and bearing a legend of IOVI CONSERVATORI AVGG (RIC VI 1967: 541, No. 73, type 2A). Two of the folles of the type of IOVI CONSERVATORI come from the mint of Nicomedia (Cat. No. 9, 19) (RIC VII 1966: 601, No. 13) — the first (A) and sixth (S) officina. They were struck in the period of 313—317. Still another follis is from the fourth (Δ) officina in the mint of Siscia (Cat. No. 14), struck in 313 and with the legend of IOVI CONSERVATORI [AVGG NN] (RIC VI 1967: 485, No. 234a). The folles from the mint of Thessaloniki are the most — 4 coins, struck in the third (Γ) (Cat. No. 21), fourth (Δ) (Cat. No. 17) and fifth (E) (Cat. No. 15) officina. The officina of one of the coins from Thessaloniki is not clearly defined (Cat. No. 20). They were issued in the period of 313—316. The legends on the reverse are IOVI CONSERVATORI AVG.

The largest group of coins belongs to Emperor Constantine I — 13 folles. Two of them bear the image of Sol and the legend on the reverse of SOLI INVICTO COMITI¹ (Cat. No. 5, 16) (Filipova 2013: 296). Both coins from the hoard come from the mint of Rome struck in 314 (RIC VII 1966: 298, No. 18 (?), 19 (?)). The remaining 11 folles of Constantine I display the image of Jupiter with the statue of Victoria and a scepter. In the field to the left — 10 folles have eagle with a wreath in the beak, and one is only with a wreath (Cat. No. 13) (RIC VI 1967: 518, No. 50b, Γ). Depending on the mint the coins were issued by, they are dating from 312/313—313/314 and represent different variants of the legend on the reverse. One of the coins comes from the mint in Siscia (Cat. No. 18), struck in the second officina (B) (RIC VI 1967: 484, No. 232b (?); RIC VII 1966: 423, No. 3) in 312/313—315 (?). The legend on the reverse reads IOVI CONSERVATORI AVGG N[N]. Three of the folles are from the mint in Heraclea (Cat. No. 7, 8, 11) as two were struck in the second officina (B) and one — in fifth one (E), in 313—314. The legend on their reverses reads IOVI CONSERVATORI AVGG. The presence of the folles from the mint in Thessaloniki is the most massive — 7 coins. The officinas they were struck in are the second (B) — 1 coin (Cat. No. 10); third (Γ) — 1 (Cat. No. 13); and fifth (E) — 4 (Cat. No. 4, 6, 12, 22). One of the officinas in Thessaloniki has not been exactly defined (Cat. No. 23). The coins from Thessaloniki were struck in 312—313. The legend on their reverses reads IOVI CONSERVATORI AVGG NN.

According to the mints, the coins are distributed territorially as follows:

From Italy:

- Rome — 2 coins;

From Central and Eastern Europe:

- Siscia — 3 coins;
- Thessaloniki — 11 coins;

From Propontis:

- Heraclea — 4 coins;
- Nicomedia — 3 coins;

The coins issued by the eastern mints of the Empire predominate. Among them, the coins coming from Thessaloniki prevail — 11 coins. On the other hand, the presence of coins from the western mints is also noted, and from the one in Rome in particular. The same picture we can observe with most of the coin hoards found in the Southwestern Bulgaria, as well as in the whole country.

The weight of the folles is within the limits of 1,894—5,881 g which is a normal deviation from the standard introduced by Constantine the Great and has been registered with other folles and their subdivisions and also with the weight standards for control of the coin weights.

¹ The Invincible Sun (Sol) was the principle Roman god after the defeat of Maxentius in 312. This coin type was introduced by Constantine I and was issued during the period of 307—317 by the Western mints of the Empire.

Table 1. Coin hoard from Chukovezer village

No.	Emperor	Mint Marks	Terminus	Number of coins
1	Galerius Maximianus	Siscia	299 CE	1
2	Maximinus II Daia	Nicomedia	311 CE	1
3	Constantine The Great	Thessalonica Siscia Heraclea Rome	312—313 CE =7 312—313 CE =1 313—314 CE =3 314 CE = 2	13
4	Licinius I	Siscia Heraclea Thessalonica Nicomedia	313 CE =1 313 CE =1 313—316 CE =4 313—317 CE =2	8

Comparative material

Having in mind the provenance, and in order to make the analysis of the hoard from Chukovezer, Dragoman region more accurate, the comparative material includes only coin hoards from Southwestern Bulgaria (Filipova 2013). Only the folles from the period of 309/310—317 will be considered in detail.

1. Erul village, Tran region (Filov 1910: 229; Seure 1923: 31, No. 59; Gerov 1961: 329; Filipova 2013: 43, 375)

A coin hoard of 82 copper folles found in a pot in 1909 near the village. It contain folles of Emperors Galerius Maximianus; Licinius I and Constantine the Great minted during the period of 306—324. The coins entered the National Museum of Archaeology — Sofia.

2. Zabel village, Tran region (Vladimirova-Paunova 2003: 215—225; Filipova 2013: 375)

A coin hoard discovered in a grave on August 16 2001 at St. Spas site near the village, within the limits of the Roman necropolis, over a slope next to a dirt road, at a 0,20 m depth. The coins were left as grave goods. The hoard is composed of 16 copper and silver plated coins — folles and half folles of Emperors Licinius I — 4 coins; Constantine I — 10 coins, issued up to 324. One of the coins is a Barbarian imitation of the type of Two Victoria; and Constantine II (317—340). Date of concealment 330—340. The hoard is housed in the Museum of History — Pernik.

3. Krivonos village, Breznik region (Filipova 2013: 376—377)

A hoard of 32 (?) Late Antique copper and silver plated coins — folles and half folles. It was discovered in May 2001 in a withered pouch over a high plateau near an Antique tumular necropolis. The coins belong to Emperors Diocletian (284—305) — 4 folles of the type of GENIO POPVLI ROMANI; Galerius Maximianus as Caesar (293—305) — one follis of GENIO POPVLI ROMANI Type; Constantius I Chlorus as Caesar (293—305) — 2 folles, one of SACRA MONETA AVGG ET CAESS NOSTR Type struck in Siscia, second (B) officina and one of

GENIO POPVLI ROMANI Type, struck in Thessaloniki; Licinius I — 2 small folles from 312—324; Constantine I — 3 coins, one of them of IOVI CONSERVATORI Type, minted in Heraclea, fifth (E) officina; Constantine II as Caesar (317—337) — one copper coin. Most of the coins are unrecognizable — with a poor quality patina and damaged surface. The hoard was probably buried ca. 324/325. It is housed in MH — Pernik.

4. Karnalovo village, Petrich region (Filipova 2010: 85—98; 2013: 293—298, 377—378)

A hoard comprising 79 Late Antique bronze coins — folles of Emperors Diocletian — 2 coins; Maximianus Herculus (286—310) — 1; Galerius Maximianus (293—311) — 4, 2 of them struck in Heraclea in 308—309 and 310 of GENIO IMPERATORIS Type, one from the mint of Siscia struck in 310—313 of GENIO AVGVSTI Type; Galeria Valeria (308—311) — 1; Maximinus II Daia (305—313) — 12 coins struck in 308—313, 3 of them of GENIO CAESARIS Type from the mints of Heraclea (1 coin), Nicomedia (1 coin) and Alexandria (1 coin), one coin of HERCVLI VICTORI from the second officina of the mint of Nicomedia, 4 coins in the variants of the type of IOVI CONSERVATORI from the mints of Thessaloniki (2 coins), Antioch (1 coin) and Siscia (1 coin), 4 coins of GENIO AVGVSTI Type from the mints of Nicomedia (2 coins) and Antioch (2 coins); Licinius I — 33 coins, one of them of GENIO AVGVSTI Type from the mint of Siscia struck in 309—311, 30 coins in the variants of IOVI CONSERVATORI Type issued in 311—316 by the mints of Siscia (3 coins), Thessaloniki (13 coins), Heraclea (6 coins), Nicomedia (2), and Cyzicus (6), 2 coins of SOLI INVICTO COMITI Type — 1 coin from the third (Г) officina in the mint of Arle and 1 coin an obliterated indication of the mint; Constantine I — 26 coins, one of them of SOLI INVICTO COMITI Type struck in 309—310 in the mint of Lugdunum, 21 coins of IOVI CONSERVATORI Type struck in 311/313 and 313/317 in the mints of Siscia (2), Thessaloniki (8), Heraclea (4), Nicomedia (2), Cyzicus (4) and 1 coin with an obliterated indication of the mint, 4 coins of SOLI INVICTO COMITI Type — one coin from the mints of Rome and Arle, and 2 coins have the mint indications obliterated. The coins cover the period of 299—316. Their quality is good and on most of them the silver coating is retained. The weight of the coins varies in the range of 9,6/9,3 g with the heavy folles of Diocletian — to ca. 3,0 g with the latest coins of Constantine I and Licinius I. The good quality of the coins does not imply their long use and depositing. The reason for hiding the hoard can be looked for in the time around 316 — the First civil war between Constantine I and Licinius I.

5. Lilyach village, Kyustendil region (Filipova 2013: 215, 383)

A coin hoard discovered while developing the stone quarry near the village. It is composed of 254 copper coins from the mid 3rd — mid 5th c. Two of the coins are folles of Galerius Maximianus of the GENIO AVGVSTI Type bearing an image of a Genius holding Cornucopia and a patera. They were issued by the mint of Thessaloniki in 308/310 and 310/311. The hoard is housed in the Regional Museum of History — Kyustendil, Inv. No. 1289—1317, 1360—1445.

6. Nedelkova Grashtitsa village, Kyustendil region (Yurukova 1985: 61; Filipova 2013: 211, 384—385)

A hoard of 19 Late Antique copper coins from the first half of the 4th c. It was found in 1953, in a Late Antique grave while digging foundations of a house. The coins were left in a bowl next to the skull. According to the information given, all the coins belonged to Constantine I). In fact, it

contains a fraction of Constantius I Chlorus (293—306) from the period of 295—299 and 18 folles and light folles of Constantine the Great from the period of 311—335. The first two coins of Constantine I are folles of IOVI CONSERVATORI Type bearing an image Jupiter holding Victoria on a globe and a scepter, and an eagle next to his right leg. One of them was struck in the mint of Thessaloniki in 312—313. The indication of the mint on the second coin of the same type is obliterated. The next two coins belong to the same type with Jupiter but were issued after the reduction of the follis in the late 313 by the mints of Nicomedia in 313—317 and Thessaloniki in 317—318. The hoard entered the Numismatic depot of RMH — Kyustendil — Inv. No. 538—556.

7. Polenitsa village, Sandanski region (Filipova, Ivanov, Petkov 2016: 136—148)

A coin hoard of 75 bronze coins covering the period of 311/313 (Constantine I) — 351/361 (Constantius II). Five of the coins are folles — 4 coins of Licinius I and one of Constantine I. All of them belong to IOVI CONSERVATORI Type. Two of Licinius' coins come from the mint of Thessaloniki (312—313), fifth (E) officina, one — from the fourth (Δ) officina in Siscia (313) and one — from third (Γ) officina in Cyzicus (317—320). The follis of Constantine I was struck in the mint of Thessaloniki (312—313), fifth (E) officina. The hoard is housed in the Museum of Archaeology — Sandanski.

8. Koprivlen village, Gotse Delchev region (Aladzhova 2002: 261—273; 2006: 57; Filipova, Andonova, Prokopov 2016: 262—283)

A hoard of 153 bronze coins from Koprivlen discovered in April 2001 during archaeological research of the necropolis at Kozluka site, grave 377. The hoard contains one Antoninianus of Emperor Maximianus Herculus; and 140 folles of Emperors Diocletian — 24 coins; Maximianus Herculus — 28 coins; Constantius I Chlorus — 11; Galerius Maximianus — 50 struck in the period of 296—309/310, 12 of them of GENIO POPVLI ROMANI Type in the mint of Siscia (1 coin), Rome (1), Heraclea (4), Thessaloniki (4) and Serdica (2); 7 coins of SACRA MONETA AVGG ET CAESSType from the mints of Ticinum (2 coins), Aquileia (3) and Siscia (2), one coin of IOVI CONSERVATORI Type from the mint of Siscia; 18 coins of GENIO AVGVSTI Type from the mints of Thessaloniki (12 coins), Serdica (4) and Cyzicus (2); 8 coins of GENIO IMPERATORIS Type from the mints of Heraclea (7) and Cyzicus (1); one coin of GENIO AVGVSTI CMH from the mint of Nicomedia; and 3 coins of VIRTVTI EXERCITI Type from the mints of Thessaloniki (1), Cyzicus (1) and Heraclea (1); Galeria Valeria (308—311) — 8 coins; Maximinus Daia — 12 coins issued in the period of 305/306—308/310, 1 coin of CONCORD IMPERII Type from the mint of Alexandria, 2 coins of GENIO POPVLI ROMANI Type by the mint of Serdica, 2 coins of GENIO AVGG ET CAESARVM NN Type from the mint of Cyzicus and 7 coins of GENIO CAESARIS Type from the mints of Cyzicus (2 coins) and Thessaloniki (1 coin); Licinius I — 5 coins struck in the period of 308/310—312, 4 of them of GENIO AVGVSTI Type in the mint of Thessaloniki and one coin of IOVI CONSERVATORI Type also from the mint of Thessaloniki; Constantine I — 2 coins struck in 312/313 of IOVI CONSERVATORI AVGG NN Type in the mint of Thessaloniki; 12 fractions of Diocletian (6 coins) and Maximian Herculus (6 coins). The hoard covers the period from 292/295 (Maximianus Herculus' Antoninianus) to 312/313 (both folles of Constantine I). It is housed in the Museum of History — Gotse Delchev.

9. The middle flow of Struma River (Filipova 2012: 33; 2013: 291—293)

The hoard was purchased in 1998 by Pautalia Foundation. Concerning its provenance, all we know is that it comes from the middle flow of Struma River and probably is only a portion of a larger coin hoard (Filipova 1998: 27—33). It comprises 70 bronze coins — folles of Emperors Maximinus Daia — one coin struck in 311—313, as the indication of the mint and the legend on the reverse are obliterated, but the image has survived — Jupiter standing to the left, holding Victoria on a globe and a scepter, next to him to the left — an eagle with a wreath in the beak thus giving a hint about the legend — IOVI CONSERVATORI or any of its variants; Licinius I — 45 coins struck in the period of 311—317, one of GENIO AVGVSTI Type from the mint of Nicomedia, 44 coins of IOVI CONSERVATORI Type from the mints of Thessaloniki (7 coins), Heraclea (30) and Nicomedia (4) and 3 coins with their indication of the mint obliterated; 24 coins of Constantine I struck in 312—315 also of the type of IOVI CONSERVATORI and various variants of spelling the legend on the reverse, coming from the mints of Thessaloniki (4 coins), Heraclea (13), Siscia (2), Cyzicus (1) and 4 coins their indication of the mint obliterated. The hoard covers the period of 311—317. It is housed in the Museum of History — Kyustendil.

Conclusion

The coin hoards comprising folles from the period of 309/310—317 become ten in number together with the one here discussed from Chukovezer village. Their territorial scope from the north to south covers Chukovezer, Dragoman region, the contemporary Pernik district (Breznik and Tran regions), the regions of Kyustendil valley with a centre in the Antique Pautalia (Kyustendil), the Middle Struma region with the Antique towns near Sandanski and Petrich, and Koprivlen village, Gotse Delchev region.

After the administrative reforms in the late 3rd and early 4th c. launched by Emperors Diocletian and Constantine I, the territories along the middle flow of Struma River entered the territory of the Diocesis of Macedonia with the major town of Thessaloniki including also the territories of the Late Antique towns next to the modern Sandanski and Petrich.

A well-developed and organized network of major and secondary roads operated in this territory, facilitating contacts between urban centers and other settlements and settlement structures. Main roads of inter-provincial importance also passed through it giving essential importance to the formation of the road network: Serdica — Pautalia — Stobi road; the road along the Struma River Valley from Serdica through the Middle Struma region to the Aegean seashore which joined Via Egnatia at Amphipolis; and the road connecting Pautalia through Germania with Philippopolis; as well as a series of secondary roads (Filipova 2013: 346—347).

By their status, the archaeological sites whose coin hoards are under consideration have the following character: the main urban centre of the period — Pautalia; the Late Antique settlement — Karnalovo village, Petrich region; the necropolises — the villages of Nedelkova Grashitsa, Kyustendil region, Zabel, Tran region, Koprivlen, Gotse Delchev region, and Krivonos, Breznik region (near the necropolis). Two of the hoards are stray finds (the villages of Erul, Tran region and Lilyach, Kyustendil region), and one was purchased as its exact provenance remained unclear (all we know is that it comes from the middle flow of Struma River).

In the course of 4th — 5th c. the main coin circulation in the region of the Upper and Middle Struma involved bronze, and billon respectively, denominations. This was due to the fact that during this period the area was far from the borders of the Empire. There were no major military

formations in this territory and having in mind the use of gold mainly for the salaries of the legions and the payment of indemnities, the relatively small number of golden coins that are known is quite natural. At the same time the bronze/billon coins were characteristic for the everyday commodity — money relations (Filipova 2013: 356—357).

On the grounds of the comparative analysis of the ten coin hoards 363 bronze coins have been registered — folles of Emperors Galerius Maximianus, Maximinus II Daia, Licinius I and Constantine I. Concerning the hoard from Erul village, Tran region, we know only the total number (82), the period covered (306—324) and the emperors whose coins take part in the hoard — Galerius Maximianus, Licinius I and Constantine I. In the other 9 hoards, 58 coins belong to Galerius Maximianus, 26 coins — to Maximinus II Daia, 102 coins — to Licinius I, and 95 coins to Constantine I. The hoard from Karnalovo village, Petrich region is the most similar in composition and time range to the one from Chukovezer.

The event that provoked the concealment of the hoard from Chukovezer was the First civil war between Licinius I and Constantine I that began in 316, and the battle at Campus Martius (Harmanli) in particular, taking place probably in the late 316 — early 317. The army of Licinius I was defeated and he was forced to seek peace from his rival. After the victory, the provinces of Pannonia, Dalmatia, Dacia, Macedonia and Greece were annexed to the possessions of Constantine I. On the Balkans, only the Province of Thrace remained under the control of Licinius I (Gibbon 1998: 84 — 85). Probably the latest in date coins in the hoard were issued before March 1st 317 (RIC VII 1966: 600), when, after the end of the war between Constantine I and Licinius I both Augusti declared in Serdica the sons of Constantine I Caesars — Crispus (317—326) and Constantine II and the son of Licinius — Licinius II (317—324) (RIC VII 1966: 76; Gibbon 1998: 85; Filipova 2013: 343—344, 365—366). It seems that the military actions provoked the concealment of a series of coin hoards — the ones from the villages of Arnautovo, Balchik, Bliznak, Gita, Novae (Svishtov region), and Razboyna (Filipova 2013: 366).

Catalogue

1. Maximian. Siscia Mint. 299 CE.

Obv. IMP MAXIMIANVS PF AVG, laureate head right.

Rev. GENIO [POPVLII ROMANI], Genius standing left, holding patera and cornucopiae; lighted altar, B to left, crescent to right.

SIS in exergue.

AE Follis. 26 × 24 mm; 5,881 g; 6 h.

RIC VI 108b, B

2. Maximinus II Daia. Nicomedia Mint. Struck 311 CE.

Obv. IMP C GAL VAL MAXIMINVS P F AVG, laureate bust right.

Rev. IOVI CONSERVATORI, Jupiter standing facing, head left, chlamys across left shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in right hand. In right field — A.

SMN in exergue.

AE Follis. 20,5 × 22 mm; 4,040 g; 13 h.

RIC VI 69b

3. Licinius I. Sirmium Mint. Struck 313 CE.

Obv. IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG, laureate bust right.

Rev. IOVI CONSER-VATORI AVGG, Jupiter standing facing, head left, chlamys across left shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in right hand, eagle with wreath to left. In right field — A.

SMSM in exergue.

AE Follis. 20,5 × 20,5 mm; 3,023 g; 6 h.

RIC VI 73 type 2, A

4. Constantine I, Thessalonica Mint, struck between 312—313 CE.

Obv. IMP C CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG NN, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●C● in exergue.

AE Follis, 22 × 21 mm; 2,516 g; 6 h.

RIC VI 61b, E

5. Constantine I, struck 316 CE.

Obv. IMP CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. SOLI INVICTO COMITI, Sol standing l., raising r. hand and holding globus in outstretched l., in left field — R/B?.R*?

Sin exergue.

AE Follis, 20 × 20 mm; 3,221 g; 12 h.

6. Constantine I, Thessalonica Mint, struck between 312 — 313 CE.

Obv. IMP C CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG NN, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●T[S] wreath? ●C● in exergue.

AE Follis, 23 × 23,5 mm; 3,288 g; 11 h.

RIC VI 61b, E (?)

7. Constantine I, Heraclea Mint, struck between 313—314 CE.

Obv. IMP C FL VAL CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l., in right field — C.

SMHT in exergue.

AE Follis, 22 × 23 mm; 2,798 g; 6 h.

RIC VI 75.1

8. Constantine I, Heraclea Mint, struck between 313—314 CE.

Obv. IMP C FL VAL CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l., in right field — B.

SMHT in exergue.

AE Follis, 21,5 × 22 mm; 3,336 g; 12 h.

RIC VI 75

9. Licinius I, Nicomedia Mint, struck between 313—317 CE.

Obv. IMP C VAL LICIN LICINIVS P F AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l., in right field — S.

SMN in exergue.

AE Follis, 21 × 23 mm; 2,566 g; 13 h.

RIC VII 1966 13

10. Constantine I, Thessalonica Mint, struck between 312—313 CE.

Obv. IMP C CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG NN, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●B● in exergue.

AE Follis, 22 × 22,5 mm; 3,237 g; 12 h.

RIC VI 61b, B

11. Constantine I, Heraclea Mint, struck between 313—314 CE.

Obv. IMP C FL VAL CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l., in field — B.

SMHT in exergue.

AE Follis, 21 × 21 mm; 3,389 g; 6 h.

RIC VI 75

12. Constantine I, Thessalonica Mint, struck between 312—313 CE.

Obv. IMP C CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG NN, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●C● in exergue.

AE Follis, 23 × 22,5 mm; 2,428 g; 13 h.

RIC VI 61b, E

13. Constantine I, Thessalonica Mint, struck between 312—313 CE.

Obv. CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, wreath to l., in right field — Γ.

●SM●TS● in exergue.

AE Follis, 22,5 × 22 mm; 4,379 g; 11 h.

RIC VI 50b

14. Licinius I, Siscia Mint, struck 313 CE.

Obv. IMP LIC LICINIVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI [AVGG NN], Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l., in right field Δ.

SIS in exergue.

AE Follis, 21 × 22,5 mm; 3,611 g; 12 h.

RIC VI 233a

15. Licinius I, Thessalonica Mint, struck between 313—316 CE.

Obv. IMP LIC LICINIVS P F AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVG, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●Є● in exergue.

AE Follis, 22 × 22 mm; 3,189 g; 11 h.

RIC VI 60

16. Constantine I, struck 316 CE.

Obv. IMP CONSTANTIN[VS P F AVG], Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. SOLI INV[ICTO] COMITI, Sol standing l., raising r. hand and holding globus in outstretched l., in left field R, in right field F. R*?

S/T/F? in exergue.

AE Follis, 18 × 20,5 mm; 2,541 g; 7 h.

RIC VI 50

17. Licinius I, Thessalonica Mint, struck 313—316 CE.

Obv. [IMP] LIC LICINIVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVG, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●Δ in exergue.

AE Follis, 22,5 × 22 mm; 3,049 g; 12 h.

RIC VII 1966 3

18. Constantine I, Siscia Mint, struck 312—313 CE.

Obv. IMP CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG N[N], Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l., in right field B.

SIS in exergue.

AE Follis, 22,5 × 21,5 mm; 2,577 g; 12 h.

19. Licinius I, Nicomedia Mint, struck between 313—317 CE.

Obv. IMP C VAL LICIN LICINIVS PF AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l., in right field A.

SMN in exergue.

AE Follis, 22 × 22,5 mm; 1,894 g; 6 h.

RIC VII 1966 13

20. Licinius I, Thessalonica Mint, struck 313—316 CE.

Obv. IMP LIC LICINIVS PF AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVG, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

TSM (?) in exergue.

AE Follis, 22 × 21 mm; 2,533 g; 12 h.

21. Licinius I, Thessalonica Mint, struck between 313—316 CE.

Obv. IMP LIC LICINIVS PF AVG, Laureate bust r.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVG, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●Γ● in exergue.

AE Follis, 21 × 23,5 mm; 2,576 g; 12 h.

RIC VII 1966 3

22. Constantine I, Thessalonica Mint, struck between 312—313 CE.

Obv. IMP C CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG NN, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●Є● in exergue.

AE Follis, 21 × 21 mm; 2,989 g; 5 h.

RIC VI 61b, E

23. Constantine I, Thessalonica Mint, struck between 312—313 CE.

Obv. IMP C CONSTANTINVS P F AVG, Laureate bust r., draped and cuirassed.

Rev. IOVI CONSERVATORI AVGG NN, Jupiter stg. facing, head l., chlamys across l. shoulder, leaning on sceptre, holding Victory on globe in r. hand, eagle with wreath to l.

●TS●B? in exergue.

AE Follis, 23 × 22 mm; 3,446 g; 12 h.

RIC VI 61b

References

- Aladzhova, D. 2002. Rimski i vizantiyski moneti (Roman and Byzantine coins). In: Bozhkova, A., Delev, P. (eds.). *Koprivlen: spasitelni arkeologicheski prouchvaniya po Gotse Delchev — drama, 1998—1999 g. (Koprivlen: saving archaeologically from the study of the Gotse Delchev — drama, 1998—1999)*. Sofia: “NOUS” Publ., 261—273 (in Bulgarian).
- Aladzhova, D. 2006. Kolektivni monetni nakhodki IV—VI vek ot rayona na Sredna Mesta (Collective coinage finds 4th — 6th century from the area to the Sredna Mesta). In: Dimitrova-Milcheva, A., Katsarova, V. (eds.). *Spartak (Spartacus) II. 2075 godini ot vastanieto na Spartak. Trako-Rimsko nasledstvo. 2000 godini hristijanstvo: mezhdunaroden simpozium 1-4 oktombri 2002 godina, Sandanski (2075 years since the uprising of Spartacus. Thracian-Roman heritage. 2000 years of Christianity: International Symposium 1-4 October 2002, Sandanski)*. Veliko Tarnovo: “Faber” Publ., 57—60 (in Bulgarian).
- Filipova, Sv. 1998. Kolektivna nahodka ot rimski moneti ot IV vek (Collective find of Roman coins from the 4th century). *Numizmatichni izsledvania (Numismatic Studies)* 1—2, 27—33 (in Bulgarian).
- Filipova, Sv. 2010. Kolektivna monetna nahodka ot selo Karnalovo, Petrichko (Collective coinage find from the village Karnalovo, Petrichko). *Numizmatika, sfragistika i epigrafika (Numismatics, Sphragistics and Epigraphics)* 6, 85—98 (in Bulgarian).
- Filipova, Sv. 2012. Monetna tsirkulatsiya po srednoto techenie na reka Struma v perioda 294—498 g. (Coin circulation along the middle course of the Struma River in the period 294—498). *Numizmatika, sfragistika i epigrafika (Numismatics, Sphragistics and Epigraphics)* 8, 31—50 (in Bulgarian).
- Filipova, Sv. 2013. Coin circulation in Late Antiquity (294—498) along the upper and middle reaches of the Struma River. PhD Thesis. Sofia.
- Filipova, Sv., Andonova, M., Prokopov, I.S. 2016. Hoard from Koprivlen. In: Prokopov, I.S. *CCCHBulg. Vol. VI. Numismatic collections of the Museums at Sandanski (Ancient Medius-Particopolis), Petrich (Ancient Heraclea Sintica/Strimonica) and Gotse Delchev (Ancient Nikopolis ad Nestum)*. Sofia: “ProVias Ltd.” Publ., 262—283.
- Filipova, Sv., Ivanov, S., Petkov, Vl. 2016. Hoard from Polenitsa, Locality “The Shed”. In: Prokopov, I.S. *CCCHBulg. Vol. VI. Numismatic collections of the Museums at Sandanski (Ancient Medius-Particopolis), Petrich (Ancient Heraclea Sintica/Strimonica) and Gotse Delchev (Ancient Nikopolis ad Nestum)*. Sofia: “ProVias Ltd.” Publ., 136—148.
- Filipova, Sv., Paunov, E., Prokopov, I. 2011. Moneti i monetni nakhodki ot prouchvaneto na “Karakochovata mogila” i na “Chitashkata mogila” v s. Bratya Daskalovi, Starozagorska oblast (Coins and Coin Finds from the Survey of “Karakochova Mound” and “Chitashka Mogila” in the Bratya Daskalovi Village of Stara Zagora Region). In: Tonkova, M. (ed.). *Trako-rimski dinastichen tsentr v raiona na Chirpanskite vzvisheniya (Traco-Roman Dynastic Center in the Region of the Chirpan Heights)*. Sofia: “Mart” Publ., 44—53 (in Bulgarian).
- Filov, B. 1910. Arkheologicheski paraleli. Studii varkhu istoriyata na antichnoto izkustvo v Balgariya (Archaeological parallels. Studies on the history of ancient art in Bulgaria). In *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knizhnina (Studies on the history of ancient art in Bulgaria. Compendium of Folk Works, Science and Literature)* XXVI, 1—80 (in Bulgarian).
- Gerov, B. 1961. *Prouchvaniya na zapadnotrakiiskite zemi prez rimsko vreme (Studies of the West Thracian lands in Roman times)*. Sofia: “Nauka i izskustvo” (in Bulgarian).
- Gibbon, E. 1998. *The history of the decline and fall of the Roman Empire*. Vol II. London: “Folio Society” Publ.
- RIC VI 1967: Sutherland, C.H.V. 1967. *RIC*. Vol. VI. *From Diocletian’s reform (A.D. 294) to the death of Maximinus (A.D. 313)*. London: “Spink and Son Ltd.” Publ.
- RIC VII 1966: Bruun, P.M. 1966. *RIC*. Vol. VII. *Constantine and Licinius A.D. 313—337*. London: “Spink and Son Ltd.” Publ.
- Seure, G. 1923. Trésors de monnaies antiques en Bulgarie. III. Le trésor de Nicolaévo. *RN* 26, 111—153.
- Vladimirova-Paunova, V. 2003. Antichen nekropol krai s. Zabel, Transko (Rezultati ot arkeoloticheskite razkopki prez 1999—2000 godina) (Ancient necropolis near of Zabel village, Transko). In *Izvestiya na Istoricheski muzei Kyustendil (Proceedings of the Kyustendil History Museum)*. Vol. IX. Pt. II, 215—225 (in Bulgarian).
- Yurukova, I. 1985. Monetni nakhodki otkriti v Balgariya prez 1982 g. (Coin finds discovered in Bulgaria in 1982). *Arkheologiya (Archaeology)* 2(27), 58—64 (in Bulgarian).

Fig. 1. Coin hoard in situ (Photo by the Authors).

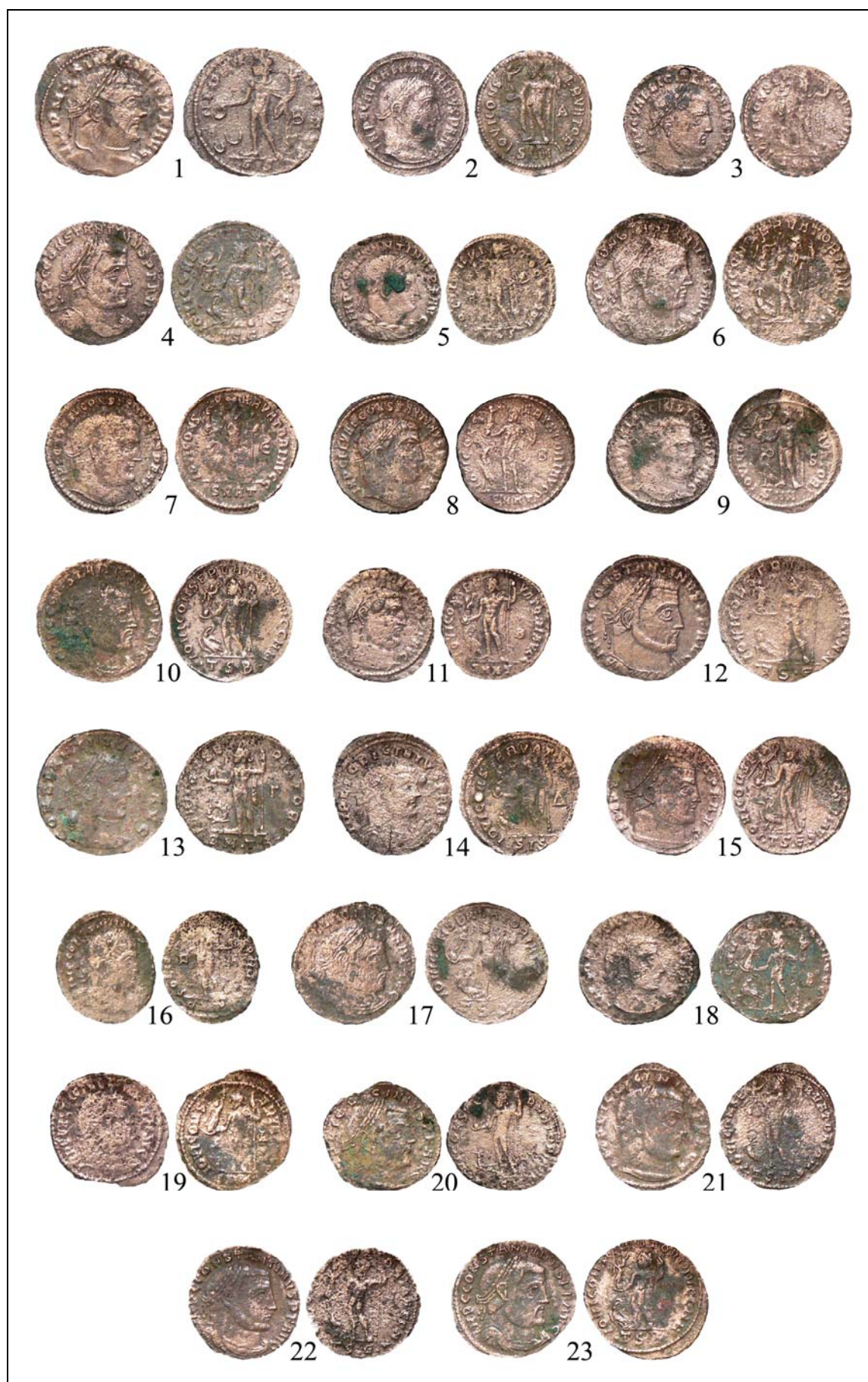

Fig. 2. Coin hoard found in Chukovezer village (Photo by the Authors).

*Историческая
филология*

Historical Philology

УДК 94(47).02

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00019

Штефан Альбрехт

**«ΚΑΘΡΕΠΤΗΣ ΓΥΝΑΙΚΩΝ» ΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝΑ ΔΑΠΟΝΤΕ — ΠΥΤΗΣΗΣΤΒΙΕ В
ΚΡΥΜ В ПОΛΙΤΙΚΗΣΙΚΗΣ СΤΙΧΑХ (1746)***

Фанариот Константин (Кесарий) Дапонте бежал в 1746 г. в Крым, где он по рекомендации Константина Маврокордатоса, господаря Валахии, был благосклонно принят ханом Селимом II Гираем. О своем пребывании он написал поэму в диалогах, в т.н. политических стихах, которую он вложил в свое огромное «Καθρέπτης γυναικῶν», то есть в «Зерцало жен».

Дапонте — первый (ранний) современный греческий писатель, который сделал Крым доступным для греков своего времени. Он также поднял осознание того, что это место, хотя и татарское, но и действительно греческое место, — хотя и без ссылки на греческую древность и византийские времена. Поскольку работа была очень распространена, его описание Крыма весьма интересно.

Дапонте не пишет ничего замечательного о политической ситуации в Крыму, хотя и предоставил своим соотечественникам полезные сведения. Интересны замечания Дапонтеса о грубой красоте монастыря, которая контрастирует с аркадными прибрежными лугами, а также о греческом населении, живущем близ Бахчисарая.

Ключевые слова: Константин Дапонте, Крым, Селим Гирай II, греки.

Сведения об авторе: Штефан Альбрехт, доктор-хабилитат, научный сотрудник Римско-германского центрального музея Майнца.

Контактная информация: 55116, Германия, г. Майнц, Эрнст-Людвиг плац, 2, Римско-германский центральный музей Майнца; e-mail: albrecht@rgzm.de.

Stefan Albrecht

**ΚΑΘΡΕΠΤΗΣ ΓΥΝΑΙΚΩΝ OF CONSTANTINE DAPONTES — THE TRIP TO THE
CRIMEA IN POLITICAL VERSES (1746)**

The Phanariot Constantine (Kaisarios) Dapontes fled in 1746 to the Crimea, where he was received benevolently, with the recommendation of Constantine Mavrocordatos, Prince of Wallachia, by the Tatar Khan Selim II Giray. He wrote in the so-called political verses a dialogical report on his sojourn, which he enfolded in his huge *Καθρέπτης γυναικῶν*, i.e. “Women’s Mirror”.

Dapontes was the first (early) modern Greek author, who made the Crimea accessible to the Greeks of his time. He also raised awareness that this place was — though Tartarian — a truly Greek place, but without referring to the Greek antiquity and the Byzantine times. Since the work was very common, his portrayal of the Crimea should not be without effect.

Dapontes wrote nothing remarkably new about the political situation in Crimea, but he made some information available for his compatriots. What is important are Dapontes' remarks about the monastery landscape of rough beauty, which contrasts with the Arcadian riverside meadows, and about the Greek population living near Bakhchisarai.

*Перевод с немецкого Александра Каплуновского.

Key words: Constantine Dapontes, Crimea, Selim Giray II, Καθρέπτης γυναικῶν, Greeks.

About the author: Stefan Albrecht, Dr. habil., Researcher at Römisch Germanisches Zentralmuseum Mainz.

Contact information: 55116, Germany, Mainz, Ernst-Ludwig Platz 2, Römisch Germanisches Zentralmuseum Mainz; e-mail: albrecht@rgzm.de.

Константин (в монашестве Кесарий) Дапonte был одним из самых влиятельных и талантливых писателей в истории новогреческой литературы периода турецкого господства. Помимо этого Дапonte занимал различные политические должности в Дунайских княжествах, навлек на себя на этом поприще недовольство Оттоманской Порты и был вынужден бежать в Крым. Благодаря этому в нашем распоряжении осталось замечательное описание Крыма (1746) и проживавших там греков — текст, который до сих пор оставался почти полностью неизвестным.

Биография Константина Дапonte довольно хорошо документирована. То, что нам известно о его жизни, реконструируется в основном по его автобиографическому произведению «Κήπος Χαριτῶν». Известно, что Константин Дапonte родился в 1713/1714 г. на о. Скопелос¹. Его отец, потомок зажиточной итальянской семьи Da Ponte, был английским консулом и курировал школьное образование. В 1731 г. Дапonte попадает в Константинополь, и, благодаря протекции Константина Вентуры (драгомана флота в 1713—1731 гг.), во влиятельные политические круги фанариотов. Здесь он познакомился с Константином Раковицэ, который рекомендовал Дапonte своему отцу Михая Раковицэ, господарю Валахии. Дапonte поступил на службу к господарю, однако после последовавшего вскоре свержения последнего был вынужден искать новой протекции.

Дапonte обратился к иерусалимскому патриарху Мелетию (1731—1737), старому другу своего отца, также находившемуся в то время в Бухаресте. Благодаря вмешательству патриарха, Дапonte получил поддержку нового господаря Константина Маврокордата и был принят в его академию. К этому времени относится единственный сохранившийся портрет Константина Дапonte, хранящийся в монастыре Ксиропотам. Спустя некоторое время Дапonte стал личным секретарем господаря Маврокордата и высокопоставленным чиновником в Валахии и Молдавии, где он дослужился до управителя господарской канцелярии.

В 1736 г., в возрасте 23 лет, Дапonte опубликовал в Бухаресте свое первое назидательно-агиографическое произведение о священномученике Харлампии (Πασχαλίδης 2012: 22). К этому времени он начинает проявлять интерес к историко-политическим темам. В частности, по поручению господаря он составил отчет о Русско-австрийско-турецкой войне 1735—1739 гг. под названием «Δακικάι Ἐφημερίδες», пользующийся популярностью и авторитетом среди румынских историков (Samatiano 1970: 481—494). Параллельно он рефлексировал в целом ряде других своих сочинений над теологическими и историческими темами.

В целом его отношения с господарем носили гармоничный характер. Однако когда ожидаемое повышение в должности не состоялось, Дапonte отдалился от политики и планировал вернуться на родину. Иоан Маврокордат, расточительный брат господаря Константина Маврокордата, уговорил его, однако, перейти к нему на службу. В 1743 г., когда Иоан взойшел на молдавский престол, он назначил Дапonte управителем своей канцелярии в

¹ Биография Дапonte — см. в частности (Legrand 1888: IX—LXXXIV; Souloyannis 1974; Лосева 2012: 537—539; Πασχαλίδης 2012; Ζαμπάκης 2017). Актуальна также публикация (Rapp 2018: 61—80).

Яссах. Очевидно, что Дапонте широко пользовался своим влиятельным положением для личного обогащения. В конечном итоге, результатом политической интриги против него стал указ Оттоманской Порты о его аресте.

Дапонте бежал в 1746 г. в Крым, где он был радушно принят ханом Селимом II Гираем (1743—1748) по рекомендации господаря Маврокордата. Однако Дапонте совершил ошибку, когда в следующем году решил сопровождать хана в Константинополь. Там он был арестован и заключен в тюрьму на два года. Дапонте прерывает на этом эпизоде повествование о своем тюремном заключении.

Упомянем здесь также вкратце, что Дапонте после своего освобождения из тюрьмы расширил сеть своих контактов среди греко-православных иерархов. Кроме того, он женился. Но спустя всего два года овдовел, и ушел в монастырь. После череды исканий и скитаний он, в конечном итоге, попал в монастырь Ксиропотам на Афоне, где и умер в 1784 г.

Дапонте был выдающимся писателем. Его произведения пользовались большой популярностью. Поэтому, коль скоро он в одном из своих опубликованных произведений описывает Крым, вряд ли мы имеем дело с второстепенным сюжетом некоего апокрифического автора. Этот текст следует интерпретировать как описание Крыма, как нормативный образец для его восприятия в сознании фанариотских элит. Помимо этого, описание Крыма Дапонте, насколько мне известно, представляет собой единственное аутентичное описание Крымского ханства, принадлежащее перу греческого автора (Арсений, архимандрит 1872: 60—86). Благодаря этому обстоятельству в нашем распоряжении имеется альтернативная перспектива Крыма, отличная от уже известных путевых заметок и травелогов западноевропейских путешественников².

«Καθρέπτης Γυναικῶν»

Хотя этот труд регулярно упоминается в работах по истории новогреческой литературы, он до сих пор не привлекал к себе большого научного интереса. Систематический анализ произведения затрудняется его объемом. Допускаю, что нравственно-философский характер текста также малопривлекателен для исследователей. Тем не менее, это объемное произведение Дапонте не раз становилось объектом историко-литературного анализа. Самое актуальное научное исследование «Καθρέπτης Γυναικῶν» — диссертация Фотини Марси, защищенная в Фессалониках в 2007 г. Ниже я опираюсь, прежде всего, на материалы этого исследования при описании истории создания «Καθρέπτης Γυναικῶν»³. Кроме того, в хрестоматии по греко-русским отношениям мной был опубликован отрывок из «Καθρέπτης Γυναικῶν». Преимущественно в том виде, в каком он был издан свыше столетия назад французским византинистом Эмилем Леграном. Он снабжен короткими комментариями (Κωνσταντίνος, Κυριάκος 2014).

Единственное полное издание «Καθρέπτης Γυναικῶν» было опубликовано в Лейпциге в 1766 г. в издательстве «Breitkopf» (Δαπόντες 1766) и было подготовлено к печати врачом и меценатом греческих ученых—эмигрантов Фомой Мандакасисом. Сам же автор не был

² Историография путевых заметок и травелогов довольно обширна, и, как правило, концентрируется на отдельных аспектах или местах, как, например, Мангуп и др. Из актуальных работ следует выделить (Герцен 2008: 214—220; Kizilov 2012: 169—187; Храпунов 2016: 268—275; 2018: 21—33; Храпунов, Гинькут 2015: 395—430; Храпунов, Храпунова 2017: 612—628;).

³ См. (Μαρούση 2008). Более раннее исследование, к сожалению недоступное для меня, посвящено одному из разделов «Καθρέπτης Γυναικῶν» (Σαββίδη 1993). О возрождающемся интересе к Дапонте свидетельствуют, кроме упомянутых выше исследований, следующие работы: (Κεχαγιόγλου 2009: 47—56; Ζαχαρίας μοναχός Επρωποταμινός 2014: 387—421), а также частично посвященный Дапонте № 59 журнала «Μανδαόρας».

доволен публикацией из-за содержавшегося в ней большого количества ошибок и опечаток, которые серьезно затрудняли чтение текста (Kaplanis 2001: 49). Очевидно также, что этому эпизоду предшествовал конфликт с издательствами в Венеции, с которыми Дапонте обычно предпочитал сотрудничать⁴. Несмотря на ошибки и большой объем, произведение довольно быстро получило широкое распространение (Kitromilides 2013: 69).

Таким образом, «Καθρέπτης Γυναίκων» является одним из тех литературных текстов, на которых сформировалась репутация Константина-Кесария Дапонте как писателя⁵. Это произведение было написано им в период тюремного заточения в Константинополе 1747/8—1751/1753⁶ под влиянием «Ερωτόκριτος» и «Жертвоприношения Авраама» — шедевров критско-венецианского поэта Винченцо Корнаро (1553—1613/1614) и являлось попыткой создания лирического, драматического и одновременно эпического произведения.

Дапонте использовал в своем творчестве широкий репертуар литературных форм. С помощью диалогов, историй, аллегорий и иносказательных притчей, облеченных в стихотворный слог, он пытался сделать текст доступным и привлекательным для всех — с тем, чтобы это произведение, призванное со своим назидательным, энциклопедическим характером выполнять широкую образовательную миссию, было бы востребовано повсеместно (Kitromilides 2013: 68—70).

Тем не менее, над представленными в «Καθρέπτης Γυναίκων» литературными формами и жанрами доминирует практически бесконечный, порой ярко выраженный сатирический диалог (Puchner 2007: 197, 203) Харитона и Психеи, строго выдержанный в византийском пятнадцатистишии. Фигуры Харитона и Психеи репрезентируют, по сути, две ипостаси Дапонте — светскую и монашескую (Kitromilides 2013: 68—70). «Καθρέπτης Γυναίκων» относится к латиноязычной традиции литературы зеркал и является ее единственным подлинным представителем в греческой литературе, несмотря на наличие других примеров, соответствующих более или менее образцу этого жанра.

Следует также отметить, что это произведение Дапонте имеет яркую женолюбскую тенденцию⁷. Оно предваряется обширным посвящением княгине Елене Маврокордат. За ним следуют отдельные главы, названные именами великих (и не только женских) фигур Ветхого Завета. Главы первой книги: Жертвоприношение Иеффая, Сусанна, Эсфирь, Юдифь, Девора, Товит, Маккавеи. Главы второй книги: Лот, Самсон, Раав, Давид, Царица Савская, и Даниил.

Каждая глава подразделяется в свою очередь на разделы и подразделы и в целом имеет многоуровневую структуру. Главы содержат примеры добропорядочных и греховных женщин. Если для моральных и назидательных аспектов Дапонте привлекает, прежде всего, библейские и античные примеры женщин, то для теологических наставлений он использует интенсивную стихомитию между Психеей и Харитоном или гимны, призванные донести до читателя всю догматику Троицы и христологии. Так, например, в главе о Давиде, в форме

⁴ О Фоме Мандакаписе см. (Polioudakis 2008: 119), а также (Hasse 1840: 25). Издательство «Breitkopf» опубликовало в 1770—1780-х годах большое количество древне- и новогреческих произведений, тиражи которых целиком посылались на Восток. Согласно Хассе, «патриарх Феодосий II Константинопольский, составивший и опубликовавший «Катену» ин-фолио в двух томах, рекомендовал своим соотечественникам издательство “Breitkopf”». О причинах, по которым Дапонте не захотел публиковать «Καθρέπτης Γυναίκων» в Венеции см. (Λάμπρος 1905: 336—351).

⁵ Подробнее об этом см. (Μαρούση 2008: 21—27).

⁶ О датировке см. (Kaplanis 2001: 49).

⁷ См. (Kaplanis 2001: 48—70). Другое «Зерцало», построенное гораздо менее комплексно и опубликованное значительно ранее — «Τζάνες Βεντράκος». О нем см. (Κηös 1955: 123—157). В этой работе содержатся ссылки на другие греческие женские зеркала, в том числе и на «Καθρέπτης Γυναίκων» Дапонте.

гимнов воспеваются страсти Христовы, положение во гроб и воскрешение Христа. В центре этой главы Дапонте помещает описание своего путешествия в Крым.

«Μακαρία περιήγεις»

Это повествование о путешествии в Крым открывается разделом «Об авторе». Харитон прерывает свой рассказ о Давиде и интересуется у Психеи ее собственной историей, а точнее тем, как она оказалась в нынешнем положении. Психея не горит особым желанием рассказывать о себе и замечает, что если она смешает свою историю с рассказом о Давиде, то это будет сродни смешению жемчуга с навозом. Но Харитон настаивает на своем. Психея начинает рассказ о своем бегстве от врагов к татарскому хану, который предоставил ей надежное убежище, но она плохо пряталась в нем и потому виновата в том, что ее в итоге нашли и схватили (после своего визита к Крымскому хану Дапонте провел 20 месяцев в турецкой тюрьме).

Повествование о путешествии, о «блаженном путешествии», каким оно обозначается в финале рассказа, разделяется на следующие главы: «О татарском хане»; «О Крыме»; «О Бахчисарае»; «О реках»; «О кельях аскетов»; и, в завершении, «О дервише». Первые два раздела имеют общеобразовательно-дидактический характер, в то время как остальные преследуют назидательные цели. Ниже я обращаюсь к разделам, следуя их оригинальной хронологии.

1. О татарском хане

Заголовок этого раздела немного смещен (возможно, что это ошибка издательства), поскольку он размещен непосредственно посередине короткого, отчасти панегирического раздела, в котором Психея начинает свой рассказ о хане Селиме II Гирае. Психея была чрезвычайно радушно принята ханом, который распорядился доставлять ежедневно для нее и ее десяти слуг достаточное количество мяса, хлеба и свечей, а также брал ее регулярно на охоту (Δαπόντες 1766: 24—35).

Устами Психеи Дапонте передает классический портрет Селима II Гирая как идеального властителя. Он восхваляет красоту его тела, его чувство справедливости, его щедрость и молчаливую серьезность (Curtius 1993: 176—191, 291):

«Справедливолюбивый предельно и в приговорах своих строгий,
Немногословный муж, серьезный – каких немного сыщешь.
Гроза разбойников, он целый Крым
Избавил от страхов и боязни, что даже девы разгуливают вольно там.
С сосудом полным золотых монет ты мог бы всю его
Провинцию объехать, ни на кого не обращая взора своего»⁸.

⁸ См. (Curtius 1993: 291), особенно политические стихи 7—12. Образ мирного Крыма, свободного от разбойников, содержится уже у Мартина Броневского (Albrecht 2011: 104—105).

Этот отзыв о татарском хане неминуемо должен был смутить читателей Дапонтэ, поэтому Харитон тут же, иронично и, предположительно, с настолько же популярным, сколь и ученым предрассудком вопрошает:

«И где же это?»

Психея:

«В земле татар».

Харитон:

«О, что за чудо!

Ведь то ж, как нам известно, всего разбойничьего племя мать!» (Δαπόντες 1766: 291).

То, что тавры промышляли грабежом и войной, сообщается еще у Геродота (Herod., 4, 103), а мифология Ифигении (Ифемиды) была хорошо известна в XVIII в. среди грекоязычного населения Османской империи, о чем, в частности, свидетельствует обработка Петроса Кацайтиса 1720 г. (Pittas-Herschbach 2002: 113—142).

Последующие двенадцать политических стихов выдержаны в более прозаическом тоне. В них перечисляются важнейшие сановники и чины Крымского ханства. Здесь Психея описывает воспитание сыновей хана, а также сообщает, что ханы и прочие члены рода Гираев берут в жены черкесок (dx.doi.org: 1).

Психея, в отличие от западных путешественников, не особо интересуется системой отношений между отдельными персонами и должностями, но, описывает осязаемые для глаз и слуха элементы символической иерархии отдельных чинов. Для начала в поле ее зрения оказывается «мехтерхане», оркестр янычарской музыки (Feldman 1966: 46—47). Очевидно, самый большой или громкий из них принадлежит самому хану⁹, которого обычно сопровождают «драбанты»¹⁰, т.е. своего рода спутники трона, офицеры и старейшины, муфтий и кади. Дапонтэ не углубляется при этом в описание функций каждого из них в отдельности. Более важным для него представляется то обстоятельство, что крымский хан не имеет регулярной армии (Δαπόντες 1766: 291).

Также и калга, второе после хана лицо, чья резиденция находится в Акъмесджит (Симферополь), содержит мехтерхане согласно древней привилегии. У третьего лица в ханстве — нурэддина играет меньший мехтерхане. Других сведений о нурэддине Дапонтэ не сообщает.

Следующий за ними сановник, который отмечается Дапонтесом — султан ор-бей, который управлял крепостью Ор-Капы (Перекопом) и, очевидно, разбогател на этом. Замыкает процессию буджакский сераскир. То, что Дапонтэ упоминает именно сераскира Буджакской орды не удивляет на фоне его связей с Молдавией. Речь шла о сыне хана, т.е. султани, который был послан к ногайским татарам в качестве номинального главнокомандующего. Как правило, ногайцы сохраняли свою автономию.

⁹ Δαπόντες 1766: 291: «κτοῖα δὲ καὶ μεχτερχανᾶ».

¹⁰ О драбантах (шатирах) см. (Tuchelt 1966: 46—47, 59, рис. 46, 86—87).

В ряду сановников и вельмож Дапонте называет также абсолютно точно Ширин-бея, который получил в знак признания от хана три бунчука и содержал собственный мехтерхане. Помимо того, Ширин-бей получил четыре бунчука от османского султана и обладал титулом калги (dx.doi.org: 2) и нурадина¹¹, поскольку Ширин-бей являлся первым и самым важным из вельмож ханства, которого хан не может лишить бейлика, если только он не умрет (Królikowska-Jedlińska 2018: 106—107).

Дапонте описывает далее в нескольких политических стихах мурз, «сродни архонтам или знатным ага», каковых, между прочим, имеется много, но большинство их бесполезны или презираемы. Мурзами являются, между прочим, те, кто рожден от одной из дочерей хана. Примечательно, что Дапонте известен также особый род «мурз кантакузинов», наличие которых в качестве купцов отмечалось также и для более раннего периода его истории Крыма (Δαπόντες 1766: 292).

Все это не особо удивляет. Наблюдения Дапонте перекликаются в основном с тем, что нам известно о государственности и обществе Крымского ханства из других источников и описаний.

В заключении упомянем одну весьма своеобразную, этимологизирующую, историю рода Гираев, который Психея выводит от персидского царя Кира II Великого (559—530 гг. до н.э.). Харитон спрашивает Психею:

«Скажи-ка мне, что значит, собственно, “Гирай”?»

Психея:

«Я слышала, как молвили они о том, как это приключилось:
Что ханский род ведет свое начало от Кира персиян,
и потому их нарекли Киреи» (Δαπόντες 1766: 293).

Сложно судить о том, насколько эта история происхождения рода Гираев является ученой выдумкой Дапонте или же доморощенным слухом, подмеченным им в Крыму¹². Но совершенно точно, эта генеалогическая конструкция поднимала тем самым престиж крымских ханов в глазах ученой публики.

2. О Крыме

Этот раздел не сообщает нам поначалу ничего нового о Крыме. Дапонте обращается к классическому описанию Страбона, согласно которому таврический Херсон похож по форме и размерам на Пелопоннес: «Ἡ δὲ μεγάλη χερρόνησος τῇ Πελοποννήσῳ προσέοικε καὶ τὸ σχῆμα καὶ τὸ μέγεθος» (Strabo., VII, 4, 5). Но вслед за этим Психея, удовлетворяя любопытство Харитона, начинает рассказ о перешейке, соединяющим полуостров с материком — об Ор-Капи (Перекопе). Повествование Дапонте становится настолько же многословным, насколько беглым. Он концентрируется прежде всего на штурме крепости Ор-Капи, и описывает ее более подробно, опираясь, безусловно, на заметки «Δακικαὶ Ἐφημερίδες». При этом он выражает надежду, что благодаря продвижению России,

¹¹ Согласно Йозефу Матуцу, титулы калги и нурадина Ширим-беев, а также Мангит-беев, возникли в первой половине XVII в. (Matuz 1970: 103).

¹² Об этимологии имени Гирай см. (Németh 1965: 360—365).

московитов, Крым будет снова христианизирован, а «Магомет оттуда изгнан» (Δαπόντες 1766: 293).

Дапonte был выраженным сторонником идеи, согласно которой Россия должна превзойти Османскую империю, и демонстрирует в этой связи свой разносторонний и благосклонный интерес к России. Петру I (1682/1689—1725) он посвятил в своем «Ἱστορικὸς κατὰλογὸς ἀνδρῶν ἐπισήμων» («Каталог именитых мужей») панегирические политические стихи. Царь Петр I — «первый басилевс России, который осветил Московию, словно солнце», он «горит рвением освободить христиан и православных римлян», т.е. православных греков¹³. Дапonte характеризует также позитивно и наследников Петра. О том, что он связывал новые надежды с Россией, свидетельствует, в частности, написанное им в 1770-х годах стихотворение «Княгиня Ольга или история крещения руссов» (Медведев 2010: 5—16).

Харитон иронизирует в очередной раз над Психеей — откуда ей это все известно? Он устраивает Психее настоящий допрос о европейской политике прошлых лет, об императорах и царях и их именах. Затем он переходит от современной политики к Моисею и снова возвращается к настоящему и предоставляет Психее возможность блеснуть своими политическими и энциклопедическими познаниями.

При всем этом, Психея сообщает довольно общие сведения, и только опрашиваемая Харитоном вначале о Нишском мирном договоре, она одобряюще подчеркивает:

«Для россиян устанавливает статья одиннадцатая договора,
что никому не чинится препона,
будь то мирянин, иль служитель алтаря,
кто б ни был он,
коль восхотит он путешествовать в Царьград,
для поклоненья гробу Господа или почтенья мест святых,
вплоть до Синая — горы священной» (Δαπόντες 1766: 295).

Психея, на удивление хорошо знакомая с содержанием этой статьи договора (Clive 1969: 441), дополняет ее Синаем в качестве конкретной цели паломничества. Она прекрасно осведомлена, что начиная с конца XVII в. Синай с его монастырем Св. Екатерины привлекал все большее количество русских паломников¹⁴.

После этого длинного политического экскурса Психея возвращается к основной теме и описывает Бахчисарай, резиденцию хана.

¹³ См. (Σάθα 1872: 136—149). Дапonte упоминает также двухтомную биографию Петра I, написанную Александросом Канкелариосом (Καγκελλάριος 1737). См. также (Πισσίς 2009: 45, 52). Помимо этого, об отношении Дапonte к России см. (Costache 2010—2011: 25—50; Kitromilides 2013: 121, 135). Как отмечает в своем исследовании Йоханн Штраус, «Kaisarios Daponte muses about the liberation of Oriental Christendom and declares that if the ancient prophecies in this respect are not fulfilled, 'it will be due to our unworthiness and that of the Russians and the depravity that has become clearer than the sun during the six years of war ...» (Strauss 1999: 231—232).

¹⁴ См. (Piatnitsky 2000: 21). См. также (Чеснокова 2015: 23—38).

3. О Бахчисарае

Психея Дапonte восхваляет окрестности города, который насчитывает от шести до семи тысяч домов (Δαλόντες 1766: 297, 298). Бахчисарай располагается посреди идиллической, покрытой лесом скальной дикой местности¹⁵, в лесу, в котором хан охотится на оленей. Психея рассказывает затем несколько подробнее о городе, сожженном московитами и вновь отстроенном. Она называет триста домов, принадлежащих христианам и двести армянских домов¹⁶, но все их обитатели говорят на турецком¹⁷. Евреи проживают в отдельном поселении на расстоянии одного часа, «изолированные на возвышенности, словно чесоточные больные» (Δαλόντες 1766: 298). Вне сомнений, Дапonte имеет в виду Чуфут-Кале¹⁸.

Не успевает Психея присовокупить, что в Бахчисарае находится резиденция французского консула, Харитон вновь иронизирует над ней:

Харитон:

«И что же он там делает?»

Психея:

«Досель его там не было, поелику в нем не было нужды»

Харитон:

«И как же это приключилось?»

Психея:

«Один французский врачеватель¹⁹ привлек внимание хана,
И обратился хан к посланнику, что ищет,
Лекаря он, и как его зовут, что чтит его высоко он,
С тех пор остался лекарь тот здесь, а после постоянно присылали новых,
Так иль иначе, сей друг²⁰ весьма полезен оказался мне,
Он приглашал меня к себе, со мной прогулки совершал,
И подарил мне, между прочим, франки»

¹⁵ О византийской традиции восхваления городов, в особенности в сравнении с Эдемом (Rhoby 2007: 287—288).

¹⁶ Хотя они и христиане, но они не принадлежат к православным.

¹⁷ Т.е. урумы (греко-татары). О них см. (Баранова 2010: 36—46).

¹⁸ Хороший обзор о еврейском населении, а точнее о караимах в Чуфут-кале содержится в работе (Kizilov 2003: 759—788).

¹⁹ Речь идет о Ксавьеро Главани (1722—1734). См. (Mézin 1998: 322—323).

²⁰ В то время им был Шокé (1745—1748). См. (Mézin 1998: 198, 688).

Харитон:

«Да тут, как посмотрю я, скала булыжник свой нашла,
Филипп Нафанаила отсыкал — ну не прекрасна ль цепь сия!
Сыскал французский консул английского посла²¹.
Сомнений нет — ты славно время провела» (Δαλόντες 1766: 298).

4. О реках

Психея продолжает чуть ниже свой экфрасис окрестностей Бахчисарая, где, по всей вероятности, любили бывать консул Шокé и Дапонте. Речь идет о долинах рек Альма, Бельбек и Черная. Эта местность описывается в согласии с каноническими атрибутами литературного нарратива *locus amoenus*²²: это прелестное место, с многочисленными полями и лугами, с виноградниками и лесами, с прохладными проточными водами, полное благодати и красоты²³. Психея стихотворствует, описывая речные долины, их ландшафты, растущие там дикие и культурные растения и проживающих там людей:

«Бахчисарай оставив позади, пешком,
Часа два с половиной удалившись от него,
Ты набредешь на никогда не иссыхающую реку,
Долина сей реки пестрит полями и виноградными садами,
И если не поленишься сверх этого проделать ты такой же долгий путь,
То ты найдешь другую реку, намного полноводней первой,
И также как и та, она полна прекрасными вещами
[...]
Настолько ж велика, сколь и прекрасна в местах тех [третья река],
Ее долина переполнена садами и лозой,
Поскольку все здесь, будь то турки или христиане,
Усадьбами владеют и разводят виноградные сады.
[...]
И верю я, творение не знает флоры дивнее чем эта.
Неужто полагаешь ты, что спорят здесь растения меж собой,
кого из них кто превосходит,
Изяществом и красотой в лесах иль на лугах,
С тем чтоб изящному не чуждый человек окинул взглядом эту роскошь,
И самое красивое воспели бы его уста,
Чтоб и тебя туда тянуло, и ты бы радость испытал,
Присев в прохладе берега реки.
[...]
Ужель то недостаточно учтиво или дружелюбно?
Томим ты жаждой — она [река] сей час наполнит твою чашу,

²¹ Как было сказано выше, Кесарий Дапонте по смерти своего отца унаследовал его консульскую должность.

²² О типологии *locus amoenus* все еще актуальная работа (Curtius 1993: 191—209). Историография по теме чрезвычайно обширна. О византийской традиции см. (Cupane 2006: 221—245; 2011: 167—178).

²³ См.: (Δαλόντες 1766: 299, 301). Схожее описание местности как *locus amoenus*, хотя и менее объемное, дает Мартин Броневский (Albrecht 2011: 78—79).

Прохладной влагой освежив.
Желаешь омовенья ты — торопится она к тебе,
Твое лицо умыть без промедленья,
А как придет трапезы пора, и тут река тебе поможет,
Она слугою тебе лучшим чем твой Яннис станет,
Вода очистит твой салат и твой бокал,
И охладит твоё вино.
Готовая к любой услуге, река протянет тебе руки.
И лишь костер, увы, она разжечь не сможет — в воде угаснет пламя.
А сверх того развеселит твой слух река,
Теченья своего очаровательным журчаньем.
Покойным, чистым обликом своим,
Наполнит сердце радостью и юноши и старика.
Сия земля, сия равнина с цветущими растениями,
И желто-красными цветами,
С садами, фруктами и виноградною лозой,
Тебя пленяют, и ты проводишь здесь пять-шесть часов:
Все это испытала с консулом я вместе — прекрасные мгновенья!
Мы не способны были оторваться, чтоб в город возвратиться.
Река в тот день нас щедро принимала,
И угощала рыбой до заката» (Δαπόντες 1766: 299, 301).

5. О кельях аскетов

Успенский пещерный монастырь

Еще в преддверии этой идиллической сцены в главе о Бахчисарае, Психея рассказывает о Гедеоне, митрополите Готфском и Кафском и о его скудном соборе Св. Николая в, или, точнее, под одной из скал.

Гедеон приветливый православный митрополит, который великодушно принимает и угощает свою гостью в своей небольшой курии. О Гедеоне нам мало что известно, и основная информация о нем содержится в более позднем указе 1759 г.; время его митрополитства пришлось на период между 1725 и 1769 гг. (Арсений, архимандрит 1873: 74—81).

Но внимание Дапonte привлекает не митрополит, а Успенский монастырь, и поэтому я позволю себе рассмотреть этот сюжет вместе с кельями аскетов. Очевидно, что Успенский монастырь произвел большое впечатление на Дапonte, поскольку он вновь обращается к нему в одном из своих более поздних стихотворений, посвященном монастырям Богородицы (Hurmuzaki 1909: 279). Психея Дапonte сравнивает Успенский монастырь с другими, в том числе и с Монастырем Трех святителей («Mănăstirea Colțea») в Бухаресте²⁴. Она описывает архитектуру и конструкцию монастыря, полностью высеченного в скалах, а не сложенного из кирпича и камня. Она превозносит его за то, что он полностью окутан облаками и тем самым в высшей степени отвечает своему названию Успенского (т.е. Вознесенского), она поднялась наверх, пройдя триста, даже четыреста ступеней. Дважды она была в монастыре в честь великого праздника, панегирика, во время которого совершалось поклонение

²⁴ См. (Δαπόντες 1766: 299). Не понятно, на чем основывается это сравнение, поскольку этот культовый комплекс внешне не имеет никакого сходства с Успенским монастырем.

чудотворной иконе Бахчисарайской Божьей матери Луки-евангелиста²⁵. В такие дни сюда приходят, как повествуется далее:

«Издалека, из деревень, на расстояньи двух-трех дней пути,
На повозках дети, матери, отцы ...»

Психея также отмечает, что здесь, в отличие от столицы, христиане разговаривают на греческом, на «нашем языке»:

«Там слышать можно было как крестьяне меж собою по-эллински говорят.
Поведано мне было, что пятнадцать деревень здесь есть,
Где с незапамятных времен язык эллинский сохранился,
И говорят они на нашем языке, Бог знает сколько к ряду лет» (Δαπόντες 1766: 299).

При этом Психея Дапonte не могла не заметить, что язык существенно отличался от знакомого ей греческого, поскольку крымские греки говорили на разновидности понтийского диалекта греческого языка. Феоктист Хартахай полагал, что этот диалект должен был быть почти непонятным для афинянина (Хартахай 1867: 41—128). Но Дапonte не замечает этого вовсе. Для него, очевидно, гораздо более важным было то, что местные греки вообще говорят на греческом языке, что у этого языка здесь своя древняя традиция. Тем самым он воспроизводил и сохранял иллюзию греческого мира в Крыму.

О кельях аскетов

Однако основное внимание и хвалебные гимны Психеи заслужил не Успенский монастырь, а «кельи аскетов». Вслед за идиллической сценой Психея начинает повествование о ските Св. Анастасии — месте хотя и убогом, с ее точки зрения, но в высшей степени благочестивом (Могаричев 2010: 196—207).

Речь, вне всякого сомнения, идет о комплексе Качи-Кальон, расположенном на правом берегу реки Кача на удалении 8 километров от Бахчисарая. Поскольку нам немного известно об этом месте, рассказ Дапonte о нем имеет определенную ценность.

Кельи находятся у горы и в горе Фуцки на высоте 450—500 м над уровнем моря. Археологически храм изучен недостаточно, основополагающую археологическую экспедицию 1930—1933 гг. возглавлял Н.И. Репников²⁶. Качи-Кальон считается самым «загадочным» из «пещерных городов» в Крыму. Пещерный комплекс обозначается как деревня, поселение или монастырь. Поселение существовало здесь, по всей вероятности, уже в раннее средневековье, в то время как монастырь возник, возможно, только в XIII—XV в. Письменные источники чрезвычайно скудны, упоминания монастыря содержатся в нескольких грамотах царя Бориса Годунова конца XVI в. После изгнания христиан из Крыма

²⁵ Эта икона также упоминается Дапonte в указанном выше стихотворении о монастырях Богородицы. О датировке иконы, истории и легенд XI—XIV вв. см. (Пивоварова 2009: 398—399). О теме Богородицы в творчестве Дапonte, и, в частности, в «Καθρέπτis Γυναϊκῶν», см. (Μακρή 2018: 59—62).

²⁶ См. (Репников 1935: 102—114). Об истории изучения см. (Лавров 2015: 349—363; Комаров, Зарубин, Бабицкий 2018: 70—77). Столетием раньше эту местность описал Фредерик Дюбуа де Монпере (de Montpérèux 1843: 297—305). См. также (Бертье-Делагард 1910: 67—68). Согласно А.Л. Бертье-Делагарду, в 1778 г. здесь насчитывалось 20 греческих дворов, поселение принадлежало Успенскому монастырю. Делагард описывает также нищету церкви Св. Анастасии.

(1778) монастырь был оставлен и пришел в упадок. В XIX в. он обрел новое значение в контексте новооткрывательства и реконструирования христианского Крыма и был передан в подчинение Успенского монастыря. Комплекс насчитывает свыше ста пещер, сгруппированных вокруг пяти скальных гротов. В углублениях в полу выдолблены виноградные прессы, кормушки и другие приспособления. Пещерная церковь посвящена Премудрости Божьей; известность имеет также источник в так называемом четвертом гроте, в котором располагался скит Св. Анастасии.

Психея рисует картину достойного сожаления, убогого скита, строительство которого потребовало немалых усилий и вызывает у рассказчицы слезы. Но одновременно все здесь олицетворяет наивысшее благочестие и кротость, суровая и монолитная монументальность которых приводит в трепет, и является также своего рода монашеским *locus terribilis* или *horridus*²⁷, который резко контрастирует с миловидными речными долинами, описанными в предыдущем разделе. Скит изображается в полном согласии с византийской традицией как священный ландшафт, как место между небом и землей, крутые лестницы на пути к Богу, кропотливо обтесываемые скалы, символизирующие монашескую жизнь²⁸.

Дапонте посвящает этому небольшому месту четыре с лишним страницы, что свидетельствует о том большом значении, которое он ему придавал. Вне сомнения, скит напоминал ему любимый Афон. Возможно, Дапонте следует отнести к числу предвозвестников и пионеров процесса восприятия и конструирования Крыма как русского Афона, развернувшегося столетием спустя и включавшем, не в последнюю очередь, Успенский монастырь и скит Св. Анастасии (Kozelsky 2010: 85—86, 122—123). Эта идея могла стать плодотворной именно благодаря широкому распространению «Зеркала жен»²⁹.

Скит, согласно Психее, образует дюжина убогих жилых помещений, расположенных внутри кое-как высеченных в скале пещер. Все помещения заняты монахами (Δαπόντες 1766: 301). Помимо этого она описывает две церкви, также высеченные в скале. Возможно, память несколько подвела Дапонте, и он допустил неточности в описании реалий местности. Однако в случае обеих церквей узнаются так называемая церковь Св. Софии и церковь № 2, стены которой частично вырублены в скале, а частично выложены из камня. Хорошо идентифицируется также и источник Св. Анастасии. Так называемые третий и четвертый храмы (Могаричев 1995: 102—106) Дапонте не упоминаются (Δαπόντες 1766: 302, 304).

«В ней есть две совершенства полные иконы,
и абсолютного достоинства она сама полна,
Я видела ее врата и раку,
И, коль не изменяет память мне, окно и заглубленную гробницу³⁰,
И видела я там другую, еще бóльшую церковь,
В которой и для поселян молебны отправляют,
С тяблом, иконостасом, как полагается устроено все в ней,
Открыта, правда, всем ветрам она, поскольку кров свой потеряла.
Над нею не нашлось особо крепкого утеса.
Точило время камень и храма часть открытой оказалось небу.

²⁷ См. (Beyer 1981: 171—205). Священная гора (Афон) описывается в принципе в рамках топоса *locus amoenus*, реже, однако в особенности в поздневизантийский период, в труднодоступных ущельях и скалах монашеского затворничества и отшельничества усматривается духовный потенциал.

²⁸ См. (della Dora 2016: 147—202). См. также (della Dora 2011: 761—779).

²⁹ О рецепции литературного наследия Дапонте в XVIII в. см. (Cioroch 1993). Гимны Дапонте были переведены с греческого на русский и обрели в России широкую популярность в середине XIX в.

³⁰ Возможно это Эфимий (iospe.kcl.ac.uk: 1).

Пожертвовала тридцать грошей³¹ я на содержание монахам.
 Охотно чтобы шли они сюда, обитель скромную сию не покидали.
 Храм назван в честь Анастасии Фармаколитрии, великомученицы³².
 Сюда восходишь ты, чтоб Господи помилуй петь.
 Поскольку скит высоко расположен на вознесенной круто вверх скале,
 Нелегко путь к нему и осмотрительным ты должен быть.
 Сюда попал и Гидеон, скрывался временно он здесь,
 Когда Бахчисарай страдал от белых³³.
 Откуда б ты сюда не возбирался, не сможешь выше ты уже ступить,
 Покуда род людской не создал крыльев, чтоб с ними в небо взмыть.
 Великая гора сия — скала,
 Две сотни клафтеров³⁴, коль скоро не ошиблась я.
 Сии святые, аскеты прошлых лет,
 Что празднуют с небесным воинством теперь,
 Там, на горе из камня состоящей,
 Те кельи высекли и основали скит.
 Ошеломлен ты видом этим и трепещешь.
 И восклицаешь ты: о, Боже, ты велик!
 Велик Ты, и достославны твои слуги, чрез мощь твою.
 [...]

Из кельи в келью ты проходишь,
 И посередине каждой проход лежит, тебя по ним ведущий.
 Там в зале тесной из земли вода струится,
 Источник сей ныне величают святыней Анастасьи.
 Вода сия воистину божественный родник,
 столь величаво и прелестно бьющий из чрева матери—земли».

Психея продолжает прославлять гору, в которой располагаются свыше ста келий, и скит, наполненный, подобный гранату, аскетами с доброй верой и большим усердием. Она торжественно завершает свой рассказ: «Присутствует повсюду здесь Христос, а где же турок?»³⁵.

³¹ В оригинале куруш — серебряная монета. В это время один венецианский дукат стоил 3,66 курушей. Пожертвование около 8 дукатов — не особо крупная, но и не малая сумма (Pamuk 2000: 160—171).

³² Анастасия Сирмийская или Узорешительница, † 304.

³³ Русские, *Xantho genos*. О предсказании об избавлении и отвоевании Константинополя/Царьграда русским родом, *Xantho genos*, как это, например, описано у Нестора-Искандера в «Повести о взятии Царьграда» (Πίσσης 2014: 152, 155, 157). Гедеон, таким образом, скрывался здесь, когда Бахчисарай был завоеван русскими войсками (Kostantaras 2006: 154). Дапонте, безусловно, верил в освобождение греков «белым родом».

³⁴ 360 м.

³⁵ Это напоминает схожие прославления Дапонте острова Самос:

«Here nobody else resides, no other race, per Dio
 No Jew, no Turk, God forbid, no other race
 Neither Armenian nor Franc nor Lutheran,
 Pure Orthodoxy everywhere».

Английский перевод из «Κῆπος χαρίτων» (Speake 2018: 205). О стихотворении о Самосе см.: (Μηνάουλου 2018: 70—71).

6. О дервише

Заключительная глава «О дервише» подчеркивает еще раз, насколько Крым, несмотря на доминирование мусульман, наполнен христианской верой. Психея рассказывает здесь изумленному Харитону, что в Бахчисарае один дервиш во всеуслышание прославлял крест Господня (Δαλόντες 1766: 305). То, что хан лично принимал участие в христианских ритуалах, а именно в поклонении иконе Богородицы в Успенском монастыре,³⁶ Дапonte подчеркивает также в упоминавшемся выше стихотворении о монастырях Богородицы. Христианство, в том числе и монашеское, затмевает у Дапonte в определенной степени мусульманский Крым.

Заключение

Дапonte является первым греческим автором Нового времени, который вновь открыл Крым — татарский и христианский для своих греческих современников³⁷. При этом он пробуждал в сознании читателей идею о том, что это место является греческой территорией, поскольку здесь живут христиане, которые всегда говорили на греческом языке, и поскольку здесь существует митрополичья кафедра. При этом Дапonte не упоминает ни словом как античное время, так и византийский период. Его не интересуют ни руины Херсона, ни какие-либо иные места в Крыму. Только при описании Крыма в целом он обращается к подражающему античным образцам дискурсу и указывает на параллели между Крымом и Пелопоннесом. Несмотря на то, что он был прекрасно знаком с византийскими авторами — он упоминает, например, Евстафия Солунского (Фессалоникийского), а затем также и поэта и историка Константина Манассия, он ничего не рассказывает о византийском периоде Крыма. Хотя Дапonte был также прекрасно знаком с агиографией, он не упоминает ни одного из великих или малоизвестных крымских святых.

Знакомя греков с Крымом на страницах своего «Зеркала», Дапonte делал это с чистого листа, без каких-либо видимых реминисценций к прошлому. И только его литературный, стихотворный стиль воспроизводит византийскую традицию. Он выводит греческую идентичность Крыма в согласии с современными ему представлениями не из античного или византийского величия, а из современного православия³⁸.

О политических отношениях в Крыму Дапonte не рассказывает ничего нового. То немногое, что он повествует о политических структурах, известно гораздо лучше по латиноязычным европейским справочникам. Его информативные сообщения о Русско-австрийско-турецкой войне 1735—1739 гг. и о Белградском мирном договоре, он почерпнул

³⁶ Об этом повествуется уже у Матвея Меховского (Miechowita 1518: [39]). О Матвее Меховском см. (Metan 2019). Об этом эпизоде см. (Кизилев 2004: 91—94). См. также (Albrecht 2012: 158). Об участии мусульман в христианских ритуалах и т.д. см. (Zelevos 2011: 122—123).

³⁷ Примерно тридцать лет спустя Полизойс Лампаницитес посвятил митрополиту Молдавии Габриэлю свой перевод Истории Крыма Франческо Бекаттини — (Λαμπανιτζιώτης 1792). История Бекаттини была опубликована в 1785 г. в Венеции (Becattini 1785). По собственному утверждению Лампаницитеса он познакомился с Бекаттини во время своего пребывания в Венеции в 1791 г. О Бекаттини см. (Morelli Timpanaro 1991: 338).

³⁸ Об этом см. (Zelevos 2011: 111—119). Аналогичные построения содержатся в описании Санторина (Κακλαμάνης 2015: 71—95). Однако Дапonte подчеркнуто прибегает в своем эссе Самоса к античным грекам, эллинам, он упоминает также Константина Великого и Феофила, которые в определенной степени выстраивают мост к Византии, но христианская, византийская эпоха не рассматриваются им далее (другого мнения придерживается Минаоглу полагающий, что Дапonte стремится равноправному отображению византийской эпохи Самоса (Μηνάουλου 2018: 70—71)).

из собственной политической деятельности, описываются Дапонте в других его произведениях гораздо подробнее.

Главный интерес Дапонте вызывает монашеский (монастырский) ландшафт Крыма, с его суровой красотой, *locus terribilis* — «дом Бога и врата небес» (Быт. 28: 17), который он противопоставляет описываемому *locus amoenus*, идиллическим речным долинам. Здесь отражается также собственный переход и восхождение Дапонте (по меньшей мере таковым был его замысел) от мирской к духовной жизни, и обнажается назидательный, поучительный характер «Зеркала жен». Этот морально-философский аспект Дапонте объединяет с историко-политическими образовательными целями подъема и развития общей образованности, в связи с чем он включает в свой текст информацию энциклопедического характера.

Рассказ Дапонте о его пребывании в Крыму существенно расширяет наши знания о полуострове ценными примечаниями о проживающем там греческом населении, о котором западноевропейские путешественники упоминают в лучшем случае только как о статистической величине.

Литература

- Арсений, архимандрит. 1872. Готская Епархия в Крыму. *ЖМНП* CLXV, 60—86.
- Баранова В.В. 2010. *Язык и этническая идентичность: урумы и румеи Приазовья*. Москва: ВШЭ.
- Бертье-Делагард А.Л. 1910. Мнимое тысячелетие, или к истории христианства в Крыму. *ЗООИД* XVIII, 67—68.
- Герцен А.Г. 2008. Мангуп глазами исследователей и путешественников XVI — начала XX в. В: *БИАС*. Вып. 3. Симферополь: Антиква, 214—220.
- Кизилов М.Б. 2004. Крым и Крымское ханство в «Трактате о Двух Сарматиях» Матвея Меховского. *Archivum Eurasiae Medii Aevii* 13, 79—95.
- Комаров В.Н., Зарубин З.М.Ф., Бабицкий Е.Ф. 2018. Качи-Кальон. *Природа* 2 (1230), 70—77.
- Лавров В.В. 2015. Археологические исследования Качи-Кальона в 1954 г. (По материалам архива Е.В. Веймарна в Бахчисарайском заповеднике). *История и археология Крыма* 2, 349—363.
- Лосева О.В. 2012: Кесарий Дапонте. В: *Православная энциклопедия*. Т. 32. Москва: МП РПЦ, 537—539.
- Медведев И.П. 2010. Поэма Кесария Дапонте (XVIII в.) «Княгиня Ольга или История крещения Россов». *Вестник церковной истории* 3—4, 5—16.
- Могаричев Ю.М. 1995. Пещерные церкви Качи-Кальона. *АДСВ* 27. *Византия и средневековый Крым*, 102—106.
- Могаричев Ю.М. 2010. «Пещерные города» в Крыму. Киев: Вища школа-XXI.
- Пивоварова Н.В. 2009. Бахчисарайская [Мариупольская] икона Божией Матери. В: *Православная энциклопедия*. Т. 4. Москва: МП РПЦ, 398—399.
- Репников Н.И. 1935. Городище Качи-Кальен. In: *Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг.* Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 102—114 (Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып. 117).
- Хартахай Ф. 1867. Христианство в Крыму. В: Ханацкий К.В. (ред.). *Памятная книжка Таврической губернии*. Симферополь: Типография Таврического Губернского Правления, 41—128.
- Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. 2017. Известия о Крыме у Франческо Альгаротти. *Золотоордынское обозрение*. Т. 5. № 3, 612—628.
- Храпунов Н.И. 2016. Мусульманские памятники Крыма глазами путешественников конца XVIII — начала XIX в. В: Абдуллин Х.М., Ситдилов А.Г. (отв. ред.). *Материалы конгресса исламской археологии России и стран СНГ*. Казань: Институт археологии АН РТ, 268—275.
- Храпунов Н.И. 2018. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований* 2(91), 21—33.

- Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. 2015. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника Барона да Бара. *МАИЭТ* XX, 395—430.
- Чеснокова Н.П. 2015. История российско-синайских культурных и конфессиональных отношений по письменным источникам. В: *Русские иконы Синая. Жалованные грамоты, иконы и произведения декоративно-прикладного искусства XVI—XX веков из России, хранящиеся в монастыре св. Екатерины на Синае*. Москва: Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 23—38.
- Albrecht S. 2011. *Im Auftrag des Königs: ein Gesandtenbericht aus dem Land der Krimtataren: die "Tartariae description" des Martinus Broniovius (1579)*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum.
- Becattini F. 1785. *Storia della Crimea Piccola Tartaria ed altre Provincie circonvicine*. Venezia: Presso Leonardo Bassaglia.
- Beyer H.-V. 1981. Der "Heilige Berg" in der byzantinischen Literatur I. Mit einem Beitrag von Katja Sturm-Schnabel zum "locus amoenus" einer serbischen Herrscherurkunde. *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik* 30, 171—205.
- Camariano N. 1970. Constantin Dapontès et les principautés Roumaines. *Revue des études sud-est européennes* 8, 481—494.
- Cioroch G. 1993. *Gli enkomia della Dormizione. Storia e teologia di un testo in uso nella Liturgia Ortodosso-Russa. Pontificium Institutum Orientale. Facultas Scientiarum Orientalium*. Roma: Pontificium Institutum Orientale.
- Clive P. (ed.). 1969. *Consolidated Treaties Series*. Vol. 35. New York: Oceana Publications, 425—445.
- Costache S. 2010—2011. Loyalty and Political Legitimacy in the Phanariots' Historical Writing in the Eighteenth Century. *Südost-Forschungen* 69/70, 25—50.
- Cupane C. 2006. Künstliche Paradiese. Ortsbeschreibungen in der vulgärsprachlichen Dichtung des späten Byzanz. In: Ratkowitsch Ch. (Hrsg.). *Die poetische Ekphrasis von Kunstwerken. Eine literarische Tradition der Großdichtung in Antike, Mittelalter und früher Neuzeit. Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse 735*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 221—245.
- Cupane C. 2011. Orte der Liebe: Bäder, Brunnen und Pavillons zwischen Fiktion und Realität. In: Vavřínek V., Odorico P., Drbal V. (eds.). *Ekphrasis. La représentation des monuments dans les littératures byzantine et byzantino-slaves. Réalités et imaginaires*. Prague: Slovanský ústav AV ČR, 167—178 (Byzantinoslavica 69. Suppl. 3).
- Curtius E.R. 1993: *Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter*. Tübingen; Basel: Francke, 176—191.
- de Montpéroux F.D. 1843. *Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. Vol. VI. Paris: Librairie de Gide, 297—305.
- della Dora V. 2011. Anti-Landscapes: Caves and Apophasis in the Christian East. *Environment and Planning D: Society and Space* 29. No. 5, 761—779.
- della Dora V. 2016. *Landscape, Nature, and the Sacred in Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press.
- dx.doi.org: 1: Quelquejay Ch., Ayalon D., İnalçık H. Čerkes. Encyclopaedia of Islam, Second Edition, Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Consulted online on 01 April 2019. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_COM_0137 (дата обращения 02.04.2019).
- dx.doi.org: 2: Kortepeter C.M. Kılghay. Encyclopaedia of Islam, Second Edition, Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_3825 (дата обращения 02.04.2019).
- Feldman W. 1991. Mehter. In: Bosworth C.E., van Donzel E., Pellat Ch. (eds.). *Encyclopaedia of Islam, Second Edition*. Vol. 6. Mahk—Mid. Leiden: E.J. Brill, 1007—1008.
- Hasse F.Ch.A. 1840. *Kurze Geschichte der Leipziger Buchdruckerkunst (etc.)*. Leipzig: Teubner.
- Hurmuzaki E. 1909. *Documente privitoare la istoria românilor*. Vol. XIII. *Texte grecești privitoare la istoria Romaneasca, culese, si publicate cu introducere si indicele rumeloi de A. Papadopoulos-Kerameus*. București: [б.и.].
- Iorga N. 1931. Les grandes familles byzantines et l'idée byzantine en Roumanie. *Académie Roumaine. Bulletin de la section historique* 18, 9—11.
- iospe.kcl.ac.uk: 1: Andrej Ju.V. *Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea*. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.162.html> (дата обращения 02.04.2019).
- Kaplanis T.A. 2001. Women in the looking-glass: the philogynous Dapontes (1713—1784) within the misogynous tradition of the Middle Ages. *Comparaison / Σύγκριση* 12, 48—70.

- Kitromilides P.M. 2013. *Enlightenment and Revolution: The Making of Modern Greece*. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press.
- Kizilov M. 2003. The Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements. In: Polliack M. (ed.). *Karaite Judaism: A Guide to Its History and Literary Sources*. Leiden: Brill, 759—788.
- Kizilov M. 2012. Noord en Oost Tartarye by Nicolaes Witsen: The First Chrestomathy on the Crimean Khanate and its Sources. In: Klein D. (ed.). *The Crimean Khanate between East and West (15th — 18th Century)*. Wiesbaden: Harrasowitz, 169—187.
- Knös B. 1955. Un miroir des femmes du XVIe siècle. *Hellēnika* 13, 123—157.
- Kostantaras D.J. 2006. *Infamy and Revolt: The Rise of the National Problem in Early Modern Greek Thought*. Boulder: Columbia University Press (East European Monographs 683).
- Kozelsky M. 2010. *Christianizing Crimea. Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press.
- Królikowska-Jedlińska N. 2018. *Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532—1774)*. Leiden: Brill.
- Legrand E. (ed.). 1888. Notice Bio-Bibliographique. In: *Ephémérides daces ou chronique de la guerre de quatre ans (1736—1739) par Constantin Dapontès*. T. 3. Paris: Hachette.
- Matuz J. 1970. Qalga. *Turcica* 2, 101—129.
- Metan S. 2019. *Wissen über das östliche Europa im Transfer: Edition, Übersetzung und Rezeption des «Tractatus de duabus Sarmatiis» (1517)*. Wien: Böhlau-Verlag GmbH (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A. Neue Folge. Bd. 91).
- Mézin A. 1998. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715—1792)*. Frankfurt/M., New York: Brill.
- Miechowita M. 1518. *Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis*. Auguste Vindellicorum: Sigmund Grimm und Marx Wirsung.
- Morelli Timpanaro M.A. 1991. Su Francesco Becattini (1743—1813), di professione poligrafo. *Archivio Storico Italiano* 149, 279—374.
- Németh J. 1965. Kereit, Kérey, Giray. *Ural-Altaische Jahrbücher* 36, 360—365.
- Pamuk Ş. 2000. *A Monetary History of the Ottoman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Piatnitsky Y. 2000. Sinai, Byzantium, and Russia. In: Piatnitskiĭ Ju. (ed.). *Sinai, Byzantium, Russia: Orthodox art from the sixth to the twentieth century; [an exhibition at the State Hermitage Museum, St. Petersburg, June 2000 — September 2000 and at the Courtauld Gallery, London, October 2000 — February 2001]*. London: University of Washington Press; Saint Catherine Foundation, 18—34.
- Pittas-Herschbach M. 2002. Identity and Difference in the Iphigeneia of Petros Katsaitis. *Journal of Modern Greek Studies* 20, 113—142.
- Polioudakis G. 2008. *Die Übersetzung deutscher Literatur ins Neugriechische vor der Griechischen Revolution von 1821*. Maß und Wert 4. Frankfurt/M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang.
- Puchner W. 2007. Satirische Dialoge in dramatischer Form aus dem Phanar und den transdanubischen Fürstentümern 1690—1820. Eine sekundäre Textgruppe des vorrevolutionären griechischen Theaters. *Zeitschrift für Balkanologie* 43, 189—206.
- Rapp C. 2018. Kaisarios Dapontes (1713—1784): Orthodoxy and Education between Mount Athos and the Danubian Principalities. *Analele Putnei / Annals of Putna* 14, 61—80.
- Rhoby A. 2007. Stadtlob und Stadtkritik in der byzantinischen Literatur. In: Hinterberger M., Schiffer E. (Hrsg.). *Byzantinische Sprachkunst: Studien zur byzantinischen Literatur gewidmet Wolfram Hörandner zum 65. Geburtstag*. Berlin, New York: W. de Gruyter 277—295.
- Souloyannis E. 1974. Cesario Daponte e la sua opera “Φανάρι Γυναικών”: Diss. phil. Roma.
- Speake G. 2018. *A History of the Athonite Commonwealth: The Spiritual and Cultural Diaspora of Mount Athos*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Strauss J. 1999. The Rise of Non-Muslim Historiography in the Eighteenth Centuries. *Oriente Moderno, Nuova serie, Anno 18(79)* 1. *The Ottoman Empire in the Eighteenth Century*, 217—232.
- Tuchelt K. 1966 (Hrsg.). *Türkische Gewänder und Osmanische Gesellschaft im achtzehnten Jahrhundert: Facsimile-Ausgabe des Codex «Les portraits des differens habillemens qui sont en usage à Constantinople et dans tout la Turquie» aus dem Besitz des Deutschen Archäologischen Institutes in Istanbul*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 46—47.
- Zelevos I. 2011. «Unser orientalisches-christliches Geschlecht» — Zur Formierung eines osmanisch-orthodoxen Identitätskonzepts in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In: Oikonomou M,

- Stassinopoulou M.A., Zelepos I. (Hrsg.). *Griechische Dimensionen südosteuropäischer Kultur seit dem 18. Jahrhundert. Beiträge zum Symposium (Wien, 17.-18. Dezember 2009)*. Frankfurt/M.: Lang, 111—124 (Studien zur Geschichte Südosteuropas. Bd. 16).
- Δαπόντες Κ. 1766. *Καθρέπτης γυναικών: Εν ω φαίνονται γραφικώς αι εν τη παλαιά γραφή περιεχόμεναι σποράδην ιστορίαι κακών τε και καλών γυναικών*. Λειψία της Σαξονίας: Βρεϊτκόπφ.
- Δαπόντες Κ. 1997. *Κήπος Χαριτών*. Αθήνα: Βιβλιοπωλείον της Εστίας.
- Ζαμπάκη Ν. 2017. *Μετρικολογικά στον Κήπο Χαρίτων του Καισαρίου Δαπόντε*. Ιωάννινα: National & Kapodistrian University of Athens.
- Ζαχαρίας μοναχός Ξηροποταμηνός. 2014. Καισάριος Δαπόντες, Περί της ημετέρας σεβασμίας και βασιλικής μονής του Ξηροποτάμου, παρά τινων κτητόρων εκτίσθη, και μία σημείωση: Δύο κείμενα που πρέπει να αποδοθούν στον συντάκτη τους. *Βυζαντινά* 33, 387—421.
- Καγκελλάριος Α. 1737. *Βίος Πέτρου του Μεγάλου Αυτοκράτορος της Ρουσίας, πατρός πατρίδος: συλλεγείς εκ διαφόρων υπομνημάτων εν Γαλλίας κ' Ολλανδία εκδοθέντων, κ' εις δύο τόμους διαιρεθείς*. Τ. 1. Ενετίσι: Σάντου Πέκωρα.
- Κακλαμάνης Σ. 2015. Ο Κωνσταντίνος (Καισάριος) Δαπόντες και η φαντασία της Σαντορίνης (1650). In: Κακλαμάνης Σ., Καλοκαιρινός Α., Πολυχρονάκης Δ. (εκδ.). *Λόγος και χρόνος στη νεοελληνική γραμματεία (18^{ος} — 19^{ος} αιώνας)*. Πρακτικά Συνεδρίου προς τιμήν του Αλέξη Πολίτη (Ρέθυμνο, 12-14 Απριλίου 2013). Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 71—95.
- Κεχαγιόγλου Γ. 2009. Η ιστοριογραφία ως όχημα συνειρμικής συναφήγησης και εγκιβωτιστικής παρέκβασης: Το λογοτεχνικό παράδειγμα της ασύμμετρα διασκεδαστικής Βίβλου Βασιλείων του Καισαρίου Δαπόντε. *Realia Byzantina. Byzantinisches Archiv* 22. Berlin: W. de Gruyter, 47—56.
- Κωνσταντίνος Π., Κυριάκος Π. 2014. *Helleno—Russica 1453—1821. Ήτοι Τεκμήρια της Πρώϊμης Νεοελληνικής Γραμματείας περί της Ρωσίας*. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Κυριακίδη.
- Λαμπανιτζιώτης Π. 1792. *Ιστορία της Ταυρικής Χερσονήσου: ήτοι Κριμίου Μικράς Ταταρίας Μετά των παραπλησιοχώρων αυτής Επαρχιών. ... / Νυν πρώτον Εκ της Ιταλικής διαλέκτου μετενεχθείσα και τύποις εκδοθείσα, δι ακριβούς επιμελείας και δαπάνης. του Πολυζώη Λαμπανιτζιώτη του εξ Ιωαννίνων*. Εν Βιέννη: Τυπογραφία Γεωργίου Βεντότη.
- Λάμπρος Σπ. 1905. Αι κατά των τυπογράφων της Βενετίας αιτιάσεις του Καισαρίου Δαπόντε και του Παχωμίου Ρουσάνου. *Νέος Έλληνομνήμων* 2, 336—351.
- Μακρή Π. 2018. Η Θεοτόκος στο έργο του Καισαρίου Δαπόντε. Ανιχνεύσεις της παρουσίας της στο βίωμα και στην τέχνη. *Mandragoras* 59, 59—62.
- Μαρούση Φ.Θ. 2008. *Η γυναίκα στο έργο του Καισαρίου Δαπόντε, καθρέφτης γυναικών*. Θεσσαλονίκης: Θεολογική Σχολή; Τμήμα Θεολογίας.
- Μηνάογλου Χ. 2018. Μία επιτομή της ιστορικής σκέψης του Δαπόντε Χαράλαμπος. *Mandragoras* 59, 70—71.
- Πασχαλίδης Σ.Α. 2012. *Η αυτόγραφη νεομαρτυρολογική συλλογή του μοναχού Καισαρίου Δαπόντε (1713—1784)*. Θεσσαλονίκη: Μυγδονία.
- Πισσης Ν. 2009. Τροπές της «ρωσικής προσδοκίας» στα χρόνια του Μεγάλου Πέτρου. *Μνήμων* 30, 37—59.
- Πισσης Ν. 2014. *Χρησιμολογία και ρωσική προσδοκία. Σλάβοι και Ελληνικός Κόσμος*, Πρακτικά Α' Επιστημονικής Ημερίδας Τμήματος Σλαβικών Σπουδών. Αθήνα: Pelekanos Books, 149—168.
- Σαββίδη Γ.Π. 1993. Καισάριος Δαπόντε, Η θυσία του Ιεφθάε και ιστορία Σωσσάννης. In: *Δύο συνεχόμενες συνθέσεις από τον Καθρέπτη γυναικών*. Αθήνα: Ιστός.
- Σάθα Κ.Ν. 1872. Δαπόντε Καισάριος, Ιστορικός κατάλογος ανδρών επισήμων (1700—1784). *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη ή Συλλογή ανεκδότων μνημείων της Ελληνικής Ιστορίας* 3, 73—200.

References

- Arseniy, arkhimandrit. 1873. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Education)* CLXV, 60—86 (in Russian).
- Baranova, V.V. 2010. *Yazyk i etnicheskaya identichnost': urumy i rumei Priazov'ya (Language and Ethnic Identity: Urums and Rumees of the Sea of Azov)*. Moscow: "VShE" (in Russian).
- Bertier Delagarde, A.L. 1910. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XVIII, 67—68 (in Russian).
- Gertsen, A.G. 2008. In: *Bakhchisarajskiy istoriko-arheologicheskiy sbornik (Bakhchisaray Historical and Archaeological Collected Works)*. Iss. 3. Simferopol: "Antikva" Publ., 214—220 (in Russian).

- Kizilov, M.B. 2004. In *Archivum Eurasiae Medii Aevii* 13, 79—95 (in Russian).
- Komarov, V.N., Zarubin, Z.M.F., Babitskiy, Ye.F. 2018. In *Priroda (Nature)* 2 (1230), 70—77 (in Russian).
- Lavrov, V.V. 2015. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archeology of Crimea)* 2, 349—363 (in Russian).
- Loseva, O.V. 2012. Kesariy Daponte. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)*. Vol. 32. Moscow: “MP RPTS”, 537—539 (in Russian).
- Medvedev, I.P. 2010. In *Vestnik tserkovnoy istorii (Bulletin of Church History)* 3—4, 5—16 (in Russian).
- Mogarichev, Yu.M. 1995. In *Antichnaya drevnost i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 27. *Vizantiya i srednevekovyy Krym (Byzantium and the medieval Crimea)*, 102—106 (in Russian).
- Mogarichev, Yu.M. 2010. “Peshchernyye goroda” v Krymu (“Cave Cities” in the Crimea). Kiev: “Vishcha shkola-XXI” Publ. (in Russian).
- Pivovarov, N.V. 2009. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)*. Vol. 4. Moscow: “MP RPTS”, 398—399 (in Russian).
- Repnikov, N.I. 1935. In: *Materialy Eski-Kermenskoy ekspeditsii 1931—1933 gg. (Materials of the Eski-Kermen Expedition 1931—1933)*. Moscow; Leningrad: “Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo”, 102—114 (Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture. Iss. 117) (in Russian).
- Khartakhay, F. 1867. In: Khanatskiy, K.V. (ed). *Pamyatnaya knizhka Tavricheskoy gubernii (Memorial Book of the Tauride Province)*. Simferopol: “Tipografiya Tavricheskogo Gubernskogo Pravleniya”, 41—128 (in Russian).
- Khrapunov, N.I., Khrapunova, S.N. 2017. In *Zolotoordynskoye obozreniye (Golden Horde Review)*. Vol. 5. No. 3, 612—628 (in Russian).
- Khrapunov, N.I. 2016. In: Abdullin, Kh.M., Sitdikov, A.G. (eds.). *Materialy kongressa islamskoy arkheologii Rossii i stran SNG (Materials of the Congress of Islamic Archeology of Russia and the Commonwealth of Independent States Countries)*. Kazan: Institut arkheologii AN RT, 268—275 (in Russian).
- Khrapunov, N.I. 2018. In *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy (Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research)* 2(91), 21—33 (in Russian).
- Khrapunov, N.I., Ginkut, N.V. 2015. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XX, 395—430 (in Russian).
- Chesnokova, N.P. 2015. In: *Russkiye ikony Sinaya. Zhalovannyye gramoty, ikony i proizvedeniya dekorativno-prikladnogo iskusstva XVI—XX vekov iz Rossii, khranyashchiyesya v monastyre sv. Yekateriny na Sinaye (History of Russian-Sinai Cultural and Confessional Relations according to Written Sources. Russian Icons of Sinai. Letters, Icons and Works of Arts and Crafts of the 16th — 20th Centuries from Russia, stored in the Monastery of St. Catherine in the Sinai)*. Moscow: “Moskovskaya Patriarkhiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi”, 23—38 (in Russian).
- Albrecht, S. 2011. *Im Auftrag des Königs: ein Gesandtenbericht aus dem Land der Krimtataren: die “Tartariae description” des Martinus Broniovius (1579)*. Mainz: “Römisch-Germanisches Zentralmuseum”.
- Becattini, F. 1785. *Storia della Crimea Piccola Tartaria ed altre Provincie circonvicine*. Venezia: “Presso Leonardo Bassaglia”.
- Beyer, H.-V. 1981. Der “Heilige Berg” in der byzantinischen Literatur I. Mit einem Beitrag von Katja Sturm-Schnabel zum “locus amoenus” einer serbischen Herrscherurkunde. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 30, 171—205.
- Camariano, N. 1970. Constantin Dapontès et les principautés Roumaines. *Revue des études sud-est européennes* 8, 481—494.
- Cioroch, G. 1993. *Gli enkomia della Dormizione. Storia e teologia di un testo in uso nella Liturgia Ortodosso-Russa. Pontificium Institutum Orientale. Facultas Scientiarum Orientalium*. Roma: “Pontificium Institutum Orientale”.
- Clive, P. (ed.). 1969. *Consolidated Treaties Series*. Vol. 35. New York: “Oceana Publications” Publ., 425—445.
- Costache, S. 2010—2011. Loyalty and Political Legitimacy in the Phanariots’ Historical Writing in the Eighteenth Century. *Südost-Forschungen* 69/70, 25—50.
- Cupane, C. 2006. Künstliche Paradiese. Ortsbeschreibungen in der vulgärsprachlichen Dichtung des späten Byzanz. In: Ratkowitsch, Ch. (Hrsg.). *Die poetische Ekphrasis von Kunstwerken. Eine literarische Tradition*

- der Großdichtung in Antike, Mittelalter und früher Neuzeit. Sitzungsberichte der Philosophisch-Historischen Klasse 735.* Wien: “Österreichische Akademie der Wissenschaften”, 221—245.
- Cupane, C. 2011. Orte der Liebe: Bäder, Brunnen und Pavillons zwischen Fiktion und Realität. In: Vavřínek, V., Odorico, P., Drbal, V. (eds.). *Ekphrasis. La représentation des monuments dans les littératures byzantine et byzantino-slaves. Réalités et imaginaires.* Prague: “Slovanský ústav AV ČR”, 167—178 (Byzantinoslavica 69. Suppl. 3).
- Curtius, E.R. 1993. *Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter.* Tübingen; Basel: “Francke” Publ., 176—191.
- de Montpéroux, F.D. 1843. *Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée.* Vol. VI. Paris: “Librairie de Gide” Publ., 297—305.
- della Dora, V. 2011. Anti-Landscapes: Caves and Apophysis in the Christian East. *Environment and Planning D: Society and Space* 29. No. 5, 761—779.
- della Dora, V. 2016. *Landscape, Nature, and the Sacred in Byzantium.* Cambridge: “Cambridge University Press” Publ.
- dx.doi.org: 1: Quelquejay Ch., Ayalon D., İnalçık H. Čerkes. Encyclopaedia of Islam, Second Edition, Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Consulted online on 01 April 2019. Available at: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_COM_0137 (accessed 02.04.2019).
- dx.doi.org: 2: Kortepeter C.M. Kalghay. Encyclopaedia of Islam, Second Edition, Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. Available at: http://dx.doi.org/10.1163/1573-3912_islam_SIM_3825 (accessed 02.04.2019).
- Feldman, W. 1991. Mehter. In: Bosworth, C.E., van Donzel, E., Pellat, Ch. (eds.). *Encyclopaedia of Islam, Second Edition.* Vol. 6. *Mahk—Mid.* Leiden: “E.J. Brill” Publ., 1007—1008.
- Hasse, F.Ch.A. 1840. *Kurze Geschichte der Leipziger Buchdruckerkunst (etc.).* Leipzig: “Teubner” Publ.
- Hurmuzaki, E. 1909. *Documente privitoare la istoria românilor.* Vol. XIII. *Texte grecești privitoare la istoria Românească, culese, si publicate cu introducere si indicele rumeloi de A. Papadopoulos-Kerameus.* București: [s.n.].
- Iorga, N. 1931. Les grandes familles byzantines et l’idée byzantine en Roumanie. *Académie Roumaine. Bulletin de la section historique* 18, 9—11.
- iospe.kcl.ac.uk: 1: Andrej Ju.V. *Ancient Inscriptions of the Northern Black Sea.* Available at: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.162.html> (accessed 02.04.2019).
- Kaplanis, T.A. 2001. Women in the looking-glass: the philogynous Dapontes (1713—1784) within the misogynous tradition of the Middle Ages. *Comparaison / Σύγκριση* 12, 48—70.
- Kitromilides, P.M. 2013. *Enlightenment and Revolution: The Making of Modern Greece.* Cambridge, Mass., London: “Harvard University Press” Publ.
- Kizilov, M. 2003. The Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements. In: Polliack, M. (ed.). *Karaite Judaism: A Guide to Its History and Literary Sources.* Leiden: “Brill” Publ., 759—788.
- Kizilov, M. 2012. Noord en Oost Tartarye by Nicolaes Witsen: The First Chrestomathy on the Crimean Khanate and its Sources. In: Klein, D. (ed.). *The Crimean Khanate between East and West (15th — 18th Century).* Wiesbaden: “Harrassowitz” Publ., 169—187.
- Knös, B. 1955. Un miroir des femmes du XVIe siècle. *Hellēnika* 13, 123—157.
- Kostantaras, D.J. 2006. *Infamy and Revolt: The Rise of the National Problem in Early Modern Greek Thought.* Boulder: “Columbia University Press” Publ. (East European Monographs 683).
- Kozelsky, M. 2010. *Christianizing Crimea. Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond.* DeKalb, IL: “Northern Illinois University Press” Publ.
- Królikowska-Jedlińska, N. 2018. *Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532—1774).* Leiden: “Brill” Publ.
- Legrand, E. (ed.). 1888. Notice Bio-Bibliographique. In: *Ephémérides daces ou chronique de la guerre de quatre ans (1736—1739) par Constantin Dapontès.* T. 3. Paris: “Hachette” Publ.
- Matuz, J. 1970. Qalga. *Turcica* 2, 101—129.
- Metan, S. 2019. *Wissen über das östliche Europa im Transfer: Edition, Übersetzung und Rezeption des «Tractatus de duabus Sarmatiis» (1517)* Wien: “Böhlau-Verlag GmbH” Publ. (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A. Neue Folge. Bd. 91).
- Mézin, A. 1998. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715—1792)* Frankfurt/M., New York: “Brill” Publ.

- Miechowita, M. 1518. *Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis*. Auguste Vindellicorum: “Sigmund Grimm und Marx Wirsung”.
- Morelli Timpanaro, M.A. 1991. Su Francesco Becattini (1743—1813), di professione poligrafo. *Archivio Storico Italiano* 149, 279—374.
- Németh, J. 1965. Kereit, Kérey, Giray. *Ural-Altaische Jahrbücher* 36, 360—365.
- Pamuk, Ş. 2000. *A Monetary History of the Ottoman Empire*. Cambridge: “Cambridge University Press” Publ.
- Piatnitsky, Y. 2000. Sinai, Byzantium, and Russia. In: Piatnitskiĭ, Ju. (ed.). *Sinai, Byzantium, Russia: Orthodox art from the sixth to the twentieth century; [an exhibition at the State Hermitage Museum, St. Petersburg, June 2000-September 2000 and at the Courtauld Gallery, London, October 2000-February 2001]*. London: “University of Washington Press” Publ.; “Saint Catherine Foundation” Publ., 18—34.
- Pittas-Herschbach, M. 2002. Identity and Difference in the Iphigeneia of Petros Katsaitis. *Journal of Modern Greek Studies* 20, 113—142.
- Polioudakis, G. 2008. *Die Übersetzung deutscher Literatur ins Neugriechische vor der Griechischen Revolution von 1821*. Maß und Wert 4. Frankfurt/M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: “Peter Lang” Publ.
- Puchner, W. 2007. Satirische Dialoge in dramatischer Form aus dem Phanar und den transdanubischen Fürstentümern 1690—1820. Eine sekundäre Textgruppe des vorrevolutionären griechischen Theaters. *Zeitschrift für Balkanologie* 43, 189—206.
- Rapp, C. 2018. Kaisarios Dapontes (1713—1784): Orthodoxy and Education between Mount Athos and the Danubian Principalities. *Analele Putnei / Annals of Putna* 14, 61—80.
- Rhoby, A. 2007. Stadtlob und Stadtkritik in der byzantinischen Literatur. In: Hinterberger M., Schiffer E. (Hrsg.). *Byzantinische Sprachkunst: Studien zur byzantinischen Literatur gewidmet Wolfram Hörandner zum 65. Geburtstag*. Berlin, New York: “W. de Gruyter” Publ., 277—295.
- Souloyannis, E. 1974. Cesario Daponte e la sua opera “Φανάρη Γυναικῶν”: Diss. phil. Roma.
- Speake, G. 2018. *A History of the Athonite Commonwealth: The Spiritual and Cultural Diaspora of Mount Athos*. Cambridge: “Cambridge University Press” Publ.
- Strauss, J. 1999. The Rise of Non-Muslim Historiography in the Eighteenth Centuries. *Oriente Moderno, Nuova serie, Anno 18(79)* 1. *The Ottoman Empire in the Eighteenth Century*, 217—232.
- Tuchelt, K. 1966 (Hrsg.). *Türkische Gewänder und Osmanische Gesellschaft im achtzehnten Jahrhundert: Facsimile-Ausgabe des Codex “Les portraits des differens habillemens qui sont en usage à Constantinople et dans tout la Turquie” aus dem Besitz des Deutschen Archäologischen Institutes in Istanbul*. Graz: “Akademische Druck- u. Verlagsanstalt” Publ., 46—47.
- Zelevos, I. 2011. “Unser orientalistisch-christliches Geschlecht” — Zur Formierung eines osmanisch-orthodoxen Identitätskonzepts in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In: Oikonomou, M., Stassinopoulou, M.A., Zelevos, I. (Hrsg.). *Griechische Dimensionen südosteuropäischer Kultur seit dem 18. Jahrhundert. Beiträge zum Symposium (Wien, 17.-18. Dezember 2009)* Frankfurt/M.: “Lang” Publ., 111—124 (Studien zur Geschichte Südosteuropas. Bd. 16).
- Δαπόντες, Κ. 1766. *Καθρέπτis γυναικῶν: Εν ω φαίνονται γραφικῶς αι εν τη παλαιά γραφή περιεχόμεναι σποράδην ιστορίαι κακῶν τε και καλῶν γυναικῶν*. Λειψία της Σαξονίας: “Βρεϊτκόφ”.
- Δαπόντες, Κ. 1997. *Κήπος Χαριτῶν*. Αθήνα: “Βιβλιοπωλείον της Εστίας” Publ.
- Ζαμπάκη, Ν. 2017. *Μετρικολογικά στον Κήπο Χαρίτων του Kaisariou Δαπόντε*. Ιωάννινα: “National & Kapodistrian University of Athens”.
- Ζαχαρίας μοναχός Ξηροποταμηνός. 2014. Kaisarios Δαπόντες, Περί της ημετέρας σεβασμίας και βασιλικής μονής του Ξηροποτάμου, παρά τινων κητόρων εκτίσθη, και μία σημείωση: Δύο κείμενα που πρέπει να αποδοθούν στον συντάκτη τους. *Βυζαντινά* 33, 387—421.
- Καγκελλάριος, Α. 1737. *Βίος Πέτρου του Μεγάλου Αυτοκράτορος της Ρουσσίας, πατρός πατρίδος: συλλεγείς εκ διαφόρων υπομνημάτων εν Γαλλίας κ’ Ολλανδία εκδοθέντων, κ’ εις δύο τόμους διαιρεθείς*. Τ. 1. Ενετίσι: “Σάντου Πέκωρα”.
- Κακλαμάνης, Σ. 2015. Ο Κωνσταντίνος (Kaisarios) Δαπόντες και η φαντασία της Σαντορίνης (1650). In: Κακλαμάνης, Σ., Καλοκαιρινός, Α., Πολυχρονάκης, Δ. (εκδ.). *Λόγος και χρόνος στη νεοελληνική γραμματεία (18^{ος} — 19^{ος} αιώνας)*. Πρακτικά Συνεδρίου προς τιμήν του Αλέξη Πολίτη (Ρέθυμνο, 12-14 Απριλίου 2013). Ηράκλειο: “Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης” Publ., 71—95.
- Κεχαγιόγλου, Γ. 2009. Η ιστοριογραφία ως όχημα συνειρμικής συναφήγησης και εγκιβωτιστικής παρέμβασης: Το λογοτεχνικό παράδειγμα της ασύμμετρα διασκεδαστικής Βίβλου Βασιλειών του Kaisariou Δαπόντε. *Realia Byzantina. Byzantinisches Archiv* 22. Berlin: “W. de Gruyter” Publ., 47—56.

- Κωνσταντίνος, Π., Κυριάκος, Π. 2014. *Helleno—Russica 1453—1821. Ήτοι Τεκμήρια της Πρώιμης Νεοελληνικής Γραμματείας περί της Ρωσίας*. Θεσσαλονίκη: “Εκδόσεις Κυριακίδη” Publ.
- Λαμπανιτζιώτης Π. 1792. *Ιστορία της Ταυρικής Χερσονήσου : ήτοι Κριμίου Μικράς Ταταρίας Μετά των παραπλησιοχώρων αυτής Επαρχιών. ... / Νυν πρώτον Εκ της Ιταλικής διαλέκτου μετενεχθείσα και τύποις εκδοθείσα, δι ακριβούς επιμελείας και δαπάνης. του Πολυζώη Λαμπανιτζιώτη του εξ Ιωαννίνων*. Εν Βιέννη: “Τυπογραφία Γεωργίου Βεντότη”.
- Λάμπρος, Σπ. 1905. Αι κατά των τυπογράφων της Βενετίας αιτιάσεις του Καισαρίου Δαπόντε και του Παχωμίου Ρουσάνου. *Νέος Έλληνομνημων* 2, 336—351.
- Μακρή, Π. 2018. Η Θεοτόκος στο έργο του Καισαρίου Δαπόντε. Ανιχνεύσεις της παρουσίας της στο βίωμα και στην τέχνη. *Mandragoras* 59, 59—62.
- Μαρούση, Φ.Θ. 2008. *Η γυναίκα στο έργο του Καισαρίου Δαπόντε, καθρέπτης γυναικών*. Θεσσαλονίκης: “Θεολογική Σχολή” Publ.; “Τμήμα Θεολογίας” Publ.
- Μηνάογλου, Χ. 2018. Μία επιτομή της ιστορικής σκέψης του Δαπόντε Χαράλαμπος. *Mandragoras* 59, 70—71.
- Πασχαλίδης, Σ.Α. 2012. *Η αυτόγραφη νεομαρτυρολογική συλλογή του μοναχού Καισαρίου Δαπόντε (1713—1784)*. Θεσσαλονίκη: “Μυγδονία” Publ.
- Πισσης, Ν. 2009. Τροπές της «ρωσικής προσδοκίας» στα χρόνια του Μεγάλου Πέτρου. *Μνήμων* 30, 37—59.
- Πισσης, Ν. 2014. *Χρησμολογία και ρωσική προσδοκία. Σλάβοι και Ελληνικός Κόσμος, Πρακτικά Α' Επιστημονικής Ημερίδας Τμήματος Σλαβικών Σπουδών*. Αθήνα: “Pelekanos Books” Publ., 149—168.
- Σαββίδη, Γ.Π. 1993. Καισαρίου Δαπόντε, Η θυσία του Ιεφθάε και ιστορία Σωσσάννης. In: *Δύο συνεχόμενες συνθέσεις από τον Καθρέπτη γυναικών*. Αθήνα: “Ιστός” Publ.
- Σάθα, Κ.Ν. 1872. Δαπόντε Καισάριος, Ιστορικός κατάλογος ανδρών επισήμων (1700—1784). *Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη ή Συλλογή ανεκδότων μνημείων της Ελληνικής Ιστορίας* 3, 73—200.

Эпиграфика

Epigraphy

УДК 903.024+930.27
DOI 10.24411/2713-2021-2019-00020

Д.В. Бондаренко, М.В. Иващенко

**АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА ИЗ ЗОЛЬНИКА № 2
СВЯТИЛИЩА ВИКТОРОВКА I В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ***

В работе публикуются и анализируются амфорные клейма из раннеэллинистического зольника № 2 античного святилища Викторовка I по материалам раскопок 2017 и 2019 гг. Всего было выявлено девять оттисков, позволяющих констатировать попадание клеймёной амфорной тары в засыпь зольника в течении около шестидесяти лет — с 20-х гг. IV по начало 60-х гг. III вв. до н.э. Самые ранние клейма в комплексе — синопские, а самое позднее — родосское. Присутствие в зольнике «колесовидного» аканфского клейма, а также оттиска неустановленного центра *Ερμι(-)*, даёт возможность скорректировать их хронологию и датировать не ранее последней трети IV в. до н.э.

Ключевые слова: Нижнее Побужье, Викторовка I, археологические раскопки, зольник, амфорные клейма, хронология, IV—III вв. до н.э.

Сведения об авторах: Бондаренко Денис Владимирович¹, младший научный сотрудник Национального историко-археологического заповедника «Ольвия» Национальной академии наук Украины; Иващенко Михаил Вениаминович², аспирант кафедры истории древнего мира Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: ¹57540, Украина, Николаевская обл., Очаковский р-н, с. Парутино, ул. Ольвийская, д. 47; e-mail: bondarenkod1987@gmail.com; ²410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, корп. 11, Институт Истории и Международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; e-mail: m.ivashchenko@list.ru.

D.V. Bondarenko, M.V. Ivashchenko

**AMPHORA STAMPS FROM CINDER HEAP NO. 2
OF THE SANCTUARY VIKTOROVKA I IN LOWER BUG REGION**

The paper deals with publishing and analyzing amphora stamps from the early Hellenistic cinder heap No. 2 of the ancient sanctuary Viktorovka I based on excavation materials from 2017 and 2019. In total, nine stamps were found, which allow us to ascertain the entry of stamped amphora containers into the filling of the cinder heap for about sixty years — since the 20s. of the 4th century to the beginning of the 60s. of the 3rd century BCE. The earliest stamps in the complex are Sinope, and the latest are Rhodes. The presence of the “wheel-shaped” Akanf stamp in the cinder heap, as well as the stamp of an unidentified center *Ερμι(-)*, makes it possible to correct their chronology and date them no earlier than the last third of the 4th century BCE.

Key words: Lower Bug Region, Viktorovka I, archeological excavation, cinder heap, amphora stamps, chronology, 4th — 3rd centuries BCE.

About the authors: Bondarenko Denis Vladimirovich¹, Junior Researcher of the National Historical and Archaeological Reserve “Olbia” of the National Academy of Sciences of Ukraine; Ivashchenko Mikhail Veniaminovich², Postgraduate Student of the History of the Ancient World of the N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University.

* Статья поступила в номер 14 октября 2019 г.
Принята к печати 29 декабря 2019 г.

Contact information: ¹57540, Ukraine, Nikolaev Region, Ochakov District, Parutino Village, 47 Olbiyskaya St.; e-mail: bondarenkod1987@gmail.com; ²410012, Russia, Saratov, 83 Astrakhanskaja St., N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University; e-mail: m.ivashchenko@list.ru.

Археологический комплекс античного времени Викторовка I расположен в регионе Нижнего Побужья, на высоком плато правого обрывистого берега Березанского лимана, в 3 км на север от места его впадения в Черное море. Планиграфически памятник, вероятно, состоял из двух приблизительно равных по площади частей: южную половину плато занимало поселение с типичной для эллинских колонистов региона жилой и хозяйственной застройкой, северную — святилище. Последнее состояло из зольников, обустроенных в значительных по площади и глубине искусственных котлованах, имеющих сложную планировку и ступенчатую конструкцию. Святилище, очевидно, относилось к категории *extra urban* (Буйских 2004) и маркировало западную границу Ольвийского полиса.

И на площади поселения, и на территории святилища фиксируются два хронологических горизонта: позднеархаический (вторая четверть VI — первая треть V вв. до н.э.) и раннеэллинистический (последняя треть IV — первая половина III вв. до н.э.) (Бондаренко 2018b).

На сегодняшний день в пределах Викторовского святилища полностью исследовано два зольника: по одному на каждый обозначенный выше хронологический горизонт. К раннеэллинистическому времени относится зольник № 2 (Бондаренко, Смирнов 2018: 70—77).

Зольник № 2 сильно разрушен береговой абразией. Северной своей частью он примыкает к южному склону глубокой древней балки, восточной — к берегу лимана. Сохранившаяся часть котлована полностью исследована на протяжении полевых сезонов 2017 и 2019 гг. По всей видимости, зольник № 2 устанавливал северную границу Викторовского святилища.

Зольник обустроен в котловане, выкопанном в древнем гумусе и материке. Сохранилась лишь его западная часть (ширина до 5,5 м), тянущаяся вдоль берегового обрыва в направлении север-юг на 36 м. Максимальная глубина котлована от уровня древней дневной поверхности — 1,7 м. Общая площадь его сохранившейся части — 157 м. кв. На дне котлована фиксируются две небольшие параллельные траншеи, тянущиеся по линии север-юг по всей длине сохранившейся части котлована. Траншеи разделены между собой материковой перегородкой. Остатки похожей перегородки фрагментарно фиксируются и у берегового обрыва, однако, незначительность сохранившихся участков не позволяет судить о конструкции котлована в этом направлении. Для спуска к траншеям на дне котлована в центральной и южной частях конструкции оформлены материковые ступени.

Заполнение зольника — зола с незначительными примесями древнего гумуса, обломков раковин черноморской мидии и желто-глинистыми включениями. Встречается небольшое количество мелкого бута известняка и ракушечника, включения сырца. В нижней части котлована и у его бортов прослеживается слой желтой глины с примесями древнего гумуса, мощностью до 0,48 м. Примечательно человеческое погребение со следами расчленения, зафиксированное над траншеями в центральной части сохранившегося участка зольника (Бондаренко, Смирнов 2018).

При раскопках зольника № 2 зафиксировано значительное количество остатков материальной культуры, среди которых абсолютно преобладают фрагменты керамических сосудов. Кроме того, имеются находки керамических поделок, изделий из свинца, бронзы, железа, кости и камня. Основная часть находок из заполнения зольника укладываются в пределы последней трети IV — первой половины III в. до н.э. (Бондаренко 2018а: 93—96).

Подавляющее большинство керамического материала принадлежит фрагментам транспортных амфор. Практика их систематического клеймения появилась в последнем десятилетии V в. до н.э. Часть оттисков из раскопок 2017 г. была опубликована ранее (Бондаренко, Иващенко, Синика 2019). В настоящей работе публикуются все обнаруженные в зольнике клейма, в том числе и новый материал из раскопок 2019 г. Их анализ позволяет уточнить ранее предложенную хронологию как отдельных оттисков, так и всего комплекса клейм в целом.

Итак, всего в заполнении эллинистического зольника за два года раскопок обнаружено девять амфорных клейм: 1 — аканфское, 1 — родосское, 1 — гераклейское, 4 — синопских и 2 — неустановленных центров. Большую часть оттисков удалось локализовать и датировать.

Клеймо Аканфа. В зольнике найдено клеймо в виде колеса с четырьмя спицами, навершия которых было выполнено в форме апекса (кат. № 1). В каждый сектор круглого оттиска вписано по отдельной букве: *P/O/M/E*. Аналогичные клейма известны в IOSPE III и каталоге фасосских оттисков, изданном в 1957 г. Французской школой в Афинах (Граков 1955—1957а: № 3554—3590; Bon, Bon 1957: 197, No. 2174). Хронология «колесовидных» оттисков за последние годы выдержала немало изменений. Так, Б.Н. Граков и И.Б. Брашинский датировали «колесовидные» клейма (в то время ещё считая их фасосскими) примерно 340 г. до н.э. По мнению исследователей, появление данных оттисков было связано с завоеванием Филиппом II Македонским о. Фасоса и прекращением на какой-то срок практики регулярного магистратского клеймения керамической тары (Брашинский 1961: 295; Граков 1968: 106 сл.). В дальнейшем Ю.Г. Виноградов в своей статье отметил, что клеймение могло продолжаться и несколько дольше, поскольку, по его мнению, в некоторых оттисках присутствует украшение в виде апекса, характерное для греческой палеографии рубежа IV—III вв. до н.э. (Виноградов 1972: 41—42). На настоящий момент надёжно установлено, что «колесовидные» оттиски относятся к Аканфу (Амперер, Гарлан 1992: 19; Empereur, Garlan 1992: 178. No. 4; 2004: 181—190; 2006: 263—291; Гарлан 2010: 382 и сл.). Так, в свою очередь, В.И. Кац и С.Ю. Монахов датировали «колесовидные» клейма Аканфа в пределах 80/70 — 30-х гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003: 86; 2013а: 297—298; 2013б: 265; 2015: 116; Кац 2007: 201). Причём за основу были взяты два не совсем надёжных херсонесских комплекса: «нимфеум» и засыпь под античным театром, там обнаружены морфологически более ранние «колесовидные» клейма (поле круга в которых было разделено на три сектора). Однако, как показала проверка этих комплексов, первый был единовременно заполнен мусором, привезённым с городской свалки Херсонеса Таврического, а второй, возможно, сам являлся длительное время местом сброса бытовых отходов (Буйских 2008: 66—67), в нём присутствуют оттиски почти столетия, от последнего десятилетия V до 10-х гг. IV вв. до н.э. (Иващенко 2014: 281; 2015: 160; 2017: 78). Вместе с тем И. Гарлан предположил, к сожалению, без какой-либо внятной аргументации, что вся группа «колесовидных» клейм датируется в пределах последней трети IV в. до н.э. (Garlan 2004: 181—190; 2006: 291; Гарлан 2010: 382). Возможно, что такой вывод был сделан И. Гарланом на основе материала из фракийского Севтополя. Здесь наряду с несколькими «колесовидными» оттисками, имеется широкий набор клейм других центров.

Автор первой публикации оттисков из Севтополя А. Балканска обратила внимание на два, как она полагала, самых ранних клейма — фасосское и синопское. Они были датированы 50-ми гг. IV в. до н.э. (Балканска 1984: 146, № 1, 152, № 52). К неправильной датировке первого оттиска привело то, что надпись в клейме была не по двум сторонам, что свойственно для «поздних» фасосских оттисков, а по трём, причём имя магистрата надёжно восстановлено не было. Это дало повод считать его «ранним» и датировать в пределах 60—

40-х гг. IV в. до н.э. Синопское же клеймо было ошибочно отнесено к деятельности раннего астинома *Kῦρος*, что также дало возможность датировать его в пределах 50-х гг. IV в. до н.э.

Почти четверть века спустя А. Балканска совместно с Ч. Цочевым по-иному восстановили надписи в двух этих спорных оттисках. Выяснилось, что фасосское клеймо принадлежит магистрату «позднего» периода клеймения *Δεάλκος*, а синопское — астиному *Καλλισθένης Ι*. Всё это дало возможность исследователям сделать вывод, что самые ранние оттиски севтопольской коллекции датируются началом 10-х гг. IV в. до н.э. (Balkanska, Tzochew 2008: 189, 196, No. 13, 201, No. 36).

Относительно недавно, Ч. Цочев провёл уточнение хронологии фасосских амфорных клейм, взяв за основу оттиски из раскопок на афинской Агоре (Tzochew 2016: tabl. 2), это дало возможность скорректировать и хронологию фасосских клейм из Севтополя, понизить её на 5—10 лет и, соответственно, датировать самые ранние обнаруженные там клейма от 20-х гг. IV в. до н.э.

Нужно согласиться с хронологией «колесовидных» клейм Аканфа предложенной И. Гарланом и датировать оттиск из зольника № 2 не ранее чем последней третью IV в. до н.э.

Оттиск Родоса. Из заполнения зольника № 2 святилища Викторовка I происходит одно родосское клеймо на ручке амфоры (кат. № 2). Оттиск принадлежит магистрату I-b хронологической подгруппы *Πολύρατος Ι*. Датируется магистрат *Πολύρατος Ι* в пределах 70-х — нач. 60-х гг. III в. до н.э. (Grace 1974: 194; Finkielsztejn 2001: 188, Tabl. 17; Кац 2002: 161; 2007: 419, прил. III).

Клеймо Гераклеи Понтийской. На памятнике имеется всего один двухстрочный английический оттиск, выполненный на горле гераклеийской амфоры ранее неизвестным штампом (кат. № 3). По сохранившимся буквам стало возможно предположить, что клеймо принадлежит хорошо известному позднему фабриканту *Φιλίσκος*. Данный эргастериарх встречается в клеймах как с именами эпонимов V магистратской хронологической группы (20-10 гг. IV в. до н.э.), так и в одноимённых штампах. Датируются подобные оттиски *Φιλίσκος* С.Ю. Монаховым по Комплексу II (1990 года) с Беглецкого некрополя началом последней четверти IV в. до н.э. (Монахов 1999: 440; 2003: 137). Иную хронологию предложил В.И. Кац. Он отнёс одноимённые штампы фабриканта *Φιλίσκος* к поздней фабрикантской группе и хронологически датировал их концом IV — первой четвертью III вв. до н.э. (Кац 2007: 430, прил. V-7). На наш взгляд, обе датировки имеют право на существование и хорошо укладываются в хронологический контекст зольника, но последняя выглядит предпочтительней.

Оттиски Синопы. В заполнении зольника № 2 обнаружены четыре рельефных клейма на ручках амфор Синопы (кат. № 4—7). Одно из них прочитать не удалось. Хронология астиномов в остальных трёх оттисках: *Ἐπίελλος Ι*, *Θεαρίων* и *Φίντις* (Граков 1956-1957b: 3083—3087, 3889, 3892, 3864—3867) довольно компактна и не выходит за пределы последней трети IV в. до н.э. (Conovici 1998: 32-33; Garlan, Kara 2004: 95—96, Tabl. VI; Кац 2007: 434, прил. VII).

Клейма неустановленных центров. В зольнике имеются два оттиска на ручках амфор, локализация которых на настоящий момент надёжно не установлена. Первое из них круглое, рельефное и оттиснуто в виде монограммы *ΛΑ* или *ΑΛ* (кат. № 8). Внешняя поверхность ручки с этим клеймом от тускло-красного до белого цвета. Глина хорошо вымучена, присутствуют незначительные примеси извести и единичные вкрапления слюды. Однако, самым интересным является второй однострочный оттиск. В прямоугольной рамке оттиснуто имя *Ερμι(-)* в сокращении (кат. № 9). Впервые подобный оттиск был опубликован

В.В. Шкорпил в 1902 г. Тогда исследователь поместил его среди родосских клейм (Шкорпил 1904: 146). Публиковались аналогичные клейма и позже. Их относили к Косу (Штаерман 1951: 61, рис. 5-169; Колесников 1985: 79), Хиосу (Колесников 1985: 79), Паросу (Колесников 1985: 79), Икосу (Фатеев 2012: 182), Пепарету (Фатеев 2012: 182), Херсонесу Таврическому (Lawall et al. 2010: 368—369, L-48), к одному из центров Южной Италии или Сицилии (Монахов 1999: 509) и даже к Геракле (Штаерман 1951: 36, рис. 4-21a). Однако вопрос о месте производства сосудов с подобными оттисками по-прежнему остаётся открытым. В то же время относительно датировки клейм *Ερμι(-)* существует общая точка зрения. Оттиски относят на основании материалов из усадьбы № 6 поселения Панское I (Монахов 1999: 497, 508—509), усадеб Евпаторийского маяка (Колесников 1985: 93), Капуловского городища к концу IV — 70-м гг. III в. до н.э. (Фатеев 2012: 180) и к периоду после похода Зопириона (Lawall et al. 2010: 368—369).

Таким образом, в результате анализа всех девяти оттисков удалось выяснить, что клеймёная амфорная тара попадала в зольник № 2 Викторовского святилища на протяжении около шестидесяти лет: с 20-х гг. IV в. по начало 60-х гг. III в. до н.э., что позволяет несколько уточнить предложенную ранее хронологию комплекса. На это указывают самые ранние — синопские оттиски и самое позднее — родосское клеймо. Также появилось важное доказательство того, что клеймение «колесовидными» штампами Аканфа могло не только продолжаться в последней трети IV в. до н.э., но, возможно, и позже — вплоть до начала III в. до н.э.

Приложение

Каталог амфорных клейм из зольника № 2 у поселения Викторовка I

Аканф

№ 1.

P|O

M|E

Викторовка I, 2019, зольник № 2 (оп. № 14).

Аналогии: IOSPE III 3554—3590; Bon, Bon 1957: 197, No. 2174; Виноградов 1972: табл. VIII, рис. 9; Lawall et al. 2010: 377, No. L-84—85.

Датируется:

- 1) 80/70 — 30-е гг. IV в. до н.э. (Монахов 2003: 86; 2013a: 297—298; 2013b: 265; 2015: 116; Кац 2007: 201);
- 2) последняя треть IV в. до н.э. (Garlan 2004: 181—190; 2006: 291; Гарлан 2010: 382);
- 3) от нач. 10-х гг. IV в. до н.э. (Balkanska, Tzochchev 2008: 189);
- 4) конец IV в. до н.э. (Lawall et al. 2010: 377).

Родос**№ 2.**

Πολυά-
ρατος

Викторовка I, 2017, зольник № 2 (оп. № 14).

Аналогии: IOSPE III 8796; Шкорпил 1902, 159, № 53.

Магистрат *Polyaratos I* относится к I-b МХГ.

Датируется:

- 1) 280—270 (ок. 275) гг. до н.э. (Grace 1974: 194);
- 2) 270—268 (ок. 269) гг. до н.э. (Finkielsztejn 2001: 188, tabl. 17; Кац 2007: 419, прил. III).

Гераклея Понтийская**№ 3.**

[Φ]ιλί-
σκου

Σ — ретроградная.

Викторовка I, 2019, зольник № 2 (оп. № 3).

Новый штамп.

Фабрикант *Philiskos* относится к ПФГ.

Датируется:

- 1) последняя четверть IV в. до н.э. (Монахов 1999: 440; 2003: 137);
- 2) конец IV — первая четверть III вв. до н.э. (Кац 2007: 430, прил. V).

Синопа**№ 4.**

[Επ]έλπου
ἀστυνό(μου) Цветок→.

[Θ]ευδώρου

Викторовка I, 2017, зольник № 2 (оп. № 18).

Аналогии: IOSPE III № 3083—3087 (Беккер 1863: 50, № 16); Garlan 2004: 119, No. 64.

Астином *Epielpos I* относится ко II-B МХГ.

Датируется:

- 1) 342—332 (ок. 339) гг. до н.э. (Fedoseev 1999: 32, tabl. I; Федосеев 2014: 91);
- 2) 327—323 (ок. 322) гг. до н.э. (Garlan, Kara 2004: 95, tabl. VI);
- 3) 20-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007: 434, прил. VII);
- 4) 326—322 гг. до н.э. (Conovici 1998: 32).

№ 5.

[Θ]εαρίωνος
ἀστυνό(μου) Колос←, гроздь↓.

Ποσειδωνίου(υ)

Викторовка I, 2017, зольник № 2 (оп. № 16).

Аналогии: IOSPE III № 3889, 3892 (3889 — Шкорпил 1904: 71, № 284); Кац 2015: № 1199, 1200.

Астином *Theariôn + Philônōs* относится к III-C МХГ.

Датируется:

- 1) 317—307 (ок. 313) гг. до н.э. (Fedoseev 1999: 33, tabl. I; Федосеев 2014: 91);
- 2) 309—301 (ок. 307/306) гг. до н.э. (Garlan, Kara 2004: 96, tabl. VI);
- 3) конец IV в. до н.э. (Кац 2007: 434, прил. VII);
- 4) 315—313 гг. до н.э. (Conovici 1998: 33).

№ 6.

[Φίντ]ιος

[ἄ]στυνό(μου) Канфар↑.

[Ηφαιστί(ου)]

Викторовка I, 2017, зольник № 2 (оп. № 17).

Аналогии: IOSPE III № 3864-3867.

Астином *Phintis* относится ко II-B МХГ.

Датируется:

- 1) 352—342 (ок. 350) гг. до н.э. (Fedoseev 1999: 34, Tabl. I; Федосеев 2014: 91);
- 2) 327—323 (ок. 323) гг. до н.э. (Garlan, Kara 2004: 95, Tabl. VI);
- 3) 20-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007: 434, Прил. VII);
- 4) 318—316 гг. до н.э. (Conovici 1998: 33).

№ 7.

[- - -]

[- - -]ov[- - -]

[- - -]εσ[- - -]

Викторовка I, 2019, зольник № 2 (оп. № 13).

Не читается.

Неустановленные центры

№ 8.

ΔΑ=ΑΔ

Монограмма в круге.

Викторовка I, 2019, зольник № 2 (оп. № 12).

Датируется: 20-е гг. IV — начало 60-х гг. III вв. до н.э.

№ 9.

Ερμ(-)

Викторовка I, 2017, зольник № 2 (оп. № 15).

Аналогии: IOSPE III 427-436; Шкорпил 1904: 146, № 639; Придик 1917: 142, № 24; Штаерман 1951: 41, рис. 5: 169; Гаврилов 2011: 178, 180, № 674, 685; Фатеев 2012: 180, рис. 3.

Датируется:

- 1) последняя четверть IV — 70-е гг. III в. до н.э. (Монахов 1999: 508—509);
- 2) 330—250 гг. до н.э. (Lawall et al. 2010: 368—369, No. L-48);
- 3) IV — начало III в. до н.э. (Гаврилов 2011: 180);
- 4) конец IV — 70-е гг. III в. до н.э. (Фатеев 2012: 180).

Литература

- Амперер Ж.И., Гарлан И. 1992. Греческие амфорные мастерские. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (отв. ред.). *Греческие амфоры: проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов: Саратовский университет, 8—31.
- Балканска А. 1984. Амфори и амфорни печати. В: Димитров Д.П., Чичикова М., Балканска А., Огненова-Маринова Л. *Севтополис (Бит и култура)*. Т. 1. София: Българската Академия на Науките, 115—158.
- Беккер П. 1863. О надписях на ручках греческих амфор и кусках древней черепицы. *ЗООИД* V, 18—75.
- Бондаренко Д.В. 2018а. Деякі попередні підсумки досліджень Вікторівського святилища (за матеріалами робіт 2013—2017 рр.). В: Смірнов О.І. (відп. ред.). *Forum Olbicum II: Пам'яті В.В. Кранівіної (до 150-річчя досліджень Ольвії)*. Миколаїв: НДЦ «Лукомор'є», 93—96.
- Бондаренко Д. 2018b. Загальна характеристика античного поселення Вікторівка-І. *Краєзнавство* 102(1), 135—142.
- Бондаренко Д., Иващенко М., Синика В. 2019. Находки амфорных клейм эллинистического времени из округа Ольвии. *Revista Arheologică*. Vol. XV. Nr. 1, 103—109.
- Бондаренко Д.В., Смирнов О.І. 2018. Археологічні дослідження зольника № 2 Вікторівського святилища в 2017 р. В: Немченко І.В. (гол. ред.). *Стародавнє Причорномор'я* XII. Одеса: ОНУ ім. І.І. Мечникова, 70—77.
- Брашинский И.Б. 1961. Успехи керамической эпиграфики. *СА* 2, 293—306.
- Буйских А.В. 2008. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. Симферополь: БФ «Деметра» (МАИЭТ. Suppl. 5).
- Буйских С.Б. 2004. Святилища extra-urban эпохи грецької колонізації Нижнього Побужжя. *Археологія* 3, 3—14.
- Виноградов Ю.Г. 1972. Керамические клейма острова Фасос. *НиЭ* X, 3—63.
- Гаврилов А.В. 2011. *Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников)*. Донецк: Донбасс (Археологический альманах. № 24).
- Гарлан И. 2010. Последние достижения греческой керамической эпиграфики на Западе. *АМА* 14, 171—195.
- Граков Б.Н. 1955. Родосские клейма (IOSPE-III). Архив ИА РАН. Ф. Р-2. № 2151—2165.
- Граков Б.Н. 1955—1957а. Фасос. Клейма на ручках и горлах амфор (IOSPE-III). Архив ИА РАН. Ф. Р-2. № 2166—2168.
- Граков Б.Н. 1956-1957b. Синопа: Клейма на пифосах, ручках и горлах амфор, на черепицах (IOSPE-III). Архив ИА РАН. Ф. Р-2. № 2189—2198.
- Граков Б.Н. 1968. Заметки по греческой керамической эпиграфике. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, 100—107.
- Иващенко М.В. 2014. Керамические клейма из херсонесского «нимфеума». *Stratum plus* 6, 273—281.
- Иващенко М.В. 2015. К вопросу о хронологии аканфских амфорных клейм. В: Смыков Е.В. (отв. ред.). *Antiqvitas Ivventae*. Вып. 10. Саратов: Саратовский университет, 153—160.
- Иващенко М.В. 2017. Комплекс керамических клейм из засыпи балки под херсонесским театром. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. Т. 17. Вып. 1, 73—78.
- Кац В.И. 2002. Ревизия хронологии ранних керамических клейм Родоса. *АМА* 11, 153—167.
- Кац В.И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *БИ* XVIII.
- Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище: каталог*. Саратов: Саратовский университет.
- Колесников А.В. 1985. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка. *ВДИ* 2, 67—93.
- Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э.* Саратов: Саратовский университет.
- Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров—экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммериды; Саратовский университет.

- Монахов С.Ю. 2013а. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Экоинвест, 294—300.
- Монахов С.Ю. 2013б. Ещё одна находка аканфской амфоры и некоторые размышления о характере аканфского амфорного производства. *ДБ* 17, 258—268.
- Монахов С.Ю. 2015. Новые находки аканфских амфор и коррективы к их типологии и хронологии. *ПИФК* 3, 105—119.
- Придик Е.М. 1917. *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Петроград: РАН.
- Фатеев О.В. 2012. Новая группа средиземноморских амфорных клейм. В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции, г. Тирасполь, 16-19 октября 2012 г.* Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 178—182.
- Федосеев Н.Ф. 2014. Из истории Синопы. Керамический аспект. *Таврические студии. Исторические науки* 6, 90—97.
- Шкорпил В.В. 1902. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в г. Керчи. *ИИАК* 3, 122—165.
- Шкорпил В.В. 1904. Керамические надписи, приобретённые Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. *ИИАК* 11, 19—166.
- Штаерман Е.М. 1951. Керамические клейма Тире (В связи с вопросом о клеймах неизвестных центров). *КСИИМК XXXVI*, 31—49.
- Balkanska A., Tzochew Ch. 2008. Amphora stamps from Seuthopolis — Revised. In: Gergova D., Bozhkova A., Popov Ch., Kuzmanov M. (eds.). *Phosphorion. Studia in Honorem Mariae Čičikova*. Sofia: Академично издателство «проф. Марин Дринов», 188—205.
- Bon A.-M., Bon A. 1957. *Études thasiennes*. Vol. IV. *Les timbres amphoriques de Thassos*. Paris: Boccard.
- Conovici N. 1998. *Les timbres amphoriques*. Vol. 2. *Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucarest; Paris: Editura Enciclopedică; Diffusion de Boccard (Histria VIII. Corpus international des timbres amphoriques 3).
- Fedoseev N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores ansiennes en mer Noire*. Aix-en-Provence: Université de Provence, 27—40.
- Finkielsztejn G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ*. Oxford: Archaeopress.
- Garlan Y. 2004. Η αναγνώση των σφραγισμάτων αμφορέων εμε τροχοι από την Άκανθοί Το Αρχαιολογικό. *Έργο στη Μακεδονία και τη Θράκη* 18, 181—190.
- Garlan Y., Kara H. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et Catalogue*. Istanbul; Paris: Boccard (Varia Anatolica XVI; Corpus International des Timbres Amphoriques 10).
- Garlan Y. 2006. L'interprétation des timbres amphoriques «a la roue» d'Akanthos. *BCH* 130, 263—291.
- Grace V. 1974. Revision in Early Hellenistic Chronology. *AM* 89, 193—203.
- Lawall M.L., Lejpuskaja N.A., Diatropov P.D., Samojlova T.L. 2010. Transport amphoras. In: Lejpuskaja N.A., Bilde P.G., Højte J.M., Krapivina V.V., Kryžickij S.D. (eds.). *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD*. Vol. 1. Aarhus: Aarhus University Press, 355—406 (BSS 13).
- Tzochew Ch. 2016. Amphora Stamps from Thasos. *Athenian Agora XXXVII*.

References

- Amperer, Zh.I., Garlan, I. 1992. Grecheskie amfornye masterskie. In: Kac, V.I., Monahov, S.Yu. (eds.). *Grecheskie amfory: problemy razvitiya remesla i trgovli v antichnom mire (Greek Amphorae: Problems of Craft Development and Trade in the Ancient World)*. Saratov: “Saratovskiy universitet”, 8—31 (in Russian).
- Balkanska, A. 1984. Amfori i amforni pechat. In: Dimitrov, D.P., Chichikova, M., Balkanska, A., Ognenova-Marinova, L. *Sevtopolis (Bit i kultura) (Sevtopolis (Life and Culture))*. Vol. 1. Sofia: “Balgarska akademiya na naukite”, 115—158 (in Bulgarian).
- Bekker, P. 1863. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* V, 18—75 (in Russian).

- Bondarenko, D.V. 2018a. In: Smirnov, O.I. (ed.). *Forum Olbicum II: Pam'yatí V.V. Krapivínoi (do 150-richchya doslídzhén' Ol'vii) (Forum Olbicum II: In Memory of V.V. Krapivin (to the 150th Anniversary of Olbia's Research))*. Mikolaiv: "NDTS «Lukomor'e»", 93—96 (in Ukrainian).
- Bondarenko, D. 2018b. In *Kraeznavstvo (Local History)* 102(1), 135—142 (in Ukrainian).
- Bondarenko, D., Ivashchenko, M., Sinika, V. 2019. In *Revista Arheologică*. Vol. XV. Nr. 1, 103—109 (in Russian).
- Bondarenko, D.V., Smirnov, O.I. 2018. In: Nemchenko, I.V. (ed.). *Starodavne Prichornomor'ya (The Ancient Black Sea) XII*. Odessa: "ONU im. I.I. Mechnikova", 70—77 (in Ukrainian).
- Brashinskiy, I.B. 1961. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 293—306 (in Russian).
- Buyskikh, A.V. 2008. *Prostranstvennoye razvitiye Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (Spatial Development of Tauric Chersonesos in the Ancient Era)*. Simferopol: "BF «Demetra»" (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 5) (in Russian).
- Buyskikh, S.B. 2004. In *Arkheologiya (Archaeology)* 3, 3—14 (in Ukrainian).
- Vinogradov, Yu.G. 1972. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* X, 3—63 (in Russian).
- Gavrilov, A.V. 2011. *Amfornye kleyma okrugí antichnoy Feodosii (materialy k khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov) (Amphora Stamps of the District of Ancient Theodosia (Materials for the Chronology of Archaeological Sites))*. Donetsk: "Donbass" (Archaeological Almanac. No. 24) (in Russian).
- Garlan, I. 2010. In *Antichnyi mir i arkheologiya (The Ancient World and Archeology)* 14, 171—195 (in Russian).
- Grakov, B.N. 1955. Rodoskiye kleyma (IOSPE-III). Arkhiv IA RAN. F. R-2. № 2151—2165.
- Grakov, B.N. 1955—1957a. Fasos. Kleyma na ruchkakh i gorlakh amfor (IOSPE-III). Arkhiv IA RAN. F. R-2. No. 2166—2168.
- Grakov, B.N. 1956—1957b. Sinopa: Kleyma na pifosakh, ruchkakh i gorlakh amfor, na cherepitsakh (IOSPE-III). Arkhiv IA RAN. F. R-2. № 2189—2198.
- Grakov, B.N. 1968. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya (Antique History and Culture of the Mediterranean and Black Sea)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 100—107 (in Russian).
- Ivashchenko, M.V. 2014. In *Stratum plus* 6, 273—281 (in Russian).
- Ivashchenko, M.V. 2015. In: Smykov, Ye.V. (ed.). *Antiquitas Ivventae*. Iss. 10. Saratov: "Saratovskiy universitet", 153—160 (in Russian).
- Ivashchenko, M.V. 2017. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya (Proceeding of the Saratov University. New series. Series History. International relationships)*. Vol. 17. Iss. 1, 73—78 (in Russian).
- Kac, V.I. 2002. In *Antichnyi mir i arkheologiya (The Ancient World and Archeology)* 11, 153—167 (in Russian).
- Kac, V.I. 2007. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XVIII (in Russian).
- Kac, V.I. 2015. *Keramicheskiye kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i yeyo khora, Semibratneye gorodishche: catalog (Ceramic hallmarks of the Asian Bosporus. Gorgippia and its Choir, The Seven-Brothers Fortification: Catalogue)*. Saratov: "Saratovskiy universitet" (in Russian).
- Kolesnikov, A.V. 1985. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 2, 67—93 (in Russian).
- Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Kompleksy keramicheskoy tary VII—II vv. do n.e. (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Complexes of Ceramic Containers of the 7th — 2nd Centuries BCE)*. Saratov: "Saratovskiy universitet" (in Russian).
- Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushhih centrov-eksportorov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog—opredelitel' (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers: Identification Catalogue)*. Moscow: "Kimmerida" Publ.; Saratov: "Saratovskiy universitet" (in Russian).
- Monakhov, S.Yu. 2013a. In: Marchenko, I.I. (ed.). *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya (Sixth International Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Ekoinvest" Publ., 294—300 (in Russian).
- Monakhov, S.Yu. 2013b. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 17, 258—268 (in Russian).
- Monakhov, S.Yu. 2015. In *Problemy istorii, filologii i kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 3, 105—119 (in Russian).

- Pridik, Ye.M. 1917. *Inventarnyi katalog kleyim na amfornykh ruchkakh i gorlyshkakh i na cherepitsakh Ermitazhnogo sobraniya* (Inventory Catalogue of Stamps on Amphora Handles and Necks and on Shingles of the Hermitage Collection). Petrograd: "RAN" (in Russian).
- Fateyev, O.V. 2012. In: Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III—II vv. do n.e. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, g. Tiraspol', 16-19 oktyabrya 2012 g.* (Antiquities of the Northern Black Sea Region of the 3rd — 2nd Centuries BCE. Materials of the International Scientific Conference, Tiraspol, October 16-19, 2012). Tiraspol: "PGU im. T.G. Shevchenko", 178—182 (in Russian).
- Fedoseyev, N.F. 2014. In *Tavrisheskiye studii. Istoricheskiye nauki* (Tauride Studios. Historical Sciences) 6, 90—97 (in Russian).
- Shkorpil, V.V. 1902. In *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii* (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 3, 122—165 (in Russian).
- Shkorpil, V.V. 1904. In *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii* (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 11, 19—166 (in Russian).
- Shtaerman, E. M. 1951. In *Kratkie soobshheniya instituta istorii material'noj kul'tury* (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture) XXXVI, 31—49 (in Russian).
- Balkanska, A., Tzochov, Ch. 2008. Amphora stamps from Seuthopolis — Revised. In: Gergova, D., Bozhkova, A., Popov, Ch., Kuzmanov, M. (eds.). *Phosphorion. Studia in Honorem Mariae Čičikova*. Sofia: Akademichno izdatelstvo "prof. Marin Drinov", 188—205.
- Bon, A.-M., Bon, A. 1957. *Études thasiennes*. Vol. IV. *Les timbres amphoriques de Thassos*. Paris: "Boccard" Publ.
- Conovici, N. 1998. *Les timbres amphoriques*. Vol. 2. *Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucarest; Paris: "Editura Enciclopedică"; "Diffusion de Boccard" Publ. (Histria VIII. Corpus international des timbres amphoriques 3).
- Fedoseev, N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores ansienues en mer Noire*. Aix-en-Provence: "Université de Provence", 27—40.
- Finkielsztejn, G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ*. Oxford: "Archaeopress".
- Garlan, Y. 2004. Η αναγνώση των σφραγισμάτων αμφορέων εμε τροχοι από την Άκανθοί Το Αρχαιολογικό. *Εργο στη Μακεδονία και τη Θράκη* 18, 181—190.
- Garlan, Y., Kara, H. 2004. *Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et Catalogue*. Istanbul; Paris: "Boccard" Publ. (Varia Anatolica XVI; Corpus International des Timbres Amphoriques 10).
- Garlan, Y. 2006. L'interpretation des timbres amphoriques «a la roue» d'Akanthos. *BCH* 130, 263—291.
- Grace, V. 1974. Revision in Early Hellenistic Chronology. *AM* 89, 193—203.
- Lawall, M.L., Lejpunskaja, N.A., Diatroptov, P.D., Samojlova, T.L. 2010. Transport amphoras. In: Lejpunskaja, N.A., Bilde, P.G., Højte, J.M., Krapivina, V.V., Kryžickij, S.D. (eds.). *The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD*. Vol. 1. Aarhus: "Aarhus University Press", 355—406 (Black Sea Studies 13).
- Tzochov, Ch. 2016. Amphora Stamps from Thasos. *Athenian Agora* XXXVII.

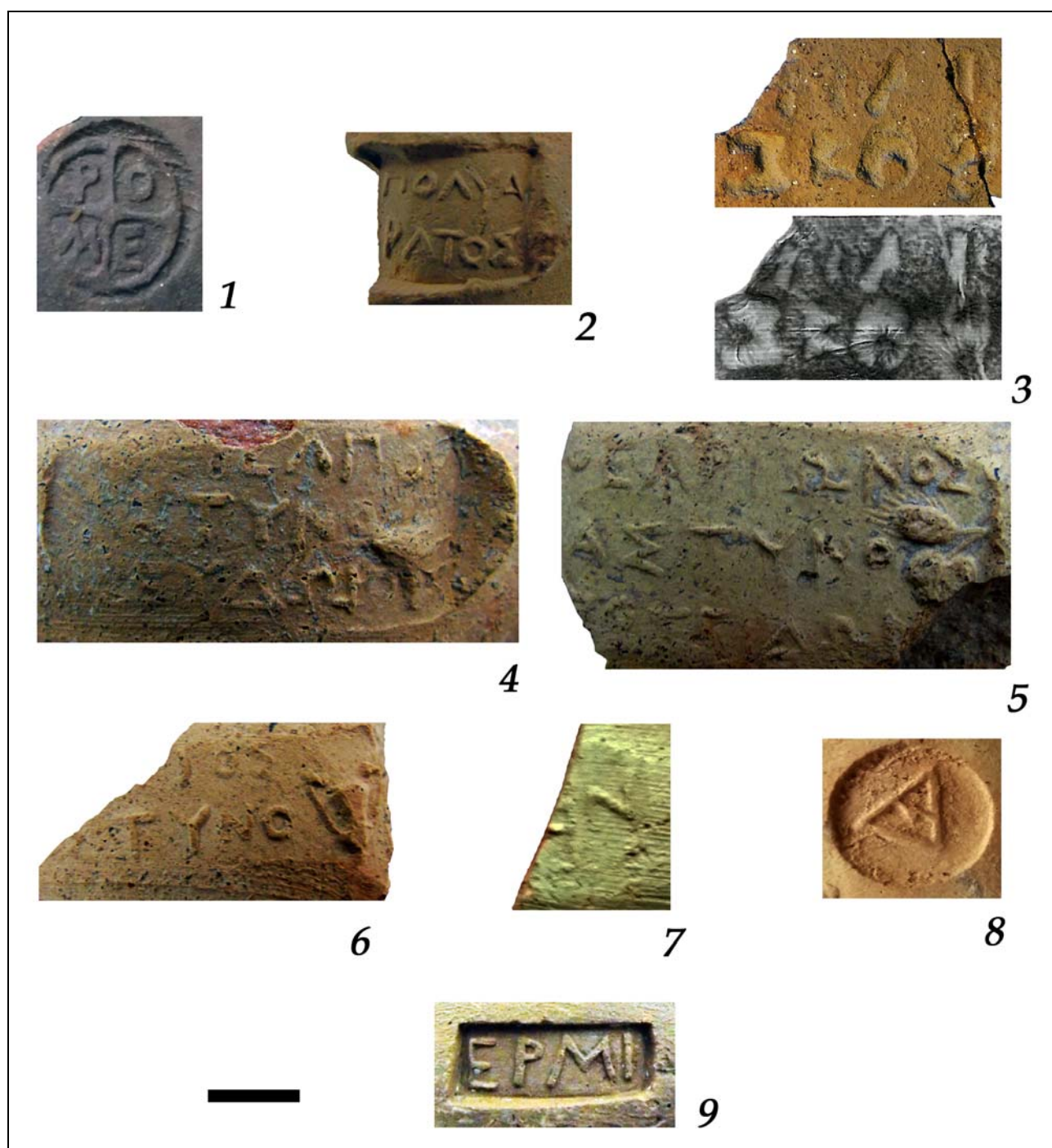

Рис. 1. Амфорные клейма из зольника № 2 с поселения Викторовка I (фотографии авторов).

Fig. 1. Amphora Stamps from the Cinder Heap No. 2 of the Viktorovka I Settlement (Photos by the Authors).

Рецензии и отзывы

Reviews

УДК 94(35); 930

DOI 10.24411/2713-2021-2019-00021

Н.Н. Болгов

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.:

**АРУТЮНЯН А.Ж. 2019. СТОЛИЦА ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ ТИГРАНАКЕРТ
В КОНТЕКСТЕ АРМЯНО-РИМСКО-БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (296—301 ГГ.).
РОСТОВ-НА-ДОНУ; ТАГАНРОГ: ЮФУ***

В рецензии анализируется новая монография ведущего антиковеда Республики Армения А.Ж. Арутюняна, прочно интегрированного в антиковедческое сообщество России. Она продолжает многолетние исследования автора в области исторической географии и межгосударственных отношений в древности в контексте истории Армении. В центре внимания книги находится ключевой момент древнеармянской истории — рубеж III—IV вв. А.Ж. Арутюнян связывает изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке с принятием христианства в Армении. Данный вывод является новым, важным и всесторонне обоснованным.

Ключевые слова: рецензия, Древняя Армения, международные отношения, Тигранакерт, Ближний Восток, Рим, Иран.

Сведения об авторе: Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета Белгородского государственного национально-исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

Контактная информация: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, Кафедра всеобщей истории Белгородского государственного национально-исследовательского университета («НИУ БелГУ»); e-mail: bolgov@bsu.edu.ru.

N.N. Bolgov

BOOK REVIEW:

**HARUTYUNYAN A.ZH. 2019. THE CAPITAL OF GREAT ARMENIA IS TIGRANAKERT
IN THE CONTEXT OF THE ARMENIAN-ROMAN-MIDDLE EASTERN INTERSTATE
RELATIONS (296—301). ROSTOV-ON-DON; TAGANROG: “SFU”**

The review analyzes the new monograph of A.Zh. Harutyunyan, firmly integrated into the Russian anti-history community. She continues the author's many years of research in the field of historical geography and interstate relations in antiquity in the context of the history of Armenia. At the center of attention of the book is a key moment in ancient Armenian history — the turn of the 3rd — 4th centuries. A.Zh. Harutyunyan connects the change in the geopolitical situation in the Middle East with the adoption of Christianity in Armenia. This conclusion is new, important and fully substantiated.

Key words: review, Ancient Armenia, international relations, Tigranakert, Middle East, Rome, Iran.

About the author: Bolgov Nikolai Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Historical and Philological Faculty of Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”).

Contact information: 308015, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya St.; Department of General History of the Belgorod State National Research University (“NRU BelSU”); e-mail: bolgov@bsu.edu.ru.

* Статья поступила в номер 12 декабря 2019 г.
Принята к печати 29 декабря 2019 г.

В тематике научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция» важное место занимает исследование пограничных пространств и территорий, история межкультурных и межцивилизационных контактов.

Одной из первых докторских диссертаций, защищенных в рамках этого направления, стала работа Акопа Жораевича Арутюняна, ведущего антиковеда Республики Армения, который также активно работает на научном пространстве России, а в 2015—2016 гг. являлся стажером кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ», завершив на ней работу над докторской диссертацией, выпустив монографию (Арутюнян 2015а) и успешно защитив диссертацию (Арутюнян 2016а).

Круг научных интересов ученого включает проблемы исторической географии региона (Арутюнян 2008) и картографии древней и раннесредневековой Армении, Восточного Средиземноморья и Малой Азии; военную историю древней Армении (Арутюнян 2009) в связи с историей античного мира (Римской империи) и Ранней Византии; систему дорог в Древней Армении (Арутюнян 2013).

Новая монография А.Ж. Арутюняна, опубликованная в издательстве Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) в 2019 г., посвящена двум магистральным темам его многолетних исследований. Во-первых, это историческая география Древней Армении, которой посвящена первая глава книги. Во-вторых, это межгосударственные отношения на стыке Запада и Востока первых веков н.э., в эпицентре которого оказалась Армения. Этой теме посвящены вторая и третья главы исследования.

В силу того, что основным источником по заявленной проблеме является Тигранакертская надпись, возникает необходимость специального рассмотрения вопроса о локализации этого города на основании всего комплекса имеющихся на данный момент источников. Специально отмечено, что точное местонахождение этого города на сегодняшний день не установлено, хотя в исторической науке существуют различные предложения по его локализации. Понимая, что окончательное решение по этому вопросу еще не возможно, А.Ж. Арутюнян склоняется к тому, чтобы определить местоположение Тигранакерта в области Алдзник (Арутюнян 2015: 292), к западу — юго-западу от озера Ван. Для такого вывода им были проанализированы не только письменные источники, но и нумизматика, а также очень подробно исследована историческая топография Древней Армении. Изучение Тигранакерта имеет определенную традицию в армянской историографии (Саркисян 1960 и др.), и А.Ж. Арутюнян ее успешно продолжает.

Вторая глава посвящена совсем небольшому — протяженностью всего в 5 лет (296—301 гг.) — этапу истории международных отношений на стыке Рима и Сасанидского Ирана, в эпицентре которого находилась Армения. Это было время очередной римско-персидской войны и Нисибинского мирного договора, приведшего к значительным территориальным изменениям. При этом верхней хронологической гранью является принятие христианства в Армении, что означало радикальную смену эпох в регионе.

В III в. внешнеполитическая ситуация для Армении радикально изменилась, что было связано с установлением власти Сасанидов на Востоке (Арутюнян 2015b; Арутюнян 2015c). А.Ж. Арутюнян детально разбирает, как менялись внешние и внутренние границы Армении в связи с политическими событиями, одним из важнейших в череде которых стало заключение Нисибинского договора 298 г.

А.Ж. Арутюнян обратился к исследованию сложных взаимоотношений двух крупнейших культурно-цивилизационных массивов (Восточное Средиземноморье и Иран), рассматривая их через призму изменения государственных границ Армении, а также внутреннего административно-территориального деления страны. Дав правильную оценку геополитической ситуации в отмеченном регионе, автор уверенно и непротиворечиво

связывает ее с динамикой внутренних административно-территориальных границ Армении, а также ее внешних границ по всему контуру. При этом особое внимание справедливо уделяется южному соседу Армении — Ирану, с которым исторические судьбы Армении переплелись особенно плотно.

Особое место в монографии занимает третья глава, представляющая собой скрупулезный анализ собственно основного источника по данной теме — Тигранакертской надписи, которая повествует о событиях 298—301 гг. Она датируется именно в указанном хронологическом промежутке (Арутюнян 2015а: 126—127), что в огромной мере повышает ее значение источника и историческую ценность. А.Ж. Арутюняном делается важный исторический вывод о том, что принятие христианства в Армении в данных геополитических условиях было очень важным и единственно верным шагом, который должен был, помимо внутренних причин и предпосылок, стать важным фактором общеисторического плана.

Такой вывод в значительной мере расширяет исторический контекст принятия христианства в Армении — как известно, это был первый, древнейший акт такого рода среди существующих ныне государств. Помимо провиденциального подхода, привлечение внешнеполитического контекста является важным новым словом в объяснении причин этого важнейшего события в позднеантичной истории.

Помимо основного текста, монография сопровождается приложениями в виде карт, иллюстраций и памятного очерка к юбилею Г.Х. Саркисяна — крупнейшего антиковеда Армении, ученика И.М. Дьяконова, К.М. Колобовой, М.Е. Сергеенко, исследователя Тигранакерта (Саркисян 1960) и учителя самого А.Ж. Арутюняна.

Рецензируемая монография А.Ж. Арутюняна в целом вносит значительный вклад в разработку проблем геополитики позднеантичного мира в канун принятия Арменией христианства.

Книга логически и хронологически продолжает предыдущую монографию А.Ж. Арутюняна (Арутюнян 2015), посвященную геополитической роли Армении между державами Восточного Средиземноморья и Ирана. Она стоит у истоков переходного между античностью и средневековьем периода, который называется в Средиземноморье позднеантичным и включает в себя также эпоху Юстиниана, блестяще изученную в отношении Армении Н. Адонцем (Адонц 1971).

В новой монографии важное место заняли наработки А.Ж. Арутюняна в области изучения «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц»). Ученый, основываясь на трудах предшественников, в первую очередь, российских специалистов по исторической географии, смог воссоздать основные контуры исторической географии изучаемого им региона. С другой стороны, этот важный памятник был актуализирован для российского антиковедения, востоковедения, византологии. А.Ж. Арутюняном опубликовано полтора десятка статей по «Ашхарацуйц»-у, из которых следует, в первую очередь, отметить (Арутюнян 2012а; 2016b), изучено описание стран и регионов.

В новой монографии, как и в предыдущих работах, ощущается фундаментальная источниковедческая подготовка А.Ж. Арутюняна, основанная на рассмотрении сведений Страбона, Птолемея и Плиния Старшего по исторической географии Великой Армении; им освоен огромный пласт древнеармянской исторической литературы (Агатангелос, Егише, Фавстос Бюзанд, Мовсес Хоренаци, Себеос и др.) был вписан в российское источниковедение античной и ранневизантийской истории (Арутюнян 2010).

Данная работа стала не просто плодом многолетнего труда, но и открыла ряд новых путей и горизонтов в отечественном антиковедении. Так, впервые была представлена геополитическая роль Армении в системе древних цивилизаций как территории между культурами Средиземноморья и Ирана; впервые была прослежена общая динамика внешних

границ Армении вплоть до позднеармянского времени; проанализирована картографическая традиция относительно Древней Армении, исследована динамика границ Древней Армении и ее отдельных исторических областей.

А.Ж. Арутюнян в своих научных исследованиях прочно связан с российским антиковедением, его основные работы выходят преимущественно в России. Рецензируемая монография становится в этот ряд и, несомненно, внесет заметный вклад в дальнейшую разработку актуальных проблем международных отношений вокруг Армении в позднеантичный период.

Целый ряд статей ученого опубликован в Армении, Беларуси, Украине, Казахстане, Австрии, Ливане. Тем самым, ученый выходит на международный уровень своих исследований. Хочется выразить уверенность в том, что успешная многогранная научная работа А.Ж. Арутюняна в ближайшие годы найдет дальнейшее развитие.

Литература

- Адонц Н. 1971. *Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя*. Ереван: ЕГУ.
- Арутюнян А.Ж. 2008. Гекатей Милетский как основоположник науки исторической географии. В: Дворниченко А.Ю. (ред.). *Мавродинские чтения. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 402—405.
- Арутюнян А.Ж. 2009. Арташес I и основание древнеармянской профессиональной армии. *ВДИ* 2, 129—137.
- Арутюнян А.Ж. 2010. Историческая память и языческие божества в творчестве Мовсеса Хоренаци. *История и историческая память* 2, 206—213.
- Арутюнян А.Ж. 2012. Политическая карта Восточного Средиземноморья согласно сведениям «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц»). *НВБелГУ*. № 1. Вып. 21, 5—11.
- Арутюнян А.Ж. 2013. «Царская дорога» Дария I и Армения. *Древности* 12, 30—36.
- Арутюнян А.Ж. 2015а. *Армения, государства Восточного Средиземноморья и Иран (189 г. до н.э. — 298 г. н.э.)*. Ростов-на-Дону: ЮФУ.
- Арутюнян А.Ж. 2015b. Римско-сасанидский «самый позорный» договор 244 г. и Аршакидская Армения. *Иресиона. Античный мир и его наследие* 4, 139—145.
- Арутюнян А.Ж. 2015с. События 260 г. в комментариях Требеллия Поллиона (Иран, Рим, Армения). В: Дударев С.Л. (отв. ред.). *III Сиротенковские чтения: материалы Международной научной конференции*. Армавир: РИО АГПУ, 47—51.
- Арутюнян А.Ж. 2016а. *Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н.э. — III в.): динамика межгосударственных границ и административно-территориального деления*: дисс. ... д-ра ист. наук. Белгород.
- Арутюнян А.Ж. 2016b. Остров Кипр согласно данным «Ашхарацуйц»-а. В: Грацианский М.В., Кузенков П.В. (ред.). *Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. Белгород, 20-23 апреля 2016 г.* Москва; Белгород: Эпицентр, 5—6.
- Саркисян Г.Х. 1960. *Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин*. Москва: Наука.

References

- Adonts, N. 1971. *Armeniya v epokhu Yustiniana. Politicheskoye sostoyaniye na osnove nakhararskogo stroya. (Armenia in the Era of Justinian. Political Status based on the Naharar System)* Yerevan: "YeGU" (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2008. In: Dvornichenko, A.Yu. (ed.). *Mavrodinskiye chteniya. Peterburgskaya istoricheskaya shkola i rossiyskaya istoricheskaya nauka: diskussionnyye voprosy istorii, istoriografii, istochnikovedeniya (Mavrodinsky Readings. Petersburg Historical School and Russian Historical*

- Science: Debatable Issues of History, Historiography, Source Study*). Saint Petersburg: "SPbGU", 402—405 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2009. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 129—137 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2010. In *Istoriya i istoricheskaya pamyat' (History and historical memory)* 2, 206—213 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2012. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific reports of Belgorod State University)*. No. 1. Iss. 21, 5—11 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2013. In *Drevnosti (Antiquities)* 12, 30—36 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2015a. *Armeniya, gosudarstva Vostochnogo Sredizemnomor'ya i Iran (189 g. do n.e. — 298 g. n.e.) (Armenia, Eastern Mediterranean States and Iran (189 BCE — 298 CE))*. Rostov-on-Don: "YuFU" (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2015b. In *Iresiona. Antichniy mir i yego naslediye (Iresiona. Ancient World and its Heritage)* 4, 139—145 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2015c. In: Dudarev, S.L. (ed.). *III Sirotentkovskiye chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (3rd Sirotentkov Peadings: Proceedings of the International Scientific Conference)*. Armavir: "RIO AGPU", 47—51 (in Russian).
- Harutyunyan, A.Zh. 2016a. Ancient Armenia between the Eastern Mediterranean and Iran (2nd Century BCE — 3rd Century): dynamics of interstate borders and administrative-territorial division. Dr. habil. Thesis. Belgorod.
- Harutyunyan, A.Zh. 2016b. In: Graziansky, M.V., Kuzenkov, P.V. (eds.). *Imperiya romeyev vo vremeni i prostranstve: tsentr i periferiya. Tezisy dokladov XXI Vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov. Belgorod, 20-23 aprelya 2016 g. (Empire of the Romans in Time and Space: Center and Periphery. Abstracts of the 21th All-Russian Scientific Session of the Byzantinists. Belgorod, April 20-23, 2016)*. Moscow; Belgorod: "Epicenter", 5—6 (in Russian).
- Sargsyan, G.Kh. 1960. *Tigranakert. Iz istorii drevnearmyanskikh gorodskikh obshchin (Tigranakert. From the history of ancient Armenian city communities)*. Moscow: "Science" Publ. (in Russian).

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БИ	— Боспорские исследования. Керчь; Симферополь.
БИАС	— Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.
БФ	— Боспорский феномен. Санкт-Петербург.
ВВ	— Византийский временник. Москва.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ГАРК	— Государственный архив Автономной Республики Крым. Симферополь.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации.
ГДЛ	— Герменевтика древнерусской литературы. Москва.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗООИД	— Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Одесса.
ИА РАН	— Институт истории материальной культуры РАН.
ИИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
ИОЛЕАЭ	— Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Москва.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
КБН	— Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград: Наука.
КСАН	— Корпус случайных археологических находок. Москва.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград.
КХНБ	— Корпус христианских надписей Боспора.
ЛРАН	— Летопись Российской академии наук. Санкт-Петербург.

МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижний Новгород.
МАИЭТ	— Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь; Керчь.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК РАН	— Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук.
НВБелГУ	— Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород.
НиЭ	— Нумизматика и Эпиграфика. Москва.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ПИГАК	— Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск.
ППС	— Православный палестинский сборник. Санкт-Петербург.
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи. Санкт-Петербург.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. Ленинград; Москва; Санкт-Петербург.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская академия наук.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.
РУДН	— Российский университет дружбы народов.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГНХВ	— Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. Санкт-Петербург.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург.
ЦГААРК	— Центральный государственный архив Автономной Республики Крым.
ЭСБЕ	— Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург.
AM	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. Berlin.
ANRW	— Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York.

BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
BCH	— Bulletin de Correspondance Hellénique. Atenes.
BJ	— Bonner Jahrbücher. Bonn.
BSS	— Black Sea Studies. Aarhus.
CAH	— The Cambridge Ancient History.
CCCHBulg.	— Coin Collections and Coin Hoards from Bulgaria. Sofia; Veliko Tarnovo.
CSEL	— Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vindobonae.
IOSPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Saint Petersburg.
JRMES	— Journal of Roman Military Equipment Studies. Pewsey.
JRS	— Journal of Roman Studies. Cambridge.
KN	— Kwartalnik Naukowy. Kraków.
ND	— Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum.
PL	— Patrologia Latina. Paris.
PLRE	— Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge.
PWRE	— Paulus Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
RIC	— The Roman Imperial Coinage. London.
RN	— Revue numismatique. Paris.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- УДК;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»),
сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутствуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет-ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5: 7—9).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов (выделяются курсивом), год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована (отделяется от названия работы двойной косой чертой). Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. <i>Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья</i> . Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. <i>Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir</i> . Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). <i>Очерки по истории христианского Херсонеса</i> . Т. 1. Вып. 1. <i>Херсонес Христианский</i> . Санкт-Петербург: Алетей, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. <i>Medailles Grecques. Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum</i> . Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). <i>АДСВ</i> 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. <i>Dialogues d'histoire ancienne</i> 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. <i>Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.)</i> : дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. <i>Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века)</i> : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Ссылки на интернет-страницы	При оформлении ссылок на материалы из интернета нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015).

При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

Запрещается воспроизведение (полное или частичное) опубликованных в МАИАСП статей без предварительного письменного согласия Издателя, за исключением случаев, когда воспроизведение имеет форму цитирования. При цитировании указание источника публикации обязательно.

МАИАСП. № 11 (2019)

Археология, история, нумизматика, сфрагистика и
эпиграфика.
2019. — 664 стр.

Подписано к печати 24.01.2019

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.

Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный
округ – Югра, 628602, Россия

Формат 60×84½. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 11.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный
округ – Югра, 628602, Россия

MAIASP. No. 11 (2019)

Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and
Epigraphy.
2019. — 664 pp.

Endorsed for print January 24, 2019.

Cimmeria Publishing,
“MAIASP” Journal:

Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area –
Yugra, 628602, Russia

Format 60×84½. Font “Times”.
Internet journal. Order No. 11.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area –
Yugra, 628602, Russia

